

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

РЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ

ART. МАТВЕЕВ
БОР. ГОЛОВИНЫ
ГОЛОВИНЫ
ИМПЕРАТРИЦА
ЕКАТЕРИНА ПЕРВАЯ
ИМПЕРАТРИЦА
ИОАННОВНА
ИМПЕРАТОР
АЛЕКСАНДР ПЕРВЫЙ
ИМПЕРАТОР
НИКОЛАЕВИЧ
ИМПЕРАТОР
АЛЕКСАНДР ВТОРОЙ
ИМПЕРАТОР
АЛЕКСАНДР ТРЕТИЙ
ИМПЕРАТОР
НИКОЛАЕВИЧ
ИМПЕРАТОР
АЛЕКСАНДР ЧЕТВЕРТЫЙ
ИМПЕРАТОР
НИКОЛАЕВИЧ
ИМПЕРАТОР
АЛЕКСАНДР ПЕРВЫЙ
ИМПЕРАТОР
НИКОЛАЕВИЧ
ИМПЕРАТОР
АЛЕКСАНДР ТРЕТИЙ
ИМПЕРАТОР
АЛЕКСАНДР ЧЕТВЕРТЫЙ
ИМПЕРАТОР
НИКОЛАЕВИЧ
ИМПЕРАТОР
АЛЕКСАНДР ПЕРВЫЙ
ИМПЕРАТОР
НИКОЛАЕВИЧ
ИМПЕРАТОР
АЛЕКСАНДР ТРЕТИЙ
ИМПЕРАТОР
АЛЕКСАНДР ЧЕТВЕРТЫЙ
ИМПЕРАТОР
НИКОЛАЕВИЧ

Ф. ВЛАКОВ
СУМАРКОВ
КОКОРИНОВ
БОРТНЯНСК
ДЕРЖАВИН
КУЛИБИН
ГОД. КУТУЗОВ
ТАТИЩЕВ
ШЛЕЦЕР
ГЕРАРД
МИЛЛЕР
ИЩЕРБАТОВ
БОЛТИН
ВИЗИН
РАДИЩЕВ

СПЕРАНСКИЙ
КАРАМЗИН
МОРДВИНОВ
КРЫЛОВ
ЕРМОЛОВ
ГРИБОЕДОВ
ПУШКИН

ИМПЕРАТОР
НИКОЛАЕВИЧ
ИМПЕРАТОР
АЛЕКСАНДР ПЕРВЫЙ
ИМПЕРАТОР
НИКОЛАЕВИЧ
ИМПЕРАТОР
АЛЕКСАНДР ТРЕТИЙ
ИМПЕРАТОР
АЛЕКСАНДР ЧЕТВЕРТЫЙ
ИМПЕРАТОР
НИКОЛАЕВИЧ
ИМПЕРАТОР
АЛЕКСАНДР ПЕРВЫЙ
ИМПЕРАТОР
НИКОЛАЕВИЧ
ИМПЕРАТОР
АЛЕКСАНДР ТРЕТИЙ
ИМПЕРАТОР
АЛЕКСАНДР ЧЕТВЕРТЫЙ
ИМПЕРАТОР
НИКОЛАЕВИЧ

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1912.

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО ВЪ 1753 Г.

РИС. К. БРУЖЪ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

ОСНОВАННОЕ 1-го января 1870 г.

1912.

ОКТАБРЬ. — НОЯБРЬ. — ДЕКАБРЬ.

СОРОКЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. т-ва п. ф. «Электро-тип. Н. Я. Стойковой». Знаменская, 27.
1912.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XLIII-й.

ОКТАБРЬ.

1912 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Статьи, подлежащія напечатанію въ будущемъ году	I	нынѣ даннымъ). П. Столпянскаго.	87—92
II. Н. Г. Чернышевскій. (Паброски по неиздан. матеріаламъ). А. А. Лебедева.	1—11	XI. Изъ воспоминаній стараго врача А. А. Синицына. Сообщ. П. Д. Романовъ.	93—107
III. Сто лѣтъ назадъ. Письма П. И. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ. С. О. Долгова.	12—16	XII. Барнлай-де-Толли и Отечественная война 1812 года. Ф. В.—па.	108—135
IV. Встрѣчи и столкновенія. (А. Д. Градовскій, Робертъ Моль, С. Н. Терпигоревъ). Р. И. Сементковскаго.	17—28	XIII. Великій Князь Николай Михаловичъ. Императоръ Александръ I. (Опытъ историческаго изслѣдованія). В. Т.	136—151
V. Въ долині Дуная въ 1877 г. Г. И. Бобрикова.	29—35	XIV. Изъ воспоминаній о плаваніи на крейсеръ „Африка“. В. Руднева.	152—219
VI. Воспоминанія объ отцѣ Іоаннѣ Кронштадтскомъ. Сообщ. В. Полевая.	36—42	XV. Изъ записной книжки „Русской Старины“:	
VII. Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи. Е. А. Альбовскаго.	43—49	а) Секретное предписаніе Начальнику 1-й арміи ген. Цвилленеву. Сообщ. В. П. Федоровъ.	50
VIII. Депутатъ отъ Россіи. (Воспоминанія и переплетка Ольги Алексѣевны Попковой). Сообщено Е. С. М.	51—64	б) Изъ архива Императорской первой Казанской гимназіи. Сообщ. В. Д. Корсакова.	220
IX. Бытовые очерки прошлаго. (По архивнымъ документамъ). П. С. Бѣляева.	65—56	XVI. Библиографическій листокъ (на оберткѣ).	
X. Исторія одного словаря. (По неизданнымъ архив-		XVII. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 8 по 15 сентября 1911 г. (на оберткѣ).	

Приложенія: Портретъ А. П. Ермолова и карта сраженія подъ Смоленскомъ 5 августа 1812 г.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1912 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудн. Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Т-ва и. ф. „Электро-Тип. Н. Я. Стойковой“. Знаменская, 27.

1912.

Х-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го октября 1912 года.

Библиотека „Руниверс“

Библиографическій листокъ.

Д. В. Философовъ. Старое и новое. Сборникъ статей по вопросамъ искусства и литературы. Изд. т-ва И. Д. Сытина. Ц. 1 р. 25 к.

Второй сборникъ статей автора, имя котораго часто встрѣчается въ нѣкоторыхъ периодическихъ изданіяхъ, заключаетъ въ себѣ такое же разнообразное содержаніе, какъ и первый. Съ большимъ вкусомъ и пониманіемъ разбираетъ Д. В. Философовъ творчество нынѣшнихъ писателей, а также дѣдовъ и отцовъ русской литературы. Широкое образованіе даетъ ему возможность дѣлать краснвыя и выразительныя сравненія и экскурсы въ разныя области знанія, а высокой культурный уровень спасаетъ отъ несносныхъ ошибокъ иныхъ литературныхъ критиковъ, касающихся живописнаго и музыкальнаго искусства. За Философовымъ ошибокъ не числятся, но иногда самыя глубокіе вопросы, которые онъ любитъ и умѣетъ затрагивать, кажутся лишь намѣченными и не получившими развитія. Слѣдуетъ поблагодарить автора за талантливую передачу тонкихъ и свѣжихъ мыслей въ изящномъ и доступномъ изложеніи, чѣмъ способствуется ознакомленіе большого круга читателей со взглядами п темами малоизвѣстными. Обращаемъ вниманіе читающихъ „Русскую Старину“ на статьи: „Смерть Пушкина“, „Сосѣдъ Пушкина по селу Михайловскому“, „С. Т. Аксаковъ“ и „Самобытность Русскаго зодчества“.

В. Я.

В. Н. Гартевельдъ. 1812 годъ въ пѣсняхъ. К—во К. И. Тихомирова. Москва. 1912. Ц. 50 к.

Мысль дать собраніе пѣсень, относящихся къ двѣнадцатому году, весьма удачна. Авторъ собиралъ и записывалъ по источникамъ, находящимся въ Императорск. Публичн. Библиотекѣ, въ Румянцевскомъ музеѣ, въ музеѣ Кюлини въ Парижѣ, въ Архивѣ французской Академіи и по частнымъ преданіямъ; всего собрано имъ 33 русскихъ и французскихъ пѣснь. Настоящее собраніе имѣетъ лишь тексты, музыкальный же матеріалъ изданъ отдѣльно. Соглашаясь съ собирателемъ, что „въ пѣсняхъ минувшаго для насъ ярче, чѣмъ гдѣ-либо, отражаются п дни минувшіе“, слѣдуетъ однако замѣтить, что немногое изъ напечатаннаго имъ представляетъ собою образецъ непосредственнаго и устнаго народнаго творчества, значительная же часть приближается къ тому типу „городскихъ“ пѣсень, какой мы встрѣчаемъ въ „пѣсенникахъ“, т. е. произведенія отдѣльныхъ, исторически извѣстныхъ лицъ, передѣлки, переводы (много солдатскихъ, навѣянныхъ знакомствомъ съ городскою литературою). Отношеніе же простого деревенскаго народа къ великимъ событіямъ выражено очень мало. Надо думать, что дальнѣйшія изслѣдованія въ этой области дадутъ нѣчто болѣе значительное и минувшее отразится въ пѣсняхъ ярче. Собиратель приложилъ къ каждой пѣсенкѣ комментарий о ея происхожденіи.

В. Я.

А. Баювъ, ордин. проф. Имп. Николаевской Воен. Академіи. Значеніе В. О. Ключевского для русской военно-исторической науки.

Разсматривая для упомянутой въ заглавіи цѣли труды покойнаго ученаго, г. Баювъ дѣлитъ ихъ на двѣ категоріи: къ первой относить тѣ, которые непосредственно даютъ матеріалъ для военнаго историка, а ко второй—тѣ, которые способствуютъ лишь освѣщенію и пониманію военнымъ историкомъ опредѣленной эпохи. Къ первой категоріи онъ относитъ слѣдующія сочиненія К.: 1) Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ, 2) Боярская дума древней Руси, 3) Западное вліяніе въ Россіи XVII вѣка, 4) Курсъ русской исторіи п отчасти 5) Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи; ко второй категоріи—остальные сочиненія. Но и въ первой категоріи авторъ видитъ двѣ не одинаковыя съ разсматриваемой точки зрѣнія части, придавая каждой изъ нихъ самостоятельное значеніе: къ первой относится „курсъ“, ко второй все остальные сочиненія первой категоріи. Авторъ замѣтки въ общихъ чертахъ указываетъ на тогъ богатый матеріалъ, который имѣется въ перечисленныхъ работахъ историка. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что исторія русско-военнаго права и искусства безъ К. отнынѣ существовать не могутъ, ибо создатель новой школы въ общей наукѣ русской исторіи кореннымъ образомъ повліялъ на все, что исходитъ отъ этой науки, какъ ея отвѣтленіе, и слова, сказанныя о Петрѣ, вполне примѣнны къ нашему знаменитому ученому: „на что ни взгляни, все его началомъ имѣетъ“.

В. Я.

Толстовскій музей. Томъ I.—Переписка Л. П. Толстого съ гр. А. А. Толстой. 1857—1903. Изданіе Общества Толстовскаго музея. Слб. 1911.

Двуродная тетка великаго писателя, графиня Александра Андреевна Толстая (1817—1904 г.г.), всю свою жизнь провела при дворѣ въ званіи фрейлины. Она много лѣтъ состояла при великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ и принимала близкое участіе въ воспитаніи ея дочерей, потомъ была воспитательницей великой княжны Маріи Александровны, дочери Императора Александра Николаевича. Императоръ Александръ III любилъ и уважалъ эту прекрасную и почтенную женщину, какъ любилъ и уважали ее все, кто ее зналъ. Племянникъ сблизился съ нею въ пятидесятыхъ годахъ, и до самой смерти тетки,

Алексѣй Петровичъ
Ермоловъ.

Статьи, подлежащія напечатанію въ будущемъ году

въ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

Вступая въ 1913 году въ сорокъ четвертый годъ своего существованія, „Русская Старина“ предполагаетъ напечатать въ будущемъ году слѣдующія статьи: **А. Ф. Коки.**—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебного дѣятеля“. „Житейскія встрѣчи“. Воспоминанія **П. Д. Боборыкина**. **Е. С. Шумигорскаго.**—„Родители Великаго Князя Павла Петровича“. „1800 годъ“. **Н. А. Вилламова.**—Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. **В. К. Случевского.**—„Борьба съ антихристомъ у Тирасполя“. **Г. И. Бобрікова.**—Воспоминанія, касающіяся дѣятельности автора въ Румыніи, въ дѣйствующей арміи, въ Сербіи, въ Берлинѣ на конгрессѣ, въ Константинополѣ послѣ войны. **А. Александрова.**—Неизданныя письма **Ф. М. Достоевскаго**. **В. А. Алексѣева.**—Два неизданныхъ стихотворенія Некрасова. **Кн. М. В. Волконской.**—„Памяти М. А. Балакирева“—„за 38 лѣтъ“. **Е. Фридерикса.**—Мое знакомство съ семьей Вьлинскаго. **Р. И. Сементковскаго.**—Встрѣчи и столкновения. **А. А. Половцовой.**—Записки **А. А. Половцева** (касаются графа Киселева, М. И. Муравьева, Г. А. Валуева и Д. П. Влудова). **М. И. Грекова.**—„Атака лейбъ-казаковъ въ бою подъ Лейпцигомъ, по разсказу участника боя“. **К. Владиславлевъ.**—Очерки изъ боевой жизни Владивостокской эскадры: „На развѣдку“.—„Набѣгъ“.—„На призовомъ пароходѣ“.—„Въ бою“.—„Послѣ боя“. **В. Лайминга.**—Женатая рота. **Е. А. Рагозиной.**—Воспоминанія. **Елисаветы Шаховой.**—„Въ началѣ жизни и на порогѣ вѣчности“. **А. И. Сергѣева.**—Изъ быта духовенства „Павель Конюкевичъ, митрополитъ Сибирскій“. „Дѣло по прошенію іеромонаха Іосифа“. **Е. К. Андреевскаго.**—Наброски портретовъ: **В. К. Плеве**, **Д. С. Сипягинъ**, **И. Н. Дурново**, **В. А. Шванебахъ**, **М. Д. Скобелевъ**, **кн. А. К. Имеретинскій**, **Ф. А. Радецкій**, **Н. Г. Столѣтовъ**, **Г. В. Гурко**, **К. В. Левицкій**, **А. А. Непокойчицкій**, **А. Р. Дренгельсъ**. **Баронесса Елизавета Менгенъ.**—Изъ дневника внучки. **М. А. Сафонова.**—„За рѣшеткой“. **П. А. Соколова.**—„Межевой“. **Н. И. Морозова.**—Люди и нравы за полвѣка (Митрополитъ Филаретъ, гр. М. И. Муравьевъ, кн. Юр. Голицынъ, кн. Урусовъ и др.). **В. Г. Смородинова.**—Время службъ моей въ Варшавскомъ учебномъ округѣ. **В. С. Маркова.**—Изъ воспоминаній о бѣломъ генералѣ. **Е. В. Коршъ.**—Далекое прошлое. **Н. А. Любимова.**—Изъ жизни инженера путей сообщенія: между прочимъ, будутъ помѣщены воспоминанія о Тургеневѣ, Достоевскомъ, Вышнеградскомъ, Витте, крушеніе Императорскаго поѣзда близъ ст. Борки, Сибирская желѣзная дорога, 1805 годъ и др. **В. А. Алексѣева.**—Письма **Н. П. Ломакіна** генералу **А. А. Бакулину**. **Е. К. Вейденбаума.**—Присяга Ермолова Императору Николаю I-му. **Ф. М. Ильинскаго.**—Московскій митрополитъ Пронтій. Изъ бумагъ **А. К. Попова.**—Моро на службѣ въ русскихъ войскахъ. **Е. А. Альбовскаго.**—Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи. **М. В. Безобразовой.**—Дневникъ академика **В. П. Безобразова**. **В. В. Шереметевскаго.**—Басурманская неволя. Сообщ. **Е. С. М.**—Депутатъ отъ Россіи. Воспоминаніе и перепіска **О. А. Новиковой**. **И. И. Онноре.**—11 лѣтъ въ театрѣ. **Е. К. Андриашевой.**—Воспоминанія стараго педагога. **Г. А. Данилова.**—Сибирская дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 гг. Воспоминанія **Веселовскаго**, **Леваковскаго**, **Виноградскаго**, **Скворцова** и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой, за границу 11 руб.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 коп. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛЪ
„РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

**„Стенографическій Отчетъ Портъ-
 Артурскаго процесса“.**

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, официально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось приобрести всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленовой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. „Русская Старина“ (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

„Новаго Времени“, Невскій, 40;

„Т-ва М. О. Вольфъ“, Гостиный дв., 18. и Невскій, 13.

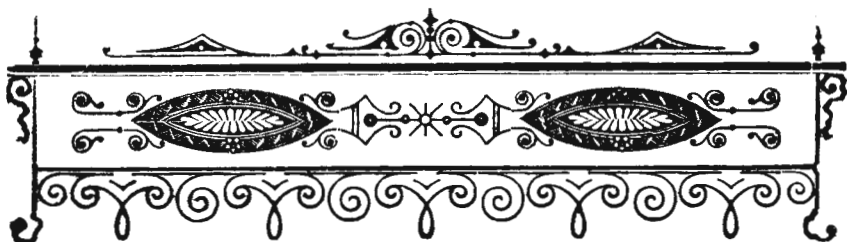
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по проверкѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи каждаго выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографическій отчетъ“, платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Николай Гавриловичъ Чернышевскій¹⁾.

(Наброски по неизданнымъ матеріаламъ).

VIII. Смерть отца.

Между тѣмъ, болѣзнь отца Н. Г.—ча съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе усиливалась. Докторъ Минкевичъ, хорошій знакомый Николая Гавриловича и Костомарова, постоянно слѣдившій за болѣзнию Г. И., извѣщалъ сына о положеніи больного, который по-прежнему продолжалъ заниматься дѣлами. Только тогда, когда Гаврииль Ивановичъ замѣтилъ, что на него сталъ вредно дѣйствовать крѣпкій чай,—онъ замѣнилъ его болѣе жидкимъ.

Въ 1895 г. сынъ пріѣхалъ въ Саратовъ къ отцу, чтобы доставить ему утѣшеніе въ болѣзни, принявшей опасный характеръ. Здѣсь Н. Г. прожилъ около полутора мѣсяца. Съ весны 1861 г. болѣзнь Г. И., какъ извѣщалъ Минкевичъ, принимала все болѣе и болѣе угрожающій характеръ. Г. И. съ трудомъ поднимался по лѣстницѣ, дыханіе иногда замедлялось, припадки сердцебіенія дѣлались все чаще и чаще. „Въ груди что-то не ладно,—должно быть, водянка со мной будетъ“, говорилъ Гаврииль Ивановичъ. Между тѣмъ, онъ работалъ по-прежнему неутомимо. Усиленные занятія, продолжавшіяся далеко за полночь, много вредили его здоровью, но больной и слышать не хотѣлъ совѣтовъ прекратить занятія.

Болѣзнь отца очень беспокоила Николая Гавриловича, и, вотъ,

¹⁾ См. „Русская Старина“ май 1912 г.

онъ обращается за совѣтомъ къ петербургскому доктору С. П. Боткину, который заочно прописалъ рецептъ и посовѣтовалъ сдѣлать лѣкарство для больного. Н. Г. по почтѣ прислалъ отцу и рецептъ, и лѣкарство. Послѣ нѣсколькихъ пріемовъ, лѣкарство оказало хорошее дѣйствіе на Г. И. „Какіе плохіе здѣшніе доктора“, говорилъ онъ короткимъ знакомымъ, „сколько я ни принималъ лѣкарствъ, прописанныхъ мнѣ ими, я ни разу не чувствовалъ облегченія; между тѣмъ, послѣ нѣсколькихъ пріемовъ лѣкарства Боткина, чувствую себя гораздо лучше“. Г. И. сообщилъ объ этомъ сыну, а тотъ—Боткину, который отвѣтилъ ему. „Если больной чувствуетъ себя хорошо послѣ пріема лѣкарства, то, значитъ, положеніе—безнадежное: онъ недолго проживетъ“. Этотъ отвѣтъ заставилъ Николая Гавриловича отправиться въ Саратовъ, на свиданіе съ отцомъ, у котораго онъ намѣревался пробыть мѣсяца полтора, но дѣла „Современника“ вынудили его уѣхать въ Петербургъ раньше, чѣмъ онъ предполагалъ. Никогда Н. Г. не разставался съ отцомъ такимъ грустнымъ, какъ въ этотъ разъ: онъ очень плакалъ, но никому не сказалъ о мнѣніи Боткина на счетъ болѣзни Г. И.

Послѣ его отъѣзда обнаружилось слѣдующее обстоятельство.

Когда Н. Г. пріѣзжалъ въ Саратовъ, то на другой день былъ у Г. И—ча по какому-то дѣлу полицеймейстеръ Познякъ. Познакомившись съ Н. Г., онъ высказалъ ему, что сынъ Позняка—большой почитатель его таланта—очень бы желалъ познакомиться съ Николаемъ Гавриловичемъ. Послѣ этого Познякъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ къ Чернышевскимъ. Когда же онъ узналъ о времени отъѣзда Н. Г. въ Петербургъ, то попросилъ взять съ собою и сына, такъ какъ имъ надо было ѣхать на одномъ и томъ же пароходѣ. Каково же было удивленіе Позняка, когда, пріѣхавъ къ Чернышевскимъ, онъ узналъ, что Н. Г. уже уѣхалъ изъ Саратова. О причинѣ участившихся пріѣздовъ полицеймейстера узналъ только Н. Д. Пыпинъ, и, при томъ совершенно случайно, отъ одного чиновника, служившаго въ канцеляріи губернатора. Оказалось, что передъ пріѣздомъ Н. Г—ча въ Саратовъ, губернаторъ получилъ конфиденціальное предписаніе, по которому было велѣно слѣдить за Чернышевскимъ и не давать ему заграничнаго паспорта.

Отецъ Н. Г—ча, по примѣру Скопина, имѣлъ обыкновеніе два, а иногда три раза, исповѣдываться въ году. Въ этотъ годъ, за недѣлю до Казанской, онъ пригласилъ къ себѣ духовника протоіерея И. И. Позднева, у котораго и исповѣдался. Послѣ совершенія таинства, Г. И. сказалъ: „Моя совѣсть теперь спокойна; я спокоенъ и потому, что мой сынъ—человѣкъ вѣрующій. Слава Богу! Теперь я готовъ идти на судъ Божій!“. 22 октября Г. И. былъ приглашенъ

на престольный праздникъ въ Казанскую церковь служить вмѣстѣ съ архіереемъ. Ключарь Полянскій былъ въ отсутствіи, и Гавріилъ Ивановичъ исправлялъ за обѣдной его обязанности.

Надо знать, что нравы въ тогдашнемъ духовенствѣ были очень суровы, ключарь, слѣдившій за архіерейскимъ богослуженіемъ, сопровождалъ обычно свои распоряженія бранью, рѣзкими приказаніями, а иногда—пинками, щелчками и толчками; но Г. И. толково и мягко распоряжался всѣмъ, такъ что духовенство никогда такъ спокойно не служило, какъ тогда, и, потому, радовалось отсутствію Полянскаго. Священникъ Казанской церкви, Федоровскій, по окончаніи службы, пригласилъ къ себѣ на пирогъ всѣхъ служившихъ, вмѣстѣ съ архіереемъ.

Домой пріѣхалъ Гавріилъ Ивановичъ довольный, веселый и очень оживленный. Вечеромъ онъ много работалъ: писалъ особое мнѣніе для архіерея и рапортъ, или, какъ тогда говорили, „репортъ“. На другой день, утромъ онъ отказался отъ чая, предложеннаго Пыпиными, такъ какъ намѣревался отстоять обѣдню въ новомъ соборѣ, на Іакова, брата Господня; сказалъ, что служить самъ не будетъ. Отдавъ приказаніе заложить лошадь, Г. И. сталъ читать бумаги, присланныя ему изъ консисторіи, какъ благочинному.

„Николай Дмитріевичъ! Александра Егоровна! Пожалуйте сюда: я вамъ прочитаю указъ. Какъ теперь распространяется образованіе! Даже дѣтей арестантскихъ, и то учатъ. А въ наше-то время, когда мы учились, очень мало было даже умѣющихъ читать!“ проговорилъ онъ. Послѣ того сталъ читать указъ Саратовской консисторіи священнику тюремнаго замка, Терновскому; вдругъ голосъ его оборвался, голова склонилась въ кресло. Когда Пыпины подошли къ нему,—Г. И. былъ уже мертвъ. Велѣли кучеру ѣхать за докторомъ Минкевичемъ, но почти около самаго дома попадается другой докторъ, Козловскій; ему оставалось только констатировать смерть. Пріѣхалъ Минкевичъ, сдѣлалъ проколы на обѣихъ рукахъ: изъ ранки одной руки выступило нѣсколько капель крови, а изъ другой—ничего.

Дѣлать было нечего. Стали готовить тѣло къ погребенію. Когда его обмывали,—на многихъ частяхъ тѣла увидѣли пластырь.

Внезапная смерть любимаго пастыря, въ связи съ ходившими по городу слухами о наблюденіи за Николаемъ Гавриловичемъ, такъ поразила саратовцевъ, что молва причиною смерти Г. И. выставила сына. На самомъ дѣлѣ, Гавріилъ Ивановичъ умеръ 22 октября 1861 г., а арестъ Н. Г. былъ 7 іюля 1862 г. На похоронахъ было народу такъ много, что переполнился не только

весь Новый соборъ, гдѣ происходило отпѣваніе, но даже и соборная площадь была полна народомъ.

О смерти Гавриила Ивановича послали телеграмму родственнику Чернышевскихъ, Терсинскому, который и передалъ Николаю Гавриловичу о печальномъ событіи.

IX. Ссылка.

Событія шли. Слухи объ арестѣ Чернышевскаго, уже давно ходившіе въ обществѣ, стали переходить въ дѣйствительность. Объ этомъ происшествіи сохранился рассказъ самой Ольги Софратовны.

Зная, что Николая Гавриловича арестуютъ, она не измѣняла своего образа жизни и по-прежнему часто бывала въ театрѣ.

„Ты, вѣроятно, голубушка, меня не любишь, когда такъ дѣлаешь“, сказалъ какъ-то Н. Г.

— Я тебя не только теперь, но и никогда не любила, отвѣтила ему въ тонъ Ольга Софратовна. „Послѣ ареста про меня говорили, что я нисколько не горевала. Да, я уже привыкла къ горю: два года собирались его арестовать. Конечно, никто мнѣ не повѣритъ, что я уѣзжала изъ театра домой, чтобы выплакаться, а затѣмъ опять занимала мѣсто въ театрѣ. Но кому какое дѣло до нашей жизни? Любила ли я его, или нѣтъ,—объ этомъ знаемъ только онъ да я.—Я знала это (т. е., неизбежность ареста) и примирилась со своимъ положеніемъ. Зная, что его арестуютъ, Н. Г. отправилъ меня изъ Петербурга съ дѣтьми въ Саратовъ, чтобы дѣти не перепугались“.

Николая Гавриловича взяли изъ дома Эсаулова. Впослѣдствіи О. С. ѣздила въ Сибирь къ своему мужу. Поѣздка была ужасная: приходилось ѣхать съ жандармомъ, который былъ почти всегда пьянъ. Только сильная любовь могла заставить Ольгу Софратовну совершать такое путешествіе ¹⁾.

Саратовцы не могли понять, за что арестовали Николая Гавриловича. Всѣ знавшіе его отзывались о Чернышевскомъ самымъ лестнымъ образомъ: „Никогда мы не знали такой высокой нравственности человѣка, какъ Николай Гавриловичъ. Никого онъ не обижалъ, не оскорблялъ, никому никогда не навязывалъ своихъ убѣжденій. Если онъ излагалъ свои мысли въ романѣ „Что дѣлать?“, то этимъ онъ какъ бы оправдывалъ и защищалъ Ольгу Софратовну“.

¹⁾ Сообщение мнѣ Г. Г. Дыбова, лично знакомаго съ О. С. Чернышевской.

Такъ говорили саратовцы. Духовные и свѣскіе, знавшіе Гавріила Ивановича и Николая Гавриловича, не вѣрили уже совершившемуся факту. Когда же окончательно стало извѣстно, что ссылка—фактъ, не подлежащій сомнѣнію, то саратовцы объяснили это событіе по-своему: они нисколько не осуждали, а оправдывали Н. Г. Типичнымъ выразителемъ такого мнѣнія былъ дьяконъ Сергіевской церкви, Я. О. Подольскій, знавшій Николая Гавриловича съ семилѣтняго возраста. Теперь дьяконъ уже отошелъ въ вѣчность, но многіе саратовцы девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія помнили его рассказы о Чернышевскомъ. Рассказъ этотъ, прекрасно характеризующій отца и сына Чернышевскихъ, передается со словъ И. Н. Виноградова, который дополнял иногда свѣдѣнія Подольскаго.

„Прочиталъ я газету,—диву дался, самъ читаю и перечитываю ее нѣсколько разъ и не вѣрю этому. Ночи не сплю,—точно родной сынъ; стану забываться, а Н. Г. и представится мнѣ въ кандалахъ, смиренный, ласковый да веселый. И сны страшные такъ и лѣзутъ въ голову. Сколько ни ломалъ голову, а не могу понять, какъ сіе произошло. Куда ни придешь,—спрашиваютъ: вѣрно ли, что Н. Г. сосланъ въ Сибирь? Говорю и утверждаю, но самъ не вѣрю. Вамъ нельзя знать того, какъ Николай Гавриловичъ воспитывался, а я по дѣламъ службы чаще другихъ бывалъ въ домѣ Гавріила Ивановича, и знаю и отца, и сына. Нашъ другой священникъ, Я. Я. Снѣжницкій, скажу по совѣсти, прекрасный человекъ и даже болѣе снисходительный, чѣмъ Г. И., но я не имѣю такихъ чувствъ къ нему, какъ къ Г. И. И съ нимъ служишь не съ такимъ рвеніемъ и благоговѣніемъ, съ какимъ служишь съ Гавріиломъ Ивановичемъ.

Добрый былъ человекъ! Примѣрной жизни былъ человекъ! Даже накажетъ не со злобою. Помните причетниковъ Леопольдова и Протасова? Вышли они гдѣ-то,—мало показалось; въ трактиръ пошли. „Тамъ можно“, говорятъ, „послушать музыку“. И напились же они тамъ! А пьяному, вѣдь, и море—по колѣно, и, ну, дебоширить! Перебили стекла, отколотили половыхъ. Ихъ, голубчиковъ, и отправили въ часть. Узнали жены ихъ,—подняли вой,—знали онѣ, что имъ не одобровать: ихъ исключили бы изъ духовнаго званія и отдали бы подъ судъ,—и (отправились) къ о. протоіерею. „Не погубите“, просятъ онѣ за мужей, „ваше высокоблагословеніе, ради дѣтей“!

— „Хорошо“, говоритъ онъ, и отпустилъ, обнадеживъ ихъ.

Пріѣхалъ къ Г. И. полицеймейстеръ, рассказалъ о нихъ. „Какъ хотіте поступить съ ними“, говоритъ ему полицеймейстеръ.

Гавріиль Ивановичъ отвѣчаетъ: „Прошу васъ, не давайте хода этому дѣлу“.

— „Извольте“, говоритъ онъ, „какъ хотите, такъ и сдѣлаю“.

Уважало его все начальство. Г. И. и говоритъ ему: „Я раздѣляюсь съ ними самъ своимъ судомъ“.

И раздѣлялся, да какъ! Приходятъ Леопольдовъ и Протасовъ къ нему,—и бухъ ему въ ноги: „Помилуйте“, говорятъ, „ваше высокоблагословеніе“!

— „Вставайте“, говоритъ Г. И., „я—не Богъ: просите у Него прощенія“. И началъ говорить имъ, да усовѣщевать ихъ. Не дрался онъ, но тутъ дураковъ наказать было нужно. Скажетъ да оттаскаетъ ихъ за косы. „Духовенство“, говоритъ, „должно быть свѣтильникомъ для міра, а вы только черните духовенство... Заставили меня взяться не за свое дѣло“. Оттаскалъ, а послѣ того вынулъ изъ кармана свою гребенку и говоритъ: „На, причешись! Это—затѣмъ, чтобы не всклокочены были волосы“. Любилъ порядокъ во всемъ.

Послѣ-то Леопольдовъ и говоритъ мнѣ: „знаешь что, о. дьяконъ? Въ училищѣ насъ, бывало, пороли,—о-охъ! Какъ больно! Розогъ по пятидесяти, по сту, бывало, всыпятъ или оттреплютъ за волосы. Послѣ того, бывало, больно озлишься на учителя, такъ бы и отколотилъ его. А Гавріиль Ивановичъ, нельзя сказать, чтобы сильно трепалъ, а, вѣдь, для сердца-то больнѣе было,—и не чувствуешь къ нему никакой злобы: знаешь, что онъ отъ бѣды тебя избавилъ. А какъ станешь пить водку, такъ и вспомнишь, какъ Г. И. трепалъ за волосы: пьешь, да остерегаешься, какъ бы не напиться“.

Покойный протоіерей Вязовскій,—дай Богъ царство ему небесное,—любилъ повеселиться: и въ карточки поиграть, и выпить, хотя и немного, и пристанетъ, бывало, къ нему: „Пойдемъ“, говоритъ, „Гавріиль Ивановичъ, ко мнѣ: у меня гости будутъ“ (Они говорили другъ другу *ты*: родственниками приходились; кромѣ того, Вязовскій и крестилъ, и вѣнчалъ Николая Гавриловича).

— „Некогда“, скажетъ ему Г. И., „у меня дѣло есть“, и не пойдетъ, какъ тотъ ни упрашиваетъ.

— „Дѣло“, говоритъ Вязовскій, „не медвѣдь: въ лѣсъ не уйдетъ, успѣешь сдѣлать“.

— „У насъ“, говоритъ Г. И., „въ консисторіи, все возможно: и въ лѣсъ уйдетъ“.

Рѣдко, рѣдко бывало, Вязовскій да заташитъ къ себѣ Гавріила Ивановича,—такъ раза три, два въ годъ. Въ карты поиграетъ, а до водки и не дотрогивался. Въ гости—некогда, а отъ работы никогда не отказывался. Всѣ преосвященные давали ему дѣла для рѣшенія и совѣтовались съ нимъ. Трудное какое дѣло,—къ нему; никто не знаетъ, какъ сдѣлать, а онъ сдѣлаетъ. Все зналъ, все видѣлъ, какъ и что сдѣлано. Благоразумный человекъ, да прозор-

ливый. Увидитъ человѣка, и скажетъ, какъ онъ жить будетъ. „Такой-то долго прослужитъ“, скажетъ, „а такой-то—недолго“. Впередъ узнавалъ, что случится съ человѣкомъ. Скажешь, бывало, „такой-то чиновникъ получилъ хорошее мѣсто, и все начальство его уважаетъ и къ награждѣ представило“. А Гавріилъ Ивановичъ въ отвѣтъ: „Ну, этотъ недолго усидитъ на мѣстѣ“. И точно, смотришь, черезъ два, три года и слетѣлъ съ мѣста. А о другомъ скажутъ: „Не пойдетъ далеко“. Гавріилъ Ивановичъ выскажетъ и свое мнѣніе: „Этотъ надъ своими начальниками начальникомъ будетъ“,—и сбывалось. За это и уважали его всѣ преосвященные. Когда онъ ѣздилъ съ преосвященнымъ въ Пензу, то послѣ-то преосвященный смѣялся: „Тебя, Гавріилъ Ивановичъ, приняли лучше меня; смотри, какъ они обрадовались тебѣ!“ Преосвященный Афанасій имѣлъ обыкновеніе, если ему что-нибудь не понравится, называть дуракомъ. Это у него вошло въ привычку. Изъ всѣхъ священниковъ Саратовской епархіи только Чернышевскаго да Вязовскаго не называлъ дураками. Особенное уваженіе питалъ къ нимъ. Другіе бы уваженіемъ преосвященныхъ воспользовались. Знаете сами, какія состоянія нажили себѣ другіе члены консисторіи, и дома-то у нихъ—настоящіе дворцы, у господъ такихъ домовъ нѣтъ. У Гавріила Ивановича—ничего. Жена-то его, покойница, во всю-то жизнь на похороны себѣ скопила триста рублей, а онъ и того не скопилъ. Гдѣ ему скопить? Увидитъ бѣднаго причетника или дьякона, и дастъ ему. На похороны онъ оставилъ 280 руб., и то—изъ четырехсотъ рублей, которые ему прислалъ сынъ. Другой бы на его мѣстѣ что нажилъ себѣ, страсть! Губернаторы,—и тѣ благодарности брали! У откупщиковъ прямо выводилось въ расходъ: губернатору — столько-то; другимъ — столько-то, и никто не считалъ это за взятки, а за благодарность и уваженіе къ властямъ. Время такое было. Бывало, кто пріѣдетъ изъ села,—дастъ всѣмъ консисторскимъ, и думаетъ, что и Гавріила Ивановича ублажить можно.

Перешелъ изъ села въ Саратовъ священникъ П.,—хорошій человѣкъ былъ Г. И. и посоветовалъ преосвященному перевести его сюда. П. въ благодарность за это и пришли Гавріилу Ивановичу головку сахару, а послѣ того и самъ пришелъ благодарить его. Принялъ его Г. И. ласково, поговорилъ съ нимъ, а какъ П. сталъ уходить отъ него, Г. И. и говоритъ ему: „У меня головка сахару есть: это—вашимъ дѣтямъ“. Тотъ было не хотѣлъ брать, а Г. И. такъ посмотрѣлъ на него, что П. со стыдомъ взялъ, да и понесъ домой.

„Другу и недругу закажу носить что Гавріилу Ивановичу“, го-

ворилъ онъ потомъ. Некорыстный человекъ былъ. Настоящій безсребренникъ!

Гдѣ храмовой праздникъ,—туда Гавріила Ивановича приглашаютъ служить и всенощную и обѣдню. Другимъ даютъ по пятишной, а ему—полфунтика чаю,—за всю ту службу. Теперь простой священникъ не пойдетъ служить дешевле трехъ рублей, а онъ—ничего, благодарить, и скажетъ: „Зачѣмъ это вы мнѣ даете?“. А преосвященнымъ за службу тогда рясы подносили.

И не было ему *равнаго* человека, съ кѣмъ бы онъ могъ по душѣ поговорить.

И простой же человекъ былъ! Нынѣшніе протопопы-то какъ франтятъ: въ енотовыхъ шубахъ ходятъ, а Г. И.,—и ученый былъ, и великаго ума, да и то на бѣлицемъ мѣху рясу-то носилъ. Не на что хорошую шубу-то купить.

Въ то время всѣмъ поперекъ горла сталъ Поповъ, секретарь консисторіи. Взятку бывало возьметъ, да и проситъ Г. И.—ча написать бумагу. Г. И. и говорить, что это—не такъ, другое—не такъ, третье — не этакъ. Тотъ, бывало, сказывали консисторскіе-то, подождетъ хвостъ и пойдетъ, не солоно хлебавши, и сердится на Г. И. „Мѣшаетъ“, говорить, „дѣло дѣлать“. А какое дѣло? Взятку взялъ, а Г. И. и видитъ это (отъ него не укроешься), да и велитъ рѣшить дѣло по совѣсти, да по справедливости. Не вѣрили, чтобы онъ приношеній не бралъ. Іезуитомъ называли его, и хитрымъ, и тихоней-то. Онъ изъ-подъ тишки ловить шишки. Стали шептать преосвященному Іакову, что онъ взятки беретъ, да больно умѣетъ концы въ воду прятать, а недавно-то съ Кабанова взялъ большія деньги. Повѣрилъ было такому наговору преосвященный, да велѣлъ негласное дознаніе произвести. И осрамилъ же себя!

А дѣло было такъ. Приходитъ къ Г. И. одна женщина и говорить ему: „Кабановъ многихъ обратилъ въ поморскую секту, и меня принуждаютъ перейти въ расколъ. Завтра хотятъ и крестить“. Ей не хотѣлось переходить въ другую вѣру. Г. И. спросилъ все и поѣхалъ къ полицеймейстеру. Емельянову. Хорошій человекъ былъ Емельяновъ и съ Гавріиломъ Ивановичемъ знакомъ былъ домами. Г. И. и говорить Емельянову: „Прошу васъ, исполнить мою просьбу“.

— „Извольте“, говоритъ Емельяновъ, „съ большимъ удовольствіемъ“.

— „Назначьте мнѣ пристава съ солдатами въ мое распоряженіе“.

— „Извольте, но зачѣмъ это вамъ, Г. И.“

— „Нужно“, отвѣчаетъ онъ.

— „Отчего же вы не скажете?“

Такъ и не сказалъ ему Г. И., какъ тотъ ни приставалъ къ нему.

На другой день полицеймейстеръ прислалъ къ Г. И. пристава съ полицейскими. Г. И. рассказалъ ему, зачѣмъ пригласилъ его. „Сегодня“, говоритъ, „въ одиннадцать часовъ утра въ саду Кабанова должно происходить крещеніе женщины. Такъ я хочу изловить раскольниковъ на мѣстѣ преступленія. Можно ли?“

— „Понятыхъ нужно“, отвѣчаетъ ему приставъ, „я схожу въ часть и сдѣлаю распоряженіе“.

А Гавріилъ Ивановичъ пригласилъ ужь понятыхъ: нѣсколько мѣщанъ и купцовъ изъ своего прихода, да велѣлъ прійти двумъ иподьяконамъ съ двумя дьячками. Такъ и не пустилъ пристава въ часть. Зналъ онъ, что раскольники для полицейскихъ—самая доходная статья, и подумалъ, что приставъ намѣревался извѣстить хозяина сада, Кабанова, завятаго раскольника. Теперь этого сада и слѣду нѣтъ, а тогда тамъ (да и по всему берегу Волги, отъ Бабушкина взвоза до Краснаго Креста, тянулись сады) былъ большой садъ ¹⁾, съ плодовыми деревьями, а по краямъ сада росъ виноградъ. Въ срединѣ сада находился прудъ; по одну сторону пруда, къ Волгѣ была большая моельня съ нѣсколькими кельями, въ которыхъ жили раскольничьи начетчицы со своими воспитанницами.

Когда пришли къ саду, Г. И. съ полицейскими сталъ у воротъ, а иподьяконы съ понятыми и дьячками со стороны Волги перепрыгнули черезъ заборъ и спрятались въ виноградникѣ. Приставъ потребовалъ отпереть ворота. Отворили, и вошли всѣ. Въ это время изъ моельни къ пруду выходила процессія: женщина, что приходила къ Гавріилу Ивановичу, и двѣнадцать дѣвокъ были одѣты въ бѣлыя сорочки, у каждой въ рукѣ—по свѣчкѣ. И попь съ причтомъ шелъ съ ними. Всѣхъ раскольниковъ накрыли и забрали. Приставъ составилъ актъ, и моельню закрыли.

Умно и ловко сдѣлано было. И рассказали правду преосвященному Іакову. Больно любилъ преосвященный тѣхъ, что ловили раскольниковъ. Какъ услышитъ что о раскольникахъ,—сейчасъ—бумагу полиціи,—изловить, дескать, раскольниковъ. Ухъ, какъ преслѣдовалъ раскольниковъ! Іаковъ тогда и наградилъ Гавріила Ивановича за это. Доносъ-то на него и вышелъ не въ поношеніе или осужденіе, а въ прославленіе Г. И.

---

¹⁾ Въ настоящее время на этомъ мѣстѣ находится домъ Рейнеке и его паровая мельница со многими пристройками.

Прежде дьячковъ да дьяконовъ каждый годъ экзаменовали благочинные, знаютъ ли они катихизисъ и богослуженіе. Г. И., бывало, и назначалъ имъ являться для экзаменовъ въ среду, четвергъ, пятницу и субботу. Онъ зналъ, что въ это время нашъ братъ неумѣренно предается водкопитію. Но какъ явиться къ благочинному въ пьяномъ видѣ на экзаменъ? Поневоля не пьютъ, а Г. И. заставитъ и на другой день явиться. Иной разъ явится какой-нибудь дьячокъ, выпивши, а Г. И. объясняетъ ему изъ закона Божія или заставитъ подождать, а у него и хмель пройдетъ. Вотъ, какъ заботился о духовенствѣ.

Гавріиль Ивановичъ женился на Евгеніи Егоровнѣ, когда ей было четырнадцать лѣтъ, и два года жилъ съ нею, какъ съ сестрой, а не какъ съ женой: онъ и не касался ея. А когда ложился съ нею спать, то всегда принаравливалъ передъ банею, чтобы послѣ того быть чистымъ.

Нынѣ вездѣ все облагорожено, а прежде, бывало, начальство обругаетъ тебя, а ты долженъ благодарить его. Но Г. И. и прежде обращеніе имѣлъ благородное.

Г. И. много лѣтъ былъ благочиннымъ; много всякихъ бывало людей у него подъ начальствомъ, но никогда онъ не обидѣлъ никого ни словомъ, ни дѣломъ. Всѣ были довольны имъ, и благодарили его.

Примѣрной, безукоризненной жизни былъ человѣкъ. И подражать-то ему нельзя. Рай на землѣ былъ бы, если бы всѣ такъ себя держали. Обращеніе со всѣми—отеческое. Всѣ шли къ нему за совѣтомъ, какъ къ отцу родному,—свободно: правы, или неправы, и открывали ему всю правду, безъ утайки. Всѣмъ дасть совѣтъ и наставленіе, какъ и что сдѣлать; и скажетъ такъ хорошо, что сдѣлаешь поневоля. „Если бы я такъ сдѣлалъ, то я бы на вашемъ мѣстѣ сдѣлалъ, вотъ, что“,—обычно совѣтовалъ онъ приходящимъ къ нему.

Великой учености былъ человѣкъ. Всѣхъ семинарскихъ профессоровъ за поясъ заткнетъ. Разъ преосвященный сказалъ монаху Моисею (Миртовскому, — ученый человѣкъ былъ): „Амвросій Медиоланскій назвалъ Цицерона смердящимъ псомъ за одно то, что Цицеронъ допустилъ такое выраженіе: „если іудейскій народъ считается народомъ презрѣннымъ, то и Богъ ихъ достоинъ презрѣнія“. „Откуда бы узнать, гдѣ отыскать это мѣсто у Цицерона“?

— „Въ семинаріи—нѣтъ; только у Гавріила Ивановича можно найти всѣхъ классиковъ“, отвѣчалъ Миртовскій. И точно, только у него и нашли.

Про Г. И. и жену его справедливо говорили, что два ангела соединились. Мать его (т. е., Николая Гавриловича) была умна, тиха и скромна; кромѣ того,—богомольная женщина ¹⁾.

И, вотъ, теперь сына Г. И. сослали въ Сибирь! Сынъ-то, вѣдь, какой былъ! Это—поразительное дѣло! злые люди могли только устроить эту ссылку.

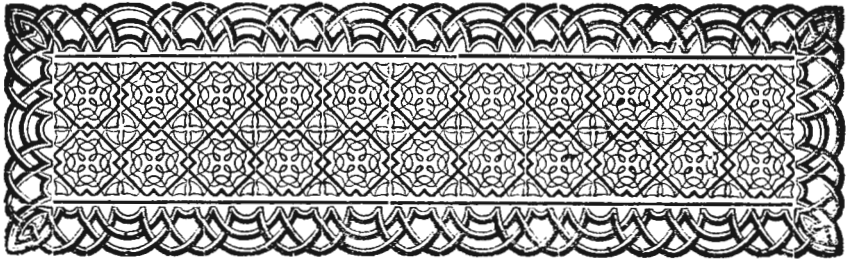
А. А. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Части разсказа въ бумагахъ Ф. В. Духовникова нѣтъ.

Сто лѣтъ назадъ.

Письма И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ ¹⁾.

69.

С.-Петербургъ. Октября 15 1812 г. Вторникъ.

удя по-человѣчески, взятіе Москвы остается загадкою. Посмотримъ, что-то теперь выйдетъ изъ толь великой жертвы.

До сихъ поръ реляціи не обнаруживаютъ намъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ. Бѣда, ежели вырвется злодѣй изъ Московской губерніи цѣлымъ. Тутъ долженствуетъ быть ему могила со всею его сволочью, иначе найдетъ еще онъ много средствъ вредить и еще болѣе разорять насъ, и не можно предвидѣть даже, чѣмъ настоящая война кончится. Зачѣмъ не берутъ примѣра съ героя Витгенштейна, идущаго по стезямъ безсмертнаго Суворова? Онъ опять покрылъ себя новою славою. Послѣ двухдневнаго кровопролитнѣйшаго сраженія взялъ онъ Полоцкъ. Вчерась побѣду сію праздновали здѣсь пушечными выстрѣлами. Его произвели въ полные генералы.

Говорятъ, что по переходѣ черезъ Двину, онъ будетъ стараться пробираться къ Витебску, дабы тамъ перерѣзать коммуникаціонную линію непріятели на Смоленскъ.

О Чичаговѣ и Тормасовѣ вы должны знать прежде нашего, ибо

¹⁾ См. „Русская Старина“, сентябрь 1912 г.

донесенія ихъ отправляются къ Главнокомандующему всѣми арміями въ коего гаупт-квартирѣ, думаю, вы теперь находитесь при графѣ.

Много говорили прежде о шведской экспедиціи; но теперь все замолкло, и я не знаю даже, гдѣ она находится и что намѣрена предпринять.

До сихъ поръ у насъ опасности никакой не предвидится; однакоже не менѣе того всѣ мѣры предосторожности на предбудущее время не упускаются. Драгоцѣнности и архивы отправлены уже большею частью отсюда.

Ожидаемъ отъ Правительства послѣ перваго объявленія другаго, которое должно насъ успокоить или заставить помышлять о заблаговременномъ спасеніи: отъ чего да избавитъ насъ милосердый Богъ.

Господи! падаю на колѣни. Сейчасъ услышалъ пушечные выстрѣлы. Спрашиваю, выбѣжавъ на дворъ въ тулушѣ: что это значитъ? Кричитъ въ отвѣтъ бѣгущій по двору почтальонъ: „Москва взята: французовъ побито множество“. Поздравляю васъ, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, съ сею радостію, отъ которой плачу, какъ дитя, и ей! ей! не въ состояніи продолжать моего маранья.

70.

С.-Петербургъ. Октября 18. 1812 г. Пятница.

Fama crescit eundo. Много насаказали намъ до напечатанія реляціи о потерѣ непріятельской 6-го числа, когда Беннигсенъ напалъ на войска подъ предводительствомъ Мюрата; и самое занятіе Москвы вышло на дѣлѣ совсѣмъ не таковымъ, какъ прежде порадовали насъ слухи. Не менѣе того здѣсь два дня праздновали оба сіи событія пушечными выстрѣлами и освѣщеніемъ всего города, а 16-го Государь съ обѣими Императрицами, великими князьями и вел. княжною изволилъ даже быть при многочисленномъ стеченіи народа въ Казанскомъ соборѣ для принесенія Господу Богу благодаренія по сему случаю. Князю Кутузову пожалована въ тотъ день шпага съ алмазами, на которой находится лавровая вѣтвь. Барону Беннигсену алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго и сто тысячъ деньгами, а всѣмъ нижнимъ чинамъ, бывшимъ въ дѣлѣ, по 5-ти рублей. О дальнѣйшихъ наградахъ мнѣ неизвѣстно; вѣроятно, что и другіе отличившіеся генералы и офицеры за эти дѣла что-нибудь получили или получаютъ. Хорошо, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, прогонять страшныхъ враговъ, но еще бы лучше было, когда бъ ихъ большая армія была побита, по примѣру гр. Витгенштейна. Отъ него есть новая реляція отъ 14-го октября. Онъ гонитъ непріятеля до Глубокаго, бьетъ его, беретъ въ плѣнъ, отбилъ

уже 70 фуръ, съ артиллерійскими снарядами, 6 пушекъ 2 гаубицы, и 24 знамя, которыя везли французы на повозкахъ. Ему содѣйствовалъ во взятіи сихъ трофеевъ гр. Штейнгейль. Число плѣнныхъ до отправления реляціи простиралось до 800.

Болѣе я ничего важнаго не знаю. Все въ ожиданіи рѣшительнаго сраженія. Когда-то оно послѣдуетъ.

71.

С.-Петербургъ. Октября 22. 1812 г.

Жду отъ моего безцѣннаго Александра Яковлевича съ величайшимъ нетерпѣніемъ извѣстій. Отсюда ничего не могу болѣе сказать о военныхъ дѣйствіяхъ за Сѣв. Почтою. Медленность главныхъ нашихъ силъ для насъ непонятна. За что даютъ оправляться злодѣю? Изъ самыхъ реляцій уже видно, что къ нему идутъ курсы по Смоленской дорогѣ. Давно бы начать драться! Такъ по крайней мѣрѣ большая часть русскихъ думаетъ. Будемъ смотрѣть, но не спокойно, ежели дадутъ врагу отретироваться въ Вѣлоруссію.

О шведахъ говорятъ теперь, что они въ большой тайнѣ приняли экспедицію противъ разорителя Европы и ударятъ въ не-ожиданномъ мѣстѣ на общаго врага. Желаю, чтобы это не были одни слухи.

72.

С.-Петербургъ. Октября 25. 1812 г.

Меня тревожитъ сильно, драгоценный мой Александръ Яковлевичъ, неполученіе отъ васъ болѣе мѣсяца никакой записочки. Чего не подумаешь въ настоящее, несчастное время, съ больнымъ тѣломъ, съ унылымъ духомъ? Вставая и ложась, молимъ неоднократно всякій день объ охраненіи любезныхъ и почтенныхъ для насъ людей. Кромѣ Дмитрія Прокофьевича всѣ изъ моихъ милостивцовъ, друзей и благопріятелей уже разорены ненавистникомъ рода человеческого. И еще ему не отметили! и еще злодѣй сей въ нѣдрахъ Россіи существуетъ! Тысячу различныхъ чувствованій испытываешь въ одно и то же время. Теряешься при представленіи себѣ происшествій. Гораздо бы, кажется, легче было, ежели бы самому дѣйствовать можно было противу умышляемыхъ кововъ. Не предвидишь, чѣмъ все это кончится. Вчерашняя реляція отъ 16-го окт. изъ главной арміи жестоко насъ опечалила отступленіемъ ближе къ Калугѣ. 15-го героя наши опять славно дрались цѣлый день. 8 разъ отбивали у непріятели Мало-Ярославецъ, который и

остался бы за нами, ежели бы мы, а не врагъ, успѣли обойти его позицію.

Но я пишу вамъ то, что вы, можетъ быть, лучше меня знаете. А ежели еще худое вамъ неизвѣстно, то предоставляю реляціямъ объявить вамъ то. Однимъ токмо гр. Витгенштейномъ и переводимъ до сихъ поръ нашъ стѣсненный духъ. Сей герой, сколько узнать могъ, продолжаетъ гнать къ Витебску разстроеннаго имъ непріятели. Ожидаютъ отъ него радостной реляціи. Хоть бы онъ подоспѣлъ поскорѣе на Смоленскую дорогу.

На мѣсто Эссена посланъ въ Ригу Паулуччи. Также сказывали мнѣ, что гр. Штейнгейль ¹⁾ возвращенъ въ Финляндію на свое военное губернаторство. Онъ человѣкъ предостойный и съ великими тактическими познаніями. Жаль, что его не употребляютъ въ главной арміи по квартирмейстерской части.

У насъ пока мѣсто еще спокойно. Не знаемъ, что будетъ зимою, когда не истребятъ около Москвы или Калуги Бонапарте.

73.

С.-Петербургъ. Октября 29, 1812 г. Вторникъ.

Обнимаю васъ, милый человѣкъ, приношу вамъ пламенное поздравленіе по случаю прогнанія или бѣгства доведеннаго до крайности злодѣя нашего. Видно ему плохо, что онъ стремглавъ спасается, бросаетъ пушки, обозы приставшихъ разбойниковъ, обезсиленныхъ лошадей и воловъ, подрываетъ пороховые свои ящики и съ одною гвардіею своею старается токмо какъ-нибудь уцѣлѣть. Платовъ со всѣми казаками преслѣдуетъ его по пятамъ, бьетъ, колеть, топчетъ, засѣкаетъ нагайками всю сволочь, которая не можетъ уносить ногу. Мало беретъ въ плѣнъ, ибо некуда дѣваться при быстромъ движеніи съ поганью. Жаль, что не могъ дожидаться послѣдней реляціи свѣтлѣйшаго отъ 24 окт. Я ее читалъ въ выпискѣ. Платовъ уже за Вязмою. Въ сей городъ вошелъ онъ по трупамъ истребленныхъ имъ враговъ, которыхъ насчитываютъ 6.000, да въ плѣнъ, кромѣ раненыхъ и больныхъ, взято при вступленіи и при сопротивленіи въ городъ сей около 2.500. Съ начала преслѣдованія до 24 октября, досталось намъ въ добычу болѣе 20 пушекъ, отбито 9 знаменъ, великое множество фуръ. Около Вязмы положили генерала Лепеллетье.

Здѣсь прилагаю двѣ другія раннія реляціи ²⁾. Полагаютъ, что

¹⁾ Штейнгейль гр., Фаддей Федоровичъ, род. 3 окт. 1762 г., † 7 марта 1831 г., генераль-отъ-инфантеріи, военный губернаторъ Финляндіи.

²⁾ Реляцій при письмѣ не оказалось.

гр. Витгенштейнъ и Чичаговъ встрѣтятъ еще въ Бѣлорусси бѣгущаго въ безпамятствѣ непріятеля. Фельдмаршалъ со всѣми силами идетъ форсированнымъ маршемъ вслѣдъ за непріателемъ. Отсюду можетъ быть онъ вдругъ окруженъ. Посмотримъ, какъ-то будетъ онъ огрызаться отъ русскихъ штыковъ и казацкихъ пикъ.

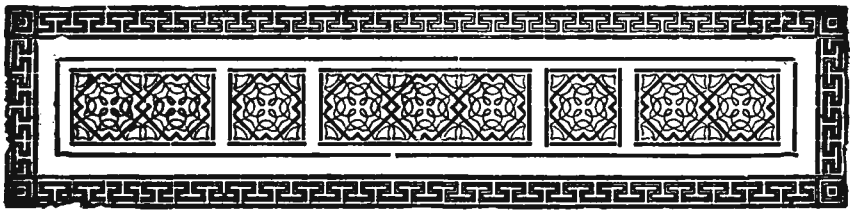
Прискорбно будетъ, ежели извергъ увернется. Непростительно, что у Мало-Ярославца не провидѣли его намѣренія; что не знали крайности его положенія, послѣ котораго не можно было никакъ думать, чтобы онъ хотѣлъ прорваться въ изобильныя наши провинціи. Будемъ, любезнѣйшій человекъ, по совершенномъ прогнаніи или истребленіи врага, судить о настоящей кампаніи, а теперь предадимся радости, что непобѣдимый въ первый разъ спасается бѣгствомъ, и отъ кого? Отъ россянъ, соотечественниковъ нашихъ. Вотъ ему покореніе нашего Царства. Вотъ ему русскіе мужики, на которыхъ, по увѣренію Коленкура, онъ столько надѣялся.

О великій Ростовчинъ! Ты зналъ духъ русскаго народа. Кабы тебя послушались, то изъ-подъ Москвы въ началѣ сентября постигъ бы настоящій жребій супостата, который самъ не понимаетъ, какъ впустили его туда, гдѣ бы долженствовала быть его могила со всею сволочью.

С. О. Долговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Встрѣчи и столкновенія ¹⁾).

(А. Д. Градовскій, Робертъ Моль, С. Н. Терпигоревъ) ²⁾.

А. Д. Градовскій.

а рубежѣ двухъ смѣняющихся эпохъ обыкновенно встрѣчаются дѣятели, носящіе на себѣ признаки обѣихъ,—отживающей и нарождающейся. Такимъ дѣятелемъ несомнѣнно былъ А. Д. Градовскій.

Народная масса *quantité négligible*: за нее думаютъ, ее судьбу опредѣляютъ другіе факторы народной жизни—правительство и общество. Такъ смотрѣли на дѣло обѣ стороны: въ этомъ пунктѣ онѣ сходились, и для нихъ вопросъ заключался только въ томъ, кому должна принадлежать руководящая роль,—правительству ли въ тѣсномъ смыслѣ, или правительству и тѣмъ общественнымъ элементамъ, которые не отказываются дѣйствовать съ нимъ совмѣстно, или, наконецъ, тѣмъ общественнымъ элементамъ, которые находятся въ состояніи борьбы съ правительствомъ. Соотвѣт-

¹⁾ См. „Русская Старина“ май 1912 г.

²⁾ Въ отвѣтъ на помѣщенную въ июльской книгѣ „Русской Старины“ поправку Товарищества М. О. Вольфъ, Р. П. Сементковскій сообщаетъ, что его воспоминанія о М. О. Вольфѣ буквально основаны на хранящихся у него письмахъ покойнаго книгопродавца, которыя онъ съ готовностью предъявитъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ лицамъ. Что же касается упомянутой въ поправкѣ „націоналистической выходкѣ“, то ею нельзя назвать простое констатированіе факта, что М. О. Вольфъ былъ польскій еврей. Впрочемъ, автора ограждаетъ отъ подобнаго рода подозрѣній вся его литературная дѣятельность, что въ свое время вполне подтвердила сама фирма посвященной ему лестной біографіей.

ственно, общество распалось на три основныя партіи: консерваторовъ, требовавшихъ, чтобы все вліяніе, вся власть принадлежали исключительно правительству; либераловъ, требовавшихъ, чтобы вліяніе принадлежало и правительству, и народу, подъ которымъ подразумевались общественные элементы, не отвергавшіе совмѣстную дѣятельность съ правительствомъ, и, наконецъ, революціонную партію, требовавшую, чтобы правительство удалилось, и чтобы власть была предоставлена опять-таки народу, подъ которымъ на этотъ разъ уже подразумевались общественные элементы, объявившіе правительству войну. Такимъ образомъ, все сводилось къ борьбѣ съ правительствомъ, при чемъ со стороны революціонной партіи безусловно исключалась мысль, что правительство можетъ служить прогрессу и культурѣ. Постепенно этотъ приговоръ революціонной партіи усвоенъ былъ все большимъ числомъ представителей русскаго общества. Въ мои студенческіе годы процессъ этотъ уже обозначился, хотя мало кто его ясно сознавалъ, и тѣмъ профессорамъ, которые хотѣли играть общественную роль, приходилось выбирать между тремя отмѣченными мною партіями. Одни профессора прямо примыкали къ одной изъ трехъ партій, а другіе угождали и правительству, и обществу, т. е. въ сущности революціоннымъ элементамъ, потому что борьба съ правительствомъ уже въ то время пріобрѣла среди студентовъ очень острый характеръ. На этой почвѣ народился новый типъ профессора, получившій впоследствии преобладаніе. Одинъ изъ первыхъ его представителей и былъ А. Д. Градовскій.

Школьные его товарищи мнѣ передавали, что онъ отличался въ гимназіи большимъ трудолюбіемъ, но что они очень удивились, услыжавъ, что онъ сдѣлался виднымъ ученымъ; способностями онъ ни въ гимназіи, ни потомъ въ университетѣ не отличался. Повидимому, ученая карьера была ему въ началѣ дѣйствительно чужда, потому что, окончивъ университетъ, онъ тотчасъ же поступилъ на правительственную службу чиновникомъ особыхъ порученій при воронежскомъ губернаторѣ и редакторомъ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“. Слѣдовательно, въ началѣ его карьеры сомнѣнія были ему какъ будто чужды: изъ двухъ борющихся силъ онъ выбралъ правительство и рѣшительно примкнулъ къ нему.

Онъ началъ читать лекціи въ Петербургскомъ университетѣ при мнѣ и сразу пріобрѣлъ среди студентовъ популярность. Я недоумѣвалъ, чѣмъ собственно она была вызвана. На магистерскомъ диспутѣ онъ проявилъ и находчивость, и смѣлость, но краснорѣчіе его было болѣе чѣмъ сомнительно: особенно непріятно дѣйствовали его продолжительные вздохи, какъ будто ему не хватало воздуха—пер-

вые признаки, полагаю, сердечной болѣзни, которая его преждевременно свела въ могилу. На вступительной же своей лекціи онъ провелъ недопустимую съ либеральной точки зрѣнія мысль, что Россія представляетъ собою страну, въ достаточной мѣрѣ свободную, и что ей мудрыми правителями дано все, что необходимо для гражданскаго преуспѣянія. Меня, помню, даже поразило, что подобная вступительная лекція, предназначенная очевидно для властей, на ней присутствовавшихъ, и напечатанная потомъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, могла пройти безнаказанно для его популярности. Но фактъ тотъ, что Градовскій какъ-то сразу приобрѣлъ репутацію очень либеральнаго профессора, и никто не сомнѣвался, что онъ всецѣло стоитъ не на сторонѣ правительства, а на сторонѣ общества.

Однако, надъ нимъ вскорѣ стряслась бѣда. Произошли студенческіе беспорядки, назначенъ былъ университетскій судъ, и на судѣ Градовскій рѣшительно высказался за наложеніе на нѣкоторыхъ студентовъ-радикаловъ строгаго дисциплинарнаго взысканія. Нѣтъ ничего тайнаго, что не обнаружилось бы рано или поздно. На этотъ разъ тайное обнаружилось очень скоро, и вмѣстѣ съ тѣмъ произошло событіе, которое, помню, меня возмутило до глубины души.

Когда Градовскій явился на лекцію, студенты загнали его въ корридоръ въ уголь и начали его поносить бранными словами,—такими словами, какими перебраниваются только ломовые извозчики. Сцена эта продолжалась долго. Градовскій былъ блѣденъ, какъ полотно, и отмалчивался, опасаясь, очевидно, какъ бы его не ударили. Хотя я не зналъ, что у него сердечная болѣзнь, да ея, можетъ быть, тогда еще не было, тѣмъ не менѣе мнѣ за него страшно стало, и я крикнулъ: „Господа, что вы дѣлаете? вѣдь такъ убить человѣка можно!“ Но меня не слушали и только, выругавшись всласть, студенты, наконецъ, отпустили Градовскаго, который поспѣшилъ уѣхать домой.

Я опять подумалъ, что надъ популярностью профессора поставленъ крестъ. Но не успѣлъ я еще кончить курса, какъ благодаря анти-правительственнымъ аллегоріямъ, которыми онъ зачастую угощалъ насъ на лекціяхъ, популярность его возрасла. Придаться къ его словамъ было трудно, но студенты отлично понимали, въ чемъ дѣло, тѣмъ болѣе, что имъ въ то время немного надо было: какой-нибудь невиннѣйшей по теперешнимъ понятіямъ намекъ заставлялъ радикальное сердце сильнѣе биться и подчасъ приводилъ въ движеніе руки, такъ что Градовскій нерѣдко срывалъ аплодисменты.

Я думаю, что вышеизложеннаго вполне достаточно, чтобы составить себѣ ясное представленіе объ истинномъ характерѣ лекцій

Градовскаго. Онъ оставался преимущественно на такихъ темахъ, которыя въ политическомъ отношеніи волновали общество, и рѣшалъ ихъ въ направленіи, лучше всего характеризуемомъ поговоркой: „и волки цѣлы, и овцы сыты“. Выберетъ онъ, напримѣръ, вопросъ о раздѣленіи властей или о различіи между закономъ и административнымъ распоряженіемъ. Очевидно, вопросы эти въ доконституціонной Россіи ни теоретическаго, ни практическаго рѣшенія получить не могли, потому что законодательная и административная власть по существу сливались въ одномъ основномъ источникѣ. Поэтому даже гарантіи, которыя создавались самимъ законодателемъ для обезпеченія ненарушимости закона, ни къ чему не вели: и дѣятельность Сената въ столицѣ, и дѣятельность прокуроровъ и губернскаго правленія въ провинціи могли рассчитывать на успѣхъ только въ томъ случаѣ, если высшее начальство (губернаторъ, министръ или верховная власть) знали о нарушеніи закона и возстановляли его силу. Слѣдовательно, провести какую-нибудь твердую границу между закономъ и административнымъ распоряженіемъ не было никакой возможности. Но Градовскій изошрялся въ рѣшеніи этого и подобныхъ вопросовъ. Невольно, бывало, въ душѣ расхохочешься, когда онъ съ одной стороны доказывалъ, что „не одно законодательство могло бы въ этомъ вопросѣ позавидовать русскому“, а съ другой стороны выяснялъ, что „граница между закономъ и административнымъ распоряженіемъ можетъ быть проведена только въ каждомъ данномъ случаѣ“. Градовскій, конечно, зналъ, что онъ дѣлалъ: мысль о блестящемъ положеніи нашего законодательства предназначалась для властей предержавшихъ, а ироническое замѣчаніе о полной невозможности провести какую бы то ни было общую границу между закономъ и административнымъ распоряженіемъ предназначалась для нашего брата-студента и способствовала популярности профессора. Словомъ, Градовскій является однимъ изъ отцовъ позднѣйшей столь распространенной тактики: не порывать съ правительствомъ, но въ то же время всячески угождать и обществу.

Помню, я во времена студенчества никакъ не могъ уяснить себѣ причину популярности Градовскаго, и мнѣ все казалось, что она, равно какъ и его репутація виднаго ученаго, должны были померкнуть. Я чувствовалъ, что въ лекціяхъ Градовскаго есть глубокое внутреннее противорѣчіе, какая-то фальшь, отъ которой мнѣ всегда становилось не-по-себѣ. Правительство и та часть общества, которая до извѣстной степени завладѣла духовно университетомъ, стояли другъ противъ друга, какъ двѣ враждебныя силы, какъ двѣ непріятельскія арміи, а профессора типа Градовскаго

служили одновременно въ обѣихъ арміяхъ, облакаясь въ мундиры то одной, то другой и оказывая обѣимъ существенныя услуги. Мнѣ все казалось, что эта тактика будетъ тотчасъ же раскрыта, и что подобный пріемъ, какъ слишкомъ элементарный, никого не обманеть, и, слѣдовательно, успѣха имѣть не можетъ. Но на самомъ дѣлѣ она успѣхъ имѣла огромный, и число послѣдователей Градовскаго возрастало въ геометрической прогрессіи.

Стоить ли теперь объяснять, почему я ошибся? Громадное большинство русскихъ интеллигентныхъ людей до сихъ поръ еще люди 20-го числа, а 40 лѣтъ тому назадъ человѣкъ, не состоявшій на правительственной службѣ, представлялъ собою что-то въ родѣ бѣлой вороны. Между тѣмъ борьба двухъ враждебныхъ лагерей все обострялась, и вліяніе общества усиливалось. Правительство все кормило интеллигенцію, но и общество давало ей кое-что. Поэтому было крайне невыгодно порывать съ правительствомъ, но было выгодно угождать и обществу либо непосредственно, т. е. пріобрѣтеніемъ популярности, что открывало многіе сторонніе заработки (напримѣръ, въ журналистикѣ), либо косвенно, т. е. пріобрѣтеніемъ симпатіи либераловъ, уже прочно засѣвшихъ въ правительствѣ и занимавшихъ въ немъ болѣе или менѣе вліятельныя мѣста. Градовскій указалъ передовой интеллигенціи путь, какъ можно спокойно оставаться на правительственной службѣ и въ то же время пріобрѣтать общественныя лавры. Неудивительно поэтому, что почтеннѣйшій Александръ Дмитріевичъ сдѣлалъ школу, и что память его свято хранится всѣми русскими дѣятелями, которые прониклись важнымъ практическимъ значеніемъ пословицы: „ласковый теленокъ двухъ матокъ сосеть“.

Градовскому, какъ публицисту, принадлежитъ нѣсколько крылатыхъ словъ. Я отчетливо помню два. Гоголя онъ назвалъ поэтомъ „пошлости“. Онъ, очевидно, не могъ примириться съ жестокимъ осмѣяніемъ нашимъ сатирикомъ русскаго общества и думалъ польстить послѣднему, переводя грѣхъ съ большой головы на здоровую: Гоголь-де осмѣялъ русское общество вовсе не потому, что оно этого заслуживаетъ, а потому, что Гоголю доставляло особое удовольствіе купаться въ человѣческой пошлости. Профессоръ государственнаго права не хотѣлъ понять, что Гоголь—послѣдній пламенный проповѣдникъ русской государственности среди свѣтилъ нашей литературы, что, если онъ жестоко казнилъ русское общество, то именно съ точки зрѣнія утраты имъ тѣхъ качествъ, которыя сдѣлали Россію великимъ государствомъ (недаромъ онъ влагаетъ свой приговоръ надъ русскимъ обществомъ и свой пламенный призывъ спасти родину въ уста генераль-губернатору, чего послѣ Гоголя не рѣшился бы уже сдѣ-

латъ ни одинъ изъ корифеевъ нашей литературы). Но если это крылатое слово Градовскаго, хотя и пришлось по вкусу радикальной критикѣ, вышло неудачнымъ, зато другое можетъ быть признано даже пророческимъ. Создавая его, Градовскій плавалъ въ своей стихіи. Онъ предусматривалъ, что путь, по которому пошла русская радикальная мысль, можетъ привести къ опаснымъ послѣдствіямъ съ точки зрѣнія интересовъ той части русской интеллигенціи, представителемъ которой Градовскій себя чувствовалъ всѣми фибрами своего существа. Если онъ ей указалъ путь, какъ примирить правительственную службу съ служеніемъ обществу, то онъ съ другой стороны предостерегъ ее отъ политики, которая могла нанести сильный вредъ ея матеріальнымъ интересамъ. Уже тогда, въ студенческіе мои годы, началось то хожденіе въ народъ, которое Тургеневъ такъ великолѣпно описалъ въ своемъ романѣ „Новъ“ и которое съ каждымъ годомъ разросталось и привело во время русской революціи къ повторенію ужасовъ пугачевского бунта. И вотъ Градовскій, въ предвидѣніи ограбленія и возможнаго избіенія русской интеллигенціи народомъ, пустилъ въ „Голосѣ“ второе свое крылатое слово: „Не будите звѣря!“ Защищая шкурные интересы интеллигенціи, Градовскій оказался пророкомъ, и пророчество его отчасти оправдалось и можетъ оправдаться въ большей степени, если оно русскимъ обществомъ не будетъ принято къ сердцу.

Робертъ Моля.

Еще на студенческой скамьѣ я задумалъ пополнить нашу юридическую литературу однимъ изъ капитальнѣйшихъ трудовъ Роберта Моля, его „Наукою полиціи“ или, выражаясь современнымъ языкомъ, его „Административнымъ правомъ“. Понятно, что я счелъ своимъ долгомъ обратиться къ знаменитому германскому государствовѣду за разрѣшеніемъ. Онъ мнѣ тотчасъ же отвѣтилъ, и его письмо, нигдѣ еще не напечатанное, сохранило до сихъ поръ свое значеніе, хотя оно написано 42 года тому назадъ. Привожу его здѣсь цѣликомъ въ буквальномъ переводѣ:

„Я имѣлъ честь получить Ваше любезное письмо отъ 8-го сего числа.

• „Прежде всего приношу Вамъ искреннѣйшую благодарность за сказанное мнѣ Вами доброе слово. Я уже раньше, при другихъ обстоятельствахъ, имѣлъ удовольствіе не только видѣть молодыхъ русскихъ среди своихъ слушателей, но и познакомиться съ ними ближе. За немногими исключеніями, всѣ они проявляли горячую

любовь къ наукѣ и искреннее желаніе быть полезными своему великому отечеству. Въ нихъ было больше свѣжести чувства и воодушевленія, чѣмъ обыкновенно встрѣчаешь у нѣмецкой молодежи. О нѣкоторыхъ изъ нихъ мнѣ впоследствии стало извѣстно, что они съ почетомъ заняли кафедры въ русскихъ университетахъ или сдѣлались дѣльными и уважаемыми правительственными чиновниками.

„Что касается предположеннаго Вами перевода моей „Науки полиціи“, то понятно, намѣреніе Ваше можетъ быть для меня только пріятнымъ и почетнымъ. Чрезвычайно для меня лестна мысль, что мнѣ, благодаря Вашему переводу, дано будетъ принести нѣкоторую пользу или возбудить ту или другую идею въ такой великой странѣ и такъ далеко отъ моей родины. Поэтому я очень охотно даю Вамъ испрашиваемое Вами разрѣшеніе.

„Я счелъ долгомъ увѣдомить и моего издателя о Вашемъ намѣреніи. Понятно, что онъ встрѣтилъ это извѣстіе далеко не съ такимъ удовольствіемъ, какъ я, потому что опасается значительнаго уменьшенія сбыта моей книги въ Россіи. Но онъ мирится съ неизбѣжнымъ. У насъ съ Россіею нѣтъ договора относительно права на переводы. Поэтому издатели не могутъ ставить другъ другу препятствія. Къ искреннему моему удовольствію я долженъ прибавить, что я всегда считалъ международное право на переводы требованіемъ не только чрезмѣрнымъ, но и положительно вреднымъ. Другое приходится сказать, по крайней мѣрѣ, во многихъ случаяхъ, о перепечаткѣ оригиналовъ.

„Въ свое время я съ удовольствіемъ услышу объ окончаніи Вами перевода и отъ души желаю, чтобы Вы были вознаграждены за немалый Вашъ трудъ успѣхомъ и признаніемъ.

„Примите выраженіе полнаго моего уваженія, съ какимъ честь имѣю быть Вашимъ покорнымъ

Р. Моль.

28-го ноября 1869 г.

Письмо это интересно въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, какъ лестный отзывъ знаменитаго иностраннаго ученаго о русской учащейся молодежи по сравненію съ нѣмецкими студентами. Моль въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отдаетъ предпочтеніе нашей молодежи, слѣдовательно, русскіе профессора плохо пользуются этимъ благодарнымъ матеріаломъ, если у насъ столько кафедръ пустоеть. Во-вторыхъ, интересно узнать, что одинъ изъ самыхъ выдающихся государствовѣдцовъ XIX в. рѣшительно высказывается противъ стѣсненія права перевода международными договорами. Продуманное оге

мнѣніе имѣеть особенный интересъ для насъ въ настоящее время когда литературная конвенція съ Франціей вызоветъ въ скоромъ времени заключеніе конвенцій и съ другими странами.

Я ограничиваюсь воспроизведеніемъ письма Моля. Что касается научнаго воздѣйствія германскаго ученаго на меня, то оно не подлежитъ здѣсь оцѣнкѣ. Скажу только, что я ему чрезвычайно обязанъ и буду хранить о немъ свѣтлую память до гробовой доски. Онъ, какъ и Рѣдкинъ, научилъ меня (и меня ли одного?) работать въ политическихъ вопросахъ.

С. Н. Терпигоревъ.

Съ Терпигоревымъ я познакомился въ 1878 г. Помню, онъ тогда былъ неразлученъ съ А. С. Героглифовымъ, и это меня не удивляло, потому что между ними было очень много общаго. Оба они были прожектеры съ тою однако разницею, что Терпигоревъ любилъ рисковать и поэтому доходилъ иногда до очень печальнаго положенія; Героглифовъ же былъ человекъ весьма осторожный и поэтому въ матеріальномъ отношеніи процвѣталъ. Оба они тяготѣли къ литературѣ съ тою опять-таки разницею, что Терпигоревъ льнулъ къ писательству, а Героглифовъ болѣе къ издательству. Онъ вѣчно носился съ грандіозными планами какихъ-то изданій, иногда задуманныхъ недурно и оригинально, но по большей части мертворожденныхъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе нежеланія рисковать для нихъ чѣмъ-нибудь крупнымъ.

Онъ, какъ извѣстно, былъ врачомъ по образованію, затѣмъ чиновникомъ министерства финансовъ, редакторомъ „Русскаго Міра“, сотрудникомъ лучшихъ журналовъ и газетъ того времени. Всѣ его изданія однако терпѣли крушеніе. Изъ всѣхъ его затѣй этого рода осуществилась только „Пчела“, которую онъ издавалъ вмѣстѣ съ Микѣшинымъ, и нѣкоторое время она шла недурно. Впрочемъ и этотъ журналъ просуществовалъ недолго. Литературный талантъ былъ у Героглифова небольшой, хотя онъ умѣлъ, что называется, быть зубастымъ. Онъ, помню, всячески подговаривалъ и меня издавать съ нимъ газету, которую онъ проектировалъ во всѣхъ деталяхъ и назвалъ „Гласностью“. Странно однако, что въ идейномъ отношеніи онъ задуманное имъ изданіе охарактеризовать никакъ не могъ. Какъ я его ни допрашивалъ, ничего не выходило. Я даже не могъ себѣ уяснить, единомышленникъ ли онъ мой, сочувствуетъ ли онъ моимъ идеямъ? Дѣло очевидно заключалось для него не въ нихъ, а въ чемъ-то другомъ. Въ чемъ именно, осталось для меня

тайной. Я только видѣлъ, что онъ не щадить ни трудовъ, ни хлопотъ, что онъ обуреваемъ желаніемъ издавать газету. Сколько на Руси людей, которые стремятся приложить свои подчасъ недюжинныя способности къ какому-нибудь дѣлу, но не знаютъ, что это за дѣло, и какъ за него приняться! Сколько силъ уходитъ такимъ образомъ зря! Сколько силъ ухлопалъ и Терпигоревъ на разныя свои затѣи вплоть до устройства конскихъ заводовъ, сколько ухлопалъ ихъ и Героглифовъ! Терпигоревъ въ концѣ концовъ окончательно остановился на томъ, въ чемъ онъ дѣйствительно былъ силенъ, а Героглифовъ такъ до конца жизни въ своихъ вѣчныхъ поискахъ ничего не нашелъ и не оставилъ послѣ себя замѣтнаго слѣда, остался лишь Героглифомъ, котораго теперь никто уже не разбереть.

Когда я познакомился съ Терпигоревымъ, онъ страшно бѣдствовалъ. Случалось даже такъ, что ему негдѣ было ночевать, и онъ проводилъ ночь въ типографіи на столѣ. Вообще онъ могъ служить прекраснымъ представителемъ русской литературной богемы. Чистое бѣлье было для него недосыгаемою роскошью, пиджакъ, сшитый изъ очень прочной и толстой матеріи, носилъ на себѣ слѣды грязныхъ столовъ и дивановъ, на которыхъ его владѣлецъ ночевалъ. Это ему однако не мѣшало имѣть видъ не только достойный, но даже гордый, когда онъ выходилъ на улицу съ сигарою въ зубахъ, мягкой шляпой на головѣ и тросточкой въ рукахъ. Для всякаго было ясно, что, если онъ глубокою осенью, при холодномъ, пронизывающимъ вѣтрѣ шелъ спокойно по Невскому безъ пальто, въ одномъ пиджакѣ, то только потому, что такъ ему было хорошо. И я въ самомъ дѣлѣ думаю, что его желѣзное здоровье позволяло ему тогда это дѣлать не только безнаказанно, но даже безъ особенно неприятнаго ощущенія.

Здоровье у него дѣйствительно было желѣзное, и надо было много грѣшить, чтобы его расшатать. Сигары онъ курилъ такія, что вчужѣ отъ нихъ дурно становилось, да и напитки придумывалъ онъ экстраординарные. Помню, разъ какъ-то захожу въ пресловутый „Семейный Садъ“ и тотчасъ же у входа вижу: засѣдаютъ Сергѣй Атава и извѣстный въ литературныхъ кружкахъ Эмпэфэ или Мишка Федоровъ или Михайлъ Павловичъ Федоровъ, безсмѣнный редакторъ „Новаго Времени“, переходившій, вмѣстѣ съ этою газетою, отъ одного издателя къ другому: отъ Киркора къ Устрялову, отъ Устрялова къ Нотовичу, отъ Нотовича къ Трубникову, отъ Трубникова къ Суворину. Вижу, засѣдаютъ они и что-то пьютъ изъ большихъ пивныхъ кружекъ. Такъ какъ Терпигоревъ былъ большой мастеръ изобрѣтать разныя напитки, то я спрашиваю:

— Что вы собственно пьете, господа?

— Присосѣдсья,—отвѣчаетъ мнѣ Терпигоревъ и тотчасъ же командуетъ:

— Человѣкъ, еще кружку такого же.

Когда мнѣ напитокъ подали, я попробоваль и убѣдился, что Терпигоревъ никакой особой изобрѣтательности на этотъ разъ не проявилъ, что это былъ просто коньякъ, на которомъ сверху плаваль для видимости ломтикъ лимона. Этого нехитраго, но крѣпкаго напитка онъ выпилъ въ одинъ присѣсть двѣ кружки. Можно ли послѣ этого удивляться, что, несмотря на крѣпкое здоровье, онъ себя уходилъ сравнительно рано (онъ умеръ 54 лѣтъ отъ роду), наживъ жестокой склерозъ.

Но когда я съ нимъ познакомился, т. е. въ 1878 г., онъ въ значныхъ мѣстахъ коньяка кружками не уничтожалъ по той простой причинѣ, что это было для него слишкомъ дорого. Хотя онъ былъ человѣкъ сдержанный и даже друзьямъ жаловаться на свою судьбу не любилъ, однако я ясно видѣлъ, что онъ сильно страдалъ отъ матеріальной необезпеченности. Всегда веселый и остроумный, онъ иногда какъ-то странно задумывался, и затѣмъ его веселость уже не была по-прежнему естественна.

Я очень обрадовался, когда онъ разъ какъ-то мнѣ сообщилъ, что онъ въ скоромъ времени надѣется на поворотъ къ лучшему. При этомъ онъ мнѣ показаль тощую тетрадку подъ заглавіемъ: „Дворянское разореніе“, которую онъ собирался снести Салтыкову въ „Отечественныя Записки“.

Мысль эта мнѣ показалась нѣсколько смѣлою. Терпигоревъ не пользовался именемъ. Фельетоны, которые онъ писалъ въ второстепенныхъ изданіяхъ, обнаруживали талантъ, но ни въ какомъ случаѣ не обличали въ немъ бытописателя дворянства. Тѣмъ не мене меня живо заинтересовала мысль Терпигорева: очень мнѣ ужъ хотѣлось, чтобы онъ какъ-нибудь выбился изъ своего труднаго положенія, да и задуманный имъ трудъ казался мнѣ интереснымъ своею основною идеею. Я его спросилъ, что онъ разумѣеть подъ дворянскимъ разореніемъ? Имѣеть ли онъ въ виду только матеріальную сторону? Онъ мнѣ на этотъ вопросъ отвѣтилъ сбивчиво, словно онъ самъ себя вопроса не уяснилъ. Я его еще спросилъ, не имѣеть ли онъ вообще въ виду проявленную дворянствомъ несостоятельность, т. е. его оскуднѣніе, его банкротство по всей линіи? Онъ и на этотъ вопросъ не могъ мнѣ отвѣтить вразумительно, и тотчасъ же обратился къ разнымъ примѣрамъ, которые онъ разсказываль съ большимъ мастерствомъ. Видя, что путемъ разспросовъ я ничего себя не уясню, я попросилъ его прочесть мнѣ то,

что онъ написалъ. Онъ охотно согласился, и я, прослушавъ нѣсколько страницъ, понялъ, въ чемъ дѣло: онъ предлагалъ читателю не экономическое или публистическое разсужденіе, и даже не беллетристику, а просто изложеніе своихъ и чужихъ наблюденій и воспоминаній въ полу-беллетристической формѣ. Такъ какъ этихъ наблюденій и воспоминаній было много, по большей части они были мѣтки и соотвѣтствовали сознанный обществомъ мысли о несостоятельности нашего дворянства въ настоящемъ сравнительно съ крупными его заслугами въ прошломъ, я прослушалъ чтеніе съ большимъ интересомъ и высказалъ Терпигореву увѣренность, что его очерки будутъ съ удовольствіемъ приняты Салтыковымъ, тѣмъ болѣе, что Салтыковъ пишетъ самъ въ томъ же родѣ.

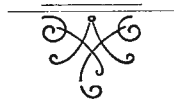
Такъ оно и случилось, и я былъ несказанно радъ, когда Терпигоревъ вскорѣ предсталъ передо мною экипированный съ ногъ до головы во все новое, довольный, веселый, увѣренный въ себѣ, какимъ я его знавалъ затѣмъ вплоть до самой его смерти въ 1895 г.

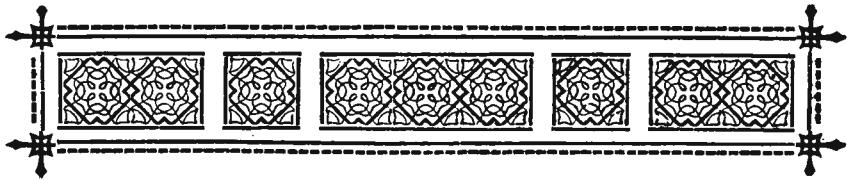
Прибавлю еще, что Терпигоревъ былъ въ политическомъ отношеніи человѣкъ безразличный. Вотъ почему онъ самъ не могъ себѣ уяснить основной идеи своихъ писаній. Когда я потомъ читалъ и перечитывалъ его вещи, я на немъ, какъ и на другихъ писателяхъ, убѣждался, что въ одномъ и томъ же человѣкѣ можетъ соединяться очень слабая способность къ обобщеніямъ съ поразительною памятью на впечатлѣнія и рѣдкою наблюдательностью. Онъ творилъ только потому, что въ немъ была сильно выраженная потребность дѣлиться съ другими своими впечатлѣніями, а впечатлѣнія эти были интересны, потому что въ основѣ ихъ лежала рѣдкая наблюдательность. Читая Терпигорева, знакомясь съ тѣмъ, какъ онъ развѣнчивалъ и, такъ сказать, уничтожалъ наше дворянство, можно было подумать, что онъ большой раликалъ и вполне примыкаетъ къ „освободительнымъ“ нашимъ увлеченіямъ. На самомъ дѣлѣ онъ въ то время, какъ писалъ свое „Разореніе“, рисовалъ, чтобы подразнить радикально-настроенную сотрудницу газеты, въ которой онъ работалъ (это было время часто повторявшихся политическихъ преступленій и политическихъ казней) „давленнейшей“, какъ онъ ихъ называлъ. Онъ рисовалъ недурно, и тѣмъ болѣе отвратительное впечатлѣніе производили его рисунки. Надо было очень недвусмысленно выразить неудовольствіе по поводу его странной юмористики, чтобы онъ отъ нея воздержался. Въ виду этого политическаго индифферентизма, его, правда, кратковременное сотрудничество въ газетѣ Стасюлевича „Порядокъ“, куда онъ попалъ, благодаря горячей рекомендаціи Салтыкова, было явнымъ недоразумѣніемъ. Терпигоревъ не могъ ничего дать газетѣ, въ ко-

торой „освободительное“ движеніе было альфой и омегой, и которая оцѣнивала и художественныя произведенія почти исключительно съ точки зрѣнія политической. Для Терпигорева живая наблюдательность была нервомъ его писаній. Подчиниться требованіямъ политической тенденціи значило для него обезцвѣтить себя и не проявить того, что въ немъ было самага цѣннаго. Поэтому онъ былъ вялъ и неинтересенъ въ „Порядкѣ“ и ожилъ въ „Новомъ Времени“, гдѣ его никто не стѣснялъ, и гдѣ онъ чувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ каждой своей строки.

Р. Сементковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ долинь Дуная въ 1877 году.

IV.

сенью 1876 года, когда главная квартира дѣйствующей арміи двигалась въ экстренномъ поѣздѣ съ сѣвера на югъ къ Кишиневу, только немногіе играли въ карты, большинство же было занято серьезнымъ разговоромъ о предстоявшихъ боевыхъ операціяхъ. Вспоминались переправы нашихъ войскъ черезъ Дунай въ минувшія войны, свойства страны, характеръ Балканъ; дѣлалась характеристика турецкихъ войскъ, населенія, обсуждалось значеніе серала, выводились заключенія о тѣхъ отношеніяхъ, въ которыя къ намъ станутъ державы Западной Европы. Строились планы войны. По мнѣнію однихъ, и на этотъ разъ, какъ прежде, наступленіе будетъ поведено черезъ Добруджу, какъ болѣе безопаснымъ операціоннымъ направленіемъ, хотя и голодною страной и замыкаемымъ рядомъ турецкихъ крѣпостей. Другіе отвергали прежній способъ дѣйствія, находя его несоотвѣтственнымъ настоящему. превосходству нашей арміи надъ турецкою. Благодаря такому превосходству, находили, что мы смѣло можемъ рѣшиться на переправу черезъ Дунай на его среднемъ теченіи, гдѣ-нибудь около Сястова или Никополя, откуда до Балканъ рукой подать, что при такомъ направленіи крѣпости остаются въ сторонѣ, а путь до самого Адрианополя для насъ будетъ открытъ. Наконецъ, третьи, находя движеніе нашей арміи береговою полосю недопустимымъ уже потому, что мы не господствуемъ на морѣ, а движеніе кратчайшимъ путемъ неосторожнымъ и оставляющимъ въ сторонѣ нашу естественную сообщницу Сербію, пред-

лагали переправу черезъ Дунай на Кладово и изъ княжества наступать на Константинополь великимъ историческимъ путемъ. На замѣчаніе о неимовѣрно длинной въ такомъ случаѣ нашей операціонной линіи, они возражали утвержденіемъ въ отсутствіи на дорогѣ особо трудныхъ препятствій.

Было въ высшей степени интересно прислушиваться къ этому живому обмѣну мыслей. Въдъ предо мной былъ цвѣтъ арміи, представители родной стратегіи, мозгъ генеральнаго штаба. И дѣйствительно, нельзя было не отдать справедливости богатству знаній и воинскому развитію присутствующихъ. И умъ, и знаніе, и очевидно характеръ, все было на-лицо, въ полномъ между собою равновѣсіи. Но чего-то недоставало, что наложило бы на всѣ обсуждаемые вопросы печать общаго направленія. Казалось, что недоставало военнаго генія верховнаго командованія. Послѣ всѣхъ дебатовъ хотѣлось бы слышать объединительное авторитетное слово, которое сразу бы примирило противоположныя мнѣнія. То, что ощущалось мною, сознавалось и выше и проистекало отъ отсутствія за послѣднее время боевого опыта. Вопросъ надѣялись разрѣшить назначеніемъ въ голову штаба личности весьма почтенной, но, какъ оказалось на дѣлѣ, далеко не отвѣчавшей возложеннымъ на нее надеждамъ. Какъ-бы не довѣряя ей вполне, былъ избранъ въ помощники ей одинъ изъ самыхъ бойкихъ нашихъ профессоровъ, почему-то считавшійся восходящимъ свѣтиломъ. И вотъ, когда это свѣтило заговорило, всѣ стихли, съ напряженнымъ вниманіемъ ожидая, что всѣмъ такъ хотѣлось слышать. Рѣчь была краснорѣчива, произносилась съ подъемомъ, вразумительно, но совершенно не отвѣчала всеобщему ожиданію. Это блестящее изложеніе операцій эрц-герцога Карла на р. Дунаѣ было ни болѣе и ни менѣе какъ повтореніе задачъ по курсу военной исторіи. Цѣлая плеяда славныхъ полководцевъ нашихъ прежнихъ войнъ на Балканскомъ полуостровѣ, такимъ образомъ, не имѣла своихъ одухотворенныхъ представителей, и ихъ завѣты боевого опыта не дошли до современныхъ потомковъ. Ихъ высокіе примѣры были переработаны сухими систематиками въ безжизненные масштабы, скорѣе заглушавшіе проблески талантливой инициативы, чѣмъ способствовавшіе ихъ развитію. Прошлые примѣры не повторяются въ той же обстановкѣ. Можно ли сомнѣваться, что, заученные больше на память, они принесутъ дѣлу скорѣе вредъ, чѣмъ пользу.

Все это мнѣ припомнилось, когда по зову главнокомандующаго я прервалъ свою дѣятельность въ Бухарестѣ и направился къ Зимницѣ.

— „Ты мнѣ будешь нуженъ въ дѣйствующей арміи“, милостиво

говорилъ мнѣ Его Императорское Высочество передъ своимъ выѣздомъ къ Дунаю, „пріѣзжай къ переправѣ“.

Меня очень занимала мысль, что именно относительно меня имѣлъ въ виду главнокомандующій; но оторванный въ послѣднее время отъ главной квартиры, я не зналъ, что Великій Князь пришелъ къ рѣшенію, вслѣдъ за переправою, выдвинуть впередъ легучій кавалерійскій отрядъ для овладѣнія горными проходами въ Балканахъ и освѣщенія мѣстности на возможно большемъ пространствѣ. Все, что касалось до этого предпріятія, было покрыто даже для насъ непроницаемою тайною.

Мое стремленіе къ освѣдомленности ограничивалось двумя вопросами чрезвычайной важности. Назначаются ли исключительно для боевыхъ операцій тѣ семь корпусовъ, которые вошли въ составъ арміи, или на нихъ же возлагаются обязанности знанія страны, охраненія тыла и образованія тыловыхъ учреждений? И другой вопросъ, не менѣе важнаго значенія,—усвоена ли окончательно рѣшимость энергичнаго наступленія впередъ, не задерживаясь осадами крѣпостей?

Все это оставалось для насъ, простыхъ смертныхъ, секретомъ, секретомъ и секретомъ!

Завѣса стала немного приподниматься, когда за обѣденнымъ столомъ, совершенно для меня неожиданно, начальникъ штаба обратился къ главнокомандующему съ просьбою о командированіи меня на устье Ольты для распоряженій по сплаву запасныхъ мостовыхъ частей и повѣрки смѣны нашихъ войскъ при батареяхъ противъ Никополя румынскими.

Это предложеніе, очевидно, шло въ разрѣзъ съ видами Великаго Князя, такъ какъ Его Высочество замѣтилъ, что, можетъ быть, можно было командировать другое лицо? Но на это начальникъ штаба доложилъ, что порученіе чрезвычайной важности, что можетъ представиться необходимость распорядиться именемъ главнокомандующаго, что онъ рѣшительно не видитъ возможности поручить это дѣло другому лицу.

Тутъ же стало извѣстнымъ, что утромъ рѣшенъ вопросъ о легучемъ отрядѣ. Почему-то было для чего-то нужно удалить меня изъ главной квартиры на періодъ формировація отряда, такъ какъ я командировался на разстояніе въ 60 верстъ, а средствомъ передвиженія былъ верховой конь. Какъ ни было досадно, а приходилось безропотно покориться, и я съ грустью направлялся къ своей палаткѣ. На поворотѣ улицы останавливается чудная тройка съ легкамы фаятономъ одного изъ триумвировъ продовольственнаго товарищества.

— „Какъ я радъ Васъ привѣтствовать“, обращается ко мнѣ соскочившій съ экипажа ея обладатель, „и увѣрить, что на свою дѣятельность мы, товарищи, смотримъ не какъ на выгодную операцію; а какъ на выполненіе высокаго долга предъ отечествомъ“.

— „А если такъ“, я возражаю, „то позвольте мнѣ дать Вамъ случай доказать это не на словахъ, а на дѣлѣ. Предоставьте въ мое распоряженіе Вашъ экипажъ на сутки, много на два“.

Нѣсколько озадаченный, однако съ большою любезностью, товарищъ соглашается, и въ 9 часовъ вечера я уже мчался на лихой тройкѣ.

Командировка оказалась не лишнею, но она отнюдь не вызывалась настоятельною потребностью и не была крайнею необходимостью. На вторыя сутки я былъ обратно въ Зимницѣ и въ Царевичахъ нашелъ главную квартиру. Направляясь къ ставкѣ главнокомандующаго для доклада о результатахъ командировки, я сильно колебался упоминать или нѣтъ о предположеніи назначить меня въ составъ только что сформированнаго передового отряда. Начальникомъ отряда былъ назначенъ генераль Гурко, вызванный телеграммой изъ С.-Петербурга. По четыремъ бригадамъ были распределены офицеры генеральнаго штаба. При начальникѣ отряда былъ назначенъ офицеръ для порученій, но мѣсто начальника штаба оставалось вакантнымъ. По многимъ основаніямъ я предполагалъ, что оно-то и было предназначено для меня; но что-либо упоминать объ этомъ я не рѣшился, разъ навсегда усвоивъ себѣ правиломъ: на службу не напрашиваться, отъ службы не отказываться.

Вскорѣ пришло донесеніе отъ генерала Криденера объ овладѣніи послѣ кровопролитнаго боя старою крѣпостью Никополя. Отслужено въ войскахъ благодарственное молебствіе. Отличившіеся награждены или представлены къ наградамъ. Великій Князь былъ очень доволенъ и съ удовольствіемъ говорилъ: „молодецъ Криденеръ“. Съ такими же словами Его Высочество обратился и ко мнѣ.

— „Да, Ваше Высочество, генераль Криденеръ конечно молодецъ и заслужилъ самую высокую награду; но за повадку на такое кровопролитіе, не вызываемое крайнею необходимостью, заслужилъ внушенія. Если по его примѣру всѣ будутъ бить въ лобъ при необыкновенной способности турокъ къ оборонѣ мѣстныхъ предметовъ, отъ арміи не много останется“.

— „Ну, я не хочу обижать старика“.

Старика я не только не имѣлъ въ виду обижать, но былъ ему чрезвычайно благодаренъ за выборъ меня къ себѣ на должность начальника штаба 9 корпуса, за который ему досталось отъ началь-

ника Главнаго штаба. На просьбу о моемъ назначеніи графъ Э. Л. Гейденъ даже вспыхнулъ.

— „Что жъ, мнѣ младенцевъ къ вамъ назначать?“

— „Но, Ваше Сіятельство“, возражаетъ генераль Криденеръ „я прошу о назначеніи полковника съ Владиміромъ 3-й степени“.

— „А что же по-вашему я долженъ дѣлать съ моими генералами?“.

Начальникомъ штаба былъ назначенъ Генеральнаго штаба генераль-маіоръ Шнитниковъ.

Жаль, что послѣ Никополя войска не были предупреждены особымъ приказаніемъ о способѣ дѣйствія турокъ. Никополь не сдѣлался бы прологомъ Плевны.

Мы, кажется, усвоили себѣ самый рѣшительный образъ дѣйствій и быстро двигались въ Тырновъ, но здѣсь мы остановились, долго простояли на мѣстѣ и повернули назадъ.

Я не пишу военной исторіи, а только набрасываю образы и картины событій, возникающія предо мной изъ эпохи восточной войны. Однако, что же послужило причиной такому крутому повороту назадъ? Передовой летучій отрядъ нигдѣ не встрѣтилъ серьезнаго сопротивленія и не нашелъ препятствій для наступленія главными силами. На востокъ турецкія силы главнымъ образомъ группировались въ сферѣ крѣпостей и пока не проявляли агрессивныхъ намѣреній. Только на западъ оперировали войска бывшей сербской арміи, предназначавшіяся для обороны. Дуная и двигавшіяся послѣ форсированія нами переправы, на Плевно и къ Никополу, угрожая нашему правому флангу.

По свойствамъ своего характера турки страшны за закрытіями, по дурному командованію не способны къ маневрированію въ полѣ. Отсюда высокое ихъ достоинство въ пассивной оборонѣ и ничтожество сопротивленія на ходу. Оставить турецкую крѣпость въ тылу или на флангѣ можно подъ наблюденіемъ сравнительно небольшого отряда; но прежде, чѣмъ ее штурмовать, необходимо подумать десять разъ и рѣшиться только въ случаѣ крайней необходимости. Вотъ завѣты нашихъ неудачныхъ штурмовъ и блестящихъ побѣдъ надъ противникомъ, въ десять разъ превосходившимъ насъ числительною силою.

Что же дѣлаютъ наши наткнувшіеся на турокъ отряды? Насѣдаютъ слабыми частями, заставляя ихъ закапываться въ землю, т. е. прямо противоположное тому, что слѣдовало дѣлать. Кровь, пролитая подъ стѣнами Рущука, Силистріи, Варны, Браилова... пропадаетъ даромъ. Комментаріи на нихъ тщательно разбираются съ каеодръ мирнаго времени, но въ боевую сферу не попадаютъ. Какъ прозелиты въ военномъ дѣлѣ, юные полководцы хотятъ открыть собою новую эру искусства, но на дѣлѣ убѣждаются горькимъ кровавымъ опытомъ, что, чтобы брать Измаилъ штурмомъ, нужно быть Суворовымъ.

Да, чтобы одерживать победы, еще мало быть витиеватымъ профессоромъ, блистательно сдавать экзамены, быть исполнительнымъ штабнымъ офицеромъ. Еще мало обладать самыми обширными знаниями, которые могутъ даже причинить большой вредъ, если на лицо нѣтъ боевого таланта. Но сфера послѣдняго во всемъ отлична отъ требованій мирнаго времени. Вотъ почему полководцы, еще не отмѣченные печатью всесвѣтнаго дарованія, рѣдко когда оцѣниваются по достоинству.

Почему же войска, предназначенныя для операций на извѣстномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, своевременно не осваиваются съ его особенностями? Почему имъ не внушаются способы дѣйствія, приуроченныя къ обстановкѣ? Однообразный масштабъ, применяемый въ настоящее время ко всемъ странамъ свѣта, сѣверу и югу, западу и востоку, на всемъ пространствѣ государственной территоріи, слишкомъ теоретиченъ и потому всегда оплачивался и будетъ оплачиваться дорогою цѣною, пока средства не будутъ соображены съ поставленными войскамъ цѣлями.

Во всякомъ случаѣ уронъ подъ Плевной былъ частнымъ неуспѣхомъ. Какъ же онъ могъ послужить измѣненію плана кампаніи? Развѣ такія неблагоприятныя случайности невозможны на войнѣ, или ихъ нельзя предвидѣть, и нѣтъ средствъ къ своевременному ихъ исправленію! Ясно, что истинная причина крутого поворота отъ активнаго начала къ пассивному не столько заключалась въ этихъ событіяхъ, сколько лежала въ основѣ неустойчивости командованія, можетъ быть, въ двойственности его характера. Въ то время, какъ самъ главнокомандующій широкимъ взоромъ обнималъ весь театръ войны и стремился къ разрѣшенію на немъ главнѣйшихъ задачъ, штабная техника, въ лицѣ ближайшихъ лицъ свиты, тормозила его начинанія, находя ихъ неблагоприятными и рискованными. Слабая духомъ, но безгранично кичливая, она не выполняла своихъ прямыхъ обязанностей, нервничала и отъ собственной тѣни приходила въ невыразимый ужасъ. Бывали минуты глубокой вѣры въ свою непогрѣшимость, но онѣ быстро смѣнялись часами полнѣйшаго маразма.

Я уже имѣлъ случай свидѣтельствовать о высокихъ достоинствахъ офицеровъ Генеральнаго штаба. Пользоваться ими, однако, было некому, почему и не могла образоваться та нравственная между ними связь, благодаря которой вся армія могла бы объединяться однимъ духомъ и направлять свои усилія въ одномъ направленіи. Какимъ-то сарказмомъ звучало уподобленіе Генеральнаго штаба нервной системѣ организма со средоточіемъ въ головномъ мозгу. Не только не существовало способности къ рѣшенію высшихъ задачъ, но не выполнялась самая обыкновенная штабная

работа. Дошло, наконецъ, до того, что части войскъ перемѣшались, а о нѣкоторыхъ даже не было извѣстно, гдѣ онѣ находятся.

Въ такую-то минуту призываетъ меня начальникъ штаба и даетъ порученіе поѣхать на востокъ по Османъ-базарской дорогѣ въ расположеніе генерала Эрнота.

— „Посмотрите, что и какъ, сдѣлайте соответственныя распоряженія и возвращайтесь съ докладомъ. Подробности Вамъ сообщить К. В.“¹⁾.

Прихожу къ К. В.

Заставивъ меня прождать съ добрыхъ полчаса, К. В. наконецъ обращается ко мнѣ:

— „Его Высочеству главнокомандующему угодно, чтобы Вы отправились въ расположеніе восточнаго отряда, прикрывающаго насъ со стороны Османъ-базара, повѣрить правильность распредѣленія и назначенія войсковыхъ частей и, не задерживаясь, возвратились обратно“... Нѣсколько обождавъ, какъ бы собираясь съ мыслями, добавилъ: „Если вамъ нужно прикрытіе, то опредѣлите какое?“

Отвѣтъ мой былъ лакониченъ: „Не мнѣ судить о надобности и размѣрѣ конвоя. Надѣюсь, что если онъ нуженъ, то будетъ назначенъ во всякомъ случаѣ, одинаково, буду ли я о немъ просить или нѣтъ. Завтра съ разсвѣтомъ я тронусь въ путь“.

— „Какъ хотите“.

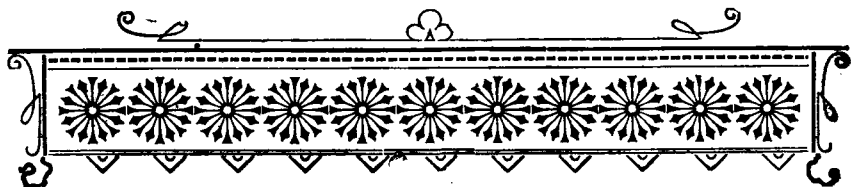
Конвоя не было. Вдвоемъ съ казакомъ мы сдѣлали до восьмидесяти верстъ туда и обратно, менѣе, чѣмъ въ сутки, гдѣ рысью, гдѣ шагомъ, гдѣ вскачь. Я познакомился съ расположеніемъ войскъ генерала Эрнота, успѣлъ набросать кроки мѣстности и совершенно благополучно вернулся обратно съ подробнымъ докладомъ объ исполненномъ порученіи. Правда, на дорогѣ мы попали подъ пули баши-бузуконъ, но миновали ихъ безъ изьяна, и потому не стоило ихъ и поминать. Подъѣзжая къ р. Янтрѣ, уже недалеко отъ Тырнова, намъ встрѣтился топографъ съ мензулой на возу подъ эскортомъ пяти стрѣлковъ и трехъ казаковъ.

Эта командировка меня очень удивила. Она была первою послѣ переправы, въ то время, когда мои сослуживцы уже успѣли ихъ исполнить по нѣсколько. Не разъ случалось, что при возникновеніи необходимости кого-нибудь послать главнокомандующій указывалъ на меня. Но каждый разъ на это получалъ заявленіе начальника штаба о моей крайней необходимости для штаба. Въ дѣйствительности же я палецъ о палецъ не ударялъ.

Г. И. Бобриковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Казиміръ Вавильевичъ Левицкій. Помощ. начальн. штаба. *Ред.*

Воспоминанія объ отцѣ Іоаннѣ Кронштадтскомъ.

Въ 1890 — 1892 г. я жилъ въ Петербургѣ. Въ это время извѣстность отца Іоанна Сергіева Кронштадтскаго была уже въ полной силѣ. Многіе изъ близкихъ мнѣ людей ѣздили въ Кронштадтъ молиться, въ Андреевскомъ соборѣ, во время богослуженія, совершаемаго отцомъ Іоанномъ, а послѣ окончанія церковной службы изыскивали возможность получить благословеніе.

Они рассказывали, какъ трудно достигъ этого, и какъ тамъ молящіяся окружаютъ его постоянно. Глубоко уважая отца Іоанна по всему, что я слыхалъ и читалъ о немъ, я по семейнымъ и служебнымъ обстоятельствамъ никакъ не могъ собраться съѣздить въ Кронштадтъ получить благословеніе отца Іоанна. Въ числѣ моихъ хорошихъ знакомыхъ было семейство Коровиныхъ, скромное, богобоязное со средними финансами къ жизни. Въ одно изъ моихъ посѣщеній къ нимъ, у насъ зашелъ разговоръ объ удивительной силѣ молитвы отца Іоанна, и семейство Коровиныхъ рассказало, что оно испытало на себѣ чудодѣйственную силу его молитвы. Въ семействѣ этомъ была бѣда, не помню достаточно точно подробности ея, а потому не стану пересказывать ее, во избѣжаніе ошибки.

Въ горѣ и отчаяніи, отецъ этой семьи обратился къ отцу Іоанну съ просьбою: помолиться за него и испросить у Господа милости для него. Отецъ Іоаннъ внимательно выслушалъ его, усердно помолился и отпустилъ его, благослова, при чемъ обѣщаль при первой поѣздкѣ въ Петербургъ навѣстить Коровиныхъ, и еще вмѣстѣ съ ними помолиться. По возвращеніи домой Коровинъ услышалъ ободряющія вѣсти, черезъ нѣсколько дней горе само-собою устранилось.

Отець Іоаннъ сдержалъ свое обѣщаніе, пріѣхалъ къ Коровину; какъ нѣчто извѣстное ему, выслушалъ извѣстіе объ успокоеніи Коровиныхъ и сказавъ: „теперь поблагодаримъ Бога за его милость“, усердно, продолжительно молился со всею семьею и утѣшалъ ихъ.

Съ тѣхъ поръ Коровинъ ежегодно просилъ отца Іоанна, въ день годовщины этого счастливаго событія, навѣщать его и снова поблагодарить сообща Господа за Его милость.

Коровинъ сказалъ мнѣ, что приближается день этой годовщины, и что онъ уже писалъ о этомъ отцу Іоанну и просилъ его навѣстить ихъ, и что онъ назначилъ день и часъ, когда будетъ у Коровиныхъ.

Зная мои религіозныя убѣжденія и мое глубокое уваженіе къ отцу Іоанну, Коровинъ предложилъ мнѣ навѣстить его въ указанное время и участвовать въ ихъ общей молитвѣ. Я съ благодарностью принялъ это предложеніе. Къ моему большому огорченію, въ назначенный день Коровинъ извѣстилъ меня, что обстоятельства заставили отца Іоанна отложить свой пріѣздъ на нѣсколько дней, и что онъ извѣститъ меня, когда именно отецъ Іоаннъ будетъ у него. Къ большому моему огорченію, свиданіе это не удалось.

Отець Іоаннъ пріѣхалъ къ Коровину неожиданно, такъ что тотъ не могъ вызвать меня. Онъ сообщилъ однако отцу Іоанну о моемъ желаніи испросить благословеніе. Коровинъ, вѣроятно, высказалъ ему что-либо доброе обо мнѣ, такъ какъ отецъ Іоаннъ выразилъ сожалѣніе, что не можетъ сейчасъ удовлетворить мою просьбу, обѣщавъ сдѣлать это при удобномъ случаѣ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого, я по службѣ былъ перемѣщенъ въ Гродно, гдѣ и живу до сихъ поръ. Такъ мнѣ и не пришлось увидѣть отца Іоанна въ Петербургѣ.

Въ сентябрѣ 1900 года, я тяжело заболѣлъ. Постояннымъ врачомъ моимъ былъ Яковлевъ. Болѣзнь разыгралась такъ, что врачи не могли ее одолѣть. Яковлевъ былъ искусный врачъ, прилагавшій всѣ усилія для облегченія болѣзни. Послѣ трехъ мѣсяцевъ отчаянныхъ страданій, я совершенно ослабѣлъ. При сильномъ упадкѣ моихъ силъ онъ пригласилъ на консиліумъ старшаго врача Гродненской окружной больницы Н. Д. Беклемишева. Онъ выслушалъ меня и призналъ мое положеніе настолько опаснымъ, что счелъ нужнымъ предупредить мою жену о грозящей мнѣ опасности и смерти. Мнѣ конечно ничего не сказали объ этомъ. Я былъ очень слабъ, но сознанія не терялъ ни на мгновеніе, а потому самъ сознавалъ опасное положеніе и близость смерти. На другой день послѣ консиліума, я счелъ нужнымъ высказать своей женѣ, что я чувствую приближеніе смерти. Горе и отчаяніе ея были велики.

На другое утро я пожелалъ причаститься Святыхъ Тайнъ. Жена потребовала новаго созыва консиліума. Собрались тѣ же лица и опредѣлили, что наканунѣ положеніе мое было очень опасное, а теперь же оно безнадежно.

Несмотря на горе свое, жена моя не растерялась, усердно молилась, и Господь внушилъ ей обратиться къ отцу Іоанну. Она написала телеграмму, въ которой сказала: умираетъ отецъ большой семьи, оставляетъ 6 человѣкъ дѣтей и жену. Семья въ горѣ и просить отца Іоанна помолиться вмѣстѣ съ нею о сохраненіи жизни отцу семьи, вѣрующему христіанину. Ночь послѣ причащенія и отправки телеграммы отцу Іоанну жена провела подлѣ меня; я лежалъ почти безъ сознанія и силъ. Я сознавалъ, что жизнь въ нижней части тѣла моего исчезаетъ, я не могъ пошевелить ногами и не чувствовалъ прикосновенія къ нимъ рукъ ухаживающихъ за мною. Это онѣмѣніе органовъ постепенно поднималось выше и, казалось, достигло желудка, такъ какъ я не чувствовалъ боли въ желудкѣ; подъ утро моя жена, измученная, принуждена была оставить меня на попеченіи другихъ и просила меня заснуть. Я лежалъ молча, безъ движенія, но не терялъ сознанія. Утромъ домъ сталъ оживляться. Первою пришла ко мнѣ жена, тревожно всматриваясь въ меня и задавая себѣ вопросъ, живъ ли я. Я сдѣлалъ усиліе и протянулъ ей руку, и только тогда она убѣдилась, что я живъ.

Въ 9 часовъ утра пришелъ фельдшеръ, который приходилъ два раза, утромъ и вечеромъ, и, не войдя ко мнѣ, осторожно справился у прислуги: живъ ли я. Получивъ благопріятный отвѣтъ, онъ недовѣрчиво вошелъ ко мнѣ, осмотрѣлъ меня удивленно, и ушелъ.

Впослѣдствіи онъ рассказывалъ, что докторъ Яковлевъ, лѣчившій меня, признавалъ мое положеніе до такой степени безнадежнымъ, что не рѣшился идти ко мнѣ, не удостовѣрившись, что я живъ. Онъ приказалъ фельдшеру сходить освѣдомиться о моемъ здоровьи и тотчасъ вернуться съ извѣстіемъ. Узнавъ, что я живъ, онъ немедленно явился ко мнѣ самъ, сталъ внимательно осматривать меня; окончивъ, онъ ушелъ въ другую комнату съ моею женою и сказалъ: удивительно сильная у Николая Ксенофонтовича натура, я не надѣялся застать его живымъ. Поразительнѣе всего то, что положеніе не ухудшилось, а наоборотъ улучшилось. Будемъ продолжать лѣчить.

Придя ко мнѣ по обыкновенію, въ тотъ же день вечеромъ, онъ сталъ пробовать мой желудокъ, ноги и спросилъ: чувствую ли я его прикосновеніе; я отвѣтилъ, что чувствую. Онъ удивленно покачалъ головой и, удалившись въ другую комнату, сказалъ моей женѣ: „представьте себѣ, есть улучшеніе. Организмъ

оживаетъ!" Такъ шагъ за шагомъ, почти незамѣтно, болѣзнь стала уступать, и я началъ оправляться. Докторъ Яковлевъ говорилъ, что ничему не приписываетъ мое излѣченіе. Послѣдній консилиумъ, признавшій мое положеніе безнадежнымъ, рѣшилъ, что всѣ средства для моего излѣченія употреблены, ничего новаго предпринимать не надо, это бесполезно. Въ виду этого Яковлевъ предложилъ, для успокоенія семьи моей, давать мнѣ тѣ лекарства, которыя были прописаны раньше и казались недѣйствительными. Яковлевъ говорилъ, что я обязанъ своимъ выздоровленіемъ исключительно своему сильному организму.

Мы съ женой были другого убѣжденія. Мы вѣрили, что улучшение моей болѣзни произошло послѣ молитвы отца Іоанна.

Выздоровленіе мое шло медленно, къ веснѣ я оправился на столько, что могъ уѣхать въ деревню, гдѣ и провелъ лѣто и окрѣпъ совершенно. Возвратившись въ городъ и чувствуя себя достаточно крѣпкимъ, я мечталъ съѣздить въ Петербургъ, навѣстить отца Іоанна въ Кронштадтѣ и высказать ему прямо свою благодарность. Слабость силъ моихъ и семейныя обстоятельства не допустили меня исполнить это искреннее мое желаніе.

Слѣдующею весною, если не ошибаюсь, въ апрѣлѣ 1901 года, настоятель Софійскаго собора въ Гроднѣ протоіерей Кургановичъ сказалъ мнѣ, что отецъ Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ на другой день пріѣдетъ въ Гродно.

Въ этотъ день отецъ Іоаннъ ежегодно ѣздилъ въ православный женскій монастырь, около станціи Сопацкаго въ 20 верстахъ отъ Гродны, и служилъ тамъ обѣдню.

Настоятельница монастыря просила протоіерей Кургановича встрѣтить отца Іоанна на станціи желѣзной дороги, посадить въ присланный ею экипажъ, сопровождать его до монастыря и чествовать. Она также просила протоіерей Кургановича отслужить вмѣстѣ съ отцомъ Іоанномъ службу.

Услышавъ это извѣстіе, я тотчасъ попросилъ протоіерей Кургановича доставить мнѣ возможность видѣть отца Іоанна, чтобы высказать ему свою благодарность за его молитвы и справедливость, а также испросить у него благословеніе. Кургановичъ обѣщаль исполнить мое желаніе.

На другой день городъ Гродно былъ въ волненіи: извѣстіе о пріѣздѣ отца Іоанна быстро распространилось по городу. Утромъ поѣздъ изъ Петербурга не пришелъ, по какой-то неизвѣстной причинѣ, отецъ Іоаннъ пріѣхалъ съ какимъ-то другимъ поѣздомъ около 8 часовъ вечера, тотчасъ перешелъ въ экипажъ настоятельницы и уѣхалъ въ ея монастырь. Время пріѣзда его нельзя было

узнать, а потому его никто не видалъ. Когда онъ отправится обратно въ Петербургъ, также было неизвѣстно; предполагали, что съ поѣздомъ въ 5 часовъ дня.

Вскорѣ разнеслась вѣсть, что отецъ Іоаннъ ѣдетъ въ Гродно, мы съ женой, около 3 часовъ, поѣхали на вокзалъ и стали ожидать прихода поѣзда.

Скоро разнеслась вѣсть, что протоіерей Кургановичъ вернулся изъ монастыря, и что отецъ Іоаннъ слѣдуетъ за нимъ и будетъ пить чай у него. Жена Кургановича была давно уже больна; при посѣщеніи дома Кургановичей отцомъ Іоанномъ, всѣ тотчасъ изъявили желаніе, чтобы отецъ Іоаннъ благословилъ больную.

Вотъ что рассказалъ мнѣ впоследствии самъ Кургановичъ. Когда отецъ Іоаннъ ѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ коляскѣ, то тотъ разспрашивалъ его о семейной жизни. Кургановичъ высказалъ ему свое огорченіе о продолжительной, затянувшейся болѣзни жены и мгновенно рѣшилъ на обратномъ пути просить отца Іоанна заѣхать къ нему и благословить его жену.

По окончаніи богослуженія отецъ Іоаннъ обратился къ Кургановичу и сказалъ: я не могу отказаться отъ гостепріимства и у игуменства, но я останусь въ монастырѣ не долго, а потомъ къ тебѣ отдохнуть.

Такимъ образомъ желаніе Кургановича, видѣть отца Іоанна у себя въ домѣ, исполнилось безъ его просьбы. Онъ поблагодарилъ отца Іоанна и попросилъ у него позволеніе тотчасъ уѣхать домой предупредить больную жену о неожиданномъ счастіи. Отецъ Іоаннъ благословилъ его и отпустилъ. Не прошло и полчаса по приѣздѣ Кургановича домой, какъ подъѣхалъ отецъ Іоаннъ. Благословивъ встрѣтившую его семью, онъ спросилъ у Кургановича: а гдѣ же супруга его? Тотъ отвѣчалъ, что она лежитъ въ постелѣ, и что она не можетъ встать, чтобы встрѣтить его. „Такъ ведите меня къ ней!“ сказалъ отецъ Іоаннъ, пришелъ въ комнату больной, благословилъ ее, утѣшилъ, помолился съ ней и сказалъ: „вставайте! приходите къ намъ—будемъ вмѣстѣ пить чай“. Больная безсознательно повиновалась требованію его, съ усиліемъ поднялась, одѣлась и пошла въ гостиную, гдѣ сидѣлъ отецъ Іоаннъ. Тотъ привѣтствовалъ ее, усадилъ подлѣ себя и потребовалъ, чтобы она вмѣстѣ съ ними напилась чаю; безмолвно повинувшись волѣ отца Іоанна, она выпила немного чаю; отецъ Іоаннъ подбадривалъ ее и заставилъ выпить ее вторую чашку. Она безсознательно, понемногу выпила все это. Наконецъ, отецъ Іоаннъ всталъ и началъ прощаться съ хозяевами. Благослова больную, онъ сказалъ ей: не унывайте, Богъ милостивъ, выздоравливайте! Протоіерей Кургано-

вичь проводилъ отца Іоанна на вокзалъ, гдѣ образовалась вокругъ отца Іоанна многотысячная толпа.

Какъ только онъ вышелъ изъ коляски, ожидавшіе окружили его, испрашивая благословенія. Онъ терпѣливо исполнялъ ихъ просьбу, но при этомъ говорилъ: „помилуйте, пропустите меня къ моему вагону“. Болѣе благоразумные люди стали раздвигать толпу, онъ постепенно подвигался къ вагону. Къ моему счастью мы съ женой стояли на его пути, онъ прошелъ подлѣ насъ, мы подошли подъ благословеніе. Вѣроятно онъ замѣтилъ мое искреннее благоговѣніе къ нему: онъ, благословляя меня, приостановился, молча внимательно всмотрѣлся въ мое лицо, кивнулъ мнѣ головою и молча пошелъ дальше. Дойдя до вагона, онъ вошелъ въ него. Въ вагонѣ находились лица, сопровождавшія его въ пути; вагонъ тотчасъ заперли, но отецъ Іоаннъ минутъ черезъ пять подошелъ къ окошку, спустилъ стекла и сталъ опять благословлять стоявшихъ у окна. Снисходительно нагибался онъ, многимъ клалъ руку на голову, другихъ только благословлялъ и все время твердилъ: „да благословить васъ Господь, молитесь Его“. Къ всеобщему ужасу, обратясь къ двумъ женщинамъ, добивавшимся его благословенія, онъ недалъ имъ его и строгимъ голосомъ сказала: „молитесь, много молитесь!“ и тотчасъ обратился къ другимъ, продолжая благословлять. Кто были эти несчастныя, не знаю. Онѣ въ ужасѣ со слезами отошли отъ окна и скрылись въ толпѣ. Это продолжалось съ часъ до самаго отхода поѣзда, и все-таки, кажется, не всемъ удалось получить благословеніе. Когда поѣздъ тронулся, онъ стоялъ у окна, все еще благословляя стоявшихъ, нѣсколько разъ перекрестилъ стоявшихъ, какъ бы молясь за нихъ.

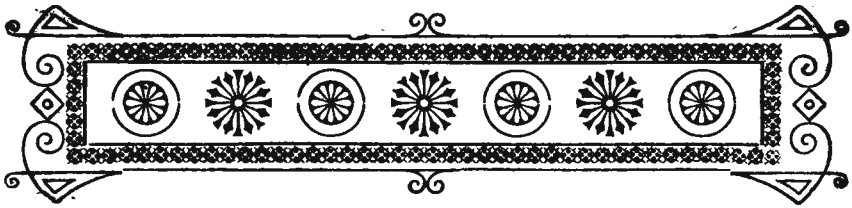
Мнѣ не пришлось болѣе никогда видѣть отца Іоанна, но зрѣлище пріѣзда его въ Гродно произвело на меня неизгладимое впечатлѣніе, еще болѣе усилило мое уваженіе къ нему и вѣру въ его чудодѣйственную силу, любви къ людямъ и въ его представительство предъ Господомъ. Глядя на эту тысячную толпу, съ благоговѣніемъ обращавшую свои взоры на него, съ такою вѣрою искавшую прикосновенія къ его рукѣ, его благословенія невольно думалось: неудивительно, что я, обязанный жизнью, съ молитвою, вѣрою и любовью смотрю на него, но что же влечетъ всѣхъ этихъ людей къ нему, неужели и они испытали силу его молитвы?

Отецъ Іоаннъ былъ рѣдкій психологъ. Вглядываясь въ лица окружающихъ его людей, онъ ясно видѣлъ ихъ страданія, онъ понималъ, сколько умоляющихъ взглядовъ устремлено на него; благословляя, онъ клалъ руку на плечо или голову, и показывалъ этимъ, что онъ понимаетъ горе и хочетъ помочь.

Именно это безмолвіе, вдумчивый, ласковый взглядъ отца Іоанна возбуждаетъ вѣру во всѣхъ окружающихъ его. Простота въ обращеніи его была удивительна. Онъ никогда не разыгрывалъ какой-либо важной роли. Онъ не любилъ торжественныхъ службъ, отдѣлялся, какъ бы мимо ходилъ, между прочимъ. Не для увеличенія славы отца Іоанна я рассказалъ все изложенное мною. Основное побужденіе, мое чувство благодарности, желаніе рассказать другимъ, сколько утѣшенія, сколько чистой духовной радости сѣялъ онъ вокругъ себя. Онъ, не зная меня, молился за меня, безъ просьбы былъ у Кургановича, утѣшалъ, ободрялъ его, испѣлывъ его жену и усталый посвятилъ нѣсколько часовъ на утѣшеніе неизвѣстной ему толпы. Вотъ почему людямъ дорога его память, вотъ почему до сихъ поръ къ нему обращаются труждающіеся и обремененные и вѣрятъ, что въ загробной жизни онъ любитъ человѣчество, готовъ помочь ему.

Сообщ. В. Полевая.

Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи.

Г л а в а I.

Назначеніе эскадроновъ на усмиреніе въ Курляндію.—Дорога въ Митаву.—Западная Двина.—Слухи о латышской революціи.—Баронскіе замки.—Отношеніе къ войскамъ.—„Военный совѣтъ“ у губернатора.

Въ концѣ іюля 1905 года кавалерійскій полкъ шелъ по дебрямъ Бѣлоруссіи.

Стояла томительная жара безъ малѣйшаго дуновенія въ раскаленномъ воздухѣ. Первобытная дорога пролежала то по сыпучимъ пескамъ, окутывавшимъ эскадроны мельчайшею пылью, то по болотамъ, преддверію знаменитаго Полѣсья, съ тучами назойливѣйшихъ насѣкомыхъ. Убогія деревни, попадавшіяся по пути, съ кое-какъ сложенными изъ неотесанныхъ бревенъ избами при ужасающей грязи во дворахъ, производили гнетущее впечатлѣніе. Ни садика, ни опрятнаго строенія, ни проблеска довольства!

По обыкновенію, вступая въ деревни, трубачи продували отъ пыли свои трубы и начинали лѣниво наигрывать какой-нибудь затасканный маршъ. На вялые звуки его выбѣгали въ однѣхъ рубашенкахъ немтыя, нечесанныя дѣтишки, такіе же неопрятные взрослые и съ тупыми застывшими лицами смотрѣли на „москалей“ бабы. И невеселое настроеніе отъ всего этого только усиливалось. А впереди предстояло не мало такихъ скучныхъ дней—лѣса, болота, деревни, въ которыхъ, въ довершеніе всего, приходилось и ночевать.

Въ одинъ изъ такихъ дней предъ самымъ выступленіемъ въ дальнѣйшій путь получено было предписаніе немедленно выдѣлить изъ состава полка два эскадрона, форсированнымъ маршемъ вернуть ихъ въ штабъ, чтобы оттуда спѣшно по желѣзной дорогѣ направить въ Митаву. Два эскадрона полка задолго предъ тѣмъ уже были посланы бороться съ внутренними врагами—крестьянами за ихъ аграрныя вождѣнія и евреями, стремящимися расширить кругъ своей эксплуатаціонной дѣятельности. Непризванный пока подавлять беспорядки, дивизіонъ пошелъ себѣ дальше—ему въ поганомъ городкѣ предстояло отбыть скучнѣйшіе „сборы съ пѣхотой“, а послѣ тою же дорогою вернуться обратно. Никому не улыбалась и эта перспектива, а все же она была привлекательнѣе „усмиренія“, „содѣйствія гражданскимъ властямъ“.

Изъ краткихъ сообщений, время отъ времени появлявшихся въ газетахъ, смутно было извѣстно, что въ Прибалтійскомъ краѣ творится что-то неладное. Но мало кто интересовался этими отрывочными извѣстіями. Кой-гдѣ въ Бѣлоруссіи и въ другихъ соседнихъ мѣстахъ начинались уже беспорядки, но имъ тогда еще не удѣляли должнаго вниманія. Никто не думалъ, что это грозные предвѣстники огромнаго пожара, скоро озарившаго своимъ зловѣщимъ заревомъ страну отъ Вислы до Тихаго океана.

Драгунъ, собственно не знавшихъ, съ какимъ врагомъ они ѣдутъ биться, быстро повезли на Минскъ, Вильно, Двинскъ въ совсѣмъ невѣдомую имъ Курляндію. „Бунтуютъ тамъ какіе-то латыши“. Кто они такіе, что ихъ понудило бунтовать? Мало ли разныхъ народовъ въ обширной Россіи живетъ—всѣхъ не узнаешь! Нѣкоторые, впрочемъ, знали, что въ Курляндіи обитали бароны, что край тотъ въ нѣкоторомъ родѣ фантастическій, такъ какъ извѣстно, вѣдь, что каждому изъ нихъ присуща своя фантазія.

Эшелонъ быстро слѣдовалъ впередъ, не задерживаясь на станціяхъ, даже очень большихъ, передаточныхъ. Для нашихъ дорогъ это совсѣмъ необычно, изъ чего и заключить было можно, что впереди предстояло что-то серьезное. На станціяхъ уже говорили, что въ Курляндіи идетъ сильное движеніе среди латышей, поднимавшихся противъ своихъ многовѣковыхъ угнетателей и долго мирволившей имъ власти.

Но въ Крейцбургѣ, гдѣ нужно было свернуть на недалекую уже Митаву, эшелонъ споткнулся. Причина задержки неизвѣстна была и станціонному начальству. Послѣ чуть не полусуточного томительнаго ожиданія тронулись дальше.

Переѣхали красавицу Двину „съ серебряными берегами и золотымъ дномъ“ (слова Іоанна Грознаго), этотъ древній Эриданъ и

знаменитый путь „изъ Варягъ въ Греки“. Широкая рѣка течетъ здѣсь въ высокихъ скалистыхъ берегахъ. За нею лежитъ Курляндія. Въ глубокой древности еще сюда стремились финикияне, греки, римляне за янтаремъ, цѣнившимся тогда выше драгоцѣннѣйшихъ камней: Геліады, дочери солнца (Геліуса) запрягли Фаэтону отцовскую колесницу. Юноша не справился съ безсмертными ковами, сбился съ пути. Земля едва не была охвачена общимъ пожаромъ. Но Зевсъ-Громовержець ударомъ молніи въ-время поразилъ Фаэтона. Тѣло его свалилось въ Эриданъ. Геліады плакали о гибели брата, слезы ихъ обращались въ янтарь. У грековъ онъ такъ и назывался— „слезами Геліадъ“.

Народы, жившіе по Двинѣ, платили дань полоцкимъ князьямъ, въ нижнемъ теченіи ея стали уже возникать русскіе города (Герсикъ, Кукейнось), владѣнія ихъ постепенно распространялись все дальше, къ „выходу въ море“. И затянувшаяся послѣ на много вѣковъ историческая задача еще тогда легко могла рѣшиться. Но неблагоприятный своими послѣдствіями для страны вѣтеръ (во второй половинѣ XII в.) прибилъ въ Двину корабль нѣмецкихъ купцовъ. Они поторговали, хорошо поживились, стали повторять визиты и безпрепятственно заводятъ колоніи. Но вотъ въ 1186 г. на берегъ Двины высадились нѣмцы—воины, неся съ собою крестъ для просвѣщенія язычниковъ и мечъ. Русскіе князья позволили Мейнгарду „проповѣдовать слово Божіе“, не предвидя, сколько горя странѣ принесло съ собою водвореніе пришельцевъ, сколько потоковъ крови прольетъ просвѣтительный мечъ!

Скоро (1202 г.), по мысли епископа Альберта, „вооруженнаго апостола Ливоніи“,—папа Иннокентій III учредилъ духовно-рыцарскій орденъ. На призывъ Св. Отца въ край устремились толпы рыцарей заслужить въ борьбѣ съ язычниками обѣщанное отпущеніе грѣховъ. Соглашавшихся страха ради креститься—порабощали, упорствовавшихъ—истребляли. Съ того времени здѣсь началось полное владычество нѣмцевъ.

Не доѣзжая Митавы всего лишь одной версты, поѣздъ былъ снова задержанъ часа на два, что было уже совсѣмъ неудобно. Приближался вечеръ. Хотѣлось къ тому же скорѣе посмотреть этотъ городъ, бывшую столицу герцоговъ курляндскихъ, изъ котораго одинъ такъ долго угнеталъ Россію.

Приѣхали, наконецъ, „выгрузились“. Эскадроны встрѣтилъ любезнѣйшій вице-губернаторъ, а спустя нѣсколько минутъ прибылъ и самъ „благополучно“ управлявшій губернією ужъ лѣтъ десять. Пригласивъ офицеровъ явиться къ нему въ 11 часовъ ночи на „военный совѣтъ“, оставилъ онъ одинъ эскадронъ въ самомъ городѣ,

другой отправилъ въ ближайшее имѣніе. Съ послѣднимъ, перейдя полноводную р. Аа, по прекрасному шоссе, мы направились въ назначенную стоянку—им. Паульсгнаде—Павла даръ.

Что это могло значить, какого Павла? Скоро разъяснилось—на дорогѣ, гдѣ свернули въ самое имѣніе, стоитъ памятникъ съ бюстомъ Павла I и надписью, гласящею, что имѣніе, въ границы котораго въѣзжали, было пожаловано барону Императоромъ. Послѣ присоединенія Курляндіи къ Россіи (1795 г.) въ казну перешло очень много герцогскихъ имѣній. Ими-то и награждались ловкіе люди. Екатерина II осыпала своихъ любимцевъ помѣстями съ тысячами „душъ“ за одни подвиги, сынъ ея—за другіе—искусное, напр., владѣніе шпагой, знаніе тонкостей запутанныхъ военныхъ уставовъ и пр. въ этомъ родѣ. Къ Паульсгнаде принадлежатъ хорошіе два замка и цѣлый лабиринтъ капитальныхъ построекъ.

Въ Курляндіи имѣнія называются мызами, помѣщичьи дома не-премѣнно замками, если даже они ничего общаго съ ними не имѣютъ. Приходилось слышать это громкое названіе, примѣняемое къ небольшимъ деревяннымъ домамъ. Обыкновеніе такъ величать баронскія жилища объясняется просто: они вѣдь всѣ рыцари, а рыцарь и замокъ—нераздѣльные понятія.

Первый просвѣтитель страны, августинскій монахъ Мейнгардъ—началъ свою дѣятельность съ постройки замковъ. Съ теченіемъ времени укрѣпленныхъ замковъ нѣмцы понастроили очень много—это были тѣ неприступныя орлиныя гнѣзда, съ которыхъ они слетали за добычею и, благодаря которымъ, держали въ повиновеніи покоренный народъ. Побѣдители, подѣливъ между собою страну, всегда жили и продолжаютъ жить среди враждебнаго имъ населенія—высокомѣрнаго взгляда на него они не измѣнили и понынѣ, плоды чего теперь и пожинаютъ.

Громаднѣйшій баронскій домъ въ Паульсгнаде угрюмо стоялъ съ запертыми ставнями. Толпа революціонеровъ являлась сюда диктовать свои экономическія условія. Они были несоразмѣрно велики, принять ихъ не было возможности. Случай убійствъ бароновъ были уже. И, опасаясь повторенія нежеланныхъ визитовъ, владѣлецъ покинулъ имѣніе. Для охраны его теперь водворялся цѣлый эскадронъ.

Администрація встрѣтила драгунъ съ распостертými объятіями, любезно предоставляя все въ ихъ распоряженіе, говоря, что таково „повелѣніе г-на барона“. А такъ еще недавно, когда въ губервіи бывали иногда маневры, бароны и графы весьма неохотно терпѣли въ границахъ своихъ обширныхъ помѣстій войска. За самый пустой причиненный ущербъ, чего подчасъ избѣжать невозможно, тотчасъ же сыпались энергичные протесты и жалобы—до военного министра

включительно. Часто намъ приходилось и испытывать на себѣ отношенія надменныхъ потомковъ рыцарей къ маневрирующимъ. Промоченные до костей холодными осенними дождями, на которые Курляндское небо такъ щедро, офицеры подчасъ пытались найти гостепрѣимство для себя и солдатъ подъ кровомъ имѣній, но обыкновенно встрѣчали отказъ, даже въ просьбѣ продать молоко. Въ баронскихъ имѣніяхъ отводить квартиръ нельзя—они „свободные отъ постоя“, хотя обыкновенно въ каждомъ замкѣ имѣются десятки запасныхъ комнатъ, всегда готовыхъ принять гостей. Для солдатъ и лошадей нашлись бы также прекрасныя помѣщенія. Иногда исключенія дѣлались для кавалеристовъ—къ нимъ еще снисходили. Среди мѣстнаго дворянства много отставныхъ кавалеристовъ, болѣе всего гвардейскихъ, съ ихъ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ арміи. Но обстоятельства измѣнчивы: владѣльцы замковъ, забывъ свою гордость, теперь всячески стали ухаживать даже за солдатами, видя въ нихъ спасителей; и сами уже обращались съ просьбами поставить въ имѣніе „хотя-бы нѣсколько драгунъ“. Словомъ, картина рѣзко измѣнилась. Офицеры, памятья прежнее, посмѣивались себѣ. Съ 1-го августа курляндское дворянство начало даже отпускать „на улучшеніе пищи“ по 10 коп. въ день на cadaго нижняго чина и суточные: командирамъ ротъ, эскадроновъ по 4 руб., прочимъ офицерамъ по 3. Отъ полученія этой подачки, по благо-разумному предложенію генераль-губернатора, офицеры уклонились. Черезъ мѣсяць отпускъ нижнимъ чинамъ былъ сокращенъ до 3 коп., послѣ до 2-хъ, а съ декабря и совсѣмъ прекратился. Правда, и платить-то собственно было не за что—замки начали систематически сжигаться латышами, а войска въ безсиліи своемъ даже очистили уѣзды, города.

Но эта плата войскамъ, какъ бы пришедшимъ исключительно только для защиты баронскаго имущества, чему свидѣтельствовало размѣщеніе ихъ небольшими командами по имѣніямъ, давала основаніе революціонерамъ называть ихъ въ прокламаціяхъ „наемниками бароновъ“. А это немало подрывало ихъ въ глазахъ населенія, возставшаго, помимо прочаго, противъ нѣмецкаго феодализма.

Въ 11 часовъ ночи офицеры собрались у губернатора на „военный совѣтъ“. Кромѣ нихъ, въ немъ приняли участіе: вице-губернаторъ, начальникъ гарнизона, уѣздн. начальникъ, предводитель дворянства, комиссаръ по крестьянскимъ дѣламъ, прокуроръ и др. Отсутствовали только почему-то жандармы. Странно было предъявленное губернаторомъ требованіе: выяснить, какъ глубоко въ его губерніи пустила корни пропаганда, и какъ многочисленны

шатавшіяся по краю партіи революціонеровъ. И это послѣ десятилѣтняго хозяйничанья въ губерніи. Что дѣлали жандармы и полиція, прозѣвавшіе развитіе движенія! Что дѣлалъ, наконецъ, самъ губернаторъ! Его, впрочемъ, недѣли черезъ двѣ уволили. Задавъ такой вопросъ, губернаторъ предложилъ членамъ совѣта высказать свое мнѣніе.

Уѣздный начальникъ весьма обстоятельно доложилъ о вынесенномъ имъ изъ объѣзда впечатлѣніи. Явствовало, что все обстояло неблагополучно. Толпы революціонеровъ, которыхъ впрочемъ лично онъ не видѣлъ, шатались по уѣзду, громили волостныя правленія, пастораты, разстрѣливали въ первыхъ портреты Государя Императора. Далѣе жгли безпощадно у помѣщиковъ сѣно и хлѣбъ. Выходило, что губернаторъ имѣлъ уже дѣло чуть что не съ начинающимся открытымъ возстаніемъ. Уѣздный начальникъ только не зналъ, какъ измѣрять численность шаекъ—сотнями или тысячами. По этой части свѣдѣнія были сбивчивы. Митавскій уѣздъ съ довольно развитой промышленностью, съ большимъ числомъ рабочаго люда, съ преобладаніемъ въ мѣстечкахъ еврейскаго населенія, считался у властей неблагонадежнымъ.

Говорили потомъ и другіе. Изъ ихъ рѣчей можно было заключить, что они мало свѣдуци, и что нѣкоторымъ изъ нихъ менѣе всего знакомъ русскій языкъ. Одного и совсѣмъ нельзя было понять. Рѣчь его внесла оживленіе въ скучнѣйшій совѣтъ. Ораторъ, нервно вертя въ рукахъ карандашъ, говорилъ буквально такія фразы: „моя пришла“... О! ја... моя пришла...“ Запутавшись окончательно въ дебряхъ невѣдомаго ему языка, ораторъ сконфузился и умолкъ. Жаль, этикетъ не позволялъ посмѣяться!

Въ заключеніе говорилъ прокуроръ. Послѣ курьезныхъ издѣвательствъ надъ государственнымъ языкомъ, пріятно было послушать прокурора. Въ весьма мрачныхъ краскахъ обрисовалъ онъ положеніе дѣлъ въ губерніи и въ ближайшемъ будущемъ предсказывалъ еще худшее. Намъ думалось тогда, что прокуроръ, такъ сказать, по специальности своей сгущаетъ краски. Къ сожалѣнію, онъ оказался правъ. Губернаторъ почти каждаго грубо, по-помпадурски (и голосъ-то у него подходящій) перебывалъ, вставлялъ замѣчанія, поправки. Нельзя сказать, чтобы онѣ были глубокомысленны и свидѣтельствовали о знаніи „ввѣреннаго“ ему края. Ходили слухи, что имъ собственно управлялъ не онъ, находясь одновременно подъ вліяніемъ двухъ враждебныхъ элементовъ въ губерніи.

По окончаніи выясненія, начался разрабатываться планъ подавленія возстанія. Слабымъ эскадронамъ ставилось въ задачу: раздробившись на маленькіе отряды, все время ходить по уѣзду (съ воз-

вращеніемъ въ Митаву), наблюдать, хватать и крамолу искоренять. Выходило какое-то *perpetuum mobile*. Въ наступившую критическую минуту губернатору приходилось проявлять энергію. Инструкція дана была дѣйствительно энергичная, но—неудобоисполнимая. Ее на другой же день нѣсколько исправили, подробности разработали, указали пункты, чуть не часы, гдѣ и какъ ловить и т. д. Но непредвидѣнное донесеніе въ тотъ же день послужило причиною, что вся инструкція пошла на смарку. Такова уже участь всѣхъ сложныхъ предначертаній, не берущихъ во вниманіе измѣнчивости обстоятельствъ!

Военный совѣтъ разошелся около 3 часовъ ночи.

Администраторы, вѣрно, заснули спокойно,—они исполнили свой долгъ—преподали инструкцію. Не хорошо только чувствовали себя военные—имъ навязали не совсѣмъ подходящую роль. Ну, разогнать, вздуть—это просто, а то выясняй, пресѣкай, арестовывай.

Слѣдующій по прибытіи день давался на устройство помѣщеній эскадроновъ и отдыхъ предъ предстоящими трудами.

Е. А. Альбовскій.

Секретное предписание Начальника 1-й армии генералу
Цвиленеву.

(Арх. Канц. Воен. Минис. св. 24, д. № 3)¹⁾.

5 июня 1817 г.

До свидѣнія моего дошло, что въ 33-мъ егерскомъ полку при ученьяхъ употребляется столь жестокое наказаніе нижнихъ чиновъ, какъ бы и за самое преступленіе.

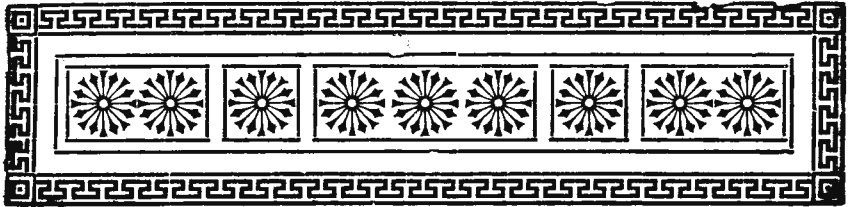
Ваше Превосходительство сами чувствовать изволите, что обученіе солдата болѣе зависитъ отъ благоразумія и кроткаго обращенія офицеровъ, нежели отъ наказанія, которое напротивъ отнимаетъ у непонятливаго охоту къ службѣ и приводитъ къ огорченію до такой степени, что служитъ поводомъ къ побѣгамъ и даже къ самымъ самоубійствамъ.

Почему предлагаю Вашему Превосходительству секретнымъ образомъ внушить Командиру и всѣмъ вообще офицерамъ 33 егерскаго полка, что ошибки въ ученьи должны быть исправляемы хладнокровно, кроткимъ и яснымъ истолкованіемъ на то правилъ; всякая же горячность въ семъ случаѣ и неумѣренность въ наказаніи отнюдь терпимы быть не должны.

Сообщ. В. П. Федоровъ.

¹⁾ Копія снята собственноручно ген.-л. Дубровинымъ. На ней помѣтка его рукою: перомъ — „Положеніе солдатъ“, карандашемъ — „Строгости въ войскахъ“.

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой¹⁾.

Г л а в а I.

два окончилась русско-турецкая война, какъ явились ея послѣдствія: Афганистанская война и возстанія въ Македоніи.

Въ то время, какъ Биконсфильдъ грозилъ войной Россіи и тайно готовилъ экспедицію изъ индійскихъ войскъ, чтобы завладѣть Кипромъ, съ согласія, или безъ согласія султана, русскіе, съ своей стороны, готовились отплатить тѣмъ же. По соглашенію между Россіей и Англіей, заключенному въ министерство Гладстона, Афганистанъ признавался территоріей въ сферѣ англійскихъ интересовъ, которой Россія не должна была касаться. Въ Кабуль не существовало русскаго аккредитованнаго лица. Содержаніе и вооруженіе Эмира дѣлалось индійскимъ правительствомъ для того, чтобы Афганистанъ могъ служить какъ бы буферомъ, независимымъ, но дружественнымъ съ Англіей.

Пока Россія и Англія находились въ мирныхъ отношеніяхъ, это соглашеніе свято исполнялось. Когда же Россія стали открыто грозить войной, и арсеналы Англіи готовили вооруженіе, чтобы напасть на русскія войска въ Болгаріи, положеніе измѣнилось. Ради самозащиты въ Европѣ, Россія послала въ Азію генерала Столѣтова, съ небольшимъ конвоемъ и любезнымъ порученіемъ въ Кабуль.

¹⁾ См. „Русск. Старину“ январь 1912 г.

Когда въ Европѣ водворился миръ, Столѣтовъ возвратился изъ Афганистана, и тѣмъ дѣло со стороны Россіи и кончилось.

„Въ Англіи, пишетъ Стэдъ, борьба не прекратилась такъ быстро. Напротивъ: тутъ даже проявилась воинственность съ тѣхъ поръ, какъ лордъ Литонъ былъ назначенъ вице-королемъ, чтобы объявить королеву Императрицей Индіи; его беспокойный духъ жаждалъ отличія: ему хотѣлось непремѣнно исправить сѣверо-западную границу Индіи, что значило тогда, какъ и теперь, захватъ чужой территоріи. Онъ желалъ превратить Афганистанъ въ вассальное государство Англіи, имѣть въ Кабулѣ британскаго посланника, а Кандагаръ занять англійскими офицерами. Эмиръ Ширъ-Али, человекъ своенравный подобно Саулу Царю Израильскому, но не имѣвшій Давида, укрощающаго его нравъ искусной музыкой, — скоро понялъ грозящую ему опасность. Онъ сталъ подозрителенъ и недружелюбенъ. Чѣмъ суровѣе дѣлался онъ, тѣмъ очевиднѣе казалась лорду Литону необходимость исправленія границы. Всѣ эти предположенія, однако, были отложены при объявленіи Русско-Турецкой войны, которая отвлекла вниманіе Англіи на Ближній Востокъ, а Россіи дала мысль о возможности войны съ Англіей въ Европѣ и въ Азіи. Ширъ-Али, мрачный, недоувѣрчивый, испуганный, заботился только о своей независимости и цѣлости своей страны; одинаково не любилъ какъ русскихъ, такъ и англичанъ, но такъ какъ послѣдніе грозили его независимости, то его глаза невольно обратились къ Средне-Азіатскимъ степямъ, изъ-за холмовъ которыхъ виднѣлась тѣнь Великаго, Бѣлаго Царя.

13-го іюля, когда былъ подписанъ Берлинскій трактатъ, и война не состоялась; генералъ Столѣтовъ былъ уже на пути изъ Самарканда въ Кабулъ. Онъ прибылъ въ Кабулъ, и 2-го августа былъ принятъ Эмиромъ.

Англійскіе министры въ это время хвастались своимъ „миромъ“, и появленіе генерала Столѣтова въ Кабулѣ ихъ встревожило. Надо помнить, что тотъ же Ширъ-Али англійскихъ офицеровъ вовсе не принималъ въ свою столицу.

Здравая политика Великобританіи требовала бы спросить у Россіи объясненій Столѣтовскаго визита въ Кабулъ. Генерала, вѣроятно, бы отозвали, и все осталось бы по-прежнему. Но не тутъ-то было: на Россію Англія напасть теперь не хотѣла, а предпочла распрю съ несчастнымъ Ширъ-Али. Джингоистская партія неистовствовала. Часть Индіи, жаждущая „научной границы“, и престижъ Англіи въ Средней Азіи страдали. Въ сентябрѣ Англія отправила въ Кабулъ тысячный отрядъ. Но 1.000 человекъ для войска слишкомъ мало, а

для конвоя слишкомъ много. Отысканъ былъ и пустынный предлогъ для новой несчастной войны въ Афганистанѣ.

Въ это самое время г-жа Новикова возвратилась въ Лондонъ и принялась за свой полезный трудъ—разъяснять англійской публикѣ русское мнѣніе о нихъ и ихъ политикѣ въ Европѣ и въ Азіи. Еще до своего приѣзда, она уже переписывалась съ Гладстономъ о Родонской комиссіи.

На эту же тему писалъ ему и я, спрашивая также его мнѣніе о Кабульскомъ и Афганистанскомъ вопросахъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ 18-го сентября, въ самый день отъѣзда англійской миссіи въ Кабуль:

18 сентября 1878 г.

Милостивый Государь.

„На прошлой недѣлѣ Вы обратились къ мнѣ съ вопросомъ, я думаю потому, что находились въ затрудненіи, а я былъ въ затрудненіи Вамъ отвѣчать; все это происходитъ оттого: 1) что для насъ неясны самые факты. Однако, мнѣ кажется, что Daily News слишкомъ поспѣшно утверждалъ о необходимости движенія впередъ, когда мы были еще въ потемкахъ; 2) что слѣдовало разсудить, была ли посылка нашихъ войскъ въ Квету согласована съ договоромъ нашимъ съ Россіей относительно сферъ нашего обоюднаго вліянія? 3) освободитъ ли нашъ образъ дѣйствій Россію отъ ея обязательствъ и дастъ ли ей дѣйствительную причину неудовольствія? 4) Разумно или законно ли озлобленіе противъ Афганистана? 5) Не равняется ли вмѣшательство въ независимость Эмира принужденію?“

„Сегодня получилъ Вашу записку съ приложеніемъ отъ г-жи Новиковой. Оно ясно и даетъ лучшее понятіе о комиссіи, чѣмъ я прежде имѣлъ. Но все же оно меня не удовлетворяетъ. Авторъ говоритъ, что членъ французской комиссіи хорошій человекъ, и что докладъ написанъ имъ, а не русскимъ. Вашъ искренно

Гладстонъ.

Когда пришло извѣстіе о возвращеніи англійской миссіи, говорить Стэдъ, я сильно наставлялъ на собраніи митинговъ для протеста противъ второй Афганской войны и увѣдомилъ объ этомъ Чемберлена.

„Въ отвѣтъ на Вашъ вопросъ, написалъ тотъ: я сомнѣваюсь, чтобы рядъ митинговъ по поводу индійской политики принесъ какую бы то ни было пользу въ настоящее время.“

Ольга Алексѣевна, между тѣмъ, помѣстила три статьи въ „Сѣверномъ Эхо“ (Northern Echo): одну о впечатлѣніи въ Россіи отъ

англійской поликики въ Европѣ, вторую о грозящей войнѣ съ Афганистаномъ и третью о возстаніи въ Македоніи. До того, какъ она начала писать, она возобновила знакомство съ Томасомъ Карлейль, какъ видно изъ слѣдующаго письма отъ 6-го октября.

„Я провела часа два съ милымъ старикомъ Карлейлемъ. Мы вмѣстѣ гуляли, ѣздили въ омнибусѣ, онъ меня проводилъ до моей гостиницы и просилъ заѣхать, въ какой день я хочу, до трехъ,—тогда мы опять покатаемся, только въ каретѣ, это для него своего рода прогрессъ. „Знаете, я думалъ, въ прошломъ году, что никогда больше Васъ не увижу. Не странно ли, что я еще живъ?“ сказалъ онъ. Милый старикъ! Кажется, онъ искренно былъ радъ меня видѣть и безпрестанно повторялъ это. Я спросила: имѣлъ ли онъ извѣстія отъ Васъ. „Лишь только, когда въ газетѣ есть что-нибудь написанное Вами, я очень благодаренъ издателю за присылку мнѣ газеты, отвѣчалъ онъ. Но политика большое мѣсто въ наше время. Съ проклятымъ нашимъ премьеромъ стыдишься того, что происходитъ“.

Друзья г-жи Новиковой сильно поощряли ея склонность къ журналисткѣ. Она мнѣ писала:

23 октября 1878 г.

„Хейвардъ говоритъ въ своей запискѣ: Я прочиталъ письмо и передовую статью о немъ съ большимъ удовольствіемъ. Во всемъ совершенно согласенъ съ Вами. Роль наша жалка и презрѣнна. Представитель Англій шарлатанъ, но надо надѣяться, что рано или поздно наступитъ разоблаченіе“.

„Фрудъ относится также дружески къ ней: „О. К. хороша какъ нельзя болѣе“, пишетъ онъ. Вотъ письмо г-жи Новиковой:

„Вчера я навѣстила Карлейля. Какъ только онъ увидѣлъ меня, онъ воскликнулъ: Я нахожу Вашу статью очень хорошей и интересной. Я Вамъ не стану говорить комплиментовъ, но это сущая правда. Я не зналъ анекдота про Фридриха-Вильгельма, но это совершенно въ его духѣ. Онъ говорилъ, бывало: смотрите мнѣ прямо въ глаза, когда я съ Вами говорю“.

Анекдотъ о Фридрихѣ-Вильгельмѣ былъ таковъ: чтобъ заставить человѣка его любить, императоръ билъ его палкой, прибавляя: „меня нужно любить, а не бояться“. Г-жа Новикова привела его, какъ иллюстрацію къ англійскому способу приобрѣтенія дружбы Ширъ-Али.

Каноникъ Лидонъ писалъ изъ Оксфорда 22 октября:

„Я только-что прочиталъ съ истиннымъ интересомъ и сочувствіемъ Ваше письмо въ „Сѣверномъ Эхо“. Мнѣ кажется совершенно

естественнымъ, что русскій народъ негодуеъ на насъ. Мы, англичане, вели себя какъ нельзя хуже. Какъ нація, мы были то хвастливы, то подозрительны, то грубы, то циничны, дѣлали все, чтобъ возбудить недоброжелательство. Русскіе были бы ангелы, если бъ не считали насъ за чертей.

„Одна или двѣ фразы въ Вашемъ письмѣ даютъ мнѣ смѣлость выразить Вамъ надежду, что Вы продолжаете заботиться о согласіи и примиреніи.

„Не падайте духомъ, все истинно доброе, сдѣланное въ мірѣ, всегда давалось тяжело. Мнѣ кажется, Вы не знаете о большомъ сочувствіи къ Россіи, которое существуетъ въ Англіи, въ особенности въ церкви и въ духовныхъ кругахъ. Для многихъ изъ насъ дѣло Россіи есть дѣло христіанства восточной Европы. Важно то, что Россія защитила угнетенные христіанскіе народы, и со временемъ это будетъ признано всѣми. Вы, я надѣюсь, останетесь въ Лондонѣ до декабря, когда мнѣ надо будетъ присутствовать въ соборѣ Св. Павла. Большое удовольствіе будетъ увидѣть Васъ и содѣйствовать сколько возможно возбужденію дружелюбныхъ чувствъ между двумя народами, которые должны бы быть въ тѣсной дружбѣ“.

Профессоръ Тиндаль, восторженное отношеніе котораго къ г-жѣ Новиковой никогда не распространялось на ея политическіе взгляды, былъ сдержаннѣе. Вотъ двѣ его записки по поводу ея двухъ статей въ октябрѣ:

„Большое спасибо за статью. Чувства мои относительно Англіи и Россіи совѣмъ не ясны. Но ясно вполнѣ желаніе, чтобы оба государства руководились разсудкомъ, а не страстями для устройства своихъ недоразумѣній, не прибѣгая къ адской машинѣ, называемой войной“.

„Я прочиталъ Вашу статью и относительно политики и нѣсколько смутился духомъ. Подозрительная, колеблющаяся, негостепріимная Англія, описанная Вами, мнѣ неизвѣстна“.

Гладстонъ 25-го октября писалъ г-жѣ Новиковой:

„Очень благодаренъ. Съ большимъ интересомъ прочелъ письмо. Для меня цѣнно всякое сообщеніе, откровенно высказанное. Въ этомъ правило и гордость моей родины. Поэтому я сердечно радъ, не только когда намъ говорятъ истинную правду, но даже за то, что честно принимаютъ за правду“.

Хорошо было бы, если бы многіе такъ же относились къ дѣлу.

Гладстонъ былъ пораженъ силой и ясностью, съ которой Ольга Алексѣевна изложила нашествіе на Афганистанъ. Шесть лѣтъ спустя, въ рѣчи къ своимъ избирателямъ на хлѣбной биржѣ, онъ такъ коснулся этого предмета:

„Ничто не могло такъ возвысить честолюбіе русскихъ, какъ наши враждебныя мѣры, единственный результатъ которыхъ былъ лишь довѣріе Афганистана къ русскому Царю. Русская дама очень талантливая, прекрасная политическая писательница, извѣстная г-жа Новикова, написала книгу „Россия и Англія“, посвященную ея брату Николаю Кирѣеву, очень хорошую съ русской точки зрѣнія, такъ какъ она русская. Она говоритъ: Вы очень боитесь насъ, русскихъ, чтобы мы не стали помѣхой Вамъ въ Индіи. У Васъ были двѣ преграды между нами и Индіей: нравственная человѣческая преграда въ добромъ народѣ, за много лѣтъ доказавшемъ Вамъ преданность и физическая преграда въ громадѣ горъ, и Вы могли быть спокойны. Что же Вы сдѣлали? Уничтожили нравственную преграду и заставили афганцевъ Васъ ненавидѣть. Можно думать, что если бы Вы могли, Вы уничтожили бы и физическую преграду. Къ счастью, эти горы, какъ Hindu-Koosh, окружающія Афганистанъ, слишкомъ высоки, чтобы быть скрытыми, и Вы пользуетесь до сихъ поръ безопасностью большой физической преграды между Вами и нами“.

Г-жу Новикову гораздо болѣе интересовало возстаніе въ Македоніи, случившееся тотчасъ послѣ подписанія Берлинскаго трактата, чѣмъ замѣшательство съ Афганистаномъ. Ея статья объ этомъ возстаніи была первымъ голосомъ, раздавшимся въ Англіи въ защиту несчастныхъ македонцевъ. Она начиналась такъ:

„Новое возстаніе въ Турціи! Возстаніе болгаръ: прочла это, и мной овладѣло волненіе. Я съ ужасомъ предвижу новые потоки крови, новыя жертвы за ту свободу, которую мы обѣщали добыть для нихъ“.

Кончалась статья предложеніемъ доказать англичанамъ ихъ сочувствіе къ славянамъ.

„Нравится это или нѣтъ нашему правительству, будетъ ли оно продолжать прежде всего успокаивать чувства Биконсфильда, лозунгъ начавшейся борьбы будетъ: „свободная Болгарія, отъ Дуная до Эгейскаго моря“. Снова я ставлю вопросъ: что при этомъ новомъ опытѣ сдѣлаетъ свободная, гуманная, благородная Англія? славянамъ нужны теперь дѣла, а не слова. Довольно любезностей. Нужно дѣятельное, энергичное сочувствіе“.

Фриманъ выражалъ симпатію, но не могъ воздержаться, чтобы не вставить словцо въ пользу своихъ protegés грековъ.

15 ноября 1898 г.

„Болгарія должна бы имѣть Эгейскій портъ, Турція также, но ни та, ни другая не должны занимать длиннаго пространства гре-

ческаго побережья. Я ничего не имѣю противъ того, чтобы отдать Фессалонники Болгаріи, космополитическій городъ, все равно чей онъ,—только Греціи долженъ принадлежать Адрианополь и новый Римъ.

„Что предстоитъ? Новая конференція. Во всякомъ случаѣ помощи Богъ македонцамъ. Я возвращаюсь къ старому псалму 1875 г.:

„Да будетъ хвала Господу въ устахъ ихъ и обоюдоострый мечъ въ рукахъ ихъ“.

Я просилъ г. Фримана написать что-нибудь о возстаніи въ Македоніи, и онъ отвѣчалъ мнѣ 24 октября:

„Я просматривалъ газеты и разговаривалъ съ г-жей Новиковой, но рѣшительно до сихъ поръ не нахожу матеріаловъ, чтобы написать что-нибудь о Македонскомъ возстаніи. Я просто не имѣю фактовъ“.

Фактовъ у него нашлось съ избыткомъ, до конца года, когда двадцать тысячъ несчастныхъ болгаръ бѣжали изъ своихъ горящихъ домовъ, чтобы искать убѣжища въ Македоніи. Общество привыкло къ ужасамъ и, за исключеніемъ протеста г-жи Новиковой, жестокости, сопровождавшія возвратъ турецкаго деспотизма въ юго-западной Болгаріи, не привлекли ничьего вниманія. Прошло около тридцати лѣтъ, прежде чѣмъ успѣли убѣдить британское правительство вмѣшаться активно въ судьбу несчастной провинціи, освобожденной Россіей и вновь отданной въ рабство Биконсфильдомъ.

Неудачи, постигшія Австро-Венгрію, когда она открыла, что Боснія болѣе похожа на гнѣздо шершней, чѣмъ на улей пчелъ, не нашли большого сочувствія въ Англіи. Фриманъ, извѣстный своею безграничною ненавистью къ Австро-Венгріи, писалъ въ концѣ сентября:

„Я живу въ надеждѣ, что все это Kaiserliche, Königliche дѣло, начало котораго, Боснія, взлетитъ на воздухъ, тогда мы избавимся и отъ людоѣда и отъ турка“.

Лавелей наоборотъ утверждалъ, что для княжествъ нѣтъ иного спасенія, какъ австрійская оккупанція. Онъ писалъ г-жѣ Новиковой, считавшей Австрію тогда, какъ и теперь, врагомъ славянства, покровительницей іезуитовъ и притѣснительницей православныхъ:

„Какъ освободить Боснію? Вмѣшательствомъ Россіи? Невозможно. Создать изъ нея самостоятельное государство? Тоже невозможно (??).

Отдать ее Сербіи? Очень соблазнительно, но имѣется двѣ преграды: 1) необходимость для Сербіи страшиться мусульманъ и 2) Боснія разъединена съ Далмаціей своимъ морскимъ берегомъ.

Главное, надо смотрѣть на то, что возможно,—Австрія никогда не согласится оставить увеличенную Сербію въ сосѣдствѣ съ Черногоріей и Кроаціей. Никогда“.

Лавелей почему-то довѣрялъ обѣщаніямъ Австріи, что она введетъ порядокъ, безопасность, школы, дороги, всё условія просвѣщенія. Австрія увѣряла, что никогда не сдѣлаетъ ихъ католиками ¹⁾. Поэтому будущее имъ принадлежитъ.

„Это не ваша, но моя теорія“, говоритъ Лавелей. „Увы въ этомъ мірѣ нельзя дѣлать всего, что хочешь!“

Въ концѣ октября полковникъ Мюръ произнесъ рѣчь, въ которой онъ заявилъ, что будь либералы у власти, они бы объявили войну Россіи.

Г-жа Новикова, возмущенная этимъ мнѣніемъ объ англійскихъ либералахъ, написала Гладстону, надѣясь въ немъ найти утѣшеніе и опроверженіе. Тотъ отвѣтилъ немедленно:

Харденъ. 1 ноября 1878 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Я прочиталъ съ большимъ неудовольствіемъ рѣчь полковника Мюра, хотя я не нашелъ въ ней причины, оскорбившей Васъ, но мнѣ трудно вѣрить, чтобы онъ произнесъ ее. Во-первыхъ, онъ ничего не знаетъ о либералахъ и ихъ намѣреніяхъ, кромѣ того, что они заявляютъ публично, но ихъ заявленія какъ разъ противоположны тому, что имъ приписываютъ. Я не думаю, чтобы Мюръ говорилъ эту рѣчь; но говорилъ онъ ее или нѣтъ, она пуста и лишена значенія.

„Насколько я могу судить о мысляхъ либераловъ, будь они у власти, я думаю, они не задавались бы вопросомъ войны съ Россіей, потому что они употребили бы всё усилія, чтобы организовать согласіе европейскихъ державъ для достиженія необходимыхъ уступокъ отъ Турціи. Что лично я былъ бы склоненъ еще сдѣлать, это воспротивиться всякимъ предварительнымъ постановленіямъ между тремя императорами и требовать для Англійи и другихъ державъ честнаго и равнаго невмѣшательства.

„Митингъ, на которомъ я присутствовалъ вчера вечеромъ, былъ очень многолюдный и восторженный. Что меня касается, я думаю, что настоящее правительство приближается къ гибели, и надѣюсь, что день, когда ему унаслѣдуетъ лордъ Гранвиль, наступитъ не позже 12 мѣсяцевъ.

„Не желательно, чтобы это случилось внезапно. Боюсь, что до конца этого мѣсяца не буду въ городѣ.

Вѣрьте моей искренней преданности

Гладстонъ“.

¹⁾ Г-нъ Лавелей ошпбался: въ 1908 г. іезуиты насчитывали въ двухъ провинціяхъ уже 400.000 католиковъ... Число ихъ все растеть. Растеть и преслѣдованіе несчастныхъ православныхъ.

Рѣчь Гладстона въ Райдѣ привела въ негодованіе Фримана. Онъ пишетъ 5 ноября:

„Въ своей рѣчи Гладстонъ предполагаетъ, что въ 1856 г. почти всѣ считали возможными реформы въ Турціи. Я зналъ уже въ 1855 г., что это невозможно. Прочтите мою книгу „Исторія и побѣды сарациновъ“ отъ стр. 200 (2 изданія) и до конца. Вещь простая: у каждой магометанской страны обязанность религіи—ставить подданныхъ, не магометанъ, ниже своихъ единовѣрцевъ. Допускается лишь презрительная терпимость. Когда терпимость возводится въ законъ, то въ Турціи ему практика противится. Поэтому, ни одно магометанское правительство неспособно къ реформамъ на подобіе христіанскихъ. Оно должно прежде всего поставить своихъ подданныхъ, не магометанъ, въ такое положеніе, которое не оправдывало бы мятежъ въ каждую данную минуту. Христіанское правительство можетъ быть такъ же плохо, какъ и магометанское, но ничто не мѣшаетъ ему преобразоваться, и многіе, болѣе или менѣе, реформировались. Я это много разъ повторялъ, зналъ это въ 1855 г., чего, повидимому, Гладстонъ не зналъ“.

Интересно, что сказалъ бы Фриманъ о конституціонныхъ перспективахъ 1908 г. въ Турціи!

Гладстонъ, въ письмѣ отъ 14 ноября, возвращается къ полковнику Мюру. Онъ говоритъ:

„Дорогая госпожа Новикова. Получивъ Ваше письмо, я написалъ Брайсу, который отрицаетъ объясненія полковника Мюра. Оказывается, этотъ полковникъ, съ излишней поспѣшностью, сначала неправильно его понялъ, потомъ ошибочно привелъ его слова, сказанныя въ частномъ разговорѣ, и сообщилъ даже имя Брайса въ „Daily Telegraph“. Такимъ образомъ задалъ работу тѣмъ, у кого и такъ дѣла много. Я чувствовалъ, что Брайсъ не могъ быть виновенъ въ такой безмыслицѣ.“

„Полковникъ Мюръ, я полагаю, благонамѣренный человѣкъ, но онъ принадлежитъ къ міру военному, среди котораго либералы въ крайнемъ меньшинствѣ.“

„Лордъ Биконсфилдъ снова показалъ, изъ какого матеріала онъ созданъ, воспользовавшись осторожнымъ и рыцарскимъ указаніемъ Вашего Государя, лишившаго его возможности выказать лишній разъ свою дерзость. Вы, можетъ быть, читали мое письмо въ „Эхо“ или его рѣчь. Если не читали, я Вамъ пришлю ихъ. Я твердо убѣжденъ, что державы, агенты которыхъ подписали Родопское донесеніе, должны обсудить, какіе шаги слѣдуетъ предпринять теперь. Боюсь, что мнѣ придется скоро говорить длинную рѣчь. Искренно преданный Вамъ Гладстонъ“.

Госпожа Новикова была бы гораздо болѣе довольна, если бы Гладстонъ не касался вовсе Родопскаго донесенія, но это былъ не первый случай, когда Гладстонъ касался подобныхъ вопросовъ, чтобъ доказать свое безпристрастіе.

Когда Ширъ-Али, Афганскій эмиръ, принялъ русское посольство, Гладстонъ утверждалъ, что если это обстоятельство представляло *casus belli*, то Англія должна была объявить войну не слабому эмиру, а сильной Россіи. Гладстонъ говорилъ это ввидѣ насмѣшки надъ правительствомъ, но Мартенсъ, извѣстный англофилъ, предполагалъ, что Гладстонъ стоялъ за войну съ Россіей, когда Гладстонъ готовился произнести большую рѣчь въ Гринвичѣ. Г-жа Новикова попросила у него билетъ на входъ. На это Гладстонъ написалъ ей слѣдующее:

Харденъ, 24 ноября 1878 г.

Дорогая г-жа Новикова. Боюсь, что Вы должны меня считать невѣжей потому, что я не предложилъ Вамъ достать билетъ на Гринвичъ, но я поступилъ благоразумно. Вы не можете себѣ представить тѣхъ подозрѣній и ложныхъ обвиненій, которымъ я подвергаюсь. Моя прямая обязанность—быть осторожнымъ. Такой простой поступокъ, какъ присылка Вамъ билета, получилъ бы вредную окраску. Вамъ лучше обратиться къ почетному секретарю, какъ русской, или какъ иностранкѣ, и просить у него билетъ или билеты, какіе Вы желаете. Не знаю, какъ дѣла у Васъ, у насъ они очень серьезны, и этимъ мы обязаны правительству. Вашъ искренно Гладстонъ“.

Контрастъ между нежеланіемъ оказать простую услугу, присылкой г. Новиковой билета на публичное собраніе, и смѣлымъ предложеніемъ руки, чтобъ провести ее изъ Сентъ-Джемсъ-Холь, послѣ конференціи въ 1876 г., очень характеренъ.

Эта осторожность не мѣшала ему писать такъ же часто и откровенно. Въ двухъ письмахъ въ декабрѣ онъ возвращается къ старой темѣ.

72. Харлей Стрптъ.

4 декабря 1878 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Ваша роль здѣсь—это роль миротворца. Нѣтъ болѣе высокаго призванія, а потому Вы имѣете полное право говорить со мной.

Я понимаю, что данныя мной краткія объясненія на счетъ Россіи могутъ казаться оскорбительными, но надѣюсь, что Вы ихъ найдете умѣренными.

Я нахожу, что посольство въ Кабуль было нарушеніемъ договора съ бывшимъ правительствомъ. Я ожидалъ что Россія сошлетса на то, что это было соглашеніе между дружественными правительствами, и что оба мы имѣемъ право отступитъ отъ него. Я не отнесся бы критически къ такому отвѣту, но отвѣтъ, что это была лишь миссія вѣжливости, слѣдовательно, внѣ предѣловъ соглашенія, меня не удовлетворяетъ.

Что касается Родопскаго дѣла, я не высказывалъ и не составлялъ даже мнѣнія о жестокостяхъ, совершенныхъ русскими. Ихъ гуманное обращеніе во время войны 1877 г. мнѣ извѣстно. Но я не могу пройти молчаніемъ на этотъ разъ низкой клеветы, которой меня осыпаютъ Лаярдъ и другіе.

Я нахожу, что обязанность нашего правительства произвести разслѣдованіе и потомъ рѣшить, какъ дѣйствовать. Вѣрьте моей искренней преданности.

Гладстонъ“.

Получивъ письмо отъ старика графа Грей, одобряющаго образъ мыслей Гладстона, я сообщилъ объ этомъ въ Харденъ. Вотъ отвѣтъ Гладстона:

2 ноября 1878 г.

„Милостивый Государь. Я очень доволенъ всѣмъ, что я видѣлъ и читалъ относительно лорда Грей. Мнѣ доставляетъ большое удовольствіе знать, что онъ относится одобрительно къ моимъ поступкамъ. Онъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ непоколебимой смѣлостью и неизмѣнной правильностью намѣреній, я восхищаюсь.

Гладстонъ“.

Фриманъ критиковалъ Берлинскій конгрессъ въ статьѣ подъ заглавіемъ „Три трактата“, которую онъ помѣстилъ въ Quarterly Review. За это время интересъ народный перешелъ съ Балканъ на Афганистанъ, и Фриманъ былъ нѣсколько огорченъ тѣмъ, что статья его привлекла къ себѣ такъ мало вниманія.

Онъ писалъ мнѣ 30 октября 1878 г., выражая надежду, что народъ наложитъ вето на Афганскую войну.

Г-жа Новикова конечно была въ восхищеніи отъ „Трехъ трактатовъ“. Вопросъ о томъ, что должны предпринять противники войны, которая объявлена, и которую они считаютъ несправедливой, часто обсуждался въ то время, какъ Биконсфильдъ угрожалъ войной Россіи. Онъ возобновился въ 1878 г., когда возникла непрощительная война въ Афганистанѣ.

Фриманъ мнѣ писалъ 11 декабря 1878 г. по поводу этой войны: „Я еще не дошелъ до рѣчи Гладстона, но въ преніяхъ обѣихъ палатъ въ понедѣльникъ никто не обсуждалъ простого факта. Теперешняя война есть личное преступленіе Биконсфильда и его соучастниковъ. Если мы на нее согласимся, преступленіе будетъ наше, а не ихъ.

„По-настоящему, его и его присныхъ, какъ преступниковъ слѣдовало бы отправить въ Афганистанъ, вины бы въ этомъ не было. Тогда бы мы имѣли „миръ съ честью“.

Въ такомъ же духѣ писалъ сэръ G. W. Коксъ наканунѣ Рождества:

„Я прихожу въ ужасъ, прочитавъ, что даже „Spectator“ находить, что, такъ какъ Робертъ потерпѣлъ неудачу, мы не можемъ уйти изъ Афганистана, не покоривъ вновь Кабула“.

„Это просто отвратительно.

Если мы не сдѣлали зла, будемъ стоять за свою правоту. Но если мы были неправы, неужели нѣтъ никакой возможности признаться передъ всѣмъ свѣтомъ въ нашей винѣ?

Все это дѣло Биконсфильда. Вы, конечно, будете стоять за то, что наша первая обязанность оставить Афганистанъ, не грѣша болѣе противъ людей, которымъ мы уже нанесли непростительный вредъ.

Къ огорченію и стыду, испытываемому нами, при сознаніи полного безсилія отъратить ненавистную войну въ Азіи, прибавился, въ ноябрѣ, страхъ, что правительство поссорится съ Россіей изъ-за Родопской комиссіи“.

Епископъ Фразеръ писалъ:

„Какое странное высшее общество Англіи, оно приходитъ въ восторгъ отъ такого наглаго лжеца, какъ лордъ Биконсфильдъ. Это внушаетъ массу тревожныхъ вопросовъ о разныхъ предметахъ, какъ, наиримѣръ, о вліяніи на насъ христіанства и церкви Христовой. Я боюсь, что мы опять гниемъ. Однако я долженъ сказать, что г-жа Новикова смотритъ на вещи слишкомъ мрачно. Россія много сдѣлала для Востока. Континентъ, или во всякомъ случаѣ Германія, непріятное мѣстопробываніе. Теперь тамъ тяжелыя подозрѣнія и безпокойство преобладаютъ. Чувствуется какъ бы приближеніе катастрофы“.

Госпожа Новикова издала въ 1878 г. свои письма въ брошюрѣ подъ названіемъ „Друзья или враги“.

Брайсъ, теперешній посланникъ въ Вашингтонѣ, писалъ мнѣ, послѣ ея появленія:

„Вторая серія ея писемъ, даже лучше первой, полна огня и

блеска. Надѣюсь, что у Васъ на Сѣверѣ дѣла поправляются. Нельзя сказать того же о Лондонѣ.

„Какъ жаль, что нѣтъ больше доказательствъ, обличающихъ ложь относительно Родопскаго донесенія“.

Кинглекъ писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ 29-го декабря 1878 г.:

„Я не читалъ комментаріевъ на Ваше послѣднее изданіе, но это не значить, что не идетъ яростной полемики о достоинствахъ О. К. Если бы случилось, что Ваше изданіе не настолько привлекаетъ вниманія, какъ Вы бы желали, причиною этому не авторъ, а то, что ослабѣлъ интересъ къ Россіи. Народъ неохотно и непродолжительно занимается дѣлами иностранныхъ государствъ; исключеніе дѣлаютъ войны, возбуждающія пренія. Самый вѣрный поборникъ Россіи, которому Вы помогли совратиться съ пути истины, это Хевардъ. Онъ готовъ сражаться за Россію, каждую минуту, доказывая ея добродѣтели и вину только въ томъ, что она не понята“.

Гладстонъ писалъ:

12 декабря 1878.

„Дорогая г-жа Новикова. Заранѣе благодарю за ожидаемую брошюру. Написанная такъ, какъ Вы всегда пишете, она только можетъ принести пользу.“

„Я смотрѣлъ на миссію въ Кабуль, какъ на дѣйствіе Русскаго правительства, въ виду треній между двумя странами. На такомъ основаніи я ни слова не сказалъ бы противъ нея. Разницы въ свойствахъ миссій я не допускалъ. Изъ чего Вы можете заключить о ничтожности моихъ дипломатическихъ способностей.“

У жены моей болитъ глазъ. Съ лучшими желаніями Вамъ отъ насъ обоихъ остаюсь преданный Вамъ

Гладстонъ“.

„Обратите вниманіе на вчерашніе выборы въ Торійской твердынѣ“.

О брошюрѣ г-жи Новиковой „Друзья или враги“ Малькольмъ Макколъ писалъ:

„Я всѣмъ рекомендую Вашу книгу. Она прелестна и блестяща, больше, я думаю, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, чѣмъ Ваша предыдущая книга“.

„Друзья или враги“ не произвели, быть можетъ, такой сенсаціи, какъ „Is Russia wrong“ (Виновата ли Россія) по причинѣ, высказанной Кинглекомъ. Россія перестала привлекать общественное вниманіе. Но тѣ, кто читали, восхищались. Карлейль былъ большой цѣнитель всего, что писала русская леди. Ольга Алексѣевна

часто его видѣла въ то время, онъ очень ее поощрялъ. Она мнѣ писала 29 ноября.

„Карлейль и Фрудъ пріѣзжали проститься со мной. Первый привезъ мнѣ своего Фридриха, написалъ на немъ свое имя, дрожащей, старческой рукой. Уходя, онъ сказалъ: „Я увѣренъ, что Ваша брошюра будетъ имѣть большой успѣхъ“. „О нѣтъ“, отвѣчала я, „къ прошлогодней г-нъ Фрудъ написалъ предисловіе, которое и обезпечило второе изданіе, эта же не имѣть никакого введенія“.—„Оно совсѣмъ не нужно“, рѣшилъ милый Карлейль и поцѣловалъ мою руку.

Когда г-жа Новикова возвратилась въ Москву, въ концѣ 1878 г. одинъ англичанинъ, сочувствующій христіанамъ въ Турціи и ихъ поборницѣ Россіи, напечаталъ 6 декабря въ Bolton Evening Guardian стихотвореніе, какъ дань русской женщинѣ, воспользовавшейся удивительнымъ знаніемъ Англій и прелестью своего литературнаго краснорѣчія, чтобъ поселить добрыя отношенія между Англійей и Россіей.

Вотъ отрывокъ изъ этого стихотворенія:

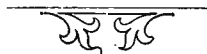
To on her return home to Moscow.

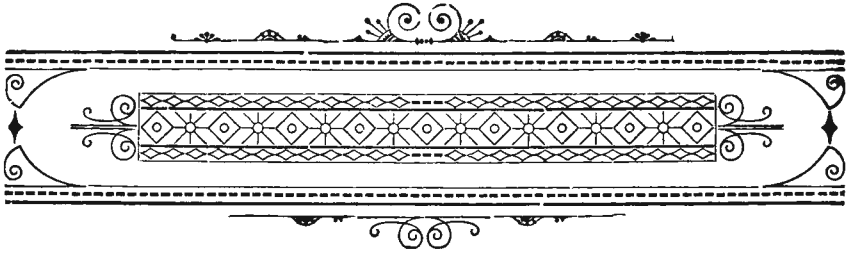
December 1878.

We have in thee an honest friend,
Whose charms of heart and mind combine to lend
All that's most needful to a fair review
Of what we'r thinking and of what we do.
Thou know'st our language and our mode of thought.
Thy quick perception, too, hath truly caught.
The subtlest workings of our inmost he art.

Сообщено Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бытовые очерки прошлого.

(По архивным документамъ).

„Виолдамуры“¹⁾.

Настоящій очеркъ, излагаетъ содержаніе одного изъ судебныхъ дѣлъ конца XVIII столѣтія, и служитъ съ одной стороны живымъ выраженіемъ настроенія крестьянской среды у безчеловѣчнаго помѣщика, какъ отголосокъ появившихся въ ней надеждъ и мечтаній о свободѣ и, повидимому, какъ слабое эхо пронесшихся въ то время во Франціи народныхъ движеній, а съ другой—новымъ дальнѣйшимъ свидѣтельствомъ того вліянія, которое оказывали иностранцы на русское общество послѣ реформъ Великаго Преобразователя Россіи и обильнаго притока ихъ въ Россію.

I.

Чухломскій помѣщикъ Николай Ѳеодоровичъ Катенинъ вышелъ изъ военной службы въ 1790 г. въ отставку секундъ-маіоромъ и зажилъ себѣ припѣваючи въ родовой усадьбѣ сельцѣ Занинѣ, Костромской губерніи. Къ его помѣстью принадлежалъ цѣлый рядъ сосѣднихъ деревень: Наговицыно, Голузино, Фетиньино, Михалево.

¹⁾ Моск. Архивъ Мин. Юст. Дѣло Чухломскаго упраздненнаго уѣзднаго суда по описи № 2439. Собственныя и географическія имена, а равно все содержаніе очерка является точной обработкой документа, передающей безъ прикрасъ, что было въ дѣйствительности.

Петрушино, Быково, Жаровки, Футякино, Омицыно, Рожново и Еремѣво. Дворовыхъ и крестьянъ по 4 ревизіи за нимъ значилось болѣе 500 человекъ. Семейство Катенина состояло изъ жены Авдотьи Ивановны, сына мальчика Ивана и взрослого родного брата—Андрея Ѳедоровича. Кромѣ того, въ господскомъ же домѣ въ усадьбѣ жили учитель—гувернеръ мальчика „профессоръ“ Кауфманъ и „для компаніи“ прежде бывший гувернеръ Шанделье. Николай Ѳедоровичъ Катенинъ съ своими крестьянами и дворовыми обращался очень сурово, держалъ ихъ „въ военномъ повиновеніи“ и за малѣйшее ослушаніе наказывалъ розгами; скоро очень привязывался къ молодымъ своимъ болѣе способнымъ дворовымъ, назначалъ ихъ въ старосты и дворецкіе, но и такъ же скоро къ нимъ остывалъ и смѣщалъ ихъ съ должностей; стариковъ же совсѣмъ не любилъ.

Въ 1794 г. зимою поѣхалъ онъ по своимъ дѣламъ въ Москву и Кострому и передъ отъѣздомъ зашелъ на конюшни, въ которыхъ вмѣстѣ съ его новымъ любимцемъ „главнымъ конюшимъ“, молодымъ парнемъ Маркомъ Ѳадѣевымъ, они осмотрѣли сѣно и рѣшили, что его хватить вполюѣ до новаго покоса. Катенинъ пробылъ въ отлучкѣ до половины марта, въ дорогѣ простудился и, пріѣхавъ къ себѣ, пролежалъ болѣе мѣсяца въ постели. По выздоровленіи онъ пошелъ на конюшни и нашелъ всѣхъ почти лошадей исхудалыми и больными, сѣна же нигдѣ не было; конская сбруя—хомуты и уздечки не только не прибраны, но порваны, даже нѣкоторые „экипажи“ изломаны.

— Ты негодяй, лѣнивый, безпечный, изъ корысти моришь лошадей, должности не исполняешь!—закричалъ Катенинъ на Марка Ѳадѣева.

— А Исакъ Савиновъ, вапъ буфетчикъ,—хмурясь и довольно грубо огрызнулся Ѳадѣевъ,—болѣе меня безпеченъ, сдѣлалъ пожаръ, отъ котораго, если бы домъ сгорѣлъ, было бы убытка 15 тысячъ рублей, и вы ему простили.—А лошади того не стоятъ!—дерзко глядя исподлобья на Катенина, докончилъ Ѳадѣевъ.

— Въ лакейскую!—крикнулъ съ гнѣвомъ Катенинъ.

Ѳадѣевъ бросился было бѣжать, но его поймали и привели къ господину.

— Доставить въ лакейскую же Савинова,—приказалъ Катенинъ.

Дворовые уже знали приказъ помѣщика: съ розгами они повели Ѳадѣева и Савинова въ лакейскую комнату, куда явился и Катенинъ.

— Я тебя было простилъ!—обратился онъ къ Савинову, также очень молодому парню, но тебя оговорилъ Ѳадѣевъ, и чтобъ за-

видки не было, а впредь бы вамъ не воровать, вась накажутъ обоихъ. Тебя изъ буфетчиковъ,—вновь онъ сказалъ Савинову,—я перевожу въ подкамердинеры, а Марка заурядъ въ скотники.—Начинайте! крикнулъ онъ дворовымъ. Лакейская огласилась воплями наказываемыхъ, а послѣ сѣченія они здѣсь же были брошены до утра слѣдующаго дня.

II.

Хотя Н. Θ. Катенинъ былъ „крутого и злого нрава“, какъ признавали даже его домашніе, однако онъ имѣлъ постоянную слабость къ музыкѣ: нѣсколько лѣтъ подъ рядъ содержалъ у себя въ усадьбѣ оркестръ изъ крѣпостныхъ и даже особую „музыкантскую школу“, въ которой на разныхъ инструментахъ учились его же дворовые мальчики; но школа шла плохо, потому что Катенинъ все не могъ подыскать хорошаго учителя. Такъ и весною 1794 г., вскорѣ по наказаніи Θадѣева и Савинова, онъ отправился въ Москву для найма учителя.

Здѣсь, по рекомендаціи родственниковъ жены, Катенинъ въ Новой улицѣ, близъ Лубянки, нашелъ музыканта, польской націи, краковскаго уроженца Іосифа Гебеду и зашелъ къ нему на квартиру. Первое впечатлѣніе, вынесенное Катенинымъ отъ музыканта, было самое благопріятное. Гебеда, какъ говорилъ Катенинъ, оказался „чрезвычайно учтивымъ въ сношеніяхъ“. Ему было 38 лѣтъ, онъ казался очень подвижнымъ. Катенину также понравилось, что Гебеда былъ и дома одѣтъ весьма прилично „въ свѣтло-зеленомъ шелковомъ кафтанѣ, изъ-подъ котораго виднѣлся шитый золотомъ каніфасный жилетъ“. Музыкантъ представилъ секундъ-маіору свою жену Стефаниду Ивановну, прибавивъ, что она родомъ „россійская дворянская дочь“ и имѣетъ свою крѣпостную дѣвку Татьяну.

Когда Гебеда узналъ о цѣли посѣщенія своего гостя, то тотчасъ же далъ просмотрѣть Катенину два аттестата на нѣмецкомъ языкѣ о его прежней службѣ, а потомъ досталъ изъ небольшого кожанаго ящика скрипку. По той осторожности, съ которой Іосифъ Гебеда доставалъ инструментъ, Катенинъ подумалъ, что покажутъ что-нибудь удивительное.

— Это скрипка віолдамуръ Антоніо Страдуари Кремона, ей почти полтора ста лѣтъ, она сдѣлана въ 1664 году и мною только за нее заплачено 600 рублевъ, а теперь я не отдамъ ее ни за какую цѣну,—сказалъ Гебеда.

— Послушайте теперь, какъ она играетъ,—продолжалъ онъ.— Я вамъ исполню концертъ къ симфоніи, Дерновича.

Катенинъ долженъ былъ сознаться, что и скрипка, и игра Гебеды были превосходны.

Онъ явился къ музыканту на другой день вмѣстѣ уже съ своею женою, Авдотьей Ивановною. У Гебеды былъ какой-то неизвѣстный человѣкъ, котораго хозяинъ назвалъ довѣреннымъ помѣщика Мамонова, пришедшимъ договариваться съ Гебедою для приглашенія его капельмейстеромъ.

Такъ же, какъ и въ первый разъ, Гебеда вынулъ изъ другого ящичка новую скрипку.

— Тоже віолдамуръ Иозепа Гварнеріуса Федына Кремона, стоящая 500 рублей,—сказалъ Гебеда, обращаясь къ Катенинымъ. Послушайте ея звукъ!

Гебеда сыгралъ, какъ онъ объяснилъ послѣ, нѣсколько сочиненій Пляяла, Шика, Яневича, Віаты, напечатанныхъ у него на бумажныхъ листахъ. Катенинымъ игра его очень понравилась, и онъ спросилъ Гебеду, сколько бы взялъ онъ съ него въ годъ за обученіе его дворовыхъ въ школѣ въ усадьбѣ.

Музыкантъ отвѣтилъ, что только передъ приходомъ Катениныхъ довѣренный Мамонова, здѣсь находящійся, предлагаетъ ему 800 рублей въ годъ, но ему нужно ѣздить по двумъ вотчинамъ, что онъ, Гебеда, находитъ для себя неудобнымъ.

Секундъ-маіоръ замѣтилъ, что онъ болѣе 500 р. въ годъ никогда учителю, даже имѣющему званіе „профессора“, не платилъ, и что если онъ, Гебеда, за эту сумму согласится, тогда онъ съ удовольствіемъ повезетъ музыканта къ себѣ и жалованья дастъ Гебедѣ, его женѣ и крѣпостной ихъ дѣвкѣ полное содержаніе.

Черезъ нѣсколько дней Катенины вновь зашли къ музыканту. Гебеда съ женою только-что собирались уходить изъ своей квартиры. Обоихъ Катениныхъ поразилъ чрезвычайно изящный костюмъ Стефаниды Ивановны Гебеды, одѣтой „въ коричневый атласный съ желтыми цвѣточками сертукъ съ атласною же бѣлою юбкою съ фалбарой“. На головѣ у нея была „шапка красная венгерская съ золотой кистью, съ крылиной опушкой“.

Однако Гебеды остались у себя дома, изъ квартиры не пошли, а послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ Катенинъ ударилъ съ музыкантомъ по рукамъ—тотъ согласился ѣхать къ нему въ усадьбу за 500 рублей въ годъ.

Для начала дѣла Катенины сдѣлали подарки: Гебедѣ—кафтанъ красный, подшитый красною же тафтою; его купили въ Москвѣ за 30 рублей; женѣ его—Стефанидѣ Ивановнѣ—3 куска кисеи разной—

дѣною въ 42 р. и 2 кушака широкихъ розовыхъ атласныхъ, стоимостью въ 4 р. 80 к.

Тогда же Н. Ѳ. Катенинымъ съ Іосифомъ Гебедею былъ заключенъ „контрактъ“, по которому Гебеда обязался „поступить въ домъ Катениныхъ въ отправленіе капельмейстерской должности и обучать его крѣпостныхъ людей до 20 человѣкъ инструментальной, духовной и пѣвческой музыкѣ, а вездѣ, гдѣ нужно, ему, Гебедѣ, дирижировать. Всѣмъ мальчикамъ находиться въ полномъ послушаніи его, Гебеды; если кто изъ нихъ будетъ лѣнивъ въ обученіи или явится виновнымъ въ дурныхъ какихъ поступкахъ, то наказывать ихъ долженъ самъ Гебеда, не относясь за тѣмъ къ Катенину“.

III.

Въ концѣ іюня 1794 г. Гебеды пріѣхали въ усадьбу Катенина, село Занино. Имъ отвели въ господскомъ домѣ просторную хорошую комнату, которая и заставилась вещами, принадлежавшими Гебедамъ: кроватью краснаго дерева съ пологомъ кисейнымъ, подзоромъ атласнымъ, на которой накинуто одѣяло англійскаго стеганья съ фалбарой; сундуки: обитые оленью кожей и просто дубовые, ларчики и чемоданы; цѣлая дубовая полочка была занята нѣсколькими бутылками „лодиколону“, шестью картузами пудры и тремя банками помады, наконецъ, на видномъ мѣстѣ красовалась „подставочка подпиральная для музыкальныхъ сочиненій со львомъ слоновою кости“¹⁾.

Въ первое время пребыванія семьи Гебеды въ домѣ Катениныхъ имъ оказывались „всякія ласки и дружескія неоставленія“. Гебеда съ своею женою ѣздилъ съ Катениными по родственникамъ и знакомымъ послѣднихъ, игрывалъ тамъ на обоихъ „віолдамурахъ“. Въ музыкантской школѣ онъ повелъ дѣло также успѣшно, но вопреки прежнимъ учителямъ принималъ въ нее, болѣе малолѣтнихъ ребятъ и дѣвочекъ отъ 12 лѣтъ. Катенину не нравилось только, что Гебеда отличалъ и очень хвалилъ нѣкогда наказанныхъ имъ

¹⁾ Въ дѣлѣ приведена обширная опись полнаго обихода цѣлой семьи, очень интересная; по недостатку мѣста мы ее помѣстить не можемъ; въ ней между прочимъ указываются: часы золотые въ футлярѣ черепаховомъ, цѣпочка золотая съ жемчугомъ, чайникъ черный мѣдный средней руки, 2 ф. чаю зеленаго въ 6 р., голова сахару 7 р. 70 к., двѣ пары чайныхъ чашекъ 2 р. Свѣчи вѣнчальная бѣлаго воску—20 к. Мантилья черная тафтяная съ аграмантомъ 12 руб.

Исака Савинова и Марка Оадѣва, которыхъ тотъ взялъ къ себѣ также въ школу „яко способныхъ и искусныхъ въ музыкѣ“.

По истеченіи полугода большинство учившихся въ школѣ могли уже на разныхъ инструментахъ соединяться въ оркестръ, или, какъ говорилъ Гебеда, исполнять „оркестровую музыку“; но несмотря на то, самъ Катенинъ началъ испытывать иное чувство къ капельмейстеру, чѣмъ раньше.

Уже вскорѣ по прибытіи Гебеды въ домъ Катенина, послѣдній сталъ замѣчать, что учитель смотрѣлъ, какъ на самого хозяина, такъ и на всѣхъ живущихъ въ домѣ свысока; всегда только и было хорошо то, что сдѣлано имъ, Гебедою; только то и было умно, что сказано имъ же. Онъ прямо порицалъ Катенина за то, что тотъ спитъ послѣ обѣда, говоря, что онъ еще „не настолько старъ, чтобы уподобляться животнымъ“. Если Николай Федоровичъ или его жена начинали хвалить жившихъ въ ихъ же домѣ гувернеровъ Кауфмана или Шанделье или дѣлали имъ подарки, они видѣли ясно недовольное лицо капельмейстера, которое бывало всегда таковымъ же, если кто-нибудь изъ нихъ не соглашался съ Гебедою. Онъ былъ чрезвычайно аккуратенъ въ исполненіи своихъ обязанностей, но при малѣйшемъ ихъ нарушеніи со стороны Катениныхъ, даже случайно, тотчасъ же обижался и уходилъ къ себѣ. Вспышки съ одной стороны отъ его неуживчиваго тяжелаго характера, а съ другой необузданность нрава самого хозяина начали обострять отношенія.

Однажды Катенинъ и его жена чуть не цѣлый часъ просили Гебеду съѣздить съ ними къ ближайшимъ сосѣдямъ, просила его о томъ же и его жена Степанида Ивановна, но такъ и не могли уломать упрямаго, которому показалось обиднымъ, что гувернера мальчика г. Кауфмана пригласили туда же прежде его, капельмейстера. Въ другой разъ Катенинъ собрался навѣстить свою беременную куму, жившую очень далеко; лошади были уже поданы, и Катенинъ вышелъ, чтобы сѣсть въ повозку. Но здѣсь онъ увидалъ Гебеду, также одѣтаго совершенно по-дорожному и съ ружьемъ. Музыкантъ сказалъ Катенину, что онъ также хотѣлъ бы съ нимъ прокатиться и по дорогѣ поохотиться. Секундъ-маіоръ объяснилъ ему цѣль своей поѣздки, сказавъ, что беременная опасно больна. Гебеда, не дослушавъ даже словъ Катенина, стремглавъ бросился къ себѣ въ комнату. Помѣщикъ пообдумавши пошелъ за нимъ и убѣдилъ Гебеду ѣхать вмѣстѣ; въ дорогѣ тотъ молчалъ, а когда пріѣхали къ кумѣ, онъ не пошелъ въ домъ и не охотился, а все время сидѣлъ у усадьбы и опять вмѣстѣ съ Гебедой недовольный вернулся домой.

Но главное разногласіе происходило у хозяина съ капельмейстеромъ изъ-за музыкальной школы. Хотя по контракту Катенинъ и отдавалъ ее въ распоряженіе Гебеды, но, какъ привыкъ онъ и при прежнихъ учителяхъ въ школѣ, постоянно вмѣшивался въ дѣла ея. Гебеда же хотѣлъ быть въ ней полноправнымъ хозяиномъ; онъ нерѣдко упрекалъ секундъ-маіора въ жестокомъ обращеніи съ людьми, а самъ наказывалъ учениковъ, билъ кнутомъ, выгонялъ въ одной рубашкѣ на морозъ и т. п. Только двоихъ изъ нихъ Савинова и Оадѣева Гебеда никогда не наказывалъ, тогда какъ на нихъ-то часто Катенинъ хотѣлъ срывать свой господскій гнѣвъ, сажалъ ихъ въ заключеніе на хлѣбъ и на воду, но и тутъ капельмейстеръ почти всегда ихъ освобождалъ, не спрашивая разрѣшенія Катенина; когда же послѣдній замѣчалъ о томъ Гебедѣ, то музыкантъ обыкновенно отвѣчалъ, что по контракту всѣ ученики „находятся въ его командѣ“.

Кромѣ того, Катенинымъ неоднократно было замѣчено, что Гебеда ведетъ какіе-то переговоры съ его дворовыми и крѣпостными крестьянами, всегда прекращавшіеся, какъ только послѣдніе замѣчали своего помѣщика. На его же вопросъ они отвѣчали, что учитель спрашивалъ о выборѣ новыхъ „ребятъ“, желающихъ учиться въ музыкальной школѣ. Но къ веснѣ 1795 г. Катенинъ сталъ замѣчать между своими людьми и крестьянами что-то неладное: многіе изъ нихъ перестали исполнять „его господскую работу и оказывать явное неповиновеніе не только старостамъ, но даже самому помѣщику“, несмотря на то, что онъ наказывалъ провинившихся еще строже—„кнутьями, смоляными плетьюми и кошками, не исключая даже дѣтей въ возрастѣ 10—12 лѣтъ“.

Къ веснѣ же 1795 г. отношенія между капельмейстеромъ и хозяиномъ настолько ухудшились, что послѣдній сталъ иногда прямо въ глаза называть его „полякомъ“.

— Но вольный человѣкъ, не твой рабъ!—тогда съ гнѣвомъ, краснѣя, какъ ракъ, отвѣчалъ ему Гебеда и убѣгалъ къ себѣ въ комнату.

IV.

Вечеромъ 28 апрѣля 1795 г. Николай Оедоровичъ Катенинъ вмѣстѣ съ братомъ Андреемъ Оедоровичемъ и Гебедою играли въ карты. Николай Оедоровичъ былъ пьянъ и все время придирался къ учителю. Спрашивалъ, напримѣръ, почему Гебеда не носитъ краснаго кафтана, подареннаго ему секундъ-маіоромъ. Гебеда отвѣ-

чалъ, что наоборотъ онъ очень цѣнитъ его даръ, бережетъ и потому въ будніе дни его не надѣваетъ.

— Ты скотъ неблагодарный! крикнулъ Катенинъ, бросая картами въ учителя.

— А ты съ вольными людьми обходиться не умѣешь; ты презняго капельмейстера, который былъ до меня, хотѣлъ высѣчь; онъ спасся бѣгствомъ!—также съ раздраженіемъ, тоже крича, отвѣтилъ Гебеда, вскакивая изъ-за стола.

— Ахъ ты, мошенникъ!—зашипѣлъ отъ злости Катенинъ, схватывая учителя сразу за кафтанъ и галстухъ.

Гебеда рванулся: фалда кафтана и шейный галстухъ остались въ рукахъ Катенина.

— Выходецъ польскій, змѣя, грубіянь!—доносилось до слуха Гебеды, когда онъ опрометью бросился къ себѣ въ комнату.

Степанида Ивановна сразу поняла, что съ мужемъ произошло что-то необыкновенное.

— Пойдемъ сейчасъ вверхъ!—схватывая жену за руку, почти шепотомъ произнесъ ей Гебеда.—А ты запишись сейчасъ же,—дрожа отъ волненія, продолжалъ Гебеда, обращаясь къ крѣпостной дѣвкѣ жены Татьянѣ:—если люди помѣщика или онъ самъ станутъ стучаться въ дверь, скажи, что мы въ постели, а тебѣ не велѣно отпирать.

Держа въ рукахъ подсвѣчникъ съ восковой свѣчей, Гебеда въ сопровожденіи жены направился въ отдѣльную избу, занимаемую музыкантской школой. Нѣкоторые изъ учениковъ уже собирались спать.

— Ступай собирай всѣхъ, какъ говорили въ верхъ конюшни,—обратился Гебеда къ Исаку Савинову и почти тотчасъ же съ женою пошелъ вонъ изъ избы.

Саженьяхъ въ 50-ти отъ дома за паркомъ стояло большое деревянное зданіе конюшни. По узкой лѣстницѣ вмѣстѣ съ Степанидой Ивановной Гебеда поднялся верхъ, гдѣ обширное помѣщеніе, заполняемое сѣномъ, было почти пусто.

Гебеда зажегъ свѣчу и сталъ ждать.

Черезъ полчаса въ верхъ конюшни сталъ наполняться народомъ. Одними изъ первыхъ явились Исакъ Савиновъ и Маркъ Өадѣевъ и съ ними всѣ ученики музыкальной школы числомъ до 20, потомъ начали приходить дворовые, нѣсколько старость и крестьяне ближайшихъ деревень. Собралось человѣкъ до 50-ти. Въ рукахъ у Исака Савинова появился образъ.

— Вы слышали, какъ вашъ господинъ меня обидѣлъ!—взволнованнымъ голосомъ и немного ломаннымъ русскимъ языкомъ началъ

говорить Гебеда.—Онъ меня хотѣлъ такъ же жестоко увѣчить, какъ многихъ изъ васъ. Но ваша жизнь лучше нашей, потому что мы для своего прокормленія ходимъ по разнымъ помѣщикамъ, имѣемъ множество командировъ и не знаемъ, какъ имъ угодить. Вы же, ребята, счастливые люди, потому что теперь господинъ въ васъ уже не властенъ—есть законъ, что онъ васъ ни наказывать, ни къ чему принудить не можетъ. А если вы хотите быть вольными, какъ въ моемъ отечествѣ, то согласитесь принести на вашего господина общую жалобу, что онъ всѣхъ васъ мучить и морить съ голоду.

— Главное правительство,—возвышая гололосъ и со злобою, почти крича, продолжалъ Гебеда,—принявъ вашу жалобу за справедливость, осудить вашего господина быть въ смиренномъ домѣ, а васъ сдѣлаетъ вольными и запишетъ въ мѣщане или кто куда захочетъ. Такъ мнѣ говорилъ командиръ Хлѣбниковъ, что у вашего господина въ кабинетѣ о землѣ писалъ. Только не открывайте никому, что о томъ я вамъ сказалъ, а согласите всѣхъ господскихъ крестьянъ, чтобъ они послѣдовали вашему примѣру.

— Мы о вольности говорили со всѣми, они согласны. Какъ то сдѣлать?—раздались голоса.

— Очень просто,—отвѣтилъ Гебеда,—нужно вашего господина связать и отвезти въ городъ.

— Нѣтъ, за то имъ больно худо будетъ,—возразила жена Гебеды Степанида Ивановна,—лучше донести въ городѣ начальству, что у господина вамъ жить силъ не достаетъ.

— Вѣрно, вѣрно!—раздались голоса.

— Пусть будетъ такъ,—сказалъ вновь капельмейстеръ;—ступайте, ребята, смѣло, а я не пожалѣю положить за васъ своихъ денегъ трехъ тысячъ рублей. Только обо мнѣ и о женѣ моей никому не открывайте, а стойте въ одномъ—у помѣщика жить не мочно, потому что бьетъ и мучить, и морить съ голоду.

Послѣ этого Савиновъ, высоко поднявъ образъ, заговорилъ, обращаясь къ толпѣ:

— Присягайте всѣ въ томъ, чтобы заодно говорить на господина, а если кто изъ насъ придетъ въ раскаяніе, явится къ нашему господину, въ нашемъ заговорѣ и умыслѣ признается, тотъ да будетъ анаеема—проклять и не грѣхъ такого человѣка, гдѣ попадется, убить до смерти.

Исакъ поцѣловалъ образъ, его примѣру послѣдовали всѣ присутствовавшіе, въ томъ числѣ и жена Гебеды.

— Въ домѣ огни погасли, — началъ опять говорить Савиновъ, — господинъ, должно, легъ спать, только въ спальнѣ свѣтъ, идемъ осторожно, чтобъ онъ не слышалъ, поднимать міръ.

По выходѣ изъ конюшни, Гебеда отослалъ жену домой, а самъ почти около часа ходилъ по „задому“, поглядывая на видѣвшійся изъ спальни Катенина свѣтъ и наблюдая за разошедшимися въ разные деревни крестьянами. Вернувшись въ свою комнату, онъ не раздѣваясь легъ въ постель. Спустя какой-нибудь часъ, онъ услышалъ стукъ къ себѣ въ дверь и голосъ „камординера“ Катенина, говорившаго, что Николай Ѳедоровичъ прислалъ за нимъ, Гебедою, чтобъ онъ тотчасъ шелъ въ домъ играть минуэтъ.

— У меня голова болитъ, я не могу играть,—отозвался музыкантъ.

Посланный ушелъ, но тотчасъ же вернулся къ Гебедѣ съ новымъ предложеніемъ Катенина—идти къ нему хотя больному.

Капельмейстеръ отвѣчалъ прежнимъ отказомъ.

Черезъ полчаса онъ услышалъ шаги нѣсколькихъ человѣкъ и настойчивый стукъ въ дверь.

— Если ты не пойдешь волею, то Николай Ѳедоровичъ приказалъ тащить тебя насильно! крикнулъ въ дверь „камординеръ“.

Гебеда молчалъ, осматривая запоры двери, которые оказались надежными, несмотря на начавшееся стараніе четырехъ человѣкъ ее сломать.

— Коли вы будете безчинствовать, я буду стрѣлять!—крикнулъ Гебеда, беря въ руки заряженное ружье.—Вы знаете, что я стрѣляю безъ промаха; кому жизнь не дорога, пусть исполняетъ приказъ вотчинника, такъ ему и передайте.

Стуки въ дверь прекратились.

— Скажите ему,—продолжалъ говорить, приближаясь къ двери, Гебеда,—что я не допущу того, что онъ сдѣлалъ съ прежнимъ капельмейстеромъ, жившимъ въ этой же комнатѣ, человѣкомъ вольнымъ. Онъ повѣрилъ его словамъ, отперъ дверь, а его потащили къ помѣщику и передъ нимъ его высѣкли плетью вмѣстѣ съ женою. Скажите, что я того не потерплю, живой въ ваши руки не дамъ, а если онъ пьянъ, скажите о томъ Авдотѣ Ивановнѣ.

Гебеда услышалъ шаги людей, уходившихъ отъ двери. Сначала онъ думалъ, что его оставили совсѣмъ въ покоѣ, но вскорѣ по донесеніи до его слуха шепоту и нѣкоторому шуму онъ догадался, что находится подъ карауломъ по крайней мѣрѣ двухъ человѣкъ. Приставивъ скамью къ двери и держа ружье наготовѣ, Гебеда насторожился и въ такомъ положеніи пребылъ до разсвѣта.

Но не храбрости Гебеда былъ обязанъ своимъ спасеніемъ; обстоятельства шли такъ, что Катенину было не до него.

Послѣ цѣлованія иконы заговорщиками, они разошлись по деревнямъ и часовъ въ 12 ночи вернулись къ господскому дому въ

сопровожденіи своихъ односельчанъ; набралась огромная толпа человѣкъ въ 400 съ кольями, косами, мотыгами. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ были зажжены бочки съ смолою. Въ окна дома посыпались камни, а стоявшіе близъ дома въ разныхъ мѣстахъ столы и скамейки съ крикомъ были поломаны.

„Катенинъ, его жена и малолѣтній сынъ, а также гувернеръ Кауфманъ находились въ столь великомъ страхѣ,—сказано въ документѣ,—что они не знали, что дѣлать, заперлись во внутреннихъ покояхъ, куда не долетали камни, и дрожали отъ страха“. Хмель Катенина совсѣмъ прошелъ. Онъ совѣтовался съ камердинеромъ Петромъ Наумовымъ и хотѣлъ напоить бунтовщиковъ виномъ, чтобы тѣмъ отвлечь ихъ отъ дома. Но Наумовъ сказалъ, что пить будутъ не всѣ, что другіе еще пуще ворвутся въ домъ, и просилъ господина, чтобъ тотъ довѣрилъ ему спасеніе.

Взявъ съ собою четырехъ болѣе смѣлыхъ дворовыхъ, давъ каждому изъ нихъ по два заряженныхъ ружья, Наумовъ вмѣстѣ съ ними вышелъ на всѣ четыре лѣстницы господскаго дома.

— Пусть баринъ дастъ намъ вольную, мы его не имѣемъ, не слушаемъ, пусть живетъ безъ насъ!—доносились крики толпы.

Наумовъ далъ знакъ, и всѣ четверо дворовыхъ, стоявшихъ у дверей, выстрѣлили кверху въ воздухъ.

— Если вы будете приступать къ дому, то каждый, кто приблизится, будетъ убитъ до смерти!—крикнулъ изъ всей силы камердинеръ.

Грянувшіе разомъ неожиданно выстрѣлы испугали подступившихъ, они отхлынули отъ дома, „болѣе къ нему уже не подходили, а кричали и забіячили по прочимъ мѣстамъ“,—какъ говоритъ документъ.

Передъ разсвѣтомъ толпа стала совѣщаться. Отъ нея отдѣлилась партія въ 28 человѣкъ и во главѣ съ Савиновымъ и Фадѣевымъ направилась къ „лакейской“, всѣ остальные съ крикомъ разошлись по своимъ деревьямъ. Отдѣлившаяся же партія, взявъ съ собою изъ лакейской „столбъ, къ которому привязывались наказываемые, плети, кнуты, кошки, кольца и всѣ другія, служащія при наказаніяхъ вещи, двинулась по дорогѣ въ городъ Чухлому“.

Петръ Наумовъ, увидѣвъ, что бунтовщиковъ около дома не оказалось, сообщилъ о томъ Катенину и, сѣвъ на лошадь, верхомъ поѣхалъ за шедшими въ Чухлому, „наблюдая за ними издалека“. Въ первой же деревнѣ отъ сельца Занина—Шартовѣ, гдѣ стояла рогатка и караулъ изъ крестьянъ, шедшая партія Катенинскихъ людей объяснила караульнымъ, что они идутъ „не для сноса животовъ, а для жалобы присутственнымъ мѣстамъ на ихъ помѣщика“; караульные пропустили ихъ свободно.

Долго ходили потомъ по городу Чухломѣ Катенинскіе люди „скопомъ“, не зная куда обратиться. Наконецъ, ихъ замѣтила „какъ празднотагающихся“ чухломская полиція и привела въ нижній земскій судъ, гдѣ „жалобщики“ и подали просьбу слѣдующаго содержания:

„Сдѣлайте милосердіе, избавьте насъ отъ смерти; нашего терпѣнія больше не стало и жить невозможно у нашего господина, Николая Федоровича Катенина, что онъ мучитъ насъ всѣхъ и тиранитъ, сквозь строй гоняетъ до тѣхъ поръ, что иныхъ водою отливаютъ, спиртомъ оттираютъ, а когда въ себя приходятъ, накибють, чѣмъ попало“.

Но въ то время, какъ „жалобщики“ отыскивали судъ и праву, Петръ Наумовъ вѣхалъ въ Чухлому другою дорогою и подалъ объявленіе въ Управу Благочинія „въ неприличномъ хожденіи людей господина его по городу“, просилъ допросить ихъ въ побѣгѣ, а до прибытія помѣщика въ Чухлому—содержать ихъ подъ стражею. Вслѣдствіе сего всѣ 28 жалобщиковъ были переведены изъ нижняго суда въ Управу Благочинія и тамъ посажены въ тюрьму.

V.

На другой день послѣ бунта въ обѣденную пору Гебеда явился къ Катенину, сказалъ, что послѣ того, что случилось, онъ служить болѣе не можетъ, просилъ отпустить его совсѣмъ, давъ по уговору лошадей для отѣзда.

— Не хочешь оставаться у меня по контракту, тогда я принужду жить у меня неволею!—крикнулъ ему секундъ-маіоръ.—Погоди, я еще узнаю въ Чухломѣ о твоихъ сговорахъ съ музыкантами,—добавилъ онъ.

Въ тотъ же день Катенинъ уѣхалъ въ городъ, а вернулся 2 мая въ сопровожденіи уѣзднаго стряпчаго Налетова, застѣдателя и секретаря земскаго суда. Гебеда въ ихъ присутствіи предъявилъ Катенину свою просьбу уволить его.

— Нѣтъ, ты еще посидишь у меня, ты еще отвѣтишь за музыкантовъ!—грубо и со всякою бранью отвѣтилъ Катенинъ. Живи волею, а не то удержу насильно.

„Опасаясь себѣ всякаго дурна“,—какъ сказано въ дѣлѣ, Гебеда, оставивъ жену и крѣпостную ея дѣвку у Катенина и взявъ съ собою только ружье да кое-какія мелкія вещи, въ тотъ же день пѣшкомъ ушелъ изъ усадьбы, добрался до первой по пути деревни, нанялъ здѣсь крестьянскую лошадь, доѣхалъ до галичскаго помѣщика гене-

рала Семичева, въ домѣ котораго онъ „давалъ оркестры“; здѣсь переночевалъ и на лошадахъ этого помѣщика былъ привезенъ въ Кострому. Гебеда тотчасъ же явился къ правителю Костромскаго намѣстничества Ивану Варфоломеевичу Ламбу и просилъ его принять подъ свое покровительство его, Гебеду, „яко несчастнаго иностранца“, во всѣхъ обидахъ Катенина поступить по законамъ, взыскавъ съ него въ пользу Гебеды 700 р. за разстройство его состоянія, а жену его, Степаниду Ивановну, крѣпостную дѣвку и его имѣніе отъ Катенина изъавить, пославъ за ними нарочнаго унтеръ-офицера съ солдатомъ.

Правитель намѣстничества И. В. Ламбъ отправилъ къ Катенину собственноручное письмо съ сержантомъ Мелеховымъ съ просьбою объ отпускѣ жены Гебеды на лошадахъ секундъ-маіора.

Положеніе жены Гебеды, оставшейся въ домѣ Катенина, было самое тяжелое — „она ежедневно была огорчаема отъ самого Катенина и его жены разными упреками и привязками“.

— Скоро твоего бѣглеца ко мнѣ доставятъ тѣмъ же обычаемъ—пѣшкомъ, какъ ушелъ, не смѣй разрывать контракта!—говаривалъ постоянно съ усмѣшкою Катенинъ Степанидѣ Ивановнѣ.

Когда же онъ получилъ письмо правителя Костромскаго намѣстничества, то вызвалъ ее къ себѣ въ кабинетъ и съ глаза на глазъ сказалъ ей:

— Если хочешь ѣхать къ своему мужу, то поѣзжай, на чемъ хочешь, а имѣнія вашего я тебѣ не выдамъ. А не хочешь ѣхать, оставайся здѣсь; однако же не думайте, чтобы вы изъавились моихъ рукъ. Какимъ-нибудь способомъ, а вы опять въ моихъ рукахъ будете, и „бѣглеца“ я у себя жить заставлю.

Со слезами на глазахъ, Гебеда призвала къ себѣ въ комнату сержанта Мелехова и „усиленнымъ образомъ“ просила, чтобы онъ безъ нея въ Кострому никоимъ образомъ не уѣзжалъ, потому что она опасается отъ Катенина всяческой обиды, даже „не свойственной ея полу“. 18 мая Мелеховъ нанялъ въ ближайшей деревнѣ подводу за 4 рубля и вмѣстѣ съ женою Гебеды изъ усадьбы Катенина уѣхалъ, при чемъ помѣщикъ дозволилъ Степанидѣ Ивановнѣ взять только ея дѣвку, постель да небольшой ларчикъ съ женскими вещами. Всѣ же остальные предметы въ комнатѣ, гдѣ жили Гебеды, запечаталъ своею печатью и Мелехову для передачи правителю намѣстничества вручилъ письмо.

Въ немъ онъ сообщалъ, что отлучиться въ Кострому, какъ желалъ того И. В. Ламбъ, Катенинъ не можетъ, такъ какъ его всѣ люди взбунтовались; осталось при немъ „вѣрныхъ едва нѣсколько“,

точно также и подводъ для жены Гебеды отпустить не можетъ вслѣдствіе переломки экипажей во время бунта.

23 мая 1795 г. Степанида Ивановна вмѣстѣ уже со своимъ мужемъ явилась къ правителю намѣстничества и объяснила, что Катенинъ изъ вещей ихъ ничего не дозволилъ ей взять, все записывалъ и запечатывалъ, какъ хотѣлъ; не могла она исполнить и приказа своего мужа—во что бы ни стало захватить съ собою оба „віолдамюра“: помѣщикъ не только не отдалъ ихъ, но съ грубостію закричалъ на нее, и опасается она, чтобы онъ „по злomu своему праву не сдѣлалъ имъ какого дурна“. Оба Гебеды „просили его высокопревосходительство объ удовольствіи ихъ надлежащую справедливостію, воззрѣвъ начальнически на безчеловѣчныя дѣянія помѣщика“.

И. В. Ламбъ о дѣлѣ Гебеды съ Катенинымъ, какъ о выдающемся происшествіи, согласно 84 ст. Учрежденія о губерніяхъ, донесъ „въ обыкновенномъ недѣльномъ рапортѣ“ съ нарочнымъ курьеромъ правящему должность Владимірскаго и Костромскаго генераль-губернатора Ивану Александровичу Заборовскому и ждалъ отъ него указаній.

VI.

Между тѣмъ самъ Н. Ѳ. Катенинъ употреблялъ „по-своему“ всѣ усилія, чтобы уладить дѣло съ взбунтовавшимися крестьянами. Тотчасъ же по возвращеніи изъ Чухломы камердинера Петра Наумова и по донесеніи о уснѣхахъ поѣздки, секундъ-маіоръ 30 апрѣля самъ прибылъ въ Чухлому и явился въ Управу Благочинія. Въ своемъ уѣздномъ городѣ у Н. Ѳ. Катенина были многіе „хлѣбоядцы“. Въ Управѣ уже до пріѣзда помѣщика изъ 28 жалобщиковъ 10 человекъ склонили къ полному послушанію, яко „учинившихъ ему сопротивление по глупости“. Остальные же 18 отвѣтили, что они скорѣе готовы ссылку претерпѣть, чѣмъ идти къ нему вновь. Эти 18 человекъ и представлены были Катенину въ присутствіи Управы Благочинія.

— Мы согласны, сказали ему крестьяне, — вернуться къ себѣ, если господинъ оставитъ насъ мастеровыми, сдѣлаетъ оброчными, а къ хлѣбопашеству принуждать не будетъ.

— По лѣности своей не хотите работать, бездѣльники!—закричалъ на нихъ Катенинъ и изо всей силы принялся бить многихъ изъ стоявшихъ своихъ людей по щекамъ.

У нѣкоторыхъ изъ нихъ на глазахъ показались слезы; они стояли молча, трясясь отъ волненія.

— Всѣхъ васъ, воровъ, отдадутъ по суду мнѣ, всѣ пропадете вмѣсто собаки,—продолжалъ кричать Катенинъ. До смерти васъ замучу, и виновать не буду, потому, что вы—моя собственность!

Управа Благочинія для дальнѣйшаго допроса 15 человекъ проводила въ уѣздный судъ, а троихъ по просьбѣ Катенина, для исправленія „домашними мѣрами“, передала въ распоряженіе Катенина, давъ ему для ихъ караула трехъ солдатъ.

Трое взятыхъ крестьянъ были именно тѣ самые, которые въ присутствіи Управы говорили о желаніи быть выпущенными „на оброкъ“. Всѣ они были закованы въ ручныя и ножныя желѣза.

Какъ только Катенинъ съ ними и караульными провожатыми выѣхали за городъ, секундъ-маіоръ одного изъ крестьянъ, болѣе всѣхъ говорившаго въ Управѣ,—Федора Васильева веревкою привязалъ къ стремени своей лошади и, прибавивъ рыси, продолжая его почти тащить за собою, принялся „поминутно“ колотить по головѣ, спинѣ и груди, приговаривая:

— Вотъ тебѣ оброкъ!

Какимъ-то образомъ желѣза, бывшія на Васильевѣ, развалились, и онъ опрометью бросился бѣжать, насколько позволяли его силы, къ виднѣвшемуся невдалекѣ лѣсу. Два другихъ закованныхъ крестьянина также побѣжали было за Васильевымъ, но желѣза имъ мѣшали, они принуждены были остановиться.

— Держи ихъ, мошенниковъ!—крикнулъ Катенинъ и вмѣстѣ съ побѣжавшими караульными поскакалъ на лошади за Васильевымъ. Тотъ, пробѣжавъ какія-нибудь полверсты, далѣе идти не могъ, при подъемѣ на небольшой оврагъ запыхался, упалъ и, повернувшись лицомъ къ землѣ, ничкомъ, дожидаясь погони, которая и не замедлила къ нему приблизиться.

— Поднимите разбойника и ведите его за руки, — приказалъ Катенинъ солдатамъ.

Когда Васильева подвели къ двумъ другимъ скованнымъ крестьянамъ, то Катенинъ попеременно во все время пути вплоть до своего сельца Занина билъ палками cadaго.

— Въ лакейскую!—крикнулъ онъ, указывая на трехъ закованныхъ Петру Наумову, вышедшему съ дворовыми встрѣчать барина, какъ только послѣдній вступилъ въ усадьбу. Здѣсь жалобщики „немилосердо“ были наказаны плетью и кнутьями, а потомъ были отправлены на конюшню, гдѣ первые двое были закованы такъ, что имъ по крайней мѣрѣ можно было лежать, а Васильева, попытавшагося было убѣжать съ дороги, заковали за ноги и за руки, а равно и за шею; несчастный въ такомъ положеніи не могъ даже вытянуть ноги и при засыпаніи долженъ висѣть на своей шеѣ.

Секундъ-маіоръ самъ заперъ ихъ на замокъ и при себѣ каждому изъ нихъ отпускалъ по фунту хлѣба и по ковшу воды на день.

Конечно, такого мученія долго выдержать было нельзя; черезъ недѣлю все трое „слезно“ просили помѣщика простить имъ вину, а еще дня черезъ два они, по приказу Катенина, были раскованы, имъ обрили головы, и они отданы были „въ работу“ подъ присмотръ Петра Наумова.

Такому же бритію головы подверглись и тѣ 10 человекъ, которые ранѣе въ Управѣ Благочинія принесли свою вину предъ господиномъ, и еще шестеро изъ оставшихся въ уѣздномъ судѣ, измѣнившихъ свое прежнее рѣшеніе и уговоренныхъ судомъ, вернуться къ помѣщику. „Раскаяніе“ принесли 8 человекъ, но при препровожденіи ихъ къ Катенину двое—Парамонъ Матвѣевъ и Иванъ Ефимовъ—бѣжали, всѣ поиски ихъ оказались напрасными. Въ тюрьмѣ же Чухломскаго уѣзднаго суда осталось людей Катенина также 8 человекъ, которые „по упрямству своему не только возвратиться къ помѣщику не похотѣли, но даже подъ своими допросами не подписались“. Въ числѣ этихъ послѣднихъ восьми находились Исакъ Савиновъ и Маркъ Оадѣевъ.

А спустя какой-нибудь мѣсяцъ послѣ бунта Катенинъ доносилъ правителю намѣстничества, что кромѣ 8 человекъ, находившихся въ Чухломскомъ уѣздномъ судѣ, всѣ остальные его дворовые и крестьяне „въ своемъ преступленіи раскаялись, ихъ по великодушію Катенинъ и его жена простили, они находятся по-прежнему въ полномъ его повиновеніи, яровую рожь у него исправно запахали и для запахиванія таковой же въ своихъ селеніяхъ отпущены въ дома свои; новыхъ безпокойствъ у него нѣтъ, и вотчина находится въ должной тишинѣ и порядкѣ“.

Но одинъ изъ сержантовъ, бывшихъ у Катенина, сообщалъ, что въ вотчинѣ его заведены „строгости большія“; какъ въ домѣ, такъ и въ усадьбѣ учреждены частные караулы изъ крестьянъ и дворовыхъ людей; запрещается всѣмъ сходитья другъ съ другомъ и между собою разговаривать. Помѣщикъ очень боится внезапнаго нападенія и смуты отъ бѣжавшихъ Парамона Матвѣева и Ивана Ефимова.

Цѣлые годы эти бѣглецы заставляли Катенина держаться насторожѣ, безпокоили его; цѣлый рядъ „объявленій“ о ихъ поимкѣ подавалъ онъ въ присутственныя мѣста, ихъ и слѣдъ простылъ, растворившись въ благопріятныхъ дебряхъ и извилинахъ тогдашняго бытового уклада.

VII.

А дѣло Гебеды пошло своимъ обычнымъ темпомъ, столь вѣрно передаваемымъ оставшимся словомъ „волокига“. Гебеда, узнавъ, что выше намѣстника есть еще генераль-губернаторъ, отправилъ и Заборовскому прошеніе о переводѣ его дѣла въ Костромской уѣздный судъ и о возвращеніи изъ сельца Занина его имѣнія, такъ какъ на присутствующихъ Чухломскаго суда онъ имѣетъ подозрѣніе по короткому ихъ знакомству и хлѣбосольтву съ Катенинымъ. Заборовскій гуманно отнесся къ Гебедѣ, приказалъ, согласно просьбѣ, его дѣло перевести въ Кострому, гдѣ „обиженный иностранецъ, не совершенно вѣдающій русскій языкъ и законы, подъ защитою намѣстническаго правленія можетъ удобнѣе представлять обстоятельства къ своему оправданію и справедливости, а помѣщику Катенину—объявить, чтобы онъ явился въ Кострому къ суду самъ или прислалъ повѣреннаго“.

Катенинъ же въ своемъ отвѣтѣ Заборовскому писалъ, что Гебеда, бывши у него въ домѣ, взбунтовалъ всѣхъ его дворовыхъ и крестьянъ, и не доживя условнаго срока до контракта, бѣжалъ, какъ видно по производящемуся въ Чухломскомъ уѣздномъ судѣ дѣлу, причинилъ ему крайнее разореніе; за его хлѣбъ-соль во всѣхъ знаемыхъ домахъ называлъ его „пьяницею и тираномъ“. По причинѣ своего слабаго здоровья и необходимости наблюдать за водвореніемъ порядка въ своей вотчинѣ Катенинъ ѣхать въ Кострому не можетъ и считаетъ переводъ сюда дѣла изъ Чухломы проволочкой въ виду дальняго 165 верстнаго разстоянія и нарушеніемъ интереса его, Катенина, такъ какъ и всѣ его свидѣтели, которыхъ онъ долженъ представить, живутъ въ Чухломской округѣ.

Въ то же время, по приказу Заборовскаго, чухломскій исправникъ капитанъ-лейтенантъ Лермонтовъ ¹⁾ и стряпчій Налетовъ явились въ сельцо Занино и распечатали комнату, гдѣ хранились вещи Гебеды, печати на всѣхъ запертыхъ сундукахъ оказались въ цѣлости. А такъ какъ для отправленія этого имущества въ Кострому нужно было не менѣе 4 подводъ, а Катенинъ дать таковыя отказался, „у исправника же на то не было надлежащей суммы“, то все имущество Гебеды было перепечатано казенною печатью, потомъ положено въ особый чуланъ, заперто замкомъ и запечатано тою же печатью.

Однако, по новому приказу Заборовскаго капралу Чухломской

¹⁾ Предокъ поэта.

канцеляріи Дроздову велѣно имущество подѣ его отвѣтственностію доставить въ Кострому на казенный счетъ. Всѣ печати въ чуланѣ оказались въ цѣлости, и вещи Гебеды за 13 р. 20 к. были доставлены въ Кострому. 12 сентября сюда въ намѣстническое правленіе явился капельмейстеръ Гебеда вмѣстѣ съ женою и приступилъ къ осмотру привезеннаго. Но едва онъ вскрылъ ящички со скрипками, какъ отчаянный вопль его понесся по комнатамъ правленія.

— Несчастные мои виолдамуры! Несчастные мы съ женою! Мы лишены сущности пропитанія! Все кончено по злобѣ тирана Катенина!

Явившемуся намѣстнику Ивану Варфоломеевичу Ламбу Гебеда показали, что обѣ скрипки сломаны и исколоты.

— Онѣ приобрѣтены трудами цѣлаго моего вѣка,—ломанымъ русскимъ языкомъ говорилъ капельмейстеръ.—Этими музыкальными инструментами я снискивалъ себѣ средства къ пропитанію и теперь я угнетаюсь, что онѣ уже болѣе къ тому неспособны и не удобны, нельзя даже найти мастеровъ для ихъ исправленія.

И. В. Ламбъ, какъ могъ, успокоилъ Гебеду, сказавъ, чтобы онъ взялъ все имущество къ себѣ и тамъ въ присутствіи командироваемаго канцеляриста составилъ ему опись; если чего не сыщется или что явится испорченнымъ, тому сдѣлать оцѣнку, и все это представить намѣстнику для привлеченія Катенина къ законной отвѣтственности.

На другой день Гебеда представилъ опись пожиткамъ, не оказавшимся въ сундукахъ или испорченнымъ. У одного изъ ящичковъ была отломлена доска и черезъ отверстіе были похищены нѣкоторыя вещи, у голубого сундучка былъ сорванъ замокъ съ пробоемъ; въ сосновомъ сундукѣ были отогнуты петли, въ дубовомъ ларцѣ и въ зеленомъ сундукѣ изъ петель гвозди были вынуты; при всѣхъ этихъ поврежденіяхъ казенныя печати находились въ цѣлости, но очень значительное количество вещей, особенно же платье Гебеды и его жены, было похищено. Всего вещей было украдено по описи Гебеды 1.700 руб., да 1.100 рублей онъ считалъ за оба испорченные виолдамура.

Капраль Дроздовъ и крестьяне, на чьихъ подводахъ имущество Гебеды было доставлено въ Кострому, показали, что они приняли имущество съ поврежденіями, означенными въ описи Гебеды, но за цѣлыми печатями.

20 октября 1795 г. Катенинъ, на посланное ему изъ намѣстническаго правленія предложеніе сообщилъ, что онъ кромѣ отправленнаго съ капраломъ Дроздовымъ имущества Катенина болѣе ничего у себя не имѣетъ; хранить его у себя онъ не былъ обязанъ, и гдѣ

произошло изломаніе инструментовъ, не знаетъ. За болѣзнію явиться по-прежнему въ Кострому не можетъ, когда же получить облегченіе, то прїѣдетъ безъ замедленія.

VIII.

Это приглашеніе Катенина къ суду было послѣднимъ благопріятнымъ поворотомъ дѣла въ пользу Гебеды.

До конца октября 1795 г. оставшіеся въ тюрьмѣ при Чухломскомъ уѣздномъ судѣ крестьяне показывали, что подговаривалъ ихъ къ бунту землемѣръ Хлѣбниковъ, но съ начала ноября мѣсяца они стали говорить другое—указывать, какъ на подстрекателя на Гебеду, рассказывая всѣ обстоятельства бунта въ томъ видѣ, какъ онъ изложенъ у насъ въ очеркѣ.

Землемѣръ же уѣздный В. В. Хлѣбниковъ при допросѣ показалъ, что хотя онъ для размежеванія пустоши Якутиной у секундъ-маіора Катенина въ вотчинѣ находился и въ кабинетѣ помѣщика Исака Савинова и Марка Ѳадѣева видѣлъ списывающими копія съ писцовыхъ и межевыхъ книгъ, но никакихъ съ ними разговоровъ, ниже подстрекательствъ не вель. Самъ онъ, какъ російскій дворянинъ, таковыхъ же людей въ подданствѣ имѣеть, ни въ какихъ порокахъ никогда не бывалъ; не только содѣйствія къ общественному и частному разврату и къ нарушенію тишины и спокойствія не имѣлъ, но и въ мысляхъ о томъ не воображалъ, а тѣмъ болѣе къ подговору людей Катенина, помня хорошо указы, которыми запрещено строжайше людямъ на своихъ помѣщиковъ доносы дѣлать, а доносителей, сочинителей и разглашателей по симъ дѣламъ указано жестоко наказывать. „Все сіе,—говорилъ Хлѣбниковъ,—могло бы быть ко мнѣ отнесено, если бы я предпочелъ холопскую жизнь благородной, а я и съ помѣщикомъ ихъ доброе знакомство имѣлъ. Въ подтвержденіе же моей совѣсти и чести,—заканчиваетъ землемѣръ,—я готовъ всегда учинить присягу“.

По службѣ о Хлѣбниковѣ дали самый благопріятный отзывъ, и его тогда оставили въ покоѣ.

Кромѣ того, двое изъ самыхъ главныхъ зачинщиковъ бунта Исакъ Савиновъ и Маркъ Ѳадѣевъ подали вдругъ въ Чухломскій уѣздный судъ объявленіе, въ дополненіе къ ихъ позднѣйшему указанію на Гебеду, какъ на подстрекателя, что капельмейстеръ во время пребыванія своего въ селѣцѣ Занинѣ уговаривалъ ихъ обоихъ „подписывать фальшивыя ассигнаціи, такъ какъ у него имѣлась типографія, и онъ отлично умѣлъ штемпеля дѣлать“.

Теперь уже Чухломскій уѣздный судъ, съ разрѣшенія намѣстническаго правленія, звалъ въ Чухлому къ своему отвѣту Гебеду по предъявленнымъ къ нему обвиненіямъ. Но капельмейстеръ прислалъ въ судъ дерзкое письмо, что онъ въ Чухлому ѣхать не можетъ и не хочетъ, а извѣтъ на него Савинова и Оадѣва въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій „считаетъ все тѣмъ же злымъ на него подговоромъ и посуломъ Катенина“.

Самъ же Катенинъ въ то же время подалъ въ Чухломскій судъ новую жалобу, въ которой указывая на свою „невинность“ во всемъ дѣлѣ, на бунтъ и на безчестіе, нанесенное ему Гебедою, просилъ въ видѣ залога до рѣшенія дѣла удержать подъ присмотръ судебного мѣста все имущество капельмейстера, находящееся при немъ въ Костромѣ, огавариваясь, что „даже въ случаѣ осужденія Гебеды онъ, секундъ-маіоръ, это имущество въ свое удовольствіе взять не желаетъ, а отдаетъ его въ приказъ общественнаго призрѣнія для примѣра другимъ иностранцамъ, чтобы они впредь не осмѣливались поносить людей напрасно, какъ съ безстыдствомъ учинилъ въ его домѣ полякъ и краковскій уроженецъ Гебеда“.

Всѣ поступавшіе по дѣлу доносы, допросы, жалобы и разныя опредѣленія отъ низшихъ передавались въ высшія присутственныя мѣста. Наконецъ, о присылкѣ къ допросу въ Чухломскій уѣздный судъ Гебеды подтвердилъ и главный начальникъ края, владимірскій и костромской генералъ-губернаторъ И. А. Заборовскій. Это было уже весною 1796 года, а 14 апрѣля Костромская Управа Благочинія, во исполненіе этого подтвержденія, донесла, что капельмейстера Гебеды на жительствѣ въ Костромѣ нѣтъ, онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ женою въ Москву.

Въ виду того, что „къ слѣдствію для изысканія истины Гебеда былъ нуженъ лично“, намѣстническое правленіе, получивъ отъ Катенина 4 р. 13¹/₂ к., пропечатало 25 ноября 1796 г. въ публичныхъ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ объявленіе о немедленной явкѣ капельмейстера къ суду.

Въ это время состоялось, наконецъ, рѣшеніе о тѣхъ 6-ти „доносителяхъ на своего помѣщика“, которые содержались въ Чухломской тюрьмѣ: за неповиновеніе помѣщику и учиненіе бунта они сосланы были въ Иркутскъ на каторжныя работы. Главные же два зачинщика Исакъ Савиновъ и Маркъ Оадѣвъ какимъ-то способомъ избѣжали этой участи и были отданы помѣщику въ вотчину съ роспискою, имъ было вмѣнено въ наказаніе только содержаніе подъ стражею.

Почти два года прошло послѣ пропечатанія объявленія о розыскахъ Гебеды. Самъ Н. О. Катенинъ вновь задумалъ и поступилъ

на службу, но не военную, а гражданскую, именно—экзекуторомъ 4 департамента Сената. Въ послѣдній онъ и подалъ новую жалобу 13 ноября 1798 г. о переводѣ его дѣла съ Гебедою въ Сенатъ, указывая, что „самая неявка капельмейстера заставляетъ мыслить“, что онъ виновенъ въ возмущеніи въ сельцѣ Занинѣ людей Катенина.

Сенатъ, разсмотрѣвъ снова все дѣло по существу и обсудивъ рѣшеніе разныхъ присутственныхъ мѣстъ, согласился прежде всего съ заключеніемъ Чухломскаго уѣзднаго суда, что въ дѣлѣ о фальшивыхъ ассигнаціяхъ Гебеда правильно признавъ невиннымъ. Затѣмъ окончательнымъ опредѣленіемъ, состоявшимся 15 октября 1802 года, т. е. спустя 7 лѣтъ послѣ начала дѣла, постановилъ: Катенина, яко ни въ чемъ по жалобамъ и доносамъ Гебеды виновнымъ не оказавшагося, отъ продолженія сего дѣла освободить. Дѣло же объ иностранцѣ Іосифѣ Гебедѣ, подлежащемъ за свои дѣйствія наказанію, за смертію его, Гебеды, сужденіемъ прекратить.

Вскорѣ послѣ этого рѣшенія вдова Гебеды, явившаяся послѣ его смерти „единственной наслѣдницей“, просила, на основаніи „всемиловѣйшаго манифеста о восшествіи на престолъ“, сложить съ нея недоимки за употребленную ею мужемъ во все время дѣла вмѣсто гербовой простую бумагу. Сенатъ, считая сумму недоимокъ менѣе 1.000 рублей, просьбу вдовы Гебеды уважилъ и опредѣлилъ недоимокъ съ нея не взыскивать.

* * *

Такимъ образомъ, кончилось это дѣло, за своей канцелярской передачей скрывавшее страданія многихъ сотенъ людей. Разсвѣтъ крестьянскому сословію уже приближался. Черезъ какіе-нибудь два десятка лѣтъ послѣ окончанія дѣла о бунтѣ въ сельцѣ Занинѣ, судя по тому же отдѣлу судебныхъ документовъ, къ которымъ принадлежитъ и исчерпанный, уже начали встрѣчаться помѣщики, передъ смертію своими духовными завѣщаніями освобождавшіе всѣхъ своихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости съ надѣленіемъ ихъ землей ¹⁾. Актомъ 19 февраля 1861 года невольничьи узы были сняты, актъ же 17 октября 1905 г. открылъ двери, наравнѣ съ другими сословіями, и крестьянству въ высшее законодательное учрежденіе имперіи.

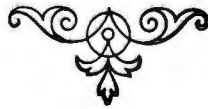
Но мы едва-ли ошибемся, если, подъ впечатлѣніемъ мыслей навѣянныхъ дѣломъ Гебеды, скажемъ, что, несмотря на всѣ свободы, людскихъ страданій въ нашемъ полноправномъ обществѣ стало не

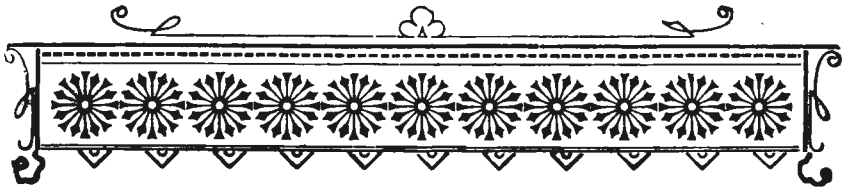
¹⁾ См. напримѣръ, дѣла и опредѣленія 7 департамента Прав. Сената за 1824 г. въ Моск. Архивѣ М. Ю. книга № 298, дѣло 120.

меньше, что тупой личный эгоизм и его необузданные силы замѣнили крѣпостное право. Если въ прежнее время безчеловѣчный помѣщикъ угнеталъ своихъ людей, то и теперь богатый крестьянинъ точно также угнетаетъ своего равноправнаго же по сословію брата-крестьянина, сильный—слабаго, лѣнивый и пьяница—труженика и трезваго; любовь лишь къ самому себѣ каждаго отдѣльнаго чело-вѣка заглушаетъ разумъ и душу въ отношеніи другихъ.

До тѣхъ поръ, пока чело-вѣкъ и общество не будутъ смягчены сердцемъ и укрѣплены сознаниемъ давней истины—не дѣлать другому того, чего не желаешь себѣ, а самъ чело-вѣкъ, по завѣтамъ Евангелія, не станетъ любить ближняго, какъ самого себя, до тѣхъ поръ чело-вѣчество не избавится страданій, которыя оно испытывало и прежде, и отголоски которыхъ передаются въ настоящемъ очеркѣ. Будутъ мѣняться юридическія формы взаимоотношеній, а подъ ними нравственные устои будутъ оставаться полными животнаго эгоизма, насмѣшкою надъ духовною природою чело-вѣка.

И. С. Бѣляевъ.

Исторія одного словаря.

(По неизданнымъ архивнымъ даннымъ)¹⁾.

начальная, но обычная въ нашей русской дѣйствительности исторія, характеризующая наше отношеніе къ тѣмъ культурнымъ одиночкамъ, которыя время отъ времени появляются даже въ глухой провинціи.

Безусловно такимъ культурнымъ работникомъ былъ губернской секретарь Александръ Муштаевъ, служившій въ городѣ Оренбургѣ во время генераль-губернатора Александра Андреевича Катенина. Біографическихъ данныхъ о Муштаевѣ мнѣ, несмотря на самыя тщательныя розыски, не удалось найти—онѣ безслѣдно исчезли, можно высказать предположеніе, которое отчасти подтверждается письмомъ В. Григорьева, помѣщеннымъ ниже, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, Муштаевъ былъ крещеный башкиръ, воспитывавшійся въ восточномъ отдѣленіи Неплюевского военнаго училища, а затѣмъ служившій въ канцеляріи губернатора. Во время службы Муштаевъ обратилъ вниманіе на ту аномалію по существу, по которой, у насъ въ Россіи, считалась вполне нормальнымъ явленіемъ, а именно, что на окраины, гдѣ жили инородцы, посылались чиновники, владѣющіе только русскимъ языкомъ, поэтому сношенія ихъ съ жителями были затруднены и могли вестись лишь при помощи переводчиковъ. Но на восточной окраинѣ, въ Оренбургѣ, было еще

---

¹⁾ Матеріаломъ служили два дѣла архива Оренбургской архивной комиссіи по отдѣлу граждан., первое отъ 20 сентября 1857 г. на 22 листахъ, второе начато 7 мая 1869 г. и закончено 18 марта 1872 г. на 28 листахъ. Дѣла публикуются впервые.

одно затрудненіе—почти не существовало печатныхъ пособій для сношеній, не было даже приличнаго словаря татарскаго языка.

И Муштаевъ—быть можетъ, онъ исполнялъ обязанность переводчика—рѣшилъ пополнить этотъ пропускъ, составить словарь, или, какъ выражался онъ самъ въ своемъ прошеніи къ генераль-губернатору, „предпринять на себя этотъ немаловажный трудъ“. Но такъ какъ въ Оренбургѣ въ то время—конецъ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія—не существовало библіотеки, у самого Муштаева не было средствъ, то онъ просилъ выписать на казенный счетъ рядъ пособій и разрѣшить ему, опять же на казенный счетъ, командировку въ Петербургъ, чтобы посоветоваться съ профессорами Восточнаго факультета Петербургскаго университета.

Генераль-губернаторъ А. А. Катенинъ—извѣстный, какъ просвѣщенный, гуманный человекъ—благосклонно взглянулъ на эту просьбу и разрѣшилъ ее выполнить. Изъ Петербурга изъ магазина Исакова были выписаны на 100 руб. 75 коп. пособія—именно: 1) Троянскій, Татарскій словарь, 2) Болдыревъ, Персидскій словарь, 3) Академическій словарь, 4) Bianchi Dictionnaire Fr. - Turc. 5) Kazimirsky Dictionnaire Arabe - Français, кромѣ того Муштаеву выдано 229 руб. 91 коп.—весь расходъ такимъ образомъ выразился въ 330 руб. 66 коп.—на прогоны и довольствіе во время командировки.

На этомъ дѣло и закончилось. Катенинъ умеръ, его преемникъ генераль Безакъ былъ занятъ иными начинаніями, и о работѣ Муштаева вполнѣ основательно забыли. И всплыла она совершенно случайно черезъ 12 лѣтъ, въ 1869 году. Оказалось, что Муштаевъ закончилъ свою работу сравнительно скоро—командировку онъ получилъ въ 1857 году, а въ 1860 г. представилъ—въ цензурный комитетъ въ Казани свою рукопись,—цензура разрѣшила ее, но дальнѣйшія хлопоты по изданію предпринять не могъ, по весьма уважительной причинѣ: за смертью, и рукопись его хранилась у его вдовы, которая успѣла выйти замужъ и переѣхать изъ Оренбурга въ Верхнеуральскъ. Здѣсь съ ней совершенно случайно встрѣтился чиновникъ особыхъ порученій генераль-губернатора, узнавъ про рукопись—и причина неизвѣстна, быть можетъ, соболѣзнуя бѣдственному положенію вдовы Муштаевой, а быть можетъ, желая спасти солидный трудъ—посоветовалъ вдовѣ обратиться съ прошеніемъ къ новому генераль-губернатору Крыжановскому, который поощрялъ всѣ подобныя начинанія. Черновикъ прошенія былъ написанъ самимъ чиновникомъ, вдова переписала его и вмѣстѣ съ рукописью мужа отправила къ Крыжановскому. Послѣдній переслалъ этотъ словарь извѣстному ориенталисту В. В. Григорьеву,

который когда-то служилъ въ Оренбургскомъ краѣ и, быть можетъ, зналъ и помнилъ Муштаева. Крыжановскій просилъ прежде всего дать отзывъ о словаряхъ, а затѣмъ посодѣйствовать, не найдетъ ли возможнымъ Академія наукъ напечатать этотъ словарь.

В. Григорьевъ нѣсколько замедлилъ отвѣтомъ, а въ это время вдова Муштаева, успѣвшая еще разъ овдовѣть и выйти замужъ въ третій разъ, продолжала бомбардировать генераль-губернатора прошеніями—оказать ей поддержку.

Отвѣтъ Григорьева сохранился въ подлинникѣ, и мы приводимъ его *in extenso*, полагая, что если когда-нибудь будетъ издана переписка В. Григорьева, это письмо можетъ войти въ собраніе его писемъ. В. В. Григорьевъ писалъ лично Крыжановскому:

Милостивый Государь Николай Андреевич!

Сознаю себя весьма виноватымъ передъ Вашимъ Высокопревосходительствомъ, до сихъ поръ замедливъ отвѣтомъ на почтеннѣйшее письмо Ваше съ запросомъ о татарско-русскомъ словарѣ г-на Муштаева. Извиненіемъ для меня можетъ служить лишь то обстоятельство, что на каждого человѣка въ Россіи, который что-нибудь знаетъ и къ чему-нибудь способенъ, наваливаютъ со всѣхъ сторонъ столько порученій, что, не имѣя возможности исполнять и десятой доли ихъ, приходится по-неволѣ быть крайне неаккуратнымъ.

Словарь, о которомъ Вашему Высокопревосходительству угодно знать мое мнѣніе—одинъ изъ лучшихъ, какіе существуютъ для татарскаго языка. Въ немъ множество словъ, которыя пропущены въ другихъ подобнаго рода сборникахъ, и всѣ вообще слова объяснены превосходно. Меня удивляетъ, до какой степени умѣлъ усвоить себѣ знаніе русскаго языка покойный Муштаевъ, будучи природнымъ башкирцемъ. Происхожденіе объясняемыхъ словъ изъ другихъ словъ показано не всегда вѣрно: многимъ монгольскимъ словамъ приписано, напримѣръ, персидское происхожденіе. Но этотъ недостатокъ, въ виду другихъ, существенныхъ достоинствъ труда г-на Муштаева, неваженъ.

Во всякомъ случаѣ словарь г-на Муштаева не настолько способствуетъ къ изученію татарскаго языка, чтобы могъ быть напечатанъ на счетъ Имп. Академіи Наукъ, которая принимаетъ на себя лишь изданія книгъ, значительно увеличивающихъ имѣющійся капиталъ знанія. Таково, по крайней мѣрѣ, мое мнѣніе. Книга Муштаева—не болѣе, какъ хорошее учебное пособіе. Въ этомъ качествѣ,

пособіе на напечатаніе ея могло бы быть скорѣе исходатайствовано изъ суммъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Но если бы на этотъ предметъ имѣлись въ Оренбургскомъ краѣ какія-либо мѣстныя средства, Ваше Превосходительство не потратило бы ихъ напрасно, издавъ книгу г-на Муштаева въ Оренбургѣ или Казани и введя ее затѣмъ въ употребленіе въ училищахъ подвѣдомственнаго Вамъ управленія: она далеко удовлетворительнѣе однородныхъ съ нею учебниковъ, до сихъ поръ употребляющихся въ имперіи при обученіи татарскому языку, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходитъ даже „Сравнительный словарь турецко-татарскаго нарѣчія“ г-на Будагова, печатающійся нынѣ на счетъ Имп. С.-Петербургскаго университета.

Изложивъ, такимъ образомъ, мнѣніе мое по предмету, о которомъ Ваше Высокопревосходительство изволили спрашивать меня, пользуюсь настоящимъ случаемъ принести увѣреніе въ совершенномъ уваженіи и преданности, съ коими имѣю честь пребыть Вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою В. Григорьевъ.

С.-П.-Бургъ

23 декабря 1870 г.

Его Высоко—ству Н. А.
Крыжановскому.

P.S. При семъ честь имѣю возвратить и рукопись г-на Муштаева, препровожденную на мое усмотрѣніе ¹⁾).

Мы видимъ, что отзывъ болѣе чѣмъ лестный, что трудъ Муштаева, по мнѣнію такого знатока, какъ В. Григорьевъ, вполне заслуживалъ изданія. Заподозрить В. Григорьева въ предвзятости мнѣнія, въ желаніи сдѣлать пріятное генералу Крыжановскому у насъ нѣтъ никакихъ основаній — указываемъ на это могущее возникнуть предположеніе вслѣдствіе нижеприводимаго отзыва министра народнаго просвѣщенія.

Издать этотъ словарь на мѣстныя средства Крыжановскій не пожелалъ—у Крыжановскаго въ это время складывался взглядъ на просвѣщеніе инородцевъ совершенно иной ²⁾, и потому Крыжановскій отослалъ рукопись Муштаева въ министерство народнаго просвѣщенія.

¹⁾ Дѣло отъ 7 марта 1869 г., стр. 16 и 17.

²⁾ Взглядъ на изученіе татарскаго языка въ Оренбургскомъ краѣ генерала Крыжановскаго чрезвычайно любопытенъ. Мы уже опубликовали часть интересныхъ матеріаловъ по этому поводу въ мѣстной прессѣ (Вѣстникъ Уфы), и намѣрены закончить означенное опубликованіе, изложивъ исторію открытія русско-татарской школы въ Уфѣ.

Отзывъ министра народнаго просвѣщенія — а таковымъ въ то время былъ графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой — долженъ былъ поразить генераль-губернатора — на столько онъ противорѣчилъ отзыву В. Григорьева. Министръ передалъ словарь, какъ сообщилъ въ письмѣ къ Крыжановскому, на разсмотрѣнїе „свѣдущихъ ориенталистовъ“, по мнѣнію которыхъ недостатки словаря заключались въ слѣдующемъ: „въ этомъ словарѣ, носящемъ названіе татарскаго, османское турецкое нарѣчіе соединено съ татарскимъ, оренбургско-казанскимъ, имѣющимъ съ первымъ весьма отдаленныя связи. Отъ этого произошло, что въ немъ не обозначено различіе османскихъ словъ отъ татарскихъ; османскій отдѣлъ не включаетъ въ себѣ и сотой доли того лексикографическаго богатства, которымъ обладаетъ османское нарѣчіе, татарскій отдѣлъ въ свою очередь неполонъ, упущенъ изъ виду джагатанскій языкъ, безъ знанія котораго неумѣстно даже поверхностное знакомство съ обоими упомянутыми нарѣчіями и, наконецъ, вслѣдствіе незнанія основательно по-османски, весьма слабо разработанъ османскій отдѣлъ“.

Получивъ такой отзывъ, министр народнаго просвѣщенія, понятно, отказался печатать словарь на средства министерства.

Небезынтересно сравнить эти два отзыва — къ сожалѣнію, въ отвѣтѣ графа Д. Толстого не сказано, кто былъ рецензентомъ — не тотъ ли самый Будаговъ, о которомъ не совсѣмъ лестно отзывался В. Григорьевъ — не забудемъ, что Крыжановскій отправилъ рукопись Муштаева съ подлинникомъ письма Григорьева. Отзывъ министерства безусловно полемизируетъ съ письмомъ В. Григорьева — въ письмѣ Григорьева говорится „о десятой долѣ тѣхъ порученій, которыя даются Григорьеву“ — въ отзывѣ появляется выраженіе „сотая доля“; Григорьевъ изумляется объясненію словъ, отзывъ министерства подчеркиваетъ незнакомство составителя словаря съ османскимъ языкомъ. Вообще отзывъ министерства производитъ впечатлѣніе предвзятости, односторонности. Словарь былъ назначенъ для Оренбургскаго края, какъ практическое руководство — министерскій отзывъ критикуетъ его, какъ ученый трудъ — В. Григорьевъ именно подчеркивалъ практическую сторону словаря.

Во время этой переписки вдова Муштаева послала еще одно прошеніе, въ которомъ, указывая, что она живетъ въ Бузудукѣ, просила уже не о напечатаніи или о пріобрѣтеніи труда ея мужа, а просто дать ей что-нибудь на бѣдность. Крыжановскій, получивъ такой отзывъ министра, распорядился послать Муштаевой отказъ въ ея просьбѣ вмѣстѣ съ рукописью мужа черезъ полицію на мѣстожительство въ Бузудукъ.

Въ 1872 г. 31 января Муштаева снова обращается къ Крыжа-

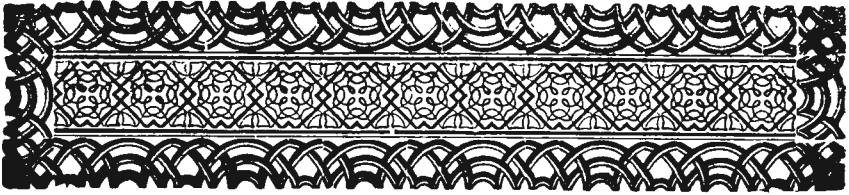
новскому, указывая, что такъ какъ въ Бузулукѣ она прожила слишкомъ недолго, то полиція и не успѣла вернуть ей рукопись мужа.

Канцелярiя генераль-губернатора стала наводить справки и 8 марта 1872 г. получила въ отвѣтъ извѣщенiе отъ Бузулукскаго уѣзднаго полицейскаго управленiя, что 5 сентября 1871 г. въ Бузулукѣ былъ пожаръ, архивъ полицейскаго управленiя сгорѣлъ и, очевидно, сгорѣла и рукопись словаря...

Такъ бесплодно погибъ интересный трудъ одного изъ мѣстныхъ работниковъ.

П. Столпянскiй.

Изъ воспоминаній стараго врача А. А. Синицына.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вослуживъ болѣе 40 лѣтъ сначала военнымъ врачомъ, потомъ—городскимъ и земскимъ, а послѣднія 12 лѣтъ—мировымъ судьей, я былъ свидѣтелемъ многихъ знаменательныхъ событій прошедшаго пятидесятилѣтія и реформъ, совершенныхъ послѣ 19 февраля 1861 года, а въ земской—принималъ дѣятельное участіе.

Теперь, выйдя въ отставку, я рѣшился собрать воедино свои воспоминанія, въ надеждѣ, что они могутъ послужить до нѣкоторой степени матеріаломъ для характеристики этой эпохи, хотя событія, описываемыя здѣсь, совершались, большею частью, въ тѣсномъ провинціальномъ кругу.

Большинство лицъ, о которыхъ здѣсь говорится, уже умерли, а оставшіеся въ живыхъ почти всѣ удалились отъ дѣлъ, но воспоминаніе о ихъ дѣятельности, можетъ быть, будетъ небезинтересно для современниковъ.

Въ началѣ записокъ я говорю о Медицинской Академіи и студенческомъ обществѣ, какимъ оно было 50 лѣтъ тому назадъ, затѣмъ описываю тогдашнее военное общество, дореформенное состояніе города, въ которомъ мнѣ больше всего пришлось жить и дѣйствовать и, наконецъ, введеніе реформъ: 19 февраля, земской и судебной.

Записки эти редактированы подъ мою диктовку, такъ какъ я около 3-хъ лѣтъ назадъ потерялъ зрѣніе, а потому заравѣ прошу простить мнѣ неизбѣжныя при этомъ неровности изложенія и другіе промахи; за фактическую же сторону того, что рассказываю, я ручаюсь.

Александръ Александровичъ Синицынъ.

Г л а в а I.

(Императорская Спб. Медико-Хирургическая Академія 1850—1855 г.г.)

Я поступилъ въ Академію осенью 1850 года. Въ 1898 году Академія праздновала свой 100-лѣтній юбилей. Я думаю, что ретроспективный взглядъ на то состояніе, въ какомъ она находилась 50 лѣтъ тому назадъ, будетъ небезинтересенъ.

Поступилъ я въ Академію не потому, чтобы имѣлъ какое-нибудь особое призваніе къ медицинѣ, а потому, во-первыхъ, что въ то время пріемъ на остальные факультеты былъ крайне ограниченъ, такъ какъ былъ положенъ штатъ студентовъ на всѣхъ факультетахъ, кромѣ медицинскаго, въ 300 человекъ, а, во-вторыхъ, потому что не имѣлъ никакихъ средствъ къ жизни. Отецъ мой умеръ отъ холеры въ 1848 году, оставивъ кое-какія бѣдныя крохи на содержаніе семейства, состоявшаго кромѣ меня изъ сестры и двухъ малолѣтнихъ братьевъ. Въ Медицинскую же Академію я могъ надѣяться поступить въ число казеннокоштныхъ студентовъ, что равняется теперешнимъ стипендіатамъ.

Въ то время Академія не была особенно богата ни помѣщеніями, ни научными средствами. Главное ея зданіе, какъ и теперь, выходило на Неву. Посрединѣ его,—тамъ, гдѣ теперь—академическая бібліотека, внизу, былъ парадный входъ, а во второмъ этажѣ помѣщались аудиторіи: анатомическая, химическая и физическая съ принадлежащими къ нимъ кабинетами. Налѣво вверху помѣщалась академическая клиника внутреннихъ болѣзней съ 30-тью кроватями и одна аудиторія; вправо находились кабинеты: анатомическій, патолого-анатомическій и ботанический, а также одна аудиторія. Въ нижнемъ этажѣ влѣво находилась академическая хирургическая клиника съ аудиторіей, вправо зоологическій кабинетъ и нѣкоторые другія помѣщенія. Съ правой стороны по Сампсоніевскому проспекту къ Академіи примыкало двухъ-этажное зданіе, гдѣ помѣщалась госпитальная хирургическая клиника Н. И. Пирогова. Слѣва къ главному флигелю примыкали: госпитальная терапевтическая клиника проф. Мянновскаго, а внизу акушерская и женская клиника проф. Киттера. Всѣ эти клиники были соединены съ главнымъ зданіемъ теплыми корридорами. Сзади этого зданія шелъ дворъ съ академическимъ садомъ. Между садомъ и главнымъ зданіемъ, выходившимъ на Неву, былъ анатомическій институтъ. Это было одноэтажное деревянное зданіе, раздѣленное на двѣ равныя половины. Въ одной

изъ нихъ была „святая святыхъ“, т. е. рабочій кабинетъ Н. И. Пирогова, гдѣ онъ въ то время вмѣстѣ съ В. Груберомъ, тогда еще прозекторомъ, составлялъ свой знаменитый атласъ, а въ другой студенты занимались препарированіемъ труповъ. Тутъ было 10 деревянныхъ столовъ, на которыхъ студенты препарировали. Надъ каждымъ изъ этихъ столовъ висѣли двѣ спиртовыя лампы, и къ каждому былъ проведенъ кранъ съ водой для его обмыванія и обмыванія труповъ. Никакихъ особыхъ приспособленій къ очищенію воздуха въ этой половинѣ не было.

Второе большое зданіе Академіи, сохранившееся и въ настоящее время и выходящее на Нижегородскую улицу, имѣетъ видъ двухъ параллелограммовъ, соединенныхъ между собой длиннымъ зданіемъ, въ которомъ помѣщалась такъ называемая лѣтняя конференція, академическая церковь и столовая для студентовъ. Въ боковыхъ зданіяхъ были номера для студентовъ, квартиры инспектора и четырехъ его помощниковъ, затѣмъ Правленіе Академіи и квартира профессора Прозорова, считавшагося врачомъ для студентовъ. Впослѣдствіи на открытомъ дворѣ этого зданія былъ поставленъ памятникъ баронету Вилліе, бывшему доктору Императора Александра I, оставившему по завѣщанію въ пользу Академіи милліонъ рублей. Къ этимъ зданіямъ съ разныхъ сторонъ примыкало нѣсколько флигелей, принадлежавшихъ 2-му сухопутному госпиталю.

Студентовъ въ Академіи было нѣсколько болѣе 500 человекъ. Они раздѣлялись на казеннокоштныхъ и своекоштныхъ, или вольнослушателей. Первые, которыхъ было болѣе 250 чел., соответствовали теперешнимъ стипендіатамъ. Они жили въ томъ зданіи, гдѣ лѣтняя конференція, въ номерахъ по 4 человекъ, и пользовались полнымъ содержаніемъ и форменной одеждой отъ Академіи, за что обязаны были отслуживать въ войскахъ 10 лѣтъ.

Кромѣ нихъ было еще 25 стипендіатовъ Царства Польскаго, обязанныхъ также военной службою, которые жили въ одномъ зданіи съ казеннокоштными студентами. Своєкоштные студенты, или вольнослушатели были всѣ приходящіе и никакими пособіями отъ Академіи не пользовались. За слушаніе лекцій они платили по 15 рублей въ годъ.

Для поступленія въ Академію требовалось окончаніе гимназическаго курса или курса духовныхъ семинарій, хотя принимались лица, и не кончившія полного курса послѣднихъ. При вступленіи требовался экзамень изъ латинскаго языка, русскаго, одного изъ новѣйшихъ, изъ математики и физики, въ предѣлахъ гимназическаго курса, исторіи русскаго и всеобщей, русскаго литературы и З. Божія. Кромѣ того, требовалось сочиненіе на латинскомъ языкѣ

на заданную тему. Экзаменаторами были частью профессора Академіи, частью постороннія лица, по приглашенію Академіи. Въ годъ моего поступленія экзаменовали профессоръ химіи Зининъ—изъ математики, проф. физики Измайловъ—по физикѣ, а по-латыни—лекторъ латинскаго языка Вальтеръ; онъ же экзаменовалъ и изъ новѣйшихъ. По остальнымъ предметамъ были посторонніе экзаменаторы, частью изъ профессоровъ университета. Экзамень былъ довольно строгъ, въ доказательство чего приведу тотъ фактъ, что изъ двухсотъ слишкомъ человекъ, подавшихъ прошеніе о зачисленіи въ казеннокоштные студенты, выдержало экзамень только 29 чел., остальные остались за бортомъ. Вольнослушателей поступило въ нашъ годъ 40 съ чѣмъ-то человекъ; изъ нихъ человекъ 5 поступили впоследствии въ казеннокоштные.

Латинское сочиненіе писалось въ Академіи. Для этого въ залѣ лѣтней конференціи за колоннами, находившимися въ противоположной сторонѣ отъ входа, ставились отдѣльные столы, за которыми помѣщалось по 2 чел. Каждому давалась отдѣльная тема и по два листа бумаги. Сочиненіе нужно было окончить и подать экзаменатору къ тремъ часамъ дня. Темы были, большею частью, историческія и отчасти философскія. Сочиненія эти приводили въ большое смущеніе экзаменующихся, въ особенности гимназистовъ, которые въ то время не отличались хорошимъ знаніемъ латинскаго языка. Вообще при приемѣ отдавалось большее предпочтеніе семинаристамъ, считавшимся въ то время лучше подготовленными къ слушанію лекцій и обладавшимъ большимъ терпѣніемъ и выносливостью, столь необходимыми при изученіи такой обширной и трудной науки, какъ медицина.

Сочиненія эти такъ пугали многихъ, что немалое число экзаменующихся прекращали экзамены и брали свои документы назадъ, такъ что къ концу экзаменовъ число экзаменующихся значительно уменьшалось.

Экзамены продолжались около трехъ недѣль. Тотчасъ же по окончаніи экзаменовъ начиналось чтеніе лекцій.

Казеннокоштные студенты жили, какъ я уже сказалъ, въ Академіи на полномъ содержаніи по 4 чел. въ номерѣ. Спальныя комнаты были отдѣльныя, общія для цѣлаго курса. Въ каждомъ номерѣ было три большихъ стола и 2 шкафа,—одинъ для книгъ и бѣлья, другой для одежды.

Одежда была форменная, отличавшаяся отъ теперешней отсутствіемъ погонь; вмѣсто параднаго полукафтана были мундиры старинной формы съ бѣлыми галунами петлицами. Головнымъ уборомъ служила трехуголка, въ фуражкахъ же позволялось ходить

только въ предѣлахъ Выборгской стороны, внѣ которой пошеніе ихъ строго преслѣдовалось. Въ 1853-мъ году трехуголки были замѣнены касками пѣхотнаго образца, на щитѣ которыхъ были буквы М. Х. А. Вольнослушатели могли носить обыкновенную штатскую форму, а потомъ для нихъ придумали особую форму, состоявшую изъ чернаго сюртука военнаго покроя безъ выпушекъ съ серебряными гладкими пуговицами и форменнаго образца черной фуражки, также безъ выпушекъ и съ тѣми же буквами М. Х. А. на околышѣ. Съ третьяго курса они пріобрѣтали право носить такую же форму, какъ и казеннокоштные студенты.

О внутренней жизни студентовъ мы скажемъ впоследствии.

Въ Академіи были слѣдующія каѳедры: 1-я каѳедра—описательной анатоміи, 2-я—физиологіи, 3-я—химіи неорганической и органической, 4-я—физики, 5-я—зоологіи, 6-я—ботаники, 7-я—геологіи и минералогіи, 8-я—фармакогнозіи съ рецептурой, 9-я—общей патологіи и общей терапіи, 10-я—частной патологіи и частной терапіи, 11-я—патологія хирургическихъ болѣзней, или, какъ тогда называлось, теоретической хирургіи съ глазами болѣзнями и ученіемъ о сифилисѣ, 12-я—фармакологіи, 13-я—акушерства и женскихъ болѣзней, 14-я—судебной медицины, 15-я—оперативной хирургіи съ топографической анатоміей и 16-я—патологической анатоміи. Клиникъ было 5: двѣ клиники внутреннихъ болѣзней, двѣ хирургическихъ и одна акушерская съ женскими болѣзнями. Такимъ образомъ, не было клиникъ: глазной, сифилитической, отдѣльной клиники для женскихъ болѣзней, сыпной, дѣтской и клиники душевныхъ болѣзней.

Описательную анатомію читалъ проф. Нарановичъ, по старому руководству *Петра Загорскаго*. Ученіе же о внутренностяхъ, или спланхнологію читалъ его прозекторъ Илинскій, впоследствии профессоръ патологической анатоміи, такъ какъ Нарановичъ не зналъ микроскопической анатоміи и поэтому не могъ читать о строеніи внутреннихъ органовъ.

Съ нашего курса было введено двухлѣтнее чтеніе анатоміи, и во второмъ курсѣ ученіе о нервной системѣ читалъ также Илинскій.

Лекціи Нарановича были довольно скучны, а иногда и не вполне ясны, особенно лекціи о шейной и тазовой областяхъ, но посѣщались аккуратно, такъ какъ онъ былъ строгъ на экзаменахъ; лекціи же Илинскаго, отличавшіяся полнотой, соответствовавшія вполне современному состоянію науки и при томъ изложенныя прекраснымъ языкомъ, постоянно привлекали большое число слушателей. Впоследствии онъ былъ профессоромъ патологической анатоміи сна-

чала въ Харьковѣ, а потомъ у насъ въ Академіи. Его можно считать основателемъ русской школы патологической анатоміи. Самымъ извѣстнымъ его ученикомъ былъ М. М. Рудневъ, бывшій потомъ профессоромъ этой науки въ Медицинской Академіи и выпустившій изъ своего кабинета цѣлую плеяду молодыхъ ученыхъ.

Препарованіемъ студенты начинали заниматься со второго полугодія 1-го курса. Каждый студентъ долженъ былъ сдать 6 препаратовъ въ годъ, при чемъ рука и нога считались за одинъ препаратъ каждая,—области таза и шейная—за два. Занимались препарованьемъ, большею частью, по вечерамъ. За каждымъ столомъ занималось не менѣе двухъ человекъ одновременно. Хотя по правиламъ Академіи занятіе препарованіемъ должно было продолжаться до 4-го курса включительно, но большинство студентовъ бросали его уже съ третьяго курса, на что, впрочемъ, не обращалось особеннаго вниманія. Завѣдывавшій этимъ дѣломъ прозекторъ Шульцъ, человекъ довольно лѣнивый, принималъ отъ студентовъ препараты очень поверхностно и почти не экзаменовалъ на нихъ студентовъ.

Кромѣ того, для изученія анатоміи студентамъ двухъ первыхъ курсовъ выдавалось на каждый номеръ по ящику костей, а въ коридорахъ, гдѣ были номера, вывѣшивались большія таблицы съ обозначеніемъ мускуловъ, сосудовъ и нервовъ.

Физиологію читалъ проф. А. П. Загорскій. Онъ, вѣроятно, былъ знакомъ съ современнымъ состояніемъ физиологіи, какъ то можно было судить по сравненію его лекцій съ бывшими тогда въ ходу учебниками Валентина и Эиле, но читалъ ее теоретически, безъ демонстрацій и опытовъ. Слушали его не безъ удовольствія, такъ какъ онъ былъ хорошій лекторъ.

Профессоромъ химіи былъ тогда К. Н. Зининъ. Это была научная звѣзда первой величины, и онъ вмѣстѣ съ Н. И. Пироговымъ составлялъ красу и славу Академіи. Человекъ съ громадной эрудиціей по всѣмъ отраслямъ естествознанія, съ громаднымъ философскимъ умомъ, увлекательный лекторъ, всегда веселый и остроумный, онъ считался лучшимъ изъ профессоровъ. Онъ сдѣлалъ много открытій по своей наукѣ, свѣдѣнія о которыхъ помѣщались, большею частью, въ иностранныхъ журналахъ и въ „Comptes rendus de l'Académie des sciences de St.-Petersbourg“ (русскихъ ученыхъ журналовъ тогда не было). Мастерство его изложенія было такъ велико, что когда, по выходѣ въ отставку профессора Эйхвальда, ему было поручено чтеніе минералогіи, то онъ излагалъ эту скучную науку такъ увлекательно и живо, что лекціи его собирали студентовъ со всѣхъ курсовъ, тогда какъ на лекціяхъ Эйхвальда бывало не болѣе десятка слушателей. Лекціи Зинина по

химіи посѣщались даже посторонними лицами. Такъ, я встрѣчалъ на нихъ покойнаго профессора Энгельгардта, бывшаго тогда артиллерійскимъ офицеромъ, а впослѣдствіи получившаго извѣстность, какъ сельскій хозяинъ, артиллериста Шишкова, впослѣдствіи извѣстнаго химика, покойнаго Н. А. Вышнеградскаго и другихъ.

Но по тѣснотѣ химической лабораторіи и бѣдности ея средствъ мало студентовъ могло заниматься ею практически, поэтому Зининъ оставилъ мало преемниковъ. Тѣмъ не менѣе, на его памятникѣ, по справедливости, написано: „Отцу русской химіи“.

Онъ ходилъ на лекціи всегда въ пиджакѣ, перепачканномъ пятнами отъ всевозможныхъ химическихъ реактивовъ. Однажды посѣтилъ Академію бывшій тогда военный министръ князь Чернышевъ. Инспекторъ Академіи, зная привычки Зимины, послалъ одного изъ субъ-инспекторовъ предупредить его объ этомъ. Субъ-инспекторъ шепнулъ Зинину, что не мѣшало бы надѣть фракъ, но тотъ, не обращая на это никакого вниманія, продолжалъ чтеніе. Когда въ аудиторію вошелъ Чернышевъ, онъ, не прерывая лекціи, слегка поклонился послѣднему и продолжалъ дѣлать какіе-то опыты. По окончаніи лекціи Чернышевъ самъ подошелъ къ Зинину и выразилъ ему сожалѣніе, что онъ, по старости лѣтъ, не можетъ быть постояннымъ его слушателемъ: „Ничего-съ“, отвѣчалъ Зининъ: „хорошему можно учиться и на старости лѣтъ“.

На экзаменахъ онъ былъ довольно строгъ, но спасеніемъ для плохо знающихъ химію былъ извѣстный Ю. К. Траппъ, о которомъ мы скажемъ впослѣдствіи подробнѣе. Къ нему ютились всѣ слабые въ наукѣ, такъ что иногда случалось, что возлѣ стола Зимины не было ни одного студента, а около Траппа—человѣка 4 или 5. Тогда Зининъ, замѣтивъ это, подходилъ къ столу послѣдняго и забиралъ кого-нибудь оттуда къ себѣ. Нужно было видѣть лицо этого несчастнаго, съ какимъ онъ подходилъ къ Зинину. Впрочемъ Зининъ окончательно никого не проваливалъ на экзаменѣ, а давалъ передержку послѣ каникулъ.

Вообще это былъ любимѣйшій и многоуважаемый профессоръ.

Физику читалъ профессоръ Измайловъ. Читалъ онъ ее вяло, лѣниво, почти безъ опытовъ, хотя физическій кабинетъ, по тогдашнему состоянію науки, былъ довольно удовлетворителенъ. Лекціи его посѣщались студентами очень мало, тѣмъ болѣе, что онъ былъ очень снисходителенъ на экзаменахъ.

Профессоръ зоологіи Эйхвальдъ былъ типичный нѣмецъ. Онъ ходилъ всегда въ бѣломъ галстукѣ съ какимъ-то орденомъ на шеѣ; являлся на лекціи аккуратно—минута въ минуту и такъ же аккуратно кончалъ ихъ. Лекціи его были скучны, но, такъ какъ онъ начиналъ

чтеніе съ низшихъ животныхъ и первый познакомилъ насъ съ микроскопомъ, что въ то время было большою рѣдкостью, то онъ посѣщались довольно охотно.

Зоологію онъ читалъ по-латыни. Онъ же читалъ геологію и минералогію, послѣднія по-русски. Его курсъ геологіи считался въ то время образцовымъ. Онъ былъ послѣдователемъ Кювье, какъ почти всѣ геологи тогдашняго времени. Читалъ онъ у насъ только до Рождества. Претендентами на его кафедру явились двое: академикъ Брандтъ и С. Куторга, считавшійся лучшимъ изъ профессоръ Университета. Многіе изъ насъ слушали его публичныя лекціи, читанныя, если не ошибаюсь, въ Думской залѣ, и всѣ мы очень желали, чтобы онъ былъ назначенъ къ намъ. Но, къ сожалѣнію, нѣмецкая партія взяла верхъ, и профессоромъ былъ назначенъ Брандтъ. Это былъ человекъ, безъ сомнѣнія, очень ученый, но совершенно лишенный профессорскихъ качествъ. Его маленькая, толстенькая фигурка, нѣмецкое произношеніе, какъ-то нараспѣвъ, употребленіе буквы j вмѣсто г и другія странности нерѣдко вызывали у студентовъ улыбку. На лекціи къ нему ходило очень мало. Въ сущности онъ былъ благоразумнѣйшій и добрѣйшій изъ профессоровъ, и мы его любили, но нисколько не боялись. На экзаменахъ онъ былъ очень снисходителенъ и всегда ставилъ переходные баллы, приговаривая съ какой-то добродушной отеческой улыбкой: „Ну, ви, хотя зоологіи и не знаете, но, бить можетъ, будете хорошимъ врачомъ. Это бываетъ, а иногда и не бываетъ“.

Ботанику читалъ Л. И. Вейссъ, бездарнѣйшій изъ всѣхъ профессоровъ. Какъ онъ добился званія адъюнктъ-профессора, трудно себѣ и представить. На лекціи къ нему ходило не болѣе 5-ти, 6-ти человекъ и, дѣйствительно, нужно было имѣть особую страсть къ ботаникѣ, чтобы спокойно его слушать. Съ нимъ были разные курьезы. Такъ, напр., читалъ онъ временно фармакологию. Читалъ онъ ее по русскому переводу Зобернгейма. Однажды среди общаго молчанія раздается такая фраза: „Если бы не было опиума, то врачи не знали бы, какъ его употреблять“. Оказывается, что у Зобернгейма было приведено мнѣніе одного хирурга, что, если бы не было опиума, то онъ не рѣшился бы дѣлать операцій. Первая половина этой фразы была напечатана на концѣ страницы, и Вейссъ, перевернувъ два листа заразъ, на первой строкѣ наткнулся на фразу: „еще врачи не умѣли употреблять его“. Разсердившись на смѣхъ студентовъ, онъ соскочилъ съ кафедры и пресерьезно началъ обвинять насъ въ пренебреженіи къ старшимъ. Смѣхъ студентовъ не прекращался; тогда Вейссъ швырнулъ въ насъ злополучной книгой и величаво удалился изъ аудиторіи. Передъ окончательными экза-

менами второго курса кто-то нарисовалъ углемъ его портретъ въ дурачкомъ колпакѣ на стѣнѣ его кабинета. Вейссъ страшно взбѣсился, грозилъ никого изъ насъ не пропустить на экзаменѣ, подкупилъ всѣхъ служителей, чтобы отыскать „художника“, но, не добившись этого, пожаловался на весь курсъ президенту Пеликану. Тотъ преспокойно отвѣчалъ Вейссу, что онъ самъ виноватъ, не объяснивъ, впрочемъ, въ чемъ. Тогда Вейссъ объявилъ намъ на лекціи, что будетъ экзаменовать по своимъ билетамъ. Дѣло становилось серьезнымъ: приходилось садиться за ботанику и изучать всѣ 150 билетовъ. Обыкновенно, профессора, составивъ конспектъ, поручали писанье билетовъ кому-нибудь изъ студентовъ. По нѣкоторымъ предметамъ, въ томъ числѣ по ботаникѣ, билеты дѣлились на 4 или на 6 группъ, и каждый изъ студентовъ приготавливалъ къ экзамену только четвертую или шестую часть билетовъ этой науки. Билеты эти писались съ разными тонкими отличіями для каждой группы, и зоркій глазъ студента быстро находилъ билетъ своего отдѣла. Когда Вейссъ явился на экзаменъ и положилъ на столъ свои билеты, одинъ изъ студентовъ Ап... подошелъ къ столу и, быстро снявъ билеты Вейсса, замѣнилъ ихъ своими, приготовленными по всѣмъ правиламъ искусства. Вейссъ взбѣсился и хотѣлъ послать за инспекторомъ. Въ это время вошелъ въ аудиторію бывшій на этомъ экзаменѣ ассистентомъ Зининъ и, узнавъ, въ чемъ дѣло, сказалъ Вейссу: „Стыдись, братецъ, вмѣшивать полицію въ отношенія между учеными людьми. Что за бѣда,—экзаменуй по ихъ билетамъ“. Сначала Вейссъ упирался, не соглашался, но, когда Зининъ пригрозилъ ему, что будетъ самъ экзаменовать, ловко намекнувъ, что и самъ Вейссъ небольшой знатокъ ботаники, послѣдній смирился, и экзаменъ прошелъ благополучно. Тѣмъ и кончились наши отношенія къ ботаникѣ.

Изъ профессоровъ чисто медицинскихъ наукъ, не считая Н. И. Пирогова, который былъ внѣ общаго сравненія, самымъ замѣчательнымъ былъ профессоръ частной патологіи и терапіи В. Е. Эккъ. Онъ былъ превосходный знатокъ своей науки, которую излагалъ съ такой точностью, ясностью и образностью, что, слушая описанія патологическихъ измѣненій при разныхъ болѣзняхъ, слушатель какъ-бы видѣлъ передъ собой описываемый предметъ. Симптоматологію болѣзней онъ излагалъ такъ наглядно, какъ будто вы видите самого больного. Все, что мы узнали по частной патологіи, узнали мы отъ него и изъ лекцій, читанныхъ Н. И. Пироговымъ при вскрытіи труповъ. Хотя у насъ и былъ тогда профессоръ патологической анатоміи, какой-то Маркузенъ, но это была такая сумбурная голова, что изъ его лекцій никто ничего не выносилъ, да и самъ онъ вскорѣ куда-то исчезъ.

Превосходныя же лекціи Н. И. Пирогова, читанныя имъ при вскрытіи труповъ съ микроскопическими демонстраціями, были, болѣе или менѣе, случайныя и касались не всѣхъ болѣзней, смотря по бывшимъ въ клиникѣ случаямъ; общаго же курса онъ не читалъ. Такъ, на 3-мъ курсѣ онъ прочелъ намъ нѣсколько превосходныхъ лекцій по брюшному тифу, нѣсколько лекцій о туберкулезѣ, о холерѣ, затѣмъ нѣсколько лекцій о крупозномъ воспаленіи легкихъ и нѣсколько— о гнойномъ зараженіи, составлявшемъ тогда истинный бичъ хирургическихъ палатъ. О другихъ болѣзняхъ онъ читать не могъ, потому что не было соотвѣтствующихъ случаевъ. Обыкновенно на одной лекціи дѣлалось вскрытіе и производилось описаніе *макроскопическихъ* измѣненій, а къ слѣдующей лекціи готовились *микроскопическіе* препараты, которые и демонстрировались самимъ профессоромъ на двухъ, бывшихъ въ его распоряженіи микроскопахъ. Кромѣ того онъ показывалъ намъ микроскопическіе препараты оперированныхъ имъ, разнаго рода опухолей. О высокому научному значеніи этихъ лекцій нечего и говорить. Еще раньше нашего окончанія курса Пироговъ оставилъ кафедру и уѣхалъ въ 1854 году въ Севастополь, такъ что клиническихъ лекцій его я не слышалъ.

Онъ первый изъ нашихъ клиницистовъ ввелъ употребленіе русскаго языка въ своей клиникѣ. До него исторіи болѣзней писались по-латыни. Въ другихъ клиникахъ латинскій языкъ употреблялся еще нѣсколько лѣтъ.

Общую патологию, діагностическую и общую терапію читалъ проф. Здекауэръ. Общая патологія въ то время не основывалась на опытныхъ изслѣдованіяхъ, и очень часто для объясненія патологическихъ процессовъ прибѣгали къ разнаго рода гипотезамъ, чисто теоретическимъ и противорѣчивымъ. Хотя Здекауэръ читалъ ее, для тогдашняго времени, довольно хорошо, но слушали его неохотно. Онъ часто прибѣгалъ къ такимъ туманнымъ объясненіямъ, что многіе его вовсе не понимали. Нѣкоторые отдѣлы, какъ, напр., вопросъ о гнойномъ зараженіи, излагался очень сбивчиво, такъ какъ, по тогдашнему состоянію науки, въ немъ было много нерѣшеннаго и запутаннаго. Но діагностическую Здекауэръ преподавалъ превосходно. Лекціи его читались въ терапевтическомъ отдѣленіи госпиталя на больныхъ, которыхъ передъ нами разбиралъ профессоръ и показывалъ почти каждому студенту всѣ тонкости выслушиванія и постукиванія, такъ что этотъ отдѣлъ діагностики почти всѣ студенты знали хорошо. Патологию хирургическихъ болѣзней, или, какъ тогда называли, теоретическую хирургию читалъ П. П. Заблоцкій-Десятовскій. Онъ же читалъ ученіе о глазныхъ болѣзняхъ, о сифилисѣ

и о болѣзняхъ половыхъ органовъ. Столь обширная и разнообразная программа, даже при тогдашнемъ состояніи науки, едва-ли была по силамъ одному человѣку. Лекціи Заблоцкаго по глазнымъ болѣзнямъ были очень кратки, хотя изложены довольно систематически. Глазной клиники тогда не было, и ученіе о глазныхъ болѣзняхъ ограничивалось изученіемъ болѣзни вѣкъ, соединительной и роговой оболочекъ и радужной оболочки,—однимъ словомъ, того, что было видимо простымъ глазомъ. Остальныя болѣзни мы знали только по имени. Правда, когда мы были на 5-мъ курсѣ, докторъ Кабатъ, тогдашній придворный окулистъ, прочелъ намъ нѣсколько лекцій, показалъ офтальмоскопъ и демонстрировалъ человѣкъ пять или шесть больныхъ.

Всего лучше читалъ Заблоцкій о сифилисѣ, по которому онъ считался въ то время специалистомъ, и о болѣзняхъ мочевыхъ и половыхъ органовъ. Его книга „О болѣзняхъ яичка и т. д.“ была удостоена Академіей Наукъ Демидовской преміи.

По сифилису онъ прочелъ намъ нѣсколько лекцій на больныхъ въ госпиталѣ. Замѣчательно то, что онъ, будучи хирургомъ по специальности, лѣтъ 10 читалъ судебную медицину, за неимѣніемъ свободной хирургической каѳедры. Подобное явленіе повторялось въ то время нерѣдко. Такъ, преемникъ его по каѳедрѣ судебной медицины Е. В. Пеликанъ сначала былъ адъюнктомъ по каѳедрѣ женскихъ болѣзней.

Изъ остальныхъ медицинскихъ профессоровъ слѣдуетъ упомянуть о Е. В. Пеликанѣ, который съ 1853 года началъ преподавать въ Академіи судебную медицину. Онъ зналъ науку прекрасно въ ея современномъ состояніи и въ то же время былъ прекрасный лекторъ. Кромѣ того онъ дѣлалъ судебно-медицинскія вскрытія. Это былъ одинъ изъ предшественниковъ того новаго научнаго направленія, которое началось въ Академіи въ концѣ 50-хъ годовъ и поставило ее такъ высоко въ научномъ отношеніи.

Въ 1854 году пріѣхалъ изъ-за границы молодой ученый Якубовичъ и началъ преподавать намъ гистологию съ микроскопическими демонстраціями. Его лекціи познакомили насъ съ современнымъ состояніемъ гистологіи, которая до этого времени почти не читалась въ Академіи.

Остальные профессора, за исключеніемъ адъюнкты-профессора Неммерта, представляли изъ себя самыя заурядныя посредственности и отличались рутинностью и отсталостью отъ науки.

Неммертъ былъ чрезвычайно даровитый и высоко образованный хирургъ, вполне знакомый съ современнымъ состояніемъ науки. Онъ состоялъ адъюнктомъ на каѳедрѣ оперативной хирургіи, кото-

рую занималъ тогда Рклицкій, старый рутинеръ, учившій только производству ампутацій, экзартикуляцій и перевязки сосудовъ,— дальше этого онъ не шелъ, да и то читалъ безъ описаній различныхъ методовъ операцій, безъ критическаго разбора ихъ и безъ показаній. Его лекціи мы пополнили потомъ чтеніемъ вышедшаго тогда въ русскомъ переводѣ превосходнаго руководства по хирургіи французскаго профессора Мальгэня.

Неммертъ читалъ намъ только ученіе о переломахъ и вывихахъ съ демонстраціями на трупахъ и о повязкахъ, которыя въ то время были чрезвычайно разнообразны, а иногда и очень сложны; каждую повязку онъ показывалъ сначала на фантомѣ, потомъ на комъ-нибудь изъ студентовъ и заставлялъ одного или двухъ изъ нихъ повторить повязку тутъ же. По отъѣздѣ Пирогова въ Крымъ, ему было поручено завѣдываніе Пироговской клиникой; и тутъ онъ превосходно велъ дѣло и, насколько могъ, старался улучшить гигиеническія условія клиники. Передъ каждой операціей, при разборѣ даннаго случая, онъ разъяснялъ различные способы ея производства, обсуждалъ приложимость или неприложимость ихъ къ данному случаю и только послѣ строгаго критическаго разбора приступалъ къ операціи.

Техникъ онъ былъ превосходный и въ клиническомъ отношеніи могъ вполнѣ замѣнить Ник. Ив. Пирогова. Къ сожалѣнію, онъ жилъ недолго и умеръ черезъ нѣсколько лѣтъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ и таланта.

Говоря о профессорскомъ персоналѣ, нельзя не упомянуть о незабвенномъ Ю. К. Траппѣ. Хотя онъ въ наше время ничего не читалъ, состоя прозекторомъ при кафедрѣ фармаціи, но принималъ самое живое участіе въ жизни и дѣятельности студентовъ. Онъ помогалъ каждому обращающемуся къ нему совѣтомъ, руководствомъ, а иногда и деньгами, ссужая нуждающихся небольшими суммами, которыя не всегда возвращались ему. Его красивая, привѣтливая фигура всегда съ удовольствіемъ встрѣчалась студентами, тѣмъ болѣе, что онъ съ каждымъ говорилъ на его родномъ языкѣ. Впослѣдствіи онъ долго былъ профессоромъ фармаціи, и много поколѣній студентовъ прошло мимо него, сохранивъ самую благодарную о немъ память.

Вообще отношенія между профессорами и студентами были хороши и добродушны. Профессора смотрѣли на насъ, студентовъ, какъ на свою близкую семью, безъ всякой національной розни или какихъ-нибудь другихъ внѣ-научныхъ соображеній. И теперь, на склонѣ лѣтъ, я съ благодарностью вспоминаю о нихъ и о своей „Alma Mater“, гдѣ мы почерпнули въ то глухое время идеалъ благородства и челоѣчности.

Клиническое преподаваніе въ Академіи было поставлено довольно слабо, за исключеніемъ клиники Пирогова. Профессора двухъ терапевтическихъ клиникъ Мяновскій и Шипулинскій, особенно первый, были люди устарѣлые и не стоявшіе на высотѣ современной науки; Шипулинскій обучалъ насъ, по крайней мѣрѣ, выслушиванію и постукиванію. Этимъ и кончалось клиническое изслѣдованіе; никакихъ другихъ способовъ не употреблялось.

Термометръ не былъ еще въ употребленіи, и температура больныхъ опредѣлялась на ощупь. Въ мочѣ обращали вниманіе только на цвѣтъ и присутствіе или отсутствіе въ ней осадковъ, но изъ чего они состояли — объ этомъ никто не думалъ. Вообще никакихъ химическихъ или микроскопическихъ изслѣдованій выдѣлений больного не дѣлалось, да и самихъ микроскоповъ въ Академіи было очень мало: не болѣе 6—7 штукъ. Они были только въ рукахъ профессоровъ, такъ что мы, студенты, не занимались самостоятельно микроскопическими работами. Проф. гистологіи Якубовичъ старался познакомить насъ съ микроскопической техникой, но такъ какъ у него былъ только одинъ микроскопъ, то и работать студентамъ не приходилось. Къ тому же микроскопы были тогда очень дороги.

Въ хирургической клиникѣ проф. Рклицкаго дѣло велось рутинно, операций дѣлалось мало. Кромѣ одной или двухъ литотомій и нѣсколькихъ ампутацій—мы ничего не видали.

Акушерская клиника, которой завѣдывалъ тогда проф. Киттеръ, имѣла только 15 или 20 кроватей, а потому и родовъ мы видѣли мало. Узнавъ о принятіи въ клинику роженицы, желающіе видѣть роды платили обыкновенно сидѣлкѣ 15 или 20 коп., чтобы она извѣщала насъ о началѣ родовъ. Но такъ какъ роды происходятъ, большею частью, ночью, а домъ, гдѣ мы жили, отстоялъ довольно далеко отъ клиники, то рѣдко приходилось попадать на нихъ во время. Мнѣ, напр., пришлось провести только одни роды у больной, у которой я былъ кураторомъ; роды были нормальные и прошли безъ всякихъ инцидентовъ. Акушерскія операци, какъ наложеніе щипцовъ, повороты и др. профессоръ показывалъ намъ на фантомѣ, но каждый пойметъ, какъ этого было мало для ознакомленія насъ съ акушерствомъ. Въ той же клиникѣ принимались и больныя женскими болѣзнями, но ихъ было такъ мало, что рѣдко кто изъ студентовъ видѣлъ ихъ. Вообще наши познанія въ акушерствѣ были такъ ограниченны, что когда, черезъ годъ или полтора по окончаніи курса, я въ маленькомъ уѣздномъ городѣ былъ въ первый разъ приглашенъ къ родильницѣ первородящей, то рѣшительно не зналъ, какъ къ ней приступить. Къ счастью, роды были нормальны, хотя

немного затянулись, такъ что все кончилось благополучно, и я вышелъ съ честью.

Въ клиникѣ Пирогова, которую тогда уже завѣдывалъ проф. Немертъ, мы видѣли нѣсколько операций вырѣзыванія разнаго рода опухолей, двѣ или три ампутаціи и одну частную резекцію большеберцовой кости. Это была, кажется, первая резекція, произведенная въ Академіи. Вообще резекціи тогда начали только входить въ употребленіе и производились очень рѣдко.

Всѣ вообще клиники имѣли много неудобствъ: они были тѣсны, клиники Рклицкаго и Киттера имѣли мало свѣта, часть коекъ были деревянныя, приспособленія къ вентиляціи были самыя первобытныя: простыя форточки, которыя зимой не всегда удобно было открывать, и кое-гдѣ простые вентиляторы—въ печахъ. Каминны были только въ клиникѣ Пирогова. Во всѣхъ клиникахъ воздухъ былъ очень неудовлетворителенъ, особенно въ клиникѣ Пирогова, куда направлялись наиболѣе трудно-больные съ большими нагноеніями и гангренозные (дифтеритъ, ракъ и госпитальная гангрена составляли тогда очень частое явленіе).

По свидѣтельству самого Николая Ивановича, во всѣ 15 лѣтъ, что онъ завѣдывалъ кликой, онъ постоянно страдалъ поносами которые онъ прямо приписывалъ дѣйствию клиническихъ міазмъ, такъ какъ стоило ему только выѣхать изъ Петербурга и не посѣщать клиники въ теченіе одной или 2-хъ недѣль, поносы его прекращались и восстанавливалось правильное пищевареніе.

Бѣлье въ клиникахъ было плохое и въ недостаточномъ количествѣ; для перевязки ранъ употреблялась только одна корпія, которая не всегда была чиста и пригодна, пища для больныхъ—не всегда удовлетворительна. Какъ ни боролись противъ этого завѣдывавшіе кликой профессора и, особенно, Пироговъ,—трудно было что-нибудь сдѣлать, такъ какъ хозяйство находилось въ рукахъ госпитальныхъ интендантскихъ чиновниковъ.

Въ январѣ 1855 года приказано было, по случаю Севастопольской кампаніи, произвести намъ экзамены и сдѣлать усиленный выпускъ, такъ что на 5-мъ курсѣ мы провели только одно полугодіе. Въ первыхъ числахъ марта экзамены кончились, и всѣ казеннокоштные студенты были отправлены частью въ дѣйствующую армію, частью—на Кавказъ. Не великъ былъ запасъ знаній, съ которымъ мы вступили въ жизнь. Всего лучше знали мы частную терапію, благодаря превосходнымъ лекціямъ проф. Экка; нѣсколько человекъ, въ томъ числѣ и я, занимались болѣе спеціально хирургіей; о гигиенѣ же и особенно военной, мы не имѣли почти никакого понятія, да и сама наука была тогда, такъ сказать, въ

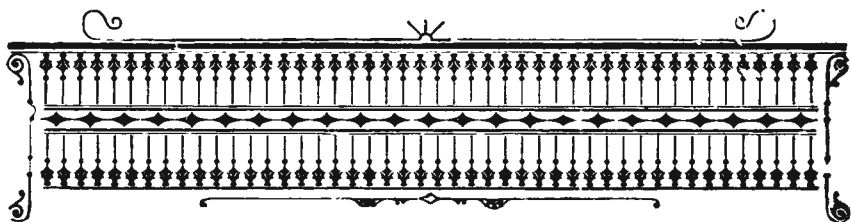
зачаточномъ состояніи, что составляло большой пробѣлъ, особенно для насъ, будущихъ военныхъ врачей. Объ уходѣ за ранеными мы слышали одну или двѣ лекціи проф. Неммерта. Впрочемъ, и самый уходъ за ранеными, какъ я скажу впоследствии, былъ обставленъ довольно примитивно.

При полученіи дипломовъ, каждый изъ насъ былъ снабженъ на казенный счетъ, такъ называемымъ лѣкарскимъ наборомъ и маленькой книжкой объ уходѣ за больными и ранеными. Это былъ переводъ сочиненія какого-то нѣмецкаго врача.

Сообщ. Н. Д. Романовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Барклай-де-Толли и Отечественная война 1812 г. ¹⁾

Одновременно съ выступленіемъ Гарміи изъ Дрисскаго лагеря и движеніемъ ея къ Полоцку и Витебску, гр. Витгенштейнъ получилъ отъ Барклая-де-Толли предписаніе: остаться на занимаемой позиціи у Дриссы, прикрывать пространство къ сѣверу отъ Двины и отходить въ случаѣ отступленія на Себежъ и Псковъ. Войска, ему ввѣренныя, по присоединеніи къ нимъ запасныхъ баталіоновъ и эскадроновъ генераль-маіоровъ Гамена, и кн. Репнина, состояли изъ 36 баталіоновъ, 27 эскадроновъ и I казач. полка въ числѣ 25.000 ч. при 108 орудіяхъ. Ближайшими его сподвижниками были: генераль Довре—начал. штаба, полковникъ Дибичъ—оберъ-квартирмейстеръ, кн. Яшвилъ—начал. артиллеріи. Со стороны Наполеона, кромѣ маршала Макдональда, которому были поручены дѣйствія въ Балтійскомъ краѣ и овладѣніе Ригю, былъ назначенъ для противодѣйствія Витгенштейну корпусъ маршала Удино, усиленный вскорѣ корпусомъ Сенъ-Сира. Однако жъ операціи обоихъ маршаловъ на протяженіи 300 верстъ не могли имѣть взаимной связи, и это побудило гр. Витгенштейна занять центральную позицію у Расицы, выждать дѣйствія непріятельскихъ корпусовъ и напасть съ главными силами на ближайшій изъ нихъ, оставивъ небольшой отрядъ для задержанія другого. Между тѣмъ авангардъ его, подъ начальствомъ генер. Кульнева, посланный 13-го (25) іюля за Двину, уничтожилъ непріятельскій транспортъ и взялъ при этомъ 434 ч. въ плѣнъ. Нѣсколько дней спустя Витгенштейнъ получилъ донесенія, что Удино наступаетъ изъ Полоцка

¹⁾ См. „Русская Старина“, сентябрь 1912

по Петербургской дорогѣ; тогда онъ рѣшился атаковать противника во время его движенія. Это повело къ сраженіямъ 18-го (30) и 19 (31) іюля при Клястицахъ и 20-го (1 авг.) при Головщицѣ; побѣжденный маршалъ былъ вынужденъ возвратиться въ Полоцкъ. Съ прибытіемъ Сень-Сира, Удино предпринялъ новое наступленіе; произошли новыя кровопролитныя встрѣчи, при чемъ оба полководца были ранены: Витгенштейнъ—легко, Удино столь тяжело, что долженъ былъ сдать главное начальство своему товарищу. Не взирая однако жъ на значительное превосходство въ силахъ непріятели, Витгенштейнъ такъ успѣшно боролся съ нимъ въ сраженіяхъ 5-го (17) и 6-го (18) августа при Полоцкѣ, что Сень-Сиръ отошелъ, наконецъ, въ самый городъ и укрѣпился въ немъ, а противникъ его занялъ въ 30 верстахъ отсюда укрѣпленную позицію у Сивошины. Въ такомъ положеніи оставались оба военачальника до 4-го (16) октября, ограничиваясь малою войною.

Какъ извѣстно, II армія находилась въ началѣ іюля въ движеніи къ Бобруйску, куда она подошла 6 (18) числа. На другой день было получено тамъ изъ Дриссы повелѣніе: спѣшить черезъ Могилевъ и Оршу на соединеніе съ I арміею. Но въ то же время пришло извѣстіе о слѣдованіи маршала Даву изъ Минска въ Игумень. Тогда кн. Багратионъ, надѣясь предупредить непріятели въ Могилевѣ, немедленно выслалъ туда корпусъ Раевского, а на слѣдующее утро, 8 (20) іюля, послѣдовалъ за нимъ съ прочими войсками, усиленными шестью резервными баталіонами изъ числа 18-ти, составившихъ Бобруйскій гарнизонъ. Однако Даву также спѣшилъ къ Могилеву. Возложивъ на кавалерійскій корпусъ Груши, отряженный имъ къ главной арміи Наполеона, овладѣніе Борисовымъ, онъ двинулся къ Днѣпру и уже 8-го (20) утромъ подошелъ съ главными силами ¹⁾ къ Могилеву. Слабый гарнизонъ города, къ которому присоединились 400 ч., отступившіе передъ тѣмъ изъ Борисова, хотя и далъ подъ начальствомъ полковника Грессера энергической отпоръ, долженъ былъ, однако, вскорѣ отойти и былъ при дальнѣйшемъ отступленіи сильно тѣснимъ непріятельской конницею. При этомъ—отступленія Грессеръ встрѣтился на слѣдующій день, 9-го (21) ч., съ авангардомъ Раевского и получилъ неожиданную помощь: драгуны и казаки послѣдняго внезапно набросились на преслѣдовавшихъ его французскихъ конныхъ егерей и нанесли имъ полное пораженіе; одними плѣнными французы потеряли полковника, 8 офи-

---

¹⁾ Пѣхотныя дивизіи Деве и Компанъ, кавалерійская Валанса и кавал. бригада Пажоля и Бордусель.

перовъ и болѣе 200 нижнихъ чиновъ ¹⁾). Своевременнымъ и почти безпрепятственнымъ занятіемъ Могилева маршалъ Даву былъ отчасти обязанъ тому обстоятельству, что не встрѣтилъ никакого отпора со стороны Борисова на Березинѣ. Между тѣмъ пунктъ этотъ, какъ видно изъ записокъ Барклая, былъ приведенъ въ оборонительное положеніе, вооруженъ 18-ю тяжелыми орудіями и занятъ двумя баталіонами ²⁾). Онъ не могъ, конечно, воспрепятствовать противнику дальнѣйшее движеніе, но овладѣніе имъ задержало бы маршала Даву и лишило бы его возможности предупредить кн. Багратіона въ Могилевѣ. Между тѣмъ Борисовъ, читаемъ въ тѣхъ же запискахъ, „вслѣдствіе ошибочнаго взгляда главнокомандующаго II арміею былъ обезоруженъ, что затруднило впослѣдствіи соединеніе обѣихъ армій“.

Однако жъ, овладѣніе Могилевомъ составляло для насъ такую же необходимость, какъ для противника удержаніе этого пункта за собою. При такихъ условіяхъ бой сдѣлался неизбѣжнымъ; и дѣйствительно, онъ состоялся 11 (23) іюля у д. Салтановки.

За неимѣніемъ хорошей позиціи у Могилева, маршалъ Даву выдвинулъ свои войска, въ которыхъ считалось 26—28.000 ч., по дорогѣ къ Старому-Быхову и расположилъ ихъ на лѣвомъ берегу ручья, впадающаго въ Днѣпръ у Салтановки. Фронтъ этой позиціи, наскоро укрѣпленный, представлялъ хорошую оборону; лѣвый флангъ упирался въ Днѣпръ; правый же флангъ былъ открытъ и легко могъ быть обойденъ, въ виду чего большая часть пѣхоты и вся кавалерія непріятели были эшелонированы на этомъ флангѣ. При значительномъ превосходствѣ въ силахъ кн. Багратіону не трудно было обойти позиціи французовъ и заставить ихъ принять бой при менѣе выгодныхъ условіяхъ; для этого нужно было только выждать прибытія главныхъ силъ арміи, которыя могли присоединиться къ Раевскому 11-го (23) вечеромъ. Въмѣсто того Багратіонъ приказалъ Раевскому, у котораго было не болѣе 15.000 ч., атаковать противника 11-го утромъ. Послѣдствія такого распоряженія не могли быть благоприятны: фронтальныя атаки Колюбакина и Паскевича, несмотря на храбрость войскъ и самоотверженіе начальниковъ, были отбиты, и кровопролитный бой окончился отступленіемъ 7-го корпуса къ тому мѣсту, отъ котораго дѣйствія начались и куда къ ночи подошли прочія войска II арміи ³⁾). Потеря обѣихъ сторонъ

¹⁾ Исторія отечественной войны 1812 г. М. Богдановича. Т. I, стр. 213.

²⁾ Собственноручная замѣтка Барклая-де-Толли.

³⁾ Багратіонъ не зналъ точнаго исчисленія силъ Даву, а потому ему было выгодно—привязавъ Даву къ Могилеву, уйти съ II арміею на лѣвый берегъ Днѣпра, что ему и удалось вполнѣ. *Ред.*

была значительна: у непріятеля она составляла около 3.400 ч.¹⁾, у насъ—2.504 ч.¹⁾. На другой день Даву ожидалъ вторичнаго нападенія; но такового не послѣдовало: II армія отступала къ Новому-Быхову, гдѣ все было подготовлено къ переправѣ черезъ Днѣпръ. Одинъ только Раевскій оставался еще у Дашковки для прикрытія этого отступленія и затѣмъ послѣдовалъ за арміею. Отряды же Платова и Дорохова²⁾ переправились у Дашковки и Ворколабова для скорѣйшаго присоединенія къ I арміи.

Атака Салтановской позиціи однимъ только корпусомъ Раевского и заблаговременныя приготовленія къ переправѣ у Ново-Быхова вызываютъ предположеніе, что кн. Багратіонъ не имѣлъ твердаго намѣренія открыть себѣ дорогу черезъ Могилевъ и, быть можетъ, не признавалъ даже безотлагательное соединеніе обѣихъ западныхъ армій столь желательнымъ. Это подтверждается также разсказомъ Вольцогена о его встрѣчѣ съ Багратіономъ 13 (25) іюля у Ново-Быхова. Онъ былъ посланъ изъ Витебска по полученіи тамъ разнорѣчивыхъ свѣдѣній о II арміи, дѣйствіями которой Барклай былъ недоволенъ; ему было поручено удостовѣриться въ положеніи дѣлъ, убѣдить кн. Багратіона въ необходимости скорѣйшаго соединенія и передать ему соотвѣтственное тому Высочайшее повелѣніе. Флигель-адъютантъ Вольцогенъ, заставшій II армію на мѣстѣ переправы черезъ Днѣпръ, не успѣлъ, однако, по собственному разсказу, убѣдить князя въ возможности движенія къ Смоленску, который согласился предпринять это движеніе лишь во исполненіе Высочайшей воли. Мотивы, руководившіе Багратіономъ, заключались, конечно, не въ желаніи уклониться отъ непосредственнаго подчиненія Барклаю, какъ утверждаютъ нѣкоторые иностранные писатели, а также и не въ томъ, будто онъ признавалъ полезнѣе сохранить за II арміею самостоятельную роль, возложенную на нее первоначальнымъ планомъ дѣйствій, какъ предполагаютъ другіе; онъ просто считалъ маршала Даву несравненно сильнѣе, нежели тотъ былъ въ дѣйствительности, и былъ убѣжденъ, что будетъ имъ предупрежденъ въ Смоленскѣ.

Извѣстія, привезенныя поруч. кн. Меншиковымъ о переправѣ черезъ Днѣпръ и дальнѣйшемъ движеніи кн. Багратіона, освободили Барклая отъ необходимости дать сраженіе. По этому поводу наши военные писатели передаютъ подробности, не вполне соотвѣтствующія истинѣ. У одного³⁾ читаемъ, что означенныя извѣстія получены

¹⁾ М. Богдановичъ. Исторія отечественной войны 1812 г. Ч. I, стр. 216.

²⁾ I-й егерскій и Изюмскій гусарскій полки, 18-й егерскій п. былъ оставленъ въ II арміи.

³⁾ Михайловскій-Данилевскій.

утромъ 16 (28) іюля на самой позиціи, въ ту рѣшительную минуту, когда долженъ былъ послѣдовать сигналъ къ началію битвы; но это опровергается тѣмъ простымъ фактомъ, что Меншиковъ пріѣхалъ наканунѣ, хотя и поздно вечеромъ. Другой ¹⁾ приводитъ разсказъ Ермолова, будто Барклай и по полученіи означенныхъ извѣстій не хотѣлъ отказаться отъ сраженія и оставилъ свое намѣреніе лишь по настоянію его, Ермолова, предрекавшаго въ случаѣ боя неизбежную гибель арміи. Не говоря о томъ, что совѣты Ермолова до изданія его собственныхъ записокъ никому не были извѣстны, такое представленіе съ его стороны очень невѣроятно уже по той причинѣ, что оно противорѣчитъ національнымъ требованіямъ тогдашнихъ вождей, которыхъ онъ былъ душою. Съ другой стороны, приписываемое главнокомандующему намѣреніе совершенно не соответствуетъ той системѣ дѣйствій, которой Барклай вопреки этимъ требованіямъ непоколебимо держался. Можно даже сомнѣваться, имѣлъ ли онъ вообще намѣреніе принять подъ Витебскомъ бой. Если у него такое намѣреніе было, то, конечно, съ исключительною цѣлью выручки II арміи, предполагавшейся въ движеніи изъ Могилева къ Оршѣ, гдѣ она, въ случаѣ безостановочнаго отступленія I арміи, была бы подавлена всѣми силами Наполеона и Даву. Но очевидно, что съ исчезновеніемъ этой цѣли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всякаго, хотя бы отдаленнаго содѣйствія со стороны кн. Багратиона, Барклай не могъ настаивать на сраженіи, которое, сдѣлавшись безполезнымъ, стало въ его глазахъ преступнымъ жертвованіемъ арміею. „Самая побѣда, писалъ онъ, не принесла бы намъ пользы, если бы Даву занялъ между тѣмъ Смоленскъ; я пожертвовалъ бы 20-ю или 25-ю тысячами человекъ, не имѣя способа, даже по одержаніи побѣды, преслѣдовать непріятели“ ²⁾. Мысли Барклая по этому предмету еще точнѣе выражены имъ въ собственноручныхъ замѣткахъ, въ которыхъ читаемъ: „Наполеонъ не зналъ своего противника и рассчитывалъ невѣрно. Вести его въ заблужденіе могло также общее состояніе духа русской арміи, горѣвшей нетерпѣніемъ сразиться, и публичныя заявленія ея вождя, только и говорившаго о предстоящемъ сраженіи; онъ не зналъ, что этотъ ветеранъ далъ своему монарху слово не подвергать армію безполезной опасности, потому что отъ сохраненія арміи зависѣло сохраненіе государства ³⁾“. Тѣмъ не менѣе Барклай остался вѣренъ своему правилу не торопиться отступленіемъ. И теперь еще было

---

¹⁾ М. Богдановичъ.

²⁾ Изображеніе военныхъ дѣйствій I арміи.

³⁾ Собственноручныя замѣтки Барклая.

необходимо продлить заблужденіе Наполеона и вызвать съ его стороны усиленныя распоряженія къ скорѣйшему, а потому и изнурительному, сосредоточенію войскъ. И дѣйствительно, въ то самое время, какъ русскій главнокомандующій высылалъ генералу Винцингероде приказаніе выдвинуться съ резервными баталіонами и двумя казачьими полками Платова для прикрытія Смоленска къ Красному ¹⁾, а атаману занять съ тою же цѣлью остальными войсками своего отряда Ліозну ¹⁾, какъ онъ направлялъ свои обозы къ Порѣчью, а главныя тяжести къ Дорогобужу,—ординарцы императора французовъ скакали навстрѣчу спѣшившихъ колоннъ съ повелѣніемъ еще болѣе ускорить движеніе ²⁾, хотя жара въ эти дни доходила до 28° въ тѣни. Утромъ 16-го (28) іюля Барклай-де-Толли поставилъ армію въ ружье, выдвинулъ нѣсколько егерскихъ полковъ въ подкрѣпленіе гр. Палену и поставилъ между нимъ и арміею часть кавалеріи съ ея конною артиллеріею, словомъ, сдѣлалъ всѣ приготовленія къ бою, и имѣлъ удовлетвореніе видѣть, какъ непріятель занялся рекогносцировками и расположеніемъ своихъ войскъ по мѣрѣ ихъ прибытія ³⁾. Между тѣмъ всѣ подготовленія къ постепенному, спокойному и незамѣтному отступленію нашихъ войскъ были сдѣланы.

Гр. Паленъ, получившій приказаніе преградить непріятелю доступъ къ Витебску и усиленный съ этою цѣлью до 14-ти баталіоновъ, 32-хъ эскадроновъ и 2-хъ казачьихъ полковъ съ 40 орудіями, поставилъ свой отрядъ въ 8-ми верстахъ отъ города, на растянутой позиціи, прикрытой на правомъ флангѣ Двиною, а съ фронта впадающею въ нее рѣчкою. Вскорѣ цѣхотная дивизія Брусье, предшествуемая 16-мъ конно-егерскимъ полкомъ, показала передъ Паленомъ. Дѣло началось возобновленіемъ разрушеннаго моста черезъ рѣчку, при чемъ рабочіе и ихъ прикрытіе сильно пострадали отъ огня нашей конной артиллеріи. Затѣмъ французы смѣло бросились въ атаку, и бой распространился по всей линіи. Тѣмъ не менѣе гр. Паленъ стойко держался и такъ искусно велъ дѣло, что Барклай, слѣдившій за его дѣйствіями, послалъ адъютанта выразить ему свою признательность ⁴⁾. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что Наполеонъ, также слѣдившій за ходомъ дѣла, не хотѣлъ въ этотъ день дѣйствовать рѣшительно; онъ, напротивъ, желалъ усыпить бдительность русскаго главнокомандующаго, успокоить его

¹⁾ Собственноручныя замѣтки Барклая.

²⁾ Tiers. Histoire du Consulat et de L'Empire.

³⁾ Собственноручныя замѣтки Барклая-де-Толли.

⁴⁾ Левенштернъ. Denkwürdigkeiten eines Livländers. стр. 186.

относительно своих дѣйствительныхъ силъ и тѣмъ вѣрнѣе нанести ему на слѣдующій день полное пораженіе. Только далеко за полдень были высланы прочіе кавалерійскіе полки корпуса Нансуги и пѣхотная дивизія Дельзона для подкрѣпленія Брусье; удерживаться противъ всѣхъ этихъ войскъ было невозможно, и гр. Паленъ отступилъ за Лучесу. Это было въ пятомъ часу. Но тогда отступление заднихъ линій нашей арміи уже было начато, и за ними мало-помалу стали отходить и передовыя войска, такъ что къ ночи остался на позиціи одинъ только отрядъ Палена, поддерживавшій на всемъ ея протяженіи бивачные огни. Изъ войскъ этого отряда были составлены три арріергарда подъ начальствомъ Палена, Корфа и Шевича съ назначеніемъ прикрывать отступление трехъ колоннъ арміи къ Порѣчью и Руднѣ.

Такъ совершилось знаменитое отступление отъ Витебска, лишившее Наполеона побѣды, въ которую онъ такъ твердо вѣрилъ и въ которой онъ такъ сильно нуждался. Неожиданное, почти безслѣдное исчезновеніе русской арміи вызвало у французовъ глубокое разочарованіе, и у ихъ императора первыя сомнѣнія относительно послѣдствій задуманнаго имъ предпріятія. Полтора мѣсяца война уже тянулась,—а что было достигнуто? Искусныя комбинаціи противъ II арміи не удались: она безпрепятственно отходила къ Смоленску. Всѣ операціи противъ I арміи съ цѣлью отрѣзать фланговые корпусы, обойти лѣвое крыло, уничтожить ее въ Дрисскомъ лагерѣ или нанести полное пораженіе подъ Витебскомъ, не имѣли успѣха: она спокойно достигала постановленную себѣ цѣль. Наконецъ, и второстепенныя, иногда кровопролитныя дѣла имѣли въ результатъ только потери и крайнее утомленіе войскъ. Между тѣмъ изъ 300.000 чел., направленныхъ по переходѣ черезъ Нѣманъ противъ Багратіона и Барклая, теперь, по достиженіи Могилева и Витебска, оставалось едва 200.000 ч. Но столь же безотрадно было и внутреннее состояніе арміи. Продолжительныя и спѣшныя движенія и передвиженія войскъ до такой степени затруднили продовольствіе ихъ, что многія части уже тогда терпѣли отъ недостатка здоровой пищи. Собранные на операціонномъ базисѣ запасы были громадныя, но перевозочныя средства, по мѣрѣ удаленія арміи, часто оказывались недостаточными. Точно также и реквизиціи, къ которымъ Наполеонъ такъ охотно прибѣгалъ, въ странѣ вообще скудной и малонаселенной, не имѣли успѣха; пользоваться ими могли развѣ только привелегированныя части: главная квартира, штабы, гвардія; масса же должна была довольствоваться наскоро варенымъ мясомъ только что убитыхъ быковъ, часто безъ соли и хлѣба. Къ такимъ неудачамъ и лишеніямъ войска, привыкшія къ

побѣдамъ и довольству, не были подготовлены; это повліяло на духъ ихъ, на дисциплину, такъ что случаи мародерства и тогда не составляли исключенія. Также и лошади много терпѣли отъ незрѣлаго хлѣба, которымъ кормились на поляхъ; уже подъ Витебскомъ множество кавалеристовъ оставались при полкахъ пѣшими въ ожиданіи ремонтовъ. Артиллерія пополняла свою убыль изъ обоза, становившагося еще болѣе неподвижнымъ. Всѣ эти обстоятельства не могли не вызвать безпокойства у войсковыхъ начальниковъ, а также у самого императора, начинавшаго понимать, что безотлагательная побѣда стала для него вопросомъ жизни. Видя повсюду унылыя лица, Наполеонъ принялъ рѣшеніе, совершенно не соответствовавшее его нраву и тогдашнему образу дѣйствій, рѣшеніе совѣтоваться съ тѣми, которымъ онъ до тѣхъ поръ только приказывалъ. Многіе писатели полагаютъ, что это совѣщаніе состоялось у Смоленска, другіе же относятъ таковое ко времени пребыванія въ Витебскѣ, что гораздо вѣроятнѣе; наступленіе на Смоленскъ повело къ безостановочнымъ военнымъ дѣйствіямъ, тогда какъ у Витебска произошелъ необходимый перерывъ, дававшій возможность привлечь къ отвѣту главныхъ сподвижниковъ почти всей сосредоточенной тамъ арміи. Къ тому же высказанныя въ немъ мысли могли быть произнесены только при тогдашнихъ обстоятельствахъ у Витебска. Главный предметъ совѣщанія заключался въ томъ, продолжать ли по-прежнему начатую кампанію, или же, какъ нѣкоторые предлагали, остановиться на рубежѣ Литвы, занять просторныя квартиры, прикрываясь Днѣпромъ и Двиною, организовать внутреннее управленіе и вооруженіе края и затѣмъ, весною, возобновить войну со свѣжими силами. Мысль о пріостановленіи военныхъ дѣйствій, когда ничего еще не было достигнуто и при томъ въ лучшее время года, до того противорѣчила характеру Наполеона и его образу дѣйствій, что обсужденіе этого вопроса въ совѣтѣ объясняется лишь его желаніемъ выставить всю ея несостоятельность: „Нельзя, говорилъ онъ, дать время противнику окончить вооруженія, изъ которыхъ многія лишь начаты; нужно идти впередъ и наносить рѣшительные удары. Смоленскъ, Москва не будутъ оставлены безъ борьбы: желаемого сраженія и побѣды намъ не долго ждать. Предпріятія подобныя нашему удаются однимъ полетомъ или никогда; наши войска охотно идутъ впередъ, наступленіе ихъ оживляетъ. Мое искусство заключается въ сраженіи, моя политика—въ успѣхѣ. Для насъ ничего нѣтъ опаснѣе затянутой войны“ ¹⁾ Наполеонъ былъ правъ, говоря объ опасности затягивать войну; тѣмъ не ме-

¹⁾ Er. von Smitt, Aufklärung über den Krieg von 1812.

нѣе ускорить дѣйствія онъ и теперь не могъ: нужно было войскамъ дать нѣкоторый покой и возстановить продовольствіе. А потому преслѣдованіе нашихъ арріергардовъ производилось весьма слабо, и собранныя войска расположились для отдыха у Витебска, Порѣчья, Рудни и Орши, однако же съ такимъ расчетомъ, чтобы, въ случаѣ наступленія русскихъ армій, можно было сосредоточить въ одинъ переходъ болѣе 100.000 войскъ для ихъ встрѣчи и употребить почти такое же число для охвата ихъ фланга и тыла и овладѣнія Смоленскомъ. Наполеонъ предполагалъ, что послѣ соединенія нашихъ армій жажда подвиговъ и кажущаяся легкость успѣха увлечетъ ихъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ; поэтому онъ самъ распространялъ слухъ о вынужденномъ застоѣ и необходимомъ растяженіи его арміи ¹⁾. Такою западнею онъ надѣялся достигнуть столь желаемой развязки.

Между тѣмъ наши арміи подходили къ Смоленску и расположились лагеремъ: Первая 20 іюля (1 августа) на правомъ берегу, а вторая 22 іюля (3 авг.), на лѣвомъ берегу Днѣпра. Арріергарды Палена и Шевича, первый усиленный кавалеріею Корфа, прикрывали по-прежнему I армію по дорогамъ въ Порѣчье и Рудню. Наблюденіе за лѣвымъ флангомъ противника было возложено на генерала Винцингероде съ отрядомъ изъ 1 драгунскаго и 4 казачьихъ полковъ; находившіяся же въ Красномъ подъ его начальствомъ резервныя части оставлены тамъ до прибытія 27-й дивизіи Невѣровскаго. Наканунѣ прибытія своей арміи кн. Багратіонъ, въ сопровожденіи своего штаба и генераловъ Раевскаго, Бороздина, Васильчикова, Паскевича и гр. Воронцова ²⁾, приѣхалъ въ Смоленскъ, къ Барклаю, который въ свою очередь, не успѣвъ предупредить старшаго въ чинѣ товарища, успѣшилъ надѣть шарфъ и встрѣтить его со словами: „а я уже готовъ былъ ѣхать къ Вамъ“ ³⁾. Эта взаимная учтивость произвела наилучшее впечатлѣніе, но не могла, конечно, устранить затрудненія въ взаимныхъ отношеніяхъ главнокомандующихъ; напротивъ, затрудненія могли увеличиться, такъ какъ передавать Высочайшія повелѣнія безъ официальнаго полномочія было легче письменно, пересылкою, нежели устно и непосредственно. Императоръ Александръ, лично возложившій обязанности и отвѣтственность главнаго вождя на Барклая, даже и теперь не пожелалъ высказать это въ рескриптахъ ⁴⁾, посланныхъ обоимъ

¹⁾ Spectateur militaire.

²⁾ Записки адъютанта Барклая, Левенштерна, стр. 188.

³⁾ Записки Левенштерна, стр. 188. М. Богдановича, I часть, стр. 219.

⁴⁾ Отъ 28 іюля.

главнокомандующимъ по случаю ихъ соединенія. Барклаю онъ писалъ: „Я весьма обрадовался, услышавъ о добромъ согласіи Вашемъ съ кн. Багратіономъ. Вы сами чувствуете всю важность настоящаго времени, и что всякая личность должна быть устранена“, а Багратіону: „Я увѣренъ, что въ настоящее, столь важное для отечества время, вы отстраните всѣ личныя побужденія и будете дѣйствовать единодушно и съ непрерывнымъ согласіемъ, чѣмъ пріобрѣтете новое право на мою признательность“¹⁾. Очевидно, что подобными увѣщаніями дѣло не разрѣшалось: Багратіонъ какъ будто и подчинился Барклаю, и это подчиненіе, какъ добровольное, было всеми прославлено; но въ этой-то добровольности и заключался вредъ, такъ какъ она связывала не перваго, а послѣдняго. И дѣйствительно, вскорѣ обнаружилось, что Багратіонъ подчинился лишь на столько, на сколько его мнѣніе, т. е. мнѣніе стоявшихъ за нимъ лицъ, было признаваемо; къ этимъ лицамъ примкнули, конечно, и всѣ недоброжелатели изъ главной квартиры I арміи. Для Барклая же наступило время ненавистныхъ ему компромиссовъ, то тяжелое время, которое онъ самъ описываетъ въ поданной имъ впослѣдствіи монарху запискѣ слѣдующимъ образомъ: „Никогда еще высшій начальникъ какой бы ни было арміи не находился въ такомъ положеніи, какъ я въ это время. Оба главнокомандующіе соединенныхъ армій одинаково и исключительно зависѣли отъ Вашего Величества и имѣли равныя права. Оба могли непосредственно доносить Вашему Величеству и располагать по собственному усмотрѣнію ввѣренными имъ войсками. По званію военнаго министра я имѣлъ, конечно, право, объявлять именемъ Вашего Величества Высочайшія повелѣнія; но въ дѣлахъ, отъ которыхъ зависѣла участь всей Россіи, я не могъ пользоваться этимъ правомъ безъ особаго на то полномочія. Такимъ образомъ, для достиженія согласныхъ, къ одной цѣли направленныхъ дѣйствій, я былъ вынужденъ употребить всевозможныя средства къ поддержанію между княземъ и мною единодушія; я долженъ былъ льстить его самолюбію и дѣлать уступки противъ собственнаго убѣжденія, дабы въ болѣе важныхъ случаяхъ сохранить возможность настаивать съ лучшимъ успѣхомъ: словомъ, я долженъ былъ понудить себя къ пріемамъ для меня чуждымъ и не соответствующимъ моему характеру и моимъ чувствамъ. Но я думалъ, что цѣль мною вполне достигнута; однако ближайшія послѣдствія убѣдили меня въ противномъ“.

Первымъ шагомъ взаимнаго соглашенія была высылка 27 дивизіи Невѣровскаго, усиленной частью Смоленскаго ополченія, Харь-

¹⁾ М. Богдановичъ. Исторія войны 1812 года. Т. I, стр. 219.

ковскимъ драгунскимъ и тремя казачьими полками, въ Красный, на смѣну резервныхъ частей, поступившихъ вмѣстѣ съ оставшимися въ Смоленскѣ, всего 17 баталіоновъ и 4 артиллерійскія роты, на укомплектованіе войскъ обѣихъ армій ¹⁾. Затѣмъ было приступлено къ обсужденію дальнѣйшихъ дѣйствій соединенныхъ армій, но тутъ обнаружилось глубокое разногласіе между осторожнымъ Барклаемъ и кн. Багратиономъ, сдѣлавшимся орудіемъ той партіи, которая надѣялась безотлагательною атакою нанести растянутому непріятелю смертельный ударъ. Но этотъ разъ и Толъ сдѣлался горячимъ, но, конечно, открытымъ сторонникомъ послѣдней идеи. Еще наканунѣ совѣщанія, къ которому были приглашены кн. Багратионъ, Великій Князь Константинъ Павловичъ, оба начальника штабовъ и генераль-квартирмейстеры обѣихъ армій и полковникъ Вольпогенъ, онъ представилъ Барклаю свой планъ наступательныхъ дѣйствій, заключавшійся въ томъ, чтобы быстрымъ движеніемъ на Рудню и Витебскъ разобщить противника и разбить отдѣльныя его части порознь. Насколько жажда рѣшительныхъ дѣйствій ослѣпляла тогда даже лучшихъ военныхъ людей, усматривается изъ письма Толя къ кн. Волконскому отъ 30 іюля, въ которомъ онъ, излагая свои комбинаціи, изображаетъ расположеніе и численность войскъ противника въ такомъ видѣ, что нашимъ арміямъ представлялась полная возможность атаковать съ успѣхомъ его центръ, въ которомъ могло сосредоточиться не болѣе 65.000 ч. Свѣдѣнія о непріятелѣ, полученныя Барклаемъ и Толемъ, одинаковы; разница только въ томъ, что первый, къ счастью, не находилъ въ нихъ того, что хотѣли видѣть другіе, т. е. что Наполеонъ ошибочно расположилъ свою армію. Впрочемъ, Барклай не отвергалъ наступленія; еще за три дня до созваннаго имъ совѣта и представленія ему плана Толя, онъ доносилъ Императору: „Я намѣренъ идти впередъ и атаковать ближайшій изъ непріятельскихъ корпусовъ, какъ мнѣ кажется, корпусъ Нея, у Рудни“ ²⁾. Но онъ разумѣлъ атаку въ смыслѣ общей системы его дѣйствій, т. е. нанесенія противнику возможнаго вреда, не допуская дѣла до преждевременной и потому гибельной развязки. И дѣйствительно, проигранное сраженіе между Смоленскомъ и Витебскомъ должно было имѣть послѣдствіемъ преслѣдованіе побѣжденной арміи до полнаго ея уничтоженія.

¹⁾ Находившіеся въ Смоленскѣ 8 резервныхъ эскадроновъ были отосланы въ Калугу, для образованія кадровъ войскъ, тамъ формировавшихся.

²⁾ Донесеніе Барклая-де-Толли отъ 22 іюля.

На собранномъ 25 іюля (6 августа) военномъ совѣтѣ, Барклай изложилъ причины, по которымъ необходимо дѣйствовать осторожно. „Мы имѣемъ дѣло съ предпримчивымъ противникомъ“, говорилъ онъ, „который не упуститъ случая завлечь и обойти насъ и тѣмъ вырвать изъ нашихъ рукъ первоначальную побѣду“¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указывалъ на опасность, при выдвиженіи арміи, со стороны Порѣчья, гдѣ, по полученнымъ донесеніямъ, находилось 40.000 войскъ. Начавъ нападеніе съ Мюрата (на Рудню), что будетъ, если онъ отступитъ на Бабиновичи?—преслѣдовать его невозможно, такъ какъ мы, пока вице-король въ Порѣчьи, и на три перехода не можетъ удалиться отъ Смоленска²⁾. Но въ совѣтѣ, кромѣ Вольцогена, горячо поддерживали безотлагательное наступленіе, при чемъ Великій Князь особенно рѣзко настаивалъ на быстромъ его выполненіи. Въ такомъ же смыслѣ писалъ ему Императоръ, такъ что приказывать именемъ Монарха было невозможно. Барклаю оставалось только уступить, и онъ уступилъ, но поставилъ условіемъ не удаляться болѣе трехъ переходовъ отъ Смоленска³⁾. „Я никогда не замѣчалъ у Барклая такого внутренняго волненія, какъ тогда; онъ боролся съ самимъ собою; онъ сознавалъ возможныя выгоды предпріятія, но чувствовалъ и сопряженныя съ ними опасности“. Такъ пишетъ адъютантъ его Левенштернъ⁴⁾. Поставленное Барклаемъ условіе еще болѣе возбудило противъ него неудовольствіе и ненависть; но оно спасло армію отъ вѣрной катастрофы!

Утромъ 26 іюля (7 августа) обѣ арміи двинулись впередъ по направленію къ Руднѣ. Вторая армія, въ числѣ около 30.000 чел. регулярныхъ войскъ, имѣя передъ собою авангардъ Васильчикова, перешла черезъ Днѣпръ и далѣе въ Катань, при чемъ одинъ пѣхотный полкъ оставленъ былъ въ Смоленскѣ. Первая армія, въ которой считалось кромѣ казаковъ до 70.000 чел., слѣдовала двумя колоннами: лѣвая, Дохтурова (5 и 6 пѣхотные и 3 кавалерійскіе корпуса), съ авангардомъ гр. Палена впереди,—къ Приказъ-Выдрѣ, а правая, Тучкова (2, 3, 4 пѣхотные, 1 и 2 кавалерійскіе корпуса) подъ прикрытіемъ авангарда Пассека, —туда же черезъ Стабно. Особый отрядъ генераль-майора кн. Шаховскаго шелъ, въ видѣ бокового авангарда, правѣе Тучкова, а еще правѣе, къ Холму,—казачій отрядъ Краснова. Наконецъ, промежуточный отрядъ сохранялъ сообщеніе между арміями; Невѣровскому предписано удвоить бдительность къ сторонѣ Дубровны; казачьи посты высланы для на-

¹⁾ Bernhardi, Denkwürdigkeiten des Gr. Toll. Ч. I, стр. 342.

²⁾ Конфиденціальныя записки Барклая о кампаніи 1812 года.

³⁾ Bernhardi, Denkwürdigkeiten des Gr. Toll. Ч. I, стр. 342.

⁴⁾ Denkwürdigkeiten eines Livländers.

блюденія непріятели. Такимъ образомъ, все было обдумано для обезпеченія общаго наступленія; однако, изъ принятыхъ мѣръ видно, что Барклай ожидалъ со стороны Наполеона предпріятія при первой возможности противъ одного изъ его фланговъ; но противъ котораго? Этого предугадать было невозможно.

Наступленіе должно было начаться 27 іюля выдвиженіемъ отряда казаковъ подъ начальствомъ атамана Платова, поддержаннаго легкими регулярными войсками. Онъ стоялъ съ десятию полками у Зарубенки, готовясь произвести нечаянное нападеніе на авангардъ противника у Молева-болота; на усиленіе его былъ назначенъ отрядъ гр. Палена, изъ 32-хъ эскадроновъ и 8-ми егерскихъ баталіоновъ, расположенный у Приказъ-Выдры. За этими передовыми войсками должно было продолжать наступленіе: первая армія къ Инкову, а вторая—къ Надвѣ. Все повидимому предвѣщало серьезныя дѣйствія, однакожь вышло иначе. Въ ночь на 27 іюля пришло отъ генераль-адъютанта Винцингероде извѣстіе, что у Порѣчья сосредоточиваются значительныя силы: корпусъ вице-короля Италійскаго, кавалерійскій корпусъ Нансуги, кирасирская дивизія Дефранса; казаки же доносили, что передовые посты французовъ отступаютъ вездѣ, кромѣ по дорогѣ изъ Порѣчья ¹⁾. При такихъ обстоятельствахъ Барклай принялъ рѣшеніе ограничить начатое наступленіе подготовленнымъ нападеніемъ передовыхъ войскъ и перемѣстить армію ближе къ угрожаемому направленію. Въ 3 часа утра 27 іюля онъ отправился лично къ гр. Палену и приказалъ ему дружно поддерживать Платова. Затѣмъ онъ перевелъ коловну Тучкова на Порѣченскую дорогу и предложилъ Багратіону перейти къ Приказъ-Выдрѣ, откуда Дохтуровъ, по прибытіи II арміи, долженъ былъ слѣдовать на соединеніе съ I арміею.

Между тѣмъ предпринятое Платовымъ и Паленомъ нападеніе увѣнчалось блистательнымъ успѣхомъ. Первый, получивъ отъ начальника своего авангарда донесеніе о появленіи непріятельской кавалеріи и пѣхоты со стороны Лешны, выдвинулся впередъ и поставилъ 12 орудій казачьей конной артиллеріи на позицію. Генераль-маіоръ Денисовъ, командовавшій авангардомъ, опрокинулъ сначала у Молева-болота передовыя войска дивизіи Себастіана, но, встрѣтивъ главныя силы ея, отступилъ къ Платову. Тогда непріятель атаковалъ въ свою очередь нашъ отрядъ, при чемъ пѣхота его подошла къ нашей артиллеріи на столь близкое разстояніе, что ей грозила опасность; однако храбрые Донскіе полки Мельникова и Харитонова бросились на выручку батареи и вытѣснили против-

¹⁾ Denkwürdigkeiten des Gr. Toll. Ч. I, стр. 344.

ника. Это послужило сигналомъ къ общей атакѣ казаковъ, а также Изюмскихъ, Сумскихъ и Мариупольскихъ гусаръ, которые прекратили преслѣдованіе лишь въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Рудни и затѣмъ возвратились въ Лещню. Потеря французовъ была значительна; одними плѣнными они лишились болѣе 300 чел., въ томъ числѣ 10 офицеровъ. О нашей потерѣ свѣдѣній не осталось ¹⁾. Въ числѣ предметовъ, попавшихъ въ руки нашихъ казаковъ въ Молевѣ-болотѣ, была записка Мюрата, найденная въ квартирѣ генерала Себастиани; въ этой запискѣ онъ извѣщалъ о предстоящемъ наступленіи русскихъ къ Руднѣ и предписывалъ отойти назадъ къ пѣхотѣ. Повидимому, Себастиани получилъ записку передъ самымъ появленіемъ казаковъ, иначе она не была бы найдена на его столѣ. Но какимъ образомъ предположенное нами наступленіе сдѣлалось извѣстнымъ Мюрату? Загадка эта осталась долго не разрѣшенной, и только нѣсколько лѣтъ спустя выяснилось, что письмо флигель-адъютанта кн. Любомирскаго къ своей матери, жившей въ своемъ имѣніи Ляды, попало, вѣроятно, въ руки Мюрата, имѣвшаго тамъ свою квартиру; въ письмѣ же этомъ Любомирскій, узнавъ изъ предшествовавшихъ разговоровъ о предполагавшемся движеніи и опасаясь за спокойствіе матери, просилъ ее выѣхать изъ Ляды ²⁾. Но въ то время записка Мюрата вызвала въ главной квартирѣ множество толковъ объ измѣнѣ, и національная партія обвиняла даже приближенныхъ главнокомандующаго Вольцогена и Левенштерна, а также состоявшаго при начальникѣ штаба II арміи Жанбара ³⁾. Барклай не вѣрилъ, конечно, подобнымъ обвиненіямъ и приписывалъ случившееся не измѣнѣ, а неосторожности и болтливости праздныхъ лицъ, которыхъ въ главной квартирѣ было такъ много. При томъ онъ слишкомъ хорошо зналъ Вольцогена и глубокую неприязнь прежняго прусскаго офицера къ злѣйшему врагу его отечества, чтобы не видѣть въ этихъ обвиненіяхъ одну только слѣпую ненависть къ иностранцу; а потому онъ оставилъ ихъ безъ вниманія. Иначе онъ отнесся къ подозрѣніямъ противъ Левенштерна, не потому, что сомнѣвался въ его безукоризненности, а потому, что особенныя обстоятельства требовали соответственнаго образа дѣйствій. Въ самомъ началѣ войны Левенштернъ былъ отправленъ изъ Видзы парламентаремъ къ Мюрату и провелъ тогда сутки у того самого генерала Себастиани, на столѣ котораго въ Молево-болотѣ была найдена записка; передъ послѣднимъ же движеніемъ къ Руднѣ, онъ

¹⁾ Богдановичъ. Исторія войны 1812 г. Т. I, стр. 233.

²⁾ Разсказъ этотъ, вполне правдоподобный, переданъ флигель-адъютанту Вольцогену кн. Меншиковымъ въ 1818 г. въ Ахенѣ. Wolzogen, Memoiren.

³⁾ Jean-Bart.

былъ посланъ съ порученіемъ на аванпосты. Это совпаденіе было на столько неблагоприятно, что Барклай, для предупрежденія возможнаго столкновенія между своимъ адъютантомъ и кѣмъ-либо изъ ярыхъ патріотовъ, призналъ нужнымъ удалить его на короткое время изъ главной квартиры; а потому онъ послалъ его послѣ сраженій подъ Смоленскомъ и при Дубинѣ съ бумагами къ гр. Ростопчину и просилъ его удержать Левенштерна подъ благовиднымъ предлогомъ въ Москвѣ ¹⁾. Тяжело было честному воину принять такое рѣшеніе и отказать ничего не подозрѣвавшему адъютанту въ просьбѣ не отправлять его въ Москву въ такое время, когда ожидалось сраженіе. „Необходимо, чтобы вы поѣхали, любезный Левенштернъ“, отвѣтилъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ Барклай, „надѣюсь, что вы скоро возвратитесь, и полагаю, что во время вашего отсутствія сраженія не будетъ“ ²⁾. И дѣйствительно, уже двѣ недѣли спустя, подъ Бородиномъ, Левенштернъ находился опять при своемъ начальникѣ и былъ раненъ.

По полученіи извѣстія о передвиженіи войскъ лѣваго фланга французовъ къ Люзинѣ, а центра изъ Витебска къ Бабиновичамъ, главнокомандующій перевелъ I армию обратно къ Рудненской дорогѣ, съ тѣмъ, чтобы встрѣтить Наполеона, наступленіе котораго на Смоленскъ казалось несомнѣннымъ, на чрезвычайно выгодной позиціи при Волоковѣ. Замѣчательно, что въ то самое время, когда наши повинисты настойчиво требовали наступленія, Наполеонъ предписывалъ Мюрату и Нею, слабымъ сопротивленіемъ у Рудни, увлечь русскихъ къ дальнѣйшему движенію, дабы обрушиться на нихъ затѣмъ подавляющимъ превосходствомъ своихъ силъ. Осторожный же и опытный Барклай предчувствовалъ это, какъ ясно видно изъ письма его къ женѣ отъ 27 іюля: „Я думалъ имѣть на дняхъ серьезное дѣло съ непріателемъ, но онъ сталъ отходить и хочетъ повидимому устроить мнѣ ловушку; въ этомъ расчетѣ онъ будетъ, однако, обманутъ“ ³⁾. Непоколебимая твердость Барклая оградила снова армию отъ пораженія. Не малое однакожь было его удивленіе, когда узналъ, что II армія, оставленная имъ у Приказа-Выдры, безъ разрѣшенія, даже безъ вѣдома его, отведена къ Смоленску, — по недостатку въ хорошей водѣ. Только авангардъ ея и назначенный ему въ поддержку отрядъ кн. Горчакова остались у Волокова. Багратіонъ получилъ безотлагательно приглашеніе сблизиться съ I арміею, вслѣдствіе чего 8-й корпусъ двинулся къ Надвѣ

1) Письма Барклая-де-Толли гр. Ростопчину отъ 11 и 21 августа 1812 г.

2) *Denkwürdigkeiten eines Livländers*. Ч. I, стр. 200.

3) Письмо Барклая-де-Толли отъ 27 іюля 1812 г.

и соединился съ отрядами Васильчикова и Горчакова, 2-я кирасирская дивизія къ Катани, а 7-й корпусъ по пути 8-го корпуса, по которому онъ успѣлъ отойти только 12 верстъ.

Въ ночь на 3 (15) августа главнокомандующимъ было получено извѣстіе о предпріятіи Наполеона, названнаго Клаузевицомъ „самымъ непснѣтнымъ“ во всей войнѣ. Предпріятіе это заключалось въ быстромъ перенесеніи всѣхъ силъ на лѣвую сторону Днѣпра, съ цѣлью охватить лѣвое крыло русскихъ армій, овладѣть въ тылу ихъ Смоленскомъ и принудить къ рѣшительной, окончательной битвѣ.

По полученіи перваго извѣстія о движеніи русскихъ въ Руднѣ, Наполеонъ, какъ уже сказано, постѣшилъ сосредоточить войска въ районѣ: Лиозна, Бабиновичи, Любавичи и Расасна. Удостоверившись же, что осторожный Барклай не намѣренъ слишкомъ удаляться отъ Смоленска, онъ тотчасъ измѣнилъ свой планъ: войска, находившіяся на лѣвой сторонѣ Днѣпра, были направлены черезъ Романово на Смоленскъ, а прочія на Расасну и Хомино, для переправы по заготовленнымъ мостамъ и дальнѣйшаго слѣдованія на Красный и Смоленскъ. Мюратъ, Ней и три дивизіи Даву уже 1 (13) августа перешли черезъ Днѣпръ, а на другой день послѣдовали за ними всѣ прочія войска. Около 3 часовъ по полудни того же дня Мюратъ, имѣя за собою Ней, появился съ тремя кавалерійскими корпусами передъ Краснымъ и немедленно атаковалъ Невѣровскаго.

Выдающіеся военные авторитеты, Клаузевицъ, Сенъ-Сиръ и др. порицаютъ эту операцію Наполеона. Первый полагаетъ, что ему слѣдовало атаковать Барклая со стороны Рудни, гдѣ послѣдній готовился къ генеральному сраженію; а послѣдній находитъ, что всего лучше было бы исполнить это со стороны Порѣчья, какъ сначала ожидалъ и Барклай. Но, вѣроятно, Наполеонъ, какъ онъ и самъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ, опасался новаго уклоненія русскаго главнокомандующаго отъ рѣшительнаго боя и надѣялся, неожиданнымъ занятіемъ Смоленска и главнаго пути къ Москвѣ, вынудить его къ таковому. И нельзя не согласиться, что если бы русскія арміи не оставались въ столь близкомъ разстояніи отъ Смоленска, маневръ Наполеона, мастерски исполненный, имѣлъ бы полный успѣхъ.

Сопrotивленіе Невѣровскаго, атакованнаго кавалерійскими корпусами Груши, Нансути и Монбрюна и пѣхотнымъ Ней, не могло быть продолжительнымъ. Сначала отступили драгуны, а потомъ стала отходить пѣхота, построенная въ густыя колонны для лучшаго отраженія кавалерійскихъ атакъ. Это отступленіе 10 баталіоновъ, подвергавшихся безпрерывнымъ нападеніямъ 15.000 всадниковъ, представляетъ блистательный примѣръ превосходства пѣхоты, обла-

дающей мужествомъ и спокойствомъ, надъ запальчивою кавалеріею, повторяющей свои атаки безъ предварительной подготовки огнемъ артиллеріи. Невѣровскому, отступившему, по выраженію Сегюра, „какъ левъ“, удалось, хотя и не безъ чувствительныхъ потерь ¹⁾, достигнуть вечеромъ Корытню, гдѣ онъ былъ принятъ 50-мъ егерскимъ полкомъ съ 2 орудіями. Огонь этихъ орудій остановилъ дальнѣйшее преслѣдованіе. На слѣдующій день нашъ отрядъ спокойно продолжалъ отступление къ Смоленску, до котораго оставалось еще болѣе 20 верстъ; въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города онъ встрѣтился съ корпусомъ Раевского и соединился съ нимъ.

Генералъ Раевскій расположился на позиціи въ 3-хъ верстахъ отъ города. Въ 5 часу по полудни показался его авангардъ, отступившій въ виду движенія значительныхъ непріятельскихъ силъ въ обходъ его лѣваго фланга. Тогда и Раевскій отошелъ на ночь къ Смоленску, въ предмѣстьяхъ и за стѣнами котораго онъ надѣялся найти средства къ рѣшительному отпору превосходныхъ силъ противника. Старинная городская стѣна до 40 ф. вышины и 18 ф. толщины со своими 17-ю башнями, хотя и не была приспособлена къ оборонѣ, представляла, однако, такую преграду, которую возможно было преодолѣть лишь овладѣніемъ двухъ воротъ и одного пролома. На западной сторонѣ городской стѣны выдается пятиугольное укрѣпленіе временъ Сигизмунда III, т. е. королевскій бастионъ, а передъ фронтомъ и флангами ея — предмѣстья: Красненское, Мстиславское, Рославльское, Никольское и Раченка. Третьи ворота и другой проломъ ²⁾ служили выходами къ Днѣпру, деревянный мостъ черезъ который соединялъ городъ съ Петербургскимъ предмѣстьемъ; для лучшаго обезпеченія тыльных сообщеній черезъ рѣку, были наведены еще два моста на понтонахъ. На этой-то позиціи ³⁾ Раевскій размѣстил свои войска къ бою слѣдующимъ образомъ: 26 дивизію съ 20-ю орудіями—въ Красненскомъ предмѣстьѣ и королевскомъ бастионѣ; пять полковъ 12-й дивизіи съ 28-ю орудіями въ Мстиславскомъ и Никольскомъ предмѣстьяхъ; два полка 27-й дивизіи съ 24-мя орудіями въ Рославльскомъ предмѣстьѣ; по одному полку 12-й и 27-й дивизій съ 4-мя орудіями—у моста на Днѣпрѣ; остальные три полка 28-й дивизіи въ городѣ, за стѣною и въ резервѣ; два кавалерійскихъ и четыре казачьихъ полка—на лѣвомъ флангѣ, для прикрытія Московской дороги.

¹⁾ Потеря эта, кромѣ 7 орудій, простиралась до 1.500 ч., въ числѣ которыхъ 800 плѣнныхъ.

²⁾ Проломы эти сдѣланы по случаю посѣщенія Смоленска императрицею Екатериною II, такъ какъ ворота оказались слишкомъ тѣсными для экипажа.

³⁾ См. планъ сраженія подъ Смоленскомъ 5 августа 1812 года.

На слѣдующій день, 4-го (16) августа въ 9 ч. утра, кавалерія Мюрата показалась со стороны Краснаго и развернулась вправо отъ дороги; слѣдовавшая за нею пѣхота Нея выстроилась противъ королевскаго бастиона, лѣвымъ флангомъ къ Днѣпру. Вскорѣ начался артиллерійскій бой, продолжавшійся до вечера безъ особыхъ результатовъ. Попытки непріятели атаковать нашу сравнительно столь слабую кавалерію имѣли только послѣдствіемъ отступление послѣдней въ Никольское предмѣстіе; покушенія же Нея, весьма, впрочемъ, умѣренные, овладѣть бастиономъ, не имѣли успѣха. Такъ прошелъ день гораздо спокойнѣе, нежели можно было ожидать, и самъ Раевскій говоритъ въ своихъ запискахъ: „Взвѣсивая съ одной стороны важность выдержаннаго мною дѣла, а съ другой—ничтожность потери, понесенной моими войсками, приписываю успѣхъ не столько собственнымъ соображеніямъ, сколько слабости атакъ Наполеона“. Эта „слабость атакъ“ была безъ сомнѣнія преднамѣренная: главныя силы противника находились еще въ движеніи и могли подойти лишь къ ночи, а потому овладѣніе Смоленскомъ войсками Мюрата и Нея составляло бы лишь частный успѣхъ,—Наполеону же необходима была общая и рѣшительная побѣда. Но къ этой ночи подошли и прочія войска нашихъ армій.

Такъ какъ намѣреніе Наполеона охватить лѣвый флангъ нашихъ армій и овладѣть Смоленскомъ и путемъ въ Москву ясно обнаружилось, то можно было предположить, что онъ, пользуясь большимъ превосходствомъ своихъ силъ ¹⁾, направитъ часть ихъ на Дорогобужь. А потому Барклай условился съ Багратиономъ, что II армія, соединившись съ корпусомъ Раевскаго, двинется прямо къ Дорогобужу, а I армія приметъ на себя защиту Смоленска до полученія извѣстія о достиженіи предъидущей означеннаго пункта. При этомъ кн. Багратионъ обязался оставить у Прудичевской переправы сильный отрядъ для прикрытія слѣдующаго передвиженія I арміи. Для обороны же Смоленска, кромѣ 6-го корпуса, смѣнявшаго 7-й, были назначены 27-я и 3-я дивизіи, 6-й егерскій полкъ 12-й д. и 3 драгунскихъ полка.

Въ 4 ч. утра 5 (17) августа II армія двинулась къ Дорогобужу, а Дохтуровъ съ ввѣренными ему войсками расположился въ Смоленскѣ слѣдующимъ образомъ: на правомъ флангѣ 24-я д. Лихачева въ Красненскомъ предмѣстьѣ и королевскомъ бастионѣ; въ центрѣ

---

¹⁾ Въ бумагахъ маршала Бертье, взятыхъ при отступленіи французовъ, оказались оффиціальныя донесенія, удостовѣряющія, что у Смоленска было 225.000 ч. Собствен. замѣтки Барклая. Въ отечественной войнѣ Богдановича силы противника показаны въ 180.000 ч.

7-я д. Капцевича у Мстиславскаго и Рославльскаго предмѣстьевъ; на лѣвомъ флангѣ 27-я д. Невѣровскаго у Никольскаго предмѣстья и Раченки, имѣя передъ собою драгунъ г.-м. Скалона; въ резервѣ 3-я д. Коновницына. Дѣло началось перестрѣлкою, во время которой, въ 8 час. утра, Дохтуровъ предпринялъ вылазку, при чемъ ему удалось вытѣснить непріятеля изъ предмѣстievъ. Повидимому, Наполеонъ надѣялся, что Барклай, для спасенія города, перейдетъ подъ защитою его стѣны Днѣпръ и рѣшится на сраженіе. Но Барклай и не думалъ выйти со своими 70.000—75.000 чел. противъ 140.000-й арміи, поджидавшей къ вечеру еще 40.000 ч.; онъ готовился дать отпоръ атакующему и поставилъ съ этою цѣлью на высотахъ вправо и влѣво отъ города батареи для обстрѣливанія подступовъ наступающихъ колоннъ. Вскорѣ и Наполеонъ созналъ, что его ожиданія тщетны; получивъ донесенія о движеніи II арміи къ Дорогобужу, онъ понялъ, что перейти черезъ Днѣпръ приходится не Барклаю, а ему самому. Но какъ перейти? Броды неизвѣстны, а мосты строить долго; остается только одно: взять городъ, и онъ не поколебался это предпринять. Въ 3 часа взвилась ракета, а потомъ другая и третья; послѣдняя послужила сигналомъ, потому что вслѣдъ за нею около 200 ядеръ и гранатъ посыпались въ городъ, до тѣхъ поръ пощаженный. Эта канонада послужила также предвѣстіемъ общаго наступленія. Первыми были атакованы дивизіею Брюйера наши драгуны, которые, будучи опрокинуты, поспѣшно отступили въ городъ, при чемъ погибъ генералъ Скалонъ. Въ то же время Понятовскій выдвинулъ свою пѣхоту противъ Никольскаго и Раченки и поставилъ 60 орудій у берега рѣки для обстрѣливанія нашихъ мостовъ и батареи Нилуса, поставленной Барклаемъ на правой сторонѣ Днѣпра. Отъ непріятельскихъ гранатъ загорѣлись нѣкоторыя строенія; этимъ воспользовались поляки, чтобы продолжать наступленіе, при чемъ генералъ Грабовскій лишился жизни; но, достигнувъ городской стѣны и не имѣя лѣстницъ, они были отбиты съ огромною потерею; въ числѣ раненыхъ былъ начальникъ дивизіи генералъ Заіончикъ. Между тѣмъ Ней овладѣлъ на нашемъ правомъ флангѣ безъ большихъ усилій Красненскимъ предмѣстьемъ; однако, онъ не рѣшался атаковать королевскій бастионъ. Быть можетъ, Наполеонъ и не хотѣлъ подвергать его значительнымъ потерямъ, такъ какъ главная атака была назначена на нашъ центръ; эту задачу онъ возложилъ на маршала Даву, который устремилъ три дивизіи своего корпуса, Морана, Гюдена и Фріана, въ Мстиславское и Рославльское предмѣстія. Послѣ упорнаго боя Капцевичъ и подкрѣпившій его Коновницынъ отступили въ городъ. Тогда Дохтуровъ послалъ къ Барклаю-де-Толли просить о помощи;

послѣдній отвѣтилъ: „Передайте Дмитрію Сергіевичу, что отъ его мужества зависитъ сохраненіе всей арміи“, и послалъ ему въ подкрѣпленіе 4-ю дивизію принца Евгенія Виртембергскаго и л.-гв. Егерскій полкъ. Между тѣмъ и непріятель сдѣлалъ новыя усилія для овладѣнія городомъ: 36 батарейныхъ орудій были вновь подвезены къ стѣнамъ Смоленска, такъ что общее число ихъ дошло до 150-ти; снаряды ихъ крѣпкимъ городскимъ стѣнамъ мало вредили, но перелетавшіе черезъ нихъ поражали людей на улицахъ и производили пожары. Въ 5 ч. Наполеонъ приказалъ маршалу Даву штурмовать городъ, и вслѣдъ затѣмъ французы пошли на приступъ такъ смѣло и рѣшительно, что едва не овладѣли Малаховскими воротами; но тамъ встрѣтили ихъ свѣжія войска 4-й и 3-й дивизій. Принцъ Виртембергскій, опередивъ свою дивизію и наскоро переговоривъ у этихъ воротъ съ Дохтуровымъ и Коновницынымъ, поспѣшилъ ей навстрѣчу и отрядилъ Тобольскій и Волинскій полки къ Раченкѣ противъ поляковъ, а Кременчугскій и Минскій—на правый флангъ въ помощь Лихачеву. Самъ же онъ съ 4-мъ егерскимъ полкомъ и Коновницынъ съ частью своей дивизіи бросились на французовъ, приступавшихъ къ Малахову и опрокинули ихъ. Тутъ произошло горячій бой, при которомъ Коновницынъ былъ раненъ въ руку, а принцъ устремился со своими егерями изъ воротъ въ прикрытый путь и выбилъ оттуда непріятеля.

Наполеонъ, убѣдившись въ невозможности взять городъ штурмомъ, усилилъ артиллерійскій огонь гаубицами, бросавшими разрывные снаряды и распространявшими пожары и опустошеніе. Въ 7 час. вечера покушеніе на штурмъ было возобновлено, но опять безуспѣшно. Въ этотъ разъ главное усиліе было направлено противъ нашего праваго фланга; однако, осторожный Барклай своевременно прислалъ туда 30 и 48 егерскіе полки 17-й дивизіи, которые и отбросили противника. Въ 9 час. канонада умолкла, и войска наши расположились за городской стѣною, выславъ свои цѣпи въ предмѣстья и прикрытый путь. Они дрались этотъ день съ необыкновеннымъ упорствомъ и даже раненые неохотно шли на перевязочный пунктъ; самъ Коновницынъ не позволилъ сдѣлать себѣ перевязки до окончанія боя. Потери, особенно у противника, были очень велики; у насъ число убитыхъ и раненыхъ доходило до 5.000 ч., а у непріятеля до 12.000 ч.

Барклай-де-Толли, не признавая возможнымъ продолжать оборону пылающаго Смоленска, приказалъ Дохтурову оставить городъ и затѣмъ уничтожить мосты. Войска II арміи, перейдя Днѣпръ, повернули направо и направились къ Дорогобужу. Части I арміи послѣдовали на прежнюю позицію у Порѣчьенской дороги близъ

города; послѣдними вышли войска Коновницына и принца Евгенія, которые въ 4 ч. утра развели пловучіе мосты и зажгли постоянный. Но вслѣдъ затѣмъ совершенно неожиданно завязался новый, хотя и кратковременный, бой. Маршалъ Ней, вступившій въ оставленный нами городъ, полагалъ, что и Петербургское предмѣстье на правомъ берегу Днѣпра очищено, и послалъ пѣхотныя части вбродъ для занятія его. Находившіеся тамъ егеря 17-й дивизіи, не ожидая встрѣчи были выбиты. Къ счастью, это было замѣчено Барклаемъ, который приказалъ егерской бригадѣ Коновницына возвратиться и атаковать непріятели; къ ней присоединились также егеря 17-й дивизіи, и въ короткое время французы были оттѣснены за Днѣпръ. Тогда же былъ составленъ новый арріергардъ изъ 14-ти баталіоновъ и 16-ти эскадроновъ Сумскаго и Маріупольскаго полковъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Корфа, который занялъ предмѣстье и завязалъ перестрѣлку, продолжавшуюся до ночи.

Послѣдніе два дня были столь утомительны для войскъ, что главнокомандующій призналъ необходимымъ дать имъ отдыхъ. И дѣйствительно, 4-го августа они сдѣлали усиленный переходъ до 40 верстъ; ночью Дохтуровъ смѣнилъ въ Смоленскѣ Раевского; 5-го значительная часть арміи участвовала въ сраженіи, продолжавшемся до поздняго вечера. А потому дальнѣйшее движеніе къ Дорогобужу было отложено до вечера 6-го августа. Между тѣмъ Барклай-де-Толли получено было письмо отъ кн. Багратіона, извѣщавшаго, будто значительныя силы непріятели слѣдуютъ черезъ Ельню на Дорогобужъ, и убѣждавшаго его не только держаться въ Смоленскѣ, но и перейти къ рѣшительному наступленію. вмѣстѣ съ тѣмъ Багратіонъ просилъ также усилить его однимъ корпусомъ I-й арміи. Трудно понять, какимъ образомъ опытный военачальникъ, какъ Багратіонъ, просившій о подкрѣпленіи его цѣлымъ корпусомъ I арміи и знавшій, что въ ней осталось бы затѣмъ едва 65.000 ч., могъ убѣждать Барклая перейти съ такими силами черезъ Днѣпръ и атаковать Наполеона, располагавшаго арміей въ 170.000 ч., горѣвшею желаніемъ помѣриться съ русскими въ генеральномъ сраженіи. Какъ трудно было главнокомандующему оставаться непоколебимымъ среди окружавшаго его слѣпотаго оптимизма, вызваннаго успѣшною обороною Смоленска, усматривается изъ его отвѣта графу Кутайсову, доложившему ему просьбу и желаніе старшихъ начальниковъ, чтобы защита города продолжалась. Внимательно выслушавъ начальника артиллеріи, Барклай-де-Толли ласково, но твердо отвѣтилъ: „Пусть всякій дѣлаетъ свое дѣло, а я сдѣлаю свое“ ¹⁾. И въ это самое время прибыло письмо Багратіона,

¹⁾ Изъ записокъ гр. П. X. Граббе.

которое тотчас же сдѣлалось извѣстнымъ главнымъ порицателямъ въ главной квартирѣ и до такой степени взволновало ихъ, что, потерявъ всякое самообладаніе, они рѣшились отправиться къ главнокомандующему и побудить его къ отмѣнѣ распоряженій, не соотвѣтствовавшихъ заманчивымъ соображеніямъ Багратіона. Герцогъ А. Виртембергскій, генералы Беннигсенъ, Корсаковъ и Армфельдъ ¹⁾, не имѣвшіе никакихъ обязанностей въ арміи, сочли, однако, себя призванными заявить ея желанія. Чтобы придать демонстраціи болѣе значенія, а можетъ быть, чтобы отвлечь отъ себя отвѣтственность, они заручились также содѣйствіемъ Великаго Князя, сдѣлавшагося, такимъ образомъ, главою самовольной депутаціи. вмѣстѣ съ ними пришли еще Тучковъ I и Ермоловъ; первый, вѣроятно, не зналъ въ чемъ дѣло и присоединился къ названнымъ лицамъ, какъ начальникъ той части арміи, гдѣ находился главнокомандующій; что касается Ермолова, то присутствіе его какъ начальника штаба могло быть случайное. Неожиданное появленіе лицъ къ дѣлу непричастныхъ не могло не удивить Барклая; но удивленіе его возросло, когда Великій Князь именемъ всѣхъ сталъ объяснять, что армія тяготеетъ постояннымъ отступленіемъ, желаетъ другого образа дѣйствій, хочетъ помѣриться съ противникомъ, и что такова же воля Императора. Тогда Барклай-де-Толли, давъ Великому Князю договорить, въ краткихъ отрывочныхъ словахъ объявилъ пришедшимъ, что когда нуждается въ совѣтѣ, то приглашаетъ кого нужно, и признаетъ всѣ непрошенные совѣты противными правиламъ службы; затѣмъ, обратившись къ Цесаревичу Константину Павловичу, онъ добавилъ, что ссылка на волю Монарха имѣетъ столь важное значеніе, что для лучшаго выясненія этой воли Его Высочеству необходимо безотлагательно отправиться къ Императору и лично передать денеши, которыя тотчасъ будутъ приготовлены ²⁾. Таковъ былъ исходъ этой удивительной сцены, не соотвѣтствовавшей, конечно, ожиданіямъ дѣйствовавшихъ въ ней лицъ. Великій Князь, передаетъ очевидецъ, былъ „въ высшей степени раздраженъ и сравнивалъ свое отправленіе съ должностью фельдъегеря“ ³⁾.

Желая скрыть отъ непріятели первоначальное отступленіе арміи и облегчить ей фланговое передвиженіе на Московскую дорогу, главнокомандующій отдалъ диспозицію, по которой ей назначено было выступить вечеромъ 6-го (18) августа двумя колоннами:

¹⁾ Н. Reitzke. Geschichte des russischen Krieges im Jahre 1812.

²⁾ Сообщено генералъ-адъют. бар. Мейендорфъ, состоявшимъ при Тучковѣ офицеромъ квартирм. части.

³⁾ Жиркевичъ. „Русская Старина“ 1874 г., стр. 651.

первая, подъ начальствомъ Дохтурова, изъ 5-го и 6-го пѣхотныхъ, 2-го и 3-го кавалер. корпусовъ и резервной артиллеріи, въ 7 ч.—на Стабню и Сущево къ Прудичу, а въ слѣдующій день къ Соловьевой переправѣ; вторая, подъ начальствомъ Тучкова I, изъ 2-го, 3-го и 4-го пѣхот. и 1-го кав. корпусовъ, въ 9 ч.—чрезъ Крахоткино и Горбуновъ на Московскую дорогу до Бредихина; а на другой день также къ Соловьеву. Баронъ Корфъ получилъ приказаніе снять до разсвѣта передовые посты и отступать за второю колонною, а атаманъ Платовъ—придать часть казаковъ арріергарду Корфа, съ остальными же отступить цѣпью отрядовъ между Смоленскомъ и Холмомъ за армію, стягивать ихъ по мѣрѣ отступленія къ Днѣпру и составить у Соловьева главный арріергардъ всѣхъ собранныхъ тамъ силъ. Предусмотрительный Барклай, хотя и могъ считать Московскую дорогу обезпеченною войсками II арміи, приказалъ, однако, особому авангарду изъ трехъ пѣхотныхъ и трехъ казачьихъ полковъ, Елисаветградскихъ гусаръ и роты артиллеріи, подъ начальствомъ генерала Тучкова 3, выступить въ 8 ч. и слѣдовать въ головѣ 2-й колонны для устраненія какихъ-либо неожиданныхъ препятствій. Эта предосторожность, какъ увидимъ, избавила армію отъ опасныхъ осложненій.

Авангардъ 2-й колонны, задержанный дурнымъ состояніемъ дорогъ и ветхостью мостовъ, подошелъ къ Московской дорогѣ лишь въ 8 ч. утра. Стоявшій же тамъ отрядъ II арміи кн. Горчакова, какъ только передовыя войска авангарда, подъ начальствомъ генерала Всеволожскаго, были усмотрѣны, выступилъ къ Соловьевой-переправѣ, предоставивъ дальнѣйшее наблюденіе за дорогой изъ Смоленска и переправой у Прудичева казакамъ Карпова. Тогда Тучковъ 3 рѣшился прикрыть со своимъ отрядомъ путь, на который 2-я колонна должна выйти, и послалъ Всеволожскому, начавшему уже движеніе къ Бредихину, приказаніе вернуться. Вскорѣ обнаружилось, что казаки Карпова уже отгѣснены къ Валутиной горѣ, и что непріятельскія войска, переправившіяся у Прудичева, наступаютъ по Московской дорогѣ. При такихъ обстоятельствахъ Тучковъ и сопровождавшій его полковникъ Толь признали необходимымъ занять съ отрядомъ позицію за р. Колоднею, впереди которой стоялъ Карповъ.

Между тѣмъ совершенно неожиданно произошло дѣло близъ Смоленска. При выступленіи 2-й колонны 4-й корпусъ запоздалъ и потерялъ связь съ 3-мъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ его полковъ, а также изъ полковъ 2-го корпуса сбились съ дороги и очутились въ 5-мъ ч. утра у Гедеонова, въ верстѣ отъ Смоленска. При послѣднихъ оказался и принцъ Е. Виртембергскій. Въ это

время войска маршала Нея, успѣвшія переправиться черезъ Днѣпръ, устраивались въ Петербургскомъ предмѣстьѣ. Замѣшательство, произошедшее отъ столкновения нашихъ колоннъ, могло имѣть гибельныя послѣдствія, если бы оно было извѣстно непріятелю. Къ счастью, въ это самое время внезапно появился Барклай-де-Толли. Выѣхавъ ночью и рассчитывая слѣдовать съ послѣдними войсками, онъ къ удивленію своему узналъ о происшедшей путаницѣ. Сообразивъ опасность, угрожавшую арміи, онъ немедленно, но совершенно спокойно сдѣлалъ всѣ распоряженія къ восстановленію порядка: генералу Ермолову поручено ускорить движеніе 2-й колонны; заблудившимся частямъ даны путеводители; ближайшіе полки задержаны для встрѣчи могущаго неожиданно атаковать непріятеля; составляемый для сего отрядъ порученъ принцу Виртембергскому, съ приказаніемъ держаться у Геденова до возвращенія Корфа, „теперь нужно еще болѣе усердія, нежели третьяго дня“, сказала главнокомандующій принцу, „дѣло идетъ о спасеніи арміи“.

Маршалъ Ней былъ въ недоумѣніи: Корфъ отступалъ по Петербургской дорогѣ; по Московской виднѣлись казаки Карпова; у Геденова находились различныя войска. А потому онъ выжидалъ болѣе опредѣлительныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ, которыя могли ему быть доставлены кавалеріею Мюрата, переправившейся черезъ Днѣпръ послѣ пѣхоты. При этомъ корпуса Нансуги и Монбрюнъ были посланы для развѣдыванія по Московской дорогѣ, а корпусъ Груши—по Петербургской. Бездѣйствіе Нея дало возможность принцу Евгенію приготовиться къ оборонѣ. Въ 8 ч. утра началась перестрѣлка, въ 9 ч. вышли французскія колонны и атаковали Тобольскій баталіонъ, стоявшій впереди позиціи въ полуразрушенномъ земляномъ укрѣпленіи, и окружили его. Тогда Бѣлозерскій полкъ бросился на выручку, но и онъ былъ атакованъ превосходными силами и вынужденъ къ отступленію. Тѣмъ не менѣе бой продолжался съ переменнымъ успѣхомъ, пока въ 10-мъ часу резервы противника пришли въ движеніе, и кавалерія его развернулась у Московской дороги и направилась на Вильманstrandскій полкъ, занимавшій лѣвый флангъ позиціи у дороги къ Горбунову. Увидя это и опасаясь за дорогу, принцъ бросился съ ближайшимъ эскадрономъ гусаръ во флангъ французовъ; но въ то самое время послѣдніе были настигнуты и атакованы кавалеріею бар. Корфа, которую главнокомандующій, слѣдившій за ходомъ дѣла съ высоты за Геденовымъ, направилъ въ критическую минуту къ угрожаемому пункту. Этотъ успѣхъ задержалъ непріятеля, а между тѣмъ подошла пѣхота Корфа. Тогда и центръ, отбѣснивъ французовъ, свободно отошелъ, и весь отрядъ получилъ приказаніе продолжать движеніе на Горбуново.

Между тѣмъ и прочія войска Наполеона стали прибывать и занимать мѣста, имъ назначенныя. Корпусъ Жюно переправлялся у Прудичева; корпусъ Даву, оставивъ одну дивизію у Нея, расположился съ четырьмя другими вблизи Петербургскаго предмѣстья; гвардія заняла городъ, куда подходилъ также корпусъ вице-короля; корпусъ Понятовскаго остался на лѣвомъ берегу Днѣпра, выше Смоленска. По прекращеніи дѣла у Геденова, Ней двинулся по Московской дорогѣ; за нимъ послѣдовали двѣ дивизіи корпуса Даву, кавалерія Мюрата и корпусъ Жюно. Но общаго начальника не было.

Около полудня непріятель появился передъ позиціей Тучкова 3, на которой 20-й и 21-й егерскіе полки кн. Шаховскаго занимали кустарники по сторонамъ большой дороги, имѣя между собою артиллерійскую роту; Ревельскій полкъ и Елисаветградскіе гусары стали въ резервъ, а казаки—на лѣвомъ флангѣ. Приготовленія противника къ бою продолжались цѣлый часъ; тогда подоспѣли и приведенные Ермоловымъ лейбъ-гренадерскій и грен. гр. Аракчеева полки съ батарейною ротою. Эта помощь дала Тучкову возможность продержаться до 3-хъ ч., когда значительное превосходство французовъ вынудило его отойти за р. Страгань и занять тамъ новую позицію, которую необходимо было оборонять до крайности, такъ какъ она прикрывала выходъ 2-й колонны на Московскую дорогу. Но къ тому времени главнокомандующій успѣлъ выслать еще главные полки 4-го корпуса: Екатеринбургскій, Елецкій и Рыльскій, а также одинъ изъ сводныхъ баталіоновъ 3-го корпуса. Такимъ образомъ, въ 4 ч. отрядъ Тучкова возросъ до 17 баталіоновъ, въ числѣ 8.000 ч., и расположился на новой позиціи въ слѣдующемъ порядкѣ: въ центрѣ, у большой дороги, вся артиллерія, лейбъ-гренадерскій, Екатеринбургскій и Елецкій полки; на правомъ флангѣ Ревельскій полкъ; влѣво отъ дороги, въ кустарникѣ, 20-й и 21-й егерскіе полки, имѣя въ резервъ сводный бат. гр. Аракчеева полка; еще лѣвѣе, въ роцѣ, Рыльскій п. съ другимъ Аракчеевскимъ баталіономъ въ резервъ; казаки Карпова стали на оконечности лѣв. фланга, нѣсколько впереди. Между тѣмъ генераль Ермоловъ, узнавъ о движеніи кавалеріи Мюрата и корпуса Жюно послалъ именованъ главнокомандующаго гр. Орлову-Денисову приказаніе слѣдовать на-рысяхъ съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ къ Заболотью и, не доходя болота, расположиться на высотахъ. Ему же были подчинены 26 эскадроновъ гусаръ, съ 4 кон. орудіями, высланные Барклаемъ-де-Толли изъ отряда бар. Корфа.

Послѣ канонады, продолжавшейся около часа, Ней двинулъ дивизію Гюдена двумя колоннами противъ нашего центра и прика-

заль дивизіи Разу атаковать нашъ лѣвый флангъ. Четыре раза французы бросались на наши орудія, но каждый разъ были отражаемы нашею пѣхотою, при чемъ особенно отличались лейбъ-гренадеры. Въ послѣдній разъ начальникъ дивизіи генераль Гюденъ былъ смертельно раненъ. Съ такою же энергіею атаковали и войска Разу, они выбили изъ роци Рыльскій полкъ и отгѣснили даже егерей 20 и 21 полковъ, но затѣмъ были сами атакованы и отброшены баталіонами резерва. Тогда противникъ усилилъ артиллерійскій огонь, вѣроятно съ цѣлю подготовить новую атаку, но въ это время подходили къ намъ другія еще войска 2-й колонны, а вмѣстѣ съ ними прибылъ и самъ главнокомандующій, который лично сталъ распоряжаться съ обычнымъ хладнокровіемъ. Предвидя возобновленіе дѣйствій противъ центра, онъ приказалъ Коновницыну двинуться съ Муромскимъ, Черниговскимъ и Копорскимъ полками на его подкрѣпленіе; въ то же время онъ направилъ Екатеринославскій п. на правый флангъ, а Перновскій и Полоцкій полки, съ ротою конной артиллеріи,—на усиленіе кавалеріи лѣваго фланга. Тогда же Кексгольмскій полкъ получилъ приказаніе занять роцку правѣе 1-го кавал. корпуса, а Павловскій, Таврическій и Санкт-петербургскій, съ тремя артил. ротами,—остановиться у Лубина и составить общій резервъ. Еще передъ тѣмъ маршалъ Ожеро, уступая настояніямъ Мюрата, выслалъ свою кавалерію, которой удалось опрокинуть нашихъ казаковъ на стоявшихъ за ними Сумскихъ гусаръ и произвести безпорядокъ; но вслѣдъ за симъ Маріупольскіе и Елисаветградскіе гусары атаковали непріятеля во флангъ и, повторяя эти атаки, препятствовали французской кавалеріи развернуться. Однако, дѣйствія Ожеро этимъ не ограничились. Около 5 ч. гр. Орловъ замѣтилъ движеніе непріятельской кавалеріи въ обходъ нашихъ казаковъ и приказалъ тогда всѣмъ своимъ линіямъ вернуться лѣвый флангъ назадъ, поставилъ гусаръ и казаковъ въ колоннахъ за флангами боевыхъ линій, скрылъ свои 16 орудій на пригоркѣ и приблизилъ къ нимъ посланные къ нему пѣхотные полки. Около 6-ти ч. дивизія Окса направилась на правый флангъ Орлова; батареи допустили ее до картечнаго выстрѣла и затѣмъ открыли сильнѣйшую канонаду, къ которой присоединился усиленный огонь пѣхоты. Непріятель былъ отраженъ съ большими потерями и преслѣдуемъ гусарами и казаками. Одновременно съ этими дѣйствіями противника противъ нашего лѣваго фланга, возобновились съ новою энергіею покушенія его на нашъ центръ и правый флангъ. Атака была произведена съ такою рѣшимостью, что полки наши не могли устоять и подались назадъ; но затѣмъ огонь нашихъ батарей, усиленный 12-ю орудіями и сосредоточенный по насту-

павшимъ войскамъ, лишилъ ихъ возможности выдержать стремительную атаку Коновницына, который отбросилъ ихъ обратно. Тогда французы обратили свои усилія на нашъ правый флангъ; но и тамъ, послѣ мимолетнаго успѣха, они были атакованы и отброшены лейбъ-гренадерскимъ полкомъ. Въ 8 ч. борьба, казалось, повсюду прекратилась. Однако въ 9 ч., когда уже смерклося, дивизія Гюдена, подъ начальствомъ замѣнившаго его Жерара, снова кинулась на позицію центра. Тучковъ повелъ ей навстрѣчу Екатеринославскій п., но при этомъ подъ нимъ убита была лошадь; тогда онъ пошелъ въ головѣ первыхъ рядовъ пѣшкомъ; однако, гренадеры были отбиты, а Тучковъ, раненый штыкомъ въ бокъ и въ голову, остался въ рукахъ французовъ. Два полка 2-го корпуса, подъ начальствомъ генерала Олсуфьева, прекратили движеніе непріятеля, но возвратить Тучкова не могли. Такъ кончился день 7-го августа. Прибывшія еще послѣднія части 2-го корпуса и отряда бар. Корфа расположились на ночь за центромъ позиціи, и всѣ войска 2-й колонны получили приказаніе выступить на слѣдующій день въ 4 ч. утра и слѣдовать къ Соловьеву.

Сраженіе при Валутиной горѣ и у Лубина было весьма кровопролитно; потери дня, считая таковыя вмѣстѣ съ убитыми и ранеными при Геденовѣ, доходили у непріятеля почти до 9.000 (8.768) ч., а у насъ до 5.000 ч. Сраженіе это составило послѣдній актъ кровавой драмы у Смоленска, начавшейся 2-го августа при Красномъ и стоявшей Наполеону около 21.000 ч., при чемъ главная цѣль его не была достигнута: вовлечь нашу армію въ генеральное сраженіе и одержать надъ нею побѣду. Но сраженіе при Валутиной горѣ имѣло также значеніе въ отношеніи всей войны и служить нѣкоторымъ образомъ рубежомъ между положеніемъ дѣлъ до Смоленска и дѣйствіями, затѣмъ послѣдовавшими. Въ военномъ отношеніи положеніе нашей арміи по отступленіи ея отъ Смоленска стало гораздо благопріятнѣе, чѣмъ прежде. Главная цѣль Барклая, постоянное ослабленіе противника до уравниенія силъ, была въ значительной степени уже достигнута: въ началѣ войны число войскъ Наполеона превышало наши арміи гораздо болѣе, чѣмъ вдвое, а послѣ Валутинскаго сраженія только въ полтора раза. Каждый дальнѣйшій шагъ въ глубь Россіи сближалъ насъ съ подкрѣпленіями и отдалялъ французовъ отъ родины и источниковъ. Затрудненій въ продовольствіи войскъ, въ виду готовности всего населенія служить имъ, нельзя было ожидать; непріятель же испытывалъ недостатокъ съ самаго начала войны, и недостатокъ этотъ могъ въ будущемъ достигнуть ужасныхъ размѣровъ. Обстоятельства эти были тогда уже очевидны не только для Барклая и немногихъ лицъ,

противившихся мнѣнію общества и арміи, но и для нѣкоторыхъ изъ нашихъ противниковъ. А потому не удивительно, что и Наполеонъ, по возвращеніи 8-го (20) августа съ осмотра вѣннаго имъ Валутинскаго поля сраженія въ Смоленскъ, взвѣсивъ достигнутые въ два мѣсяца результаты, могъ усумниться въ успѣхѣ начатаго имъ великаго предпріятія и остановиться на мысли прервать войну и возобновить ее, если не послѣдуетъ мира, весною, какъ думали нѣкоторые изъ его приближенныхъ (вице-король, Бертье, Коленкуръ). Однако, желаніе ускорить развязку дѣла побудило его продолжать преслѣдованіе.

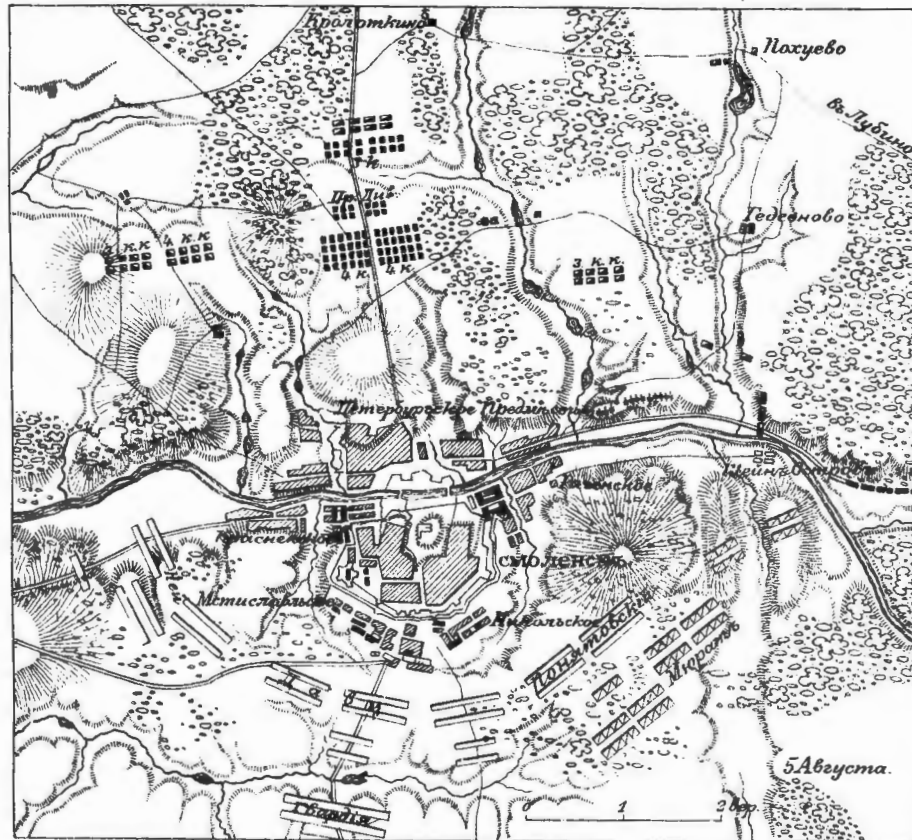
Ф. В—нъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

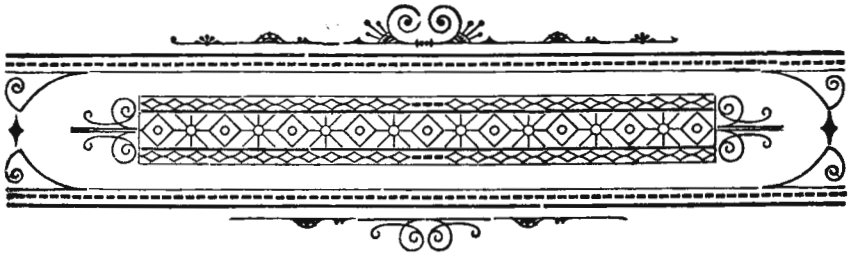

Сраженіе подъ Смоленскомъ
5 августа 1812 года.

АВТО-ЛИТОГРАФІЯ Г. П. ЗЙХГОРНА, СПБ., МЪЩАНСКАЯ

Великій Князь Николай Михайловичъ.
Императоръ Александръ I.

Опытъ историческаго изслѣдованія ¹⁾.

I.

„Годы колебаній“ 1801—1807 г.г.

одъ этимъ заглавіемъ, рядъ высоко интересныхъ трудовъ великаго князя Николая Михайловича, столь цѣнныхъ для историка эпохи Императора Александра I, обогатился новымъ прекраснымъ и роскошно исполненнымъ изданіемъ, въ которомъ августѣйшій авторъ на основаніи обширнаго рукописнаго матеріала, собраннаго имъ въ Собственной Его Величества библиотекѣ и государственномъ архивѣ, а равно и въ архивѣ канцеляріи военнаго министерства, задался цѣлью выяснитъ характеръ и дѣятельность Императора Александра Павловича не только какъ государя и правителя, но главнымъ образомъ какъ человѣка, какъ „простого смертнаго“.

Не касаясь дѣтскихъ лѣтъ и воспитанія Александра Павловича, только отмѣтивъ то преобладающее вліяніе, какое имѣли на ребенка Александра его великая бабка, Екатерина II, и его воспитатель Лагарпъ, авторъ останавливается на моментѣ вступленія юнаго Императора на престолъ, старается выяснитъ его душевное состояніе, послѣ роковаго событія 11-го марта, и приходитъ къ заключенію,

---

¹⁾ Великій Князь Николай Михайловичъ. Императоръ Александръ I. Опытъ историческаго изслѣдованія. Томъ I. Текстъ и приложения, съ 19 таблицами портретовъ и рисунковъ. Стр. I—XI+580. Томъ II. Приложения. стр. IV +745. Спб. 1912.

что всё дѣйствія Александра Павловича въ эти роковые и навсегда памятные для него дни объясняются нѣкоторымъ легкомысліемъ, безопасностью и недостаткомъ вдумчивости. Отъ природы „умный и даровитый, но лѣнивый и безпечный; онъ быстро схватывалъ всякую мысль, но скоро забывалъ, не умѣлъ сосредоточиться, мало читалъ, предпочитая другія развлеченія, и особенно интересовался военными упражненіями“.

Съ тѣмъ же легкомысліемъ, съ какимъ онъ отнесся въ свое время къ извѣстному намѣренію Екатерины II лишить наслѣдства на престолъ своего сына, отдавъ его любимому внуку, Александръ не придавалъ серьезнаго значенія и всеобщему недовольству и ропоту, охватившему всѣхъ въ послѣдніе годы царствованія Павла. „Ему было хорошо извѣстно, какъ многіе критиковали дѣятельность Государя, какъ боялись Павла одни, и какъ ненавидѣли его другіе, что недовольство и ропотъ слышались не только въ столицѣ, но и внѣ Петербурга, что такого рода отношеніе къ его отцу не предвѣщало ничего отраднago, и что все это могло довести до печальной развязки. Между тѣмъ, Александръ, слыша о ропотѣ и недовольствѣ, продолжалъ усердно и безопасно свои любимыя военныя занятія и ничѣмъ не выражалъ своихъ истинныхъ чувствъ, покоряясь судьбѣ и не дѣлая никакихъ попытокъ сблизиться съ батюшкой, чтобы раскрыть ему глаза или уберечь его отъ готовящейся грозы“.

„Графъ Паленъ, которому было поручено наблюденіе за столицей, не скрывалъ отъ Александра Павловича, что положеніе изо дня въ день дѣлалось болѣе серьезнымъ и тревожнымъ, что необходимъ былъ какой-либо выходъ, что ему, Александру, грозила постоянная опасность быть заключеннымъ, словомъ—дѣйствовалъ на воображеніе юноши умѣло и искусно. Александръ, самъ отлично зная, что гроза неминуема, ни на что опредѣленное не рѣшался, опасаясь неожиданныхъ послѣдствій, но въ концѣ концовъ далъ Палену *carte blanche* дѣйствовать по его усмотрѣнію“.

„Очевидно, онъ сознавалъ вполнѣ всю серьезность переживаемаго момента, но благодаря свойственной ему безопасности, и не задумываясь глубоко о возможныхъ послѣдствіяхъ, Александръ, давъ согласіе, пребывалъ въ состояніи полудремоты до окончанія заговора“.

„Это нравственное состояніе двадцатитрехлѣтняго юноши мало понятно для насъ, пишущихъ эти строки, говоритъ августѣйшій авторъ изслѣдованія, но описываемая полудремота въ тѣ дни глубокой драмы стоила Александру, съ годами, ряда невыносимыхъ мученій совѣсти. Совѣсть заговорила скоро, уже съ первыхъ дней вступленія на престолъ и не умолкла до гроба“.

Вѣдь трудно допустить слѣдующее предположеніе, а именно, что Александръ, давъ согласіе дѣйствовать, могъ сомнѣваться, что жизни отца грозитъ опасность. Характеръ батюшки былъ прекрасно извѣстенъ сыну, и вѣроятіе на подписаніе отреченія безъ бурной сцены врядъ ли допустимо. И это заключеніе должно было постоянно приходиться на умъ въ будущемъ, тревожить совѣсть Александра, столь чуткаго по природѣ и испортить всю послѣдующую его жизнь на землѣ. Оно такъ и было въ дѣйствительности, что подтвердили всѣ современники Благословеннаго монарха“.

Какъ непонятна психологія Александра въ роковые мартовскіе дни, также точно необъяснимо и полно противорѣчій его отношеніе къ участникамъ заговора, изъ коихъ одни (графы Панинъ и Паленъ) были навсегда удалены изъ Петербурга, тогда какъ другіе (Аргамановъ, Маринъ) и не думали оставлять службы, а Беннигсенъ, „роль котораго при вступленіи на престолъ забыть было бы трудно“, занималъ впоследствии выдающееся положеніе.

Не легко жилось Александру Павловичу въ первые годы по воцареніи. Эти первыя шесть лѣтъ царствованія (1801—1807 г.г.), охарактеризованныя авторомъ, какъ „годы колебаній“, были таковыми для юнаго Императора не только въ области внутренней но и внѣшней политики.

Стараясь заглушить душевную тревогу, Александръ искалъ нравственнаго успокоенія въ проведеніи новыхъ реформъ, съ каковою цѣлью имъ былъ учрежденъ такъ называемый негласный комитетъ.

„Три года продолжалось это увлеченіе, и временами казалось, что Александръ, дѣйствительно, увлекался въ той же мѣрѣ, какъ и его сотрудники,—князь Чарторыйскій, гр. Кочубей, гр. Строгановъ и Новосильцовъ. Говоримъ „казалось“ потому, что молодой Императоръ, интересуясь всѣми мелочами проектовъ, внесенныхъ на обсужденіе комитета, одновременно съ этими занятіями, находилъ время, прогуливаясь, съ генераль-адъютантами, слушать ихъ возраженія и внимательно прислушиваться къ отголоскамъ общественнаго мнѣнія, къ мнѣнію партіи именитыхъ дворянъ, не одобрявшихъ его реформаторской горячки“; продолжая руководить засѣданіями комитета, онъ „ни на минуту не подавалъ вида, что въ глубинѣ души его симпатія довольно скоро ослабѣвали къ предпріятому дѣлу“.

Тутъ надобно отмѣтить, что августѣйшій авторъ изслѣдованія не присоединяется къ общему распространенному мнѣнію, что

стимуломъ къ кипучей и разнообразной дѣятельности, которую Александръ Павловичъ проявилъ въ первые годы царствованія, было присущее ему стремленіе къ широкимъ реформамъ; по его мнѣнію, эта усиленная дѣятельность была для Александра только средствомъ заглушить тревогу, которой была объята его душа, желаніемъ уйти съ головой въ работу для того, чтобы забыться, а отнюдь не потребностью удовлетворить своимъ новаторскимъ стремленіямъ. Это выражено ясно и опредѣленно.

„Говорять и повторяють, пишетъ авторъ, что всё преобразованія, надъ которыми такъ много потрудились въ первые годы XIX столѣтія, исходили отъ Александра I. Согласно съ этимъ, укоряють и клануть перемѣну, будто бы происшедшую позже во взглядахъ и намѣреніяхъ старшаго внука Екатерины II. Это не столько недоумѣніе, какъ большая ошибка. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Императоръ Александръ, вслѣдъ за воцареніемъ, многимъ былъ недоволенъ, многое желалъ измѣнить, даже исправить, какъ равнымъ образомъ несомнѣнно, что ни одна изъ произведенныхъ въ это время реформъ не исходила отъ него лично, что всё онѣ были не безъ труда внушаемы ему, при чемъ его согласіе добывалось перѣдко съ большими усиліями. Императоръ Александръ I никогда не былъ реформаторомъ, а въ первые годы своего царствованія онъ былъ консерваторъ болѣе всѣхъ окружавшихъ его совѣтниковъ“.

„Замѣчательно, что молодой Государь, заставляя работать всѣхъ его окружающихъ, отлично разбирался между разными личностями и умѣлъ въ-время выдвигать того или другого дѣятеля, оставаясь лично какъ бы въ сторонѣ. Этотъ даръ Александра Павловича оказался уже съ первыхъ годовъ вступленія его на престолъ. Кипучая дѣятельность въ области внутренней политики отвлекала Государя отъ всего того, что могло тревожить его душу, и можно только дивиться, какъ разумно онъ сумѣлъ создать себѣ увлекающую его работу, чтобы не предаваться горечи пережитого при восшествіи на престолъ“.

Въ изслѣдованіи отмѣчается еще одна основная черта характера Александра Павловича, которая сказалась въ первые же годы его царствованія, и на которую особенно обращаетъ вниманіе авторъ: это его умѣнье блеснуть лучезарной идеей, быть вдохновителемъ этой идеи, но всю тяжесть работы переносить на другихъ, внимательно прислушиваясь къ общественному мнѣнію, но ни на минуту не подавая даже вида, что въ глубинѣ души его симпатіи уже ослабѣвають къ предпринятому дѣлу. „Александръ навсегда избралъ главнымъ оружіемъ въ

жизненной борьбѣ виртуозную способность строить свои успѣхи на чужой довѣрчивости, онъ возбуждалъ къ себѣ эту довѣрчивость той видимой готовностью къ уступкамъ, той видимой склонностью признавать чужое превосходство надъ собою и легко очаровываться чужими достоинствами, которыя были принимаемы за чистую монету столь многими современниками и позднѣйшими историками. Баронъ М. А. Корфъ, имѣвшій возможность черпать свѣдѣнія объ Александрѣ изъ разсказовъ людей, превосходно его знавшихъ, пишетъ объ этомъ Императорѣ: „Подобно Екатеринѣ, Александръ въ высшей степени умѣлъ покорять себѣ умы и проникать въ души другихъ, *утаивая собственныя ощущенія и помыслы*“.

Подобно тому какъ во всѣхъ мѣропріятіяхъ по дѣламъ внутренняго управленія въ первые годы царствованія замѣчалась необдуманность и торопливость, такъ и во внѣшней политикѣ у слишкомъ юнаго и неопытнаго Императора не могло быть ясно и опредѣленно выработаннаго взгляда на то, какъ „ему слѣдовало вести дѣла сношеній съ иностранными государствами. Едва-ли и на этой почвѣ до Тильзита, у Александра былъ какой-либо опредѣленный планъ, а все дѣлалось ощупью, подѣ минутными впечатлѣніями и безъ всякой системы“.

На первыхъ порахъ Александръ лично не выражалъ предпочтенія какой-либо державѣ и „первоначально было рѣшено, сохраняя достоинство Россіи, не вмѣшиваться въ чужеземныя дѣла и держать себя самостоятельно“.

„Миръ и благоденствіе“ страны—вотъ въ чемъ были въ то время всѣ помыслы Императора.

Когда Бонапартъ сдѣлался во Франціи пожизненнымъ консуломъ, и отношенія между этой державой и Англіей окончательно испортились, то, „первый консулъ предложилъ Императору Александру роль посредника въ своихъ неладахъ съ Англіей. Русскій Государь, хотя былъ скорѣе польщенъ такимъ лестнымъ для него предложеніемъ, но отклонилъ его“, сдѣлавъ со своей стороны для улаженія конфликта такія предложенія, которыя были отвергнуты и Франціей, и Великобританіей.

„Между тѣмъ дѣла все осложнялись, и все предвѣщало образованіе коалиціи противъ пожизненнаго перваго консула. Такая коалиція вскорѣ и составила изъ трехъ державъ—Россіи, Англіи и Австріи, при чемъ душой этой коалиціи были Императоръ Францъ и австрійскій кабинетъ. Недоставало только прусскаго королевства“.

„Но Фридрихъ-Вильгельмъ уже тогда началъ свою двойную игру, угождая одновременно Бонапарту и Александру и не обнаруживая

открыто своихъ симпатій въ ту или другую сторону. Въ составѣ русскаго кабинета онъ имѣлъ заклятаго врага пруссаковъ: князя Адама Чарторыжскаго, ничего не жалѣвшаго, чтобы возстановлять Государя противъ Пруссіи“.

Но Александръ мало поддавался такого рода вліянію князя Чарторыжскаго.

Въ началѣ 1804 г. отношенія къ первому консулу неожиданно обострились, послѣ того, какъ Александръ Павловичъ, глубоко возмущенный трагической кончиной герцога Ангіенскаго, поручилъ нашему посланнику въ Парижѣ Убри передать по этому поводу негодование Императора французскому кабинету, и когда одновременно было предписано французскому представителю, генералу Эдувилу (Hédouville) покинуть Петербургъ. „Бонапартъ, въ свою очередь, возмутился нѣкоторыми выраженіями ноты—и приказалъ Талейрану отвѣтить въ томъ же тонѣ, но пересолил“. Въ этомъ отвѣтѣ было написано, что, когда въ С.-Петербургѣ былъ осуществленъ заговоръ противъ Императора Павла, по проискамъ Англии, то „никто изъ заговорщиковъ не былъ наказанъ. Этотъ намекъ Наполеона никогда не былъ ему прощень, несмотря на всѣ лобзанія въ Тильзитѣ и въ Эрфуртѣ“.

„Послѣ происшедшихъ инцидентовъ борьба была неминуема. Но цѣлый годъ еще тянулись переговоры между коалиціонными державами, терялось дорогое время, а Наполеонъ принималъ смѣлыя рѣшенія и дѣйствовалъ. Кто же въ Россіи былъ руководителемъ вѣдшей политики въ это сложное время? „

„Правой рукой Государя сталъ его пріятель, полякъ, князь Чарторыжскій.

„Лично князь Адамъ былъ благороденъ, безкорыстенъ и честнѣйшихъ правилъ, но, по его неоднократному заявленію, онъ оставался патриотомъ, т. е. мыслилъ и дѣйствовалъ, какъ заядлый полякъ. И этотъ человекъ былъ избранъ Александромъ въ ближайшіе сотрудники! Вотъ что записалъ князь Адамъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Принявъ это назначеніе, я рѣшилъ не дѣлать ничего, что могло бы оказать пагубное вліяніе на дальнѣйшую судьбу моего отечества; но я не имѣлъ никакого яснаго представленія, никакого опредѣленнаго плана относительно тѣхъ услугъ, какія я могъ бы оказать Польшѣ на своемъ новомъ посту“.

Въ 1804 г. говоря о положеніи Россіи, Чарторыжскій пишетъ: „Русскіе всегда подозрѣвали во мнѣ желаніе склонить русскую политику къ тѣсной связи съ Наполеономъ; я былъ далекъ отъ этой мысли, ибо мнѣ было очевидно, что *всякое соглашеніе между обоими имперіями не могло не быть пагубнымъ для интересовъ Польши*“. И далѣе: „Моя система, въ основѣ которой лежалъ принципъ—

исправить всѣ причиненныя несправедливости, вела неизбѣжно къ *возстановленію Польши*. Но, чтобы не встрѣтить иныхъ препятствій, какія неминуемо должна была встрѣтить дипломатія столь несогласная съ общепринятыми взглядами, я избѣгалъ произносить имя Польши; мысль о ея возстановленіи была тѣсно связана съ самымъ духомъ моей работы и съ тѣмъ направленіемъ, какое я хотѣлъ придать русской политикѣ“.

„Мнѣ кажется, говоритъ авторъ изслѣдованія, что какіе-либо комментаріи излишни къ такому откровенію. Оно благородно съ точки зрѣнія человѣческой, патріотично для поляка и его родины, но личико и даже преступно для руководителя русскихъ интересовъ. Если польскій князь считалъ, что „это была одна изъ фантазій Александра, которой онъ въ концѣ-концовъ подчинился“, то не лучше ли было бы, а главное, не честнѣе ли вовсе не принимать такой отвѣтственной должности“.

Въ сентябрѣ 1804 г. Александръ Павловичъ рѣшилъ тѣмъ или другимъ способомъ повліять на Англію, чтобы создать европейское посредничество, для обузданія замысловъ Наполеона. Съ этой цѣлью въ Англію былъ посланъ Новосильцовъ „для воздѣйствія на англійскихъ государственныхъ людей“; при чемъ ему даны были двѣ инструкціи, одна оффиціальная, другая секретная, скрѣпленная подписями Императора Александра и князя Адама.

Миссія Новосильцова, къ которой и князь Чарторыжскій и Новосильцевъ относились скептически, не увѣнчалась успѣхомъ.

„Кѣмъ была внушена эта мысль Императору Александру? Намъ не удалось, несмотря на всѣ поиски въ архивахъ, разъяснить этой догадки? Возможно, что Государю лично принадлежала инициатива такого хода, и это самое вѣроятное.“

„Мы отмѣчаемъ этотъ инцидентъ, какъ одно изъ первыхъ проявленій самостоятельныхъ рѣшеній у Александра въ дѣлахъ внѣшней политики“.

Въ началѣ 1805 г. Александръ заключилъ для дѣйствія противъ Франціи союзный договоръ съ Швеціей и Англіей, къ которому примкнула и Австрія.

„Недоставало одной Пруссіи, черезъ владѣнія которой должны были проникнуть части русскихъ войскъ, а согласія на это никакъ нельзя было добиться отъ нерѣшительнаго прусскаго короля“.

Въ сентябрѣ Императоръ Александръ направился на театръ военныхъ дѣйствій, захавъ по пути въ Пулавы -- имѣніе князя Чарторыжскаго. Вся Польша жила въ тѣ дни надеждою на то, что Государь посѣтитъ Варшаву и тамъ провозгласитъ себя королемъ польскимъ.

„Но незамѣтно для кого-либо, и даже для зоркихъ очей князя Чарторыжскаго, Императоръ Александръ послалъ изъ Бреста своего преданнаго генераль-адъютанта, князя П. П. Долгорукаго, съ секретнымъ порученіемъ къ королю Фридриху-Вильгельму, въ Берлинъ. И вдругъ, 4 октября, Его Величество объявилъ, что ѣдетъ прямо въ Козеницы, главную квартиру генерала Михельсона, даже не останавливаясь въ Варшавѣ, а оттуда прямо въ Берлинъ“.

„Что же случилось? — Да ничего особеннаго. Князь Долгорукій только успѣшно исполнилъ свое порученіе. Онъ прекратилъ колебанія прусскаго короля, подлил масла въ огонь, когда Фридрихъ-Вильгельмъ узналъ, что его пріатели-французы нарушили нейтралитетъ и перешли черезъ его владѣнія въ Анспахъ... Коалиція обогатилась еще однимъ, если не союзникомъ, то явнымъ доброжелателемъ, и всѣ надежды и планы, какъ князя Адама, такъ и остальныхъ поляковъ рухнули“. „Тутъ Александръ вполне наглядно проявилъ свою собственную волю, и этотъ эпизодъ надобно считать началомъ его самостоятельнаго почина во вѣшной политикѣ“.

Послѣ блестящей встрѣчи, оказанной Императору въ Берлинѣ и извѣстной „умилительной“ сцены въ Потсдамѣ у гробницы Фридриха Великаго, была подписана конвенція о присоединеніи Пруссіи къ коалиціи, „при чемъ эта держава заручилась согласіемъ на присоединеніе къ ней Ганновера“.

Военныя дѣйствія закончились „полнѣйшимъ пораженіемъ русско-австрійскихъ силъ подъ Аустерлицемъ; Пруссія заключила договоръ съ Наполеономъ и получила въ даръ желанный Ганноверъ. „Это не помѣшало Александру Павловичу писать дружескія письма Фридриху-Вильгельму и оставить русскіе корпуса въ его полное распоряженіе. Вотъ до чего въ немъ глубоко засѣла привязанность къ Пруссіи и Гогенцоллернамъ. Но эта привязанность и это довѣріе пошли еще дальше въ слѣдующемъ 1806 году. Политическій горизонтъ былъ болѣе, чѣмъ когда-либо, пасмурнымъ, и можно было ожидать разнообразныхъ вспышекъ для новыхъ недоразумѣній. Въ эту минуту князь Чарторыжскій самымъ энергичнымъ образомъ убѣждалъ Государя бросить заигрываніе съ Пруссіей и войти въ какое-либо соглашеніе съ Франціей, но всѣ рѣшенія Императора шли въ разрѣзъ съ образомъ мыслей князя Адама“.

„Пристрастіе Александра къ прусскому королевскому дому поражаетъ потому, что у него не было кровнаго родства съ Гогенцоллернами, и то, что понятно и объяснимо для Николая Павловича, женатаго на прусской принцессѣ, а также и для Императора Александра II, непонятно въ Александрѣ Павловичѣ; намъ кажется, что это пристрастіе Александра было лишь результатомъ какого-то

рыцарскаго чувства его къ королевѣ Луизѣ, иначе трудно найти другое болѣе подходящее объясненіе“.

„Событія шли быстро. Пруссія, только успѣвъ заключить союзный договоръ съ Франціей, уже разочаровалась въ новой союзницѣ, потому что въ Парижѣ и слышать не хотѣли о созданіи Сѣверо-Германскаго союза, придуманнаго Гаугвицемъ, и намѣревались снова передать злополучный Ганноверъ Англіи.

„Картина была жалкая и смѣшная, но единственная въ своемъ родѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ заключилъ одновременно два союза: одинъ съ Франціей, другой съ Россіей, и такого рода фокусъ считался выгоднымъ, такъ какъ въ Парижѣ и въ Петербургѣ тогда еще не знали этого коварства, а король могъ во всякое время рассчитывать на поддержку той или другой изъ враждующихъ сторонъ. На дѣлѣ вышло, однако, все крайне прискорбно для Пруссіи и ея короля“, который, объявивъ войну Франціи, въ исходѣ сентября, потерпѣлъ уже въ октябрѣ рѣшительное пораженіе подъ Іеной и Ауерштегомъ.

Тогда „Императоръ Александръ, принимая къ сердцу несчастіе прусскаго короля и королевы Луизы, и вообще погромъ Пруссіи, рѣшилъ самъ отправиться въ апрѣлѣ 1807 г. въ дѣйствующую армію, силы которой доходили до 150.000 штыковъ, отъ прусскихъ же войскъ оставалось лишь 14.000 человекъ. Опять въ Мемелѣ Императоръ нашелъ пріютившуюся тамъ на клочкѣ своихъ оставшихся владѣній королевскую чету. Чтобы умилостивить русскаго Государя, Фридрихъ-Вильгельмъ замѣнилъ Гаугвица Гарденбергомъ, считавшимся другомъ Россіи и угоднымъ видамъ нашего правительства. Это мнѣніе было тоже ни на чемъ не основано, такъ какъ, тотчасъ же по открытіи военныхъ дѣйствій, въ главной квартирѣ у Бартенштейна, Гарденбергъ состряпалъ невѣроятную конвенцію, утвержденную Россією 14 апрѣля 1807 года, гдѣ всѣ выгоды были исключительно расчитаны для Пруссіи. И такого рода соглашеніе было одобрено русскимъ Императоромъ, съ явнымъ ущербомъ для интересовъ Россіи, тогда какъ ни Австрія, ни Англія и слышать не хотѣли о предложенныхъ Гарденбергомъ условіяхъ. Но судьба и тутъ выручила Россію: послѣ Фридландскаго сраженія послѣдовало Тильзитское свиданіе, которое все перевернуло.

Подводя итогъ первымъ годамъ царствованія Александра Павловича, августѣйшій авторъ изслѣдованія говорить:

„При окончательномъ заключеніи объ эпохѣ 1801—1807 годовъ, надо сознаться, что она была самой неопредѣленной изъ всего царствованія, почему мы и назвали ее „эпохой колебаній“. Началось съ проблесковъ какого-то возрожденія, кончилось погромомъ рус-

скаго оружія. Показались новыя силы въ лицѣ юныхъ и неопытныхъ новаторовъ, были привлечены нѣкоторые почтенные дѣятели вѣка Екатерины, но сдѣлано было такъ мало, что какъ будто работа и не начиналась. Въ мірѣ военномъ не сумѣли оцѣнить Кутузова и Багратиона, а привлекали или бездарности, или неопытныхъ генераловъ и еще менѣе способныхъ главнокомандующихъ, какъ графа М. Ѳ. Каменскаго, Михельсона, Буксдегена и даже самого Беннигсена, слава котораго была создана нѣмцами.

„Предстояла нелегкая работа организовать армію, привлечь способныхъ генераловъ и офицеровъ, привести въ порядокъ часть интендантскую, обозы и всякаго рода запасы. Къ этой работѣ вскорѣ и было приступлено. Остается добавить, что, не будь уроковъ подѣ Аустерлицомъ и Фридландомъ, не было бы ни Бородина, ни Лейпцига“.

II.

Союзъ съ Наполеономъ 1807—1812 г.

2/14 іюля 1807 г. состоялся разгромъ союзныхъ войскъ подѣ Фридландомъ, недѣлю спустя было подписано перемиріе съ Франціей, а 13/25 іюня князьями Лобановымъ-Ростовскимъ и Куракинымъ съ одной стороны и Талейраномъ съ другой былъ подписанъ мирный и союзный договоръ съ Наполеономъ.

„Обращаемъ вниманіе на лицъ, избранныхъ Императоромъ Александромъ для такого акта. То были два вельможи, оба вѣка Екатерины, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, другъ Императрицы - матери, и князь Дмитрій Лобановъ - Ростовскій. Выборъ былъ не случайный: нашъ Государь хотѣлъ показать Наполеону, что въ этотъ разъ онъ не намѣренъ ему представлять какихъ-либо молокососовъ, въ родѣ князя Петра Долгорукаго или Убри, а что для переговоровъ избраны имъ уже вполне созрѣвшіе мужи, носящіе древнія фамиліи на Руси. Еще знаменательнѣе было то, что министра иностранныхъ дѣлъ, барона Будберга, Государь вовсе не допустилъ до переговоровъ.

„Такого рода ходы были свойственны Александру, поражали современниковъ, но показывали наглядно, насколько Императоръ обладалъ даромъ наблюденія и умѣлъ, когда обстоятельства того требовали, настоять на своемъ, несмотря ни на какія постороннія вліянія“.

13/25 іюня произошла знаменательная встрѣча императоровъ въ Тильзитѣ.

„Что происходило въ душѣ Александра Павловича въ моментъ этой встрѣчи, опредѣлить почти невозможно, тѣмъ болѣе, что Государь ни съ кѣмъ не бывалъ откровененъ. Но сохранилось нѣсколько словъ, написанныхъ имъ 17 іюня 1807 г. изъ Тильзита къ любимой сестрѣ, Екатеринѣ Павловнѣ, съ которой онъ не стѣснялся и которой часто писалъ то, что думалъ. Эти слова гласятъ: „Богъ помиловалъ насъ: вмѣсто жертвъ, мы выходимъ изъ борьбы съ нѣкоторой славой. Но что вы скажете обо всѣхъ этихъ событіяхъ?! Я—провожу цѣлые дни съ Бонапартомъ, я—остаюсь съ нимъ цѣлыми часами съ глаза на глазъ! Не походитъ ли все это на сонъ! Теперь первый часъ ночи, а онъ только-что ушелъ отъ меня. Какъ бы я хотѣлъ, чтобы вы незримо были свидѣтельницей всего происходящаго“.

„Шесть словъ говорили больше, чѣмъ что-либо другое, написанное перомъ въ ту годину. Вотъ эти слова: „Moi, passer mes journées avec Bonaparte“ ¹⁾).

„Если вдуматься въ ихъ значеніе, то поймешь многое. Да, потому Петра и Екатерины пришлось вести бесѣды съ сыномъ революціи, съ маленькимъ корсиканцемъ, и слушать внимательно его рѣчи, отгадывать его помышленія и даже стараться съ нимъ сблизиться.

„Никогда Александръ Павловичъ, во всю свою жизнь, не могъ переварить этого свиданія, чувства его достоинства были черезчуръ уязвлены, и самолюбіе Державнаго повелителя Россіи пришлось приносить въ жертву обстоятельствамъ“.

Условія союзнаго договора, заключеннаго въ Тильзитѣ, извѣстны; Пруссіи возвращались Померанія, Бранденбургъ, старая Пруссія, верхняя и нижняя Силезія; весьма любопытно отмѣтить „характерную фразу, подчеркнутую самимъ Наполеономъ относительно прусскихъ владѣній: „Изъ уваженія къ Его Величеству Императору всея Россіи“; а то бы Пруссія исчезла съ лица земли и была раздѣлена“.

„Этого обстоятельства и теперь еще не любятъ вспоминать въ Берлинѣ“.

„Въ Россіи новый союзъ не былъ популяренъ; особенно воячала Москва. Нападки эти не прекращались до самаго разрыва, но Александръ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на недовольство сановниковъ и общественнаго мнѣнія. Онъ продолжалъ твердо идти по пути, имъ избранному, и заставилъ покориться не только одно столичное общество, но и ближайшихъ родственниковъ въ царской семьѣ“.

¹⁾ Я—провожу цѣлые дни съ Бонапартомъ.

Послѣ Эрфуртскаго свиданія, за періодъ союза съ Наполеономъ, Александръ Павловичъ вновь обнаружилъ стремленіе вернуться на путь преобразованій, въ дѣлахъ внутреннихъ вновь закипѣла работа, и такая, которая оставила крупныя слѣды на долгія времена. Самымъ близкимъ лицомъ къ Государю былъ въ то время М. М. Сперанскій, сопровождавшій Императора въ Эрфуртъ на второе свиданіе съ Наполеономъ, съ которымъ ему посчастливилось не только видѣться, но даже бесѣдовать.

„Какъ это ни странно, говоритъ авторъ изслѣдованія, но Наполеонъ въ Эрфуртѣ оказалъ большее вліяніе на Сперанскаго, чѣмъ на Александра, и послѣдствія такого впечатлѣнія обнаружились очень скоро“, когда на Михаила Михайловича было возложено веденіе дѣлъ по составленію законовъ и когда вслѣдъ затѣмъ явилась мысль приступить къ плану всеобщаго государственнаго образованія, т. е. къ коренной ломкѣ всего существующаго строя.

„Основаніемъ всего проекта послужили Кодексъ Наполеона и отчасти французская конституція 1799 г. Вотъ въ чемъ наглядно обнаружилось вліяніе Наполеона на Сперанскаго, а также и на Александра, но въ меньшей степени.

„Работа была закончена во всѣхъ подробностяхъ къ ноябрю 1809 года, т. е. какъ разъ ко времени охлажденія отношеній между союзниками.

„Государь рѣшилъ отложить выработанныя реформы до болѣе удобнаго времени, но послѣ борьбы съ Наполеономъ въ русскомъ Императорѣ произошла полная перемяна возрѣній, и вся работа Сперанскаго была не только положена подъ сукно, но и забыта“.

Сблизившись съ Наполеономъ, Государь оказывалъ особое вниманіе французскому послу Коленкуру: „застольныя бесѣды съ посломъ затягивались и послѣ обѣда, какъ въ былое время съ друзьями молодости. Посоль былъ польщенъ до-нельзя, благодаренъ, вѣрилъ въ искренность сердечныхъ изліяній и доносилъ Наполеону о непоколебимой дружбѣ сего обворожительнаго союзника“. Но эти отношенія были не такъ искренни, какъ они казались Коленкуру.

Когда, въ январѣ 1809 г., въ Петербургъ пріѣхалъ изъ Австріи „князь Шварценбергъ, чтобы подготовить русскаго Государя къ возможности возобновленія военныхъ дѣйствій между Вѣной и Парижемъ, Александръ отнесся съ порицаніемъ къ воинственному пылу австрійцевъ, но все-таки далъ понять посланному, что едва-ли Россія втянется въ новую войну. Князь Шварценбергъ псыялъ, что Александръ и пальцемъ не шевельнетъ, чтобы активно помочь своему союзнику, а одновременно Государь передавалъ чуть ли не въ тотъ же день свои разговоры съ австрійцемъ Коленкуру. Конечно,

à sa façon, и французскій посоль сообщилъ Наполеону, что русскія войска къ его услугамъ во всякую минуту.

„Когда Австрія объявила войну Наполеону, и австрійскія войска начали наступленіе съ трехъ сторонъ, а именно въ Баварію, Италію и герцогство Варшавское, Коленкуръ настойчиво требоваль отъ графа Румянцева исполненія общанной поддержки со стороны Россіи.

„Государь, въ свою очередь, завѣряль посла, что русскія войска уже на границѣ Галиціи, вполнѣ готовыя къ выступленію“. Семьдесятъ тысячъ войска дѣйствительно были тамъ сосредоточены, но они стояли на мѣстѣ и не двигались впередъ.

„24 іюня (6 іюля) 1809 г. война закончилась Ваграмскимъ сраженіемъ, вторично напомнившимъ Австріи Аустерлицкую катастрофу. Только послѣ Ваграма русскія войска заняли безъ выстрѣла Краковъ, и эта война не стоила Россіи ни одной капли крови. Вотъ когда Коленкуръ догадался, что его обошли въ Петербургѣ, но было уже поздно, и посоль заслужилъ изрядную головомойку отъ Наполеона, и подѣломъ. Тогда и у Наполеона прояснились глаза на Тильзитскаго и Эрфуртскаго союзника. Можно сказать, что эта дружба послѣ австрійской кампаніи 1809 года миновала окончательно, и началась другая эра: взаимнаго недовѣрія и приготовленія къ борьбѣ. Союзъ оставался еще только на бумагѣ.

„Представители Александра отсутствовали во время мирныхъ переговоровъ Франціи и Австріи въ мѣстечкѣ Альтенбургѣ; Александръ подчеркнулъ этимъ свой дружескій нейтралитетъ, а Наполеонъ передалъ Галицію, наперекоръ желанію своего союзника, герцогству Варшавскому; этимъ было подчеркнуто благоволеніе императора французовъ къ Польшѣ, что очень оцѣнено поляками“.

„Но Наполеонъ не желаль еще ссориться съ союзникомъ и всячески хотѣль загладить невыгодное впечатлѣніе Шёнбрунскаго договора. Коленкуръ передалъ Императору желаніе своего повелителя даже вычеркнуть наименованіе Польши изъ официальной переписки, и что, молъ, передача части Галиціи герцогству Варшавскому вовсе не обозначала мысли о возстановленіи Польши. Такія завѣренія мало дѣйствовали на Александра, и онъ отлично сознаваль и понималь ловкую игру Наполеона“.

Вскорѣ явился новый поводъ къ неудовольствію, вызванный неудачнымъ сватовствомъ Наполеона къ великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ. Извѣстно, какъ отнеслись къ этому сватовству Александръ и вдовствующая Императрица, какъ былъ обиженъ отказомъ Наполеонъ, а съ другой стороны какъ были смущены и обижены въ Петербургѣ тѣмъ, что Наполеонъ, еще до полученія отказа, объ-

явилъ всенародно о своемъ предстоящемъ бракѣ съ австрійской эрцгерцогиней.

„Затѣмъ, въ теченіе десятаго и одиннадцатаго годовъ, между Франціей и Россіей начинается рядъ недоразумѣній, которыя такъ и не прекращаются до самаго разрыва. Поводомъ къ разладу было много, но главный споръ былъ о герцогствѣ Ольденбургскомъ и относительно свободы русскихъ портовъ для торговли съ Англіей“.

Во время переговоровъ, которые велись для разрѣшенія этихъ спорныхъ вопросовъ, обнаружилась своеобразная черта, присущая Александру: одновременно съ официальными переговорами, онъ никогда не стѣснялся вести переговоры черезъ постороннихъ лицъ, помимо своего официального представителя: такъ было при заключеніи союза съ Наполеономъ, такъ было и теперь, когда „для личныхъ переговоровъ съ Наполеономъ дважды былъ командированъ въ Парижъ флигель-адъютантъ Чернышевъ, посылавшій свои донесенія прямо Императору помимо посла кн. Куракина“.

Одновременно, „совѣтникъ русскаго посольства въ Парижѣ Несельроде писалъ, помимо князя Куракина, государственному секретарю, Сперанскому. Р. А. Кошелевъ находился въ непосредственной перепискѣ съ русскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, графомъ Штакельбергомъ, и австрійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, Сенъ-Жюльеномъ, опять таки помимо канцлера, и все докладывалось Кошелевымъ непосредственно Императору. Способъ особый, но онъ присущъ Императору Александру“.

„Добавимъ, что не только посоль ничего не зналъ о перепискѣ между подчиненнымъ и Сперанскимъ, но и самъ канцлеръ, графъ Румянцевъ, тоже ничего не вѣдалъ объ этомъ фактѣ“. И ему сообщалось лишь то, что считалось маловажнымъ или когда нельзя было обойтись безъ его вмѣшательства.

Таковъ былъ своеобразный методъ, усвоенный Александромъ при веденіи дѣлъ внѣшней политики. Иностранные дипломаты, которымъ приходилось лично совѣщаться съ Императоромъ, отдавали должное его дипломатическимъ способностямъ, ставя Государя выше его сотрудниковъ, какъ Румянцева, такъ и Кошелева.

Въ тревожные годы, предшествовавшіе войнѣ съ Наполеономъ, одинъ вопросъ особенно озабочивалъ Александра Павловича: вопросъ о Польшѣ и ея отношеніи къ Россіи. Онъ хотѣлъ какими-либо путями привлечь поляковъ на сторону Россіи. По этому поводу Государь обмѣнялся нѣсколькими письмами съ княземъ Ад. Чарторыжскимъ.

31 января 1811 г. Государь прямо возбудилъ вопросъ о положеніи, которое приметъ Польша въ случаѣ конфликта.

Исчисляя въ своемъ письмѣ русскія военныя силы, ихъ расположеніе, назначеніе, Государь ставитъ вопросъ о возможномъ присоединеніи королевства Польскаго къ Россіи, съ принятіемъ русскимъ Императоромъ титула короля польскаго.

На этотъ категорически поставленный вопросъ князь Чарторыжскій отвѣчалъ 28 февраля пространнымъ письмомъ.

Говоря о настроеніи польскаго общества, Чарторыжскій не скрылъ отъ Государя, что мнѣніе большинства было неблагопріятно Россіи и планамъ Императора, что хотя „возстановленіе Польши въ прежнихъ границахъ всегда было единодушнымъ желаніемъ поляковъ, но въ данный моментъ поляки и въ особенности войско не могутъ внезапно проникнуться мыслию, „что желаніе это можетъ осуществиться, что эта цѣль можетъ быть достигнута, если они отдалятся отъ Франціи и присоединятся къ Россіи“.

„Вѣра въ геній Наполеона и въ его счастье не могутъ быть поколеблены“, писалъ онъ. „Никто не допускаетъ мысли, чтобы онъ могъ быть побѣжденъ, и чтобы союзники не повторили сдѣланныхъ имъ ошибокъ. Довѣріе къ намѣреніямъ Россіи не можетъ возродиться немедленно; поляки только мало-по-малу могутъ освоиться съ мыслию, что Россія можетъ когда-либо желать добра Польшѣ и искренно думать о ея возрожденіи. Отдавая должное личнымъ качествамъ В. В., поляки полагаютъ, что надобно дѣлать различіе между его личностью и политикой его кабинета и духомъ, царствующимъ въ его арміи; ее считаютъ особенно враждебной полякамъ; такъ что мысль о вступленіи русскихъ войскъ въ край отождествляется многими съ мыслию о разореніи и унижительномъ игѣ. Къ сожалѣнію, прошлыя событія и въ особенности рѣчи русскихъ военныхъ во время послѣдняго похода поддерживаютъ этотъ взглядъ“.

Только рѣшительное пораженіе Наполеона или его кончина могли бы, по мнѣнію князя Адама, кореннымъ образомъ измѣнить взглядъ польскаго общества. „Такъ какъ всѣ надежды поляковъ зиждутся на обаяніи личности Наполеона и его побѣдъ, то лишь съ его исчезновеніемъ они могли бы обсудить положеніе страны здраво и спокойно, не создавая себѣ никакихъ иллюзій“.

Заканчивая это высоко интересное письмо, всякое слово котораго было строго обдуманно и взвѣшено, и въ которомъ вполнѣ откровенно было выражено отношеніе польскаго общества къ Россіи, его симпатіи къ Наполеону и вѣра въ непобѣдимость его оружія, князь Чарторыжскій, чувствуя, что его положеніе, въ случаѣ войны съ Наполеономъ, станетъ неловкимъ, умолялъ Государя уволить его въ отпускъ, за границу и даже окончательно уволить его отъ службы.

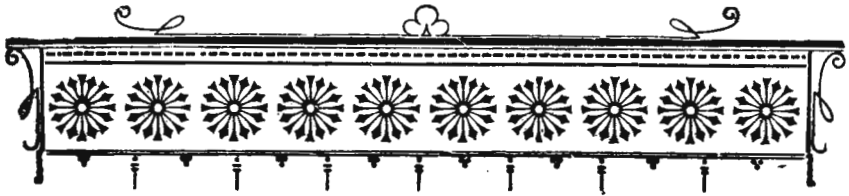

„Такое рѣшеніе было умно, говоритъ авторъ изслѣдованія, и показывало крайнюю осторожность бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ въ Россіи. Ему выгодно было занять нейтральное положеніе въ средѣ поляковъ, ни во что не вмѣшиваться и спокойно смотрѣть на возгоравшуюся борьбу. Если сила окажется на сторонѣ Наполеона, то окончить разъ навсегда всѣ счеты съ Россіей при содѣйствіи и покровительствѣ Франціи; если побѣда склонится подъ русскія знамена, то смягчить заслуженный гнѣвъ земли Русской и ея повелителя и найти *modus vivendi* съ могучей Россіей“.

В. Т.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній о плаваніи на крейсерахъ „Африка“¹⁾.

Г л а в а VI.

2 ноября поздно вечеромъ крейсеръ „Африка“ отдалъ якорь въ бухтѣ Анна-Марія острова Нука-Гива, группы Маркизскихъ острововъ.

Нука-Гива, свободный и дикій, съ 1842 года перешелъ въ руки французовъ, утративъ независимость, и туземцы простились съ свободой.

Въ главномъ городѣ острова, Тайое, мы застали живущими: губернатора, епископа, монахинь, содержавшихъ школу, и четырехъ жандармовъ.

Въ прежнія времена на островахъ было многочисленное население, но эпидеміи, занесенныя европейцами, уничтожили много туземцевъ, а жаль: племя Маркизскихъ острововъ славится красотой своихъ формъ и принадлежитъ къ одной изъ красивѣйшихъ расъ. Однако не сразу глазъ привыкаетъ къ этимъ фizioноміямъ: черты лица стройныхъ, прекрасно сложенныхъ женщинъ какъ будто жестокости, хотя этотъ недостатокъ сглаживается удивительной привѣтливостью. Женщины носятъ легкій капотъ и душатся сандаломъ, у нихъ костюмъ обязателенъ только въ присутствіи европейцевъ, въ остальное время капотъ виситъ на гвоздикѣ и женщины такъ же, какъ и мужчины, довольствуются тонкимъ поясомъ съ висящей на немъ травой, такъ какъ татуировка имъ кажется достаточно приличнымъ костюмомъ. Тайое помѣщается въ центрѣ глубокой бухты,

¹⁾ См. „Русская Старина“, май 1909 г.

обрамленной высокими отвѣсными горами причудливыхъ очертаній. Густая растительность покрываетъ страну какъ бы великолѣпнымъ плащомъ. Хижины разсыяны вдоль тѣнистой аллеи, которая тянется по берегу залива, отъ этой очаровательной дороги бѣгутъ въ горы лѣсныя тропинки.

Движенія мало, жители сидятъ у своихъ хижинъ, трудъ для нихъ вещь ненужная, они питаются плодами, которые имъ даютъ лѣса, ловятъ рыбу и собираютъ въ лѣсу яйца одичавшихъ куръ.

Гуляя по большой дорогѣ, мы свернули на одну изъ тропинокъ искать водопадъ; не найдя его, стали бродить по лѣсу и вдоволь налюбовались роскошной растительностью—хлѣбныя деревья, бананы, кокосы, манго, тамаринды и много другихъ неизвѣстныхъ деревьевъ съ привлекательными плодами и чудными цвѣтами составляли этотъ волшебный садъ. Мы не трогали ни цвѣтовъ, ни плодовъ, будучи предупреждены о возможности отравы, да и встрѣтившійся въ лѣсу туземецъ усиленно махалъ руками, когда мы приближались къ цвѣтамъ, впрочемъ нѣкоторые цвѣты онъ срывалъ и давалъ намъ въ руки.

Среди ручейковъ нашли минеральный источникъ со вкусомъ зельтерской воды. Въ лѣсу встрѣчали дикихъ свиней, куръ, вдали съ горъ на насъ смотрѣли козы, а на деревьяхъ разноцвѣтные какаду выражали удивленіе и неудовольствіе подъемомъ своихъ красивыхъ хохолковъ.

Удивительно пріятно бродить въ такомъ лѣсу—чудный воздухъ, аромат, полное разнообразіе кругомъ, свободно и спокойно.

4 ноября состоялась большая поѣздка въ сосѣднюю бухту Чичагова, лежащую въ четырехъ миляхъ отъ бухты Анна-Марія. Офицеры сѣли на паровой катеръ, адмиралъ съ командиромъ на вельботъ. По выходѣ съ рейда мы попали сразу въ громадную океанскую зыбь, бѣдный катеръ то взбирался на верхушку волны, то пропалъ среди водяныхъ стѣнъ, тогда какъ вельботъ, бывший на буксирѣ, едва виднѣлся на гребнѣ другой волны. Черезъ часъ непріятнаго плаванія вошли въ бухту, насъ встрѣтили туземцы, которые съ прибоемъ вытащили вельботъ на берегъ съ адмираломъ, остальныхъ же перенесли на себѣ.

Сперва мы пошли къ молодому королю и королевѣ съ визитомъ (они находятся подъ покровительствомъ французовъ и получаютъ отъ нихъ жалованье), послѣ краткаго привѣтствія двинулись въ дальнѣйшій путь. Адмиралу привели лошадь, но онъ отказался, потребовавъ носилки; это вызвало нѣкоторое осложненіе, но все-таки довольно быстро соорудили изъ вѣтвей что-то въ родѣ носилокъ, и мы всѣ отправились по тѣнистой аллеѣ въ далекій путь. Въ лѣсу,

подошли къ широкому потоку съ чистой, прозрачной водой, черезъ него пришлось переправиться верхомъ на туземцахъ. Разстояніе до водопада оказалось порядочное, и дорога за ручьемъ ухудшилась; наконецъ, пришли въ ущелье въ видѣ турецкаго боба; здѣсь особенно замѣтна высота скалъ, покрытыхъ мхомъ, вершины этихъ скалъ доступны развѣ только птицамъ.

Въ глубинѣ ущелья мы нашли небольшое озеро очень холодной воды и ручеекъ, образовавшійся отъ водопада, падающаго съ значительной высоты. Вся панорама чрезвычайно живописна и разнообразна.

Въ озерѣ у водопада нѣкоторые изъ насъ пробовали купаться вмѣстѣ съ туземцами, но ледяная вода быстро выгнала ихъ на солнце.

Послѣ отдыха мы вернулись обратно въ разбродъ по другой дорогѣ, гуляли по лѣсу, заходили въ хижины, состоящія изъ жердей и листьевъ; татуированные хозяева, натертыя желтой ароматной мазью, угощали насъ бананами и яйцами. Знакомый намъ ручеекъ пришлось перейти въ другомъ мѣстѣ; тутъ ожидала здоровая каначка, она легко всѣхъ перенесла и заработала достаточно денегъ.

Общій сборъ состоялся у короля, который угостилъ прекраснымъ завтракомъ изъ мѣстныхъ произведеній природы, при чемъ вмѣсто хлѣба явился плодъ хлѣбнаго дерева, замѣчательно нѣжный и вкусный особенно съ масломъ. Кушанья готовились на кокосовомъ маслѣ, а къ сладкому подали кокосовое молоко, ко вкусу послѣдняго не всѣ могутъ привыкнуть.

Послѣ завтрака всѣ расположились около дворца, частью на верандѣ, частью на травѣ среди туземцевъ смотрѣть на танцы. Двое танцоровъ явились одѣтыми въ древній костюмъ, состоявшій только изъ ожерелья, которое было сдѣлано изъ перьевъ и человѣческихъ волосъ. Женщины пришли въ легкихъ блузахъ, нѣкоторыя щегольнули мѣстной матеріей изъ растительной ткани, пользуясь незначительнымъ ея количествомъ. По знаку короля мужчины и женщины стали въ двѣ шеренги одна противъ другой и начали танцы, или, вѣрнѣе, продѣлывать разныя тѣлодвиженія подъ аккомпаниментъ двухъ барабановъ и хлопанья въ ладоши зрителей. Пантомима танцевъ, вѣроятно, богатая по содержанію, осталась для насъ непонятной, кромѣ нѣкоторыхъ выразительныхъ тѣлодвиженій.

По окончаніи балета мы отправились въ обратный путь, захвативъ съ собою королевское семейство и массу подарковъ, состоявшихъ изъ банановъ, свиней и разныхъ плодовъ. Волненіе въ океанѣ не улеглось, пришлось выгребать противъ зыби и вѣтра, почему вернулись въ свою бухту только къ вечеру.

На слѣдующій день у насъ завтракалъ король и французскій резидентъ—офицеръ. Мы сдѣлали имъ визиты, король показаль своихъ дѣтей, мальчика и дѣвочку, очень миленькихъ и привѣтливыхъ, они пришли совершенно безъ всякаго костюма. Мы собирались подарить королю ружье, но король отказался принять его, несмотря на сильное желаніе имѣть таковое: оказалось, что король не могъ принять оружіе безъ разрѣшенія резидента, а спрашивать не хотѣлъ изъ гордости. Отъ короля пошли къ старой королевѣ по улицѣ Тайое влѣво до жилища, стоящаго у прозрачнаго ручья. Исполинскіе тамаринды бросаютъ на жилище грустную тѣнь, и вокругъ чувствуется какая-то унылая атмосфера; въ ожиданіи приѣма мы расположились на корняхъ тамаринда, нашли на травѣ массу плодовъ его и отъ скуки жевали кисленькіе стручки—послѣдствія этого развлеченія вскорѣ обнаружили, совершенно для насъ неожиданно.

Черезъ нѣсколько времени придворная дама пригласила насъ войти въ залъ, гдѣ стояло нѣсколько стульевъ, часть которыхъ была уже занята королевой и ея приближенными; у нихъ лица не особенно привѣтливыя, и скука видимо ихъ совершенно одолѣла, хотя, какъ говорятъ, они бываютъ рады приходу иностранцевъ и стараются угощать кокосами и бананами. Сначала дворъ немного ожилъ, но послѣ обмѣна нѣсколькими фразами началъ застывать, и уже ничѣмъ нельзя было возбудить его вниманіе.

Отъ королевы пошли во французскую католическую миссію—въ уютномъ, тѣнистомъ саду построено нѣсколько отдѣльныхъ домиковъ для епископа, сестеръ милосердія, школы, спальни дѣвочекъ и церкви, все очень мило, чисто и производитъ отрадное впечатлѣніе.

Мы посѣтили всѣхъ въ ихъ помѣщеніяхъ, начиная съ епископа, жившаго здѣсь съ 1846 года.

7 ноября ушли изъ бухты Анна-Марія дальше, ученья и судовыя занятія сдѣлали незамѣтнымъ переходъ до острововъ Таити, куда прибыли 11 ноября, отдавъ якорь въ бухтѣ Папейте.

Таити состоитъ изъ двухъ неровныхъ половинокъ, соединенныхъ перешейкомъ, бѣльшая половина острова носитъ названіе Таити, а меньшая Тапрабу. Таити, по примѣру другихъ острововъ Тихаго океана, окруженъ кольцомъ коралловъ, и потому рейдъ у него спокойный. Берега острова, слѣдуя извилистой линіей, образуютъ массу бухтъ, но волны не достигаютъ берега, онѣ разбиваются о стѣны коралловъ и только брызги попадаютъ на гладкую поверхность воды по другую сторону рифовъ.

Видъ на рейдъ восхитительный, глазъ не можетъ оторваться отъ берега, покрытаго роскошной растительностью и хижинами на

морскомъ берегу, гдѣ и сосредоточивается вся жизнь острова. Около хижинъ сидятъ каначки въ пестрыхъ рубашкахъ, онѣ сами и украшающіе ихъ цвѣты замѣчательно гармонируютъ съ окружающею природою. Внутреннія области необитаемы и покрыты густыми лѣсами, эти дикія мѣста пересѣкаются недоступными горами, въ которыхъ царитъ вѣчная тишина. Большія горы высятся надъ лѣсами и ихъ острыя вершины ясно вырѣзываются въ вышинѣ. Стоя въ долинѣ, думаешь, что находишься у подножья фантастическаго собора, острые купола котораго задѣваютъ за тучи. Маленькія бродячія облака, занесенныя пассатами съ океана, останавливаются у горныхъ вершинъ, подлѣ стѣнъ базальтовыхъ скалъ они сгущаются, превращаются въ воду и спускаясь на землю въ видѣ дождя образуютъ водопады и ручьи. Благодаря частымъ дождямъ, густымъ и теплымъ туманамъ въ глубокихъ ущельяхъ зелень растений вѣчно свѣжа и разрастаются странныя породы мховъ и изумительные папоротники.

Въ день прихода нашихъ судовъ (Африка, Вѣстникъ, Пластунъ) офицеры были приглашены на балъ къ французскому губернатору. Сначала танцы шли вяло, можетъ быть, мы дичились, но за то скоро разошлись, и вечеръ прошелъ очень весело. Одна фигура котильона состояла въ томъ, чтобы задуть горящую свѣчу, поставленную высоко; французскій адъютантъ непременно хотѣлъ танцевать съ королевою Помаре и старался дуть изо всей силы, но не могъ— русская морская грудь оказалась сильнѣе, свѣча была легко потушена, и королева унеслась въ вихрѣ вальса съ русскимъ мичманомъ. Нельзя сказать, чтобы дамскіе туалеты были удобны для танцевъ, весь туалетъ состоитъ изъ легкаго капота съ длиннымъ шлейфомъ, сами дамы толстыя, и потому рука тонетъ въ талии, когда танцуютъ легкіе танцы; надо знать хорошо анатомію, чтобы не нажать на какой-либо важный органъ, хотя танцоры перебирали пальцами изъ предосторожности.

Слѣдующій день прошелъ въ погрузкѣ угля несмотря на дождь, къ вечеру прояснѣло и адмиралъ приказалъ послать на берегъ музыкантовъ. Они играли на площадкѣ, окруженной чудными деревьями, въ тѣни которыхъ прятались хижины туземцевъ. Около музыкальнаго навѣса гуляли европейцы и мѣстная публика, большинство туземцевъ, услышавъ веселые мотивы, немедленно пустилось въ плясъ. Свобода полная, общій разговоръ и громкій смѣхъ. Одна дѣвушка, развеселившись во всю, прыгнула на шею къ адмиралу, крѣпко обняла и два раза звонко поцѣловала при общемъ одобреніи публики. Адмиралъ былъ пораженъ, но ему успѣшили объяснить, что это надо принимать какъ выраженіе общей благодарности за присылку музыкантовъ.

— „Ну, если это такъ, Богъ съ ней, я не сержусь, кстати она такая славная, ужъ такъ и быть завтра опять пришло музыкантовъ“.

Вѣроятно, милый адмиралъ надѣялся на повтореніе благодарности, но она почему-то не состоялась.

14 ноября утромъ собралось къ губернатору по приглашенію около пятидесяти офицеровъ разныхъ націй и постоянно живущихъ въ Таити, чтобы ѣхать въ экипажахъ во внутрь острова. Длинная вереница разнообразныхъ экипажей катилась между дачъ и хижинокъ, окруженныхъ тѣнистыми деревьями. Дорога шла по плоскому берегу, иногда сходила къ морю, иногда уходила въ горы, поднимаясь на холмы, спускаясь въ ущелья и долины, то высоко надъ пропастью, въ глубинѣ которой граціозный заливъ окаймленъ пальмами, скрывавшими въ своей тѣни хижины и живописныхъ каначекъ. Гдѣ-нибудь въ углу залива скрытая нависшими вѣтвями, впадая въ заливъ, текла рѣчка—въ небольшихъ каскадахъ, брызгавшихъ между ея камнями, плескались бронзовыя наяды, выжимавшія изъ водосъ прохладную влагу. Наконецъ, дорога вошла въ лѣсъ, на опушку котораго нажимали гуявы, полныя пахучихъ плодовъ, это растеніе разрастаясь губить сосѣдей, оно высасываетъ изъ нихъ сокъ своими многочисленными вѣтвями. И чего только въ этомъ лѣсу не было: хлѣбное дерево съ широкими, глубоко разрѣзанными листьями раскинуло свои вѣтви, покрытыя круглыми крупными плодами, далѣе камфарное дерево, окруживъ себя пахучей атмосферой, гигантомъ раскинулось и вверхъ, и въ ширь, а подъ нимъ пріютился кустъ жасмина—да всего не опишешь. Запахъ цвѣтовъ, фруктовъ и зелени былъ настолько силенъ, что становилось тяжело дышать. Переваливъ гору, мы спустились на мысъ Венеры, гдѣ построенъ маякъ, и не вдалекѣ живетъ братъ короля, предложившій намъ завтракъ. По пути въ двухъ деревняхъ насъ встрѣчало населеніе съ вѣнками на головахъ, они пѣли пѣсни, танцевали и надѣли каждому изъ насъ по вѣнку изъ душистыхъ цвѣтовъ на шею. Мотивы пѣсенъ и танцы очень хороши, особенно понравилось пѣніе дѣтей.

Передъ завтракомъ надѣли еще по вѣнку, и все помѣщеніе было въ цвѣтахъ, пока не пригласили завтракать; проголодавшіеся офицеры ворчали, что вмѣсто ѣды преподносятъ только цвѣты. За завтракомъ подали сырую рыбу, поросенка, зажареннаго между камнями, разные плоды и фрукты. Съ удовольствіемъ проведя время, мы вернулись въ городъ и продолжали веселиться на площадкѣ, слушая французскую музыку.

Таитянки обращаютъ большое вниманіе на вѣнки, приготовленіе которыхъ доведено до возможнаго совершенства, въ большомъ ходу цвѣты гарденіи съ сильнымъ ароматомъ. Другое украшеніе, болѣе

заканчивающее туалеть таитянской женщины, это вѣнокъ „pîa“, сдѣланный изъ тонкой, бѣлой соломки, на вѣнокъ помѣщаютъ „geva—geva“, развѣвающееся какъ облако при малѣйшемъ дуновеніи воздуха. Эта „geva—geva“ не что иное какъ пучки прозрачныхъ, поразительно тонкихъ, неосязаемыхъ лентъ зеленовато-золотистаго цвѣта, которые таитянки извлекаютъ изъ сердцевины кокосовыхъ пальмъ.

Для полнаго описанія украшеній таитянокъ, надо упомянуть еще о „tiaré—miré“, предметъ, съ которымъ по значенію не можетъ сравниться ничто въ туалетѣ европейской женщины. Этотъ „tiaré“ въ родѣ зеленой георгины, которую въ парадныхъ случаяхъ женщины носятъ въ волосахъ немного выше уха, сдѣланъ искусственно: посаженный на тонкій тростниковый стебель, „tiaré“ составляется изъ листьевъ маленькаго растенія, очень ароматнаго и принадлежащаго къ рѣдкому виду чужезднаго плауна, который растетъ на вѣтвяхъ нѣкоторыхъ большихъ деревьевъ.

„Tiaré“ надѣвается на праздники, обѣды и танцы. Когда таитянка даетъ молодому человѣку свой „tiaré“, то этотъ зеленый цвѣточекъ приобретаетъ громадное значеніе и даетъ обладателю большія права, о которыхъ въ Европѣ и мыслить не могутъ.

Вечеромъ, гуляя по тѣнистымъ аллеямъ, мы услышали звуки мѣстной музыки, естественно направились посмотреть и пришли не напрасно—мы увидѣли, какъ танцуютъ „упа-упа“. Прежде чѣмъ сказать о танцѣ, надо представить себѣ окружающую обстановку: прелестная, тихая ночь, нѣжныя пятна млечнаго пути и богатыя свѣтомъ созвѣздія давали всевозможные оттѣнки живому тропическому небу, южный крестъ стоялъ надъ тьмой, воздухъ теплый, безъ духоты, но полный аромата цвѣтовъ окружалъ кучку туземцевъ, расположившихся около хижины въ живописныхъ позахъ. Вдругъ на середину площадки, окруженной канаками, вышли дѣвушки, продѣлали нѣсколько движеній подъ аккомпаниментъ тамъ-тама и смѣшались съ толпой, но вотъ появилась мѣстная баядерка—она начала танцевать съ возрастающей быстротой и сладострастіемъ, казалось, не будетъ предѣла общему восторгу, но ударъ барабана остановилъ этотъ взрывъ веселья. На смѣну уставшихъ танцовщицъ являлись другія, и веселое настроеніе толпы то замирало, то поднималось, невольно увлеклись и мы, но не надолго—насъ тянуло на берегъ моря отдохнуть отъ видѣннаго днемъ и полюбоваться картиной рейда.

Вдали видѣлись темныя силуэты судовъ, изрѣдка сновали шлюпки, плескомъ весель нарушая торжественную тишину, съ неба луна и звѣзды лили свой успокаивающій свѣтъ, все было удиви-

тельно хорошо, такъ упоительно прекрасно, что, казалось, нечего больше желать.

На другой день мы бродили по окрестностямъ, дошли до берега ручья въ тѣнистомъ, глухомъ уголкѣ. Ручей тихо струился по гладкимъ камнямъ, увлекая въ своемъ теченіи цѣлое поселеніе рыбокъ и мелкихъ насѣкомыхъ. Землю украшали во множествѣ тонкіе злаки, маленькія, нѣжныя растенія, лившія аромать. Ничто не нарушало тишины. Маленькія ящерицы, голубыя какъ бирюза, не боялись насъ, безстрашно бѣгали кругомъ, и кругомъ вились разнообразныя бабочки. Слышалось только тихое журчаніе воды и изрѣдка паденіе спѣлаго плода. Надо сказать, что въ лѣсахъ Таити не слышно пѣнія птицъ, уши жителей незнакомы съ этой музыкой, которая въ другихъ странахъ наполняетъ чащи лѣсовъ жизнью и веселіемъ. Въ густой тѣни никто не порхаетъ съ вѣтки на вѣтку, никто не движется, и царитъ постоянная тишина. Только въ ущельяхъ на большой вышинѣ летаютъ фазаны, маленькія бѣлыя птицы съ длинными перьями на хвостѣ. Улеглись мы на травку и уходить не хотѣли изъ такой благодати.

16 ноября у насъ состоялся прощальный пріемъ, въ числѣ приглашенныхъ была одна голландская семья—красавица дочь влюбилась во флагъ-офицера В. Н. Фрид—са и непременно хотѣла уѣхать вмѣстѣ съ нимъ, чтобы выйти за него замужъ. Нашей молодежи идея похищенія пришлась по вкусу, составили планъ, какъ ее, переодѣтую въ матросскій костюмъ, привезти на крейсеръ въ день ухода, спрятать въ каютѣ и доложить начальству уже по выходѣ въ море. Наша милая блондиночка не слышала земли подъ собой отъ восторга и радовалась, какъ дитя, уложила вещи и съ нетерпѣніемъ ожидала условленнаго момента, который, однако, не наступилъ. Хотя всѣмъ хотѣлось посмотрѣть, какое выраженіе лица появилось бы у адмирала и командира при докладѣ, и какъ попало бы старшему офицеру, но мы старшіе чины воспротивились подобной неблагоразумной шуткѣ во избѣжаніе дальнѣйшихъ неприяностей и осложненій для бѣдной голландочки и затѣмъ для всего крейсера. Огорченная красавица горько плакала, и мы съ трудомъ разлучили при прощаніи влюбленную парочку. Адмиралу въ добрую минуту рассказали, представивъ въ смѣшномъ видѣ, и все-таки онъ нахмурилъ брови. Мы полюбили острова Тихаго океана, ихъ природу и свободу, а потому съ грустью покинули (17 ноября) Таити при громѣ салюта и звукахъ музыки.

Прощай, роскошная природа, чудный аромать цвѣтовъ и чувство независимой, полной свободы на берегу, все хорошее, прощай! опять пойдутъ города, визиты, костюмы и проч. стѣсненія.

На переходѣ, какъ всегда, понемногу успокоились, забыли прекрасную голландку, зато вспомнили всё ученья, которыя командиръ отпускалъ намъ въ порядочной дозѣ.

29 ноября мы уже съ новымъ интересомъ смотрѣли на входъ въ бухту города Аукланда на Новой Зеландіи. Относительно времени перехода надо отмѣтить, что мы перешли обратно первый меридіанъ, и потому одинъ день пропалъ—приказомъ адмирала послѣ 26 ноября настало 28-ое число.

При подходѣ къ Аукланду открываются три сѣрья, зубчатая, поросшія мхомъ, скалы, высоко стоящія надъ поверхностью моря—это „три короля“, на одной изъ скалъ бѣлѣетъ маякъ. Затѣмъ крейсера, пройдя вдоль восточнаго берега, вошелъ въ просторный заливъ, въ глубинѣ котораго показались раскинутыя по холмамъ и въ долинѣ строенія Аукланда.

Съ берега городъ не кажется очень большимъ, но за то когда пройдеши отъ пристани внутрь острова между высокими холмами по главной улицѣ (Queen's road) и взберешься по довольно крутому подъему вверхъ, то убѣдишься, что городъ раскинутъ гораздо далѣе по холмистой равнинѣ, перерѣзанной мѣстами обширными оврагами, на днѣ которыхъ стоятъ жилища.

Новая Зеландія пользуется умѣреннымъ климатомъ и, состоя изъ двухъ большихъ острововъ и одного малаго, представляетъ самостоятельный, своеобразный міръ, рѣзко противоположный сосѣдней Австраліи. Новая Зеландія изобилуетъ горами; многія изъ нихъ вѣчно покрыты снѣгомъ и ледниками, влажный воздухъ способствуетъ развитію богатой растительности. Въ прежнее время здѣсь росла гигантская пихта-доммара, теперь уже она стала рѣдкостью, но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были пихтовые рощи, находятъ цѣнную смолу, идущую на приготовленіе лака, сохранившаго названіе дерева. Этой смолы вывозятъ изъ Новой Зеландіи на большую сумму.

По приходѣ въ портъ, конечно, пошли визиты и приглашенія, но мы на нихъ туго поддавались, впечатлѣніе милыхъ острововъ еще не изгладилось, и мы смотрѣли на городъ, какъ на своего врага. Только однажды пріѣздъ симпатичнаго старика измѣнилъ наше на строеніе. Является почтенный старичекъ въ чичунчовомъ пиджакѣ съ соломенной шляпой,—можетъ быть, покажется страннымъ, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ приходитъ человекъ, изнемогающій отъ жары, но это очень просто—мы перешли въ южное полушаріе, гдѣ времена года наоборотъ, т. е. мы попали въ лѣтнее время (въ этомъ году у насъ было два лѣта и ни одной зимы). Старичекъ, отдохнувъ, послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ, обратился къ офицерамъ:

— „Господа, выручите меня, сегодня по лѣтнему положенію сняли ковры, и дочки просили васъ пріѣхать потанцовать“.

У насъ, обыкновенно, всѣ приглашенія на вечера идутъ черезъ губернатора, такимъ образомъ составляется и списокъ лицъ, приглашаемыхъ на суда во время официальныхъ пріемовъ, а потому мы начали было упираться подъ разными предлогами.

— „Если вы не пріѣдете, то мои барышни опять меня пошлютъ просить васъ, пожалѣйте старика и не заставляйте меня возвращаться“.

Подкупленные его симпатичной наружностью и зная, что онъ былъ начальникомъ таможни, согласились пріѣхать, и довольный старикъ сейчасъ же удалился.

Вечеромъ неожиданно собралось насъ девять человекъ, надѣли эполеты, все честь-честью, вышли на берегъ нанимать экипажи (здѣсь кэбы, кучеръ сзади, править черезъ крышу), вдругъ кучеръ спрашиваетъ больше одного фунта стерлинговъ (больше десяти рублей).

— „Отчего вы спрашиваете такъ дорого“? обратились мы къ кучеру.

— „Да вѣдь это очень далеко“.

Дѣлать нечего, сѣли, долго везли по неизвѣстнымъ улицамъ, наконецъ, кэбы остановились у небольшого домика въ саду, насъ пригласили снять пальто и почиститься въ „спальнѣ барышенъ“, оклеенной картинками изъ иллюстрированныхъ журналовъ. Тутъ насъ одолѣлъ хохоть, думаемъ, вотъ влетѣли. Въ гостиной долго не могли успокоиться отъ хохота, но барышни не приняли это за насмѣшку (мы придумали причину смѣха), дѣло уладилось, и веселое настроеніе охватило всѣхъ присутствующихъ. Къ великому нашему удовольствію оказалось восемь барышенъ, ни одной мамы, тетушки или другого подобнаго балласта, изъ мужчинъ былъ только самъ старикъ, да еще таперъ. Мы быстро ориентировались и почти не мѣнялись дамами во время танцевъ въ теченіе всего вечера, только у одной дамы было два кавалера. Послѣ каждаго танца мы выходили въ садъ гулять по аллеямъ и сидѣть на скамейкахъ. Сколько было поэзіи—чудный вечеръ, луна мягко льетъ свой нѣжный свѣтъ, легкій зефиръ освѣжаетъ разгорѣвшіяся личики отъ вихря вальса и теплыхъ разговоровъ. Играетъ, играетъ таперъ ритурнель, а наши какъ будто и не слышатъ или, можетъ быть, не успѣвали въ антрактѣ между танцами высказать, что хотѣлось, и потому опаздывали къ танцамъ.

Послѣ этого пріятнаго вечера знакомство укрѣпилось, бывали другъ у друга нѣсколько разъ, обмѣнялись фотографическими карточками, оставили имъ на память разныя вещи, и общали вести переписку

Нашъ англичанинъ удивлялся и спрашивалъ:

— „А какъ же переписка съ Америкой?“

— „Ну когда еще оттуда получимъ, тутъ ближе, будемъ писать въ Аукландъ“.

Мистеръ Дефрей покорялся и продолжалъ добросовѣстно исправлять наши письма.

По поводу приглашенія въ семейство Юнгъ, о которомъ сейчасъ вели рѣчь, вспомнился случай съ однимъ изъ нашихъ офицеровъ.

Однажды въ часы, назначенные для посѣщенія публикой крейсера, въ числѣ другихъ, пріѣхала хорошо одѣтая дама съ двумя миленькими дочками. Мичманъ С. пошелъ съ ними по крейсеру, все показалъ и рассказалъ, поглядывая на дочекъ; при прощаньи онѣ, въ отвѣтъ на его любезность, пригласили въ театръ въ тотъ же день.

С. вооружился конфѣтками для входа въ ложу и незамѣтно провелъ вечеръ, мадамъ приглашала мичмана бывать у нихъ запросто. Каково же было изумленіе С—ва, когда на слѣдующій день эта дама пріѣхала на крейсеръ въ качествѣ прачки за грязнымъ бѣльемъ, конечно, товарищи такого случая не пропустили—всѣ ужасно смѣялись и при каждомъ случаѣ травили чуть не до конца плаванія.

4 декабря городъ далъ „Complimentary dinner“ въ залѣ городской думы въ честь адмирала, командира и офицеровъ крейсера. По обыкновенію, все было прекрасно, начиная съ обстановки, любезности хозяевъ и кончая грандіознымъ меню, которое нельзя не привести въ точной копіи:

M E N U.

Oysters aux naturel.

S o u p s.

Spring à la Royale, Consommé.

F i s h.

Turbaus of Mullet.—Sauce Béchamel.

Fillet of Schnapper au suprême.

E n t r é e s.

Compôte of pigeon.

Petits pâtées à la Duchesse.

Epigrams of chickens.

Lamb cotlets and green peas.

Sweet breads à la champagne.

R e m o v e s.

Roast saddle mutton.—Red currant Jelly.
 Boiled Turkey and Celery sauce.
 Roast Ducks and green peas.
 Roast Sirloin Beef,—Horse radish sauce.
 Roast Goose and apple sauce.
 Boiled ox tongue.
 Braised York Ham.

G a m e.

Roast Guinea Fow and bread sauce.
 Roast Hare and game sauce.

E n t r e m e t s.

Cabinet pudding. Gelée à la champagne.
 Charlotte à la Russe. Trifle.
 Gooseberry Tort à la Neige. Macedoine of strawberries.
 Orleans pudding. Savoy cake.
 Topsy cake.

R e m o v e s.

Caviare toast. Mayonnaise of chicken.

I c e s.

Strawberry cream. Nesselrode Pudding.

D e s s e r t i n s e a s o n.

Къ этому меню надо прибавить 25 сортовъ винъ. Стараясь всегда относиться добросовѣстно къ каждому дѣлу, за этимъ обѣдомъ погрѣшили—всего не могли даже попробовать.

Передъ уходомъ изъ Аукланда насъ еще разъ торжественно привѣтствовали въ концертномъ залѣ, пригласивъ на концертъ въ пользу госпиталя и убѣжища для стариковъ. Концертъ давался Обществомъ хорового пѣнія съ оркестрами подъ управленіемъ Карла Шмидта по слѣдующей программѣ:

1. Overture „Masaniello“ (Auber)—Orchestra.
2. Part Song „Let the Hills resound“ (Richards).
3. Song „Sing, sweet Bird“ (Ganz).
4. Part Song (Male Voices) „Hark, the Merry“.
     Drum (Krug).
5. March „Tannhauser“ (Wagner)—Orchestra.
6. Song „The Storm“.
7. Duet Concertante (Violin and Piano).
     „Cenerentola“ (Osborne and De Beriot).—Herr Carl
     Schmitt and m-r Angelo Forrest.

8. Part Song „The Fairies Recall“ (Carl Schmitt).
9. Song „Clochette“ (Molloy).
10. Overture „Poet and Peasant“ (Suppe).—Orchestra of choral Society.
11. Part Song „Carnovale“ (Rossini).
12. Song (with Violin Obligato) „Berceuse“ (Gounod).
13. Part Song (Male Voices) „the Three chafers“.
14. Valse „Delaware Klänge“ (Dungl)—Orchestra.

Въ афишахъ стояло примѣчаніе: „съ согласія Комитета Общества хорowego пѣнія, прессы Аукланда, г.г. Upton и К^о, г.г. Champ-taloup and Cooper, и г.г. Atkin, полный сборъ съ „Matinée“ поступаетъ на нужды Убѣжища и экстренный расходъ на Рождествѣ“.

Кратковременная стоянка въ Аукландѣ не дала возможности побывать въ окрестностяхъ и воспользоваться всѣми приглашеніями. Мы ушли изъ Аукланда 7 декабря въ Австралію.

Г л а в а VII.

Австралія.

Изъ Аукланда крейсеръ Африка направилъ свой путь по сѣверной части Новой Зеландіи и 15 декабря отдалъ якорь въ портѣ Джаксонъ города Сиднея въ южной Австраліи. Эта обширная бухта сразу производитъ пріятное впечатлѣніе своими берегами, покрытыми богатой растительностью; вдали виднѣтся масса домовъ—это Сидней, а на заднемъ планѣ рисуются въ туманѣ горизонта вершины Голубыхъ горъ. Сидней—главный городъ и центръ штата Новый Южный Валлисъ, онъ первый и старѣйшій городъ Австраліи. Самъ городъ расположенъ въ четырехъ миляхъ отъ моря и сообщается съ портомъ Джаксонъ посредствомъ желѣзной дороги. Впослѣдствіи катаясь по городу, мы любовались на главной улицѣ („Георга и Питта“) прекрасными зданіями, а въ окрестностяхъ восторгались садомъ и паркомъ.

Къ приходу крейсера прибылъ адъютантъ генераль-губернатора поздравить адмирала съ благополучнымъ приходомъ и передать, что генераль-губернаторъ ожидаетъ адмирала на слѣдующій день въ часъ дня. По этому поводу произошелъ слѣдующій разговоръ:

Адмиралъ спрашиваетъ:—„А кто меня будетъ встрѣчать?“

Адъютантъ замялся и говоритъ:—„Мнѣ кажется, никто, Ваше Превосходительство“.

— „Ну, передайте вашему генераль-губернатору, что я не поѣду“. Смущенный адъютантъ уѣхалъ. Возвратившись черезъ нѣсколько времени, адъютантъ доложилъ адмиралу:

— „Для Вашего Превосходительства на пристани будетъ подана коляска генераль-губернатора, сопровождать будутъ адъютанты верхомъ, для встрѣчи на пристани назначенъ почетный караулъ въ составѣ роты со знаменемъ и музыкой и въ моментъ вступленія на берегъ—крѣпость произведетъ установленный салютъ съ подъемомъ русскаго флага“.

— „Вотъ теперъ я поѣду“, сказалъ адмиралъ и довольный спустился къ себѣ въ каюту.

На берегу, конечно, этотъ эпизодъ получилъ извѣстность, и результатъ получился прекрасный: тамъ поняли, что съ адмираломъ надо соблюдать извѣстныя правила. Намъ вездѣ оказывали полное вниманіе, присылали массу приглашеній и выдали каждому офицеру именной почетный билетъ для проѣзда по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ Австраліи, хотя только-что состоялось постановленіе объ отмѣнѣ этихъ билетовъ.

Въ виду приближавшихся праздниковъ Рождества Христова, командиръ крейсера поручилъ командиру роты приготовить матросскій спектакль; выбрали пьесу, декораціи написали сами, а для шитья костюмовъ пригласили портниху изъ города, которая была удивлена данными ей заказами и много смѣялась, снимая мѣрки женскихъ платьевъ съ матросовъ.

Въ ближайшее воскресенье мы собрались прокатиться въ Ботанической садъ; приятно ѣхать въ хорошемъ экипажѣ по гладкой дорогѣ да еще предвкушая хорошій обѣдъ. Накатавшись вдосталь, шикарно подкатили къ лучшему отелю, вошли уже чувствуя голодь, рѣшивъ составить приличное меню, но, увы! Сидней подверженъ жестокому правилу не готовить кушанья по воскресеньямъ, такъ какъ прислуга изволить гулять (по-нашему, совершенно напрасно пускать каждое воскресенье), а господа должны довольствоваться какими-то холодными блюдами и консервами. Съ горя пошли въ церковь, гдѣ намъ указали мѣста, дали по книжкѣ, и мы пѣли вмѣстѣ со всѣми, что полагается.

25 декабря состоялся спектакль въ жилой палубѣ крейсера; декораціи работы фельдшера Курбатова, превзошли всякія ожиданія по исполненію данныхъ темъ. Спектакль почтили своимъ присутствіемъ адмиралъ, командиръ, семейство консула и офицеры „Вѣстника“ и „Пластуна“. Послѣ увертюры, исполненной нашимъ оркестромъ подъ управленіемъ капельмейстера Дитша, подняли красивую занавѣсь и дружно сыграли пьесу: „Барина дома нѣтъ“, за-

тѣмъ были четыре живыя картины и дивертиссементъ. По окончаніи спектакля публика неоднократно вызывала исполнителей и распорядителя.

29 декабря устроили международную гонку, на участіе въ которой изъявили согласіе всѣ суда, стоявшія тогда на рейдѣ, а именно: французское—„D' Estrees“, нѣмецкое „Moeve“, англійскія— „Wolverene“, „Nelson“, „Emerald“, „Renaru“, „Lark“, „Miranda“, „Cormorant“, „Alacrity Sandely“, „Beagle“. Дистанцію для парусныхъ шлюпокъ назначили въ шесть миль, а гребныхъ двѣ мили. Наше торжество пріѣхали смотрѣть: лордъ Августъ Лофтусъ съ супругой, консулъ съ семьей и другіе приглашенные адмираломъ; всѣхъ гостей съ успѣхомъ занялъ нашъ медвѣдь, котораго привели къ нимъ за лапу—сначала боялись мохнатаго звѣря, но потомъ, видя его добродушную фізіономію, возились съ нимъ безъ устали.

Парусную гонку открыли катера, первымъ пришелъ—африканскій, изъ вельботовъ нашъ шелъ все время первымъ, но у него сломалась мачта, и первенство перешло къ французскому вельботу. Англійскій катеръ и нашъ второй вельботъ перевернулись, людей спасли. Подъ веслами всѣ африканскія шлюпки по всѣмъ категоріямъ взяли первые призы—это былъ нашъ полный триумфъ. Въ газетахъ писали, что прошло время первенства англичанъ—теперь сѣверный медвѣдь побѣждаетъ и входитъ въ силу.

Изъ-за постоянныхъ приглашеній, намъ только 30 декабря удалось использовать полученныя желѣзнодорожныя билеты. Утромъ выѣхали изъ Сиднея; сначала поѣздъ шелъ по плоской равнинѣ, изрѣдка пересекаемой холмами, и казалось, что все время продолжается предмѣстье Сиднея. За мѣтечкомъ Параматта пошли лѣса плодовыхъ деревьевъ, далѣе поѣздъ, прорѣзавъ долину, гдѣ водился австралійскій страусъ, подошелъ къ подъему на Голубыя горы. Поднимаясь все выше и выше черезъ небольшіе лѣса и глубокія, часто съ отвѣсными стѣнками, ущелья—поѣздъ доходитъ зигзагами съ двумя локомотивами до четырехъ тысячъ футъ.

Не отличаясь богатствомъ растительности, Голубыя или Синія горы все-таки даютъ красивую панораму, особенно сверху. Мѣстами открываются обширныя долины, покрытыя травой или пашнями, въ другомъ мѣстѣ видны верхушки другихъ менѣе высокыхъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ. На самомъ верху подъема въ очень опасномъ мѣстѣ поѣздъ уменьшаетъ ходъ, чтобы дать возможность публикѣ полюбоваться и выглянуть въ окно на пропасть, у которой не видно дна—многіе отказывались отъ такого пріятнаго зрѣлища. Мы проѣхали 253 версты до города Батурста, лежащаго по другую сторону Голубыхъ горъ среди песчаной степи. Улицы города ши-

рокія, обсажены деревьями, хотя не много защищающими отъ ужасной пыли, воздухъ раскаленъ—ни до чего не дотронешься: все горячо. Мы прибыли въ Батурстъ въ 6 часовъ вечера, передѣвшись въ отелѣ, гуляли по городу, съ нетерпѣніемъ поджидала обѣда. Дѣло въ томъ, что мы не взяли съ собой провизіи, буфетовъ же нигдѣ нѣтъ, а потому мы совершили сіе пріятное путешествіе безъ всякой пищи въ теченіе цѣлаго дня. Послѣ обѣда опять гуляли по городу до отхода дилижанса, везущаго путешественниковъ на станцію желѣзной дороги. Въ вагонѣ было много народа; пришлось всю ночь сидѣть въ тѣснотѣ. Утромъ прибыли въ Сидней. Встрѣча новаго года прошла у насъ самымъ скромнымъ образомъ—только поздравили другъ друга и разошлись по своимъ каютамъ... Тяжело встрѣчать новый годъ на чужбинѣ, вдали отъ своихъ близкихъ.

1 января 1882 года послѣ скучныхъ оффиціальностей, мы поспѣшили удрать по желѣзной дорогѣ въ Параматта вмѣстѣ со старшимъ офицеромъ къ его знакомому господину Ровсонъ, который съ семействомъ былъ на Африкѣ съ визитомъ и чтобы пригласить къ себѣ въ гости офицеровъ посѣтить его имѣніе. Намъ показали хозяйство, кирпичный заводъ и рубку лѣса, а главное накормили хорошимъ обѣдомъ, зато мы играли съ барышнями въ четыре руки.

На другой день ушли изъ Сиднея и 5 января пришли въ бухту Stormbay города Гобартъ на островѣ Тасманія (бывшее названіе его Вандименова земля). Островъ покрытъ множествомъ горъ, изъ которыхъ Cradle въ провинціи Lincoln достигаетъ 5.069 футь, Bon Lomond въ Cornwall—5.010 футь, кромѣ того имѣется больше 4.000 ф.—15, до 4.000 ф.—67 и до 1.000 ф.—13 горъ. Изъ приведенныхъ цифръ можно представить себѣ картину этого сравнительно небольшого острова. Столица острова, Гобартъ-таунъ расположенъ на правомъ берегу широкаго устья рѣки Дервентъ, по холмамъ, образовавшимъ здѣсь нѣчто въ родѣ неправильныхъ террасъ; такое своеобразное мѣстоположеніе даетъ городу живописный видъ.

7 января мы уже танцевали на балу въ честь эскадры въ порядочномъ залѣ, но подъ плохую музыку; одно утѣшеніе было, что здѣсь женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ, и по самой простой причинѣ: на лѣто сюда пріѣзжаютъ изъ Мельбурна и Сиднея цѣлыя семьи кромѣ отцовъ и служащихъ сыновей, остающихся въ городѣ вести свои дѣла.

Слѣдующій день ознаменовался поѣздкой внутрь страны по приглашенію мадамъ Скоттъ. Сборнымъ пунктомъ была назначена пристань, съ которой всѣ перешли на небольшой пароходъ, чтобы под-

няться вверхъ по рѣкѣ. Публики набралось столько, что едва наши мѣсто приткнуться, не говоря о какомъ-либо комфортаѣ, но мы, какъ истые россияне, не отчаявались и надѣялись на лучшее будущее. По пути слѣдованія парохода виды не представляли ничего привлекательнаго, также и лужайка, около которой остановился пароходъ послѣ довольно продолжительнаго плаванія.

Согласившись собраться къ 5 часамъ, всѣ разбрелись въ разныя стороны, больше, все парочками, мечтать въ глубинѣ и тиши лѣсовъ. Кромѣ адмирала и командировъ, прилагавшихъ усилія избавиться отъ прогулки въ обществѣ почтенныхъ леди, нашлась еще троица (докторъ П. М. Губаревъ, Э. Г. Егерманъ и мичманъ Р.), пытавшихся незамѣтно скрыться съ площадки, но, увы... зоркій взглядъ хозяйки своевременно замѣтилъ маневръ, и бѣдное тріо, несмотря на легкій протестъ, было награждено двумя немолодыми барышнями, оставшимися за разборомъ другихъ. Дѣлать нечего—побрели въ лѣсъ, по лужайкамъ, глубокомысленно смотрѣли на деревья и окружающую природу, особой красоты въ барышняхъ... виноватъ, въ ландшафтахъ не нашли, хотя съ большимъ интересомъ разсматривали неизвѣстныя породы деревьевъ, которыя мѣняютъ кору вмѣсто листьевъ.

Къ назначенному сроку не опоздали, даже ухитрились несмотря на протестъ спутницъ, придти на площадку раньше, куда манила уже приготовленная холодная закуска. Съ парохода принесли одинъ стулъ, тогда возникъ вопросъ: кто изъ дамъ на него сядетъ; навѣрно было бы масса обидъ, неудовольствій, разныхъ шпилекъ и прочихъ любимыхъ дамскихъ развлеченій. Адмиралъ, видя нѣкоторое замѣшательство, разрѣшилъ вопросъ по-своему—самъ сѣлъ на стулъ, а дамамъ предложилъ красивымъ жестомъ руки, расположиться около него на травѣ, и всѣ успокоились, благодаря его за находчивость.

По возвращеніи въ городъ тріо, оставшись джентльменами до конца, пошло провожать своихъ спутницъ до дому; онѣ оказались изъ хорошей богатой семьи Watchorn, жившей на собственной чудной дачѣ. Прекрасный фруктовый садъ, масса громаднхъ магнолій въ цвѣту и отличный ужинъ привели или вѣрнѣе уравновѣсили настроеніе.

Въ одинъ изъ дней наша музыка играла въ Ботаническомъ саду при большомъ стеченіи народа.

Наконецъ, рѣшили устроить эскадренный балъ въ отвѣтъ на всѣ приглашенія намъ какъ здѣсь, такъ и въ Сиднеѣ, для организаціи выбрали съ cadaго судна по два офицера и отъ штаба В. Н. Фридерикса. Африканскій распорядитель мичманъ Р. изъ-за хло-

потъ по балу не попалъ на гарденъ-парти къ одному лорду, но на балъ къ губернатору (Sir G. C. Straham) все-таки улучилъ время: надо же потанцовать со знакомыми барышнями.

Вспоминая про балъ у губернатора, нельзя обойти молчаніемъ замѣчательное прохожденіе губернаторомъ службы, справку о которой мы получили на берегу:

Sir George Cumine Straham. Въ 1857 году вышелъ въ офицеры въ одну изъ артиллерійскихъ бригадъ.

1859 — назначенъ адъютантомъ къ Гладстону на Ионическіе острова.

1859—17 февраля—къ Storts тоже адъютантомъ

1858—главнымъ секретаремъ къ губернатору Мальты.

1869—колоніальнымъ секретаремъ Багамскихъ острововъ.

1871—1873—губернаторомъ тѣхъ же острововъ.

1873—администраторомъ Лагоса.

1874—губернаторомъ колоній Золотого берега.

1876—тоже Windward Island.

1880—тоже Тасманіи.

1880—(въ концѣ года) и. д. Главнаго начальника гражданской части на мысѣ Доброй Надежды и Южной Африки.

1881—вернулся губернаторомъ Тасманіи.

Карьера самая головокружительная и разнообразная.

12 января съ утра царить хаосъ, „Аффрика“ неузнаваема—на верхней палубѣ все сняли, что можно, поставили тенты, убрали внутри флагами и зеленью. Жители города прислали массу зелени и цвѣтовъ для бала, матерію для покрывекъ дивановъ, сдѣланныхъ изъ коекъ, взяли на прокатъ, также какъ и нѣкоторую мебель. На машинномъ люкѣ былъ устроенъ старшимъ механикомъ А. А. Миковымъ среди роскошной зелени прекрасный фонтанъ.

На шкафутѣ (часть верхней палубы между гротъ и фокъ-мачтами) съ одной стороны приютился открытый буфетъ, а на другой сторонѣ выстроились вѣшалки для платья. Въ жилой палубѣ накрыли столы для ужина, заказаннаго на берегу на 450 человекъ. Въ электрическомъ освѣщеніи недостатка не было, нашъ минный лейтенантъ А. Т. Тарасовъ блеснулъ во всю.

Скоро 8 часовъ... Распорядители волнуются, больше всѣхъ флаг-офицеръ, онъ уже забылъ Таити съ ея прелестной голландкой, и теперь мысли заняты, чтобы не ударить лицомъ въ грязь передъ какой-то англичаночкой, успѣвшей покорить его сердце.

Англичане аккуратны, въ назначенный часъ стали валомъ валить съ берега на шлюпкахъ, съ эскадры, офицеры едва успѣвали встрѣчать на трапахъ и провожать гостей по верхней палубѣ.

Вечеръ прошелъ очень оживленно, особенно понравился котильонъ съ турами и мазурка, впрочемъ, все хвалили какъ въ газетахъ, такъ и на другой день, который мы провели въ большомъ обществѣ у мадамъ Камеранъ, гдѣ собрались наши знакомые, чтобы проститься съ нами передъ уходомъ эскадры изъ Гобарта. Вечеромъ не утерпѣли забѣжать къ Watchorn отдохнуть среди чудныхъ ароматныхъ магнолій и проститься хотя со старенькими, но все-таки очень милыми барышнями.

Балъ обошелся въ очень крупную сумму, но расходъ легъ не особенно обременительно на офицеровъ, благодаря особой раскладкѣ: адмиралъ внесъ значительную часть, затѣмъ остатокъ распредѣлили на три части по числу офицеровъ на каждомъ суднѣ, гдѣ командиры приняли на себя половину, такимъ образомъ осталась сравнительно небольшая часть, которую разложили пропорціонально получаемому содержанию.

14 января ушли изъ порта несмотря на дурную погоду, адмиралъ не хотѣлъ измѣнить программу плаванія, но все-таки не удалось сохранить ее неприкосновенной, такъ какъ штормъ заставилъ зайти въ бухту Fires-bay, и только 18 января при достаточно сильномъ вѣтрѣ добрались до бухты Филиппъ въ гавань города Мельбурна, который отстоитъ отъ берега въ нѣсколькихъ минутахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ. На берегу же непосредственно лежитъ городъ Sandrindge, немного далѣе St. Kilda и Williams Town съ доками.

Мельбурнъ столица Австраліи и штата Викторія, расположенъ на живописной, слегка холмистой рѣки Ярра на разстояніи шести километровъ отъ ея впаденія въ заливъ Филиппъ. Крейсеръ сталъ на якорь недалеко отъ мола, по которому ходятъ поѣзда отъ тутъ же стоящей станціи, около мола швартовятся пароходы для выгрузки и нагрузки товаровъ. Поѣздъ, пройдя двѣ мили, останавливается на станціи въ улицѣ Флиндеръ. Самый городъ состоитъ изъ небольшого количества длинныхъ, пересѣкающихся между собою улицъ (Коллингсъ стритъ, Буркъ стритъ и др.). Постройки красивы, особенно помѣщенія банковъ, клубовъ, также правительственныхъ учреждений. Оживленіе на улицахъ необычайное—масса экипажей, омнибусовъ и публики слуютъ по улицамъ и мосту черезъ Ярру. Нельзя также не упомянуть о прекрасномъ паркѣ, въ которомъ можно встрѣтить много сортовъ австралійской и европейской флоры.

На другой день мы перешли въ Williams Town, чтобы войти въ докъ для окраски подводной части. До 27 января намъ не было передышки отъ судовыхъ работъ, особенно возились съ выгрузкой и нагрузкой пороха—несмотря на усталость къ вечеру,

мы находили возможность иногда съѣздить вечеромъ въ театръ, ѣзды по желѣзной дорогѣ въ Мельбурнъ всего полчаса.

По окончаніи работъ крейсеръ вернулся въ Sanbrigde на старое мѣсто недалеко отъ молла.

Вскорѣ получили приглашеніе на обѣдъ отъ городской думы, въ прекрасномъ залѣ, былъ и обѣдъ прекрасный изъ слѣдующаго меню:

M E N U.

Oysters on shell.

Caviar on toast.

S o u p.

Ouka à la Czarina.—Julienne.

F i s h.

Boiled Hobarton Trumpeter à la Hollandaise.

Fried Fillet Whiting à la Tartar.

E n t r é e s.

Vol-au-vent financière.

Ducks and olives.

Lamb cotlets and peas.

R e m o v e s.

Roast Turkey aux champignon.

Boiled Turkey and oyster sauce.

Roast chicken.

Boiled chicken.

Roast Duck.

Fillet Beaf à la chasseur.

York Ham.

Ox Tongue.

Saddle Lamb.

P u n c h r o m a i n.

G a m e.

Quail (бекасы).

Wild Turkey.

P u d d i n g.

Alexandra à la crème.

Alexandra à la maréchal.

E n t r e m e t s.

Jelly kirsch. Jelly Maraschino. Jelly Plain.

Italian cream. Chocolate cream.

Charlotte Russe. Pâtisseries.

Ice Pudding à la Richélieu.

Fondues.
Ices. Dessert. Café.

W i n e s.

Champagne Moet et Chandon Gold top extra super.
Chablis. Chateau la Rose, Claret cup.
Schloss Iohannisberg, Rüdersgeimer.
Amontillado Sherry.
Old Port
Australian Wines.
Pale Brandy, Old scotch whisky, Forter's al, Burke staut.
Aeroted Waters.

На обратной сторонѣ меню былъ напечатанъ списокъ тостовъ, которые должны быть произнесены:

1. За здоровье Ея Величества Королевы.
- 2.—Ихъ Императорскихъ Величествъ Россійскаго Императора и Императрицы.
- 3.—Ихъ Королевскихъ Высочествъ Принца и Принцессы Валлійской и другихъ членовъ Королевскаго дома.
- 4.—Его Превосходительства Губернатора.
- 5.—Адмирала Асланбегова, командировъ и офицеровъ русской эскадры.
- 6.—Министровъ Ея Величества въ Викторіи.
- 7.—Ихъ чести судей.
- 8.—Консуловъ.
- 9.—Парламента.
- 10.—Прессы.
- 11.—Дамъ.

По окончаніи вышеуказаннаго меню, со стола все убрали, подали батареи винъ, фрукты, сласти и, когда разлили шампанское, начались сначала назначенные тосты, а затѣмъ рѣчи, при чемъ каждый ораторъ требовалъ, чтобы бокалы до начала его рѣчи были осушены и съ началомъ рѣчи вновь наполнены.

Нашъ адмиралъ, вообще владѣвшій даромъ слова, произнесъ прекрасную рѣчь, приведшую публику въ неистовый восторгъ. Адмиралъ говорилъ по-русски, а на англійскій языкъ переводилъ его флагъ-офицеръ лейтенантъ А. М. Абаза, свободно владѣвшій этимъ языкомъ. Присутствующіе были поражены оборотомъ рѣчи, адмиралъ сказалъ:

— „Господа я выхожу изъ залы—пауза (общее смущеніе), я буду говорить о гостепріимствѣ англійскихъ колоній, ранѣе нами посѣщенныхъ“ (всѣ вздохнули свободно).

Черезъ нѣсколько времени адмиралъ сказалъ: „теперь я возвращаюсь въ залу“ и началъ говорить о настоящемъ приѣмѣ.

Дружеская бесѣда затянулась если не за полночь, то во всякомъ случаѣ на довольно продолжительное время, и мы не скучали.

Въ промежутокъ между 30 января и 8 февраля англичане устроили гонку гребныхъ судовъ, чтобы отомстить за Сиднейскую, при этомъ пустили гоночныя шлюпки съ особыми гребцами, не принимая нашего протеста, и всѣми неправдами добились нѣкотораго успѣха.

Въ свободное время мы посѣщали театры, знакомыхъ, танцевали у консула и сами принимали гостей. Барышни удивлялись, видя насъ бѣлыми—онѣ думали, что мы чернокожіе и ѣдимъ салныя свѣчи. Чтобы немножко ихъ проучить, мы пригласили нѣсколько знакомыхъ семействъ къ намъ обѣдать, составивъ очень хорошее меню.

Старшій штурманъ Э. Г. Э—ъ сѣлъ между двумя барышнями и началъ говорить одной изъ нихъ передъ каждымъ блюдомъ:

— „Вы знаете, что будете ѣсть“?

— „Нѣтъ“.

— „Это супъ изъ салныхъ свѣчей“.

Барышня дѣлаетъ видъ, что ѣсть, а сама не проглотила ни одной ложки, та же исторія была и съ другими блюдами. Обѣдъ удался на славу, всѣ ѣли съ аппетитомъ, только одна барышня осталась голодной, именно та, которая спрашивала, правда ли, что мы ѣдимъ салныя свѣчи.

Послѣ обѣда Э. Г. Э—ъ громко разказалъ свою продѣлку при общемъ хохотѣ, а бѣдная барышня чуть подъ столъ не свалилась отъ стыда.

Однажды мы были приглашены на большой обѣдъ къ Н. D. Esterre Taylor; обѣдъ шель чинно, до обѣда хозяинъ прочиталъ молитву, разговаривали тихо и немного, только за сладкимъ блюдомъ одинъ изъ насъ произнесъ какую-то фразу про яблочный пирогъ, и вдругъ весь столъ прыснулъ отъ хохота, вся чопорность пропала, и обѣдъ кончился очень весело, но только англичане такъ и не сказали, что обозначало слово, такъ ихъ развеселившее.

8 февраля мы получили торжественное приглашеніе на концертъ Общества „Metropolitan Lidertafel“, имѣющаго собственный оркестръ, хоръ и солистовъ. Адмиралъ и командиръ почему-то не поѣхали, лейтенанты также, пришлось мичману Р. быть представи-

телемъ. При входѣ нашемъ въ залу (по величинѣ точно манежъ) вся публика, наполнявшая залъ, встала, и раздались величественные звуки русскаго гимна. Насъ посадили въ особыя кресла, впереди перваго ряда, рядомъ съ президентомъ общества, очень почтеннымъ старичкомъ и членами комитета ¹⁾.

Всѣ нумера исполнялись прекрасно, гвоздемъ же концерта былъ романсъ „Морозъ“, исполненный госпожею Босма по-русски. Публика особенно аплодировала, когда г-жѣ Босма мы поднесли букетъ съ бѣлыми и голубыми лентами.

Послѣ концерта намъ предложили холодный ужинъ съ неизбежными рѣчками.

Въ Мельбурнѣ у насъ сбѣжалъ буфетчикъ, подговорившій матроса-въстового украсть у офицера порядочную сумму денегъ. Бѣглецы, переодѣвшись на берегу въ вольное платье, поѣхали по желѣзной дорогѣ въ Сидней, рассчитывая тамъ сѣсть на пароходъ, идущій въ Европу; но незнаніе языка ввело ихъ въ ошибку, и они очутились въ поѣздѣ, идущемъ внутрь страны по строящейся дорогѣ. На конечной станціи полиція ихъ арестовала и вернула въ Мельбурнъ, увѣдомивъ насъ о задержаніи, при чемъ сообщала, что мы можемъ взять бѣглецовъ подъ своимъ конвоемъ, уплативъ за каждого по 7 фунтовъ стерл., т. е. по 70 рублей. Дѣлать нечего, заплатили деньги и отдали бѣглецовъ подъ судъ, это былъ единственный случай за все плаваніе съ нашей прекрасно дисциплированной командой.

Несмотря на оказываемое намъ видимое вниманіе и удобную стоянку, мы были рады уйти 12 февраля изъ Мельбурна, хотя внутренно было жаль покинуть веселый городъ безъ стѣснительныхъ правилъ. Причина, ускорившая нашъ уходъ и заставившая этому радоваться—были ежедневныя газетныя статьи, въ которыхъ помѣщались непріятныя вещи и клевета.

Въ газетахъ открыто выражали боязнь, что эскадра пришла высмотрѣть и опредѣлить возможность завоеванія австралійскихъ колоній. Вотъ, на примѣръ, слѣдующая выдержка изъ газеты (составляющая точный переводъ) можетъ дать понятіе о предположеніяхъ англичанъ.

Выдержка изъ газеты „The Ade“ Thursday, March 23. 1882.

Русскіе планы на Мельбурнъ. Важныя разоблаченія.

„Мы желаемъ сдѣлать вступленіе къ слѣдующему за симъ обзорѣнью, предупредивъ, что оно подлинное и достовѣрное, и что мы

¹⁾ Комитетъ состоялъ: Покровитель—Н. Е. The marquis of Normandy, президентъ—The Hon. T. T. Gassy, Conductor.—M-r Julius Berz.

теперь публикуемъ его съ намѣреніемъ указать цѣль посѣщенія русской эскадры этихъ колоній, а также неизбѣжную опасность нападенія въ случаѣ войны между Россіей и Великобританіей, которое въ особенности угрожаетъ Мельбурну. Чтобы быть въ состояніи удовлетворить общественное любопытство на столько, на сколько въ нашей власти, мы даемъ подробности обстоятельствъ, которыя повели къ важнымъ разоблаченіямъ, сдѣланнымъ здѣсь въ томъ порядкѣ, какъ они случились. Въ прошлую пятницу господинъ, повидимому иностранецъ, по имени Генри Брайантъ далъ свѣдѣнія, излагаемыя ниже, и вступивъ съ нами въ секретное соглашеніе, выразилъ желаніе снабжать свѣдѣніями о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ адмирала Асланбегова въ этихъ видахъ. Въ отчетѣ, который онъ далъ въ другомъ мѣстѣ о его сношеніяхъ съ адмираломъ, онъ представилъ себя какъ лицо, бывшее въ конфиденціальныхъ отношеніяхъ съ нимъ, настолько, что Брайантъ былъ приглашенъ присутствовать при составленіи длинной, шифрованной депеши въ отвѣтъ на такую же русскаго морского министерства, въ которой сообщались адмиралу инструкціи на время стоянія эскадры въ этихъ водахъ и назначалось движеніе судовъ послѣ ухода изъ бухты Гудсона.

„Этотъ шифръ въ настоящее время у г. Брайантъ, и онъ предлагаетъ его правительству, въ случаѣ, если это донесеніе будетъ подѣ сомнѣніемъ, сравнить съ оригиналомъ, лежащимъ въ телеграфномъ бюро, за передачу котораго адмиралъ заплатилъ шестьдесятъ фунтовъ стерлинговъ. Въ этихъ двухъ депешахъ, а именно: изъ морского министерства адмиралу Асланбегову и въ отвѣтъ адмирала министерству были изложены свѣдѣнія, на которыя мы обращаемъ вниманіе общества и правительства. Ихъ содержаніе вполне обнаруживаетъ цѣль посѣщенія адмирала и, что равно интересно— оно показываетъ, что Россія не только готовится къ военнымъ дѣйствіямъ въ Тихомъ Океанѣ, но что она имѣетъ въ виду войну съ Англійей.

„Эскадрѣ приказано отправиться изъ Шанхая на Фиджи за углемъ, съ острововъ Фиджи въ Новую Каледонію или Нов. Гебриды—въ это время война будетъ объявлена—изъ Нумей или Канала броситься на австралійскія колоніи.

„Мельбурнъ выбранъ предпочтительно передъ Сиднеемъ, какъ болѣе доступный и менѣе защищенный, сумма контрибуціи назначена: съ Викторіи—5 милл. фунтовъ, съ Сиднея—5 милл. ф., съ Аделаиды—2 милл. ф., съ Брисбана—1 милл. 600 тыс. фунтовъ стерлинговъ.

„Г. Брайантъ, сообщившій намъ это, говоритъ, что когда сумма была

назначена, онъ сказалъ, что сумма слишкомъ велика, и по его мнѣнію внесена быть не можетъ. На это адмиралъ отвѣтилъ: „я лучше освѣдомленъ“.

„Г. Брайантъ, который сражался подъ начальствомъ Гарибальди и въ прусско-французской войнѣ, разсказалъ намъ, основываясь на собственномъ опытѣ, какъ обыкновенно побѣдители взимаютъ контрибуцію. Когда прусскій отрядъ захватилъ большое французское селеніе, командующій офицеръ потребовалъ выкупъ въ 300.000 франковъ. Мэръ протестовалъ, заявивъ о невозможности собрать такую сумму. Командиръ на это возразилъ, что ему извѣстно о полученіи большей части этой суммы вдовой (назвалъ ея фамилію) нѣсколько недѣль назадъ. Если вдова не пожелаетъ содѣйствовать мэру, то онъ получитъ съ помощью солдатъ, Г. Брайантъ прибавилъ, чтобы деньги немедленно были представлены, и онъ не сомнѣвается, что адмиралъ Асланбеговъ и командиры вычислили вѣроятное наличіе денегъ въ рукахъ хозяевъ домовъ Викторіи, прибавивъ къ нимъ деньги, хранящіяся въ банкахъ и на монетномъ дворѣ—все составило бы 5 милл. фунтовъ. Въ числѣ другихъ свѣдѣній, полученныхъ изъ депеши адмирала въ мор. мин., есть уплата 5.000 рублей нѣкому Б. Г. Брайантъ, который сообщилъ секретно, кому эта сумма назначалась, и нѣтъ сомнѣнія, что такого рода услуги дѣлаются, когда ждутъ обратно того же.

„Причины, заставившія Г. Брайантъ дать намъ свѣдѣнія, которыя мы теперь обнародываемъ — составляютъ это собственное дѣло. Онъ упоминаетъ о смертельной обидѣ, полученной имъ отъ адмирала за нѣсколько часовъ до ухода изъ порта. Брайантъ отклонилъ выполненіе даннаго ему порученія, считая его вреднымъ для колоній, что же касается уплаты отъ русскихъ властей за нѣсколько безпокойныхъ дней, то онъ считаетъ, что поступилъ правильно, т. к. онъ не русскій. Брайантъ не скрываетъ свою принадлежность къ нигилистамъ и, будучи по профессіи военнымъ инженеромъ, обладаетъ прекрасными знаніями въ минномъ дѣлѣ и говоритъ по-англійски, французски, нѣмецки, итальянски и голландски. Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора съ нимъ убѣдитесь въ его знаніи политики Европы за послѣднія двадцать лѣтъ.

„Нельзя было выбрать болѣе способнаго агента для такого правительства, какъ Россія. Хотя нѣкоторые офицеры знали его лично, но специальность его оставалась тайной. Онъ былъ посланъ русскими властями къ адмиралу въ Сидней, откуда онъ прибылъ въ Мельбурнъ, и мы узнали во вторникъ утромъ отъ г. г-на Даміона, русскаго консула, о полученномъ имъ распоряженіи отъ адмирала обезпечить проѣздъ г. Брайантъ въ Александрію, когда онъ будетъ

телеграфировать объ этомъ. Конечно, справедливо сказано, что г-ну Даміону была совершенно неизвѣстна цѣль нашихъ разспросовъ, сущность которой было удовлетворить насъ самихъ по поводу тождественности г. Брайантъ и чтобы добыть побольше свѣдѣній о немъ самомъ. Мы должны прибавить, что г. Брайантъ содѣйствовалъ нашимъ усиліямъ въ этомъ направленіи съ большою готовностью, скорѣе упрасивая дѣлать изслѣдованія, чѣмъ отказываясь отъ нихъ, чтобы доказать подлинность его личности.

„Два джентельмена были посланы для этой цѣли къ лейтенанту Фредериксу, который въ настоящее время находится въ Туракъ, чтобы онъ засвидѣтельствовалъ, извѣстенъ ли ему лично г. Брайантъ. Лейтанантъ Фредериксъ, который прекрасно говоритъ по-англійски, былъ видимо не расположенъ поддерживать разговоръ на эту тему и учтиво въ краткихъ словахъ сказалъ, что не знаетъ никого, кто носилъ бы это имя. Когда мы извѣстили г. Брайантъ объ его отвѣтѣ, этотъ господинъ выразилъ сожалѣніе, что его не пригласили сопровождать нашихъ представителей, и сейчасъ же предложилъ явиться лично къ лейтенанту Фредериксу, который, вѣроятно, не зналъ его имени, но легко бы узналъ его, какъ м-ръ Даміонъ и другіе, къ которымъ мы обращались. Удостовереніе личности казалось достаточно полнымъ, чтобы опять безпокоить лейтенанта Фредерикса, и предложеніе г. Брайанта не было приведено въ исполненіе.

„По провѣркѣ фактовъ мы сообщили свѣдѣнія сэру Брайанъ О'Логлэнъ въ присутствіи г. Брайанта тѣ, которыя считали необходимыми, и спросили, считаетъ ли себя правительство свободнымъ отвѣтить на вызовъ г. Брайантъ и просмотрѣть шифрованную телеграмму адмирала, лежащую въ настоящее время въ телеграфной конторѣ. Сэръ Б. О'Логлэнъ призналъ чрезвычайную важность сообщенія, но послѣ должныхъ обсужденій не призналъ себя уполномоченнымъ сдѣлать такой шагъ. Г. Брайантъ, подслушавъ разговоръ адмирала съ сэромъ Б. О'Логлэнъ на крейсерѣ „Аффрика“ по поводу насмѣшки въ газетѣ „The Age“, передалъ его намъ; изъ разговора видно, какое важное значеніе адмиралъ придавалъ сообщеннымъ имъ свѣдѣніямъ. По его мнѣнію укрѣпленія Квинслифа могутъ быть взяты 500 человѣками, высаженными въ тылу, пока суда флота вступятъ въ бой впереди, и тогда участь Мельбурна будетъ рѣшена. Мы не думаемъ, чтобы пропустили что-либо увеличивающее интересъ этого повѣствованія или доказывающее его вѣрность. Несомнѣнно, двѣ депеши составляютъ главную суть, и собственное донесеніе Брайанта надо считать съ ними въ связи. Онъ считаетъ себя отвѣтственнымъ за все сказанное и не считаетъ себя въ правѣ

что-нибудь скрывать отъ публики. Мы считаемъ г. Брайанта русскимъ агентомъ, такъ какъ адмиралъ сдѣлалъ его своимъ довѣреннымъ. Мы знаемъ, что адмиралъ послалъ депеши въ нашемъ городѣ и копія попали въ руки сэру Джоржу Вердону, который передалъ ихъ губернатору. Слѣдовательно, документы не были недоступными.

„Важность раскрытія тайны газетою „The Age“ надо считать большою, такъ какъ обнаружили планы русскихъ на Австралію и желаніе воевать съ Англіей.

„Естественно адмиралъ—не единственный обладатель секрета русской политики, и англійское правительство предупреждено уже изъ другихъ источниковъ. Съ перваго взгляда, кажется безразсуднымъ, что Россія добивается войны съ Англіей, когда у нея уже есть Германія и Австрія, чтобы состязаться; вызовъ будетъ почти навѣрное на востокъ. Въ самомъ дѣлѣ мы узнали изъ телеграммъ нѣсколько дней тому назадъ, что англійское правительство потребовало объясненія движеній Россіи въ Мервѣ, и что съ каждымъ днемъ она подвигается ближе. Совершенно справедливо, что Россія могла бы возразить, что ея близость къ Афганистану, готовому устремиться на нее моментально, можетъ удержать Англію отъ вмѣшательства въ европейскія осложненія. Съ другой стороны она становится во главѣ положенія взять на свой страхъ оскорбить восточную политику г. Гладстона и присоединиться къ европейской коалиціи противъ нея. Къ этимъ дѣламъ мы теперь не касаемся, у насъ есть факты, что Россія готовится къ войнѣ, и что русская эскадра посѣтила австралійскія колоніи и находится на пути соединенія съ Амурской флотиліей. Этого одного совершенно достаточно, чтобы придать глубокой интересъ всему, что можетъ пролить свѣтъ на планы Россіи, и въ этомъ смыслѣ мы не сомнѣваемся, что депеши, ниже помѣщенные со словъ г. Брайанта и изъ его донесенія, будутъ съ интересомъ прочитаны всею колоніей.

Первый документъ составляетъ точное содержаніе депеши русскаго министра:

„Инструкція морскаго министра русскому адмиралу Асланбегову“.

1. Установить осмотромъ уязвимые пункты для нападенія на побережье и въ гаваняхъ австралійскихъ колоній.

2. Какія силы могли бы быть выставлены въ случаѣ объявленія войны между Россіей и Англіей, — изъ чего эти силы состоятъ и какаѧ ихъ дѣйствующая сила.

3. Какія части побережья Нов. Южнаго Валлиса и Тасманіи доступны, чтобы служить убѣжищемъ для крейсеровъ и для судовъ эскадры.

4. Установить точную сумму денежных средств, которыми располагають колоніи, чтобы взять контрибуцію эскадрой, которая захватить укрѣпленія „Heads“ (порта Филиппъ) и бухту, точно также, какъ порта Нов. Южнаго Валлиса, въ особенности колоніи „Викторія“ — гдѣ считается легче привести въ исполненіе этотъ планъ и которая менѣ защищена, чѣмъ Нов. Юж. Валлисъ, и болѣе доступна, чѣмъ Сидней.

5. Какимъ образомъ различныя колоніи могутъ помогать одна другой въ случаѣ внезапнаго нападенія на одну изъ нихъ—сколько времени потребно, чтобы получить помощь людьми и орудіями, какой способъ быстро сообщенія и какое разстояніе одной отъ другой.

6. Какіе боевые припасы, оружіе и обозы существуютъ въ колоніяхъ, имѣющіе значеніе въ критическихъ обстоятельствахъ, имѣются ли арсеналы для изготовленія припасовъ и какія существуютъ мастерскія.

7. Могло ли быть, въ случаѣ войны Россіи съ Англіей, довѣріе къ ирландскому населенію этихъ колоній, въ особенности въ предвидѣніи серьезныхъ возмущеній, поощряемыхъ въ то же самое время въ Ирландіи ¹⁾.

8. Послѣ того, какъ крейсерство въ австралійскихъ колоніяхъ будетъ окончено, эскадра пойдетъ на „rendez-vous“ въ Сингапуръ; адмиралъ одинъ передвигается въ направленіи къ Сурабайя (Ява), другія суда въ то же время идутъ въ Батавію, прежде чѣмъ идти въ Сингапуръ. По полученіи инструкціи въ Сингапурѣ эскадра идетъ въ Шангхай (Китай) на соединеніе съ другой эскадрой, идущей съ Амура и другихъ частей Тихаго океана (нѣсколько броненосцевъ).

9. Контръ-адмиралъ Асланбеговъ будетъ произведенъ въ вице-адмиралы и получитъ въ командованіе весь флотъ, который достигнетъ всего 15 или 17 судовъ, восемь изъ нихъ пойдутъ изъ Шангхая на о—ва Фиджи за углемъ, эскадра изъ Фиджи передвинется въ Новую Каледонію или Нов. Гебриды, въ это время война будетъ объявлена. Изъ Нумей или Каналы эскадра пойдетъ захватить австралійскія колоніи, прежде чѣмъ онѣ успѣютъ быть предупреждены о враждебныхъ дѣйствіяхъ.

10. Одно изъ судовъ, входящихъ въ составъ эскадры, отдѣлится (спеціально приспособленное для этой цѣли), чтобы захватить и разрѣзать подводный кабель, соединяющій Портъ-Дарвинъ и съ Бемджо

---

¹⁾ Читатели „The Age“ помнятъ, что свѣдѣнія даны изъ вымышленной депеши, которую мы опубликовали двѣ недѣли тому назадъ. Делеша составляетъ возмутительную фантазію писавшаго ее.

ванги (Ява); это судно присоединяется къ другимъ судамъ по пути западнаго побережья Австраліи и появляется въ Кингъ-Джорджъ-Соундъ, чтобы перехватить пароходы изъ Цейлона или Мыса Доброй Надежды.

11. Собрать контрибуціи по пяти милліоновъ фунтовъ съ Мельбурна и Сиднея, два милліона съ Аделаиды и одинъ милліонъ съ Квинслэнда. (Далѣе слѣдуютъ нѣсколько менѣе важныя распоряженія).

Слѣдующій документъ—шифрованная депеша адмирала Асланбегова, о которой говорилось выше.

„Копія *не буквальная* телеграммы, отправленной адмираломъ Асланбеговымъ, русскому морскому министру въ С.-Петербургъ 23 февраля 1882 г.“.

„Согласно инструкцій, изложенныхъ въ вашихъ депешахъ отъ 5 декабря и 8 января, имѣю честь донести Вашему Превосходительству, что я выполнилъ задачу, возложенію на меня Его Величествомъ нашимъ Отцемъ. (Sa Majesté notre Père) и имѣю требуемыя свѣдѣнія.

Австралійскія колоніи не имѣютъ серьезной защиты, чтобы противопоставить ее эскадрѣ или десантному отряду.

Викторія *vide* Мельбурнъ *a merci*.

Денежныя средства и запасы неисчислимы.

Пошлите въ виду этого приказъ Владивостокской эскадрѣ присоединиться къ отряду въ Шангхаѣ въ будущемъ апрѣлѣ.

Предупредите S. V. P. нашего отца, что новыя серьезныя махинаціи готовятся „Nihilum Koloko“ на праздники коронаціи.

Подробности найдете въ двухъ заказныхъ депешахъ, которыя я отправляю завтра почтой.

Послѣ завтра отправляюсь въ Гленельгъ. Буду ожидать дальнѣйшихъ приказаній, какъ условлено, въ Кингъ-Джорджъ-Соундѣ.

Прибыль баронъ Маклай.

Оставилъ маіора Брайанта въ Мельбурнѣ, въ будущемъ апрѣлѣ онъ отправится въ Суэцъ, въ Александріи сядетъ на русскій пароходъ въ Одессу.

Разрѣшите уплатить немедленно пять тысячъ рублей Б. Ничего новаго на эскадрѣ. Настроеніе офицеровъ превосходно“.

Вашъ покорный подчиненный Асланбеговъ.

Примѣчаніе. Въ телеграммахъ, отправленныхъ почтой, адмиралъ жалуется на недостаточную вѣжливость губернатора, который отсутствовалъ во время его ухода, будучи предупрежденъ объ этомъ, и строго осуждаетъ это. Онъ также рассказываетъ объ обнаруженіи поддѣльной депеши въ „The Age“.

Донесеніе Г. Брайанта.

Адмираль Асланбеговъ согласно части предъидущихъ предписаній написалъ Его Величеству и морскому министру двѣ объемистыя депеши. Онѣ были посланы 23 сего февраля и были зарегистрированы въ почтовой конторѣ. Я присутствовалъ при врученіи ихъ конторѣ и принималъ участіе въ составленіи ихъ.

Длинная шифрованная депеша также была послана въ тотъ же день черезъ г. Даміона, русскаго консула въ этотъ городъ, который получилъ депешу изъ рукъ самого адмирала въ моемъ присутствіи. Та депеша была составлена адмираломъ, командиромъ „Африка“, лейтенантомъ Абаза и мной. Ни одна живая душа кромѣ насъ не знаетъ ничего о ней.

Г. Даміонъ только отправилъ ее въ телеграфную контору.

Ключъ этого шифра мнѣ извѣстенъ, такъ что, въ случаѣ сомнѣнія у правительства, будетъ легко доказать публикѣ Викторіи подлинность моего донесенія.

Въ день отправки этой депеши я былъ скрытъ въ адмиральской каютѣ, когда сэръ Брайанъ О'Логлэнъ, первый министръ колоніи, приѣхалъ на судно по поводу статьи въ „The Age“ и, хотя сэръ О'Логлэнъ меня не видѣлъ, тѣмъ не менѣе я слышалъ разговоръ его съ адмираломъ.

Удостовереніе Г. Брайанта.

Я нижеподписавшійся симъ удостовѣряю, что выше помянутое донесеніе вѣрно во всѣхъ подробностяхъ, что я личность, которую тамъ указываютъ, что вышеприведенныя депеши почти дословныя копии оригиналовъ, что я былъ въ довѣренныхъ отношеніяхъ съ адмираломъ Асланбеговымъ и помогалъ ему составлять почтовые депеши, что я также обладалъ ключемъ къ шифрованной телеграммѣ, которую адмираль послалъ 23-го числа своему правительству, и что ключъ былъ переданъ мною изъ рукъ въ руки владѣльцу „The Age“, и что я сдѣлалъ этотъ шагъ, который разоблачаетъ планы по важнымъ причинамъ, касающимся лично меня самого. Зная въ какое фальшивое положеніе я поставлю себя въ отношеніи публики Викторіи въ случаѣ, если свѣдѣнія были бы найдены живыми.

Подписалъ Генрихъ Брайантъ“.

Передъ уходомъ изъ Мельбурна мы получили, наконецъ, почту изъ Россіи, отправленную *девять* мѣсяцевъ тому назадъ.

Г л а в а VIII.

14 февраля пришли въ городокъ Glenelg, расположенный вблизи берега и не вдалекѣ отъ главнаго города штата—Аделаиды.

Рейдъ открытый съ постояннымъ вѣтромъ и волненіемъ.

Самый городъ Аделаида раздѣляется Торресовомъ потокомъ и парками на двѣ части—сѣверную и южную; въ первой находятся виллы и дачи коммерческихъ людей, отдыхающихъ здѣсь среди полей и парковъ, пользуясь широкимъ просторомъ и свѣжимъ воздухомъ. Въ южной части сосредоточена коммерческая дѣятельность—здѣсь собственно находится настоящій городъ, который раздѣленъ главной улицей короля Вильяма на двѣ половины.

На этой улицѣ помѣщаются главнѣйшія служебныя зданія и нѣсколько отелей. Интересно, что здѣсь южная сторона улицы въ тѣни, а сѣверная солнечная—въ полдень солнце проходитъ по сѣверной половинѣ неба.

Жизнь въ Аделаидѣ, также какъ и въ Сиднеѣ, идетъ по строго установленнымъ правиламъ для воскресныхъ дней, и потому публика предпочитаетъ въ воскресенье разѣзжаться по окрестностямъ.

Въ Аделаидѣ по примѣру другихъ штатовъ Австраліи имѣется парламентъ и свои министры, признающіе только верховную власть королевы. Во всѣхъ городахъ министры пріѣзжали къ намъ за полученіемъ почестей при встрѣчѣ и салюта при отъѣздѣ, а насъ, офицеровъ, начальство посылало отдавать визитъ.

Однажды, гуляя по улицамъ, мы остановились у мясной лавки, интересуясь выставленнымъ въ окнѣ—вдругъ видимъ знакомое лицо въ костюмѣ мясника внутри лавки. Хозяинъ лавки въ свою очередь, узнавъ насъ, просилъ зайти въ лавку, гдѣ и отрекомендовался министромъ какихъ-то дѣлъ.

— „Вы были у меня вчера съ визитомъ, и я вижу, что вы узнали меня и смотрите съ изумленіемъ на мой костюмъ. Здѣсь мы всѣ одинаковы: въ парламентѣ—министры, а въ городѣ лавочники“.

Придя въ Glenelg, адмиралъ также не желалъ сѣзжать на берегъ безъ надлежащей встрѣчи: за отсутствіемъ войскъ, пришлось чинамъ городскихъ управленій обоимъ городамъ пріѣхать въ фракахъ и цилиндрахъ на пристань; иначе нашъ Абрамъ Богдановичъ совсѣмъ бы не поѣхалъ.

17 февраля мы получили приглашеніе прибыть на экстренномъ поѣздѣ въ Аделанду, гдѣ насъ встрѣтили члены городского Совѣта для сопровожденія въ Думу. Хозяинъ города (E. T. Smith—the

mayor of Adelaide) угощалъ шампанскимъ съ приличными рѣчами, но мы больше слушали прекрасный органъ. Визитъ былъ кратковременный, и вскорѣ насъ пригласили сѣсть въ кареты съ сидѣньями на крышѣ, самое почетное мѣсто считается на козлахъ рядомъ съ хозяиномъ кареты, который самъ править лошадыми. Нельзя сказать, чтобы на крышѣ было удобно сидѣть; на обратномъ пути многіе предпочли сидѣть комфортабельно внутри кареты.

Поѣздка на возвышенность, называемую Лофтирантъ, считается самой излюбленной, здѣсь высокія возвышенности тянутся подобно валу въ 3.000 ф. высоты, пролегая въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. По горѣ проведено хорошее шоссе; поднимаясь по немъ все выше и выше, можно наблюдать мѣстную флору: по скатамъ горъ растетъ скудная трава, шероховатая и тусклая, болѣе отлогіе скаты покрыты мелкимъ колючимъ кустарникомъ и мѣстами эвкалиптусами; вообще растительность скудная, не дающая пейзажамъ обычной прелести. Съ перевала горъ открывается прекрасный видъ на городъ, на долины съ домиками, окруженными садами, и вдали синѣющее море.

Болѣе двухъ часовъ продолжался подъемъ на возвышенность, гдѣ въ награду ожидалъ насъ роскошный завтракъ.

Назадъ доѣхали быстро, прямо къ пристани, гдѣ сѣли на свои шлюпки.

18 февраля городъ Glenelg далъ „Complimentary Ball“ въ честь эскадры. Адмиралъ спросилъ, кто будетъ на балу; ему сказали, что губернаторъ и мѣстныя власти; тогда онъ согласился ѣхать. Вдругъ почти передъ самымъ баломъ пріѣзжаютъ сказать, что губернаторъ заболѣлъ.

— „Ну, и я боленъ,—сказалъ адмиралъ,—передайте, что и я не поѣду“.

Какъ ни старался англичанинъ объяснить, что балъ не можетъ состояться безъ адмирала, онъ остался непреклоннымъ. Посланный уѣхалъ, черезъ нѣсколько времени онъ вернулся съ извѣстіемъ о желаніи губернатора быть на балу.

— „Передайте, что и я здоровъ, на балъ пріѣду“.

Когда съ берега поставленные наши махальные дали знать о пріѣздѣ губернатора, адмиралъ отправилъ офицеровъ и вслѣдъ за ними поѣхалъ самъ.

Мы вмѣстѣ съ адмираломъ вошли въ большое зало, убранное русскими и англійскими флагами; при вступленіи въ зало музыка съиграла русскій гимнъ, затѣмъ адмиралъ представилъ офицеровъ губернатору, и они оба взошли на возвышеніе, на которомъ стояли два кресла въ видѣ троновъ, а къ офицерамъ подошли лица, на-

значенныя для услугъ во время бала, главнымъ образомъ они слѣдили, чтобы у всѣхъ были дамы на танцы. Последнее обстоятельство для любителей танцевъ важно, т. к. дамъ приглашаютъ на весь танецъ—у насъ во время легкихъ мѣняются дамами, а здѣсь ужь если взялся вертѣть, то верти, пока музыка не кончитъ играть вальсъ. Мы перестроили по-своему: уговорили дамъ мѣнять кавалеровъ, на что онѣ, по своему непостоянству, легко согласились, и все пошло, какъ по маслу. Одинъ изъ насъ пригласилъ дамъ только на два танца, несмотря на доводы своего руководителя, увѣрявшаго, что потомъ ему не найти себѣ даму. Несговорчивый офицеръ остался при своемъ и вдругъ видитъ прехорошенькую барышню... Какъ тутъ быть? дѣлать нечего, обратился къ ассистенту.

— „Будьте добры попросить эту барышню со мной протанцовать слѣдующій танецъ“.

— „Конечно, я исполню ваше желаніе, но предупреждаю впередъ о печальныхъ результатахъ моей мисси и...“

— „Это все равно, я прошу передать мою просьбу“, прервалъ мичманъ многорѣчиваго ассистента и прибавилъ: „если слѣдующій танецъ занятъ, то какой-либо другой“.

Дѣйствительно миссія оказалась неудачной, да и не могло быть иначе—вѣдь не будетъ же такая хорошенькая сидѣть безъ кавалеровъ, но мичманъ отступить не хотѣлъ и лично отправился въ атаку.

— „Могу я просить васъ сдѣлать мнѣ удовольствіе протанцовать слѣдующій вальсъ или какой-либо другой танецъ“.

— „Я очень бы хотѣла танцовать съ русскимъ офицеромъ, но не могу отказать кавалерамъ, которые давно пригласили меня танцовать съ ними на этомъ балу“.

— „Мы съ вами встрѣтились первый и послѣдній разъ въ жизни, только единственный разъ въ пѣлой жизни я обратился къ вамъ съ просьбой, и вы никогда не услышите отъ меня другой, а также не увидите меня больше никогда. Мы останемся другъ другу неизвѣстными, не будемъ узнавать фамилій—пусть у меня на всю жизнь останется чудное воспоминаніе о времени, проведенномъ съ прелестной незнакомкой“.

...Крѣпость сдалась!

— „Но какъ же мнѣ поступить?“

— „Я увѣренъ, что хозяинъ (мичманъ обратился къ кавалеру милой барышни) исполнитъ просьбу гостя, обращающагося къ нему также въ первый и послѣдній разъ въ жизни, и уступить танецъ, разъ уже есть согласіе дамы на эту комбинацію“.

Англійскій офицеръ поклонился и отошелъ въ сторону, навѣрно,

посылая въ душѣ мичмана во всё болѣе отдаленныя мѣста, а нашъ мичманъ рѣшилъ не спрашивать согласія остальныхъ кавалеровъ и продолжалъ танцовать съ своей незнакомкой, пока безжалостный адмиралъ не прервалъ пріятные разговоры, увезя всѣхъ офицеровъ съ собой на крейсеръ. Мы пробовали, уходя съ нимъ въ однѣ двери, удирать въ другія обратно, но адмиралъ отлично зналъ, кто изъ офицеровъ на балу, и не уѣхалъ, пока не собралъ всѣхъ до единого, какъ добрая насѣдка своихъ цыплятъ.

Можетъ быть, кто-нибудь осудитъ дѣйствіе адмирала, но надо знать условія стоянки на якорѣ—рейдъ совершенно открытый, вѣтеръ началъ свѣжѣть, и адмиралъ могъ ожидать, что придется ночью сняться съ якоря.

Дѣйствительно на другой день, 19 февраля, мы ушли изъ послѣдняго настоящаго города, отличавшагося гостепрѣимствомъ, и завинтили вдоль австралійскаго берега, направляясь къ Индѣйскому океану.

По пути зашли 23 февраля въ бухту King George Sound къ городу Albany. Это маленькій городокъ съ 2.000 жителей расположенъ въ долинѣ, окруженной горами. На берегу намъ попадались остатки дикарей съ ужасно безобразными фізіономіями, одѣтые въ звѣриныя шкуры.

Намъ рассказывали, что цивилизованные завоеватели Австраліи, въ случаѣ надобности расширить свои владѣнія, отправляются партіей со своими слугами въ ближайшія деревни отчуждать землю по установленному обычаю, который заключается въ слѣдующемъ:

Участники экспедиціи нападаютъ на деревни, сжигаютъ ихъ, а жителей отъ мала до велика перестрѣливаютъ безъ пропуска. Соединеніе пріятнаго съ полезнымъ—пикникъ и отчужденіе земли.

Во время стоянки въ Albany насъ пригласили на охоту верхами на кэнгуру; поѣхало пять человѣкъ, т. е. требовалось умѣнье крѣпко сидѣть на лошади и особый костюмъ, какъ, на примѣръ, шапочка съ наушниками и 2 козырьками, мѣшокъ съ провизіей и проч.

Отъ дома пригласившаго насъ доктора мы отправились съ проводниками не торопясь, чтобы дать хозяину возможность догнать; докторъ въ моментъ отъѣзда былъ куда-то экстренно приглашенъ.

Дорога шла между деревьями, извиваясь по склонамъ горъ и по равнинамъ; черезъ часъ мы остановились у хижины какого-то старика, подкрѣпились и, когда подѣхалъ докторъ, двинулись дальше прямо въ лѣсъ, пустивъ впередъ борзыхъ. Ъхали то лѣсомъ, то прогалиной, черезъ овраги, пни, пока собаки не напали на слѣдъ. Вотъ тутъ началась дикая скачка—туземныя лошади не отстаютъ

отъ собакъ и не разбирають дороги, имъ все ни по чемъ; хуже всего, когда послѣ отчаянныхъ прыжковъ черезъ препятствія лошади влетали въ густой лѣсъ: вѣтви начинали хлестать лицо безъ различія чина и званія, хотя немного предохраняли наушники и козырьки. Вся забота состояла, чтобы не упасть съ лошади; насъ объ этомъ предупредили и просили неумѣющихъ крѣпко сидѣть на лошади оставаться дома. Если упадешь съ лошади, то она не будетъ ждать, и останешься одинъ въ незнакомомъ лѣсу безъ дорогъ. Охотники въ короткій промежутокъ далеко умчатся и найти будетъ трудно, опасность еще увеличивалась изъ-за отсутствія какого-либо оружія съ собой кромѣ простой палки, которая служить оружіемъ противъ кэнгуру.

Мы носились до полудня, позавтракали съ аппетитомъ, отдохнули и опять безуспѣшно скакали до трехъ часовъ, пока усилившійся дождь не заставилъ ѣхать обратно. Устали порядочно, съ горя купили шкурки кэнгуру въ городѣ.

26 февраля ушли въ Индѣйскій океанъ, закончивъ три четверти нашей программы; осталось посѣтить въ Азіи рѣдко посѣщаемыя мѣста.

Г л а в а IX.

Распростившись съ Австраліей, мы 6 марта прошли, чрезвычайно живописно стоящій, маякъ на мысѣ острова Ява и вечеромъ стали на якорь на рейдѣ города Батавія.

„Что городъ, то и норовъ“—вездѣ съѣзжали на берегъ, когда хотѣлось, а здѣсь пожалуйста утромъ, да и шлюпку не задерживайте у берега, не то можно получить жестокою лихорадку, холеру и проч.; къ тому же крокодилы осаждаютъ шлюпку у берега.

Приѣхали компаніей въ отель, оттуда и прямо въ городъ; намъ говорятъ:

— „Неужели вы пойдете въ самую жару по улицамъ, вѣдь въ это время никто не выходитъ“.

А мы въ отвѣтъ:

— „Ну, и сидите дома, если боитесь солнечнаго удара, а мы люди привычныя“.

До завтрака мы посѣтили Королевскій садъ, изобилующій массой разнообразныхъ растений; какихъ только растений нѣтъ, прямо не перечислить.

Обыкновенно въ каждомъ Ботаническомъ саду мы заходили въ оранжерею, а здѣсь вмѣсто нихъ холодильники для растений умѣреннаго климата.

— „Вамъ, какъ сѣвернымъ жителямъ, навѣрно пріятна температура холодильника“, сказалъ проводникъ.

— „Нѣтъ, намъ все равно, мы прекрасно переносимъ жару“, а самимъ все-таки пріятно было отдохнуть отъ жары.

Остатокъ дня до обѣда вся наша компанія провела у себя на верандѣ, лежа въ соломенныхъ, длинныхъ креслахъ, одѣтая строго по модѣ: въ широчайшихъ брюкахъ, бѣлой длинной кофтѣ китайскаго образца (съ узелками нитокъ вмѣсто пуговицъ) и туфляхъ на босую ногу. Такой шикарный костюмъ пользуется правами съ утра до обѣда, когда уже требуется европейскій костюмъ, какъ отъ мужчинъ, такъ и отъ дамъ. Безспорно, мужской костюмъ удобенъ, но дамскій, если можно выразиться, пикантнѣе и легче. Дамы носятъ тоненькія бѣлыя кофточки и кусокъ бѣлой матеріи вокругъ талии, на босыхъ ногахъ красуются легкія туфельки. Дѣти и подростки довольствуются открытыми лифчиками, сшитыми съ кальсонами до колѣнъ. Первое время наша безпредѣльная скромность сильно страдала — намъ совѣстно было подробно разсматривать своихъ сосѣдокъ-голландочекъ, но привычка беретъ свое, и скоро ничего не укрылось отъ нашего морскаго глаза.

Передъ обѣдомъ мы катались по аристократической части города вдоль каналовъ Rijswyk и Molenvliet, и слушали музыку, игравшую на бульварѣ. Нельзя не упомянуть о мѣстномъ обычаѣ кататься безъ головного убора, это вызвало замѣчаніе одного изъ насъ.

— „Господа! въ какомъ городѣ жители больше всѣхъ относятся съ уваженіемъ къ музыкѣ?“

— „Довольно странный вопросъ“.

— „Удивляюсь, какъ вы не знаете, господа—конечно въ Батавіи, посмотрите всѣ слушаютъ музыку, снявши шляпы“.

Конечно, остряка подняли на смѣхъ.

Вечеромъ мы поѣхали въ виць-мундирахъ въ городской клубъ по особому приглашенію, насъ встрѣтили очень любезно, старались оказать вниманіе и заботились, чтобы мы непрерывно танцевали.

По возвращеніи въ отель, каждый изъ насъ произвелъ въ своемъ номерѣ полный осмотръ комнаты и особенно кровати, черномазый слуга все перетряхнулъ, чтобы убѣдиться въ отсутствіи маленькихъ, крайне ядовитыхъ змѣй, которыя охотно залѣзаютъ подъ подушки, укусь этихъ милыхъ змѣекъ смертеленъ. Ночью произошелъ маленькій переполохъ: одинъ изъ насъ положилъ подъ подушку часы, во снѣ сунулъ руку туда и ощутивъ холодъ вскочилъ въ ужасъ, зывая къ прислугѣ отеля.

Слуга оказалась храбрѣе и съ улыбкой вытащилъ часы вмѣсто воображаемой змѣи.

На слѣдующій день, рѣшивъ уѣхать по желѣзной дорогѣ въ со-сѣдній городъ, поднялись рано, но этимъ никого не удивили—уже весь отель былъ на ногахъ, чтобы использовать утреннюю прохладу.

Приятно освѣжившись холоднымъ душемъ, мы пили кофе у себя на верандѣ (настоящій явскій кофе) и наблюдали картинку утренней жизни—женское населеніе отеля отъ мала до велика дефилировало мимо насъ въ ванную принимать душъ, идя закутанными въ простыни; при шествиі туда простыня ложилась складками, а при обратномъ — мокрая простыня плотно облежала носительницу. Тутъ только мы вспомнили, что доставили случай дамамъ наблюдать насъ, когда мы ходили мимо нихъ въ такихъ же костюмахъ; по этому поводу пошли разговоры и споры, кто внимательнѣе смотрѣлъ—мы или онѣ.

Въ 8 часовъ мы сѣли въ вагонъ и черезъ два часа прибыли въ Buitenzorg осмотрѣть знаменитый Ботаническій садъ (Landplantentuin te Buitenzorg), основанный 6 мая 1817 года нѣмецкимъ натуралистомъ профессоромъ Рейнвардтенъ.

Всемирная извѣстность сада пріобрѣтена замѣчательными коллекціями пальмъ и собраніемъ рѣдкихъ видовъ насѣкомыхъ — подражателей.

Вамъ показываютъ вѣтку дерева, чуть ее тронете, сейчасъ же являются ноги и вѣтка начинаетъ двигаться, также двигаются и разные листья.

Изъ Бюитензорга виденъ вулканъ Гедэ, а изъ городка Гарутъ (конечная станція желѣзной дороги), лежащаго въ 216 верстахъ отъ Бюитензорга, можно любоваться вулканомъ Попаданянъ (высотой 7.300 футъ).

Доставивъ случай всѣмъ офицерамъ побывать на берегу, адмиралъ приказалъ сниматься съ якоря для слѣдованія черезъ живописный Банковскій проливъ въ Сингапуръ. Дорѣгой пересѣкли экваторъ и окончательно простились съ южнымъ полушаріемъ.

Стоянка въ Сингапурѣ съ 14 по 31 марта не ознаменовалась ничѣмъ особеннымъ, она составила какъ бы передышку въ непрерывной смѣнѣ впечатлѣній въ теченіе пройденнаго нами пути.

4 апрѣля пришли въ новую интересную страну Сіамскаго короля. Заливъ, въ которомъ становятся на якорь, крайне мелководный, поэтому крейсеръ остановился чуть не посреди залива въ далекомъ разстояніи отъ берега, даже въ трубу нельзя разсмотрѣть никакого признака земли.

Отъ мѣста стоянки крейсера до столицы Сіама-Бангкока, включая путешествіе по рѣкѣ, считаютъ сорокъ миль, и, конечно, мы не могли воспользоваться своими шлюпками на такое разстояніе.

По недоразумѣнію пароходъ изъ Бангкока пришелъ за ними только на другой день, сейчасъ перебрались на него адмиралъ, командиръ и часть офицеровъ. Сначала мы шли на большомъ пароходѣ до устья рѣки Менамъ; пройдя песчаный баръ, стали подниматься вверхъ по рѣкѣ, любуясь разнообразной панорамой береговъ.

При входѣ въ рѣку расположенъ городъ Пакнамъ съ златоверхой пагодой на островѣ. Сплошная зелень пальмъ и другихъ деревьевъ маскируетъ свайныя постройки туземцевъ, выдѣляя на своемъ фонѣ плавуціе дома китайцевъ, расположенные длинными рядами вдоль береговъ. Наше путешествіе по мутной рѣкѣ съ пересадкой на другой пароходъ продолжилось съ 6 часовъ утра до часу дня.

Рѣзкой черты города нѣтъ — Бангкокъ представляетъ уширеніе или клубокъ нити строеній, идущихъ вверхъ по рѣкѣ. Самъ городъ довольно обширенъ, въ своемъ родѣ восточная Венеція съ своеобразными гондолами, по одинаковымъ способамъ гребли. Улицъ мало, все каналы съ висячими мостами, по каналамъ снуютъ шлюпки, точно торопятся куда-нибудь. Важныя лица разъѣзжаютъ въ длинныхъ гондолахъ съ рубками и большимъ количествомъ гребцовъ.

На серединѣ рѣки и у пристаней мы замѣтили пароходы, парусныя и военныя сіамскія суда (въ то время на сіамской службѣ было нѣсколько русскихъ механиковъ).

Мы остановились въ приготовленномъ помѣщеніи, переодѣлись и сейчасъ же на гондолахъ съ четырьмя гребцами отправились осматривать городъ. Наши гребцы съ трудомъ справлялись съ быстрымъ теченіемъ рѣки, и мы довольно долго плыли до сада, который оказался плохимъ ботаническимъ и зоологическимъ по своему содержанію, хотя устроенъ порядочно. Потомъ осматривали старый храмъ и монастырь; всѣ зданія пришли въ ветхость, но сохранили роскошь украшеній: наружныя стѣны представляли сплошной рисунокъ цвѣтовъ на изразцахъ, внутри помѣщеній много золота и мозаики. По дорогѣ встрѣтили нѣсколькихъ бонзъ, ихъ тогда считалось въ городѣ 35 тысячъ человекъ, они содержались на счетъ короля, способствуя за это укрѣпленію его власти. Полюбовавшись оригинальной архитектурой пагодъ, мы перебрались на другой берегъ осматривать зданіе выставки, которая должна быть открытой въ скоромъ времени. Изъ-за медленнаго способа передвиженія мы едва не опоздали къ обѣду.

На другой день рано утромъ поднялись на высокую башню посмотреть панораму Бангкока. На сколько глазъ можетъ обнять, ему представляется какъ бы сплошной паркъ съ каналами, среди зелени,

которой виднѣются домики, крыши пагодъ, домовъ; въ общемъ панорама очень живописна, зато кругомъ башни видъ совершенно противоположный. Надо сказать, что башня находится при кладбищѣ (если можно его такъ назвать) или вѣрнѣе на большомъ дворѣ, раздѣленномъ на нѣсколько частей. Въ одной части лежатъ безнадежные больные, во второй — стоятъ висѣлицы и плахи для отрубанія головъ, третья часть служитъ мѣстомъ сжиганія труповъ, если родственники были въ состояніи заплатить за это 35 центовъ (копѣекъ), въ противномъ случаѣ трупы бросаютъ на четвертый дворъ, самый ужасный изъ всѣхъ. Въ немъ постоянно живутъ орлы и кондоры, которые немедленно распредѣляютъ между собой свѣжіе трупы; посреди двора сложена пирамида изъ череповъ, тутъ же валяются во множествѣ кости и части тѣла, не объѣденныя еще птицами. Задыхаясь отъ убійственного запаха, не отнимая платковъ отъ носа, мы все-таки обошли дворъ, тщательно минуя страшныхъ хозяевъ двора. Сидящіе кондоры выше человѣческаго роста, они чувствуютъ свою силу и не даютъ дороги проходящимъ.

Для перемѣны впечатлѣнія мы пошли смотрѣть храмы и дворцы; они занимаютъ большое мѣсто, обнесенное высокой стѣной со многими воротами. На одномъ дворѣ мы наткнулись на массу ящиковъ — это была мебель, выписанная изъ Парижа для новаго дворца; намъ говорили, что выписано на 500 тысячъ долларовъ; за цифру ручаться нельзя, можетъ быть прихвастнули, а можетъ быть и правда.

Мы удачно попали къ дворцу, такъ какъ видѣли, какъ его степенство священный бѣлый слонъ изволилъ выйти на прогулку, при его выходѣ былъ вызванъ почетный караулъ для отдаванія чести. Караулъ въ составѣ одной роты находится постоянно при помѣщеніи и вызывается при выходѣ слона и возвращеніи его домой.

Дальше мы пошли осматривать пагоды — какая вездѣ роскошь и красота, полы выстланы мраморомъ, стѣны отдѣланы мозаикой изъ золотыхъ пластинокъ и цвѣтныхъ кусочковъ, двери черного дерева съ перламутровой инкрустаціей, все оригинально и цѣнно. Особенно богатъ главный храмъ, въ немъ Будда сдѣланъ изъ черного дерева съ бриллиантовыми глазами. Очарованіе храмомъ дополнялось звуками струнныхъ инструментовъ, сливавшихся въ стройные аккорды во время шедшаго тамъ богослуженія.

Послѣ завтрака мы отправились въ мундирахъ въ помѣщеніе адмирала и сѣли всѣ вмѣстѣ въ громадную, парадную гондолу подъ флагомъ адмирала, на буксирѣ парового катера, чтобы ѣхать во дворецъ короля.

Въ старомъ дворцѣ (новый Чокра Кри еще не готовъ) насъ

встрѣтилъ министръ иностранныхъ дѣлъ и братъ короля, послѣ обмена привѣтствій, насъ ввели въ роскошно отдѣланный залъ съ массой вещей изъ разныхъ странъ свѣта. На стѣнахъ около карниза устроены медальоны для помѣщенія иностранныхъ орденовъ, полученныхъ королемъ—медальонъ, назначенный для Россіи, оказался пустой.

Самъ король (Phra—Bad — Somdetch—Phra — Paramindr—Maḥa—Tschulalonkorn—Phra—Pschula—Tschau—Klao —Tschau—Yu-Hua) невысокаго роста, весьма симпатичной наружности, встрѣтилъ насъ крайне любезно и каждому подавалъ руку. По окончаніи представленія, Его Величество изволилъ пригласить адмирала сѣсть, адмиралъ же въ свою очередь жестомъ руки пригласилъ сѣсть командира и офицеровъ. Жестъ адмирала вызвалъ переполохъ: стульевъ было всего два и, чтобы усадить всѣхъ, пришлось придворнымъ и свитѣ принести стулья изъ другой залы. Въ общемъ вышло неловко, мы сидѣли, а всѣ остальные стояли, но король не выказалъ никакого неудовольствія и при прощаніи выразилъ сожалѣніе, что не можетъ дать намъ ордена, такъ какъ не имѣетъ русскаго ордена, взаменъ пожаловалъ по большой мѣдной медали, выбитой по случаю предстоявшей выставки. Кромѣ того Его Величество сказалъ:

— „Когда у насъ будутъ дипломатическія сношенія съ Россіей, я всегда готовъ поправить дѣло и пожаловать вамъ ордена“¹⁾.

Передъ уходомъ изъ дворца, насъ просили записать фамиліи въ книгѣ знатныхъ посѣтителей.

Пріемъ кончился посѣщеніемъ священныхъ слоновъ—три почти бѣлые, одинъ свѣтло-рыжій, при чемъ одинъ изъ слоновъ стоялъ на возвышеніи изъ-за своихъ слишкомъ длинныхъ клыковъ.

¹⁾ Впослѣдствіи одинъ изъ офицеровъ использовалъ обѣщаніе короля, будучи уже командиромъ канонерской лодки въ Тихомъ Океанѣ. Капитанъ 2 ранга Р., прочитавъ въ газетѣ о назначеніи А. Е. Оларовскаго посланникомъ въ Сіамъ, написалъ ему, по старой дружбѣ, поздравительное письмо и въ видѣ шутки разсказалъ о своемъ представленіи королю и его обѣщаніи. Письмо было получено посланникомъ въ моментъ отправленія на балъ во дворецъ, Алек. Еп. взялъ письмо съ собой и когда Его Величество обходя гостей подошелъ къ посланнику, онъ сказалъ:

— „Ваше Величество, я получилъ сейчасъ письмо отъ моего хорошаго знакомаго капитана 2 ранга Р., который пишетъ, что Вы изволите состоять должникомъ ему“.

— „Это какъ же? я готовъ сейчасъ же уплатить долгъ“.

Посланникъ разсказалъ, какъ было дѣло. Король разсмѣялся и, подтвердивъ достовѣрность своего обѣщанія, приказалъ немедленно послать орденъ Сіамской короны 3 степени.

Вечеромъ мы уѣхали изъ Бангкока, сначала плыли на шлюпкахъ въ теченіе двухъ часовъ по рѣкѣ въ совершенной тьмѣ среди густой растительности; лежа на днѣ шлюпки, можно было любоваться черезъ вѣтви звѣзднымъ небомъ и блескомъ свѣтляковъ, разсыпанныхъ во множествѣ чуть не каждомъ листочкѣ дерева, ихъ зеленоватый дрожащій свѣтъ производитъ особое впечатлѣніе. Со шлюпки пересѣли на пароходикъ, кое-какъ примостились на немъ—кто сидя, кто лежа на палубѣ; холодъ и сырость не дали спать, такъ и промаялись до разсвѣта. На пароходикѣ по рѣкѣ Dong-naï дошли до большого парохода, который и доставилъ на крейсеръ.

До ухода съ рейда мы проводили крейсеръ „Азія“, уходящій въ Россію, его адмиралъ потребовалъ въ Бангкокъ, чтобы проститься; наша эскадра все уменьшается въ числѣ, только мы держимся, но вѣдь нельзя намъ уходить, не выполнивъ программы.

15 апрѣля подошли къ мысу Св. Якова (Муи-Вунгъ-тау), лѣвой оконечности рѣки Ме-Конгъ, на которой расположенъ городъ Сайгонъ, столица Кохинхины. Теперь вся страна находится во власти французовъ, Кохинхину открылъ португалецъ Авдрада, а первый миссіонеръ былъ Carvalho. Мысъ Св. Якова украшенъ маякомъ, стоящимъ среди зелени, рядомъ съ маякомъ просторный домъ съ вышкой, въ которой помѣщенъ фонарь съ рефлекторомъ. Возлѣ дома установлена сигнальная мачта и пушка.

Холмистый краѣжъ, на вершинѣ котораго стоитъ маякъ, тянется вверхъ по устью рѣки до деревни, гдѣ изъ красивой рощи выглядываютъ европейскіе домики квартирующихъ здѣсь французскихъ артиллеристовъ; выше, по другую сторону деревни, возведена земляная батарея.

Около маяка останавливаютъ всѣ суда для опроса и принятія лодмана въ виду затруднительности самостоятельнаго плаванія по извилистой рѣкѣ. Устье рѣки Ме-Конгъ состоитъ изъ лагунъ, между которыми разливается безчисленное множество рукавовъ и притоковъ, вся эта система занимаетъ обширное пространство.

Крейсеръ пошелъ по лѣвому руслу, очень широкому сначала, его правый берегъ низменный, покрытъ кустарниками и пальмами съ безчисленнымъ количествомъ обезьянъ. Вода мутно-желтая во всемъ теченіи рѣки.

Вездѣ встрѣчали рыбацьи лодки, на берегу виднѣлись деревушки—одна на мыскѣ подъ холмомъ, другая нѣсколько выше влѣво по низменности, она называется Конджэ, при ней находится бухточка съ укрѣпленіями. Послѣ этой деревни, берега становятся еще болѣе низменными, они покрыты кустарниками и низкорослыми деревьями. Далѣе крейсеръ взялъ курсъ на рѣчной маякъ, за кото-

рымъ впадаетъ въ рѣку ея притокъ Сонгъ-Віамъ-чу, здѣсь рѣка до 360 сажень.

Чѣмъ дальше, тѣмъ рѣка становилась излучистѣе, крейсеръ шель малымъ ходомъ съ большою осторожностью. Растительность на берегахъ становилась бѣднѣе, но зато на пастбищахъ прогуливались большія стада свѣтло-сѣрыхъ буйволовъ, еще далѣе пошли рисовыя поля. Наконецъ, показались верхушки корабельныхъ мачтъ и красныя кровли зданій—это Сайгонъ, открывающійся все болѣе и болѣе то съ правой, то съ лѣвой стороны сообразно изгибамъ рѣки.

На рейдѣ мы застали, кромѣ военныхъ судовъ, еще „Тильзитъ“, судно старинной постройки, обращенное въ военную тюрьму. При входѣ на якорное мѣсто установленъ маякъ и семафоръ, съ котораго отдаются распоряженія стоящимъ судамъ ¹⁾).

По окончаніи разныхъ формальностей, небольшая группа офицеровъ съѣхала на берегъ, не стѣсняясь временемъ, здѣсь какъ и во всѣхъ тропическихъ странахъ, жители избѣгаютъ выходить изъ дома между 10 и 3 часами дня изъ боязни получить солнечный ударъ.

Въ городѣ улицы широкія, дома утопаютъ въ зелени и расположены какъ дачи; главная улица „Catinat“, параллельно ей „Національная“ и бульваръ „Нородомъ“. Сайгонъ построенъ на почвѣ изъ красной глины, очень красивы красныя дороги среди зелени, но для платья некрасиво, т. к. бѣлые кителя быстро покрываются красной пылью. Въ концѣ главной улицы стоитъ на площади католическій соборъ довольно большихъ размѣровъ и рядомъ съ нимъ прекрасное зданіе почты.

Проѣздомъ мы остановились посмотрѣть два памятника: адмиралу Риго-де-Женульи и воинамъ, павшимъ въ войнѣ съ Кохинхиной. Непосредственно отъ города идетъ паркъ и ботаническій садъ—гордость французовъ; онъ замѣчательенъ по богатству растительности, имѣетъ маленькій звѣринецъ и служитъ мѣстомъ прогулки. Въ паркѣ, часть котораго составляетъ ботаническій садъ, стоитъ обширный и великолѣпный дворецъ генераль-губернатора, двухъ-этажный съ широкими верандами кругомъ. Прекрасная каменная лѣстница и два полукруглыхъ вѣзда съ балюстрадами ведутъ къ террасѣ центральнаго павильона. Съ одной стороны дворца—широкій дворъ съ большой клумбой по срединѣ, обсаженной кустовид-

---

¹⁾ Авторъ этихъ записокъ никакъ не могъ предположить, чтобы этотъ семафоръ впоследствии извѣстилъ французскую эскадру о награжденіи автора званіемъ флигель-адъютанта и орденомъ св. Георгія 4 степени.

ными пальмами и агавами. Противоположная сторона двора обращена въ большой садъ съ массой цвѣтовъ.

Въ Сайгонѣ жара круглый годъ, почему офицеры и команда смѣняются черезъ два года, транспорты доставляютъ офицерамъ все необходимое изъ Франціи по дешевой цѣнѣ.

Вечеромъ мы обѣдали на французскомъ суднѣ; въ прекрасное меню обѣда входили павлины и рисовыя птички, которыя подаются въ бумажныхъ корзиночкахъ.

На другой день ѣздили въ Cholon, городокъ, лежащій около Сайгона; дорога туда идетъ непрерывными аллеями. Городъ населенъ исключительно анамитами и управляется старшиной подъ титуломъ „фу“.

Изъ Cholon мы торопились къ завтраку домой, чтобы принять французскихъ офицеровъ.

Вечеромъ отправились на балъ къ генералъ-губернатору. Чудный залъ, залитый свѣтомъ, пестрѣль разнообразіемъ, но, увы! дамъ оказалось только шесть, рискнувшихъ пріѣхать въ жару.

Всѣ иностранные офицеры были въ бѣломъ, и только несчастные русскіе офицеры изнывали въ суконныхъ сюртукахъ съ эполетами, сабляхъ, перчаткахъ и таскали съ грустнымъ видомъ свои шляпы.

Послѣ ужина мы сейчасъ же вернулись на крейсеръ.

18 апрѣля снялись съ якоря, чтобы повернуться крейсеру къ выходу; пришлось подняться по рѣкѣ далеко за городъ и развернуться на болѣе широкомъ мѣстѣ рѣки. При поворотѣ приходилось нѣсколько разъ почти упираться носомъ въ илистый берегъ; при этомъ спугивали крокодиловъ и другихъ звѣрей.

По выходѣ изъ мутнаго Ме-Конга, крейсеръ пошелъ по чистой, изумрудной водѣ океана, а вѣтерокъ доставлялъ нѣкоторую прохладу, но сырость не прекратилась.

Черезъ нѣсколько дней путешествія мы съ удовольствіемъ стали разсматривать острова, лежащіе около Гонгъ-Конга. Они не велики и безъ зелени, главный островъ Гонгъ-Конгъ представляетъ изъ себя массивный гранитный кряжъ, на сѣверной части котораго расположенъ городъ Викторія. Высокая гора въ 1.825 фут. носить также названіе Викторіи; она находится на западной сторонѣ острова, тогда какъ на восточной—гора Альбертъ; на южной устроены доки. Верхушки горъ покрыты очень скудной растительностью, только глазъ радуется зелень около дачъ.

Пройдя узкій проливъ между берегомъ Гонгконга и зеленымъ островомъ, на которомъ стоитъ маякъ, крейсеръ вошелъ на рейдъ и отдалъ якорь на указанномъ мѣстѣ. Пока совершались салюты и проч. формальности, мы принялись разсматривать городъ съ па-

лубы въ бинокли. Городъ расположенъ амфитеатромъ по склону горы Викторія до половины ея высоты; внизу сосредоточены дома консуловъ, банки и конторы.

Какъ только представилась возможность, мы поспѣшили на берегъ, съ удобной пристани прошли отличной дорогой къ четырехъ-угольной башнѣ съ часами, отъ нея поднялись выше, дошли до прекраснаго сада съ богатой растительностью—садъ оказался у дворца генераль-губернатора. Выйдя изъ сада, мы наткнулись на станцію желѣзной дороги, конечно сейчасъ же усѣлись въ вагонъ, который поднималъ насъ на самый пикъ горы. Устройство дороги очень солидное, хотя на видъ простое—два вагона прикрѣплены къ концамъ стального кабеля; когда одинъ поднимается, то другой спускается; мѣстами вагонъ принимаетъ положеніе близкое къ вертикальному. На вершинѣ горы проложены прекрасныя дороги къ дачамъ жителей Гонгъ-Конга; нѣкоторые предпочитаютъ чистый горный воздухъ и устроились комфортабельно въ своихъ дачахъ. Мы оставались на верху до слѣдующаго спуска, чтобы погулять по городу; тамъ сначала пошли по главной улицѣ Queen's Road; на ней обѣ стороны заняты магазинами въ двухъ-этажныхъ домахъ, при чемъ верхній этажъ жилой.

Въ городѣ имѣется англиканская церковь—вся бѣлая въ готическомъ вкусѣ и кромѣ того католическій монастырь. Клубовъ два—англійскій и нѣмецкій (Tarantula).

— „Что же, господа, мы толкаемся зря по улицѣ, зайдѣмъ въ магазинъ полюбоваться поближе китайщиной“.

— „А въ какой магазинъ“?

— „Да вотъ на дверяхъ написано Иванъ Ивановичъ, къ нему и пойдѣмъ“.

Конечно эту надпись сдѣлали русскіе офицеры, и хозяинъ магазина сталъ поставщикомъ нашей эскадры. Въ магазинѣ можно долго пробыть, не отрывая глазъ отъ издѣлій изъ слоновой кости и серебра. Передъ заходомъ солнца англичане, по своему обыкновению, высыпали на прогулку за городъ, длинная лента экипажей и носилокъ быстро двигалась по извилистой дорогѣ. Мы сѣли въ носилки, которыя состоятъ изъ соломеннаго кресла съ крышей или безъ оной, прикрѣпленнаго къ двумъ длиннымъ жердямъ, концы жердей китайцы-носильщики кладутъ себѣ на плечи. Китайцы быстро идутъ мелкими шагами, кресло слегка покачивается, располагая къ дремотѣ; такой способъ передвиженія удобенъ, но собственно говоря, жалко смотрѣть на бѣдныхъ носильщиковъ, обливающихся потомъ.

Въ Гонгъ-Конгъ мы проводили домой еще одного товарища—

клиперъ „Стрѣлокъ“ поднялъ длинный вымпелъ и полнымъ ходомъ ушелъ съ рейда на свободу.

1 мая адмиралъ съ эскадрой („Африка“, фрегатъ „Герцогъ Эдинбургскій“, клипера „Вѣстникъ“ и „Пластунъ“) вышелъ въ море; продѣлавъ нѣсколько маневровъ, адмиралъ отпустилъ суда по своимъ назначеніямъ, а самъ на „Африкѣ“ пошелъ въ Фу-чау.

До города надо поднимаются вверхъ по рѣкѣ до мѣстечка Ra-goda, гдѣ и становятся на якорь, отсюда на рѣчныхъ пароходахъ попадаютъ въ Фу-чау.

Въ день прихода „Африки“ за адмираломъ прислали пароходъ; наша компанія не пропустила случая примоститься, и всѣ вмѣстѣ отправились сначала осмотрѣть портъ, устроенный по французскому образцу. Въ немъ машины изъ Франціи—онѣ построены и оборудованы китайскими инженерами, получившими образованіе во Франціи.

Въ Фу-чау мы прибыли къ 8 часамъ вечера, телеграмма о времени приѣзда въ городъ опоздала, и потому никто не пришелъ насъ встрѣтить; подождавъ немного, мы всѣ пошли въ отель; въ немъ оказалась только одна свободная комната—положеніе безвыходное, но мы скоро изъ него вышли, благодаря приглашенію русскихъ купцовъ ночевать у нихъ.

Въ городѣ существовали тогда три русскія фирмы чаоторговцевъ, представители и приказчики помѣщались въ комфортабельныхъ домахъ; эти любезные хозяева насъ хорошо накормили и спать уложили.

На другой день рано утромъ отправились въ Ху-танъ (китайскій монастырь) сначала на шлюпкѣ на другую сторону рѣки, затѣмъ въ паланкинахъ на гору въ 1.600 футъ по живописной дорогѣ черезъ сосновыя рощи и чайныя плантаціи.

Монастырь старый, грязный, монахи тоже—интереснаго ничего; говорятъ, что въ немъ много историческаго, но намъ не удалось рассмотреть.

По возвращеніи въ городъ осмотрѣли чайныя фабрики, отборъ чая, его сортировку, смѣшиваніе и приготовленіе кирпичнаго чая. Побывали въ клубѣ и обѣдали въ помѣщеніи другой фирмы по особому приглашенію вмѣстѣ съ адмираломъ.

Въ 11 часовъ вечера вернулись на крейсеръ (адмиралъ остался въ городѣ еще на одинъ день).

На слѣдующій день къ намъ приѣхали съ визитомъ купцы, мы старались оплатить за оказанное гостепримство. Послѣ завтрака часть офицеровъ поѣхали провожать гостей, послѣ обѣда они проводили нашихъ, а послѣ ужина на крейсерѣ наши не могли не проводить—послѣ второго ужина въ городѣ купцы опять повезли нашихъ; такое безконечное путешествіе не могло продолжаться долго.

Чтобы прекратить его, 6-го мая ушли изъ Фу-чау въ Чи-фу, откуда адмираль уѣхалъ въ Пекинъ, а мы задыхались отъ ученій.

22 мая неожиданно является адмираль, командиръ не получилъ телеграммы, и потому адмирала никто не встрѣтилъ.

— „Снимаются съ якоря“, приказываетъ сердитый адмираль.

— „Ваше превосходительство, у насъ пары не разведены, расчеты съ берегомъ не кончены, все офицерское бѣлье въ стиркѣ и часть офицеровъ уволена въ городъ“.

— „Ничего не знаю, все кончить и немедленно сниматься съ якоря“.

Вотъ пошла горячка! закипѣла работа на крейсерѣ, и полетѣли гонцы на берегъ, но, увы! прачекъ на розыскали и бѣльшая часть нашего бѣлья пропала. Намъ не удалось отдавать въ стирку больше мѣсяца и потому отдали много; эта потеря понесла значительный уронъ нашему бюджету.

25 мая пришли въ Нагасаки, погрузивъ уголь, ушли въ Кобе сдѣлать маленькую передышку. Скоро мы должны разстаться съ милымъ адмираломъ; жаль его; онъ такъ много показалъ намъ интересныхъ странъ. Командиръ сдѣлалъ прощальный обѣдъ въ сосѣднемъ городѣ Осака, пригласивъ старшихъ лейтенантовъ и старшихъ специалистовъ. Обѣдъ въ отелѣ Джіутэ былъ, конечно, японскій съ пѣніемъ и танцами гейшъ.

Отъ Кобе мы поѣхали по желѣзной дорогѣ, до первой станціи Суми-юши. По пути мы видѣли непрерывный рядъ домовъ вдоль морского берега. По другую сторону дороги высится горный кряжъ, черезъ туннель въ которомъ подошли ко второй станціи Ниси-но-міа. Далѣе пройдя два туннеля и станцію Канъ-саки, остановились въ Осака.

Городъ расположенъ въ устьяхъ рѣки Юда-гава, впадающей въ заливъ тремя рукавами, которые соединяются между собою массой каналовъ съ еще бѣльшимъ количествомъ мостовъ; изъ нихъ одинъ Тенджинъ-баси въ 120 сажень длиной. Въ одномъ мѣстѣ при пересѣченіи двухъ каналовъ построено четыре моста одинаковой конструкціи, они составляютъ квадратъ, это мѣсто называется Іецу-баси или четверомостіе.

Самъ городъ раздѣляется на три части: портовую, среднюю и верхнюю (храмовую).

Въ нижней части живутъ европейцы (въ кварталѣ Цукиджи), и находятся присутственныя мѣста въ домахъ европейскаго образца. Въ средней части интересна Театральная улица съ массой балагавовъ.

Изъ храмовъ намъ указали на Коядзу-но-міа, построенный въ память микадо Нинтоку; съ площадки храма открывается видъ на

нижній городъ. Храмъ построенъ въ стилѣ древнѣйшей японской архитектуры.

Другой древнѣйшій храмъ это Сумійеши, построенный въ память императрицы Цингу-Коого, завоевательницы Кореи и первой самодержавной государыни въ Японіи.

Третій храмъ Сакура-но-міа называется по имени чудной вишневоы аллеи, ведущей къ нему (по-японски вишня—сакура).

Еще интересный храмъ Амида-ике буддйскій, куда на бѣломъ конѣ изъ Кореи была привезена статуя Амиды съ рубиновыми глазами и алмазомъ во лбу; преданіе говоритъ, что отсюда пошло распространеніе буддизма по Японіи.

Наконецъ, пятый храмъ Тенджимъ около длиннаго моста, построенъ въ честь Сугавара-но-Мичизане, покровителя школъ и учащихся.

Заканчивая списокъ достопримѣчательностей Осаки, надо упомянуть о замкѣ, игравшемъ большую роль въ исторіи Японіи, благодаря своему мѣстоположенію.

Замокъ Осиро занимаетъ самый возвышенный пунктъ, дающій ему возможность командовать надъ дорогой (Токандо), идущей съ юга на сѣверъ по всей Японіи. Стѣны замка занимаютъ окружность въ одну милю, построены очень прочно изъ громадныхъ глыбъ сѣраго гранита. Послѣ бомбардировки замокъ не возобновлялся, реставрированы только нѣкоторыя башни, въ замкѣ помѣщались при насъ солдаты.

Въ сѣверной части города помѣщается монетный дворъ, построенный англичанами за очень большую сумму.

До ухода изъ Кобе мы успѣли еще сѣздить въ Кіото; городъ лежитъ всего въ 52 верстахъ отъ Кобе. Первая станція Сіута, стоящая на обширной равнинѣ, покрытой селеніями. Вторая станція Ибаракі въ долинѣ рѣки Іоды. Третья—Такацуки около горнаго кряжа. Далѣ Яасаки, Мукомачи и Кіото.

Рядомъ съ желѣзнодорожнымъ путемъ тянется шоссе, чрезвычайно оживленное множествомъ повозокъ и домиками, вокругъ которыхъ разведены сады. Наконецъ, поѣздъ пробѣжалъ черезъ три рѣчки и вошелъ въ городъ къ станціи Шти-дзо европейскаго образца. Со станціи мы отравились въ лучшую гостиницу Маруяма; ея владѣлецъ Джутеи, у котораго мы обѣдали въ Осака.

Кіото иногда называютъ Сай-кіо, т. е. „западная столица“, въ отличіе отъ восточной „Тоо-кіо“ (Токио); Кіото былъ прежде резиденціей японскихъ императоровъ въ силу древняго обычая выбирать себѣ резиденцію по усмотрѣнію.

Самъ городъ расположенъ среди продолговатой долины, которая

въ южной части сливается съ долиной Йода-гавы, почти около города проходит горный кряжъ съ нѣсколькими горами.

Черезъ городъ проходятъ двѣ рѣки: Камо-гава и Кацууро-гава, обѣ рѣки сливаются въ городѣ и впадаютъ однимъ рукавомъ въ Йода-гаву.

Кіото распланированъ на правильные участки, хорошо шоссированныя улицы освѣщаются фонарями. Особенно хороши предмѣстья на холмахъ Хигаси-ямы; здѣсь преобладаютъ сады, священныя рощи, много дачъ, монастырей, а выше въ гору за кварталомъ Гіонъ посѣщается гостиница Мару-яма.

Изъ отеля обыкновенно везутъ въ Рэезанъ, гдѣ среди хвойнаго парка расположено кладбище, принадлежащее буддійскому храму Кійомидзу. Архитектура храма отличается отъ другихъ храмовъ очень высокимъ фундаментомъ; на вершину его ведетъ широкая лѣстница, самъ фундаментъ опирается одной стороной на горный кряжъ. Съ другой стороны храма устроена площадка, съ нея открывается чудный видъ на весь городъ.

Мы порядочно устали ѣздить и восторгаться, захотѣли ѣхать въ отель, но въ концѣ концовъ уступили и согласились закончить программу осмотромъ статуи Дайбудса. Порядочной величины площадь обнесена каменной стѣной, внутри ограды на каменномъ фундаментѣ помѣщенъ колоколь формою древней ассирійской тиары, онъ вѣситъ, какъ говорятъ, 20.000 пудовъ и по времени изготовленія старше московскаго царя-колокола. Статуя Будды находится въ храмѣ, она сдѣлана изъ бронзы.

Противъ храма не вдалекѣ насыпанъ курганъ, на немъ поставленъ каменный столбъ съ приплюснутымъ шаромъ на верху. Подъ этимъ курганомъ лежатъ уши корейцевъ, взятыхъ въ плѣнъ во время войны. Какъ не увѣковѣчить такой человѣколюбивый и благородный поступокъ!.. Курганъ называется Мими-дзука, отъ него не далеко до храма 33.333 святыхъ.

Храмъ представляетъ изъ себя длинный сарай, раздѣленный по длинѣ перегородкой, въ одномъ отдѣленіи стоятъ боги, другое предоставляется молящимся. Между статуями имѣются нѣкоторыя съ нѣсколькими головами; эти статуи держатъ на рукахъ и на колѣняхъ тоже по нѣсколько штукъ малыхъ боговъ, которые въ свою очередь обладаютъ нѣсколькими головами; этимъ объясняютъ счетъ 33.333 боговъ или вѣрнѣе головъ. Храмъ считается большою святынею. Нельзя не упомянуть объ интересной статуѣ Амиды, обладательницы сорока шести рукъ, при чемъ каждая рука держитъ какой-нибудь предметъ, обозначающій свойство божества. Напр. черепъ—это значитъ Амида держитъ въ рукѣ жизнь и смерть людей, лотосъ—божественное происхожденіе и пр.

Не безынтересно знать также изображенія святыхъ по разрядамъ:

1. Кваноны—изображаются на вѣнчикѣ лотоса.
2. Бозаты—тамъ же стоящими, они имѣютъ головную повязку изъ лентъ съ двумя падающими концами. Ихъ назначеніе ходатайствовать за людей и помогать имъ въ добрыхъ дѣлахъ.
3. Арханы—святые окончившіе въ теченіе многихъ тысячъ лѣтъ весь кругъ испытаній.
4. Гонимыя—духи, продолжающіе возрождаться въ человѣческомъ образѣ.
5. Восемнадцать драконовъ—главнѣйшихъ первозванныхъ учениковъ Сакья-муни.
6. Сеннины—проповѣдники благого закона.
7. Мяджины—мученики, пострадавшіе за исповѣданіе буддизма.

Линія боговъ начинается статуей бога огня „Фудоо“ съ мечемъ въ одной рукѣ и арканомъ въ другой, онъ окруженъ пламеннымъ ореоломъ.

Этотъ храмъ, кромѣ его прямого назначенія, служитъ собраніемъ японской скульптуры и ваянія, представляющихъ большой интересъ.

Около среднихъ дверей храма поставленъ сосудъ со святой водою, которую пьютъ изъ ковшика и обмываютъ глаза и лобъ.

На слѣдующій день мы поѣхали за пять миль отъ Кіото въ мѣстечко Фусими, расположенное среди великолѣпной рощи, въ ней стоятъ два храма Инари-но-Яжиро и Тоо-Фукуджи. Изъ Фусими прокатили назадъ въ улицу Рокудзо, миновавъ храмъ Хигаси-Хонганджи, остановились у воротъ монастыря Нисси-Хонганджи. Въ глубинѣ двора наплы два храма, соединенные наружной галлереей, передъ храмомъ стоитъ очень старое дерево съ подпорками, а позади раскинулся обширный садъ, наполненный рѣдкими растеніями и цвѣтами.

Погулявъ въ саду, мы отправились въ цитадель Ниджо-но-сиро, гдѣ помѣщаются присутственныя мѣста. Онъ солидной постройки и похожъ на замокъ въ Нагойѣ.

У подошвы горы Араси-ямы протекаетъ въ красивой мѣстности рѣка Кацура-гава, на склонахъ горы находится храмъ въ честь Мацуно—бога винокуренья, не вдалекѣ построенъ заводъ, изготовляющій любимый японскій напитокъ sake.

Послѣ цитадели мы посѣтили бывшую дачу одного изъ сіюгунъ, она называется Кинъ-Какуджи (золотая палата). Дача представляетъ изъ себя трехъ-этажный павильонъ съ бронзовой птицей на макушкѣ крыши, стоящей среди чуднаго парка. Особенная красота заключается въ отраженіи павильона въ зеркальной поверх-

ности озера, на берегу котораго онъ стоитъ, окруженный деревьями самой причудливой формы.

Между холмами Хигаси-ямы находится другой павильонъ, называемый Гино-Какуджи (серебряная палата), онъ также украшенъ бронзовой птицей и стоитъ на берегу озера.

Наша поѣздка закончилась посѣщеніемъ дворца Микадо „Кинригосе“, построеннаго внутри третьяго двора. Въ первомъ дворѣ обширнаго мѣста, обнесеннаго оградой, живутъ низшіе придворные чины, во второмъ—вышіе чины; въ каждомъ дворѣ по нѣсколько воротъ.

Третій или почетный дворъ окруженъ крытой галлереей, окрашенной въ бѣлую краску, съ красной каймой. Въ глубинѣ двора возвышается продолговатое зданіе—это бывший тронный залъ.

Вездѣ совершенная простота постройки изъ дорогихъ деревьевъ, оставленныхъ въ естественномъ видѣ. Приемная зала во дворцѣ сдѣлана въ три уступа, на двухъ стояли придворные чины во время аудіенціи, а на верхнемъ стоялъ тронъ, завѣшанный зеленой шторой; когда Микадо садился на тронъ, то штора поднималась до половины груди, чтобы простые смертные не могли видѣть Микадо, а онъ могъ бы видѣть ихъ черезъ ткань. Изъ залы прошли въ библіотеку и кабинетъ Микадо, далѣе черезъ помѣщеніе Микадессы вышли въ чудный садъ съ массой цвѣтовъ, фруктовыми деревьями и озеромъ съ неизбежными мостиками. Красиво и комфортабельно устроено зданіе для ванны и другое для отдыха послѣ ванны.

Недостатокъ времени заставилъ насъ вернуться восвояси, и мы и не попали на озеро Бива, куда очень хотѣлось съѣздить.

9 іюня крейсеръ ушелъ въ Іокогаму, тамъ пошли обычные визиты, говѣли съ командою и катались по окрестностямъ. Одна изъ большихъ поѣздокъ состоялась въ мѣстечко „Katose“, гдѣ мы завтракали и, оставивъ лошадей, продолжали путь въ дженерикшахъ. Первая часть дороги шла мимо европейскихъ дачъ и затѣмъ среди рисовыхъ полей. Видъ окрестныхъ полей и лѣсистыхъ холмовъ носить отпечатокъ культуры: рощи обращены въ парки, всѣ поля воздѣланы и разбиты на четверугольники разной величины, лежащіе уступами для стока воды или вѣрнѣе для распределенія воды по полямъ.

Вторая половина пути заняла часъ времени ѣзды по узкимъ тропинкамъ и ущельямъ до храма Дайбудса, уже нами посѣщеннаго ранѣе съ другой стороны, только на этотъ разъ мы переправились въ большой шлюпкѣ (фунѣ) на островъ Иношима, замѣчательный своими пещерами, образовавшимися отъ удара волнъ. Въ самой большой пещерѣ устроенъ храмъ, тутъ берутъ свѣчи, чтобы идти

внутри горы по темному, сырому корридору, конецъ котораго задѣланъ, и мы не могли добиться, чѣмъ онъ кончается. Откровенно говоря, смотрѣть было нечего, только поѣздка сама по себѣ доставляетъ удовольствіе.

Вернувшись въ Katase, мы опять сѣли въ свои экипажи, торопясь приѣхать въ Иокогаму къ обѣду, но... прибытіе совершилось съ опозданіемъ. За границей всѣ экипажи снабжаются тормозами, а мы обыкновенно, по російской привычкѣ скакать и въ гору, и подъ гору, отвертывали тормоза и катались безъ стѣсненія. На этотъ разъ пришлось поплатиться, въ одномъ изъ экипажей правилъ лейтенантъ Т. Лошади понесли подъ гору, онъ не сдержалъ, и коляска очутилась въ канавѣ, а лошади въ кустахъ. Сѣдоки отдѣлялись благополучно, но экипажъ сломали. Къ счастью нашихъ сѣдоковъ проѣзжавшіе мимо португальскіе офицеры взяли съ собой и помогли устроить доставку экипажа съ лошадьми на буксирѣ въ Иокогаму. Сначала мы обезпокоились, но потомъ ужасно смѣялись и приставали къ лейтенанту А. Т. Т. въ виду уплаты большой суммы за поломку экипажа. Каково же наше удивленіе—вдругъ фирма, отпускавшая лошадей, отказалась отъ предложенной уплаты, говоря, что это случается въ лучшихъ фамиліяхъ.

22 іюня у американцевъ праздникъ, они устроили матросскую гонку безъ офицеровъ. Африканскія шлюпки взяли три приза, англичане ни одного, а французы отказались. Вечеромъ мы были на берегу въ городскомъ саду, гдѣ слушали концертъ двухъ японскихъ оркестровъ—играли очень старательно.

На другой день адмиралъ съ командирами и офицерами былъ принятъ императоромъ въ прощальной аудіенціи. Церемонія была та же, какъ и въ прошлый разъ, только мы завтракали въ миссіи, и сытые поѣхали во дворецъ выпить по чашечкѣ холоднаго чая безъ сахара.

7 іюля собралась компанія ѣхать „внутри страны“, такъ у насъ назывались поѣздки по окрестностямъ. Рѣшили ѣхать черезъ Іокоско, изъ-за этого встали въ 4 часа утра, и на пароходикѣ поплыли въ Іокоско. На крейсерѣ не удалось выпить чая, а на пароходикѣ буфета нѣтъ, что дѣлать? Стали судить, рядить, вдругъ одинъ изъ офицеровъ говорить:

„Господа, нашему горю можно немного помочь, я взялъ бутылку коньяка, будемъ пить по глоточку, можетъ быть голодъ немного утихнетъ“.

Моментально бутылку открыли, но опять затрудненіе—не изъ чего пить, нашли какую-то крышку въ родѣ самоварной, оказалась превосходнымъ бокаломъ. Выпивъ по крышечкѣ, рѣшили угостить

единственнаго кромѣ насъ, европейскаго пассажира англичанина, онъ не отказался, вѣроятно, будучи поставленъ въ такое же положеніе, какъ и мы.

Чтобы сократить томительное путешествіе, рѣшили прибѣгать къ крышечкѣ на траверсѣ каждаго мыса или при проходѣ островка, средство оказалось дѣйствительное—стали разговорчивѣе, и англичанинъ повеселѣлъ. Къ приходу въ Иокоско крышку положили на мѣсто, а бутылку пустили плавать по заливу.

На берегу съ удовольствіемъ поѣли риса съ разными приправами и безъ отдыха пошли пѣшкомъ.

По пути случайно наткнулись на памятникъ Adams'у, первому европейцу, посѣтившему Японію (какъ намъ потомъ сказали), далѣе любуясь видами прошли нѣсколько селеній: Ха-яма, Хале-дайбудса и др., названія которыхъ не остались въ памяти.

На джиприкшахъ доѣхали къ 5 часамъ въ Камакуру—это была самая древняя столица, здѣсь жили сильные міра сего, спорившіе о власти съ императорами, въ настоящее время городъ въ упадкѣ.

Къ достопримѣчательностямъ Камакуры принадлежитъ храмъ въ Хатчи-манга, построенный вельможей Іоритомой на мѣстѣ убіенія его сына.

Громадное мѣсто, занимаемое храмомъ, обнесено каменной стѣной и ровомъ, небольшой мостикъ ведетъ во дворъ или нижнюю платформу, на которой три алтаря. Первый въ честь Инари—бога риса, очень чтимаго во всей Японіи.

Второй алтарь въ память духа Іоритомы и третій въ честь камней, которымъ приписывается чудодѣйственная сила. Два жертвенника съ нецензурными изваяніями привлекаютъ не мало паломниковъ, бездѣтныхъ женщинъ и слабыхъ; какъ мы замѣтили, къ мужскому жертвеннику ставятъ больше свѣчей.

Между первыми двумя алтарями возвышается широкая лѣстница на верхнюю платформу, гдѣ стоитъ главный храмъ, онъ окруженъ корридормъ съ небольшими комнатами, въ которыхъ хранятся вещи Іоритомы и его сына уже въ теченіе 400 лѣтъ.

На разстояніи полумили отъ Хатчи-манга по дорогѣ въ Фуси-сазо находится храмъ Кенходяни, далѣе женскій монастырь Матцунгока. По этой же дорогѣ—храмъ Кунонъ-са, богини милосердія.

Мы не осматривали этихъ храмовъ, довольствуясь наружнымъ видомъ при проѣздѣ, зато съ удовольствіемъ обѣдали по-японски. Передъ обѣдомъ взяли ванны и перодѣлись въ киримоны, въ нихъ и возлежали за обѣдомъ на циновкахъ.

19 іюля дали прощальный обѣдъ адмиралу А. Б. Асланбегову передъ отъѣздомъ его въ Россію, меню было напечатано и на-

клеено на вѣрѣ изъ листа лотоса, во время обѣда игралъ японскій оркестръ гвардейскаго полка. Мы всё горячо благодарили за наше чудное путешествіе по Тихому океану, и каждый старался сказать что-нибудь пріятное адмиралу, наши симпатіи его глубоко тронули, Абрамъ Богдановичъ въ свою очередь сказалъ намъ много лестнаго.

22 іюля торжественно праздновали царскій день, устроили гонку и иллюминацію. На другой день проводили адмирала на пароходъ, уходившій въ Америку; онъ и провожавшіе его трогательно простились со слезами на глазахъ.

Мы ужасно волновались въ ожиданіи прибытія новаго начальника эскадры, боясь, что онъ подниметъ флагъ у насъ. Контръ-адмиралъ Николай Васильевичъ Копытовъ, пріѣхавъ въ Иокогаму, поднялъ флагъ на фрегатѣ „Герцогъ Эдинбургскій“. Новый адмиралъ давно уже заслужилъ репутацію очень строгаго и требовательнаго начальника; съ первыхъ шаговъ его пріѣзда все затрепетало и притихло.

Г л а в а X.

3 августа ушли эскадрой по неизвѣстному назначенію, адмиралъ никому не сказалъ, а спросить побоялись, только дорогой само-собой выяснилось, такъ какъ 6-го числа прибыли въ Хакодате, здѣсь эскадра раздѣлилась: адмиралъ ушелъ въ Чифу, а насъ послали на сѣверъ.

15 августа прибыли въ нашъ милый Петропавловскъ смѣнить клиперъ „Вѣстникъ“, стоявшій тамъ лѣтомъ. Уже со времени прихода въ Хакодате, начались тяжелые дни въ отношеніи погоды—мы отвыкли отъ холода, плавая въ тропическихъ странахъ, почему туманъ и дальнѣйшіе морозы сильно давали о себѣ знать.

24 августа въ годовщину Петропавловскаго боя состоялось торжественное открытіе памятника убитымъ воинамъ при защитѣ города въ 1854 году.

Памятникъ поставленъ на средства, собранныя подпиской между офицерами Тихоокеанской эскадры, мѣстоположеніе его на косѣ даетъ возможность входящимъ на рейдъ судамъ любоваться издали его золоченой верхушкой.

Для парада свезли на косу сводную роту подъ командой лейтенанта В. Ф. Р., къ этому времени прибыло духовенство; когда шествіе установилось по данному церемонаіалу, двинулись впередъ на братскую могилу служить панихиду въ присутствіи оставшагося въ живыхъ участника боя солдата Карандашева.

Къ сожалѣнію, начало праздника было омрачено неприятнымъ случаемъ: на рейдѣ одновременно съ нами стояла англійская яхта „Энчантресъ“, владѣлица которой вмѣстѣ съ другими пассажирами яхты была на панихидѣ и возложила три вѣнка: на русскую, англійскую и французскую могилы. По окончаніи общей панихиды, обратились къ священнику отслужить отдѣльную панихиду на англійской могилѣ, каково же было неудовольствіе, когда священникъ отказался служить и даже повернулся спиной.

Съ кладбища процессія двинулась въ соборъ, гдѣ служили обѣдню, и затѣмъ все прошли на косу къ памятнику. При снятіи завѣса оба суда салютовали, послѣ чего команда прошла церемониальнымъ маршемъ.

26 августа ушелъ „Вѣстникъ“; мы повезли нашихъ знакомыхъ барышенъ на шлюпкахъ провожать клиперъ, стараясь держаться какъ можно ближе, чтобы барышни могли поймать платки, которые имъ бросали съ кормы клипера, мѣтка поднятаго изъ воды тщательно разсматривалась, и платокъ переходилъ въ собственность одной изъ барышенъ. У нихъ не было споровъ, такъ какъ офицеры были строго распределены между ними по симпатіямъ.

Съ уходомъ „Вѣстника“ жизнь пошла правильная, главное вниманіе было обращено на занятія по всемъ частямъ и особенно на прохожденіе курса стрѣльбы изъ ружей и пушекъ, для производства послѣдней обыкновенно уходили въ Тарьинскую бухту ¹⁾.

По вечерамъ большинство съѣзжало въ гостепримный домъ Люгемиль, гдѣ старшіе чины играли въ карты, а молодежь танцевала съ тремя барышнями.

По праздникамъ гуляли по горамъ, охотились, кто могъ, во время прогулокъ случалось видѣть очень близко медвѣдей, они мало обращаютъ вниманія на людей, увлекаясь рыбной ловлей.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ крейсеръ ушелъ въ обходъ по сѣвернымъ берегамъ Камчатки и островамъ.

Этотъ разъ плаваніе крайне тяжелое вслѣдствіе частыхъ тумановъ, свѣжихъ вѣтровъ и громадной волны. Въ Нижне-Камчатскѣ мы усмотрѣли шхуну, пришлось подойти къ берегу и спустить паровой катеръ на ужасной зыби, что было съ катеромъ, если крейсеръ чуть не черпалъ бортами, стоя на якорѣ! Катеръ подъ командой лейтенанта Р. шелъ съ большимъ трудомъ, перебираясь съ волны на волну, у входа во внутренней рейдъ пришлось выждать подходящей волны, чтобы полнымъ ходомъ перескочить баръ, маневръ удался, а то въ этомъ мѣстѣ было уже много случаевъ гибели шлюпокъ.

¹⁾ Въ Тарьинской бухтѣ погребенъ англійскій адмиралъ Прайсъ.

Селеніе Усть-Камчатскъ расположено по рѣкѣ Камчаткѣ, жители занимаются рыбной ловлей и охотой; шкуръ, конечно, мы не достали—все своевременно скупается и увозится.

16 сентября мы пришли къ острову Беринга въ бухту Топорковъ и вскорѣ съѣхали на берегъ къ агенту котиковой компаніи, онъ повезъ насъ осматривать лѣжбища котиковъ. Это путешествіе совершили въ маленькихъ саняхъ (нартахъ), запряженныхъ собаками, ѣзда крайне непріятна — грязь изъ-подъ ногъ собакъ летитъ въ лицо, постоянно надо соблюдать равновѣсіе, чтобы не упасть, и въ довершеніе ужасный запахъ отъ собакъ вызываетъ тошноту.

До сѣвернаго лѣжбища считается 20 верстъ, мы ѣхали только по болотамъ, а гдѣ было можно шли цѣшкомъ. Самое лѣжбище представляетъ громадную отмель съ рифомъ, все пространство покрыто тысячами котиковъ, оставленныхъ для будущаго года. Намъ показали мѣсто избіенія варварскимъ образомъ котиковъ, ихъ отгоняютъ отъ берега на траву и по выбору бьютъ палками по головѣ. Шкуры снимаютъ, солятъ и на пароходѣ отправляютъ въ С.-Франциско; къ приходу груза котиковъ готовится специальный поѣздъ, немедленно доставляющій грузъ въ Нью-Йоркъ, откуда также безъ замедленія везутъ шкуры въ Лондонъ, только тамъ умѣютъ выдѣлывать шкуры котиковъ и не открываютъ секрета.

Намъ пригнали нѣсколько штукъ котиковъ посмотрѣть поближе на эти добродушныя и неуклюжія созданія, на самое лѣжбище воспрещается ходить въ сапогахъ, курить и громко разговаривать.

20 сентября мы посѣтили островъ Мѣдный, т. е. собственно только подошли къ обычному мѣсту стоянки и прошли дальше вслѣдствіе сильнѣйшаго шторма, не стояло становиться на якорь: все равно намъ бы не удержаться на мѣстѣ.

Обошли кругомъ Мѣдный, пошли къ Берингу, тамъ ходили вдоль береговъ и, потерявъ надежду на улучшеніе погоды, ушли ко всеобщему удовольствію назадъ въ Петропавловскъ.

Опять все пошло по-старому, только 4 октября картина береговъ измѣнилась, снѣгъ покрылъ густой целеной все рѣшительно, и мы съ восторгомъ, какъ малыя дѣти, бѣгали съ санями и катались съ горъ.

Вскорѣ стало извѣстно о близкомъ уходѣ нашемъ въ Японію, мѣстный исправникъ Серебрянниковъ, не желая ударить лицомъ въ грязь, рѣшилъ устроить танцевальный вечеръ и прощальный ужинъ. Безъ нашего содѣйствія не обошлось—и посуда, и серебро и проч. было перевезено съ крейсера на квартиру, а главное прибыло много кавалеровъ.

Передъ танцами командиръ обратился къ лейтенанту Р.:

— „Конечно, В. Ф., вы будете танцевать, дирижировать и вообще всѣмъ распоряжаться“.

— „Къ сожалѣнію, Е. И., я этого не могу выполнить, мнѣ предстоитъ вахта съ 12 до 4 часовъ ночи“.

— „Ну, это бѣда не велика, мы ее сейчасъ поправимъ“.

Затѣмъ командирь, приказавъ поставить мичмана на вахту, сказалъ исправнику:

— „Вы предоставьте все В. Ф., лучше его хозяина не найдете, онъ вамъ все устроитъ“.

Танцовали до изнеможенія, особенно нравился мѣстный танецъ восьмерка, который мѣстныя дамы лихо отколачивали. Но всему есть конецъ и танцовать кончили, и стоянкѣ конецъ.

Передъ уходомъ трогательно прощались съ милымъ семействомъ Люгемиль и другими, простились съ любимыми мѣстами, со скамеечками, сдѣланными своими руками въ разныхъ мѣстахъ по горамъ, ничего и никого не забыли.

5 октября по выходѣ въ море попали въ жестокий штормъ съ морозомъ и снѣгомъ. Съ большимъ трудомъ доставили на островъ Берингъ доктора Калиновскаго, его коровъ, собакъ и лошадей, желавшаго зимовать на Берингѣ.

Нельзя было безъ смѣха смотрѣть на изумленіе и испугъ жителей, увидѣвшихъ первый разъ матросовъ, сидящихъ верхомъ на лошадяхъ, они приняли всадниковъ за боговъ и падали ницъ при проѣздѣ лошадей.

9 октября ушли на Мѣдный, обошли кругомъ—все благополучно.

11 числа началось крейсерство по Берингову морю, а вмѣстѣ съ нимъ наши мученія. Трудно описать наши испытанія: сильный, холодный NW со снѣгомъ при морозѣ 18° — 20° не переставалъ дуть все время со степенью шторма; бѣдный крейсеръ бросало какъ щепку, онъ черпалъ бортами и покрывался льдомъ отъ замерзавшихъ бизгъ, сыпавшихся въ большомъ количествѣ.

Вахтенный начальникъ, привязанный на мостикъ, быстро обращался въ индѣйку, заготовляемую въ прокъ на зиму, его пальто, ежеминутно обдаваемое водой, на морозѣ обращалось въ ледяной футляръ. Послѣ вахты вѣстовые съ трудомъ освобождали офицера отъ панцыря, который торжественно вдвоемъ несли сушить въ кочегарку. Къ довершенію провизія вся вышла, вина нѣтъ и на плитѣ ничего не держится, питались, Богъ знаетъ чѣмъ и какъ.

Наконецъ 18 октября радости не было предѣловъ при видѣ береговъ Хакодате, хотя и покрытыхъ снѣгомъ. Если согрѣться было негдѣ, зато отдохнули отъ качки и достали провизію.

Приведа себя въ порядокъ, мы отправились во Владивостокъ,

опять жестокой штормъ отнялъ лишнія сутки и только 23 октября отдали якорь въ тихомъ Золотомъ рогѣ. При входѣ на рейдъ нашъ командиръ лихо обрѣзалъ ¹⁾ корму фрегата „Герцогъ Эдинбургскій“ и съ мостика рапортовалъ адмиралу, который сейчасъ же прѣхалъ къ намъ, найдя образцовый порядокъ, горячо всѣхъ благодарилъ за него и за трудное плаваніе.

Во Владивостокѣ посѣтили старыхъ знакомыхъ, въ институтѣ, на „горкахъ“, на „кучкахъ“ и въ слободкѣ. Вотъ стоять на рейдѣ было не важно, ужъ очень морозъ дожималъ, особенно ночью на вахтѣ, никакое платье не спасало.

6 ноября мы ожили въ теплѣ и зелени уютнаго рейда Нагасаки; здѣсь вошли въ докъ для окраски подводной части и всего крейсера, истерзаннаго плаваніями.

Мы по обыкновенію горячо принялись за приведеніе своихъ частей въ порядокъ, тѣмъ не менѣе нашли время съѣздить въ мѣстечко Моги, лежащее къ востоку отъ Нагасаки въ Синодскомъ заливѣ. Дорога лежитъ черезъ предмѣстье Гунгацы мимо холмовъ и вершины горы Хоква-санъ, по склонамъ которой раскинуты селенія, окруженныя зеленью и массой цвѣтовъ. За предмѣстьемъ путь очень каменистый и крутой, приходится идти пѣшкомъ больше часа до перевала горы, за нимъ тянется роща старыхъ камелій, покрытыхъ пышными цвѣтами. Виды съ перевала одинъ лучше другого на лежащую внизу долину и склоны сосѣднихъ горъ, украшенныхъ кустами зеленыхъ бамбуковъ.

На половинѣ дороги обязательная остановка въ чайномъ домѣ для отдыха возницъ, да и самимъ пріятно выпить чайку съ вкуснымъ тортомъ. Далѣе катились по красивому ущелью, здѣсь растительность поражаетъ своею роскошью, красотой и обиліемъ цвѣтовъ.

Мѣстечко Моги само по себѣ не представляетъ ничего особеннаго, но красива природа кругомъ, также прекрасенъ видъ на заливъ съ его берегами, уходящими въ дымку тумана.

Пока намъ готовили обѣдъ, мы бродили по берегу и рощамъ, но недолго, всѣ заторопились въ гостиницу, рассчитывая вкусно поѣсть: дѣйствительно сырая рыба тай съ разными приправами была великолѣпна.

Назадъ вернулись уже въ темнотѣ.

Недолго стояли въ Нагасаки, адмиралъ вдругъ безъ всякаго предупрежденія приказалъ сниматься съ якоря, едва успѣли забрать бѣлье съ берега и кончить расчеты съ берегомъ.

---

¹⁾ Прошелъ вплотную къ кормѣ.

Изъ Нагасаки вышли всей эскадрой („Герц. Эдинб.“, „Африка“, „Вѣстникъ“ и „Пластунъ“), направляясь въ Гонгъ-Конгъ, куда прибыли 30 ноября.

Дорогой у насъ вышло небольшое происшествіе, порядочно нѣкоторыхъ взволновавшее: эскадра шла въ двѣ колонны, лѣвую составляли клипера подъ парусами, а правую „Эдинбургскій“ и „Африка“ подъ парами и парусами. На мостикѣ „Африки“ вахтенный начальникъ внимательно слѣдилъ за идущимъ впереди адмиральскимъ кораблемъ, который былъ плохо виденъ изъ-за стоящаго большого паруса (фока) и потому не усмотрѣлъ ракету, пущенную по приказанію адмирала; ракета по условію должна указать пробитіе тревоги на судахъ и открытіе огня изъ орудій.

Лейтенантъ замѣтилъ только огоньки на клиперахъ и рѣшилъ у насъ не бить тревоги, но командиру все-таки послалъ доложить.

Выходить командиръ „самъ какъ Божія гроза“; лейтенантъ подробно доложилъ.

— „Отчего вы не пробили тревогу, когда увидали огни?“

— „Разъ мы прозѣвали ракету, намъ ужъ нельзя стрѣлять послѣдними, лучше пусть бранятъ за недостаточность вниманія, но не говорятъ, что „Африка“ опоздала, вѣдь это несовмѣстимо съ ея достоинствомъ“.

— „Съ этой точкой зрѣнія я согласенъ, но предупреждаю—если адмиралъ будетъ недоволенъ, то вамъ будетъ очень худо“.

Когда эскадра пришла въ Гонгъ-Конгъ и стала на якорь, командиры поѣхали съ рапортами, мы ждали съ нетерпѣніемъ возвращенія нашего командира. Наконецъ, командиръ прибылъ, зоветъ лейтенанта, тотъ идетъ ни живъ, ни мертвъ.

— „Адмиралъ приказалъ передать вамъ его благодарность за быстрое выполненіе приказа“.

...? на лицѣ у лейтенанта.

— „Ваше счастье, что все обошлось благополучно, но я все-таки васъ не благодарю“. Вскорѣ дѣло разъяснилось: адмиралъ, выйдя ночью на мостикъ, приказалъ пустить ракету; отвлекшись наблюдениемъ за выходомъ команды на фрегатѣ, не замѣтилъ времени начала стрѣльбы на другихъ судахъ. Увида огни на клиперахъ и не видя на „Африкѣ“, спросилъ у вахтеннаго начальника Ф. Ф. Стемманъ.

— „Отчего „Африка“ не стрѣляетъ?“

Благородный товарищъ сообразилъ, что на „Африкѣ“ прозѣвали и желая спасти вахтеннаго начальника отъ гнѣва адмирала, доложилъ:

— „Ваше превосходительство, „Африка“ уже кончила стрѣльбу, она, по обыкновенію, первая выполнила сигналъ“.

Оттого адмиралъ и благодарилъ командира, который промолчалъ въ свою очередь, спасая обоихъ офицеровъ.

На рейдъ собралось много судовъ:

Англійская эскадра: вице-адмирала Уэльсъ корабли—„Encounter“, „Champion“, шлюпы—„Lily“, „Albatross“, лодки—„Fly“, „Kestrel“, яхта—„Vigilant“.

Командиръ Куммикъ блокшивъ—„Victor Emanuel“, развооруженный корабль—„Wivern“, лодки—„Esk“, „Midge“, „Tweed“.

Французская эскадра: контръ-адмирала Мейеръ броненосецъ—„Victorieuse“, корветъ—„Kersaint“, лодка—„Lutin“.

9 китайскихъ лодокъ.

Вскорѣ по прибытіи нашемъ въ Гонгъ-Конгъ, офицеры эскадры были приглашены вице-консуломъ Михаельсономъ на обѣдъ. Прекрасное помѣщеніе, обильная закуска и самый обѣдъ, начавшійся оригинальнымъ образомъ, привели въ самое хорошее настроеніе духа. Когда послѣ супа всѣмъ налили по стакану шампанскаго, консулъ всталъ и сказалъ:

— „Господа, прошу васъ войти въ мой домъ“.

Это обозначало приглашеніе бывать у него запросто. Другой разъ пришлось пообѣдать у богатаго китайца по возвращеніи съ нимъ изъ китайскаго театра. Вотъ меню:

1. Чай безъ сахара.
2. Жареный миндаля съ солью.
3. Сушенныя сѣмена дыни.
4. Яйца въ крутую, лежавшія въ извести двѣ недѣли, отчего они почернѣли и рассыпались въ порошокъ.
5. Жареная печенка и почки на касторовомъ маслѣ съ соей и горчичнымъ соусомъ.
6. Имбирь ломтиками.
7. Разная вареная зелень.
8. Жареная свинина.
9. Супъ изъ плавниковъ акулы.
10. Ласточкины гнѣзда.
11. Вареные грибы.
12. Апельсины и груши.

Антрактъ—двѣ трубки опиума.

13. Супъ изъ утокъ съ грибами.
14. Трепанги (морскіе черви) съ вареной курицей.
15. Рисъ.

16. Жаренныя утки—распластанныя и, кажется, пресованныя.
17. Морская капуста.
18. Что-то похожее на крысь.

И т. д. до фруктовъ.

Антрактъ—двѣ трубки опиума.

Новая перемяна блюдъ еще болѣе сомнительнаго характера.

Изъ приличія ѣли всего понемногу, впрочемъ, много не съѣшъ какого-нибудь скользкаго толстаго червя или крысы, а китайцы удивлялись нашему аппетиту и воздержанности. Нѣсколько обѣдовъ выдержали, но опиумъ началъ ошеломлять, и потому мы сейчасъ же ушли на воздухъ.

Въ теченіе праздниковъ на судахъ эскадры устроили елки для команды и офицеровъ. У насъ кромѣ того былъ спектакль, — „ямщики“ Загоскина и сцена Горбунова „На праздникъ“ были бойко разыграны любителями-матросами. Въ довершеніе живыя картины „Возвращеніе изъ кругосвѣтнаго плаванія“ окончательно привели присутствующихъ въ восторгъ.

Послѣ спектакля для чужихъ командъ подали разное угощеніе, а командиры и офицеры ужинали въ каютъ-кампаніи, убранной живыми цвѣтами. Также оригинально китайцы убрали самоваръ, онъ весь былъ покрытъ цвѣтами, но форма и всѣ очертанія были сохранены. Въ самоваръ налили составъ изъ винъ, а вмѣсто угольевъ положили ледъ.

Новый годъ встрѣтили скромно по своимъ судамъ.

Г л а в а XI.

1 января 1883 года. — Четвертый годъ нашего плаванія, а о возвращеніи ни слуху, ни духу, въ добавокъ еще высланъ новый кредитивъ на годъ.

3 января неожиданно пріѣхалъ адмиралъ произвести артиллерійское ученье, оставшись вполне довольнымъ отчетливостью исполненія, адмиралъ благодарилъ всѣхъ и отдѣльно лейтенанта Р. „за доставленное удовольствіе“.

На другой день въ City Hall состоялся спектакль въ пользу пострадавшихъ отъ чего-то въ Маниллѣ, должно быть требованіе было велико, такъ какъ спектакль попалъ подъ покровительство цѣлаго комитета.

His Exel. The administrator.

H. E. Admiral Willes.

H. E. General Sergent.

H. E. Admiral Kopitoff.

H. E. Admiral Meyer.

Давали comediette „My uncle's will concert“, передъ спектаклемъ сыграли увертюру „Le souverain“—Herman.

Все было парадно и благоустроено.

14 января мы приуныли—у насъ подняли флагъ адмирала; безъ того уже подтянутые, мы сами еще болѣе затянулись, зная строгость и требовательность Николая Васильевича. На другой день ушли въ море эскадрой, вскорѣ по сигналу фрегаты „Герцогъ Эдинбургскій“ и клиперъ „Пластунъ“ отдѣлились по направленію къ Маниллѣ, а клиперъ „Вѣстникъ“ въ Сайгонъ. По пути адмиралъ не беспокоилъ насъ ученьемъ, говоря, что онъ живетъ на дачѣ, такъ хорошо ему было на „Африкѣ“.

Стоянка въ Сингапурѣ ознаменовалась тоскливымъ баломъ у губернатора, несмотря на прекрасное помѣщеніе и относительную любезность хозяевъ.

Затѣмъ состоялась гонка малайскихъ и китайскихъ шлюпокъ, конечно, опять подъ покровительствомъ комитета:

H. E. the Governor Sir Frederiek, A. Weld, H. E. Rear, Admiral Kopitoff, и 14 англичанъ.

На этой гонкѣ было больше смѣху, чѣмъ дѣйствительной гонки—китайцы и малайцы толкались, падали въ воду при оглушительномъ крикѣ и дракѣ.

На-дняхъ стало извѣстно о скоромъ приходѣ корвета „Скобелевъ“, на который долженъ перейти адмиралъ, почему 30 января мы сдѣлали прощальный завтракъ адмиралу, котораго всѣ любили и уважали.

Адмиралъ въ отвѣтъ на обращеніе къ нему старшаго офицера сказалъ:

— „Несмотря на мой характеръ скорѣе видѣть дурное, чѣмъ хорошее и желаніе придратъся къ чему-нибудь, я не могъ этого сдѣлать у васъ вслѣдствіе безусловно прекраснаго состоянія корабля во всѣхъ отношеніяхъ“.

Такой отзывъ строгаго адмирала мы приняли, какъ награду за наши труды и усердіе.

1 февраля адмиралъ перешелъ на корветъ „Скобелевъ“ и немедля ушелъ на немъ по островамъ Зондскаго Архипелага.

Малаецъ привезъ телеграмму, видимо изъ Россіи, всѣ встрепенулись и замерли въ ожиданіи новостей—вдругъ командиръ объявляетъ

о полученномъ приказаніи идти въ Россію. Вотъ кавардакъ начался, стали прыгать отъ радости, кричать „ура“, пить шампанское, просто не знали, чѣмъ выразить свой восторгъ; когда же первый пылъ прошелъ—какъ будто стало жалко разставаться съ милой „Африкой“. Торжественно подняли длинный вымпель ¹⁾ и 6-го февраля ушли въ Индѣйскій океанъ.

Вотъ когда начальство отличилось, ему казалось, что мы мало учились въ теченіе трехъ лѣтъ и ничего не знаемъ, а потому на переходѣ до Цейлона ученія начинались по тропическому распisanію съ 5 часовъ утра до 8, затѣмъ по умѣренному климату съ 10 до 11, съ 2—4¹/₂ и съ 4³/₄ до 6¹/₂, кромѣ того, дѣлались часто ночныя тревоги и маневры съ парусами—скучать было некогда; если прибавить сюда тропическій зной и маловѣтріе, то прямо веселье.

14 февраля пришли въ Коломбо на островъ Цейлонъ, конечно, сейчасъ же помчались на берегъ отдышаться отъ ученій и городъ посмотреть. Быстро покатались прекрасныя коляски по тѣнистымъ аллеямъ, усыпаннымъ краснымъ пескомъ, глаза разбѣгались отъ разнообразія и роскоши зелени, особенно за городомъ, гдѣ разбросаны сингалезскія деревни. Около моря идетъ широкая дорога, сюда публика прѣзжаетъ любоваться закатомъ солнца въ океанъ и прибоемъ волнъ. Мѣстами мы останавливались посмотреть на пеструю толпу мѣстнаго населенія, кого тутъ нѣтъ—индусы, малайцы, тамиллы, сингалезы, жрецы въ желтыхъ мантияхъ и еще какое-то племя очень стройное и хорошо сложенное. Сингалезы отличаются прической; ихъ гладко зачесанные назадъ волосы собираются на затылкѣ въ одинъ пучекъ, сверху надѣваютъ высокій круглый гребень, часто въ золотой оправѣ, гребни носятъ только мужчины, вѣроятно для отличія отъ женщинъ, такъ какъ костюмы мужской и женскій почти одинаковы, состоя изъ короткой куртки или кофты и куска бумажной матеріи вокругъ стана.

Недалеко отъ города мы посѣтили главный храмъ, большой дворъ обнесенъ стѣною, въ немъ стоятъ два зданія—въ первомъ огромной высоты желтый Будда (плохой работы) въ состояніи покоя (нирвана), во второмъ Дагоба въ вертящейся башнѣ, украшенной блестками и гербами. Изъ храма насъ повезли въ *Cinamum Garden* (садъ ко-

---

¹⁾ Вымпель — узкій флагъ въ видѣ ленты, поднимаемый на военныхъ корабляхъ, при возвращеніи домой по существующему обычаю, поднимаютъ вымпель, длина котораго равна длинѣ корабля плюсъ 100 футъ за каждый годъ плаванія; на концѣ вымпела пришиваютъ стеклянные шары, чтобы они плавали на водѣ, когда нѣтъ вѣтра.

ричневыхъ деревьевъ), это собственно громадный паркъ съ дачами англичанъ. Въ серединѣ парка стоитъ обширный музеумъ, во время нашего посѣщенія въ немъ было очень мало вещей. Покончивъ осмотръ города и окрестностей, мы въ одинъ изъ слѣдующихъ дней предприняли поѣздку въ Кэнди—древнюю столицу сингалезскихъ королей. Сообщение удобное по желѣзной дорогѣ и распisanie согласовано съ временемъ обѣда.

Первая половина идетъ среди густой тропической зелени, закрывающей видъ на окрестности; около полотна дороги тянется шоссе сѣнная дорога.

Вторая половина — гораздо живописнѣе, поѣздъ поднимается на высоту болѣе 1.000 футь, и ничто не мѣшаетъ глазу любоваться чудными видами на лежащія внизу долины, съ каймой по горизонту, изъ разной формы горъ. Горы не обнажены, какъ въ Австраліи, а покрыты до самой вершины густой яркой зеленью, съ кивающими отъ вѣтра коронами пальмъ и желтѣющими террасами рисовыхъ полей. Кромѣ того, по склонамъ холмовъ раскинуты чайныя и кофейныя плантаціи.

Въ Кэнди поѣздъ приходитъ въ 11^{1/2} часовъ утра къ завтраку и другой вечеромъ къ обѣду, мы приѣхали на первомъ. Переодѣлись въ отелъ и вымылись отъ пыли, досаждавшей въ дорогѣ, позавтракали съ аппетитомъ и сейчасъ же покатали въ коляскахъ въ ботаническій садъ, дорога въ четыре мили тянется непрерывно между предмѣстьями, въ которыхъ каждый домъ окруженъ садомъ съ доходными кокосовыми пальмами, хлѣбными деревьями, бананами и др. пальмами. Ботаническій садъ, окруженный съ трехъ сторонъ рѣкой Мэхавелли, занимаетъ большое пространство. Первое, что обращаетъ вниманіе—это великолѣпная, разнообразная семья пальмъ, собранная въ одно мѣсто—уходящія въ высь кокосовыя, пальмировыя, арековыя пальмы растутъ рядомъ съ финиковыми, капустными и друг. По аллеѣ вдоль рѣки попадаются чудныя группы бамбуковъ въ видѣ большихъ сноповъ.

Въ пальмировой пальмѣ все идетъ въ дѣло: листья для письма, плодъ въ пищу и на масло, изъ сока получаютъ вино и сахаръ, стволъ для построекъ. Сторожъ, показывавшій садъ, обращалъ наше вниманіе на болѣе интересные сорта деревьевъ: хинныя, коричневые (дающія корицу), пробковыя, саговыя, перечныя и мускатныя. Интересны ползучія растенія, они какъ бы сѣтями обвиваютъ великановъ лѣса, образуя настоящій колакъ. Мы видѣли пальму, цвѣтущую разъ въ сто лѣтъ и затѣмъ погибающую.

Изъ сада попали въ тюрьму, не въ наказаніе, а для осмотра, это что-то въ родѣ крѣпости, и сейчасъ же уѣхали дальше.

Зато ничего нѣтъ живописнѣе вида Кэнди съ береговъ небольшого озера, вырытаго послѣднимъ королемъ, оно окружено холмами съ вершинъ которыхъ открываются еще болѣе великолѣпные виды на утопающій въ зелени городъ. На озерѣ находится миниатюрный островокъ съ небольшимъ зданіемъ, служившимъ для помѣщенія гарема короля. Дорога, носящая названіе аллеи лэди Гордонъ, огибаетъ одинъ изъ холмовъ около озера съ восточной обрывистой стороны, съ холма открывается видъ на долину съ текущей между ея скалами рѣкой Мэхавилли. Недалеко отъ озера стоитъ домъ английской королевы, сингалезскій храмъ, магометанскій и замѣчательный буддійскій храмъ Вихора.

Этотъ храмъ не отличается ничѣмъ по наружности, онъ состоитъ изъ двухъ частей, въ которыхъ потолокъ и стѣны расписаны въ египетскомъ вкусѣ, имѣется много картинъ, изображающихъ мученія грѣшниковъ въ аду. Въ серединѣ массивная дверь была заперта, но золотой ключъ нарушилъ правило, и намъ обѣщали вечеромъ показать знаменитый зубъ Будды. Чтобы не терять времени, мы поѣхали посмотрѣть на священныхъ слоновъ за пять миль отъ города по чудесной дорогѣ. На одномъ мосту взяли рупію (большая серебр. монета) за проѣздъ, при насъ слоны выходили изъ воды послѣ купанья, они значительно короче другихъ породъ. Въ 5 часовъ вечера вернулись въ отель, а въ 6^{1/2} поѣхали навѣстить зубъ Будды. Пришлось ждать, пока подъ звуки тамъ-тама и флейты пришелъ главный жрецъ, онъ далъ благословеніе тремъ другимъ открыть дверь. Пройдя ее, поднялись во второй этажъ. Тутъ большая комната безъ оконъ съ тяжелой, выложенной рѣзной костью дверью, черезъ эту дверь попали въ склепъ. Прямо стоялъ серебряный столъ, на него кладутъ цвѣты, приносимые въ жертву, за нимъ стоитъ желѣзная клѣтка, запертая громаднымъ висячимъ замкомъ, внутри клѣтки поставленъ конусообразный колпакъ (карандуа), покрытый золотыми цѣпями съ драгоценными камнями. Внутри колпака въ нѣсколькихъ золотыхъ ящикахъ (одинъ въ другомъ) хранится зубъ Будды, на поклоненіе которому стекаются массы народа со всѣхъ сторонъ.

Первый зубъ сожженъ, но черезъ нѣсколько времени объявился новый, такъ какъ черезъ него богатѣютъ жрецы. Мы спрашивали, изъ чего сдѣланъ зубъ, жрецъ серьезно отвѣтилъ:

— „О, это настоящей слоновой кости“.

Зажженные лампы съ кокосовымъ масломъ бросали слабый, мерцающій свѣтъ на окружавшихъ насъ идоловъ, и черныя фигуры живыхъ людей казались въ полумракѣ тоже статуями изъ бронзы.

На обратномъ пути осмотрѣли собраніе древнихъ письменностей сингалезовъ, но это на любителя.

Послѣ обѣда гуляли въ саду въ совершенной темнотѣ теплой, тропической ночи, вдыхая ароматъ цвѣтовъ; несмотря на прелесть ночи, изъ-за усталости поспѣшили улечься спать.

На слѣдующій день утромъ вернулись въ Коломбо. 20-го февраля ушли изъ Коломбо вдоль берега Индостана на сѣверъ; увидѣвъ маякъ и фортъ Alaklada, стали на якорь почти въ открытомъ морѣ дожидаться утра. Прибывшій лоцманъ повелъ нашъ паровой катеръ съ офицерами въ Гоа.

Старый и новый Гоа расположенъ по одному берегу рѣки, довольно широкой и мелководной.

Въ новомъ городѣ (ближе къ устью) живутъ торговцы, администрація, и помѣщается госпиталь, а также нѣсколько монастырей.

Старый городъ состоитъ изъ монастырей и церквей, здѣсь хранятся мощи святого Франциска—перваго проповѣдника христіанства въ Индіи и Японіи, мощи его хранятся въ богатой ракъ.

По улицамъ попадались статуи святыхъ съ крестомъ въ рукахъ, стоявшія въ разныхъ мѣстахъ. Монахи встрѣчаютъ очень любезно, одѣты чисто, въ длинныя черныя рясы съ маленькой пелериной, шляпа въ родѣ короны съ остріемъ съ боку.

Рѣка живописна, но морское побережье не изобилуетъ растительностью.

Губернаторъ и военное сословіе живутъ въ крѣпости вдали отъ города, пищу получаютъ изъ Бомбея на ежедневно приходящемъ пароходѣ, но въ свѣжій Sw муссонъ довольствуются консервами.

Печальное состояніе Гоа объясняется тѣмъ, что въ немъ хозяева португальцы.

Когда обѣ смѣны офицеровъ побывали на берегу, крейсеръ снялся съ якоря и 26 февраля сталъ на якорь въ Бомбеѣ, очень красивомъ съ моря.

Вся стоянка въ Бомбеѣ ознаменовалась цѣлымъ рядомъ приглашеній:

1 марта были танцы и lown tenni's у офицеровъ King's Own regiment (Собственный короля полкъ), этотъ полкъ считается очень храбрымъ и мало доступенъ. Онъ былъ шефскимъ полкомъ англійскаго короля, по смерти котораго сохранилъ свое старое названіе. Хозяева оказались чрезвычайно любезными, и мы весело провели время.

2 марта этотъ же полкъ далъ обѣдъ, масса чуднаго серебра украшала столъ, покрытый живыми цвѣтами, и обѣдъ былъ не менѣе хорошъ, сами хозяева очаровали своимъ гостепрѣимствомъ и вниманіемъ.

3 марта съ утра осматривали городъ, какое вездѣ благоустройство, чистота, сколько красивыхъ зданій, особенно общественныхъ. Англичане умѣютъ хорошо устроить, а главное умѣютъ другихъ приохотить, парсы жертвуютъ деньги и получаютъ титулъ баронета ко взаимному удовольствію.

Бомбей хорошо защищенъ съ моря достаточныхъ количествомъ укрѣпленій, рейдъ освѣщается маяками и, конечно, Ботаническій садъ съ музеумомъ въ большомъ порядкѣ. Только непріятное впечатлѣніе оставляетъ парское кладбище, гдѣ трупы оставляются на съѣденіе птицамъ, и индусское, на которомъ сжигаютъ трупы; мы долго толковали объ этомъ, пока одинъ изъ насъ не рѣшилъ вопроса:

— „А вы, господа, не ѣдите на кладбище, такъ и не будетъ дурного впечатлѣнія“. Кругомъ города много заводовъ—хлопчатобумажные принадлежатъ парсамъ, а желѣзные—англичанамъ.

Вечеромъ обѣдали на транспортѣ „Джумна“, это громадный пароходъ, приспособленный для перевозки войскъ, офицеровъ и ихъ семействъ. Каютъ-кампанія занимаетъ треть длины судна, по бокамъ каюты, столомъ завѣдуетъ буфетчикъ отъ казны со своей прислугой.

Послѣ обѣда устроили танцы, пѣніе и музыку, при чемъ одинъ изъ насъ игралъ въ четыре руки съ женой англійскаго офицера. Изъ-за этого обѣда пришлось отказаться отъ приглашенія на обѣдъ къ лейтенанту Swiney, онъ сынъ пастора, жилъ въ Кронштадтѣ и не забылъ русскій языкъ, служить въ одномъ изъ полковъ, стоящихъ внутри Индіи.

4 марта у насъ пріемъ съ 4 до 7 часовъ вечера. Съѣхалось много гостей, успѣли потанцовать и проводили гостей фейерверкомъ.

5 марта обѣдали по приглашенію полковника St. Hill и офицеровъ The Princess of Wales Own Regiment.

6 марта посѣтили церковную службу Salvation army (армія спасенія), это очень распространенное общество проповѣдниковъ христіанства; они молятся на эстрадѣ и поютъ молитву подѣ музыку.

7 марта балъ въ яхтъ-клубѣ къ великому соблазну губернатора, онъ настаивалъ на отмѣнѣ бала вслѣдствіе страстной недѣли, но его не послушали, и онъ вышелъ изъ членовъ клуба.

8 марта, наконецъ, ушли изъ гостепріимнаго Бомбея, командиръ хотѣлъ зайти въ Маскатъ, но времени мало, пришлось отказаться.

17 марта зашли въ Адень за углемъ, 25-го ушли изъ Суэца, а 31-го изъ Портъ-Саида, въ которомъ получили подтвержденіе быть 15 мая въ Кронштадтѣ.

Здѣсь же получили приказаніе начальника отряда Средиземнаго

моря идти на островъ Тенедось за болгарскимъ княземъ Александромъ Баттенбергскимъ для доставки его въ Грецію.

Во исполненіе приказа, прибыли 3 апрѣля на Тенедось, съ берега привезли телеграмму идти въ Смирну, сейчасъ же снялись съ якоря, и 4 апрѣля въ Смирнѣ у насъ поднялъ флагъ начальникъ эскадры контръ-адмиралъ Чебышевъ.

Въ ожиданіи телеграммы князя надо сообщить небольшой эпизодъ, рассказанный лейтенантъ Р.— „Въ 1876 году, плавая на фрегатѣ „Петропавловскъ“ подъ флагомъ контръ-адмирала Ивана Ивановича Бутакова передъ турецкой войной, мы прибыли съ отрядомъ въ Смирну для защиты грековъ и на страхъ врагамъ. Турки объявили, что отвѣчаютъ за жизнь офицеровъ, только если они будутъ съѣзжать днемъ въ формѣ безъ оружія, но мы не обращали на это вниманія и ѣздили во всякое время. Намъ, гардемаринамъ, особенно нравилось скакать на дикихъ коняхъ по горамъ темными вечерами—это доставляло массу сильныхъ ощущеній.

Когда мы съѣзжали днемъ, то насъ приглашали греки къ себѣ, старались угощать, но занимать не могли изъ-за непониманія языка (единицы, полученныя въ гимназіи за греческій языкъ, не привели ни къ чему). Случайно попали въ семью, говорящую по-французски, тутъ мы и оставались, главная приманка была красавица-дочь, прямо рѣдкой красоты. Мой сотоварищъ Александръ П—кій увлекся красотой гречанки, и мы начали ходить къ нимъ каждый вечеръ. На мою долю досталось другая сестра „миленькая“, но зато очень веселая, по правдѣ сказать, для меня было безразлично—я съѣзжалъ постоянно съ А. П. на берегъ и теперь не хотѣлъ его бросать. Наша красавица не на шутку полюбила П—каго, который былъ высокаго роста, красивый и румяный, и отказала своему жениху, надеясь на А. П.—каго. Простоявъ два мѣсяца въ Смирнѣ, мы ушли, А. П. увезъ съ собою карточку гречанки и воспоминаніе о нашихъ веселыхъ вечерахъ, но „съ глазъ съ долой и съ сердца прочь“ примѣнилось вполнѣ, пришли въ Италію, а тамъ черныхъ глазъ свой запасъ, и образъ красавицы постепенно растаялъ, хотя я напоминалъ А. П. о необходимости хоть изрѣдка писать. Бѣдная гречанка оказалась серьезнѣе, она упорно отказывалась отъ замужества, не теряя надежды снова увидѣть дорогого друга, но время шло, а его нѣтъ, и бѣдняжка, не дождавшись зачала, какъ чудный цвѣтокъ безъ ухода и умерла отъ чахотки съ карточкой А. П. въ рукахъ, ея послѣднее слово было „Александръ“.

И вотъ, придя черезъ 7 лѣтъ въ Смирну, я немедленно принялся разыскивать эту семью; довольно трудно искать не зная ни фамилію, ни профессію отца и забывъ прежнюю квартиру, но съ помощью

поставщика удалось найти. Конечно, сейчас поѣхалъ къ нимъ. Каково же было мое удивленіе сначала и огорченіе потомъ, когда я услышалъ разсказъ о бѣдствіяхъ семьи: прежде богатые люди, совсѣмъ обѣднѣли, родители умерли, старшая сестра (красавица) и братъ тоже; осталась одна, съ которой я постоянно бесѣдовалъ 7 лѣтъ тому назадъ. Она-то мнѣ и разсказала о послѣднихъ часахъ своей сестры, дала пакетъ съ какою-то вещью отъ покойной сестры для передачи А. П., а мнѣ на память золотой карандашъ съ камнемъ; этотъ карандашъ считался у нихъ фамильнымъ и тщательно сохранялся. На меня ужасно подѣйствовала вся эта исторія и разсказъ осиротѣвшей барышни. Вернувшись на крейсеръ, пришлось стоять вахту съ 12 часовъ ночи до 4 часовъ утра, и я, стоя у выходного трапа, написалъ карандашомъ при лунномъ свѣтѣ въ теплую, тихую ночь, письмо своей матушкѣ и, не перечеитывая послалъ его на другой день. Впослѣдствіи матушка говорила, что это было лучшее изъ писемъ, къ сожалѣнію, оно потомъ пропало“.

В. Рудневъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ архива Императорской первой Казанской гимназіи.

Получень апреля 23 числа 1767 г.

Высокоблагородный и почтенный Господинъ Надворный Совѣтникъ и Казанскихъ гимназій Главный Командиръ.

Въ инструкціи данной отъ Господина Генерала Порутчика Дѣйствительнаго Камергера Куратора и Кавалера Ивана Ивановича Шувалова бывшему Директору Аргамакову между прочимъ въ 22 пунктѣ предписано, въ дворянской 2 разночинской гимназіи смотреть чтобъ каждой пристойно одѣтъ былъ и недозволять ходить въ классъ въ нагольныхъ шубахъ, въ серыхъ коетанахъ, въ лаптяхъ и тому подобныхъ подлыхъ одѣяніяхъ, вслѣдствіе чего чтобъ и въ Казанскихъ гимназіяхъ, по содержанію оного повелѣнія было наблюдаемо, изволите кому надлежитъ подтвердить дабы въ таковыхъ непристойныхъ одѣяніяхъ въ классахъ отнюдь никто не былъ, а особливо во время имѣющаго быть Высочайшаго Ея Императорскаго Величества въ нынѣшнемъ 1767 году въ Казанѣ присудствія крайнюю употребить въ томъ осторожность и чтобъ ученики а особливо казеннаго содержанія пристойное имѣли платье.

Михайла Херасковъ.

Апреля 3 дня
1767 г.
№ 213.

Сооб. В. Д. Корсакова.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

которую Толстой называл своей „чудесной бабушкой“, не прерывалась их „неукладистая дружба“, как выражался Л. Н., и хотя во многом они не сходились—графиня была вѣрная, искренно вѣрующая дочь православной церкви,—но, какъ люди одинаковаго душевнаго склада и одинаково высокихъ духовныхъ интересовъ, любили другъ друга и дарили другъ друга нравственной поддержкой, которой не мѣшали ихъ „безвечные“ споры и размолвки. Образъ „бабушки“ неизмѣнно сопутствовалъ Толстому на всѣхъ путяхъ его внутренней жизни, и она была одною изъ самыхъ дорогихъ его привязанностей. Чѣмъ былъ каждый изъ нихъ для другого, это видно изъ ихъ взаимныхъ признаній. „Когда у меня въ душѣ безпорядокъ“,—писалъ ей Толстой,—„я при васъ и заочно стыжусь васъ“. „Мнѣ“—говорила графиня,—„всегда хочется стать лучше, когда я вижу васъ“. Еще въ 1858 г. она умѣла оцѣнить ту борьбу, которая, незамѣтно для большинства окружающихъ, совершалась въ душѣ Толстого: „сѣмена вошли. Богъ посѣялъ ихъ на такую благодарную почву, что они не могутъ заглохнуть. Все, что заграждаетъ путь къ истинной правдѣ, будетъ когда-нибудь устранено... Это строящийся корабль, еще не спущенный на воду...“ И она мечтала увидѣть, какъ онъ „величаво поплыветъ“; судьба дала ей дожить до полного свершенія этой пророческой надежды. Постоянная антагонистка толстовскаго религіознаго ученія, графиня благодѣтельно вліяла на Толстого, осажденнаго, обтѣпленнаго узкими, злобными сектантами, паразитами его духовной жизни и его мірскаго славы; одинъ изъ этихъ умниковъ, рассказываетъ она въ своихъ воспоминаніяхъ о Л. Н., заявлялъ, напримѣръ, что „не любить скупленія“. Когда читаешь ея рассказы объ этихъ людяхъ, съ особенной ясностью понимаешь, отъ кого бѣжалъ Толстой въ свои предсмертные дни. Но неизмѣнно однимъ изъ лучшихъ благъ жизни, ниспосланныхъ ему свыше, было общеніе съ А. А. Толстой. Плодомъ его осталась многолѣтняя переписка. Съ „бабушкой“ Толстой дѣлился многими заветными мыслями и чувствами; въ этой перепискѣ подлинный Толстой, во весь ростъ, потому что А. А. Толстая была ему, что называется, по плечу. Содержаніе переписки столь же богато, какъ творчество Толстого. Изучать Толстого безъ этихъ писемъ невозможно. Но этимъ еще не исчерпывается значеніе книги: дорисовывая Толстого, о которомъ такъ много до сихъ поръ сказано и еще будетъ сказано, она увѣковѣчиваетъ привлекательный умственный и нравственный обликъ даровитой русской женщины. Ея щедрая душа сказалась, вѣроятно, не только въ письмахъ къ Толстому, и не худо было бы собрать, пока есть возможность, другія ея письма и личныя воспоминанія о ней. Вѣчная благодарность ея памяти за красоту ея души и за то добро, которое творила она Толстому, такъ часто одинокому въ своемъ величіи.

Н. Л.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы

съ 8 по 15 сентября 1911 г.

Каръевъ, Н. Учебная книга новой исторіи. Спб. 1911. Изд. 12-е. Тип. М. М. Стасюлевича (Вас. О., 5 л., д. 28). 8° (17×25). VIII+350 стр.+VIII раскраш. картъ. Ц. 1 р. 45 к. Въсь 1 ф. 10 л. 7.000 экз.

Келтуяла, В. А. Курсъ исторіи русской литературы. Пособіе для самообразованія Часть I. Исторія древней русской литературы. Книга вторая. Спб. 1911. Тип. М. М. Стасюлевича (Вас. Остр., 5 линия, домъ 28). 8° (16 × 25). XXII + 937 стр. Цѣна 3 рубля. Въсь 3 ф. 29 л. 5.050 экз.

Красвянскій, М. Б. Историческій очеркъ г.г. Ростова и Нахичевана н. Д. по даннымъ городского музея въ г. Ростовѣ н. Д. (Оттискъ изъ справочной книжки „Ростовъ Нахичев. н. Д.“). Ростовъ н. Д. 1911. Изд. автора. Тип. М. И. Гузманъ. 16° (14×19). 36 стр. Ц. 1 р. Въсь 3 л. 300 экз.

Львовичъ, М. Ритуальные убійства (къ дѣлу Ющинскаго). Спб. 1911. Тип. Л. Я. Гавзбурга (Мытнинск., 11). 8° (15×22). 95 стр. Складъ: Спб. (Итальянская, 27) „Разумъ“. Ц. 25 к. Въсь 9 л. 5.000 экз.

Лѣтописное сказаніе объ избавленіи града Устюжны отъ безбожныхъ ляховъ и пѣмцевъ въ 1609 году. Спб. 1911. Тип. „Колоколь“ (Невскій, 127). 8° (14×21). 12 стр. Въсь 1 л. 1.000 экз.

Макарій, архим. Описание Чудотворной Иконы Святителя Николая Мирликійскаго Чудотворца, находящейся въ Новгородскомъ Дворчицкомъ Соборѣ. Извлечено изъ Извѣстій Имп. Археологическаго Общества. Вып. 6-й. Спб. 1859 года. Новгородъ 1911. Тип. Губернская. 8° (16×22). 14 стр. Въсь 2 л. 1.000 экз.

Максимовъ, И. Г. Систематическое чтеніе по словесности (Опытъ библиографическаго указателя для юношества). Тифлисъ. 1911. Тип. Окружнаго Штаба. 8° (14 × 21). V+500+IV стр. Складъ: Центр. кн. маг. Ц. 90 к. Въсь 21 л. 2.400 экз.

Маларевскій, А., прот. Святитель Іоасафъ, епископъ Бѣлгородскій. Чтеніе съ свѣтлыми картинами для школъ и народа (Съ ежечасною молитвою святителя Іоасафа Горленко, переложенною на ноты). Спб. 1911. Изд. Кружка почитателей святителя, 3-е. Тип. „Родникъ“ (Невскій пр., 88). 8° (17×25). 92+4 стр. Съ портр. и 39 рис. Ц. 25 к. Въсь 9 л. 20.000 экз.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА
 1912 г.

СОРОКЪ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портре-
 тами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИН-**
НАДЦАТЬ руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго
 союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой
 по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петер-
 бургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ
 магазинахъ: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20.
«Новое Время», Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ
 Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д.
 Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ,
 № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.).
 Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ
 Редакцію журнала **«Русская Старина»**, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ **„РУССКОЙ СТАРИНѢ“** помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о
 дѣлахъ эпохъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и
 XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ
 дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ,
 артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ:
 переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—
 V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—
 Челобитныя, переписка и документы, рѣшующіе быть русскаго общества прошлаго време-
 ни.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ
 лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны
 немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію
 заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со
 времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к.
 послѣ этого времени почтовому ведомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ
 случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными
 для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничто-
 жаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ
 не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину“** за
 слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по 8 рублей; 1884 г.,
 1885 г. и съ 1888—1911 по 9 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

**„МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,
 ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“**,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою.
 Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъячская ул., д. 7.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XLIII-й.

НОЯБРЬ.

1912 годъ .

СО Д Е Р Ж А Н И Е:

I. Статьи, подлежащія напечатанію въ будущемъ году	I	ваніи на крейсера „Африка“. В. Руднева.	346—361
II. Берлинскій Конгрессъ 1878 года. (Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ). Сообщ. А. С. Анучина.		XIII. Депутатъ отъ Россіи. (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой). Сообщено Е. С. М.	362—377
III. Въ долину Дуная въ 1877 г. Г. И. Вобрикова.		XIV. Стендаль въ Москвѣ и въ Смоленскѣ. Сообщ. А. Хоментовская.	378—390
IV. Встрѣчи и столкновенія. (Н. П. Тутчевъ, Н. А. Гончаровъ). Р. И. Сементковскаго.		XV. М. И. Драгомировъ, командующій войсками округа. (Изъ отрывочныхъ воспоминаній). А. Е. К.	391—400
V. Н. Г. Чернышевскій. (Наброски повнездан. матеріаламъ). А. А. Лебедева.		XVI. Лунное явленіе, видѣнное въ Москвѣ 1812 г., ноября 28-го дня. П. П. Веніамінова.	401—405
VI. Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г. г. Е. А. Рагозиной.		XVII. Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи. Е. А. Альбовскаго.	406—415
VII. Дневникъ академика В. П. Безобразова. 1887. Сообщ. М. В. Безобразова.		XVIII. Изъ воспоминаній стараго врача А. А. Синицына. Сообщ. Н. Д. Романовъ.	416—422
VIII. Великій Князь Николай Михайловичъ. Императоръ Александръ I (Опытъ историческаго изслѣдованія). В. Т.		XIX. Андрей Денисьевичъ Виниусъ. (Историческіе матеріалы, собранныя Евгеніемъ Вильчинскимъ). Е. Вильчинскаго.	425—441
IX. Сто лѣтъ назадъ. Письма Н. И. Одентала къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ. С. О. Долгова.		XX. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 8 сентября по 6 октября 1911 г.	444—450
X. Къ дѣлу Мировича. П. Юдина.		XXI. Изъ записной книжки „Русской Старины“:	
XI. Изъ бумагъ архіепископа воронежскаго Паренія, относящихся къ 1812 году. Т. М. Олейникова.		а) Волшебство противъ мельницы (1613 г.). Сообщ. Пв. Суворовъ.	423—424
XII. Изъ воспоминаній о пла-		б) Мужикъ на царскомъ дворѣ ночью (1686 г.). Изъ архивныхъ документовъ.	442—443

Приложеніе: Эпизодъ изъ боевъ подъ Краснымъ съ 3 по 6 ноября 1812 г.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1913 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни. Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Т-ва п. ф. „Электро-Тип. Н. Я. Стойковой“. Знаменскал, 27.

1912.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1912 года.
Библиотека „Руниверс“

Библиографическій листокъ.

Труды Псковскаго археологическаго общества, 1911—1912 г.г. Выпускъ 8-й. Псковъ. 1912.

Въ восьмомъ выпускѣ работъ псковскаго общества помѣщено нѣсколько интересныхъ изслѣдованій и матеріаловъ: „Походы Стефана Баторія на Россію и осада Пскова въ 1561 г.“ (П. Орлова); „Русское дворянство въ событіяхъ 1730 года“ (М. Помяловскаго, очеркъ событій, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ императрицы Анны Іоанновны; записки Е. П. Назимова о шведской войнѣ 1808—1809 г.г.); „Обитатели Тригорскаго въ 1850-хъ годахъ“ (сообщеніе Н. Окулича-Казарина о П. А. Осиповой и ея семьѣ, извѣстныхъ по отношеніямъ къ нимъ А. С. Пушкина), записанныя К. Геропольскимъ, И. Копа-невичемъ и П. Николаевымъ въ Псковской губерніи народныя пѣсни, поговорки, пословицы и др. Псковское археологическое общество уже много лѣтъ старательно изучаетъ и охраняетъ псковскую старину, несмотря на самыя неблагоприятныя матеріальныя и бытовые условия. О послѣднихъ краснорѣчиво говорятъ слѣдующія простыя, немногословныя строки: „на свой счетъ наше общество сдѣлало и размѣстило по башнямъ и стѣнамъ Кремля желѣзныя доски съ надписями о времени сооруженія и историческомъ значеніи этихъ памятниковъ. Эти доски постигла печальная участь: часть ихъ тотчасъ же была разстрѣлана камнями, переломана и сбита на землю. Общество замѣнило ихъ новыми досками, съ которыми опять повторилась та же исторія; теперь мы возобновили ихъ въ третій разъ“... Лишь недавно общество добилось паданія административныхъ обязательныхъ постановленій о неприкосновенности древнихъ стѣнъ и башенъ.

Дѣйствія Нижегородской ученой архивной комиссіи. Сборникъ. Томъ XII. Выпускъ I, II. Томъ XIII. Выпускъ III. Нижній-Новгородъ. 1912.

Отнынѣ „дѣйствія“ выходятъ отдѣльными выпусками, которые предполагается выпускать по нѣскольку разъ въ годъ. По содержанію они дѣлятся на три отдѣла: статьи и сообщенія членовъ комиссіи, опися дѣлъ и историческіе документы. Какъ всѣ изданія комиссіи, и эти составлены интересно и разнообразно. По экономической исторіи Нижняго-Новгорода отмѣтимъ статьи Е. Д. Сташевскаго „Замѣтка о торговлѣ Нижняго-Новгорода въ первой половинѣ XVII вѣка“ и А. Дахновича „Нижній-Новгородъ въ первой половинѣ XVII в. по писцовой книгѣ“. Много матеріаловъ относится къ церковной, юридической и бытовой старинѣ.

Отчетъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея имени Императора Александра III въ Москвѣ за 1908—1911 годы.

Эти интересныя, хотя, къ сожалѣнію, слишкомъ краткія, лѣтописи жизни замѣчательнаго хранилища историческихъ сокровищъ, которымъ гордится Москва, свидѣлствуютъ о непрерывномъ ростѣ и процвѣтаніи Музея. Онъ все отчетливѣе обогащался дарамъ жертвователей и удачными покупками, гостеприимно открывалъ свои двери всѣмъ интересующимся разнообразными отраслями археологій, искусства и исторіи, устраивалъ юбилейныя выставки къ памяти выдающихся историческихъ событій (напр., двухсотлѣтія Полтавскаго боя, пятидесятилѣтія освобожденія крестьянъ) и по случаю литературныхъ поминокъ (по С. Т. Аксаковъ, Гоголь, Кольцовъ, Бѣлинскомъ и друг.). Въ 1908 г. Музей посетили почти сорокъ тысячъ человѣкъ; въ 1911 г. посѣтителей было уже болѣе пятидесяти восьми съ половиною тысячъ.

Александръ Ермоловъ. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ. 1777—1861. С.-Петербургъ. 1912.

Русскому народу присуще замѣчательное свойство мало заботиться о составленіи жизнеописаній великихъ и выдающихся людей своей родины. Поэтѣму появленіе подобныхъ обстоятельныхъ биографій должно быть привѣтствуемо съ особымъ удовольствіемъ.

Авторъ книги, потомокъ А. П. Ермолова, даетъ высоко-интересное и крайне поучительное жизнеописаніе своего знаменитаго предка. Выяснивъ характеръ его воспитанія, авторъ картинно излагаетъ энергичное участіе 17 лѣтняго капитана Ермолова при штурмѣ Праги подъ начальствомъ Суворова въ царствованіе Великой Екатерины, а затѣмъ при Императорѣ Павлѣ I заключеніе А. П. въ Петропавловскую крѣпость и ссылку на вѣчное пребываніе въ Костромѣ, и поступленіе вновь на службу при Императорѣ Александрѣ I. Ермоловъ участвовалъ въ персидскомъ походѣ Зубова, въ войнахъ 1805, 1806, 1807, 1812, 1813, 1814 годовъ. Во всѣхъ этихъ походахъ А. П. обнаружилъ блестящія военныя и административныя дарованія. Участіе А. П. въ сраженіяхъ подъ Варшавой, Прейсишъ-Эйлау, р. Посаргъ, подъ Витебскомъ, Смоленскомъ, Бородинымъ, Малоярославцемъ, при преслѣдованіи арміи Наполеона въ 1812 году, въ сраженіяхъ подъ Бауценомъ, Кульмомъ и Парижемъ составляютъ блестящія страницы нашей военной исторіи.

Тонкіе знатоки людей Суворовъ, Кутузовъ и Императоръ Александръ I отличали блестящія военныя и административныя дарованія Ермолова. Послѣ Прейсишъ-Эйлау Ермоловъ сталъ извѣстенъ всей арміи, а отечественная война выдвинула его впередъ

Эпизодъ изъ боя въ подѣ Краснаго съ 8 по 6 ноября 1812 года.

Статьи, подлежащія напечатанію въ будущемъ году
въ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА“.

Вступая въ 1913 году въ сорокъ четвертый годъ своего существованія, „Русская Старина“ предполагаетъ напечатать въ будущемъ году слѣдующія статьи: **А. Ф. Коки.**—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебного дѣятеля“. „Житейскія встрѣчи“. Воспоминанія **П. Д. Воборыкина**. **Е. С. Шумигорскаго.**—„Родители Великаго Князя Павла Петровича“. „1800 годъ“. **Н. А. Вилламова.**—Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. **В. К. Случевского.**—„Борьба съ антихристомъ у Тирасполя“. **Г. И. Бобрива.**—Воспоминанія, касающіяся дѣятельности автора въ Румыніи, въ дѣйствующей арміи, въ Сербіи, въ Берлинѣ на конгрессѣ, въ Константинополѣ послѣ войны. **Е. А. Рагозиной.**—Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—78 гг., при чемъ авторъ описывая жизнь Турціи и ея обитателей, касается войны съ Черногоріей, Сербіей, Черняева, настроенія въ Константинополѣ послѣ объявленія войны Россіей Турціи, вспышки масульмавскаго фанатизма и др. **А. Александрова.**—Неизданныя письма **Ф. М. Достоевскаго**. **В. А. Алексѣева.**—Два неизданныхъ стихотворенія Некрасова. **Кн. М. В. Волконской.**—„Памяти М. А. Балакирева“—„за 38 лѣтъ“. **Е. Фридерикса.**—Мое знакомство съ семьей Бѣлинскаго. **Р. И. Сементковскаго.**—Встрѣчи и столкновенія. **А. А. Половцовой.**—Записки **А. А. Половцева** (касаются графа Киселева, М. И. Муравьева, Г. А. Вадуева и Д. П. Блудова). **М. И. Грекова.**—„Атака лейбъ-казаковъ въ бою подъ Лейпцигомъ, по разсказу участника боя“. **К. Владиславлевъ.**—Очерки изъ боевой жизни Владивостокской эскадры: „Наравѣдку“.—„Набѣгъ“.—„Напризовомъ пароходѣ“.—„Въ бою“.—„Послѣ боя“. **В. Лайминга.**—Женатая рота **Елисаветы Шаховой.**—„Въ началѣ жизни и на порогѣ вѣчности“. **А. И. Сергѣева.**—Изъ быта духовенства „Павелъ Конюкевичъ, митрополитъ Сибирскій“. „Дѣло по прошенію іеромонаха Иосифа“. **Е. К. Андреевскаго.**—Наброски портретовъ: **В. К. Плева**, **Д. С. Сияягинъ**, **И. Н. Дурново**, **Б. А. Шванебахъ**, **М. Д. Скобелевъ**, **кн. А. К. Имеретинскій**, **Ф. А. Радецкій**, **Н. Г. Столѣтовъ**, **Г. В. Гурко**, **К. В. Левицкій**, **А. А. Непокочичскій**, **А. Р. Дрентельнъ**. **Баронесса Елизавета Менденъ.**—Изъ дневника ввучки. **М. А. Сафонова.**—„За рѣшеткой“. **П. А. Соколова.**—„Межевой“. **Н. И. Морозова.**—Люди и нравы за полвѣка (Митрополитъ Филаретъ, гр. М. И. Муравьевъ, кн. Юр. Голицынъ, кн. Урусовъ и др.). **В. Г. Смородинова.**—Время службы моею въ Варшавскомъ учебномъ округѣ. **В. С. Маркова.**—Изъ воспоминаній о бѣломъ генералѣ. **Е. В. Коршъ.**—Далекое прошлое. **Н. А. Любимова.**—Изъ жизни пнжевера путей сообщенія: между прочимъ, будутъ помѣщены воспоминанія о Тургеневѣ, Достоевскомъ, Вышнеградскомъ, Витте, крушеніе Императорскаго поѣзда близъ ст. Борки, Сибирская желѣзная дорога, 1805 годъ и др. **В. А. Алексѣева.**—Письма **Н. П. Ломакина** генералу **А. А. Бакулину**. **Е. К. Вейденбаума.**—Присяга Ермолова Императору Николаю I-му. **Ф. М. Ильинскаго.**—Московскій митрополитъ Провтій. Изъ бумагъ **А. К. Попова.**—Моро на службѣ въ русскихъ войскахъ. **Е. А. Альбовскаго.**—Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи. **М. В. Безобразовой.**—Дневникъ академика **В. П. Безобразова**. **В. В. Шереметевскаго.**—Басурманская неволя. **Сообщ. Е. С. М.**—Депутатъ отъ Россіи. Воспоминаніе и переписка **О. А. Новиковой**. **И. И. Оноре.**—11 лѣтъ въ театрѣ. **Е. К. Андриашевой.**—Воспоминанія стараго педагога. **Г. А. Данилова.**—Сибирская дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 гг. Воспоминанія **Веселовскаго**, **Леваковскаго**, **Виноградскаго**, **Скворцова** и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой, за границу 11 руб.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 коп. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

П Р И Ж У Р Н А Л Ъ
„РУССКАЯ СТАРИНА“

О Т К Р Ы Т А П О Д П И С К А

НА

**„Стенографическій Отчетъ Портъ-
 Артурскаго процесса“.**

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, официально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось приобрести всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленовой бумагѣ и съ портретами подеудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ Спб. въ ред. журн. „Русская Старина“ (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

„Новаго Времени“, Невскій, 40;

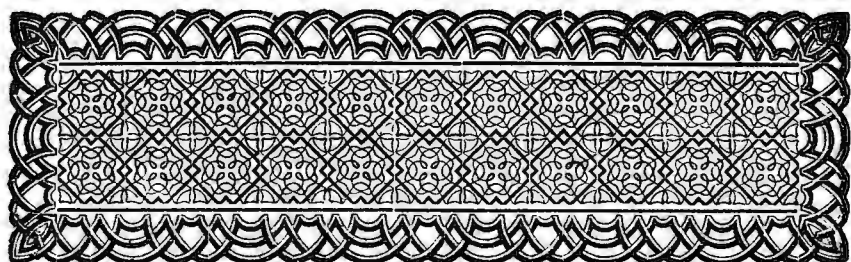
„Т-ва М. О. Вольфъ“, Гостиный дв., 18, и Невскій, 13.
 и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по проверкѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи каждаго выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографическій отчетъ“, платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Берлинскій Конгрессъ 1878 года ¹⁾.

(Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинимъ).

Суббота 17/29 іюня. Вчера вечеромъ было новое засѣданіе у Шувалова съ Черногорцами; я, какъ незнакомый съ мѣстностью, не былъ на совѣщаніи; были Бобриковъ и Боголюбовъ.

Черногорскій вопросъ можетъ очень расхолодить наши отношенія къ Австріи, которая, какъ всегда, порядочно насолила намъ, опираясь на Англію, передъ которою пѣла Лазаря. Думаю, что рано или поздно, но часть расплаты придетъ, и тогда плохо будетъ Австріи, а до того времени ея политики живутъ настоящимъ и прохаживаются на нашъ счетъ. Венгрія, въ лицѣ Андраши, отплачиваетъ намъ за 1849 годъ.

Кажется, жара, преслѣдовавшая насъ, начинаетъ спадать. Сегодня уже можно было спать спокойно, а къ утру стало даже свѣжо. Вчера, не зная, что дѣлать отъ жары, я сбѣжалъ въ другой №, окна котораго выходятъ во дворъ (№ 48) и хотя лишень теперъ вида на Behnstrasse, но за то нѣтъ жары, прежде же солнце было съ ранняго утра до поздняго вечера, и некуда было отъ него укрыться.

Былъ у Шувалова въ 11 ч. Онъ уѣхалъ уже на предварительное совѣщаніе въ залу Конгресса и взялъ съ собою Бобрикова. Дѣло въ томъ, что вчера, на 8-мъ засѣданіи Конгресса, рѣшили образовать особую комиссію разграниченія изъ уполномоченныхъ, по

---

¹⁾ См. „Русск. Старину“ май 1912 г.

одному отъ каждой державы, для формулированія окончательнаго направленія границъ, при чемъ австрійцы представили проектъ границъ Сербіи, а Мегеметь-Али-Паша—границы Черногоріи. Предположили снова собрать нашу военную комиссію, усиливъ ее офицерами отъ Пруссіи, Италіи, Франціи и Турціи. Окончательное соглашеніе по этому должно было состояться сегодня передъ или послѣ Конгресса. Чтобы скорѣе передать намъ объ этомъ рѣшеніи, графъ Шуваловъ и взялъ съ собою Бобрикова. Почему-то соглашеніе затянулось, и Бобриковъ ушелъ изъ залы Конгресса, не дождавшись рѣшенія. Между тѣмъ я, узнавъ о предполагаемомъ созваніи нашей комиссіи, вернулся домой.

Вскорѣ мнѣ дали знать изъ посольства, что созывъ комиссіи рѣшенъ и собираютъ насъ немедленно. Пошли къ Бобрикову—нѣтъ дома. Секретарь Шувалова, Бутеневъ пришелъ въ посольство и сказалъ, что Бобрикова тамъ нѣтъ. Совѣтникъ посольства Араповъ фздилъ по всему городу и не нашелъ его нигдѣ, а между тѣмъ онъ преспокойно сидѣлъ у Шувалова, ожидая его возвращенія, а такъкакъ самъ Шуваловъ былъ на Конгрессѣ, то и не предполагали возможнымъ, чтобы кто-нибудь оставался у него въ квартирѣ. Въ то же время ко мнѣ приходилъ австріецъ Тѣммель узнать, когда будетъ наше собраніе; оказалось, что и у нихъ идетъ та же суматоха. Англичанъ едва разыскали. Наконецъ, собралась, наша старая комиссія въ прежнемъ составѣ и, подождавъ до $1\frac{1}{2}$ рѣшила разойтись въ томъ предположеніи, что новые наши товарищи едва-ли успѣютъ явиться сегодня. Однако, успѣли потолковать о границахъ Сербіи и Болгаріи. Англичане какъ-то стоворчивѣе. Что-то будетъ завтра; собираемся въ $2\frac{1}{2}$ ч. дня.

Потомъ обѣдали всѣ одновременно, но не вмѣстѣ въ Кайзергофѣ, гдѣ нѣтъ уже болѣе table-d'hote, а садятся за отдѣльными столиками: обѣдъ по картѣ стоитъ $4\frac{1}{2}$ марки. Обѣдъ дали прекрасный, отличные артишоки и чудесный рейнвейнъ. Въ залѣ Кайзергофа видѣлъ румынскихъ министровъ Братіано и Кагальничеано. На насъ, русскихъ, смотрять косо.

Послѣ обѣда, передъ тѣмъ какъ идти къ Шувалову и узнать у него, что было на засѣданіи, я зашелъ къ Бобрикову. Вдругъ являются туда разыскивать... самого Шувалова! Все это цѣлые дни бѣгаетъ отъ одного къ другому; каждый другъ друга ищетъ. Суматоха невѣроятная. Всѣ члены Конгресса измучились. Говорятъ, что къ 8/20 іюля (почему именно къ 8/20?) Конгрессъ кончится. Неужели еще столько времени будемъ ждать здѣсь.

На-дняхъ ѣдетъ въ Царское Село Бобриковъ, а за нимъ, вѣроятно, придется ѣхать мнѣ. Въ Царскомъ происходитъ только докладъ Государю и сейчасъ же немедленная отсылка обратно, такъ что нельзя даже ѣхать въ Петербургъ. Мнѣ еще Шуваловъ ничего не говорилъ, но думаю, что не избѣжать поѣздки, которую ожидаю ежедневно.

Въ комиссію разграниченія при Конгрессѣ (Commission de délimitation) вошли:

- отъ Германіи—князь Гогенлоэ.
- „ Австріи—баронъ Гаймерле.
- „ Франціи—графъ Севъ-Валье.
- „ Англіи—лордъ Одо-Россель.
- „ Италіи—графъ Де-Лонэ.
- „ Россіи—графъ Шуваловъ.
- „ Турціи—Мегеметь-Али-Паша.

Боснія и Герцеговина преподнесены вчера Австріи. Предложеніе сдѣлалъ Салисбюри, а передъ тѣмъ Андраши сказалъ іезуитскую рѣчь, выставляя на видъ безобразія, происходившія въ Босніи, и сказалъ, что самые жизненные интересы Австріи требуютъ установленія на этотъ предметъ такого рѣшенія, которое способно было бы умротожить край и предупредить возобновеніе безпорядковъ, столько стоившихъ Австріи.

Горчаковъ сказалъ, что въ вопросѣ о Босніи и Герцеговинѣ Россія не заинтересована ?! Шуваловъ ничего не говорилъ.

Понедѣльникъ 19 іюня (1 іюля). Вчера 18/30, въ воскресенье, мы одержали въ нашей комиссіи если не полную, то весьма значительную побѣду, а англичане провалились совсѣмъ.

Комиссія наша, которую называютъ „la commission des délégués spéciaux de délimitation“, состоитъ теперь изъ двѣнадцати членовъ. Заявленія наши о невозможности вести дѣло только съ австрійцами и англичанами—были уважены, и комиссію усилили новыми членами. Поименовываю ихъ всѣхъ, выписывая названія державъ въ алфавитномъ порядкѣ, принятомъ вообще на Конгрессѣ. Въ этомъ порядкѣ подавались и голоса въ нашей комиссіи.

Allemagne—Блюме (Blume), генеральнаго штаба подполковникъ и начальникъ отдѣленія въ военномъ министерствѣ.

Autriche—баронъ Швѣгель (Schwegel), начальникъ отдѣленія въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, и фонъ Тѣммель (von Thömmel), подполковникъ генеральнаго штаба, бывший долгое время въ Черногоріи.

France—графъ де-Семезонъ (de Sesmaisons), полковникъ генеральнаго штаба и военный агентъ въ Берлинѣ.

Grande Bretagne—генералъ Симмонсъ (Simmons) и Ардагъ (Ardagh), инженеръ-капитанъ.

Italie—графъ дель-Майно (Del-Mauno), подполковникъ генеральнаго штаба и военный агентъ въ Берлинѣ.

Russie—генеральнаго штаба: генералъ-лейтенантъ Анучинъ; генералъ-маіоръ Бобриковъ и полковникъ Боголюбовъ; Боголюбовъ бывалъ на засѣданіяхъ преимущественно по дѣламъ Черногоріи, а я на такія засѣданія (о Черногоріи) не приходилъ.

Turquie—маіоръ Нури Еффенди (Nouri Effendi), военный агентъ въ Берлинѣ и Гуссейнъ Назимъ (Hussein Nazim)—эскадронный командиръ генеральнаго штаба.

Приступая къ опредѣленію окончательныхъ границъ Сербіи, намъ приходится считаться со слѣдующими фактами:

а.) Боснія и Герцоговина уступлены Австріи съ оставленіемъ Сербіи Малаго Зворника и Захара.

б.) Австрія отказалась отъ занятія Enclave, но оговорила себѣ право, впоследствии, занять Ново-Базарскій санджакъ, т. е. ту часть Enclave, которая прежде входила въ составъ Боснійскаго вилайэта; слѣдовательно, Австрія употребитъ всѣ усилія, чтобы сохранить за Турціею западную часть прирѣзки къ Сербіи по Санъ-Стефанскому договору, прирѣзки, которая подходила къ самой Митровицѣ и желѣзной дорогѣ отъ Митровицы въ Салоники.

в.) Аналогичнымъ заявленіемъ Турціи о необходимости расширить, по возможности, промежутокъ между Сербіею и Черногоріею; это заявленіе должно будетъ особенно невыгодно отразиться на сохраненіи Санъ-Стефанской границы Черногоріи, такъ какъ на большей части этого пространства сербскія границы оставались старыя, а впередъ выдавались границы Черногоріи.

Словомъ, мы стоимъ лицомъ къ лицу съ такъ названною Игнатьевымъ и всѣми въ Санъ-Стефано „скотопрогонною дорогою“, т. е. узкой полосой между Сербіею и Черногоріею, оставленною для Турціи въ видѣ дороги для сообщенія между искалѣченными западными провинціями. Игнатьевъ особенно хвалился этою „скотопрогонною дорогою“, хотя въ дѣйствительности едва-ли она была нужна послѣ того, какъ Россія заранѣе предоставляла Австріи право занять Боснію и Герцеговину. Денеша Государя отъ 15/27 іюня (см. выше подъ 16/28 іюня) ясно показываетъ, что онъ не имѣлъ въ виду отказываться отъ своего слова. Зачѣмъ же было и оставлять эту скотопрогонную дорогу къ чужимъ владѣніямъ?

Здѣсь же, въ Берлинѣ, мы неоднократно убѣждались, что именно эта скотопрогонная дорога приводила въ ярость и Австрію, и Турцію. Мнѣ кажется, что если бы, при заключеніи Санъ-Стефанскаго договора, мы вспомнили объ условіяхъ нашихъ съ Австріей и прямо заявили о предоставленіи ей права занять Боснію и Герцеговину—съ предварительнаго ея на такое заявленіе соглашенія—то мы не имѣли бы теперь противъ себя Австрію, и пожалуй Черногорія примкнула бы къ границамъ Сербіи.

Заявленія Турціи и Австріи, розданныя намъ въ печатныхъ экземплярахъ, у сего прилагаются ¹⁾).

Поддерживая Турцію въ видахъ расширенія скотопрогонной дороги, Австрія потребовала уступки западной части прирѣзки къ Сербіи, отодвинувъ эту границу къ востоку, параллельно желѣзной дорогѣ и начиная новую границу у Приштины. Не желая обидѣть Сербію, Австрія за эту отрѣзку требовала прирѣзки къ Сербіи—на счетъ Болгаріи—Врани, Трна и Широга съ ихъ округами и части Брезницкаго округа.

Полагая сперва разсмотрѣть только границу Сербіи отъ Турціи и рассчитывая, что проведеніе границы собственно между Сербіей и Болгаріей не вызоветъ затрудненій, Россія согласилась въ принципѣ принять австрійскую линію, выговоривъ только въ пользу Сербіи—Преполацкое ущелье и вершины р. Медвѣдьей.

Все вышенаписанное подробно изображаетъ основанія, которыхъ мы рѣшились держаться и которыя были выработаны на совѣщаніяхъ у Шувалова.

Мы (я и Бобриковъ) пришли въ засѣданіе, когда всѣ уже собрались кромѣ австрійцевъ. Познакомились и разговорились. Оказалось, что новые члены еще наканунѣ, вечеромъ въ субботу, видѣлись съ англичанами и австрійцами и узнали отъ нихъ объ ихъ желаніи на счетъ проведенія сербской границы. Рѣшили заняться этимъ вопросомъ. Во всѣхъ комиссіяхъ, состоявшихъ при Конгрессѣ, предсѣдательствовали члены отъ Германіи. А потому я и Симмонсъ, какъ старшіе по чинамъ, обратились къ подполковнику Блюме съ предложеніемъ взять на себя предсѣдательство. Онъ долго отказывался, ссылаясь на свой чинъ, но мы его убѣдили согласиться, такъ какъ старшинство здѣсь не могло что-либо значить, тѣмъ болѣе, что случайно представители двухъ противныхъ партій—генералы; ни одному изъ нихъ неудобно было быть въ одно и то же время и предсѣдателемъ, и защитникомъ крайняго мнѣнія.

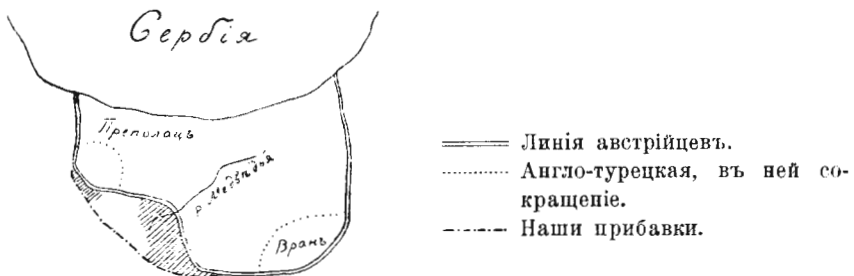
¹⁾ Приложение № 4.

Когда Блюме согласился, мы усѣлись за столъ въ такомъ порядкѣ:

Приступили къ работамъ. Прежде всего предсѣдатель (Блюме) предложилъ условиться на счетъ того, какъ выражать граничную черту. На установленіи этого особенно настаивали мы, ссылаясь на недоразумѣнія бывшихъ уже нашихъ совѣщаній. Условились при направленіи границы: по хребтамъ горъ—брать ихъ гребни (crag); по рѣкамъ—ихъ русло (thalweg); по бассейнамъ рѣкъ—водораздѣлы (la ligne de partage des eaux). Это принято единогласно; англичане и на этотъ разъ немало говорили о зонахъ, но должны были уступить общему голосу, чтобы не остаться въ одиночествѣ.

Затѣмъ австріяцы прочитали свое заявленіе. Мы заявили согласіе съ ними, оставя за собою право объяснить при самыхъ дебатахъ, нѣкоторыя измѣненія въ пользу Сербіи. Англія, за себя и Турцію, высказалась тоже въ пользу австрійской линіи, но оставляла за Турціей Враню и ея округъ.

Итакъ оказались три линіи: австрійская, турецко-англійская и наша. Каждая сторона объяснила свое направленіе, приводя принятыя къ тому основанія. Англичане (турки были нѣмы) прямо говорили, что желаютъ оградить бѣдную Турцію отъ Сербіи. Австріяцы выставляли впередъ необходимость поддержать ихъ тор-

говлю и прикрыть Митровицо-Салоникскую желѣзную дорогу. Мы заявили совѣмъ другое. Для насъ, говорили мы, нѣтъ ни сербовъ, ни турокъ. Мы хотимъ провести границы по возможности естественныя, которыя не были бы явно ни въ пользу одной, ни въ пользу другой стороны, и полагаемъ, что если на одной дорогѣ черезъ пограничныя хребты есть два ущелья, напр. Любча и Преполаць, то слѣдуетъ одно отдать Турціи, а другое оставить за Сербіей. Если одно ущелье, то его надо раздѣлить поперекъ, чтобы оно было общимъ и чтобы каждая сторона оберегала свой выходъ. Наконецъ, мы сказали, что наша граница примыкаетъ къ большимъ хребтамъ, составляющимъ безспорную и непроходимую линію въ верховьяхъ р. Медвѣдѣй.

Вновь введенные въ комиссію элементы, т. е. представители Германіи, Франціи и Италіи, попросили разрѣшенія обмѣняться между собою взглядами и придти къ одному заключенію, которое могло бы быть выраженіемъ мнѣнія державъ, незаинтересованныхъ въ дѣлѣ непосредственно и потому болѣе безпристрастныхъ. По окончаніи этого совѣщанія, довольно продолжительнаго, графъ де-Семезонъ, отъ себя и отъ имени двухъ своихъ товарищей, заявилъ, что они признаютъ необходимымъ принять среднія рѣшенія и предлагаютъ поставить слѣдующіе вопросы:

- 1) слѣдуетъ ли отдать Сербіи проходъ Любча?
- 2) слѣдуетъ ли отдать Сербіи весь проходъ Преполаць (такъ какъ Любча остается за Турціей), прибавя къ австрійской линіи пространство въ тысячу метровъ?
- 3) слѣдуетъ ли предоставить Сербіи верховья р. Медвѣдѣй, приблизившись къ русской линіи, и
- 4) слѣдуетъ ли сохранить за Сербіей округъ Враня?

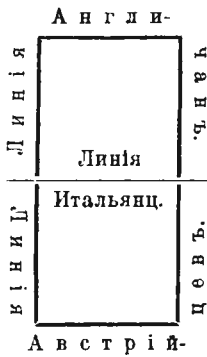
Постановка нейтральными членами всѣхъ вопросовъ была благопріятна нашему заявленію и въ пользу Сербіи. Комиссія согласилась на постановку этихъ вопросовъ. Началось голосованіе.

По первому вопросу, кромѣ насъ, всѣ сказали *нѣтъ*, и Любча осталась за Турціей.

По второму было *3 нѣтъ* и *4 да*; Преполаць съ присоединеніемъ территоріи въ тысячу метровъ впередъ—достался Сербіи.

По третьему было *3 нѣтъ* (Австрія, Англія и Турція) и *4 да*—верховья р. Медвѣдѣй достались Сербіи и принята наша линія. Австрійцы разсердились. „Кому принадлежитъ линія водораздѣла? спрашиваетъ баронъ Швегель, такъ какъ бассейнъ ничего еще не опредѣляетъ на счетъ линіи водораздѣла“. Хорошъ! Ему замѣтили, что вопросъ этотъ разрѣшенъ въ самомъ началѣ засѣданія и возвращаться къ нему нельзя.

По вопросу четвертому о Вранѣ пришлось много толковать.

Мы были, разумѣется, за линію Враня австрійскую; она хотя и обижала Болгарію, но вознаграждала Сербію за сдѣланную у нея отрѣзку новой границы на западъ. Считаая необходимымъ дать ей что-либо въ замѣнъ, надо было начать съ уступки ей Врани. Англичане же хотѣли отхватить отъ Сербіи, въ пользу Турціи, весь Вранскій округъ съ великолѣпнѣйшимъ Гределицкимъ ущельемъ.

Представитель Италіи графъ дель-Майно предложилъ среднюю линію, съ которою на предварительномъ совѣщаніи согласились Франція и Германія.

Опять явилось три линіи — англійская, австрійская и итальянская. Съ которой начать голосованіе? Очевидно, что пруссакъ, французъ и итальянецъ, предлагая среднюю линію, сомнѣвались въ возможности сохранить для Сербіи линію австрійскую и находили справедливымъ отрѣзать менѣе, чѣмъ хотѣли взять англичане. Поэтому выгоднѣе было для насъ начать съ англійской линіи, которую едва-ли бы кто могъ защищать кромѣ англичанъ и турокъ.

Предсѣдатель спрашиваетъ: „съ какой линіи начать голосованіе?“ Мы говоримъ, что все равно, лишь бы не съ средней, которая должна быть второй. Предсѣдатель: „итакъ англійская или австрійская? кто за англійскую, поднять руки, кто за австрійскую, не поднимать“.

Большинство и въ томъ числѣ *англичане* и турки и, разумѣется, мы, подняли руки. Австріецъ Швёгель, сидѣвшій между мною и англійскимъ генераломъ, говоритъ: „что они дѣлаютъ, не понимаютъ послѣдствій“ и, обращаясь къ англійскому генералу—„да развѣ вы не догадываетесь, что сдѣлали капитальную ошибку!“ Тотъ смотритъ удивленно.

При голосованіи за англійскую линію подали голоса: 2 *да* (Англія и Турція) и 5 *нѣтъ*. Линія и англичане съ турками провалились. Надо было видѣть ихъ досаду. Тогда они начали говорить, что прежде чѣмъ голосовать среднюю, итальянскую линію, ее надо исправить, приблизивъ къ англійской. Начались споры.

„Позвольте, заявляемъ мы: вѣдь эта линія была уже изучена; мы потратили на нее болѣе часу времени и, наконецъ, всѣ вопросы были поставлены безъ малѣйшихъ протестовъ. Надо продолжать“. Австрійцы, раздосадованные рѣшеніемъ первыхъ вопросовъ въ нашу пользу, приняли сторону англо-турокъ, но безуспѣшно.

По итальянской линіи, т. е. слѣдуетъ ли ее принять за границу Сербіи, получилось 4 *нѣтъ* и 3 *да*, т. е. турки, англичане и предатели австрійцы, которые, чтобы поддержать турокъ, сказали *да*, отступаясь такимъ образомъ отъ своей линіи. Вотъ плуты? Провалилась и эта линія.

За третью линію, австрійскую, было 5 *да* и 2 *нѣтъ*, т. е. турки и англичане. Итакъ они провалились со скандаломъ. Всѣ ихъ предложенія безусловно отклонены, а большая часть нашей прирѣзки получена. Мы на это даже и не рассчитывали, такъ какъ Сербія и безъ того получаетъ совершенно достаточно и даже больше, чѣмъ предполагалось ей дать по Санъ-Стефанскому договору.

Рѣшенія наши мы резюмировали слѣдующимъ протоколомъ:

„Военная комиссія, въ своемъ засѣданіи 30-го іюня, высказалась большинствомъ голосовъ въ пользу прилагаемаго у сего предложенія Австро-Венгріи относительно сербскихъ границъ съ тѣми измѣненіями:

„1) что будетъ назначенъ районъ въ тысячу метровъ къ югу отъ пункта, въ которомъ линія водораздѣла перерѣзывается дорогою изъ Куршумле въ Приштину,

„2) что верхній бассейнъ Медвѣджи останется за Сербіей.

„Вопросъ о томъ, должны ли Пиротъ и Триъ составить часть Сербіи или нѣтъ—комиссіею отложенъ“.

Я съ удовольствіемъ пообѣдалъ въ Кайзергофѣ и два раза былъ у Шувалова, чтобы передать ему о происшедшемъ, но, не заставъ его дома и въ послѣдній разъ, написалъ ему записку, чтобы онъ, придя домой, узналъ о хорошихъ результатахъ.

Въ этомъ же составѣ, комиссія наша будетъ заниматься и болгарскими границами. Шансы отстоять наши предложенія увеличиваются, и есть надежда, что пограничные вопросы будутъ рѣшены недурно. Должно отстоять Шипку, и на это будетъ обращено самое большое вниманіе; наша позиція, наши кладбища не могутъ быть профанированы турками.

Я въ хорошемъ расположеніи духа—а это такъ рѣдко теперь бываетъ со мною—и въ восторгѣ, что англичане съ носомъ. Поддержка Пруссіи, Франціи и Италіи тѣмъ важнѣе, что она устранила всѣ вопросы, кромѣ военныхъ, т. е. стали на нашу точку зрѣнія, а слѣдовательно, соглашеніе возможно, и для насъ выгоднѣе, чѣмъ прежде.

Сегодня утромъ былъ у Шувалова. Тамъ былъ Ристичъ. Онъ сильно агитируетъ въ пользу отдѣленія къ Сербіи, кромѣ отданной уже ей Врани, еще Пирота и Триа. Въ своемъ разглагольствованіи онъ увлекся до того, что заявилъ о желаніи населенія этихъ городовъ съ ихъ округами сдѣлаться сербскими. Къ нему оттуда, будто бы, поступило множество подобныхъ заявленій и что если устроить плебисцитъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, всѣ мѣстные жители поголовно выскажутся за присоединеніе къ Сербіи. Какъ хорошо знакомый съ обстоятельствами, я опровергъ это фактами, сказавъ, что если и есть голоса за Сербію, то только потому, что мѣстности эти, къ сожалѣнію, заняты сербскими войсками, и что тамъ устроена не наша, а сербская гражданская администрація, производящая страшныя безобразія и потребовавшая, чтобы духовенство на эктеніяхъ поминало имя князя Милана. Пиротскій митрополитъ, заявившій протесты противъ сербскихъ порядковъ, былъ схваченъ и увезенъ въ Нишъ, гдѣ его держатъ плѣнникомъ. Можно ли при подобныхъ условіяхъ говорить о плебисцитѣ—это была бы постыдная комедія, разыгранная по камертону сербскихъ начальниковъ, хозяйничающихъ въ краѣ только потому, что мы не заняли его своими войсками. Ристичъ былъ крайню недоволенъ, но опровергнуть моихъ доводовъ не могъ, такъ какъ я прямо сказалъ, что по телеграфу можно немедленно получить отъ нашего главнокомандующаго полное подтвержденіе моихъ словъ.

Вторникъ, 20 іюня/2 іюля, 10 ч. утра. Здѣсь идутъ дожди, но воздухъ мало посвѣжѣлъ. Едва сдѣлаешь нѣсколько шаговъ, какъ уже весь мокрый; только по вечерамъ пріятно проѣхаться по Тиргартену, но и онъ, несмотря на всю свою прелесть, становится однообразнымъ.

Что было рѣшено на вчерашнемъ засѣданіи Конгресса по поводу возвращенія намъ части Бессарабіи—не знаю еще, такъ какъ не видалъ Шувалова. Онъ цѣлый день разѣзжаетъ и трудится много; на его долю за болѣзнь Горчакова выпала вся работа и при томъ тѣмъ болѣе трудная, что приходится нерѣдко исправлять то, что старикъ сболтнетъ по старости и малому знакомству съ дѣломъ. Последнее обстоятельство ужасно. Весь букетъ его выдохся, если и былъ,—и осталось умѣнье говорить звучныя, отборныя фразы безъ малѣйшаго содержанія и иногда, увы, ни къ чему не относящіяся изъ того, о чемъ идетъ разговоръ. Это очень печальное положеніе, и старикъ не понимаетъ его, а иначе не напросился бы пріѣхать сюда.

По теперешнему ходу дѣлъ на Конгрессѣ, обѣщаютъ скорое его окончаніе; даль бы Богъ, а то тяжело живется здѣсь. Цѣлый день бѣгаешь, бѣгаешь, ждешь, спрашиваешь или споришь и волнуешься. Самолюбіе наше и честь Россіи оскорбляются на каждомъ шагу; каждое засѣданіе Конгресса приносить новую каверзу, новую дерзость. Жаль, что я не былъ въ Петербургѣ передъ объявленіемъ войны; будь это, можно бы сказать, что присутствовалъ при всѣхъ перипетіяхъ восточнаго вопроса.

Ежечасно ожидаемъ приглашенія въ Магдебургъ: почему-то все откладываютъ. Во всякомъ случаѣ поѣду, очень интересно будетъ видѣть маневры прусскихъ войскъ—но, пожалуй, занятія въ комиссіи помѣшаютъ.

9 ч. вечера. Утромъ у Шувалова. Онъ разсказалъ, что вчера, 19-го, въ комиссіи уполномоченныхъ обсуждалось наше рѣшеніе о сербскихъ границахъ. Англичане и турки сильно возстаютъ противъ уступокъ Сербіи Преполаци и Врани, т. е. противъ того, что они проиграли въ нашей комиссіи, по большинству голосовъ. Большіе тоже споры вышли изъ-за округовъ Пиротъ и Трнъ, которые хотятъ отдать Сербіи. Сегодня конгрессу Шуваловъ предложитъ передать въ *commission de délimitation* вопросъ о болгарской границѣ. Опять, слѣдовательно, придется работать и нашей военной комиссіи.

Тамъ же онъ увидалъ у Одо-Росселя карту, на которой назначены предполагаемыя англичанами границы Софійскаго санджака, т. е. ту самую карту, которую мы уже видѣли у англичанъ съ границами бассейна Искура. Шуваловъ попросилъ, чтобы подобной карты даже и не клали на столъ комиссіи, такъ какъ онъ никогда и ни за что не согласится на что-либо подобное. Вообще бывшіе споры и вновь готовящіяся заявленія англичанъ такъ его разстроили, что онъ не могъ долѣе говорить и ушелъ изъ комиссіи.

При выходѣ Салисбюри говоритъ ему: „что это вы такъ разстроились; будемъ разсуждать хладнокровно, все можно уладить“.

Въ 6^{1/2} ч. Убри давалъ намъ обѣдъ. Былъ Шуваловъ, всѣ мы, прѣхавшіе изъ Петербурга, и нашъ министръ-резидентъ въ Гамбургѣ (Гольтке?)—сухая фізіономія. Обѣдъ былъ въ 6^{1/2}, и всѣ мы были во фракахъ. Обѣдъ прекрасный, хотя щи были только по названію щами, а смахивали на какую-то похлебку, но все равно всѣ были довольны и похваливали.

Шуваловъ удивительный разсказчикъ. Говоритъ прелестно и съ большимъ одушевленіемъ. Разсказывалъ разныя разности и про

Конгрессъ, и вообще разные случаи. На Конгрессѣ, около залы за-сѣданій устроенъ буфетъ, на счетъ германскаго правительства, гдѣ завтракають члены Конгресса, и такъ какъ зало въ квартирѣ Бисмарка, то туда, пользуясь случаемъ, является и семейство его, до за-сѣданій, разумѣется, и уписываетъ даровыя прелести. Шуваловъ говоритъ, что самъ видѣлъ такое кормленіе, на которое собрались не только папа Бисмаркъ съ чадами, но и цѣлая куча разныхъ тетушекъ, кузинъ и проч. Буфетъ держитъ здѣшній Елисеѣвъ—Борхартъ, у котораго лучшій магазинъ винъ и деликатесовъ.

Сегодня вечеромъ въ 9 ч. за-сѣданіе нашей комиссіи по черногорскому вопросу. Гогенлоэ просилъ Шувалова не присылать на за-сѣданіе троихъ, а только двоихъ, иначе силы неравны. Поэтому пойдутъ только Бобриковъ и Боголюбовъ, оба бывшіе въ Черногоріи. Передъ обѣдомъ у Убри, мы втроемъ (я, Бобриковъ, Боголюбовъ) писали записку о границахъ Софійскаго санджака и дали ее послѣ обѣда Шувалову, который тутъ же сдѣлалъ изъ нея извлеченіе по-французски для передачи въ комиссію разграниченія. Въ Софійскомъ санджакѣ въ сущности важны рѣшенія о западныхъ и юго-западныхъ его границахъ, т. е. желательно, по возможности, менѣе отдавать тамъ Турціи. Что же касается до восточной границы—между Болгаріей и Румеліей, то тамъ едва-ли могутъ много намъ попортить. Правда, туркамъ дозволено охранять границы Румеліи и занять ихъ войсками, но гдѣ же у Турціи войска, и гдѣ средства построить крѣпости и массу казармъ, потому что туркамъ воспрещено располагаться, въ какомъ бы то ни было случаѣ, по обывательскимъ квартирамъ. На организацію войскъ, постройку крѣпостей и казармъ потребуются милліоны; у турокъ ихъ нѣтъ, а друзья ихъ едва-ли дадутъ имъ на это средства. Кромѣ того, мы имѣемъ право на громадное вознагражденіе. Захотятъ турки строить крѣпости, а мы имъ скажемъ: „у васъ есть свободныя деньги? пожалуйте ихъ намъ въ счетъ военной контрибуціи“. Поэтому, введеніе въ Румелію турецкихъ войскъ просто невысказано и все, что въ этомъ смыслѣ друзьями Турціи выговаривается на Конгрессѣ въ ея пользу, едва-ли практично. Дѣло въ томъ, что просто хотятъ унижать Россію и пакостить ей, гдѣ можно. Ну, а если въ Румеліи турецкихъ войскъ не будетъ, мыслимо ли, чтобы искусственное ея отдѣленіе отъ Болгаріи продержалось долго? Если Молдавія и Валахія слились въ одно государство, то развѣ то же самое не ожидаетъ Болгарію и Румелію? Лично я думаю, что спорить о восточной границѣ Софійскаго санджака придется много; спорить будетъ

надо, но споръ этотъ, въ сущности, будетъ академическимъ, чего бы ни выдумала злоба—дѣйствительность восторжествуетъ и возьметъ свое.

На сегодняшнемъ засѣданіи, Каратеодори-Паша, возражая противъ уплаты Россіи военнаго вознагражденія, сказалъ, что ничто не вызывало войны, и что Россія воевала изъ-за „sentiments“. Шуваловъ напалъ на него, и тотъ просилъ, чтобы отвѣтъ его не записывали въ протоколъ, но Шуваловъ отвѣчалъ—возьмите свою записку, и я возьму мой отвѣтъ.

Что касается до денежнаго намъ вознагражденія, выговореннаго Санъ-Стефанскимъ договоромъ въ 310 милліоновъ рублей (пункты с и д ст. XIX договора), то о немъ много и долго толковали, вытянули отъ нашихъ уполномоченныхъ заявленіе, что мы не потребуемъ взаимнъ его территоріальныхъ уступокъ и не будемъ взыскивать съ Порты этой контрибуціи въ ущербъ ея европейскимъ кредиторамъ, и въ концѣ концовъ постановили, что это дѣло частнаго соглашенія между Россіей и Турціей, а потому и нѣтъ надобности помѣщать что-либо объ этомъ въ договоръ, которымъ будетъ замѣненъ Санъ-Стефанскій. Это удивительно, всѣ выгоды для себя выговорили, въ протоколъ записали, а о нашихъ правахъ представили намъ самимъ вѣдаться съ султаномъ! ¹⁾

Говорятъ, 28 іюня будетъ послѣднее засѣданіе Конгресса, послѣ котораго разѣйдутся главные уполномоченные, а остальные будутъ кончать дѣла Конгресса. приведеніемъ всего въ порядокъ.

Присоединеніе къ Россіи Бессарабіи окончено и рѣшено Конгрессомъ третьяго дня, 19-го іюня. Румынскіе министры Братіано и Кагальничеано, были введены въ залу Конгресса и прочли заявленіе, коимъ просили:

- а.) признать независимость Румыніи;
- б.) не отдѣлять отъ нея части Бессарабіи, присоединенной въ 1856 г.
- в.) воспретить Россіи, во время оккупации Болгаріи, проходить черезъ Румынію—у русскихъ есть для этого Дунай и море.
- г.) дать имъ дельту Дуная съ Змѣинымъ островомъ, и
- д.) дать имъ часть получаемаго Россіей денежнаго съ Турціи вознагражденія.

¹⁾ Курьезныя подробности этихъ дебатовъ занесены въ протоколъ № 11.

Независимость Румыніи была уже совершившимся фактомъ еще съ прошлаго года; Дунайскую дельту съ Змѣинымъ островомъ ей давали по Санъ-Стефанскому договору, слѣдовательно, заявленія Румыніи состояли въ протестѣ противу отторженія части Бессарабіи, въ запрещеніи намъ проходить черезъ Румынію и въ назначеніи части военнаго вознагражденія. Конгрессъ призналъ независимость Румыніи и уступку Бессарабіи, при чемъ Россія обѣщала нѣсколько прирѣзать къ Тульчинскому санджаку, чтобы захватить румынъ, живущихъ къ югу отъ юго-западной границы Добруджи. Итакъ дѣло возвращенія Бессарабіи—столь желанное Государемъ—сдѣлано, но дорого мы за него заплатили.

Среда 21 іюня/3 іюля. Сегодня утромъ ходилъ гулять съ графомъ Шуваловымъ въ Тиргартенъ. Онъ говоритъ, что еще ни разу не прошелся въ Берлинѣ свободно, и пригласилъ меня и Бобрикова въ Тиргартенъ, чтобы дорогою передать намъ разныя свѣдѣнія.

Прежде всего онъ сказалъ, что его очень заботятъ пренія по нашимъ азіатскимъ дѣламъ. Салисбюри заявилъ ему, что если Россія не уступитъ по вопросу о Батумѣ, то Англія потребуетъ свободы проливовъ. Объ этомъ Шуваловъ телеграфировалъ сегодня въ Петербургъ, спрашивая окончательныхъ инструкцій на счетъ Батума.

По дѣлу о Софійскомъ санджакѣ, Салисбюри все твердитъ, что уступка его была сдѣлана имъ легкомысленно, и предложилъ даже возвратиться къ присоединенію къ Румелии части Македоніи. По словамъ Салисбюри, общественное мнѣніе въ Англіи сильно возбуждено уступкою Софійскаго санджака, и вотъ почему они обязаны здѣсь усиленно хлопотать объ урѣзкѣ его съ цѣлью получить хотя бы Ихтеманскій проходъ. На одномъ изъ послѣднихъ совѣщаній уполномоченныхъ въ комиссіи de délimitation, когда Салисбюри предложилъ возвратиться къ старому проекту, т.-е. ко включенію части Македоніи въ Румелию, Шуваловъ говоритъ: хорошо, по-моему уже лучше дать границу по Балканамъ, но съ выводомъ турецкихъ войскъ изъ Румелии. „J'accepte, кричитъ Мегеметь Али-Паша, съ одними милиціонерами я бы справился въ Румелии, если бы былъ тамъ генераль-губернаторомъ“.

Изъ-за чего же мы спорили о пребываніи войскъ, когда это, какъ заявляетъ фельдмаршалъ Турціи, несущественно важно. Слѣдовательно, все дѣло только шло объ отобраніи части земель отъ Болгаріи, а отнюдь не о стратегическихъ выгодахъ и необходимости.

Совѣщаніе Шувалова по Софійскимъ границамъ не привело ни къ какимъ выгоднымъ для насъ результатамъ. Англичане упираются. Засѣданіе нашей комиссіи назначено сегодня въ 9 ч. вечера.

Вчера на обѣдѣ у Убри, мнѣ передавали, что Лорисъ-Меликовъ искалъ меня въ Н. де Rome и, не найдя меня тамъ, поѣхалъ въ Britich Hôtel, на который ошибочно ему указали. Онъ просилъ мнѣ передать, что видѣлъ моихъ дѣтей и М. Пушкину послѣ моего отъѣзда изъ Петербурга, и что всѣ они здоровы. Онъ (Лорисъ) поѣхалъ въ Эмсъ, кажется. Встрѣтилъ здѣсь Гершельмана съ женою и дочерью—тоже поѣхали въ Эмсъ.

Странно, что на этотъ разъ не видалъ еще въ Берлинѣ ни одного знакомаго поляка, всегда, бывало, встрѣчалъ ихъ не мало.

Четвергъ 22 іюня/4 іюля. Вчера наша комиссіа разошлась въ ¼ 1-го ночи. Работали мы въ залѣ Конгресса, гдѣ, впрочемъ, насъ угостили только зельтерской водой, а какъ ее почти никто не пилъ, то все ограничилось хлопаніемъ пробокъ, которыя, наскучивъ сидѣть въ согрѣвшихся 4 бутылкахъ, вылетали съ громкими звуками.

Занятія наши, послѣ долгихъ споровъ, окончились постановкою трехъ вопросовъ:

- 1) будетъ ли бассейнъ Камчика принадлежать Болгаріи или нѣтъ?
- 2) какія исправленія слѣдуетъ сдѣлать въ границахъ Софійскаго санджака?
- 3) гдѣ южная граница Румелии примыкаетъ къ Черному морю?

Оказалось необходимымъ еще разъ просить указаній Конгресса, что вѣроятно будетъ сдѣлано сегодня утромъ, а на вечеръ опять засѣданіе въ 9 ч.

Не знаю, помогутъ ли намъ итальянецъ и французъ съ пруссакомъ. Пруссакъ уже, впрочемъ, отлично разбираетъ стратегическое значеніе границъ и, можетъ быть, что-нибудь мы выторгуемъ. Австрійцы сердятся на сербскія границы, гадили ужасно и наводили на новыя требованія.

Утромъ былъ у Шувалова; рассказалъ ему о результатахъ вчерашняго засѣданія и узналъ, что сегодня у уполномоченныхъ (сomission de délimitation) не будетъ собранія, а потому вѣроятно они сойдутся особо, чтобы переговорить о встрѣченныхъ нами затрудненіяхъ.

Кронъ-принцъ выразилъ желаніе, чтобы всѣ мы, прибывшіе на Конгрессъ, дали ему свои фотографическія карточки (кабинетныя) съ подписями. Пришлось сегодня сниматься у Naase. Заказалъ дю-

жину маленькихъ карточекъ (въ поясъ) и дюжину кабинетныхъ (во весь ростъ).

Сегодня 12-ое засѣданіе Конгресса; будутъ разсуждать о границахъ Черногоріи, афонскихъ монастыряхъ и греческомъ вопросѣ.

Мнѣ здѣсь невыносимо тяжело; съ какимъ восторгомъ вырвусь отсюда. Положеніе Россіи съ каждымъ днемъ не лучше, а хуже. Теперь начинается малоазіатскій вопросъ и неизвѣстно, что придется сдѣлать съ Батумомъ. Едва-ли онъ не потерянь для насъ. *Боже мой, сколько ужасныхъ результатовъ отъ незанятія своевременно Галипополи и Константинополя, а также отъ оставленія въ рукахъ турокъ—Шумлы, Варны и Батума. Варну уже пришлось купить на Конгрессѣ цѣною Македоніи, чего требуютъ за Батумъ?*

Пятница 23 іюня/5 іюля. Вчера вернулся домой въ 2 ч. ночи! Засидѣлись до невозможности, однако половину дѣла сдѣлали. Сегодня собираемся въ 2 часа и, вѣроятно, успѣемъ согласиться окончательно.

Предметомъ нашихъ занятій было окончательное проектированіе границъ Болгаріи и Румеліи. Такъ какъ о границѣ между Софійскимъ и Филиппопольскимъ санджаками все еще не достигнуто соглашеніе въ большой комиссіи, то мы рѣшили заняться южными границами Болгаріи и Румеліи. Обѣ границы были нами изучены еще прежде, 7/19 іюня, въ первоначальномъ составѣ нашей комиссіи. Относительно южной границы Румеліи и тогда было достигнуто соглашеніе почти на все ея протяженіе за исключеніемъ только точки упора ея въ Черное море. Мы представили свою границу, англичане—свою. Разница была незначительна. Итальянскій военный агентъ, графъ Дель-Майно, предложилъ среднюю линію, и всѣ приняли ее единогласно.

Вотъ эта граница:

„Предложеніе спеціальной комиссіи. Начиная отъ р. Арды у деревни Ада-Чали, граница поднимается до гребня Бештепе-Дагъ, по которому тянется до пункта, лежащаго на Марицѣ въ пяти километрахъ выше моста Мустафа-паши; направляется къ сѣверу по водораздѣлу между Демирханли и мелкими притоками Марицы до Кюделеръ-Боира; отсюда она пересѣкаетъ долину Тунджи, направляясь прямо къ Буюкъ-Дербенту, оставляя его на сѣверѣ такъ же, какъ и Суджакъ. Изъ Буюкъ-Дере она идетъ снова по водораздѣлу между притоками Тунджи на сѣверѣ и Марицы на югѣ на высотѣ Кайбиляра, который остается къ сѣверу; переходитъ къ югу отъ Алмала между бассейномъ Марицы на югѣ и разными рѣчками, впадающими прямо въ Черное море между деревнями Белевронъ и

Алатли; она слѣдуетъ къ сѣверу отъ Каранлика по гребнямъ Росны, Сувакъ, Илія, по линіи, отдѣляющей воды Дуки отъ водъ Карагачь-су, и примыкаетъ къ Черному морю между двумя рѣками, носящими тѣ же названія“¹⁾).

Не то было съ южной границей Болгаріи. Тамъ на пространствѣ отъ Демиръ-Капу (къ западу отъ г. Котла) до Чернаго моря осталось прежнее разногласіе съ англичанами. Они хотѣли вести линіи по правому берегу Камчика, а мы—значительно южнѣе. Въ виду успѣшности посредничества графа Дель-Майно, мы, русскіе, обратились къ нему съ просьбой проектировать среднюю, согласительную линію. Подобное предложеніе было выгодно для насъ, а потому понятно, что англичане вовсе отклонились отъ участія въ проектированіи новой линіи; австрійцы держались пассивно. Когда итальянская линія была готова, англичане потребовали баллотировать ихъ старую линію. Голоса раздѣлились; четыре—мы, Пруссія, Франція и Италія,—сказали *нѣтъ* и отвергли англійскую линію, три голоса—Англія, Турція и Австрія—сказали *да*. Большинство голосовъ было на нашей сторонѣ, почему англійская линія была отвергнута и безъ баллотировки принята итальянская.

Англичане однако не сочли себя побитыми окончательно и требовали внесенія въ протоколъ ихъ предложенія о предоставленіи въ пользу Турціи оборонительной зоны въ пять километровъ ширины къ сѣверу отъ Демиръ-Капу да Чаликавака.

Предложеніе нашей комиссіи приняло такой видъ.

„Предложеніе спеціальной комиссіи. Оставляя по заявленію англійскаго уполномоченнаго дальнѣйшему обсужденію право опредѣленія оборонительной зоны въ пять километровъ къ сѣверу между Демиръ-Капу и Чаликавакомъ, комиссія предлагаетъ:

„Направить линію по гребню Балканъ отъ Демиръ-Капу черезъ Казанъ-Балканъ къ сѣверу отъ Котла, Пришевиць-Балканъ, Карнабадъ-Балканъ и гребню, тамъ съ нимъ соединяющемуся, до пункта, лежащаго къ востоку отъ сліянія рѣки Дели-Камчикъ и ручья Балабанъ; далѣе линія косвенно пересѣкаетъ долину Дели-Камчика, проходитъ къ сѣверу отъ Хаджимагале и къ югу отъ Кемчелика и Белибе и слѣдуетъ по руслу ручья, на которомъ находятся деревни Суджулукъ, Кулебе, Айваджикъ, Селамъ-кѣй, Хаджи-кѣй до Чернаго моря, оставляя Болгаріи деревни, лежащія по сѣверному берегу, и Румелии, по южному берегу“²⁾).

¹⁾ Эта самая линія и вошла потомъ въ Берлинскій трактатъ ст. XIV.

²⁾ Эта самая граница вошла въ Берлинскій трактатъ, статьи II и XIV, только тамъ подробнѣе означенъ пунктъ перехода Камчика—въ 2½ верстахъ выше Ченгеля. См. дальше подъ 26 іюня (8 іюля).

Быль уже второй часъ ночи, какъ турецкіе офицеры, переговоривъ между собою, предложили новое направленіе съ цѣлью представить Турціи Ваково. Несмотря на позднее время, пришлось голосовать. Вышло: 6 *нѣтъ* и 1 *да*. Даже англичане и австрійцы не захотѣли согласиться съ своими кліентами—это очень курьезно. Турки не сконфузились, хотя это было единственное ихъ предложеніе во все время нашихъ работъ: всѣ заботы о нихъ приняли на себя англичане и австрійцы.

Сегодня утромъ я еще спалъ—стучатся. Отворяю—карточка молодого Трепова, бывшаго у насъ на Дунаѣ. Федоръ Федоровичъ вчера пріѣхалъ сюда и сегодня уѣзжаетъ. Спрашиваетъ, когда можно меня видѣть... Я сказалъ, что буду сейчасъ самъ и пошелъ въ 10¹/₂ ч., но уже было поздно, онъ поѣхалъ къ Шувалову. У Шувалова тоже не засталъ; придется зайти въ ¹/₂ 2-го передъ нашимъ совѣщаніемъ, а если и это не удастся, то поѣду проводить его на желѣзную дорогу. Онъ, говорятъ, совершенно поправился, ходить безъ палки, однако рана не зажила, и кромѣ того пуля сидитъ еще въ немъ, неизвѣстно гдѣ. Юноша же совсѣмъ поправился.

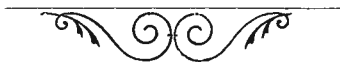
Утромъ былъ у Шувалова и нашелъ его весьма озабоченнымъ. Отвѣта изъ Петербурга на счетъ Батума все еще нѣтъ и опять нельзя о немъ говорить на Конгрессѣ. Биконсфилдъ сердится и сказалъ, что если до субботы не будетъ отвѣта, то онъ дальше не останется здѣсь и въ понедѣльникъ уѣдетъ. Бисмаркъ тоже недоволенъ замедленіемъ, говоря, что наши азіатскія дѣла малоинтересны для него и для Европы.

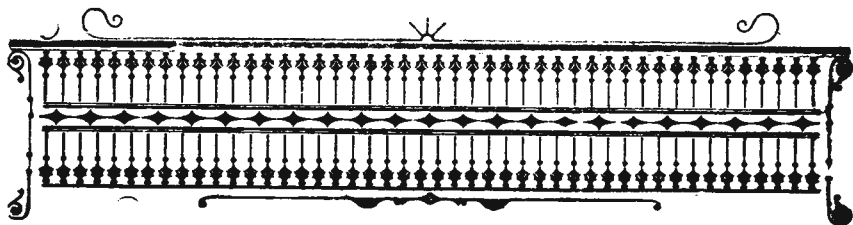

Послѣдніе два дня свѣжо, и по вечерамъ приходится надѣвать пальто.

Сообщила А. С. Анучина.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Въ долинь Дуная въ 1877 году ¹⁾.

V.

два-ли можно признать цѣлесообразною нагрузку главной квартиры предметами вѣдѣнія, не прямо относящимися до чисто боевыхъ операцій войскъ. Главнокомандующій долженъ быть избавленъ отъ такихъ обязанностей, совокупность которыхъ составляетъ заботу тыла арміи. Организация послѣдняго должна быть соображена заблаговременно и немедленно осуществляться, какъ только армія вступаетъ на театръ военныхъ дѣйствій. Дѣятельность полевого штаба арміи не должна ни отвлекаться, ни затѣняться, ничѣмъ постороннимъ боевому его назначенію.

Во имя прекраснаго во многихъ случаяхъ единовластія нельзя обременять сверхъ силъ хотя-бы и высокаго по своимъ дарованіямъ лица. вмѣсто желаемой пользы получится неисправимый вредъ, ничѣмъ не оправдываемый. По кореннымъ вопросамъ въ свое время должны быть преподаны руководящія начала, только видоизмѣняемая по мѣрѣ развитія военныхъ операцій и измѣненія ихъ характера. Работа главной квартиры, сосредоточенной главнымъ образомъ въ полевомъ штабѣ арміи, и труды тыловыхъ учрежденій, хотя и имѣютъ много общаго, но въ то же время и различаются самымъ существеннымъ образомъ.

Армія, живой организмъ, требующій для сохраненія своей силы полного удовлетворенія всѣхъ видовъ своего довольствія. Въ то

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1912 г.

время какъ главная квартира призывается къ наиболѣе производительному ихъ расходванію для достиженія государственныхъ цѣлей войны, всѣ заботы тыла сосредоточиваются не только къ ихъ сохраненію, но и развитію, улучшенію, увеличенію. Опытъ войны указываетъ, что наиболѣе труднымъ является благопріятное разрѣшеніе вопроса объ удовлетвореніи потребностей арміи продовольствіемъ и фуражемъ. Въ какомъ же состояніи было положеніе войскъ въ этомъ отношеніи? Въ отправленіи выполненія своихъ прямыхъ обязанностей интендантство было отъ дѣла отстранено и замѣнено еврейскимъ товариществомъ; т. е. то, что было въ мирное время организовано, на военное время сразу отбрасывалось, какъ негодная ветошь, и замѣнялось сомнительною комбинаціею. Въ основаніе такого импровизованнаго рѣшенія было положено убѣжденіе въ томъ, что интендантство неминуемо окажется несостоятельнымъ, а все дѣло сдѣлають три товарища.

„Пусть товарищи истратятъ нѣсколько лишнихъ милліоновъ, да войска будутъ въ исправности и сыты, чѣмъ оставаться съ интендантствомъ, т. е. съ голодными войсками и безъ тѣхъ же милліоновъ“, какъ говорили инициаторы неожиданнаго никѣмъ новаго мѣропріятія.

Безъ колебанія можно утверждать, что такая фантазія никогда не была бы осуществлена, если бы не исходила изъ сферъ высшаго командованія и не была бы подкрѣплена авторитетомъ главнокомандующаго. Если бы даже эта сдѣлка не оказалась на дѣлѣ такою невыгодною, сколько драгоцѣннаго времени ея обдумываніе отняло отъ тѣхъ, которые въ этомъ періодѣ войны должны были быть заняты заботою о болѣе важныхъ предметахъ. Мы уже видѣли, какъ въ Румыніи войска чуть не остались безъ фуража только потому, что товарищи проглядѣли его запасы въ Малой Валахіи. Упомянутый выше случай заготовки продовольствія и фуража для колонны генерала барона Дризена въ томъ мѣстѣ, гдѣ его войска и найти не могли, и много подобныхъ съ непосредственнымъ участіемъ въ нихъ начальства полевого штаба до очевидности доказывали непригодность новаго способа, но измѣнять было поздно, такъ какъ условіе съ товариществомъ уже было заключено и обезпечено большою неустойкою.

По мѣрѣ того, какъ войска проникали вѣеромъ въ глубь страны, положеніе товарищей становилось все болѣе и болѣе безвыходнымъ. Заблаговременно приготовить запасы они, очевидно, не могли ни на Дунаѣ, ни въ Румыніи, уже успѣвшей свой хлѣбъ спустить по теченію рѣки за границу, устроить правильный подвозъ изъ Россіи представляло неимоверныя затрудненія, въ особенности для част-

ныхъ лицъ, хотя-бы и официальныхъ поставщиковъ. Волею—неволею пришлось прибѣгнуть къ мѣстнымъ средствамъ страны, что для нихъ уже не могло быть прикрытымъ законною формою реквизиціи. Товарищи принялись косить встрѣчавшіеся на занятомъ пространствѣ страны посѣвы, но были приостановлены, уже начинавшими проявлять свою дѣятельность, новыми органами гражданскаго управленія. Казалось, неудачно вводимый новый способъ довольствія арміи долженъ былъ самъ собою ликвидироваться. Остается только удивляться, какимъ способомъ плачевное товарищество очутилось кредиторомъ казны на многія сотни милліоновъ.

Обстановка благопріятствовала товарищамъ собирать жатву, гдѣ не сѣяли. Лучшія поля принадлежали турецкой части населенія магометанскаго закона, въ страхъ возмездія бѣжавшаго изъ своихъ селеній. А товарищи ставили себѣ въ особую заслугу, представляя войскамъ фуражъ, такимъ легкимъ способомъ добытый. Не слѣдуетъ скрывать, что легкою добычею пользовалась значительная часть сосѣдняго болгарскаго населенія, и что на такой незаконный способъ хищенія находилось начальство, смотрѣвшее сквозь пальцы. При этомъ не только уносилось все сѣдбное и полезное, но уничтожалась мебель и разбивались бочки съ виномъ.

Услѣдить за каждымъ шагомъ лихихъ товарищей было не подъ силу гражданскимъ властямъ, вновь назначеннымъ и потому мало знакомымъ съ мѣстными условіями. Хотя главнымъ объектомъ войны служила защита христіанскаго славянства отъ неистовства ислама, а непосредственная цѣль заключалась въ организаціи болгарства на новыхъ государственныхъ началахъ, къ этому высокому дѣлу къ началу войны мы были совершенно не подготовлены. Много пришлось потрудиться князю Черкасскому, съ необыкновенною энергіею успѣвшему организовать дѣло, разработать положенія и создать личный составъ при чрезвычайно трудной обстановкѣ. За то сколько пришлось претерпѣть ему затрудненій, противо-дѣйствій, недоброжелательства. Князь прежде всего служилъ дѣлу, и это ему не прощалось. Его осуждали за все: за обремененіе работою, за продолжительные доклады у главнокомандующаго, за суровое обращеніе съ болгарамъ. Да, правда, онъ требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ большой работы, но и себя не щадилъ, собственною жизнью запечатлѣвъ свое высокое служеніе долгу. Что же касается до строго-дѣловаго обращенія съ болгарскими представителями, то въ этомъ отношеніи его слѣдовало ставить всѣмъ въ примѣръ, а не осуждать. Его поведеніе было въ тысячу разъ цѣлесообразнѣе и благороднѣе слащаво-приторнаго обращенія, вскорѣ перешедшаго въ презрительно-покровительственное.

Здѣсь кстати отмѣтить, что проникаемость князя Черкаскаго скоро стала распознавать характерныя черты болгарской среды, въ которой болѣе страдательную роль играло сплошное сельское населеніе, эксплуататорами были наиболѣе богатые „чорбаджіи“, нерѣдко угнетатели своихъ братьевъ и только небольшая группа получившихъ образованіе были истинными народолюбцами. Вотъ между этими послѣдними князь искалъ себѣ помощниковъ въ дѣлѣ управленія страной, чорбаджіевъ держалъ въ рукахъ, а сельскому населенію старался по возможности облегчить тяжелое экономическое положеніе. Положеніе было чрезвычайно трудное, такъ какъ организація требовала большихъ средствъ, а ихъ въ наличности совсѣмъ не было. Страна при туркахъ платила десятиной, въ дѣйствительности обращавшейся въ $\frac{1}{5}$, даже въ $\frac{1}{3}$; способъ взиманія былъ откупной, а административная касса ушла изъ страны вмѣстѣ съ османскою администраціею. На мѣстѣ осталось христіанское населеніе, въ большинствѣ случаевъ ограбленное и своими правителями, и турецкими войсками.

Мое ложное положеніе въ главной квартирѣ не укрылось отъ вниманія такого умнаго человѣка, какимъ былъ князь Черкасскій. Не говоря мнѣ ни слова, онъ воспользовался удобнымъ случаемъ и испросилъ у главнокомандующаго мое назначеніе филиппопольскимъ губернаторомъ. При первой со мною встрѣчѣ съ лестною улыбкою онъ объявляетъ мнѣ о состоявшемся назначеніи, хорошо понимая, что я не далъ бы своего согласія, если бы предварительно меня спросили о моемъ желаніи.

Я былъ совершенно озадаченъ. Какъ, что, почему? меня на гражданскую должность, когда я исключительно былъ подготовленъ къ военнымъ операціямъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Въ смятеніи направляюсь къ ставкѣ главнокомандующаго.

„Ваше Высочество! За что такая немилость, почему я признаюсь такимъ бесполезнымъ въ главной квартирѣ, когда послѣдніе года я посвятилъ себя изученію болгарскаго театра военныхъ дѣйствій. За что такой суровый приговоръ?“

„Что съ тобою, что ты такъ взволнованъ? въ свою очередь спрашиваетъ меня Великій Князь.

„А мое назначеніе гражданскимъ губернаторомъ развѣ не осужденіе меня въ военномъ отношеніи!“

„Совсѣмъ нѣтъ. Ты не такъ понимаешь это обстоятельство. Вотъ какъ это произошло. На-дняхъ у меня было обсужденіе о ближайшихъ распоряженіяхъ. Остановились на необходимости сформированія самостоятельнаго отряда достаточной силы, чтобы могъ охранять движеніе арміи къ Адрианополю съ праваго фланга. Такъ

какъ этотъ отрядъ подъ твоимъ начальствомъ приурочивался къ расположенію примѣрно въ окрестностяхъ Филиппополя, то князь Черкасскій и просилъ къ обязанностямъ и власти военной возложить на тебя и временныя обязанности губернатора. Находя, что для дѣла это можетъ принести одну пользу, я согласился на назначеніе тебя филиппопольскимъ военнымъ губернаторомъ“.

„Ваше Высочество! простите, я усумнился, думаль, что это почетное удаленіе отъ военнаго дѣла“.

„Совсѣмъ нѣтъ, голубчикъ! Ты видишь теперь, что совсѣмъ обратно; и я увѣренъ, что ты съ успѣхомъ исполнишь возлагаемыя на тебя обязанности. Я очень на тебя рассчитываю“.

Отъ сердца отлегло, и я отъ души благодарилъ князя Черкаскаго за хорошее обо мнѣ мнѣніе. Князь больше улыбался и говорилъ о постороннихъ предметахъ.

Незавидное было мое положеніе во время тырновскаго сидѣнія, быть въ водоворотѣ событій и не принимать въ нихъ никакого участія. Общее настроеніе было угнетенное. Всѣ прислушивались къ тому, что дѣлалось подъ Плевной, а вѣсти оттуда приходили все хуже и хуже. Только невозмутимый начальникъ штаба выдерживалъ характеръ; на остальныхъ каждая вѣсть производила сильное впечатлѣніе. Трудно было даже предположить, до какой степени падали духомъ отъ малѣйшихъ неудачъ, ликовали отъ признака возможной побѣды.

Помню рассказъ одного изъ ординарцевъ.

Молодой гвардейскій штабъ-офицеръ, незадолго до обѣденнаго времени прибывшій отъ Плевны, былъ сильно взволнованъ. Онъ говорилъ безъ умолку, часто повторяя одно и то же по нѣсколько разъ, сильно жестикулировалъ и рѣзко переходилъ отъ прерывистаго выкрикиванья до сдавленнаго полушопота.

„Я самъ былъ свидѣтелемъ, какую массу пуль и снарядовъ посылаютъ турки въ расположеніе нашихъ войскъ. Если не прикрываться брустверами и не передвигаться съ мѣста на мѣсто, скоро у насъ не останется ни одного человѣка...“

„Ну, ужъ будто турки такъ страшны“, осмѣлился прервать его рѣчь одинъ изъ кружка тѣхъ, которые относились къ преувеличенію очевидцевъ съ нескрываемою подозрительностью.

„Смѣю васъ увѣрить, какъ очевидецъ, что у меня нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія, что впечатлѣніе, полученное на мѣстѣ, сильно смягчилось дорогой, что опасность велика, и гроза растетъ съ каждымъ часомъ“.

„Что же по-вашему слѣдуетъ дѣлать?“ не унимался все тотъ же безпокойный слушатель.

„Что дѣлать, что слѣдуетъ дѣлать! Какъ что слѣдуетъ дѣлать? Конечно, нужно принимать самыя рѣшительныя мѣры, такъ какъ опасность страшно велика. Чтобы парировать ударъ, который турки могутъ нанести всѣмъ частямъ арміи, нужно прикрыться отъ Османа-паши непрерывнымъ рядомъ редутовъ отъ самыхъ Балканъ и до Дуная“.

Могъ ли я тогда предполагать, смущенный рѣзкимъ заявленіемъ человѣка въ паникѣ, что въ ту же войну мнѣ придется прочесть въ распоряженіи одного изъ талантливѣйшихъ офицеровъ выраженіе: „ужь если учиться у турокъ, то учиться до конца, редуты, редуты, редуты“.

Глубоко убѣжденъ, что ничего подобнаго, что было сказано въ первомъ случаѣ, и написано во второмъ, не случилось бы, если бы объединяющій духъ арміи престижъ полководца успѣлъ проявиться въ болѣе положительной формѣ. Изученіе военныхъ наукъ даетъ знаніе, развиваетъ способности, но, сообщая богатый разработанный матеріалъ изъ исторіи войнъ, не въ силахъ наставить готовыми рѣшеніями для всякаго случая, не можетъ замѣнить собою таланта полководца. Дарованія послѣдняго составляютъ высшую степень искусства, все объединяя и направляя къ конечной цѣли побѣды. Оцѣнки мирнаго и боевого времени, обыкновенно, расходятся. Схоластически вырабатываются масштабы, отъ которыхъ такъ трудно отдѣлаться въ періодъ войны.

Пришлось мнѣ быть свидѣтелемъ и такой въ высшей степени печальной сцены. Спускаюсь разъ изъ своихъ садовъ къ столовому шатру главной квартиры и по дорогѣ встрѣчаю начальника штаба.

„Пойдемте къ К. В., бѣдняга заболѣлъ и, кажется, очень разстроенъ, нужно навѣстить“.

Когда привычною рукою начальникъ штаба отворилъ дверь въ низкое, небольшое помѣщеніе спальни К. В., на насъ пахнулъ тяжелый больничный запахъ долго непровѣтренной комнаты. На желѣзной походной кровати лежалъ К. В. и стоналъ.

„Здравствуйте, К. В., что съ вами?“

„Я совсѣмъ боленъ, страшно болитъ голова, очень слабъ и рѣзь въ животѣ“, послышался отвѣтъ дрожащимъ голосомъ, разстроеннымъ, но не слабымъ.

„Мнѣ докторъ передавалъ, что у васъ маленькое расстройство и ничего опаснаго. Соберитесь съ силами, одѣньтесь и приходите обѣдать, хотя бы только для вида. Ваше отсутствіе будетъ замѣчено и перетолковано“.

„Я право не могу, у меня не хватитъ силъ, сдѣлается дурно“.

„Ну, полноте, К. В., не расклеивайтесь, мужайтесь, ничего дурного не случится“.

„Одѣвать барина“, обращается начальникъ штаба къ денщику, и мы отправились въ столовую.

Много чрезъ четверть часа К. В. уже былъ въ шатрѣ, подтянутый, и приглаженный. Глядя на такъ бодро выглядывавшаго генерала и слушая его бойкую, авторитетную рѣчь, никому не могло бы придти въ голову представленіе о томъ жалкомъ состояніи, въ какомъ онъ былъ четверть часа тому назадъ.

VI.

Несмотря на обстановку войны, я проводилъ лѣто 1877 года подъ Тырновымъ въ отличныхъ условіяхъ. Съ нѣсколькими товарищами мы забрались высоко надъ долиной, внѣ оцѣпленія, и расположились въ чудныхъ садахъ болгарскихъ чорбаджіевъ г. Тырнова. Излюбленное мною мѣсто было на площадкѣ развѣтвленія гигантскаго платана, нависшаго надъ долиной. Дни стояли чудные. Днемъ было жарко, но утра и вечера были восхитительны.

Внизу мы навѣдывались о новостяхъ и рѣдко появлялись въ велико-княжескомъ шатрѣ за обѣденнымъ столомъ, которому предпочитали щи собственнаго приготовленія. Во время утренней прогулки верхомъ спускались къ городу на базаръ, гдѣ покупали мясо, барашковъ, птицу, овощи и пр.; а на верху заправляли принадлежности щей въ казенномъ котелкѣ, все солили, заливали водой и ставили на медленный огонь. Чудо вкусными выходили щи. Досыта наѣдались ими и отъ другой пищи отказывались. И теперь пріятно вспомнить, какъ все это было вкусно.

Событія развертывались предъ нами картинами, нужно признаться, весьма случайными. Въ мирное время мы ихъ представляли себѣ совсѣмъ иными. Проникнутые высокимъ уваженіемъ къ тому, что намъ называли военною наукою, мы готовились не только къ усиленной дѣятельности, но и къ высшей степени разумной, мозговой, при которой панорама войны должна была развертываться въ направленіи, нами ей данномъ. Великую боевую симфонію мы собирались разыграть, какъ по нотамъ. И вдругъ совершенно другое, какія-то неожиданно появившіяся событія, опрокинувшія нашу стратегію вверхъ дномъ, просто кошмаръ какой-то...

То чувство, которое зародилось во мнѣ еще въ вагонѣ желѣзной дороги, не разсѣялось, а наоборотъ все сильнѣе крѣпло. Приискивая ему подходящее названіе, не могу иначе о немъ выразиться,

какъ о чувствѣ сиротливости. То, что должно было спаять духъ арміи, воодушевить всѣхъ на боевые подвиги, какъ-то растаяло въ воздухѣ, не успѣвъ окрѣпнуть. Оставалось много хорошаго, по временамъ несомнѣнно геройское, но все не то, что, какъ мнѣ представлялось, было въ рядахъ суворовскихъ чудо-богатырей или сподвижниковъ Румянцова. Много было знакомаго, но не изъ міра боевыхъ грезъ, а изъ схоластической красносельской сутолоки. Тамъ, въ штабномъ верху, послѣ усиленныхъ трудовъ сколачиванія еврейскаго товарищества, перенесли свою трудовую энергію на командованіе баталіонами, эскадронами и батареями, и скоро до того перепутали между собою войсковыя части, что разобраться въ нихъ уже не представлялось возможности въ короткій срокъ. Замѣчательно, что при этомъ все сильнѣе и сильнѣе стала проникать въ сознаніе недостаточность войсковой силы. Явленіе, для опытныхъ людей служащее показателемъ пошатнувшейся нравственной устойчивости.

Большая премудрость заключается въ истинномъ полководцѣ. А ее такъ мало цѣнятъ, и съ такимъ усердіемъ стараются гасить проблески боевого таланта. Между тѣмъ полководца не можетъ создать никакая академія въ мірѣ. Таланты рождаются, быть можетъ, вѣками. Они способны къ большому совершенствованію, но искусственно создать ихъ невозможно. .

Мнѣ уже пришлось говорить ранѣе о томъ, что если и существовала руководящая мысль общаго стратегическаго наступленія, то во-первыхъ она была не достаточно для всѣхъ очевидною, и во вторыхъ ею было проникнуть, главнымъ образомъ, и больше всѣхъ самъ главнокомандующій. Большинство изъ окружавшихъ его лицъ не отдавало себѣ разумаго отчета въ положеніи вещей, находило смѣлое наступленіе крайне рискованнымъ, и потому пользовалось всякою на каждомъ шагу случайностью, чтобы задержать движеніе впередъ. Создавались два теченія, изъ которыхъ, къ величайшему сожалѣнію, въ концѣ концовъ одержало верхъ болѣе инертное, пассивное, безвольное. Нельзя утверждать, что положеніе было заурядно. Было много, надъ чѣмъ нужно было очень и очень подумать и усердно поработать. Но оно не было и слишкомъ сложнымъ. Не находилось только мастеровъ по этому дѣлу.

Великій Князь, главнокомандующій, долго выдерживалъ характеръ, не желая отказываться отъ разъ принятаго плана войны. Его Высочество очень надѣялся, что затянутый узелъ подъ Плевной будетъ развязанъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Когда же дѣла тамъ, видимо, все болѣе и болѣе запутывались и грозили серьезными осложненіями, онъ счелъ необходимымъ личнымъ присут-

ствіемъ исправить сдѣланные пропахи. Отъѣзжая изъ Тырнова налегкѣ, Великій Князь рассчитывалъ на кратковременное отсутствіе и на продолженіе кампаніи въ томъ же направленіи, въ которомъ развивались военныя операціи ранѣе.

Съ отъѣздомъ главнокомандующаго съ лицами ближайшей свиты, квартирное расположеніе подъ Тырновымъ сильно порѣдѣло. Въ нашихъ нагорныхъ садахъ стало жутко. Мысль о возможности неожиданнаго появленія баши-бузуковъ и въ особенности черкесовъ приходила въ голову чаще. Но здоровыя ли условія обстановки или вообще сила молодости, но спалось такъ же крѣпко, какъ и раньше, и съ прежнею же беззаботностью занимались кулинарнымъ искусствомъ.

Хотя и прежде появленіе въ расположеніи главной квартиры новаго лица, ординарца, воинской части, привлекало вообще вниманіе; но теперь къ малѣйшему событію, сколько-нибудь выходившему изъ ряда обыденныхъ, стали относиться съ большою нервною. Источникомъ нашего знанія о военныхъ операціяхъ и концомъ къ разгадкѣ ихъ служилъ нашъ командиръ 8 корпуса, генералъ *Э. Э. Радецкій*, личность въ высшей степени замѣчательная во всѣхъ отношеніяхъ. Несомнѣнная большія военныя дарованія отъ рожденія; онъ приобрѣлъ на Кавказѣ большой боевой опытъ, прошелъ тамъ хорошую школу, и представлялся намъ тѣмъ образцомъ военначальника, котораго слѣдовало изучать, на котораго нужно было стремиться походить, и приемы котораго слѣдовало усваивать. Всегда сдержанный, обходительный и внимательный, совершенно простой въ обращеніи, но постоянно серьезный, генералъ Радецкій, по равновѣсію ума и характера, знанія и боевого опыта, по способности быстро схватывать суть дѣла изъ докладовъ и фактовъ, по точности отдаваемыхъ распоряженій и стремительности приведенія въ исполненіе разъ принятаго рѣшенія, былъ дѣйствительно личностью выдающеюся.

Помню, какъ разъ, во время прогулки верхомъ, мы встрѣтили генерала Драгомирова, тоже верхомъ и со свитой. Обыкновенно словоохотливый и остроумный, теперь онъ былъ серьезенъ и молчаливъ. На наши разспросы не отвѣчалъ и только заявилъ, что направляется къ корпусному командиру. Заинтересованные, что это могло значить, мы пустились вслѣдъ за нимъ тоже къ домику, занимаемому генераломъ Радецкимъ. Остановились внизу, сдали коней казакамъ и полѣзли за генераломъ Драгомировымъ по наружной деревянной лѣстницѣ наверхъ, обычное пребываніе гостепріимнаго хозяина.

Когда мы взошли и поздоровались, генералъ Радецкій стоялъ посреди комнаты и внимательно слушалъ обстоятельный докладъ генерала Драгомирова. Краснорѣчивый профессоръ былъ въ ударѣ. Изложивъ положеніе дѣлъ въ прибалканскомъ районѣ къ востоку до Османбазара, онъ особенно долго остановился на совокупности разнаго рода примѣтъ и приходилъ къ заключенію о серьезной и неминуемой опасности, намъ грозившей отъ турокъ съ этой стороны. Содержанію доклада чрезвычайно гармонировали выраженія и самый тонъ лектора. Интересъ минуты росъ, и мы съ величайшимъ напряженіемъ ожидали, что скажетъ на все это Федоръ Федоровичъ.

Михаилъ Ивановичъ замолчалъ. Послѣ краткой паузы Радецкій коротко командуетъ: „столъ“ и нѣсколько спустя „карты“.

Кажется, и Драгомировъ, какъ мы, подумалъ, что столъ потребованъ, чтобы разложить карты, а затѣмъ начнется разборъ положенія. Но мы все ошиблись. Карты появились, но не мѣстности, а игральныя.

— Что же, Михаилъ Ивановичъ, обращается Радецкій къ Драгомирову, пока что, а мы еще успѣемъ сыграть.—Какъ-то сразу все стало легко, свободнѣе дышать, приподнятое настроеніе благополучно разрѣшилось, при томъ такъ просто и быстро. Драгомировъ даже повеселѣлъ.

Радецкому принадлежитъ слава плѣненія 40 тысячной турецкой арміи Вессель-паши. Эта блистательная побѣда напоминаетъ наши подвиги прежнихъ временъ и выдвигаетъ побѣдителя сразу въ первый рядъ полководцевъ. Слача Османа-паши подъ Плевной устранила задержку наступленія, Шейновская побѣда открыла доступъ къ Царьграду. Но какими громадными жертвами окупился первый успѣхъ и какъ неожиданъ, ярокъ и дешевъ былъ второй!

Переваломъ главными силами черезъ Балканы въ зимнее время и побѣдоноснымъ наступленіемъ къ Константинополю мы, преимущественно, обязаны прозорливости, настойчивости и энергіи самого главнокомандующаго. Къ величайшему сожалѣнію, дѣло не было доведено до конца и не увѣнчалось ударомъ по Стамбулу; но винить въ этомъ слѣдуетъ не столько вождя, сколько окружавшую его среду, и на этотъ разъ выказавшую чрезмѣрную боязливость и нерѣшительность. При этомъ общее политическое положеніе сыграло печальную роль, но смущаться этимъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало. Никакія застрашиванія, какъ угроза англійскимъ флотомъ и пр., не должны были вліять на рѣшенія военначальника. Авторитетъ государственной политики громаденъ, но онъ не можетъ вмѣшиваться въ военныя операціи, разъ имъ данъ полный

ходить. Строго осуждать нельзя никого, такъ какъ для всѣхъ существуетъ предѣлъ нервнаго напряженія.

Видя меня не у дѣлъ, князь Черкасскій предложилъ мнѣ побывать въ Систово, гдѣ по дошедшимъ до него слухамъ томились въ неволѣ передовые народники изъ филиппопольскихъ уроженцевъ. Необходимо было выяснитъ истинную или мнимую вину заключенныхъ. Дѣйствительно ли это люди, которымъ нельзя дать свободу во имя общественной безопасности; или это лучшіе болгары, которые были неудобны только для турецкаго режима и оставались въ заточеніи лишь по недоразумѣнію.

— Вамъ, какъ будущему военному губернатору, пронизировалъ князь, будетъ интересно познакомиться съ болгарскою жизнью, какова она въ дѣйствительности. При томъ Вамъ очень будетъ кстати зарекомендовать себя предъ населеніемъ освободителемъ ихъ согражданъ.—Какъ бы то ни было, но отъ командировки я не отказался и на другой же день поднялся и двинулся въ путь со всѣмъ своимъ имуществомъ.

Въ Систовѣ я познакомился съ Драганъ Цанковымъ и Геровымъ, оказавшими мнѣ полное содѣйствіе въ ознакомленіи съ общимъ административнымъ управленіемъ; но пріютилъ меня у себя Маринъ Драновъ, профессоръ Харьковскаго университета, съ которымъ я раньше имѣлъ случай познакомиться и полюбить за прямизну его характера и вообще высокія душевныя качества. Подъ затворомъ, дѣйствительно, оказались лица по недоразумѣнію, почему я ихъ тотчасъ освободилъ съ обязательствомъ немедленнаго водворенія на родину. День былъ знойный. При ходьбѣ внизъ и вверхъ по улицамъ и учрежденіямъ, мнѣ страшно было жарко. Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ отъ всего видѣннаго и слышаннаго, я съ наслажденіемъ вскочилъ подъ душъ, мнѣ любезно предложенный Цѣнинимъ. Но послѣ обѣда, когда я вернулся къ Дранову, голова пошла кругомъ и я, какъ подкошенный спохъ, свалился на постель.

VII.

Развертывавшаяся картина войны представляла во всѣхъ отношеніяхъ высокій интересъ. Классическій театръ военныхъ дѣйствій, нами изученный на дѣлѣ, давалъ полную возможность дѣйствовать съ большимъ расчетомъ, такъ сказать, учитывая всякую случайность. Если, при всѣхъ этихъ благопріятныхъ для насъ обстоятельствахъ, мы колебались между противоположными рѣшеніями, переходя отъ активнаго способа дѣйствія къ пассивному,

допускали себя до крупныхъ промаховъ, терпѣли неудачи и никакъ не могли себѣ отдать отчета въ истинномъ положеніи обстановки, то въ чемъ же главная тому причина?

Какъ всегда бываетъ въ крупныхъ событіяхъ, причинъ много. Большой ихъ части не существовало бы, если бы въ мирное время помнили о войнѣ и разумнѣе къ ней готовились. Сколько на томъ же театрѣ военныхъ дѣйствій было нашихъ войнъ, сколько развилось въ нашей арміи боевыхъ талантовъ, сколько великихъ мастеровъ военнаго дѣла преподали способы одержанія блистательныхъ побѣдъ. Все напрасно. Опять приходилось начинать съ азовъ, перемѣшивая теорію съ практикою, оплачивая малѣйшій успѣхъ дорогою цѣной обильно проливаемой крови. Въ чемъ же дѣло? Нельзя же не признавать факта желанія обезпечить успѣхъ войны всевозможными способами. Слѣдовательно, высокія намѣренія не были осуществлены только по невѣрности способовъ къ осуществленію.

Прежде всего слѣдуетъ рѣшить вопросъ, правильно ли былъ составленъ основной планъ кампаніи съ переправой у Систова и направленіемъ черезъ Шипкинскій переваль на Адрианополь и далѣе къ Константинополю? Безусловно правильно, такъ какъ послѣ послѣдней войны нашей возникшіе желѣзно-дорожные и шоссированные пути въ сильной степени измѣнили условія операцій, давъ обезпеченное соединеніе съ серединой Дуная и сильно сокративъ разстоянія на болгарской сторонѣ. Благодаря вѣрно намѣченному плану, мы сразу очутились въ серединѣ всего пространства, т. е. заняли въ высшей степени выгодное для себя положеніе. Но, получивъ правильный директивъ, мы не сумѣли его разработать въ подробностяхъ и сбились съ пути, увлекшись прежними примѣрами, подражать которымъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало. Измѣнились общія условія войны,—должна была измѣниться и оцѣнка всѣхъ обстоятельствъ. Духъ все тотъ же, форма—другая.

Въ мирное время говорятъ, что время деньги, а въ военное, что тайна побѣдъ—въ ногахъ. Не значить ли это, что успѣхъ на войнѣ въ значительной степени зависитъ отъ быстроты и неожиданности для непріятеля наносимыхъ ему ударовъ. Въ началѣ войны этотъ принципъ примѣнялся въ полной мѣрѣ, почему же не продолжали въ томъ же духѣ? Не потому ли, что основной директивъ былъ данъ одними, а исполнители его не уразумѣли и не оцѣнили, почему и не были въ состояніи осуществить?

Рѣшеніе великой задачи оказалось не подъ силу современнымъ дѣятелямъ. Вотъ почему, вмѣсто кипучей дѣятельности, на первыхъ же порахъ оказалось безсиліе, выразившееся въ требованіи все

большаго и большаго числа войскъ. Признакъ, всегда обнаруживающій крайне сомнительное состояніе нравственной устойчивости. Число корпусовъ, назначенныхъ въ составъ дѣйствующей арміи, было вполне достаточно для достиженія цѣли войны; но нельзя было примириться, чтобы на нихъ же были возлагаемы другія задачи, какъ службы тыла, охраненія болгарскаго населенія и пр. Если составъ арміи признавался недостаточно сильнымъ, то почему было допущено отдѣленіе отъ нея значительной части для переправы на нижнемъ Дунаѣ, произведенной въ пуготу.

Мы выступили на защиту славянства и непосредственно въ защиту Сербіи, неосторожно втянувшейся въ войну и погибавшей подъ ударами турокъ. Несмотря на многочисленныя наши консульства, мы палець о палець не ударили, чтобы держать подъ наблюденіемъ ту страну, на которой собирались воевать. Простое соображеніе фактовъ указывало на группировку турецкихъ войскъ на сербской границѣ. Но мы шаблонно желали оттянуть воображаемаго противника отъ избраннаго пункта для переправы и не дали себѣ труда заняться развѣдками даже черезъ посредство лицъ, какъ инженеръ Юліусъ, которыя могли бы намъ принести чрезвычайную пользу. На агентуру отпускались гроши. Въмѣсто того, чтобы затянуть въ Добруджу часть турецкой арміи, мы сами отсѣкли отъ себя значительную часть нашихъ войскъ, которую позднѣе притянуть обратно уже были не въ состояніи.

Нельзя не волноваться, вспоминая всѣ промахи и недочеты, сопровождавшіе наши операціи на классическомъ театрѣ нашихъ блестящихъ войнъ. Съ тѣхъ поръ прошла цѣлая треть вѣка, что же поучительнаго мы изъ нихъ извлекли? Ничего. Въ японскую войну они были повторены еще въ болѣе грубой и непростительной формѣ. Въ обоихъ случаяхъ мы не подготовлялись къ войнамъ и явились на нихъ дурно вооруженными, соотвѣтственно не снаряженными и съ понятіями, не имѣвшими ничего общаго съ мѣстными условіями. Вырисовывается необходимость для каждаго пограничнаго театра войны представителя боевого начала, который радѣлъ бы о своемъ дѣлѣ и несъ бы за него отвѣтственность предъ Верховнымъ Вождемъ.

Послѣ этихъ нѣсколькихъ строкъ, вырвавшихся у меня подъ гнетомъ тяжелыхъ воспоминаній, продолжаю. Какъ и слѣдовало ожидать, барометръ нравственной устойчивости командованія продолжалъ опускаться и вскорѣ достигъ до крайнихъ предѣловъ призывомъ себѣ на помощь даже слабымъ союзникамъ, оказавшихся подъ рукой. Князю Карлу румынскому была послана телеграмма,

а призывъ Сербіи былъ передавъ черезъ полковника Катарджи, представителя князя Милана. Непосредственное распоряженіе сербскими войсками Великій Князь поручалъ мнѣ.

Когда я явился въ Горномъ Студенѣ къ Великому Князю Главнокомандующему, Его Императорскому Высочеству угодно было мнѣ высказать:

„Я рѣшился послать тебя въ Сербію, чтобы ты тамъ хорошенько выяснилъ, хотятъ ли и могутъ ли сербы воевать. Ты знаешь, что князь Миланъ пріѣзжалъ въ Плоэшти, чтобы просить разрѣшеніе принять участіе въ войнѣ, только что-то ужъ очень сильно напиралъ на затруднительное экономическое положеніе страны. Тогда мы не отвѣчали ни да, ни нѣтъ, не желая усложнять своего политическаго положенія по отношенію къ Австріи; да и не желали выдачею денежной субсидіи какъ бы вызывать ихъ на такое дѣло, которое должно было бы быть естественнымъ результатомъ ихъ національнаго порыва. Къ тому же вопросъ о сербской коопераціи, какъ тебѣ извѣстно, уже неоднократно обсуждался еще въ Кишиневѣ, когда пришли къ заключенію, на основаніи мнѣній Черняева и Зеленаго, что содѣйствіе сербовъ можетъ быть полезно только при непремѣнномъ условіи совмѣстнаго ихъ дѣйствія съ нашими войсками. Попытка поднять ихъ упавшій духъ посылкою въ Бѣлградъ миссіи генерала Никитина, какъ тебѣ извѣстно, совершенно не удалась. Теперь мы задержались подъ Плевной, вѣроятно, на продолжительное время, и намъ, пожалуй, было бы очень съ руки, если бы сербы успѣли оттянуть на себя часть силъ турецкой арміи. Отсюда ты понимаешь, что чѣмъ скорѣе это было бы выполнено, тѣмъ лучше; но съ другой стороны надо дѣйствовать осмотрительно, чтобы не навязать себѣ на шею такого союзника, котораго бы мы сами были принуждены въ концѣ концовъ спасать отъ гибели. Поѣзжай же съ Богомъ, полагаюсь на тебя, что ты сумѣешь привести дѣло къ лучшему результату“.

Я весь обратился въ слухъ, каждое слово рѣзко запечатлѣвалось въ моей памяти и глубоко западало въ сердце.

„Я просилъ бы Ваше Императорское Высочество не покушиться въ Вашемъ мнѣ полномочіи, чтобы я имѣлъ возможность“...

„Все уже сдѣлано, голубчикъ, и я надѣюсь, что ты останешься имъ вполне доволенъ. Кстати, на военныя нужды имъ выдается полмилліона, а дальше ты тамъ уже самъ сообразишь, вмѣстѣ съ Персіани, и сообщишь, въ какую форму облечь субсидію. О своихъ впечатлѣніяхъ и выводахъ сообщай мнѣ подробнѣе и почаще“.

Я откланялся.

„Скоро ли вы намѣрены вернуться къ намъ обратно?“, обратился

ко мнѣ за обѣдомъ князь Черкасскій. „Не опоздайте на вашу постъ филиппопольскаго военнаго губернатора. Отъ души желаю вамъ живо окончить ваши дѣла въ Бѣлградѣ и поскорѣе возвратиться“.

„Что за досада“, говорилъ мнѣ въ тотъ же день вечеромъ А. И. Нелидовъ, „что, если простоимъ подъ Плевной до глубокой зимы, да тѣмъ и окончится кампанія настоящаго года; какъ тутъ предъявлять требованіе о самостоятельности Болгаріи хотя бы до Балканъ“.

На мою просьбу дать оцѣнку современнаго положенія дѣлъ въ Сербіи и охарактеризовать нашего дипломатическаго агента въ Бѣлградѣ, Александръ Ивановичъ мнѣ сказалъ:

„А. И. Персіани преданъ службѣ до педантизма, человекъ прекраснѣйшей души и благороднѣйшаго сердца. Съ нимъ вамъ будетъ очень легко. Но въ отношеніи правительственныхъ лицъ Сербіи рекомендую вамъ сдержанность и осторожность. Въ особенности не довѣряйте словамъ князя Милана. Сами по себѣ сербы—хорошій народъ и намъ искренно преданы; но преждевременная представительная форма правленія породила у нихъ самыя невозможныя политическія партіи и развела вредный въ государственномъ смыслѣ пролетаріатъ. Если попробуете согласиться сегодня съ одной фракціей, завтра будете имѣть противъ себя всѣ остальные; чтобы при такихъ условіяхъ можно было тамъ что-нибудь сдѣлать, нужно дѣйствовать самостоятельно, независимо и твердо. Что тамъ работать трудно, доказываютъ примѣры всѣхъ вашихъ предшественниковъ“.

И былъ очень доволенъ самостоятельною ролью, выпавшею на мою долю, какъ руководителя военныхъ операцій на сербскомъ театрѣ войны. Оставаясь въ арміи, я былъ лишень возможности доказать на дѣлѣ вѣрность моего мнѣнія о способахъ дѣйствія противъ турокъ. Теперь я приобрѣталъ возможность повести сербскія войска впередъ съ обходомъ турецкихъ крѣпостей, избѣгая атакъ непріятельскихъ позицій безъ вѣрнаго расчета на успѣхъ.

Дѣло, мнѣ порученное, я хорошо сознавалъ, было не изъ легкихъ, такъ какъ лучше идти въ бой съ людьми, совершенно не бывшими на войнѣ, чѣмъ распорядиться войсками, испытавшими на себѣ тяжесть непріятельскихъ ударовъ. Крайне слабый составъ постоянныхъ войскъ въ Сербіи сообщалъ ея мобилизованной арміи характеръ народнаго ополченія, при отсутствіи учебныхъ сборовъ, почти безъ всякой военной подготовки. Природная воинственность населенія обусловливала надежный контингентъ новобранцевъ; но испытанныя неудачи сильно уронили нравственный духъ. Командо-

вавший сербскими войсками, одинъ изъ лучшихъ нашихъ генераловъ, М. Г. Черняевъ, и нашъ военный агентъ, генеральнаго штаба полковникъ Зеленой, одинаково высказались, на запросъ главнокомандующаго, о невозможности самостоятельнаго участія княжества въ войнѣ, безъ непосредственной поддержки нашими войсками. Существовало даже предположеніе, позднѣе оставленное, послать одну изъ хотную дивизію съ артиллеріею и кавалерійскою бригадою черезъ Турнъ-Северинъ и Кладово въ Неготинскій округъ для совмѣстныхъ операцій съ сербскими войсками.

Съ нашими войсками можно было дѣйствовать смѣло. Оставя четыре корпуса пока въ Придунайской Болгаріи, съ тремя и сильною кавалеріею можно было перейти Балканы и черезъ Адрианополь идти къ Царьграду. Только не слѣдовало давать волю нервамъ и нужно было ни на минуту не забывать главной цѣли войны. Съ сербскою народною милиціею нужно было быть гораздо осторожниѣе.

Основываясь на опытѣ предшествовавшихъ войнъ нашихъ съ турками, я приобрѣлъ глубокую вѣру въ силу удара за Балканами, непосредственнымъ послѣдствіемъ котораго должно было быть если не полное очищеніе турецкими войсками придунайскаго театра военныхъ дѣйствій, то во всякомъ случаѣ крайнее ослабленіе здѣсь ихъ силы сопротивленія. Теперь мнѣ предстояло разрѣшить этотъ вопросъ на сербскомъ театрѣ войны, въ болѣе трудныхъ условіяхъ распоряженія милиціоннымъ войскомъ, но съ преимуществомъ дѣйствія на второстепенной въ военномъ отношеніи мѣстности. Но какъ было рѣшиться на смѣлое наступленіе, въ расчетъ на впечатлительность противника, когда впечатлительность своихъ войскъ отъ пустой случайности легко могла обратиться въ общую панику?!

Полученная мною въ главной квартирѣ инструкція гласила:

„Изъ полученныхъ изъ Бѣлграда извѣстій явствуетъ, что сербское правительство далеко не такъ готово къ дѣйствію, а народъ не такъ расположенъ къ войнѣ, какъ о томъ заявлялъ отъ имени князя Милана полковникъ Катарджи. Вступленіе княжескихъ войскъ въ Турцію *черезъ мѣсяць* даже въ количествѣ 40.000, предполагаемомъ сербами, не принесетъ существенной пользы нашимъ операціямъ. Въ настоящее время нападеніе даже половиннаго числа можетъ одно содѣйствовать нашимъ предпріятіямъ и возмѣститъ до извѣстной степени приносимыя нами для сербовъ матеріальныя пожертвованія и могущія возникнуть для насъ изъ ихъ содѣйствія политическія усложненія, въ особенности при заключеніи мира. А потому является крайне необходимымъ удостовѣриться на мѣстѣ, сколь можно скоро, въ какой степени и съ какими силами сербы могутъ дѣйствительно начать войну съ Турціею и въ какой именно

срокъ, но безъ всякой съ нашей стороны военной поддержки, какъ въ теченіе военныхъ дѣйствій, такъ и въ случаѣ неудачи. Если сербы къ этому готовы, то отъ нихъ слѣдуетъ настойчиво требовать энергическихъ распоряженій для вступленія въ дѣйствіе безотлагательно. Въ такомъ случаѣ немедленно по открытіи кампаніи имъ будетъ выданъ второй полумилліонъ. Если же окажется, что они къ тому не способны, то считается предпочтительнымъ пригласить ихъ, при позднемъ времени года, не объявлять войны Турціи и отнюдь не прерывать съ нею сношеній, но впредь до указація Императорскаго правительства поддерживать натянутыя отношенія и держать Порту подъ угрозою разрыва, и вмѣстѣ съ тѣмъ для возмѣщенія выданнаго имъ полумилліона рублей выставить на турецкую границу, на пункты, указанные подробностями нашихъ военныхъ дѣйствій, обсерваціонные отряды и тѣмъ оттягивать отъ насъ часть непріятельскихъ силъ. А потому, освѣдомясь предварительно въ Бѣлградѣ у правительственныхъ органовъ объ официальныхъ нуждахъ и состояніи сербской арміи, вамъ необходимо будетъ осмотрѣть ихъ отдѣльныя части и склады на мѣстѣ, донося постепенно въ возможно скорѣйшемъ времени о заключеніяхъ, къ которымъ вы будете приходить, по телеграфу черезъ посредство генеральнаго консульства, имѣя однако постоянно въ виду, что главнымъ условіемъ для насъ является возможность скорого вступленія въ дѣйствіе сербскихъ войскъ или по крайней мѣрѣ ихъ сосредоточеніе на границѣ, но не забывая и того, что при малѣйшемъ развитіи военныхъ дѣйствій мы можемъ при извѣстныхъ условіяхъ нуждаться и въ ихъ матеріальной открытой поддержкѣ. Горный Студень 21 августа 1877 г.“

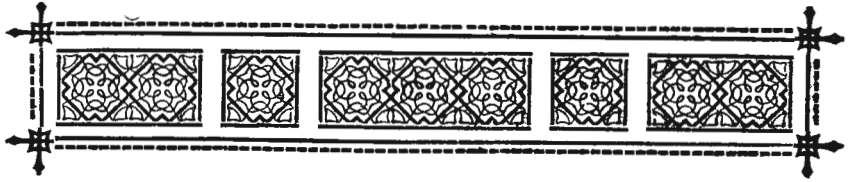
Какая громадная разница между тѣмъ, что мнѣ лично сказала главнокомандующій, и этою многорѣчивою и увертливою инструкціею. Насколько ясно и опредѣленно мнѣ было сдѣлано напутствіе, настолько же инструкція отличалась неопредѣленностью, желаніемъ охватить недосягаемое, заранѣе себя облѣпить отъ всякихъ случайностей.

Г. И. Бобриковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Встрѣчи и столкновенія ¹⁾.

(И. И. Тютчекъ, И. А. Гончаровъ).

И. И. Тютчекъ.

Хотя я всегда въ своей литературной дѣятельности придерживался либеральныхъ началъ, свободу люблю и въ нее вѣрю, однако наши лѣвые, помню, уже на университетской скамьѣ внушали мнѣ инстинктивное нерасположеніе, и виновникомъ этого моего грѣха несомнѣнно отчасти былъ мой незабвенный опекунъ и воспитатель, генераль-отъ-инфантеріи Иванъ Ивановичъ Тютчекъ.

Въ университетѣ товарищи мнѣ постоянно толковали о косности, отсталости, невѣжествѣ правительственныхъ дѣятелей, генераловъ и бюрократовъ всякаго рода, а я вспоминалъ опекуна и лицъ, его окружавшихъ... и невольно на языкъ напрашивалось гораціевское: „Risum tenecatis, amici!“

Мой опекунъ прослужилъ около 60 лѣтъ, изъ нихъ 32 года на поляхъ сраженія въ Россіи, Германіи, Персіи, Турціи, Польшѣ, а остальные 26 лѣтъ варшавскимъ комендантомъ. Вышелъ онъ въ отставку въ 1861 г., слѣдовательно, былъ дѣятелемъ эпохи Александра I, участникомъ Отечественной войны и кампаній 1813 и 1814 г.г. (последнюю онъ совершилъ уже въ капитанскомъ чинѣ). Но болѣе отвѣтственные должности онъ, какъ боевой офицеръ и администраторъ, занималъ при Императорѣ Николаѣ I, и поэтому его слѣдуетъ назвать дѣятелемъ по преимуществу николаевскимъ. И вотъ, когда мои товарищи называли этихъ дѣятелей фрунтови-

¹⁾ См. „Русская Старина“ октябрь 1912 г.

ками, людьми безъ всякой инициативы, слѣпыми исполнителями предначертаній своекорыстнаго и бездушнаго правительства, я и въ этомъ отношеніи, вспоминая моего опекуна, съ моими товарищами никакъ согласиться не могъ.

Но, можетъ быть, я былъ пристрастенъ. Этимъ вопросомъ я уже тогда задавался. Но передъ моимъ умственнымъ окомъ стояли друзья моего опекуна, также дѣятели преимущественно эпохи николаевской, и судъ моихъ товарищей казался мнѣ уже лишеннымъ всякаго фактическаго основанія.

Дѣйствительно, между этими дѣятелями на первомъ мѣстѣ стоялъ Фундуклей, Иванъ Ивановичъ, тезка моего опекуна, человекъ, обладавшій большимъ состояніемъ и пожертвовавшій часть его, чтобы основать въ Кіевѣ первую въ Россіи женскую гимназію, задолго до того, какъ возникли въ Петербургѣ женскія гимназіи по инициативѣ Н. А. Вышнеградскаго. Фундуклей былъ администраторъ, какихъ вообще мало. Всюду онъ вносилъ свѣтъ науки, всюду достигалъ замѣтныхъ результатовъ въ смыслѣ обезпеченія духовнаго благосостоянія управляемыхъ. Самъ страстный археологъ и экономистъ, онъ, кромѣ того, оставилъ послѣ себя рядъ капитальныхъ трудовъ по изученію мѣстностей, которыми онъ управлялъ и въ которыхъ служилъ (Кіевская губернія и Царство Польское)¹⁾. А другіе друзья моего опекуна, въ обществѣ которыхъ онъ любилъ проводить свои досуги? Надо ли указывать на заслуги Теннера, Карла Ивановича, бывшаго боевого офицера, стяжавшаго себѣ лавры и какъ астрономъ, и какъ геодезистъ; на Павлицева, Николая Ивановича, извѣстнаго историка, преподавателя и редактора, женатаго на сестрѣ Пушкина, домъ которой былъ центромъ своеобразной умственной жизни въ Варшавѣ; на Муханова, Павла Александровича, промѣнявшаго мечъ на книгу, извѣстнаго автора „Портфелей для хозяевъ“ и не менѣ извѣстнаго издателя историческихъ матеріаловъ, которые онъ собиралъ съ большою любовью и не меньшею компетентностью (за его сына вышла замужъ М. Ф. Калерджи, о которой я уже писалъ въ „Русской Старинѣ“). Но не буду удлинять этотъ списокъ николаевскихъ администраторовъ, управлявшихъ такъ называемымъ Царствомъ Польскимъ, среди которыхъ я росъ въ дѣтствѣ и юности. Какъ ни относиться къ нимъ, все-таки никому не можетъ придти на умъ, что они похожи на невѣжественныя и слѣпыя орудія въ рукахъ жестокаго правительства.

¹⁾ Нѣкоторыя черты наружности и духовнаго облика этого замѣчательнаго человека я старался олицетворить въ старикъ Ромейкѣ въ моей повѣсти „Депутатъ“ („Павла“).

Но возвратимся къ моему опекуну. И его личность въ моемъ представленіи совсѣмъ не мирилась съ отрицательнымъ судомъ моихъ товарищей о правительственныхъ дѣятеляхъ. Напротивъ, я въ дѣтствѣ и юности восторгался его справедливостью, гуманностью, честностью, сочувствовалъ его взглядамъ и продолжаю имъ сочувствовать и теперь, сорокъ лѣтъ слишкомъ послѣ его смерти. Вотъ нѣкоторые факты, которые лучше всякихъ словъ дадутъ представленіе объ его умственномъ и нравственномъ обликѣ.

Мы живемъ на дачѣ. Мнѣ идетъ восьмой годъ. Въ погожій день за утреннимъ чаемъ опекунъ мой велитъ позвать Микиту, одного изъ двухъ вѣстовыхъ, неотлучно состоящихъ при его особѣ.

Микита, рослый казакъ, вытянувшись въ струнку, стоитъ въ дверяхъ.

— Что, барчукъ плаваетъ?

— Знать не могу, ваше превосходительство.

— Чтобы плавалъ! Пора!

— Слушаю, ваше превосходительство.

Знакъ опекуна. Микита дѣлаетъ налѣво кругомъ и уходитъ, а мнѣ страшно, но въ то же время мнѣ хочется умѣть плавать, конечно не такъ, какъ плаваетъ Микита—куда ужъ! онъ нырнетъ и выплыветъ за версту—а все-таки немножко, чтобы держаться на водѣ. Какое ужъ въ самомъ дѣлѣ удовольствіе купаться на отмели да еще съ лентой вокругъ тѣла! Конецъ этой ленты въ рукѣ у моей гувернантки, фрейлейнъ Клары, которая сидитъ на берегу, читаетъ книгу и, чуть пойдешь дальше въ воду, тотчасъ тянетъ назадъ.

Я торжественно докладываю фрейлейнъ Кларѣ, что сегодня пойду купаться не съ нею, а съ Микитой, и очень радуюсь, когда вижу, что она удивлена и какъ будто испугана. Я чувствую себя немножко героемъ.

Вскорѣ является Микита. До берега далеко: надо идти съ полверсты. Я не трушу. Иногда только сердце слегка замретъ. Но куда же мы собственно идемъ? Не туда, куда я хожу съ фрейлейнъ, а туда, гдѣ купается самъ Микита.

— Микита, ты меня будешь держать?

— Зачѣмъ держать? Барчукъ самъ поплыветъ.

Тутъ я начинаю серьезно трусить. Но я не подаю виду. Пришли къ глубокому мѣсту. Берегъ высокій. Микита быстро сбрасываетъ съ себя одежду. Я медлю. Хочется оттянуть рѣшительный моментъ. Наконецъ, и я раздѣтъ.

— Ты сперва пойдешь въ воду?—спрашиваю я Микиту.

Но онъ меня беретъ, широко осклабясь, въ свои сильныя, лов-

кія руки. Я хочу что-то сказать, но не успѣваю и—бултыхъ—ногами внизъ въ воду! Глубоко погружаюсь въ нее, начинаю неистово барахтаться, выплываю на поверхность, безпомощно озираюсь кругомъ и вижу тутъ же рядомъ съ собою доброе, улыбающееся лицо Микиты. Я успокаиваюсь: онъ не выдастъ, ни за что не выдастъ!

Когда опекунъ выходитъ къ обѣду, онъ зоветъ опять Микиту:

— Умѣешь плавать?—спрашиваетъ онъ, указывая на меня.

— Держится, ваше превосходительство.

— Послѣ завтра я самъ посмотрю.

Послѣ завтра я достаиваюсь похвалы за успѣхи: я уже плаваю на груди, на боку, на спинѣ.

Съ этого дня я во всякую погоду долженъ былъ утромъ выкупаться.

Въ это же лѣто началось для насъ съ сестрой закаливаніе иного рода. Хотя о пресловутомъ насторѣ Кнейпѣ не было тогда и рѣчи (его книжки начали выходить лишь 30 лѣтъ спустя), мы ежедневно, вставъ съ постели, должны были пробѣжаться босикомъ по двору, не обращая вниманія на погоду. Привыкнувъ къ этому съ лѣта, мы осенью и даже зимою нисколько ни тяготились этими странными утренними прогулками или, точнѣе говоря, быстрымъ бѣгомъ, послѣ котораго ноги обыкновенно такъ пріятно горѣли. Вѣроятно, послѣдствіемъ этого закаливанія было то, что я только на четвертомъ десяткѣ сталъ носить калоши, а до того обходился безъ нихъ даже въ трескучіе морозы.

По понятіямъ нынѣшнихъ сердобольныхъ родителей все это какъ будто походитъ на истязаніе ребенка. Но окончательно я ихъ приведу вѣроятно въ ужасъ, сообщивъ, что меня даже разъ высѣкли и, такъ какъ я очень отчетливо помню все, что я почувствовалъ въ эту непріятную минуту моей жизни, то изложу здѣсь это происшествіе къ свѣдѣнію нашихъ теоретиковъ-педагоговъ.

Врачъ предписалъ мнѣ рыбій жиръ, который въ то далекое время (1854 г.) не очищался такъ искусно, какъ теперь, и имѣлъ противнѣйшій вкусъ. Въ первый разъ я проглотилъ ложку, не моргнувъ глазомъ, но на слѣдующій день рѣшительно отказался принять рыбій жиръ. Фрейлейнъ Клара меня всячески уговаривала, но я оставался непреклоннымъ. Пришлось прибѣгнуть къ авторитету опекуна. Онъ явился и со своей стороны предложилъ мнѣ принять жиръ. Я отказался не менѣе рѣшительно, и всѣ убѣжденія, что это необходимо для здоровья, ни къ чему не привели. Тогда мнѣ предложено было выбрать между двумя непріятностями: розгами и рыбьимъ жиромъ. Я имѣлъ слабое представленіе о томъ, какую непріятность

причиняють человѣку розги (у насъ въ домѣ и помину о нихъ не было), а о вкусѣ рыбаго жира я имѣлъ очень ясное представленіе. Поэтому я промолчалъ. Тогда опекунъ позвалъ лакея и велѣлъ нарѣзать въ саду прутьевъ (при варшавскомъ ордонансгаузѣ, какъ тогда назывались комендантскія управленія, былъ со стороны Королевской улицы порядочный садикъ, въ которомъ мы, дѣти, провели много хорошихъ дней). Когда прутья были принесены, опекунъ еще разъ предложилъ мнѣ выбрать изъ двухъ золь меньшее. Я снова промолчалъ. Тогда я оказался на колѣнѣхъ у опекуна. Онъ мнѣ нанесъ первый ударъ, который мнѣ не причинилъ ровно никакой непріятности, и я на новое предложеніе выбрать изъ двухъ золь меньшее, отвѣтилъ совершенно спокойно, что предпочитаю розги. Послѣдовалъ новый ударъ, на этотъ разъ болѣе чувствительный, но и онъ не убѣдилъ меня, что розги непріятнѣе рыбаго жира. Тогда послѣдовалъ третій ударъ, послѣ котораго я безъ всякихъ колебаній рѣшительно заявилъ, что предпочитаю рыбій жиръ, и съ тѣхъ поръ глоталъ его аккуратно ежедневно безъ всякаго протеста, а потомъ даже и съ нѣкоторымъ удовольствіемъ.

Ну, а чувство собственнаго достоинства? Странно: оно у меня не пострадало,—должно быть, оно находится у меня въ другой, болѣе благородной части тѣла, но что оно у меня не было атрофировано, показываетъ слѣдующій фактъ.

Къ намъ въ домъ пріѣхалъ изъ Петербурга погостить родственникъ съ сыномъ—мальчикомъ постарше меня года на три или четыре, который уже гдѣ-то научился курить. Я съ любопытствомъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ онъ курить. Онъ началъ меня соблазнять, но табачный дымъ былъ мнѣ противенъ. Тогда онъ сталъ стыдить меня: „Какая баба! Даже затануться не можетъ!“ Я затанулся—послѣдствія были ужасны, но тѣмъ не менѣе самолюбіе мое такъ страдало, мнѣ такъ хотѣлось не быть „бабой“, что я постепенно пріучилъ себя дѣлать видъ, будто бы курю. Папиросъ тогда въ Варшавѣ не было, курили сигары и трубки. Я обзавелся трубочкой, и мнѣ доставляло особенное удовольствіе подражать опекуну, который всегда на ночь, уже въ постели, выкуривалъ трубку изъ длиннаго чубука. Длиннаго чубука у меня не было, но я свою трубочку непремѣнно на сонъ грядущій посасывалъ, кладя ее потомъ подъ подушку. Случилось однако такъ, что я, не успѣвъ ее припрятать, заснулъ.

Утромъ просыпаюсь,—трубки нѣтъ. Куда она дѣвалась? Я подумалъ, что взялъ ее опекунъ, тѣмъ болѣе, что ни фрейлейнъ Клара, ни сестра мнѣ о трубкѣ ничего не сказали. Натерпѣлся же я страха. Что-то будетъ, что-то будетъ! А предстояло тотчасъ же идти къ

опекуну, чтобы, какъ было заведено, съ нимъ поздороваться. Пріоткрываю дверь и вижу на самомъ верху этажерки-подставки для длинныхъ трубокъ красуется моя трубочка—такъ и бросается, подлая, въ глаза. Я готовъ сквозь землю провалиться, во рту сухо, ноги подкашиваются, но иду здороваться. Приближаюсь, а старикъ, по обыкновенію, протягиваетъ мнѣ руку для поцѣлуя, потомъ подставляетъ щеку, но предварительно смотритъ на меня, и взглядъ его такой укоризненно-печальный, что у меня слезы вдругъ брызнули изъ глазъ. Онъ спокойно сказалъ:

— Ну, что же, идешь чай пить?

Затѣмъ отвернулся и углубился въ свои бумаги. Я вышелъ изъ комнаты, выпилъ свой стаканъ, взялъ положенные уроки у фрейленъ и у домашняго учителя, но былъ разбѣянъ: все мерещился печальный взглядъ опекуна. Этотъ взглядъ остался у меня въ памяти на всю жизнь, и отъ многого дурного онъ меня потомъ удерживалъ. Должно быть, въ человѣкѣ есть болѣе чувствительное мѣсто, чѣмъ то, по которому я получилъ удары за упорный отказъ пить рыбій жиръ.

Впослѣдствіи я часто по поводу разныхъ педагогическихъ вопросовъ спрашивалъ себя, почему вліяніе моего опекуна на меня было такъ сильно. За исключеніемъ тѣхъ розогъ, которыя я получилъ за отказъ принимать рыбій жиръ, онъ меня никогда въ жизни не наказывалъ, да и эти розги въ сущности не были наказаніемъ, а средствомъ убѣдить меня, что есть сила болѣе значительная, чѣмъ мое упрямство. Чтобы между моимъ опекуномъ и мною существовали особенно нѣжныя отношенія, я тоже не могу сказать: они съ виду скорѣе были сухи, хотя я чувствовалъ, что онъ меня глубоко любитъ и что, если онъ со мною обращается сравнительно холодно, то только потому, что опасается быть несправедливымъ по отношенію къ сестрѣ, которую онъ больше ласкалъ именно потому, что меньше любилъ. Но не эта взаимная любовь заставляла меня его безгранично уважать и безусловно довѣрять нравственному его существу, даже когда я признавалъ его сужденія невѣрными. То, что составляло истинный нервъ моего къ нему уваженія, коренилось въ чемъ-то другомъ: сколько я теперь ни припоминаю, я не могу вспомнить ни малѣйшаго его уклоненія отъ того, что онъ признавалъ своимъ долгомъ.

Работникъ онъ былъ изумительный. До отставки я его отдыхающимъ не запомню. Чай онъ пилъ, завтракалъ, обѣдалъ на ходу. Бумаги, пріемы, разъѣзды наполняли весь его день, и только вечеромъ онъ иногда урветъ часъ-другой для чтенія въ вольтеровскомъ креслѣ любимыхъ книгъ, преимущественно историческихъ или политическихъ, или газетъ и журналовъ, которыхъ онъ получалъ много

(въ томъ числѣ и „Колоколь“). Особенно кипуча была его дѣятельность, когда онъ замѣщаль варшавскаго генераль-губернатора, а это случалось нерѣдко: тогда у него не было ни минуты свободной. Но и въ обыкновенное время онъ вѣчно горѣлъ, какъ въ огнѣ, и даже ночью часто не имѣлъ покоя, потому что въ его служебныя обязанности входило быть на всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ пожарахъ, и когда они случались ночью, онъ срывался съ постели и стремглавъ, въ сопровожденіи своихъ двухъ казаковъ, летѣлъ на мѣсто пожара. Разъ случилось, что, когда онъ ночью садился на свою неизмѣнную пролетку, чтобы мчаться на пожаръ, кучеръ его предупредилъ, что экипажъ какъ будто не совсѣмъ въ порядкѣ послѣ вчерашней усиленной ѣзды.

— Пошелъ!—скомандовалъ старикъ (ему было тогда 72 года).— Чинить будемъ, что-ли?

Не успѣлъ онъ однако доскакать до Новаго Свѣта, какъ вслѣдствіе порчи экипажа на всемъ скаку грохнулся о мостовую, въ безсознательномъ состояніи былъ принесенъ домой, пролежалъ шесть недѣль въ постели, но еще не оправился окончательно, какъ снова стремглавъ летѣлъ, куда его призывалъ долгъ службы.

Когда я впослѣдствіи присматривался къ разнымъ государственнымъ и общественнымъ дѣятелямъ, иногда съ такимъ же вниманіемъ, съ какимъ я въ дѣтствѣ и юности присматривался къ моему опекуну и его друзьямъ: Фундуклею, Павлицеву, Муханову, гр. Нессельроде, Дьякову, Теннеру и др., мнѣ все казалось, что постепенно происходитъ какая-то перемѣна, что прежніе дѣятели были другіе люди, что въ нихъ была сила духа, какую я чѣмъ позже, тѣмъ рѣже встрѣчалъ. Невольно напрашивался на умъ лермонтовскій стихъ:

Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы.

Чѣмъ же позднѣйшее „племя“ отличалось отъ прежняго? Одинъ знитетъ „богатыри“ вѣдь еще немного выясняетъ. Мои наблюденія привели меня къ выводу, что постепенно центръ тяжести духовнаго существа человѣка все болѣе перемѣщался изъ общественной и государственной жизни въ жизнь личную. Вѣковѣчный вопросъ о томъ, существуетъ ли общество и государство для индивида или наоборотъ индивидъ—для общества и государства, рѣшался у прежняго „племени“ въ пользу общества и государства, а у позднѣйшаго все больше въ пользу индивида. Прежнее „племя“ примыкало всей душой къ крупному, великому, каковымъ были для него обществен-

ныя и государственныя задачи, выработанныя вѣками и цѣлымъ рядомъ поколѣній. Въ этихъ историческихъ задачахъ оно находило центръ тяжести своего духовнаго существа. Ему не приходилось вѣчно спрашивать себя о цѣли своего существованія. Оно твердо знало, куда и зачѣмъ идетъ. Поэтому отличительными его чертами были: спокойствіе, уравновѣшенность, увѣренность въ себя, иногда величавость, но чѣмъ дальше отъ прежняго „племени“, тѣмъ сильнѣе чувствовалась напряженность, лихорадочность, внутренняя тревога, показная самоувѣренность. У прежняго „племени“ чело-вѣкъ ступевывался, выдвигалось дѣло. У позднѣйшихъ поколѣній индивидъ все больше выдвигался на первый планъ, а дѣло все больше отодвигалось на второй: чело-вѣкъ переставалъ себя чувствовать частью цѣлаго, онъ уходилъ все болѣе въ себя, въ свое личное счастье, а такъ какъ личное счастье—почва очень зыбкая, то вся жизнь его становилась неустойчивой, противорѣчивой. Онъ часто самъ не зналъ, къ чему стремится, мѣнялъ жизненныя цѣли и вѣчно чувствовалъ неудовлетворенность. Чѣмъ сильнѣе онъ стремился къ личному счастью, тѣмъ меньше его находилъ. Вся его жизнь превращалась въ вѣчную тревогу за себя, за свое здоровье, за свое благополучіе, за своихъ дѣтей, ибо все это пріобрѣтало для него какое-то чрезвычайное значеніе. Собственная личность, иногда мизерная, заслоняла все остальное. Но не ясно ли, что даже значеніе видныхъ дѣятелей—въ сущности не Богъ вѣсть какое, и что въ жизни достигаются крупныя успѣхи только соединенными усилиями многихъ людей, сплоченныхъ и дружныхъ?

У прежнихъ дѣятелей собственная личность играла второстепенную роль, теперь же индивидуализмъ все заѣдаетъ.

Поясню мою мысль примѣромъ. Мой опекунъ меня горячо любилъ. Это краснорѣчиво подтверждается кипкою его писемъ ко мнѣ, которыя я свято храню. Въ особенности подъ конецъ жизни онъ, такъ-сказать, дышалъ только мною, и всѣ его помыслы были обращены на меня. Казалось бы, при такихъ условіяхъ было вполне естественно ожидать, что онъ мнѣ оставитъ свое состояніе. Всѣ такъ и думали, а друзья настойчиво совѣтовали ему усыновить меня, чтобы я могъ наслѣдовать маіоратъ, уже въ то время дававшій до 3.000 ежегоднаго дохода и переходившій, въ противномъ случаѣ, въ виду бездѣтности моего опекуна, къ потомству старшей его сестры, единственный солидный представитель котораго, офицеръ Кексгольмскаго императора австрійскаго полка, умеръ въ 1863 г. Друзья, повторяю, настойчиво ему совѣтовали меня усыновить, къ этому побуждала его и нѣжная любовь ко мнѣ, но онъ рѣшилъ иначе, и хотя мнѣ всю жизнь пришлось бороться съ мате-

ріальной нуждой, и иногда скудный хлѣбъ русскаго писателя мнѣ доставался съ напряженіемъ всѣхъ силъ и съ большими лишеніями, я, какъ тогда, такъ и теперь, вполне понимаю и одобряю его рѣшеніе.

Въ немъ боролись два чувства: любовь ко мнѣ побуждала его внять голосу друзей и собственнаго сердца, но его потребность и привычка служить вѣрой и правдой обществу и государству рѣшительно удерживала его отъ шага, который могъ быть истолкованъ въ смыслѣ предпочтенія, оказаннаго личнымъ стремленіямъ предъ общественнымъ долгомъ. Какое дѣло было другимъ, что онъ вздумалъ взять воспитанника и привязаться къ нему? Это—его капризь, его фантазія. Могъ ли онъ, ради удовлетворенія этой фантазіи, забыть о своемъ долгѣ передъ родомъ (родовое начало было еще очень сильно въ немъ) и государствомъ? Всю свою жизнь онъ заботился о своемъ родѣ, который оказывалъ ему уваженіе и послушаніе, какъ старшему своему члену; всю свою жизнь онъ служилъ вѣрой и правдой государству, и вдругъ завершить ее обходомъ закона, воспользоваться своими связями, своимъ вліяніемъ на Государя, чтобы нарушить то, что обязательно для другихъ. Это казалось ему своего рода измѣною. И онъ съ тяжелымъ сердцемъ (я это знаю) принесъ личное чувство въ жертву общественному долгу. Честь и слава ему за это!

И. А. Гончаровъ.

У моего опекуна были три сестры: Екатерина, Елизавета и Марія, изъ нихъ вторая, по мужу Жуковская, была матерью известнаго въ свое время поэта, Александра Кирилловича Жуковскаго, писавшаго подъ псевдонимомъ Бернетъ (о поэзіи его Бѣлинскій выразился, что она „благоухаетъ ароматнымъ цвѣтомъ прекрасной внутренней жизни“), а первая была бабкой Ивана Ивановича Льховскаго, въ качествѣ переводчика совершившаго вмѣстѣ съ Гончаровымъ кругосвѣтное плаваніе на фрегатѣ „Паллада“ и напечатывшаго свои путевыя впечатлѣнія въ томъ же „Морскомъ Сборникѣ“ (1861 и 1862 г.г.)¹⁾.

¹⁾ На вучкѣ той же Екатерины Ивановны былъ женатъ Иванъ Петровичъ Ларіоновъ, собиратель народныхъ пѣсенъ въ Поволжьи и авторъ оперы: „Барышня-крестьянка“. Въ той или другой степени родства или свойства съ Тутчеками находились: Еремины, Жуковскіе, Дамперовы, Подбароновы, жившіе всѣ въ приволжскихъ губерніяхъ, хотя семья Тутчековъ, чешско-нѣмецкаго происхожденія, жила въ Ямбургскомъ уѣздѣ Петербургской губерніи.

Вотъ въ домѣ этого Ивана Ивановича Лъховскаго и его матери, вдовѣвшей уже тогда, я и встрѣчалъ Гончарова. Они занимали казенную квартиру (Лъховскій управлялъ тогда типографіей морского вѣдомства) въ зданіи Адмиралтейства. Входъ въ квартиру Лъховскихъ былъ со стороны Зимняго дворца. Надо было открыть двѣ тяжелыя двери, выйти на затѣненную двумя стѣнами набережную засыпанной теперь уже казавки (нынѣшній Черноморскій переулочекъ), перейти мостикъ и открыть третью дверь, которая вела въ квартиру Лъховскихъ. Здѣсь почти всегда царилъ таинственный полу-мракъ, въ самой квартирѣ было много причудливыхъ вещей, вывезенныхъ Лъховскимъ съ Дальняго Востока; самъ хозяинъ, черный, высокій, худой, ходилъ дома въ какомъ-то длиннополномъ одѣяніи, не то халатѣ, не то кимоно, и все это, понятно, сильно дѣйствовало на воображеніе 16-лѣтняго гимназиста, какимъ я былъ тогда. Лъховскій рѣдко удостоивалъ меня сколько-нибудь продолжительной бесѣды, но я не былъ въ претензіи, потому, во-первыхъ, что онъ мнѣ казался ужъ черезчуръ серьезнымъ, а во-вторыхъ, еще и потому, что за его пренебреженіе съ лихою меня вознаграждала его мать, Елизавета Тимоѣевна. Она меня почему-то сразу полюбила и не только охотно бесѣдовала со мною, но и угощала меня на славу. Мнѣ старуха также очень полюбилась, и я охотно бывалъ у нея по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ (съ нея я списалъ мать героя моей повѣсти: „Леонтина“).

Кромѣ меня по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ къ Лъховскимъ иногда заходилъ и Гончаровъ. Онъ былъ тогда членомъ главнаго управленія по дѣламъ печати и редакторомъ „Сѣверной Почты“, — мужчина лѣтъ 50, небольшого роста, съ пробритымъ подбородкомъ, съ начинавшими уже сѣдѣть густыми усами, бакенбардами и волосами, тщательно приглаженными. Костюмъ сидѣлъ на немъ мѣшковато, но все было опрятно, только помню (я самъ любилъ тогда пощеголять), что половинки воротника рубашки были постоянно у него плохо пригнаны и какъ-то беспорядочно расходились. Я успѣлъ уже прочесть „Обломова“ очень внимательно, безъ ума влюбился въ Ольгу, и меня занималъ вопросъ, который такъ сильно занималъ впоследствии критиковъ, — не изобразилъ ли Гончаровъ въ лицѣ Обломова самого себя. Поэтому я съ большимъ любопытствомъ его разглядывалъ, даже изучалъ. И я сразу пришелъ къ отрицательному отвѣту. Конечно, герой Ольги не могъ быть такимъ молодымъ, какъ я, — въ такого Ольга не могла влюбиться, но и къ такому старику, какъ Гончаровъ, она не могла, конечно, воспылать страстью, и, стараясь отдать себѣ въ этомъ отчетъ, я внимательнѣйшимъ образомъ присматривался и къ его костюму, и

къ его манерамъ, и къ его лицу. И тутъ-то меня кое-что смущало. Я невольно любовался его тонкимъ, правильнымъ, благороднымъ носомъ, а главное, его глазами, умными, вдумчивыми и въ то же время такими печальными, что самому вдругъ грустно станеть. Въ эти глаза Ольга безъ сомнѣнія могла влюбиться и, пожалуй,—помню, меня эта мысль самого тогда сильно поразила—забыть объ остальномъ. Мнѣ такъ и хотѣлось подойти къ Гончарову и сказать ему что-нибудь теплое, доброе, хорошее, чтобы онъ не былъ такимъ грустнымъ и чтобы онъ не дошелъ до того, до чего дошелъ Обломовъ... Да, я Ольгу понималъ!

Гончарову, надо было, чтобы пройти въ кабинетъ къ Льховскому, миновать небольшую гостиную, въ которой я обыкновенно засѣдалъ съ Елизаветой Тимоѣевной. Онъ считалъ долгомъ вѣжливости обмѣняться съ нею нѣсколькими словами, при чемъ на ея приглашеніе съѣсть неизмѣнно отвѣчалъ вопросомъ:

— А Иванъ Ивановичъ дома?

Тотъ всегда оказывался дома, и Гончаровъ, отвѣсивъ почти-тѣльный поклонъ Елизаветѣ Тимоѣевнѣ и дружелюбно кивнувъ мнѣ, направлялся въ кабинетъ къ Ивану Ивановичу.

Что тамъ происходило, или, точнѣе говоря, о чемъ тамъ бесѣдовали бывшіе товарищи по кругосвѣтному плаванію, я не знаю, но помню, когда дверь отворялась, чтобы пропустить горничную приносившую Гончарову стаканъ сельтерской воды съ вареньемъ, тщательно приготовленный самою старушкой, до меня доносились разныя дальневосточныя названія, свидѣтельствовавшія о томъ, что собесѣдники все еще предаются воспоминаніямъ о своемъ путешествіи, о которомъ вообще часто говорилось въ домѣ Льховскихъ, доносился и ароматный дымъ манильскихъ сигаръ, и я видѣлъ, какъ Гончаровъ неизмѣнно полулежалъ на широкомъ мягкомъ диванѣ, окружавшемъ кабинетъ, а высокая фигура самого Льховскаго видѣлась у письменнаго стола, легко наклоненная къ полулежавшему писателю. Затѣмъ дверь захлопывалась, и все исчезало. Гончаровъ обыкновенно уходилъ до обѣда или же я уходилъ раньше, такъ что я видѣлъ его только въ то время, когда онъ проходилъ черезъ гостиную, направляясь въ кабинетъ Льховскаго. Краткія бесѣды, которыя онъ велъ съ Льховской, проходя черезъ гостиную, были такъ незначительны, что ни одна не осталась у меня въ памяти, равнымъ образомъ и вопросы, съ которыми онъ иногда обращался ко мнѣ, ничѣмъ не отличались отъ вопросовъ, съ какими старшіе обращаются къ подросткамъ-мальчикамъ, такъ что и ихъ я не запомнилъ, но одинъ разговоръ Гончарова такъ врѣзался мнѣ въ память, что, вспоминая о немъ, я какъ теперь вижу и комнату,

въ которой онъ происходилъ, и Елизавету Тимоѳеевну, и самого Гончарова.

Я забылъ упомянуть, что Гончаровъ приводилъ къ Льховскимъ неизмѣнно свою собачку. Это былъ не то мохнатый пинчеръ, не то шпицъ (я плохо тогда различалъ породы собакъ), во всякомъ случаѣ собака небольшая, мохнатая, чистенькая, съ умными глазами. Она ни на шагъ не отходила отъ своего хозяина, стояла около него, когда онъ стоялъ, ложилась, когда онъ садился, свертывалась калачикомъ, когда онъ велъ продолжительную бесѣду: въ кабинетѣ у Льховскаго, когда дверь открывалась, я видѣлъ ее всегда мирно спавшую у ногъ своего хозяина, въ гостиной она всегда была на чеку, хотя признаковъ какого-нибудь безпокояства никогда не проявляла.

Когда Гончаровъ въ это воскресенье вошелъ въ гостиную, Елизавета Тимоѳеевна, лукаво взглянувъ на него исподлобья, спросила:

— Ой, не пора ли? Вѣдь и опоздать можно.

Разговоръ, очевидно, касался темы, уже раньше между ними затронутой.

Улыбка, игравшая на подбородкѣ Гончарова, исчезла, красивые его глаза стали печальными.

— Давно опоздалъ, Елизавета Тимоѳеевна, — отвѣтилъ онъ.

— Мнѣ, какъ женщинѣ, виднѣе, — возразила Льховская: — но терять времени не слѣдуетъ.

По лицу Гончарова пробѣжала такая густая тѣнь, что Елизавета Тимоѳеевна была озадачена — я это ясно видѣлъ — а мнѣ стало какъ-то жутко. Тѣнь быстро смѣнилась печальною улыбкою, и Гончаровъ сказалъ, указывая на свою собачку:

— Вотъ вѣрный другъ! Онъ не измѣнитъ... не обидитъ.

И, словно устыдясь чего-то, онъ быстрѣе обыкновеннаго поклонился Елизаветѣ Тимоѳеевнѣ и исчезъ вмѣстѣ съ своей собачкой за дверь кабинета.

Елизавета Тимоѳеевна послѣ его ухода сидѣла въ задумчивости, а я не смѣлъ прерывать молчанія.

Эта сценка навсегда запечатлѣлась въ моей памяти, но особенно отчетливо я ее вспомнилъ лѣтъ семь спустя, когда, кончая курсъ въ университетѣ, дочитывалъ „Обрывъ“.

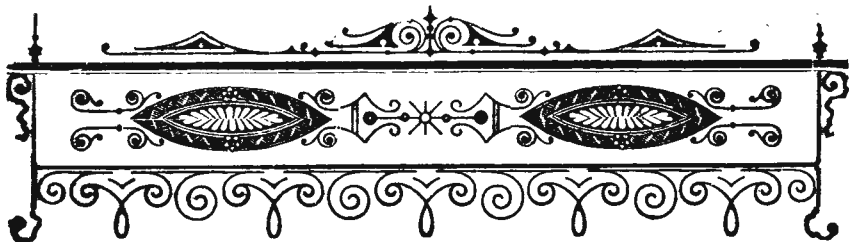
Я вспомнилъ тутъ сразу и Наденьку изъ „Обыкновенной исторіи“, исключительно озабоченную тѣмъ, чтобы поддѣлать выгоднаго жениха, и безответную, хотя столь симпатичную Елизавету Александровну изъ того же романа, и Ольгу изъ „Обломова“, умную, увлекательную Ольгу, но озабоченную единственно личнымъ своимъ

счастьемъ, и, наконецъ, вотъ эту Вѣру, съ трагедіей жизни которой я только-что познакомился, то восторгаясь, то волнуясь до внутренней дрожи, то негодуя,—ту трагедію жизни, которая вызывается борьбою между жаждою личнаго счастья и сознаниемъ общественнаго долга. Могли ли пустыя Наденьки, безотвѣтныя Лизаветы Александровны, жаждавшія только личнаго счастья Ольги, еще не пришедшія къ сознанию своего общественнаго долга Вѣры быть избранницами, подругами жизни того, кто такъ ясно, какъ Гончаровъ, созналъ свой долгъ передъ странюю? Каждая строчка его произведеній служила мнѣ теперь, уже умственно окрѣпшему юношѣ, свидѣтельствомъ возвышенности его общественныхъ идеаловъ, и легко ли человѣку, съ такимъ возвышеннымъ душевнымъ строемъ, найти себѣ товарища на всю жизнь, жену, призваніе которой и состоитъ въ томъ, чтобы быть если не единственнымъ, то вѣрнѣйшимъ другомъ своего мужа въ лучшихъ его помыслахъ и дѣлахъ?

Теперь я уже не спрашивалъ себя, можетъ ли Ольга влюбиться въ Гончарова, я спрашивалъ себя, могутъ ли его героини сами оказаться достойными его любви, я проникался къ нему чувствомъ глубокаго уваженія, почти почитанія, тѣмъ чувствомъ, которымъ я былъ проникнуть къ только-что утраченному мною моему опекуну (онъ умеръ въ годъ появленія „Обрыва“), также ставившему общественный долгъ, долгъ передъ странюю, выше всего, и жаждаль, и въ то же время страшился принять на свои слабыя плечи круницу тяжелаго, но и великаго наслѣдія исчезавшихъ поколѣній.

Р. Сементковскій.

Николай Гавриловичъ Чернышевскій ¹⁾).

(Наброски по неизданнымъ матеріаламъ).

Х. Д о и о й.

ѣти Чернышевскаго долго просили правительство возвратить отца въ Россію. Наконецъ, эта просьба была уважена. Николаю Гавриловичу дозволили возвратиться въ Россію и жить въ Астрахани.

По предположеніямъ и разнымъ соображеніямъ, онъ могъ пріѣхать въ Астрахань только къ Рождеству, но Ольга Сократовна не вытерпѣла и въ октябрѣ мѣсяцѣ отправилась въ Саратовъ.

Радостное извѣстіе о своемъ возвращеніи Н. Г. получилъ въ Вилуйскѣ 30 августа 1883 г., и въ этотъ же день уѣхалъ оттуда. Такъ какъ онъ о Сибири вообще не любилъ говорить, то о своей жизни тамъ Н. Г. упоминалъ лишь къ слову. Дорогой онъ нигдѣ не останавливался на продолжительное время, — ѣхалъ безостановочно. Одинъ губернаторъ предложилъ было ему отдохнуть у него нѣсколько дней, но „я“, говорилъ Н. Г., „только пообѣдалъ у него“. Между тѣмъ, путешествіе было не изъ пріятныхъ. Въ одномъ мѣстѣ можно было ѣхать только верхомъ, а Николай Гавриловичъ никогда не путешествовалъ такимъ образомъ, онъ не умѣлъ даже сидѣть на лошади. Тогда для него сдѣлали нѣчто въ родѣ дровней, что напоминало Чернышевскому юношескіе годы, когда Н. Г. катался зимой съ горъ на салазкахъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1912 г.

Теперь перейдемъ къ тѣмъ, которые ожидали ссыльнаго. Буду говорить словами двоюродной сестры Чернышевскаго.

Николай Гавриловичъ долженъ былъ проѣхать черезъ Саратовъ. „Наканунъ праздника (Казанской Божіей Матери), 21 октября, вечеромъ, часовъ около семи, сидимъ мы дома. Приходитъ горничная и подаетъ записку Ольгѣ Сократовнѣ. Та прочитала записку, взволновалась, хватаетъ вещи. Она даетъ мнѣ читать эту записку, писанную Николаемъ Гавриловичемъ: „Пріѣзжай ко мнѣ, но никому не говори“.

Обычно О. С. никогда не выѣзжала такъ поздно вечеромъ. Всѣ слышали, что она куда-то поѣхала въ такое время, въ какое она никогда не выѣзжаетъ, и потому обратили на это вниманіе. Я успокоила домашнихъ, сказавъ имъ, что изъ Петербурга пріѣхала одна знакомая, которая и попросила къ себѣ Ольгу Сократовну. Въ это время была больна моя мать (Александра Егоровна, тетка Н. Г., которая вскорѣ и умерла), и я не хотѣла ее тревожить, зная, какъ ей было тяжело не видѣться съ Николаемъ Гавриловичемъ.

Черезъ часъ та же горничная пріѣзжаетъ и за мной, съ запиской отъ Ольги Сократовны. Я тоже взволновалась. Пріѣзжаю. Тамъ (у жандарма П. И. Гусева) уже было готово угощеніе: на столѣ стояли чай и фрукты. Увидѣвъ его (Н. Г.—ча), я разрыдалась: со мной—истерика отъ волненія. „Безсовѣстная“ говорю Ольгѣ Сократовнѣ, зачѣмъ лишаете другихъ видѣть его?!

Ольга Сократовна была несравненно спокойнѣе, но я была огорчена и за себя, и за мать, которая рискуетъ совсѣмъ не видѣть его. Каково это ей? Прійти сюда или пріѣхать мать не можетъ,—она больна. Н. Г. взялъ меня въ другую комнату, посадилъ себѣ на колѣни и успокоилъ.

П. И. Гусевъ, человекъ въ высшей степени добрый, постоянно то входилъ, то выходилъ изъ комнаты, въ которой мы были, и все время угощалъ насъ и Николая Гавриловича. Видя наше огорченіе, онъ сказалъ, что не знаетъ всѣхъ обстоятельствъ. „Я не знаю“, говорилъ онъ, „что у васъ есть родные, которые желаютъ васъ видѣть. Мнѣ дано было предписаніе, чтобы свиданіе произошло безъ огласки, чтобы не былъ оглашенъ пріѣздъ Н. Г. въ Саратовъ. Согласно инструкціи, я и попросилъ Ольгу Сократовну пріѣхать сюда. Мы рисковали встрѣтить у васъ общество, а нашъ мундиръ—такого рода, что невольно обращаетъ на себя вниманіе“.

Гусеву сказали: „Мы ведемъ такой образъ жизни, что вы не рисковали никого встрѣтить у насъ“. Тотъ предложилъ, что можно устроить свиданіе и съ Александрой Егоровной, но Н. Г. не хотѣлъ воспользоваться любезнымъ предложеніемъ П. И. Дѣло въ

томъ, что Николай Гавриловичъ опасался повредить состоянію своей больной тетки своимъ непродолжительнымъ пребываніемъ въ сопровожденіи жандармовъ. Поэтому онъ и отказался отъ свиданія съ ней. Н. Г. просилъ П. И. Гусева, чтобы тотъ поступалъ согласно инструкціи.

Гусевъ приготовилъ было для Николая Гавриловича постель и ужинъ, но онъ не хотѣлъ оставаться ночевать: ему хотѣлось ѣхать безостановочно. Чтобы никого не стѣснять, онъ рѣшилъ уѣхать изъ Саратова тутъ же, лишь только уйдутъ жена и двоюродная сестра.

П. И. говорилъ ему: „Останьтесь, отдохните!“ Но Н. Г. просилъ поскорѣе распорядиться на счетъ лошадей. Онъ соглашался остаться на ночь въ Саратовѣ подъ однимъ условіемъ,—если у него просидятъ жена и двоюродная сестра. Но онѣ не могли этого сдѣлать: отсутствіе ихъ въ продолженіе цѣлой ночи сильно потревожило бы больную. Къ тому же, О. С. нужно было скорѣе собираться ѣхать въ Астрахань: пароходы въ это время уже кончали навигацію. До Астрахани ходили одни волжскіе пароходы, да и тѣ дѣлали уже послѣдніе рейсы.

Когда мы вышли на улицу, то вслѣдъ за нами уѣхалъ и Николай Гавриловичъ. Тутъ же извѣстили дѣтей, жившихъ въ Петербургѣ, о проѣздѣ Н. Г. въ Астрахань, а на другой день сообщили имъ о желаніи отца, чтобы они ѣхали весной къ нему для свиданія. Но дѣти, по полученіи телеграммы, тутъ же выѣхали изъ Петербурга въ Астрахань“.

ХІ. А с т р а х а н ь .

Н. Г. пріѣхалъ въ Астрахань. „Я“, говоритъ Ольга Сократовна, „отправилась къ нему изъ Саратова, взявъ съ собой около ста рублей, полученныхъ съ квартирантовъ (дома Чернышевскихъ), но эти деньги скоро вышли. Н. Г. мнѣ очень обрадовался.

„Первое время помѣщались въ номерахъ, что стоило очень дорого, а затѣмъ наняли квартиру и обставили ее мебелью,—вотъ почему деньги вышли такъ скоро. Знакомыхъ у насъ тамъ не было, занять (деньги)—не у кого. А Николай Гавриловичъ пріѣхалъ безъ гроша. Сначала у насъ ничего не было: ни мебели, ни посуды, а у Н. Г. не было и одежды. Онъ хотѣлъ работать, но никакой работы не было и даже не предвидѣлось. А. Н. Пыпинъ выручилъ насъ,—прислалъ денегъ, но Н. Г.—чу хотѣлось работать. Пыпинъ прислалъ ему книгу для перевода, но она показала Николаю Гавриловичу слишкомъ ничтожной, чтобы ее пе-

реводить. Онъ хотѣлъ серьезной работы. Будучи въ высшей степени хладнокровнымъ и деликатнымъ, Н. Г. часто вскрикивалъ при чтеніи книги: „Чортъ знаетъ, какая книга! Мнѣ не такую чушь надо переводить!“

Скоро пріѣхали къ намъ и дѣти, пріѣздъ которыхъ обрадовалъ Н. Г.

Въ это время съ нимъ была сильнѣйшая ажитація; бывало, спишь ночью, — проснешься, слышишь: онъ декламируетъ стихи, потомъ сдѣлается истерика, — разрыдается. Я тоже разрыдаюсь: жалко его. Въ обычное время — онъ веселъ, анекдотами такъ и сыплетъ, постоянно остритъ и хохочетъ, — потѣшается надо мной. И онъ, и я — нервные. Впослѣдствіи онъ сдѣлался раздражительнымъ, недовольнымъ, и я стала раздражаться. Ну, онъ и сердится на меня. „Ахъ, оставьте меня въ покоѣ“, скажетъ.

Пищею для Н. Г. служили: каша, молоко и чай. Онъ любилъ простоту въ всемъ: фуражка у него была простая, онъ не носилъ ни палки, ни зонтика никогда не имѣлъ. Только для визитовъ онъ имѣлъ въ Петербургѣ цилиндръ и фракъ; зонть я пріобрѣла ему въ Саратовѣ“.

ХII. Саратовъ.

Николай Гавриловичъ получилъ разрѣшеніе жить, гдѣ ему угодно; уѣзжать изъ Астрахани, гдѣ онъ сошелся со многими, ему не хотѣлось, но Ольга Сократовна пожелала жить на родинѣ.

Поселившись въ Саратовѣ послѣ переѣзда изъ Астрахани 28 іюня 1889 г., Н. Г. снялъ квартиру въ домѣ Никольскаго, противъ бульвара. Собственный же домъ Н. Г., существующій и теперь въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ при Николаѣ Гавриловичѣ, былъ сданъ, по контракту на нѣсколько лѣтъ, присяжному повѣренному Токарескому.

Саратовъ тогда находился подъ усиленной охраной. Всѣ пріѣзжающіе или перемѣняющіе квартиры обязательно должны были записываться на особомъ листѣ, который отсылался для записи въ полицію. Но какъ записать Николая Гавриловича, лишеннаго правъ и состоянія? Этотъ вопросъ очень озадачилъ Ольгу Сократовну. Для его разрѣшенія она обратилась къ полицеймейстеру, У. М. Готовицкому, челоуѣку доброй души; онъ возвратилъ Н. Г.—чу чинъ титулярнаго совѣтника, который онъ носилъ до ссылки въ Сибирь, и съ такимъ чиномъ былъ записанъ въ полицію.

Самъ Н. Г. не любилъ имѣть дѣла съ полиціей, самое имя ко-

торой приводило его, всегда кроткаго и смирнаго, въ гнѣвъ, раздраженіе и возмущеніе.

Въ Саратовѣ онъ велъ жизнь кабинетнаго ученаго, замкнутую, занимаясь переводомъ исторіи Вебера. Хотя у него и были здѣсь родные и знакомые, живы были даже товарищи его дѣтства,—Н. Г. не возстановлялъ прежнихъ знакомствъ, изъ чувства осторожности и боязни вызвать безпокойство полиціи и жандармовъ; къ тому же, работа поглощала все его время. Когда же онъ случайно встрѣтился на земской выставкѣ въ сентябрѣ 1889 г. съ товарищемъ своего дѣтства, К. П. Трушкинымъ, то былъ ему очень радъ, упротилъ прійти къ себѣ, на что Трушкинъ, не желая отвлекать Н. Г. отъ его занятій, согласился только послѣ усиленной просьбы. Онъ сказалъ, чтобы Николай Гавриловичъ прислалъ къ нему свою служанку, съ извѣстіемъ, когда у него будетъ свободное время.

Недѣли черезъ двѣ-три, Н. Г. прислалъ записку, и Трушкинъ пробылъ у него цѣлый вечеръ. Писатель съ громаднымъ удовольствіемъ вспоминалъ о прошломъ. Вообще, Н. Г. любилъ, когда его навѣщали родные и знакомые; онъ, давая себѣ отдыхъ отъ занятій, любезно и радушно принималъ гостей, при чемъ, прямо очаровывалъ всѣхъ своею любезностью и лаской. Но посѣщенія незнакомыхъ, желавшихъ узнать его взгляды на современную жизнь, очень стѣсняли Николая Гавриловича, и онъ отдѣлывался обычно тѣмъ, что заговаривалъ съ ними о старинѣ. Ольга Сократовна также предпринимала всевозможныя средства, чтобы избавить мужа отъ посѣтителей, мѣшавшихъ ему заниматься. Чтобы не принимать такихъ гостей, которые являлись только съ цѣлью посмотрѣть Чернышевскаго, на дверяхъ его квартиры было вывѣшено такое объявленіе: „Н. Г. Чернышевскій принимаетъ только по самымъ нужнымъ дѣламъ“. Быть у Н. Г.—ча можно было до девяти часовъ вечера. Дольше этого времени ни одинъ гость не могъ сидѣть. Приходила Ольга Сократовна, и прямо говорила, что дольше девяти часовъ сидѣть нельзя. Если же гость засиживался, то Н. Г. наверстывалъ потерянное время тѣмъ, что просиживалъ за работой далеко за полночь.

Самъ же Н. Г. ни у кого не бывалъ, кромѣ родственниковъ—И. Н. Виноградова и Н. Д. Пыпина, несмотря ни на какія упрощенія. „Погодите“, говорилъ онъ обычно, „прійду и я къ вамъ; дайте только освоиться мнѣ съ Саратовомъ, а главное—нужно дать приглядѣться на себя“.

Съ гигиеническими цѣлями, Н. Г. каждый день выходилъ на свѣжій воздухъ. Въ одиннадцать часовъ утра онъ отправлялся на почту, а послѣ обѣда, часа въ четыре или въ пять, почти постоянно

гулялъ по бульвару, находившемуся противъ его квартиры; въ это время здѣсь гуляетъ обычно мало народу. Было замѣтно, что Николай Гавриловичъ любилъ, на старости лѣтъ, сидѣть въ этомъ саду, гдѣ когда-то онъ гулялъ въ молодости. Въ отсутствіе Чернышевскаго бульваръ очень измѣнился. На многолюдныхъ гуляньяхъ онъ показывался раза два—не больше: былъ на саратовской выставкѣ и на концертѣ въ саду Сервье.

Не зная Николая Гавриловича, многіе, замѣчая его интеллигентное лицо, высказывали предположеніе, что этотъ почтенный старикъ и есть Чернышевскій, но полицейскіе чины, къ которымъ обращались за разрѣшеніемъ сомнѣнія, обыкновенно увѣряли публику, что Чернышевскій имѣеть совершенно другія примѣты ¹⁾.

Раза два-три въ недѣлю Н. Г. катался на извозчикѣ по горной части Саратова, заселенной бѣднымъ людомъ. Здѣсь онъ могъ ходить и ѣздить совершенно свободно, не обращая на себя ничего вниманія. Тамъ онъ иногда посѣщаль своего родственника, отставнаго учителя Саратовскаго духовнаго училища, И. Н. Виноградова, съ которымъ у нихъ были самыя дружескія отношенія. Получая тринадцатирублевую пенсію (въ мѣсяцъ), И. Н. жилъ въ маленькой хибаркѣ, въ которой находилась и кухонная печка; больной ногами, онъ не могъ ходить и нуждался въ очень теплой температурѣ. Но Николай Гавриловичъ не стѣснялся ни убогой обстановкой Виноградова, ни духотой атмосферы, которой требовали старческіе годы Ивана Николаевича, и всегда просиживалъ у него часа полтора; только впоследствии двадцати-пяти-градусная температура заставляла Н. Г.—ча просиживать здѣсь недолго, хотя онъ и старался охлаждать себя, избирая для сидѣнія мѣсто около окна.

По возвращеніи изъ ссылки, Н. Г. не любилъ говорить о Сибири. Даже слово Сибирь онъ замѣнялъ—*тамъ*. Вообще, все, что напоминало его тяжелые дни, было неприятно Николаю Гавриловичу. Обыкновенно тихій, скромный, онъ приходилъ въ изступленіе при каждомъ разспросѣ объ его званіи. Когда онъ, пріѣхавши въ Саратовъ, въ первый разъ пошелъ на почту получить деньги, и почтовый чиновникъ, на зная Чернышевскаго, попросилъ удостовѣренія его личности и сталъ спрашивать, отъ кого онъ получаетъ денежное письмо,—раздраженный Н. Г. сказалъ: „Эти допросы очень надобли мнѣ. На-те удостовѣреніе полицеймейстера, а если не вѣрите—обратитесь къ синимъ брюкамъ и полиціи. Мнѣ все это опротивѣло“.

¹⁾ Писемскій въ своемъ романѣ „Взбаломученное море“ придалъ Проскриптовскому многія черты, присущія Чернышевскому, почему и говорили прежде, что Проскриптовскій Писемскаго въ дѣйствительности—Чернышевскій.

Сказавъ это, онъ выбѣжалъ безъ фуражки изъ зданія почты. Когда же его попросили вернуться, Н. Г. замѣтилъ чиновнику: „Вы извините меня,—я поступилъ, какъ мальчишка“. Когда же ему предложили вскрыть пакетъ, — то эта формальность очень разсердила Н. Г.—ча. Но затѣмъ онъ сошелся со всѣми почтовыми чиновниками, съ которыми былъ очень любезенъ. Эта любезность проявлялась, впрочемъ, у него всегда: имѣлъ ли Н. Г. дѣло съ товарищами, врагами,—онъ былъ необыкновенно предупредителенъ.

Домашнимъ удовольствіемъ Николая Гавриловича были кошки, которыхъ онъ очень любилъ, какъ и Магометъ. Кошки его очень забавляли, и Н. Г. часто занимался съ ними. Привяжетъ, бывало, нитки къ шарикамъ и смотреть, какъ кошки играютъ съ ними. Для каждой кошки у него было свое блюдечко, которое она хорошо знала и изъ котораго ѣла. Одна любимая кошка была у Ольги Сократовны, а Н. Г.—чѣ имѣлъ свою кошку, очень къ нему привязанную. Кошки жили очень недружелюбно, и О. С. часто изгоняла изъ комнаты кошку-забіяку, любимицу Н. Г.—ча. Когда же кошка Ольги Сократовны пропала, и у Чернышевскихъ, въ концѣ-концовъ, осталась одна кошка-любимица Н. Г.,—последняя очень привязалась къ писателю: она бывала съ нимъ всегда, даже въ то время, когда онъ работалъ. Когда же Н. Г. въ одиннадцатъ часовъ утра, вмѣсто прогулки, шель на почту, получать или отправлять что-нибудь, то бралъ съ собою и кошку, которую сажалъ себѣ на плечи. Дойдя до угла улицы, онъ бросалъ ее, и она уходила домой.

Интересно отмѣтить, что, когда Николай Гавриловичъ умеръ и уже лежалъ на столѣ, — эта кошка пыталась нѣсколько разъ проникнуть къ нему.

Другое удовольствіе, которое доставлялъ себѣ Чернышевскій, было неумѣренное куреніе папиросъ. При разговорѣ съ кѣмъ-либо онъ постоянно курилъ, а такъ какъ готовыхъ папиросъ у него не было, то онъ едва успѣетъ выкурить одну папиросу, какъ уже набиваетъ другую.

ХІІІ. Болѣзнь.

Николай Гавриловичъ обладалъ желѣзнымъ здоровьемъ. Почти никогда не обращался онъ къ докторамъ, къ тому же, и самъ имѣлъ нѣкоторыя познанія въ медицинѣ, съ которой познакомился въ университетѣ, живя на одной квартирѣ съ студентомъ-медикомъ.

Когда Н. Г. переѣхалъ въ Саратовъ,—его здоровье уже ослабло, онъ потѣлъ не только при подъемѣ на гору, но даже и при

скорой ходьбѣ. Комнатная температура въ 15° для него уже была недостаточна. „Я такъ постарѣлъ“, говорилъ онъ, „что чувствую холодъ при 16° температурѣ“.

Осень 1889 г. въ Саратовѣ стояла теплая, но обманчивая. Прохладный вѣтеръ съ Волги иногда давалъ себя чувствовать саратовской публикѣ, одѣтой въ лѣтніе костюмы; поэтому, въ эту осень было очень много простудныхъ заболѣваній.

Къ зимѣ этого года Чернышевскій сталъ чувствовать упадокъ силъ. Онъ часто жаловался на головныя боли, къ тому же у него былъ катарръ желудка, отъ котораго Н. Г. лѣчился дѣтвой, а иногда и голодомъ. „Самое лучшее средство избавиться отъ катарра желудка“, говорилъ онъ, — „это—поститься, не ѣсть ничего; я и не ѣмъ иногда день, два, а иногда—пять дней, и только этимъ вылѣчиваюсь“. Разговорясь съ однимъ своимъ знакомымъ товарищемъ дѣтства, о катаррѣ, отъ котораго умерла жена этого знакомаго, Н. Г.—чѣ сказалъ: „Если катарръ осложнится другими болѣзнями, то и моя смерть неизбѣжна“.

Н. Г. считалъ необходимыми для себя ежедневныя прогулки. Его прогулки-поѣздки по саратовскимъ „горамъ“ могли сослужить ему плохую службу. Надо знать, что горная часть Саратова отдѣляется отъ остального города Глѣбучевымъ оврагомъ, по которому осенью дуютъ порывистыя вѣтры. Проѣзжая по оврагу отъ Виноградова, Н. Г.—чѣ, потный послѣ черезчуръ теплой температуры его квартиры, часто простуживался. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ онъ часто принималъ хину, чувствуя недомоганіе. Но, несмотря на свое нездоровье, онъ по-прежнему ежедневно ходилъ самъ на почту (хотя вполнѣ могъ посылать туда своего секретаря); возвращаясь однажды съ почты, по Армянской улицѣ, онъ пропотѣлъ и распахнулся, отъ чего его продуло вѣтромъ, и Н. Г. слегъ въ постель.

Ольга Сократовна (въ половинѣ сентября 1889 г.) пригласила доктора А. В. Брюзгина, совсѣмъ незнакомаго Николаю Гавриловичу; съ О. С. онъ познакомился случайно, встрѣтившись у общихъ знакомыхъ, во время визитаціи Брюзгина къ больному. Несмотря на мимолетность знакомства, О. С. встрѣтила доктора, какъ родного еще въ передней.

На вопросъ Брюзгина, чѣмъ боленъ Николай Гавриловичъ, О. С., попросивъ его сѣсть въ залѣ (Н. Г. былъ въ это время въ кабинетѣ, дверь оттуда выходила въ залъ и была затворена), взволнованная, стала просить Брюзгина лучше обследовать ея мужа. „Николай Гавриловичъ“, говорила она, „страдаетъ ракомъ, съ нимъ рвота,—ясный признакъ этой болѣзни. Подробнымъ изслѣдованіемъ болѣзни вы сдѣлаете доброе дѣло и для него, и для меня“.

Брюзгинъ спросилъ, когда заболѣлъ Н. Г.? Ольга Сократовна отвѣтила, что Н. Г. захворалъ вчера; на дворѣ было свѣжо, а Н. Г. былъ на прогулкѣ, прозябъ и заболѣлъ. „Николай Гавриловичъ“, жаловалась О. С. доктору, „очень упорный, но его непременно нужно заставить лѣчиться. За нимъ, какъ за малымъ ребенкомъ, нужно наблюдать даже тогда, когда онъ ходитъ. Какъ-то пошелъ онъ одинъ, наткнулся на тумбочку и очень ушибся“.

(Дѣйствительно, многіе факты убѣдили Ольгу Сократовну, что оставлять Н. Г.—ча одного иногда даже не совсѣмъ безопасно. Онъ иногда такъ бывалъ углубленъ въ свои думы, что не обращалъ никакого вниманія на окружающіе предметы. Сходя, напр., по лѣстницѣ, онъ, задумавшись, могъ бы упасть и разбиться, если бы кто-нибудь не поспѣшилъ къ нему на помощь. Случалось нѣсколько разъ, что въ такомъ состояніи Н. Г. часто проходилъ мимо своей квартиры и, когда приходилъ въ себя, то съ изумленіемъ замѣчалъ это. До какой степени былъ онъ разсѣянъ, говоритъ слѣдующій фактъ изъ его астраханской жизни. Одна барышня, которая часто посѣщала Чернышевскихъ, разъ сѣла на мѣсто Ольги Сократовны и стала разливать чай. Вышедши изъ своей комнаты, Н. Г. принялъ ее за О. С.—ну и поцѣловалъ ее въ щеку. Одиночныя прогулки Н. Г.—ча были очень чувствительны для кармана писателя, всегда почти тощаго. Онъ никогда не отказывалъ бѣднымъ, если они обращались къ нему съ просьбой о помощи. Разъ, во время безденежья, приходитъ Николай Гавриловичъ домой безъ верхняго пальто. Когда спросили, гдѣ его пальто,—онъ отвѣтилъ, что во время купанья на открытомъ берегу Волги у него утащили пальто. Только уже послѣ узнали истинную причину его исчезновенія: Н. Г. самъ отдалъ пальто одному нуждающемуся чиновнику).

Произошло большое замѣшательство, когда Брюзгинъ вмѣстѣ съ О. С.—ной вошли въ кабинетъ; оказалось, что О. С. призвала доктора противъ желанія Н. Г.—ча совѣтоваться съ какимъ бы то ни было врачомъ и даже не предупредила о приходѣ доктора. Узнавъ о причинѣ прихода Брюзгина, который долженъ былъ отрекомендоваться и сказать: „Ваша жена просила меня изслѣдовать вашу болѣзнь“, Н. Г. чрезвычайно удивился его приходу и рѣшительно отказался позволить себя изслѣдовать, хотя, по обычаю, принялъ Брюзгина очень любезно.

Врачъ очутился въ неловкомъ положеніи.

При взглядѣ на Николая Гавриловича, можно было замѣтить, что онъ находился въ сильно возбужденномъ состояніи, температура была, повидимому, около 40°, его знобило, пробирала дрожь; говорить быстро, нервно.

Н. Г. полулежалъ на турецкомъ диванѣ. Часто свертывалъ и курилъ папирсы.

Когда Брюзгинъ, спустя нѣкоторое время, уже не какъ врачъ, а просто знакомый Н. Г.—ча и любезно имъ принятый, посовѣтовалъ ему не избѣгать докторскаго изслѣдованія и лѣченія,—Н. Г. замѣтилъ ему: „Я очень радъ нашему знакомству и прошу васъ бывать у меня, но въ настоящее время, если вы хотите сдѣлать мнѣ пріятное,—прошу васъ не изслѣдовать меня: я не нуждаюсь въ медицинскомъ пособіи. Я самъ хорошо знаю и медицину, и свою болѣзнь и никогда не прибѣгаю къ пособію докторовъ. Только разъ во всю мою жизнь свидѣтельствовалъ меня мой другъ, докторъ Бовковъ (ординаторъ С. П. Боткина), и то только послѣ усиленной просьбы“.

— „Я не совсѣмъ васъ понимаю. Однако, жена ваша сильно за васъ беспокоится: у васъ, по ея словамъ, бываетъ даже кровавая рвота. Вы непонятно для меня относитесь къ докторамъ и врачебной помощи“, сказалъ ему на это Брюзгинъ, „даже лучшіе доктора сами не лѣчатъ себя. Здѣсь ошибка всегда возможна. Они не могутъ изслѣдовать себя“.

— „Я глубоко уважаю, какъ врачей, такъ и медицину, но въ настоящее время въ вашемъ изслѣдованіи я вижу только одно безцѣльное и надобдливое ухаживаніе за собою жены“, отвѣтилъ Николай Гавриловичъ; „полжизни идетъ на это ухаживаніе. Вы вынуждаете меня сказать то, чего я не хотѣлъ. Повторяю, я хорошо знаю, что я страдаю гастрическою лихорадкою. Со мной это часто было. Я большую часть жизни провелъ въ дикой странѣ (Виліуйскъ); чтобъ дать вамъ понять, какъ тамъ живутъ люди и чѣмъ питаются, я укажу на слѣдующее. Мясо, которое мы съ вами, живущіе здѣсь, считаемъ за недожаренное, тамъ принимаютъ за пережаренное, поэтому, я питался тамъ почти исключительно молокомъ и кашицей, да и съ дѣтства привыкъ къ пищѣ простой,—гастрономическихъ кушаній для меня не существуетъ. Для меня хороши только каша да молоко, а жена то и дѣло твердитъ мнѣ: „Ты себя истощаешь“ и пристаётъ ко мнѣ: „Отчего ты не ѣшь?“ Ну, я и ѣмъ... а послѣ ѣды искусственно вызываю рвоту, чтобы мнѣ не было худо. Теперь же моя нервная жена заставляетъ меня ѣсть даже то, что мнѣ вредитъ. Она думаетъ, что я буду здоровѣй отъ той пищи, которой она пичкаетъ меня. На самомъ же дѣлѣ отъ подобной пищи я и заболѣлъ теперь. Подобное питаніе и вредитъ мнѣ. Послѣ ѣды—со мной „фридрихъ-ераусъ“. Не далѣе, какъ вчера, варили почки, которыя жена заставила меня ѣсть; въ угоду ей... я ѣлъ почки, но, сознавая, что подобная пища мнѣ вредна, я вынужденъ былъ ис-

кусственно пальцемъ произвести себѣ рвоту; вотъ, и причина той рвоты, о которой передавала вамъ моя жена; крови же въ рвотѣ никогда не встрѣчалось. Какъ видите, я противъ своей воли и желанія, питаюсь не тѣмъ, что принимаетъ мой желудокъ. Я глубоко убѣжденъ, что я выздоровѣю, если я только буду освобожденъ отъ этого и соблюду діету. Для успокоенія жены я буду принимать какія угодно лѣкарства, сказалъ Н. Г. на прощанье доктору. „Ради Бога, передайте женѣ, что вы меня изслѣдовали“...

Такая откровенность поразила Брюзгина, слышавшаго о скрытомъ характерѣ Чернышевскаго. „Я“, говоритъ Брюзгинъ, „не ожидалъ такого дѣйствія, которое произвели на него мои слова. Онъ, противъ обыкновенія, пустился на такую откровенность, какую не каждый выскажетъ. Онъ выложилъ предо мной всѣ свои неудовольствія“. Въ то же время Брюзгинъ замѣтилъ полное нежеланіе Николая Гавриловича пользоваться какимъ бы то ни было докторскимъ пособіемъ. Онъ, какъ было видно по тону разговора и выраженію лица, былъ такъ глубоко убѣжденъ въ истинѣ своихъ словъ, что уговаривать его болѣе на подробное медицинское изслѣдованіе не представлялось никакой возможности. Volens-nolens нужно было оказать ему и Ольгѣ Сократовнѣ посильную помощь. Къ этому побуждала врача и несерьезность, по мнѣнію послѣдняго, болѣзни Николая Гавриловича.

Общій видъ больного, его недавнее заболѣваніе, высокая температура, нечастое и глубокое дыханіе, отчасти рассказъ Н. Г.—ча о своей болѣзни и своей жизни въ Сибири, странѣ болотистой, заставляли врача смотрѣть на Н. Г., какъ на неопасно больного; Брюзгинъ діагностицировалъ приступъ малярійной лихорадки. Впослѣдствіи діагнозъ показалъ увеличеніе селезенки, что ясно показывало на застарѣлость маляріи. Да и безъ подробнаго изслѣдованія, уже по одному внѣшнему виду больного было видно, что онъ страдаетъ маляріей.

Въ Саратовѣ, особенно въ августѣ и сентябрѣ, бываетъ масса страждущихъ приступами маляріи; вѣроятно, это объясняется спадомъ воды на Волгѣ. Пароксизмы маляріи сопровождаются сильнымъ жаромъ и иногда бредомъ. Иногда дѣйствіе малярійнаго яда сосредоточивается только на желудкѣ и выражается только явленіями со стороны послѣдняго; это—такъ называемая гастрическая лихорадка старыхъ авторовъ, которую находилъ у себя Николай Гавриловичъ. Но „завѣреніе Н. Г.“, говоритъ д-ръ Брюзгинъ, „что съ нимъ гастрическая лихорадка,—хотя оно и было сказано самоувѣренно,—не выдерживало ни малѣйшей критики, а равно и то, что онъ знакомъ съ медициной“.

Успокоивъ жену Н. Г—ча, переведа разговоръ на посторонніе предметы, врачъ совѣтовалъ дать пріемъ хинина въ десять гранъ, Оказалось, что хининъ, былъ въ квартирѣ Чернышевскихъ въ большомъ количествѣ, и Н. Г., по словамъ жены, очень часто принималъ его и выздоравливалъ. Хининъ, по просьбѣ О. С—ны, былъ принятъ Николаемъ Гавриловичемъ въ присутствіи врача. Послѣ этого Н. Г. любезно простился съ врачомъ и вторично просилъ его бывать у себя, но только не какъ врача, а какъ знакомаго.

Ночью Н. Г. потѣлъ, и на другой день былъ здоровъ, что служило яснымъ доказательствомъ вѣрности діагноза болѣзни Н. Г—ча; но все-таки О. С. не повѣрила доктору, что съ мужемъ—малярія,—она настаивала, что онъ боленъ ракомъ.

Четырнадцатаго октября, въ семь или восемь часовъ вечера, д-ра Брюзгина вторично приглашаютъ къ Чернышевскому. Встрѣчаетъ О. С—на, опять нервная и очень взволнованная, проситъ изслѣдовать Н. Г—ча и прямо опредѣляетъ его болѣзнь, которая, по ея убѣжденію, уже не ракъ, а воспаленіе мозга. Какихъ-либо фактовъ въ пользу своего опредѣленія болѣзни, кромѣ указанія на бредъ Н. Г—ча, она привести не можетъ.

Прежде, чѣмъ войти въ кабинетъ, Ольга Сократовна просила доктора сѣсть опять въ залъ и послушать, „сядьте и послушайте“, какъ Н. Г. бредитъ. Дѣйствительно, въ залѣ отчетливо было слышно, какъ кто-то твердо и отчетливо, связано и краснорѣчиво диктуетъ какія-то историческія свѣдѣнія. Н. Г. бредилъ переводомъ исторіи Вебера. Бредъ былъ настолько отчетливъ, что его весь можно было записать. Если бы не было тѣхъ паузъ, которыя обыкновенно дѣлаются диктующими, и если бы врачъ не былъ предупрежденъ Ольгой Сократовной,—онъ подумалъ бы, что въ сосѣдней комнатѣ читается лекція исторіи даровитымъ учителемъ. По словамъ врача, бредъ Н. Г. былъ настолько интересенъ по содержанію и красотѣ слога, что только обязанность доктора—немедленно приступить къ осмотру больного заставила его войти въ кабинетъ.

Н. Г. лежалъ на своемъ любимомъ турецкомъ диванѣ, лицомъ къ стѣнѣ, по временамъ производилъ какіе-то жесты приподнятой лѣвой рукой. Больной продолжалъ бредить; при громкомъ окликѣ, переставалъ говорить, но не надолго, на нѣсколько секундъ. Пользуясь положеніемъ Н. Г—ча, докторъ начинаетъ изслѣдованіе и находитъ—температура—около 39°, легкія въ порядкѣ, пульсъ—полный, нечастый, тоны сердца—чисты, лучевыя артеріи склеризированы, печень и селезенка увеличены; запора нѣтъ; отравленія желудочно-кишечнаго канала—нормальны; зрачки реагируютъ на свѣтъ.

Хотя состояніе сердца было и не изъ важныхъ,—все же, Н. Г.—чь могъ бы прожить имъ лѣтъ десять.

Заболѣлъ Н. Г. въ этотъ день (14 окт.); причина—почти та же самая, что и въ первый разъ. Ясно было, что съ Н. Г.—чемъ опять былъ пароксизмъ той же болотной лихорадки. Ея ядъ можетъ производить возбуждающее дѣйствіе на мозговья оболочки; въ данную минуту у Н. Г.—ча и было такое именно состояніе, а отнюдь не воспаление мозга. Бредъ его указывалъ на разстройство нервовъ (послѣднее произошло отъ неприятностей) и вообще на слабость нервной системы. Надо замѣтить, что въ Саратовѣ очень часто люди нервныя, особенно, много работающіе головнымъ мозгомъ, при температурѣ 39° страдаютъ бредомъ.

Было дано опять десять гранъ хинина въ растворѣ вечеромъ этого дня и столько же утромъ слѣдующаго.

Пятнадцатаго октября, въ восемь часовъ утра, когда пришелъ докторъ, Н. Г. сидѣлъ. Оказалось, что ночью онъ потѣлъ, температура упала до нормы, пульсъ былъ хорошій. Онъ любезно говорилъ съ докторомъ, былъ веселъ и шутилъ, при этомъ, онъ передавалъ, что помнить, какъ приходилъ вчера докторъ. Когда тотъ предложилъ произвести осмотръ больного, Николай Гавриловичъ безпрекословно позволилъ сдѣлать это. „Такимъ образомъ, онъ въ первый разъ высказалъ желаніе видѣться и совѣтоваться со мной“, говоритъ г. Брюзгинъ въ запискахъ Ф. В. Духовникова, „именно какъ съ врачомъ“.

При изслѣдованіи, Н. Г. жаловался на боль въ спинныхъ и поясничныхъ мышцахъ и просилъ прописать ему какую-нибудь мазь. „Я ослабѣлъ; дайте отдохнуть мнѣ“, сказалъ онъ, и всѣ вышли изъ его комнаты. Пароксизмъ уже прошелъ, и Н. Г.—чу необходимо было дать покой.

— „Какъ вы нашли его? Опасно онъ боленъ? Съ нимъ воспаление мозга?“ забрасывала Ольга Сократовна вопросами доктора, на которые онъ едва успѣвалъ отвѣчать.

На его отвѣтъ, что съ Николаемъ Гавриловичемъ нѣтъ воспаления мозга, а его прежняя болѣзнь, малярія, О. С.—на разсердилась, даже не повѣрила и стала возражать. Она стала спрашивать доктора, чѣмъ кормить больного. Брюзгинъ отвѣтилъ ей: „Давайте то, что онъ самъ проситъ; онъ не будетъ ѣсть, что для него вредно“.

— „Онъ только молоко пьетъ“, возразила О. С.

— „Ну, и пусть пьетъ“, отвѣтилъ докторъ.

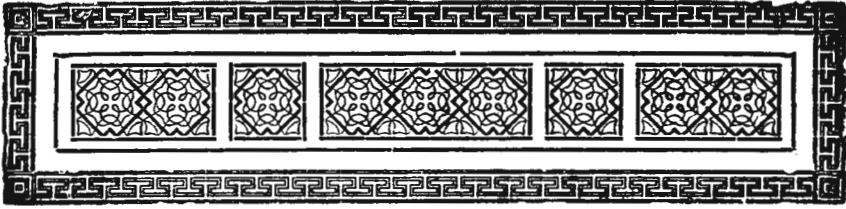
— „Я не даю ему много, онъ слишкомъ много пьетъ, иногда по цѣлой крынкѣ въ сутки, а то и болѣе“, возражаетъ она опять.

Г. Брюзгинъ высказываетъ удовольствіе по поводу хорошаго аппетита Н. Г—ча. О. С. опять волнуется. Докторъ посовѣтовалъ ей не волноваться и успокоиться, а, главное, дать полнѣйшій покой Н. Г—чу и предоставить ему самому распоряжаться всѣмъ и отнюдь ничѣмъ не раздражать его.

А. А. Лебедевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Г л а в а XXVII¹⁾.

такъ, мечта погибла, иллюзіи казались разрушенными, а въ недалекомъ будущемъ насъ ожидала вѣчная разлука...

Однако, властный голосъ сердца рѣшилъ этотъ вопросъ нѣсколько иначе, и лучъ надежды снова озарилъ мой потемнѣвшій горизонтъ.

— Не оставляй меня, дорогой, безконечно любимый!—задыхаясь, въ слезахъ умоляла я: скажи,—что ты вѣришь мнѣ, скажи только слово, и я послѣдую за тобой хоть на край свѣта...

— Нѣтъ! что-нибудь да было, вѣроятно!—отвѣтилъ онъ, загорааясь опять реввивымъ подозрѣніемъ:—слишкомъ ужъ громкіе слухи долетали ко мнѣ о твоихъ якобы удивительныхъ триумфахъ на берегахъ Нила!.. Вотъ что значитъ неправильный путь, по которому ты шла, не оглядываясь, руководимая лишь инстинктомъ женскаго коварства и, такимъ образомъ, свою жизнь исковеркала и мою загубила навсегда...

— Ты самъ теперь прекрасно знаешь, что это легенда, злая, скверная легенда и все-таки продолжаешь упорствовать!—перебила я съ негодованіемъ.

— Всѣми фибрами моего существа хочу вѣрить тебѣ!—былъ его отвѣтъ:—только не здѣсь еще весь ужасъ нашей судьбы... но ты меня не понимаешь, ты никогда не поймешь меня, христіанка!—горячимъ, трепетнымъ шепотомъ договорилъ онъ.

Тогда его затаенная мысль, его колебанія и сомнѣнія откры-

¹⁾ См. „Русская Старина“ іюнь 1912 г.

лись передо мной: „все написано въ книгѣ судебъ раньше начала времени“, гласить Коранъ или другими словами: дѣяніе cadaго человека опредѣлено заранѣе, а потому люди ничего не могутъ измѣнить вокругъ себя.

Тафти, хотя и просвѣщенный до нѣкоторой степени западной цивилизаціей, тѣмъ не менѣе сохранялъ въ душѣ наивную вѣру въ предопредѣленіе. Зато мнѣ, свободной отъ гнета мусульманскаго Кесмета, было несравненно легче выбраться изъ лабиринта противорѣчій, куда мы зашли оба, гонимые силой исключительныхъ условий, окружавшихъ нашу жизнь магическимъ кольцомъ, и подойти ближе къ рѣшенію сложной для него задачи.

— Нѣтъ, милый, дорогой! ты заблуждаешься, называя судьбу жестокой, неумолимой,—съ увѣренностью любви возразила я:—нѣтъ! она выше, разумнѣе, чѣмъ кажется тебѣ, воспитанному на предрасудкахъ Ислама. Но станемъ въ данный моментъ на точку зрѣнія вашей религіи, которая учитъ, что даже мышленіемъ человека управляетъ Кесметъ. Не такъ ли? Вспомни, ты говорилъ и убѣжденно повторялъ вотъ эти слова: „могуществомъ предопредѣленія мы созданы одинъ для другого, и никакая сила на землѣ не разъединитъ насъ, а иначе судьба не привела бы тебя изъ далекаго, чуждаго края на мой жизненный путь“. Тафти, будемъ вѣрить ей—развѣ не ясно, какъ Божій день, что именно такова ея непреложная воля? Я не оставлю тебя даже подъ огнемъ пушекъ—уйдемъ туда вмѣстѣ, мой прелестный другъ! Все равно, здѣсь мы никогда не избавились бы отъ цѣпей фанатизма и надзора дипломатіи—увези меня отсюда или я умру!—страстной мольбой вырвалось изъ груди и проникло въ его сердце. Онъ вздрогнулъ, какъ будто побѣжденный внезапно хлынувшей на него волною:

— О, милая, свѣтлая звѣздочка, ты разбудила меня отъ кошмара!—уже не скрывая горячаго порыва, отозвался онъ, точно захваченный экстазомъ необъятной радости.—Я благословляю тебя, какъ даръ небесъ! Пусть волнуются дипломаты и бряцаютъ оружіемъ; но мы не разстанемся. Послѣ бури солнце ярче свѣтитъ, и если ты рѣшаешься довѣриться мнѣ, то я клянусь тебѣ всѣми священными завѣтами Ислама окружить твою жизнь такимъ обоженіемъ, какое не грезилось еще ни одной женщинѣ даже во снѣ...

Какъ опьяненная жаркимъ дыханіемъ весны и ароматомъ ея розъ, слушала я волшебную сказку, которую рассказывалъ онъ, и съ невольнымъ чувствомъ безграничнаго восхищенія любовалась его идеальной красотой: мнѣ казалось, что душа моя, покинувъ земную оболочку, парила въ облакахъ надъ цвѣтущимъ садомъ, гдѣ каждый лепестокъ и травка пѣли гимнъ нашей любви. Прошлое, настоя-

шее, люди, вещи, доводы разсудка—все это сразу отодвинулось передо мною куда-то въ туманную даль, словно для того, чтобы я видѣла только дивные, черные, какъ южная ночь, глаза, въ которыхъ горѣло пламя непреодолимой страсти.

Вдругъ на порогѣ дверей изъ коридора обрисовалась фигура секретаря: онъ вошелъ и мимикой напомнилъ своему другу о времени. А между тѣмъ на протяженіи не болѣе часа мы пережили вдвоемъ цѣлую эпоху за гранью внѣшняго міра.

Я хотѣла отойти въ сторону; но Тафти, не стѣсняясь присутствіемъ Вафиръ-бея, еще крѣпче обвился руками вокругъ моихъ плечъ и, даже не понижая голоса, сказалъ:

— Условимся такъ: въ четвергъ не позже двухъ часовъ приходи къ Фатимѣ: она пока у меня, я задержу окончательный разводъ съ нею еще на нѣсколько дней и, такимъ образомъ, раньше, чѣмъ уѣхать отсюда, мы будемъ встрѣчаться безъ всякаго риска для нашего дѣла. Но теперь, милая, дорогая, вернемся къ обществу, а если тетюшка спросить, то объясни ей, что была все время на хорахъ—она, конечно, повѣритъ...

— Несказанно счастливъ успокоить васъ, mademoiselle,—вмѣшался неожиданно Вафиръ-бей:—madame Darivo именно такъ и полагаетъ—я только что имѣлъ честь обмѣняться съ ней привѣтствіемъ.

— А! благодарю тебя, товарищъ!—отвѣтилъ ему Тафти и, наклоняясь опять къ моему лицу, продолжалъ; но въ тонѣ его вдругъ задрожала нота другого настроенія.—Объ одномъ убѣдительно прошу тебя: не танцуй тамъ ни съ кѣмъ, рѣшительно ни съ кѣмъ! Ваши танцы—самая безнравственная вещь на свѣтѣ: я не могу безъ содроганія ужаса представить себѣ, какъ другой мужчина обниметъ талію, которую сжимали мои руки. А если ты заставишь меня созерцать это возмутительное зрѣлище, то... берегись!..

Такъ говорилъ питомецъ гаремовъ, ослѣпленный ревностью и не знавшій ея предѣловъ.

Жуткая минута снова омрачила всѣ мои иллюзіи; я рѣшилась тогда въ послѣдній разъ прислушаться къ голосу, который нерѣдко спрашивалъ меня: „хватитъ ли у тебя настолько душевныхъ силъ, чтобы оторваться навсегда отъ привычныхъ условій жизни европейской расы? Какъ подойдешь ты къ психикѣ азіата и къ его идеаламъ—развѣ это не загадка?“... Но когда наши глаза встрѣтились, и я прочла нѣмой вопросъ въ огненныхъ зрачкахъ, то отвѣтила своему прекрасному другу:

— Тафти, мое счастье и божество, ничего подобнаго не будетъ: я уйду наверхъ къ Элиме и остаюсь тамъ до конца:—твоя воля—законъ для меня...

Такимъ образомъ, неотразимая логика любви оказалась убѣдительною протестующихъ доводовъ разума...

На хорахъ, забронированныхъ деревянными рѣшетками, царилъ полумракъ. Я не успѣла еще перешагнуть туда черезъ порогъ, какъ навстрѣчу мнѣ хлынулъ бурный потокъ шумныхъ восклицаній и со всѣхъ сторонъ меня принялись тормошить:

— А! золотая рыбка, въ какихъ моряхъ плавала и ныряла? Ну, да! знаемъ, знаемъ все! Почему не танцевали сегодня? А съ кѣмъ проводили часы блаженства?.. Да! да! и это намъ извѣстно!.. кричали вокругъ расшалившіяся плѣнницы гаремовъ.

— Однако,—думалось мнѣ въ тревогѣ за будущее,—даже каменные стѣны не охраняютъ секретовъ отъ проникающихъ глазокъ турецкихъ дамъ... А безтолковые, нелѣпые вопросы и комментаріи такъ и сыпались, какъ барабанная дробь на военномъ плацу.

— Кто шилъ вамъ платье? гдѣ покупали ленты? Когда же, наконецъ, вы обвиняетесь съ нашимъ адъютантомъ? Покажите вѣеръ! Говорятъ, что новый падишахъ терпѣть не можетъ русскихъ! Расскажите намъ что-нибудь смѣшное о вашихъ ученыхъ! Приходите завтра къ намъ въ баню! Правда ли, что хедивъ подарилъ вамъ какое-то волшебное кольцо?..

Послѣ ярко освѣщенныхъ комнатъ внизу я все еще продолжала не различать отдѣльныхъ фигуръ въ темнотѣ, наполнявшей хоры, какъ вдругъ чья-то рука сжала мою и увлекла меня въ сторону, а вкрадчивый голосъ тихо сказалъ:

— Вотъ здѣсь намъ будетъ удобно,—и мы притаились за выступомъ стѣны въ концѣ галлерей.

— Ягненочекъ мой *невинный*,—заговорила Элиме, симулируя искренній тонъ, что совершенно не отвѣчало ея природнымъ качествамъ, и украшая свою рѣчь колоритными добавленіями въ турецкомъ стилѣ:—объясните мнѣ, кто устроилъ вамъ свиданіе въ кабинетѣ отца, и почему вы не обратились за этимъ къ моему содѣйствію? Ну, бѣленькій цвѣточекъ, расскажите, о чемъ толковали вы съ беемъ?

Я слушала ее съ недобримъ чувствомъ, убѣжденная заранѣе, что она сдѣлаетъ все, лишь бы испортить мое радужное, торжествующее настроеніе; но внезапно мнѣ блеснула идея перехитрить турчанку:

— А-а!—протянула я съ дѣланымъ равнодушіемъ:—онъ здѣсь, на раутѣ? Да?.. Удивительно, какъ мы не встрѣтились тамъ?..

— Ну, возможно ли такъ безсовѣстно врать!—вспыхнула она, уже теряя послѣднюю силу, которая сдерживала порывы ея дикаго нрава:—а глаза почему у васъ красные? Отсюда не трудно узнать, что вамъ хорошо влетѣло за Египеть, и вы плакали.

— Нѣтъ, у меня насморкъ!—получила моя любознательная собесѣдница въ отвѣтъ.

— Странно и даже очень странно, разсердилась она, сверкнувъ зрачками, точно озлобленная кошка:—всѣ люди, какъ люди—только съ вами творится что-то неладное: обмороки, припадки и разныя необычайныя болѣзни! Впрочемъ, такъ оно и должно быть: вы родились на круглой землѣ, ходили по ней вверхъ ногами, а головой внизъ—слѣдовательно, у васъ тамъ рѣшительно все другое... Но, моя жемчужина,—съ быстротой хамелеона мѣняя свой обликъ, прибавила Элиме, какъ бы вдругъ осѣненная чудеснымъ даромъ пророчества: откройте мнѣ душу и сердце—развѣ я—не единственный вамъ другъ на свѣтѣ? и да совершится то, что назначено Аллахомъ по Его божественному опредѣленію...

— Увѣрю васъ, милая Элиме,—возразила я, не смущаясь:—намъ съ Тафти еще ни разу не приходилось видѣться наединѣ, да и зачѣмъ?..

— А! когда такъ, вотъ же вамъ!—и въ бѣшеномъ ожесточеніи она принялась щипать меня за бока—излюбленный приѣмъ дикой расправы у турецкихъ женщинъ. Я закричала не своимъ голосомъ, размахнулась; но ударъ не попалъ въ пѣль, а скользнулъ вдоль ея плеча.

— Не смѣй драться, гяурка!—шипѣла моя пріятельница.—Я отомщу! Я знаю чѣмъ и устрою все иначе, по-своему!..

— А я устрою еще лучше,—былъ мой отвѣтъ: Тафти обѣщала вамъ брилліантовые серьги и кольцо? Ну... вы ихъ не получите!..

Къ счастью, шумъ наверху и снизу, а также оркестръ заглушали наши голоса, благодаря чему скандалъ не пошелъ далѣе того мѣста, гдѣ мы скрывались.

Однако, угроза все-таки воздѣйствовала, и я увидѣла собственными глазами *перевослощеніе* фуріи въ кроткую овечку по способу Овидія Назона. Недаромъ и Шекспиръ сказалъ: „Драгоценныя, нѣмые камни въ своемъ молчаніи больше трогаютъ женскую душу, чѣмъ живыя слова“. А потому ничего нѣтъ удивительнаго, если, напримѣръ, гаремная нравственность также оказалась безсильной передъ неотразимымъ очарованіемъ ювелирной игрушки.

— Что съ вами, розовый бутончикъ? Ахъ, какая вы мнительная, и пошутить нельзя? Что-о? больно? развѣ?—съ неподрѣжаемой наивностью спрашивала турчанка:—да нѣтъ же, нѣтъ! я только хотѣла слегка прощупать вашу корсетъ, чтобы купить себѣ такой—мнѣ нравится его форма, а вы подняли цѣлую исторію! Не хорошо! не хорошо!—въ примирительномъ тонѣ закончила она, нѣжно прикасаясь губами къ моей щекѣ.

Было, надо сознаться, и очень глупо и смѣшно; но я вспомнила тутъ же, что якобы „худой миръ лучше доброй ссоры“, и отвѣтила ей также поцѣлуемъ, а затѣмъ рука объ руку мы направились съ ней къ нетерпѣливо ожидавшей нашего возвращенія компаніи турецкихъ дамъ.

Г л а в а XXVIII.

Да не посѣтуетъ на меня благосклонный читатель, если я опять задержу его въ области, населенной земными гуріями. Утонченная фантазія нашей литературы окружаетъ ихъ то прелестью волшебной сказки, то мрачной легендой, и мы читаемъ все это съ громаднымъ интересомъ, тогда какъ правда находится здѣсь почти всегда очень далеко отъ дѣйствительности. Понятно также безъ всякихъ комментаріевъ, что европейка, имѣвшая доступъ въ запретную часть магометанскаго жилища, невольно привлекаетъ къ себѣ любопытное вниманіе общества.

Для иллюстраціи сказаннаго предлагаю въ настоящей главѣ другую сценку, которая будетъ служить продолженіемъ описанной выше, и кстати надо еще объяснить, почему дѣйствіе моего разсказа я должна вести въ полумракѣ.

Рѣшеніе этого вопроса слѣдующее: въ ложахъ или въ галлеяхъ на хорахъ, гдѣ размѣщаются, какъ въ данномъ случаѣ, мусульманокъ, не полагается никакого освѣщенія для того, чтобы всюду якобы проникающее око гяура не могло бы различать даже силуэтовъ на фонѣ деревянныхъ рѣшетокъ, которыми всегда маскируютъ восточныхъ красавицъ въ публичныхъ собраніяхъ.

Такъ придумала ревность и таковы нравы. А вотъ и опять устремилась ко мнѣ шумная толпа затворницъ, словно я пришла къ нимъ вѣстникомъ чего-то новаго и очень интереснаго. Да оно, пожалуй, сравненіе это какъ нельзя лучше идетъ сюда: развѣ не заманчивой казалась идея перекинуть черезъ меня хотя бы одну ниточку по ту сторону барьера, гдѣ двигался живой калейдоскопъ, и куда обращались взоры плѣнницъ Ислама!

Тѣмъ временемъ глаза мои уже приспособились къ полутьмѣ, и я увидѣла картинку, своимъ необычнымъ видомъ поразившую меня: вѣроятно для того, чтобы окружить себя иллюзіями бала, турецкія щеголихи наперекоръ священнымъ традиціямъ и закону явились въ тотъ знаменательный вечеръ на хоры въ шикарномъ, но чрезвычайно рискованномъ декольте парижскаго фасона, предупреждая, такимъ образомъ, либеральныя реформы, обѣщанныя Мидхатъ-пашою.

А тамъ, внизу, мужьямъ и властелинамъ прекрасныхъ одалисокъ даже не снилось, что Конституція — хотя, правда, еще не подписанная къ данному моменту Абдуль-Хамидомъ — стала уже несомнѣннымъ фактомъ въ житейскомъ обиходѣ Полумѣсяца...

— Вотъ какія онѣ, турчанки! вотъ какой онъ, рай Магомета!— формулируя свои впечатлѣнія, сказали бы непременно иностранецъ, если бы волею капризнаго случая его перебросило бы туда, наверхъ: — развѣ небесныя гуріи одѣваются въ бальные туалеты съ открытыми лифами и носятъ французскіе каблукки? развѣ лучезарныя существа въ обители Пророка гримируются, какъ у насъ въ балаганахъ? Нѣтъ! здѣсь что-то не ладно, или Шехерезада обманула меня?..

И дѣйствительно, гаремныя франтихи въ погонѣ за европейскими образцами не выдержали стили на этотъ разъ. Но въ параллель чужеземному облику, мѣстный колоритъ оставался незатемненнымъ: фізіономіи, заштукатуренныя густыми слоями бѣлилъ и яркихъ румянъ, изображали собой картонныя маски; губы алѣли отъ кармина, а вѣки, обведенныя широкими полосками черной туши, несоразмѣрно увеличивали глаза, придавая имъ выраженіе хищныхъ птицъ.

Даже въ банѣ или на вечеринкахъ Рамазана не приходилось мнѣ наблюдать ихъ въ такомъ разрисованномъ видѣ—я не смогла преодолѣть себя и громко расхохоталась.

— Машалла! ¹⁾—вскрикнули озадаченныя гуріи:—что случилось? чему смѣетесь?.. Ну, золотые глазки, коралловый ротикъ ²⁾, расскажите намъ!..

— Удовольствіе сердца ³⁾, ягнечекъ!—шепнула мнѣ рыженькая Мануся, жена Вафиръ-бея:—кажется, у васъ болитъ что-то, вы плачете даже?

— Ахъ, нѣтъ! — говорила я, смахивая набѣгавшія слезы въ отчаянной борьбѣ съ приливомъ бѣшенаго хохота, потрясавшаго мои развинченныя нервы: — это у меня отъ радости за Николая Маркополи: благодаря турецкимъ дамамъ его дѣла идутъ прекрасно...

Однако, моя иронія не попала въ цѣль: едва лишь популярное въ гаремахъ имъ торговца косметиками было произнесено, какъ настроеніе умовъ вокругъ меня тотчасъ же измѣнилось:

¹⁾ Восклицаніе, по-нашему: „Господи“!

²⁾ Ласкательныя прозвища.

³⁾ Метафора.

— Какъ! Маркополи вашъ другъ?! Валлахъ! ¹⁾ дается же чело-
вѣку такъ много отъ судьбы! А вотъ почему не намъ, бѣднымъ
женщинамъ?!—возмущенныя несправедливымъ порядкомъ вещей на
бѣломъ свѣтѣ, жаловались мои собесѣдницы.

— Значить, „Кесметъ“ и больше ничего: кому что назначено,—
авторитетно подтвердила Харикля, сирійская арабка. Ея родители,
какъ и она, были православными; но по вѣсѣмъ привычкамъ жизни
онѣ стояли ближе къ мусульманамъ, чѣмъ къ христіанамъ.

— Наслажденіе очей, свѣтъ утренней зари ²⁾!—окликнула меня
Зера, любимая невольница коменданта цитадели: — будьте намъ
родной сестрой, попросите господина Маркополи, чтобы онъ дешевле
продавалъ бѣлила—вы сами должны понять, что вещь эта необхо-
дима въ хозяйскомъ обиходѣ, а у него за крошечную баночку
меньше кофейнаго фінджана берутъ 10 піастровъ! Развѣ можно
такъ обижать людей?!..

— А румяна, духи, помада, карандаши? Откуда намъ взять
столько денегъ?!—подхватили остальные.

— Утѣшеніе больныхъ и несчастныхъ, красавица наша! истин-
ную правду сказала ворожея, когда мы гадали о вашей судьбѣ, что
даже ясный мѣсяцъ въ небесахъ любитъ вами и говоритъ: никогда
не видалъ я такой прекрасной женщины на землѣ! — безъ всякаго
стѣсненія ввали хитрыя созданія. Но не суждено было мнѣ выдер-
жать роль до конца, и не по моимъ силамъ оказалось это послѣ
тяжелой драмы съ Тафти: нервная спазма перехватила дыханіе,
горячая волна подкатила къ сердцу, мелькнули, точно въ туманѣ,
фігуры одалисокъ, и я опрокинулась кому-то на руки въ принадлежъ
жестокой истерики.

Тревога поднялась великая: дикіе вопли: „Аллахъ! Аллахъ! злой
духъ пришелъ къ намъ!“—огласили своды зданія, и турчанки, какъ
стадо овецъ, гонимыхъ внезапно налетѣвшимъ циклономъ, разбѣга-
лись по галлерейамъ; но, рѣзкіе окрики евнуховъ, сторожившихъ
входы и выходы, заставляли ихъ оставаться на своихъ мѣстахъ за
рѣшетками.

Наконецъ, позвали снизу мою тетюшку; она успокоила меня, а
затѣмъ мы отправились домой.

Такимъ образомъ, воля Тафти была исполнена: въ тотъ вечеръ
я не танцовала ни съ кѣмъ...

¹⁾ Клянусь!

²⁾ Метафоры.

Г л а в а XXIX.

Въ концѣ сентября политическій горизонтъ уже туманился призракомъ кровавой борьбы Россіи съ Турціей, и въ нашу сторону безъ всякихъ прелюдій очень даже откровенно бряцали оружіемъ. А въ полосѣ военныхъ дѣйствій Черняевъ наступалъ и терпѣлъ одно пораженіе за другимъ.

Я не намѣрена увлекать за собой читателя въ область точной хронологіи турецко-сербской кампаніи по тѣмъ соображеніямъ, что все это уже давно извѣстно каждому, а буду держаться фактовъ, за правдивость которыхъ ручаюсь. Итакъ, надъ Босфоромъ собирались грозовыя тучи. Взоры народовъ съ глубочайшимъ вниманіемъ обращались къ сѣверу; но усилія европейскихъ державъ клонились лишь къ тому, чтобы не своими, понятно, а нашими собственными руками загребать жаръ изъ костровъ, пылавшихъ на Балканахъ: „ахъ, ты, мудреная, безтолковая птица, хотя у тебя и двойная башка, а вотъ прозѣвала Абдуль-Азиса!“ — таково было летучее словечко Мидхатъ-паши въ честь русскаго герба.

Конечно, дѣло не въ томъ, что мы оказались безсильны и не поддержали султана, лично къ намъ расположеннаго: ни Бисмарка и Гладстона, ни даже Виконсфильда или Эренталя у насъ, какъ гласитъ исторія, еще никогда и не было—слѣдовательно, произошло то, что находилось въ обычномъ порядкѣ вещей для самолюбія Россіи. Такимъ образомъ рѣшеніе этого вопроса лежитъ именно здѣсь, и Мидхатъ-паша, какъ нельзя точнѣе, опредѣлилъ хроническій дальтонизмъ нашей политики. Къ сожалѣнію, а приходится волей-неволей отмѣтить характерный фактъ изъ жизни русскаго представительства, чтобы нагляднѣе иллюстрировать мои доводы.

На зарѣ утра 30 мая передъ окнами лѣтняго дворца нашего посольства въ Буюкдере остановился турецкій фрегатъ и, бросивъ якорь, открылъ свои люки, чтобы показать намъ жерла громадныхъ пушекъ такъ же британскаго издѣлія, какъ и ножицы Адуль-Азиса.

Разбуженные дипломаты никакъ не могли объяснить себѣ этого зрѣлища, а картина была внушительная!.. Бросились къ телеграфу; но у входа стоялъ караулъ съ примкнутыми штыками... Тогда оказалось, что всѣ пути сообщеній между городомъ и окрестностью были закрыты по распоряженію изъ Высокой Порты.

Наконецъ, въ 10 часовъ дворцовый катеръ привезъ генералу Игнатьеву официальное увѣдомленіе о восшествіи на тронъ Полу-мѣсяца Мурада V.

Не анекдотъ ли разсказала я сейчасъ? О, нѣтъ! еще здравствуютъ, благодареніе Богу, очень многіе изъ тѣхъ, прославшихъ самый фатальный для нашей восточной политики моментъ, на протяженіи котораго Англія однимъ только взмахомъ пера („стального“, конечно, а не гусиного и собственной фабрикаціи) вычеркнула насъ изъ „книги судебъ“ турецкаго государства и вписала туда новую страницу...

Впрочемъ, оставимъ это, чтобы не нарушать порядка въ историческомъ ходѣ событій, и послѣдуемъ за Абдуль-Хамидомъ.

Въ массахъ народа о его существованіи даже не знали, а въ сферахъ, окружавшихъ Абдуль-Азиса, на него просто не обращали вниманія.

Наша дипломатія, по своимъ роднымъ традиціямъ, пребывая, какъ обыкновенно, въ области туманныхъ заблужденій, не учла также его шансовъ, а потому онъ и спуталъ ей карты, на которыхъ она гадала Юсуфъ-Иззедину...

— Что изображалъ собою этотъ новый повелитель оттомановъ? Какая держава увлечетъ его въ орбиту своего исключительнаго „вліянія“ и придетъ ли когда-нибудь часъ избавленія отъ европейскихъ кандаловъ?—вотъ что наполняло душевной тревогой непосвященныхъ въ босфорскія тайны.

И дѣйствительно, говоря откровенно, слишкомъ ужъ нахальное вмѣшательство Европы въ домашніе порядки турецкаго государства жестоко оскорбляло самолюбіе націи, разжигая въ ней фанатизмъ и пламенную ненависть къ христіанамъ.

Переворотъ 31 августа не былъ ни политическимъ эффектомъ, ни сюрпризомъ дипломатіи: его ожидали всѣ, и онъ являлся по логикѣ вещей только неизбѣжнымъ, какъ судьба. Не было также восторговъ и преувеличенныхъ надеждъ знаменательнаго дня 30 мая, а столичная пресса, отвѣчая настроенію Мидхатъ-паши, встрѣтила Абдуль-Хамида довольно кислой гримасой, за которой пряталось горькое разочарованіе, такъ какъ мечты о „диктатурѣ“ уже мѣняли вопросъ по существу дѣла.

Изъ Константинополя намъ привезли иллюстраціи съ фотографическими снимками новаго пади-шаха, и въ моей памяти воскресалъ живой обликъ принца Хамида, какимъ я видѣла его на церемоніи селямлика нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ: худощавая фигура въ черномъ стамбулинѣ безъ всякихъ украшеній или орденскихъ знаковъ, горѣвшихъ брильянтами на мундирахъ сановниковъ, матовая блѣдность лица, армянскій профиль матери—рабыни, купленной въ Эрзерумъ; нѣжный, задумчивый взглядъ; коротко подстриженная бородка и чуть замѣтно отвисшая нижняя челюсть.

Мнѣ указаль на него дядя и объяснилъ: „а тотъ, что рядомъ съ Авни-пашою—младшій братъ султана“.

Не знаю почему, но его болѣе чѣмъ скромная вмѣшность привлекла тогда къ себѣ мое особенное вниманіе. Онъ еще живъ, этотъ монархъ, но развѣнчанъ своимъ народомъ или, лучше сказать, предательствомъ друзей, обиравшихъ его достойніе, а міровая печать и сейчасъ толкуеть о немъ вкривь и вкосъ.

Характеристика Абдуль-Хамида, какъ государя Востока, будетъ грѣшить у меня, вѣроятно, нѣкоторой субъективностью въ опредѣленіи его дѣяній и, пожалуй, неточностью историческихъ данныхъ, такъ какъ я не всегда находилась въ центрѣ событій: мои воспоминанія по преимуществу касаются быта народностей Турецкаго Архипелага, жизнь котораго проходила въ сторонѣ отъ европейскаго материка, а границами для него были всегда Эгейскія синія волны. И вотъ однажды, минуя газетныхъ репортеровъ изъ канцеляріи Великобританскаго посольства, онѣ рассказали намъ удивительную исторію, мрачную, какъ адъ, и невѣроятную, какъ сказка.

Чтобы не казаться таинственной, приходится опять сказать нѣсколько словъ о нравственныхъ качествахъ турецкой прессы, руководимой иностранцами.

Дѣло въ томъ, что мнѣ и до настоящей минуты пока еще не извѣстно, записанъ ли фактъ, который я передамъ ниже, въ исторію, мемуары или вообще куда-нибудь? Даже за границей въ мірѣ печатнаго слова, находившагося за предѣлами цензуры Генри Эллиота, также его не отмѣтили нигдѣ. О турецкихъ газетахъ и говорить не стоитъ: имъ внушено было затемнить безъ всякихъ церемоній правду и людскую молву скверными анекдотами по нашему адресу—только и всего!

Несказанно поражала меня этика прессы: бывало, мои собственные глаза видѣли, на примѣръ, осязаемые предметы въ томъ или иномъ соотношеніи другъ къ другу, или еще, мои уши правильно воспринимали такіе-то звуки и рѣчи, а затѣмъ читаешь объ этомъ и не вѣришь себѣ: такъ все выходило наизнанку, такъ все извращалось до бреда! Впрочемъ, и теперь развѣ не наблюдается аналогичное явленіе?.. Но продолжаю.

Эгейскія волны дѣйствительно принесли къ намъ въ домъ очень интереснаго гостя, уже знакомаго читателю Н. Н. Макѣва, старшаго драгомана посольства. Изъ интимныхъ бесѣдъ его въ нашей семьѣ и узнала я ту страшную сказку или, вѣроятно, былъ, которую обѣщала рассказать.

Однако, раньше, чѣмъ судить Абдуль-Хамида, разберемся хотя отчасти въ инвентарѣ полученнаго имъ наслѣдства: финансо-

вое банкротство страны, война съ балканскими вассалами, ежедневныя вспышки мусульманскаго фанатизма, рѣзня въ Болгаріи, жалкое состояніе администраціи въ провинціяхъ, броженіе племенъ, подвластныхъ коронѣ султановъ, хищенія и взятки чиновниковъ, полнѣйшій разгромъ народнаго хозяйства—вотъ иллюстрація, но далеко еще не зарисованная, послѣднихъ годовъ царствованія Абдуль-Азиса!...

Майскій переворотъ окончательно устранилъ наше „вліяніе“ отъ престола имперіи пади-шаховъ; но если бы даже существовала физическая возможность передѣлать событіе иначе или вычеркнуть изъ него злодѣяніе 4 іюня, то истина обязываетъ сказать, что по отношенію къ турецкому народу сама государственная необходимость потребовала бы сверженія монарха, безумная расточительность котораго привела его къ гибели.

Такимъ образомъ, Абдуль-Хамидъ, еще тогда совершенно молодой человѣкъ, волею могущественнаго „предопредѣленія“ былъ поставленъ управлять большимъ государственнымъ кораблемъ съ развинченнымъ по всѣмъ швамъ механизмомъ. Онъ никому не могъ довѣриться, и ему было ясно, какъ день, что со всѣхъ сторонъ его окружали люди наживы и карьеры, только носившіе маску благородныхъ идей ради прекрасныхъ глазъ Европы.

Диктаторскія замашки Мидхатъ-паши раздражали его самолюбіе, оскорбляя въ немъ достоинство государя, еще не растерявшаго подобно Мураду своихъ душевныхъ силъ. Реформаторъ этотъ игралъ тогда хитроумную комедію на два фронта, и честолюбіе его не знало границъ: ему снилось уже президентское кресло въ „Турецкой республикѣ“, а Генри Эллиотъ пока еще требовалъ отъ него конституцію согласно девизу Англіи—насаждать ее вездѣ, отъ странъ экватора до высшей точки полюса сѣвернаго или южнаго, безразлично, куда она непременно заберется, чтобы открыть и тамъ парламентъ для обитателей царства вѣчнаго льда: моржей, тюленей и бѣлыхъ медвѣдей.

Такъ игралъ Мидхатъ-паша въ сторону Биконефильда, а на другомъ фронтѣ пламенные софты, эти войны пророка Магомета, съ дикими воплями и угрозами правительству носились ураганомъ по всѣмъ кварталамъ столицы. Такова общая картина медоваго мѣсяца Абдуль-Хамида II на тронѣ завоевателей древней Византіи.

Въ ночь на 12 октября за каменной оградой великолѣпной мечети Сулеймана происходило вавилонское столпотвореніе: на его обширныхъ дворахъ, украшенныхъ мраморной колоннадой, собрались тогда всѣ до одного школьникіи стамбульскіихъ медресе для разрѣшенія вопросовъ, касавшихся новаго калифа и властелина право-

вѣрныхъ. Правда, что бѣготня софтѣ по улицамъ Константинополя, ихъ шумныя выступленія на защиту Ислама отъ гяуровъ становились уже хроническимъ явленіемъ за послѣдніе годы печальной эпохи Абдуль-Азиса и затѣмъ его преемниковъ.

Но въ ту роковую ночь судьба обманула ихъ надежды: пока они спорили, кричали, волновались, требуя и обсуждая реформы, немолимый „Кесметъ“ въ образѣ дворцоваго агента докладывалъ султану программу собранія. Но *тайны*, какъ извѣстно, терпѣть не могутъ долго оставаться подъ замками, вслѣдствіе чего нашъ собесѣдникъ передалъ намъ буквально интимную бесѣду Абдуль-Хамида съ шейхомъ, нѣкто Сурей-эфенди, который пользовался его неограниченнымъ довѣріемъ:

— Мой вѣрный другъ; да благословить Аллахъ твою тѣнь!—обращаясь къ послѣднему, говорилъ султанъ:—не теряя драгоценныхъ минутъ, бери лучшаго скакуна изъ нашей конюшни и лети въ Топхане. Оттуда моимъ именемъ ты поведешь батальонъ солдатъ къ мечети Сулеймана; но запомни прежде всего, что шелковая петля обовѣется на утро вокругъ твоей шеи, если хотя одинъ мальчишка-софтѣ увидитъ разсвѣтъ наступающаго дня—такъ опредѣлено „Кесметомъ“, и воды Золотого Рога пусть узнаютъ о томъ еще до перваго луча солнца...

Затѣмъ, уже народная молва добавила къ этой, быть можетъ, и легендѣ слѣдующую подробность, а именно, что якобы одинъ европеецъ попалъ тогда волею случая въ районъ мечети: безумные вопли привлекли его къ стѣнамъ ограды, гдѣ онъ, незамѣченный никѣмъ, притаился между деревьями и видѣлъ собственными глазами, какъ перевозили къ берегу на фурахъ и арбахъ сотни убитыхъ и какъ бросали ихъ въ темныя струи Золотого Рога...

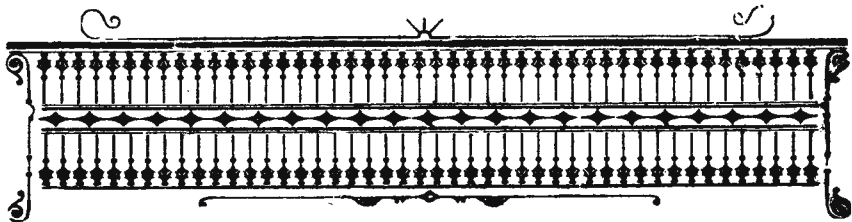
Не знаю, характеризуетъ ли мой разсказъ жестокаго султана, котораго Гладстонъ называлъ „великимъ убійцей“; но въ моей памяти и до настоящихъ дней рисуется образъ молодого человѣка съ нѣжной, привѣтливой улыбкой и задумчивымъ взглядомъ—ну, развѣ не удивительная аномалія здѣсь?!..

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дневникъ академика В. П. Безобразова.

1887 ¹⁾.

Благослови Боже новый годъ! Встрѣтилъ я его грустно. Затрудненій въ моихъ дѣлахъ много. Уповаю на Господа, что все устроится. Всего менѣе рассчитываю на мои силы безъ помощи Божьей.

4 января. Опять та же исторія съ моими записками, что и всегда. Было много интереснаго эти дни, но тутъ же по случаю суматохи не было времени записывать.

Встрѣтили новый годъ всѣ родные у Мордвинова. 1-го января былъ на выходѣ въ Зимнемъ дворцѣ. Завтракалъ потомъ у В. К. Павла Александровича. На выходѣ и до сихъ поръ le lion du jour Вышнеградскій, назначенный 1 января министромъ финансовъ.

У Государя была большая борьба эти дни. Онъ долго колебался! И есть изъ-за чего! Знамя нынѣшняго царствованія была честность: всякое нечестное прикосновеніе къ денежнымъ дѣламъ хотѣли считать непростительнымъ порокомъ. И вотъ назначаютъ гешефтмахера на самый важный постъ. В. былъ очень любезенъ со мной 1 января и вообще очень скроменъ. Я его поздравилъ съ выборомъ Тернера товарищемъ М. Ф. Я сказалъ (не ему), что Т. лампада передъ образомъ, которая постоянно горѣла у государственнаго преступника Гартмана передъ тѣмъ, какъ онъ подложилъ мину подъ повѣздъ!

Нѣтъ человѣка, который бы не былъ возмущенъ назначеніемъ В.,

¹⁾ См. „Русская Старина“, январь 1912 г.

а это высказывается такъ громко. Еще болѣе возмущены назначеніемъ Бунге председателемъ комитета министровъ. Последнее доказывается, что нѣтъ никого, и таково положеніе около Государя.

Всѣ въ уныніи, всѣхъ страшно поражаетъ ходъ дѣлъ.

Вчера вечеромъ я много и задушевно говорилъ съ Сольскимъ. Я пораженъ, какъ мрачно онъ смотритъ на вещи. Онъ говоритъ, что впалъ въ полный скептицизмъ и апатію, и удивляется, что я еще одушевленъ надеждами на будущее! Государственные люди, ни во что не вѣрующіе! Хуже этого ничего не можетъ быть! За чѣмъ же они остаются на своихъ мѣстахъ?

Вчера по обычаю (день рожденія) завтракали В. К. Сергій и Павелъ, Константинъ и Дмитрій К. Было не весело, можетъ быть, такъ мнѣ казалось, потому что я былъ въ очень мрачномъ настроеніи.

Сегодня было у меня много гостей; удивляюсь, что ко мнѣ такъ много ѣздятъ quand je suis si negligé en hauts lieux, т. е. въ смыслѣ неупотребленія меня для государственныхъ должностей. Хотя мнѣ показываютъ дружбу Великіе Князья, Г. положительно ко мнѣ нерасположенъ и только меня терпитъ.

6 января. Обѣдалъ у В. К. Александры Іосифовны. Всѣ эти дни Г. очень веселъ и доволенъ, потому что покончилъ съ назначеніями, и что улаживаются болгарскія дѣла.

15 января. Вчерашній экономическій обѣдъ былъ одинъ изъ блестящихъ и интереснѣйшихъ. Былъ и В., Грейгъ (предсѣд.) предложилъ тостъ за него и Тернера. В. былъ очень любезенъ. Явившись на обѣдъ по моему настоянію, онъ еще разъ показалъ, что умный человѣкъ. Какъ Министръ Финансовъ онъ будетъ все-таки умнѣ Бунге.

17 января. Третьяго дня былъ большой балъ въ Зимнемъ дворцѣ; послѣ бала оставался у В. К. Павла А. въ маленькой комнатѣ и очень утомился.

Кромѣ множества личныхъ и домашнихъ затрудненій меня очень заботятъ дѣла Академіи Наукъ. При моей нейтральности между партіями гр. Толстой и Веселовскій возлагаютъ на меня роль посредника, которая для меня тяжка. Дѣло идетъ теперь о выборѣ въ академики Дубровина. Въ моей перепискѣ по этому предмету найдется не мало курьезнаго.

18 января. Сегодня у меня было не мало. Посѣтилъ Раевъ. Онъ назначенъ членомъ совѣта М. Ф. Тутъ моя незначительная заслуга.

24 января. 20 января было плачевное засѣданіе I отд. Академіи Наукъ. Съ величайшими затрудненіями я устроилъ compromise съ оппонентами противъ выбора Дубровина; общалъ имъ то, что они

желали (выборъ Куника въ ординарные и проф. Васильевскаго въ адъюнкты). Акад. Васильевъ, увлеченный Р—вымъ въ свою интригу противъ Веселовскаго, общалъ мнѣ это. И вотъ онъ, и другіе не пришли въ засѣданіе и сдѣлали выборы невозможными, вслѣдствіе малочисленности.

Было очень тяжело и не вижу конца раздорамъ. Это чисто личные партіи Веселовскаго и его враговъ. Хотятъ только насолить другъ другу, а дѣло отъ этого терпитъ. В. несомнѣнно виноватъ своими прежними дѣйствіями, возбудивъ противъ себя столько вражды. Но теперь виноваты его противники, которые, чтобъ ему досадить, портятъ дѣло. Партія въ Академіи чисто личные: когда говорятъ нѣмцы и русскіе, это чистый вздоръ. Положеніе Академіи вообще крайне печальное. Все маленькіе умы, находящіе для себя жизнь въ мелкихъ дрязгахъ. Р. злой человѣкъ и крайне безпокойный характеръ.

21 января, завтракалъ у В. К. С. А. Были очень сердечные разговоры съ нимъ.

Въ этотъ день спустилъ тяжелое для меня дѣло: просилъ мин. юстиціи объ арендѣ. Манасеинъ общалъ содѣйствовать, былъ соггест, учтивъ, по Kurz u. bündig. „Я не судья надъ сенаторами, а передаточное мѣсто, обязанъ о всѣхъ ихъ заявленіяхъ писать мин. госуд. имущ. и т. д.“. Никакихъ, кажется, больше разговоровъ со мной не желаетъ, никакого обближенія.

Вчера общалъ въ Конногвард. полку съ В. К. Д. К. Люблю я этотъ полкъ съ молодости, самый благородный. Отличный духъ—аристократическій въ лучшемъ смыслѣ (безъ всякой придворности, чванства).

28 января. 24 января провелъ съ Олей вечеръ до 9 ч. у измайловскаго офицера Мерказина. В. К. Конст. Конст. игралъ на фортеціано, и Лешетиккая пѣла; было очень пріятно. Общалъ въ этотъ день у Стояновскихъ. Отличные они люди. Ст. съ замѣчательной стойкостью стоитъ за основныя начала реформы Александра II противъ нынѣшней реакціи. Онъ рассказывалъ любопытныя вещи для характеристики времени. Были соедин. Деп-ты Госуд. Совѣта подъ его предсѣдательствомъ для разслѣдованія проекта министра юстиціи объ ограниченіи гласности въ судахъ (чему многіе либеральные люди сочувствуютъ, а также я,—судъ у насъ превратился въ театральное представленіе). Но кромѣ законодательныхъ нормъ для закрытія дверей предполагалась въ проектѣ дискреціонная власть мин. юстиціи *предписывать* судамъ закрытіе дверей *безъ мотивовъ*. Это противно основнымъ началамъ судебныхъ уставовъ. Манасеинъ готовъ былъ уступить возражавшимъ противъ

этого, но его интимидироваль Побѣдоносцевъ, тутъ бывшій. Оказывается, что М. не имѣть характера. Да и кто же, кто рѣшается выступить подъ протекціей шайки N., можетъ имѣть характеръ? Въ общемъ собраніи Г. С. большинство (30) противъ упомянутого проекта. Меньшинство предложило по инициативѣ Стоянова и гр. Палена, чтобъ вопросъ о закрытіи дверей безъ законныхъ основаній былъ всякій разъ представленъ на обсужденіе Сената—соедин. присут. I Д-та и Касс. д-овъ. Теперь всѣ старые люди либеральнѣе молодыхъ; таково нынѣшнее время. Неизвѣстно съ чѣмъ согласится Г. и тутъ будетъ проба, стоитъ ли онъ лично за обуревающую его гадкую реакцію?

Вчера былъ у Островскаго и просилъ объ арендѣ. Былъ очень любезенъ и общалъ.

Былъ у гр. Толстого и много говорилъ о дѣлахъ Академіи. Онъ ужасно раздраженъ по праву противъ смутчиковъ, выступающихъ подъ главенствомъ Р.

31 января. Третьяго дня былъ концертный балъ, Государя не видѣлъ, Великіе Князья были любезны. Вчера много говорилъ съ Велію. Онъ рассказывалъ много интереснаго о времени своего начальства въ III отд., между прочимъ, что я былъ очень дурно тамъ записанъ. Думаю, что онъ преувеличиваетъ для пущей своей важности. Никогда никакихъ дѣлъ за мной не было, но меня всегда считали либеральнымъ человѣкомъ—независимымъ, и это всегда вредило моей чиновничьей карьерѣ.

Въ этомъ я всегда былъ убѣжденъ, и слова Велію лишь подтверждаютъ мое мнѣніе. Курьезно то, что В. теперь, какъ недовольный, либеральнѣе меня—Велію? Вотъ такъ всегда у насъ при отсутствіи убѣжденій. В. теперь кричитъ противъ реакціи, прославляетъ реформы Александра II (его отношенія къ реформамъ были реакціонерными) и предсказываетъ преувеличенно бѣдствія для Россіи отъ реакціи. И все это потому, что его не дѣлаютъ членомъ Госуд. Совѣта. А за что не дѣлаютъ? И чѣмъ онъ себя компрометироваль?

При его начальствѣ III отд. была катастрофа 1-го марта. Онъ оказался вполнѣ несостоятельнымъ, не обративъ вниманіе на Кобозевыхъ. И вотъ подобные люди у насъ либералы! Провалившіеся инквизиторы!

2 февраля. Вчера у меня утромъ, какъ теперь все время по воскресеньямъ, было много народа. Всего болѣе говорятъ о многочисленныхъ политическихъ арестахъ въ учебныхъ заведеніяхъ, преимущественно военныхъ.

Я спрашивалъ Оржевскаго (начальника Д-та полиціи и жандармовъ). Онъ говоритъ, что практически тутъ нѣтъ ничего серьезнаго (ни заговоровъ, ни покушеній и т. д.), но теоретически, т. е. для будущаго это очень важно. Вездѣ въ школахъ пропаганда (собираются на квартирахъ, говорятъ противъ правительства и проч.), и начальство учебныхъ заведеній ничего этого не знало и узнало только отъ полиціи. Я не знаю направленія всѣхъ этихъ движеній, но спрашивается, лучше ли индифферентизмъ молодежи, или умственное движеніе, хотя бы и болѣзненное? Все это молодежь старшаго возраста.

3 февраля. Много эмоцій столпилось для меня эти дни и сегодня.

Сегодня послѣ многихъ тревогъ и усилій съ моей стороны выбранъ Дубровинъ въ адъюнкты III Отд. Академіи. Гр. Толстой, котораго я тотчасъ извѣстилъ, очень доволенъ и шлетъ мнѣ это письмо ¹⁾:

Выборгъ, 6 февраля. Приѣхалъ сюда вчера, какъ дѣлаю это всегда, чтобъ отдохнуть послѣ всѣхъ тревоженій и напряженій послѣднихъ дней. Чудно чувствую себя здѣсь въ одиночествѣ въ чтеніи (Штейна) и въ моихъ мысляхъ.

7 февраля. Чувствую себя очень хорошо. Уединеніе для меня иногда необходимо. Запишу клевету, которая была на-дняхъ распространена на мой счетъ въ II. по случаю академической исторіи: будто бы я хлопоталъ о выборѣ Д., только чтобъ подслужиться гр. Т. (эта клевета, конечно, исходитъ изъ Академіи); этимъ хотять бросить на меня все одиозное въ глазахъ столь многочисленнаго общества, враждебнаго политикѣ Т. (которой я всего меньше сочувствую)! Клевета идетъ еще дальше, и меня обвиняютъ въ томъ, что я прислуживаюсь Т., чтобъ получить чрезъ него аренду (въ какой степени это вѣрно, можно видѣть уже изъ вышеописаннаго).

Все это ни мало меня не огорчаетъ, ибо совѣсть у меня чиста. Это не общественное мнѣніе, на которое всякій порядочный человѣкъ обязанъ обращать вниманіе, а клевета, пущенная изъ-за злобы людей, которымъ я помѣшалъ имѣть успѣхъ въ ихъ академической интригѣ. Я работалъ единственно ради мира въ Академіи и въ пользу единственнаго кандидата на кресло, которое бы оставалось къ вреду Академіи празднымъ (какъ было до Калачева) вслѣдствіе

¹⁾ Весьма признателенъ Вамъ, многоуважаемый Владиміръ Павловичъ, за добрую вѣсть и за то горячее участіе, которое вы принимаете въ борьбѣ, обезпечивая его успѣхъ.

Искренне преданный

Г. Толстой.

3 февраля 1887 г.

борьбы двухъ партій. Я независимъ отъ нихъ обѣихъ, какъ и независимъ отъ Толстого. Я открыто порицаю его реакціонерную политику въ государствѣ и до сихъ поръ солидаренъ съ нимъ только въ Академіи, гдѣ его дѣйствія направлены къ общему благу, безпристрастны и либеральны,

9 февраля. Поздно вечеромъ вернулся въ П.

17 февраля. Первый разъ показался вчера въ свѣтѣ, завтракъ у В. К. Сергѣя А. Утомленіе ли отъ бѣшеной недѣли (folle journée накануне въ Царскомъ Селѣ), или другая причина, но и онъ, и Великіе Князья показались мнѣ пасмурными.

19 февраля. Былъ сегодня у больного В. К. Павла А., оттуда прошель съ принцемъ П. А. Ольденбургскимъ въ Мраморный дворецъ.

23 февраля. Вчера было очень много утромъ, много молодыхъ экономистовъ. Всего болѣе говорили о Катковѣ и, конечно, противъ него. Его сила возмущаетъ всѣхъ порядочныхъ людей.

Вчера вечеромъ былъ у Субботина подъ названіемъ „Экономическій вечерокъ“. Говорять уже бывали эти вечерки—меня позвали въ 1-й разъ. Этотъ Субботинъ теперь редакторъ „Экономиста“—прозябающаго изданія, началъ свою карьеру подъ моимъ покровительствомъ. Я долженъ былъ поручиться въ мин. ф., что онъ не нигилистъ. Личность странная: вышелъ своимъ трудомъ изъ низкаго положенія. Умный, очень образованный (хотя и въ русскомъ духѣ), самородокъ (хотя и кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ). Я знаю его давно и все-таки не могу разобрать, что это за человѣкъ. На всѣхъ производитъ впечатлѣніе темнаго и двусмысленнаго, хотя всѣ отзывы о немъ хороши и ничего не извѣстно о немъ дурного. Что-то въ немъ колеблющееся между нигилистомъ и карьеристомъ, очень честнымъ человѣкомъ и плутомъ. Не разберешь!

Меня поразило, какъ много у него народа, преимущественно молодого (вольномыслящаго). Но были и старые высокопоставленные. И все это собираетъ человѣкъ очень низкаго положенія.

На меня пахнуло чѣмъ-то старымъ, давно неиспытаннымъ. Это сборище (сходка, напоминающая конецъ 50-хъ и начало 60-хъ годовъ). Все недовольное существующимъ порядкомъ: число ихъ возрастаетъ. Потребность высказываться не казеннымъ образомъ объясняется, что люди такъ легко собираются у перваго встрѣчнаго въ самой невзрачной, убогой обстановкѣ (столбы дыма, темнота и проч.).

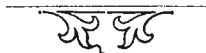
26 февраля. Говорять, что Г. былъ доволенъ прошлогодней рѣчью Алексѣева (город. головы) въ Москвѣ на выходѣ объ ожиданіи всей Россіи, что крестъ будетъ водруженъ на Софіи. Г. сказалъ-де, что и онъ со всей Россіей этого желаетъ.

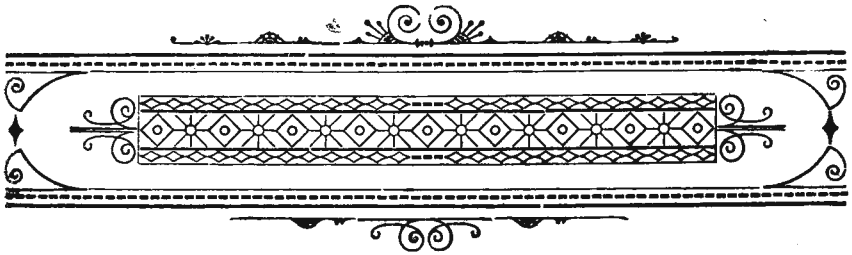
Вчера былъ экономическій обѣдъ—многолюдный; обсуждали табачную монополію, которая теперь проектируется. За болѣзнію Грейга предсѣдательствовалъ Е. И. Ламанскій. Ничего особеннаго не было.

28 февраля. Сегодня было общее собраніе Сената. Проявилось особенно характеристическимъ и рѣзкимъ образомъ общее положеніе вещей, всегда заявляющее себя въ Сенатѣ. Министры, генералъ-губернаторы (особенно), губернаторы хотятъ своевольничать, дѣйствовать въ своихъ административныхъ распоряженіяхъ не только помимо, но даже прямо противъ закона. Сенатъ обуздываетъ эту беззаконность. Общій духъ Сената, по крайней мѣрѣ большинства и всѣхъ лучшихъ людей таковъ. Но есть многіе, которые хотятъ угождать министрамъ и въ особенности гр. Толстому. А по министерству внутр. дѣлъ всего болѣе самовольныхъ распоряженій. Я всегда по совѣсти былъ среди большинства—невозможно было не быть, но большинство вслѣдствіе подлости иныхъ оказалось слабымъ—не было нужныхъ $\frac{2}{3}$ голосовъ, и дѣла перейдутъ на рѣшеніе Госуд. Совѣта, гдѣ, во-первыхъ, духа законности, самостоятельности меньше, чѣмъ въ Сенатѣ и, во-вторыхъ, рѣшаетъ дѣла окончательно одинъ. Сен. Арцимовичъ держитъ себя великолѣпно: онъ олицетворяетъ собой духъ законности въ Государствѣ, достоинства Сената. Люди, которымъ противенъ этотъ духъ, обвиняютъ его въ попятствѣ, въ національной враждѣ противъ Россіи. Это неправда, клевета обычная противъ людей, которые неудобны. Если бы онъ былъ въ душѣ полякъ, т. е. врагъ Россіи,—то онъ не заботился бы столько о достоинствѣ Россіи, охраняя законъ противъ произвола. Роняютъ это достоинство и враги Россіи—тѣ, которые защищаютъ самоволіе администраціи въ духѣ „нонѣшняго“ времени, желая сдѣлать карьеру (изъ личныхъ интересовъ).

Сообщ. М. В. Безобразова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Великій Князь Николай Михайловичъ.

Императоръ Александръ I.

Опытъ историческаго изслѣдованія ¹⁾).

III.

Борьба съ Наполеономъ 1812—1815.

Въ главѣ, посвященной великой борьбѣ Александра I съ Наполеономъ, мы не находимъ подробнаго описанія хода военныхъ дѣйствій и всѣхъ перипетій, ознаменовавшихъ собою достопамятные 1812—1815 годы; авторъ изслѣдованія задался главнымъ образомъ цѣлью изобразить душевное состояніе, которое привело Александра къ рѣшимости начать войну съ бывшимъ союзникомъ и выяснить, насколько Императоръ имѣлъ вліяніе на самый способъ веденія войны и на ходъ военныхъ событій.

„Александръ Павловичъ настойчиво заявлялъ всѣмъ и каждому, что онъ ни за что первый не откроетъ враждебныхъ дѣйствій противъ Наполеона; эта настойчивость объясняется вполне созрѣвшимъ у него въ головѣ планомъ борьбы, приготовленія къ которой начались уже съ 1810 г.

„Послѣ заключенія союзнаго договора со Швеціей Александръ сблизился съ шведскимъ наслѣднымъ принцемъ Бернадоттомъ, и между ними завязалась оживленная переписка. Именно Бернадоттъ первый указалъ русскому Государю на способъ веденія войны съ Наполеономъ—избѣгать сраженій и стараться втягивать полчища

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1912 г.

врага все болѣе въ глубь страны“. Того же мнѣнія держался нѣмецъ Фуль, перешедшій на русскую службу въ 1806 г.

„Эта идея нашла поддержку въ средѣ многихъ изъ нашихъ генераловъ, въ особенности въ осторожномъ Барклаѣ“.

Авторъ особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что послѣ Тильзита въ характерѣ Императора Александра произошелъ первый замѣтный переломъ, и съ тѣхъ поръ его поступки и рѣшенія стали болѣе обдуманнѣе; переломъ этотъ, „замѣтный для насъ“, прибавляетъ авторъ, „былъ скрытъ отъ большинства его современниковъ и скрытъ нарочно, обдуманно, съ замѣчательной послѣдовательностью и настойчивостью“.

„Обращаемъ вниманіе на удивительное письмо Государя изъ Эрфурта, отъ 25 августа 1808 г., къ его матушкѣ, Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Вотъ тѣ мѣста этого письма, которыя заслуживаютъ быть отмѣченными:

„...Моментъ, выбранный для свиданія, именно таковъ, что налагаетъ на меня обязанность не избѣгать его. *Наши интересы* послѣдняго времени *заставили* насъ заключить тѣсный союзъ съ Франціей; мы *сдѣлаемъ* все, чтобы доказать ей искренность и благородство нашего образа дѣйствій...

„...Мы спокойно увидимъ его паденіе, если на то воля Провидѣнія, и болѣе чѣмъ правдоподобно, что государства Европы, уставъ отъ бѣдствій, которымъ они подвергались такое долгое время, и не подумаютъ начинать борьбы съ Россіей изъ мести за то только, что она была союзницей Наполеона въ то время, когда каждое изъ нихъ стремилось къ тому же... Если Провидѣніе опредѣлило паденіе этого колоссальнаго государства, сомнѣваюсь въ томъ, чтобы оно могло быть внезапнымъ, но даже, если это произойдетъ вдругъ, было бы благоразумнѣе *подождать* этого паденія и тогда только принять мѣры. Таково мое мнѣніе...

„Въ моемъ политическомъ поведеніи я могу только слѣдовать указаніямъ *моей совѣсти*, моему *главному убѣжденію*, моему желанію, которое меня никогда не покидаетъ,—быть полезнымъ отечеству“.

„Слѣдовательно, еще осенью 1808 года Александръ совершенно ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ предпринятыхъ имъ дѣйствіяхъ. Нужно было еще разъ укрѣпить, хоть наружно, союзныя отношенія съ Наполеономъ, усыпить его, а самому только готовиться и наблюдать, когда настанетъ та желанная минута, что союзникъ его окажется зрѣлымъ для крушенія своего могущества и славы.

„Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что Государь велъ строго обдуманную линію; интересъ, проявленный въ Тильзитѣ къ

личности Наполеона, давно остылъ, тутъ исчезло „любопытство“ видѣть и говорить съ Бонапартомъ, а явилось опредѣленное желаніе обойти и сломать мощь непрошеннаго союзника, и онъ сталъ постепенно готовиться къ борьбѣ съ нимъ“.

Въ то время какъ Императоръ Александръ Павловичъ былъ твердо увѣренъ въ неизбежности войны и постепенно готовился къ ней, общественное мнѣніе Россіи критиковало дѣятельность Государя и правительства. Союзъ съ Наполеономъ „никогда не былъ популяренъ; вторичная поѣздка въ Эрфуртъ еще болѣе подверглась нареканіямъ, а когда послѣ 1809 года обнаружилась первая недоразумѣнія между союзными императорами, то критика еще усилилась. Упрекали за мнимое легкомысліе не одного Александра Павловича, но и его ближайшихъ сотрудниковъ“, обвиняли ихъ въ измѣнѣ, въ желаніи болѣе соблюдать интересы Франціи, чѣмъ Россіи.

„1809 годъ далъ блестящія доказательства политики Александра; открылъ глаза Австріи на истинныя намѣренія русскаго Императора и разочаровалъ во многомъ Наполеона, не ждавшаго такой двойной игры. Это разочарованіе шло послѣдовательно отъ Шенбрунскаго мирнаго договора до отказа отъ руки русскаго Великой Княжны, и только тогда Наполеонъ созналъ свои ошибки и круто перемѣнилъ тактику. Но было уже поздно“.

Готовясь къ войнѣ и стараясь обезпечить себѣ содѣйствіе союзниковъ, Александръ Павловичъ дѣлалъ въ то же время видъ, „что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго желанія затѣвать ее“, и этимъ долго вводилъ въ обманъ французскаго посла.

6/18 мая Наполеонъ отправилъ своего адъютанта Нарбонна къ Александру, чтобы еще разъ склонить его къ миру. „Я никогда первый не подниму меча“, повторилъ посланному Императоръ, „и буду ждать васъ на моей границѣ“; указавъ на лежащую на столѣ карту, Государь сказалъ Нарбонну:

„Если Наполеонъ будетъ воевать, и счастье ему улыбнется вопреки справедливому цѣлямъ, преслѣдуемымъ русскими, ему придется подписывать мирныя условія у Берингова пролива“. Эти слова показываютъ, что въ умѣ Александра уже былъ намѣченъ выполненный впоследствии планъ—завести непріятеля въ глубь страны.

Узнавъ, что императоръ французовъ перешелъ Нѣманъ, Александръ послалъ ему письмо съ г.-ад. Балашовымъ, въ которомъ писалъ, что ежели Наполеонъ согласится увести свои силы съ русской территоріи, то онъ будетъ считать какъ будто ничего этого не было. Въ противномъ случаѣ, „я клянусь честью не вести болѣе мирныхъ переговоровъ до тѣхъ поръ, пока Россія будетъ окончательно очищена отъ присутствія непріятеля“.

„Въ устахъ Александра первая часть письма звучала фальшиво, такъ какъ онъ отлично зналъ и понималъ, что Наполеону поздно было перемѣнять рѣшеніе; что же касается второй части,— она дышала достоинствомъ и величіемъ“.

8 (20) апрѣля Государь выѣхалъ въ Вильну съ многочисленной свитой.

„Онъ былъ окруженъ самой пестрой толпой ненавистниковъ Наполеона.. Тутъ были Румянцевъ, Кочубей, Аракчеевъ, Балашовъ, Шишковъ, Армфельдъ; затѣмъ копошились обиженные Бонапартомъ нѣмцы, какъ Штейнъ и Фуль, съ другими нѣмцами, носившими русскіе мундиры, какъ Беннигсенъ, Дибичъ и Толь; потомъ всякіе англичане, шведы, италіанцы, приверженцы разныхъ павшихъ Бурбоновъ, въ родѣ Вильсона, Паулуччи, Милло и Сень-При. Всѣ горѣли нетерпѣніемъ, при помощи *русскихъ* штыковъ, сразить владычество тирана, сына великой революціи, давали совѣты, вмѣшивались во все и только тормозили работу. Истинно русскіе воины скорбѣли и негодовали, чему служить нагляднымъ доказательствомъ переписка Багратіона, Ермолова, Д. Давыдова, Раевского и другихъ“.

Проѣхавъ изъ Вильны въ укрѣпленный лагерь у Дриссы, Государь, внявъ совѣту нѣкоторыхъ лицъ, рѣшился покинуть армию и направиться въ Москву.

„Недѣльное пребываніе Государя въ Первопрестольной столицѣ оставило глубокое впечатлѣніе не только на жителей Москвы, но и на самомъ Государѣ, только тогда сознавшемъ всю мощь русскаго народа, на которую онъ часто возлагалъ надежды, но которой не всегда вѣрилъ. Отнынѣ восторженное настроеніе Александра шло, повышаясь съ каждымъ днемъ; послѣдовало что-то въ родѣ божественнаго откровенія, и душа его всецѣло отдалась Провидѣнію, завѣты котораго ему открылись, и сердце повелителя Россіи, его умъ, его помышленія стали какъ бы даромъ небесъ; то, что прежде было покрыто мракомъ, теперь прояснилось, благодаря благословенію Всевышняго. По крайней мѣрѣ, Александръ Павловичъ именно такъ объяснялъ себѣ это настроеніе и впоследствии неоднократно говорилъ и писалъ о душевномъ переворотѣ, происшедшемъ съ нимъ въ Москвѣ лѣтомъ 1812 года. Вотъ когда явились первые зачатки мистицизма и тѣхъ чувствъ, которыя привели къ идеѣ Священнаго союза. Мы особенно настаиваемъ на этомъ выводѣ, такъ какъ онъ намъ кажется правильнымъ и логичнымъ“.

Багратіонъ не одобрялъ отступленія: „хорошо ретироваться 100 верстъ, а не 500!“, писалъ онъ Аракчееву.

„Я Васъ попрошу непремѣнно наступать на непріятеля, а то

худо будетъ и отъ непріятеля, и, можетъ быть, и дома; шутить не должно, и русскіе не должны бѣжать. Это хуже пруссаковъ мы стали...

„Пожалѣйте Государя и Россію!.. наступайте, ради Бога, войска ободрятся; уже нѣсколько приказовъ дали, чтобы драться, а мы бѣжимъ!“

„Больно, грустно“, писалъ онъ по поводу оставленія непріятелю Смоленска, и вся армія въ отчаяніи. Самое важное напрасно бросили... клянусь вамъ моею честью, что Наполеонъ былъ въ такомъ *тѣшкѣ*, какъ никогда, и онъ бы могъ потерять половину арміи, но не взять Смоленска... это стыдно, и пятно для арміи нашей... Такимъ образомъ воевать не можно, и можемъ непріятеля привести скоро въ Москву...

„Слухи носятъ, что вы думаете о мирѣ. Чтобы помириться, Боже сохрани, на сіе все же пожертвовали и послѣ такихъ сумасбродныхъ отступленій сдаться?! Вы поставите всю Россію противъ себя и всякій изъ насъ за стыдъ поставитъ мундиръ носить“.

„Итакъ, я пишу вамъ правду, готовьтесь ополченіемъ, ибо министръ самымъ мастерскимъ образомъ ведетъ въ столицу за собою гостя“... „Скажите, ради Бога, что намъ Россія, наша мать, скажетъ, что такъ страшимся, и за что такое доброе и усердное отечество отдается сволочамъ и вселяетъ въ cadaго подданнаго ненависть и посрамленіе?. Чего трусить и кого бояться?.. Охъ, грустно, больно, никогда мы такъ обижены и огорчены не были, какъ теперь... Я лучше пойду солдатомъ въ сумѣ воевать, нежели быть главнокомандующимъ и съ Барклаемъ“.

Сердечный вопль, вырвавшійся у Багратіона въ этихъ строкахъ, говоритъ краснорѣчиво о враждѣ, существовавшей между военачальниками. „Нелады между Барклаемъ и Багратіономъ дошли до высшихъ предѣловъ и дѣйствовали особенно пагубно на духъ нашихъ войскъ“. Пора была положить этому конецъ, передавъ командованіе въ другія руки.

Былъ назначенъ Кутузовъ. Это назначеніе „столь давно желанное и необходимое для сосредоточенія управленія войсками въ однѣхъ рукахъ“, „было большою заслугой Александра“, такъ какъ онъ „не любилъ Михаила Илларионовича, не забывъ ему Аустерлица, и мало уважалъ его какъ человѣка; тѣмъ не менѣе онъ сумѣлъ побороть нехорошія чувства, и въ этомъ заключается его главная заслуга“.

Послѣ взятія Москвы „чаша раздраженія русскаго Императора дошла до высшаго предѣла. Полковнику Мишо приказано было передать Кутузову и войскамъ, что борьба будетъ продолжаться съ новымъ ожесточеніемъ и безъ всякаго милосердія, пока хоть одинъ

французъ останется на русской землѣ. Тому же Мишо была сказана известная фраза: „Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать; я научился понимать его, онъ болѣе не обманетъ меня“.

„Письмо Бонапарта, что не онъ виноватъ въ сожженіи Москвы, осталось безъ отвѣта, а Бернадотту Александръ, между прочимъ, сообщивъ о паденіи Первопрестольной столицы и о письмѣ Наполеона, прибавилъ, говоря о письмѣ: „qu'elle ne contenait d'ailleurs que des fanfaronnades“.

Подъ вліяніемъ тревожныхъ и горестныхъ событій 1812 года отношеніе Императора Александра къ Наполеону совершенно измѣнилось; „истинной дружбы“ (amitié), какъ замѣчаетъ авторъ изслѣдованія, „между ними конечно никогда не было и быть не могло“, но все же Государь несомнѣнно находился одно время подъ обаяніемъ его гениальной личности; 1812 годъ нужно отмѣтить, какъ расцвѣтъ душевныхъ силъ Александра Павловича, когда онъ многое передумалъ и уяснилъ себѣ и вмѣсто колеблющагося, нерѣшительнаго, полнаго сомнѣній юноши явился сознательнымъ и твердымъ исполнителемъ строго продуманнаго имъ плана борьбы съ непріателемъ, вступившимъ въ предѣлы Россіи.

„Система, принятая Государемъ и княземъ Кутузовымъ, не отвѣчать болѣе на предложенія Наполеона и избѣгать излишнихъ столкновеній въ полѣ, дала вскорѣ благіе результаты“.

„6 (18) октября началось отступленіе великой арміи, и 9 (21) уже всѣ французы покинули Москву. Ихъ бѣдствія не замедлили проявиться. Скоро настали холода, зима обѣщала быть особенно суровой, пошли морозы, дороги испортились, русскія войска тревожили непріятеля со всѣхъ сторонъ, при чемъ болѣе остальныхъ отличались донскіе казаки и партизанскіе отряды“.

Тѣснимый отовсюду, Наполеонъ приближался къ берегамъ Березины съ окончательно разстроенной арміей или, лучше сказать, съ остатками недавно еще блестящаго полчища... Голодъ, болѣзни и морозы докончили непобѣдимыя войска, и въ концѣ ноября Россія очистилась отъ непрошенныхъ гостей.

„Если такой блестящій результатъ отнести къ славѣ русскаго оружія и генію русскаго народа, равно какъ и къ суровому климату Россіи, то главнымъ руководителемъ и организаторомъ состоявшагося погрома былъ Императоръ Александръ I, и эту крупную заслугу помнила Россія и всегда вспомнить съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія Благословеннаго Монарха“.

„Тридцатипятилѣтній Государь оправдалъ надежды своихъ подданныхъ, и это время было лучшимъ изъ всѣхъ годовъ его царствованія“.

Послѣ разгрома непріятельской арміи и удаленія ея изъ предѣловъ Россіи, въ душѣ Императора Александра зародилось новое желаніе, а именно: „окончательно сокрушить владычество Бонапарта, и при помощи не только русскаго, но и чужеземнаго оружія, покончить съ нимъ навсегда. Отнынѣ всѣ стремленія Александра были обращены къ намѣченной цѣли и были такими же упорными до конца освободительныхъ войнъ“.

Указавъ на то, что нѣкоторые изъ русскихъ, особенно старики Кутузовъ, Ростопчинъ и Шишковъ, не одобряли Государя за то, что, послѣ изгнанія непріятеля изъ Россіи, онъ рѣшилъ продолжать борьбу съ цѣлью освободить Европу, авторъ присовокупляетъ: „намъ кажется, что они были правы, и съ точки зрѣнія интересовъ Россіи казалось выгоднѣе не вмѣшиваться въ дѣла Европы. Будущее показало весьма скоро, что такое мнѣніе имѣло свои основанія, и что Россія послѣдующія войны привнесла мало пользы, а скорѣе даже вредъ“, но онѣ дали, по крайней мѣрѣ вначалѣ, Государю большое нравственное удовольствованіе, льстили его тщеславію, окружили ореоломъ славы и дали ему возможность проявить свое великодушіе.

Прежде всего оно было проявлено Государемъ по отношенію къ Польшѣ. Послѣ неудачи, постигшей Наполеона, Польша очутилась по отношенію къ Россіи въ крайне щекотливомъ положеніи; „какъ только въ Польшѣ увидѣли, что дѣло Наполеона проиграно, что всѣ надежды опять рухнули, уныніе смѣнило восторги, мечь Россіи казалась естественной и невѣроятное волненіе овладѣвало всей страной“.

Князь Адамъ Чарторыжскій, находившійся въ это время въ Варшавѣ, начиная съ іюня 1812 года, не переставалъ писать Государю, „взывая къ чувствамъ великодушія къ его несчастной родинѣ—Польшѣ“, но не получалъ отвѣтовъ; только черезъ полгода, 13 января 1813 г. Александръ Павловичъ отвѣтилъ ему „замѣчательнымъ письмомъ, въ которомъ между прочимъ писалъ: „Мишеніе—чувство мнѣ незнакомое, самое отрадное для меня (та plus douce jouissance) платить за зло добромъ. Моимъ генераламъ отданы строжайшія приказанія дѣйствовать сообразно съ этимъ и относиться къ полякамъ, какъ къ друзьямъ и братьямъ.“

„Скажу вамъ вполнѣ откровенно: для осуществленія моихъ излюбленныхъ идей относительно Польши, мнѣ придется, невзирая на мое настоящее блестящее положеніе, преодолѣть нѣкоторыя трудности. *Во-первыхъ, общественное мнѣніе въ Россіи;* поведеніе у насъ польскаго войска, разграбленіе Смоленска, Москвы, разграбленіе всей страны воскресило старую ненависть! *Во-вторыхъ, если*

мои намѣренія относительно Польши станутъ извѣстны въ данный моментъ, *то это всецѣло броситъ Австрію и Пруссію въ объятія Франціи*, а этого весьма важно избѣгать, тѣмъ болѣе, что эти державы выказываютъ мнѣ уже наилучшее расположеніе“. Затѣмъ идетъ убѣдительное напомианіе: „*Не забудьте, что Литва, Подолія и Волынь считаютъ себя доннынъ русскими областями*, и что никакой логикой въ мірѣ нельзя убѣдить Россію помириться съ тѣмъ, чтобы онѣ очутились подъ главенствомъ иного государя, кромѣ монарха правящаго Россіей“.

„Слѣдовательно, польскій вопросъ былъ отложенъ, чтобы не тревожить Берлинскій и Вѣноскій кабинеты, но въ сущности онъ былъ уже предрѣшенъ, такъ какъ Александръ считалъ герцогство Варшавское собственностью Россіи, приобрѣтенною мечемъ и кровью“.

28 декабря 1812 года главныя силы направились къ Нѣману.

„Съ этого момента началось вполнѣ ненужное для русскихъ интересовъ освобожденіе Германіи отъ ига Наполеона“.

Въ февралѣ 1813 года наши войска уже дошли до береговъ Одера; главная квартира находилась въ Калишѣ, куда пріѣхалъ и князь Адамъ Чарторыжскій, „чтобы лично подчеркнуть свою преданность Александрѣ и возобновить его любовныя чувства къ Польшѣ“.

Надежды на это, если судить по донесеніямъ австрійскаго посланника Лебцельтерна, было мало. Въ бесѣдѣ съ нимъ по поводу пріѣзда въ Калишъ князя Адама Чарторыжскаго, Императоръ Александръ высказался такъ:

— „Будьте покойны, ничто не заставитъ меня измѣнить ни моихъ взглядовъ, ни моего образа дѣйствій“.

— „Увидавъ князя Адама, я подумалъ, Ваше Величество,—сказалъ Лебцельтернъ,—что онъ пріѣхалъ съ цѣлью говорить съ В. В. о герцогствѣ“.

— „Я еще не говорилъ съ нимъ обстоятельно. Онъ говоритъ, что поляки успокоились и разочаровались въ императорѣ Наполеонѣ, что они хотѣли бы, чтобы это положеніе вещей прекратилось, но это ничего не означаетъ“.

— „Я полагаю, В. В., что Наполеонъ имъ надоѣлъ, но поляки вѣчно въ горячкѣ, и если у нихъ завтра появится хоть малѣйшая надежда, они примутся снова за старое“.

— „Я ихъ знаю, возразилъ Императоръ.—у нихъ въ головѣ постоянно ходитъ вѣтеръ, съ этимъ ничего не подѣлаешь. Я поэтому нарочно не поѣхалъ въ Варшаву“.

Какъ видимъ изъ этихъ словъ, у Императора и относительно поляковъ составилъ совершенно опредѣленный взглядъ.

Переговоры, происходившіе въ Калишѣ о составленіи коалиціи державъ для дальнѣйшей борьбы съ Наполеономъ, затянулись. Особенно много и долго колебался нерѣшительный Фридрихъ-Вильгельмъ, и Императору Александру пришлось лично и письменно увѣщевать его и увѣрять въ чистосердечіи своихъ намѣреній относительно Пруссіи; прусскій король предъявлялъ самыя невѣроятныя и неосуществимыя требованія, какъ, напримѣръ, о желаніи Пруссіи получить цѣликомъ все герцогство Варшавское. „На такого рода требованіе прусскій уполномоченный получилъ рѣзкій отказъ изъ устъ самого Императора Александра, сказавшаго ему, что если желаютъ прибрѣтений, то пусть лучше отнимутъ что-либо у Саксоніи, показавшей излишнюю преданность Наполеону“.

Наконецъ, 16 февраля въ Калишѣ былъ подписанъ союзный договоръ.

Въ подписанныхъ условіяхъ, скрѣпленныхъ подписями князя Кутузова и Гарденберга, обращаютъ вниманіе слѣдующія строки:

„Ведя свои побѣдоносныя войска за предѣлы Россіи, первое побужденіе Е. В. Императора всея Россіи было приобщить къ славному дѣлу, которому Провидѣніе такъ явно покровительствовало, своихъ давнихъ и самыхъ любезныхъ союзниковъ, дабы осуществить съ ними судьбы, отъ коихъ зависитъ спокойствіе и счастье народовъ, изнуренныхъ столькими потрясеніями и жертвами. Настанетъ время, когда договоры будутъ не временными, когда ихъ снова можно будетъ соблюдать съ той благочестивой вѣрой, съ той святой ненарушимостью, отъ коихъ зависятъ почетъ, мощь и цѣлость державъ“.

„Тутъ впервые мы встрѣчаемъ такое опредѣленное воззваніе къ Провидѣнію и Божьему Промыслу въ официальномъ документѣ, но съ этихъ поръ такого рода порядокъ сталъ прибрѣтать право гражданства и былъ основаніемъ новыхъ политическихъ вѣяній, сложившихся въ умѣ Александра I и затмившихъ у него вскорѣ чувства къ собственной его родинѣ—къ Россіи, съ которой онъ только-что успѣлъ сродниться въ годину Отечественной войны“.

Авторъ особенно подчеркиваетъ то обстоятельство, что, когда, послѣ кровопролитнаго сраженія подъ Люценомъ, которое было проиграно имъ, Наполеонъ намѣревался послать Коленкура къ Императору Александру и вступить съ нимъ въ переговоры помимо Австріи, то Александръ „не пожелалъ видѣть посланнаго, Коленкуръ не былъ допущенъ, и ему было передано, что Александръ не желаетъ вести какихъ-либо разговоровъ отдѣльно отъ Австріи. Другими словами, восторжествовала опять идея коалиціи, но не прямыя интересы Россіи“.

Въ теченіе іюня и іюля 1813 г., когда велись нескончаемые споры и переговоры между уполномоченными союзниковъ сперва въ Рейзенбахѣ, а потомъ въ Прагѣ, Государь много работалъ, находя время входить во всѣ мелочи политики и военныхъ комбинацій и ведя обширную переписку съ матерью, супругою, сестрой Екатериной и княземъ А. Н. Голицынымъ. Но, несмотря на всѣ старанія, многое ускользало отъ вниманія Александра, и часто тщеславіе затемняло лучшіе порывы сердца и ума. Къ этому прибавилось еще душевное настроеніе, увлекавшее Государя все больше и больше на пути угадыванія завѣтовъ Провидѣнія и приведшее скоро къ непонятному мистицизму. Изъ переписки съ Великой Княгиней Екатериной Павловной видно, что это настроеніе постоянно росло“.

Особенно наглядно оно рисуется въ письмахъ Государя къ князю А. Н. Голицыну. 16 марта, изъ Калиша, Государь писалъ ему:

„Вы видѣли изъ моего письма, писаннаго послѣ причастія, что мои мысли обратились къ Вамъ и что я испыталъ искреннюю потребность выразить вамъ то душевное волненіе, съ какимъ я совершилъ этотъ разъ сію священную обязанность. Письмо Ваше отъ того же числа доставило мнѣ живѣйшее удовольствіе. Мѣсто, написанное Вами для меня, весьма тронуло меня; я скажу вамъ, что со времени отъѣзда изъ Петербурга не проходитъ дня, чтобы я не читалъ священнаго писанія. Чтеніе это все болѣе и болѣе захватываетъ меня“.

17 апрѣля, послѣ вѣзда въ Дрезденъ на Св. Пасху, Александръ писалъ тому же князю Голицыну:

„Въ субботу, 12-го послѣ обѣдни, слѣдовательно, послѣ *Воскресни Боже*, мы вступили въ Дрезденъ, а въ полночь мы прошѣли на берегахъ Эльбы *Христосъ Воскресе!* Трудно передать вамъ волненіе, охватившее меня при воспоминаніи обо всемъ пропшедшемъ за этотъ годъ и о томъ, куда насъ вело Божественное Провидѣніе!“...

„Вотъ живые слѣды того возвышеннаго настроенія, въ которомъ пребывалъ человекъ, стоявшій во главѣ коалиціи для освобожденія Европы отъ ига того, кого Государь часто называлъ „*ce diable d'homme...*“

„Вѣра въ Провидѣніе и въ Божій Промыселъ все больше росла и укрѣплялась въ душѣ Александра Павловича“.

„Передъ вступленіемъ во Францію, Александръ вспомнилъ своего бывшаго наставника Лагарпа и излилъ въ письмѣ къ нему то, что происходило въ его душѣ“.

„Позвольте сказать вамъ, писалъ Государь, что, совершая дѣло, указанное Провидѣніемъ, та настойчивость и энергія, которыя

я имѣлъ случай выказать послѣдніе два года, были полезны для дѣла независимости Европы, то я этимъ обязанъ вамъ и вашимъ наставленіямъ. Память о васъ въ трудныя минуты была всегда жива во мнѣ, и желаніе быть достойнымъ вашихъ заботъ и заслужить ваше уваженіе поддерживало меня. Съ береговъ Москвы-рѣки мы пришли на берега Рейна, который мы перейдемъ на-дняхъ. Такъ близко отъ васъ, я утѣшаю себя отрадной мыслию, что я смогу обнять васъ и подтвердить вамъ изустно признательность, которую я буду питать къ вамъ до гроба. Это будетъ однимъ изъ счастливейшихъ дней моей жизни“.

Передъ тѣмъ, какъ вступить въ предѣлы Франціи, передъ союзными монархами всталъ вопросъ о томъ, кого поставить во главѣ новаго правительства во Франціи. Вокругъ этого вопроса поднялся цѣлый вихрь интригъ. Мысль объ учрежденіи регентства Маріи-Луизы, за которую ухватился Наполеонъ и которой, разумѣется, сочувствовала Австрія, не встрѣтила сочувствія Императора Александра, но онъ ничего не предрѣшалъ. Союзники подозрѣвали русскаго Императора въ симпатіяхъ къ Бернадотту.

„Несмотря на доводы различныхъ историковъ, доказывающихъ серьезность этихъ симпатій со стороны Александра, мы склонны думать, говоритъ авторъ изслѣдованія, что врядъ ли у Государя былъ какой-либо созрѣвшій взглядъ, кого именно возвести на французскій престолъ“; что касается Бурбоновъ—онъ имъ рѣшительно не симпатизировалъ.

Конгрессъ въ Шатильонѣ, на которомъ обсуждался вопросъ о замѣстителѣ Наполеона, ознаменовался всевозможными интригами: „то былъ раздѣлъ добычи между коршунами, пока жертва еще пребывала въ предсмертныхъ судорогахъ. Не даромъ повторялась на всѣ лады фраза Талейрана, что „это начало конца“, а Меттернихъ всѣмъ и каждому говорилъ, что не стоитъ жертвовать Наполеономъ, чтобы въ угоду Императору Александру замѣнить его Бернадоттомъ“.

Императоръ Александръ не поддавался такого рода интригамъ, желая предоставить выборъ главы правительства самимъ французамъ.

Прибывшій на конгрессъ англичанинъ Касльри доносилъ своему правительству:

„По моему мнѣнію, въ настоящее время намъ всего опаснѣе рыцарское настроеніе Императора Александра. Въ отношеніи къ Парижу его личные взгляды не сходятся ни съ политическими, ни съ военными соображеніями. Русскій Императоръ, кажется, только ищетъ случая вступить во главѣ своей блестящей арміи въ Парижъ, по всей вѣроятности, для того, чтобы противопоставить свое великодушіе опустошенію собственной его столицы“.

„Князь А. Н. Голицынъ сказывалъ, что во время послѣднихъ совѣщаній передъ занятіемъ Парижа Александръ Павловичъ ему говорилъ о тѣхъ чувствахъ, которыя имъ овладѣли въ эту минуту.

„Въ глубинѣ моего сердца затаилось какое-то смутное и неясное чувство ожиданія, говорилъ Императоръ, какое-то непреборимое желаніе передать это дѣло въ полную волю Божию. Совѣтъ продолжалъ заниматься, а я на время оставилъ засѣданіе и поспѣшилъ въ собственную комнату; тамъ колѣни мои подогнулись сами собою, и я излилъ передъ Господомъ все мое сердце“. Послѣ этого Александръ вернулся въ засѣданіе и объявилъ о намѣреніи идти немедленно на Парижъ!

19 марта совершился знаменательный вѣздъ въ столицу Франціи.

„Фигура освободителя Европы привлекла вниманіе парижанъ, и восторги смѣнялись оваціями толпы, взоры которой обращались къ привлекательному образу русскаго Государя. Александръ сіялъ на своемъ сѣромъ конѣ (когда-то подаренномъ ему Наполеономъ), въ ореолѣ блеска и славы.

„Выраженіе его лица и особенно глазъ показывало то настроеніе, въ коемъ онъ пребывалъ, озаренный лучами Божественнаго Провидѣнія и завершенія его завѣтной мечты“.

Онъ былъ, дѣйствительно, великолѣпнень и по простотѣ формы одежды, въ виць-мундирѣ кавалергардскаго полка, и по той величавой осанкѣ, которая ему была всегда присуща“.

Когда домогательства Наполеона относительно учрежденія регентства были окончательно отвергнуты, и Талейраномъ, при содѣйствіи сената, была ловко инсценирована комедія возвращенія во Францію Бурбоновъ, въ лицѣ Людовика XVIII, на что Александръ Павловичъ далъ свое согласіе, несмотря на свою глубокую антипатію къ нимъ“, онъ „потребовалъ посланныхъ Наполеона къ себѣ и объявилъ имъ, что „павшій владыка Франціи остается его другомъ въ несчастіи, что ему будетъ предоставленъ островъ Эльба, какъ мѣсто жительства, и что Наполеонъ можетъ разчитывать на слово русскаго Императора“.

Былъ ли доволенъ первыми результатами отреченія Наполеона владыка земли русской? Намъ кажется, говоритъ авторъ изслѣдованія, что его волновали самыя разнообразныя чувства.

„Не вѣрится, чтобы послѣ удовлетвореннаго самолюбія и паденія соперника у Александра оставалось еще чувство злобы къ Наполеону. Какъ то часто бываетъ вообще съ людьми, послѣ нравственнаго успѣха, а особенно послѣ гибели противника, является что-то въ родѣ сожалѣнія или состраданія къ судьбѣ побѣжденнаго. Такое

чувство долженъ былъ испытывать Александръ, а къ этому примѣшалось великодушіе побѣдителя.

„Кромѣ того, русскій Государь только-что исполнилъ обрядъ христіанина и говѣлъ на страстной недѣлѣ великаго поста.

„Слѣдовательно, большинство разговоровъ происходило именно во время говѣнія. Князь А. Н. Голицынъ свидѣтельствуетъ, что настроеніе Александра въ ту пору было самое возвышенное.

„Александръ Павловичъ ему передавалъ при первой ихъ встрѣчѣ послѣ Парижа, что „...я и здѣсь повторяю то же, что, если кого Милующій Промыселъ начнетъ миловать, тогда бываетъ безмѣренъ въ Божественной своей изобрѣтательности. И вотъ, въ самомъ началѣ моего говѣнія добровольное отреченіе Наполеона, какъ будто нарочно, посѣлило въ радостномъ для меня благовѣстіи, чтобы совершенно уже успокоить меня и доставить мнѣ всѣ средства начать и продолжать мое хожденіе въ церковь“.

„Начало говѣнія, т. е. 23 марта (4 апрѣля), понедѣльникъ Страстной недѣли, совпало со днемъ измѣны Мармона и съ отреченіемъ Наполеона.

Встрѣча Александра Павловича съ королемъ Людовикомъ XVIII произвела на него „отталкивающее впечатлѣніе“, и послѣ этого онъ „старался показать еще большее вниманіе всѣмъ тѣмъ, кто былъ связанъ семейными узами съ павшимъ императоромъ“.

„Несмотря на всѣ протесты многихъ изъ союзниковъ онъ настоялъ, чтобы островъ Эльба былъ предоставленъ во владѣніе Наполеона, и командировалъ своего генераль-адъютанта графа П. А. Шувалова, чтобы сопровождать его при проѣздѣ черезъ Францію“.

Изъ Парижа, послѣ кратковременнаго посѣщенія Англіи, Императоръ возвратился въ Петербургъ со смутнымъ чувствомъ какого-то „недовольства собой и окружающими“. Въ немъ начался „періодъ броженія и внутренней борьбы“.

Лучшимъ свидѣтельствомъ настроенія Императора въ это время служить показаніе князя А. Н. Голицына.

Вотъ что онъ говоритъ: „Наконецъ, Государь возвратился къ намъ въ Петербургъ. Я уже давно леглъ въ мысляхъ своихъ къ нему навстрѣчу; чаянія и ожиданія мои были велики. Я не ошибся въ нихъ!

... Онъ весь былъ проникнутъ смиреніемъ и сомоотверженіемъ; въ пылу неумолкающихъ плесковъ народныхъ, онъ все воздавалъ Господу силъ и Ему только одному усвоивалъ побѣду. Любовность его, столь ему всегда свойственная, взяла характеръ какого-то типичнаго равнодушія, изъ глубины, однако жъ, котораго выказывалась *воля энергичная, воля всепоборающая...*“

Таково было душевное состояніе того, передъ кѣмъ все преклонялось въ ту пору, какъ передъ освободителемъ Европы.

При заключеніи мирнаго договора въ Парижѣ, не было ни слова сказано о судьбѣ Польши, между тѣмъ этотъ вопросъ болѣе всего занималъ Государя.

Еще въ Парижѣ, князь Адамъ Чарторыжскій, прибывшій туда въ свитѣ Императора, всячески старался поддержать въ Императорѣ прежнія чувства къ Польшѣ и, видя благосклонное отношеніе Александра къ Костюшкѣ и къ представителямъ польскихъ войски, которыя были обласканы Государемъ, онъ вѣрилъ, что Александръ не измѣнилъ своего взгляда на польскій вопросъ.

И дѣйствительно, „когда Е. В. отправился на Вѣнскій конгрессъ, то рѣшилъ заѣхать на пути въ имѣніе князей Чарторыжскихъ— Пулавы, чтобы этимъ показать незабываемое расположеніе свое къ полякамъ, несмотря на ихъ враждебную роль въ минувшую Отечественную войну“.

На Вѣнскомъ конгрессѣ вопросъ о судьбѣ Польши повлекъ къ нескончаемымъ преніямъ. „Самое трудное было Александру столкнуться съ своимъ союзникомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, несмотря на всѣ взаимныя любовныя изліянія, выразившіяся въ ихъ перепискѣ и личныхъ разговорахъ. Вождѣлнія Пруссіи не ограничивались только желаніемъ приобрѣсти Саксонію, но и часть польскихъ земель на Вислѣ“.

„Неоднократно переговоры принимали такой острый характеръ, что можно было опасаться разрыва и прекращенія преній, но неожиданная высадка Наполеона на югѣ Франціи, 23 февраля (7 марта) 1810г. повліяла благотворно, и соглашеніе все-таки было достигнуто. Въ главныхъ чертахъ, то, чего такъ настойчиво добивался русскій Государь, было достигнуто: Россія навсегда присоединила герцогство Варшавское“.

„Идея Александра Павловича возсоздать подъ своимъ скипетромъ польское королевство, съ особой конституціей, не встрѣчала никакого сочувствія не только въ средѣ русскихъ людей, но даже и чужеземцевъ“. „Знаменательно и то, что графъ Нессельроде, а также В. С. Ланской изъ Варшавы, умоляли Государя не создавать этой роковой ошибки“.

„Александръ остался глухъ ко всѣмъ увѣщаніямъ и шелъ къ намѣченной цѣли твердо и опредѣленно. Въ этомъ вопросѣ у него проявилось какое-то рыцарское чувство къ другу дѣтства и юности, князю Чарторыжскому, и вообще къ полякамъ, которымъ онъ не переставалъ вѣрить; онъ надѣялся на полное ихъ сліяніе съ русскими при умѣломъ и самостоятельномъ управленіи Польшей“.

„Нѣсколько дней, проведенныхъ въ лонѣ семьи Чарторыжскихъ, наканунѣ конгресса, были не только актомъ вѣжливости, но, очевидно, имѣли и политическій характеръ. Это прекрасно поняли наши сосѣди, австрійцы и пруссаки, и приготовились къ ходамъ борьбы относительно судьбы Польши въ Вѣнѣ“.

Относительно Польши Императоръ преслѣдовалъ двѣ цѣли:

1) Соединить всю Польшу, до раздѣловъ ея, въ однѣхъ рукахъ, подъ державной властью Россіи. Этого достигнуть не удалось.

2) Чтобы вездѣ поляки могли свободно пользоваться своими гражданскими правами. И это пожеланіе не получило въ дѣйствительности полнаго примѣненія и осталось скорѣе несбыточной мечтой.

„У Государя сложился зрѣлый планъ образа дѣйствій въ новомъ королевствѣ, планъ, основанный на ложныхъ утопіяхъ. Императоръ продолжалъ смотрѣть глазами либерализма и на Финляндію и на Польшу; то, что не было ему угодно вводить въ Россіи, казалось естественнымъ испытать на ближайшихъ окраинахъ“. „Несмотря на совершившійся вскорѣ послѣ Вѣнскаго конгресса переломъ въ характерѣ Александра, онъ продолжалъ относиться съ уваженіемъ къ конституціоннымъ началамъ, введеннымъ въ Финляндіи и Польшѣ, и даже, когда въ послѣднія времена жизни реакція свирѣпствовала на Руси, обѣихъ окраинъ не трогали и почти не стѣсняли. Государь произносилъ неоднократно рѣчи въ Варшавѣ при открытіяхъ сейма, подготовлялъ и обдумывалъ заблаговременно эти рѣчи и, видимо, симпатизировалъ такому порядку. Эта подготовка его вовсе не утомляла, а, напротивъ того, развлекала, и онъ со вниманіемъ относился ко всему, что касалось Польши и Финляндіи.“

„Такой складъ ума, очевидно, смущалъ современниковъ, затруднялъ работу его сотрудниковъ, но приходилось всемъ примѣняться къ характеру Государя. Все всегда принимая открыто на свою отвѣтственность въ дѣлахъ польскихъ и финляндскихъ и предоставляя исключительно себѣ инициативу дѣйствій, когда вопросъ касался русскихъ дѣлъ, наоборотъ, Государь какъ бы старался прикрыть себя другими лицами“.

На Вѣнскомъ конгрессѣ работами русскихъ уполномоченныхъ руководилъ самъ Государь, который „находилъ время, при безконечныхъ празднествахъ, бесѣдовать равно и со своими сотрудниками, и съ иностранцами ... и надо отдать должное работоспособности Монарха, постоянно отвлекаемаго отъ занятій то родственниками, какъ русскими (въ Вѣнѣ находились: Императрица Елисавета, Цесаревичъ Константинъ, Великія Княгини Марія и Екатерина Павловны), такъ и иностранцами, то устраиваемыми развлечениями.“

„Послѣ высадки Наполеона на югѣ Франціи и торжественнаго шествія его до Парижа, Вѣнскій конгрессъ самъ собой распался, страхъ передъ Бонапартомъ затмилъ всѣ прочія чувства и прекратилъ недоразумѣнія и распри. Надо было прежде всего сокрушить окончательно общаго врага. Упреки многихъ, съ княземъ Меттернихомъ во главѣ, посыпались на Императора Александра, считая его виновникомъ возможности бѣгства Наполеона съ острова Эльбы, такъ какъ это мѣсто жительства было избрано только благодаря великодушію Александра Павловича, но обстоятельства сложились такъ, что было не до упрековъ, а надобна была заручка, что Россія снова станетъ во главѣ коалиціи“. Былъ снова возобновленъ договоръ между Россіей, Пруссіей, Австріей и Англіей.

Наполеоновская драма „закончилась на поляхъ Ватерло побѣдой арміи Веллингтона и Блюхера. Снова всѣ иностранцы поспѣшили въ Парижъ рѣшать дальнѣйшую судьбу Наполеона и Франціи.

„Императоръ Александръ, покинувъ Вѣну, прибылъ 23 мая въ Гейльброннъ, гдѣ рѣшилъ дожидаться прибытія русскихъ войскъ. Здѣсь произошло знаменитое свиданіе съ баронессой Крюденеръ, послѣ котораго въ характерѣ Александра Павловича сталъ замѣтенъ новый переломъ“.

„Князь Голицынъ, передавая въ своихъ разсказахъ объ этой встрѣчѣ, говоритъ:

„Многія причины располагали Государя съ нетерпѣливымъ удовольствіемъ встрѣтить Крюденершу. Съ одной стороны, собственное настроеніе сердца царева къ ощущеніямъ религіознымъ и твердое самопреданіе въ волю Божию; съ другой—увидѣть женщину, носившую, такъ сказать, въ себѣ живое слово Божіе, проходящую по юнымъ и невѣжественнымъ поколѣніямъ Европы какъ бы съ званіемъ какого-то апостола, увидѣть такую женщину, которую и предупреждала и сопровождала молва народная; наконецъ, знать, что сія женщина есть и русская подданная,—все это, можетъ быть, заставило Государя нетерпѣливо пожелать свиданія съ Крюденершею“.

Къ личности баронессы Крюденеръ авторъ изслѣдованія относится весьма критически и высказывается такъ:

„Мы не высоко цѣнимъ достоинства этой особы, говоритъ онъ, а ея убѣжденность болѣе, чѣмъ сомнительны. Побужденія мнимо восторженной баронессы стояли на болѣе реальной почвѣ. Она была стѣснена недостаткомъ денежныхъ средствъ и всегда, во всемъ, испытывала нужду. Кромѣ чувствъ тщеславія, случая сыграть видную роль, дѣйствовала и алчность. Вѣдь и въ наше время встрѣчаются личности, проникнутыя чувствомъ особой набожности, не

рѣдко скрывая подъ этой завѣсой совѣсьмъ другія побужденія. Такъ было и съ лифляндской баронессою. Не даромъ выдала она свою дочь, Юлію, за барона Беркгеймъ, братъ котораго былъ министромъ въ Карлсруэ и близокъ къ Баденской велико-герцогской семьѣ, и не даромъ этотъ Беркгеймъ перешелъ на русскую службу. Въ записочкахъ Императора Александра къ князю Голицыну постоянно встрѣчаются анонимныя денежныя вспомошествованія; они разсыпались щедрою рукой и на г-жу Крюденеръ, и на ея родню. Слезливая проповѣдница имѣла способность говорить увлекательно, страстно, съ какой-то жестокой откровенностью, но все это было рассчитано и прикрито вѣжливой формою въ изысканной манерѣ самой рѣчи.

Въ началѣ своего желаннаго знакомства, т. е. въ Гейдельбергѣ и въ Парижѣ (1815 г.), она, дѣйствительно, обворожила Императора, произвела на него необходимый ей эффектъ, такъ что впечатлительный Александръ оказался подъ ея вліяніемъ и еще больше углубился въ религіозное чтеніе и въ анализъ собственной тревожной души. Но такое исключительное вліяніе продолжалось очень недолго, всего годъ не болѣе“.

28 іюня Императоръ вѣхалъ въ Парижъ.

„Настроеніе Государя, во время вторичнаго пребыванія на берегахъ Сены, было крайне нервное, а временами и унылое. Ему были противны вернувшіеся Бурбоны; онъ ихъ презиралъ глубоко; успѣхи и лавры Веллингтона также были ему непріятны; фигура Талейрана опротивѣла болѣе, чѣмъ когда-либо; огорчали денежныя претензіи пруссаковъ и намѣреніе ихъ и англичанъ обездолить французскіе музеи въ пользу собственныхъ; наконецъ, ежедневныя посѣщенія госпожи Крюденеръ едва-ли вліяли успокоительно, даже при усиленномъ чтеніи Библіи на дому, въ минуту отдохновенія“.

Александръ Павловичъ пробылъ въ Парижѣ почти три мѣсяца; „чего только не пришлось ему видѣть и испытать за это время!“

„Сперва вернувшійся король Людовикъ XVIII управлялъ при сотрудничествѣ такихъ людей, какъ Фуше и Талейранъ, думая угодить извѣстнымъ слоямъ общества; потомъ пошла расправа съ людьми, наиболѣе замѣшанными при возвращеніи Бонапарта: судили и казнили маршала Нея и полковника Лабедеоера, другихъ осуждали и заочно, третьихъ подвергли ссылкѣ, словомъ, свирѣпствовалъ такъ называемый бѣлый терроръ, при безмолвіи иностранныхъ пришельцевъ и даже русскаго самодержца. 29 августа (10 сентября) произошелъ знаменитый смотръ войскамъ у лагеря при Вертю, закончившійся тостомъ Александра на большомъ обѣдѣ за миръ Европы и благоденствіе народовъ.“

„Наконецъ, 14 (26) сентября былъ заключенъ Священный Союзъ между тремя монархами: Россіи, Пруссіи и Австріи; къ нимъ примкнула Англія“.

„Многіе историки приписали г-жѣ Крюденеръ возрожденіе идеи Священнаго Союза, другіе—вліянію на русскаго Государя Меттерниха. Мы же убѣждены, говоритъ авторъ изслѣдованія, что эта идея—плодъ долгой работы и воображенія, всецѣло принадлежитъ лично Императору Александру. Но тотъ фактъ, что могло произойти недоразумѣніе между историками на этой почвѣ, вполнѣ возможнъ. Пока Александръ еще только соображалъ и намѣчалъ себѣ общую программу такого религіознаго союза, онъ имѣлъ частое общеніе сперва съ Меттернихомъ, на конгрессѣ въ Вѣнѣ, а потомъ, въ 1815 году, въ Парижѣ проводилъ почти всѣ вечера у баронессы Крюденеръ. Поэтому, весьма легко предположить, что идея Священнаго Союза была внушена ему кѣмъ-либо изъ названныхъ лицъ. Но не надо забывать, что всѣ подробности акта новаго союза были набросаны лично Государемъ на бумагѣ, и что онъ читалъ вслухъ свое произведеніе баронессѣ за нѣсколько дней до отъѣзда изъ Парижа. Это чтеніе могло дать поводъ къ догадкѣ, что г-жа Крюденеръ или продиктовала Государю, или дала мысль объ идеѣ союза“.

„Два свидѣтельства въ пользу нашего предположенія заслуживаютъ вниманія; одно исходитъ отъ короля прусскаго, Фридриха-Вильгельма, неоднократно повторявшаго фразу, относящуюся до обожаемаго имъ союзника: „Si le Bon Dieu bénit nos projets, nous pourrions un jour dans l'avenir glorifier le Seigneur devant tout l'univers“ ¹⁾; другое идетъ отъ обычнаго спутника баронессы Крюденеръ, швейцарца Эмпейтазъ: „qu'il était intéressant de voir cet homme (Alexandre), entouré de tant de gloire, de toutes les grandeurs du trône, chercher avec nous ainsi la force et le secours de l'Eternel“ ²⁾.

Эти „силу и помощь Превѣчнаго Бога“ именно и искалъ Александръ для своего вдохновенія.

„Кромѣ того, всѣ послѣдующія мѣропріятія свидѣтельствуютъ о непреклонной волѣ Государя провести въ жизнь свою излюбленную идею о религіозномъ союзѣ. Такъ, 25 декабря 1815 г., былъ обнару-

¹⁾ Если Господь благословитъ наши намѣренія, то настанетъ день, когда мы прославимъ Господа передъ лицомъ всего міра.

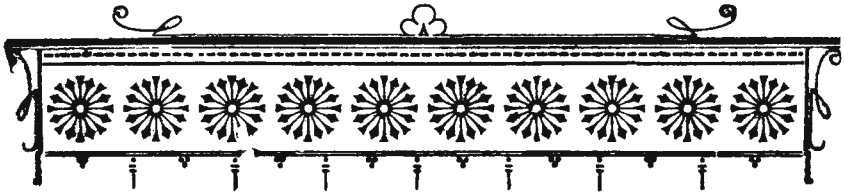
Было интересно видѣть этого человѣка (Александра), осѣнненнаго такой славой и всѣмъ величіемъ престола, искавшаго съ нами силу и помощь „Превѣчнаго Бога“.

дованъ манифестъ, подтверждавшій созданіе Священнаго Союза, и было отдано повелѣніе прочесть этотъ актъ во всѣхъ православныхъ церквахъ“.

„Намъ кажется вполне естественнымъ, что развивавшійся въ душѣ Александра мистицизмъ, начиная съ години Отечественной войны, довелъ его до созданія Священнаго Союза, а потому нечего искать постороннихъ вдохновителей ни въ лицѣ г-жи Крюденеръ, ни въ князѣ Меттернихѣ, или вообще въ комъ-либо другомъ. Вѣдь, право, нельзя же отнять у Александра I инициативы и силы воли, которыя онъ проявлялъ такъ часто во многихъ случаяхъ своего бурнаго царствованія. Если кто имѣлъ на него постоянное вліяніе, то, несомнѣнно, этими лицами были князь А. Н. Голицынъ и Р. А. Кошелевъ, но современники (или весьма немногіе изъ нихъ) и историки этой эпохи едва-ли знали о перепискѣ его съ княземъ Голицынымъ и не подозрѣвали о корреспонденціи съ Кошелевымъ. Что же касается до переписки Государя съ баронессой Крюденеръ, то о ней знали и въ Россіи, и въ Европѣ, благодаря ей самой, такъ какъ это служило для нея рекламой“.

В. Т.

Сто лѣтъ назадъ.

Письма И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ ¹⁾.

74.

Ноября 1. 1812 г. Пятница.

Въ прошедшею почтою извѣстилъ я уже о постыдномъ бѣгствѣ Бонапартовомъ со всею его сволочью, которой не успѣли подбить ногъ въ Московской губерніи. Въ прилагаемой у сего „Сѣв. Почтѣ“ найдете вы официальные донесенія о преслѣдованіи улизывающаго по-французски непріятели. Какіе успѣхи имѣли войска наши за Ереиннымъ, мнѣ еще и по слухамъ неизвѣстно. Получены токмо изъ очищенной Вязмы партикулярныя письма, въ коихъ между прочимъ увѣдомляютъ, что главный злодѣй съ помощникомъ своимъ Мюратомъ проѣхалъ чрезъ тотъ городъ 17-го октября въ каретѣ. Его отъ станціи и до станціи провожали нарочитые конные отряды, разставленные на сей конецъ заблаговременно по всей дорогѣ. Чортъ вѣдаетъ, гдѣ онъ теперь! Многіе хотятъ знать, или, лучше сказать, по своему расчету угадать, будто бы онъ уже въ Вильнѣ. Тѣмъ огорчительнѣе для русскаго таковая возможность, чѣмъ ожиданія его мало-по-малу исчезаютъ безъ открытія причины спасенію такого изверга, которому непременно належало быть повѣшеннымъ, хоть издохшимъ на Сухаревой башнѣ. Сколько-то еще истребятъ погани въ преслѣдованіи? Что-то сдѣлаютъ съ нею гр.

¹⁾ См. „Русск. Старину“ октябрь 1912 г.

Витгенштейнъ и Чичаговъ? Отъ ихъ соединенія или удачнаго нападенія на обезсиленнаго, разстроенаго супостата зависитъ прекращеніе или продолженіе войны еще неслышанной. *Toute fois le sieur Bonaparte fera une triste figure devant ceux, qui n'osoient le regarder qu'avec admiration.* У адмираторовъ не станетъ и людей, хоть бы и желали поддержать идола своего. Этимъ легкомысленнымъ поляченкамъ выйдетъ сокомъ мнимое возстановленіе ихъ отечества! Нѣмцамъ должно, кажется, теперь понакопить духу. Чего зѣваютъ! Чѣмъ скорѣе, тѣмъ для нихъ спасительнѣе свергнуть несносное иго.—Мы съ гишпанцами—самый благопріятный подали къ тому случай.

Мы теперь, благодаря Всевышняго, остаемся здѣсь спокойными. До удаленія же врага изъ Московской губерніи сидѣли на горячихъ угляхъ. Какія-то вѣсти получимъ отъ васъ, разоренныхъ людей? Да пособить вамъ Господь Богъ найти средство къ безбѣдному житію! Безъ слезъ нельзя о несчастныхъ соотечественникахъ и подумать, а тѣмъ паче о тѣхъ, которые владѣютъ нашимъ сердцемъ.

Статья въ прошедшемъ № „Сѣв. Почты“ изъ Москвы вѣрно умному Александру Яковлевичу понравилась. Это образецъ краснорѣчивой истины. Нельзя лучшей написать картины варварству и неистовствамъ буйнаго врага, и здравѣе, разительнѣе дѣлать сужденій объ источникахъ таковыхъ ужасовъ. Сочинитель—почтенный добродѣтельный госуд. секретарь Шишковъ. Вообще работаетъ теперь много перьевъ въ изображеніи лютостей Бонапарта.

Вотъ акростихъ на злодѣя. Онъ пародированъ съ французскаго, но не такъ-то удачно:

Не ты ль, Калигула, изрыгнуть паки адомъ?
 Атилы лютые, не вы ль опять возстали?
 Простерты ужасы съ свирѣпостью, со гладомъ;
 Объятъ весь свѣтъ войной, послѣдни дни настали;
 Лишенъ отрады всякъ, лишь вздохи испущаетъ:
 Единъ толикія злодѣйства совершаетъ!
 О, смертные! и вы его не сокрушите?
 На эшафотъ его!—Злодѣя тамъ казните!

Можетъ быть, у васъ нѣтъ французскаго акростиха: такъ и его приписываю, какъ шедевръ:

Nouveau Caligula, vomé par le tartare!
 Assassin par calcul et par plaisir barbare!
 Poursuis tes noires forfaits, mets l'univers en deuil!
 Outrages les mortels jusques dans leurs cercueil!
 Le ciel enfin lassé de ta conduite infame,
 En te faisant agir, aveuglera ton âme.
 On verra tout à coup le vil usurpateur,
 Noirçi par l'opinion, finir comme un voleur.

Гр. Аракчеевъ—по военной части въ великой силѣ, а гр. Ник. Петр.—по дипломатической. Большимъ Монаршимъ довѣриемъ пользуется гр. Армфельдъ.

Фуль напечаталъ уже себя въ газетахъ, что онъ отправляется съ семействомъ своимъ за границу.

Александрѣ Яковлевичу Булгакову ¹⁾.

Генералъ Платовъ возведенъ въ графское достоинство за усѣшное преслѣдованіе. Отъ гр. Витгенштейна сію минуту читалъ реляцію отъ 28-го октября изъ Чашниковъ. Отрядомъ его войскъ взятъ 26-го городъ Витебскъ, по упорномъ сопротивленіи, съ губернаторомъ и комендантомъ. Герой сей уже зналъ при донесеніи, что большая французская армія изъ-подъ Москвы ретируется. Первые ея колонны прибыли до 28-го въ Смоленскъ.

75.

Ноября 5, 1812 г. Вторникъ.

Гр. Ѳ. В. явилъ поступкомъ своимъ въ Вороновъ ²⁾ болѣе великаго духа, нежели герои, сражающіеся за избавленіе Россіи.

За вашего Воронцова будемъ, какъ за благодѣтеля челоѳчества, молиться Богу. Ему даруетъ всеблагій Отецъ должайшіи вѣкъ и всѣ блага земныя. Не оставляйте меня надѣлять сообщеніями по прибытіи въ Москву. Тамъ-то узнаете бездну покрытыхъ доселѣ мракомъ происшествій. Ежели они и содрогательны, то не менѣе того будутъ и восхитительны по рѣдкой приверженности россиянь

¹⁾ Приписка на конвертѣ.

²⁾ Имѣніе гр. Ѳ. В. Ростопчина, гдѣ онъ сжегъ свой домъ при наступленіи французовъ.

къ отечеству своему. Въ такое бѣдственное, страшное время и можно токмо видѣть всю доблесть ихъ.

Преслѣдованіе непріятелиа продолжается весьма успѣшно. 27 окт. графъ Платовъ настигнулъ между Дорогобужемъ и Духовщиною 4-й корпусъ подъ командою вице-короля Итальянскаго и разбилъ его, какъ говорится, въ пухъ. Взято при семъ случаѣ 62 пушки, 3.000 человекъ въ плѣнъ; знамена еще не представлены побѣдителю, но они должны найтись. Едва-ли спасется и самъ Богарне. Разсыянный его корпусъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Потеряли совѣмъ духъ непріятельскіе солдаты и офицеры. Толпами переходятъ къ намъ и просятъ о принятіи ихъ въ службу. Перехвачены ген.-адъютантомъ Кутузовымъ два письма вице-короля Итальянскаго къ принцу Нейштательскому. Изъ нихъ видно отчаянное положеніе его. Кажется, онъ не увернется. Важно истребленіе 4-го корпуса. При немъ находилась большая часть артиллеріи главной фран. арміи. Кромѣ взятыхъ гр. Платовымъ пушекъ множество кинуто въ воду и зарыто въ землю. Между убитыми есть генералы. Казаки нашли на мундирахъ ихъ знаки отличія. Свѣтлѣйшій 28 былъ въ Ельнѣ, откуда и получено послѣднее донесеніе. Милорадовичъ, Шепелевъ и прочія казакія партіи больше вездѣ наносятъ пораженіе бѣгущему къ Смоленску непріятелю. Взяты: начальникъ главнаго штаба генералъ Сансонъ, довольное число штабъ и оберъ-офицеровъ и множество рядовыхъ на большой Смоленской дорогѣ. Объ убитыхъ и погибающихъ отъ холода, голода и утомленія непріятеляхъ и говорить нечего. Ихъ не успѣваютъ считать, ими покрыты всѣ дороги и мѣста, которыми они спасаются. Вотъ вамъ извлеченіе изъ послѣднихъ реляцій ¹⁾. Надѣялся ихъ приложить вамъ въ оригиналѣ, но мнѣ оныхъ не прислали до сей минуты. Такъ какъ гр. Ѳ. В. уже въ Москвѣ, то на всякій случай пишу къ вамъ и туда, полагая васъ при немъ. Поговариваютъ, будто бы Государь изволить ѣхать въ оплакиваемую имъ столицу.

На отдѣльномъ листѣ:

Ноября 5, 1812.

Ежели вы уже въ несчастной, разоренной, опустошенной Москвѣ, то остается мнѣ токмо поздравить васъ съ побѣдами надъ бѣгущимъ супостатомъ, о коихъ узнаете вы прежде мевя отъ графа.

¹⁾ При письмѣ извлеченія не оказалось.

Ноября 8, 1812 г. Пятница.

Читаль вышедшую симъ утромъ реляцію изъ главной нашей арміи отъ 31 октября. Непрiятеля продолжаютъ поражать въ преслѣдованіи до Смоленска. Сдался бригадный генераль Ожеро съ 60-ю штабъ и оберъ-офицерами и 2.000 рядовыхъ: взято 21 пушки, 1 знамя и около 1.500 человекъ въ другихъ мѣстахъ, кромѣ фуръ и зарядныхъ ящичковъ. Порядочно достается французамъ! Можно навѣрное сказать, что не достигнувшіе еще Могилева корпусы большой арміи истребятся безъ остатка нашими войсками, или морозомъ и голодомъ. Мы близки уже Смоленска. Нельзя, чтобъ гр. Витгенштейнъ не сдѣлалъ чего-нибудь важнаго при сближеніи съ главн. нашею арміею. Вотъ въ пору коснулся нашего великаго героя! Сію минуту входитъ ко мнѣ въ комнату г. Цирлейнъ съ радостнѣйшимъ извѣстіемъ. Разбилъ новый Суворовъ у Чашниковъ Магдональда, Виктора и еще какого-то генерала. Эти злодѣи хотѣли задавить его, но онъ жестоко наказалъ ихъ за такую продерзость. Государь со всею Высочайшею Фамиліею изволилъ ѣхать въ Казанскій соборъ на молебствіе по случаю сей побѣды. Курьеръ съ симъ извѣстіемъ прискакалъ сегодня утромъ.

Здѣсь учрежденъ комитетъ для вспомошествованія разореннымъ отъ вражескаго нашествія. Онъ составленъ изъ государственнаго секретаря Шишкова, графовъ Ник. Ник. Головина и Ник. Алекс. Толстова и князя Алекс. Ник. Голицына.

Слышалъ также, что сегодня послано къ гр. Витгенштейну повелѣніе принять главное начальство и надъ Чичаговою арміею.

На отдѣльномъ листѣ.

Ноября 8. 1812 г.

Въ преслѣдованіи непріятелю наносится глав. нашею арміею страшное пораженіе, о чемъ вѣрно получите печатныя извѣстія съ нынѣшнею почтою; но важнѣе курьеръ прискакалъ нынѣшнимъ утромъ отъ гр. Витгенштейна, который на голову побилъ Магдональда и Виктора при мѣстечкѣ Чашникахъ. Государь со всею Высочайшею Фамиліею изволилъ быть на благодарственномъ молебнѣ по сему случаю въ Казанскомъ соборѣ. Поздравляю васъ, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, съ таковою радостью. Надобно быть Витгенштейномъ, чтобы вдругъ управляться съ двумя корпусами, зашедшими съ разныхъ сторонъ погубить его.

Въ Шую писалъ дубликатъ и отправилъ газеты на ваше имя. Гдѣ же вы?—Извѣстите меня скорѣе ¹⁾).

¹⁾ Послѣ этого только письма дошло къ Оденталю письмо Булгакова, отправленное еще 20 октября изъ Москвы. Это—единственное изъ напеча-

Письмо А. Я. Булгакова И. П. Оденталю.

20-го октября 1812 г. Москва.

Я такъ былъ озабоченъ, что съ первымъ нашимъ курьеромъ не успѣлъ къ вамъ написать, любезный Иванъ Петровичъ. Этого не выпущу безъ подробнаго къ вамъ донесенія. Я въ Москвѣ или, лучше сказать, среди развалинъ ея, гласно мщенія требующихъ. Трудно было сюда вѣзжать. Мы оба съ графомъ (Ростопчинымъ), сидя въ дормезѣ, давали свободно теченіе горькимъ слезамъ. Изъ 9.000 слишкомъ домовъ осталось только 2.655, между коими треть маленькіе домики и избы, такъ что надобно полагать $\frac{9}{10}$ сторѣвшими. Въ Пречистенской части только восемь домовъ, а въ Пятницкой пять; грустно смотрѣть! Теперь вижу я, что Москва не городъ былъ, а мать, которая насъ кормила, тѣшила, покоила, обогащала. Всякій русскій, всякій христіанинъ имѣлъ въ виду въ старости Москву, а послѣ смерти царство небесное! Изъ оставшихся домовъ нѣтъ ни единого, который не былъ бы разграбленъ. Церкви осквернены, обруганы, обращены въ конюшни. Изъ Чудова выгнали мы лошадей, въ Благовѣщенскомъ соборѣ навалена была бездна бумаги, на которой вамъ пишу, были бугылки, стояла бочка съ пробками, мощи изувѣчены частію, частію же расхищены. Дмитрію Царевичу отрубили руки и голову. Повторены здѣсь ужасныя сцены Робеспіерова времени. Дѣвочки 10 лѣтъ изнасилъничены на улицахъ. У женщинъ, которыя имѣли кольца на рукахъ, обрубали пальцы со словами: „*cela va plus vite comme cela!*“. Въ Богородскѣ по подозрѣнію, что убиты тамъ пять французовъ, взято пять мѣщанъ, двое разстрѣляны, двое повѣшены за ноги, а пятый погруженъ въ масло, а потомъ сожженъ живой на кострѣ. Огнемъ сямъ изверги раскуривали трубки свои, пѣвши пѣсни. Ужасно рассказывать, ярость еще болѣе умножалась отъ злости, что не заключается миръ, и отъ недостатка въ хлѣбѣ и въ шубахъ. Офи

таннхъ доселѣ писемъ Булгакова къ Оденталю. Напечатано оно Н. О. Дубровинымъ въ извѣстномъ его сборникѣ—Отечественная война въ письмахъ современниковъ (Спб. 1882), подъ № 193, безъ имени автора. Попалось оно, по словамъ Н. О. Дубровина, въ числѣ перлюстрированныхъ писемъ, чѣмъ и объясняется позднее полученіе этого письма адресатомъ. Письмо это очень интересно, какъ свидѣтельство очевидца о положеніи Москвы почти тотчасъ по оставленіи ея французами. Въ виду этого и для связи съ печатаемыми ниже письмами, позволяемъ себѣ перепечатать это письмо.

церы были убиваемы, а генералы обруганы солдатами французскими, кои никого не слушали, что доказывается прокламаціею сего Наполеона, гдѣ сулятъ жесточайшія наказанія.

Покорность, храбрость, любовь къ отечеству, къ Государю московскихъ крестьянъ спасли Россію. Москва стоитъ Наполеону 25 т. человѣкъ; всѣ козвы, коварства злодѣя были тщетны. Россіане остались непреклонны. Его поморили въ Москвѣ съ голоду, а какъ сталъ посылать въ окружности фуражировать, то изъ 100 человѣкъ возвращалось едва 5 или 10. Есть анекдоты, коихъ грѣшно будетъ не передать потомству. Русскіе, сударь, герои. Гордиться долженъ тотъ Государь, который имѣетъ славу ими владычествовать. Вытѣсенъ злодѣй изъ Москвы не арміею, но бородами московскими и калужскими. Бѣжитъ Наполеонъ; въ двое сутокъ сдѣлалъ онъ съ гвардіею 150 верстъ, но такъ не далеко уйдетъ, мужики бѣгутъ за утомленною его армію—ужасны и хладнокровны мщенія нашихъ крестьянъ, они тиранятъ жертвы свои, ловятъ ихъ сами по дорогѣ или покупаютъ ихъ за послѣднія деньги у казаковъ на мученія. Я, право, сердце имѣю доброе, но не пожалѣю ни объ одномъ. Нарышкинъ, мой пріятель, служащій у графа П. А. Толстого, пріѣхалъ изъ арміи; онъ говоритъ, что французъ мретъ по 1.000 и 1.500 въ день. У всѣхъ мертвыхъ лошадей вырѣзаны языки и пахи, этимъ только питаются. Бонапарте хотѣлъ увѣрить всѣхъ, что Москва зажигалась по приказанію Ростопчина, что онъ же желалъ порядокъ, тогда какъ варваръ подкапывалъ Кремль и взорвалъ его, отбѣзжая. Богъ показалъ чудо: соборы всѣ уцѣлѣли и Ивановская колокольня устояла, представляя образъ Россіи. Половина арсенала взорвана на воздухъ. Грановитая палата, Императорскій дворецъ сожжены, также взорвана часть стѣны Кремлевской къ Москвѣ-рѣкѣ. Чтобы никому я не повѣрилъ, ежели бы не видѣлъ своими глазами, есть то, что не смотря на страшное сіе потрясеніе, отъ коего почти во всѣхъ домахъ въ Москвѣ полопались стекла и кое слышно было за 40 верстъ, чудотворные образа Спаса на Спасскихъ и Николая Чудотворца на Никольскихъ воротахъ не только остались невредимы, но фонари, предъ ними висѣвшіе, и теперь тамъ и даже стекла, образа покрывавшія, не разбились. Il faut pendre tout incrédule qui ne sera pas converti par ce prodige de la puissance divine. Измѣнниковъ всѣхъ было человѣкъ 40 не болѣе, почти всѣ бродяги, мартинисты или извѣстные якобинцы, яко Ключарева сынъ, нѣкоторые купцы изъ раскольниковъ и тому подобные. Большая часть вытребована Императоромъ въ Петербургъ. Они составляли муниципалитетъ Наполеона и имѣли для отличія перевязи бѣлыя и красныя ленты.

Графъ съ семи лестными знаками отличія заставилъ ихъ сгребать подъ карауломъ снѣгъ на улицахъ впредь до повелѣнія. Бѣдный графъ очень огорченъ несчастіемъ Москвы. Грѣшно будетъ Императору не сыпать деньгами, чтобы возстановить свой вѣрный первопрестольный градъ. Неужели будетъ сказано, что пришелъ кровопійца Наполеонъ и уничтожилъ въ мѣсяцъ столицу, столько вѣковъ процвѣтавшую? Какъ скоро присутственныя мѣста возстанутся, а они только разграблены, то народъ валить станетъ со всѣхъ сторонъ. Почта возстановлена со вчерашняго дня. Пишите мнѣ по-прежнему, любезнѣйшій Иванъ Петровичъ. Умныя ваши и любопытныя письма крайне будутъ меня радовать, адресуйте на имя графское, съ коимъ я живу. Получили ли вы письма мои отъ 23-го сентября и 11 октября изъ деревни графа Воронцова? О васъ давно не знаю я ничего. Августинъ во Владимірѣ и будетъ сюда для освященія вновь оскверненныхъ храмовъ Божіихъ.

77.

Ноября 12, 1812 г., вторникъ.

Я не ошибся, когда полагалъ, что дорогой мой Александръ Яковлевичъ долженъ былъ вмѣстѣ съ великимъ мужемъ прибыть въ оскверненную врагомъ, разоренную имъ, но какъ и прежде святую Москву, что онъ не могъ въ заботливости моей о немъ меня о томъ не увѣдомить. Посланіе его отъ 20-го октября, которымъ возвѣстилъ мнѣ столько лютостей Бонапартовыхъ, и которое заставило меня пролить столько слезъ, дошло однако же до рукъ моихъ поздно, и именно 8-го числа ввечеру. Вскорѣ для возобновленія Москвы, для вспомошествованія разореннымъ росіянамъ откроетъ милосердый Государь обильный источникъ щедротъ своихъ. Здѣсь учрежденъ на сей конецъ комитетъ, о которомъ, кажется, я писалъ вамъ и коего положеніе вѣрно сообщено уже графу официально. Нигдѣ извергъ того не дѣлалъ, что къ содроганію позднѣйшихъ потомствъ произвелъ онъ въ Россіи, а наипаче въ вѣрной непоколебимой Москвѣ. По сему масштабу злодѣйствъ его измѣрить можно приверженность російскаго народа къ государямъ его. Чѣмъ болѣе находило чудовище это непреклонности въ какомъ городѣ, тѣмъ больше изрыгало оно на него погубель. Москвѣ, послѣ безпрепятственной отдачи, нельзя было не превзойти прочіе города въ таковыхъ несчастіяхъ, и больно помыслить, что этого ни предвидѣть, ни отвратить не хотѣли. Что за оговорка, что за оправданіе въ томъ, чего никогда быть не могло. Отсѣченіе рукъ или ногъ не есть еще отнятіе жизни; но каково же состояніе че-

ловѣка, у котораго нѣтъ лучшихъ, нужнѣйшихъ сихъ членовъ. Могъ-ли обезумѣвшій отъ счастья и киченія покорить все царство, когда въ двухъ коренныхъ губерніяхъ нашелъ преграду всѣмъ своимъ замысламъ? Не о томъ спрашивалось. Удивительно, что отвѣтъ сдѣланъ прежде, нежели вопросъ могъ придти кому-либо въ умъ. Надлежало спасать отъ разоренія, а не отъ порабощенія, котораго ни въ какомъ отношеніи не представлялось въ землѣ толь обширной, въ народѣ толь твердомъ въ вѣрѣ, въ привязанности къ отчизнѣ, въ повиновеніи къ Государю, въ народѣ, смѣю сказать, закоснѣломъ въ обычаяхъ, который гнушался просвѣщеніемъ, дабы токмо жить и поступать точно такъ, какъ дѣлали то его предки. Въ глазахъ его всякій иноземецъ, хотъ бы онъ съ неба звѣзды хваталъ, казался басурманомъ, человѣкомъ презрѣннымъ.

Тутъ нечего было опасаться порабощенія. Но ежели, какъ это доказываютъ нѣкоторыя мѣры, страшились какой-нибудь внутренней тревоги, то тѣмъ болѣе слѣдовало бы не впускать врага въ сердце государства; ибо онъ обольщеніями могъ бы воспользоваться расположеніемъ къ мятежу. Возблагодаримъ Бога!

Опытомъ удостовѣрились нынѣ, къ сожалѣнію однако жъ, что трудолюбивый народъ нашъ въ довольствіи своемъ не гоняется ни за какими химерами. Я разумѣю большинство. Впрочемъ, въ семьѣ не безъ уroda. Есть дурные крестьяне, есть дурные и помѣщики, но они не могутъ въ общей массѣ никакого составить перевѣса. И тѣмъ, и другимъ достанется награда, отъ которой стануть кричать: ой, не будемъ!—Графъ проникалъ духъ россійскаго народа совершенно. Его посланія—лучшія тому доказательства. Надлежитъ сожалѣть, что онъ не могъ давнѣе и уполномоченнѣе имѣть вліянія не на Московскую губернію, а на всю Россію въ товариществѣ съ другими бездѣйствующими патріотами. Желаю, чтобы онъ ими хотя нынѣ былъ подпертъ. Прошедшій разъ писалъ я вамъ, что кромѣ истребленія въ преслѣдованіи гр. Витгенштейнъ одержалъ побѣду. Оно такъ и есть, но не такую, какъ съ перваго пылу увеличили. Онъ отразилъ при Чашникахъ одного Виктора въ большихъ силахъ, какъ вы то увидите изъ реляціи, которую, вѣрно, увидите у графа. Молебствія не было за сію побѣду, а по случаю манифеста, 3-го ноября изданнаго, въ Казанскомъ соборѣ были всѣ состоянія, безъ Императорскаго Дома однако жъ, и тамъ читанъ былъ помянутый манифестъ.

Чтобъ дать вамъ лучшее понятіе о нашемъ сѣверномъ героѣ, прилагаю мѣста изъ полученнаго мною вчерашняго дня письма отъ того самаго Гласки, котораго копію съ письма въ іюлѣ мѣсяцѣ я вамъ выслалъ о разореніи Полоцка. Онъ—статской службы, коллеж-

скій ассессоръ, родственникъ по женѣ графа Витгенштейна со времени 5-ти или 6-ти мѣсяцевъ. Приѣхалъ къ нему въ армію 5-го октября для свиданія по сосѣдству изъ деревни своей. Герой собирался идти въ то самое время брать Полоцкъ. Гласко приступилъ къ нему съ просьбою о несчастномъ отцѣ своемъ, который бѣдствовалъ въ Полоцкѣ у французовъ. „Такъ ступай съ нами, отвѣчалъ ему графъ, и отца выручать и намъ помогать. Такихъ живыхъ и проворныхъ молодцовъ намъ надобно больше. Allons je ne vous laisse plus“. Закричалъ: „Готовую казацкую лошадь! Montez là-dessus, et soyez mon aide-de-camp“. Гласкъ нечего было дѣлать. Онъ поѣхалъ брать Полоцкъ и выручать отца. Какъ это происходило, вы увидите изъ копій ¹⁾).

Не удивляйтесь теперь, что онъ взялъ отпускъ, и что онъ колеблется между Витгенштейномъ и отцомъ своимъ. Графъ представилъ его къ аннинскому кресту. Онъ—смѣльчакъ большой руки, знаетъ всѣ мѣста въ Бѣлоруссіи: посему оказалъ графу большія услуги, представилъ въ шпіоны кучу знакомыхъ евреевъ, которые теперь вездѣ ныряютъ.

Меня опять увѣряютъ, что Государь изволитъ напередъ ѣхать къ вамъ, а потомъ въ армію. Великій Князь уже въ четвертокъ 7-го числа ускакалъ къ свѣт. Кутузову. Государь остановленъ, называютъ, отъ помянутаго вояжа какими-то чрезвычайными извѣстіями изъ армій и изъ Парижа, хочетъ напередъ принести здѣсь благодареніе за новыя побѣды Господу Богу и выждать дальнѣйшихъ послѣдствій открывшагося въ Парижѣ мятежа, гдѣ будто бы Савари повѣшенъ, правительство настоящее испровергнуто, сама императрица принуждена оттуда спастись въ Вѣну. Все, по заключенію моему въ комнатѣ, слышалъ весьма глухо и сбивчиво, но есть дѣйствительно что-то весьма важное, для насъ чрезвычайно радостное. Большая наша армія, какъ мнѣ трое посѣтителей говорили, заставила 12 тысячъ непріятеля положить ружье. Хоть больше, тѣмъ лучше, лишь бы не провралось, хоть меньше да правда, такъ и то хорошо. Я уже извѣрился. Всякій день слышу столько успѣховъ нашихъ, что у Бонапарте и войска не станеть, чтобы брать столько поминутно въ плѣнъ и истреблять на каждомъ шагу такую бездну.

Велика милость Господня, что и по-маленьку ихъ истребляемъ и приводимъ въ такое ослабленіе, что принуждены будутъ наконецъ или сдаться, или погибнуть. Они огрызаются, какъ голодные волки. Ежели сдаются, такъ соглашаются и имущество при ихъ оставлять.

¹⁾ Копіи при письмѣ не оказалось.

Надобно, чтобъ радовались ихъ покорству и, можетъ быть, еще фальшивому, когда своего, ими, мошенниками, награбленного добраго не отнимаютъ.

Вотъ эдакія-то статьи меня иногда въ реляціяхъ приостанавливаютъ подумать объ образѣ преслѣдованія и состоянія непріятеля!

Чернышевъ флигель-адъютантъ отбилъ на партизанской примѣрной экспедиціи Винценгероде, Свѣчина и Нарышкина. Всѣ они уже здѣсь. Алек. Львовичъ выѣзжалъ сыну навстрѣчу въ Гатчину и надѣлалъ пропасть факсовъ какъ на дорогѣ, такъ и здѣсь въ городѣ. Онъ всѣхъ встрѣчныхъ и знакомыхъ, и незнакомыхъ, цѣлуетъ и заставляетъ себя поздравлять съ радостію, отъ которой, говорить, задыхается. Государь, по полученіи донесенія отъ графа Витгенштейна объ освобожденіи означенныхъ плѣнныхъ, послалъ къ Алек. Львовичу тотчасъ гофъ-фурьера возвѣстить ему пріѣздъ сына его и съ тѣмъ его поздравить. Это было по-утру. Онъ еще чесался, и токмо до половины головы былъ напудренъ. Въ семь видѣ и поскакалъ повергнуться къ Монаршимъ стопамъ.

78.

Ноября 15, 1812 г. Пятница.

Плаваю въ восхитительномъ упоеніи. Слишкомъ 20 тысячъ въ двухъ корпусахъ Даву и Нея 5-го и 6-го чиселъ положили ружье послѣ тщетнаго усилія пробиться сквозь наши войска: 97 пушекъ, 3 знамени, маршала Даву жезлъ, обозы и казна достались намъ въ руки. Это побѣда надъ побѣдами! Едва-ли спасутся разбитые маршалы. Они кинулись въ лѣсъ и скачутъ, куда глаза глядятъ. Одинъ изъ нихъ раненъ. Ихъ преслѣдуютъ съ разсѣянными остатками. Такое поражение происходило у Краснаго отъ распоряженія Милорадовича. Самъ Наполеонъ 5-го числа былъ на побоищѣ, и какъ увидѣлъ, что нѣтъ возможности одолѣть нашихъ героевъ, то пустился со своею челядью на понятный дворъ. Смоленскъ непріателемъ очищенъ и занятъ нашими. И тамъ подорваны по пустякамъ сдѣланныя укрѣпленія. Въ 7 верстахъ отъ города нашли мы 112 оставленныхъ непріателемъ пушекъ. Можно себѣ представить, какъ торопился онъ унести свои ноги. Гр. Платовъ скачетъ за Смоленскомъ въ догонку за новыми корпусами и кричитъ: „ура!“ Видно, ихъ догоняетъ. Немного же осталось теперь у Наполеона клочковъ отъ великой его арміи! Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ скорѣе истребили Понятовскаго корпусъ. Его бережетъ злодѣй, чтобъ привести въ Польшу для новаго набора. Поляковъ же надобно хорошенько проучить за неистовства, которыя дѣлали они въ Москвѣ.

Генераль-адъютантъ Кутузовъ послѣлъ уже со своимъ отрядомъ въ Бабиновичи и взялъ вдобавокъ къ тѣмъ генераламъ, которые достались намъ подъ Краснымъ, еще двухъ, оттуда же спасавшихся съ 400 рядовыхъ. Много же у насъ накопилось теперь Бонапартовыхъ генераловъ, пропасть штабъ- и оберъ-офицеровъ, а рядовыхъ мудрено и сосчитать. Ихъ наберется за 60 тысячъ. А какъ подумаешь о пушкахъ, такъ ротъ разинешь. Слишкомъ 500. Помилосердуйте! Вѣдь послѣ этого надъ французами будутъ и куры смѣяться. На такую гибель, на такой срамъ привелъ ихъ непобѣдимый полководецъ въ Россію!

Я бесѣдовалъ съ вами доселѣ о томъ, что читалъ въ печатныхъ реляціяхъ и за что уже въ среду принесено благодареніе Богу въ Казанскомъ соборѣ, въ присутствіи Государя и всей его Высочайшей Фамиліи, съ пушечною пальбою, какъ то и слѣдуетъ. Но теперь, увѣряютъ меня, есть новыя донесенія, по которымъ взять вице-король Евгеній и истреблены послѣдніе остатки его корпуса, что въ числѣ обоза найденъ весь гардеробъ Наполеоновъ и что онъ сюда присланъ вмѣстѣ съ захваченнымъ камердинеромъ. Множество найдено также червонцевъ во взятыхъ подъ Краснымъ фурахъ и нашихъ драгоценныхъ церковныхъ утварей.

Всѣ наши три арміи открыли уже между собою связи и могутъ стремительнѣе дѣйствовать на вражеское пораженіе. Магдональдъ, сказываютъ, долженъ былъ уйти изъ Курляндіи отъ злости прусскихъ войскъ, которыя были подъ его командою. Ожидаютъ подтвержденія. О революціи во Франціи не перестаютъ говорить съ разными дополненіями. Будто бы вновь избранный король есть герцогъ Ангулемскій, женатый на дочери Людовика XVI-го, что императрица Луиза не взяла съ собою въ Вѣну короля Римскаго, а требовала настоящей своей дочери Анны, которая подмѣнена; что Наполеонъ объявленъ похитителемъ престола Бурбонскаго, и что Талейранъ всю сію революцію по просьбѣ націи произвелъ въ дѣйство весьма покойно.

Въ Вѣну во вторникъ ввечеру посланъ курьеромъ Бутеневъ съ извѣстіемъ о послѣднихъ побѣдахъ. Надѣются весьма скоро видѣть здѣсь австрійскаго посла. Что-то скажетъ Бернадотъ послѣ такой катастрофы для его бывшаго повелителя? Онъ игралъ доселѣ мудреную роль. Не добьются ли развѣ теперь толку. Лордъ Каткартъ досадуетъ, что курьеръ его съ толь важными извѣстіями долженъ объѣзжать чрезъ Швецію. Этого вѣстника повезетъ англійскій народъ на себѣ. Будетъ въ Лондонѣ великое торжество, *et cela au moins trois jours de suite*, прибавилъ Каткартъ, говоря, какъ

курьеръ его будетъ встрѣченъ и какое ощущеніе произведетъ поражение Наполеоново въ Англіи и Гішпаніи.

Винценгероде съ Львомъ Нарышкинымъ много рассказываютъ любопытнаго. Когда ихъ представили подѣ Москвою Наполеону, то отъ Винценгероде отворотился онъ съ презрѣніемъ, а Нарышкину, узнавъ, что онъ сынъ того славнаго Н., о которомъ ему *duc de Vicence* столько наговорилъ хорошаго, потрепалъ плечо и сказалъ: „*j'aurai soin de vous, comme m-g votre père. Rien ne doit vous manquer*“. Тутъ появился Коленкуръ съ распростертыми объятіями и сожалѣлъ о его участи: „*mais je vous prie de ne pas vous chagriner, mon cher, ma bourse est en votre disposition*“. Винценгерода хотѣлъ Наполеонъ тотчасъ разстрѣлять, но Бертье отвелъ тѣмъ, что совѣтовалъ отослать его для поступленія съ нимъ по законамъ въ Вестфальское королевство, откуда онъ родомъ. Ихъ избавили казаки страннымъ образомъ подѣ Вильною, когда оборвались тяжи у ихъ повозки, и они стояли на мѣстѣ. Избавитель ихъ Чернышевъ пожалованъ генераль-адъютантомъ.

Еще новый открылся комитетъ по части финансовъ подѣ предсѣдательствомъ графа Виктора Павловича Кочубея въ товариществѣ съ Вас. Ст. Поповымъ и Гурьевымъ. Производителемъ дѣлъ будетъ иностранецъ, гр. Ниверноа, который подалъ новыя прожекты о финансахъ, препорученныя разсмотрѣнію сего комитета.

79.

Ноября 19. 1812 г. вторникъ.

Съ мнѣніемъ вашимъ касательно возстановленія Москвы нельзя не согласиться. Кажется, по оному и будетъ все сбываться. Мнѣ сказывали, что назначено выпустить 100 милліоновъ. На долю столицы будто бы ассигновано на первый случай 8 милліоновъ. Въ разсужденіи распоряженій положатся на графа, и какія мѣры будутъ имъ представлены, должны онѣ удостоиться Высочайшаго утвержденія.

Мало же осталось у васъ домовъ, однако жъ, гораздо больше, нежели, какъ здѣсь за двѣ недѣли говорили, и именно всего съ небольшимъ 700.

Незабвеннаго для Россіи мужа могутъ токмо обвинять скареды, а за ними безразсудные. Знаютъ ли эти клеветники, что бы безъ графа произошло въ Москвѣ до вступленія еще туда непріятели? Не умѣй онъ довѣріемъ, которое снискалъ въ толь короткое время, обуздать общаго негодованія, то, упаси Боже! какая бы пошла ломка. Вотъ безсмертная его заслуга. За дѣйствіе же арміи онъ отвѣ-

чать не можетъ, и отъ него одного съ дружиною защищеніе города не зависѣло противъ такого ополченія, отъ котораго уклонилось болѣе ста тыс. рег. войска. Я вамъ скажу, чему я свидѣтель, и что изъ другихъ сторонъ отечества нашего подтверждается полученными мною письмами отъ людей достойныхъ. Исключая малаго числа негодяевъ, никто безъ благоговѣнія имя графское не произноситъ. Онъ и графъ Витгенштейнъ сдѣлались предметами обожанія россиянъ. Пострадавшіе даже въ Москвѣ отъ злодѣя съ восхищеніемъ о великомъ духѣ его отзываются. Мѣръ его осуждать никакъ не можно, развѣ захотятъ только взять сторону смердящихъ бюллетеней, которые я всѣ читалъ. Они—лучшій монументъ графскихъ доблестей. Я увѣренъ, что самъ графъ, ежели еще не читалъ ихъ, то будетъ читать со смѣхомъ, наипаче же поддѣланную прокламацію его къ московскимъ французамъ, когда отправлялъ ихъ въ Азію въ какой-то Хароновой баркѣ. Круто насолилъ извергу патриотъ нашъ въ своихъ посланіяхъ!

Меня увѣряютъ, что изъ Вѣны пріѣхалъ австрійскій курьеръ съ дружественными депешами. Наполеона со всѣми остальными его войсками загоняютъ у Толочина въ трущобу. Чичаговъ нажимаетъ на него спереди, гонитъ и истребляетъ кинувшіяся къ нему на помощь войска. Изъ нихъ взялъ уже онъ 11 тысячъ въ плѣнъ, отбилъ 24 пушки, знамена и обозы. Авангардъ Чичагова 9 числа миновалъ Борисовъ и по пятамъ преслѣдуетъ Домбровскаго. Гр. Витгенштейнъ съ праваго фланга идетъ также къ Толочину и поражаетъ на походѣ ретирующихся Виктора и Удино, у которыхъ взялъ въ одинъ день 800 плѣнныхъ. Гр. Платовъ и ген. Милорадовичъ впереди нашей глав. арміи достигаютъ отъ Орши къ Толочину большую французскую армію, которая спѣшитъ соединиться съ корпусами, кои преслѣдуются Чичаговымъ и гр. Витгенштейномъ. Свѣтлѣйшій тянется сзади и часть войскъ засылаетъ на лѣвый флангъ непріятельскій, дабы онъ ни въ которую сторону не могъ прорваться. Около Толочина надѣются кончить дѣло со врагомъ. По вступленіи въ Оршу нашли 27 пушекъ и лазаретъ съ 50 офицерами. Магдональдъ изъ Курляндіи ретируется на соединеніе съ Наполеономъ. Онъ опоздаетъ. Его преслѣдуетъ отъ Риги маркизъ Паулуччи. Вотъ состояніе военныхъ дѣлъ по читаннымъ мною реляціямъ. Сверхъ того увѣряютъ, что главная армія наша заставила еще 18 тысячъ непріятеля близъ Толочина положить ружье. Ожидая ежеминутно реляціи, которая, сказываютъ, слана въ типографію еще ночью.

Р. S. Узнаю теперь, что свѣтлѣйшій Кутузовъ наименованъ Смоленскимъ.

Французская трушна, говорятъ, вся увольняется наконецъ. Жалованье, которое ей производилось изъ дополнительной кабинетской суммы, обращено будетъ на пособіе разореннымъ французами.

Здѣшнее купечество собрало уже 300 тыс. рублей, изъ коихъ одну половину поднесетъ графу Витгенштейну, а другую его корпусу.

Второй часъ по полудни, а новой печатной реляціи еще не выходило.

80.

Ноября 22. 1812 г. пятница.

Все, что вы мнѣ говорите, несравненный Александръ Яковлевичъ, въ послѣднемъ посланіи есть точно и мое мнѣніе. Вы найдете его по клочкамъ въ разныхъ моихъ экспедиціяхъ. Когда мнѣ сдѣлалось въ началѣ сентября лучше, для личнаго объясненія хотѣлъ самъ тащиться къ вамъ. Несчастное происшествіе было тому помѣхою. Торжество недостойныхъ должно, какъ я думаю, скоро кончиться. Ежели токмо прибудетъ сюда извѣстная особа ¹⁾ изъ Ярославля, то представить вещи въ истинномъ ихъ видѣ. Да почиетъ во благихъ пр. Платонъ! Онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть отечество свое избавляющимся, разставаясь съ временною жизнію.

Печатная реляція, вышедшая вчерашній день, возвѣстила намъ новую побѣду, одержанную гр. Витгенштейномъ надъ Викторомъ и Удино 14-го числа близъ рѣки Березиной. Оба сіи маршала составляли арьергардъ Наполеоновыхъ остальныхъ войскъ. Самъ злодѣй, направляющійся къ Вильнѣ, будетъ встрѣченъ корпусомъ Чичагова. Герой взялъ болѣе 10-ти тысячъ въ плѣнъ, изъ коихъ до 8 т. положили послѣ тщетнаго сопротивленія ружье. 4 пушки, знамена и штандартъ съ обозами достались намъ того дня въ добычу. Между плѣнными нѣсколько генераловъ и множество офицеровъ. Большая наша армія идетъ сзади за неприятелемъ. Вся Бѣлоруссія уже очищена. Рѣшительное побоище должно произойти въ Минской губерніи.

Говорятъ, что кн. Ипсиланти пріѣхалъ съ извѣстіемъ о взятіи еще 20-ти тысячъ въ плѣнъ, которые также положили ружье. Отбить будто бы большой ящикъ съ алмазными вещами въ обозѣ Наполеоновомъ нашими партизанами. Все это требуетъ подтвержденія. Кажется, мудрено спастись извергу, но кто знаетъ, какія изыщеть онъ средства, чтобы избѣжать неминуемой гибели. Въ нынѣшнее развратное время деньги сдѣлались надежнѣйшею salva-гвардіею.

¹⁾ Великая Княгиня Екатерина Павловна.

О князѣ Александрѣ Борисовичѣ Куракинѣ есть достовѣрныя извѣстія, что онъ, пробывъ почти цѣлое лѣто и часть осени въ Гамбургѣ, поѣхалъ въ Вѣну, гдѣ и теперь долженъ еще находиться.

Изъ „Сѣв. Почты“ узнаете вы дальнѣйшее о парижскомъ заговорѣ.

Р. С. Барклай-де-Толли изъ Новгорода прямо проѣхалъ въ Лифляндскіе свои гаки.

81.

Ноября 26. 1812 г.

Графъ Витгенштейнъ, что могъ, то и сдѣлалъ. Онъ дрался цѣлый день съ Наполеономъ 16-го числа у Студенца, сбиль его съ мѣста, преслѣдовалъ, взялъ 1 пушку и 1.500 плѣнныхъ. 17-го опять напалъ на него, когда онъ переправлялся чрезъ рѣку Березину. 12 пушекъ, 1 знамя, огромный обозъ съ московскими сокровищами и множество плѣнныхъ успѣлъ еще онъ захватить на сей сторонѣ, потопилъ также довольно пушекъ и въ рѣкѣ. За сожженіемъ моста остановился онъ въ преслѣдованіи, доколѣ не наведетъ понтоновъ, присланныхъ уже ему отъ адмирала Чичагова. На той сторонѣ надѣялся онъ дѣйствовать вмѣстѣ съ адмираломъ и гр. Платовымъ. О дальнѣйшихъ успѣхахъ должны ожидать новыхъ донесеній, кои, какъ мнѣ сказывали, и привезъ уже генераль Сабанѣевъ. Кажется, злодѣй прорвался къ Вильнѣ. Больно о семъ и помыслить, еще прискорбнѣе читать тому въ реляціи подтвержденіе.

24-го праздновали въ церкви Зимняго дворца благодарственнымъ молебствіемъ побѣды надъ персіянами съ пушечною пальбою и освѣщеніемъ ввечеру всего города. Генералу Ртищеву посланъ 1-й степени Анны и разные ордена другимъ генераламъ и офицерамъ, отличившимся противъ персіянъ. Графу Витгенштейну за пораженіе Наполеона пожаловано 50 тысячъ рублей.

Не взыщите на больномъ за краткость. Богъ дастъ, такъ съ будущею намараю больше.

На побѣду гр. Витгенштейна надъ корпусомъ Виктора:

Wer dieses Bülletin gelesen,
Dem ist es ja wohl klar,
Dass Victor victus, hier gewesen,
Und Wittgenstein hier Victor war.

Градеръ.

На возведеніе маршала Нея Наполеономъ на степень Можайскаго принца:

Французскій маршаль Ней
 Можайскимъ принцемъ возвеличенъ:
 Всегда Можайскъ и былъ отличенъ
 Породою свиной.

Сейчасъ мнѣ прислали эти стишки. Коротки, такъ хотѣлось и вамъ ихъ сообщить, хоть ради смѣху.

82.

Ноября 29. 1812. Пятница.

Изъ Чичаговой реляціи въ прилагаемой газетѣ вы увидите, какъ онъ постарался преградить на послѣдней заставѣ путь бѣгущему непріятелю. Сказываютъ, что свѣтлѣйшій послѣ сего донесенія тотчасъ самъ поскакалъ въ адмиральскую армію, а главную армію поручилъ на время Беннигсену. Меня увѣряютъ, что отъ него уже пріѣхалъ генераль-адъютантъ кн. Волконскій съ краткимъ донесеніемъ о прибытіи его въ Чичаговскую армію. Онъ надѣялся еще до Вилейки перерѣзать дорогу Наполеону. Между тѣмъ есть реляціи отъ гр. Витгенштейта отъ 22 числа, которую я вчера читалъ. Онъ, преслѣдуя непріятеля за рѣкою Березиною, взялъ 13 тысячъ въ плѣнъ, 7 тысячъ побилъ, завоевалъ, а не нашель на дорогѣ нѣсколько пушекъ и одного орла. Съ Чичаговымъ идетъ онъ разными дорогами, дабы не стѣсняться и быстрѣе дѣйствовать на поражение врага, котораго настигаетъ онъ справа, а Чичаговъ слѣва. Магдональдъ спускается на соединеніе къ Наполеону, но гр. Витгенштейнъ взялъ мѣры не допускать того до Вилейки. Хоть уйдетъ Бонапартъ самъ, однако жъ изъ 500 тысячъ войска, противъ Россіи приведеннаго, едва-ли уцѣлѣетъ 50 тысячъ. Однихъ плѣнныхъ у насъ до 200 тыс., а побито, умерло отъ ранъ, голода и стужи вѣрно не менѣе 250 тыс. съ открытія кампаніи. Сей счетъ сдѣланъ по донесеніямъ, которыя простираются до 20-го ноября, у гр. Аракчеева. Ошибся же людоѣдъ, полагая расходъ по 30 тыс. на мѣсяць. Il a dépensé depuis le mois de juin plus de 70 m. par mois. Чѣмъ разнятся такое чудовище отъ посылаемыхъ Провидѣніемъ во гнѣвъ на родъ человѣческой чумы, голода и другихъ гибелей? Наполеонъ всѣ сіи язвы превосходитъ въ яростяхъ своихъ.—Подлинно, какъ вы пишете, любопытно будетъ читать тѣ бюллетени, которые выдастъ онъ по прибытіи въ герцогство Варшавское. Въ отдаленіи онъ лгалъ, какъ хотѣлъ, а теперь на-

добно же будетъ сказать, куда дѣвалась несмѣтная сила его. Ничего не можетъ быть нелѣпѣ причинъ, предъявленныхъ имъ въ разсужденіи оставленія Москвы. Ихъ бы слѣдовало безъ всякихъ примѣчаній перевести на русскій языкъ и напечатать. Вы должны имѣть всѣ сіи безстыдныя сплетенія, поелику они сполна препро-вождаются къ графу.

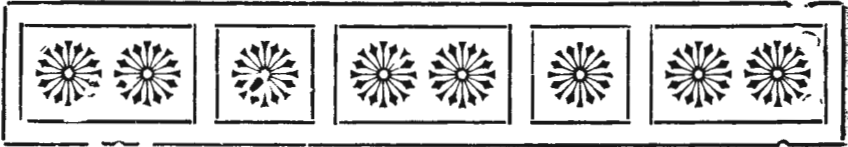
Изъ отставленной французской группы 16 человекъ или семействъ сохранили полное свое жалованье пенсіономъ съ тѣмъ токмо условіемъ, чтобъ эти деньги проживали они въ Россіи. Это можетъ годиться въ сравненіе съ тѣмъ, что вы писали объ угощеніяхъ извѣстной дамы въ Нижнемъ Новгородѣ.

По городу говорятъ другую недѣлю, что фран. суфлеръ хотѣлъ изъ Казанскаго собора похитить жезлъ маршала Даву. Такъ какъ толки о семъ весьма различны, то я и не вдаюсь въ описаніе оныхъ и не ручаюсь за достовѣрность, однако жъ, думаю, что было какое-нибудь похожее приключеніе съ тѣмъ жезломъ. Онъ лежитъ по-прежнему на своемъ мѣстѣ.

Вашимъ сенаторамъ поручено произвести слѣдствіе надъ членами муниципалитета. Таковые были присланный и сюда изъ Витебска графомъ Витгенштейномъ. Они всѣ уже отпущены и должностные сохранили даже и мѣста свои. Кажется, что на этотъ разъ дѣйствуетъ какой-то никому изъ насъ не извѣстный кодексъ. Были извѣстія въ партикулярныхъ письмахъ отъ почтенныхъ людей изъ арміи, что Понятовскій, Константинъ Чарторыжскій, Сапѣга и другіе знатнѣйшіе поляки захвачены, но вотъ уже третью послѣ того выходящую реляцію не дѣлается тому подтвержденія.

С. О. Долговъ.

Къ дѣлу Мировича.

Въ астраханскомъ архивѣ сохранилось нѣсколько данныхъ, относящихся къ дѣлу извѣстнаго „бунтовщика и измѣнника, злодѣя“ Мировича, правда, не важныхъ, однако могущихъ подъ-часъ пригодиться историку при описаніи этого интереснаго событія.

Оказывается, что въ числѣ сообщниковъ „измѣнника“ находилось большинство нижнихъ чиновъ Смоленскаго пѣхотнаго полка, квартировавшаго въ Шлиссельбургѣ. Указомъ военной коллегіи на имя астраханскаго губернатора Бекетова, отъ 24 сентября 1764 года, пятеро изъ нихъ: капралы Андрей Кореневъ, Николай Осиповъ и Абакумъ Мироновъ и солдаты Матвѣй Басовъ и Козьма Дитятевъ были приговорены, „по учиненіи сквозь шпицрутень наказанія“, къ ссылкѣ въ Астрахань „въ городскую работу вѣчно“. Согласно распоряженія (30 сентября) генераль-поручика фонъ-Веймарка, ихъ исключили, 15 ноября, изъ списковъ полка и въ казенной солдатской одеждѣ отправили по назначенію. Однако командиръ полка, полковникъ Александръ Римскій-Корсаковъ просилъ астраханскаго губернатора, по прибытіи ихъ туда, отобрать у нихъ военныя вещи и костюмы и, „при первой оказіи“, переслать въ полкъ.

Преступниковъ везли медленно чрезъ Москву, Нижній Новгородъ, Симбирскъ на Саратовъ. Послѣдній путь отъ Нижняго совершили они на судахъ подъ присмотромъ случавшихся военныхъ оказій.

Путь былъ долгій и утомительный! Прибыли они въ Астрахань, спустя восемь мѣсяцевъ, 23 августа 1765 года, и въ тотъ же день

были переданы въ „вѣдомство гауптвахтъ“ для содержанія подъ крѣпкимъ карауломъ скованными. Черезъ день ихъ вытребовали въ инженерную команду, гдѣ опредѣлили въ крѣпостную работу, лишили тутъ воинскаго званія и сняли съ нихъ принадлежащую Смоленскому полку военную одежду.

Что случилось съ ними, къ сожалѣнiю, свѣдѣнiй въ тамошнемъ архивѣ не сохранилось.

П. Юдинъ.

Изъ бумагъ архіепископа воронежскаго Парвенія, относящихся къ 1812 году.

Въ архивѣ Воронежскаго церковнаго историко-археологическаго Комитета хранится нѣсколько бумагъ, относящихся къ жизни архіепископа воронежскаго Парвенія (умершаго въ 1853 году).

Какъ уроженецъ г. Москвы, архіепископъ Парвеній (Чертковъ) обучался въ Московской академіи, по окончаніи курса которой проходилъ тамъ же должность учителя и префекта. Первые годы его службы въ Москвѣ совпали съ 1812 годомъ; въ это именно время онъ былъ настоятелемъ Московскаго Крестовоздвиженскаго монастыря и префектомъ тогдашней „Славяно-греко-латинской академіи“. Въ 1817 году, когда архіепископъ Парвеній былъ архимандритомъ Московскаго Заиконоспасскаго „училищнаго“ монастыря, ему поручено было собрать свѣдѣнія касательно того, въ какомъ видѣ были вышепоименованные два монастыря и академія въ 1812 году. Эту задачу архіепископъ Парвеній выполнялъ, собравъ нужныя свѣдѣнія отъ очевидцевъ и изъ своихъ личныхъ воспоминаній. Собранныя свѣдѣнія были представлены въ двухъ экземплярахъ „къ Его Высочайшему Священству Августину, архіепископу Дмитровскому и управляющему Московской митрополіею, декабря 4 дня 1817 года“. Черновикъ же этихъ свѣдѣній остался у собирателя-архіепископа Парвенія, отъ котораго перешли затѣмъ къ архимандриту Геронтію, автору многихъ брошюръ съ описаніемъ монастырей Воронежской и Московской епархій. Архимандритъ же Геронтіій передалъ эти свѣдѣнія въ архивъ Воронежскаго комитета чрезъ мѣстнаго историка Н. И. Поликарпова. Изъ даннаго источника мы и заимствуемъ нижеприведенное сообщеніе.

Съ 29 августа настоятель Крестовоздвиженскаго монастыря архимандритъ Парєеній съ казначеемъ и братією началъ собираться къ отъѣзду и перваго сентября въ три часа по полуночи уѣхалъ, по назначенію начальства, въ Вологду. Съ собою онъ взялъ монастырскую казну, много церковной утвари и богослужебныхъ книгъ. Лучшая же церковная утварь была положена въ сундукъ, который и поставленъ былъ подъ полъ верхней церкви въ придѣлѣ „Василія Парисскаго“; другія же вещи были скрыты надъ алтаремъ нижней Успенской церкви, куда велъ тайный проходъ, и гдѣ для клажи было особенное мѣсто. Но монастырь не былъ оставленъ всѣми: при немъ осталось нѣсколько монаховъ, которыхъ, впрочемъ, ждало одно лишь горе. Такъ, іеромонахи Иліодоръ и Іона, когда непріятель вступилъ въ Москву, прожили въ монастырѣ три недѣли; скоро отъ страха, несносныхъ побоевъ и голода они удалились изъ монастыря. Но на дорогѣ они были схвачены французами и возвращены въ Москву; здѣсь жестокими побоями они принуждены были носить тяжелыя ноши. Впрочемъ, имъ удалось укрыться отъ такихъ истязаній непріятеля въ подмосковныя селенія.

При вступленіи непріятеля въ Москву, штатные монастырскіе служители засыпали монастырскія ворота землею аршина на два. Непріятель подошелъ къ монастырю и отбилъ ворота, жестоко наказавъ служителей за ихъ сооруженіе. Позванъ былъ послушникъ Григорій, у котораго хранились ключи отъ церковныхъ дверей; послушникъ ключей не давалъ, говоря, что ихъ у него нѣтъ. Тогда непріятель бревнами отбилъ двери какъ въ нижней Успенской церкви, такъ и въ верхней Крестовоздвиженской. По вторженіи въ церковь, французы стали взрывать полы. При этомъ они нещадно били іеромонаховъ Иліодора и Іону за то, что они, когда ихъ допрашивали, гдѣ утварь церковная, отвѣчали, что настоятель увезъ съ собою. Взорвавъ полъ, французы нашли спрятанныя вещи. Ограбивъ монастырь, французы не оставили его: они поселились въ немъ. Въ алтаряхъ нижней и верхней церкви они подѣлали для себя спальни и поставили кровати, вокругъ которыхъ изъ отысканныхъ ризъ сдѣлали завѣсы; въ иконостасахъ были вбиты гвозди для вѣшанія конской сбруи и оружія. Весь монастырь былъ уставленъ фурами съ провіантомъ; вокругъ церкви и въ самой нижней Успенской церкви стояли лошади. Вводили лошадей и въ верхнюю церковь, но по причинѣ высоты крыльца вывели. Въ нижней церкви придѣлъ Григорія Богослова обращенъ былъ въ кладовую и на царскихъ дверяхъ у Евангелистовъ лики были скованы шпалами, а въ иконы были вбиты гвозди. Въ печкахъ церковей готовили ку-

шаніе и жгли парчевыя ризы для отдѣленія серебра и золота, а нѣкоторые изъ французовъ, одѣвшись въ ризы, производили различныя работы. Питались французы, чѣмъ Богъ пошлетъ: стрѣляли голубей и галокъ, гнѣздившихся подъ крышами, коихъ варили и жарили; рѣзали и лошадей для употребленія въ пищу... Во время пожара, объявшаго пламенемъ Москву, разлившимся подобно огненной рѣкѣ, загорѣлись стропила на паперти около верхней церкви и выгорѣло нѣсколько рѣшетника; огонь былъ потушенъ штатными служителями. Самый храмъ уцѣлѣлъ. Въ верхней церкви иконостасы, иконы, престолы и жертвенники остались отъ огня неприкосновенными. Два раза въ верхней церкви загорался деревянный полъ. Въ нижней церкви престолъ, жертвенникъ и нѣсколько иконъ сожжены непріателемъ вмѣсто дровъ, хотя на монастырѣ много было длинныхъ сосновыхъ бревенъ. Скоро загорѣлись братскія желія, отъ которыхъ огонь перешелъ и на церковь Никиты Новгородскаго, что подъ колокольнею; въ этой церкви сгорѣла половина пола, другая же, равно какъ и иконостасъ, безъ всякихъ къ потушенію средствъ, остались отъ огня невредимыми. Отъ взрыва непріателемъ кремлевскихъ зданій стекла въ верхней церкви всѣ были выбиты.

Вотъ что пережилъ Крестовоздвиженскій монастырь въ историческій 1812 годъ.

Не менѣе печальные дни пережилъ и Заиконоспасскій монастырь. Въ это время настоятелемъ этого монастыря былъ архимандритъ Симеонъ, впоследствии епископъ Тульскій. Онъ тоже вмѣстѣ съ другими перваго сентября въ три часа по полуночи уѣхалъ въ Вологду, взявъ съ собою большую часть церковной утвари и большинство монастырской братіи. Когда французы вступили въ Москву и заняли монастырь, то въ трапезѣ нижней церкви они поставили лошадей, которыхъ вмѣсто ковровъ покрыли ризами, въ алтарѣ помѣстили кровати. Къ монастырскимъ воротамъ и на городской стѣнѣ былъ поставленъ караулъ. Въ настоятельскихъ покояхъ поселился французскій генералъ; въ казначейской кельѣ жили портные и шили мундиры; въ кухнѣ настоятельской и братской трапезѣ пекли хлѣбъ, который отпущался въ полки. Дровяной сарай наполненъ былъ ржаными снопами; во флигелѣ, гдѣ помѣщались книжныя лавки монастыря, французенка торговала виномъ и съѣстнымъ; постель ея, по замѣчанію очевидцевъ, покрыта была св. плащаницею. Передъ выходомъ своимъ изъ Москвы французы до того нуждались пищею, что ѣли одинъ картофель, а иногда стрѣляли воронъ и галокъ; чиновники, которые прежде ѣли пшеничный хлѣбъ, стали съ большимъ трудомъ добывать и ржаной хлѣбъ.

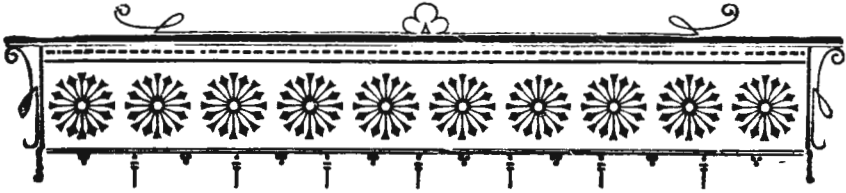
Вступивъ въ монастырь, непріятель выгналъ изъ монастыря всѣхъ оставшихся тамъ монаховъ. Іеромонахъ Иннокентій и іеродіаконъ Вонифатій и Владиміръ ночью укрывались въ пещерахъ городской стѣны, а днемъ уходили на „помородокъ“, гдѣ, по увѣренію очевидцевъ, скрывалось русскихъ до 500 человекъ. Всѣ были ограблены до наготы. Іеромонахъ Викторъ и послушникъ Иванъ, которые служили при Владимірской церкви, жили въ находящейся за церковью башнѣ, гдѣ укрывались многіе обыватели съ семействами. Всѣ питались соленой рыбой, картофелемъ, но хлѣба не имѣли. Скоро непріятель замѣтилъ ихъ и сталъ посылать ихъ на работу, подвергая ихъ часто жестокимъ побоямъ. Такъ, іеромонахъ Викторъ, изнуренный голодомъ и работой, за то, что не могъ болѣе тащить тяжелой ноши, былъ брошенъ въ Москву-рѣку; переплывъ на другой берегъ, онъ, зарывшись въ песокъ, въ такомъ видѣ и ночевалъ. Іеродіаконъ Вонифатій по своей дряхлости и истощенію силъ отъ голода и непосильной работы отказался носить ноши, за что ему хотѣли отсѣчь голову и бросить въ рѣку; самыя рогожи, которыми онъ прикрывалъ свою наготу, были съ него сняты. Іеродіаконъ Владиміръ сильно былъ израненъ саблями и нагой носилъ тяжести; для большаго поруганія онъ былъ покрытъ св. покровомъ. Также жестоко было поступлено и со штатными служителями монастыря.

Покидая Москву и собираясь взорвать Кремль, французы предупреждали объ этомъ всѣхъ. Когда они ушли изъ Москвы, монастырь остался цѣль и невредимъ, хотя и былъ загрязненъ соромъ и всякою всячиною. Академія тоже была покинута: ректоръ, префектъ и монашествующіе уѣхали въ Вологду, а учителя разѣхались по селамъ, незанятымъ непріятелемъ. Осталось въ академіи не болѣе пяти человекъ учениковъ, которыхъ французы употребляли въ качествѣ прислуги, конечно безъ всякой платы—за пищу. Комнаты префекта академіи были заняты маіоромъ и офицерами; въ богословскихъ, философскихъ и другихъ классахъ, также въ учительскихъ покояхъ жили портные и шили мундиры; флигель для казеннокоштныхъ занятъ былъ сапожниками; на полу въ библиотекѣ хранилась капуста.

Особаго вреда французы не причинили академіи, и она пострадала лишь немного отъ взрыва Кремля: зданіе дало значительныя трещины, стекла были выбиты... Такъ отнеслись, все-таки жестоко, французы къ нашимъ святынямъ и къ разсаднику просвѣщенія—Славяно-греко-латинской академіи.

Т. М. Олейниковъ.

Изъ воспоминаній о плаваніи на крейсере „Африка“¹⁾.

7 апрѣля ушли на Тенедось, до 10-го числа стояли въ пріятномъ ожиданіи прихода болгарскаго князя, не имѣя сообщенія съ берегомъ, зато ученья шли безостановочно.

Наконецъ, показалась турецкая яхта подъ штандартомъ князя, у насъ послали матросовъ по реямъ въ бѣлыхъ рубашкахъ, несмотря на порядочный холодъ, командиръ протестовалъ въ видахъ сохраненія здоровья, но адмиралъ сдѣлалъ по-своему, находя, что „такъ красивѣе“. Адмиралъ съѣздилъ на яхту, и князь немедленно отдалъ визитъ, вскорѣ оба корабля снялись съ якоря для слѣдованія въ Яффу, куда мы пришли раньше яхты. Съ берега пришла большая баржа, сообразно условіямъ здѣшняго рейда (здѣсь почти постоянно громадная зыбъ съ моря, нашъ крейсеръ чуть не черпалъ бортами стоя на якорѣ). На баржу усадили 8 офицеровъ (по жребію) и 32 нижнихъ чина, съ большимъ трудомъ, надо садиться, когда крейсеръ наклоняется къ баржѣ или вѣрнѣе быстро прыгать, такъ какъ въ слѣдующій моментъ трапъ уйдетъ высоко вверхъ при наклоненіи крейсера на другой бокъ.

На берегу размѣстили по шести человѣкъ въ экипажи—телѣги, запряженные тройкой лошадей, и въ ночь тронулись въ путь; всѣхъ этихъ неудобныхъ экипажей было около 20 вслѣдствіе многочисленной свиты князя, кромѣ того, нашъ длинный кортежъ былъ еще усиленъ коннымъ конвоемъ около коляски князя. Мы купили на дорогу настоящихъ яффскихъ апельсинъ—за 1 франкъ, засыпавъ ими все дно нашей телѣги.

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1912 г.

Всю ночь ѣхали по сѣверной дорогѣ, продрогли безъ пальто (днемъ очень жарко), и сидѣть было неудобно,--къ утру каждая косточка болѣла, подобную поѣздку можно отнести къ серьезнымъ испытаніямъ.

Утромъ 14 апрѣля собрались всѣ на постояломъ дворѣ, чтобы одновременно вѣхать въ священный градъ Іерусалимъ, конечно остановились около зданій миссіи; въ нихъ помѣщается консульство, храмъ и страннопримные дома 1 и 2 классовъ.

Распредѣливъ команду по помѣщеніямъ, мы всѣ съ адмираломъ и командой пошли въ храмъ Воскресенія смотрѣть омовеніе ногъ (Великій четвергъ). Консульскіе кавасы энергично очищали дорогу съ помощью большихъ жезловъ, и потому мы свободно прошли на террасу храма, откуда хорошо было видно всю церемонію.

Церемонія не отличается ни благолѣпіемъ, ни торжественностью, все дѣлается кое-какъ, къ тому же неприятно видѣть кругомъ турецкихъ солдатъ съ ружьями, слушать крики толпы, продавцовъ и видѣть куреніе табака. Не аппетитно, что даютъ мочить платки въ той водѣ, въ которой моютъ ноги священникамъ, чтобы прикладывать къ глазамъ и лицу. Послѣ этой процедуры мы пошли въ храмъ (церемонія происходила на дворѣ храма), который заперли за нами, чтобы не впускать никого изъ публики на время нашего осмотра. Съ зажженными свѣчами въ предшествіи духовенства и пѣвчихъ мы пошли по святымъ мѣстамъ.

Прежде всего противъ входныхъ дверей приложились къ плитѣ, на которую былъ положенъ Іисусъ Христосъ по снятіи со креста, плита лежитъ подъ балдахиномъ такъ низко, что надо становиться на колѣно, чтобы приложиться. Далѣе пришли къ часовнѣ гроба Господня (Кувукліонъ), она сдѣлана изъ мрамора и состоитъ изъ двухъ отдѣленій, первое или придѣлъ ангель—тутъ Марія Магдалина и Пречистая Богоматерь услышали радостную вѣсть о Воскресеніи Христа, въ этомъ же придѣлѣ теперь стоятъ мраморная ваза съ кускомъ камня, который былъ отваленъ отъ гроба. Во второмъ отдѣленіи лежитъ плита, обозначающая мѣсто гроба Господня, входятъ сгибаясь черезъ низкій проходъ. Словами не передашь чувство благоговѣнія и радости, что сподобился приложиться ко гробу Господню, надо испытать.

Снаружи часовня обвѣшана 3.000 лампадъ, принадлежащими разнымъ вѣроисповѣданіямъ, которыя зажигаютъ свои лампы во время своего богослуженія.

Отъ часовни пошли въ католическій придѣлъ Божьей Матери, и въ армянскій—гдѣ хранится животворящій крестъ Господень. Поднявшись на Голгоѳу, гдѣ стояли три креста, обошли всѣ придѣлы

въ память разныхъ событій, въ одномъ изъ придѣловъ намъ показали камень, на которомъ сидѣлъ Спаситель въ терновомъ вѣнцѣ, когда его били воины. На каждой остановкѣ духовенство читало евангеліе, и пѣвчіе пѣли соответствующія молитвы.

Благоговѣніе немного разстраивается постоянными поборами въ каждомъ мѣстѣ отдѣльно, не успѣешь разсмотрѣть хорошенько и углубиться, какъ тянутъ къ вамъ тарелку.

Порядокъ въ храмѣ поддерживается турецкими солдатами, безъ которыхъ монахи разныхъ вѣроисповѣданій и націй непремѣнно бы передрались, и спорамъ не было бы конца.

Изъ храма вернулись къ 2 часамъ обѣдать; угощали насъ бараниной несмотря на Великій постъ, во время обѣда пришелъ монахъ сказать, что патріархъ благословляетъ насъ ѣсть скоромную пищу, такъ какъ постаго здѣсь ничего нѣтъ.

Послѣ обѣда, несмотря на усталость (послѣ ночной дороги не отдыхали и не спали) пошли подъ руководствомъ смотрительницы страннопріимнаго дома по *Via dolorosa*—путь страданій Спасителя, мы прошли весь путь, останавливаясь на мѣстахъ, гдѣ Спаситель, падалъ подъ тяжестью креста, въ одномъ мѣстѣ лежитъ обломокъ колонны, которую не могутъ поднять—это безмолвная свидѣтельница страданій Христа. Зашли на мѣсто раскопокъ въ имѣніе Великаго Князя Константина Николаевича, вошли въ католическій храмъ, построенный на томъ мѣстѣ, гдѣ били Иисуса Христа въ терновомъ вѣнцѣ; далѣе видѣли архіерейскій домъ, гдѣ воинъ ударилъ Христа по ланитѣ, и этотъ ударъ былъ слышенъ по всему дому. Храмъ устроенъ католиками очень хорошо, съ улицы входятъ черезъ небольшой дворъ; въ храмѣ, построенномъ Св. Еленой, раньше еще показывали мѣсто, гдѣ Вероника (жена Пилата) сподобилась отереть полотенцемъ окровавленный ликъ Спасителя.

Далѣе идетъ домъ Пилата, обращенный въ турецкую казарму, внутри показываютъ комнату, гдѣ происходилъ судъ надъ Иисусомъ Христомъ. Здѣсь жена Пилата прислала сказать мужу, сидѣвшему на судилищѣ: „ничто же себѣ и праведнику сему, много бо пострадала днесъ во снѣ Его ради“.

Тутъ же показываютъ лиоостротонъ или каменный помостъ, гдѣ Пилать умылъ руки передъ народомъ и сказалъ: „неповиненъ есмь отъ крови Праведника сего, вы узрите“.

Пройдя немного далѣе, мы увидѣли арку, перекинутую черезъ улицу, здѣсь Пилать вывелъ Спасителя къ народу и сказалъ: „се человекъ“. Невдалекѣ въ стѣну вложенъ камень—тутъ толкнули Божью Матерь войны, когда она хотѣла просить у Пилата за Спасителя.

Пройдя мечеть Омара, бывший храмъ Соломона, пришли къ овчей купели, гдѣ ангелъ возмущалъ воду, и больные получали исцѣленіе.

Черезъ Синайскія ворота мы вышли изъ Іерусалима, чтобы спуститься съ горы Морія въ Иосафатову долину. Въ началѣ показали золотыя ворота, черезъ которыя Іисусъ Христосъ вѣхалъ въ Іерусалимъ на ослиати, здѣсь по преданію Господь будетъ судить во время страшнаго суда. Ворота теперь задѣланы турками, у нихъ существуетъ повѣріе, что придетъ чрезъ нихъ христіанскій царь, который покоритъ мусульманъ.

На серединѣ горы указали мѣсто побіенія камнями мученика Стефана и яму, куда Савль спряталъ его одежды, далѣе мѣсто, съ котораго Богородица смотрѣла на побіеніе и молилась за Стефана.

Въ долину Кедроваго потока (теперь высохшаго) стоитъ памятникъ Авессалома на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ повисъ на волосахъ, спасаясь бѣгствомъ; всѣ бросаютъ камни въ памятникъ. За ними лежитъ кладбище странниковъ, земля куплена за тридцать сребренниковъ, брошенныхъ Іудею предателемъ въ храмъ.

При подъемѣ на Сіонскую гору лежитъ Геосиманскій садъ, жалкій остатокъ прежняго вертограда; онъ обнесенъ стѣной; тутъ показываютъ маслину, подъ которой молился І. Христосъ. Внѣ ограды отдѣлено мѣсто молитвы І. Христа, когда Онъ молился до кроваваго пота „о чашѣ“. Тутъ же камни, гдѣ лежали апостолы во время молитвы Спасителя, на камняхъ отпечатокъ очертаній тѣла, рукъ и ногъ апостоловъ.

Наша проводница въ виду нашего отказа идти дальше сказала, что есть турецкая мечеть, въ которой сохранилась та горница, въ которой Господь ночью училъ апостоловъ, тамъ же была Тайная вечеря. Въ этой мечети находится гробница царя Давида и Соломона. Также показываютъ развалины дома Іоанна Богослова, гдѣ было сошествіе Святаго Духа, здѣсь же Пресвятая Богородица жила болѣе 20 лѣтъ послѣ Вознесенія Господа на небо, тутъ же было Ея успеніе.

Налѣво отъ Геосиманскаго сада входъ въ пещеру, гдѣ погребена Богородица; пещера украшена готическимъ фронтономъ. Широкая лѣстница ведетъ внизъ въ храмъ Богородицы, при спускѣ направо два престола надъ гробницами Іоакима и Анны, съ лѣвой стороны гробница Іосифа, обручника Св. Дѣвы. Внизу посреди галлерей стоитъ гробница Богородицы каменная, въ видѣ часовни. Съ южной стороны отведено мѣсто для молитвы мусульманъ, которые чтутъ Богородицу.

Изъ этой пещеры мы прошли въ другую рядомъ, въ коей оставались апостолы, когда Господь ушелъ съ тремя изъ нихъ молиться въ Геосиманію.

Далѣ по Елеонской горѣ мѣсто, гдѣ Иисусъ Христосъ садился на осла передъ въѣздомъ въ Иерусалимъ—это мѣсто куплено Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ для постройки часовни въ память въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра II. Наконецъ поднялись на верхъ, гдѣ было Вознесеніе Господне. Назадъ еле шли отъ усталости, но зато полные впечатлѣній.

Опять кормили насъ обѣдомъ и въ 9 часовъ вечера повели на 12 евангелій, но могли простоять только пять—силъ не хватило, едва дотащились домой спать.

15 апрѣля. Рано утромъ сѣли на лошадей и частью на ослевъ, вмѣстѣ съ нашей командой, для поѣздки въ Виелеемъ. Дорога идетъ по пескамъ и скаламъ безъ всякой зелени, зато пыли много; остановка была въ монастырѣ Св. Или, гдѣ насъ угостили вареньемъ и виномъ. Около монастыря находится колодезь—мѣсто встрѣчи Рахили съ посланнымъ отъ Иакова и гороховое поле.

Разсказываютъ, что Богоматерь, проходя съ апостолами мимо этого мѣста, спросила человѣка, сѣявшаго горохъ, что онъ сѣетъ, тотъ изъ скупости сказалъ: „сѣю камни“, Богородица на это сказала: „будь по слову твоему“ и дѣйствительно, когда выросъ горохъ, то въ стручкахъ оказались камешки, ихъ можно и теперь найти; мы набрали себѣ на память. Съ тѣхъ поръ поле никому не принадлежитъ, и турки не позволяютъ никому прикасаться къ заклѣтому мѣсту.

Вѣхали въ Виелеемъ торжественно, вездѣ вызывали караулы въ ружье для отданія чести, а жители вставали и кланялись. Мы проѣхали прямо къ дому, гдѣ были ясли Спасителя; пройдя дворъ, вошли въ храмъ, алтарь котораго построенъ на самомъ вертепѣ, 15 ступеней внизъ ведутъ въ подземную церковь или вертепъ Рождества—это естественная пещера въ скалѣ, теперь обложенная мраморомъ; мѣсто рожденія обозначено серебряной звѣздой. Немного дальше другая пещера, гдѣ были ясли; здѣсь было поклоненіе волхвовъ.

Отъ Виелемскаго храма недалеко находится пещера Богоматери, гдѣ она, спасаясь отъ Ирода, провела два дня. По преданію у Божьей Матери тогда былъ избытокъ молока, которое стекая обращалось въ мягкій камень—женщины, страдающія грудными болѣзнями, распускаютъ камень въ водѣ, пьютъ эту воду и по вѣрѣ своей получаютъ исцѣленіе.

По окончаніи осмотра мы вернулись въ Иерусалимъ къ 2 часамъ дня; по дорогѣ намъ показали городъ Раму, гдѣ было избіеніе младенцевъ. Позавтракавъ, пошли по городу посмотрѣть магазины, вездѣ торговля издѣліями изъ пальмы, четки и пр. Ходили недолго:

надо было идти на выносъ плащаницы въ соборъ Св. Троицы при миссіи. Въ 10 часовъ вечера съ консуломъ пошли къ гробу Господню на ночную службу—впереди шли кавасы, наша команда, консулъ въ паланкинѣ и мы пѣшкомъ вмѣстѣ со свитой князя. Въ соборѣ прошли въ алтарь и черезъ нѣсколько времени пошли крестнымъ ходомъ съ плащаницей по святымъ мѣстамъ. Въ 1 часъ ночи вернулись домой, хотя служба еще не кончилась.

16 апрѣля. Великая Суббота. Съ утра легкій осмотръ храма Соломона, т. к. у мусульманъ праздникъ, и по храму ходить нельзя. До 2 часовъ насъ водили по менѣе важнымъ мѣстамъ, и наша путеводительница рассказывала подробности про святые мѣста.

Въ 2 часа дня пошли въ храмъ Воскресенія, насъ помѣстили въ ложу галлерей, окружающей храмъ внутри. Въ храмѣ погасили всѣ огни; въ это время православные арабы начали кричать: „сильна наша вѣра, одна наша вѣра“, бѣсновались, скакали среди массы народа, наполнившей храмъ.

Черезъ нѣсколько времени патріархъ, безъ верхняго одѣянія, прошелъ въ часовню гроба Господня (осмотрѣнную турецкими властями), за нимъ заперли дверь. Прошло немного времени его молитвъ, какъ онъ подалъ зажженную святымъ огнемъ свѣчку въ окошко часовни; человекъ, взявшій свѣчу, былъ отнесенъ на рукахъ въ алтарь зажечь неугасаемую лампаду (въ ней огонь не прекращается круглый годъ и тушится только въ Великую Субботу, чтобы вновь зажечь священнымъ огнемъ). Когда лампада была зажжена, стали зажигать свѣчи, большею частью пучки свѣчъ въ 33 свѣчи. По преданію въ давнее время католики подучили турокъ и арабовъ требовать отъ патріарха публичнаго низведенія огня, а сами стали у гроба Господня; черезъ нѣсколько времени огонь сошелъ внѣ часовни къ православному патріарху, ударивъ въ колонну, (которая имѣетъ трещину); тогда арабы стали кричать: „сильна наша вѣра“,—это сохранилось и до сихъ поръ.

Изъ храма вернулись домой, въ это время Болгарскій князь прислалъ къ ротному командиру просить дать ему матроса въ баню. Матросъ вымылъ князя, который далъ ему за работу русскій золотой. Въ виду быстрой посылки матроса, онъ не успѣлъ взять съ собой вещей; князь это замѣтилъ и, когда одѣлся, то принесъ матросу полотенце.

Едва мы успѣли пообѣдать, какъ за нами пришли, чтобы идти къ гробу Господню слушать заутреню и пріобщаться. Насъ провели къ самой часовнѣ, гдѣ мы простояли всю службу, прикладывались ко гробу и пріобщались (исповѣдывались до обѣда).

Въ 6 часовъ утра вышли изъ храма, не замѣтивъ, какъ прошла ночь въ молитвѣ (съ 9 вечера до 6 утра).

Изъ храма Воскресенія насъ повели въ соборъ Св. Троицы, гдѣ стояли еще часъ вмѣстѣ съ консуломъ и Болгарскимъ княземъ, затѣмъ всѣ отправились разговѣться къ генеральному консулу.

Во время спокойнаго сидѣнья у консула усталость дала о себѣ знать, и мы мечтали, какъ бы хорошо лечь спать, но... въ 8 часовъ поднялись и, забравъ вещи, отправились въ обратный мучительный путь по жарѣ.

Приѣхали въ Яффу голодные; разсчитывая попасть сейчасъ же на судно, не искали, гдѣ бы поѣсть; къ несчастью у матросовъ сломался одинъ экипажъ, вслѣдствіе чего вышла задержка, и они приѣхали съ большимъ опозданіемъ, а мы голодные бродили по пристани въ пріятномъ ожиданіи.

Наконецъ, къ 7 часамъ вечера съ большимъ трудомъ попали на крейсеръ, гдѣ начальство волновалось, особенно въ виду усиленія вѣтра и качки, вслѣдствіе которой при съемкѣ съ якоря сломался брашпиль, и якорь пришлось поднимать таями въ ручную.

Лейтенантъ Р., пообѣдавъ наскоро, долженъ былъ вступить на вахту въ 8 часовъ вечера, пока снимались съ якоря, усталый лейтенантъ держался, но на мостикѣ чрезмѣрное утомленіе осилило, и онъ сталъ засыпать стоя и даже на ходу. Командиръ, зная причину, приказалъ сигнальщикамъ оберегать вахтеннаго начальника, а самъ стоялъ вахту, пока кризисъ не миновалъ, и лейтенантъ не оправился.

Переходъ былъ бурный, качало ужасно, пока не вошли 20 апрѣля въ гавань города Сира, ночевали тамъ и на другой день вошли въ Пирей при громѣ салютовъ. Тотчасъ по постановкѣ на якорь, на крейсеръ прибыли разныя лица представиться князю и поздравить съ прибытіемъ, по окончаніи приѣма онъ отправился на греческой баржѣ подъ штандартомъ на берегъ, гдѣ былъ встрѣченъ греческимъ королемъ и почетнымъ карауломъ.

Бурный переходъ настолько испугалъ князя, что онъ отказался идти въ Адриатическое море вокругъ Греціи, тогда рѣшили послать „Африку“ въ Коринѣъ, куда князь могъ приѣхать въ коляскѣ; поэтому въ 7 часовъ вечера мы ушли изъ Пирея, 23 апрѣля обогнувъ полуостровъ, пройдя мимо Патраса, пришли въ Коринѣъ, маленькій городъ, стоящій въ пескахъ, но доставляющій большое количество „коринки“.

Если бы каналъ черезъ Коринѣскій перешеекъ былъ готовъ, то „Африкѣ“ не надо бы огибать полуостровъ. Болгарскій князь съ адмираломъ и свитой прибыли въ 5 часовъ дня, такъ что мы успѣли

снятья съ якоря и выйти въ море, направляясь въ Каттаро, откуда Болгарскій князь долженъ былъ сдѣлать визитъ Черногорскому князю въ Цетиньѣ.

Всѣ переходы были для насъ крайне безпокойны, помимо усиленной службы должны были быть гостепріимными хозяевами со свитой князя, которая выселила насъ изъ нашихъ каютъ въ матросскій лазаретъ въ командномъ помѣщеніи, гдѣ ночью подь часъ былъ очень тяжелый воздухъ. Главное неудобство заключалось еще въ томъ, что намъ было велѣно очистить ящики и забрать всѣ вещи съ собой, пришлось сложить въ корзину и держать подь кроватью.

Адмиралу досталась каюта старшаго офицера, для услугъ ему назначили вѣстового татарина, и вотъ однажды адмиралъ, выйдя въ каютъ-кампанію пить кофе, обратился къ ротному командиру:

— „Знаете, В. Ф., какъ вашъ вѣстовой со мной разговариваетъ?“

— „Не знаю, Ваше Превосходительство, только если плохо, то я наложу взысканіе“.

— „Напротивъ, очень забавно, и я прошу Васъ его не переучивать, пусть говоритъ какъ умѣетъ; вѣстовой, обращаясь ко мнѣ говоритъ: „Ваше благородіе, пиджакъ надѣтъ будышь?“, и все въ такомъ родѣ“.

Когда вѣстовому сдѣлали разъясненіе, онъ былъ сконфуженъ и пытался говорить „Ваше Прев.“, но это у него не вышло.

25 апрѣля недалеко отъ входа въ бухту Болгарскій князь обратился къ вахтенному начальнику:

— „Какъ вы думаете, австрійцы насъ пропустятъ?“

— „Я увѣренъ, Ваше Высочество, что австрійцы не посмѣютъ задержать крейсеръ, идущій подь Вашимъ штандартомъ“.

И какъ бы въ отвѣтъ на вопросъ князя крѣпость начала салютъ, а разговоръ этотъ возникъ по слѣдующей причинѣ:

Австрійцы не позволяютъ входить въ Каттаро больше одного военнаго судна и дали разрѣшеніе посланнику въ Аѣинахъ отправить одно судно, тогда адмиралъ Чебышевъ послалъ клиперъ „Джигитъ“ въ распоряженіе Черногорскаго князя, надѣясь, что „Африку“ и такъ не задержатъ подь штандартомъ. Когда же появилась „Африка“ („Джигитъ“ уже былъ въ Каттаро), австрійцы были удивлены и, хотя не посмѣли задержать ее, но возбудили цѣлую исторію, въ результатѣ которой адмиралъ получилъ здоровый разговоръ.

Послѣ салютовъ вошли въ бухту, идущую зигзагами между высокими горами, вѣрнѣе шли озерами, переходя изъ одного въ другое небольшими проливами; благодаря громадной высотѣ горъ,

озера закрыты отъ вѣтровъ, почему поверхность ихъ какъ зеркало, а красота-то кругомъ какая! не хватитъ и умѣнья разказать нѣтъ силъ.

Естественно при первой возможности мы отправились на берегъ бродить по небольшому Каттаро, его окрестностямъ и добрались до столицы Черногоріи Цетинье. Дорога идетъ по горамъ зигзагами, по камнямъ безъ всякой зелени, подъемъ очень утомительный, но все-таки мы преодолѣли всѣ трудности къ полному одобренію встрѣчавшихся черногорцевъ. Подойдетъ къ тебѣ высокій молодчина въ живописномъ костюмѣ и спроситъ: „русскій?“, получивъ отвѣтъ, непременно похлопаетъ дружески по плечу и скажетъ: „добре“.

Мы пошли, думая немного погулять, но увлеклись подъемомъ и рѣшили идти до конца, на полдорогѣ ужасно захотѣлось ѣсть, зашли въ саклю, гдѣ съѣли весь наличный овечій сыръ, безъ хлѣба и выпили съ горя небольшой запасъ какой-то противной водки.

Въ теченіе трехдневной стоянки былъ обмѣнъ визитовъ и салюты безъ конца, наконецъ, 28 апрѣля ушли въ Анкону, гдѣ Его Высочество отбылъ со свитой на берегъ для слѣдованія въ Россію; передъ отъѣздомъ онъ собственноручно надѣлъ старшимъ чинамъ ордена Св. Александра. Намъ ужасно нравился этотъ бѣленькій крестикъ, полученный изъ рукъ князя, котораго мы очень полюбили и провожали самымъ сердечнымъ образомъ.

Отдохнувъ въ Анконѣ денекъ, пошли дальше. Какъ выше было сказано, что въ Яфѣ при съемкѣ съ якоря сломался брашпиль, починить его можно было только въ военномъ портѣ и потому рѣшено было идти въ Неаполь ко всеобщей радости; мы благословляли судьбу, пославшую намъ поломку брашпиля, очень кстати вышло, только одно обстоятельство нѣсколько омрачило нашъ восторгъ, это отсутствіе денегъ, а въ Неаполѣ-то какъ разъ безъ нихъ хоть не ѣзди на берегъ. Который уже разъ приходится быть въ Неаполѣ и каждый разъ кромѣ восхищенія природой, видами—овладѣваетъ какое-то особенное, необъяснимое чувство. Даже вечеромъ на вахтѣ стоять и то хорошо: чудный, тихій, теплый вечеръ, луна освѣщаетъ рейдъ, а съ нимъ стоящія суда и массу двигающихся шлюпокъ; вотъ одна остановилась, раздались звуки мандолины и гитаръ, аккомпанируя чудному пѣнію, которое заставило матросовъ выйти изъ коекъ на верхъ.

До 21 мая время прошло незамѣтно, на суднѣ чинили брашпиль и другія вещи, а мы не теряли время даромъ—при каждомъ удобномъ случаѣ уѣзжали и просто удирали на берегъ.

Лейтенантъ Р., будучи гардемаринномъ на фрегатѣ „Петро-

павловскъ“, познакомился въ Неаполѣ съ графиней Сухтеленъ, ея мужъ былъ генераль-адъютантъ и въ свое время пользовался извѣстностью. Несмотря на несчетное количество лѣтъ, графиня любила принимать гостей и хорошо накормить русскимъ обѣдомъ, послѣ котораго пили кофе въ гостиной: тутъ начинались интересные рассказы про старину, графиня, какъ живая книга, дѣлилась съ нами стариной, она любила рассказывать лейт. Р., который умѣлъ ее слушать и повторялъ послѣднія ея слова, когда она просыпалась (графиня отъ старости засыпала на нѣсколько мгновений и быстро просыпалась). Еще приманка тутъ была другая, къ графинѣ прѣзжали очень часто двѣ барышни, маркизы Крезе, одна изъ нихъ гостила все время, пока „Африка“ была въ Неаполѣ—вѣдь надо было играть въ 4 руки, гулять и кататься съ лейтенантомъ, оба веселились, и время летѣло незамѣтно.

Когда выяснилось время нашего ухода изъ Неаполя, адмиралу устроили прощальный обѣдъ на берегу, съ музыкой и пѣніемъ артистовъ, они увеселяли насъ съ 8 до 12 часовъ ночи, и мы все слушали, слушали, жаль было уходить.

Въ одинъ изъ дней, впрочемъ, это было наканунѣ предполагаемаго ухода, лейт. Р. былъ приглашенъ дочерью графини Сухтеленъ съѣздить за городъ въ церковь посмотреть коверъ изъ живыхъ цвѣтовъ, который дѣлаютъ дѣвушки одинъ разъ въ году въ извѣстный праздникъ. Поѣхали вчетверомъ: графиня - дочь, маркиза Крезе, лейт. Р. и полковникъ графъ Arsenio d'Horger, удивительно веселый, живой и разговорчивый италіанецъ.

Кромѣ удовольствія самой прогулки, интересно было посмотреть коверъ—получается полная иллюзія, коверъ съ прекраснымъ рисункомъ поражаетъ своей работой, сколько цвѣтовъ ушло на это! прямо ужасъ. При возвращеніи назадъ пошелъ сильнѣйшій дождь, сидѣвшіе на скамеечкѣ, кавалеры наклонились сколько могли внутрь коляски, но спины ихъ совершенно вымокли. Возвратились поздно, лейт. Р. дали маленькій дамскій зонтикъ и клѣтчатый платокъ, въ который онъ завернулся, въ такомъ видѣ онъ явился на судно, его сначала не узнали и не хотѣли пустить, но подошедшій вахтенный начальникъ сразу узналъ и ужасно хохоталъ при видѣ промокшей фигуры съ дамскими вещами, которыя доставили затѣмъ массу хлопотъ. На другой день лейт. Р., желая вернуть вещи, просился на берегъ, но старшій офицеръ не пустилъ, пришлось идти къ командиру, который разсердился и, отпуская лейт. Р., сказалъ, что если онъ опоздаетъ, то ждать его не будутъ, и крейсеръ безъ него уйдетъ въ Россію. Времени мало, что дѣлать? все-таки Р. ѣдетъ на берегъ, по счастью, встрѣчаетъ адмирала на пристани.

— „Куда это вы собрались идти?“ спрашивалъ адмиралъ, три дня не бывший на суднѣ.

Лейт. Р. рассказываетъ про свое возвращеніе на судно и высказываетъ опасеніе, что можетъ опоздать.

— „Отчего же вы торопитесь?“

— „Какъ же, Ваше Превосходительство, вѣдь мы сегодня уходимъ, пары готовы и только ждутъ Васъ“.

— „А я и забылъ, теперь какъ же мнѣ быть: вѣдь я пригласилъ дамъ на завтракъ“.

— „Это можно поправить, Ваше Превосходительство“.

Лейт. Р. подозвалъ старшину адмиральскаго вельбота и сказалъ:

— „Поѣжай на крейсеръ, доложи командиру, что адмиралъ приказалъ походъ отложить, пары прекратить, о днѣ ухода будетъ новое приказаніе, за адмираломъ прислать вельботъ... (обращаясь къ адмиралу: когда прикажете, Ваше Превосходительство?..)“.

„Послѣ завтра утромъ“. — „Старшему офицеру доложи, что адмиралъ уволилъ меня на берегъ“.

Чебышевъ слушалъ и смѣялся; когда старшина ушелъ, онъ спросилъ:

— „А все-таки какъ же съ завтракомъ?“

— „Не стоитъ приглашать завтракать на судно: лучше вы идите къ нимъ завтракать“.

— „И то правда, какъ это вы все хорошо придумали!“

Р. немедленно поскакалъ къ Сухтеленъ, тамъ пришлось ждать выхода графинь довольно долго, сидя въ саду въ обществѣ маркизы.

Въ Неаполѣ получили телеграмму о производствѣ командира въ капитаны 2 ранга за отличіе; мы всѣ сердечно радовались и искренне поздравляли.

21-го мая, разставшись съ адмираломъ, ушли изъ Неаполя, хотя было очень жалко уходить изъ такого хорошаго города. Насъ послали въ Ливорно взять кусокъ стѣны съ какими-то особыми фресками; ящикъ громадной величины могла взять только „Африка“ въ свои необъятные трюмы. Пока занимались вопросомъ о погрузкѣ, наша публика разѣхалась, особенно много въ близкую лежачую Пизу посмотрѣть наклонную башню и музей. Лейт. Р., въ бытность свою на фрегатѣ „Петропавловскъ“ гардемаринномъ, пробылъ въ городѣ Спеція около 8 мѣсяцевъ, конечно имѣлъ много знакомыхъ, и теперь захотѣлось ихъ навѣстить, особенно нѣкоторыхъ, оставившихъ болѣе глубокой слѣдъ въ массѣ воспоминаній. Въ компаніи съ Р. поѣхалъ мичманъ баронъ Ф—нъ, который интересовался всѣмъ, относящимся до морской службы, и хотѣлъ осмотрѣть

военный портъ и доки въ Спеціи. Сдѣлавъ маршрутъ по книжкѣ желѣзныхъ дорогъ, Р. съ барономъ выѣхали изъ Ливорно въ Пизу для пересадки въ поѣздъ, идущій изъ Генуи въ Неаполь, но тутъ вышла ошибка изъ-за опечатки въ росписаніи. — Желаемый поѣздъ ушелъ, и надо было ждать до вечера, а это не входило въ финансовыя расчеты, денегъ было въ обрѣзъ; слѣдовательно, завтракать въ Пизѣ не имѣли права, все-таки голодъ заставилъ зайти въ таверну съѣсть ризотто и запить сквернымъ краснымъ виномъ; впоследствии эта экономія оказалась роковой. До нашего роскошнаго завтрака мы обошли и осмотрѣли все интересное въ Пизѣ, на падающей башнѣ непріятно быть наверху. Наконецъ мы сѣли въ поѣздъ, прикатили въ Спецію и немедленно отправились къ консулу Лардонъ (въ бытность Р. гардемариномъ, консуломъ былъ Лардонъ-отецъ); встрѣча была сердечная, но увы! всѣ постарѣли, подурнѣли, да и въ самомъ-то много измѣнилось.

Обѣдъ прошелъ съ непріятнымъ случаемъ изъ-за ризотто и нѣсколько испортилъ впечатлѣніе, но вечеромъ и на другой день все вошло въ норму; осмотрѣвъ портъ, вернулись въ Ливорно, по пути въ поѣздѣ встрѣтили двухъ голодныхъ путешественниковъ, подѣлились съ ними скудными остатками денегъ, и сами немного поголодали. Надо рассказать про этихъ путешественниковъ. Вернувшись къ стоянкѣ въ Неаполѣ, гдѣ среди нашихъ знакомыхъ была семья баронессы Т—ау, наши офицеры бывали у нихъ часто, и сами онѣ не забывали „Африку“. Эта семья собралась ѣхать въ Россію и при прощаньѣ въ Неаполѣ сказали:—„мы вамъ протелеграфируемъ день и часъ проѣзда Пизы, пріѣзжайте изъ Ливорно повидаться“.

Наконецъ на крейсеръ привозятъ телеграмму; тутъ нѣкоторые исполошились, но поѣхали двое: мичманъ В—ъ и старшій штурманъ Э—нъ, они набрали денегъ для проѣзда въ Пизу и обратно. По росписанію поѣздовъ они должны были выѣхать вечеромъ, а ожидаемый поѣздъ проходилъ рано утромъ, вотъ эти два ухаживателя остались на вокзалѣ въ III классѣ (1 и 2 запираютъ на ночь), при чемъ была маленькая скамейка, и они спали по-очереди, смѣнявшіеся сторожа при сдачѣ дежурства указывали перстомъ и говорили: due“ (два).

Когда подошло время, В. и Э. вышли встрѣчать, подкатилъ поѣздъ.

Конечно, трогательная встрѣча, сладкія рѣчи и незамѣтно поѣздъ трогается.

— „Оставайтесь съ нами до Генуи!“—восклицаютъ барышни съ умоляющимъ взглядомъ и... кругосвѣтные мореплаватели, не сдававшіеся ни передъ какой опасностью, сдались отъ чарующаго, ласковаго взгляда.

Все это хорошо, а деньги!—у нихъ было на билетъ изъ Пизы

въ Ливорно, на нихъ послали телеграмму старшему офицеру, прося присылки денегъ срочной телеграммой, прислали мало, и потому они были голодные, хотя ѣхали въ III классѣ изъ экономіи. По возвращеніи ихъ на судно, долго надъ ними смѣялись.

28 мая ушли въ Кадиксъ за углемъ.

31 мая пришли на безпокойный, открытый рейдъ, погрузка угля шла съ трудомъ и медленно, это дало намъ возможность побыть на берегу, гдѣ смотрѣли бой быковъ. Зрѣлище безспорно интересное, но тяжелое, особенно, когда быкъ распоролъ животь у лошади, и его самого закололи.

5 іюня покинули берега Испаніи, страну черныхъ глазъ, живописныхъ костюмовъ и невыразимой граціи. Съ уходомъ изъ Кадикса распростились съ Средиземнымъ моремъ, оставя за собой столько нами видѣннаго и пережитаго. Атлантическій океанъ старался развѣять нашу грусть—болталъ „Африку“ во всѣ стороны, пригласилъ разные вѣтра дуть на насъ, даже и дождь оказался въ числѣ приглашенныхъ, но все безуспѣшно... очень жаль было уходить, хотя и домой пріятно вернуться.

12 іюня пришли и 16 числа ушли изъ Шербурга; тамъ заѣдалъ насъ вице-консулъ Postel со своими сыновьями. Старшій офицеръ Р. Р. Д. заболѣлъ, временно вступилъ въ обязанность старшій лейтенантъ ревизоръ Ш—ъ до первой якорной стоянки, а затѣмъ по просьбѣ старшаго офицера было приказано вступить въ обязанность лейтенанту Р., хотя онъ былъ третій вахтенный начальникъ, но Р. Р. Д. заявилъ, что онъ только и надѣется на Р.

19 іюня пришли на одинъ день въ Копенгагенъ почиститься передъ приходомъ въ Кронштадтъ.

Наконецъ 24 іюня съ ранняго утра всѣ на ногахъ, объявлена награда тому, кто первый увидитъ Толбухинъ маякъ; вдругъ бѣжитъ разсылный: „маякъ открылся“, и дружное „ура!“ огласило каютъ-кампанію, а затѣмъ передалось въ команду.

Всѣ вышли на верхъ взглянуть на родные берега, которыхъ такъ долго не видѣли, сейчасъ же пошли приготовленія къ постановкѣ на якорь, салюты и проч. Насъ стали посѣщать начальствующія лица разныхъ ранговъ и мѣстосидѣній, мучили насъ смотрами, хотя всѣ высказывали полное одобреніе. Вскорѣ стало извѣстно о предстоящемъ Высочайшемъ смотрѣ къ великой нашей радости, намъ не предстояло особенныхъ приготовленій—мы всегда были готовы и къ смотру и къ бою. За вѣсколько дней до смотра лейт. Р. получилъ частную записку съ сосѣдняго корабля: „Сегодня къ вамъ пріѣдетъ адмиралъ Асламбеговъ и подниметъ флагъ“, затѣмъ прибылъ съ берега хоръ музыкантовъ и, когда пришелъ

пароходъ изъ С.-Петербурга, Р. послалъ адмиральскій катеръ съ офицеромъ за адмираломъ. Встрѣтили съ почестями, торжественно подняли флагъ подъ громъ салютовъ, адмиралъ былъ очень доволенъ и благодарилъ Р. за сдѣланное (командиръ былъ по дѣламъ службы въ С.-Петербургѣ, и для него прїѣздъ адмирала былъ тоже сюрпризъ) по его старымъ привычкамъ.

Немного погода вызываетъ Р. и говорить:

— „Вы будете при мнѣ флагъ-капитаномъ“.

— „Есть“.

— „Сдѣлайте всѣ распоряженія, примите командировъ, которые явятся съ рапортами, а я сегодня же уѣду обратно въ Петербургъ“.

— „Есть“,—отвѣчаетъ Р., а самъ думаетъ, не много ли будетъ ему обязанностей—флагъ-капитанъ, командиръ, старшій офицеръ, вахтенный начальникъ (стоялъ ежедневно съ 4 до 8 утра), ротный командиръ, завѣдующій оружіемъ.

Наше недоумѣніе относительно прїѣзда адмирала вскорѣ выяснилось; Государь Императоръ, желая оказать милость адм. Асламбегову, повелѣлъ ему лично представить на смотръ суда тихоокеанской эскадры, стоявшія на рейдѣ.

Наконецъ желанный смотръ состоялся; во время обхода команды и верхней палубы Его Императорское Величество, увидѣвъ привязанную камчатскую собаку, пошелъ ее погладить; мы всѣ замерли, такъ какъ „Камчатка“ никого не признавала кромѣ своего хозяина старшаго офицера и Р.; ее всѣ боялись и не подходили къ ней. Къ нашему изумленію, Камчатка сама встала и подошла къ Государю; погладивъ собаку, Его Величество изволилъ пойти дальше, но вернулся еще разъ погладить собаку, и Камчатка опять встала и лизнула руку (такого знака вниманія съ ея стороны еще не бывало). Смотръ прошелъ блестяще, лейт. Р. жутко было командовать авраломъ (общая работа) при постановкѣ парусовъ, хотя въ то же время радовался счастью, выпавшему на его долю, стоять на мостикѣ между Ея Величествомъ Государыней Императрицей и Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ.

При стрѣльбѣ минами командиръ просилъ Его Величество назначить цѣль, мина прошла въ точку, но командиру показалось, что Государь принялъ это за случайность, и потому обратился съ просьбой сдѣлать еще выстрѣлъ по назначенной цѣли, мина, и на этотъ разъ прошла точно по назначенію — тогда Государь изволилъ милостиво благодарить командира и миннаго офицера.

По окончаніи смотра командиръ удостоился получить согласіе Его Величества принять „Камчатку“. За собакой изъ Петергофа прислали отъ дворца пароходикъ, на который взвалили часть вещей.

подлежавшихъ поминѣ. Офицеръ, сопровождавшій вещи, пошелъ въ паркѣ не той дорогою, по счастью встрѣтилъ Великаго Князя Алексія Александровича.

— „Откуда вещи, съ „Африки“?, не по той дорогѣ идете, тутъ какъ разъ ходятъ таможенные, идите налѣво, а я покараулю“.

Повторять не пришлось, офицеръ быстро скрылся съ вещами по указанной дорогѣ.

Когда послѣ смотра всѣ уѣхали, командиръ призвалъ лейт. Р., горячо благодарилъ его, говоря:

— „Вы двѣ недѣли несли столько обязанностей съ такимъ успѣхомъ, всѣ смотры выдержали на своихъ плечахъ и ни разу не были въ Петербургѣ, тогда какъ всѣ офицеры успѣли перебывать, сдавайте обязанность минному офицеру, а сами сейчасъ отправляйтесь на моемъ вельботѣ на берегъ; вы успѣете еще попасть на пароходъ. Дайте мнѣ адресъ, я самъ сообщу вамъ, когда надо вернуться на судно, можете оставаться дома сколько угодно времени“.

Лейт. Р. вернулся черезъ сутки обратно. Командиръ спрашиваетъ:— „Отчего вы вернулись, вѣдь я не звалъ васъ?“.

— „Я довольно побылъ дома, меня беспокоило, какъ идетъ все на крейсерѣ, и потому я пріѣхалъ“.

Командиръ очень хвалилъ Р. и благодарилъ его за такое ревностное исполненіе обязанностей.

Во время нашего плаванія, вышелъ приказъ, чтобы суда, возвращающіеся изъ-за границы, подвергались самому серьезному осмотру и испытанію цѣлой комиссіи. Къ намъ назначили вице-адмирала Брюмера и членовъ: вице-адмирала Пилкина, контръ-адмирала Сѣркова, генераль-лейтенанта Пестича (артиллерія), генераль-маіора Соколова (механическая часть), Елкина (штурманская часть), капитана 1 ранга Шафрова и многихъ другихъ молодыхъ и потому свирѣпыхъ экзаменаторовъ.

Насъ гоняли на пробную милю для провѣрки машины, въ Біэргѣ-Зундѣ стрѣляли минами, въ Ревелѣ разбивали мишени изъ орудій и т. д., однимъ словомъ, рвали на части, пытали на всѣ лады и въ концѣ концовъ составили печатный отчетъ равный цѣлой книгѣ. Ни въ чемъ не могли насъ уязвить, „Африка“ вышла изъ боя величественно и спокойно, получивъ пальму первенства изъ всѣхъ судовъ.

Результатомъ смотра былъ приказъ:

„Смотръ оказался блестящимъ, крейсеръ найденъ комиссіей въ совершенномъ боевомъ порядкѣ и образцовой чистотѣ и исправности по всѣмъ частямъ, въ той высшей мѣрѣ, какой возможно достигнуть при неусыпной заботливости командира и ревностномъ содѣйствіи всѣхъ офицеровъ“.

11 іюля мы кончили кампанію, офицеры получили отпускъ съ сохраненіемъ содержанія и полугодовой окладъ жалованья, а лейтенантъ Р. кромѣ того получилъ 15 іюля орденъ Св. Станислава 3 степени—единственный изъ всѣхъ офицеровъ ¹⁾).

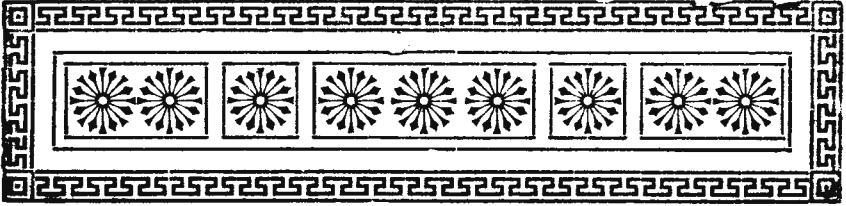
Такъ закончилось крайне интересное и поучительное плаваніе, при чемъ во многомъ мы были обязаны командиру, крайне строгому, но и умѣвшему благодарить и научить. Авторъ этихъ записокъ считаемъ долгомъ упомянуть, что записки не составляютъ полного и подробнаго описанія плаванія, онѣ представляютъ только выдержки изъ дневника, веденнаго авторомъ на крейсерѣ.

В. Ф. Рудневъ.

---

¹⁾ Лейт. Р., произведенный въ 1882 г. въ лейтенанты, получилъ 1 января 1883 г. благодарность въ приказѣ по флоту отъ генераль-адмирала, а 6 іюля того же года орденъ.

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Г л а в а II.

Лордъ Сализбери какъ добрый вѣстникъ.

1879 годъ задалъ г-жѣ Новиковой немало усиленной работы. Приводились въ исполненіе постановленія Берлинскаго трактата. Россія уводила войска изъ Болгаріи. Англійскія войска пробирались въ самое сердце Афганистана. Это былъ послѣдній годъ министерства Биконсфильда. Это былъ годъ, въ который лордъ Сализбери провозгласилъ, какъ „радостную вѣсть“, союзъ Германіи съ Австріей. Тогда же г-жа Новикова готовила къ печати свою книгу „Россія и Англія“. Вообще это былъ дѣятельный, хлопотливый, волнующій годъ.

Начался онъ во время мрачной войны въ Азіи и толковъ о войнѣ въ Европѣ. Гладстонъ писалъ (8-го февраля) Стэду:

„Кто могъ поддерживать или оправдывать эту Афганскую войну? Въ ней безразсудство и преступленіе оспариваютъ пальму первенства!“

Положеніе на Балканахъ было не веселое. Цѣною крови и денегъ Австрія успѣла подавить вооруженное сопротивленіе Босніи и Герцоговины. Турція съ большой неохотой уступала Черногоріи приморскій портъ, назначенный ей Берлинскимъ трактатомъ. Но Болгарія, бѣдная, трижды дѣлимая Болгарія, больше всего внушала тревогъ. Въ восточной Румелии должна была быть дана конституція. Гладстонъ писалъ мнѣ (8-го марта):

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1912 г.

„Еще не время отчаяваться въ исполненіи трактата въ восточной Румелии“. Гладстонъ былъ правъ. Въ чемъ мы могли отчаяваться,— это въ примѣненіи статьи о реформахъ въ Македоніи и другихъ провинціяхъ.

Ольга Алексѣевна относилась съ ненавистью къ Берлинскому трактату и, когда Гладстонъ сказалъ, что ему нужно подчиниться, она одно время сильно возмущалась, однако продолжала дѣлать все, что могла. Она мнѣ писала 26-го февраля:

„Я продолжаю усиленно работать въ извѣстномъ Вамъ направленіи, желая доказать разницу между двумя Англіями—либеральной и консервативной, но проявляются, несомнѣнно, горькія чувства противъ англичанъ среди военныхъ. Одинъ изъ самыхъ храбрыхъ нашихъ генераловъ сказалъ мнѣ на-дняхъ, на вечерѣ у кн. Долгорукова: „Какъ Вы можете такъ говорить и писать объ Англіи? Можете ли Вы довѣриться доброму расположенію англичанина“?— „Мой братъ Александръ меня поддерживаетъ, онъ—мой лучшій союзникъ во всемъ“ —Подлинно мой alter ego!

„О. К.“

Посломъ нашимъ въ Петербургъ былъ, въ то время, лордъ Дѳферинъ. Онъ былъ старымъ другомъ г-жи Новиковой, и, повидимому, они обсуждали положеніе на востокъ достаточно свободно. Слѣдующія ея два письма отъ 17-го и 27-го марта.

„Лордъ Дѳферинъ два раза былъ у меня. Я была рада видѣть его и его милую жену, но программа его совсѣмъ неутѣшительна. Онъ настаиваетъ на Берлинскомъ трактатѣ, и когда я ему сказала: „Такъ Вы желаете снова поработить несчастную Румелию?“—онъ отвѣчалъ: „нѣтъ, мы ей добудемъ конституцію лучшую, чѣмъ въ Болгаріи“.

Я.—„Вы вѣрите обѣщаніямъ турокъ, хотя Вы знаете, какъ тщетны были Ваши усилія что-нибудь измѣнить въ самой Турціи“.

Онъ.—„Турція гораздо больше Румелии, но въ Ливанѣ административная автономія прекрасно привилась“.

Я.—„Какое ручательство даете Вы, что произойдетъ серьезная перемѣна въ пользу восточной Румелии?“

Онъ.—„Мое слово: можете быть увѣрены, что въ Англіи консерваторы, равно какъ и либералы, стремятся доказать, что они не противъ свободы“.

Мы о многомъ говорили, но это была главная тема. Лордъ Дѳферинъ предпочиталъ разговаривать объ американскомъ поэтѣ Ловелъ. Онъ его зналъ лично, а тогда я знала лишь его прекрасныя стихотворенія, а когда посоль ко мнѣ вошелъ, засталъ меня именно за чтеніемъ произведенія этого талантливаго американца.

Но я все же старалась придерживаться политики.

„Мы въ Англіи, объявилъ мой гость, такое значеніе придаемъ конституціонному принципу, что насъ не легко удовлетворить, а потому не одобряемъ Болгарскую конституцію, находя ее недостаточно либеральной“. Какъ видите, несмотря на все свое обаяніе, лордъ Дѳферинъ намѣренъ поддерживать Берлинскій трактатъ и предлагать слова, а не дѣла. Я ему замѣтила: „Надѣюсь, что Вы не разочаруете всѣхъ, какъ это сдѣлалъ лордъ Сализбери.“

— „О, отвѣчалъ онъ, улыбаясь, я тоже Сализбери“.

Передъ отъѣздомъ въ Москву, лордъ Дѳферинъ сдѣлалъ мнѣ продолжительный визитъ вечеромъ. Онъ опять настаивалъ на исполненіи Берлинскаго трактата Россіей; а когда я спросила: „кто же позаботится о славянахъ?“,—онъ отвѣчалъ, что Англія не менѣе Россіи озабочена ихъ судьбой. Положительно, опредѣленно отвѣтить на мои вопросы онъ не хотѣлъ, или не могъ. Я убѣждала его не подражать лорду Августу Лофтусу въ его политическомъ антагонизмѣ и обратить большее вниманіе на неофициальную Россію. Съ этимъ онъ, казалось, былъ вполне согласенъ. Я горячо порицала тонъ депешъ лорда Сализбери и предупреждала его, что если продлится эта система самохвальства, то немислимо никакое дружеское соглашеніе между нашими двумя націями. Я говорила... „ну, Вы знаете, какъ я могу говорить, я всегда откровенна, нравится ли это другимъ или нѣтъ“.

Послѣ этихъ разговоровъ съ лордомъ Дѳфериномъ и неудачныхъ попытокъ заставить либераловъ идти противъ Берлинскаго трактата, г-жа Новикова потеряла бодрость духа. Она писала мнѣ, продолжаетъ Стэдъ:

„Если либералы такъ же плохи, какъ ихъ противники, а таково уже было убѣжденіе нашей печати, какого соглашенія можемъ ожидать отъ Англіи?“

„Я видѣла кн. Горчакова нѣсколько разъ. Онъ благодарилъ меня за мое откровенное мнѣніе въ пользу англо-русскаго соглашенія, котораго и онъ теперь желаетъ“.

Фрудъ ничѣмъ не возстановилъ ея колеблющееся довѣріе къ Англіи. 30-го марта она мнѣ писала:

„Получила милое, длинное письмо отъ Фруда. Онъ говорить: мы совсѣмъ забыли о востокѣ. У насъ принято мѣнять политическія игрушки. Мы приходимъ въ экстазъ отъ одной, потомъ отъ другой, а потомъ и совсѣмъ о нихъ забываемъ. Я не думаю, чтобы теперь собралось въ Хайдъ-Паркъ 500 джинговъ, если бы Вы даже шли въ Константинополь. И Ваши немногіе либеральные друзья—не лучше ихъ противниковъ. Оберонъ Гербертъ съ ума сходитъ надъ какой-то

новой философіей. По его мнѣнію, пусть всякій или всякая поступаетъ, какъ вздумается. Намъ остается вотировать, что нравственность и законы—тираннія, и имѣть ихъ мы не желаемъ. Такимъ образомъ, мы прямо очутимся въ положеніи Адама и Евы до грѣхопаденія!“

Новая философія Оберона Герберта была геройской попыткой—привести противогосударственные принципы Герберта Спенсера къ ихъ логическому развитію. Но его предложенія уничтожить всѣ налоги и замѣнить ихъ добровольными пожертвованіями, для пополненія казны, не поправились практическому Джонъ-Буллю.

Мои старанія ее успокоить увѣреніемъ, что все же въ сердцѣ народномъ существуетъ здравомысліе, пропали даромъ. 14-го апрѣля она пишетъ:

„Англійскій умъ въ общемъ очень причудливъ. Фрудъ стоитъ за войну съ зулусами. Фриманъ взбѣшенъ на Фруда, хотя въ восточномъ вопросѣ они были въ согласіи. Гладстонъ посылаетъ благословеніе въ Румелію, но одновременно вдругъ сталъ мириться съ Берлинскимъ трактатомъ. Дѳферингъ не видитъ разницы между Ливаномъ и Румеліей. Правдивый Кинглекъ поддерживаетъ лживаго посла Лаярда. Просвѣщенный свободомыслящій Джорджъ Люисъ сочувствуетъ туркамъ“.

Война въ зулусами поглощала вниманіе Англійи весной 1879 г. Фрудъ писалъ г-жѣ Новиковой:

„Меня заботятъ эти несчастные зулусы, которыхъ мы тысячъ сорокъ убьемъ для того, чтобъ остальныхъ обратить въ христіанство. Я серьезно думаю, что число „избранныхъ“ давно ограничилось, а мы, большинство, превратились въ отверженныхъ.“

„Карлейль боленъ. Онъ слабѣетъ съ каждымъ днемъ, я, когда ему говорятъ, что, выходя, онъ простудится и повредитъ себѣ, онъ отвѣчаетъ, что этого именно онъ и желаетъ, чтобы умереть и избавиться отъ всего.“

„Мой „Цезарь“ выйдетъ на-дняхъ. Онъ—язычникъ. Боюсь его Вамъ прислать: пожалуй, Вы имъ возмутитесь.“

„Какъ Вамъ извѣстно, я очень привязанъ къ Вамъ и буду всегда Вамъ искренно преданный“

А. Фрудъ“.

Вскорѣ за этимъ онъ писалъ:

14-е апрѣля.

„Дорогая г-жа Новикова. О Вашихъ письмахъ я могу сказать то, что поэтъ Колриджъ сказалъ, когда ему подали чашку чаю:—„она лучше, чѣмъ я того заслуживаю“. Не осуждайте насъ всѣхъ на гибель. Наша бѣдная родина продѣлываетъ странныя выходы, за

которыя ей скоро придется поплатиться. Билль, можетъ быть, будетъ внесенъ на-дняхъ. Между тѣмъ помимо нашей воли, нѣкоторые изъ насъ видятъ ясно положеніе дѣль, и мы смѣемся только потому, чтобъ не плакать. Не подозрѣвайте меня виноватымъ въ Зулусской войнѣ. Я ее ненавижу. То небольшое добро, что я былъ въ состояніи оказать въ Аѳрикѣ, уничтожено. Два послѣдніе года я протестовалъ, но меня не хотѣли слышать, и вотъ результатъ. Мы убьемъ много тысячъ храбрыхъ людей. Увы, мы, навѣрное, убьемъ почти столько же женщинъ. Разрушая селенія, мы одинаково уничтожаемъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, покрытыхъ лишь дымомъ. Мы опозоримся на весь просвѣщенный міръ!

„Хочется Вамъ послать моего „Цезаря“, хотя боюсь, что Вы не найдете его достойнымъ быть принятымъ. Карлейль говорилъ мнѣ, что онъ не видитъ въ немъ хорошихъ сторонъ, что онъ не ясенъ, не хорошо составленъ, словомъ—неудаченъ. Онъ своей критикой привелъ меня въ состояніе „мокрой курицы“ по выразительному изображенію Вольтера, и я почти вѣрю, что онъ правъ. Но другіе относятся снисходительнѣе къ моей книгѣ, и я начинаю надѣяться, что на этотъ разъ ошибается Карлейль. Онъ могъ не найти того именно, чего онъ желалъ, и поэтому былъ не въ духѣ. Мы скоро узнаемъ, и если вердиктъ публики будетъ благопріятенъ, книга будетъ Вамъ выслана. Карлейль все слабѣетъ и сердится на то, что онъ живъ. Онъ потерялъ интересъ ко всему, что происходитъ на землѣ, и все глубже и глубже занять мыслью о будущемъ. Онъ увѣряетъ, что Гёте вѣрилъ въ загробную жизнь, и удивляется—почему. Гёте по-моему смотрѣлъ на это, какъ и Рабле, какъ на великое „можетъ быть“. Цезарь торжественно говорилъ „нѣтъ“, за что я хвалю его искренность и превосходство надъ ханжествомъ. Мнѣ очень пріятны Ваши письма. Пожалуйста, пишите. Вамъ преданный

Фрудъ“.

Въ интересномъ письмѣ отъ 23-го іюня Фрудъ говоритъ:

„Дорогая г-жа Новикова, у меня такая извращенная натура, что, когда я получаю неотложный приказъ что-нибудь сдѣлать, я сейчасъ же возмущаюсь и дѣлаю противное, вслѣдствіе чего я три недѣли не отвѣчалъ на Ваши письма. Времени у меня было много, и я могъ бы написать легко и съ большимъ удовольствіемъ для себя, но Вы мнѣ приказали написать немедленно, и потому я не бралъ пера въ руки всю средину лѣта. Къ тому же, мнѣ нужно было написать длинную статью о знаменитомъ Аѳриканскомъ дѣлѣ по просьбѣ министровъ!! Я, въ вопросѣ о колоніяхъ, на ихъ сторонѣ. Это не измѣна съ моей стороны, правда, за которую всегда стою.

„Карлейль уѣхаль въ Шотландію. Его племянница выходитъ замужъ черезъ двѣ недѣли, и они будутъ всё вмѣстѣ жить; это теперь устроилось.

„Мы глубоко огорчены смертью принца ¹⁾. Намъ неудобно чувствовать, что это событіе привлекаетъ на насъ взоры всего міра, а мы сознаемъ, что, какъ военная нація, мы не увеличили свою славу въ этой войнѣ. Послѣ нашихъ громкихъ словъ, сказанныхъ два года назадъ, въ Россіи, вѣроятно, находятъ забавными наши дѣйствія въ странѣ зулусовъ. Вся наша дѣйствующая армія была послана, чтобъ покорить страну, пространствомъ въ половину Ирландіи, населенную нашими дикарями, и, между тѣмъ, мы не можемъ съ ними справиться. Я не жалѣю объ этомъ. Я зналъ давно, что, какъ нація, мы будемъ падать все ниже и ниже, пока существуетъ великолѣпная британская конституція, и чѣмъ скорѣе этотъ обманъ будетъ разсыпанъ вдребезги, тѣмъ лучше. Если Вашъ Государь увлечется мыслью установить что-нибудь подобное у Васъ, я на другой же день продаю всё русскія акціи.

„Вы спрашиваете, вижу ли я Кинглека? Нѣтъ, я никого не вижу. Всю весну я вель жизнь отшельника, не обѣдалъ ни у кого въ гостяхъ. Я пользуюсь привилегіей моихъ преклонныхъ лѣтъ, и, подъ предлогомъ необходимости рано ложиться спать, я отказываюсь отъ всякихъ приглашеній. Вчера вечеромъ встрѣтилъ Ньютона изъ Британскаго музея. Онъ только-что возвратился изъ Кипра и даетъ прелестную картину этого острова.

„Всѣ партіи, повидимому, согласны терпѣть Турцію, даже джинги перестали вѣрить, что, когда зарычитъ британскій левъ, земля должна содрогнуться. А британскій левъ, я думаю, живъ еще въ молчаливыхъ массахъ англійскаго народа, скромно работающихъ и не думающихъ о политикѣ. Но животное, кричащее въ парламентѣ и въ лондонскихъ клубахъ, совсѣмъ другое, съ длинными ушами въ лъвиной шкурѣ льва, умершаго вѣка назадъ. Если бы онъ молчалъ, его бы еще десятки лѣтъ принимали за то, чѣмъ онъ имѣетъ претензію быть, но онъ реветъ каждое утро въ тысячахъ газетъ. А каждый меньшій оселъ старается попасть въ его тонь. Нѣтъ угла въ мірѣ, гдѣ бы его настоящій характеръ не проявлялся бы теперь.

Преданный Вамъ А. Фрудъ“.

Нѣсколько мѣсяцевъ въ перепискѣ Ольги Алексѣевны происходитъ перерывъ. Когда она возобновляется, политическій горизонтъ

¹⁾ Сына Наполеона 3-го.

уже просвѣтлѣлъ. Въ августѣ она поѣхала въ Мариенбадъ и писала Гладстону, что заѣдетъ въ Мюнхенъ. Онъ отвѣчалъ:

„Дорогая г-жа Новикова, по странному совпаденію, я тоже долженъ ѣхать въ Мюнхенъ, черезъ недѣлю, по пути въ Венецію. Надѣюсь быть тамъ въ ночь на 16-е, и д-ръ Деллингеръ будетъ знать, гдѣ я остановлюсь. En attendant Вамъ преданный

Гладстонъ“.

По не менѣе странному совпаденію ей было суждено познакомиться въ томъ же мѣсяцѣ съ другимъ замѣчательнымъ либераломъ. Она мнѣ пишетъ 15-го сентября:

„Въ Мариенбадѣ у меня были интересные разговоры съ шотландскимъ членомъ парламента Кампбель-Баннерманъ. Онъ очень умный и здравомыслящій человекъ. Я показала ему нѣсколько статей „Сѣвернаго Эхо“. Отъ „Friends or Foes“ онъ въ восхищеніи и очень рекомендовалъ мою книжку своей женѣ“.

„Я надѣюсь быть въ Мюнхенѣ сегодня вечеромъ, а завтра надѣюсь повидаться съ д-мъ Деллингеромъ. По счастливой случайности, Гладстонъ долженъ пріѣхать въ Мюнхенъ завтра, или послѣ завтра. 20-го я ѣду во Флоренцію къ моей матери и останусь у нея до 26-го сентября. Пишите туда“.

Встрѣча съ Гладстономъ и Деллингеромъ была очень интересна. Говорили о старо-католицизмѣ, о древнемъ Китаѣ и о современной политикѣ. Гладстонъ страшно огорчилъ директора музея, доказавъ, что его драгоценнѣйшій экземпляръ китайскаго фарфора былъ поддѣлкой. Тотъ поблѣднѣлъ, услыхавъ это замѣчаніе. Я и не подозревала, что Гладстонъ такой знатокъ фарфора.

Характерны объясненія Фруда на Афганскія бѣдствія. 10-го сентября 1879 года онъ пишетъ г-жѣ Новиковой:

„Когда Вы пріѣдете, Вы найдете Афганское дѣло въ самомъ разгарѣ. Какъ смѣшно должно быть Вамъ, русскимъ, смотрѣть, какъ наше милое правительство запуталось въ сѣти, имъ самимъ созданныя. Никому страна не нужна. Одна партія торжествуетъ надъ ошибками другой; кровопролитіе въ Кабулѣ, война съ зулусами, гибель урожая отъ дурной погоды въ Индіи, все это—kozyри въ рукахъ либераловъ. Чортъ возьми либераловъ и торіевъ и пошли судьба или провидѣніе Цезаря или Кромвеля несчастной Англіи, который вытащилъ бы насъ изъ грязи.“

„Карлейль здоровъ и больше чѣмъ когда-нибудь увлекается катаньемъ на омнибусѣ“.

Бѣдный маіоръ Каванари былъ убитъ въ Кабулѣ—одна изъ многихъ жертвъ Виконсфильда—Литонской политики въ Афгани-

станѣ. Смерть Каванари и неудачи Афганской кампаніи возобновили недоброжелательство между Англіей и Россіей, и послѣ пріятныхъ дней въ Мюнхенѣ г-жа Новикова снова предалась отчаянію. На мои замѣчанія она отвѣчала:

„Вы иногда пишете, какъ будто бы я потеряла всякій интересъ къ великимъ вопросамъ, занимающимъ всѣхъ насъ, тогда какъ въ дѣйствительности они мнѣ очень дороги, дороже, чѣмъ были. Но, говоря откровенно, я чувствую иногда отвращеніе. Читали Вы передовую статью въ „Times“, въ которой стараются доказать, какъ честно соблюдала нейтралитетъ Англія во время нашей войны съ Турціей? Ошеломляетъ такая явная ложь! Не для идіотовъ же пишетъ Таймсъ? Но довольно, я увѣрена, что Вы все это такъ же сознаете, какъ и я“.

Не въ одномъ Мюнхенѣ въ ту осень встрѣтилась Ольга Алексѣвна съ Гладстономъ. М-г de Girardin, знаменитый французскій публицистъ и старый другъ г-жи Новиковой, услыхавъ о пріѣздѣ Гладстона въ Парижъ, просилъ Ольгу Алексѣвну, въ честь которой онъ давалъ обѣдъ, пригласить г-на и г-жу Гладстонъ съ дочерью на этотъ обѣдъ и, если они примутъ приглашеніе, то узнать, кого бы они желали встрѣтить у него. Гладстонъ отвѣтилъ:

Отель Бедфордъ 17 октября 1879 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Совершенно искренно говорю: мы такъ довольны видѣть М-г de Girardin, что не можемъ избирать его гостей. Больше всѣхъ я бы желалъ видѣть Вашего брата генерала Кирѣева и М-г François Le Normand, но я не увѣренъ, въ Парижѣ ли онъ. Въ бібліотекахъ мнѣ этого не могли сказать.

(Гладстонъ зашелъ къ г-жѣ Новиковой и сказалъ ей по секрету: „Я бы очень желалъ не встрѣчать Гамбетту у М-г de Girardin. Можно ли избѣжать этой встрѣчи?).

„Нѣтъ ли у Васъ адреса г-на Лойсона „Père Hyacinthi“? продолжалъ онъ. Я цѣлую недѣлю бесплодно пытаюсь его видѣть, но знаю, что каждое воскресенье къ нему собирается его громадная паства. Такіе города, какъ Лондонъ и Парижъ,—это цѣлый міръ.

Вашъ искренно Гладстонъ“.

„Въ числѣ присутствующихъ на обѣдѣ, говоритъ г-жа Новикова, былъ графъ Лесепсъ, Эдуардъ Шереръ, братъ мой, Александръ Кирѣевъ и г-нъ Барду эксъ-министръ. Нѣсколько неожиданно послѣ обѣда г-нъ Барду всталъ и произнесъ длинную рѣчь по-французски, относя ее къ хозяину дома и къ его гостямъ—англичанамъ.

Эта рѣчь насъ нѣсколько непріятно смутила, потому что мы не были увѣрены, владѣетъ ли достаточно французскимъ языкомъ

Гладстонъ, чтобы ее понять. Представьте себѣ наше удивленіе, когда онъ всталъ и сказалъ блестящій спичъ по-французски, ссылаясь на великія блага, принесенныя просвѣщенію соединенными дѣйствіями Франціи и Англіи“.

26-го октября она писала: „Я очень интересно провела время въ Парижѣ“.

Изъ Парижа она поѣхала въ Гагу. Любимая ею королева Голландская Софія умерла.

27-го октября она писала: „Здѣшній нашъ посоль и его жена (Столыпина) дають въ честь мою большой обѣдъ въ будущей четвергъ. Ихъ очень забавляетъ глупость англичанъ, называющихъ меня агентомъ Горчакова. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли выдумать что-нибудь глупѣе?“

Когда она вернулась въ Лондонъ, ее встрѣтила рѣчь лорда Сализбери, который вдругъ публично привѣтствовалъ Австро-Германскій союзъ, какъ необыкновенно радостное событіе для Англіи ¹⁾.

По обыкновенію, она прежде всего написала Гладстону, прося его высказаться по этому поводу. Онъ отвѣчалъ:

10-е ноября 1879 г.

„Дорогая г-жа Новикова. Я понимаю Ваши чувства по поводу недавней рѣчи Сализбери, но то, что я могъ сказать по этому поводу ему или либераламъ, давно извѣстно и въ печати. Прежде чѣмъ Вы получите это письмо, Вы увидите, что Lord Сализбери уже смягчилъ свой тонъ. Конечно, мнѣ надо коснуться этого предмета въ Мидлтонѣ черезъ двѣ недѣли. Вы знаете мое направленіе, и весь свѣтъ его знаетъ. Вопросъ измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ Россія окончила свое великое предпріятіе относительно Болгарии, но справедливость и осторожность всегда однѣ и тѣ же, съ моей стороны. Что касается до генерала Кауфмана, то я думаю, что онъ, насколько мнѣ это извѣстно, не дѣйствовалъ такъ же осторожно, какъ Вы. Я много разъ Вамъ говорилъ, что Ваше правительство не достаточно обращаетъ вниманія на то, чтобы весьма выгодно для себя извѣщать о своемъ дѣлѣ посредствомъ печати главныя столицы Европы—Парижъ, Лондонъ, Вѣну. Возьмите такое заявленіе, какъ статья Ролинсона въ Nineteenth-Century за августъ. Какъ

¹⁾ Газеты говорятъ, не знаю, правильно ли, что состоялся оборонительный союзъ между Германіей и Австріей. Я долженъ допустить этотъ фактъ, но Вамъ, которые дорожите миромъ въ Европѣ, добавлю, что эта вѣсть до извѣстной степени служить гарантіей мира.

боротся съ подробностями этой злобной статьи безъ должныхъ свѣдѣній?

„Сестра моя была очень заинтересована разговоромъ съ Вами о Россіи.

Вѣрьте моей искренней преданности

Гладстонъ“.

Послѣ полученія этого письма, г-жа Новикова написала статью, болѣе всѣхъ другихъ замѣченную и распространенную: „Лордъ Сализбери, какъ „добрый вѣстникъ“.

„Vanity fair“ напечаталъ длинную статью, доказывающую, что г-жѣ Новиковой, наконецъ, удалось удовлетворить руссофиловъ и туркофиловъ, что видно изъ слѣдующей выдержки: „г-жа Новикова приѣхала въ Лондонъ, чтобъ вознаградить насъ за ранній отъѣздъ графа Шувалова, быть можетъ, даже замѣстить его нѣкоторымъ образомъ, какъ вѣрнаго совѣтника Гладстона и лорда Дерби. Когда г-жа Новикова приѣзжаетъ въ Лондонъ, всегда случается что-нибудь интересное. „Сѣверное Эхо“ (Northern Echo) очень радикальная и очень руссофильская газета. Гладстонъ, конечно, хвалитъ ее, а г-жа Новикова, конечно, въ ней пишетъ. Это старый способъ русскихъ снабжать мозгами своихъ англійскихъ партизановъ, и г-жа Новикова, какъ очень талантливая писательница, снабжаетъ этотъ листокъ посредствомъ своихъ статей умомъ, вполне отсутствующимъ въ другихъ статьяхъ. Во вторникъ она дѣлаетъ обзоръ положенія въ Европѣ и новаго Австро-Германскаго союза съ такими замѣчаніями, которыя, можно подуматъ, что взяты изъ „Vanity fair“, такъ они одинаковы съ тѣми, что напечатаны по этому предмету въ этой газетѣ... „Установленіе Германской имперіи, говоритъ она, „измѣнило все положеніе Европы. Перемѣна произошла не тогда, когда князь Бисмаркъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ Вѣну, но съ объявленія Германіи имперіей въ 1871 г. Неужели неизвѣстно въ англійскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, что Россія играла нѣкоторую роль въ этой исторической драмѣ?“ Г-жа Новикова продолжаетъ: „мы не желаемъ затѣвать войну съ Германіей, и думаю, что Германія никакого намѣренія ссориться съ нами не имѣетъ“. Она заявляетъ, что слухъ, переданный „Soleil“ о томъ, что кн. Горчаковъ разсерженъ на Бисмарка—сушая ложь

„Г-жа Новикова касается также Австро-Германскаго союза и такъ же, какъ мы, смѣется надъ мыслью, что онъ направлень противъ Россіи. Толкая Австрію на востокъ, говоритъ она, предполагалось ослабленіе Англій, а такъ какъ Россія принимала самое дѣятельное участіе въ этомъ толчкѣ, нельзя думать, чтобъ она боялась по-

слѣдствій его для себя. Г-жа Новикова утверждаетъ потомъ: „Россія не допуститъ Австрію завладѣть Балканскимъ полуостровомъ“. Она говоритъ: „въ Москвѣ замѣчаютъ шутливо: въ Константинополѣ глава Турціи—паціентъ articulo mortis, а въ Вѣнѣ въ этой же роли государственной паціентки—старая женщина, совершенно вѣрно. Австрію съ ея старыми и новыми границами раздѣлять, какъ раздѣлили Польшу...“

„Надо надѣяться, что это разоблаченіе плановъ Россіи, сдѣланное русскимъ авторомъ и помѣщенное на страницахъ руссофильской газеты, достаточно, чтобы подтвердить то, что мы давно видѣли и заявляли“, заключаетъ „Vanity fair“.

Но вотъ записка отъ Кинглека г-жѣ Новиковой: „Я прочелъ Вашу статью въ „Сѣверномъ Эхо“ съ большимъ интересомъ и удовольствіемъ. По-моему, она самая интересная изъ всѣхъ написанныхъ Вами; мысли такъ прелестно блестятъ островами. Вы ставите въ уголь обѣ Австріи и запрещаете имъ думать, что онѣ существуютъ. Относительно лорда Сализбери Вы сохраняете Ваше милое, лучезарное выраженіе лица, но его Вы наряжаете въ дурацкій колпакъ“.

Карлейль написалъ ей: „я прочелъ Вашу статью, она хороша, очень хороша“.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, Фрудъ говоритъ въ своемъ письмѣ: „совершенно вѣрно, что былъ возбужденъ проектъ для Австріи захватить Болгарію и окончательно Константинополь. Это были „такъ называемыя, добрыя радостныя вѣсти“.

Передъ началомъ выборовъ въ 1880 г., Фрудъ писалъ г-жѣ Новиковой:

„Я серьезно считаю возможнымъ, что теперь лордъ Биконсфильдъ будетъ побитъ, но пока игра въ его рукахъ и вѣроятно, или по крайней мѣрѣ вѣроятно, что если онъ увидитъ, что выборы противъ него, онъ можетъ рѣшиться на смѣлый coup d'état. Пріятель Лаярда, только что возвратившійся изъ Константинополя, сообщилъ мнѣ два дня назадъ, что турецкое правительство близко къ паденію, что Диззи это знаетъ, и что въ эту минуту происходятъ частыя и важныя сообщенія съ Австріей. Я смѣясь говорю: „Я думаю, что Вы наградите Австрію Константинополемъ?“ Пріятель мой отвѣтилъ: „Вы могли бы хуже отгадать. Продаю Вамъ, за что самъ купилъ“, заключаетъ Фрудъ и прибавляетъ: „Торіи, пожалуй, сдѣлали бы это, если бы власть была въ ихъ рукахъ“.

Интересныя письма г-жа Новикова получала отъ каноника Лиддона.

Въ своей статьѣ г-жа Новикова находила репутацію лорда

Сализбери въ палатѣ лордовъ омраченною Шуваловскимъ соглашеніемъ. Посылая эти замѣчанія канонику Лиддону, Ольга Алексѣевна просила его, какъ стараго друга лорда Сализбери, объяснить ей поведеніе послѣдняго. Каноникъ отвѣтилъ ей двумя длинными письмами, восхваляя Сализбери. Онъ началъ съ сожалѣнія „о безразсудной и вредной зависти къ Россіи въ Англіи“, которую, къ несчастію, питаетъ нынѣшнее правительство и большая часть англичанъ. „Лордъ Сализбери вынужденъ говорить оффиціальнымъ языкомъ“, прибавляетъ каноникъ. „Очень жаль, что, работая съ Биконсфильдомъ, Сализбери вынужденъ примѣнять свои слова къ требованіямъ своего оффиціального положенія. Я его знаю много лѣтъ, лѣтъ тридцать, и я вполне убѣжденъ, что онъ не способенъ сознательно сказать или сдѣлать что бы то ни было, несогласное съ совѣстью. Если въ его публичныхъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ я нахожу поступки, которые меня огорчаютъ, я все же чувствую, что настанетъ день, когда ихъ побужденія объяснятся. Поэтому я не могу согласиться съ Вами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ статьи, но я не забываю, что безъ личнаго знакомства съ лордомъ Сализбери и въ виду оцѣнки нѣкоторыхъ общественныхъ событій и рѣчей, Вы могли не оказывать ему снисхожденія, которое съ моей стороны было бы естественно и даже обязательно

„Живя среди консерваторовъ, я часто слышу жестокія нападки на Гладстона и его управленіе. Я самъ не могъ всегда соглашаться съ Гладстономъ и всей его законодательной системой, напр.: объ университетахъ, предметъ, касающійся, важнѣйшихъ интересовъ и очень мнѣ близкій, тѣмъ не менѣе я всегда цѣню его искренность, на счетъ лорда Сализбери повторяю: отдѣлите его оффиціальную дѣятельность отъ его личнаго характера. Вы скажете, что онъ могъ бы уйти изъ кабинета, но Вамъ достаточно извѣстна политическая жизнь, чтобъ знать, какія бываютъ оковы въ ней и что въ тревогахъ политическаго конфликта героизмъ доступенъ немногимъ.

„Надо помнить, что лордъ Сализбери, своими рѣчами и поступками въ Берлинѣ, которыхъ я не защищаю, въ то же время спасъ насъ въ критическую минуту отъ войны съ Россіей, въ которую лордъ Биконсфильдъ хотѣлъ насъ втянуть.

„Надѣюсь видѣть Васъ по пріѣздѣ моемъ въ Лондонъ, и прошу Васъ передать мое почтеніе генералу Кирѣеву; остаюсь, дорогая г-жа Новикова,

Вамъ преданный Лиддонъ“.

На другой день добросовѣстный каноникъ возвращается къ этой же темѣ:

„Несомнѣнно, я неправильно вчера выразился, но я хотѣлъ сказать, что Вы иначе бы судили о лордѣ Сализбери, если бы знали его лично много лѣтъ. Вы бы знали, что онъ совершенно неспособенъ сознательно сказать неправду или поступить нечестно. Весь свѣтъ знаетъ, что онъ въ 1876 г. предпочелъ выйти изъ правительства, чѣмъ поступить противъ своего долга. Разсуждая объ общественныхъ дѣятеляхъ и ихъ общественныхъ дѣлахъ, надо помнить, что многое отъ публики скрыто. Если бы его знали лично, Вы бы не измѣнили Вашего мнѣнія о достоинствахъ восточнаго вопроса, но Вы бы нѣсколько иначе смотрѣли на его отношеніе къ нему.

„Дорогая г-жа Новикова, могу прибавить, что я съ сожалѣніемъ прочелъ Ваше мнѣніе, что Россія должна бы объявить войну за Берлинскій трактатъ! Мнѣ въ голову никогда не приходило, что Россія уступила угрозѣ. Джингоисты это говорили для того, чтобы возвысить значеніе лорда Биконсфильда въ Берлинѣ, а также, чтобы выйти изъ смѣшного положенія, въ которомъ они были сами. На мой взглядъ, русскіе государственные люди дѣйствовали, какъ должны дѣйствовать хорошіе люди, убѣжденные въ силѣ и правотѣ дѣла, и слишкомъ разсудительные, чтобы легко затронуть демона войны. Они, конечно, чувствовали, что Берлинскій трактатъ обезпечилъ самые главные результаты ихъ самопожертвованія, а что остальное придетъ со временемъ. Какъ благородные освободители угнетенныхъ христіанъ, они сдѣлали все, что было возможно при данныхъ обстоятельствахъ. Они бы не могли освободить христіанъ за Балканами или въ Азіи, если бы одновременно пришлось вести войну съ двумя или болѣе европейскими государствами.

„Простите мою откровенность, доказывающую мою увѣренность, что Вы не истолкуете ее въ дурномъ смыслѣ. Остаюсь,

искренно преданный Лиддонъ“.

Фрудъ, говоритъ Стэдъ, всегда отвергалъ все хорошее въ либералахъ. Его пессимизмъ и недовѣріе вліяли на г-жу Новикову въ ея мрачныя минуты. Такъ, 22-го ноября она мнѣ пишетъ:

„Послѣдній разъ, что я видѣла Фруда, онъ мнѣ сказалъ: „Я думаю, что если бы либеральная партія была во главѣ правительства, она бы поступала такъ же, какъ лордъ Биконсфильдъ, и я считаю большимъ счастьемъ для Европы, что консерваторы правили, когда наступило испытаніе. Я не довѣряю какой-нибудь особенной дружбѣ Гладстона къ Россіи. Самое безопасное, чтобы Ваша родина шла путемъ разумнымъ и осторожнымъ; но твердымъ, надѣясь на свои силы и на правоту своего дѣла“.

Около этого времени г-жа Новикова послала Фруду копію „Nouvelle Revue“. Онъ написалъ ей:

„Благодарю за „Revue“ письменно, на случай, если не застану Васъ дома. Тамъ говорится то, что я повторяю послѣднюю четверть вѣка, но я убѣдился въ одномъ, что если Вамъ удастся указать простой, благоразумный путь, Вы можете быть увѣрены, что онъ не будетъ принятъ англійскими политиками“.

Надо сказать, что Гладстонъ далъ поводъ пессимизму Фруда своимъ замѣчаніемъ о Россіи, какъ о „неподходящемъ орудіи“ для освобожденія Болгаріи. Это неудачное выраженіе вызвало со стороны г-жи Новиковой вспышку негодованія въ защиту русской иностранной политики, о которой будетъ говорено подробно въ другой главѣ. Гладстонъ писалъ 27-го ноября свои извиненія по этому поводу:

„Дорогая г-жа Новикова, благодарю Васъ очень за письмо, и могу сдѣлать къ нему только слѣдующую поправку: я никогда не думалъ покидать своихъ взглядовъ. То, что вы указываете, не что иное, какъ парламентскій пріемъ, не легко объяснимый постороннимъ людямъ. Вы имѣете основаніе меня порицать. Заваленъ работою“.

Дѣло въ томъ, что въ одной изъ своихъ рѣчей Гладстонъ напалъ на миссію генерала Столѣтова въ Кабуль... Г-жа Новикова, пораженная тѣмъ, что Гладстонъ порицалъ то, что Биконсфилдъ прощалъ, снова требовала объясненія.

Ховарденъ 10-е декабря 1879 г.

„Дорогая г-жа Новикова, долженъ отвѣтить наскоро на Вашу вопросъ, такъ какъ я занятъ чрезмѣрно. Насколько я помню, я сказалъ, что Россія, пославъ свою миссію, поступила непростительно по отношенію къ эмиру. Возможно, что репортеры, вообще работающіе кое-какъ, не замѣтили этого оттѣнка.

„Что касается Англій, то нахожу, что миссіа Столѣтова при данныхъ обстоятельствахъ Англій не касалась. Вы любите откровенность, и я надѣюсь, что Вы всегда будете примѣнять ее къ намъ. По отношенію ко мнѣ Вы не можете быть достаточно чистосердечны. Я буду также; я скажу, что выраженіе мое было умѣренно и скромно. Я думаю, что никогда не существовало такого бѣднаго слабого правителя, обиженного двумя великими державами изъ-за личнаго антагонизма, какъ несчастный Эмиръ. Послѣ того, что Россія сдѣлала, ей бы слѣдовало, по моему мнѣнію, поддержать его противъ насъ. Я бы сказалъ, что Вы съ нимъ обращались, какъ нельзя хуже, еслибъ мы не поступали съ нимъ еще

хуже. Далъ бы Богъ, чтобы насталь роспускъ парламента, чтобы знать окончательно планы правительства.

Шеффильдскіе выборы очень важны; въ публикѣ ожидаютъ, что мы побѣдимъ.

Поспѣшно Вамъ преданный Гладстонъ“.

Въ концѣ 1879 г. г-жа Новикова познакомилась съ Рудольфомъ Суффилдъ, отказавшимся отъ католичества, послѣ провозглашенія догмата непогрѣшимости. Онъ былъ восторженный руссофилъ и преданный послѣдователь Гладстона. Г-нъ Суффилдъ слышалъ высокіе отзывы Гладстона о г-жѣ Новиковой, и они произвели на него большое впечатлѣніе: онъ говорилъ, что Гладстонъ часто ссылался на ея слова съ величайшимъ довѣріемъ. Однажды г-нъ Суффилдъ сказалъ г-жѣ Новиковой, что Гладстонъ выражалъ ему свои сожалѣнія о томъ, что русскіе не заняли Константинополя въ 1878 г. и тѣмъ не покончили разъ навсегда съ восточнымъ вопросомъ. Если Гладстонъ былъ такого мнѣнія, что весьма вѣроятно, то жалко, что онъ никому этого не высказывалъ, кромѣ г-на Суффилда.

Г-жа Новикова готовила къ печати „Россія и Англія“. Фрудъ взялся написать предисловіе. 21-го ноября онъ ей пишетъ:

„Вамъ должно быть пріятно сознавать, что пріѣздомъ къ намъ Вы оказали великую пользу Вашей странѣ и Англіи. Перо перетянуло бы вѣсы въ пользу войны прошлый годъ, если бъ не Ваши усилія“.

Въ декабрѣ она напомнила ему его обѣщаніе написать предисловіе къ ея книгѣ. Онъ отвѣчалъ:

11 декабря 1879 г.

„Дорогая г-жа Новикова, Вы меня смущаете, я очень занятъ. Не могу писать или даже думать о Вашемъ предисловіи прежде, чѣмъ кончатся эти шотландскія лекціи. Я не зналъ, что это слѣшно, кромѣ того мнѣ нужны всѣ Ваши статьи и нужно прочесть ихъ прежде, чѣмъ написать что-нибудь, достойное такого блестящаго общества. Церемоніймейстеръ, который вводитъ важную даму на балъ, долженъ быть въ парадномъ мундирѣ.—Страшно слѣшу...“

Преданный Вамъ Фрудъ“.

Вотъ еще выдержки изъ его декабрьскихъ писемъ къ Ольгѣ Алексѣевнѣ:

18-е. „Я вчера забылъ о своей работѣ и соблазнился льдомъ. Я люблю его: онъ такой гладкій и холодный, а когда я надрѣваю коньки, я воображаю себя молодымъ. Въ то время, когда мнѣ нужно было быть на Альбмарле-Стриттѣ, я скользилъ одинъ въ темнотѣ на пруду частнаго сада въ Regent's Park и былъ совер-

шенно счастливъ. Вчера получилъ цѣлый мѣшокъ рецензій „Цезаря“ изъ Америки. Тамъ я нашелъ, повидимому, сочувствующую публику. Удивительный интересъ нашли въ книгѣ. Я изобразилъ Цезаря, главнымъ образомъ, со стороны его человѣческихъ свойствъ, не обращая большого вниманія на мелкія подробности. Американцы этимъ не такъ дорожатъ, какъ у насъ. Въ общемъ, я доволенъ“.

31-е. „Я не могу сказать, произведутъ ли выборы перемѣну? Будь я республиканецъ, я бы желалъ еще на шесть лѣтъ тройственнаго правленія Викторіи Биконсфильдъ-Сализбери. Послѣ этого мы были бы готовы къ *Culbute générale*.“

„Прощайте, какъ могу я Васъ забыть?“.

Въ Лондонѣ г-жа Новикова находилась обыкновенно среди своихъ друзей, салонъ ея посѣщали преимущественно люди, раздѣлявшіе ея взгляды на политическіе и религіозные вопросы, хотя, конечно, бывали исключенія. Иногда она бывала *in partes infidelium*. Въ декабрѣ 1879 г. она посѣтила въ Кембриджѣ сэра Генри Менъ.

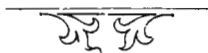
По возвращеніи она писала мнѣ, говорить Стэдъ:

2-е декабря 1879 г.

„Вы можете себѣ легко представить, съ какимъ интересомъ я провела время въ Кембриджѣ. Лэди Менъ очень внимательна. Сэръ Генри очень уменъ и умѣренныхъ воззрѣній. Я встрѣтилась тамъ съ нѣкоторыми людьми, между прочимъ съ дочерью Гладстона—Еленой, слушательницей одного изъ женскихъ колледжей, и съ г-мъ Оскаръ Браунъ, совсѣмъ русскимъ, какъ онъ себя называетъ. Но здѣсь былъ ужасный человѣкъ—генералъ Стряче, *alter ego* Литтона. Я никогда еще не видѣла такого экземпляра!“

Сообщено Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Стендаль въ Москвѣ и въ Смоленскѣ.

ожаръ Смоленска и Москвы въ описаніи будущаго изысканнѣйшаго писателя 20-хъ и 30-хъ гг.—тема этихъ немногихъ писемъ, предлагаемыхъ въ переводѣ русскому читателю. Писавшій ихъ не былъ новичкомъ въ военномъ дѣлѣ: волею судьбы и вліятельнаго родственника, графа Дарю, внослѣдствіи генераль-интенданта Анри Бейль (Стендаль—литературный псевдонимъ) со школьной скамьи 17-лѣтнимъ мальчикомъ въ 1800 г. переходитъ Сень-Готардъ и получаетъ первое боевое крещеніе въ Италиі, которая отнынѣ становится для него землей обѣтованій. Годы ученія въ Парижѣ потомъ снова смѣняются годами походовъ, измѣнявшихъ карту Европы—недаромъ увѣрялъ Гейне въ „Buch Le Grand“, что, учась въ ту пору, онъ не могъ осилить географіи. Уже въ качествѣ интенданта Бейль вмѣстѣ съ арміей вступаетъ въ Берлинъ и Вѣну, въ Брауншвейгѣ, оставшись безъ гарнизона, защищаетъ лазаретъ отъ мятежной толпы горожанъ, возставшихъ противъ французовъ; наконецъ, становится участникомъ нашествія двенадцати языковъ на Россію и рокового отступленія великой арміи. Кстати сказать, его энергіи армія была обязана единственной выдачей провіанта на пути къ Березинѣ. Тетради дневника, который велъ Стендаль въ походѣ, къ сожалѣнію, погибли во время отступленія; но и немногія сохранившіяся письма содержатъ очень цѣнный матеріалъ для характеристики настроенія французовъ, которые послѣ пожара Смоленска, находясь уже въ Москвѣ, рассчитывали на придворные спектакли и концерты, собираясь „повидямому“ зимовать въ Россіи. Черезъ два мѣсяца самые счастливые, въ числѣ коихъ былъ и Стендаль, могли сообщить роднымъ, что потеряли все, кромѣ того платья, что на нихъ.

Но всѣ невзгоды 1812 г. не могли помрачить обаянія Наполеона, которому Стендаль остался вѣренъ до конца; въ январѣ 1814г., когда имперія находилась при послѣднемъ издыханіи, онъ сопровождалъ чрезвычайнаго комиссара, сенатора графа С. Валье въ Гренобль, чтобы организовать защиту города и Савойской границы отъ австрійцевъ. Таковъ послужной списокъ будущаго писателя: матеріалъ для своихъ произведеній, для излюбленной имъ „науки о человѣкѣ“ онъ черпалъ не изъ архивной пыли.

Сподвижникъ Наполеона до его паденія, Стендаль послѣ Реставраціи надолго—до іюльской революціи—сошелъ съ общественно-политической сцены. Его захватываетъ творчество, искусство, любовь. Изъ-подъ его пера выходятъ монографіи, посвященные Гайдну и Россіи; „Исторія живописи въ Италіи“, опытъ философіи искусства, къ которой потомъ сводятся всѣ теоріи Тена; остроумный памфлетъ о романтизмѣ; непринужденные очерки Италіи; беллетристическіе этюды; наконецъ, единственный въ своемъ родѣ и, къ сожалѣнію, совершенно у насъ неизвѣстный трактатъ о „наукѣ страсти нѣжной“—„De l'amour“—своеобразная и утонченная метафизика любви и поэма, и докторская диссертація, и дневникъ влюбленнаго. Но этого мало. Родоначальникъ психологическаго романа, въ самыхъ зрѣлыхъ и совершенныхъ своихъ произведеніяхъ въ „Le Rouge et le Noir“ и „La Chartreuse de Parme“ Стендаль не только развиваетъ и иллюстрируетъ положенія своего трактата „О любви“, но становится такимъ же лѣтописцемъ бонапартизма, какъ Беранже, нѣвецъ Наполеона. Не говоря о незаконченномъ жизнеописаніи Наполеона, составленномъ отчасти по личнымъ воспоминаніямъ, Стендаль на любимыхъ своихъ герояхъ, своемъ alter ego, Жюльенѣ Сорелѣ и Фабриціи дель Донго, покорныхъ властителю думъ своего поколѣнія, глубже, чѣмъ кто-либо изъ современныхъ ему писателей, не исключая Бальзака, вскрываетъ и анализируетъ тайну обаянія Наполеона для молодой Франціи и культа его имени, запечатлѣваетъ то безпокойное броженіе умовъ, которое не прекратилось, а только спряталось, ушло вглубь послѣ паденія кумира.

Въ Жюльенѣ Сорелѣ романистъ изображаетъ одного изъ тѣхъ тысячъ раннихъ честолюбцевъ изъ народа, которые, родившись вслѣдъ за поколѣніемъ „Маленькаго капрала“ и его сподвижниковъ, вознесенныхъ съ нимъ волной удачи изъ ничтожества къ славу и власти, уже не могутъ, разбуженные мощнымъ толчкомъ, оставаться на днѣ, а вступаютъ одинъ на одинъ въ ожесточенный бой съ обществомъ, съ привилегированными классами за свое право на жизнь. Лозунгъ дня—послѣдніе да будутъ первыми! За-

гораются самая жестокая изъ войнъ—война социальная, несущая въ своихъ нѣдрахъ революціи XIX вѣка.

Горящаго энтузіазмомъ передъ именемъ Наполеона Фабриція дель Донго Стендаль заставляетъ въ 16 лѣтъ бѣжать изъ родительскаго дома и присутствовать на Ватерлооскомъ сраженіи, какъ молодую дѣвушку на ея первомъ балу. Этотъ батальный эпизодъ „Chartreuse de Parme“, которую авторъ писалъ уже на склонѣ лѣтъ, съ трепетомъ вломиная свои юношескія увлеченія, съ привычной суровой правдивостью воспроизводя впечатлѣнія военныхъ лѣтъ, училъ писать, по собственному признанію, творца „Войны и Мира“.

Если, такимъ образомъ, жизнь и творчество Стендаля прошли подъ знакомъ Бонапарта, такъ интимно съ нимъ связаны, то тѣмъ большій интересъ приобрѣтаютъ письма этого неслучайнаго свидѣтеля и умнаго „наблюдателя человѣческаго рода“, какъ онъ любилъ себя называть. Это же даетъ имъ право на вниманіе русскаго читателя. Разумѣется, ихъ интересъ этимъ не исчерпывается.

Знаменательны не только міровыя событія, нашедшія отраженіе на этихъ разрозненныхъ страницахъ, привлекаетъ вниманіе и авторъ ихъ, этотъ парадоксальный, скептический, противорѣчивый и многогранный талантъ, солдатъ и дипломатъ, артистъ и писатель для немногихъ, который предсказалъ и угадалъ, что его поймутъ и будутъ читать въ 1880 г. Въ этомъ смыслѣ характерны и экскурсіи въ области „бейлизма“, той нравственной философіи, что выросла на идеяхъ вѣка просвѣщенія, на Гобсъ, Кабанисъ и дю Траси, и попытки психолога опредѣлить сущность воздѣйствія музыки, и нотки брезгливо-высокомѣрнаго эстетизма и порыванія въ Италію, въ Миланъ, обѣтованный край, гдѣ прожиты лучшіе годы. Не даромъ въ своей, имъ же сочиненной, эпитафіи онъ завѣщалъ на надгробномъ памятникѣ назвать себя миланцемъ.

Arrigo Beyle, Milanese,
Serisse Amo, Visse.

Съ этой точки зрѣнія эти письма заполняютъ пробѣлы изданнаго вѣрнымъ апостоломъ Бейля, К. Стрѣнскимъ въ 90-хъ гг. „Дневника“ и автобіографіи (Vie de Henri Bruland), достойной стать наравнѣ съ самыми замѣчательными „книгами признаній“, съ жизнеописаніемъ Бенвенуто Челлини, записками м-мъ Роланъ, „Исповѣдь“ Руссо. Но въ этой части они важны только для того, кто увлеченъ проблемой Стендаля какъ человѣка, и не у мѣста было бы здѣсь дольше останавливаться на этомъ ихъ значеніи.

I. Феликеу Фору въ Греноблѣ ¹⁾.

Смоленскъ 19 авг. 1812 г.

Пожаръ намъ показался столь красивымъ зрѣлищемъ, что несмотря на боязнь пропустить обѣдъ, единственный въ такомъ городѣ, и на боязнь гранатъ, которыми русскіе черезъ огонь бомбардировали французовъ, могущихъ находиться на берегу Борисфена (Дяфпра), мы спустились черезъ ворота, находяшіяся близъ красивой часовни; только что тамъ разорвалась граната, все еще дымилось. Мы храбро пробѣжали шаговъ двадцать, перешли черезъ рѣку по мосту, который на-спѣхъ строилъ генералъ Киргелеръ. Мы подошли совсѣмъ близко къ пожарищу, гдѣ нашли много собакъ и нѣсколько лошадей, выгнанныхъ изъ города распространившимся всюду огнемъ.

Мы любовались столь рѣдкимъ зрѣлищемъ, когда къ К. Марціалу обратился начальникъ батальона, который былъ ему знакомъ лишь, поскольку онъ занялъ вслѣдъ за нимъ его квартиру въ Ростокѣ. Этотъ славный малый разсказалъ намъ подробно о своихъ стычкахъ утромъ и наканунѣ и потомъ началъ безконечно расхваливать съ дюжину ростокскихъ дамъ, которыхъ онъ намъ назвалъ; но одну изъ нихъ расхвалилъ гораздо больше остальныхъ. Опасеніе прервать человѣка, настолько увлеченнаго своей темой, и желаніе смѣяться удержали насъ около него до 10 час., когда ядра посыпались съ новой силой.

Мы стали сокрушаться по поводу утраты обѣда, и я условился съ Марціаломъ, что онъ войдетъ первымъ, чтобы получить выговоръ, который мы заслужили отъ Г. Дарю, когда мы замѣтили въ Вышгородѣ необычайный свѣтъ.

Мы приближаемся, мы находимъ всѣ наши коляски посреди улицы, тогда какъ восемь большихъ домовъ по сосѣдству съ нашимъ бросаютъ снопы пламени вышиной футовъ въ 60 и покрываютъ горящими угольями, величиной съ руку, домъ, гдѣ мы помѣстились нѣсколько часовъ тому назадъ; мы продырявили крышу въ 5 или 6 мѣстахъ и помѣстили тамъ, какъ на церковныхъ амвонахъ, полдюжину гренадеровъ, вооруженныхъ длинными палками, чтобы сбивать и сбрасывать искры; они очень хорошо дѣлали свое дѣло. Г. Дарю распорядился всѣмъ. Работа, усталость, суета до полуночи.

¹⁾ Correspondance de Stendhal (1800—1842), publiée par Paupe et Cheramy. Paris, 1908, t. I.

Нашъ домъ загорался три раза, а мы тушили огонь. Наша штабъ-квартира была во дворѣ, гдѣ, сидя на соломѣ, мы смотрѣли на крыши дома и службъ, указывая гренадерамъ своими криками мѣста, наиболѣе пораженные искрами.

Мы всѣ—и Дарю, графъ Дюма, Бенаръ, Жакомино настолько извелись, что засыпали, говоря другъ съ другомъ; не засыпалъ только хозяинъ дома (Дарю).

Наконецъ, появился столь желанный обѣдъ; но какъ мы ни были голодны, ничего не ѣвъ съ 10 час. утра, смѣшно было смотрѣть, какъ каждый засыпалъ на стулѣ съ вилокъ въ рукѣ. Боюсь, чтобъ моя длиннѣйшая исторія не произвела того же дѣйствія. Простите мнѣ его, madame ¹⁾, и сожгите письмо, потому что мы условились, что только бюллетени должны рассказывать объ арміи...

Армія отбросила русскихъ еще на 4 лье въ теченіе этой ночи; мы—на разстояніи 96 лье отъ Москвы.

II. Феликсу Фору въ Греноблѣ.

Смоленскъ, въ 80 лье отъ Москвы. 24 авг. 1812 г.

Я получилъ твое письмо черезъ 12 дней, несмотря на то, что оно совершило путь въ 800 лье, какъ все, что мы получаемъ изъ Парижа. Ты очень счастливъ, и я этимъ доволенъ. Я совершенно не помню того своего совѣта, который ты находишь хорошимъ. Или это, быть можетъ, совѣтъ пораньше начать работать надъ изданіемъ Монтескье и сочетать мысль объ этомъ трудѣ съ мыслью о своемъ счастьѣ. Мое счастье здѣсь невелико. Какъ человекъ мѣняется! Эта жажда видѣть, которая у меня была нѣкогда, совсѣмъ потухла; съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ Миланъ и Италію, все, что бы я ни видѣлъ, отталкиваетъ меня своею грубостью. Повѣришь ли, что безъ всякой личной причины, безъ чего бы то ни было, что затрагивало бы меня больше другого, я иногда готовъ проливать слезы. Въ этомъ океанѣ варварства ни одинъ звукъ не отвѣчаетъ моему душѣ. Все грубо, грязно, зловонно въ физическомъ и моральномъ отношеніи. Я испыталъ только небольшое удовольствіе, заставилъ играть на маленькомъ разстроенномъ піанино, существо, которое чувствуетъ музыку въ такой же мѣрѣ, какъ я—обѣдню. Честолюбіе потеряло для меня всякую цѣну; самое лучшее отличіе не вознаградило бы меня за грязь, въ которую я влѣзъ. Я представляю себѣ высоты, гдѣ обитаетъ моя душа (когда я пишу

¹⁾ Шутка или уловка.

книги, слушаю Чиморозу и люблю Анджелу въ прекрасномъ краѣ)— какъ восхитительныя вершины; вдали отъ этихъ вершинъ, въ долину—смрадное болото; я погрузился въ это болото, и ничто на свѣтѣ, кромѣ географической карты, не напоминаетъ мнѣ о моихъ вершинахъ.

Повѣришь ли, что я испытываю живѣйшее удовольствіе, занимаясь официальными дѣлами, которыя имѣютъ отношеніе къ Италіи. У меня ихъ 3 или 4; даже будучи закончены, они занимаютъ мое воображеніе, какъ романъ.

Я испыталъ неудачу близъ Вильны, въ Войордовискомъ, гдѣ я нагналъ армію, когда этотъ край еще не былъ организованъ. Я испыталъ чрезмѣрныя физическія лишенія. Чтобы добраться, я оставилъ свою коляску позади, и коляска эта все еще меня не нагнала. Возможно, что она ограблена. Лично для меня это еще полбѣды: потерянныхъ вещей тысячи на 4 франковъ, да неудобство, но я везъ вещи всѣмъ и каждому. Съ какимъ глупымъ видомъ придется раскланиваться съ этими господами!

Впрочемъ, это не вліяетъ на настроеніе, о которомъ я тебѣ говорилъ, я старѣю. Отъ меня зависитъ быть болѣе дѣятельнымъ, чѣмъ кто-либо въ бюро, гдѣ я пишу, съ ушами, оглушенными пошлостями, но я не испытываю никакого удовольствія. Гдѣ-то бюро— въ Брауншвейгѣ или Вѣнѣ. Все это заставляетъ меня страшно добиваться должности сунпрефекта въ Римѣ. Я не сталъ бы колебаться, если бы былъ увѣренъ, что умру въ 40 лѣтъ. Это грѣшитъ противъ бейлизма. Вотъ слѣдствіе отвратительнаго моральнаго воспитанія, которое мы получили. Мы похожи на апельсины, выросшіе посреди ледяного озера въ Исландіи.

Пиши мнѣ больше; я нашелъ твое письмо слишкомъ короткимъ для 800 лье. Попроси Анджелу написать мнѣ. Я люблю Парижъ только въ Парижѣ; мнѣ этотъ городъ пріѣлся, какъ и тебѣ, кажется, но я люблю ощущенія, которыя мнѣ тамъ доставили *Rain-ting* и *Orega Buffa* (живопись и комич. опера).

Прощай; кажется, мы двигаемся.

III. Феликсу Фору въ Греноблѣ.

Москва, 2 окт. 1812 г.

Позавчера я получилъ въ кровати твое маленькое, но хорошее письмо отъ 12 сент., мой дорогой другъ. Чтобы усилить контрастъ между осенью 1811 и 1812 г., чрезмѣрная физическая усталость и питаніе исключительно мясомъ вызвали у меня здоровую желчную лихорадку, которая сильно разыгралась сначала; мы съ ней все-таки

справились, и я пишу тебѣ, сидя у министра; это мой первый выходъ. Эта болѣзнь была пріятна мнѣ тѣмъ, что доставила 8 дней одиночества. У меня былъ досугъ, чтобы увидѣть, что, въ виду чрезвычайно скучныхъ обстоятельствъ, надо приняться за что-нибудь поглотщающее. Поэтому я снова принялся за „Letellier“¹⁾. Меня потянуло къ нему воспоминаніе о чистыхъ и порой восхитительныхъ наслажденіяхъ, которыя я испыталъ послѣдней зимой въ теченіе 7 мѣсяцевъ, начиная съ 4 дек. Это занятіе увлекало меня вчера и позавчера. Удовольствіемъ освѣщается способность сужденія, и сегодня я увидѣлъ еще яснѣе, что это очень хорошей исходъ. Ты долженъ чувствовать истину, что счастье освѣщаетъ способность сужденія. О вещахъ, относящихся къ женщинамъ, о способѣ давать и заставлять ихъ чувствовать любезность, ты держался многихъ сужденій, которыя казались мнѣ невѣрными, потому что по причинамъ страннымъ и совершенно не существующимъ въ природѣ, какъ, напр., большой носъ, большой лобъ, ты упорно хотѣлъ видѣть себя на одной чашѣ вѣсовъ. Сейчасъ счастье перебросило тебя на другую чашу и, конечно, должно привести тебя къ принципамъ чистаго „бейлизма“. Недѣлю тому назадъ я читалъ „Исповѣдь“ Руссо. Онъ былъ такъ несчастенъ только потому, что не зналъ двухъ или трехъ принциповъ „бейлизма“. Манія видѣть всюду обязанности и добродѣтель сдѣлала педантическимъ его стиль и составила несчастье его жизни. Онъ сближается съ какимъ-нибудь человѣкомъ въ теченіе 3 недѣль. Этотъ человѣкъ не думаетъ о немъ больше черезъ 2 года; онъ ищетъ для этого черное объясненіе „бейлизмъ“. Сказалъ бы ему: „Два тѣла сближаются—рождается теплота и броженіе, но всякое состояніе этого рода—преходящее. Это цвѣтокъ, которымъ надо наслаждаться съ упоеніемъ и т. д.“. Ты схватываешь мою мысль? Самыя прекрасныя вещи у Руссо для меня отзываются эмпириями и не обладаютъ той Корреджіевой граціей, которую уничтожаетъ малѣйшая тѣнь педантизма. Повидимому, я проведу здѣсь зиму; надѣюсь, что у насъ будутъ концерты. При дворѣ будутъ, конечно, спектакли, но каковы будутъ актеры? Между тѣмъ съ нами Таркини, одинъ изъ лучшихъ теноровъ.

Ничто такъ не спасаетъ меня отъ общества дураковъ, какъ музыка; съ каждымъ днемъ она становится мнѣ дороже. Но откуда это удовольствіе? Музыка изображаетъ природу; Руссо говоритъ, что часто она перестаетъ изображать ее непосредственно, когда это становится невозможнымъ, чтобы вмѣсто того привести душу

¹ Комедія, оставшаяся незаконченной.

средствами, ей свойственными,—въ состояніе, похожее на то, въ которое привелъ насъ предметъ, ею описываемый. Въмѣсто того, чтобы изображать тихую ночь,—вещь невозможная,—музыка даетъ душѣ то же ощущеніе, зарождаетъ въ ней тѣ же чувства, которыя внушаетъ тихая ночь.

Ты понимаешь въ этомъ что-нибудь? Я пишу тебѣ въ маленькой комнаткѣ, гдѣ двое молодыхъ дураковъ, прибывшихъ изъ Парижа, высказываютъ свое мнѣніе по поводу того, что надо было сдѣлать въ Москвѣ, и не даютъ мнѣ возможности связать двухъ мыслей; мнѣ надо было много высказать тебѣ, а теперь я выдохся.

Что касается музыки, мнѣ кажется, что я предпочитаю хорошія комическія оперы, потому что онѣ вызываютъ ощущенія идеальнаго совершенства комедіи. Лучшей комедіей для меня была бы та, которая вызывала бы ощущенія, похожія на тѣ, что вызываетъ у меня *Matrimonio Secreto*; это въ душѣ мнѣ кажется яснымъ.

Запечатая письмо для моего дорогаго дѣда.

IV. Феликсу Фору въ Греноблѣ.

Москва, 4 окт. 1812.

Я оставилъ своего генерала (графа Дарю, главнаго интенданта арміи) за ужиномъ во дворцѣ Апраксина. Выходя и прощаясь во дворѣ съ г. Z., мы замѣтили, что кромѣ пожара въ Китай-Городѣ, который разгорался въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, начался также пожаръ рядомъ съ нами; мы туда пошли. Очагъ былъ очень горячъ. У меня заболѣли зубы во время этой экспедиціи. Мы остановили солдата, который ударилъ два раза штыкомъ челоуѣка, выпившаго пива; я даже извлекъ шпагу и чуть было не ударилъ ею негодяя. Буржуа отвелъ его къ губернатору, который его выпустилъ.

Мы ушли черезъ часъ, высказавъ много общихъ мѣстъ противъ пожаровъ, что не произвело большого впечатлѣнія, по крайней мѣрѣ, на нашъ взглядъ. Вернувшись въ домъ Апраксина, мы попробовали пустить въ ходъ кишку. Я легъ, мучимый зубной болью. Какъ кажется, нѣкоторые изъ этихъ господъ были такъ добры, что обезпечились и выбѣгали въ 2 и въ 5 час. Что касается меня, я проснулся въ 7 час., велѣлъ запречь свою коляску и поставить ее за колясками г. Дарю.

Коляски отправились на бульваръ противъ клуба. Тамъ я встрѣтилъ м-мъ В..., которая захотѣла броситься мнѣ въ ноги; это была очень смѣшная встрѣча. Я замѣтилъ, что во всемъ, что говорила мнѣ м-мъ В., не было ни тѣни естественности, что, конечно,

меня заморозило. Все-таки я много сдѣлалъ для нея, взявъ ея толстую *belle soeur* въ свою коляску и предложивъ, чтобы ея дрожки слѣдовали за моею коляскою. Она сказала мнѣ, что *m-me Sainte Albe* много говорила ей обо мнѣ.

Пожаръ быстро приближался къ дому, который мы покинули. Наши коляски оставались 5 и 6 час. на бульварѣ. Наскучивъ этимъ бездѣйствіемъ, я пошелъ посмотрѣть огонь и остановился на часъ или на два у Жуанвила ¹⁾. Я любовался комфортабельностью обстановки его дома; мы выпили тамъ вмѣстѣ съ Билле и Буше 3 бутылки вина, которыя возвратили намъ жизнь.

Я прочелъ тамъ нѣсколько строкъ англійскаго перевода „*Виргини*“, которыя среди общей грубости вернули мнѣ нѣсколько душевную жизнь.

Я пошелъ съ Луи смотрѣть на пожаръ. Мы увидѣли нѣкоего Савуа, коннаго капонира, который въ пьяномъ видѣ наносилъ сабельные удары офицеру гвардіи и приставалъ къ нему съ глупостями. Онъ былъ неправъ и въ концѣ концовъ былъ принужденъ попросить прощенія. Одинъ изъ его товарищей по грабежу углубился въ улицу, охваченную огнемъ, гдѣ онъ, вѣроятно, изжарился. Я увидѣлъ новое доказательство недостатка характера у французовъ вообще. Луи пожелалъ успокаивать этого человѣка ради офицера-гвардейца, который подвелъ бы его при первомъ соперничествѣ, вмѣсто того, чтобы питать ко всему этому безпорядку заслуженное презрѣніе, онъ рисковалъ выслушать глупости на свой счетъ. Что касается меня, я восхищался терпѣніемъ офицера гвардіи; я бы ударилъ саблей Савуа по носу, изъ-за чего могъ бы имѣть столкновение съ полковникомъ. Офицеръ дѣйствовалъ осторожно.

Въ 3 часа я вернулся къ вереницѣ нашихъ колясокъ и грустныхъ товарищей. Только что въ сосѣднихъ деревянныхъ домахъ открыли складъ муки и складъ овса, я велѣлъ своей прислугѣ взять того и другого. Они засуетились, сдѣлали видъ, что взяли много, а на самомъ дѣлѣ все ограничилось немногимъ. Такъ они въ арміи поступаютъ всегда и во всемъ; это вызываетъ раздраженіе. Какъ ни хочется не обращать вниманія, въ концѣ концовъ беретъ нетерпѣніе, такъ какъ ко мнѣ всегда приходятъ съ жалобой, и я провожу несчастные дни. Впрочемъ, я проявляю еще меньшее нетерпѣніе, чѣмъ другіе, но зато имѣю несчастье выходить изъ себя. Я завидую нѣкоторымъ изъ своихъ товарищей, которыхъ, кажется, можно всячески обругать, не разсердивъ ихъ по-настоя-

¹⁾ Бар. Ж.—военный интендантъ.

щему; они повышаютъ голосъ и только. Они отряхаютъ уши, какъ говорила мнѣ графиня Пальфина. „Пришлось бы быть очень несчастнымъ, если этого не дѣлать“, добавляла она. Она права; но какъ давать доказательства подобнаго смиренія, обладая чувствительной душой?

Около 3¹/₂ час. мы вмѣстѣ съ Биллье пошли осматривать дома графа Петра Салтыкова. Они показались намъ подходящими для S. E. Мы пошли въ Кремль, чтобы предупредить его; мы остановились у генерала Дюма, который стоитъ на перекресткѣ.

Генераль Киргенеръ сказалъ Луи при мнѣ: „Если бы мнѣ дали 4 тыс. человекъ, я въ теченіе 6 час. остановлю огонь“. Эти слова меня поразили. (Сомнѣваюсь въ успѣхѣ. Ростопчинъ непрерывно поджигалъ снова; будь огонь остановленъ направо, онъ оказался бы налѣво въ 20 мѣстахъ). Мы увидѣли Марціала, который шелъ изъ Кремля, и провели его въ домъ Салтыкова, который былъ осмотрѣнъ всѣми подробно. Г. Дарю нашелъ въ немъ неудобства; ему предложили осмотрѣть другіе дома по направленію къ клубу. Мы увидѣли клубъ, украшенный во французскомъ стилѣ, величественный и дымящійся. Въ Парижѣ въ этомъ родѣ нѣтъ ничего похожаго. Послѣ клуба мы осмотрѣли сосѣдній домъ, огромный и великолѣпный, наконецъ, красивый бѣлый четырехугольный домъ, который рѣшили занять.

Мы всѣ очень устали, я больше другихъ. Начиная отъ Смоленска, я чувствую себя совсѣмъ обезсиленнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ ребячество внести оживленіе и интересъ въ эти поиски дома. Интересъ—слишкомъ много сказано, но много оживленія.

Мы, наконецъ, располагаемся въ этомъ домѣ, гдѣ, повидимому, жилъ человекъ богатый и любящій искусство. Онъ былъ удобно расположенъ, полонъ статуэтокъ и картинъ. Были и прекрасныя книги, въ частности Бюффонъ, Вольтеръ, котораго здѣсь можно найти всюду, и Galerie du Palais Royal.

Сильные поносы заставляли всѣхъ бояться недостатка вина. Намъ сообщили пріятную новость, что можно было его достать изъ погреба прекраснаго клуба, о которомъ я говорилъ. Я уговорилъ отца Биллье идти туда. Мы проникли въ погребъ черезъ великолѣпную конюшню и черезъ садъ, который былъ бы красивъ, если бы деревья этого края не казались мнѣ неизмѣнно убогими.

Мы отправили нашихъ слугъ въ этотъ погребъ; они прислали намъ много сквернаго бѣлаго вина, камчатныхъ скатертей, такихъ же салфетокъ, но очень поношенныхъ. Мы все это взяли, чтобы сдѣлать изъ этого простыни.

Маленькій М. I, отъ главнаго интенданта, пришедшій грабить,

какъ и мы, принялся дарить все, что мы брали. Онъ говорилъ, что хочетъ завладѣть домомъ для главнаго интенданта, и на этомъ основаніи морализировалъ; я призвалъ его нѣсколько къ порядку.

Мой слуга былъ совсѣмъ пьянъ; онъ натаскалъ въ коляску скатертей, вина, скрипку, которыя стащилъ для себя, и тысячу другихъ вещей. Мы съ двумя или тремя товарищами пообѣдали и выпили вина.

Прислуга устраивалась въ домѣ, пожаръ былъ далеко отъ насъ и заполнялъ всю атмосферу до значительной высоты дымомъ; мы устроились и, наконецъ, собирались отдохнуть, когда г. Дарю, вернувшись, объявилъ намъ, что нужно уходить. Я мужественно отнесся къ этой новости, но почувствовалъ себя безъ рукъ и безъ ногъ.

Моя коляска была полна до верху. Я помѣстилъ къ себѣ еще этого надоедливаго бѣднягу В., котораго подобралъ изъ жалости, чтобы оказать другому доброе дѣло—Биліотти. Это самое глупое и скучное балованное дитя, которое я когда-либо зналъ.

Я утащилъ изъ дому, прежде чѣмъ уйти оттуда, томъ Вольтера подъ заглавіемъ „Facéties“.

Мои коляски съ Франсуа заставили себя ждать. Мы отправились въ путь только около 7 час. Мы встрѣтили г. Дарю, взбѣшеннаго. Мы двигались прямо по направленію къ пожару, слѣдуя вдоль бульвара. Мало-по-малу мы попали въ домъ, становилось трудно дышать; наконецъ, очутились между горящими домами. Всѣ наши предпріятія становятся опасны только благодаря полному отсутствію порядка и осторожности. Такъ, здѣсь довольно длинная вереница колясокъ углублялась въ огонь, чтобы избѣгнуть его. Этотъ маневръ имѣлъ бы смыслъ, лишь поскольку какой-либо кварталъ города былъ бы окруженъ огненнымъ кольцомъ. Но положеніе совсѣмъ не было таково; огонь охватилъ городъ съ одной стороны, надо было оттуда выйти; но совершенно не было необходимости проникать черезъ огонь; надо было обойти его.

Невозможность остановила насъ, наконецъ. Мы сдѣлали пол-оборота. Тогда какъ я думалъ о грандіозномъ зрѣлищѣ, которое созерцалъ, я на мгновеніе забылъ, что повернулъ мою коляску раньше другихъ. Я усталъ, шелъ пѣшкомъ, потому что моя коляска была наполнена добромъ, награбленнымъ прислугой, и въ ней уже расположился В. Мнѣ показалось, что коляска моя потерялась въ огнѣ; она не подверглась бы никакой опасности, но мой слуга, какъ и остальные, былъ пьянъ и могъ заснуть посреди горячей улицы.

Возвращаясь, мы встрѣтили на бульварѣ генерала Киргенера, которымъ я былъ очень доволенъ въ этотъ день. Онъ вернуть

насъ къ мужеству, т. е. къ здоровому смыслу, и показалъ, что имѣлось 3 или 4 пути для выхода.

Мы послѣдовали однимъ изъ путей около 11 час., пересѣкая вереницу повозокъ и ссорясь съ возницами короля Неаполитанскаго. Потомъ я замѣтилъ, что мы двигались по Тверской. Мы вышли изъ города, освѣщеннаго самымъ великолѣпнымъ пожаромъ, который образовалъ громадную пирамиду; какъ молитвы вѣрныхъ, ея основаніе было на землѣ, а вершина на небѣ. Луна показалась надъ этой атмосферой пламени и дыма. Это было грандіозное зрѣлище, но надо было бы быть одному или въ обществѣ людей неглупыхъ, чтобы насладиться имъ.

Русскую кампанію испортило для меня то, что ее пришлось совершить съ людьми, которые уменьшили бы Колизей и Неаполитанскій заливъ.

Мы двигались великолѣпной дорогой къ дворцу, называемому Петровскимъ, гдѣ Е. В. остановился. Трахъ! посреди дороги я вижу изъ своей коляски, гдѣ изъ милости нашлось мѣстечко для меня, что коляска г. Дарю наклоняется и наконецъ падаетъ въ канаву. Дорога была шириной футовъ въ 80. Проклятія, раздраженіе: очень трудно было поднять коляску.

Наконецъ, мы подошли къ бивуаку; онъ былъ напротивъ города. Мы очень хорошо видѣли громадную пирамиду изъ московскихъ пiанино и дивановъ, которые доставили бы намъ столько радостей безъ этой маніи поджоговъ. Этотъ Ростопчинъ—негодяй или римлянинъ; увидимъ, какъ посмотрятъ на этотъ поступокъ. Сегодня въ одномъ изъ дворцовъ Ростопчина нашли записку; онъ говоритъ, что во дворцѣ мебели на миллионъ, кажется, и т. д., но онъ поджигаетъ его, чтобы имъ не могли воспользоваться разбойники. На самомъ дѣлѣ, его прекрасный московскій дворецъ не подожженъ.

Добравшись до бивуака, мы поужинали сырой рыбой, фигами и виномъ. Таковъ былъ конецъ этого труднаго дня, въ теченіе котораго мы двигались съ 7 час. утра до 11 час. вечера. Еще хуже то, что въ 11 час., сядясь въ свою коляску, рядомъ съ надоедливымъ В. и сидя на бутылкахъ, покрытыхъ вещами и салфетками, я почувствовалъ опьяненіе изъ-за этого сквернаго бѣлаго вина, награбленнаго въ клубѣ. Сохрани эту болтовню; надо, чтобы я, по крайней мѣрѣ, воспользовался этими лишеніями и вспомнилъ бы ихъ. Мнѣ очень надоѣли мои товарищи по походу. Прощай. Пиши мнѣ и веселись; жизнь коротка.

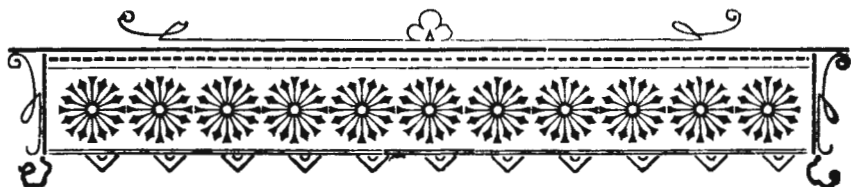
V. Сестрѣ Полинѣ въ Греноблѣ.

Вильна. 7 декабря 1812 г.

Я здоровъ, дорогой другъ. Я очень часто думалъ о тебѣ на протяженіи долгаго пути изъ Москвы сюда, который длился 50 дней. Я все потерялъ и имѣю только платье, которое на мнѣ. Еще лучше то, что я похудѣлъ. Я испыталъ много физическихъ лишеній, никакого нравственнаго удовольренія; но все забыто, и я готовъ начать все сызнава на службѣ Его Величества.

Сообщ. А. Хоментовская.

М. И. Драгомировъ, командующій войсками округа¹⁾.

Всли бы можно было записывать рѣшительно все, что мы слышимъ, видимъ и такимъ образомъ знаемъ,—это было бы идеально; но это невозможно.—Во всякомъ случаѣ старайся записывать какъ можно больше; ничего не пропускай; лишнее записать скорѣй полезно, чѣмъ вредно: все то, что окажется дѣйствительно лишнимъ, потому ли, что оно невѣрно или почему-либо иному,—можно всегда впослѣдствіи исправить; но то, что изъ видѣннаго, слышаннаго и вообще извѣстнаго не занесешь, того не увидишь и не будешь имѣть случая исправить,—такъ оно и пропадетъ“.

Часто случалось мнѣ, ведя съ М. И. Драгомировымъ разговоры о веденіи записокъ, слышать эти слова; твердо ихъ запомнивъ, я стараюсь ихъ не забывать и нерѣдко ими руководствуюсь.—Когда такимъ образомъ записываешь годъ, другой,—какое широкое поле получается для извлеченій самыхъ разнообразныхъ, интересныхъ и полезныхъ.

Предлагаемая замѣтка вся, отъ начала до конца, явилась именно плодомъ руководства этимъ драгомировскимъ правиломъ.

* *
* *
* *

Съ самаго вступленія своего въ должность командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа, М. И. Драгомировъ завелъ порядокъ, по которому всякое его замѣчаніе, приказаніе и вообще распоряженіе, сдѣланное или отданное при какомъ бы то ни было соприкосновеніи съ частями войскъ и случайномъ или же очередномъ инспекторскомъ посѣщеніи ихъ,—тщательно записывалось въ особую тетрадь. Отъ времени до времени эти записи сводились въ общій сборникъ и рассылались въ войска. За все время составилось до

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль 1912 г.

двадцати сборниковъ, которые вообще принимались къ руководствъ и исполненію, а кромѣ того, помимо всякаго къ тому призыва и напоминанія, постоянно перечитывались командирами, начальниками отдѣльных частей, а также офицерами и даже нижними чинами, какъ не только назидательно поучительные—это главное,—но и интересные.—Въ нихъ съ математическою вѣрностью и точностью отражалось все высказанное, предписанное и вмѣненное въ обязанность въ теченіе всего времени командованія войсками и наблюденія за ними такого изъ ряду вонъ выходившаго командира, начальника, попечителя и учителя, какимъ являлся Михаилъ Ивановичъ.

Нѣкоторыя изъ занесенныхъ въ сборникъ статей были снабжены краткой помѣткой, гласящей, что онѣ „оглашенію не подлежатъ“; къ инымъ кромѣ того было добавлено: „только для офицеровъ“.

Трудно и даже невозможно было разобраться въ томъ, какія у статьи должны были имѣться особенности и примѣты для того, чтобы она заслужила такую отмѣтку: были ли то описанія нововведеній, выходившихъ изъ ряда обыденныхъ—по части военно-административной, строевой, технической или же какія-либо, дѣлавшіяся начальникамъ отдѣльных частей, замѣчанія, которыхъ распространеніе могло казаться дискредитированіемъ этихъ начальниковъ.

Смѣшно сказать, что, въ первое время, статьи съ такими отмѣтками являлись предметомъ спеціальнаго вниманія и особаго разбора со стороны офицеровъ, въ особенности молодыхъ; они, по словамъ одного близкаго въ то время къ М. И. Драгомирову лица, относились къ этому такъ же, какъ въ доброе старое время читающая публика относилась къ статьямъ, которыя, на страницахъ газетъ и журналовъ, вычеркивались цензурой или были указываемы министромъ внутреннихъ дѣлъ въ „распоряженіяхъ“, неизмѣнно начинавшихся словами: „принимая во вниманіе, что газета (или журналъ) такая-то въ статьѣ“... и т. д.

Когда кто-то, на досугѣ, между прочимъ, рассказалъ объ этомъ курьезѣ М. И. Драгомирову, онъ разсмѣялся и сказалъ, полушутя: „ишь, вѣдь, и въ голову не придетъ; а вотъ, чтобы отучить охотниковъ доискиваться чего-либо пикантнаго, зачитываться и разбираться въ серьезномъ лишь для того, чтобы обратить во вздоръ, надо будетъ нѣсколько разъ нарочно дать такую запретную отмѣтку самымъ мелкимъ статьямъ,—ну, хотя бы о замѣчаніяхъ моихъ относительно невѣрной пригонки барашковыхъ шапокъ или относительно болѣе правильной подвязки мѣшковъ, замѣнившихъ ранцы, а что-нибудь серьезное, стоящее заботы, пустить безъ отмѣтки;—вотъ эти дѣти въ офицерскихъ мундирахъ отвыкнувъ давать себѣ трудъ по пустякамъ терять время и создавать такую игрушку!“

Шутка эта живо распространилась; посмѣялись ей, да и забыли про нее; никто не могъ себѣ представить, что она можетъ вызвать серьезное дѣло или быть причиной чего-либо выходящаго изъ ряда.

* *
*

По поводу неправильнаго примѣненія дисциплинарнаго устава въ одномъ изъ полковъ N корпуса или, можетъ быть, несвоевременнаго занесенія въ подлежащія книги записей о приѣмѣ и выдачѣ солдатскихъ денежныя писемъ,—командиру корпуса генералу О. было сдѣлано и пропечатано своевременно въ сборникѣ указаніе съ предложеніемъ наблюдать впредь внимательно и подобныхъ упущеній не допускать; при этомъ статья, которою то указаніе объявлялось во всеобщее свѣдѣніе, не была снабжена „отмѣткой“ о нежелательности оглашенія указанія, явившагося какъ бы взыска-ніемъ, наложеннымъ на командира корпуса.—Послѣдній, что называется, взъялся; былъ онъ изъ числа людей крайне обидчивыхъ, а, можетъ быть, и дѣйствительно представлялось очень жестокимъ такое выставленіе его общему вниманію чиновъ не только его корпуса и округа, но и всей арміи; кромѣ того онъ уже и раньше возмѣлъ зубъ противъ командующаго за нѣсколько неловкостей, которыя онъ, генералъ О., считалъ со стороны М. И. Драгомирова продѣлками противъ него.

Въ „продѣлкахъ“ этихъ, можетъ быть, виновнымъ былъ больше самъ генералъ О., но на всякое дѣло онъ смотрѣлъ по-своему, въ особенности на это.

Знакомъ генералъ О. былъ съ М. И. Драгомировымъ давно, и знали они другъ друга съ давнихъ лѣтъ по службѣ въ Петербургѣ въ частяхъ войскъ гвардіи.—Въ Кіевѣ, съ первыхъ дней встрѣчи съ командующимъ войсками, генералъ О., на правахъ стараго знакомаго, сразу наладился, докладывая о дѣлахъ служебныхъ, рассказывать и о разныхъ мелочахъ, происходившихъ въ его корпусѣ, къ службѣ вовсе не относившихся и съ нею ровню ничего общаго не имѣвшихъ.—М. И. терпѣливо выслушивалъ анекдоты сплетническаго характера относительно происходившихъ въ семьяхъ командировъ и офицеровъ семейныхъ дразгъ; онъ думалъ, что если будетъ молчать, игнорируя рассказы о тайнахъ корпусной жизни, и не показывая никакого интереса къ нимъ, будетъ переходить къ разговору по дѣламъ службы, то мало-по-малу, это посвященіе его въ частности жизни семей генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ прекратится.—Но, чѣмъ дальше въ лѣтъ, тѣмъ больше дровъ;—генералъ О., не унимаясь, продолжалъ свое, вѣроятно, не понимая, какъ можно не подѣлиться со своимъ прямымъ начальникомъ тѣми пикантными свѣдѣніями, которыя доходятъ до него, а можетъ быть даже старательно имъ вылавливаются.

Видя это, М. И. рѣшился прекратить ненужный наплывъ праздныхъ извѣстій и новостей. Не имѣя привычкѣ остановить кого-либо въ чемъ бы то ни было мягко, онъ во время одного изъ посѣщеній генерала О., прямо такъ остановилъ потокъ его рѣчей:

„Знаете ли, я давно собираюсь вамъ сказать, что я мало цѣню ваши рассказы и совсѣмъ не понимаю соли ихъ; а съ другой стороны, не могу успѣвать толково набраться нужныхъ мнѣ новостей, прямо идущихъ къ дѣлу моей службы, не могу ихъ всецѣло обсудить; избавьте меня, пожалуйста, отъ этого балласта, будемъ говорить обо всемъ, что касается полковъ, бригадъ, батарей, эскадроновъ, ротъ, а также чиновъ корпуса въ служебномъ отношеніи, а эту дребедень оставимъ разъ навсегда“...

Генераль О., повидимому, привыкшій въ прежнихъ должностяхъ своихъ забавляться частными новостями и дѣлиться ими со своимъ начальствомъ, усыпляя его,—не имѣлъ ни привычки, ни умѣнья оставлять ихъ лично при себѣ или хотя бы брать споровку рассказывать вздорныя новости за картами, за чаемъ, за ужиномъ, а не въ минуты дѣлового разговора,—счелъ остановку, учиненную М. И. Драгомировымъ, за поступокъ рѣзкій, за выходку, показавшую въ немъ отсутствіе деликатности. Незамѣтно для самого себя, онъ началъ будировать, затаивъ противъ „командующаго“ чувство неудовольствія, похожаго на злобу.

* *

Тутъ же, какъ на зло, подоспѣла исторія, вошедшая всецѣло въ ненавистный сборникъ; О., потерпѣвъ очень недолго, сталъ, съ полнымъ отсутствіемъ выдержки, рѣзко говорить о ней навсѣхъ перекресткахъ и высказывать неудовольствіе дѣйствіями „командующаго“ и его сотрудниковъ.

„Этого недоставало, говорилъ онъ, чтобы выговоръ, сдѣланный командиру корпуса, заносили въ сборникъ, имѣющій повсемѣстное распространеніе; изъ-за шутокъ командующаго войсками сняли съ этого факта выговора и послѣднюю, хотя бы отчасти и фиктивную, замычку о томъ, что онъ огласкѣ не подлежитъ; нѣтъ, объявилъ во всеуслышаніе, какъ замѣчаніе сдѣланное прапорщику или подпоручику“.—Дальше, больше, въ конецъ огорченный генераль, какъ выразился М. И., потерялъ умственное и душевное равновѣсіе, забылся и однажды явился, какъ будто бы невзначай, въ праздничный день, чтобы не было похоже на явку въ часы служебныхъ докладовъ, и почти съ первыхъ словъ, началъ передъ командующимъ изливать свое горе по поводу нанесенной ему обиды.

Еще генераль О. не началъ говорить, какъ уже генераль Драгомировъ понялъ, съ какимъ дѣломъ онъ явился; надо было пора-

жаться, какъ М. И., въ высшей степени строгій человѣкъ, спокойно и сдержанно принялся за разговоръ корпуснымъ командиромъ, который не сумѣлъ или не захотѣлъ ни на секунду сдержать себя, а потому началъ сразу захлебываться и какъ-то словно раскудахтался.

Пригласивъ его сѣсть, М. И. сказалъ: „Хотя дѣло это, какъ совершенно праздное, не стоитъ выѣденнаго яйца, но, видя, какъ вы имъ взволновались, разберусь въ немъ вмѣстѣ съ вами“. Тутъ онъ, какъ будто отступивъ отъ выдержки, пустилъ полушутя свою, не вполне приличную и шедшую къ моменту фразу—„умъ хорошо, а полтора лучше“ а затѣмъ сталъ ясно, спокойно, логично доказывать, что ничего особеннаго, а тѣмъ болѣе обиднаго онъ въ отданномъ приказѣ по округу не видитъ.

— Вами и вашими сотрудниками пропущено очень многозначительное дѣло, говорилъ М. И., а въ сдѣланномъ за это указаніи необыденнаго, такого, т. е. что могло бы кого либо поразить, очень немного:—лишьбольшое уменьшеніе соотвѣтствовавшаго винѣ упустившихъ взысканія, если желать въ томъ указаніи видѣть взысканіе. Всякое упущеніе оцѣнивается по послѣдствіямъ, которыя оно можетъ вызвать, оставаясь незамѣченнымъ, въ-время неразоблаченнымъ и неуказаннымъ.—Ваше упущеніе было замѣчено, для разоблаченія подчеркнуто и указано тѣмъ порядкомъ, какимъ цѣль можетъ быть легче достигнута, т. е. чтобы и въ другихъ частяхъ возможность такихъ упущеній была вѣрнѣе и скорѣе пресѣчена, а потому сдѣланное указаніе объявлено во всеобщее свѣдѣніе.

Видя, что обиженный генералъ продолжаетъ кипятиться, насколько не думая о томъ, насколько было бы и лучше и благоумыннѣе успокоиться, М. И. сказалъ ему:

„Изъ всей бесѣды нашей я вижу:

во 1-хъ, что вы въ замѣчаніи или выговорѣ, сдѣланномъ мною тѣмъ же порядкомъ командиру —скаго полка, не захотѣли увидѣть себя, какъ въ зеркалѣ; командиръ полка получилъ строгій выговоръ за данный имъ мнѣ лично отвѣтъ на сдѣланное ему мною лично же замѣчаніе; отвѣтъ состоялъ въ томъ, что замѣченный мною недочетъ явился результатомъ порядка, заведеннаго въ полку еще до него; я нашелъ нужнымъ, при объявленіи строгаго выговора, указать ему, что это не оправданіе, а простая отговорка, и что онъ уже почти четыре года командуетъ полкомъ, стало быть, имѣлъ много времени измѣнить заведенный не при немъ противный закону порядокъ, обративъ его на иной, совершенно согласный съ закономъ, путь.—Но вѣдь такой самый отвѣтъ за день до того или наканунѣ я получилъ отъ васъ; если я сорвался выговоромъ за это не на васъ, а на полковомъ командирѣ,—неужели же вы могли

хоть одну секунду полагать, что вашъ такой же промахъ, представляющій собою такую же простую и неумѣстную отговорку, мною не былъ по достоинству и въ достаточной мѣрѣ оцѣненъ? или вы подумали, что онъ не былъ мною замѣченъ? Я не сдѣлалъ вамъ за это отдѣльнаго замѣчанія не потому, что не замѣтилъ его или не нашелъ нужнымъ указать;—вышла лишь такая случайность, что пока я приготовлялъ для указанія вамъ вполне подходящую форму, полковой командиръ выручилъ меня, а можетъ быть также и васъ поступкомъ, сфотографировавшимъ вашъ. Я считалъ для васъ вполне яснымъ то соображеніе, что для корпуснаго командира замѣчаніе или указаніе по поводу такого промаха является во сто разъ серьезнѣе и конфузнѣе, чѣмъ для командира полка; то самое, что въ этомъ дѣлѣ для полкового командира явилось промахомъ, будучи содѣяно корпуснымъ командиромъ, выходило серьезной, почти криминальной, подробкой. Вамъ негодно было въ этомъ разобраться, и вы пришли къ командиру войсками,—своему прямому и непосредственному начальнику, съ указаніемъ на мелкое взысканіе, сочтенное вами за обиду, не чувствуя себя достойнымъ или обязаннымъ явиться ответственнымъ по болѣе крупному служебному пропуску;

— во 2-хъ, что вы признали возможнымъ увидѣть явку къ командиру войсками съ объясненіемъ дѣломъ совершенно простымъ; означаетъ ли это то, что у себя, во вѣренномъ вамъ корпусѣ, вы это позволяете практиковать, давъ разъ навсегда вашимъ подчиненнымъ разрѣшеніе являться къ вамъ съ подобными мало серьезными и еще того менѣе необходимыми объясненіями? Если да, то неужели же вы, корпусный командиръ, не усвоили себѣ того, что это, въ сущности, криминалъ и что за это ответственность уже не можетъ быть ограничена полученіемъ указанія?

Услышавъ и на это отъ генерала О. возраженія, похожія на тѣ, которыя носятъ характеръ запальчивыхъ, М. И. сказалъ:

— Снисхожу къ происшедшему, такъ какъ не вижу возможности слишкомъ строго осудить ваше возбужденное состояніе; оно очевидно вызвано родомъ нѣкотораго заболѣванія и нервнаго расстройства. Съ другой стороны, зная твердо вообще васъ, а также ваши взгляды на службу и заслуги по ней, я, имѣвъ случай дать о васъ высшей власти на данный мнѣ запросъ отзывъ, составилъ его въ совершенно опредѣленной формѣ о томъ, можете ли вы быть назначеннымъ, съ успѣхомъ для дѣла, къ болѣе высокой дѣятельности; сомнѣнія въ правильности посланнаго мною отвѣта во мнѣ никогда не появлялось, сегодняшній же нашъ разговоръ или вѣрнѣе сегодняшнія ваши реплики укрѣпили меня въ томъ, что мой отзывъ находится въ полнѣйшемъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, чего вы заслуживаете...

Разговоръ прекратился; генераль О., посидѣвъ нѣсколько минутъ въ очень печальномъ положеніи и настроеніи, всталъ и, пробормотавъ что-то похожее на то, будто отъ его высокопревосходительства иныхъ отзывовъ онъ никогда и не ожидалъ, добавилъ: „О нихъ я уже освѣдомленъ“.

Прощаясь съ нимъ, М. И. сказалъ: „а если освѣдомлены, то тѣмъ лучше; не будетъ для васъ впереди ничего непредвидѣннаго, похожего на сюрпризъ“.

Этотъ, происшедшій въ четырехъ стѣнахъ дома командующаго войсками, разговоръ сдѣлался извѣстнымъ двумъ-тремъ болѣе приближеннымъ къ М. И. лицамъ; но вообще стало извѣстно, что генераль О. выставлялъ передъ командующимъ свою обиду.

Съ теченіемъ времени слухи объ этомъ, разрастаясь болѣе и, болѣе, дошли до того, что подъ сурдинку кое-гдѣ, кое-кто добавлялъ свѣдѣнія объ истинныхъ причинахъ обиды, всплывшей со стороны генерала О.

Вотъ въ чемъ дѣло.

Развѣ онъ обидится на такую мелочь: ему давно изъ Петербурга стало отъ друзей извѣстно, что возбужденное имъ самимъ, подъ рукой, совершенно секретно, ходатайство о назначеніи его въ члены Военнаго Совѣта, потерпѣло фіаско, потому что генераль Драгомировъ на сдѣланный ему военнымъ министромъ или начальникомъ главнаго штаба, запросъ о томъ, не явится ли съ его стороны какихъ-либо препятствій къ назначенію генерала О. членомъ Военнаго Совѣта,—отвѣтилъ очень коротко:

„Генераль О. можетъ быть назначенъ членомъ Военнаго Совѣта, но никакихъ совѣтовъ тамъ давать не сможетъ“...

Ставшее черезъ петербургскихъ друзей извѣстнымъ генералу О. ядовитое опредѣленіе это, заставило его уже давно затаить въ себѣ злобу; все дальнѣйшее ее увеличивало, какъ комъ снѣга; при разстроенныхъ въ конецъ нервахъ, онъ дѣйствительно потерялъ подъ собой почву и равновѣсіе, а затѣмъ уже не было удержа въ томъ, что онъ совсѣмъ уронилъ себя недостойными объясненіями...

Не долго послѣ того прокомандовалъ Н. корпусомъ,—онъ получилъ назначеніе, кажется, въ члены Александровскаго комитета о раненыхъ, гдѣ, какъ человѣкъ въ основѣ добрый, приносилъ не мало пользы.

* * *

Возвращаясь къ сборникамъ, о которыхъ шла рѣчь въ началѣ этой замѣтки, не могу пропустить, что впоследствии всѣ сборники эти вышли вторымъ изданіемъ, такъ какъ спросъ на нихъ былъ довольно большой. Надо полагать, что въ отмѣткахъ о нежелатель-

ности оглашенія нѣкоторыхъ статей надобность миновала; статьи, потерявши интересъ минуты, становились, мало-по-малу, достоинствомъ историческимъ. Въ настоящее время со дня напечатанія и выхода въ свѣтъ хотя бы пресловутаго указація генералу О. прошло болѣе двадцати лѣтъ; теперь и онъ посмотрѣлъ бы на него спокойно и, можетъ быть, съ доброй улыбкой; но когда онъ видѣлъ перепечатку статей сборника въ нѣкоторыхъ частныхъ журналахъ, а, можетъ быть, и газетахъ, то невольно разстраивался, а печень, посылавшая его изъ года въ годъ въ Карлсбадъ и въ концѣ концовъ уложившая его въ могилу, болѣе и болѣе разрасталась, заставляя страдать,—все изъ-за проявленнаго имъ упущенія, поставленнаго ему въ укоръ.

* * *

Уже много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстно, что болгарское военное министерство, чуткое ко всему, что могло доставлять молодой арміи братушекъ движеніе впередъ въ дѣлѣ образованія и совершенствованія и не упускавшее къ тому ни малѣйшей возможности,—распорядилось переводомъ на болгарскій языкъ поучительныхъ сборниковъ нашего талантливаго „командующаго“, отъ котораго въ свое время было дано разрѣшеніе на то.

Въ дни пребыванія въ Кіевѣ короля (тогда еще князя) Фердинанда, кажется, въ 1900-мъ году, прибывшій вмѣстѣ съ его высочествомъ достойный генералъ Петровъ (или Петковъ), бывшій раньше или впоследствии военнымъ министромъ, говорилъ въ частной бесѣдѣ, что самымъ дорогимъ матеріаломъ для юной болгарской арміи являются тѣ мелкія замѣчанія, которыя, талантомъ генерала Драгомирова, были выставлены при разборѣ отвѣтовъ, получавшихся имъ отъ офицеровъ, нижнихъ чиновъ, а главное отъ новобранцевъ на задававшіеся имъ при смотрахъ во время объѣздовъ искусно составленные вопросы о караульной службѣ, о различныхъ служебныхъ сноровкахъ, а также по провѣркѣ знанія Закона Божія ¹⁾ и другіе, самые разнообразныя, разсѣянные по книжкамъ сборника, вопросы; они, говорилъ Петковъ, такъ цѣликомъ и вошли въ различныя инструкціи, изданныя для обученія

---

¹⁾ Сохранился рассказъ о томъ, будто бы въ одномъ полку солдатъ, давшій на всѣ вопросы очень бойкіе и вѣрные отвѣты, также бойко, безъ запинки отвѣтилъ заповѣдь; когда же генералъ Драгомировъ сказалъ ему, что онъ произнесъ заповѣдь Моисееву вмѣсто Христовой, то эскадронный командиръ доложилъ: „в. в-во, онъ мусульманинъ, татаринъ Казанской губерніи: его обыкновенно не спрашиваютъ; откуда онъ набрался сегодня отвѣчать, не понятно“. Вотъ такъ надо было бы нашихъ турокъ мало по малу приводить къ христіанству, шутили братушки.

нашихъ юнаковъ-дружинниковъ; составился изъ нихъ цѣлый кодексъ „обученія болгарскихъ солдатъ по Драгомирову“.

Нельзя было не внять этимъ отзывамъ, которые давалъ молодой генераль, руководитель юной арміи родного намъ народа, освобожденнаго нами по волѣ блаженной памяти Царя-Освободителя.

Вы вполне поймете, говорилъ тотъ же генераль Петковъ, съ какимъ реальнымъ интересомъ нашъ болгарскій солдатикъ, много слышавшій о Драгомировѣ, могъ отнестись къ такому случаю, что солдатъ, стоявшій на часахъ, при требованіи этого популярнѣйшаго генерала отдать ему ружье,—не отдалъ его, а главное, что генераль Драгомировъ, отмѣчая это обстоятельство въ своемъ приказѣ, говоритъ: „Не только не отдалъ, но даже наершился и при этомъ взялъ на руку“ ¹⁾. Добавленное же къ этому со стороны генерала Драгомирова въ приказѣ, по адресу часового, слово „молодецъ“ прямо приводитъ юныхъ служакъ юной болгарской арміи въ восторгъ.

* *
* *

Разсказываютъ, что не только на болгарскій яз. переведены драгомировскіе сборники, но и на румынскій и что объ этомъ больше всего радѣлъ лично самъ король румынскій Карль, всегда почитавшій М. И. Драгомирова, очень высоко ставившій и теперь ставящій его школу и жаждавшій введенія въ дѣло обученія румынской арміи всего исходящаго отъ такого учителя.

Король Карль румынскій, нѣмецъ по происхожденію, хорошо зналъ, что нелюбовь М. И. Драгомирова къ нѣмцамъ граничила съ ненавистью. Въ высокой степени благородный монархъ этотъ, умѣлъ, съ твердостью, свойственной Гогенцоллернамъ, сглаживать въ себѣ неловкость неприятнаго чувства, напоминавшаго ему о неприязни Мих. Ивановича къ его происхожденію и рожденію; отдаливъ отъ себя разъ навсегда эти ощущенія, король отдавалъ полную справедливость знаніямъ, способностямъ и талантамъ генерала Драгомирова.

Въ 1900-мъ или 1901-мъ году король также провелъ нѣсколько дней въ Кіевѣ въ качествѣ гостя войскъ Кіевского военнаго округа и ихъ командующаго. Надо было видѣть, съ какой дружеской простотой Его Румынское Величество принималъ отъ Мих. Ив. все то, что онъ находилъ нужнымъ доставлять ему, какъ военному

¹⁾ Взять на руку значитъ сдѣлать ружейный пріемъ, который обозначаетъ изготовку къ оборонѣ или къ атакѣ.

гостю, державному шефу арміи сосѣдняго намъ народа, освобожденнаго когда-то также волею царя Россіи и по мѣрѣ силъ своихъ братски раздѣлившаго съ нами успѣхи борьбы въ дѣлѣ освобожденія нами славянскихъ братушекъ въ 1877—78 гг.

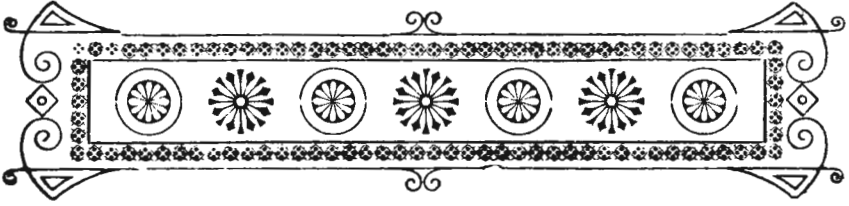
Нынѣ, когда достойнѣйшій вождь братской арміи только-что получилъ отъ Царя чинъ фельдмаршала славной арміи Россійской,—будетъ очень кстати рассказать на страницахъ „Русской Старины“ обстоятельства, при которыхъ король Карлъ, въ свое время, срокомъ семь лѣтъ тому назадъ, сдѣлался владѣтельнымъ княземъ Моллаволахскимъ, т. е. вступилъ на Румынскій престолъ.

Разсказъ этотъ мнѣ довелось услышать отъ Мих. Ив. Драгомирова тогда же, когда король Карлъ былъ въ Кіевѣ его дорогимъ и во всѣхъ отношеніяхъ пріятнымъ гостемъ.

А. Е. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Лунное явленіе, видѣнное въ Москвѣ 1812 года, ноября 28-го дня.

Статья эта сообщена редакціи Е. Н. Клетновой, получившей ее отъ генерала Пестича. Эта небольшая книжечка 13×20 сент. въ 16 стр, изданная въ Москвѣ, въ 1813 г., въ тип. Селивановскаго и подписанная цензоромъ ордин. проф. Алексѣемъ Мерзляковымъ. 1 стр. изображаетъ рисунокъ луннаго явленія въ краскахъ ¹⁾.

Предувѣдомленіе.

Въ причины, побудившія къ изданію описанія метеорологическаго явленія, видѣннаго около луны многими жителями Москвы въ прошломъ 1812 году: во-первыхъ, дабы сей значительный феноментъ, какъ по случившимся въ памятномъ году происшествіямъ между Россією и Францією, такъ и для исторіи времени не остался въ забвеніи, и при томъ безъ поясненія отъ разныхъ толковъ; ибо рассказы о немъ отъ многихъ слышаны или съ подлиннымъ мало схожіе, или недостаточные, или и совсѣмъ противные; во-вторыхъ, что никто и нигдѣ до сихъ поръ о семъ явленіи еще не написалъ ни слова; въ третьихъ, потому, что любопытные, занимающіеся и немаловажные люди сего изданія требуютъ; то трудившійся, выпуская оное въ свѣтъ, посвящаетъ благомыслящей публикѣ съ надеждою, что она удостоитъ сіе своего вниманія и приметъ его благосклонно.

Лунное явленіе.

1812 года мѣсяца ноября съ 28 на 29 число, въ 6 часовъ по полудни видно было метеорологическое или воздушное явленіе около

¹⁾ Рисунокъ не воспроизведенъ.

луны и продолжавшееся до заката ея подъ горизонтъ; что было въ 10^{1/2} часовъ, при ясномъ небѣ и не маломъ морозѣ, въ первой четверти луны.

Жители Москвы видѣли въ означенное время на западѣ луны въ кругу, оранжеваго цвѣта, который былъ въ діаметрѣ градусовъ 30, сквозь который проходилъ діаметрально другой, но гораздо большій кругъ, параллельный горизонту, коего внутренняя полоса была оранжеваго, средняя палеваго, а внѣшняя синяго цвѣта; въ тѣхъ частяхъ, гдѣ оный кругъ пересѣкалъ дугу малаго круга, видны были два бѣлыя и ярко-сіяющія пятна, съ продолговатыми на сѣверную и южную сторону, какъ у кометы, хвостами. На окружности же большаго круга къ востоку также были два пятна, подобныя первымъ, но гораздо темнѣе и безъ хвостовъ кои одинъ отъ другого отстояли съ восточной стороны градусовъ на 30. Отъ луны же самой крестобразно отъ сѣвера къ югу и отъ запада къ востоку широкіе лучи, продолжающіеся до самой окружности малаго круга; предъ симъ малымъ кругомъ въ большомъ кругу почти при центрѣ былъ секторъ дуги блѣдно-палеваго цвѣта, длиною градусовъ 18, а шириною 1^{1/2}. Воздухъ же, занимаемый кругами, былъ темнѣе, нежели ихъ окружающій.

Сіи подобія луны (Parasaeleni) или, лучше сказать, свѣтящіяся пятна, простой народъ называетъ ложными лунами или побочными мѣсяцами.

Подобное явленіе было въ Римѣ, въ 1629 году марта 29 дня; но не лунное, а солнечное, и ложныхъ солнцевъ было четыре же, но не одинаковой величины и неодинаково ярко сіяющими, и выше упомянутаго сектора, какой былъ въ нынѣшнемъ лунномъ явленіи, не находилось и крестообразныхъ лучей отъ солнца не было.

Философы говорятъ, что малый кругъ около луны и другой, проходящій сквозь его большой, происходятъ въ лунныхъ и солнечныхъ явленіяхъ лѣтомъ отъ преломленія лучей въ туманахъ, а зимой отъ отраженія ихъ отъ маленькихъ, плавающихъ въ воздухѣ частицъ снѣга или льда, на той самой высотѣ, гдѣ конецъ земной атмосферы. По сему луна или солнце, отражая лучи свои въ нѣкоторомъ отъ себя разстояніи отъ снѣжинокъ, дѣлаетъ изображенія нѣсколько себѣ подобныя, но не столь свѣтлыя, какъ сама луна или солнце, а сіи изображенія, также отбрасывая лучи отъ себя, кои, отражаясь о упомянутыя снѣжинки, производятъ также себѣ подобныя пятна, но гораздо себя еще темнѣе. Итакъ, изъ сего заключить можно, что таковыхъ пятенъ можетъ быть болѣе и менѣе четырехъ, каково будетъ отраженіе, но цвѣтъ ихъ и яркость

будеть по кругу отъ луны по обѣ стороны вдоль въ прогрессіи умяляться, и при томъ, говорятъ они, что сихъ явленій въ дождливое время видѣть нельзя, а только въ морозное и туманное.

Что же таковыя явленія предзнаменуютъ, никто изъ философовъ о томъ ни слова. Тайнства природы велики; дѣла Творца непостижимы, куда бранный и кичливый человѣческій умъ хотя стараются проникнуть, но все еще остается ничтожнымъ, не только въ познаніи естества, но еще и самого себя.

Впрочемъ явленіе сіе есть задача физикамъ и бытописателямъ.

Физики должны доказать дѣйствіе сихъ явленій, а особенно показать причину видѣнной дуги въ нынѣшнемъ явленіи и крестообразнаго сіянія луны.

А бытописатели или исторіографы должны заглянуть въ исторію 1629 года и поискать, не было ли тогда какого-либо политическаго на земномъ шарѣ происшествія отъ помянутаго солнечнаго явленія, видѣннаго въ Римѣ, и сравнивь его съ нынѣшнимъ луннымъ, вывести о томъ свои заключенія; потомъ внести его въ исторію времени, какъ великій памятникъ нынѣшняго военнаго обстоятельства между Россіи и Франціи, и стремительнаго бѣгства изъ предѣловъ россійскихъ Наполеона съ малымъ остаткомъ войскъ его.

Но имѣютъ ли таковыя воздушныя явленія вліяніе на землю или нѣтъ, мыслить о семъ всякому отдается на волю.

Для любопытства же помѣщаются здѣсь видѣнныя разныя воздушныя явленія многихъ прошедшихъ годовъ, какъ-то:

Въ 993 году, передъ рожденіемъ св. великомученика Стефана, въ ночи, въ 1 часу былъ великій свѣтъ ¹⁾.

Въ 1606 году, за день крещенія Людвига XIII и двухъ его сестеръ, въ Фонтенебло виденъ былъ на небѣ огонь со многими лучами и разѣзжающія колесницы; о чемъ пишетъ историкъ Іовъ Лудольфъ ²⁾, что явленіе сіе подобно было игрѣ духовъ, въ воздухѣ обитающихъ.

Въ 1628 году въ исторіяхъ написано ³⁾: въ Помераніи на небѣ показалось, будто бы оное отверзлось; потомъ отъ сѣвера вышло сильное войско, такъ что сперва пѣхота съ копьями и ружьями, послѣ пушки и телѣги съ народомъ, а потомъ конница явилась и пошла къ югу, гдѣ оное войско съ другимъ, которое отъ юга пришло, великое сраженье возымѣло, и оное, какъ казалось, побѣдило.

¹⁾ Chronographus Saxo apud Leibnizium in muscell. Berlin. Tom I, pag. 137.

²⁾ Общее зрѣлище XVII Сепула. Томъ I, стр. 210.

³⁾ Театръ Европы, стр. 260.

1630 году, при Штетинѣ въ Помераніи же по утру въ 5 часу, незадолго до бывшей тамо между цесарскими и шведскими войсками баталіи, на небѣ виденъ былъ огненный мечъ ¹⁾, который внизъ далеко протяжался и испускалъ пламень, и, по непрестанномъ движеніи, напоследокъ подобенъ сталъ турецкой или польской саблѣ.

Въ 1633 году, 20 сентября, въ Мединѣ въ Аравіи, по смерти Магомета, въ полночь возсталъ страшная погода и жестокой громъ, такъ что небо отъ того все помрачено было ²⁾; но какъ погода переѣнилась и небо стало ясно, то на ономъ видны были аравійскія слова, объясняющія: Ахъ, почто вѣруете лжѣ? А потомъ въ 3 часу по полуночи явилась отъ сѣвера женщина въ бѣломъ одѣяніи, окруженная солнцемъ, и имѣющая въ рукѣ книгу, противъ которой было видно войско, похожее на турокъ, персіанъ, аравитянъ и прочихъ магометанъ, въ боевомъ порядкѣ, повидимому, на оную нападающее; но женщина стояла неподвижно, и какъ скоро имѣющуюся у нея въ рукѣ книгу раскрыла, то всѣ сіи войска въ бѣгство обратились.

Въ 1651 году, 22 декабря, при устьѣ рѣки Масы корабельщиками примѣчено было воздушное явленіе, состоящее изъ двухъ корабельныхъ флотовъ въ наступательномъ видѣ одного на другой и послѣ въ видѣ сраженія, и что будто видны были ясно блоки и канаты оныхъ кораблей ³⁾. И многія другія явленія въ разныхъ мѣстахъ и въ теченіе прошедшихъ годовъ видимы были, которыя исчислить здѣсь было бы много.

Мнѣнія древнихъ и новѣйшихъ физиковъ о происхожденіи сихъ явленій, какъ-то: Аристотеля, Сенеки, Роста, Кульмуса, Вольфа, Вагнера, Стрейбеля, Кеплера, Вейдлера, Мейера, Картезия, Кункеля и многихъ другихъ, были различны.

Еще помѣщается здѣсь одно видѣнное въ Силезіи въ Либавѣ священникомъ Стрейбелемъ, жившимъ въ 1721 году, съ $\frac{1}{4}$ часа явленіе, за 4 недѣли до преставленія римскаго цесаря Іосифа. Къ сѣверу видна была литера С, съ цифирнымъ числомъ 3, который и вывелъ изъ сего явленія мнѣніе такое, что на мѣстѣ Іосифа долженъ быть наслѣдникомъ въ Гишпаніи Карль III.

Въ Либавѣ же въ Силезіи магистратскій членъ, Христіанъ Траутъ-Манъ, даже вѣрилъ такимъ явленіямъ, что они добрыя ли

¹⁾ Театръ Европы, стр. 260.

²⁾ Театръ Европы. Томъ III, стр. 92.

Лудольфа зрѣлице. Томъ III, стр. 143, гдѣ гравированная картина сего явленія приложена.

были предсказанія, или злыя, по соединенію планетъ, когда таковыя явленія бывають. И сіе дня ¹⁾ нынѣшняго луннаго явленія есть задача.

Мое мнѣніе о семъ явленіи слѣдующее:

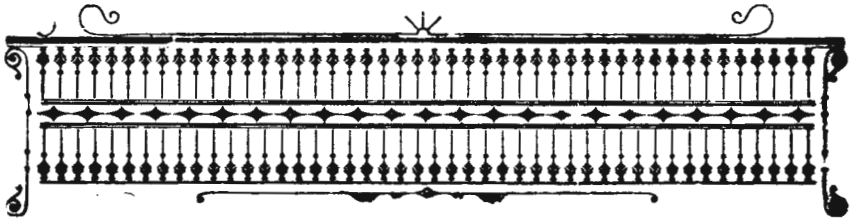
Когда праведный Ной по претерпѣннн отъ потопа вышелъ изъ ковчега и отдалъ Богу благодареніе, за спасеніе, съ семействомъ своимъ, и принесъ Ему чистосердечную жертву, то Всемогущій, въ знакъ къ нему любви Своей и въ знакъ, что уже впредь не будетъ такого наводненія, какое было тогда, поставилъ на небѣ радугу. Такъ точно и нынѣ видѣннымъ явленіемъ ознаменовалъ Всемогущій, что Россія уже впредь не увидитъ въ предѣлахъ своихъ въ такомъ множествѣ непріятельскаго скопища, какое въ помянутомъ году было, и никогда не будетъ терпѣть такого разоренія, какое учинено нынѣ надменными, развратными и безбожными французами съ ихъ сообщниками, а особенно отъ ихъ пронырливаго, злонамѣреннаго и желающаго поглотить владычество царей земныхъ, мирное правленіе ихъ и спокойствіе смертныхъ, рожденнаго въ подлости и коварствомъ похитившаго престомъ порфірородныхъ Франціи—Наполеона.

П. П. Веніаминовъ.

---

¹⁾ Бреславскія собранія 1722, мѣсяць мартъ стр. 270

Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи¹⁾.

ГЛАВА II.

Митава.—Митавскій замокъ.—Ночной форсированный маршъ.—Первое впечатлѣніе страны.—Восемь пожаровъ.—Прибытіе къ мѣсту назначенія.—Слухи о повстанцахъ.

Митава (по-латышски Jelgawa), считая въ себѣ всего лишь 35 тыс. жителей, чистый и благоустроенный городъ. Какъ далеки отъ него въ этомъ отношеніи значительно бѣльшіе по населенію русскіе губернскіе города! Впечатлѣніе она оставляетъ преотрадное; забота о благоустройствѣ проглядываетъ на каждомъ шагу. Нѣмецкій элементъ здѣсь составляетъ половину всего населенія; латыши, русскіе, поляки—четверть; остальные—евреи. Такимъ образомъ нѣмцы и евреи преобладаютъ. Городъ стоитъ на р. Аа и при желѣзной дорогѣ, соединяющей его съ Ригою и Либавою. Изъ всѣхъ рѣкъ, а ихъ въ Курляндіи насчитывается до ста, кромѣ многочисленныхъ ручейковъ, судоходныхъ только три, изъ нихъ таковою ниже Митавы дѣлается и Аа. Рѣкъ и притоковъ съ такимъ названіемъ много въ Зап. Европѣ и въ нашихъ остзейскихъ губерніяхъ; оно есть сокращеніе латинскаго aqua—вода.

Въ Митавѣ много растительности (прекрасный дворцовый паркъ и великолѣпный садъ Villa Medem, принадлежащій Латышскому литературному обществу); много хорошихъ и большихъ домовъ;

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1912 г.

лучшимъ ея украшеніемъ служить дворець—одно изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ зданій въ Россіи, и мужская гимназія.

Въ 1226 г. гроссмейстеръ Конрадъ Медемъ построилъ на р. Аа, гдѣ въ нее вливается Дрикса, замокъ. Во времена орденскаго владычества въ немъ жилъ ландмаршалъ, второе лицо послѣ великаго магистра. Замокъ не разъ горѣлъ и снова возрождался. Много пережилъ онъ превратностей. Около него къ 1345 г. образовался большой поселокъ, послужившій началомъ городу. Такъ какъ замокъ и онъ расположились на низменной долинѣ, то это и послужило поводомъ для названія города—Mitte in der Aue. Когда орденъ палъ и Курляндія обратилась въ герцогство, Митава сдѣлалась резиденціей его правителей. Эрнестъ Биронъ на мѣстѣ стараго, взорваннаго для этой цѣли, построилъ новый замокъ по плану, а вначалѣ и подъ руководствомъ—Растрелли въ стилѣ итальянскаго барокко. Это громадное зданіе, вмѣщающее въ себѣ болѣе 300 комнатъ. Постройка длилась очень долго. Въ царствованіе Елизаветы (1741 г.) она на время была пріостановлена, а чудной работы двери и оконныя рамы Митавскаго дворца пошли (1743) на отдѣлку дома гр. Разумовскаго (Аничковъ дворець).

Въ построенномъ замкѣ Биронъ прожилъ всего лишь 20 дней, уже послѣ отреченія въ пользу сына (1769 г.).

Много видовъ видѣлъ замокъ, много историческихъ лицъ въ немъ перебивало. Три раза его занимали шведы. Были здѣсь Густавъ Адольфъ, Карлъ XII. Въ 1697 году Митава пышно встрѣчала русское посольство, въ составъ котораго входилъ и „волонтеръ Петръ Михайловъ“ (Петръ Великій). Черезъ два года Петръ Великій снова посѣтилъ Митаву, проѣхалъ Курляндію, въ Либавскомъ портѣ сѣлъ на корабль и уѣхалъ за море.

„Очаровала Петра Курляндія. Понялъ онъ, почему Польша и особенно Пруссія жадно смотрѣли на Прибалтійскій уголокъ. Омываемая моремъ на протяженіи болѣе трехсотъ верстъ, обладающая такими природными гаванями, какъ Либава и Виндава, орошаемая глубокой Двиной, покрытая вѣковымъ дубовымъ лѣсомъ, Курляндія естественно возбуждала въ Петрѣ В. политическій аппетитъ, который онъ стремился утолить то ссудою денегъ подъ залогъ герцогскихъ земель, то бракомъ племянницы съ герцогомъ Курляндскимъ, и умеръ, только бросивъ мысль о важномъ значеніи Курляндіи для прочности Россіи на Балтійскомъ морѣ“.

Екатерина II, понявшая мысль Петра и спустя сто лѣтъ ее осуществившая, во время своего болѣе чѣмъ мѣсячнаго пребыванія въ Прибалтійскомъ краѣ (1763 г.), на нѣсколько часовъ пріѣзжала изъ Риги въ Митаву къ „своему герцогу“. Не менѣе чѣмъ Петра

и ее очароваль цвѣтущій видъ страны—богатѣйшія мызы, величественныя замки. Бароны, пышно принимавшіе русскую Императрицу, умѣли показать только то, что было хорошаго въ ихъ странѣ.

Въ Митавскомъ замкѣ дважды жилъ и „графъ Прованскій“ (Людовикъ XVIII), терпѣливо выжидая, пока „союзники“ не посадили его на тронъ Франціи. Посѣтилъ замокъ Императоръ Александръ I.

Въ 1812 году маршалъ Макдональдъ имѣлъ въ немъ главную квартиру. Приходилось замку служить и лазаретомъ для пруссаковъ.

Послѣ всего этого здѣсь водворился на жительство рядъ русскихъ губернаторовъ. Послѣднее же время отсюда страной правилъ генералъ-губернаторъ, выставивъ на устрашеніе мятежныхъ латышей предъ входомъ пушки. Давно уже замокъ не принималъ такого воинственнаго вида!

Повидимому, въ городѣ все было спокойно. Жизнь какъ будто шла своимъ обычнымъ порядкомъ—ни усиленныхъ нарядовъ полиціи, ни военныхъ патрулей. Было воскресенье, стояла чудная погода, на улицахъ много гуляющихъ, но все чинно, мирно. И по первому впечатлѣнію казалось, что тревога начальствомъ забита напрасно. Къ сожалѣнію, это только казалось! Подъ внѣшнимъ спокойствіемъ скрывалось сильное броженіе, сдерживаемое только значительнымъ числомъ войскъ въ городѣ. Но были уже и бурныя демонстраціи, сопровождавшіяся убійствами и разгромами. Почти на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ шла общая забастовка. Многіе рабочіе уходили изъ города въ уѣздъ, подбивали батраковъ бросать работы въ имѣніяхъ и, соединивъ ихъ въ шайки, поджигали, грабили, а подчасъ, и убивали ненавистныхъ имъ нѣмцевъ-владельцевъ и членовъ полиціи (тоже нѣмцевъ).

Не успѣли прибывшіе на усмиреніе, что называется, осмотрѣться и устроиться, какъ часовъ въ 5 въ расположеніе эскадрона въ Паульсгнаде прискакалъ „вѣстовой“ съ приказаніемъ съѣхать на сборный пунктъ, чтобы, получивъ тамъ инструкціи, итти куда-то далеко. Пришлось выступить по тревогѣ, бросивъ даже кой-какое имущество. На сборномъ пунктѣ узнали, зачѣмъ и куда посылали. Отъ командира полусотни казаковъ, расположенной въ им. Гофцумберге, получено было донесеніе, что многочисленная партія повстанцевъ заняла окружающіе лѣса, ведетъ съ казаками неустанную перестрѣлку и что послѣднимъ, въ виду ихъ слабыхъ силъ и недостатка патроновъ, угрожаетъ серьезная опасность. Узнавъ объ этомъ еще наканунѣ вечеромъ (о чемъ говорилось на „совѣтѣ“), на-

частьство тогда еще выслало туда на подводахъ роту пѣхоты ¹⁾. Не получая болѣе никакихъ изъ Гофцумберге извѣстій и думая, что повстанцы отрѣзали сообщеніе съ Митавой, что рота въ свою очередь подверглась нападенію, допуская вообще всѣ ужасы, рѣшили послать на выручку казаковъ и пѣхоты прибывшіе накануне два эскадрона.

На сборномъ пунктѣ насъ продержали часа два. Къ этому, впрочемъ, военные привыкли. Кто-то на досугѣ высчиталъ, что половина службы солдата переходитъ именно въ ожиданіи начальства, приказа и пр.

Наконецъ, послѣдовало распоряженіе спѣшить въ Гофцумберге. Сѣли на коней и начали спѣшить, наверстывая безцѣльно (можетъ быть, и была причина, кто ихъ тамъ знаетъ!) потраченное время въ ущербъ лошадямъ. Солнце давно уже сѣло. Начинало смеркаться. Съ отрядомъ слѣдовалъ бравый уѣздный начальникъ, отставной кавалеристъ, мѣстный уроженецъ, баронъ.

Шоссированная дорога, по которой шли, содержались въ образцовомъ порядкѣ. При частыхъ развѣздахъ по Курляндіи намъ послѣ пришлось убѣдиться, что эта часть ничего не оставляетъ желать лучшаго. Всѣ, даже незначительные, тракты превосходно-гладки, безъ выбоовъ; верхній ихъ слой—крупный гравій и утрамбованъ на рѣдкость. Мосты, а ихъ множество, вполнѣ исправны. Эскадронный командиръ, памятуя россійскія дороги, въ трепетѣ за цѣлость своихъ лошадей, спросилъ, надежны ли мосты.

Уѣздный начальникъ снисходительно отвѣтилъ: „Не беспокойтесь, наши мосты не проваливаются“! Всѣ дороги въ Курляндіи по сторонамъ обведены глубокими дренажными канавами, а самое полотно значительно возвышено, поэтому въ дождливое время и грязи на нихъ не бываетъ. Да, дороги хороши. Но во что обходится это дорожное благополучіе населенію! По сторонамъ дорогъ вездѣ вкопаны столбики, на нихъ написаны имена и фамиліи тѣхъ латышей, которые должны содержать въ полной исправности назначенные имъ участки.

На ихъ обязанности по этой части лежитъ все—подвозъ песку, гравія, чистка канавъ и пр. Повинность эта тяжелая и всецѣло лежитъ на крестьянахъ. Помѣщики совершенно свободны отъ нея,

---

¹⁾ Въ виду выдѣленія изъ пѣхотныхъ полковъ на Дальній Востокъ чуть не половины состава людей, всѣ роты были далеко не въ комплектѣ, въ нихъ насчитывалось уже только около 60 человекъ; къ декабрю 1905 г., когда всѣхъ выслужившихъ срокъ постепенно уволили въ запасъ, роты свелись до 30—35 чел.

хотя-бы дороги и пролегали на много версть по ихъ владѣніямъ. Уставъ о дорожной повинности 1865 г. За его исполненіемъ строго слѣдить полиція и сами бароны. Обязанность—много легче латышской!

Но возвратимся къ разсказу.

Эскадроны быстро двигались впередъ. Это былъ форсированный маршъ съ мѣрами охраненія, какъ въ военное время. Говорили, что повстанцы стрѣляютъ изъ-за кустовъ, что они уже разгромили 32 волостныхъ правленія, сожгли нѣсколько мызъ и пр. Поэтому осторожность не была излишня. Около стояли телефонные столбы съ висѣвшею какъ-то безпомощно и уныло порванною проволокою; мѣстами столбы были спилены и лежали въ канавѣ. Все это напоминало о дѣятельности повстанцевъ. Проѣхали около часа, не встрѣтивъ рѣшительно никого и ничего. За все время попалась одна корчма, старательно запертая. Только въ сторонѣ иногда кое-гдѣ что-то чернѣло, похожее на строенія. Казалось, что двигались въ пустынной, безлюдной странѣ. Это было наше первое впечатлѣніе края. Днемъ, конечно, все это выглядитъ иначе. Курляндія въ общемъ холмиста, въ срединѣ ея тянется низменность, извѣстная подъ именемъ „Митавской равнины“. Именно этой безлѣсной равниной и шли теперь эскадроны.

Ночь была восхитительная, тихая, теплая. Луна уже начинала выходить изъ-за темнаго горизонта, но слабые ея лучи не могли побороть сразу сгустившагося надъ землею мрака.

Въ противоположной сторонѣ, прямо по дорогѣ обрисовалась неясная полоска свѣта, какой-то далекій отблескъ чего-то; казалось, оттуда собирается выйти другая луна, чтобы помочь первой въ борьбѣ съ темнотою. Эта полоска быстро начала увеличиваться, шириться и принимать все болѣе красный оттѣнокъ. Въ короткое время небо озарилось заревомъ все увеличивавшагося далекаго пожара. Между тѣмъ луна поднималась все выше; звѣзды начали меркнуть, мракъ разсѣиваться, и скоро окрестности залились ея серебристыми лучами. Зарево поблѣднѣло, и пожаръ сталъ горѣть большимъ, но не такимъ уже яркимъ костромъ.

Смотря на все болѣе разгорающійся огонь, эскадроны понеслись быстрѣе впередъ, подстрекаемые желаніемъ скорѣе доѣхать туда, подать помощь. Воображеніе рисовало ужасы разгрома, насилій.

Но вотъ нѣсколько въ сторонѣ какъ-то сразу вспыхнулъ еще огонекъ, быстро обратившійся также въ громадный пожаръ. Ясно уже свѣтившая луна ослабляла впечатлѣніе. Наше напряженное вниманіе сосредоточено было на этихъ двухъ свѣтящихся впереди пожарахъ.

— Смотрите, третій пожаръ!—крикнулъ кто-то изъ насъ. А чрезъ нѣкоторое время снова:—Смотрите, четвертый!—и скоро широкимъ полукругомъ впереди одновременно сильнымъ блескомъ сверкало восемь пожаровъ.

А кругомъ полнѣйшая тишина—ни малѣйшаго звука; только ритмическій топотъ копытъ нарушалъ это гробовое молчаніе. Кавалерійское ухо, впрочемъ, не слышитъ этого топота—съ нимъ оно свыклось. Эти зловѣщіе восемь пожаровъ, ночь, тишина, вполнѣ незнакомая мѣстность, сознаніе, что въ странѣ что-то вершится, ожиданіе засадъ, нападеній, дѣлало обстановку таинственной и грозной. Проѣхали еще нѣсколько верстъ, показавшихся намъ безконечными. Пожары все пылали, а тишина по-прежнему не нарушалась ничѣмъ.

Впереди послышался какой-то отдаленный, неясный вначалѣ шумъ. Всѣ насторожились, безъ команды перешли въ шагъ. Шумъ усиливался. Эскадроны остановились. Уѣздный начальникъ, взявъ съ собою взводъ, поѣхалъ на развѣдки. Чрезъ нѣсколько минутъ показался быстро катившійся по дорогѣ экипажъ. Замѣтивъ драгунъ, онъ юркнулъ въ сторону и во всю прыть началъ уходить. Его догнали, окружили. На бричкѣ сидѣли двѣ женщины, тряслись отъ страха и плакали... Оказалось, онѣ, крестьянки, гдѣ-то были на крестинахъ и теперь возвращались домой. Бабъ послѣ допроса отпустили. Пришлось разочароваться, приключенія воинственнаго не случилось! Когда воображеніе напряжено, оно рисуетъ Богъ вѣсть что! Ожидали засадъ, чуть не сраженія, по меньшей мѣрѣ поимки вооруженныхъ повстанцевъ, и вдругъ двѣ трепещущія бабы, такъ храбро плѣненные уѣзднымъ начальникомъ.

Послѣ этого забавнаго эпизода тронулись дальше. Опять вниманіе устремилось на пожары. Одинъ изъ нихъ уже былъ не далеко, нѣкоторые замѣтно уменьшались. Подѣзжали къ какому-то лѣсу, какъ-то сразу выдвинувшемуся предъ нами. Это было имѣніе Грингофъ и его огромный паркъ; его мы послѣ осматривали. Это рѣдкій по красотѣ паркъ, содержимый въ большомъ порядкѣ; его не болѣе, не менѣе, какъ сто десятинъ! Наконецъ, доѣхали и до самаго пожарища. Нигдѣ не было видно ни души. Огромный сарай съ десятками тысячъ бывшаго въ немъ клевера догоралъ себѣ въ полномъ одиночествѣ.

Было 11 часовъ вечера. Остановились, слѣзли съ лошадей. Половина дороги была пройдена. Рѣшили слѣлать привалъ и накормить людей ужинкомъ. Безтолковый выходъ по тревогѣ не далъ возможности слѣлать этого въ Митавѣ. Теперь выручили походныя кухни. Уѣздный начальникъ предложилъ зайти въ замокъ—„Дабуть—

закусить“. Но никакого замка не было видно. Мы свернули вправо и пошли по тѣнистой аллеѣ внизъ. Она скоро окончилась, и предъ нашими глазами предсталъ на полянѣ бѣлый, какъ молоко, большой замокъ, залитый свѣтомъ луны. Онъ отчетливо выдѣлялся на темномъ фонѣ раскинушагося зади парка. Картина была великолѣпная, какая-то сказочная. Даже обычный видъ днемъ инымъ представляется при таинственномъ свѣтѣ царицы-ночи, когда скрадываются детали, когда перспектива обманчива. До полной иллюзии рыцарскаго замка недоставало только старинныхъ башенъ да зубчатыхъ стѣнъ. Грингофъ и днемъ приятно ласкаетъ глазъ своимъ красивымъ видомъ, хотя собственно архитектура его и не затѣлива. Много намъ пришлось видѣть въ Курляндіи „замковъ“, но такой симпатичный — рѣдко. Пришлось послѣ осматривать его внутри. Прекрасная обстановка, драгоценныя вещи и на всемъ отпечатокъ вкуса и заботливой женской руки; большая библіотека и рѣдкое собраніе старинныхъ библий.

Невольны мы, утомленные монотонностью дороги, приостановились, чтобы полюбоваться красивой картиной. Впечатлѣніе портилось, по крайней мѣрѣ у пищущаго эти строки, пѣхотный солдатъ, неуклюже какъ-то торчавшій у подѣзда съ винтовкой на плечѣ (въ Грингофѣ на время безпорядковъ расположена была рота). Этотъ часовой разсѣивалъ настроенное воображеніе и возвращалъ къ реальной дѣйствительности. Онъ напоминалъ, что творилось въ краѣ, что, можетъ быть, и этому чудному уголку, подобно другимъ, суждено скоро обратиться въ груды мусора съ отвратительно торчавшими почернѣвшими трубами. Спусти два мѣсяца много пришлось видѣть такихъ печальныхъ видовъ.

Вошли въ домъ. Въ громадномъ вестибюлѣ съ красивымъ сводчатымъ потолкомъ стоялъ посрединѣ столъ, уставленный закусками и бутылками. За столомъ сидѣлъ немолодой уже пѣхотный капитанъ, командиръ роты, въ полномъ вооруженіи, какъ бы готовый въ бой съ кѣмъ-то. Подъ стѣною, тѣсною группою, буквально прижимаясь другъ къ другу, сидѣло съ испуганными лицами нѣсколько дамъ. Было также трое мужчинъ, разстроенныхъ и измученныхъ бессонными ночами. Прислуга разошлась; кто ушелъ, сочувствуя возстанію, въ банды, кого туда же погналъ терроръ. Весь многочисленный обыкновенно штатъ служащихъ въ имѣніяхъ состоитъ исключительно изъ латышей. Добрая половина бароновъ и баронессъ вскормлены латышскою же грудью... Всѣ нѣмцы говорятъ свободно по-латышски, тогда какъ очень немногіе латыши—по-нѣмецки. Последнее время и знающіе этотъ языкъ какъ-то сразу забыли его...

Въ Грингоффъ было сожжено уже нѣсколько сараевъ чуть ли не на глазахъ пѣхотныхъ патрулей. Понятна паника оставшихся въ замкѣ людей. Имъ казалось, что слабая рота не можетъ обезпечить даже ихъ личной безопасности. Управляющій, встрѣтившій эскадроны, какъ избавителей, и опечаленный извѣстіемъ, что черезъ полчаса они уйдутъ дальше, умолялъ эскадроннаго командира оставить ему „хотя шесть драгунъ“.— „Но у васъ же дѣлая рота!“— „Что эта лѣхота!“ и управляющій безнадежно махнулъ рукою; отказъ исполнить просьбу его сильно огорчилъ.

Порядочно проголодавшись, мы съ удовольствіемъ приняли предложеніе выпить знаменитой померанцевой и закусить чудной ветчиной. Курляндія, по справедливости, славится умѣніемъ готовить послѣднюю, а ея сладкія водки извѣстны на всю Россію. Заводы Гроссъ-Эккаускій и Штокмансгофскій отличаются на этомъ поприщѣ. Но въ баронскихъ имѣніяхъ умудряются домашнимъ путемъ дѣлать ихъ еще лучше. Утолили голодъ, стали собираться въ дорогу, хотя, признаться, не хотѣлось уходить даже изъ вестибюля... „Надо подождать—люди не успѣли еще поужинать“, сказалъ командиръ эскадрона. Одна изъ дамъ спросила, какъ же они теперь ужинаютъ.— „Ужинаютъ и горячимъ“. Узнавъ изъ дальнѣйшихъ объясненій, что мы возимъ за собою такія кухни, которыя, несмотря на быстроту движенія, не отстаютъ и преисправно готовятъ пищу, какъ на мѣстѣ, дамы очень заинтересовались и, забывъ свои страхи, просили показать имъ эти диковинныя кухни на колесахъ. Осматривать ихъ онѣ шли подъ охраною офицеровъ, назадъ же, по нашемъ уходѣ, пришлось возвращаться только со своими мужьями. Что это было - женское любопытство или нѣмецкая хозяйственная жилка, погнавшая ихъ ночью довольно далеко отъ замка?!

Остальная часть дороги представлялась болѣе опасной. Недалеко отъ Грингофа лежитъ не особенно большой, но довольно густой лѣсъ. Въ немъ часто шатались повстанцы, стрѣляли по казачьимъ развѣздамъ, въ судебнаго слѣдователя, но стрѣляли плохо. Не доѣзжая 3-хъ верстъ до Гофцумберге, начинается болѣе значительный уже лѣсъ. Уѣздный начальникъ поднялъ вопросъ, —идти прямо или обойти опасныя мѣста, что значительно удлиняло бы путь. Рѣшили идти кратчайшею дорогою.

И эскадроны, не пославъ даже предварительно обрекогносцировать лѣсъ, какъ того требуетъ уставъ, длинною кишкою вытянулись въ дефиле. Если бы повстанцы вздумали устроить засаду, то, оставаясь безнаказанными, могли бы поставить отрядъ въ непріятное положеніе. Густой, незнакомый лѣсъ, узкая дорога и при всемъ томъ ночь. Но латыши, если они и шатались въ лѣсу, на

этотъ разъ не рискнули—ни одного выстрѣла не послѣдовало, хотя о нашемъ движеніи было извѣстно. Слухъ о немъ распространился въ Гофцумберге между рабочими очень задолго еще до прибытія туда эскадроновъ. Во всѣхъ имѣніяхъ рабочіе-латыши, во всѣхъ учрежденіяхъ, правительственныхъ и частныхъ, низшія должности обыкновенно занимаютъ они же. Поэтому отъ ихъ вниманія не ускользаетъ ни одно распоряженіе, ни одна канцелярская тайна. Но какъ они умудрялись быстро обо всемъ давать знать? Распоряженіемъ губернатора ѣзда на велосипедахъ была запрещена. Ими для быстрыхъ передвиженій, чему такъ способствуютъ чудныя дороги, широко раньше пользовались агитаторы. Но, несмотря на запрещеніе, революціонеры все-таки и послѣ рисковали ѣздить; ихъ старательно ловили и арестовывали, въ неисполнявшихъ приказаніе остановиться—стрѣляли. Весьма вѣроятно, что и въ данномъ случаѣ какой-нибудь смѣльчакъ, счастливо проскользнувъ мимо поста въ Грингоффъ,—распространилъ извѣстіе о движеніи эскадроновъ. Позднѣ намъ пришлось убѣдиться, что у революціонеровъ развѣдывательная служба поставлена несравненно лучше, чѣмъ у насъ, а равно и сигнализациа. Вожди возстанія позаботились обучить этому „народъ“, широко распространивъ книжонку (приходилось ее видѣть), гдѣ обстоятельно изложены фортификаціонный, развѣдывательный отдѣлы и вообще всѣ способы веденія революціонной войны съ войсками. Этотъ своего рода „уставъ“ заканчивается приказомъ „народу“ хорошо усвоить его содержимое. И, надо полагать, въ ихъ арміи не процвѣтаетъ такая халатность въ этомъ отношеніи, какъ у насъ. Ближайшій примѣръ:

Осенью 1904 г. (во время войны!) послѣдовало приказаніе обучить къ веснѣ унтеръ-офицеровъ, учебную команду и всѣхъ развѣдчиковъ умѣнію на большомъ разстояніи переговариваться съ помощью флаговъ („семафорная азбука“). Знаніе этой сигнализациі требовалось основательное, отчетливое. Но пришла весна, попробовали сдѣлать испытаніе. Ровно ничего не вышло. Сигнализировать сколько-нибудь спосно не умѣли ни ученики-солдаты, ни учителя-офицеры, ни сами повѣрившіе „успѣхъ зимнихъ занятій“. И дѣло „такъ и оставили“.

Первый лѣсъ миновали; втянулись, благополучно прошли и второй—большой и густой. Выѣхавъ на поляну, увидѣли, какъ и въ Грингоффъ, догоравшимъ огромный сарай. Было около 3 часовъ ночи. Маршъ былъ оконченъ, мы вѣзжали уже въ самую мызу Гофцумберге. Во дворѣ привязанными къ заборамъ стояли казацкія лошади, сами же казаки, кромѣ наряда, преспокойно спали. Спѣшивъ людей, мы ожидали встрѣтить иную обстановку. Присланной

пѣхоты на выручку все тѣхъ же казаковъ и совсѣмъ не было видно. Призванный къ начальнику отряда также безмятежно спавшій въ „замкѣ“ казачій офицеръ доложилъ, что въ ближайшихъ лѣсахъ шатаются „огромными толпами“ повстанцы, подходятъ къ самой мызѣ, стрѣляютъ, что казаки выдержали съ ними бой, измучены и т. д.; что, наконецъ, лошадей онъ держитъ подъ открытымъ небомъ (хотя есть много прекрасныхъ сараевъ) изъ опасенія поджога.

При первомъ впечатлѣннн мѣстность показала до крайности угрюмой: мыза лежитъ въ глубокой котловинѣ, со всѣхъ сторонъ на нее надвигаются солидныя обрывистыя горы, поросшія лѣсомъ. Только въ одномъ мѣстѣ, на вершинѣ высокаго холма отчетливо вырисовывались эффектно освѣщенные луной развалины настоящаго древняго замка.

„Позиція для боя“ была не изъ выгодныхъ, по крайней мѣрѣ такъ казалось ночью, особенно подъ вліяніемъ слышанныхъ ужасовъ, въ которыхъ, впрочемъ, начинало брать сомнѣніе.

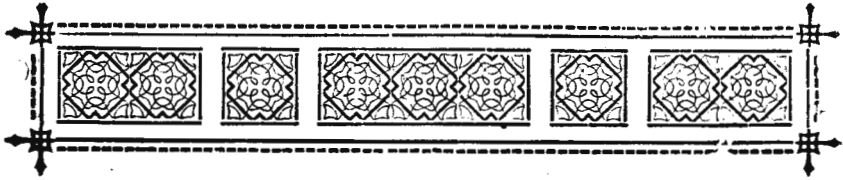
И мы, въ свою очередь, боясь поджога, расположили свои эскадроны среди двора бивакомъ. На другой день одинъ изъ нихъ ушелъ въ г. Баускъ, пѣхота и „вырученные“ казаки обратно въ Митаву. Въ мызѣ остался одинъ эскадронъ, чрезъ нѣсколько дней выдѣлившій половину въ м. Добеленъ.

Е. А. Альбовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній стараго врача А. А. Сипицына¹⁾.

Г л а в а II.

Верейду теперь къ внутренней жизни студентовъ. Какъ я уже сказалъ, мы жили въ номерахъ по 4 чел. въ каждомъ. На первый курсъ мы были размѣщены по номерамъ по усмотрѣнiю инспекціи. При этомъ, такъ какъ число студентовъ польскаго происхожденiя было почти равно числу студентовъ—русскихъ, то въ каждомъ номерѣ помѣщено было по 2 поляка и по 2 русскихъ. Мѣра эта имѣла въ виду, вѣроятно, разобщеніе поляковъ, чтобы они не жили, такъ сказать, обособленными группами, но она имѣла послѣдствiя, которыхъ, по всей вѣроятности, не ожидала инспекція. Никакой политической розни тогда между студентами не было, и мы очень охотно сближались съ поляками. Тогдашніе русскіе студенты, большею частью изъ семинаристовъ, были малоразвиты въ обще-образовательномъ смыслѣ: сама русская жизнь того времени не содержала въ себѣ ничего, что могло бы способствовать этому развитію. Люди западной культуры—поляки были гораздо выше насъ во всѣхъ отношенiяхъ: у нихъ были опредѣленные политическіе взгляды, они были болѣе знакомы съ западной литературой, о которой мы имѣли самыя смутныя понятiя, благодаря слабому знанiю иностранныхъ языковъ. Понятно, что при такихъ условiяхъ, поляки имѣли большое вліяніе на наше развитіе. Они открыли намъ новый міръ идей, о которомъ мы не имѣли никакого понятiя. У нихъ была превосходная собственная библіотека, въ которой, кромѣ польскихъ авторовъ, было много сочиненiй на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1912 г.

По мѣрѣ сближенія съ ними, мы, естественно, стали пользоваться и этой бібліотекой: сначала французскими и нѣмецкими книгами, а потомъ и польскими, такъ что къ концу курса нѣкоторые изъ насъ хорошо владѣли польскимъ языкомъ. Въ бібліотекѣ было немало книгъ, запрещенныхъ тогдашней цензурой, и онѣ, какъ запрещенный плодъ, всего больше тянули насъ къ себѣ. Какъ доставались эти книги, я сказать не могу, но ихъ было немало!

У насъ, русскихъ, своей бібліотеки не было: случайно попадались намъ книжки журналовъ 40-хъ годовъ, въ которыхъ мы съ жадностью читали статьи Бѣлинскаго и Герцена („Письма объ изученіи природы“, „Дилеттантизмъ въ наукѣ“, первую часть романа „Кто виноватъ“ и др.). Кромѣ того нѣкоторые изъ насъ абонировались въ публичной бібліотекѣ книгопродавца Смирдина. Затѣмъ, разумѣется, читали новыхъ народившихся писателей: Тургенева, Гончарова и Григоровича. Наибольшею любовью пользовался между нами Тургеневъ, талантъ котораго начиналъ развиваться во всемъ своемъ блескѣ. Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь были также любимымъ нашимъ чтеніемъ. Пушкинъ и Лермонтовъ часто были причиною самыхъ горячихъ споровъ о томъ, кто изъ нихъ выше. Спорили часто далеко за полночь, при чемъ, какъ обыкновенно бываетъ, стороны оставались каждая при своемъ мнѣніи. Вообще сначала, какъ въ нашемъ чтеніи, такъ и въ спорахъ преобладалъ элементъ литературно-философскій.

Новое міровоззрѣніе, какъ результатъ изученія естественныхъ наукъ, мало-по-малу овладѣвало нами, часто незамѣтно для насъ самихъ. Но и старыя традиціи, результатъ нашего воспитанія, не вдругъ уступали ему свое мѣсто, а поэтому многіе изъ насъ переживали тяжелую эпоху колебаній и сомнѣній, почти незнакомую нынѣшнимъ поколѣніямъ. Понятно, что все это возбуждало споры между нами.

Изъ иностранныхъ авторовъ всего болѣе читали Евг. Сю, Жоржъ-Занда, Диккенса и Тэккерэя. Двухъ послѣднихъ мы читали въ превосходныхъ переводахъ Введенскаго. Я часто бродилъ на толкучку покупать книги и, такимъ образомъ, составилъ себѣ порядочную бібліотеку преимущественно изъ англійскихъ писателей, разумѣется, во французскомъ переводѣ. Напр., у меня былъ весь Байронъ, Свифтъ и другіе. Большую часть сочиненій Гёте я прочелъ также во французскомъ переводѣ, вслѣдствіе плохого знанія нѣмецкаго языка.

Занимались ли мы тогда политикой? Нѣтъ, или почти—нѣтъ, да и въ самомъ обществѣ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ кружкахъ, которые мы посѣщали, мало были развиты политическіе интересы.

Время было глухое, сѣрое. Хотя гнетъ, наложенный послѣ 1848 г. на русскую мысль и русскую литературу, давилъ всѣхъ интеллигентныхъ людей, но недовольство, вызываемое имъ, было какое-то вялое, унылое, пришибленное и не высказывалось открыто; всѣ боялись говорить объ этомъ. Очень рѣдко, почти шепотомъ, передавали мы другъ другу кое-какія свѣдѣнія о новыхъ дѣйствіяхъ правительства, все больше клонившихся къ стѣсненію русской мысли и преподаванія, да и сами свѣдѣнія эти проникали къ намъ какъ-то случайно, урывками.

О заграничномъ литературномъ и политическомъ движеніи мы ничего не знали, такъ какъ политическаго отдѣла въ русскихъ журналахъ и газетахъ тогда не было.

Итакъ, въ первые 2 года, какъ я уже сказалъ, наши бесѣды и споры не выходили изъ круга чисто-литературныхъ и отчасти философскихъ вопросовъ. Но мало-по-малу кругъ этотъ расширился и сталъ захватывать и политическіе интересы. Первый толчокъ въ этомъ направленіи, по крайней мѣрѣ, тому кружку, къ которому я принадлежалъ, былъ данъ чтеніемъ знаменитаго письма Бѣлинскаго къ Гоголю по поводу его „Переписки съ друзьями“. Пелена, покрывавшая наши глаза, разорвалась, и передъ нами явился цѣлый рядъ вопросовъ, касающихся прямо общественныхъ интересовъ, и изъ нихъ на первый планъ выступилъ, конечно, вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Хотя многіе изъ насъ, особенно уроженцы селъ и деревень, имѣли понятіе о немъ, но до этого времени мало обращали на него вниманія. А теперь оно стало главнымъ предметомъ нашихъ бесѣдъ, а уничтоженіе его—предметомъ самыхъ горячихъ мечтаній нашихъ. Арестъ и высылка Тургенева по поводу его статьи о смерти Гоголя также открыли намъ глаза, показавъ, что правительство далеко не на сторонѣ прогресса. Затѣмъ, совершенно случайно проникли къ намъ кое-какія С.-Симонистскія брошюры, „Paroles d'un croyant“, Laménais и кое-что изъ запрещенныхъ русскихъ изданій, вышедшихъ за границей. Все это, конечно, способствовало развитію въ насъ интереса къ политикѣ и къ социальнымъ вопросамъ, но интересъ этотъ былъ чисто теоретическій. Мы толковали и мечтали о лучшихъ идеалахъ общественнаго устройства и о передѣлкѣ общественныхъ отношеній сообразно съ этими идеалами, но непосредственнаго отношенія къ нашей русской дѣйствительности въ этихъ мечтахъ не было, и онѣ не выходили изъ предѣловъ нашего тѣснаго кружка: мы не только не пропагандировали нашихъ идей въ обществѣ, но даже и не говорили о нихъ нигдѣ. Да и слушателей, пожалуй, мы бы не нашли въ тѣхъ домахъ и обществахъ, которые мы посѣщали.

Тамъ играли въ карты, толковали о производствахъ и назна-

ченіяхъ и занимались сплетнями. Даже литературные интересы исчезли въ то время изъ общественнаго обихода.

Журналы наши, даже лучшіе, пробавлялись тогда легкими повѣстями да пустыми безсодержательными фельетонами, вродѣ, путешествія какого-нибудь Ивана Чернокнижника. Всякая живая общественная мысль была изъ нихъ изгнана. Литературная критика, въ лицѣ Дудышкина и др., занималась только эстетическими вопросами.

Въ 1853 году начали циркулировать въ обществѣ слухи о войнѣ, и общество нѣсколько оживилось. По поводу этого высказывались различные взгляды: люди съ шовинистскимъ характеромъ, квасные патріоты проповѣдовали, что Европѣ не справиться съ нами, что мы шапками закидаемъ европейцевъ; другіе же, нѣсколько лучше знакомые съ положеніемъ дѣлъ, крѣпко призадумались и сомнительно качали головой, слушая зазорныя рѣчи шовинистовъ. Зная недостатки нашей арміи, не имѣвшей даже хорошаго современнаго вооруженія, зная всю неурядицу нашего управленія, они сомнѣвались въ благополучномъ исходѣ войны. Были и такіе, которые сомнѣвались даже въ самой возможности войны. Каюсь, и я былъ въ числѣ этихъ скептиковъ. Намъ казалось, что Европа уже переросла вѣкъ кулачнаго права и что, при современномъ состояніи культуры, народы и правительства найдутъ мирный исходъ для разрѣшенія возникшихъ между ними споровъ, тѣмъ болѣе, что самый поводъ къ этимъ спорамъ казался намъ не важнымъ. Мы не понимали, что дѣло идетъ не о гробѣ Господнемъ, а о болѣе существенныхъ интересахъ цивилизаціи и культуры, не понимали, что буржуазная Европа составила коалицію противъ насъ въ защиту своихъ учреждений противъ нашего абсолютизма. Громъ синопскихъ пушекъ скоро отрезвилъ насъ и разбилъ наши миролюбивыя мечты, не имѣвшія никакой почвы подъ собой и никакой связи съ дѣйствительностью.

Жизнь наша въ Академіи шла довольно тихо и мирно: въ 7 часовъ мы вставали, собирались на утренній казенный чай, затѣмъ отправлялись на лекціи и въ клиники, а въ 3 часа обѣдали. Обѣдъ былъ простой, но довольно питательный и всегда изъ свѣжихъ продуктовъ. Въ 7 подагался ужинъ, но на него мало кто ходилъ изъ казенныхъ студентовъ. Имъ пользовались, большею частью, бѣдные своекоштные студенты, которыхъ у насъ было немало. Это дѣлалось, конечно, съ разрѣшенія начальства. Кутежей и пооекъ у насъ не было, что вѣроятно зависѣло въ значительной степени отъ

нашей общей недостаточности. Рѣдко кто получалъ кое-какія пособія изъ дома. Нѣкоторые изъ насъ приобрѣтали на мелкіе расходы урсками, хотя заработокъ этотъ былъ очень тяжелый: ходить за полтинникъ съ Выборгской стороны куда-нибудь въ Коломну, или Измайловскій полкъ, и терять на это 3—4 часа, отрывая это время отъ занятій, было скорѣй невыгодно. Приходилось для того, чтобы наверстать это потерянное время, заниматься иногда до 2 или 3 часовъ ночи, что было не особенно полезно для здоровья. Я одно время зарабатывалъ рублей до 10-ти въ мѣсяцъ переводами мелкихъ статей изъ французскихъ журналовъ для „Репертуара и Пантеона русскихъ театровъ“, издававшегося тогда Кони, отцомъ теперешняго знаменитаго юриста. Хотя заработокъ этотъ былъ и невеликъ, но, по крайней мѣрѣ, можно было работать дома и во всякое время.

Изрѣдка ходили мы въ театръ, особенно на пьесы Островскаго. Александринскій театръ блисталъ тогда такими звѣздами 1-ой величины, какъ Мартыновъ, Максимовъ, сестры Самойловы, самъ Самойловъ и др. За неимѣніемъ капиталовъ ходили большею частью въ раекъ.

Была у насъ кучка меломановъ, любителей итальянской оперы, тоже посѣщавшихъ главнымъ образомъ раекъ. Въ раекъ Большого театра можно было ходить въ форменномъ платьѣ, а въ раекъ Александринскаго—только въ штатскомъ, а такъ какъ ношеніе штатскаго платья составляло преступленіе, преслѣдуемое академическими правилами, то изъ этого возникали нерѣдко непріятныя столкновенія съ инспекціей, кончавшіяся иногда заключеніемъ въ карцеръ, что я разъ испыталъ и на себѣ.

Любимымъ отдыхомъ студентовъ была послѣобѣденная прогулка по Невскому отъ Пассажа до Адмиралтейской площади.

Въ нашемъ кружкѣ было еще одно любимое развлеченіе: раза 2 въ мѣсяцъ мы ходили въ кондитерскую Иванова, находившуюся на углу Моховой и Пантелеймоновской, заказывали по стакану ананаснаго пунша, что стоило 30 коп., и просиживали за нимъ цѣлый вечеръ, просматривая иностранные иллюстрированные журналы.

Съ начальствомъ и инспекціей мы жили довольно мирно, хотя, конечно, бывали иногда столкновенія, возникавшія, главн. обр., изъ-за ношенія фуражки, внѣ разрѣшеннаго района, т. е. Выборгской и Петербургской сторонъ.

Президентомъ Академіи былъ тогда В. Пеликанъ, бывшій когда-то ректоромъ Виленской медицинской академіи. Впрочемъ, мы имѣли съ нимъ мало дѣла. Вице-президентомъ былъ Валобіани. Этотъ старый, хитрый италіанецъ всячески избѣгалъ столкновений

со студентами и старался, большею частью, улаживать недоразумѣнія съ ними мирнымъ путемъ, вѣроятно, ради избѣжанія какихъ-либо рѣзкихъ выходовъ съ ихъ стороны. Всего ближе къ намъ былъ инспекторъ полковникъ Шёнрокъ. Это былъ тоже человекъ уклончивый и вкрадчивый и для избѣжанія какихъ-либо столкновений даже не входилъ по вечерамъ въ Академію. Нужно сказать, что въ Академіи была тогда сильно развита картежная игра: играли въ преферансъ, ералашъ, конечно болѣе всего насчетъ графа Шереметева, но иногда составлялась грандіозная партія въ ландскнехтъ, въ которой участвовало чел. 10—15. Послѣдняя игра, какъ азартная, преслѣдовалась, и нерѣдко играющихъ накрывалъ дежурный субъ-инспекторъ, при чемъ, обыкновенно, отбирались карты, и этимъ, по большей части, и кончалось дѣло.

Субъ-инспектора были также изъ военныхъ. Они жили со студентами въ ладу. Былъ, правда, въ 1852 году назначенъ какой-то молодой поручикъ Михайловъ, вообразившій, что онъ имѣетъ дѣло не со студентами, а съ кадетами, но, получивши отъ студентовъ 2—3 энергическихъ отпора, а разъ даже хорошій пинокъ, онъ также пришелъ въ разумъ и съ тѣхъ поръ старался быть всегда въ хорошихъ отношеніяхъ со студентами.

Въ концѣ 50-хъ годовъ новымъ духомъ повѣяло въ Академіи: на мѣсто Пеликана, назначеннаго председателемъ Медицинскаго Совѣта, президентомъ Академіи былъ назначенъ бывший профессоръ теоретической хирургіи Дубовицкій, человекъ богатый и самостоятельный, окончившій свое медицинское образованіе въ Парижѣ, а вице-президентомъ—профессоръ физиологіи Московскаго Университета Глѣбовъ. При ихъ управленіи въ Академіи закипѣла научная дѣятельность, и начался блестящій періодъ ея жизни: были перестроены всѣ старыя клиники, учреждены клиники: офтальмологіи, женская и психіатрическая, устроены естественно-историческій институтъ съ хорошей, просторной химической лабораторіей, устроены отдѣльный анатомическій институтъ съ кабинетами для физиологическихъ работъ, и для работъ по гистологіи и патологической анатоміи. Молодыхъ врачей, оставляемыхъ при Академіи, стали посылать для усовершенствованія за границу. Изъ нихъ вышло потомъ нѣсколько дѣльныхъ профессоровъ, поставившихъ академическое преподаваніе на уровеньъ современной науки. Изъ учениковъ послѣднихъ вышло немало профессоровъ для другихъ русскихъ университетовъ.

13-го марта 1855-го года я былъ выпущенъ изъ Академіи со званіемъ лѣкаря. Не обширны были тѣ познанія, съ которыми мы вышли изъ Академіи, но зато мы вынесли изъ нея уваженіе къ наукѣ и любовь къ труду; дальнѣйшее наше развитіе всецѣло уже зависѣло отъ нашей личной энергіи.

Немало изъ моихъ сотоварищей погибло въ первые 2 года службы во время восточной войны отъ инфекціонныхъ болѣзней, но оставшіеся въ живыхъ, сколько мнѣ извѣстно, свято хранили академическіе завѣты и пронесли ихъ черезъ всю свою медицинскую дѣятельность.

Сообщ. Н. Д. Романовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Волшебство противъ мельницы (1613 г.).

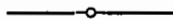
„Списокъ съ явки слово въ слово. Царю государю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичю всея Руси быють челомъ и являютъ богомольцы твои государевы Жывоначальные Троицы Сергиева монастыря архимандритъ Дионисей да кѣларь старецъ Аврамей Палицынъ з братьею—Спаса Прилуцкаго монастыря на игумена Кирила да на кѣларя старца Иосифа з братьею. По твоему, государь, царьскому жалованью дано въ домъ Жывоначальной Троицы въ Сергиевъ монастырь на рекѣ на Вологдѣ подь посадомъ въ Еремиевъ слоботкѣ мѣсто—поставить мелница и грамота твоя царская на то мѣсто дана, и мы, богомольцы твои, по твоей царской грамотѣ мелницу строили, людей наймовали и лѣсъ купали дорогою цѣною. И въ нынѣшнемъ, государь, во 122 (т. е. 1613)-мъ году октября въ 18 день почали на той мелницѣ ворота займовать, и Прилуцкаго монастыря игумень Кирилъ и кѣларь старецъ Иосифъ прислали на мелницу съ волшебствомъ старца крылошанина, а имени ему не вѣдаемъ, да мостовщика Тренку и почали они мелницу волшебствомъ портить, и Троецкие, государь, служки, которые у мелничного дѣла, почали ихъ имать, и старецъ съ мелницы ушелъ, а мостовщика Тренку поймали и отвели его къ твоимъ государевымъ воеводамъ ко князю Михаилу Григорьевичю Темкину-Ростовскому да къ Григорю Григорьевичю Пушкину да къ твоему государеву дьяку к-Ивану Еванову. И тово-жь, государь, числа Прилуцкаго монастыря игумень Кирилъ да кѣларь старецъ Иосифъ з братьею на своей мелницѣ велѣли выбрать всѣ прѣсти и испустити воду на Троецкую мелницу и тою, государь, ихъ испускною водою на Троецкой мелницѣ вырвало ворота, а стали, государь, намъ тѣ ворота съ лѣсомъ и съ каменемъ и со всякимъ запасомъ и съ наемными людьми сорокъ восемь рублевъ дватцать четыре алтына три денги. И впредь, государь, Прилуцкаго монастыря игу-

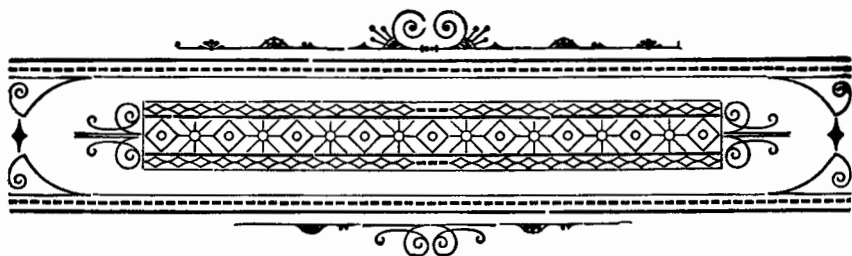
мень Кирилъ да кѣларь старецъ Иосиѣ похваляются на Троецкую мельницу, воду копивъ на своей мельницѣ, спустить хотять, чтобъ воротъ занять не дать, и волхвовъ на нее насылаютъ, чтобъ вражьей силою мельницу испортили и служекъ, которые живутъ у мельничново дѣла, побить хотять и что, государь, надъ тою мельницею въ ихъ умышленье учинитца какая поруха, или служекъ побьютъ, и тебѣ бы, государю, было вѣдомо.

Милосердый государь, царь и великий князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи пожалуй насъ, богомольцовъ, вели наше челобитье и явку записать. Царь государь, смилуйся, пожалуй. А на явкѣ подпись: 122-го году октября въ 9 день Вологоцкимъ посадцимъ земскимъ целовальникомъ Василью Досадину съ товарищи подалъ явку Троецкой слуга Рахманинъ Волковъ“.

Сообщ. Ив. Суворовъ.

Примѣчаніе. Упоминаемая въ явкѣ Еремѣева слободка нынѣ находится въ чертѣ города Вологды; Прилуцкій монастырь стоитъ выше по теченію рѣки Вологды, чѣмъ Еремѣева слободка, версты на четыре.

Андрей, Денисьевичъ Виніусъ.

(Историческіе матеріалы, собранныя Евгеніемъ Вильчинскимъ)¹⁾.

1646 г.

В кемою на допросѣ (8 іюня г.) записка была предъявлена. Виніусъ, осмотрѣвъ ее, жаловался, что здѣсь всего полтора столбца, а у него ихъ было три, и просилъ снять показаніе съ рабочихъ Акемы, Гаврилы и Мартына которыхъ извѣстно объ остальной части письма. Въ свое оправданіе Акема говорилъ, что записку нашель не онъ самъ, а на нее набрели его дѣти, что не находилъ никакого письма, съ своей стороны утверждалъ и Марселісъ, хотя и признался, что „лаять Виніуса—лаялъ“, называлъ его „бездушникомъ и бездѣльникомъ“, потому что его, „Андреевы, объявились многія неправды“. У нихъ, иноземцевъ, ужъ такой обычай, кто „объявился неправдою“, того они „добрымъ человѣкомъ не называютъ, ни въ чемъ его не почитаютъ и добрыхъ словъ про него не говорятъ. Такой неправды Андреевой къ нему, Петру, много, о ней онъ принесеть Государю челобитную. О брани же Акема заперся совсѣмъ: Андрея-де онъ не лаялъ, не безчестилъ и ничѣмъ не оглашалъ, тѣмъ Андрей поклепалъ его напрасно. „Они оба, Петръ и Филимонъ, утверждалъ на это Виніусъ, вмѣстѣ называли его бездушникомъ и шельмомъ, говорили, что не будутъ съ нимъ ни ѣсть, ни пить, потому что онъ хочетъ креститься“. Какъ на свидѣтелей, при которыхъ они безчестили его, онъ ссылался на голландскихъ торговыхъ людей. На нихъ сослался и его противники: Акема—отрицая за собой всякую

¹⁾ См. „Русская Старина“, сентябрь 1910 г.

вину, Марселісъ—въ подтвержденіе, что онъ не бранилъ Виніуса за его намѣреніе креститься; напротивъ, при тѣхъ же голландцахъ самъ-де Виніусъ поносилъ ихъ различными позорными словами. Если бы это было правда, отозвался Виніусъ, то они не преминули бы тогда же подать жалобу на него.

Дьяки, производившіе судъ, думный Григорій Львовъ и Алмазь Ивановъ, распорядившись, чтобы разспросныя рѣчи были записавы и Филимоновы люди Мартынъ и Гаврило были найдены и приведены въ Посольскій приказъ, велѣли Виніусу представить списокъ тѣхъ голландцевъ, на которыхъ онъ ссылался. Съ „росписью ссылочнымъ людямъ“ онъ подалъ (11 іюня) новую челобитную. Въ росписи сообщалось: Филимонъ Акема называлъ его за письмо шельмою во время завтрака у Марселіса при Яковѣ Антоновѣ; по Филимонову наученію, родной его братъ, Елисей Филимоновъ, заочно „лаялъ“ его на похоронахъ при женѣ Томаса Швана, Еленѣ Ивановой, и сказалъ ей, чтобы отецъ ея прислалъ къ нему Виніусовыхъ дочерей, „потому что какъ Андрей по-русски крестится, въ тѣ поры и дѣтей его возьмутъ“; по наученію Петра и Филимона, Давидъ Николаевъ Рутцъ бранилъ его за письмо многими неподобными словами въ самомъ Посольскомъ приказѣ и говорилъ: „за то, что Андрюшка хочетъ по-русски креститься, не достоинъ съ нами ни пить, ни ѣсть“,—это слышали государевы переводчики Василій Александровъ и Вильгельмъ Фикъ; за письмо и за желаніе креститься поносили его и, что не достоинъ съ ними ни пить ни ѣсть, говорили Петръ и Мартынъ предъ пасторомъ и при 14 иноземцахъ: Яковѣ фанъ-деръ Гульстѣ, лѣкарѣ Касперѣ, Рутцѣ и другихъ. Челобитною дополнялось извѣстное уже изъ письма. Именно, Виніусъ долженъ былъ уступить изъ своей привилегіи потому, что „Петра Марселіса опасался, видя до него неизреченную царскую милость“, самъ Марселісъ писалъ ему, что можно было ему, Петру, „всѣ заводы и промыслы за себя справить“ или „надѣясь на свое вельможество“, обѣщаль, что и на старые заводы продлится срокъ урочныхъ годовъ. Филимонъ Акема обманомъ выманилъ у казны деньги, составлявшія долю Марселіса, задержанныя за казенный долгъ послѣдняго владѣтелями новыхъ заводовъ; они оба постоянно стараются выдать предъ правительственными лицами себя однихъ, хотя сами приняли его участникомъ изъ шестой доли. Повторивъ, какъ съ нарушеніемъ обязательства скрывается отъ русскихъ мастерство, Виніусъ снова просилъ допросить о томъ Христіана и Якова, по ихъ вѣрѣ ¹⁾).

¹⁾ Цвѣгаевъ, Прот. и прот. въ Рос., ст. 399.

1646 г.

Не замедлили съ своей челобитной (12 іюня) и Марселись съ Акемою. Обвиняя Виніуса въ томъ, что онъ ложно билъ челомъ на нихъ, будто они хулили православную вѣру и говорили, что когда онъ крестится, недостойнъ будетъ съ ними ни пить, ни ѣсть, и тѣмъ своимъ челобитьемъ хочеть укрыть и очистить свои бездѣльные дѣла, а на нихъ навестъ государевъ гнѣвъ, они просили подвергнуть допросу тѣхъ лицъ, на кого онъ ссылался, какъ на свидѣтелей.

„Послухи были допрошены въ тотъ же день. Такъ какъ обвиненія Виніуса были неудобны для иноземцевъ, особенно указанія на отношеніе ихъ къ его намѣренію принять православіе, то свидѣтели всѣ встали на противоположную ему сторону. По ихъ словамъ, Акема началъ бранить Виніуса „воромъ, бездушникомъ и шельмою“ только послѣ того, какъ найдено было письмо; брани Марселиса и Акемы по поводу намѣренія его креститься не слыхивали; Петръ Деладалъ и Давидъ Рутцъ присоединили, что нежеланіе пить и ѣсть съ Виніусомъ Марселись и Акема объясняли многими его неправдами. О нахожденіи письма Филимоновы люди, Мартынъ Алферьевъ и Гаврила Карповъ, сообщили, что полтора листа нашли малолѣтнія дѣти Гавриловы и отдали ихъ своей матери, а Гаврила передалъ ихъ своему хозяину; кромѣ этихъ листовъ, они ничего не находили ¹⁾).

1646 г.

Среди свидѣтелей почему-то не было троихъ: Ѳомы Швана, Захарія Горцена и Ивана Фалька; ихъ допрашивали отдѣльно (13 іюня). За недѣлю или дней за 10 предъ тѣмъ, показываль Шванъ, встрѣтился съ нимъ на Покровкѣ Виніусъ и сообщилъ ему о своей уtratѣ на дворѣ Акемы русскаго его руки письма, листъ отъ котораго найдень Акемой, и о своемъ опасеніи, что если этотъ покажетъ письмо Марселису, у нихъ пойдетъ иное дѣло. Андрей просилъ его передать соображенія Филимону, что и было имъ исполнено въ Посольскомъ приказѣ въ присутствіи Петра Марселиса. Филимонъ и Петръ пригласили его затѣмъ къ себѣ, обѣщая рассказать про все „шельмовство“ Виніуса. Когда онъ прибылъ къ Акемѣ, Марселись передалъ ему слѣдующее: Предъ Троицынымъ днемъ пріѣхаль съ Тульскаго завода русскій ученикъ Кирюшка съ жалобой на мастера Христіана, который билъ его за то, что онъ лазилъ въ плавильную печь измѣрять ее. Они втроемъ—Акема, Марселись и

¹⁾ Цвѣтаевъ, Прот. и прот. въ Рос. ст. 400.

Виніусъ—стали совѣщаться, какой отвѣтъ дать Христіану. Виніусъ въ присланномъ имъ послѣ того письмѣ совѣтовалъ написать Христіану ученика не бить, а стараться, насколько возможно, скрывать отъ него ремесло. А они, Марселисъ и Акема, разсуждали между собой, что скрывать ремесла не стоитъ, такъ какъ имъ же будетъ выгоднѣе, если въ лицѣ Кирюшки имъ прибавится новый работникъ. Однако, чтобы утѣшить мастера, они отписали, какъ предлагалъ Виніусъ. Доставить грамотку поручено было Кирюшкѣ, но Кирюшка въ Тулу не поѣхалъ, а письмо передалъ Виніусу. Разказавъ ему объ этомъ, Марселисъ и Филимонъ Виніуса не бранили, кромѣ какъ „шельмой и обманщикомъ“; затѣмъ послали его къ нему убѣдить его не заводить противъ нихъ никакого дѣла. На это Виніусъ замѣтилъ ему: „мнѣ нужно себя беречь и за свое стоять“. Пререканій по поводу желанія Виніуса креститься онъ, Фома, никакихъ не слыхалъ и о крещеніи при немъ никакого слова отъ Марселиса и Акемы не бывало. Виніусова письма, въ которомъ указывалось, какъ отвѣчать Христіану, на судъ не доставили.

Захарій Горцень по всѣмъ пунктамъ отозвался незваніемъ, за исключеніемъ того, что слышалъ, какъ Акема, найдя письмо Виніуса, называлъ поступки его шельмовскими; Иванъ Фалькъ, пущечныхъ дѣлъ мастеръ, утверждалъ, что о спорѣ онъ ничего не знаетъ и съ тяжущимися рѣдко сходится, потому что онъ чело-вѣкъ недосужный.

Слѣдствіе было перенесено на заводы. Заводскіе рабочіе показали на допросѣ, что „русскихъ людей нѣмецкіе люди ремеслу никакому не учили; а которые русскіе люди у нихъ, иноземцевъ, видя какое ремесло, и стануть учиться, и нѣмецкіе мастерские люди за то ихъ бивали и отъ тѣхъ дѣлъ отъ себя прочь отбивали“. Относительно издѣлій Виніусъ сообщилъ, что они ставятся въ казну несравненно дороже, чѣмъ стоятъ хозяевамъ. О такихъ и иныхъ „многихъ неправдахъ“ Марселиса и Акемы правительство велѣло послѣ Ив. Дан. Милославскому даже объявить Нидерландскимъ Генеральнымъ Штатамъ, которые однако отвѣтили, что обвиняемыя лица—не голландцы и что потому въ данное дѣло они входить не могутъ. Тогда, подъ предлогомъ, что десятилѣтній срокъ на владѣніе Городищенскими заводами, назначенный въ грамотѣ, пожалованной Виніусу, кончился, у насъ рѣшили взять въ казну ¹⁾.

¹⁾ Цвѣт., Прот. и прот. въ Рос., ст. 401.

1646 г.

Думный дьякъ Григорій Львовъ производилъ въ 1646 г. судъ по дѣлу Виніуса и Акемы. См. Д. Цвѣтаевъ, стр. 398 ¹⁾).

1646 г.

Виніусъ принялъ и греческое вѣроисповѣданіе. Уже въ 1646 году онъ писалъ, что „хочетъ хреститися по-Русски“. Я нашелъ много бумагъ, его рукою на русскомъ языкѣ писанныхъ. Впослѣдствіи онъ, или сынъ его, употребляемъ былъ для разныхъ миссій въ Англію, Францію и другія государства ²⁾).

1646 г.

Виніусъ Андрей Денисов. въ 1646 г. представлялъ соображенія объ укрѣпленіи Архангельска ³⁾).

1646 г.

Виніусъ (Виніюсъ) Андрей Андреевичъ, иноземець-гость, представилъ соображенія свои объ укрѣпленіи Архангельска отъ вторженія непріятелей и отъ тайнаго прохода по р. Двинѣ иностр. кораблей ⁴⁾).

1646 г. между 14 іюня и 1 сентября.

Выписка изъ дѣла Посольскаго приказа о постройкѣ башенъ и замкнутіи желѣзными цѣпами Березовскаго устья Двины для воспрепятствованія тайному проходу иностранныхъ кораблей.

Въ Государевѣ Царевѣ и великаго князи Алексѣя Михайловича всеа Русіи наказѣ каковъ данъ воеводѣ Ильѣ Безобразову да дьяку Калистрату Жохову 154 году, написано...

И у выписки Ондрѣй Виніюсъ сказалъ: что писалъ де отъ города воевода сказку всякихъ людей, и стрѣльцы де хотя и вѣдаютъ, что мочно крѣпости сдѣлать, и они де скажутъ, опасаяся лишнихъ карауловъ, а посадккіе и иные тутошніе жилцы потомужъ не учнутъ сказывать, опасаясь отъ того строенія болшіе тягости и работы; а про то де мочно знать что ото лду помѣшки не будетъ, потому, писались въ сказкѣ, что на немъ Третьяковѣ островѣ стоитъ лѣсъ мелкій, и будетъ ледъ того мелкаго лѣсу не издереть, стоя на болотѣ, ино мочно знать, что и крѣпости такожъ помѣшки не будетъ; а на то надобно дозоръ земляной или каменной устроить а то де онъ знаетъ, что и нынѣ каменные крѣпости устроить мочно, что ото лду и отъ прибылой и морской воды помѣшки не будетъ,

¹⁾ Сборн. Рус. Ист. Общ. т. СХVI, ст. 130.

²⁾ Гамель. Опис. Тул. Оуж. Зав., стр. 9 въ Приб.

³⁾ Сборн. Рус. Ист. Об. 1888, 60 с. 600.

⁴⁾ Указ. къ Доп. Акт. Ист., с 22.

какъ онъ тѣ статьи въ своей землѣ и въ иныхъ государствахъ много видалъ. §

4 статья.

Нынѣ торговые люди, пріѣхавъ къ Архангельскому городу, столко товаровъ своихъ явятъ, сколько похотятъ, не какъ въ иныхъ государствахъ, и въ корабляхъ николи досмотру нѣтъ, и въ томъ государевѣ казнѣ самой болшой убытокъ чинится, что они пошлину таятъ, а дозоръ ни въ которыхъ государствахъ такой плохой, какъ у Архангельскаго города; и естлибы такіе крѣпости на рѣкахъ были, и имъ бы нельзя товаровъ своихъ таить, и въ пошлинѣ бы такая поруха не была. И толко государь изволить ему, Андрею, указать уставить дозоръ, какъ въ иныхъ земляхъ, и онъ бы вѣдалъ, какъ то дѣло уставить; а за моремъ того, чьи товары будутъ хозяйскіе, и тѣмъ будетъ недосадно, потому что въ пошлинахъ они таятся, и тѣми пошлинами они приказщики сами корыстуются, а хозяевамъ своимъ полную пошлину считаютъ ¹⁾.

1647 г.

Изъ разныхъ отысканныхъ мною бумагъ, въ доказательство, что построенные Виніусомъ первые чугуно-железные заводы назывались Городищенскими и были въ Тульскомъ уѣздѣ.

Въ бумагахъ бывшаго Пушкарскаго Приказа нашель я три описи заводамъ, первоначально Виніусомъ построеннымъ. Первая опись сдѣлана была Дьякомъ ствольнаго Приказа, Меркуріемъ Крыловымъ, въ 1647 году, т. е. тогда, когда заводы сіи были отняты у Виніуса, Акемы и Марселиуса ²⁾.

1647 г., марта 14.

Его Царское Величество находится въ Москвѣ и изволить тѣшиться травлею и охотою, поручивъ правленіе бывшему своему наставнику Морозову, великому канцлеру Назарію Чистову и князю Роману Никитичу Трубецкому: Назарій Чистой, бывший прежде купцомъ Ярославскимъ, князь Романъ Никитичъ Трубецкой, управляющій Сибирскими заводами и Приказомъ, и братъ Назарія Чистого, также бывший прежде купцомъ Ярославскимъ, который имѣетъ въ своемъ вѣдѣніи монетный дворъ и всѣ расходы, они-то располагаютъ всѣмъ правленіемъ, пользуясь совѣтами голландца Андрея Дениса, коему прежнимъ Великимъ Княземъ пожалованы пять сотъ душъ крестьянъ, и который первый открылъ железные рудники и преданъ болѣе русскимъ, нежели нѣмцамъ ³⁾.

¹⁾ Доп. къ Акт. Ист., т. 3, с. 64—65.

²⁾ Гамель. Оп. Тул. Оруж. Зав., ст. 19, Приб.

³⁾ Сѣв. Арх. 1822, № 2, стр. 151.

1648 г.

Находчивые Марселись и Акема примѣнили постороннюю помощь: обратились въ Голландію и Данію за ходатайствомъ и намѣренно послали длинное письмо на имя своего городищевскаго приказчика Христофа Бюса. Въ расчетѣ, что письмо попадетъ въ руки слѣдователей, они, предупреждая въ немъ о возможности ходатайства за нихъ датскаго и голландскаго правительствъ и о благосклонномъ отношеніи къ нимъ нѣкоторыхъ изъ сильныхъ тогда бояръ, тенденціозно чернили Виніуса и утверждали, что „николи жесточе того дѣла не наживали, какъ это, и всѣ, которые слышать, тому дивятся, что у нихъ безъ вины отнимаютъ“. Ходатайства изъ Даніи и Голландіи не замедлили; вмѣшался и находившійся въ Москвѣ шведскій резидентъ Поммерингъ, но съ другою цѣлью. Въ затѣявшейся распрѣ между заводскими компаніонами онъ видѣлъ удобное средство помѣшать развитію у насъ горнаго дѣла. Пособивши получить деньги и заграничный отпускъ шведскимъ мастерамъ, явившимся съ Тульскихъ заводовъ въ Москву, онъ доносилъ (18 октября 1648 г.) своему правительству: „Можно думать навѣрное, что послѣ того, какъ они при первомъ удобномъ случаѣ отсюда уѣдутъ, заводъ въ Тулѣ и вообще русское горное дѣло едва-ли въ состояніи будутъ принести ущербъ вашему королевскому величеству или шведскому горному дѣлу, тѣмъ болѣе, что я доставилъ Петру Марселису одного негоднаго кузнеца отъ Андрея Дениса (Виніуса), и самъ Марселись успѣлъ отстранить отъ завода Дениса, который привелъ его въ дѣйствіе на деньги великаго князя“. Поддержанные сильнымъ ходатайствомъ и сбавивъ цѣну, Марселись и Акема, дѣйствительно, выхлопотали себѣ предъ тѣмъ (1 сентября 1648 г.) на 20 лѣтъ монополію желѣзнаго промысла. Виніусъ былъ отчасти вознагражденъ правомъ безошлинной торговли на 6 лѣтъ. Около этого же времени онъ вступилъ въ бракъ (10 февраля) съ Гертрудою Мейеръ, по лютеранскому обряду ¹⁾.

1651 г.

При измѣненіи обстоятельствъ тяжба о безчестіи замаялась. Лѣтъ восемь спустя послѣ ея начала Виніусъ просилъ (10 января 1651 г.) о вершеніи ея. Къ ней присоединился новый вопросъ. Марселись предъявилъ искъ на Виніуса въ 400 рублей, Виніусъ съ своей стороны встрѣчный искъ на 200 рублей. Челобитныя ихъ были приняты, и опять не видно, чтобы тяжба была рѣшена. Виніуса затѣмъ встрѣчаемъ уже выполнившимъ прежнее намѣреніе относительно принятія православія, на какой шагъ сильнѣе всего

¹⁾ Цвѣтаевъ, Прот. и прот. въ Рос., ст. 402.

могли окончательно склонить его именно непрерывающаяся ссора съ одноземцами и испытываемая отъ нихъ оскорбленія, какъ это случалось тогда и съ другими иностранцами ¹⁾).

1648 г. 17 іюня. Гага.

Письмо Генеральныхъ Штатовъ къ Кунраду Бурху, Нидерландскому посланнику въ Москвѣ, съ порученіемъ оказать содѣйствіе голландцу Тилеману Акема, лишенному желѣзныхъ заводовъ въ Тульѣ и обиженному своимъ компаніономъ Андреемъ Виніусомъ. По голл.

Челобитная, поданная царю Алексію Михайловичу отъ основателя перваго чугуно-желѣзнаго завода въ Россіи Андрея Виніуса, въ 7156/1648 году, когда сей Царь велѣлъ оный у него отнять; къ челобитной приложена записка о заслугахъ Виніуса.

Царю Государю и Великому Князю Алексію Михайловичу всеа Русіи бьетъ челомъ холопъ твой Андрюшка Виніюсъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, во 156 году, какъ урочные безоброчные годы Тульскихъ желѣзныхъ заводовъ противъ жалованной грамоты вышли мнѣ холопу твоему, и потому указалъ ты, Государь, тѣ Тульскіе желѣзные заводы переписать на себя Государю въ декабрѣ мѣсяцѣ и въ нынѣшнемъ, Государь, во 156 году, били челомъ тебѣ, Государь, Амбургской гость Петръ Марселисъ да Галанецъ Филимонъ Аккама, чтобы ты, Государь, ихъ пожаловалъ тѣми Тульскими желѣзными заводы, выгородя меня холопа твоего отъ того заводу и промыслу, мимо записи и не противъ Вашей Государевой жалованной грамоты, потому что въ вашей Государевой грамотѣ написано: послѣ тѣхъ урочныхъ лѣтъ, тѣми желѣзными промыслы владѣть мнѣжъ холопу твоему, а бьютъ челомъ они тебѣ Государю, чтобъ имъ ставить пудъ въ желѣзныхъ пушкахъ въ твою Государеву казну погодно по двадцать тысячъ пудъ, а за пудъ по осми алтынъ по двѣ денги, да по дватцети тысячъ пудъ ядеръ, а за пудъ по пяти алтынъ да по десяти тысячъ пудъ связново желѣза, а за пудъ по десяти алтынъ, да они били челомъ тебѣ Государю о многихъ денгахъ на тотъ желѣзный промыслъ въ запросъ, а поруки въ тѣхъ запросныхъ денгахъ и въ томъ, что желѣза ставить по себѣ они никою не сыскали, а я холопъ твой бью челомъ тебѣ Государю, чтобъ ты Государь, меня холопа своего пожаловалъ, тотъ заводъ велѣлъ промыслять на себя Государя, безъ отдачи мнѣ холопу своему Андрюшкѣ твоихъ Государевыхъ денегъ, а въ пушкахъ, Государь, я поставлю желѣза пудъ по пяти алтынъ, а ядра пудъ по гривнѣ, а связного желѣза поколѣ учнутъ работать нѣ-

¹⁾ Цвѣтаевъ, Прот. и прот. въ Рос., ст. 403.

мецкіе мастера, по десяти алтынъ, а какъ Государь къ тому желѣзному заводу навичны будутъ рускіе люди, и я холопъ твой въ тѣ поры поставлю связнова желѣза пудъ по осми алтынъ, а въ пушкахъ пудъ по четыре алтына, а въ ядрахъ въ четыре гривенки и свыше каковы ты, Государь, укажешь, по шестнатцати денегъ пудъ, а работалъ я холопъ твой и служилъ отцу твоему Государеву, блаженные памяти Великому Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи и тебѣ Государю во многихъ великихъ статьяхъ вѣроу и правдоу противъ Вашей гостинные грамоты безпоручно и вѣриванъ во стѣ тысячахъ рублехъ и больше и прибылъ тебѣ Государю большую чинилъ какъ подъ сею челобитною роспись подклеена, а я холопъ твой обзапрося твоихъ Государевыхъ денегъ на тотъ желѣзной промыслъ не челобитчикъ а бью челомъ тебѣ Государю, чтобъ ты, Государь, меня холопа своео пожаловалъ, велѣлъ къ тому Тульскому желѣзному промыслу дать изъ торговыхъ людей для денежныя роздачи мастерамъ всякихъ роздачей, ково ты, Государь, укажешь, и вели, Государь, ему записывать всякіе росходы и закрѣпить моею рукою, а за хлѣбной кормъ и за платъишко мнѣ холопу своему и за службу и людишкамъ моимъ за прокормъ что ты, Государь, укажешь, а будешь, ты Государь, того желѣзна дѣла держать за собою Государемъ не изволишь и вели, Государь, то желѣзное Тульское дѣло держать мнѣ холопу своему противъ ихъ челобитья и упросу, а желѣза, Государь, я холопъ твой поставлю противъ ихъ росписи въ пушкахъ по пяти алтынъ, а въ ядрахъ пудъ по гривнѣ, а связнова желѣза пудъ по десяти алтынъ и въ томъ противъ сево моево челобитья будетъ тебѣ Государю противъ ихъ челобитья прибылъ большая по три тысячи рублевъ погодно, а на тотъ расходъ вели, Государь, денги раздавать противъ моего челобитья вѣрному чело-вѣку, кому ты, Государь, укажешь, а въ одной, Государь, мельницѣ кузничной, что связное желѣзо дѣлають, какова у того завода нынѣ есть, больше пяти тысячъ пудъ связнова желѣза на годъ дѣлать не мочно, а будетъ противъ уговору по десяти тысячъ пудъ ставить и намъ, Государь, надобно устроить другую мельницу, а какъ, Государь, рускіе люди выучатца тому желѣзному ремеслу всякому и въ тѣ поры передъ ихъ челобитьемъ будетъ и по пяти тысячъ рублевъ погодно прибылъ, а рускіе, Государь, люди вскорѣ тому дѣлу будутъ навичны, а что, Государь, рускіе люди по сю пору тому дѣлу не навичны и то отъ нихъ же Петра и Филимона по заказу, чтобъ тѣ нѣмецкіе мастера отъ нихъ то дѣло скрывали вѣдаючи, что блиско урочные годы и тѣмъ бы тебя Государя неволить чтобъ тотъ желѣзный заводъ отъ нихъ не отшелъ, а какъ,

Государь, будетъ моею работишкою желѣза всякого залишкомъ сверхъ твоего Государева обиходу и то желѣзо мочно послать за море въ продажу и въ томъ тебѣ Государю будетъ честь и прибыль большая. Милосердый Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи пожалуй меня холопа своего вели, Государь, въ томъ желѣзномъ промыслу свой Царскій указъ учинить, чтобъ тотъ желѣзной промыслъ и заводъ стоя въ пустѣ и достоль не былъ разоренъ. Царь Государь, смилуйся, пожалуй!

Къ сей челобитной Андрѣй Виниусъ руку приложилъ. На оборотѣ челобитной помѣта: 156 юля въ 17 подалъ Ондрѣй Виниусъ ¹⁾.

Къ челобитной сей приклеена была слѣдующая записка Виниуса о заслугахъ его:

Въ прошломъ во 139 году блаженные памяти при Государѣ Царѣ Великомъ Князѣ Михайлѣ Федоровичѣ, всеа Русіи, какъ были на Москвѣ Галанскіе послы пріѣзжали упрашивать Царевыхъ хлѣбныхъ запасовъ по малой цѣнѣ какъ и до тѣхъ мѣсть по упрошенію розныхъ Государей упросили и много тысячи хлѣбныхъ запасовъ по наученію здѣшнихъ торговыхъ иноземцевъ, будто въ ихъ землѣ хлѣбнымъ запасамъ большая скудость и по упрошенію розныхъ государей позволено имъ въ розныхъ городѣхъ покупать самую малую ценою всякихъ хлѣбныхъ запасовъ много тысячъ чети и тѣ, Государь, хлѣбные запасы всѣ повезены въ Галанскую землю и тѣмъ корытовалися тѣ торговые люди, и сверхъ тѣхъ запасовъ, что позволено купить и свозить по Государевой грамотѣ, тѣ торговые люди еще много кораблей хлѣба въ тайнѣ вывозили, а я Андрюшка, не хотя тѣхъ запасовъ лукавымъ обычаемъ отлучить, билъ челомъ Государю и просилъ тѣхъ Государевыхъ хлѣбныхъ запасовъ ценою цена какъ была за моремъ прямо и въ томъ я Государю служилъ. Во 139 году при Галанскихъ послахъ договорился принять у Архангельскаго города сто тысячъ чети ржи самую большою ценою безо всякой хитрости и безъ прибыли, а за всякую четь въ Московскую мѣру платилъ я въ приказъ Государевы большіе казны по сороку по шести алтынъ по четыре денги, а платилъ тѣ денги всѣ ефимками и въ той хлѣбной покупкѣ и въ ефимкахъ учинилъ я Государю прибыль больше ста тысячъ рублевъ а въ записи было написано: будетъ мнѣ гость тово хлѣба на срокъ не учнетъ отдавать и мнѣ было взяти на немъ зарядъ пятьдесятъ тысячъ рублевъ и гость Томило Таракановъ не успѣлъ тово хлѣба отдать, и ждалъ послѣ договорново сроку десять дней со всѣми кораблями пятьдесятъ кораблей и тѣмъ тотъ зарядъ пятьдесятъ тысячъ былъ лишенъ а

¹⁾ Гамель. Опис. Тул. Оруж. Зав., стр. 6.

мнѣ въ томъ жданѣ стали великіе убытки, потому, что я корабельщикамъ далъ простой а о зарядѣ Государю не билъ челомъ, хотя Государскія милости къ себѣ впередъ.

Да въ томъ же году были Государевы послы Григорей Олабевъ за моремъ въ Галанской землѣ и я подъ нево Григорья и подъ людей ево и подъ запасъ далъ корабль самой лутчей со многимъ нарядомъ, что у города былъ и перевезъ ево въ Галанскую землю и та перевозка стала мнѣ больше трехъ сотъ рублей, тѣмъ я Государь служилъ а повороту ничего не было.

Въ прошломъ въ 140 году посланъ былъ я Андрюшка въ Галанскую землю съ наказомъ продавать еще сто тысячъ чети ржи, чтобъ мнѣ тотъ хлѣбъ продавать при послахъ при Григорѣ Алабевѣ да при Григорѣ Ларіоновѣ и я въ томъ дѣлѣ радѣлъ и жилъ за тѣмъ дѣлѣмъ въ Галанской землѣ и торговый свой промыслъ за тѣмъ отставилъ что на ярмонкѣ у города не былъ, только мнѣ тово хлѣба за тѣмъ продавать было нельзя потому что въ наказѣ цена была высока за моремъ хлѣбъ сталъ дешевъ и ѣдучи за тѣмъ дѣломъ съ Москвы и приѣхавъ во Фрисланскую землю мало не потонулъ потому что судно въ рѣкѣ подо мною подвернулося и я былъ въ большомъ страху.

Да въ томъ же во 140 году какъ Галанскій гость Карпъ Демунинъ посылалъ къ Государю продавать четыре камня изумруду самые дорогіе похвальныя камень онъ Карпъ тѣхъ камень не велѣлъ продавать меньше семи тысячъ рублей и я Андрюшка боярину Князю Ивану Борисовичу Черкасскому говорилъ будетъ тово Карповъ прикащикъ откажетъ, что будто тѣ камень не надобно и я тѣ камень поставлю въ Государеву казну за три тысячи тристо шестдесятъ рублей по заморской ценѣ какъ онъ Карпъ тѣ камень самъ купилъ и тому Государь ево Карпову прикащику отказано а тѣ камень велѣно купить мнѣ и поставить въ Государеву казну за ту цену какъ я самъ купилъ безъ прибыли и тѣмъ Государю служилъ и прибыль Государевѣ казнѣ учинилъ не малую.

Да во 140 году хотя я Андрюшка Государю служить и себѣ вѣчную славу учинить, выискалъ своею головою въ російскомъ Государствѣ всякое угодье и самую добрую желѣзную руду въ одномъ уѣздѣ безъ чево желѣзнымъ заводамъ быть не умѣтъ и билъ челомъ блаженные памяти Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всеа Русіи чтобъ мнѣ заводить всякіе желѣзные заводы чтобъ впредь за моря большою цѣною ни для кого желѣза не посылать, только заводы тѣ заводы самому за моря посылать и противъ моево челобитья такіа заводы заводить мнѣ позволено и я

отставя всё свои торги и торговые промыслы заводилъ въ Тульскомъ уѣздѣ такія желѣзные заводы своимъ умомъ, что прежде сево желѣзные пушки покупали въ Государеву казну пудъ по рублю и по полтора рубли и тѣмъ пушкамъ лутчи привозныхъ, нынѣ пудъ ставитца по пяти алтынъ, а въ ядрахъ пудъ что прежь сево покупали по двадцати алтынъ и больши и тѣ, Государь, ядра нынѣ пудъ ставитца только по гривнѣ да связнова желѣза что покупали въ Государеву казну по семи гривенъ и тово пудъ ставитца по десяти алтынъ и въ томъ заводѣ животы свои и именья всё свои положилъ и пятнадцать лѣтъ у тово дѣла труды свои положилъ и тѣмъ я Государю служилъ и прибылъ и честь учинилъ большую, и самъ отъ тово оскудалъ.

Да я жъ Андрюшка во 155 году ѣхалъ въ дальнюю землю черезъ Литовскую землю и какъ я пріѣхалъ въ Королевскій городъ Варшаву и видѣлъ что на Краковской горѣ за городомъ въ слободѣ на большой улицѣ гдѣ всякіе послы мимо ѣдутъ стоитъ нарочная большая каменная хоромина, а надъ дверьми тое хоромины было написано золотыми вырѣзы латынскими словами въ черномъ каменѣ, что будто моши Государя Царя и Великаго Князя Василя Ивановича всеа Русіи и брата ево Князь Дмитрея Ивановича еще лежать въ той хороминѣ въ большой славѣ Короля Литовскава и я то письмо списалъ по латыни и какъ пріѣхалъ я къ Москвѣ и про то извѣщалъ думному дяку Назарю Чистого и далъ ему то письмо своею рукою и то письмо онъ велѣлъ перевести переводчику Ивану Фанделвину изъ латынскаго языка въ цесарской языкъ, а съ цесарскаго языка перевелъ въ руской языкъ переводчикъ Борисъ Борисовъ и по тому моему извѣту велѣно про тое недостойную статью отписать къ литовскому королю и король тотъ камень съ нарочнымъ гонцомъ послалъ къ Москвѣ и тѣмъ я Государь служилъ и за то ничемъ не пожалованъ и въ оныхъ во многихъ статяхъ радѣлъ и служилъ и впредь Государю вѣроу и правдоу радъ служить и прибыли искать хочю и для того я Государю въ вѣчное подданство дался ¹⁾).

1649 г.

Виніусъ пользовался безошплинной торговлей смолы, въ теченіе 6 лѣтъ ²⁾).

¹⁾ Гамель. Опис. Тул. Оруж. Зав. стр. 4 Прилож.

²⁾ Указ. Доп. Ист. с. 22.

1649 г.

Наказы и памяти гостю Василью Ѳедотову и головамъ Ивану Мѣльцову и Денису Петрову, о сборѣ таможенныхъ пошлинъ и кабакскихъ денегъ въ Архангельскѣ и на Колмогорахъ, и проч.

Да память гостю Василью Ѳедотьеву и головамъ Иванову и Денису съ товарищи. Въ прошломъ во 156 году, по Государеву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Руси наказу, на Двинѣ у Архангельскаго города въ корабельную пристань таможенные головы и цѣловальники покупали смолу у торговыхъ и у всякихъ людей, и продавали иноземцамъ прїѣзжимъ гостемъ и торговымъ всякимъ людямъ изъ прибыли; а въ нынѣшнемъ во 157 г. по Государеву указу велѣно тѣмъ смолянымъ промысломъ промышленяты иноземцу гостю Ондрѣю Виніюсу безошлинно, и у Архангельскаго города смолу купить и задатчить и на мѣстѣ жечь и продавать торговымъ и всякимъ людямъ и иноземцомъ, а Агличаномъ смолу покупать для ихъ темнаго дѣла у него Ондрѣя явя въ таможиѣ ¹⁾.

1649 г.

Да память гостю Ивану и головѣ Гаврилу съ товарищи. Въ прошломъ во 156 году, по Государеву Цареву и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи указу, на Двинѣ у Архангельскаго города, въ корабельную пристань таможенные головы и цѣловальники покупали смолу у торговыхъ и всякихъ людей, и продавали иноземцомъ прїѣзжимъ гостемъ и торговымъ всякимъ людямъ изъ прибыли: а въ прошломъ во 157 году по Государеву указу, велѣно тѣмъ смолянымъ промысломъ промышленяты иноземцу гостю Андрею Виніюсу безошлинно шесть лѣтъ, со 157 года по 163 годъ, въ тѣхъ же мѣстахъ гдѣ промышленяли откупщики и вѣрные головы на Вологдѣ, на Тотъмѣ, на Устюгѣ-Великомъ, на Вагѣ, на Холмогорахъ и у Архангельскаго города смолу купить и задатчить, и на мѣстѣ жечь, и продавать торговымъ и всякимъ людямъ иноземцомъ; а Агличаномъ смолу покупать для темнаго дѣла у него, явя въ таможиѣ ²⁾.

1659 г.

Портретъ А. Д. Виніуса. Андрей Денисьевичъ Виніусъ, родомъ голландецъ, былъ однимъ изъ иноземцевъ, усвоенныхъ Россіею въ XVII столѣтіи. Одаренный обширнымъ умомъ и многими свѣдѣніями, онъ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ находился въ качествѣ посла

¹⁾ Доп. къ Акт. Ист. т. III с. 199.

²⁾ Приб. къ Акт. Ист. т. III с. 422.

или повѣреннаго, въ Голландіи, по дѣламъ дипломатическимъ и торговымъ, съ именемъ гостя и комиссара (Въ 11-мъ № „Москвитянина“ 1843 г., с. 144, я нашелъ извѣстіе, что онъ еще при царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ былъ употребленъ начальствовать надъ рудокопнымъ и пушечнымъ дѣломъ: это было въ 1642 г.

Сынъ этого важнаго дѣльца былъ первымъ Московскимъ почтъ-директоромъ, въ царствованіе И. Петра Великаго).

Во время этого посольства въ Гагу, въ 1650, съ него былъ срисованъ и выгравированъ знаменитымъ граверомъ, Корнелиемъ Фишеромъ (Vischer) портретъ, почитаемый еще съ начала XVIII столѣтія рѣдчайшимъ эстампомъ, и извѣстный подъ именемъ *l'homme au pistolet*. Эта гравюра едва-ли находится въ трехъ или четырехъ партикулярныхъ коллекціяхъ. Наши русскіе старинные охотники: Олсуфьевъ, Масловъ, Хитровъ, гр. Головкинъ, Бекетовъ и другіе, не щадившіе ничего для подобныхъ пріобрѣтеній, утомились въ напрасныхъ розысканіяхъ. Кстати, приведу охотничій анекдотъ; покойному канцлеру, гр. Ник. Петр. Румянцеву кто-то сказалъ, что этотъ рѣдкій портретъ изображаетъ его прапрадѣда по женскому колѣну, Артамона Сергѣевича Матвѣева.

Канцлеръ вручаетъ одному изъ своихъ дипломатическихъ сослуживцевъ (покойному же Л. А. Яковлеву) 3.000 рублей, прося его, отправлявшагося по дѣламъ службы, купить гдѣ-нибудь этотъ портретъ царскаго друга и его предка. Яковлевъ искалъ его въ Германіи, Франціи, Италіи, гдѣ продавались тогда значительныя коллекціи, искалъ его и во всѣхъ магазинахъ эстамповъ,—и кончилось тѣмъ, что привезъ деньги и возвратилъ ихъ канцлеру. Впослѣдствіи канцлеръ и его комиссіонеръ были успокоены достовѣрнымъ извѣстіемъ, что этотъ портретъ изображаетъ не Матвѣева.

Первые отпечатки особенно признаются ненаходимыми. Я получилъ свой изъ коллекціи покойнаго А. С. Власова, вмѣстѣ съ большею частью его рѣдкихъ эстамповъ, а онъ купилъ его въ Парижѣ, послѣ смерти знаменитаго охотника Дюрана, за 1.200 франковъ. Извѣстный своими свѣдѣніями по исторической части художествъ, г. Дюшенъ нашелъ равный ему только въ Голландіи въ Королевской коллекціи эстамповъ, о которомъ упоминаетъ въ своемъ *Voyage d'un iconophile*.

Вотъ описаніе портрета:

Мѣра эстампа въ вышину 17, въ ширину 10 дюймовъ и 2 линіи, англ. мѣры. Онъ гравированъ чистымъ рѣзцомъ, безъ помощи крѣпкой водки, которую Фишеръ употреблялъ иногда, для эффекта, во многихъ своихъ произведеніяхъ.

Винюсъ изображенъ въ одеждѣ тогдашняго русскаго сановника;

умныя черты, въ которыхъ отражаются правота и усердіе, украшены длинною окладистою бородою. Онъ сидитъ у стола, покрытаго богатымъ наметомъ, на которомъ лежитъ царская грамота съ большою государственною печатью. Онъ держитъ въ рукѣ столбецъ съ строками тогдашней нашей скорописи, содержащими въ себѣ начало царскаго указа: „Лѣта 7160 (кажется мѣсяца марта), Царь и Великій Князь Алексій Михайловичъ всея Русіи указалъ“... На колоннѣ, подлѣ него, висятъ шлемы, латы и мечи; за нимъ на стѣнѣ, карабинъ и пистолетъ, что было поводомъ къ названію портрета. Кой-гдѣ видны томы фоліантовъ и бочки полныя ефимковъ съ означеніемъ на нихъ суммъ. Подъ эстампомъ голландская подпись: „D. H. Andreas Deonyszoon Vinius, Sine Zaerse Majsstetets van Ruslants Commissarius, en Mosk Olderman“. Подъ нею 10 стиховъ тогдашняго голландскаго поэта Вонделя (котораго портретъ, гравированный имъ же, Фишеромъ, находится также у меня).

Но вотъ что замѣчательно, а при томъ и нѣсколько забавно: между портретомъ и голландскою надписью, красуется нѣчто узорное. Въ нѣкоторыхъ каталогахъ и мануэляхъ сказано, что подъ самымъ эстампомъ видна красивая уборочка, виньетка (Vignette, ornement). Но что значитъ эта виньетка?—Это подпись высокимъ вязанымъ письмомъ или великою вязью: „Его Царскаго Величества Россійскаго Государства Комисаръ и Московскій гость Андрей Денисовъ сынъ Виніусъ“. Простительно было скорому, неустрашимому французу назвать эту надпись виньеткой; но хотя и стыдно, скажу, что многіе русскіе англо-галломаны соглашались, при мнѣ, въ томъ, что это уборочка, виньетка.

Н. И. Писаревъ ¹⁾.

1651 г. ²⁾

Приказныя дѣла 1651 г. 3—10 генваря, св. 225, № 1: „Двѣ челобитныя иноземцовъ Петра Марселиуса и Андрея Виніуса о взысканіи заемныхъ между собою долговъ“ ²⁾.

1651 г.

Въ 1651 году присланъ былъ отъ Нидерландскихъ Штатовъ посломъ Александръ Гольстъ нарочно для исходатайствованія у царя Алексѣя Михайловича милостиваго вниманія къ Филимону Акемѣ, который не мало пострадалъ отъ того, что черезъ бывшаго товарища Виніуса принужденъ былъ сдѣлать весьма значительную

¹⁾ „Москвитянинъ“ 1844 г. № 4, с. 389.

²⁾ Цеѣтаевъ, Прот. и прот. въ Рос., ст. 395.

убавку въ цѣнахъ, особливо за желѣзо Городищенскихъ заводовъ. Сіе представленіе имѣло желанное дѣйствіе ¹⁾.

1652 г.

Виніусъ крестился съ своею семьей и былъ записанъ въ московскіе дворяне. Вскорѣ послѣ крещенія онъ снаряженъ былъ (1652 г.) въ Голландію съ дипломатическимъ порученіемъ; сынъ его Андрей Андреевичъ былъ потомъ однимъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей своего времени и съ успѣхомъ и пользой служилъ въ приказахъ Посольскомъ (съ 1663 г.), Ямскомъ, Аптекарскомъ, Пушкарскомъ и Сибирскомъ ²⁾.

1654 г.

Выписка заморскихъ деревьевъ въ 1654 году.

Доставили къ Архангельску на Голландскомъ кораблѣ, гость Андрей Виніусъ да Ив. Марсовъ ³⁾.

1654 г.

Московскими нѣмцами во времена Михаила Федоровича привезенъ изъ-за границы салатъ; Марселисъ досталъ изъ Готтофскаго сада голштинскаго герцога первыя садовыя розы, и они принялись какъ нельзя лучше. Для дворцовыхъ садовъ Алексѣя Михайловича, устраиваемыхъ по европейскимъ образцамъ, иноземцы, гость Андрей Виніусъ и Иванъ Марсовъ, вывезли (1654 г.) чрезъ Архангельскъ экземпляры садовыхъ и оранжерейныхъ деревьевъ (Это были „2 дерева оранжереевыхъ яблокъ, 2 дерева винныхъ ягодъ, 4 дерева перзиковыхъ сливъ, 2 дерева априкозовыхъ яблокъ, 3 дерева шпанскихъ вишенъ морелланъ, 2 дерева миндальныхъ ядеръ, 2 дерева большихъ сливъ“) ⁴⁾. Андрей Виніусъ однако совѣтовалъ соорудить катарги, болѣе удобныя для плаванія по Каспійскому морю, нежели большія суда, ссылаясь на то, что „какъ голштинскіе послы въ прошлыхъ лѣтахъ поѣхали на кораблѣ въ Персиду и тогда на морѣ корабль ихъ разбило“. Доп. къ Акт. Ист. V, № 80 ⁵⁾.

1654 г.

Выписка заморскихъ деревьевъ въ 1654 году.

Въ 1654 году августа 22 пришли къ Архангельскому городу на галанскомъ кораблѣ иноземцы гость Андрей Виніусъ да Иванъ

¹⁾ Гамель. Оп. Тул. Оруж. Зав., ст. 19.

²⁾ Цвѣтаевъ, Порт. и порт. въ Рос., с. 403.

³⁾ Журн. Садов. т. VII, № 1, с. 52—53.

⁴⁾ Цвѣтаевъ, Прот. и прот. въ Рос., ст. 718.

⁵⁾ Цвѣтаевъ, Прот. и прот. въ Рос., ст. 724.

Марсовъ и сказали воеводѣ Борису Пушкину, что-де по царскому указу „купили они на государевъ обиходъ заморемъ въ голандіи свинцу да лоть рейтарскихъ и пѣхотныхъ и ружья и пистолей и шпагъ... да суконъ разныхъ цвѣтовъ 84 кипы... да купили девятнадцать деревъ садовыхъ заморскихъ овощей, да четыре птицы попугаевъ... и тѣ де ихъ покупки привезены нынѣ къ архангельскому городу на галанскихъ и на анбурскихъ корабляхъ, а сукна на аглинскихъ корабляхъ“... Покупки были приняты и вскорѣ отправлены къ Москвѣ, а деревья и птицъ гость Андрей Винюсъ и Иванъ Марсовъ, 6 сентября, повезли въ Москву сами ¹⁾).

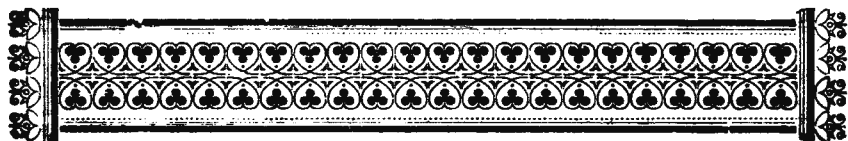
Е. Вильчинскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Забѣлинъ, И. Журналъ Садоводства 1859 г., с. 53.

Мужикъ на царскомъ дворѣ ночью (1686 г.).

Изъ архивныхъ документовъ.

194 года іюня въ 11 день стольника и полковника Семенова полку Огибалова стрѣльцы Сенка Рычокъ съ товарищи, которые стояли на караулѣ на дворцѣ у сушиль, поймали мужика и привели на стѣнной караулѣ къ полковнику къ Семену Огибалову, а сказали: тотъ-де мужикъ взошелъ на дворецъ вверхъ къ сушиламъ іюня противъ 12 числа въ 3-мъ часу ночи, и полковникъ того мужика объявилъ боярину Алексѣю Семеновичу Шеину съ товарищи.

И іюня жъ въ 12 день тотъ мужикъ передъ бояриномъ А. С-чемъ съ товарищи распрашиванъ, а въ роспросѣ сказался уроженецъ Романова городища ¹⁾ посадцкого человѣка сынъ, Алексѣемъ зовуть Меркульевъ, а онъ-де въ томъ городѣ былъ у церкви Архангела Михаила во дьячкахъ, а къ Москвѣ-де онъ пришелъ тому 4-й день съ товарищи своими съ Ельчаны дѣтьми боярскими съ Алексѣемъ Савостьяновымъ сыномъ Перцовымъ да съ братомъ его двоюроднымъ съ Аванасемъ, а чей сынъ—того не вѣдаетъ, да съ Воронежцомъ сыномъ боярскимъ жъ съ Иваномъ Савостьяновымъ, а чей прозвищемъ—того сказать не упомнить, да съ Бѣлоколодцемъ съ Викулкою Ивановымъ сыномъ Оетрѣнинымъ, а какого чину—того не вѣдаетъ; а сошелся-де онъ съ ними въ Романовѣ городищѣ и въ Елецкомъ уѣздѣ въ деревнѣ Гнилушѣ, и пошли къ Москвѣ вмѣстѣ тому недѣли съ двѣ; а пришедъ къ Москвѣ, стали за Москвою рѣкою у церкви Покрова Пресвятыя Богородицы въ Стрѣлецкой слободѣ на дворѣ у дьячка Максимка, а чей сынъ и какъ словеть и котораго приказу слобода—того онъ не вѣдаетъ, а дворъ его знаетъ; а къ Москвѣ-де пришли онъ, Алешка, помо-

¹⁾ Нынѣ село Романово, Тамбов. губ., Липецкаго уѣзда.

лица, а товарищи его для своихъ дѣлъ; а на дворѣ-де поставилъ ихъ Алексѣй Перцовъ по знакомству, что ему тотъ дьячокъ братъ двоюродной, и Алексѣй-де Перцовъ съ того двора съѣхалъ того жъ числа, а куда—того не вѣдаетъ; а онъ-де, Алешка, и товарищи его и нынѣ стоятъ у того жъ дьячка. И іюня-де въ 11 день ввечеру товарищи его легли спать, а онъ-де, Алешка, не сказався имъ, пошелъ въ городъ часъ ночи, и вошедъ въ Кремль, въ Спаскія ворота шелъ возлѣ городскихъ стѣны и мимо Вознесенскаго и Чудова монастырей и Троицкаго подворья, и прошедъ къ Курятнымъ воротамъ, взшелъ на дворецъ и пошелъ направо лѣстницею вверхъ, а хотѣлъ бить челомъ великимъ государемъ въ конюшенной чинѣ и его-де поимали стрѣльцы, которые стояли на караулѣ, и отвели къ полковнику; а иныхъ рѣчей онъ, Алешка, ничего не сказалъ.

Помѣта: 194 г. іюня въ 12 день великіе государя и великая государыня благородная царевна указали: мужику Алешкѣ Меркульеву за его воровство, что онъ безстрашіемъ и наглостію своею взшелъ на ихъ государскою дворъ, гдѣ ходитъ такимъ простыхъ чиновъ людямъ не велѣно, учинить жестокое наказаніе—бить вмѣсто кнута батоги и освободить и велѣть ему сказать, чтобъ шелъ съ Москвы тотчасъ въ тотъ городъ, гдѣ родился, а на Москвѣ не шатался.

На оборотѣ: 194 г. іюня въ 13 день по сему великихъ государей указу наказаніе ему учинено.—Записать въ книгу.

И іюня въ 14 числѣ Алешка Меркульевъ изъ Разряда посланъ за Серпуховскія ворота съ разряднымъ сыномъ боярскимъ съ Петромъ Меньшимъ Булатовымъ и велѣно ему, Алешкѣ, идтить на Романовъ, гдѣ онъ родился, а буде онъ на Романовъ не пойдетъ и станеть на Москвѣ шататься, и ему быть въ жестокомъ наказаніи и въ ссылкѣ.

(Москов. Архивъ Мин. Юстиціи. Приказн. стола столб. № 935, л.л. 854—857).

**Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы
съ 8 сентября по 6 октября 1911 г.**

М а л я р е в с к і й, А., прот. Святитель Іоасафъ, епископъ Бѣлгородскій. Краткое сказаніе о его жизни и чудесахъ. Для дѣтей и народа. Спб. 1911. Изд. Кружка почитателей святителя, 3-е. Тип. „Родникъ“ (Невскій пр., 88). 8° (15×20). 64 стр. Съ портр. Ц. 7 к. Вѣсь 4 л. 20.000 экз.

М е л и к с е т ь - Б е к о в ь, Л. М. Родство грузинъ съ испанцами по древнимъ источникамъ. Тифлисъ. 1911. Изд. кн. маг. Гутенбергъ. Тип. Н. І. Аганянъ (Полицейская, 7). 16° (13×19). 38 стр. Ц. 25 к. Вѣсь 2 л. 1.200 экз.

П а р і й с к і й, С. М. Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. Къ 300-лѣтію Нижегородскаго подвига (1611—1911). Н.-Новгородъ. 1911. Изд. Нижегород. Губ. Учен. Архивн. Комис. Тип. Нижегород. Печ. Дѣло. 32° (7×10). 29 стр. Вѣсь 1 л. 30.000 экз.

П а р і й с к і й, С. Учасіе Нижегородцевъ въ избраніи на царство Михаила Федоровича Романова и присяга ихъ Царю. Н.-Новгородъ. 1911. Изд. Нижегород. Губ. Учен. Архивн. Комис. Тип. З. А. Остафьевой. 4° (34×45). 1 стр. Съ рис. Вѣсь 1 л. 30.000 экз.

П о л и к а р п о в ь, Н. Великій и преславный чудотворецъ. Къ 50-лѣтію прославленія Святителя Тихона Задонскаго и всея Россіи Чудотворца. (1861—13 августа—1911). Воронежъ. 1911. Тип. т-ва Н. Кравцовъ и К° (Б. Дворянская, д. Столлъ). 8° (17×24). 15 стр. Съ рис. Вѣсь 2 л. 1.000 экз.

П о р ь в ь, И. Я. Исторія русской словесности. Часть II. Новый періодъ. Отдѣлъ 2. Литература въ царствованіе Екатерины II. Казань. 1911. Изд. автора (2-я Солдатская, 2). Тип. университета. 8° (17×25). 417+3 нен. стр. Ц. 2 р. Вѣсь 1 ф. 2 л. 2.400 экз.

Р о м а н о в ь, В., свящ. Древнія святыни Преображенской церкви мѣстечка Смѣлаго, Роменскаго уѣзда. Полтава. 1911. Тип. Г. И. Маркевича (ул. Котляревскаго). 16° (13×17). 15 стр. Вѣсь 1 л. 500 экз.

С и п о в с к і й, В. В. Исторія русской словесности. Часть II. (Исторія литературы съ эпохи Петра В. до Пушкина). Примѣнительно къ Исторической хрестоматіи, т. II, вып. 1, 2 и 3. Сиб. 1911. Изд. Я. Башмакова и К°, 4-е. Тип. Трудъ (Кавалергардская, 40). 8° (17×23). XVIII+331 стр. Ц. 1 р. 20 к. Вѣсь 1 ф. 1 л. 10.000 экз.

Т у р г е н е в ь, И. С. Записки Охотника. Спб. 1911. Мзд. 14-е и тип. Глазунова (Казанская, 8). 8° (17×25). 385 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 17 л. 15.000 экз.

Юнгеровъ, П. Книга Пророка Іезекииля въ русскомъ переводѣ съ греческаго текста LXX, съ введениемъ и примѣчаніями. Казань. 1911. Тип. Центральная (Домбровскаго). 8° (17×25). 156 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 16 л. 400 экз.

Өемелиди, А. М. Г. Сенкевичъ, его литературная эпоха, жизнь, труды и мысли. „Мыслители XIX в.“ Польша. Спб. 1911. Изд. 2-ое доп. и тип. М. О. Вольфъ (В. О., 16 л., 5—7). 8° (25×17). 409 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 14 л. 1.500 экз.

Бальмонтъ, К. Д. Полное собраніе стиховъ. Томъ 6. Фейныя сказки. Злыя чары. М. 1911. Изд. книгоизд. Скорпионъ, 2-е. Тип. В. Воронова (Мохова, д. кн. Гагарина). 8° (18×23). 136+12 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсъ 23 л. 2.050 экз.

Бирюковъ, Т. Къ вопросу о старообрядческихъ общинахъ. М. 1911. Тип. Старообрядческая (Покровка, Лялинь пер., 6). 16° (11×19). 13 стр. Вѣсъ 1 л. 1.000 экз.

Боршевскій, С. Русская литература XIX вѣка въ разработанныхъ темахъ. Выпускъ II (Карамзинъ, Жуковский, Крыловъ, Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, Л. Толстой). Пособіе для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. Владикавказъ. 1911. Изд. кн. маг. Ө. Т. Марѣва. Тип. Терскаго обл. правл. 8° (15×22). 284+III стр. Ц. 1 р. 40 к. Вѣсъ 1 ф. 3.000 экз.

Бѣлявскій, В. Теорія словесности. Руководство при разборѣ образцовъ словесности и при письменныхъ упражненіяхъ учениковъ. М. 1911. Изд. кн. маг. В. В. Думнова (Мясницкая, д. Обидиной). 14-е. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиж. н., с. д.). 8° (15×22). VIII+119 стр. Ц. 65 к. Вѣсъ 9 л. 2.500 экз.

Валишевскій, К. Петръ Великій. Переводъ съ 7 французскаго изданія Т. Леонтьевой. (Происхождение современной Россіи Т. III). М. 1912. Изд. книгоизд. Современ. проблемы. Тип. Копѣйка (В. Дмитровка, 26). 8° (16×24). VIII+620 стр. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсъ 1 ф. 23 л. 2.000 экз.

Веселовскій, Александръ Николаевичъ. Собраніе сочиненій. Томъ четвертый. Вып. 2-й. Спб. 1911. Изд. Отд. Русскаго языка и Словес. Имп. Акад. Наукъ. Тип. Имп. Академін Наукъ (Вас. О., 9-я лин., 12). 8° (16×24). VI+336 стр. Ц. 1 руб. 50 коп. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 512 экз.

Войцеховскій, Евг. Памятка Новотроцка 1811 27/III 1911 гг. (Выборка для нижнихъ чиновъ изъ „Краткой исторіи 169 пѣх. Ново-Трокскаго полка“). Вильна. 1911. Тип. Л. Г. Сыркина (Больш., соб. д.). 16° (12×19). 11 стр. Вѣсъ 1 л. 2.100 экз.

Волконской, М. С., князь. Стихотворенія. На правахъ рукописи. Спб. 1911. Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8° (16×21). 80 стр. Съ порт. Вѣсъ 14 л. 300 экз.

Изъ родной литературы. Хрестоматія для городскихъ училищъ, торговыхъ школъ, женскихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ семинарій. Городецкій, Н. Н., Дворниковъ, П. Ө., Дмитриевъ, С. А., Заборскій А. П., Касаткинъ, Н. В., Корольковъ, А. Е. Крестовъ, В. К., Семеновъ, М. С., Толстой, А. С. и Тулуповъ, Н. В. М. 1912. Изд. 8-е. Тип. И. Д. Сытина (Пятницк., с. д.). 8° (18×26). 812+IV стр. Ц. 1 р. 30 к. Вѣсъ 2 ф. 19 л. 10.000 экз.

Короленко, Владиміръ. Огоньки. Мгновеніе. Спб. 1911. Изд. М. А. Коломенкой. Тип. 1-й Спб. Труд. Артели (Лиговская, 34). 8° (14×21). 16 стр. Складъ: Спб. Кн. складъ Просвѣщенія, Стремянная, 6. Ц. 4 к. Вѣсъ 2 л. 5.000 экз.

Короленко, Владиміръ. Очерки и рассказы. Книга первая. Спб. 1911. Изд. ред. журн. „Русское Богатство“, 13-е. Тип. Первой Спб. Трудовой Артели (Лиговская, 34). 8° (15×19). 403 стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 4 л. 6.000 экз.

Короленко, Владиміръ. Послѣдній лучъ. Спб. 1911. Изд. М. А. Коломенкиной. Тип. 1-й Спб. Труд. Артели (Лиговская, 34). 8° (14×21). 16 стр. Адр. склада и издателя: Спб. Кн. складъ Просвѣщенія, Стремянная, 6. Ц. 4 к. Вѣсь 2 л. 5.000 экз.

Краевскій, М. А. Бюрократизмъ и революція. Очерки жизни Черноморскаго побережья Кавказа. Соч. М. 1911. Тип. А. А. Левенсонъ, (Трехпрудный пер.). 8° (17×25). 80 стр. Ц. 60 к. Вѣсь 11 л. 2.100 экз.

Кругъ чтенія. Избранныя, собранныя и расположенныя на каждый день Львомъ Толстымъ мысли многихъ писателей объ истинѣ, жизни и поведеніи. Т. II (Апрѣль, Май, Июнь). Библиотека Л. Н. Толстого подъ ред. П. И. Бирюкова, № 6. М. 1912. Изд. 2-е. Тип. Т-ва М. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8° (14×21). 344 стр. Ц. 50 к. Вѣсь 25 л. 3.000 экз.

Маиковъ, Б. А. Николай Васильевичъ Гоголь. Подробный разборъ его главнѣйшихъ произведеній для учащихся. Спб. и Варшава. 1911. Изд. Тов. Оросъ (Новый Свѣтъ, 70). 2-е. Тип. П. Ляскауера и К°. 8° (16×23) 223 стр. Ц. 60 к. Вѣсь 23 л. 5.000 экз.

Марковъ, Д. А. Записки по методикѣ исторіи и географіи. М. 1912. Тип. И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовская, с. д.). 8° (15×23) IV+121 стр. Цѣна 1 руб. Вѣсь 19 л. 1.000 экз.

Мартыновскій, В. „Русскіе писатели въ выборѣ и обработкѣ для школъ“. Т. I. Безъ удареній. Спб. 1911. Изд. Я. Башмакова и К° (Спб. Итальянская, 40). Тип. „Трудъ“ (Кавалергардская, 40). 8° (16×24). XI+469 стр. Съ 14 рис. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсь 1 ф. 17 л. 3.000 экз.

Ткачъ, В. Очерки Холмщины и Подляшья. Говоры, обычаи, обряды, типы, нравы, пѣсни, хозяйственный бытъ, домашняя обстановка, народное образованіе, разныя нужды и проч. Холмъ. 1911. Изд. Холмск. св. Богородиц. Бр. Тип. Вайнштейновъ (Люблинская, 14). 8° (17×23). 113+1 нен. стр. Вѣсь 13 л. 2.000 экз.

Толстой, Л. Н. Новая азбука. М. 1912. Изд. и тип. И. Д. Сытина Пятницкая, с. д.). 8° (15×23). 108 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Вѣсь 9 л. 10.000 экз.

Толстой, Л. Н. Осада Севастополя. (Сокращено по „рассказамъ о Севастопольской оборонѣ“). М. 1911. Изд. Посредника (Петровскія линіи) 9-е. Тип. К. Л. Меньшова (Арбатъ, Никольск., 21). 32° (10×13). 96 стр. Ц. 3 к. Вѣсь 2 л. 24.000 экз.

Щегловъ, Иванъ. Народъ и Театръ. Очерки и изслѣдованія современнаго народнаго театра. Въ шести частяхъ, съ литературно-критическимъ очеркомъ объ И. Л. Щегловѣ А. А. Измайлова. Спб. 1911. Изд. в тип. П. П. Сойкина (Стремянная, 12). 8° (16×23). XXVI+424 стр. Ц. 3 р. Вѣсь 1 ф. 21 л. 1.000 экз.

Адрианъ, архим. Памяти Кочубея и Искры, героевъ объединенія Руси Православной, Кіевской и Московской. Вѣнокъ къ памятнику имъ по поводу двухсотлѣтія со дня ихъ мученической кончины (14-го іюля 1708 г.—14-го іюля 1908 г.). Кіевъ. 1911. Тип. акц. о-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго (Мерниговская, 6). 8° (17×25). 38 стр.+8 рис. Ц. 25 к. Вѣсь 8 л. 2.000 экз.

Аксаковъ, С. Т. Дѣтскіе годы Багрова-внука, служащіе продолженіемъ „Семейной хроникѣ“. Универсальная бібліотека. № 534—536. М.

1911. Изд. к-ва Польза В. Антикъ и К^о (Козицкій 2). Тип. т-ва А. А. Левенсонъ. 16° (10×14). 390+1 нен. стр. Ц. 30 к. Вѣсь 11 л. 7.200 экз.

Бородкинъ, М. М. Краткая исторія Финляндіи. Спб. 1911. Тип. т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородекая, 11). 8° (14×20). VI+198+1 нен. стр. Съ карт. Финляндіи. Ц. 1 р. Вѣсь 22 л. 3.000 экз.

Воскресенскій, Константинъ. Краткая отечественная исторія въ очеркахъ и біографіяхъ (Примѣнительно къ курсу народныхъ училищъ). Рига. 1911. Изд. К. Г. Зихмана, 15-е (Театральная, 9). Тип. Мюллера (Гердерава пл. 1). 8° (15×23). 96 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Вѣсь 9 л. 20.000 экз.

Гнѣдичъ, П. П. Сочиненія. Томъ VI. Черный туманъ. Повѣсти и рассказы. Спб. 1912. Изд. и тип. тов. А. Ф. Маркса (Изм. пр., 29). 8° (14×21). 344 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсь 30 л. 3.150 экз.

Е. К. Жизнь и подвиги преподобнаго Антонія Столпника, Чудотворца Мартенкопскаго. Тифлисъ. 1911. Изд. Книшадзе, 9-е. Тип. К. Н. Козловскаго (Головин. пр., 12). 18° (14×20). 20 стр. Вѣсь 2 л. 1.200 экз.

Историческая панорама Санктпетербурга и его окрестностей. Ч. I. Отъ основанія Петербурга до Екатерининской эпохи. М. 1911. Тип. рус. т-ва (Мыльниковъ пер.). 4° (23×30). 28 стр. Съ рис. Вѣсь 9 л. 3.000 экз.

Козловъ, П. Всеволодъ Ивановичъ Роборовскій. Спб. 1911. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 линія, 28). 8° (17×24). 11 стр. Съ портр. Вѣсь 3 л. 120 экз.

Козьминъ, К. и Покровскій, В. Біографіи и характеристики отечественныхъ образцовыхъ писателей. Для городскихъ училищъ и учительскихъ семинарій. М. 1912. Изд. М. Д. Наумова, 12-е (Б. Лубянка, д. Стр. О. Россія). Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Крестовоздвиж., с. д.). 8° (15×23). 103 стр. Ц. 50 к. Вѣсь 8 л. 3.000 экз.

Купринъ, А. Рассказы. Т. III. Собраніе сочиненій. М. 1911. Изд. Моск. книгоизд., 4-е (Мясницкая, 34). Тип. И. М. Машистова (Б. Садовая, с. д.). 8° (15×21). 346+17 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к. Вѣсь 1 ф. 9 л. 5.200 экз.

Максъ, принцъ Саксонскій. Мысли по вопросу объ униіи церквей. Переводъ и послѣсловіе свящ. Н. Сахарова. Сергіевъ Посадъ. 1911. Тип. Св. Троицк. Сергіев. Лавры. 8° (17×24). 26 стр. Ц. 12 к. Вѣсь 3 л. 300 экз.

Малышевскій, И. И., проф. Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность. Часть 2-я. Редакція В. И. Шемякина. Приходская бібліотека. Спб. 1911. Тип. П. П. Сойкина (Стремянная, 12). 8° (14×20). 160 стр. Ц. 30 к. Вѣсь 11 л. 2.800 экз.

Сергѣенко, П. Толстой и его современники. Очерки. Герценъ, Некрасовъ, Достоевскій, Тургеневъ, Лѣсковъ, Чеховъ, Брайанъ, I. Крошгадтскій, Толстой и дѣти. М. 1911. Изд. и тип. В. М. Саблина (Петровка, д. Обдиной). 16° (15×19). 281+1 нен. стр. Ц. 1 р. Вѣсь 24 л. 3.000 экз.

Сиповскій, В. В. проф. Сокращенный курсъ исторіи русской словесности въ двухъ частяхъ. Часть первая. Народная словесность. Исторія русской письменности отъ начала до XVIII в. Спб. 1911. Тип. М. Волковича (Садовая, 60). 8° (17×23). VII+203 стр. Ц. 1 р. Вѣсь 23 л. 5.100 экз.

Страховъ, П. С. Антисоціалистическая религіозность. (По поводу книги С. Б. Булгакова „Два града“). Сергіевъ Посадъ. 1911. Тип. Св.-Тр. Сергіев. Лавры. 8° (17×24). 41 стр. Вѣсь 4 л. 30 экз.

Терликовъ, Е. Отечественная война 1812 года и войны 1813 и 1814 годовъ (Стѣнная таблица). Спб. Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигор., 11). ф° (72×102). 1 стр. Вѣсь 11 л. 1.000 экз.

Толстой, Левъ Николаевичъ. Полное собраніе сочиненій. 11 выпусковъ. Спб. 1911. Изд. книг-ства „Ясная Поляна“ (Спб., Караванная, 7). Тип. К. А. Четверикова (Караванная, 7). 8° (16×22). 736 стр. Ц. каждаго выпуска 8 к. Въсь 1 ф. 24 л. 1.000 экз.

Тулуповъ, Н. В. и Шестаковъ, П. М. Вторая ступень въ литературу. Хрестоматія для младшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и домашняго обученія. М. 1912. Изд. и тип. И. Д. Сытина, 2-е (Пятницкая, с. д.). 8° (18×27). 309 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Въсь 1 ф. 16 л. 10.000 экз.

Шлосбергъ, А. Н. Начало періодической печати въ Россіи. (Историко-литературное изслѣдованіе). Спб. 1911. Тип. Сенатская. 8° (16×24). 75 стр. Въсь 7 л. 350 экз.

Алферовъ, А. и Грузинскій, А. Сборникъ вопросовъ по исторіи русской литературы. (Курсъ средней школы). М. 1911. Изд. 8-е. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Крестовоздвиж., 9). 8° (15×23). XVI+87 стр. Ц. 35 к. Въсь 8 л. 6.020 экз.

Богородскій, А. Димитрій Ивановичъ Менделѣвъ, какъ ученый (Опытъ характеристики). Рѣчь, произнесенная на торжественномъ засѣданіи Техническаго Отдѣленія Императорскаго Казанскаго Экономическаго Общества, посвященномъ памяти Д. И. Менделѣва, 27 января 1911 года. Казань. 1911. Тип. И. Н. Харитоновъ (уг. Воскресен. и Казан., соб. д.). 8° (15×22). 20 стр. Въсь 3 л. 500 экз.

Булгаковскій, Д. Г. Двадцать восемь портретовъ главнѣйшихъ русскихъ полководцевъ Отечественной войны. Спб. 1911. Тип. Спб. тюрьмы (Арсен. набер., 5). 8° (14×21). 52 стр. Съ 28 портр. Ц. 15 к. Въсь 5 л. 2.000 экз.

Булгаковскій, Д. Г. Народныя карикатуры-картинки, вышедшія въ Отечественную войну. Съ ихъ общей характеристикой. Спб. 1911. Изд. Д. Г. Булгаковскаго (Измайловскій пр., 5). Тип. Спб. тюрьмы (Арсенальная наб., 5). 8° (14×21). 25 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Въсь 3 л. 2.000 экз.

Булгаковскій Д. Г. Наши ополченцы и партизаны въ Отечественную войну. Спб. 1911. Изд. Булгаковскаго (Спб., Измайл. просп., 5). Тип. Спб. тюрьмы (Арсен. набер., 5). 8° (14×21). 31 стр. Съ рис. Ц. 12 к. Въсь 3 л. 2.000 экз.

Булгаковскій, Д. Г. Отголоски старины объ Отечественной войнѣ. Спб. 1911. Изд. Д. Г. Булгаковскаго (Измайловскій пр., 5). Тип. Спб. одиночной тюрьмы (Арсенальная наб., 5). 8° (14×21). 84 стр. Съ рис. Ц. 20 к. Въсь 7 л. 2.000 экз.

Булгаковскій, Д. Г. Поэтическія произведенія, вышедшія въ Двѣнадцатомъ году и въ новѣйшее время съ подробной характеристикой. Спб. 1911. Изд. Д. Г. Булгаковскаго (Измайловскій пр., 5). Тип. Спб. одиночной тюрьмы (Арсенальная наб., 5). 8° (14×21). 83 стр. Ц. 20 к. Въсь 8 л. 2.000 экз.

200-лѣтіе Кабинета Его Императорскаго Величества 1704—1904. Историческое изслѣдованіе. Спб. 1911. Тип. Голице и Вильборгъ (Звенигородская, № 11). 8° (20×28). 1—XX+1—526+1—146 стр. Съ 59 рис. Въсь 9 ф. 1.000 экз.

Двѣнадцатый годъ. М. 1911. Изд. М. Н. Шалимова (Солянка, Б. Ивановскій пер., д. Бабурина). Тип. П. В. Бѣльцова (Чистые пруды, 14). 18° (12×17). 17 стр. Въсь 1 л. 12.000 экз.

Дувинъ, И. П. Памятка о полувѣковомъ юбилеѣ освобожденія кре-

стань отъ крѣпостной зависимости 19-го февраля 1861—1911 г.г. Симферополь. 1911. Тип. Губернская. 8° (17×22). 34 стр. Въсь 4 л. 1.000 экз.

Е. В. Государственная дѣятельность председателя Совѣта Министровъ статсъ-секретаря Петра Аркадьевича Столыпина. Въ двухъ частяхъ. Окончаніе сборника „Председатель Совѣта Министровъ Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ“, сост. Е. В. въ 1909 г. Ч. I. 1909 и 1910 г.г. Отвѣств. ред. Д. Н. З.—Д. Спб. 1911. Изд. Составителя. Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8° (16×24). XIV+377 стр. Съ портр. Складъ: въ книжн. маг. „Новое Время“. Невскій, 40. Ц. 2 р. Въсь 1 ф. 18 л. 1.210 экз.

Ермаковская, О. Н. Императоръ Петръ Великій и всемірно-историческое значеніе Полтавской побѣды. Рѣчь, произнесенная преподавательницей исторіи въ залѣ женской гимназіи 12 апрѣля 1909 года. Спб. 1911. Тип. В. Я. Мильштейна (Нижегородская, 14). 8° (16×25). 28 стр. Въсь 4 л. 200 экз.

Корчинскій, Л., прот. Что такое баптизмъ? Историческій очеркъ и характеристика этого религіознаго движенія. Штундо-Баптизмъ въ Россіи. Гродна. 1911. Тип. губернская. 8° (16×22). 38 стр. Въсь 4 л. 1.000 экз.

Красновъ, П. Годъ войны. 14 мѣсяцевъ на войнѣ. Очерки русско-японской войны съ Февраля 1904 года по Апрѣль 1905 года. Томъ второй. Спб. 1911. Изд. газеты „Русское Чтеніе“ (Спб., Надеждинская, 19). Тип. Голике и Вильборгъ (Звенигород, 11). 8° (20 × 28). 257 стр. Съ 55 рис. 7 картъ. Въсь 1 ф. 23 л. 2.000 экз.

Красновъ, П. Русско-Японская война. Восточный отрядъ на р. Ялу. Бой подъ Тюренченомъ. Спб. 1911. Изд. Всероссийск. націонал. клуба. Тип. А. С. Суворина (Эртел. пер., 13). 8° (14×20). 55 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Въсь 5 л. 25.000 экз.

Левитовъ, А. И. Собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора и критико-биографическимъ очеркомъ А. А. Измайлова. Томъ четвертый. Спб. 1911: Изд. книг-ства Просвѣщеніе. Тип. акц. о-ва Самообразование (Забалканскій пр., 75), 8° (14×20). 285 стр. Ц. 1 р. Въсь 25 л. 3.000 экз.

Лермонтовъ, М. Ю. Демонъ. Поэма. Иллюстрированная Лермонтовская бібліотека. № 1. Спб. 1911. Изд. 8-е. Ф. Павленкова. Тип. Меркушева (Невскій, 8). 16° (10×15). 56 стр. Съ 1 портр. и 8 рис. Ц. 6 к. Въсь 3 л. 10 000 экз.

Ольшевскій, П. Краткій обзоръ исторіи университетовъ. Вып. I. Одесса. 1911. Тип. М. Прищепова. 8° (16×23). 58 стр. Въсь 10 л. 300 экз.

Острогорскій, Викторъ. Изъ міра великихъ преданій. Разказы для юношества. Спб. 1911. Изд. 12-е Н. В. Ельманова. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 23). 8° (13×20). 250 стр. Съ рис. Ц. 75 к. Въсь 21 л. 6.000 экз.

Петровъ, Г. С. Литература и жизнь. (Лекція, читанная въ 1911 г.). Харьковъ. 1911. Тип. Р. Радомышльскаго (Кузнечная, 8). 8° (13×21). 24 стр. Въсь 2 л. 300 экз.

Поливановъ, Д. М. Конспектъ русской Исторіи. Сост. по учебнику проф. С. Ѳ. Платонова. Вып. 1-й. Съ приложеніемъ хронологической таблицы. Ч. I. Одесса. 1912. Изд. и тип. Книгоизд. Порядокъ С. К. Цессерскаго. 32° (10×13). 302 стр. Ц. 25 к. Въсь 8 л. 2.000 экз.

Пругавинъ, А., Давыдовъ, Н., Тимковскій, Н., Гинцбургъ, И., Блюменталь, Оскаръ, Хирьяковъ, А., Бертенсонъ, Л., Шульгинъ, С., Пархоменко, И., Наживинъ, И., Малахѣева-Мировичъ, В. Сборникъ воспоминаній о Л. Н. Толстомъ. М.

1911. Изд. Книгоизд. Златоцвѣтъ. Тип. Печатное дѣло (Газетный пер., 9). 8° (16×24). 2 лек.+176 стр. Ц. 1 р. Вѣсь 24 л. 4.000 экз.

Пушк ин ѣ, А. С. Пиковая дама. Повѣсть. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 30. Спб. 1911. Изд. 7-е, Ф. Павленкова (Лештуковъ пер., 2). Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 16° (10×15). 48 стр. Съ 1 портр. п 2 рис. Ц. 5 к. Вѣсь 2 л. 6.100 экз.

Пушк ин ѣ, А. С. Сказка о мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ. Книжки для чтенія на первомъ году обученія. Библиотека новой школы. Н. В. Тулупова п П. М. Шестакова. № 25. М. 1912. Изд. п тип. т-ва И. Д. Сытина. 16° (13×17). 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к. Вѣсь 2 л. 10.000 экз.

Пушк ин ѣ, А. С. Сказка о рыбахъ п рыбкѣ. Иллюстрированная Пушкинская библиотека. № 12. Спб. 1911. Изд. 7-е, Ф. Павленкова (Лештуковъ пер. 2). Тип. М. А. Александрова (Надеждинская, 43). 16° (10×15). 14 стр. Съ порт. Ц. 2 к. Вѣсь 1 л. 6.100 экз.

Романовскій, В. Е. Честественная война 1812 года. М. 1912. Изд. Кн-ства К. И. Тихомирова (Кузнецкій мостъ, д. Захарьина). Тип. Гросманъ п Вендельштейнъ. 8° (15×23). 144 стр. Съ рис. Ц. 40 к. Вѣсь 15 л., 5.000 экз.

Толстой, Л. Н. Живой трупъ. Драма въ 6-ти дѣйствіяхъ п 12-ти картинахъ. Подъ ред. В. Г. Черткова. М. 1912. Изд. А. Л. Толстой. Тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 16° (11×16). 68 стр. + 1 портр. Ц. 10 к. Вѣсь 3 л. 2.000 экз.

Толстой, Л. Н. Не могу молчать! Избранныя произведенія. Книгоиздательство „Ясная Поляна“ (Спб., Караванная, 7). Содержаніе: По поводу присоединенія Босніи и Герцеговины. О веснѣ жизни. Разговоръ съ революционеромъ. О порнографіи. О безсмертіи души. Любите другъ друга. Легенда объ Александрѣ I. Письма. Бесѣда съ епископомъ Парвениемъ. Государственная Дума. Письмо И. М. Трегубову. Предисловіе къ роману Пеленца—„Крестьянинъ“. Уголокъ избранныхъ мыслей. Свобода и насиліе въ школѣ. О справедливости и покаяніи. Воспитаніе п гармоническое развитіе челоувѣческой личности. Изъ мыслей объ обученіи п образованіи. О нравственномъ воспитаніи. Отвѣтъ М. С. Д—кву. Бесѣды съ дѣтьми по нравственнымъ вопросамъ. О вѣхахъ. О самоусовершенствованіи. О сознаніи духовнаго начала. О Мечниковѣ. Письмо православному священнику. Предисловіе къ сочиненіямъ Эртеля. Законъ насилія п законъ любви. О женскомъ равноправіи. Смерть Ивана Ильича. Хозяинъ п работникъ. Власть тьмы. Письма. Плоды просвѣщенія. Спб. 1911. Тип. Ю. А. Четверикова (Караванная, 7). 8° (17×24). 736 стр. Вѣсь 1 ф. 25 л. 1.000 экз.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

изъ яркой плеяды героевъ 1812 года. Въ 1815 году онъ былъ поставленъ во главѣ арміи, которая предназначалась дѣйствовать противъ Наполеона, бѣжавшаго съ острова Эльбы. Ермоловъ прочли затѣмъ военнымъ министромъ. Но судьба судила иначе. Въ 1816 году Ермоловъ стоялъ во главѣ нашего знаменитаго посольства въ Персіи, послѣ чего до 1827 года онъ управлялъ Кавказомъ. Его десятилѣтнее управление этимъ краемъ считается и по настоящее время во всѣхъ отношеніяхъ образцовымъ. Гнусная придворная интрига въ 1827 году заставила Ермолова просить объ отчисленіи отъ должности. Его служебная карьера кончилась въ этомъ году въ полномъ расцвѣтѣ его умственныхъ, физическихъ и нравственныхъ силъ и затѣмъ, въ теченіе 34 лѣтъ до его смерти (1861), его военныя дарованія не понадобились родинѣ, несмотря на непрерывныя войны, веденныя въ это время Россіей.

Съ невыразимой грустью читается глава V о томъ времени, когда А. П. Ермоловъ былъ заживо погребенъ для родины.

Очень интересна глава VI. Общая характеристика Ермолова.

Появленіе въ свѣтъ этой прекрасной книги вполне уместно въ годъ столѣтія священной памяти войны 1812 года, въ которой такъ доблестно отличился А. П. Ермоловъ.

Вл. Череванскій. Творчество русской силы. Части I и II. Историческая монографія.

Въ своей обширной монографіи авторъ талантливо и поучительно разсматриваетъ послѣдовательное, историческое строеніе родины творчествомъ русской силы, выходящимъ во всѣхъ случаяхъ борьбы за существованіе съ обновленными силами на великій историческій путь Россіи.

Попутно разсматриваются, съ особой тщательностью, окраинные и инородческіе вопросы. Рекомендуемъ каждому, интересующемуся судьбой своей родины, прочесть эту интересную и назидательную книгу.

Казачьи войска. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. Подъ редакціей В. К. Шенкъ. Составилъ В. Х. Казинъ.

Эта прекрасная книга является первымъ справочнымъ изданіемъ о казакахъ какъ нынѣ существующихъ войскъ, такъ и старыхъ, отошедшихъ въ область исторіи, при чемъ хроники гвардейскихъ казачьихъ частей помѣщены въ книгѣ—Императорская гвардія.

Съ особой тщательностью и искусствомъ изложены хроники казачьихъ войскъ по слѣдующему общему для каждаго войска плану:

Краткая хроника войска, войсковыя регалии, хроника отдѣльныхъ частей каждаго войска и перечень службы и походовъ войска, при чемъ обращено особое вниманіе на изложеніе преемственности строевыхъ казачьихъ частей.

Въ началѣ книги приложены изящные портреты пяти Августѣйшихъ Атамановъ всѣхъ казачьихъ войскъ, формы одежды и обмундированія существующихъ казаковъ, а въ концѣ напечатаны прекрасно составленныя біографіи выдающихся военныхъ дѣятелей, имена коихъ „въ вѣчное сохраненіе и напоминаніе“ присвоены казачьимъ частямъ.

Этотъ обширный, въ 462 страницы, трудъ представляетъ высокоцѣнное пособіе для исторіи всего казачества.

Исторія 13-го Драгунскаго военнаго ордена, генераль-фельдмаршала Миниха полка. Томъ II. Составилъ полковникъ А. Григоровичъ. С.-Петербургъ 1912 г.

Эта образцово-составленная полковая исторія читается съ живѣйшимъ интересомъ, особенно VII, VIII и IX главы, касающіяся жизни полка при Императорѣ Николаѣ I. Изданіе снабжено изящными портретами, рисунками и планами. Повсюду обстоятельныя ссылки на источники.

Въ особую заслугу надо поставить автору, что онъ украсилъ свой прекрасный трудъ многими интересными воспоминаніями прежде служившихъ въ полку и въ особенности воспоминаніями извѣстнаго поэта А. А. Фета (Шеншина), поступившаго въ полкъ въ 1845 году и переведеннаго въ гвардію въ 1854 году.

И. С. Симоновъ. Графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ и военно-учебное вѣдомство. С.-Петербургъ 1912 г.

Авторъ налагаетъ интересныя данныя о выдающейся дѣятельности Д. А. Милютина по военно-учебному вѣдомству.

Историческая записка Архангельской Ломоносовской гимназіи (1811—1911). Составили Н. К. Кизель и В. И. Мазюкевичъ. Архангельскъ. 1912 г.

Всѣ подобныя историческія записки, одна въ одну, совершенно одинаковыми скуднымъ красками, заимствованными изъ официальныхъ документовъ, рисуютъ тотъ или иной уголокъ учебной жизни, въ которой смѣнялись въ истекшій періодъ господствующія направленія и системы, мощно правившія и воспитателями и воспитываемыми. Въ этомъ смыслѣ ничѣмъ особеннымъ не отличалась и архангельская гимназія, вступившая во второе столѣтіе. Посильное добро она дѣлала и въ сто лѣтъ выпустила 611 учениковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

РУССКАЯ СТАРИНА

1913 г.

СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазинахъ: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. „Новое Время“, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостиный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглобина**.

Гг. иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о дѣльяхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзвы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки прислать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ: признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по 8 рублей; 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1911 по 9 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

**„МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,
ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“**,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургѣ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

Редакторъ-издатель **П. Н. Вороновъ**.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XLIII-й.

ДЕКАБРЬ.

1912 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Статьи, подлежащія напечатанію въ будущемъ году	I	XI. Изъ астраханской жизни Суворова. П. Юдина.	590—596
II. Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля. А. Ф. Кони.	451—481	XII. Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи. Е. А. Альбовскаго.	597—603
III. Берлинскій Конгрессъ 1878 года. (Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ). Сообщ. А. С. Анучина.	482—503	XIII. Лэди Портеръ. (Книжна М. Ф. Щербатова. 1780—1827 г.). М. Мариной.	604—609
IV. Въ долину Дуная въ 1877 г. Г. П. Вобрикова.	504—529	XIV. О памятникахъ Отечественной войны. Ф. Влѣтбергга.	611—630
V. Дневникъ академика В. П. Безобразова. 1887. Сообщ. М. В. Безобразова.	530—535	XV. Барнаи-де-Толли и Отечественная война 1812 года. Ф. В—на.	631—652
VI. Н. Г. Чернышевскій. (Наброски пензенца. матеріаламъ). А. А. Лебедева.	536—541	XVI. Андрей Денисьевичъ Виниусъ. (Историческіе матеріалы, собраныя Евгеніемъ Вильчинскимъ). Е. Влѣтнскаго.	653—666
VII. Столѣтъ назадъ. Письма Н. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ. С. О. Долгова.	542—550	XVII. Изъ воспоминаній стараго врача А. А. Синицына. Сообщ. Н. Д. Романовъ.	667—673
VIII. Великій Князь Николай Михайловичъ. Императоръ Александръ I (Опытъ историческаго изслѣдованія). В. Т.	551—570	XVIII. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 6 октября по 1 декабря 1911 г.	676—688
IX. Встрѣчи и столкновенія. (С. В. Максимовъ). Р. П. Сементковскаго.	571—576	XIX. Изъ записной книжки „Русской Старины“:	
X. М. И. Драгомировъ, командующій войсками округа. (Изъ отрывочныхъ воспоминаній). А. Е. К.	577—589	а) Какъ же ты меня узналъ?	610
		б) Къ исторіи раскола. Сообщ. Пв. Суворовъ.	674—675
		XX. Библиографическій листокъ (на оберткѣ).	

Приложенія: 1) рисунокъ „Переправа Великой арміи черезъ Березину 16 ноября 1812 г.“; 2) портретъ Георгія Ивановича Вобрикова; 3) Указатель личныхъ пменъ, встрѣчающихся въ т. т. 149—152 „Русской Старины“ издан. 1912 года.

При этомъ № прилагается иллюстрированный проспектъ объявленія о подпискѣ на журналъ «ПРОБУЖДЕНІЕ» на 1913 годъ. Лицъ, почему-либо не получившихъ проспекта, просить обращаться непосредственно въ контору журнала «ПРОБУЖДЕНІЕ» С. П. Невскій, 114.

При этомъ номеръ размѣщается объявленіе о подпискѣ на журналъ «НИВА» 1913 г. и о другихъ изданіяхъ Т-ва А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ. С. П., ул. Гоголя, 22.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1913 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни. Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

XII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го декабря 1912 года.

Библиографическій листокъ.

Великій Князь Николай Михайловичъ. Петербургскій Некрополь. Томъ второй. (Д—Л). Спб. 1912.

Въ теченіе одного года появилась уже половина этого прекраснаго изданія (о выходѣ перваго тома мы упоминали въ майской книгѣ). Просматривая этотъ длинный—во второмъ томѣ не меньше пятнадцати тысячъ именъ—списокъ населенія петербургскихъ кладбищъ, часто наталкиваешься на замѣчательныя тѣмъ или инымъ имена. Кто занимается исторіей, тому не разъ понадобится для справокъ это полезное изданіе. Съ каждымъ годомъ исчезаетъ все больше и больше старыхъ могилъ, осѣдаютъ плиты, валятся кресты, и близко время, когда память о многихъ могилахъ сохранится только на страницахъ бумажнаго Некрополя. Почтенный собиратель, В. И. Саитовъ, совершающій по порученію Августѣйшаго издателя эту работу, внимательно вноситъ въ перечень тексты надгробныхъ подписей и приводитъ эпитафии въ прозѣ и стихахъ. Послѣднія уже давно вышли изъ обычая, а жаль: среди нихъ встрѣчаются трогательныя въ своей наивности образцы сердечныхъ и религиозныхъ изліяній; съ неуклюжестью формы въ нихъ часто уживается глубокая искренность скорби и вѣры.

Толковый словарь живого великорусскаго языка Владимира Даля. 4-ое исправленное и значительно дополненное изданіе, подъ ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртене. Въ четырехъ томахъ. Изд. т-ва М. О. Волфъ. Спб. и М.

Уже давно оценены по достоинству и великая заслуга собирателя живого русскаго слова и редакторская работа внимательнаго и осторожнаго современнаго обновителя Словаря. Въ нѣсколько лѣтъ разошлось третье изданіе монументальнаго труда, теперь появилось четвертое. Значительный спросъ на Словарь Даля надо разсматривать, какъ отраженіе культурное и литературное явленіе. Эта книга-сокровищница, по мѣткому выраженію А. А. Котляревскаго, „дѣятельно участвуетъ въ судьбахъ народной образованности, литературы и науки“. Въ наше время повальной порчи языка, омертвѣнія и обдѣлчннхъ литературнаго слова, великій трудъ Даля—драгоценное и неистощимое лѣкарство отъ этого недуга. Словарь Даля необходимъ всякому культурному русскому человеку, всякому читателю, и первое мѣсто ему—на столѣ русскаго писателя. Къ нему обращаешься не только за справкой, которую и находишь почти всегда. Имъ зачитываешься и, открывъ на любой страницѣ, не можешь не залюбоваться каждый разъ этой насыщенной мѣткостью выраженій, гибкостью фразеологии, всею роскошью и обиліемъ умной народной рѣчи, запечатлѣнной трудомъ великаго лексикографа.

В. Семеновъ. Литература и книгопечатаніе въ провинціи со времени возникновенія гражданскихъ типографій по 1807 годъ. Библиографическіе матеріалы Спб. 1911. Библиографическій списокъ книгъ, напечатанныхъ въ провинціи со времени возникновенія гражданскихъ типографій по 1807 годъ. Спб. 1912. (Оттиски изъ журнала „Русскій Библиофиль“).

Общій обзоръ дѣятельности провинціальныя типографій отъ ихъ возникновенія до изданнаго въ 1807 году указа, которымъ было повелѣно завести типографіи въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ ихъ въ данное время не было, и библиографическіе списки напечатанныхъ въ этотъ періодъ провинціальными типографіями книгъ даютъ весьма цѣнный матеріалъ для сужденія о состояніи русской образованности при Екатеринѣ II, Павлѣ I и въ началѣ царствованія Александра I. Типографіи возникли въ Елисаветградѣ, Астрахани, Калугѣ, Ярославлѣ, Кіевѣ, Тамбовѣ, Тобольскѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Костромѣ, Курскѣ, Перми, Екатеринославѣ, Харьковѣ, Саратовѣ, Смоленскѣ, Новгородѣ, Владимірѣ, Вяткѣ, Минскѣ, Симбирскѣ, Черниговѣ, Воронежѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Николаевѣ, Тулѣ, Рязани, Уфѣ, Пензѣ, Казани, Петрозаводскѣ и Псковѣ. Новая, молодая гражданственность, руководимая Екатериной II, вызвала въ русской провинціи, въ связи съ открытіемъ намѣстничества и новыхъ губернскихъ учреждений и оживленіемъ городской жизни, появленіе типографій; книги стали печататься и въ провинціи, гдѣ вообще усилился спросъ на нихъ. Екатерина, дозволявшая открывать „вольныя“ типографіи, незадолго до своей смерти упразднила ихъ „въ разсужденіи злоупотребленій, отъ того происходящихъ“, частныя лица должны были закрыть свои заведенія, а типографіи, содержавшіяся приказами общественнаго приарвінія, перешли въ вѣдѣніе губернскихъ правленій. При Павлѣ I дѣятельность провинціальныя типографіи почти совсѣмъ замерла, а въ началѣ царствованія Александра I были въ провинціи лишь вичужныя, единичныя попытки печатанія книгъ.

Д. Маллиниъ. Начало театра въ Калугѣ. (Къ исторіи калужскаго театра въ XVIII вѣкѣ). Калуга. 1912.

„Театръ въ полураскольнической Калугѣ въ послѣдней четверти XVIII вѣка, когда его не было въ другихъ болѣе крупныхъ центрахъ!.. Эта затѣя сверху могла быть только во вкусъ сотрудииковъ блестящаго вѣка Фелицы, когда общественная культурность и благоустройство нравовъ правоспособной части подданныхъ привлекали пристальное вниманіе центральной власти“. Калужскій театръ, одинъ изъ первыхъ въ Россіи, возникъ въ 1777 г.

Переправа Великой армии через Березину 16 ноября 1812 года.

Статьи, подлежащія напечатанію въ будущемъ году
въ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЖУРНАЛѢ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Вступая въ 1913 году въ сорокъ четвертый годъ своего существованія, „Русская Старина“ предполагаетъ напечатать въ будущемъ году слѣдующія статьи: **А. Ф. Кони.**—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебного дѣятеля“. **Житейскія встрѣчи.** Воспоминанія **П. Д. Воборыкина**. **Е. С. Шумигорскаго.**—„Родители Великаго Князя Павла Петровича“. 1800 годъ. **Н. А. Вилламова.**—Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. **В. К. Слущевского.**—„Борьба съ антихристомъ у Тирасполя“. **Г. И. Вобрякова.**—Воспоминанія, касающіяся дѣятельности автора въ Румыніи, въ дѣйствующей арміи, въ Сербіи, въ Берлинѣ на конгрессѣ, въ Константинополѣ послѣ войны. **Е. А. Рагозиной.**—Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—78 гг., при чемъ авторъ, описывая жизнь Турціи и ея обитателей, касается войны съ Черногоріей, Сербіей, Черныевы, настроенія въ Константинополѣ послѣ объявленія войны Россіей Турціи, вспышки мусульманскаго фанатизма и др. **А. Александрова.**—Неизданныя письма **Ф. М. Достоевскаго**. **В. А. Алексѣева.**—Два неизданныхъ стихотворенія Некрасова. **Кн. М. В. Волконской.**—„Памяти М. А. Балакирева“—„за 38 лѣтъ“. **Е. Фридерика.**—Мое знакомство съ семьей Вблинскаго. **Р. И. Сементковскаго.**—Встрѣчи и столкновенія. **А. А. Половцовой.**—Записки **А. А. Половцева** (касаются графа Киселева, **М. И. Муравьева**, **Г. А. Вадуева** и **Д. П. Блудова**). **М. И. Грекова.**—„Атака лейбъ-казаковъ въ бою подъ Лейпцигомъ, по разсказу участника боя“. **П. Владиславлевъ.**—Очерки изъ боевой жизни Владивостокской эскадры: „Наравъѣдку“.—„Набѣгъ“.—„Напризовомъ пароходѣ“.—„Въ бою“.—„Послѣ боя“. **В. Лайминга.**—Женатая рота **Елисаветы Шаховой.**—„Въ началѣ жизни и на порогѣ вѣчности“. **А. И. Сергѣева.**—Изъ быта духовенства „Павель Конюкевичъ, митрополитъ Сибирскій“. „Дѣло по прошенію іеромонаха Іосифа“. **Е. К. Андреевскаго.**—Наброски портретовъ: **В. К. Шлеве**, **Д. С. Сипягинъ**, **И. Н. Дурново**, **Б. А. Шванебахъ**, **М. Д. Скобелевъ**, **кн. А. К. Имеретинскій**, **Ф. А. Радецкій**, **Н. Г. Столѣтовъ**, **І. В. Гурко**, **К. В. Левинскій**, **А. А. Непоконичскій**, **А. Р. Дрентельнъ**. **Баронесса Елизавета Менгденъ.**—Изъ дневника внучки. **М. А. Сафонова.**—„За рѣшеткой“. **П. А. Соколова.**—„Межевой“. **Н. И. Морозова.**—Люди и нравы за полвѣка (Митрополитъ Филаретъ, гр. **М. И. Муравьевъ**, кн. **Юр. Голицынъ**, кн. **Урусовъ** и др.). **В. Т. Смородинова.**—Время службы моею въ Варшавскомъ учебномъ округѣ. **В. С. Маркова.**—Изъ воспоминаній о бѣломъ генералѣ. **Е. В. Коршъ.**—Далекое прошлое. **Н. А. Любимова.**—Изъ жизни инженера путей сообщенія: между прочимъ, будутъ помѣщены воспоминанія о Тургеневѣ, Достоевскомъ, Вышнеградскомъ, Витте, крушеніи Императорскаго поѣзда близъ ст. Борки, Сибирская желѣзная дорога, 1805 годъ и др. **В. А. Алексѣева.**—Письма **Н. П. Ломакина** генералу **А. А. Бакулину**. **Е. К. Вейденбаума.**—Присяга Ермолова Императору Николаю I-му. **Ф. М. Ильинскаго.**—Московский митрополитъ Провтій. Изъ бумагъ **А. К. Попова.**—Моро на службѣ въ русскихъ войскахъ. **Е. А. Альбовскаго.**—Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи. **М. В. Везобразовой.**—Дневникъ академика **В. П. Везобразова**. **В. В. Шереметевскаго.**—Басурманская неволя. Сообщ. **Е. С. М.**—Депутатъ отъ Россіи. Воспоминаніе и переписка **О. А. Новиковой**. **И. И. Ошкоре.**—11 лѣтъ въ театрѣ. **Е. К. Андриашевой.**—Воспоминанія стараго педагога. **Г. А. Данилова.**—Сибирская дивизія въ походъ противъ Японіи въ 1904 и 1905 гг. Воспоминанія **Веселовскаго**, **Леваковскаго**, **Виноградскаго**, **Скворцова** и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждого мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой, за границу 11 руб.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣляется уступка по 30 коп. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛЪ „РУССКАЯ СТАРИНА“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Стенографическій Отчетъ Портъ- Артурскаго процесса“.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствие въ залѣ засѣданій стенографовъ, официально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось приобрести всѣ стенограммы, и мы, ндя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленовой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ Спб. въ ред. журн. „Русская Старина“ (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

„Новаго Времени“, Невскій, 40;

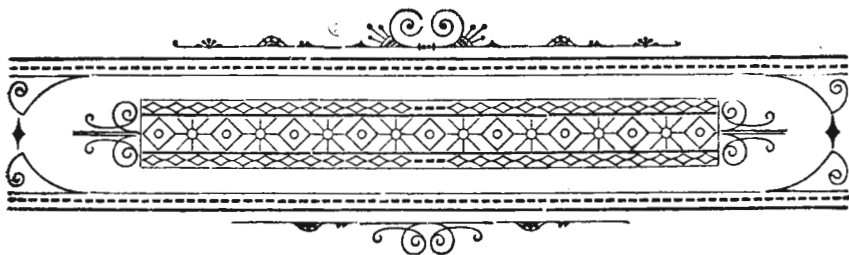
„Т-ва М. О. Вольфъ“, Гостиный дв., 18, и Невскій, 13,
и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи каждаго выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографическій отчетъ“, платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля ¹⁾.

XVII.

Гражданскія дѣла.

Дѣятельность председателя столичнаго окружнаго суда въ мое время (1878—1881) представляла и, конечно, представляетъ до сихъ поръ много сторонъ, дѣлающихъ ее не только чрезвычайно отвѣтственной, но подъ-часъ и тягостной. Управление сложнымъ судебнымъ учрежденіемъ, на *правахъ* „перваго между равными“ среди лицъ судейскаго званія и съ *обязанностями* контроля и надзора за многочисленными подчиненными, служебную работу которыхъ надо направлять и регулировать, обширная переписка съ министерствомъ юстиціи и разными вѣдомствами, пріемъ просителей и т. п. — въ значительной мѣрѣ обращаютъ председателя въ администратора, при чемъ послѣдній нерѣдко совершенно заслоняетъ въ немъ собою судью. Даже председательствованіе въ общихъ собраніяхъ отдѣленій суда съ многоразличными вопросами, подлежащими его вѣдѣнію, носить, по большинству изъ нихъ, скорѣе распорядительно-дисциплинарный, чѣмъ судебный характеръ. Въ мое время въ Петербургскомъ окружномъ судѣ было семь отдѣленій и въ нихъ семь товарищей председателя и 20 членовъ,— было 7 секретарей, 27 помощниковъ секретаря и 41 судебный приставъ, не считая состоявшихъ при судѣ судебныхъ слѣдователей,

¹⁾ См. „Русская Старина“, январь 1912 г.

нотаріусовъ и кандидатовъ на судебныя должности. Теперь общее число этихъ лицъ возросло болѣе чѣмъ вдвое, но за то съ предсѣдателя снята тяжкая, чреватая крайними непріятностями, обуза—*касса суда*, которою въ мое время завѣдывали бухгалтеръ и помощникъ секретаря. Оба они получали содержанія не болѣе 1.000 р. въ годъ каждый, а оборотъ кассы выражался въ десяткахъ, а иногда и сотняхъ тысячъ рублей,—и предсѣдателю приходилось, среди массы всякаго другого дѣла, подписывать ассигновки на огромныя суммы. Мой предмѣстникъ—человѣкъ жизнерадостный и довольно беззаботный,—шутя говорилъ мнѣ: „да! касса—это своего рода вулканъ, но я смотрю на это такъ: ассигновки на малыя суммы провѣряю съ документами, а какъ перевалить тысячь за десять, такъ уже и не провѣряю; во-первыхъ некогда, а во-вторыхъ, все равно мнѣ нечѣмъ будемъ заплатить начеть“... Но я не могъ раздѣлить этого шутливаго взгляда и не разъ тревожился, когда въ „вулканъ“ поступали очень большія суммы, какъ, напримѣръ, по расчетамъ Грегера, Горвица и К^о съ военнымъ министерствомъ послѣ Восточной войны. Нынѣ это усложненіе обязанностей и отвѣтственности предсѣдателя Петербургскаго окружнаго суда значительно уменьшилось, такъ какъ въ самомъ судѣ открыто отдѣленіе губернскаго казначейства. вмѣстѣ съ тѣмъ на предсѣдательѣ лежитъ, по моему мнѣнію, нравственная обязанность принимать на себя веденіе дѣлъ, особо-выдающихся по общественному значенію или по сложности возникающихъ въ нихъ юридическихъ вопросовъ. Ему слѣдуетъ принимать по такимъ дѣламъ на себя, предъ лицомъ общества и кассационнаго суда, отвѣтственность за правильное, согласное съ закономъ руководство присяжными. Такъ смотрѣли, принимая на себя предсѣдательство въ разныхъ громкихъ процессахъ, почти всѣ предсѣдатели Петербургскаго окружнаго суда, такъ дѣлалъ и я, совлекая съ себя на время администратора и погружаясь въ болѣе мнѣ свойственную область судейской дѣятельности. По многимъ причинамъ и обстоятельствамъ, на которыя я указывалъ въ предыдущихъ моихъ „замѣткахъ и воспоминаніяхъ“, этотъ своеобразный отдыхъ отъ административной дѣятельности былъ, однако, въ то время, сопряженъ съ тягостными впечатлѣніями и испытаніями, дѣйствовавшими, въ концѣ концовъ, утомляющимъ и раздражающимъ образомъ. Поэтому, когда, въ концѣ четвертаго года пребыванія въ должности предсѣдателя, я получилъ за границею, осенью 1881 года, телеграмму министра юстиціи съ предложеніемъ занять мѣсто предсѣдателя департамента судебной палаты въ Петербургѣ, я охотно согласился на это предложеніе. Постоянная чисто судебная работа, съ очень малымъ кругомъ сотоварищей и подчинен-

ныхъ, поставленная въ строго опредѣленныя рамки 'разсмотрѣнія вопросовъ о преданіи суду и жалобъ на приговоры первой инстанціи, общала мнѣ то спокойствіе, въ которомъ я очень нуждался.

Но, вернувшись въ Петербургъ, я съ крайнимъ удивленіемъ узналъ, что назначенъ предсѣдателемъ *гражданскаго* департамента судебной палаты. Всю жизнь дотолѣ я занимался уголовной дѣятельностью въ качествѣ прокурора и предсѣдателя уголовного суда, писалъ статьи и дѣлалъ доклады въ юридическомъ обществѣ по вопросамъ уголовного права и процесса, и только лишь въ Казани, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, давалъ въ окружномъ судѣ заключенія по гражданскимъ дѣламъ. Но дѣла эти были весьма несложны, да и поводы для прокурорскихъ заключеній возникали рѣдко. А тутъ мнѣ предстояло руководить засѣданіемъ и подавать свой голосъ въ столичной апелляціонной инстанціи по огромнымъ и сложнымъ дѣламъ, въ которыхъ бывали затронуты обширные частные и общественные интересы. При этомъ нѣкоторая способность къ публичной судебной рѣчи и навыкъ къ ней, пріобрѣтенный при произнесеніи обвинительныхъ рѣчей и руководящихъ напутствій присяжнымъ засѣдателямъ, оказывались совершенно излишними, а привычка разбираться въ уликахъ и доказательствахъ должна была быть сведена въ большинствѣ случаевъ къ оцѣнкѣ формальныхъ, предустановленныхъ основаній правильности исковыхъ требованій или возраженій отвѣтчика. Въ смыслѣ знаній и опыта я видѣлъ себя перенесеннымъ на совсѣмъ другую плоскость и сознавалъ, что изъ человѣка привычнаго къ своему, такъ сказать, мастерству мнѣ предстоитъ обратиться въ лучшемъ случаѣ лишь въ прилежнаго ученика. Подъ первымъ впечатлѣніемъ я сталъ думать объ отставкѣ. Министръ юстиціи Д. Н. Набоковъ, которому я высказалъ свое удивленіе по поводу такого моего назначенія и сомнѣніе въ моей для него пригодности, пытался меня успокоить указаніемъ на существующее во французскихъ судахъ *roulement*, въ силу котораго члены уголовныхъ отдѣленій переходятъ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, по заранѣе установленной очереди, въ члены гражданскихъ отдѣленій и наоборотъ. Существованіе такого обычая во Франціи мало меня утѣшало, такъ какъ въ Россіи мнѣ предстояло сдѣлаться не простымъ членомъ коллегіи, а стать въ ея главѣ. Но и выходъ въ отставку представлялъ мало привлекательнаго. Я зналъ, что моя, если можно такъ выразиться, „уголовная репутация“ и долгая судебная служба широко откроютъ мнѣ двери адвокатуры, въ которой, въ качествѣ защитника, я, вѣроятно, займу не послѣднее мѣсто. Но я привыкъ быть слугою государства и представителемъ судебной его власти, при томъ мнѣ было 37 лѣтъ, и

переходить на другіе рельсы слѣдовало лишь при неотвратимыхъ обстоятельствахъ. Поэтому я рѣшилъ попробовать ориентироваться въ моемъ новомъ положеніи и постараться путемъ усиленнаго труда возмѣстить себѣ недостатокъ опыта. Въ этомъ отношеніи законъ, предоставляющій лицу, назначенному въ должность судьи, мѣсячный срокъ для вступленія въ нее, не считая поверстнаго, оказался для меня благодѣтельнымъ. При начертаніи этого закона несомнѣнно имѣлось въ виду дать судѣ время покончить съ мелочными житейскими вопросами своего устройства въ новомъ мѣстѣ и положеніи, чтобы затѣмъ всецѣло отдаться служенію правосудію. Составители Судебныхъ Уставовъ, очевидно, смотрѣли на должность судьи съ возвышенной точки зрѣнія. Тѣмъ болѣе былъ я, чрезъ много лѣтъ, тягостно изумленъ, когда въ комиссіи статей-секретаря Муравьева, Высочайше учрежденной для пересмотра Судебныхъ Уставовъ, было предложено уничтожить этотъ мѣсячный срокъ, какъ несуществующій въ другихъ вѣдомствахъ, и это предложеніе, приравнивавшее судью къ почтово-телеграфному чиновнику, переводимому съ низшаго оклада на высшій, или къ помощнику столоначальника, милостью начальства возводимому въ санъ столоначальника, было принято, несмотря на мои возраженія, большинствомъ комиссіи. Итакъ, я рѣшилъ воспользоваться мѣсячнымъ срокомъ и сверхъ того попросилъ себѣ у общаго собранія палаты еще мѣсячный отпускъ.

Эти два мѣсяца я провелъ въ неусыпномъ трудѣ по ознакомленію со взятыми изъ палаты дѣлами, законами, кассационными рѣшеніями и юридической литературой по гражданскому праву. Сначала мнѣ казалось, будто бы я, подобно Данту, могу сказать про себя, что „посрединѣ нашей жизни я очутился въ дремучемъ лѣсу, потерявъ прямую дорогу“. Но вскорѣ однако я почувствовалъ, что „страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ“, и что въ моемъ сознаніи уцѣлѣли всѣ основныя начала и институты римскаго права, которые съ такимъ блескомъ и жизненностью преподавалъ во время моего студенчества въ Московскомъ университетѣ незабвенный Никита Ивановичъ Крыловъ. Я увидѣлъ, что спускъ съ Альпійскихъ вершинъ римскаго права въ долину дѣйствующаго законодательства, при нѣкоторомъ знакомствѣ съ исторіей русскаго права, не такъ уже труденъ. Просиживая за работой по 15 и 16 часовъ, никого не посѣщая и не принимая, я чрезъ два мѣсяца созналъ себя не только въ извѣстной мѣрѣ подготовленнымъ теоретически, но и вкусившимъ послѣ тревогъ и сомнѣній, возбуждаемыхъ вопросами о вмѣненіи и о соотвѣтствіи карательнаго закона житейской правдѣ, своеобразную прелесть спокойнаго и твердо уста-

новленнаго ученія о договорахъ, о наслѣдованіи, о правѣ собственности. Мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ стало казаться, что ядовитое изреченіе покойнаго А. В. Лохвицкаго о томъ, что въ Россіи *криминалистами* принято считать тѣхъ, кто ничего не понимаетъ въ гражданскомъ правѣ и процессѣ, а *цивилистами* тѣхъ, кто ничего не смыслить въ уголовныхъ законахъ—ко мнѣ уже непримѣнимо. Конечно, недоставало опыта, но въ этомъ отношеніи я рассчитывалъ на помощь своихъ товарищей по коллегіи, надѣясь, что они мнѣ укажутъ, какъ разрѣшены путемъ давняго опыта тѣ вопросы, на которые я не находилъ отвѣта ни въ заковѣ, ни въ рѣшеніяхъ Сената. Увы! на первыхъ же порахъ мнѣ пришлось убѣдиться, что иные вопросы, которые, казалось, давно должны были быть разрѣшены практикой, оставались открытыми, потому что ихъ постоянно обходили по тѣмъ или другимъ фформальнымъ поводамъ. Такимъ былъ, напримѣръ, вопросъ объ отвѣтственности пожизненнаго владѣльца завѣщаннымъ имуществомъ за долги наслѣдодателя. Онъ возникалъ по одному изъ первыхъ дѣлъ, по которому мнѣ приходилось участвовать въ роли предсѣдателя департамента. Товарищи мои колебались и были не прочь услышать чье-либо авторитетное указаніе. Я обратился къ одному изъ тогдашнихъ свѣтилъ нашего судебного міра, рассказалъ ему, въ чемъ состоитъ вопросъ, и какія у насъ возникаютъ недоумѣнія. Свѣтило озарило меня благосклонной улыбкой и любезно спросило: „Какъ же вы думаете рѣшить?“— Да вотъ, я хотѣлъ спросить вашего мнѣнія по этому вопросу.— „Знаете, это вопросъ очень сложный, но мнѣ во всякомъ случаѣ будетъ очень интересно узнать, какъ вы его разрѣшите“, отвѣтило, ласково улыбаясь, свѣтило. Зайдя съ тѣмъ же вопросомъ къ Сергѣю Ивановичу Зарудному, я поставилъ его въ большое затрудненіе. Этотъ выдающійся и въ высшей степени симпатичный и оригинальный юристъ и человекъ однако откровенно сознался, что въ послѣдніе годы занимался больше гражданскимъ уложеніемъ итальянскаго королевства, и что такъ какъ тамъ подобнаго постановленія нѣтъ, то какъ поступить въ данномъ случаѣ, онъ не знаетъ. „Надо подумать, очень подумать. Да! но вотъ кто можетъ помочь намъ,—воскликнулъ онъ, увидя входящаго въ кабинетъ К. П. Побѣдоносцева—онъ-то, конечно, знаетъ“. Но знаменитый цивилистъ и мой бывшій профессоръ по Московскому университету, къ великому моему удивленію, сказалъ: „Охота вамъ возиться съ этимъ вопросомъ. Да отрубите ему голову, вотъ и все“. На мои слова, что я и мои товарищи именно боимся по ошибкѣ вмѣсто головы отрубить ноги, Побѣдоносцевъ обѣщаль подумать и прислать отвѣтъ. Черезъ два дня я получилъ отъ него открытку, на которой было

написано: „Совѣтую посмотрѣть у Даллоза въ „Dictionnaire de jurisprudence g n rale“. Надо замѣтить, что сборникъ Даллоза состоитъ, кажется, не менѣе какъ изъ ста томовъ, стоитъ болѣе тысячи рублей и поэтому весьма рѣдокъ и мало доступенъ. Я самъ купилъ его послѣ сношеній съ лейпцигскими антикваріями по случаю за девятьсотъ рублей для библіотеки министерства юстиціи. Можно себѣ представить, въ какомъ положеніи долженъ былъ бы находиться на моемъ мѣстѣ провинціальный судебный дѣятель. И такихъ случаевъ было нѣсколько.

Тоже на первыхъ порахъ пришлось встрѣтиться съ вопросами, которые, казалось бы, въ виду существованія новыхъ судовъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ, давнымъ-давно должны были быть разрѣшены. Такъ постоянно возникали дѣла о требованіи женою обезпеченія отъ мужа, согласно 106 ст. I части X тома свода законовъ, гласящей, что мужъ обязанъ давать женѣ содержаніе по состоянію своему и возможности. Несмотря на то, что при толкованіи слова „состояніе“ въ смыслѣ имущественной обезпеченности, слово „возможность“ является недопустимой въ законѣ тавтологіей, точное понятіе о *состояніи* оказалось совершенно неразработаннымъ, и суды обыкновенно задавались вопросомъ лишь о томъ, какъ великъ матеріальный достатокъ мужа, чтобы опредѣлить затѣмъ, какую долю изъ него и въ какомъ размѣрѣ слѣдуетъ присудить женѣ. Мнѣ удалось склонить моихъ сотоварищей къ признанію, что подъ словомъ „состояніе“ слѣдуетъ разумѣть *права* состоянія, которыми должна опредѣляться необходимая бытовая обстановка жены, домогающейся обезпеченія отъ мужа. Въ этомъ смыслѣ состоялось у насъ рѣшеніе по дѣлу Трапезниковой, которая домогалась отъ опекунскаго управленія надъ дѣлами и личностью ея умалишеннаго мужа выдачи ей ежегодно $\frac{1}{4}$ части всѣхъ доходовъ по соотвѣтствію съ указной частью, утверждая, что если по смерти мужа безъ завѣщанія она имѣетъ право на указную ($\frac{1}{4}$) часть изъ его движимаго имущества, то и послѣ его духовной смерти отъ потери разсудка ея право на полученіе обезпеченія „по состоянію и возможности“ мужа должно осуществляться полученіемъ четвертой части доходовъ съ его огромнаго имущества. Мы нашли, что право жены на содержаніе отъ мужа есть право *личное*, а не *имущественное*, и размѣръ этого содержанія—такъ называемыхъ *алиментовъ*—долженъ опредѣляться соображеніемъ имущественной *возможности* для мужа и общественнымъ и сословнымъ *положеніемъ*, которое создано для жены вступленіемъ ея въ бракъ; назначеніе же содержанія какъ $\frac{1}{4}$ доли доходовъ съ имущества мужа влекло бы собой право жены контролировать эти доходы, постоянно измѣняя размѣры слѣдующей ей

четвертой доли и требуя отъ мужа отчета въ его дѣлахъ и оборотахъ, что шло бы совершенно въ разрѣзъ съ духомъ нашего законодательства, твердо устанавливающаго, въ противоположность западному,—начало полной имущественной раздѣльности и самостоятельности супруговъ. Поэтому, находя, что 6.000 р. ежегоднаго содержанія, предложеннаго опекунскимъ управленіемъ потомственной почетной гражданкѣ, не представляется несоотвѣтствующимъ ея общественному положенію, мы отказали въ искѣ Трапезниковой, и нашъ взглядъ былъ раздѣленъ гражданскимъ кассационнымъ департаментомъ.

Эту точку зрѣнія на присужденіе алиментовъ приходилось затѣмъ примѣнять не разъ, такъ какъ такихъ дѣлъ было довольно много, при чемъ въ нихъ нерѣдко раскрывались не только мрачныя, но и трагическія стороны жизни супруговъ. Наше брачное право страдаетъ многими недомолвками и неясностями. Юридическій элементъ въ немъ разработанъ слабо, и его замѣняютъ дидактическія и правоучительныя сентенціи расплывчатаго характера, дающія поводъ къ самымъ произвольнымъ толкованіямъ. Достаточно сказать, что нашъ законъ вмѣняетъ мужу въ *обязанность* „любить свою жену, какъ собственное тѣло“, а жену *обязываетъ* „пробывать къ нему въ любви и неограниченномъ послушаніи и оказывать ему *всякое* угожденіе и привязанность“. Устанавливая расторгеніе браковъ исключительно формальнымъ судомъ по одному изъ четырехъ поводовъ для развода, онъ однако *забываетъ* сказать, у кого же изъ разведенныхъ родителей должны оставаться дѣти, такъ какъ личная родительская власть въ силу закона прекращается единственно смертью естественною или лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Такимъ образомъ, на примѣръ, когда жена, дойдя въ неограниченномъ послушаніи до крайняго предѣла въ оказываніи развратному мужу всякаго угожденія, вынуждена будетъ обратиться къ суду съ жалобой о разводѣ, и эта просьба будетъ уважена, мужъ можетъ сохранить личную власть надъ дѣтьми и не лишиться юридической возможности ее проявлять. Точно также и жена, ведущая распутную жизнь, поступившая „на содержаніе“ и позорящая имя мужа своимъ поведеніемъ, даже и въ случаѣ признанія ея виновной въ прелюбодѣяннн и послѣдовавшаго вслѣдствіе этого развода съ мужемъ, можетъ осуществлять свою власть надъ дѣтьми, влияя на нихъ тлетворнымъ примѣромъ и ядовитыми въ нравственномъ отношеніи внушеніями. За отсутствіемъ какихъ-либо указаній закона на способъ огражденія душевной жизни дѣтей и защиты родительскихъ чувствъ оскорбленнаго супруга—судебная власть оказывается въ подобныхъ случаяхъ совершенно безсильной... Почти такой же характеръ имѣютъ и дѣла

о томъ, кому изъ не живущихъ совмѣстно супруговъ принадлежитъ право оставить при себѣ дѣтей и руководить ихъ воспитаніемъ? И въ этихъ случаяхъ взаимныя недоразумѣнія, пререканія и разладъ родителей часто гибельно отражаются на дѣтяхъ, которыхъ, при помощи обмана и насилія, перебрасываютъ изъ рукъ въ руки осыпающіе другъ друга упреками и обвиненіями родители...

Намъ пришлось, напримѣръ, разсматривать дѣло по взаимнымъ жалобамъ статскаго совѣтника С. и его жены, изъ котораго было видно, что между супругами происходили постоянныя пререканія по вопросу о воспитаніи двухъ дочерей десяти и двѣнадцати лѣтъ. Мужъ хотѣлъ ихъ помѣстить въ Смольный и Еленинскій институты, при чемъ, по условіямъ его службы, старшая могла быть принята на казенный счетъ. Жена же его находила, что лучшую карьеру въ смыслѣ успѣха и матеріальнаго обезпеченія составляетъ поступленіе въ балетную труппу, къ которому она и хотѣла подготовить своихъ дочерей сначала дома, а потомъ въ театральномъ училищѣ. Пререканія кончились тѣмъ, что жена, пользуясь служебной отлучкой мужа, уѣхала изъ его квартиры и увезла съ собой дѣтей. На судѣ мужъ требовалъ водворенія дѣтей къ нему обратно для осуществленія своего намѣренія отдать ихъ въ институтъ и тѣмъ избавить ихъ отъ вліянія матери. Свидѣтели, допрошенные по его ссылкѣ, нарисовали весьма неприглядную картину жизни этихъ дѣтей: неряшливыя, оборванныя и блѣдныя дѣвочки живутъ съ матерью въ двухъ грязно содержимыхъ комнатахъ; тутъ же съ ними, именуясь учителемъ, проживаетъ студентъ, дерзко относящійся къ ихъ матери, постоянно съ нею ругающійся и не имѣющій никакого авторитета у дѣтей, которыя ведутъ праздную и веселую жизнь, интересуясь исключительно балетными танцами. Судебная палата нашла, что раздѣльное жительство супруговъ, чѣмъ бы оно ни было вызвано или обусловлено, не можетъ служить основаніемъ къ измѣненію взаимныхъ правъ и обязанностей ихъ по отношенію къ дѣтямъ, въ силу которыхъ жена не освобождается отъ повиновенія волѣ мужа относительно воспитанія дѣтей, если только не докажетъ, что направленіе, даваемое имъ этому воспитанію, несомнѣнно противорѣчитъ требованію закона о томъ, чтобы оно было „добрымъ и честнымъ“ (ст. 172 и 173, I ч. X т.) и можетъ, поэтому, гибельно отразиться на ихъ нравственности. Поэтому, рѣшеніемъ своимъ она обязала госпожу С. возвратитъ своихъ дочерей ихъ отцу для помѣщенія въ соотвѣтственное учебное заведеніе. Это дѣло было однимъ изъ рѣдкихъ подобнаго рода, въ которыхъ исполнительный листъ дѣйствительно осуществленъ на дѣлѣ, и дѣти водворены для дальнѣйшаго образованія въ Смольномъ институтѣ

въ присутствіи родителей, повѣреннаго истца, судебного пристава и начальницы института, расписавшейся на журналѣ пристава въ принятіи дѣтей.

Въ дѣлахъ объ истребованіи женою средствъ на пропитаніе и содержаніе палата выработала себѣ за мое время опредѣленный взглядъ, нашедшій себѣ поддержку и въ рѣшеніяхъ Сената. Согласно этому взгляду, удовлетвореніе требованія алиментовъ можетъ вослѣдовать лишь въ случаѣ признанія, что совмѣстная жизнь супруговъ не осуществляется по винѣ отвѣтчика. По условіямъ семейной жизни вина этого рода можетъ выражаться не только въ насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ жены и оскорбленіяхъ ея чести, но въ установленіи такихъ внутреннихъ семейныхъ отношеній и такой обстановки домашняго быта, при которыхъ продолженіе совмѣстной жизни дѣлается невыносимымъ, будучи соединено съ оскорбленіемъ нравственнаго чувства жены и проявленіями супружеской власти мужа, чуждыми указаннымъ въ законѣ чувствамъ любви и снисхожденія. Наличие этой вины, дѣлающей совмѣстное пребываніе съ мужемъ *физически или нравственно* невозможнымъ, даетъ право признать мужа уклоняющимся отъ совмѣстнаго жительства съ женою. При этомъ, для освобожденія его отъ обязанности выдавать женѣ содержаніе, недостаточно простого съ его стороны заявленія о согласіи принять жену въ домъ обратно, такъ какъ въ такомъ заявленіи не содержится еще никакихъ указаній на то, что вмѣстѣ съ тѣмъ устраняются и всѣ условія, повліявшія на разлуку супруговъ и вынудившія ее. Одно заявленіе желанія о возвращеніи жены къ супружескому очагу, не будучи соединено ни съ какими гарантіями и не лишающее мужа возможности сохранить ей прежнюю обстановку жизни и даже, быть можетъ, пригготовить худшую—являлось бы слишкомъ легкимъ средствомъ для прекращенія всякихъ исковыхъ домогательствъ жены и, уничтожая, въ каждый данный моментъ, производство дѣла, обрекало бы жену на новое несеніе тягостныхъ условій, картина коихъ такъ часто развертывается предъ судомъ—или же на нищету, въ случаѣ невозможности примириться съ этими условіями цѣною матеріально обезпеченнаго супружескаго крова! Поэтому, одного выраженія мужемъ желанія взять жену обратно недостаточно для отказа ей въ искѣ о содержаніи, если изъ обстоятельствъ дѣла усматривается, что условія совмѣстной жизни съ супругомъ давали ей основаніе къ удаленію изъ супружескаго помѣщенія, и если, при томъ, отвѣтчикомъ ничѣмъ не доказано желанія и готовности устранить, на будущее время, эти условія.

Между этими дѣлами было одно, при воспоминаніи о которомъ

я не могу удержаться отъ улыбки. Предъ судебной палатой предсталъ канцелярскій чиновникъ капитула орденовъ, женѣ котораго были присуждены съ него алименты по 8 рублей въ мѣсяць. Жалуюсь на это рѣшеніе, онъ объяснялъ въ своемъ отзывѣ: „Жена моя, проживъ со мной почти полвѣка, на старости лѣтъ вздумала заниматься своевољствомъ и жить въ свое удовольствіе, почему никакого права на полученіе отъ меня содержанія не имѣетъ“. Маленькій, сѣдой, съ краснымъ носомъ и слезящимися глазами, онъ повторилъ то же самое и въ судебномъ засѣданіи, упирая особенно на жизнь жены „въ свое удовольствіе“. Жена, чрезвычайно худая, безкровная сѣдая женщина, очень бѣдно одѣтая, возражала на его заявленія и, наконецъ, расплакавшись, сказала намъ: „вѣрте Богу, господа судьи, ничего этого не было и никакимъ своевољствомъ я не занималась, а только, дѣйствительно, прожилъ онъ со мною полстолѣтія, да и сталъ амурничать съ кухаркой и чѣмъ больше онъ амурничаетъ, тѣмъ она больше мнѣ дерзить: совсѣмъ меня въ грошъ не ставитъ. Разъ я ушла вечеромъ къ старымъ знакомымъ, „душу отвести“, возвращаюсь поздно вечеромъ, а кухарка мнѣ отворила дверь да и говоритъ: „вамъ здѣсь больше быть не полагается“, да передъ носомъ дверь и захлопнула. Сколько я ни звонила—не отпираютъ. Такъ всю ночь на лѣстницѣ, на подоконникѣ и просидѣла... Утромъ вышелъ онъ на службу и на меня даже и не взглянулъ, а кухарка выбросила мнѣ узелъ съ моимъ платьемъ, бѣльемъ и образомъ и снова дверь заперла. Такъ вотъ какое мое *своевољство!* И нанимаю я теперь уголь на Пескахъ, у маляровъ, а уголь сырой, и у меня теперь во всѣхъ членахъ ревматизмъ. Вотъ и все мое *удовольствіе*“.— Не желаете ли вы взять вашу супругу къ себѣ въ совмѣстное жительство?—спросилъ я супруга.— „Нѣтъ-съ, —отвѣчалъ тотъ съ видомъ оскорбленнаго достоинства:—вы сами изволили слышать: какъ же я ее послѣ *этого* возьму?“ Мы присудили ей по 12 рублей въ мѣсяць и приступили къ слушанію другихъ дѣлъ. Она не ушла и осталась до конца засѣданія, т. е. до девяти часовъ вечера. Въ слѣдующее засѣданіе она пришла опять и, въ отсутствіи послѣ трехъ часовъ залъ, просидѣла до конца; въ слѣдующее засѣданіе повторялось то же самое. Ея одинокое присутствіе насъ чрезвычайно стѣсняло, такъ какъ вынуждало, несмотря на отсутствіе сторонъ и публики, продѣлывать всѣ формальности публичнаго засѣданія вмѣсто рассмотрѣнія дѣла въ совѣщательной комнатѣ. Я поручилъ судебному приставу спросить ее о причинахъ ея явки въ засѣданіе. „А причина та, —сказала она приставу, —что я очень довольна рѣшеніемъ, и хочется мнѣ на справедливыхъ судей насмотрѣться“. — „Объясните ей, сказалъ я приставу, что она насъ

очень стѣсняется, да и мужъ, пожалуй, станетъ снова ее обвинять, что она живетъ въ свое удовольствіе“.

Къ дѣламъ, въ которыхъ суду невольно приходится заглядывать въ нѣдра чужой семейной жизни, относились и дѣла о законности рожденія. И тутъ нашъ законъ, особливо въ то время, о которомъ я пишу, представлялъ обширное поле для возникновенія спорныхъ вопросовъ, не разрѣшенныхъ положительнымъ образомъ. Излишне говорить, какую благоприятную почву создавала эта неясность съ одной стороны для введенія въ законную семью, путемъ разныхъ обмановъ и ухищреній, дѣтей, въ появленіи которыхъ на свѣтъ менѣе всего былъ виновенъ законный супругъ, а съ другой стороны къ мстительнымъ выходкамъ считающаго себя обманутымъ мужа, сопровождаемымъ подчасъ весьма грязными подробностями альковной жизни. Сердце невольно сжималось при мысли о бѣдныхъ дѣтяхъ, являвшихся неповинной жертвой въ этомъ столкновеніи уязвленныхъ самолюбіи, поруганнаго довѣрія и безоглядныхъ увлеченій страстью. Иногда, при особо-сложившихся обстоятельствахъ, жертвою являлось и третье лицо, въ душевную жизнь котораго вторгалось отчаяніе. Мнѣ вспоминается по этому поводу одинъ характерный случай, связанный съ вопросомъ объ усыновленіи. Служебныя отношенія вызвали мое знакомство съ начальникомъ одной изъ частей столичнаго гражданскаго управленія—старымъ холостякомъ—человѣкомъ прекраснымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ему было уже за пятьдесятъ лѣтъ. Мы встрѣчались очень дружелюбно, но, занятые своимъ дѣломъ, не имѣли времени бывать другъ у друга. Но однажды онъ пришелъ ко мнѣ, заявилъ настойчивое желаніе меня видѣть, сѣлъ въ кресло, низко опустилъ свою сѣдѣющую голову, съ видомъ безнадежнаго унынія закрылъ свои добрые, воспаленные отъ бессонницы глаза... На мой тревожный вопросъ, что съ нимъ,—онъ, волнуясь и глотая слезы, сказалъ мнѣ слѣдующее: „вы видите предъ собою человѣка, вся жизнь котораго, не нынче—завтра можетъ быть разбита. У меня былъ пріятель—товарищъ моей молодости. У него служилъ лакеемъ человѣкъ дерзкій и нечестный на руку. Однажды, когда эти его свойства проявились въ особенно очевидной и рѣзкой формѣ, мой пріятель потерялъ, наконецъ, терпѣніе и отказалъ ему отъ мѣста. Черезъ нѣсколько дней расчитанный слуга явился съ заявленіемъ, что поѣдетъ искать счастья „въ провинцію“ и съ мольбою взять временно вмѣсто него въ услуженіе его жену, такъ какъ ѣхать вдвоемъ на неизвѣстность будетъ слишкомъ „накладно“. Эта просьба была исполнена, и у моего пріятеля поселилась молодая, скромная и услужливая хорошенькая женщина. Мужъ ея не возвращался и

не давалъ о себѣ никакихъ вѣстей, Такъ прошло почти три года... Но „врагъ силенъ“, и на четвертый годъ у нея родилась дочь, которую она, по требованію моего пріятеля, отдала въ воспитательный домъ. Однако, материнское чувство проснулось въ ней съ такою силой, что она стала тосковать и чахнуть безъ ребенка и, наконецъ, въ виду ея слезъ и горя, ей было разрѣшено взять ребенка назадъ. Но скоротечная чахотка уже подтачивала ея силы, и вскорѣ она умерла. Дѣвочка осталась у моего пріятеля—своего отца—и оказалась прелестнымъ, живымъ и умнымъ ребенкомъ, особенно полюбившимъ меня. „Дядя Вася! Дядя Вася!“ кричала она, хлопая рученками, когда я приходилъ, лѣзла ко мнѣ на колѣна, цѣловала меня и обнимала и, наконецъ, при моей помощи, усаживалась ко мнѣ на плечо, и я, къ великому ея восторгу, начиналъ ее „возить“ по комнатамъ. Я очень полюбилъ маленькую Катю, носилъ ей игрушки и лакомства и часто ловилъ себя на томъ, что иду къ пріятелю не для него, а ради чистыхъ дѣтскихъ ласкъ и невиннаго взора ясныхъ голубыхъ глазокъ. Разъ онъ пришелъ ко мнѣ разстроенный и повѣдалъ, что рѣшилъ жениться, сдѣлавъ предложеніе свѣтской дѣвушкѣ, которая и приняла таковое, но, узнавъ отъ него о существованіи маленькой Кати, рѣшительно объявила ему, что ея нога не переступитъ его порога до тѣхъ поръ, покуда онъ не разстанется безповоротно и на всегда съ этимъ ребенкомъ. „День нашей свадьбы намѣченъ,—сказалъ онъ,—распоряженія о приданомъ сдѣланы, и несостоявшійся бракъ нашъ произведетъ цѣлый скандалъ. Да, при томъ, я люблю мою невѣсту, несмотря на черствость этого ея требованія. Ты любишь Катю, а она къ тебѣ привязана, какъ къ родному отцу. Возьми ее къ себѣ, облегчи меня!“ Я не заставилъ повторять себѣ это предложеніе и съ радостью водворилъ у себя Катю, которой уже было четыре года. Она вскорѣ освоилась съ новой обстановкой и внесла въ мою унылую холостую квартиру жизнь, тепло и свѣтъ. Я тутъ узналъ, какое это счастье о комъ-нибудь заботиться не во исполненіе поставленнаго себѣ долга, а по горячей привязанности,—узналъ, какое невыразимое наслажденіе испытываешь, слѣдя за постепеннымъ развитіемъ ума и сердца ребенка. Я водилъ ее гулять, сидѣлъ у ея постельки, когда она засыпала, умиралъ душевно и воскресалъ, слѣдя за ходомъ ея дѣтскихъ болѣзней, и нетерпѣливо работалъ въ своемъ присутствіи, подбодряя себя мыслью, что вотъ—вотъ служебные часы окончатся, и я снова услышу топотъ ея маленькихъ ножекъ, радостный смѣхъ и восклицаніе: „папа! ахъ, папа!“ Да! она незамѣтно перешла отъ „дяди“ къ „папѣ“. Мужъ ея матери пропалъ безъ вѣсти, какъ въ воду канулъ. Между тѣмъ, былъ обнаруженъ новый поря-

докъ усыновленія, и я, конечно, поспѣшилъ удочерить Катю, а затѣмъ, когда она подросла, отдалъ ее въ институтъ. Я жилъ только ею и для нея... Съ понедѣльника до четверга и съ пятницы до воскресенья для меня тянулись сѣрые, безцвѣтные дни. Но за то въ четвергъ и въ воскресенье я уже съ утра съ волненіемъ ждалъ часа, когда я могу явиться въ институтъ для свиданія съ моей ненаглядной. Во время праздничныхъ и лѣтнихъ вакацій мы съ ней путешествовали, и такъ постепенно изъ нея выработалась очаровательная дѣвушка. Ей осталось пребывать въ институтѣ годъ. Но вотъ—недѣли двѣ тому назадъ мнѣ сказали, что на кухню пришелъ неизвѣстный человѣкъ и настойчиво желаетъ меня видѣть по дѣлу. Грязно одѣтый, съ опухшимъ лицомъ и легкимъ запахомъ спирта, незнакомецъ нагло спросилъ меня: „не узнаете-съ?“ — Нѣтъ! — „Лакей вашего пріятели, можетъ, изволите вспомнить?“—Ахъ, это вы?!. Гдѣ же вы были болѣе двадцати лѣтъ? — „Я-то-съ?! Вы спросите, гдѣ я не былъ! И въ Симферополѣ былъ, и въ Курскѣ пожарнымъ состоялъ, и въ Ташкентѣ при клубѣ служилъ, и съ острогомъ знакомство получилъ. А нынѣ вотъ прибылъ въ столицу“.—Какое же у васъ ко мнѣ дѣло?—У меня-то-съ? Да вотъ на счетъ моей дочки.—Какой дочери?!—А вотъ этой самой, что вы воспитываете. Я это все доподлинно узналъ и очень васъ благодарствую за попеченіе объ ней. А теперь желаю ее видѣть, такъ какъ я—родитель.—Какой же вы родитель?—сказалъ я ему, уведя его въ кабинетъ,—вѣдь, дѣвочка родилась почти черезъ четыре года послѣ того, какъ вы скрылись изъ Петербурга.—Да, это—точно, что супруга моя забыла, что въ законѣ должна жить, и вела себя—извините—распутно, да только я ее—покойницу—прощаю и поминать стараго не желаю, а дочка—моя по всѣмъ правамъ. Она, вѣдь, и записана была въ метрику, какъ рожденная женой кронштадтскаго мѣщанина, состоящей въ законномъ бракѣ и фамилію мою должна носить. Такъ тому, значить, и быть! А я покойницу прощаю!“,—вновь повторилъ онъ мнѣ, нагло смотря мнѣ въ лицо.—Она мной удочерена,—отвѣтилъ я—и нынѣ считается дочерью дѣйствительнаго статскаго совѣтника и носить мою фамилію.—Да, это точно, что вы все это изволили исхлопотать, а только, вѣдь, для усыновленія нужно согласіе родителей, а вы меня, осмѣлюсь спросить, о моемъ согласіи спрашивали? Да я бы его и не далъ, потому что послѣ моей горемычной жизни очень мнѣ лестно дочку имѣть, которая мою старость покоить будетъ.—Да вы съ ума сошли?! Между нею и вами ничего нѣтъ общаго!—„Ну, это уже судъ разсудить промежъ насъ. Я, хотя человѣкъ и необразованный, но понятіе о себѣ тоже имѣю, да и повѣренный у меня есть человѣкъ знающій и дѣло мое по-

ведеть, что какъ, значить, мою дочь удочерили безъ моего согласія. Ну, да это еще потомъ видно будетъ, а теперь, ваше превосходительство, дозволейте узнать, гдѣ находится моя дочь: у васъ или въ какомъ другомъ мѣстѣ? Очень желаю ей объявиться и разговоръ съ ней имѣть по-родительски. Впрочемъ, коли для васъ это безопасно—вонъ вы какъ въ лицѣ изволили перемѣниться—такъ вы сейчасъ не беспокойтесь: я и черезъ недѣлку могу зайти. Только занятій-то я себѣ не могу найти, покуда еще не знаю, какъ съ дочкой намъ быть; проживаешься очень въ Петербургѣ. Можетъ, вы, какъ благодѣтель моей дочери, и мнѣ малость поможете“... Я далъ этому мерзавцу денегъ, но вчера онъ пришелъ опять и уже прямо требуетъ денегъ и грозитъ предъявить искъ, употребляя разныя техническія выраженія, изъ которыхъ я вижу, что за нимъ стоитъ какой-нибудь клязникъ и что этимъ вымогательствамъ не будетъ конца. Вѣдь не могу же я допустить, чтобы этотъ грязный и полушьяный бродяга пришелъ въ институтъ и полѣзъ съ объятіями къ моей чистой дѣвчкѣ, считающей себя моей дочерью. Вы только представьте себѣ ея испугъ и отвращеніе! Вы представьте, что произойдетъ въ ея душѣ! Ахъ, я этого не перенесу! Я, кажется, съ ума сойду!“..—И онъ всплеснулъ руками и горько заплакалъ. „А знаешь ты, что значить—когда мужчина плачетъ?“ спрашиваетъ Лермонтовъ.

Если семейныя дѣла приподняли для насъ во многихъ случаяхъ завѣсу наружнаго мира и согласія въ семьѣ, за которой часто таились жестокость и насиліе, надругательство и бездушіе, то съ другой стороны дѣла о наслѣдствахъ нерѣдко являли собою картину чловѣческаго легкомыслія, непредусмотрительности и даже прямой глупости. Къ нимъ прежде всего относились тѣ случаи, когда на-лицо вовсе не было завѣщательныхъ распоряженій и наслѣдниками являлись отдаленные, часто завѣщателю лично совершенно незнакомые родственники, выползавшіе изъ какой-нибудь провинціальной глуши и предъявлявшіе свои права въ то время, когда послѣ покойнаго оставались вѣтробрачныя дѣти и ихъ мать, отдавшая ему всю жизнь и подчасъ свое доброе имя и стоявшая по отношенію къ нему въ положеніи супруги, лишь по какимъ-нибудь случайнымъ или неотвратимымъ причинамъ не могшей освятить свой союзъ церковнымъ вѣнчаніемъ. Такая женщина и ея дѣти или другіе близкіе къ покойному люди, представлявшіе его истинное душевное родство—ту *Wahlverwandschaft*, такъ ярко обрисованное Гёте—оказывались безъ куска хлѣба, сразу лишенными привычной обстановки и средствъ на образованіе и воспитаніе въ пользу отдаленныхъ законныхъ наслѣдниковъ, „томимыхъ стязанья лихорадкой“.

По одному изъ такихъ дѣлъ ко мнѣ, какъ предсѣдателю департамента палаты, съ просьбой о скорѣйшемъ назначеніи его къ слушанію, явилась раскрашенная дама, съ ухватками „жертвы общественнаго темперамента“ высшаго полета и нестерпимымъ запахомъ духовъ, развязно заявившая мнѣ, что она совсѣмъ не знаетъ того, кому она наслѣдуетъ, и лишь слышала о немъ, что онъ жилъ съ какой-то женщиной и имѣетъ отъ нея четырехъ дѣтей. „Придется, сказала она съ наглой усмѣшкой, отвалить имъ сотняжки три на бѣдность“. Настоящая „meretrix gaudens“ надъ „frens Matrona“. И происходило все это отъ легкомысленнаго откладыванія составленія завѣщанія и нежеланія утруждать себя скучнымъ вопросомъ о его писаніи, приглашеніемъ свидѣтелей или путешествіемъ къ нотаріусу. „Завтра... успѣю“..., говорится обыкновенно въ этихъ случаяхъ въ забвеніи, что смерть приходитъ, „яко тать въ нощи“,—или въ томъ состояніи тувоумнаго самодовольства, которое такъ прекрасно обрисовано Толстымъ въ „Смерти Ивана Ильича“, въ разсужденіяхъ пріѣхавшихъ на панихиду, что *это* могло случиться только съ Иваномъ Ильичемъ. Затѣмъ здѣсь часто играетъ роковую роль суевѣрная боязнь составить завѣщаніе, за которымъ будто бы, обыкновенно, слѣдуетъ кончина. Это эгоистическое малодушіе бываетъ причиной горькихъ слезъ и невольныхъ упрековъ, обращенныхъ къ памяти покойнаго. Замѣчательно, что эта суевѣрная боязнь существуетъ и у людей, принадлежащихъ къ такъ называемой интеллигенціи. Не вѣруя, какъ выражается былина о Васькѣ Буслаевѣ, „ни въ сонъ, ни въ чохъ, ни въ птичій грай“, и заявляя объ этомъ при всякомъ удобномъ случаѣ, нѣкоторые изъ этихъ лицъ втайнѣ думаютъ, что смерть только и ждетъ того момента, когда они „разсудятъ за благо изъяснить свою послѣднюю волю“... Владимиръ Даниловичъ Спасовичъ не разъ говаривалъ: „Я понимаю, что можно *умереть* безъ завѣщанія, но я не понимаю, какъ можно *жить* безъ завѣщанія“. Наконецъ, третьей причиной обездоленія дѣйствительно близкихъ людей является склонность многихъ, даже составляющихъ завѣщаніе, хранить это въ строжайшемъ секретѣ, даже отъ тѣхъ друзей и хорошихъ знакомыхъ, которые, въ качествѣ юристовъ, могли бы дать добрый совѣтъ относительно формы и существенныхъ условій завѣщанія. Отсюда нарушеніе безусловныхъ требованій закона въ изложеніи завѣщанія, отсутствіе необходимыхъ оговорокъ или недостаточное число свидѣтелей, или приглашеніе въ свидѣтели тѣхъ лицъ, которымъ завѣщается имущество, или несогласное съ закономъ распоряженіе этимъ имуществомъ, или, наконецъ, воспрещенная закономъ *субституція*, т. е. обязаніе наслѣдника въ свою очередь назначить наслѣдниками по тому же имуществу указанныхъ

завѣщателемъ лицъ. Многіе не знаютъ, что можно одно и то же имущество оставить въ собственность одному лицу и въ пожизненное владѣніе другому, и вмѣсто такого вполне законнаго распоряженія оставляютъ имущество въ собственность, обязывая собственника въ свою очередь завѣщать это имущество опредѣленному лицу, т. е. устанавливаютъ субституцію, противорѣчащую самой идеѣ однократнаго перехода наследственнаго имущества и потому недопустимаго. Очень часто такія завѣщанія, бѣглый просмотръ которыхъ свѣдущимъ лицомъ устранилъ бы всѣ эти недостатки, бывають наполнены разными лирическими отступленіями или заявленіями и наставленіями, совершенно неумѣстными въ строгомъ и точномъ актѣ изъявленія послѣдней воли. Мнѣ приходилось видѣть завѣщанія съ длинными объясненіями, почему отъ наследства устраняются ближайшіе по закону родственники, наполненными упреками, укорами и сведеніемъ разныхъ личныхъ счетовъ; и завѣщанія, въ которыхъ одинъ изъ супруговъ въ средину своихъ имущественныхъ распоряженій вставлялъ покаянiе предъ оставшимся въ живыхъ супругомъ въ томъ, что былъ ему не вѣренъ, объясняя это разными моральными и фізіологическими основаніями. Практика кассационнаго суда въ мое время очень, чтобы не сказать чрезмѣрно, строго относилась къ соблюденію всѣхъ формальностей въ текстѣ и внѣшнемъ видѣ завѣщанія и часто приходилось предвидѣть, что „послѣдняя воля“, неумѣло выраженная или облеченная въ произвольную форму, можетъ оказаться безсильной противъ наследованія по закону, котораго именно и не желаетъ завѣщатель. Я уже не говорю объ отсутствіи точности въ именованіи наследниковъ или различныхъ учрежденій, о которыхъ приходится догадываться. Однимъ изъ выдающихся примѣровъ такого рода неточности служить завѣщаніе вдовы заслуженнаго сенатора, оставившей крупный капиталъ „юридическому обществу“ (въ Россіи таковыхъ двѣнадцать!) для выдачи изъ $\frac{1}{10}$ съ него недостаточнымъ дочерямъ лицъ судебнаго вѣдомства приданаго при выходѣ ихъ замужъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что здѣсь разумѣлось „Благотворительное общество судебнаго вѣдомства“, которое въ юницѣ въ концѣвъ и получило этотъ капиталъ въ свое распоряженіе.

По закону наследникамъ по завѣщанію предоставляется право отказаться отъ наследства. Къ сожалѣнію, у насъ этотъ отказъ долженъ дѣлаться во множествѣ случаевъ совершенно гадательно. Въ Западной Европѣ и въ особенности во Франціи существуетъ возможность по особымъ книгамъ и записямъ въ точности опредѣлить размѣръ долговъ умершаго и сообразно съ этимъ видѣть, на сколько выгодно получить завѣщанное имъ имущество, потому что, наслед-

никъ, принявшій завѣщанное имущество, обязанъ отвѣчать за долги наслѣдодателя. Эта обязанность существуетъ и у насъ. Но, рядомъ съ нею, нѣтъ никакой законной возможности удостовѣриться въ числѣ, родѣ и размѣрѣ долговъ наслѣдодателя, почему приходится принимать наслѣдство, слѣпо довѣряя, что съ нимъ не связанъ иногда очень большой матеріальный ущербъ вслѣдствіе скрытности умершаго или тайны, въ которую онъ облакалъ свои денежные сдѣлки. Мнѣ вспоминается дѣло потомковъ одного маркиза, занимавшаго очень видное мѣсто въ русской службѣ и даже, какъ говоритъ преданіе, дававшего своеобразное названіе прилегающей къ Петербургу части Финскаго залива. Одинъ изъ ближайшихъ его потомковъ оставилъ малолѣтнихъ дѣтей, надъ которыми учреждена была обычная у насъ, столь часто небрежная, опека. Она приняла завѣщанное недвижимое имущество, а затѣмъ, когда дѣти достигли совершеннаго возраста, на нихъ, торопясь не пропустить десятилѣтней давности, набросились притаившіеся кредиторы покойнаго и не только отобрали у нихъ небольшое имущество, которое имъ досталось, но, предъявивъ исполнительные листы по мѣсту ихъ служенія, стали забирать значительную часть изъ ихъ содержанія.

Изъ дѣлъ о наслѣдованіи по закону у меня осталось въ памяти оригинальное дѣло объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства къ имуществу извѣстнаго директора Николаевской желѣзной дороги Ивана Ѳедоровича Кенига—брата его Іосифа Ѳеофиловича Кѣнига. Когда, входя въ вагонъ, Иванъ Ѳедоровичъ упалъ и умеръ отъ разрыва сердца, полицейскою властью былъ составленъ протоколъ, а судебнымъ приставомъ охранено имущество покойнаго, представлявшее большую цѣнность въ деньгахъ, процентныхъ бумагахъ и драгоценныхъ камняхъ. Кенигъ былъ холостой и жилъ одиноко. Мировой судья сдѣлалъ установленный вызовъ наслѣдниковъ, для явки которыхъ положенъ шестимѣсячный срокъ. До истеченія этого срока въ окружный судъ поступило ходатайство Краковскаго жителя Іосифа Ѳеофиловича Кенига, въ которомъ онъ, доказывая предъявленіемъ надлежащей метрической выписки изъ мѣстной римско-католической консисторіи, что у Ѳеофила Кенига, переселившагося въ Галицію послѣ польскаго возстанія 1831 года, было два сына—Иванъ и онъ, Іосифъ, объяснялъ, что умершій Иванъ Ѳедоровичъ былъ въ дѣйствительности его братомъ Иваномъ Ѳеофиловичемъ. Измѣненіе отчества Ивана произошло, по объясненію просителя, слѣдующимъ образомъ: замѣшанный въ возстаніи Ѳеофилъ долженъ былъ эмигрировать, но, памятуя доброе къ себѣ расположеніе принца Виртембергскаго, стоявшаго во главѣ управленія путями сообщенія, онъ рѣшился отправить своего старшаго сына въ

Петербургъ для поступленія во вновь открытый институтъ инженеро-в путей сообщенія, при чемъ, во избѣжаніе недружелюбнаго отношенія къ сыну, просилъ принца приказать именовать сына не Теофиловичемъ, а Ѳедоровичемъ, что и было благосклонно исполнено. Такъ въ качествѣ Ивана Ѳедоровича будущій директоръ Николаевской желѣзной дороги и окончилъ курсъ. Окружный судъ, находя недоказаннымъ тождество Ивана Ѳедоровича съ Иваномъ Теофиловичемъ, въ ходатайствѣ Іосифа Кенига объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства отказалъ. При разсмотрѣніи въ судебной палатѣ апелляціоннаго отзыва просителя его повѣренный просилъ выдать ему свидѣтельство на полученіе изъ архива института путей сообщенія прошенія Теофила Кенига объ опредѣленіи его сына Ивана въ число воспитанниковъ. Мы выдали свидѣтельство, но оказалось, что архивъ института сгорѣлъ въ 1849 году. Тогда было постановлено вызвать духовника Ивана Ѳедоровича Кенига, ксендза Жолтека, настоятеля церкви Св. Екатерины на Невскомъ, который, по словамъ повѣреннаго, долженъ былъ удостовѣрить тождество Теофиловича и Ѳедоровича. Оказалось, что за нѣсколько дней до засѣданія, въ которомъ предстоялъ его допросъ, ксендзъ Жолтекъ умеръ. Тогда повѣренному было выдано свидѣтельство на представленіе исповѣдныхъ книгъ, гдѣ должны были быть записи Жолтека съ именованіемъ Ивана Ѳедоровича по его дѣйствительному отчеству. Судьба, однако, и тутъ была противъ просителя: исповѣдныя книги оказались сгорѣвшими. Оставалось утвердить рѣшеніе окружнаго суда. Но тутъ повѣренный, какъ утопающій, схватился за соломенку: ему пришло въ голову, что Жолтекъ, завѣдывавшій хозяйственной администраціей церкви, могъ сдѣлать разныя распоряженія по поводу торжественныхъ похоронъ виднаго прихожанина, всѣми любимаго и уважаемаго директора Николаевской желѣзной дороги. И дѣйствительно, ему удалось представить въ палату письменное распоряженіе Жолтека объ убранствѣ храма чернымъ сукномъ по случаю торжественной церемоніи похоронъ Ивана *Теофиловича* Кенига, каковая совпала день въ день и часъ въ часъ съ похоронами Ивана Ѳедоровича Кенига. Мы вызвали экспертовъ, которые единогласно удостовѣрили, что распоряженіе писано несомнѣннымъ почеркомъ ксендза Жолтека. Тогда палата утвердила Іосифа Кенига въ правахъ наслѣдства къ его брату. Но судьба продолжала иронизировать надъ счастливымъ наслѣдникомъ, очевидно, желая до конца испытать его терпѣніе, прежде чѣмъ дать ему возможность осуществить свои права. Недѣли черезъ двѣ послѣ рѣшенія палаты онъ пришелъ въ неѣ съ растеряннымъ видомъ и съ заявленіемъ, что ему наслѣдства не выдаютъ. Оказалось, что мировой судья, къ ко-

тому онъ обратился съ просьбою о снятіи охраны и о передачѣ ему имущества брата, отказалъ въ этомъ, ссылаясь совершенно правильно на то, что онъ вызывалъ въ шестимѣсячный срокъ наслѣдниковъ къ Ивану Ѳедоровичу Кенигу, теперь же оказывается, что скончался не Иванъ Ѳедоровичъ, а Иванъ Ѳеофиловичъ Кенигъ, къ имуществу котораго онъ долженъ вызвать наслѣдниковъ въ новый шестимѣсячный срокъ и лишь по истеченіи такового имущество можетъ быть передано краковскому обывателю.

Обширную группу дѣлъ, сосредоточенныхъ въ первомъ департаментѣ палаты, составляли иски лицъ, потерпѣвшихъ вредъ или убытокъ вслѣдствіе смерти своихъ близкихъ или поврежденія своего здоровья, причиненныхъ при эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ и парходныхъ сообщеній. При свойственныхъ намъ вообще небрежности и „рукавопустіи“ въ исполненіи своихъ обязанностей, съ одной стороны, и поразительной неосторожности и непредусмотрительности, съ другой, несчастные случаи на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ давали и даютъ обильный матеріалъ для подобныхъ дѣлъ, въ которыхъ, въ особенности къ дѣйствіямъ низшихъ агентовъ, имѣютъ особое примѣненіе знаменитыя „авось“ и „кое-какъ“. Изъ дѣлъ этого рода приходилось убѣждаться, что разные низшіе служащіе, преимущественно на желѣзныхъ дорогахъ,—смазчики, сцѣпщики, кочегары, путевые сторожа и кондукторы зачастую ради ускоренія работы, а иногда и по лѣни, дѣйствуютъ съ невѣроятной неосторожностью: не ждутъ полной остановки поѣзда, вскакиваютъ и выскакиваютъ на ходу, пролѣзаютъ подъ готовыми двинутыми вагонами, чтобы избѣжать обхода ихъ для смазки колесъ съ другой стороны, относятся съ безоглядной безпечностью къ маневрирующему локомотиву и т. п. А отсюда многочисленные случаи увѣчій и даже смерти. Истцы по этимъ дѣламъ поставлены однако въ исключительное положеніе. Согласно общему правилу гражданскаго процесса, истецъ долженъ доказать свой искъ, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ отыскиваетъ убытки и ущербы, привести данныя, свидѣтельствующія о томъ, что таковыя причинены дѣйствіемъ или упущеніемъ отвѣтчика, на которомъ лежитъ лишь обязанность доказать, что онъ исполнялъ предписанія закона или требованіе власти, находился въ состояніи необходимой обороны или, наконецъ, былъ подъ давленіемъ непреодолимой силы. Иными словами, тяжесть доказыванія, такъ называемый *onus probandi*, лежитъ на истцѣ. Но по дѣламъ желѣзныхъ дорогъ и парходныхъ обществъ этотъ *onus probandi* перемѣщенъ на отвѣтчика, и на управление желѣзной дороги или парходнаго общества возложена очень трудно осуществимая обязанность доказывать, что смерть или увѣчье произошли по собствен-

ной винѣ погибшаго или изувѣченнаго. Понятно, что при такихъ условіяхъ, когда виновность желѣзной дороги или пароходнаго общества, такъ сказать, предполагается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, возможность получить единовременное или періодическое вознагражденіе со стороны общества представляетъ не малый соблазнъ даже и для тѣхъ пострадавшихъ, которые не могутъ не сознавать, что несчастье произошло съ ними по ихъ собственной оплошности, но въ то же время знающихъ, что главнымъ и часто единственнымъ свидѣтелемъ этой оплошности были лишь они сами. Легкость предъявленія такихъ исковъ и расчетъ на ихъ почти несомнѣнный выигрышъ создали особую профессію ходатаевъ по подобнаго рода дѣламъ. Эти господа, сами и чрезъ своихъ агентовъ, собирали свѣдѣнія о всѣхъ подобнаго рода несчастіяхъ и предлагали свои услуги для начатія дѣлъ, нерѣдко обольщая неграмотнаго и темнаго потерпѣвшаго перспективой огромнаго вознагражденія. Въ Москвѣ и Петербургѣ заведены были даже спеціальныя конторы для предъявленія подобныхъ исковъ, при чемъ, конечно, львиную долю присужденной суммы за свою, въ сущности весьма несложную, работу получали „благодѣтели челоуѣчества“, богатѣвшіе на чужомъ несчастіи. Изъ многихъ дѣлъ было видно, что даже въ случаяхъ явной неосторожности со стороны потерпѣвшаго управленіе дороги, если онъ принадлежалъ къ числу низшихъ служащихъ, во избѣжаніе процесса, исходъ котораго предугадать было трудно, давало ему инныя, обезпечивающія его, служебныя обязанности на дорогѣ, исполнять которыя полученное имъ поврежденіе не препятствовало. Но въ одинъ прекрасный день, предъ истеченіемъ давностнаго срока, къ исполнѣнью своему своимъ положеніемъ являлся искуситель въ лицѣ ходатая, сулилъ ему золотыя горы и убѣждалъ начать дѣло, что влекло за собою обыкновенно увольненіе истца со службы, такъ какъ управленіе желѣзной дороги не желало становиться тѣмъ воломъ, съ котораго деруть двѣ шкуры. По дѣлу же, дошедшему до суда, обнаруживались обстоятельства, по которымъ искъ не могъ быть удовлетворенъ, несмотря на крокодиловыя слезы повѣреннаго о жертвѣ нашихъ порядковъ. Потерпѣвшій оказывался лишившимся мѣста и присужденнымъ къ судебнымъ издержкамъ, а у его повѣреннаго, особливо, если онъ былъ „ходатай по чужимъ дѣламъ“, оставалось въ рукахъ обязательство объ уплатѣ ему за веденіе дѣла—иногда даже полученной впередъ—съ предусмотрительнымъ опущеніемъ оговорки о томъ, что эта плата получается съ *присужденной* суммы.

По этимъ дѣламъ возникалъ весьма важный вопросъ о томъ, какъ толковать слово „*эксплоатація*“ желѣзной дороги

или пароходнаго сообщенія. Это иностранное слово чуждо русскому языку и имѣетъ нѣсколько значеній, при чемъ главное изъ нихъ, состоящее въ понятіи извлеченія выгодъ, въ разговорномъ языкѣ одинаково примѣняется къ разработкѣ или пусканію въ ходъ какого-либо изобрѣтенія,—къ пользованію своимъ имуществомъ,—къ корыстному или психическому насилію надъ чувствами близкихъ и любящихъ и, наконецъ, къ преступному вымогательству путемъ угрозъ разоблаченіями, именуемымъ шантажемъ. Практика кассационнаго суда была и остается, повидимому, до сихъ поръ крайне неустойчивой: въ ней эксплуатація желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ предпріятій то толкуется, какъ дѣятельность, направленная къ извлеченію дохода изъ всего предпріятія, т. е. и изъ принадлежащихъ желѣзной дорогѣ заводовъ, мастерскихъ и другихъ имуществъ, то—какъ дѣятельность, направленная къ перевозкѣ пассажировъ, багажа, почты и грузовъ, то—какъ дѣятельность, состоящая не въ извлеченіи выгодъ, а въ тѣсной связи съ перевозкой, то—какъ осуществленіе *хозяйственной* стороны предпріятія и т. д. Поэтому къ эксплуатаціи желѣзной дороги то относились заводы и мастерскія, то исключались изъ нея зданія и помещенія для рабочихъ, служащихъ на дорогѣ, и желѣзно-дорожныя больницы, а также каменоломни, хотя бы камень изъ нихъ добывался для нуждъ дороги. Очевидно, что при этой путаницѣ понятій представлялось необходимымъ установить опредѣленную точку зрѣнія на значеніе слова эксплуатація, тѣмъ болѣе, что отъ этого зависѣло признаніе въ каждомъ дѣлѣ, на комъ должна лежать тяжесть доказыванія. Мы остановились на томъ соображеніи, что извлеченіе выгодъ изъ заводовъ, мастерскихъ и всѣхъ подобнаго рола учрежденій совершенно одинаково по своимъ свойствамъ и условіямъ для всякаго владѣльца этихъ учрежденій и что не представляется никакихъ разумныхъ основаній къ тому, чтобы хозяинъ паровознаго завода или мастерской для желѣзнодорожныхъ принадлежностей вообще отвѣчалъ и защищался иначе, чѣмъ желѣзная дорога, имѣющая такую мастерскую или такой заводъ, и чтобы рабочій, потерпѣвшій увѣчья отъ упавшей тяжести на частномъ заводѣ, обязанъ былъ доказывать, что это произошло по винѣ завѣдующихъ заводомъ, а на заводѣ, принадлежащемъ желѣзной дорогѣ, иногда отстоящемъ на нѣсколько верстъ отъ рельсоваго пути, этой обязанности на немъ не лежало. Справедливость и послѣдовательность требуютъ, чтобы въ обоихъ случаяхъ примѣнялась одинаковая обязанность доказывать, возлагаемая или на истца, или на отвѣтника. Намъ казалось несомнѣннымъ, что исключительно выгодное положеніе, въ которое поставленъ потерпѣвшій увѣчье или родные

лишившагося жизни, вызваны той особой опасностью, которая обуславливается движеніемъ по рельсамъ и дѣйствіями, сопровождающими нарузку, выгрузку, сдѣлку, смазку и т. п., а также входомъ въ вагоны и выходомъ изъ нихъ при быстротѣ и срочности движенія и т. д. и что поэтому подѣ эксплуатацией надо понимать исключительно пользование рельсовымъ путемъ и тѣсно связанными съ движеніемъ по нему мѣстами остановокъ, храненія кладей и переѣздовъ. Въ этомъ смыслѣ у насъ состоялся дѣльный рядъ рѣшеній, не встрѣтившихъ отгѣны со стороны Сената, одно время признававшего наше толкованіе правильнымъ.

Изъ дѣлъ, вызвавшихъ особое общественное вниманіе и потребовавшихъ отъ насъ большого труда, мнѣ вспоминаются въ особенности дѣло общества водопроводовъ объ устройствѣ фильтра и дѣло учредителей главнаго общества желѣзныхъ дорогъ съ этимъ обществомъ. Въ 1858 году учредилось въ Петербургѣ акціонерное общество водопроводовъ, „для доставленія—какъ значилось въ ст. 81 его устава—жителямъ Петербурга средства пользоваться во всякое время свѣжею и чистою водою посредствомъ особаго гидротехническаго устройства“. Такимъ устройствомъ является фильтръ для просачиванія невской воды, давно уже загрязняемой всякими отбросами. Его надлежало устроить и соорудить въ такъ называемомъ „Ковшѣ“ около водопроводной башни на берегу Невы, противъ нынѣшняго помѣщенія Государственной Думы въ Таврическомъ дворцѣ. Это являлось обязательнымъ для общества водопроводовъ на основаніи 1, 10 и 14 ст. его устава. Но общество, во главѣ котораго стоялъ будущій министръ финансовъ И. А. Вышнеградскій, считая, что устройствомъ небольшого фильтра въ 1863 году, оказавшагося при томъ неудачнымъ для пропуска воды, вслѣдствіе своего замерзанія, и устройствомъ затѣмъ цистерны для процѣживанія воды,—оно выполнило свои обязанности, отказывалось устроить фильтры. А они были крайне нужны, по заключенію свѣдущихъ людей, въ дѣлахъ гигиеническихъ, и не для пропуска и процѣживанія невской воды съ вредными примѣсями, а для ея просачиванія и очищенія. Послѣ долгихъ и безплодныхъ переговоровъ городского управленія съ обществомъ, дума рѣшилась вслѣдствіе неустанныхъ и упорныхъ настояній своего гласнаго Стасюлевича, предъявить въ защиту своихъ правъ искъ противъ общества и возложила на него специальное веденіе этого дѣла. Въ виду многихъ привходящихъ вопросовъ, наросшихъ на дѣлѣ по бездѣятельности городской думы въ первое десятилѣтіе существованія общества, существо спора представлялось очень сложнымъ и запутаннымъ, отчего могло возникать искреннее мнѣніе о правотѣ общества со строго-цивилистической точки зрѣнія.

Такой взгляд имѣлъ одинъ изъ выдающихся гласныхъ думы, талантливый юристъ П. А. Потѣхинъ, сложившій съ себя званіе гласнаго, чтобы выступить повѣреннымъ со стороны общества. Къ нему присоединился, какъ юрисконсультъ общества, Спасовичъ, вообще строго и рѣзко отдѣлявшій въ дѣятельности своей въ области гражданской практики публичное право отъ частнаго и не любившій переходить отъ узкихъ рамокъ договорнаго спора къ общимъ соображеніямъ на почвѣ общественной пользы, столь сильно однако затронутой именно въ этомъ дѣлѣ. Городская дума вынуждена была призвать на помощь Стасюлевичу К. К. Арсеньева, вступившаго для веденія этого дѣла временно въ число присяжныхъ повѣренныхъ. Проигравъ дѣло въ окружномъ судѣ, общество перенесло споръ въ судебную палату. Засѣданіе палаты осенью 1884 г., при переполненной залѣ, заняло цѣлый день до поздняго вечера и представляло огромный юридическій интересъ. Рѣчи Потѣхина и Арсеньева явили собою подробнѣйшій разборъ вопроса во всѣхъ его мельчайшихъ подробностяхъ. Стасюлевичъ, отъ котораго многіе ожидали лишь общихъ соображеній общественнаго характера, удивилъ всѣхъ обширными экскурсіями въ чисто-правовую область, а Спасовичъ, быть можетъ, взволнованный тѣмъ, что долженъ былъ сражаться противъ сильныхъ и убѣжденныхъ противниковъ, которые въ то же время были его старыми друзьями, говорилъ страстно, жестикулируя болѣе обыкновеннаго, и окончилъ послѣднюю свою рѣчь даже не совсѣмъ умѣстнымъ обращеніемъ къ палатѣ съ указаніемъ на его увѣренность въ томъ „qu'il y a des juges à Berlin“. Судебная палата, послѣ продолжительнаго совѣщанія, вынесла единогласное рѣшеніе, которымъ признала общество водопроводовъ обязаннымъ устроить требуемый городомъ фильтръ въ теченіе четырехъ лѣтъ...

Въ дѣлѣ Главнаго общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ возникалъ весьма важный вопросъ о правахъ его учредителей на полученіе 6% изъ чистаго дохода общества. На основаніи устава общества 1861 года послѣ того, какъ оно было освобождено отъ обязанности построить Θεодосійско-Либавскую желѣзную дорогу, учредителямъ было представлено право на полученіе 6% изъ чистаго дохода, остающагося за вычетомъ всѣхъ годовыхъ издержекъ по содержанію и дѣйствию всѣхъ *уступленныхъ* обществу желѣзныхъ дорогъ. Какъ извѣстно, въ шестидесятыхъ годахъ правительство смотрѣло на желѣзныя дороги, какъ на частное предпріятіе хозяйственнаго характера, т. е. совершенно обратно тому, какъ стало смотрѣть въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда оно усиленно выкупило большую часть желѣзнодорожныхъ

линій. Дѣйствуя въ первомъ направленіи, оно рѣшилось уступить Николаевскую дорогу частному обществу и, остановившись на двухъ главныхъ конкурентахъ:—Товариществѣ московскихъ капиталистовъ и Главномъ обществѣ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, въ которомъ главнымъ хозяиномъ по количеству имѣвшихся акцій былъ американецъ Уайненсъ, — оно послѣ разныхъ перипетій, ожидающихъ своего спеціального историка, отдало предпочтеніе послѣднему. Въ рукахъ энергичнаго американца, дорога тотчасъ же стала приносить огромный доходъ, тогда какъ по двумъ другимъ своимъ предпріятіямъ—Варшавской и Нижегородской дорогамъ—общество имѣло сравнительно ничтожную прибыль. Вслѣдствіе этого учредители общества, въ числѣ коихъ состояли французскій *Crédit Mobilier*, испанскій движимый кредитъ и разныя другія лица, основавшія это общество въ 1857 году, потребовали выдачи имъ 6% съ чистаго дохода, принесеннаго Николаевской желѣзной дорогой въ теченіе десяти слишкомъ лѣтъ, и, не получивъ удовлетворенія, предъявили искъ въ суммѣ около пяти миліоновъ. Общество возражало, что учредители къ передачѣ ему Николаевской желѣзной дороги никакого отношенія не имѣютъ, и что дорога передана правительствомъ собранію акціонеровъ Главнаго общества, которые представляютъ собою особое акціонерное предпріятіе. Повѣренными сторонамъ явились большія юридическія силы: со стороны истцовъ присяжный повѣренный Банкъ, тонкій и ученый цивилистъ, а со стороны отвѣтчика—извѣстный своимъ талантомъ, искусствомъ и блескомъ юридическихъ соображеній адвокатъ Пассоверъ, одна изъ крупнѣйшихъ величинъ въ русской адвокатурѣ. Засѣданіе происходило два дня—18 и 25 октября 1884 года. Въ первомъ изъ нихъ были единогласно разрѣшены очень сложные вопросы о постановкѣ исковыхъ требованій, о полномочіяхъ истцовъ и о давности, а во второмъ дѣло разсмотрѣно по существу. Засѣданіе продолжалось почти до полуночи. Повѣренные проявили огромную силу знанія и діалектики. Докладъ члена палаты Гуляева по своей системѣ и полнотѣ былъ образцовымъ. Мы совѣщались болѣе трехъ часовъ, при чемъ я разошелся во взглядахъ съ четырьмя моими товарищами, признавшими исковыя требованія не подлежащими удовлетворенію.

Я находилъ, что существенный вопросъ въ дѣлѣ тѣснымъ образомъ связанъ съ вопросомъ о сущности учредительской дѣятельности вообще, которая состоитъ въ выработкѣ идеи предпріятія, въ разработкѣ плана ея осуществленія на практикѣ, въ собраніи средствъ для устройства предпріятія и въ привлеченіи, путемъ возбуждаемаго учредителями довѣрія, матеріальныхъ силъ, необходимыхъ для правильной по-

становки и успѣха дѣла. Эта дѣятельность прекращается съ момента окончательнаго устройства предпріятія и вступленія въ силу устава, опредѣляющаго внутреннюю его организацію и порядокъ управленія имъ. Съ прекращеніемъ этой дѣятельности наступаютъ ея плоды—возмѣщеніе за потраченныя силы, время, средства. Это возмѣщеніе можетъ, между прочимъ, выражаться въ участіи въ прибыляхъ предпріятія, въ полученіи извѣстной части чистаго дохода съ него. Участіе учредителей въ прибыляхъ, *если оно прямо не ограничено напередъ опредѣленными условіями или срокомъ*, можетъ продолжаться во все время существованія устроеннаго ими предпріятія. У людей, положившихъ въ дѣло свои идеи, трудъ, капиталъ или имя, нельзя отрицать права на пользованіе результатами, которые дали эти идеи, труды и средства, если только результаты эти явились послѣдствіемъ развитія предпріятія въ томъ именно видѣ и направленіи, въ какомъ оно было учреждено. Неоспоримое право учредителей на участіе въ прибыляхъ предпріятія *вообще* содержитъ въ себѣ и основаніе для участія въ прибыляхъ развившагося въ *ширину*, но оставшагося неизмѣннымъ по *существованію* и *цѣлямъ* предпріятія, ибо нельзя предполагать, чтобы учредители, основывая новое дѣло и выговаривая себѣ участіе въ доходахъ съ него, не рассчитывали на его развитіе и процвѣтаніе, а имѣли въ виду, что предпріятіе останется въ состояніи косности. Несомнѣнно, что учредители могутъ получить вознагражденіе лишь за то именно, что они задумали и привели въ исполненіе, а не за достиженіе постороннихъ предпріятію цѣлей, которыя вовсе не входили въ первоначальный планъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ учредители получили бы вознагражденіе за то, чего они вовсе не имѣли въ виду, собирая средства, теряя время, выработывая основанія и выясняя цѣли предпріятія. Поэтому, напримѣръ, учредители страхового отъ огня общества не могутъ участвовать въ прибыляхъ отъ операціи по страхованію отъ градобитія или страхованія жизни,—или учредители общества пароходнаго пассажирскаго сообщенія не могутъ раздѣлять прибыль по принятой тѣмъ же обществомъ на себя водозлазной операціи или по работамъ для углубленія фарватера. Но куда предпріятіе движется по пути, начертанному учредителями, не измѣняя ни свойствъ, ни цѣлей, ни направленія, ни приемовъ своей дѣятельности, до тѣхъ поръ, какъ бы широко ни развилась эта дѣятельность—учредители имѣютъ право на участіе въ прибыляхъ. Отдавая въ 1868 году дорогу Главному обществу и обезпечивая стоимость его акцій и облигацій, правительство, конечно, имѣло въ виду не случайное собраніе неизвѣстныхъ и вѣчно измѣняющихся лицъ, владѣющихъ акціями Главнаго общества, а цѣлую

организацію, именуемую Главнымъ обществомъ, имѣющую свой спеціальнѣйшій уставъ. Передача желѣзной дороги изъ казенныхъ въ частныя руки знаменуетъ собою довѣріе правительства къ Главному обществу, обязанному этимъ правильному развитію началъ, положенныхъ въ его основу при учрежденіи его, и цѣлесообразному употребленію средствъ, на которыя оно основано. Но и начала эти и средства суть дѣло учредителей. Безъ нихъ общество не существовало бы и не могло бы никогда явиться конкурентомъ на приобрѣтеніе столь важнаго во всѣхъ смыслахъ пути, какъ Николаевская желѣзная дорога. Поэтому, участіе ихъ въ прибыляхъ отъ расширенія дѣятельности созданнаго ими предпріятія представляется исполнѣе справедливымъ.

Въ этомъ смыслѣ мною было написано обширное „особое мнѣніе“, приложенное къ весьма объемистому рѣшенію палаты. Дѣло поступило въ кассационный департаментъ Сената, и Пассоверъ—мой товарищъ по университету и сослуживецъ по Московской прокуратурѣ судебной палаты,—ознакомившись съ этимъ мнѣніемъ, сказалъ мнѣ при встрѣчѣ, что находить его настолько убѣдительнымъ, что жалѣетъ о томъ, что не былъ повѣреннымъ учредителей, такъ какъ онъ убѣжденъ, что кассационный судъ согласится со мною. Мѣсяца черезъ три, встрѣтя меня въ Лѣтнемъ саду, онъ сказалъ мнѣ, что, получивъ свѣдѣнія о взглядахъ на это дѣло нѣкоторыхъ изъ сенаторовъ и оберъ-прокурора, правленіе Главнаго общества, испытывая серьезныя опасенія, что дѣло будетъ рѣшено согласно съ началами, изложенными въ моемъ „особомъ мнѣніи“, признало необходимымъ пойти съ учредителями на мировую, предложивъ имъ половину искомой суммы, на что тѣ и согласились.

Регулярность занятій въ палатѣ и отсутствіе волнующихъ душу впечатлѣній, а также добрыя и даже сердечныя отношенія съ товарищами по коллегіи составляли особо пріятную сторону этой моей службы, а явившійся навыкъ къ разрѣшенію гражданскихъ дѣлъ давалъ мнѣ небольшой досугъ для разработки практическихъ вопросовъ уголовного судопроизводства на основаніи опыта, вынесеннаго изъ дѣятельности въ окружномъ судѣ, при чемъ эти вопросы, на нѣкоторомъ отдаленіи отъ послѣдней, представлялись „изъ моего прекраснаго далѣка“ съ болѣею цѣльностью и ясностью. Съ чувствомъ искренняго уваженія вспоминаю я моихъ сослуживцевъ по департаменту—вдумчиваго знатока, неутомимаго работника и прекрасной души человѣка Александра Васильевича Гуляева (впослѣдствіи кассационнаго сенатора) и Егора Андреевича Матисена. Послѣдній былъ типическимъ представителемъ того поколѣнія цивилистовъ-практиковъ, богатой школой для которыхъ были старыя

гражданскіе департаменты Сената, нынѣ упраздненные. Если эти департаменты, какъ судебныя учрежденія, оставляли желать многого, по личному составу сенаторовъ и по условіямъ дѣлопроизводства, то, какъ школа для молодыхъ юристовъ, они представляли неоцѣненные достоинства. Далекое не всѣ сенаторы бывали знакомы съ гражданскимъ правомъ во всѣхъ его развѣтвленіяхъ. Званіе сенатора служило наградой за долгую службу, очень часто не имѣвшую никакого отношенія къ юстиціи. Заслуженные военные генералы, усталые директора департаментовъ, не поладившіе съ министрами товарищи министра, придворные чины, мѣсто которыхъ понадобилось очистить для другихъ путемъ созданія такъ называемаго золотого моста, безсильно и бесплодно могли заблудиться въ дебряхъ десятаго тома и дополнительныхъ къ нему узаконеній, если бы на помощь къ нимъ не приходила прекрасно составленная канцелярія въ липѣ оберъ-прокуроровъ, оберъ-секретарей и секретарей. При томъ это были по большей части люди преклонныхъ лѣтъ, значительно перешедшіе за тотъ „*mezzo camin di nostra vita*“, о которомъ говоритъ Дантъ, очутившійся въ лѣсу, и потому не менѣе его нуждавшіеся въ своемъ *Виргиліи*. Этимъ *Виргиліемъ* и являлась канцелярія старыхъ департаментовъ Сената. Въ ней, за ежедневнымъ напряженнымъ трудомъ, вырабатывались тѣ знатоки русскаго гражданскаго права, которые дали потомъ при введеніи судебной реформы контингентъ достойныхъ дѣятелей, поставившихъ нашъ гражданскій судъ по Судебнымъ уставамъ сразу на довлѣющую ему высоту. Въ то время, когда по новизнѣ дѣла и гораздо большей сложности уголовного судопроизводства, въ уголовныхъ дѣлахъ сказывалось отсутствіе опыта и неизбежность первое время по нѣкоторымъ вопросамъ бродить, такъ сказать, ощупью,—практика гражданскихъ судовъ съ первыхъ же шаговъ стала принимать опредѣленные формы. Уголовному кассационному суду приходилось первые два-три года послѣ введенія реформы разяснять коренные вопросы процесса,—гражданскому кассационному суду пришлось давать лишь авторитетныя указанія относительно толкованія матеріальнаго права. Въ настоящее время обширные сборники кассационныхъ рѣшеній, конечно, могутъ служить для людей, получившихъ высшее юридическое образованіе, цѣннымъ практическимъ пособіемъ, но они не въ состояніи замѣнить старую школу сенатской канцеляріи. Теперь, судьи гражданскихъ отдѣленій вербуются изъ секретарей судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ, изъ слѣдователей и городскихъ судей, а также—въ рѣдкихъ случаяхъ—и мировыхъ судей въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ послѣдніе еще остались послѣ тяжкихъ ударовъ, нанесенныхъ

въ 1889 году мировому институту. Но секретари общихъ судебныхъ мѣстъ и даже оберъ-секретари гражданскаго кассационнаго суда имѣютъ очень мало общаго съ чинами старыхъ сенатскихъ канцелярій. Въ лучшемъ случаѣ они *созерцаютъ* работу судей, присутствуя при ней и ведя протоколы судебныхъ засѣданій, но не готовятъ дѣлъ для разрѣшенія ихъ по существу и не составляютъ проектовъ рѣшеній. Ихъ роль слишкомъ пассивна. Судебные слѣдователи и товарищи прокурора въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда они попадаютъ въ члены суда, почти совсѣмъ не встрѣчаются въ своей предыдущей дѣятельности съ вопросами гражданскаго права, а кругъ дѣятельности мировыхъ и городскихъ судей по гражданскимъ дѣламъ слишкомъ узокъ и отличается однообразіемъ своего содержанія. Поэтому невольно возникаетъ тревога за будущее нашего гражданскаго суда, у котораго почти не оказывается необходимаго питомника.

До назначенія своего членомъ С.-Петербургской судебной палаты Матисенъ провелъ долгіе годы службы въ московскихъ и петербургскихъ департаментахъ Сената. Я засталъ его уже 68-лѣтнимъ старикомъ съ тонкими чертами лица нѣмецкаго типа и добрыми голубоватыми старчески-выцветшими глазами. Онъ былъ воплощенная аккуратность и добросовѣстность. Несмотря на свои годы, онъ работалъ усидчиво и непрерывно съ тѣмъ сознаниемъ своего долга, въ которомъ сказывалось его происхожденіе. Доклады его отличались точностью и пунктуальностью, а въ рѣшеніяхъ, написанныхъ мелкимъ убористымъ почеркомъ, онъ не обходилъ ни одного затронутаго въ дѣлѣ вопроса безъ разрѣшенія, хотя бы ихъ можно было и оставить, отвѣтивъ въ томъ или иномъ смыслѣ на коренной вопросъ дѣла. Если къ этимъ свойствамъ присоединить вниманіе, удѣляемое имъ юридической литературѣ (его особенно интересовало право литературной собственности, и у меня хранится его книга „Das geistige Eigenthum“ Клостермана, испещренная на поляхъ рядомъ замѣтокъ), то можно было бы сказать, что въ его лицѣ я встрѣтилъ образцоваго судью-цивилиста. Но у него были *les défauts de ses qualités*. Его добросовѣстность подчасъ переходила въ безконечныя сомнѣнія, заставлявшія его иногда по нѣсколько разъ возвращаться къ уже рѣшенному вопросу и, какъ я шуточно выражался, „вступать въ пререканія съ самимъ собою“. Это чрезвычайно затягивало разсмотрѣніе дѣлъ и было особенно тягостно въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшенію по существу должно было предшествовать обсужденіе предварительныхъ вопросовъ о подсудности, давности, смѣшеніи и соединеніи исковъ и т. п. Иногда этимъ вопросамъ посвящалось цѣлое засѣданіе съ тѣмъ,

чтобы въ слѣдующемъ за нимъ рѣшить дѣло по существу. Послѣ долгихъ и упорныхъ споровъ Матисенъ, наконецъ, соглашался съ мнѣніемъ товарищей (онъ не любилъ оставаться „при особомъ мнѣніи“), но въ слѣдующемъ засѣданіи снова подымалъ уже рѣшенный вопросъ, вызывая почтительный гнѣвъ этихъ же товарищей. По дѣлу общества взаимнаго поземельнаго кредита съ членами правленія, являвшимися отвѣтственными за двухмилліонную растрату, совершенную Юханцевымъ, эти пререканія Матисена съ самимъ собою дошли до того, что мы проектировали напечатать для него особые бланки, въ которыхъ говорилось бы: „по вопросу о... нахожу, что... и даю сію подписку въ томъ, что при дальнѣйшемъ обсужденіи дѣла болѣе спорить и прекословить не буду“.

Лютеранинъ, въ рѣчи котораго слышались германизмы (онъ говорилъ: инженеръ, ефангеліумъ и т. п.), онъ былъ горячимъ русскимъ патриотомъ, чему вѣроятно способствовалъ его бракъ съ прекрасной русской женщиной, разливавшей вокругъ себя тихій свѣтъ и тепло. Его перу принадлежитъ описаніе достопримѣчательностей Москвы, изложенное на французскомъ языкѣ, въ виду предстоявшей въ 1856 году коронаціи Императора Александра II, и интересное описаніе наводненія Петербурга въ 1824 году, коего онъ былъ очевидцемъ. Утонченно-вѣжливый, на старый, нынѣ забытый манеръ, гостепріимный и немного щепетильный, онъ бывалъ особенно интересенъ въ своихъ встрѣчахъ и бесѣдахъ съ Н. Н. Мясоѣдовымъ, предсѣдателемъ II гражданскаго департамента судебной палаты, будущимъ первоприсутствующимъ гражданскаго кассационнаго департамента Сената. Выдающийся юристъ и чудесный во всѣхъ отношеніяхъ человекъ, Мясоѣдовъ во всей своей повадкѣ представлялъ полную противоположность Матисену и, хотя послѣдній относился къ нему съ искреннимъ уваженіемъ и пріязнью, но громкій заикающийся голосъ Мясоѣдова, рѣзкія тѣлодвиженія и нервная непосѣдливость приводили старика въ смущеніе, а иногда вызывали въ немъ даже тревогу. Я не могу забыть того изумленія, съ которымъ Матисенъ слушалъ рассказы Мясоѣдова, уже бывшаго сенаторомъ, о своихъ приключеніяхъ и разговорахъ съ [незнакомыми людьми въ вагонахъ и на имперіалѣ конокъ, при чемъ однажды, на заявленіе его, что онъ, въ качествѣ сенатора, обратитъ вниманіе на дѣло своего сосѣда по имперіалу, по словамъ послѣдняго рѣшенное неправильно, послѣдовали недоумѣнный взоръ собесѣдника, окинувшій суровую фигуру и бѣдный нарядъ Мясоѣдова, и презрительное восклицаніе: „Сенаторъ! Акурать! тьфу!“

У меня сохранилось нѣсколько писемъ Матисена, исполненныхъ мысли и заботы о предстоящихъ намъ дѣлахъ и характеризую-

шихъ его судейскую шепетильность и оригинальный взглядъ на свои права, какъ члена коллегіи. „Меня просятъ, пишетъ онъ въ ноябрѣ 1882 года,—участвовать въ консультаціи по нѣкоторымъ спорнымъ въ городской думѣ дѣламъ, но я, хотя и гласный, не считаю этого возможнымъ въ виду того, что дѣла эти, вѣроятно, дойдутъ до суда, и я хочу сохранить независимость своего сужденія“. — Въ декабрѣ того же года, извѣщая меня о своемъ нездоровьѣ, онъ проситъ меня подать за него голосъ въ общемъ собраніи палаты при избраніи члена на открывшуюся вакансію и по этому поводу прилагаетъ слѣдующій оригинальный документъ. „Не имѣя по болѣзни возможности быть лично на выборахъ 9 декабря кандидатовъ на открывшуюся вакансію члена СПб. судебной палаты, покорнѣйше прошу Васъ подать за меня голосъ, и что Вы по сему предмету учините, въ томъ спорить и прекословить не буду. Довѣренность сія принадлежитъ Его Превосходительству Анатолю Ѳедоровичу Кони. С.-Петербургъ 9 декабря 1882 года“.

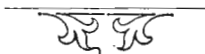
Прослуживъ пятьдесятъ лѣтъ и въ служебномъ отношеніи „вкусшая мало меду вкусивъ“, старикъ вышелъ въ отставку и, какъ это часто бываетъ съ людьми, привыкшими къ ежедневному труду, быстро одряхлѣлъ и вскорѣ получилъ возможность сказать и вторую половину приведенной цитаты изъ Писанія: „и се азъ умираю“. Онъ былъ строгимъ блюстителемъ всѣхъ мельчайшихъ предписаній закона, и я не могу безъ улыбки вспомнить того шопота ужаса, съ которымъ онъ обратился ко мнѣ, даже дернувъ меня за полу мундира, чтобы остановить меня на краю пропасти, раскрывшейся, по его мнѣнію, предо мною вслѣдствіе незнанія или забвенія мною правила, гласящаго, что судъ не имѣетъ права самъ возбуждать вопросъ о давности, погашающей предъявленный искъ. Повѣреннымъ одного изъ важнѣйшихъ правительственныхъ финансовыхъ учрежденій Петербурга состоялъ присяжный повѣренный, болѣе свѣдущій въ исторіи литературы, чѣмъ въ законахъ. Всегда изящно одѣтый, въ модномъ фракѣ и ослѣпительной бѣлизны бѣльѣ, съ тщательно расчесанной сѣдѣющей бородой, любезный и изысканный въ манерахъ, въ своихъ красиво построенныхъ рѣчахъ, выступая обыкновенно въ качествѣ отвѣтчика, онъ допускалъ грубые промахи, недосмотры и ошибки. Однажды до палаты дошло дѣло о крупномъ взысканіи какимъ-то аферистомъ, по ряду передовѣрій, съ финансоваго учрежденія крупной суммы, когда-то переданной въ него при упраздненіи одного изъ кредитныхъ установленій. Предъ докладомъ дѣла, членъ палаты Гуляевъ воплощенная рачительность и трудолюбіе — обратилъ наше внима-

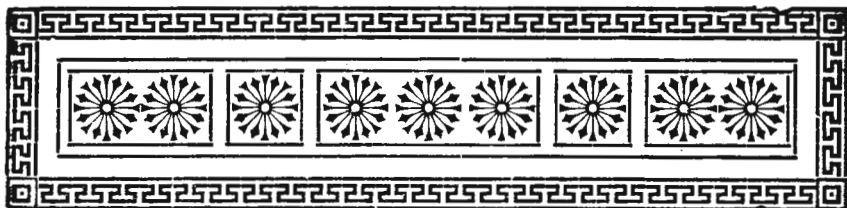

ніе на то, что для предъявленія исковыхъ требованій истекла несомнѣнная и неопровержимая давность, и выразилъ удивленіе, что въ своихъ, весьма слабыхъ возраженіяхъ противъ иска повѣренный казны ни словомъ не упоминаетъ о такомъ коренномъ основаніи для признанія иска неподлежащимъ удовлетворенію. Вѣроятно онъ оставилъ это до засѣданія палаты, какъ *сюр де грасе*, сказали мы себѣ и вышли слушать дѣло. Повѣренный отвѣтчика занялъ свое мѣсто за неуклюжимъ и громоздкимъ деревяннымъ пюпитромъ и мягкимъ голосомъ, въ которомъ звучало непоколебимое убѣжденіе въ своей правотѣ, произнесъ плавную рѣчь, шедшую въ разрѣзъ съ извѣстнымъ афоризмомъ о томъ, что „лучше *ничего* не сказать, чѣмъ сказать *ничего*“. О давности—ни слова. Оканчивая рѣчь, онъ сталъ собирать свои бумаги въ очень красивый портфель, съ вензелемъ и серебряными застѣжками, очевидно считая, что болѣе говорить не придется, такъ какъ все, что нужно, имъ уже непрерываемо и побѣдоносно высказано. Повѣренный истца не могъ скрыть улыбки, заранѣе торжествуя побѣду, вслѣдствіе которой казна, т. е. народное достояніе, потерпитъ матеріальный ущербъ по явной небрежности своего повѣренного, имѣвшаго раздутую репутацію и получавшаго большое жалованье за защиту интересовъ нанимавшаго его учрежденія. Оставаться равнодушнымъ зрителемъ и даже существителемъ этого я не могъ и, каюсъ въ томъ, нарушилъ правило о процессуальномъ попустительствѣ небреженію вопреки вопіющей очевидности. „Г-нъ повѣренный отвѣтчика, сказалъ я,—для избѣжанія излишнихъ преній я просилъ бы васъ изложить въ вашей первой рѣчи всѣ ваши доводы, предоставивъ тѣмъ истцу возможность нынѣ же возразить вамъ во всемъ ихъ объемѣ. Поэтому, если вы имѣете, на примѣръ, въ виду возбудить вопросъ о давности, то я прошу васъ сдѣлать это теперь же“.— Гуляевъ взглянулъ на меня съ видимымъ удовольствіемъ, но Матисенъ, который не успѣлъ остановить меня, сдѣлалъ испуганно-укоризненное лицо. Изящный повѣренный отвѣтчика не смутился и не растерялся. „Возбуждая вопросъ объ истеченіи исковой давности, сказалъ онъ, я увѣренъ, что палата не нуждается въ доказательствахъ этого обстоятельства и сама усмотритъ ихъ въ дѣлѣ, постановивъ затѣмъ объ отказѣ въ искѣ“ — и вполне довольный собою съ благосклонной улыбкой приготовился слушать своего противника.

А. Ө. Кони.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Берлинскій Конгрессъ 1878 года ¹⁾.

(Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучиннымъ).

Суббота 24 юня/6 юля. Рано утромъ ходилъ въ посольство узнать, не пришелъ ли отвѣтъ о Батумѣ. Ничего не знаютъ. Что это такое?

Вчера въ залахъ Конгресса было два засѣданія нашей комисси. Первое съ 2 до 5 и второе отъ 9 до 12 вечера. На обоихъ англичане заявили, что не имѣютъ инструкцій отъ своихъ уполномоченныхъ о Софійскомъ санджакѣ и ничего не знаютъ о происшедшихъ соглашеніяхъ въ комиссиі уполномоченныхъ и что между тѣмъ извѣстно всѣмъ остальнымъ членамъ нашей комисси. Словеснымъ заявленіямъ предсѣдатель Блюме—о томъ, что большинство голосовъ Commission de délimitation противу требованія англичанъ, объ уступкѣ долины Искера—не вѣрятъ и просятъ указаній письменныхъ. Расходясь въ пять часовъ, мы думали, что англичане, согласно ихъ обѣщаніямъ, заручатся инструкціями къ вечеру, не тутъ-то было: снова та же исторія, тѣ же убѣжденія, тѣ же споры, что и утромъ. Несмотря на это, всѣ мы рѣшили приступить къ обсужденію границъ Софійскаго санджака. Англичане хотѣли совершенно урѣзать его, отобравъ: съ востока—бассейнъ Искера, а съ юга—города Джуму и Кюстендиль. Оба эти города были заняты нашими войсками. Домогательства эти комиссіе de délimitation были признаны преувеличенными и тамъ постановили предоставить нашей комиссиі достигнуть соглашенія,

¹⁾ См. „Русск. Старину“ ноябрь 1912 г.

имѣя въ виду дать султану возможность защищать предѣлы Румелии. Англичане ни на что не соглашались; въ большой комиссіи спорилъ Одо Россель, а въ нашей—генераль Симмонсъ. Требовали они не благоразумной, дающей сосѣдямъ возможность жить спокойно, границы, а уступокъ территориальныхъ; просто-на-просто хотѣли сдѣлать захватъ.

Увлеченный успѣхомъ итальянца графа Дель-Майно, французскій военный агентъ графъ де-Семезонъ предложилъ проектировать восточную границу Софійскаго санджака, что и заняло все наше вечернее засѣданіе. Графъ де-Семезонъ, видимо, приготовился къ своей задачѣ и произнесъ большую рѣчь, доказавъ, что весьма обстоятельно ознакомился съ картой. Сущность его мнѣнія заключалась въ слѣдующемъ. Султану должна быть предоставлена возможность защищать границы Румелии, сѣверную и западную, отъ вторженія непріятеля. По границамъ идутъ Балканы—надо дать возможность защищать проходы. Центромъ защиты онъ принималъ Филиппополь и находилъ, что для возможности удержать за собою Румелию туркамъ необходимо предупредить врага у Шипки и Ихтимана. Такъ какъ сѣверная граница—по гребнямъ Балканъ—уже принята, то надо провести западную границу такъ, чтобы разстояніе отъ Филиппополя до сѣверныхъ и западныхъ проходовъ было одинаково. Этимъ онъ полагалъ парализовать удобства непріятеля,—спуститься съ горъ прежде, чѣмъ для защиты выходовъ изъ нихъ подойдутъ турецкія войска изъ Филиппополя. Англичане требовали всѣхъ проходовъ, начиная отъ Златицы до Ихтимана включительно, говоря, что муширъ Мегеметь-Али-паша заявляетъ, что, обладая Ихтиманомъ, а также сѣверозападными проходами, онъ будетъ хозяиномъ Румелии.

— Отчего же онъ не защитилъ ихъ противъ нашихъ войскъ, когда всѣ эти проходы принадлежали ему и у него была многочисленная армія?—спросилъ я генерала Симмонса.

Англичанинъ взглянулъ на меня, улыбнулся и произнесъ только „браво, браво!“

Вообще Симмонсъ коварно превозносилъ наши успѣхи и на нихъ-то именно строилъ свои требованія объ отдачѣ чуть-ли не половины санджака туркамъ. „Я удивляюсь русскимъ войскамъ и одержаннымъ ими побѣдамъ. Они вездѣ проходили Балканы, гдѣ ни захотѣли, и показали необыкновенное знаніе края и умѣнье преодолевать препятствія. Надо же чѣмъ-нибудь предупредить это на будущее время и не оставлять возможности къ легкому вторженію съ сѣвера“.

— Такъ вы хотите, говорили мы, закупорить всѣ тѣ мѣста,

черезъ которыя мы прошли, чтобы не дать возможности снова пройти ими? Это заблужденіе. Обстоятельства существенно измѣнились послѣднею войною и новая—если она будетъ—не будетъ повтореніемъ прежняго. Зачѣмъ намъ идти на Балканы, когда для наступленія къ Константинополю, есть другіе совершенно доступные пути. Поэтому мы и защищаемъ не тѣ границы, которыя даютъ особыя выгоды для наступленія съ сѣвера и запада, а тѣ, которыя обезпечиваютъ спокойное и прочное разграниченіе по хребтамъ и другимъ твердо установленнымъ признакамъ, напр. по административнымъ предѣламъ санджаковъ.

Говорили мы также, что Румелия не существуетъ, что она и Болгарія совершенно одно и то же, а потому выдѣлять часть пѣлаго въ отдѣльное тѣло—это только давать постоянный поводъ къ стремленіямъ обѣихъ частей соединиться между собою. Чѣмъ менѣе мы будемъ рѣзать по живому тѣлу, проводя границу, тѣмъ лучше.

Во время нашего засѣданія заходили къ намъ члены большой комиссіи—Мегеметь-Али, графъ Сень-Валье, Гогенлоэ.

Граница, предложенная графомъ де-Семезономъ ¹⁾ и на которую были согласны Россія, Пруссія и Италія, шла отъ Балканскихъ гребней (Косица надъ Златицей) къ югу, оставляя Болгаріи Златицу; затѣмъ направлялась по лѣвому берегу Топольницы, пересѣкала верховья ручья Ихтиманъ (между Чамурмъ и Хаджиларомъ) и, обходя къ востоку отъ Самакова, шла далѣе по водораздѣлу бассейновъ Искера и Марицы прямо на югъ къ Чадырь-Тепе, гдѣ встрѣчала административную границу Софійскаго санджака. Это главное направленіе получало двѣ поправки: а) у дер. Петричево (пунктъ соединенія Топольницы со Смовскію-Дере) въ пользу Румелии дано пространство радиусомъ въ 2½ километра и б) турки съ своей стороны обязывались не возводить укрѣпленій въ районѣ десяти километровъ противъ Самакова, такъ какъ иначе этотъ промышленный городъ былъ бы подъ выстрѣлами крѣпости.

Когда эту линію установили, мы потребовали баллотировать ее. Генераль Симмонсъ, по-прежнему, ссылаясь на неимѣніе полномочій, потребовалъ отсрочки нашихъ засѣданій впредь до полученія имъ указаній. Баллотировка этого предложенія дала пять голосовъ за отсрочку противъ двухъ (Россіи и Пруссіи), требовавшихъ продолженія занятій.

Въ 12 ч. разошлись. Во всякомъ случаѣ проектированная граница далеко оставляетъ за собою первоначальныя требованія ан-

---

¹⁾ Эта граница была утверждена потомъ и вошла въ Берлинскій трактатъ ст. II и XIV.

гличанъ и небезвыгодна для Болгаріи. Ихтиманъ отданъ, да вѣдь его надо укрѣпить, т. е. бросить милліоны, а гдѣ ихъ взять туркамъ?!

Въ промежуткѣ между засѣданіями былъ у Трепова. У него лицо кровавого цвѣта. Говорилъ, что такъ желалъ меня видѣть, что хотѣлъ даже телеграфировать изъ Висбадена. Говорилъ, что Государь не былъ противъ моего назначенія въ Петербургъ градоначальникомъ. Кажется, Треповъ имѣлъ на меня виды; ему хотѣлось, чтобы я взялъ на себя защиту его по дѣлу Засуличъ и написалъ бы подробную записку не только для представленія кому слѣдуетъ, но и для опубликованія за границей. Я сослался на полную для меня невозможность взяться за это дѣло, такъ какъ самъ лично ничего не видалъ и не знаю, говорить же, а тѣмъ болѣе писать съ чужого голоса—не могу.

Вечеромъ онъ уѣзжаетъ черезъ Варшаву въ Кіевскую свою деревню и предлагалъ мнѣ исполнить мои порученія, но ихъ, разумѣется, не было. Говорить, что непрерывно получаетъ угрожающія письма, и что старость предстоитъ ему крайне печальная. На него жаль смотрѣть. Сидя на диванѣ, онъ поднимаетъ на него или на кресло большую ногу—трудно держать ее опущенною; ходить, впрочемъ, хорошо, и только въ дурную погоду нога у него начинаетъ ныть.

Въ 10 ч. утра вторично пошелъ къ Шувалову; у него сегодня совѣщаніе въ Commission de délimitation, гдѣ будутъ слушаться доклады о нашихъ вчерашнихъ несогласіяхъ съ англичанами, а потомъ Конгрессъ—территоріальныя измѣненія въ Малой Азійи и дѣло о Батумѣ. Передъ Конгрессомъ графъ Шуваловъ хотѣлъ выслушать наше мнѣніе насчетъ Батума и приготовиться къ его защитѣ. *Отвѣта изъ Петербурга на телеграмму отъ 21-го числа все еще не было.* Разложили карту Малой Азійи съ отмѣтками, сдѣланными на ней въ Главномъ Штабѣ на счетъ возможныхъ съ нашей стороны уступокъ. Уступки эти огромны. Мы еще въ Лондонѣ обѣщали отказаться отъ Баязета и Алашкертской долины. Какъ видно изъ карты, готовы сдѣлать еще большія уступки у Чернаго моря. Относительно Батума въ Петербургѣ рѣшено было предложить обратиться его въ портофранко.

— „Что такое порто-франко, господа?—обратился къ намъ гр. Шуваловъ. Я ничего объ этомъ не знаю и не былъ въ такихъ городахъ за границей“.

Пришлось ему объяснять, въ чемъ дѣло на примѣрѣ Одессы, въ которой онъ бывалъ въ то еще время, когда тамъ существовало порто-франко.

Говорили потомъ о свойствахъ нашего Черноморскаго побережья на Кавказѣ и необходимости имѣть тамъ удобный и всегда доступный портъ. Батумъ именно таковъ и пріобрѣтеніе его намъ нужно не для угрозы кому-либо, а для развитія нашей торговли, хотя безъ сомнѣнія для насъ важно будетъ укрѣпить его, какъ серьезный опорный пунктъ. По вопросу объ укрѣпленіяхъ слѣдуетъ быть очень осторожнымъ, чтобы не испортить дѣла и не связать себя какими-либо невыгодными обязательствами, да еще международнаго значенія.

По азіатскому и батумскому вопросамъ будутъ говорить и Горчаковъ и Шуваловъ. Проработавъ съ послѣднимъ все утро, я убѣдился, что онъ отлично схватываетъ всякую мысль. Какъ жаль, что его карьера началась и шла не такъ, какъ бы слѣдовало по его способностямъ. Онъ—замѣчательно даровитый человѣкъ.

„Батумъ—нашъ; объ укрѣпленіяхъ ни слова, завтра расскажу подробности“. Изъ-за желанія скорѣе узнать о судьбѣ Батума, я нѣсколько разъ ходилъ въ посольство и, наконецъ, рѣшился ожидать Шувалова при выходѣ изъ дворца Бисмарка. Перехвативъ его на пути, я успѣлъ получить только тотъ отвѣтъ, который записалъ выше. Отлегло отъ сердца.

Погода отвратительная, дождь.

Воскресенье 25 іюня/7 іюля. Утромъ у Шувалова. Прежде всего онъ рассказалъ подробности о малоазіатскихъ нашихъ дѣлахъ и преніяхъ, бывшихъ на вчерашнемъ 14-мъ засѣданіи Конгресса. Когда поставленъ былъ на очередь вопросъ о нашихъ пріобрѣтеніяхъ въ Малой Азіи, маркизъ Салисбюри сдѣлалъ вопросъ нашимъ уполномоченнымъ, желаютъ ли они удержать за собою Ардаганъ и Карсъ, такъ какъ отторженіе ихъ можетъ сильно поколебать престижъ султана въ Азіи. Если Россія рѣшится оставить ихъ за собою, то Англія позаботится, другими способами, обезпечить свое вліяніе въ М. А. Словомъ, англичане, имѣя уже наше лондонское обѣщаніе уступить Баязеть и Алашкертскую долину, хотѣли совсѣмъ оставить насъ въ прежнихъ границахъ. Каковы! Князь Горчаковъ, послѣ этого заявленія, прямо выпалилъ, „что Россія уступаетъ Эрзерумъ, Баязеть и Алашкертскую долину и что сверхъ того

онъ уполномоченъ заявить, что Государь, пользуясь своими верховными правами, провозгласить Батумъ порто-франко“.

Всѣ это приняли, особыхъ затѣмъ препіраній не было, но мы согласились уступить часть Лазовъ. Вопросъ, были ли бы споры о Батумѣ, если бы князь Горчаковъ не заявилъ о порто-франко? Думается, что такъ бы и осталось.

— „А отвѣтъ изъ Петербурга о Батумѣ полученъ?“—спросилъ я.

— „Полученъ“.

— „Какой“?

— „Батума во что бы ни стало не отстаивать“.

?!!

Очевидно, англичане пугали насъ Батумомъ съ цѣлью понудить на новыя уступки—это понятно. Но какъ же мы-то соглашались отказаться отъ него? Рѣшительно ничего не понимаю ¹⁾.

Шуваловъ уже видѣлся сегодня съ Салисбюри у Горчакова. Тотъ возставалъ противъ ректификаціи границъ въ Малой Азіи, твердя, что это значитъ образовывать независимыя ханства (это о Лазахъ?). „Ходилъ, говоритъ Шуваловъ, успокаивать Салисбюри“. А вѣдь, пожалуй, старикъ на этотъ разъ говорить правду.

Вопросъ по Софійскому санджаку въ Commission de délimitation принять предварительно согласно нашему большинству голосовъ, т. е. предложеніе графа де-Семезона. Балканская граница одобрена по хребту съ выходомъ въ 2½ версты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по усмотрѣнію европейской комиссіи, но Шуваловъ на это не согласился. Представитель Англій—Одо Россель—хотѣлъ уйти изъ комиссіи, говоря, что Россія не дозволяетъ оспаривать южную границу. Какъ не дозволяетъ—еще ни слова не сказали. Всѣ эти вопросы будутъ разбираться въ нашей комиссіи. Собираемся въ 9 ч. утра.

Еще разъ мы должны убѣдиться, что Европа, вся безъ исключенія, противъ насъ. Германія поддерживаетъ насъ, но болѣе платонически, и всѣ очень хорошо знаютъ, что далѣе этого дѣло не пойдетъ, а потому тянуть насъ во всѣ стороны самымъ безцеремоннымъ образомъ, а безсовѣстная Австрія болѣе всѣхъ и съ невозмутимымъ нахальствомъ. Да, наше положеніе плохо и надо

---

¹⁾ О закрытіи порто-франко въ Батумѣ см. приложение № 5.

серьезно подумать объ его улучшеніи. Надо полагать, что послѣ заключенія мира будетъ большая внутренняя работа. Дай-то, Боже.

Понедѣльникъ 26 іюня/8 іюля. Надо полагать, что сегодня было послѣднее засѣданіе нашей комиссіи. Въ обыкновенномъ мѣстѣ нашихъ засѣданій Вильгельмштрассе 76, она собралась въ 9 ч. утра. Англичане не явились, отзываясь, что, оставаясь постоянно въ меньшинствѣ, они не желаютъ болѣе входить въ пренія. Дѣло безъ нихъ пошло необыкновенно скоро. Всѣ почти вопросы разрѣшались единогласно, и мы въ одно засѣданіе сдѣлали болѣе, чѣмъ въ нѣсколько предшествовавшихъ. Если бы не было англичанъ, или если бы они были одушевлены безпристрастіемъ, то наша задача была бы кончена давно и при томъ съ лучшими для балканскихъ христіанъ результатами. Разошлись мы въ 1/2-го. Вотъ что создано нами.

Предложенные на этотъ разъ разсмотрѣнію комиссіи вопросы главнымъ образомъ касались:

- а) проведенія окончательнаго направленія границы по Балканамъ,
- б) опредѣленія восточныхъ и южныхъ границъ Софійскаго санджака,
- в) опредѣленія сербско-болгарской границы у Пирота и Трна, и
- г) проведенія границы между вилайѣтами Салоникскимъ и Филиппопольскимъ.

Балканскій вопросъ. Бывшая до сего времени задержка по этому вопросу состояла въ томъ, что англичане, отступаясь отъ принятаго вначалѣ общаго принципа вести границы по гребнямъ горъ, тамъ, гдѣ встрѣчаются хребты, требовали отвода въ пользу Румелии особаго стратегическаго пояса въ 5 километровъ шириною, на пространствѣ между Демиръ-Капу и Чаликавакомъ. Во время безконечныхъ споровъ по этому вопросу, занявшихъ не одно засѣданіе нашей комиссіи, выяснилось, что никто не держитъ сторону англичанъ, но какъ они не соглашались отступить отъ своего заявленія и въ Commission de délimitation, то снова намъ пришлось разбирать это надѣвшее всѣмъ дѣло. Послѣ нѣкотораго обмѣна мыслей, всѣ мы согласились, что отмѣрить пятикилометровый поясъ не вездѣ возможно, и не вездѣ онъ имѣетъ смыслъ, но что такъ какъ, съ одной стороны, на мѣсто отправится европейская комиссія, а съ другой, при ближайшемъ ознакомленіи съ мѣстностью можетъ въ дѣйствительности встрѣтиться необходимость отступить отъ условленной черты гребней горъ, то комиссія и постановила такую резолюцію:

„La commission européenne prendra en consideration la nécessité pour s. m. le sultan de pouvoir défendre les frontières

de la Roumelie Orientale, т. е., что европейская комиссія приметъ во вниманіе необходимость для е. в. султана быть въ состояніи защищать границы Восточной Румелии ¹⁾).

Приступая затѣмъ къ разрѣшенію другихъ дѣлъ принятымъ уже у насъ порядкомъ постановки частныхъ вопросовъ и рѣшенія ихъ голосованіемъ, мы согласились: разсматривать дѣла въ томъ порядкѣ, какъ они записаны выше, ставить частные вопросы, а голосованіе отложить на самый конецъ засѣданія, произведя его послѣдовательно по всѣмъ частнымъ вопросамъ, сколько бы ихъ ни оказалось.

Границы Софійскаго санджака на востокъ и югъ. Восточная граница была уже проектирована графомъ де-Семезономъ и предварительно одобрена всѣми членами нашей комиссіи, кромѣ Англіи, Австріи и Турціи. Англичане не явились, а турки и австрійцы, не дѣлая вновь никакихъ измѣненій въ намѣченной линіи, согласились подвергнуть ее голосованію. По южной границѣ было старое предложеніе англичанъ исключить всю долину Струмы, т. е. отрѣзать отъ санджака Джуму и Кюстендиль. Мы (я и Бобриковъ) предложили вести границу согласно административному дѣленію, сворачивая потомъ на Голяма Планину, такъ чтобы Джума осталась за Турціей, а Кюстендиль—за Болгаріей. Турки, не соглашаясь съ этимъ, требовали уступки Турціи кромѣ Джумы еще Кюстендила и всей Рыльской рѣки; они хотѣли отхватить отъ Болгаріи знаменитый Рыльскій монастырь, эту древнюю и столь чтимую народомъ святыню. Итакъ, по Софійскимъ границамъ предстояло голосовать три вопроса, одинъ о восточной и два о юго-западной.

Болгаро-сербскія границы. Австрійцы предложили: во-первыхъ, линію около Трна, отходившаго къ Сербіи, линію около Цариброда, придерживаясь въ этомъ послѣднемъ случаѣ старой границы. Мы же (Россія) предложили сдѣлать обходъ около Цариброда отъ Радочина до Грлошкапланина. Въ виду явной неблагопріятности подобныхъ границъ для Болгаріи, возбужденъ былъ вопросъ о предоставленіи болгарамъ черезъ Сербію этапнаго пути между Софіей и Виддиномъ. Итакъ, по границамъ болгаро-сербскимъ набралось четыре вопроса.

По границѣ между Румелией и Турціей отъ горы Крушево пункта Санъ-Стефанской границы до предѣловъ Болгаріи, единогласно постановлено: направлять границу вдоль стараго административнаго дѣленія. Вопросы для голосованія поэтому предмету не было.

¹⁾ Это предложеніе вошло въ Берлинскій трактатъ ст. II.

Всего, стало быть, подлежало голосовать семь вопросовъ. Результатъ вотъ:

НАЗВАНІЕ ДЕРЖАВЪ.	1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.
Софійская греница по предложенію Франкля.	Софійская греница по предложенію Туринъ объ исключеніи Рылской долины.	Софійская компания граница по предложенію Россіи.	Австріяское ограниченіе Трина съ востова.	Австріяское предложеніе о Царьбротъ.	Русское предложеніе объ обходъ Царьброна отъ Радочина до Грошадзана.	Этапная дорога черезъ Сербію.	
Аллемagne	Да.	Нѣтъ.	Да.	Да.	Нѣтъ.	Да.	Да.
Аутриче	Да.	съ большъ.	ИНСТИТУМЪ	Да.	Да.	Нѣтъ.	Да.
France	Да.	Нѣтъ.	Да.	Да.	Нѣтъ.	Да.	Да.
Grande-Bretagne . .	н е	п р и	с у т	с т	в о	в а	д а.
Italie	Да.	Нѣтъ.	Да.	Да.	Нѣтъ.	Да.	Да.
Russie	Да.	Нѣтъ.	Да.	Да.	Нѣтъ.	Да.	Да.
Turquie	Да.	Да.	Да.	Да.	Да.	Да.	Да.
	6 +	5 — 1 +	6 +	6 +	4 — 2 +	5 + 1 —	6 +

Такимъ образомъ всѣ семь вопросовъ рѣшены въ пользу предложеній, съ которыми согласовались мы ¹⁾).

Сегодня я, Бобриковъ и Боголюбовъ сняли свою группу—„русскихъ военныхъ уполномоченныхъ“. На-дняхъ состоится обѣдъ всей нашей комиссіи, а потомъ вѣроятно снимемъ общую группу въ полномъ числѣ членовъ. Наша группа вышла очень хорошо; снялись мы въ статскомъ платьѣ; я и Бобриковъ сидимъ около стола и разсматриваемъ карту, а Боголюбовъ стоитъ сзади и тоже глядитъ на карту ²⁾).

Въ среду парадный обѣдъ у Убри, а тамъ обѣдъ у кронъ-принца, и, какъ говорятъ, балъ или пріемъ въ Потсдамѣ. Богъ съ ними, съ этими празднествами, скорѣ бы только отпустили.

Вечеромъ Шуваловъ прислалъ за мною въ 11 ч. и сказалъ, что выторговалъ на Конгрессѣ Трна въ пользу Болгаріи, но по настоянію Мегеметь-Али рѣшено нѣсколько урѣзать границы около Врани и оставить Преполлацъ за Турціей, не отбирая однако отъ Сербіи ущелья; такъ что отмѣняется только прирѣзка въ 1.000 метровъ, выговоренная прежде (см. выше, запись подъ 19 іюня/1 іюля). Жаль, что уступка сдѣлана въ пользу Турціи, а прирѣзка на счетъ Сербіи. Въ концѣ концовъ Болгарія вознаграждена за урѣзки въ Софійскомъ санджакѣ, а Сербія пострадала.

Вторникъ 27 іюня (9 іюля). Вчера днемъ послѣ ранняго моего обѣда съ Боголюбовымъ, ѣздилъ въ Шарлотенбургъ, гдѣ долго гуляли. Съ нами были Божидаръ Петровичъ и Радоничъ. Сегодня располагалъ ѣхать въ Потсдамъ, но вновь собираютъ комиссіи вѣроятно для проведенія границы около Трна, отходящаго теперь къ Болгаріи. Соберемся въ 12, а въ 2 назначенъ завтракъ нашей комиссіи у Гиллера. Потомъ снимемъ общую группу. Не знаю только, какъ будемъ одѣты—въ военную форму или статскими.

---

¹⁾ Всѣ эти предположенія одобрены въ Commission de délimitation, утверждены Конгрессомъ и вошли въ Берлинскій трактатъ кромѣ: а) границъ около Трна, потому что самый Трна переданъ Болгаріи, и б) этапной дороги черезъ Сербію, оставленной за рѣшеніемъ вопроса о присоединеніи къ Болгаріи Трна.

²⁾ Мои коллеги поднесли мнѣ эту группу съ надписью сзади—„нашему басу на конгрессѣ“.

Вчера Шуваловъ представилъ меня своей женѣ. Говорятъ, она была красавица. Теперь же полная, здоровая, даже коренастая, дама съ лицомъ, совершенно незамѣчательнымъ. Она бываетъ здѣсь только у Бисмарка, сперва же надѣялась, какъ намекнулъ Шуваловъ, дѣлать пріемы и жить открыто во время Конгресса. И мѣста нѣтъ, и времени у Шувалова мало, да и никто вообще изъ пріѣхавшихъ на Конгрессъ не принимаетъ. Графиня, какъ мнѣ показалось, очень этимъ огорчена. Она здѣсь на нѣсколько дней и пріѣхала уже во второй разъ. Живетъ съ мужемъ, кажется, не въ особой дружбѣ.

Сегодня разъяснилось, о чемъ, третьяго дня, намекалъ Салисбюри, говоря, что если Россія удержитъ за собою Ардаганъ и Карсъ, то Англія должна будетъ другими способами обезпечить свое вліяніе въ Малой Азіи. Вчера вечеромъ, въ англійскомъ парламентѣ объявлено о заключеніи 4 іюня (23 мая) между Англіей и Турціей особой конвенціи, по которой Англія занимаетъ островъ Кипръ и управляетъ имъ отъ имени султана¹⁾. Этотъ новый захватъ Англіи произвелъ здѣсь сильное впечатлѣніе, и англичане нахально на всѣхъ посматриваютъ. Объ ихъ коварствѣ и своекорыстіи говорятъ съ пѣной у рта, а имъ что за бѣда, они не забываютъ своихъ интересовъ. Въ одно и то же время они заставили насъ сдѣлать въ Лондонѣ (18/30 мая) массу уступокъ и захватили лакомый кусъ въ Турціи. Великіе мастера англичане устраивать свои дѣла! А мы? Просто руки опускаются, когда подумаешь, что все это творится послѣ такой побѣдоносной войны. Какъ, должно быть, они смѣются, что мы послушались ихъ и не заняли Константинополя.

На-дняхъ получаю по почтѣ изъ Парижа, № французскаго журнала „Journal des voyages (№ 52, dimanche 7 Juillet)“. Въ немъ помѣщена статья „Les horreurs de la guerre“ съ картинкою, представляющею казнь поляковъ русскими въ Болгаріи. Въ статейкѣ говорится, что русскіе перевѣшали цѣлый десятокъ докторовъ и инженеровъ польскихъ. Въ числѣ повѣшенныхъ я двухъ знаю—одинъ, докторъ Зачинскій (Zaczynski), получилъ по нашему представленію Анну 3-й степени за услуги, оказанныя нашимъ войскамъ въ Казанькѣ, а другой, кажется, Иванъ Барановскій былъ при гофмаршалѣ Великаго Князя главнокомандующаго, получилъ разрѣшеніе возвратиться въ Россію, откуда бѣжалъ въ 1863 г. студен-

---

¹⁾ Кипрская конвенція находится въ приложеніяхъ подъ № 6.

томъ Кіевскаго университета и будетъ опредѣленъ въ Болгаріи на должность инженера. Остальные повѣщенные тоже безъ сомнѣнія здравствуютъ, такъ какъ никакихъ поляковъ не вѣшали. Вотъ какъ поляки. Эту исторію они давно уже выпустили, а теперь повторили во время Конгресса. Сегодня получаю брошюру изъ Познани: „Le Congrès et la question polonaise“. Написано прилично, безъ ругатни, но поляки выставлены первою націею.

Среда 28 іюня (10 іюля). Вчера было послѣднее засѣданіе нашей комиссіи и собрались всѣ; даже англичане положили гнѣвъ на милость и явились. Дѣло шло о проектированіи новыхъ границъ въ обходъ Трна съ запада, для отдѣленія его отъ Сербіи и къ югу отъ Врани. Конгрессъ, долго споря о Гределицкомъ ущельѣ, порѣшилъ (разумѣется, не видя карты) надѣлать спорный участокъ такъ, чтобы Враня осталась за Сербіей, а слѣдовательно ей досталось и ущелье, которое хотѣли подѣлать. Всѣ вопросы рѣшены единогласно. Работали всего полтора часа и въ 2 ч. пополудни, получивъ благодарность Конгресса за наши труды, немало облегчившіе и ускорившіе его занятія, мы отправились къ Гиллеру завтракать, а потомъ снимать фотографическую группу. Къ сожалѣнію, всѣ, кромѣ Блюме, были въ статскомъ платьѣ. Придя на мѣсто, рѣшили сперва сниматься, а потомъ приняться за завтракъ, который могъ затянуться. Три раза снимались и все неудачно, кончили тѣмъ, что остановились на первомъ снимкѣ, сперва забракованномъ. Англійскій генераль Симмонсъ уморительно пыхтѣлъ, двигалъ усами; онъ-то вмѣстѣ съ австрійцемъ и вышли хуже всѣхъ. У меня болѣли зубы, и я тоже вышелъ неполнѣ удачно. Завтракъ былъ веселый. Много смѣялись, болтали, вспоминали наши споры, трунили надъ *crêtes* и *zones* около Балканъ. Англичанинъ говорилъ, что теперь всѣ препятствія пройдены, а у бутылокъ нѣтъ *crête*, нѣтъ пробокъ. Съ этого бы слѣдовало и начать, прибавилъ Симмонсъ. Разстались любезно, взявъ съ собою меню завтрака съ нашими на оборотѣ подписями. Графъ де-Сезезонъ сказалъ спичъ въ честь взаимнаго уваженія всѣхъ армій, представители коихъ присутствовали на завтракѣ.

Въ пятницу опять сходимся всѣ вмѣстѣ—повезутъ насъ осматривать казармы, кадетскій корпусъ и нѣкоторые другія военныя учрежденія. Здѣшніе военные агенты жалуются, что имъ не охотно показываютъ, и что теперь они поѣдутъ съ нами, пользуясь удобнымъ случаемъ. Вообще военные агенты не хвалятъ свое положеніе въ Берлинѣ. На знакомства ихъ въ обществѣ, особенно съ офице-

рами, смотрятъ косо и подозрительно; свѣдѣній никакихъ не сообщаютъ и показывать ничего не желаютъ. Этимъ объясняется ихъ намѣреніе ѣхать съ нами осмотрѣть кадетскій корпусъ и казармы— ихъ они до сихъ поръ не видали.

Въ субботу положительно будетъ подписанъ трактатъ, но, кажется, насъ задержатъ до вторника или среды печатаніемъ и торжествами.

Бобриковъ вчера поѣхалъ въ Петербургъ и очевидно не вернется, такъ какъ здѣсь все кончится. Здѣсь, проѣздомъ на воды, была его невѣста, весьма милая особа; видѣлъ ее на вокзалѣ. Самъ онъ хорошо знаетъ Турцію и Балканы.

Сегодня утромъ въ 11 ч. я пошелъ къ Шувалову. Онъ принималъ кого-то, но вышелъ сказать, чтобы я подождалъ, такъ какъ онъ имѣетъ что-то мнѣ передать. Когда пріемъ кончился, Шуваловъ сказалъ: „всѣ дѣла улажены, въ субботу подписывается трактатъ, а я (т. е. онъ) ѣду въ воскресенье и буду просить васъ, чтобы вы повременили ѣхать губернаторствовать, а сопровождали меня въ Петербургъ. Я желаю, чтобы вы лично объяснили все, что было сдѣлано нами на Конгрессѣ по болгарскому вопросу“. Отказываться, разумѣется, не пришлось, хоть по правдѣ сказать, услыхавъ, что онъ уѣзжаетъ въ воскресенье, я уже мысленно видѣлъ себя въ Радомѣ, а теперь придется ждать еще добрую недѣлю.

Сегодня на засѣданіи Конгресса Шуваловъ будетъ хлопотать о нейтрализаціи Шипки. Кажется, Мегеметь-Али соглашается; ему обѣщана въ такомъ случаѣ поддержка Россіи къ назначенію его румелійскимъ генераль-губернаторомъ. Что-то странно; генераль-губернаторомъ можетъ быть только христіанинъ. Можетъ быть, Мегеметь-Али самъ предполагаетъ хлопотать, надѣясь, что Европа приметъ его, какъ нѣмца по происхожденію. Едва-ли однако согласятся имѣть на такомъ посту ренегата, бросившаго сперва христіанство, а теперь парадирующаго тѣмъ, что онъ—мусульманинъ только по виду. Шуваловъ самъ мнѣ сказалъ, что обѣщаль ему поддержку, стало быть, это—фактъ; но очевидно обѣщаніе такъ имѣ

и останется. Шуваловъ такъ торопился, что некогда было его спрашивать. Сегодня въ 7 ч. обѣдъ у Убри и тамъ узнаю, въ чемъ дѣло.

Привожу копію заявленія, приготовленнаго графомъ Шуваловымъ о Шипкѣ. Оно краснорѣчиво, но сентиментально, а пожалуй и преждевременно потому, что неизвѣстно еще, какъ будетъ проведена граница на мѣстѣ, и кому достанется Шипкинская позиція.

„Il y a dans la chaîne des Balkans un point qui a été le théâtre de luttes heroiques: elles ont pu être égalées, mais non surpassées dans l'histoire. Jamais il n'y a eu un déploiement plus énergique de toutes les vertus militaires et patriotiques dont le drapeau est le symbole.

„Ce que j'en dis s'applique également aux deux parties. De pareilles luttes laissent, après elles, l'estime réciproque et le respect qui s'attache à la mémoire de milliers de Russes et de Turcs dont les ossements blanchissent les ravins de Schipka.

„Nous demandons à la haute assemblée de donner un témoignage de ce respect aux braves qui dorment à Schipka en faisant de ce point un glorieux cimetière où il ne s'élèvera plus de batteries et où jamais le canon ne grondera“.

Четвергъ 29 іюня—11 іюля. Обѣдъ у Убри (вчера 28 іюня—10 іюля) былъ въ полномъ смыслѣ блистательный. Ничего подобнаго мы ни у кого еще здѣсь не видали. Серебро (тарелки, блюда), фарфоръ, все съ его вензелями и въ изобиліи. Масса цвѣтовъ. Поваръ его считается лучшимъ въ Берлинѣ, а самъ онъ—утонченнымъ гастрономомъ. За обѣдомъ было 45 чел., всѣ въ статскомъ платьѣ, кромѣ Боголюбова, явившагося въ мундирѣ. На насъ были ленты, звѣзды, и вышло весьма красиво. Я сидѣлъ между Жюмини и гр. Дель-Майно. Обѣдъ былъ очень оживленъ, но къ сожалѣнію послѣ него пришлось опять идти въ нашу комиссію, на которую возложили и малоазіатское разграниченіе.

Вышло это такимъ образомъ. Конгрессъ, разсуждая о границахъ тѣхъ нашихъ уступокъ, которыя мы сдѣлали въ странѣ Лазовъ къ западу отъ Ольты, утромъ сегодня (17-е засѣданіе) возложилъ опредѣленіе точной границы на Commission de délimitation. Комиссія, вѣрная своимъ привычкамъ, пригласила нашу комиссію высказаться и, чтобы скорѣе окончить дѣло, назначила засѣданія обѣихъ комиссій въ одно и то же время, въ залахъ Конгресса. Насъ это не особенно устраивало. На мѣстѣ за Кавказомъ, ни я, ни Боголюбовъ не были, мѣстныхъ условій не знали, даже мало были знакомы съ подробностями военныхъ операцій, тамъ происходившихъ. Такимъ образомъ и для насъ самихъ карта была почти нѣмою. Обратились мы къ

нашему консулу въ Алеппо г. Иванову, состоявшему при канцеляріи канцлера по дѣламъ малоазіатскаго населенія. Оказалось, что и онъ ничего не знаетъ о границѣ. Карта, данная въ военномъ министерствѣ уполномоченнымъ, не имѣла при себѣ объяснительнаго текста. Посовѣтовавшись между собою, я и Боголюбовъ рѣшились отстаивать для насъ Зивинъ съ его позиціей. Когда окончательно проектировали линію, англичане,—согласные было сперва во всемъ съ нами и предполагавшіе опредѣлить границу на мѣстѣ, по соглашенію между Россіей и Турціей—увидѣли на картѣ Зивинъ. „Зивинъ, что это такое?“—спросилъ Симмонсъ. „Ахъ да, это мѣсто вашего боя съ турками. Его оставить за Россіей нельзя“. Начались споры, кончившіеся тѣмъ, что всѣ мы согласились въ виду трудности опредѣлить на картѣ точное направленіе границы,—провести ее на мѣстѣ комиссією изъ офицеровъ Россіи, Турціи и Англій. Въ этихъ переговорахъ время ушло до $\frac{1}{2}$ 1-го ночи.

Торопятъ ужасно: въ субботу хотятъ подписать трактатъ, чтеніе окончательнаго текста котораго уже начато сегодня.

Домой возвращаемся вмѣстѣ съ Шуваловымъ, который былъ въ отличномъ расположеніи духа. Заявленіе его о Шипкѣ принято Конгрессомъ, и европейской комиссіи указано обсудить этотъ вопросъ на мѣстѣ.

Приглашеніе на обѣдъ къ кронъ-принцу, въ субботу 1/13 іюля уже получено. Ровно мѣсяць работалъ Конгрессъ—быстрота поразительная, но результаты едва-ли будутъ долговѣчны.

Пожалуй, придется еще возвратиться въ Берлинъ и даже нѣсколько разъ. Говорятъ, что Конгрессъ выразитъ желаніе, чтобы работы, произведенныя въ Турціи европейскою комиссією разграниченія, которая будетъ туда отправлена, были разсмотрѣны нашею комиссією, и для того намъ придется возвращаться нѣсколько разъ, такъ какъ работы будутъ представляться по частямъ.

Завтра насъ возятъ по военнымъ учрежденіямъ, затѣмъ въ субботу обѣдъ и въ воскресенье отъѣздъ Шувалова и мой, а также, думаю, Боголюбова; остальные же, вмѣстѣ съ Горчаковымъ, остаются здѣсь еще на нѣсколько дней. Горчаковъ желаетъ отдохнуть передъ дорогой и главное справить здѣсь день своей, кажется, 80-й лѣтней годовщины. Онъ вчера не былъ на обѣдѣ, а также не былъ Биконфильдъ и Бисмаркъ. Оба они сидятъ дома, а послѣдній и боленъ чѣмъ-то.

Вотъ, для любопытныхъ, меню обѣда у Убри, 10 іюля н. с.
1878 г.

Turtle soup,
Potage Rossolnik.
Sigur Caviar.
Petites timbales au foie gras.
Saumon du Rhin à la Régence.
Filet de boeuf à l'Italienne.
Crème de getinottes aux truffes.
Cotelettes de chevreuil au chasseur.
Mayonnaise de homards sauce ravigote.
Punch à la Romaine.
Poulardes de France.
Salade.
Petits pois à la Française.
Ananas à la Clermont.
Macédoine de fruits.
Fromage. Glaces. Dessert.

А вотъ программа музыки:

P r o g r a m m
am 10 Juli 1878.

Einzug der Gäste auf der Wartburg a. d. Op.
„Der Tanhäuser . . . v. Wagner.
Ouverture z. op. „Die Italienerin in Algier v. Rossini.
An der schönen blauen Donau Walzer. v. Strauss.
Fantasie a. d. op. „Margarethe“ . . . v. Gounod.
Fledermaus—Quadrille . . . . . v. Strauss.
Arie der Gilda u. d. Op. „Rigoletto“ . v. Verdi.
Aufforderung zum Tänz . . . . . v. C. m. v. Weber.
Manzanillo-Scene des V Acts a. d. op.
„Die Afrikanerin“ . . . v. Meyerbeer.
Fest marsch . . . . . v. Leonhardt.

Пятница 30 іюня—12 іюля. На вчерашнемъ засѣданіи Конгресса намъ снова сдѣлали большую неприятность. Уже нѣсколько дней тому назадъ, гр. Шуваловъ говорилъ мнѣ, что маркизь Салisbury все надобѣдаетъ ему съ денешами англійскаго посла въ Константинополь; доносящаго о безобразіяхъ и безпорядкахъ, происходящихъ въ Родопскихъ горахъ. Я объяснилъ ему словесно и показалъ на картѣ, что Родопскія горы не входятъ въ нашъ районъ,

опредѣленный демаркаціонной линіей для перемирія; мы ихъ не занимаемъ, а потому и отвѣчать за то, что тамъ дѣлается, не можемъ. На томъ и порѣшили. Между тѣмъ 29-го іюня (11 іюля), на 18-мъ засѣданіи Конгресса, Салисбюри снова атаковалъ Шувалова и тотъ заявилъ объ этомъ Конгрессу, сказавъ, что край этотъ нашими войсками не занятъ и что не имѣетъ ничего противъ того, чтобы разслѣдовать дѣло на мѣстѣ посредствомъ комиссіи, назначенной послами всѣхъ державъ (участницъ въ Конгрессѣ) въ Константинополь. Бисмаркъ замѣтилъ, что въ сущности это не дѣло Конгресса, но всѣ на комиссіи согласились. Очевидно, намъ готовятъ гадость тамъ на мѣстѣ, но какую, здѣсь трудно сказать ¹⁾.

Осмотръ казармъ не состоялся для насъ, русскихъ; мы должны кончить наши карты, такъ, чтобы все было готово къ отъѣзду въ воскресенье вечеромъ.

Сегодня обѣдалъ у Шувалова. Онъ посадилъ меня между собою и графиней и былъ крайне любезенъ. Проситъ онъ меня подвинуть ему перецъ и говоритъ: „я не хотѣлъ просить васъ подвинуть соль, чтобы не поссориться; впрочемъ, если въ прошломъ мы ссорились, то только потому, что все, происходившее между нами, происходило заочно и мы не видали и не знали другъ друга, а если бы сошлись и познакомились, теперь-то никакихъ бы недоразумѣній быть не могло“.

За обѣдомъ только были я, Боголюбовъ и Ивановъ, консулъ въ Алеппо. Шуваловъ пилъ за наше здоровье, благодарилъ за оказанное ему содѣйствіе и былъ очень внимателенъ. „Я не хотѣлъ выѣзжать изъ Берлина, чтобы не засвидѣтельствовать моей особой благодарности нашимъ офицерамъ генеральнаго штаба, поддерживавшимъ здѣсь его славу“.

Мы поднесли гр. Шувалову нашу карточку-группу, онъ обѣщаль дать свою карточку, которая еще не готова. Во время обѣда онъ сказалъ: „я просилъ Дмитрія Гавриловича ѣхать со мною въ Петербургъ—хочу предстать передъ Государемъ во всеоружіи“.

Графиня не ѣдетъ въ Петербургъ, а возвращается въ Теплицъ. Мы выѣжаемъ въ воскресенье въ 11 ¹/₄ вечера. Въ 3 ¹/₄ ч. пополуночи въ понедѣльникъ будемъ въ Эйдкуненѣ, вечеромъ того же дня въ Вильно, а во вторникъ вечеромъ въ Петербургѣ.

---

¹⁾ См. приложение № 7.

Суббота 1/13 іюля. Договоръ сегодня подписанъ. Бисмаркъ закрылъ засѣданіе рѣчью, выразивъ въ ней благодарность Конгресса, между прочимъ, всѣмъ чинамъ секретаріата и офицерамъ, участвовавшимъ въ специальныхъ работахъ Конгресса.

Парадный обѣдъ въ замкѣ у кронъ-принца прошелъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и первый, бывшій ровно мѣсяцъ тому назадъ. За обѣдомъ кронъ-принцъ произнесъ слѣдующій тостъ:

„Надежды, съ которыми я привѣтствовалъ, мѣсяцъ назадъ, отъ имени императора, знаменитыхъ государственныхъ людей, собравшихся на Конгрессѣ, счастливо осуществились. Водвореніе мира, столь желаемого всею Европою, увѣнчало ихъ усилія. Передавая чувства, одушевляющія моего августѣйшаго родителя, я счастливъ, что могу почтить мудрость и примирительный духъ, которые привели къ столь важнымъ результатамъ. Установленное соглашеніе послужить новою гарантіею мира и всеобщаго благосостоянія. Сдѣйствіе Германіи заранѣе принадлежитъ всему, что будетъ клониться къ утвержденію и сохраненію этихъ великихъ благъ. Отъ имени его величества пью здоровье монарховъ и правительствъ, представители которыхъ подписали, въ этотъ памятный день, Берлинскій трактатъ“.

Обѣдъ окончился въ $1\frac{1}{2}$ 8-го, и снова за нимъ послѣдовалъ раутъ въ картинной галлерей. Принцъ и принцесса любезно обходили гостей. Какъ только принцъ подходилъ къ кому-нибудь, сейчасъ дѣлался кружокъ, и всѣ старались приблизиться къ говорившимъ. Такъ было и въ то время, когда кронъ-принцъ подошелъ ко мнѣ. Сзади его, нѣсколько сбоку, такъ что ему было видно, стоялъ прусскаго генеральнаго штаба подполковникъ Блюме, предсѣдательствовавшій въ нашей комиссіи разграниченія. Сказавъ нѣсколько словъ о счастливомъ окончаніи нашихъ работъ, кронъ-принцъ, совершенно неожиданно подпрыгнулъ и, быстро перевернувшись въ другую сторону, немедленно, какъ ни въ чемъ не бывало, началъ разговоръ съ очутившимся передъ нимъ Блюме. Признаюсь, эта выходка немало поразила меня, да и другихъ около стоявшихъ. Въ завязавшемся за симъ разговорѣ прусскіе офицеры съ горечью говорили о своемъ Фрицѣ и ставили вопросъ,—что будетъ, когда оба императора, и ихъ и нашъ, сойдутъ со сцены? „Вашъ наслѣдникъ не любитъ нѣмцевъ, нашъ—не любитъ русскихъ; не быть тогда добрымъ отношеніемъ между Россіей и Германіей“.

Menu обѣда.

Berlin, den 13 juli 1878.

Potage tortue;
Concommé à la Royale.

Truites au bleu, sauce au beurre;
Turbot aux homards gratinés.

Selles de veau à la milanaise;
Filets de boeuf à la flamande.

Salmi de bécassines aux truffes;
Timbales à la parisienne.

Majonnaise d'écrevisses.

Poulardes du Mans rôties;
Chevreuil rôti, salade.

Fonds d'artichauts gratinés;
Haricots verts à l'anglaise.

Pêches à la madelaine;
Croutes aux cerises.

Crème bavaoise aux fraises;
Gelée d'ananas.

Glaces variées
Compote, bisquit
Dessert.

Программа музыки.

Programm

am 13 iuli 1878.

1. Ouverture zu „Prometheus“ . . . . . Beethoven.
2. Ouverture zu „Figaro's Hochzeit“ . . . Mozart.
3. Scene aus dem Musik - Drama
„Die Walküre“ . . . Wagner.

4. „Warter's Troumlied“ aus der opera
„die Meistersinger“ . . . . . Wagner.
5. „Träumereien“ . . . . . Schumann.
6. „Präludium“ . . . . . S. Bach.
7. Marsch aus „Heracles“ . . . . . Händel.
8. Marsch aus „Alceste“ . . . . . Glück.
9. Marsch aus der „Suite“ . . . . . Lachner.
10. Walzer aus „Prinz Methusalem“ . . . Ion. Strauss.

Воскресенье 2/14 июля. Утромъ я съ Боголюбовымъ ходилъ откланяться князю Горчакову. Канцлеръ принялъ насъ во второй комнатѣ, сидя у окна, выходящаго на Unter den Linden. Онъ былъ совершенно здоровъ, веселъ и крайне болтливъ. Продержалъ насъ болѣе часу и не хотѣлъ отпустить, несмотря на то, что ему доложили о приходѣ Ристича, прождавшаго въ залѣ весьма долго. Подъ конецъ Убри вошелъ къ канцлеру и напомнилъ о ожидавшемъ сербскомъ министрѣ.

-- „Пусть подождетъ, я еще не окончилъ моей бесѣды“.

Бесѣда была однако весьма неинтересная. Канцлеръ, съ необычайнымъ многословіемъ и старческою откровенностью, рассказывалъ намъ о значеніи богатства вообще и о томъ, какъ онъ успѣлъ дѣлать богатыми своихъ сыновей женитбою на богатыхъ и покупкою за дешевую цѣну выгодныхъ имѣній..

Отпуская насъ, князь выразилъ намъ благодарность за наши работы и прибавилъ, что мы произвели на него самое выгодное впечатлѣніе.

Вещи уложены, дописываю послѣднія строки. Страданія наши прекратились, и пресловутый Конгрессъ конченъ. Черезъ два часа ѣду въ Петербургъ.

Заключеніе.

Дорогу отъ Берлина до нашей границы мы сдѣлали прекрасно. Я и Боголюбовъ получили очень помѣстительное отдѣленіе на шесть мѣстъ въ одномъ изъ прекрасныхъ желтыхъ вагоновъ, а гр. Шуваловъ взялъ мѣсто въ спальномъ вагонѣ. Рано утромъ на другой день онъ пришелъ къ намъ, говоря, что его мѣсто очень неудобно, вагонъ набитъ биткомъ и оттого тѣсно и душно!—„пришелъ къ вамъ освѣжиться“.

Въ Вержоловъ мы переодѣлись въ военную форму и получили отличный семейный вагонъ. Въ Царскомъ Селѣ гр. Шуваловъ передалъ фельдъ-егерю портфель съ текстомъ трактата и другими бумагами, для представленія Государю и продолжалъ съ нами путь до Петербурга. Приглашенія явиться тогда же, со станціи желѣзной дороги, гр. Шуваловъ не получилъ и просить о немъ не хотѣлъ, говоря: „хочу явиться вмѣстѣ съ вами; вмѣстѣ работали, вмѣстѣ будемъ отвѣтъ держать“.

На другой день утромъ я, Бобриковъ и Боголюбовъ собрались на царкосельскомъ вокзалѣ, куда скоро приѣхалъ и графъ Шуваловъ. Въ Царское Село поѣхали всѣ вмѣстѣ.

Гр. Шуваловъ, по приѣздѣ во дворецъ, скоро былъ позванъ къ Государю, а мы трое остались передъ кабинетомъ и ожидали болѣе получасу. Потомъ вышелъ гр. Шуваловъ и пригласилъ насъ въ кабинетъ. Въ кабинетъ кромѣ Государя находились: Наслѣдникъ Цесаревичъ, военный министръ Д. А. Милюгинъ, графъ Адлербергъ 2-й и товарищъ министра иностр. дѣлъ—Гирсъ. Когда мы вошли въ кабинетъ, гр. Шуваловъ представилъ насъ Государю и сказалъ, что „мы были самыми усердными его помощниками и отлично своею работою поддержали славу нашего генеральнаго штаба“.

Государь милостиво поблагодарилъ насъ, подалъ руку и, сдѣлавъ каждому нѣсколько вопросовъ,—отпустилъ. Государь былъ въ тревожно-серьезномъ настроеніи духа. Серьезны были и прочія лица, находившіяся въ государевомъ кабинетѣ. Всѣмъ было не до разговоровъ. Другого столь тягостнаго приѣма у Государя я не запомню.

Въ Петербургѣ мнѣ пришлось пробыть болѣе мѣсяца. Сперва ожидали возвращенія князя Горчакова, а потомъ окончательныхъ распоряженій по устройству нашихъ дѣлъ въ Турціи. Оказалось, что я произвелъ на князя Горчакова отличное впечатлѣніе, и онъ желалъ, чтобы я былъ назначенъ или членомъ отъ Россіи въ международную комиссію по устройству Румелии или, наконецъ, состоять при послѣ въ Константинополѣ, по дѣламъ разграниченія,

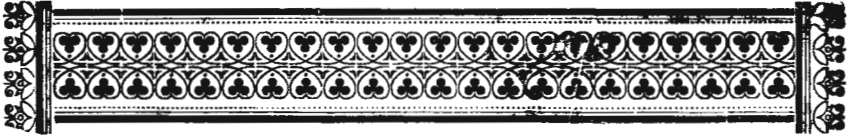
Я отклонилъ оба назначенія. Первое потому, что къ дипломатической дѣятельности не готовился и не на столько владѣю французскимъ языкомъ, чтобы не только говорить на немъ въ собраніи дипломатовъ, но еще и писать свободно, а безъ этого послѣдняго условія пришлось бы поставить себя въ неловкое положеніе. Это не то, что наша специальная военная комиссія при Конгрессѣ въ

Берлинѣ; тамъ дѣло шло объ исключительно граничныхъ вопросахъ и никакихъ тонкостей діалектики не требовалось. На эту должность я рекомендовалъ нашего филиппопольскаго губернатора генеральнаго штаба полковника А. А. Шепелева. Онъ и былъ назначенъ. Второе же назначеніе было прямо невыгодно: оно заставило бы меня отказаться отъ губернаторской должности и по окончаніи занятій въ Константинополь поставило бы меня въ положеніе лица, ищущаго мѣста. Я предпочелъ возвратиться въ Радомъ, гдѣ и оставался до начала декабря 1879 г., когда былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири и командующимъ войсками, тамъ расположенными.

Дмитрій Анучинъ.

Сообщила А. С. Анучина.

Въ долині Дуная въ 1877 году ¹⁾.

VIII.

тромъ, 26 августа, направляясь въ Бѣлградъ, я выѣхалъ по желѣзной дорогѣ изъ Бухареста въ Турнъ-Северинъ, чтобы дальше по береговой дорогѣ въ экинажѣ миновать дунайскіе пороги до Орсовы, тамъ переночевать, а рано утромъ сѣсть на пароходъ австрійскаго Ллойда. Въ полночь проѣзжалъ мимо небольшого острова Ада-кала съ турецкою крѣпостью въ самомъ близкомъ отъ нея разстояніи, на островѣ мелькали огни и оттуда неслись гортанные звуки турецкаго лагеря. Вокругъ была пустынная мѣстность и ни малѣйшаго признака австрійской пограничной стражи. Обошлось благополучно.

На другой день пароходъ шелъ вдоль сербскаго берега. Взглядъ мой скользилъ по береговымъ, лѣснымъ, нагорнымъ дебрямъ развертывавшейся предо мной Сербіи, уже сдѣлавшейся для меня чѣмъ-то очень близкою и дорогою. Вотъ въ этихъ-то трущобахъ, представлялось мнѣ, впервые закопошились мужественные борцы за родину, когда донеслися сюда раскаты побѣдныхъ пушекъ екатерининскихъ богатырей. Среди этихъ непроходимыхъ дебрей сплывалась сербская сила, не замедлившая отозваться на бранный призывъ братскаго народа. Не велика была рать у Георгія Чернаго, но много

¹⁾ „По статьямъ, уже помѣщеннымъ на страницахъ „Русской Старины“, можно судить о характерѣ и достоинствахъ записокъ Г. И. Бобрікова, которыми авторъ имѣетъ въ виду охватить тѣ эпохи, въ которыхъ ему приходилось дѣйствовать, въ большинствѣ случаевъ, какъ одному изъ руководителей. Время успокоило страсти, наступила минута нелицепріятной оцѣнки событий и лицъ, и въ этомъ отношеніи трудъ Г. И. нельзя не признать выдающимся. Первая серія статей касается дѣятельности автора въ Румыніи, въ дѣйствующей арміи, въ Сербіи, въ Берлинѣ на конгрессѣ, въ Константинополѣ послѣ войны и т. д. Мысли автора глубоки, изложение выцукло и литературно“.

Ред.

Георгій Ивановичъ
Бобриковъ.

въ ней было мужества и рѣшимости постоять за свободу родины. Твердая вѣра въ святость дѣла дала ей побѣду, которую Россія воспѣшила закрѣпить международнымъ договоромъ.

Прошло затѣмъ полвѣка, а уже много превратностей судьбы пришлось претерпѣть юному княжеству. Сначала попытки турокъ вновь вернуть его подъ свою власть, продолжительное задержаніе ими крѣпостей, а въ особенности внутреннія неурядицы, а потомъ вредное вліяніе Запада, отразившееся введеніемъ въ страну государственнаго строя, не отвѣчавшаго тогдашнему ея состоянію... Насильственный перерывъ организаторской дѣятельности князя Михаила, малолѣтство настоящаго князя и естественная неустойчивость власти регентства. Все это, очевидно, не могло благоприятно вліять на плавное развитіе внутренней силы молодого организма.

Съ моей стороны было бы, конечно, неосновательно предполагать встрѣтить въ Сербіи вполнѣ организованную военную систему. Вѣрнѣе ожидать, что я тамъ встрѣчу полное неустройство, только благія намѣренія большинства и, быть можетъ, даже серьезное сопрогивленіе со стороны другихъ, личные интересы которыхъ затрагиваются моимъ пріѣздомъ. Во всякомъ случаѣ я найду въ странѣ, близкихъ по роду и духу Карагеоргію, потомковъ его доблестныхъ юнаковъ, которыхъ мужество не поколебалось неудачами послѣдней войны.

На одной изъ приставей съ парохода, шедшаго съ верха, пересѣлъ къ намъ князь А. Н. Цертелевъ, возвращавшійся въ дѣйствующую армію изъ Бѣлграда, куда ѣздилъ по служебному порученію. Смѣтливый юноша, узнавъ о моемъ полномочіи, захотѣлъ меня видѣть, чтобы передать всѣ свои впечатлѣнія, только что вынесенныя. Конечно, я былъ ему чрезвычайно признателенъ и съ величайшимъ интересомъ выслушалъ его рассказъ.

„Васъ ждуть въ Сербіи съ великимъ нетерпѣніемъ и большія надежды связываютъ съ вашимъ пріѣздомъ. Предупреждаю, правительство не рѣшается на объявленіе Турціи войны ранѣе марта. Существуетъ убѣжденіе въ нерѣшительномъ исходѣ кампаніи настоящаго года и въ возобновленіи военныхъ дѣйствій раннею весною. Не желая подвергаться лишеніямъ и невздамъ зимняго военнаго времени, князь съ министромъ хотятъ поспѣть прямо къ финалу, чтобы участвовать въ дѣлѣхъ трофеевъ. Между тѣмъ селяки, т. е. сельское населеніе, рвутся въ бой...

Что вы объ этомъ думаете?“

— Мнѣнія высказать еще не могу, а полагаю, что такъ или иначе, а сербамъ придется втянуться въ войну еще настоящею осенью.

Въ день прибытія въ Бѣлградъ я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ Н. Н. Ладыженскимъ, временно управлявшимъ нашимъ генеральнымъ консульствомъ, любезно меня встрѣтившимъ на пароходной пристани. На первыхъ порахъ онъ мнѣ былъ чрезвычайно полезенъ. Владѣя сербскимъ языкомъ, онъ былъ хорошо знакомъ съ жизнью страны. Тогда мнѣ казалось, что онъ преувеличиваетъ, относя всѣ бѣдствія княжества къ личности князя Милана. Только позднѣе я убѣдился на дѣлѣ въ его правотѣ. Въ Бѣлградѣ онъ жилъ со своею малолѣтнею семьей, какъ у себя въ деревнѣ. Съ сердечною благодарностью вспоминаю его бесѣды, всегда умныя, чистосердечныя и прямыя, широкое чисто русское гостепріимство, горячія щи, напѣвную гречневую кашу. А по вечерамъ какъ было отраднo уноситься въ міръ грезъ подъ чудные музыкальные звуки его искусной игры на роялѣ!

О положеніи дѣлъ въ княжествѣ я услышалъ мало утѣшительнаго. Послѣ реквизиціи во время послѣдней войны, страна представлялась разоренною. Промышленность и торговля—въ рукахъ иноземцевъ. Частнаго кредита не существовало, правительственный палъ до невозможности. Почти полное отсутствіе организованныхъ вооруженныхъ силъ кромѣ нѣсколькихъ наскоро сколоченныхъ баталіоновъ. Вооруженіе жалкое. Никакихъ правительственныхъ запасовъ, ни продовольственныхъ, ни вещевыхъ, ни боевого снаряженія, за исключеніемъ развѣ вещей, присланныхъ изъ Россіи за добровольческій періодъ. Общественныя силы подорваны. Изъ лучшихъ семействъ много было въ изгнаніи. Почти всѣ вовлечены въ политическую борьбу. Даже духовенство и войска служили орудіями честолюбивыхъ помысловъ...

Два обстоятельства изъ недавняго прошлаго остановили мое вниманіе. Генеральный консулъ Карцовъ былъ удаленъ нами отъ должности, по проискамъ князя, съ лишеніемъ большей части содержанія. Если г. Карцовъ былъ назначенъ на отвѣтственный и высокій постъ, то очевидно былъ того достойнъ. Какъ же вдругъ онъ могъ сдѣлаться настолько дурнымъ, что оставленіе его на посту сдѣлалось невозможнымъ? Не скорѣе ли это недопустимая поблжка княжеской прихоти, весьма затруднившая на будущее время положеніе нашего представителя, аккредитованнаго при княжескомъ правительствѣ?

Другой невозможный фактъ полной неудачи миссіи генерала Никитина. Съ благимъ намѣреніемъ содѣйствовать упроченію силы княжества нами былъ посланъ этотъ генералъ въ сопровожденіи выдающихся нашихъ авторитетовъ по всѣмъ специальностямъ военнаго дѣла. Несмотря на то, что въ распоряженіи миссіи былъ миллионъ

рублей, она возвратилась, не принеся Сербіи ни малѣйшей пользы. Обстоятельство, надъ которымъ слѣдуетъ сильно призадуматься.

Особое значеніе имѣло мое представленіе князю Милану. Отъ характера пріема, очевидно, зависѣла большая или меньшая трудность выполненія мною возложенной на меня задачи. Безусловно всѣ предупреждали меня о двуличіи и лукавствѣ, но меня болѣе интересовало правильное пониманіе политической обстановки. Князь не скрылъ своей радости видѣть меня въ Бѣлградѣ, но обращенію своему старался придать особую торжественность, нѣсколько вычурную.

„Я весьма радъ“, сказалъ онъ, „что наконецъ мнѣ представляется возможность имѣть непосредственныя сношенія съ уполномоченнымъ Его Императорскаго Высочества главнокомандующаго русскою арміею. Преклоняюсь предъ актомъ великодушной рѣшимости Императора Александра поднять мечъ въ защиту христіанскихъ народностей Балканскаго полуострова, и считаю своимъ долгомъ себя вмѣстѣ съ моимъ народомъ отдать въ распоряженіе могущественнаго монарха. О своихъ чувствахъ и готовности принять участіе въ войнѣ я имѣлъ счастье лично свидѣтельствовать еще въ Плошти. Но во время войны страна слишкомъ испытала, средства ея истощены. Немедленное объявленіе войны рискованно. Благоразуміе требуетъ предварительно мобилизаціи приготовить продовольствіе, обмундированіе, снаряженіе и вооруженіе. Въ виду открытаго положенія границъ нельзя мобилизовать менѣе ста тысячъ человекъ. При такомъ разчетѣ необходимо прикупить къ имѣющимся тридцати пяти тысячамъ ружей системы Пибоди, по крайней мѣрѣ, еще столько же. Все это требуетъ большихъ денежныхъ средствъ, а государственная казна истощена событіями. Впрочемъ, я не ставлю вопроса объявленія Сербіею войны въ зависимость отъ назначенія субсидіи и готовъ немедленно идти въ бой, чтобы свято исполнить свой долгъ“.

На словахъ выходитъ прекрасно; нужно надѣяться, что и на дѣлѣ я встрѣчу не затрудненія, а полное содѣйствіе. Но по опыту я зналъ, что даже при сочувствіи начальства работа не клеится, если къ ней не расположены исполнители. Въ этомъ отношеніи для меня были важны первый министръ Ристичъ, военный министръ Груичъ и митрополитъ Михаилъ.

Докторъ правъ, Іованъ Ристичъ, одинъ изъ регентовъ во время малолѣтства князя, глава партіи радикаловъ, человекъ большого ума и твердой воли, былъ центральнымъ лицомъ княжескаго правительства. Много виѣшняго и несущественнаго онъ предоставлялъ князю, но руль сербской политики твердо держалъ въ рукѣхъ. Къ сожалѣнію, политика его не была дальновидною. Онъ не понималъ

важности ни общеславянскихъ вопросовъ, ни значенія сербскаго объединенія, и въ этомъ отношеніи легко шель на сдѣлку съ совѣстью. Княжество соперничало съ Черногорією, которой не довѣряло, и продавало интересы славянства Австро-Венгріи за чечевичную похлебку. Мнѣ лично Ристичъ оказалъ могущественную поддержку, безъ которой я едва-ли былъ бы въ состояніи справиться съ массою встрѣченныхъ мною всякаго рода затрудненій.

Кто въ Петербургѣ не зналъ генерала Савву Груича, сербскаго посланника. Окончившій курсъ въ нашей Академіи Генеральнаго Штаба, разумный, спокойный, дѣловитый, онъ всегда и вездѣ былъ желаннымъ гостемъ. Постъ военнаго министра, который онъ занималъ въ княжествѣ, былъ трудный, не по количеству войскъ и богатству матеріальной части, а по существовавшему вездѣ хаосу. Меня онъ принялъ съ полною готовностью служить и сейчасъ же организовалъ работу при сотрудничествѣ инженеръ-подполковника Магдалинича и генеральнаго штаба подполковника Джурича, тоже учениковъ нашей военной Академіи.

Остается сказать два слова о митрополитѣ Михаилѣ, обойти котораго я ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ. Напротивъ, я считалъ своимъ долгомъ при той обстановкѣ, въ которой находился, оказать первенствующему члену сербской православной церкви наибольшее вниманіе. Воспитанникъ нашей Кіевской духовной Академіи, дѣятель широкаго кругозора, митрополитъ Михаилъ могъ бы имѣть въ исторіи мѣстнаго общества еще болѣе выдающееся положеніе, если бы не общественная атмосфера, пересыщенная политиканствомъ. Я преисполненъ ему глубокою признательностью за тѣ добрыя слова, которыми онъ отзывался о моей дѣятельности.

Мѣстоположеніе Бѣлграда очень живописно. Расположенный на довольно возвышенномъ горномъ отрогѣ, заполняющемъ собою все пространство между Дунаемъ и Савою, городъ командуетъ окрестною мѣстностью къ сѣверу, западу и сѣверо-востоку. Онъ пользовался бы отличнымъ климатомъ, если бы не близкія низменныя мѣста, затопляемые во время дождей. Растительность сада Кали-Мейдана вокругъ старой крѣпости, подъ самымъ слияніемъ двухъ рѣкъ, и обильныя каштановыя насажденія по улицамъ и у княжескаго дворца не оставляютъ желать ничего лучшаго. Кое-гдѣ виноградники, прекрасныя одиночныя плодовые деревья, все это рекомендуетъ здѣшнюю природу, но не искусство ихъ воспитанія и воздѣлыванія. Кали-Мейданъ съ живописнымъ видомъ на широкія долины двухъ рѣкъ былъ очень хорошъ; но свою прелесть имѣла и старая резиденція князя Милоша въ заросшемъ Топчидере, въ двухъ верстахъ отъ города.

Несмотря на несомнѣнное стараніе моихъ сотрудниковъ, дѣло двигалось впередъ не споро, болѣе отъ отсутствія у нихъ навыка, чѣмъ отъ чего другого. Вообще въ сербской арміи было много выдающихся офицеровъ по ихъ природному таланту и военному образованию, но нельзя сказать, чтобы искусство войны у нихъ процвѣтало. Старые приемы еще не были отброшены и масса въ нихъ вѣрила.

Около 10-го сентября я и князь одновременно получаемъ изъ главной квартиры сообщенія: онъ черезъ полковника Катарджи, я— черезъ полевой штабъ. Мнѣ писали, что „по соображеніямъ всѣхъ обстоятельствъ Великій Князь желаетъ, и это воля Государя Императора, чтобы Сербія, воздерживаясь пока отъ объявленія войны Турціи и открытыхъ враждебныхъ дѣйствій, выставила возможно скорѣе обсерваціонныя регулярныя войска на своей юго-восточной границѣ. Второй полумилліонъ будетъ немедленно высланъ по увѣдомленіи Вашемъ объ исполненіи этого требованія“. Катарджи же телеграфируетъ, что въ искренности намѣренія воевать самого князя увѣрены, но сомнѣваются въ желаніи того же сербскими министрами. Присылка второго полумилліона отложена. Требуютъ точнаго опредѣленія времени перехода границы сербскими войсками.

Князь обиженъ и говоритъ мнѣ, что министерствомъ онъ руководитъ самъ и потому не можетъ быть имъ обманутъ, разрѣшеніе воевать просилъ самъ, но безъ немедленной присылки обѣщаннаго полумилліона сербы воевать не въ состояніи, такъ какъ предварительно необходимо къ войнѣ подготовиться.

Между тѣмъ о войнѣ дѣйствительно думали очень мало, отлагая ее на весну, а всѣ помыслы сосредоточивая на скорѣйшей получкѣ денегъ. Нажимомъ изъ главной квартиры я воспользовался, чтобы вызвать болѣе рѣшительныя мѣры. Требованіе немедленнаго перехода не соответствовало осторожной дѣйствительности, но оно было полезно потому, что мои болѣе приноровленныя къ обстановкѣ указанія тѣмъ легче были приняты.

29-го сентября я доносилъ о состоявшихся пограничныхъ сборахъ и находилъ возможнымъ выдачу второго полумилліона. Сборы были исполнены, однако, не такъ, какъ было указано. Въмѣсто сосредоточенія активнаго корпуса на юго-восточной границѣ, части милиціи были собраны мелкими отрядами въ 9-ти пунктахъ на южной и восточной границахъ. Въ общей сложности было мобилизовано около 25 баталіоновъ, 6 эскадроновъ и 22 батарей, всего численностью 25.000 человекъ по списочному составу. Я не возражалъ, признавая важное значеніе этого перваго шага къ войнѣ.

IX.

Князь Миланъ сильно волновался. Когда шла рѣчь о субсидіи, ему ничего не стоило давать самыя широкія обѣщанія; но, когда приходилось эти обѣщанія осуществлять, явилось множество препятствій. Выставленіе боевого корпуса на юго-восточной границѣ для современнаго состоянія страны, дѣйствительно, было дѣломъ крайне затруднительнымъ. Въ мирное время о войнѣ не думали и къ ней не готовились, откуда же было взятъя всему тому, что составляетъ первую потребность на театрѣ военныхъ дѣйствій. Между тѣмъ съ сербской точки зрѣнія нельзя было допускать и мысли о возможности остаться въ сторонѣ отъ великой борьбы за славянское дѣло. Князь все это понималъ, но въ его нравственномъ арсеналѣ не находилось соотвѣтственныхъ средствъ. Отъ природы онъ былъ уменъ, но свой умъ размѣнялъ на прихоти. Нравственныя начала были въ зачаткѣ. Характеръ перешелъ въ дикое упрямство.

Вмѣсто твердой рѣшимости образовать дѣйствующую армію, хотя бы корпусъ надежныхъ войскъ, снабдить ихъ всѣмъ необходимымъ, самому быть въ дѣлѣ, вездѣ и во всемъ, неожиданно ударить на врага, онъ не нашелъ въ себѣ силъ промѣнять комфортъ на лишенія и ожидалъ, когда придутъ ему доложить, что все готово. По-прежнему онъ угощалъ меня изысканными блюдами и винами, въ обществѣ княгини Наталіи, и былъ неистощимъ въ своихъ разсказахъ, нужно отдать справедливость, не лишенныхъ остроумія, но часто приправленныхъ двусмысленностями, обидными для третьихъ лицъ. Княгиня Наталія была въ полномъ расцвѣтѣ своей красоты. Напрасно, однако, можно было бы думать о супружеской гармоніи. Сохранялась только внѣшность, въ дѣйствительности они давно глядѣли въ разныя стороны, и виновнымъ въ этомъ былъ первымъ Миланъ.

Военнымъ дѣломъ князь не интересовался и никогда не давалъ себѣ труда вникать въ его сущность. Въ немъ онъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, дилеттантомъ. Но онъ страшно любилъ говорить на всѣ темы, въ томъ числѣ и военныя. Чтобы не показаться празднымъ, онъ постоянно беспокоился, въ большинствѣ случаевъ показывалъ только видъ, рѣзко переходя отъ военныхъ вопросовъ къ политическимъ, которыми въ особенности увлекался. Одно время онъ очень волновался образованіемъ партизанскихъ отрядовъ изъ оставшихся въ странѣ добровольцевъ для дѣйствій въ Старой Сербіи; но онъ успѣлъ объ этомъ забыть, когда пришло разрѣшеніе изъ

главной квартиры. Въ сущности не слѣдовало спрашивать, а прямо дѣлать, какъ я совѣтовалъ, князь же желалъ показать свою ретивость, да и не желалъ тратить своихъ денегъ. Въ другой разъ, указывая на свои связанные руки на Дринѣ въ угоду Австро-Венгріи, настойчиво требовалъ обратной гарантіи противъ турецкаго нападенія. По примѣру вѣроятно Румыніи вдругъ сталъ домогаться присылки нашихъ осадныхъ орудій для дѣйствія противъ крѣпости Ниша или для бомбардированія Ада-кале на Дунаѣ. Но изъ всего этого не вышло ничего, такъ какъ задумано было мимолетно и не было выдержки въ осуществленіи задуманнаго.

Въ началѣ октября прибылъ А. И. Персіани. Съ его пріѣздомъ отъ меня отпадала вся политическая сторона моей дѣятельности. Я пріобрѣталъ возможность выѣхать внутрь страны, чтобы лично познакомиться съ вооруженными силами княжества и ихъ матеріальною частью. На объѣздъ я употребилъ 12 дней, въ теченіе которыхъ успѣлъ осмотрѣть военно-техническія заведенія въ Крагуевацѣ, учебные сборы въ Крушевцѣ, Алексинцѣ, Княжевцѣ и Зайчара. Особое вниманіе обратилъ на долину р. Болгарской Моравы, на Княжевацкій горный округъ и окрестности Зайчара.

Сербское княжество занимаетъ одну изъ прекраснѣйшихъ и живописныхъ мѣстностей Европы. Горные его округа представляютъ группы величественныхъ возвышенностей, покрытыхъ богато растительностью и орошаемыхъ сѣтью рѣкъ и горныхъ потоковъ. Подъ остальными округами всхолмленная весьма плодородная мѣстность самыхъ прихотливыхъ очертатій. Лѣса сильно вырублены, но все же остается много дубовыхъ рощъ и перелѣсковъ, подъ сѣнью которыхъ ютятся селенія и выселки. Плодородная земля щедро оплачиваетъ трудъ земледѣльца, который нигдѣ не прилагаетъ къ ея обработкѣ особаго старанія, предпочитая распахать цѣлину тщательной обработкѣ нѣсколько выпашанной нивы. Тучныя пастбища даютъ возможность разводить домашній скотъ и въ особенности свиней. Богатая природа даетъ здѣсь человѣку крѣпкій, развитый организмъ и прочное здоровье, а красота мѣстности сообщаетъ ему склонность къ эстетическимъ развлеченіямъ. Какъ только семья обезпечена годовымъ запасомъ хлѣба, преимущественно кукурузой, а налоги уплачены деньгами, вырученными отъ продажи рогатаго скота и свиней, откармливаемыхъ въ ближайшихъ дубнякахъ, хозяинъ уже не заботится о дальнѣйшемъ накопленіи богатства, а вмѣстѣ съ сыновьями все время проводитъ въ кафанѣ (деревенской кофейной), заслушиваясь разказами дѣдовъ о сербской старинѣ, толкуя о политикѣ, распѣвая или танцуя подъ звукъ примитивнаго струннаго инструмента. Сербъ добродушенъ, безпеченъ, нѣсколько

легкомысленъ, честенъ, стоекъ въ дружбѣ, характера подвижного съ рѣзкими переходами отъ страстнаго воодушевленія къ упадку духомъ и обратно, къ своему дому и семьѣ очень привязанъ.

Чудные теплые дни, стоявшіе во все время моего объѣзда, прекрасно устроенные механы—почтовые дворы и большею частью хорошо шоссированныя дороги соединяли всѣ условія для удачнаго путешествія. Только пароксизмы дунайской лихорадки, схваченной въ Систовѣ, точнѣе всякаго хронометра указывали мнѣ шесть часовъ пополудни каждаго третьяго дня.

На сборныхъ пунктахъ я засталъ одиночную выправку, ружейные приемы, маршруровку шеренгой. Къ стрѣльбѣ еще не приступали, вѣроятно рассчитывая, что каждый сербъ долженъ умѣть стрѣлять, можетъ быть также жалѣя патроны. Артиллерійскія части, составленныя изъ старослужащихъ, рѣзко отличались отъ пѣхотныхъ наружною выправкою, знаніемъ службы и лихими эволюціями въ составѣ батарей. Несмотря на превосходство турецкихъ орудій, артиллеристы были увѣрены въ успѣхѣ и только жаловались на неимѣніе шрапнели. Какъ увидимъ ниже, успѣхомъ подъ Нишемъ обязаны главнымъ образомъ артиллеріи.

На народныхъ конниковъ нельзя было смотрѣть безъ улыбки: дотога рослый народъ на приземистыхъ лошадакахъ былъ комиченъ.

Особенно хорошее впечатлѣніе произвелъ на меня корпусъ сербскихъ офицеровъ, изъ которыхъ многіе получили высшее военное образованіе въ иностранныхъ академіяхъ.

Крагуевацкій арсеналь, литейную, патронную и другія мастерскія и засталъ въ полномъ ходу, благодаря только-что полученной субсидіи. Все миниатюрно. Между прочими работами сверлился каналъ 24-хъ-фунтовой мѣдной пушки, которая вмѣстѣ съ уже готовою такою же и шестью старыми гаубицами, унаслѣдованными отъ нашихъ войскъ, должны были въ предстоящей войнѣ сыграть роль осаднаго парка. Впрочемъ, подъ Нишемъ обошлись и безъ нихъ,

Здѣсь я ограничиваюсь общою характеристикою событій, преимущественно съ бытовой стороны. Желаящіе познакомиться съ болѣе специальнымъ изслѣдованіемъ найдутъ его въ моей книжкѣ „Въ Сербіи“ изданія 1891 года, складъ Березовскаго.

Во время моего объѣзда я познакомился съ мѣстностью классическаго сербскаго театра войны съ Турціею. Во всѣ времена долина р. Моравы, съ делиградскою позиціею и передовыми укрѣпленіями у Алексинца, играла роль, какъ наиболѣе доступная и удобная для вторженія въ предѣлы княжества. Со стороны Турціи возведена крѣпость Нишъ почти при слияніи Нишавы съ Моравою на вѣ-

роятномъ пути наступленія изъ Сербіи къ Софіи, а доступъ въ Старую Сербію прикрытъ укрѣпленіями Новобазара.

Странно, что на Новобазарскій санджакъ не было въ свое время обращено никакого вниманія, между тѣмъ онъ имѣетъ не только мѣстное, но и важное политическое и стратегическое значеніе. Узкимъ коридоромъ раздѣляя Сербію отъ Черногоріи, онъ является самымъ серьезнымъ препятствіемъ къ сліянію двухъ сербскихъ княжествъ и образованію единого мощнаго сербскаго государства. Какимъ образомъ, заключая съ Австро-Венгеріей секретный договоръ и отдавая въ ея распоряженіе Боснію съ Герцоговиной для обезпеченія свободы нашихъ операцій, мы не предусмотрѣли его участи установленіемъ общности границы между княжествами? Къ этому вопросу мы еще вернемся при характеристикѣ Берлинскаго конгресса, на которомъ онъ игралъ такую выдающуюся роль подъ именемъ „enclave“. Здѣсь же отмѣтимъ, что допущенная грубая ошибка ни стараніями гр. Игнатьева, писавшаго Санъ-Стефанскій предварительный мирный договоръ, ни настойчивостью кн. Лобанова, заключавшаго окончательный мирный договоръ съ Турціей, не могла быть исправлена. Мало того, она легла основнымъ базисомъ нашихъ позднѣйшихъ соглашеній съ Вѣнскимъ кабинетомъ.

Если бы подготовка къ войнамъ имѣла болѣе общегосударственный характеръ и боязливое недовѣріе къ собственнымъ силамъ нашего дипломатическаго вѣдомства не вліяло бы подавляющимъ образомъ на рѣшенія военныхъ людей, событія сложились бы иначе, много лучше для насъ, и пришлось бы писать исторію народовъ другимъ перомъ.

Еще два слова о театрѣ войны. Если важное значеніе великаго пути черезъ Софію признавалось во всѣ времена, то теперь условія коопераціи Сербіи съ нашею арміею сообщили ему безспорно первенствующую важность. Турки уже были обезсилены ударами нашихъ войскъ и теперь употребляли чрезвычайныя усилія на образованіе новой арміи для освобожденія Османа-паши, запертаго въ Плевнѣ. Ясно, что до подхода подкрѣпленій изъ Босніи и Македоніи и албанскаго ополченія, они не могли разсчитывать на наступательный образъ дѣйствій противъ Сербіи и ограничивались возведеніемъ укрѣпленнаго лагеря Будимъ-дела подъ Пиротомъ для обезпеченнаго сообщенія съ Нишемъ.

Такимъ образомъ все, что мнѣ пришлось видѣть внутри страны, съ чѣмъ успѣлъ познакомиться, во что удалось вникнуть, все подавало поводъ надѣяться на успѣшное осуществленіе сербской коопераціи, все указывало на своевременность перехода отъ словъ къ дѣлу. Шестидесятитысячное сербское народное войско при 178

орудіяхъ могло перейти границу въ теченіе десяти, двѣнадцати дней со дня объявленія войны.

Опытъ прошлогодней войны, хотя и вселилъ въ нѣкоторую часть населенія панической страхъ къ туркамъ, для большинства послужилъ хорошей школой боевого крещенія, практически ознакомивъ его съ военнымъ дѣломъ и умѣривъ излишнее самомнѣніе, которому сербы такъ легко поддаются по подвижности своего характера. Страстное желаніе возмездія большей части населенія, его чрезвычайная выносливость, прекрасный офицерскій составъ, превосходная артиллерія, подавляющая численность, все представляло солидныя данныя для рѣшенія вопроса объ участіи Сербіи въ войнѣ въ положительномъ смыслѣ.

Самая обстановка на болгарскомъ театрѣ войны благопріятствовала вступленію въ дѣло сербскихъ войскъ. Они могли принести существенную пользу отвлеченіемъ на себя части силъ, собираемыхъ къ Софіи, войскъ Мегемета-паши при наступленіи ли ихъ къ Плевнѣ или при оборонѣ балканскихъ проходовъ.

Я сдѣлалъ рѣшительный шагъ, телеграфировалъ изъ Александрией Бани, 2-го ноября, о предвареніи сербскаго правительства быть готовымъ къ объявленію войны.

7-го числа я вернулся въ Бѣлградъ, а 10-го получена официальная депеша изъ главной квартиры черезъ Нелидова и Персіани съ формальнымъ приглашеніемъ князю, „по исполненіи всѣхъ политическихъ формальностей немедленно принять мѣры для перехода сербскими войсками границы въ возможно скорѣйшемъ времени“.

Князю Милану приходилось дѣйствовать, хотя противъ его желанія, такъ какъ онъ руководствовался тѣмъ соображеніемъ, что чѣмъ позднѣе сербы выступятъ въ походъ, тѣмъ положеніе ихъ будетъ безопаснѣе и тѣмъ менѣе будетъ израсходовано денежныхъ средствъ.

Бѣлградъ заволновался. Какъ всегда бываетъ, когда дѣло не подготовлено и не находится въ надежныхъ рукахъ, все сразу заговорило, явились предложенія самыя неожиданныя и противорѣчивыя. Одни предлагали непосредственную оборону на всемъ протяженіи всѣхъ границъ, другіе указывали на преимущества развитія военныхъ дѣйствій къ сторонѣ Черногоріи, третьи предпочитали дѣйствовать въ Босніи, какъ искони сербской странѣ.

Когда я пояснилъ князю, что въ виду милиціоннаго характера сербскихъ войскъ единственнымъ способомъ дѣйствія слѣдуетъ признать сосредоточеніе массъ и направленіе ихъ къ сторонѣ главной оперирующей въ Болгаріи арміи, князь горячо мнѣ возразилъ,

что такъ легко говорить русскому офицеру, но что ему долъгъ повелѣваетъ прежде всего заботиться объ охранѣ собственныхъ границъ. Напрасно я старался ему выяснитъ главныя начала военного искусства въ примѣненіи къ настоящему случаю, напрасно я силлся его убѣдить, что выдвинутыя впередъ войска лучше обезпечить неприкосновенность границъ, которымъ опасность грозить только съ юго-востока, что интересы сербовъ и русскихъ неразрывно связаны, а общая цѣль заключается въ пораженіи турецкой арміи, князь стоялъ на своемъ, заявляя, что въ военномъ дѣлѣ онъ имѣетъ свои собственныя убѣжденія...

Всѣ мои планы были готовы лопнуть мыльнымъ пузыремъ и разбиться въ пухъ отъ проявленнаго вдругъ упорства князя Милана. Если сразу не положить предѣлъ этому самодурству, толка не будетъ. Объясняю Персіани всю важность критической минуты и прошу его самаго энергичнаго содѣйствія.

Черезъ два дня является Персіани.

— „Теперь“, говоритъ онъ, „вы можете отправляться къ князю. Благодаря вмѣшательству Ристича, почва такъ подготовлена, что вы можете сажать въ нее все, что угодно. Князь далъ слово безусловно слѣдовать всѣмъ вашимъ совѣтамъ.“

Это было 18 ноября. Я тотчасъ же отправился во дворецъ и дѣйствительно нашелъ князя въ самомъ предупредительномъ расположеніи. Какъ потомъ оказалось, магическое воздѣйствіе оказалъ вопросъ о денежной субсидіи.

„Ставлю себя въ полное распоряженіе Великаго Князя, приказанія котораго буду выполнять, какъ сержантъ капитана“, встрѣтилъ меня князь. „Надѣюсь, однако, что мнѣ будетъ предоставлена нѣкоторая самостоятельность въ зависимости отъ мѣстныхъ условій“.

Х.

Участіе Сербіи въ войнѣ 1877—78 гг.

Отсутствіе своевременно составленнаго плана дѣйствія на Балканскомъ полуостровѣ вызвало въ эпоху войны цѣлый рядъ неожиданныхъ для насъ положеній, нами разрѣшенныхъ и разрѣшаемыхъ различно въ зависимости отъ случайныхъ явленій. Ни въ политическомъ отношеніи, ни въ военномъ, заблаговременно не были выработаны основныя соображенія, которыми могли бы руководствоваться призванные къ работѣ дѣятели. Яснымъ доказательствомъ сказаннаго служить до сихъ поръ остающееся въ силѣ политиче-

ское сredo, нами усердно поддерживаемое и идущее въ разрѣзъ съ нашими интересами въ славянскомъ мірѣ. Намъ союзные, родственные организмы, требовавшіе отъ насъ не столько боевой за нихъ работы, сколько нравственнаго руководительства и гарантіи ими самими добытыхъ результатовъ, въ своемъ развитіи тормозились нашими же руками, подписывающими in status quo подъ диктовку враждебныхъ дипломатовъ. Если это дѣлалось подъ вліяніемъ нашей вооруженной слабости, то было необходимо самосознаніе и безотлагательное исправленіе и усиленіе, но ни въ какомъ случаѣ нельзя было допускать дипломатическаго тумана подъ видомъ особаго искусства. Что же касается до подготовительной работы военнаго характера, то слабыя попытки ея организаціи, принесли однако на войнѣ несомнѣнную пользу, хотя бы сборниками маршрутовъ и балканскихъ переваловъ, дальнѣйшаго развитія достигъ не успѣли.

Казалось бы, что, направляя событія на Балканскомъ полуостровѣ къ заключительному акту многолѣтней борьбы съ исламомъ, слѣдовало въ свое время тщательно обдумать не только тѣ средства, съ помощью которыхъ предполагалось достигъ поставленную цѣль, но и роль каждаго изъ государствъ Балканскаго полуострова такъ, чтобы великое дѣло созданія славянской мощи сложеніемъ союза славянскихъ народностей и примыкающихъ къ нимъ, на общности интересовъ, шло стройно и систематично. Самый главный вопросъ, будетъ ли разрѣшеніе дѣла предоставлено нашему мечу или достигнуто инымъ способомъ, оставался до самой послѣдней минуты нерѣшеннымъ. Хотя ядро дѣйствующей арміи уже было мобилизовано, но мы все еще искренно вѣрили, въ противность указаніямъ опыта, что желаемый нами результатъ будетъ достигнутъ путемъ мирныхъ переговоровъ. Занесенный мечъ повисъ въ воздухѣ, отнявъ у насъ силу удара и склонивъ чашу вѣсовъ войны въ пользу нашихъ противниковъ. Такая шаткость въ капитальномъ вопросѣ не могла не вліять на энергію нашихъ союзниковъ, заставляя ихъ осмотрительно довѣряться нашимъ указаніямъ въ ущербъ собственнымъ болѣе мелкихъ интересамъ.

Позднѣйшія событія обнаружили, что политическая обстановка едва-ли вынуждала насъ самихъ братья за оружіе, что при выясненіи средствъ борьбы успѣхъ ея легко могъ быть обезпеченъ соединенными усиліями самихъ народностей, стремившихся къ самостоятельности, что, наконецъ, вооруженнымъ наблюденіемъ мы во всѣхъ отношеніяхъ могли бы принести дѣлу большую пользу, закрѣпивъ устойчивость новаго строя славянскихъ государствъ безъ необходимости идти на берлинское соглашеніе.

Если въ свое время мы твердо рѣшились положить предѣлъ постыдному положенію турецкой райи, на что имѣли силу и полную возможность, едва-ли слѣдовало раздувать религіозную рознь между болгарскимъ и греческимъ духовенствомъ. При приобрѣтеніи Болгаріею политической самостоятельности все равно приобрѣталась автокефальность церкви. Едва-ли слѣдовало допускать разгораться въ Сербіи костру, искусственно подожженному стоявшими въ то время у власти честолюбцами, и содѣйствовать подъему народнаго сочувствія у насъ сербскому дѣлу образованіемъ добровольческихъ партій. Возбужденіе народныхъ массъ было велико, къ величайшей чести русской народности, но тѣмъ осторожнѣе слѣдовало имъ пользоваться, чтобы вѣнчать великое дѣло. Не отдѣльными усиліями, часто одно другое парализовавшими, слѣдовало достигать успѣха въ рѣшеніи широко поставленной задачи, не случайными проходящими культами то сербской, то болгарской народностей, а съ политическимъ глазомѣромъ, составленнымъ планомъ и приведеніемъ его въ исполненіе съ желѣзною волею и непоколебимою настойчивостью.

Все вышеизложенное было необходимо сказать, чтобы выяснитъ, почему историческое событіе не было доведено до конца и продолжаетъ отъ насъ требовать все новыхъ и новыхъ усилій.

Въ ряду народностей Балканскаго полуострова, съ нашею помощью послѣдовательно образовавшихъ государственные организмы, центральное мѣсто занимаетъ сербская народность. По своему географическому положенію она опередила другія народности начатками западно-европейской цивилизаціи, по исторической же судьбѣ подверглась раздѣленію вѣроисповѣданіемъ и политическимъ строемъ. Въ первомъ отношеніи рознь не препятствуетъ единенію по кровному родству, но во второмъ встрѣчаются серьезные препятствія въ соперничествѣ Сербіи съ Черногоріею. Это послѣднее обстоятельство весьма опасно. Какъ въ удѣльный періодъ нашей исторіи, личные интересы властителей толкали ихъ на измѣну народному дѣлу даже союзомъ съ татарвой, такъ и тутъ велико искушеніе для сербскихъ княжествъ идти на компромиссъ съ врагами славянскаго союза. Отсюда ясно, что, пока не образуется единое сербское государство, устойчивости въ славянскомъ мірѣ не будетъ, и что оно будетъ достигнуто только уравниваніемъ сербской государственности съ болгарскою. На сколько сербское разъединеніе пагубно, показываетъ настойчивое требованіе разъединенія болгарской народности на княжество и провинцію Восточной Румелии. Къ счастью для Болгаріи и для общаго дѣла козни недруговъ были въ-время парализованы.

Когда жребій войны, наконецъ, былъ брошенъ, и Великая Россія, въ лицѣ своего Самодержавнаго Монарха, явилась въ Плоэшти на арену военныхъ дѣйствій для высшаго руководства событіями, предстали мѣстныя государства съ вопросомъ, что имъ дѣлать и какъ имъ быть, но опредѣленнаго отвѣта не получили. Правительство князя Милана никогда не пользовалось нашимъ сочувствіемъ, почему и къ предложеніямъ его въ нашей главной квартирѣ отнеслись съ недовѣріемъ. Оно было избаловано всякаго рода помощью въ предшествующую эпоху и начинало свое заявленіе требованіемъ матеріальной помощи. Такая постановка вопроса слишкомъ напоминала времена Кондотьери и не соответствовала высокой идеѣ, во имя которой была предпринята война. Предложеніе было отклонено, князь вернулся домой ни съ чѣмъ, а для поддержанія связи при главной квартирѣ главнокомандующаго былъ оставленъ княжескій родственникъ, сербской службы полковникъ, Катарджи.

Въ такомъ положеніи находились отношенія къ княжеству, когда неудачи подъ Плевной сильно поколебали нашу самоувѣренность и смутили духъ вождей полевого штаба арміи. Только тогда обратились къ спѣшной оцѣнкѣ силъ и средствъ мелкихъ союзниковъ съ призывомъ ихъ войскъ на театръ военныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ неисполненная въ-время работа должна была выполняться въ хаотической обстановкѣ войны спѣшно и въ ущербъ нашему государственному достоинству.

Дождавшись такого благопріятнаго для себя оборота событій, князь Миланъ не хотѣлъ себя продешевить, но въ своихъ корыстолюбивыхъ домогательствахъ былъ принужденъ считаться съ возвышенною волею сербскаго народа. Онъ домогался получить ежемѣсячную субсидію въ миллионъ рублей; но принятіе такого крупнаго размѣра приближало бы сербскую кооперацію къ найму, что отнюдь не отвѣчало ни истинному положенію вещей, ни достоинству сербской народности. Было опредѣлено выдавать сербскому правительству по полтора ста рублей въ день на каждую тысячу человекъ, дѣйствующихъ внѣ предѣловъ княжества, если только общее число перешедшихъ границу не будетъ менѣе двадцати пяти тысячъ, и уплату субсидіи начать черезъ двѣ недѣли по переходѣ границы.

Опытъ войнъ нашихъ на Балканскомъ полуостровѣ выяснилъ, что сокрушеніемъ силы сопротивленія ислама еще не достигался политическій строй, если только мы не имѣли намѣренія раздвинуть собственные предѣлы до водъ Эгейскаго моря, что первѣйшею нашею заботою должно было быть устройство государственнаго организма, сложнаго по мѣстнымъ народностямъ, которымъ мы могли бы замѣ-

нить наносный порядокъ турецкаго владычества. Вотъ почему, приступая къ новой войнѣ, мы должны были готовиться по широкому плану призыва народностей къ общей работѣ прежде на полѣ брани, а потомъ къ образованію новой политической системы.

Если бы на сербскомъ театрѣ войны были признаны общіе интересы, наша дѣятельность тамъ должна была бы проявиться много раньше. Нельзя сказать, чтобы ея не было вовсе, но многократная инициатива наша въ этомъ направленіи носила характеръ или случайный или односторонний. Почему посылка въ Бѣлградъ мюнхенской комиссіи генерала Никитина не имѣла никакого успѣха? почему исходъ добровольческой войны имѣлъ такой плачевный характеръ? почему рѣшеніе подать руку помощи Сербіи черезъ Кладово неожиданно было оставлено? Все это—вопросы громадной военной и политической важности, такъ и оставшіеся безъ выясненія.

Военныя операціи на сербскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій не должны были исчерпываться директивами, преподанными изъ главной квартиры. Одинаковое значеніе съ наступленіемъ къ сторонѣ главной дѣйствующей арміи имѣло развитіе военныхъ дѣйствій къ сторонѣ Черногоріи, которыя не только въ стратегическомъ, но и политическомъ отношеніи имѣли первенствующее значеніе. Узкая полоса сильно гористой мѣстности, разъединяющая на разстояніи 60—70 верстъ два сербскія княжества, всегда служила на пагубу православія и сербской народности, какъ дебуше для напора съ одной стороны полчищъ Магомета, а съ другой нѣмецкой назойливости. Эта мѣстность, на языкѣ дипломатовъ Enclave, сливается съ обширнымъ историческимъ Коссовымъ полемъ въ Старой Сербіи. По мѣстнымъ топографическимъ и географическимъ условіямъ особое значеніе имѣютъ на этомъ пространствѣ: со стороны Сербіи—Новый Варошъ, Сенница, Ново-Базаръ и Митровица, находящіеся на главномъ и единственномъ колесномъ и желѣзно-дорожномъ пути черезъ Боснію въ Солунъ, а со стороны Черногоріи тропа отъ переваловъ Колошина и Баранѣ на Печь.

Передовыми патриотами обоихъ княжествъ всегда сознавалась великая польза политическаго единенія сербской народности. Только немногіе, боясь потерять личныя земныя блага, сопряженныя съ властью, всѣми способами сопротивлялись осуществленію знаменательнаго событія, при которомъ главная роль принадлежала бы по всѣмъ даннымъ державѣ князя Николая. Описываемое пространство было колыбелью сербской народности и во всѣ времена носило наименованіе Старой Сербіи; но вслѣдъ за нашествіемъ османлизовъ сербское населеніе насиліемъ было принуждено къ переселенію, а ихъ мѣста стали постепенно занимать арнаутомъ. Вотъ

почему при разрѣшеніи сербскаго вопроса приходится считаться съ албанскими племенами, привлеченіе которыхъ къ сербскому союзу на политической почвѣ всегда возможно, въ особенности для такого опытнаго народнаго вождя, какимъ себя показалъ князь Николай. Вопросъ нѣсколько усложняется проясками Австріи, дѣйствующей на религіозную сторону тѣхъ, которые успѣли принять римско-католическое вѣроисповѣданіе, но это затрудненіе не представляется непреодолимымъ, такъ какъ подъемъ племеннаго духа въ Албании великъ, и вѣра не помѣшаетъ имъ дѣйствовать заодно съ княжествами.

Какъ горная страна, Enclave не столько требуетъ регулярныхъ войскъ, сколько привычныхъ къ дѣйствіямъ въ горной странѣ частей, и въ этомъ отношеніи черногорцы представляются образцовымъ войскомъ. Только при дебушированіи на равнинѣ Коссова поля потребуются вполнѣ организованныя войсковыя части съ новѣйшимъ орудіемъ. Отсюда ясно, что первые удары должны быть нанесены въ другихъ мѣстахъ для пораженія силъ противника, и только милиціонные отряды спустятся съ горы для занятія страны общими силами. Послѣ первыхъ успѣховъ союзники должны были стоять твердымъ оплотомъ на занятомъ пространствѣ, пока общность границы княжествъ не была бы закрѣплена мирнымъ договоромъ. Соперничество между княжествами должно было быть устранено указаніемъ объектовъ дѣйствія: Сербіи—Приштины, а Черногоріи—Призрѣня.

Все, здѣсь высказанное въ общихъ чертахъ, должно было составить широкую задачу, заблаговременно въ деталяхъ разработанную и приведенную въ исполненіе по общему плану политической и военной сферы дѣйствія. Должны были быть подготовленными руководители и исполнители, проникнутые высокою цѣлью и снабженные всѣмъ, что было необходимо для обезпеченія успѣха предпріятія.

Теперь мы можемъ судить, что, насколько легко можно было достигнуть соединенія княжествъ общею границею во время военныхъ дѣйствій, настолько же затруднительно затѣмъ было выполнить путемъ международныхъ переговоровъ. Цѣль не только до сихъ поръ не достигнута, но даже проложеніе выгодной для сербскихъ интересовъ желѣзной дороги въ настоящее время встрѣчаетъ массу непреодолимыхъ затрудненій. Осенью 1877 года главная забота высшего командованія оттоманскими арміями на сербскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій заключалась въ формированіи вспомогательной арміи Мегемета-паши въ Софіи, въ обезпеченіи отъ захвата переваловъ Орханіе, Берковца и Св. Никола на случай отступленія Османа-паши отъ Плевны, и въ противодѣйствіи агрессивнымъ по-

пыткамъ княжествъ. Главными оборонительными пунктами здѣсь были крѣпости Ниша и Ново-Базара, первая какъ оплотъ противъ Сербіи и вторая для владѣнія Enclave и прикрытія формированія албанскихъ партій и движенія отрядовъ изъ Босніи. Вся эта оборонительная зона подъ командою Хафиза-паши состояла изъ Нишскаго гарнизона до 8 т. человекъ числительностью, и расположенныхъ подъ Ново-Базаромъ 7 таборовъ редифа на Рогозѣ и 5 таборовъ низама въ Сочаницѣ. Въ счетъ не входили мелкіе отряды, разбросанные по странѣ, и болѣе крупныя части въ придунайской Болгаріи на сербской границѣ, которымъ было приказано при наступленіи сербовъ немедленно стягиваться къ Виддину.

Отсюда ясно, что средства для отпора наступленію на соединеніе двухъ сербскихъ армій со стороны турокъ были ничтожны, а что великая сербская задача была бы осуществлена, если бы о ней больше думали, къ ней серьезнѣе готовились, и планъ былъ бы систематично приведенъ въ исполненіе.

Не знаю, много ли шаговъ сдѣлалъ въ этомъ направленіи князь Николай, князь же Миланъ не только объ этомъ не думалъ, но каждый разъ дѣлался глухимъ, когда по этому вопросу къ нему обращались съ представленіями сербскіе патриоты. Стратегическій горизонтъ Милана былъ не широкъ. Прежде всего онъ стремился оградить свою личную безопасность и своей резиденціи отрядами со всѣхъ сторонъ. Съ этою цѣлью, а въ особенности въ видахъ увеличенія размѣра денежной субсидіи, было мобилизовано все, что только было возможно по соображенію вооруженія, снаряженія и продовольствія. Впрочемъ, въ послѣднемъ отношеніи, правительственныя заботы были не обременительны, такъ какъ каждый призванный подъ знамя солдатъ былъ обязанъ имѣть на себѣ мѣсячное довольствіе. Больше заботы было съ обмундированіемъ. По времени года нужно было охранить людей отъ стужи, а они приходили изъ дома только въ самомъ необходимомъ. Приходилось снабжать ихъ по меньшей мѣрѣ плащами и брюками.

Князь Миланъ не признавалъ широкихъ задачъ. Отъ союза съ Черногоріею онъ уклонялся изъ боязни большей популярности князя Николая. Онъ не понималъ никакой для себя выгоды отъ разрѣшенія великой сербской задачи и предпочиталъ всякій захватъ, при какихъ бы условіяхъ онъ ни былъ сдѣланъ. Когда черезъ Катарджи до него дошли вѣсти о направленіи нашего кавалерійскаго отряда въ западную часть Придунайской Болгаріи, онъ сильно безпокоился, чтобы не упустить случая захватить Адліе и Бѣлградчикъ. Бывали дни, когда Миланъ, какъ капризный ребенокъ, жаловался на всѣхъ на свѣтѣ, почему-то на свою судьбу, на

воображаемыя интриги Карагеоргиевичей, на насъ, будто бы его оставившихъ на произволъ судьбы. Последнее потому, что не давали ему достаточно скоро денежныхъ субсидій.

Одинъ разъ спѣшно требуетъ меня къ себѣ.

— „Что же, вы хотите, чтобы Бѣлградъ былъ захваченъ башибузуками? чтобы дворецъ былъ разграбленъ, городъ сожженъ?“

— „Ничего не понимаю, въ чемъ дѣло?“

— „Какъ русскій офицеръ, вы заботитесь только объ интересахъ своей арміи и оставляете на западѣ открытыя двери для нападенія турокъ. Въ такомъ случаѣ я хочу вашей гарантіи безопасности съ этой стороны“...

Въ другой разъ настойчиво требуетъ, чтобы я немедленно просилъ по телеграфу у главнокомандующаго распоряженія о присылкѣ орудій большого калибра для бомбардированія Ада-кала.

На мое представленіе, что игра свѣчь не стоитъ, капризно настаивалъ, что орудія понадобятся вездѣ.

XI.

Еще съ пути моего объѣзда, изъ Алексинацкой Бани 2 ноября, я телеграфировалъ въ нашу главную квартиру о своевременности приглашенія Сербіи къ участию въ войнѣ. 10-го числа официально депешей отъ имени главнокомандующаго послѣдовало формальное приглашеніе князю, черезъ Нелидова и Персіани, по исполненіи всѣхъ дипломатическихъ формальностей, немедленно принять мѣры для перехода сербскими войсками границы въ возможно скорѣйшемъ времени. 18 ноября даны директивы. Но князь Миланъ не слѣшилъ. Напрасно я объяснялъ ему безопасность предѣловъ княжества, благоприятныя условія для наступленія, возможность опоздать даже къ заключенію мира. Княжеская прокламація къ сербскому народу о войнѣ появилась только 1-го декабря. Обращаютъ на себя вниманіе тѣ мѣста изъ этого важнаго политическаго акта, въ которыхъ излагаются отношенія къ намъ и сосѣднимъ государствамъ.

„Впередъ! къ побѣднымъ орламъ Императора и Освободителя, съ упованіемъ на Бога, Всемогущаго покровителя справедливости! Впередъ во имя освобожденія нашихъ угнетенныхъ братьевъ. Рѣшительный шагъ впередъ, и мы сожжемъ руку тѣхъ братьевъ, съ которыми разъединились со времени Коссва.

...Мы встрѣтимъ на бранномъ полѣ покрытую славой русскую армію, братьевъ-героевъ Черногоріи и нашихъ мужественныхъ сосѣдей румынъ, уже перешедшихъ Дунай“...

Написано съ подъемомъ, осторожно и обдуманно, даже какъ будто съ начертаніемъ высокихъ цѣлей. Все это на словахъ, а на дѣлѣ князь пребывалъ въ убѣжденіи, что Сербія подвигнута на войну преждевременно, что интересы могли быть удовлетворены безъ особаго риска, что отвѣтственность въ случаѣ катастрофы съ сербскими войсками, которымъ не довѣрялъ, должна падать на тѣхъ, которые подали свои голоса за войну и въ особенности на Россію. Такъ какъ центральное мѣсто въ событіяхъ принадлежало мнѣ, то я и долженъ былъ за все отвѣчать. Отсюда моя почетная роль въ общественныхъ явленіяхъ и предъ войсками, къ фронту которыхъ князь заставлялъ меня подъѣзжать первымъ. При каждомъ удобномъ случаѣ заявлялось, что война объявлена по волѣ Царя, а князь—только исполнитель высшихъ предначертаній.

При весьма хорошихъ способностяхъ князь Миланъ провелъ дѣтство въ условіяхъ, неблагоприятно отразившихся на его душевныхъ качествахъ. Самолюбіе, эгоизмъ и упрямство, доведенное до крайнихъ предѣловъ, были основными чертами его характера. Обстоятельства, при которыхъ онъ былъ призванъ къ власти, только усилили вкоренившіеся недостатки, къ которымъ еще прибавили необыкновенную подозрительность. Составленное изъ вожаковъ народныхъ партій, регентство ни въ какомъ отношеніи не могло повліять благоприятно на юную душу, на каждомъ шагѣ обнаруживая силу матеріальной власти. Изъ регентовъ впереди всѣхъ стоялъ докторъ правъ Іованъ Ристичъ, человѣкъ большого ума и, можетъ быть, хорошій патріотъ, но узко понимаемаго патріотизма, для котораго примѣнялъ всѣ средства безъ разбора. Чтобы имѣть успѣхъ на Берлинскомъ конгрессѣ, онъ продалъ высшіе сербскіе интересы графу Андраши за чечевичную похлебку, не столько опутанный ловкостью австрійскаго дипломата, сколько не довѣряя нашей дипломатіи и желая закрѣпить личный успѣхъ въ политикѣ княжества. Тѣмъ не менѣе Ристичъ велъ все правительство твердою рукою и безусловно импонировалъ князю. Другой регентъ, генераль Белимарковичъ, человѣкъ недюжинный, ни выдающійся политикъ, ни опытный военачальникъ, во время войны соединялъ въ своихъ рукахъ активное командованіе двумя корпусами, но ни въ чемъ не успѣлъ проявить своего превосходства. Характеренъ случай, съ нимъ бывшій на Пиротскомъ шоссе. Когда Акъ-Паланка была занята, было необходимо спѣшить къ Пироту; но Белимарковичъ стоялъ на мѣстѣ и впередъ не двигался. Княземъ послано приказаніе немедленно наступать. Передовое расположеніе было соединено съ главною квартирою военнымъ телеграфомъ. Спрашиваютъ по телеграфу, почему стоитъ. Отвѣтъ: устали войска. Князь повто-

ряетъ приказъ о наступленіи. Отвѣта нѣтъ. Сообщаетъ мнѣ все самъ князь.

— „Скажите Белимарковичу, что его разстрѣлаете, если не исполнить приказанія немедленно“.

Князь даже испугался.

— „Что вы, что вы! Вѣдь это регентъ, вѣдь я въ конституціонной странѣ“...

— „Ну, такъ почему же стоитъ?“

На вопросъ отвѣтъ, что 13 числа не хочетъ боя, уважая народный обычай.

— „Въ такомъ случаѣ прикажите двигаться форсированно, безъ потери времени, а драться можетъ завтра“.

Третьимъ регентомъ былъ генераль Протичъ, потомъ начальникъ полевого штаба, безличный, но кропотливый труженикъ. Да былъ ли онъ регентомъ? говорятъ, что былъ. Сомнительно.

Кто мнѣ былъ въ особенности полезенъ, это выдающіеся офицеры, прошедшіе курсъ нашей военной академіи. Во главѣ ихъ былъ генераль Савва Груичъ, въ то время занимавшій постъ военнаго министра, умный, образованный, воспитанный, предупредительный и дѣловой, впоследствии бывшій сербскимъ посланникомъ въ Петербургъ и долгое время стоявшій затѣмъ во главѣ сербскаго государственнаго совѣта. Въ самое короткое время они меня познакомили съ истиннымъ положеніемъ страны и ея вооруженными силами на столько, что дали мнѣ возможность правильно понимать событія и съ успѣхомъ распоряжаться мѣстными средствами.

Два слова по вопросу о прохожденіи курса нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ особенности военныхъ, уроженцами намъ родственныхъ національностей. Въ этомъ вопросѣ нѣтъ мѣста сомнѣніямъ. Чѣмъ больше ихъ будетъ и чѣмъ большихъ результатовъ они достигнутъ, тѣмъ лучше. Это путь развитія политическаго вліянія культурой. Основная мысль издавна лежала въ русской государственности и даже спеціально осуществлялась въ славяно-греко-россійской академіи. Не меньшее государственное значеніе имѣетъ посылка нашихъ болѣе способныхъ юношей въ иностранныя учебныя заведенія для ученія и въ техническо-промышленныя учрежденія для приобрѣтенія практическаго навыка. Въ этомъ отношеніи намъ пришлось бы только слѣдовать примѣру и указаніямъ нашихъ великихъ государей. Тутъ и агентура съ критическимъ анализомъ. Но пользоваться этимъ рычагомъ для подъема, въ особенности, политическаго вліянія необходимо съ крайнею осторожностью, чтобы не допустить сорной травы космополитизма и извращенныхъ толкованій для юныхъ головъ.

Общими усиліями и со всякимъ трудомъ наконецъ удалось достигнуть соглашенія съ княземъ въ распредѣленіи главныхъ силъ на такихъ общихъ основаніяхъ. Изъ пяти корпусовъ, составлявшихъ сербскую армію, на юго-восточной окраинѣ княжества сосредоточить три корпуса,—Шумадійскій, Моравскій и Тимочскій. Послѣдній, однако, условно, съ отдѣленіемъ крупной части на восточную границу, пока обстоятельства не выяснятъ ея полную безопасность. Это ядро арміи, числительностью приблизительно въ 50.000 человекъ, предназначалось для операцій къ сторонѣ нашей арміи, по направленію черезъ Пиротъ на Софію. Такъ какъ наступленіе по этому пути преграждалось сильною крѣпостью Ниша, то, чтобы не втягиваться въ крѣпостную войну и, по возможности, скорѣе оказать давленіе на турокъ, формировавшихъ вспомогательныя для Османа - паши средства, указывалось обходное движеніе горами на Бабину-главу и Акъ - Паланку. Дринскій корпусъ въ полномъ составѣ, числительностью до 12.000 чел., оставленъ на западной границѣ. Князь боялся наступленія противника со стороны Босніи на Бѣлградъ. Яворскій корпусъ, тоже въ полномъ составѣ, числительностью въ 13.000 человекъ, предназначался для остальныхъ операцій на южной границѣ къ сторонѣ Enclave; но онъ оставался въ полномъ бездѣйствіи во все время войны, отчасти благодаря нерѣшительности его командира, полковника Николича, отчасти сдерживаемый главнокомандующимъ, но главнымъ образомъ вслѣдствіе причинъ, мною выше изложенныхъ.

Нужно отдать справедливость прекрасному офицерскому составу арміи, какъ въ отношеніи строевой подготовки, такъ и въ смыслѣ военнаго образованія. Это тѣмъ болѣе достойно удивленія и должно быть отнесено къ личному почину офицеровъ, что въ мирное время подъ ружьемъ состоятъ только кадры. Въ строю много офицеровъ высшаго военнаго образованія, ими полученнаго въ иностранныхъ военныхъ академіяхъ. Но и бѣлградская военная школа достойна похвалы. При ничтожныхъ средствахъ она успѣла во многомъ, благодаря достоинствамъ и высокимъ талантамъ своего директора, генерала Заха, вложившаго въ дѣло всю свою прекрасную душу. Скромный и непритязательный, но трудолюбивый и талантливый, онъ принадлежитъ къ лучшимъ людямъ Сербіи. Его заслуги по школѣ на-лицо, но ему же принадлежитъ и боевое командованіе на Рашкѣ, оставшееся незамѣченнымъ, однако обращающее на себя вниманіе во многихъ отношеніяхъ.

Говоря о несомнѣнныхъ достоинствахъ сербскихъ офицеровъ, слѣдуетъ сказать и о крупномъ ихъ недостаткѣ чрезмѣрнаго сомнѣнія. Послѣднее не въ народномъ характерѣ и занесено въ кня-

жество вмѣстѣ съ плодами иностранной культурной работы. Вотъ почему нѣтъ сомнѣнiя, что со временемъ оно отпадетъ, но пока служить громаднымъ тормозомъ въ развитiи природныхъ талантовъ и лишаетъ страну выдающихся гениевъ. Они пропадаютъ, не до-развившись, столько же отъ нравственной неустойчивости, сколько и отъ неустановившагося общественнаго порядка вещей.

Живымъ примѣромъ сказанному можетъ служить подполковникъ Ефремъ Марковичъ. Несомнѣнно отмѣченный большими дарованiями, но вмѣстѣ съ тѣмъ впечатлительный до болѣзненности, онъ былъ отправленъ въ Берлинъ для усовершенствованiя въ военныхъ знанiяхъ. Это было въ 1863 году, въ эпоху развитiя на Литвѣ повстанческихъ бандъ. Возбужденный до крайности, враждебными для насъ, газетными преувеличенiями, онъ безъ разрѣшенiя бѣжитъ на нашу границу, съ тѣмъ ли, чтобы присоединиться къ повстанцамъ, или только своими глазами увидѣть зло, но на дѣлѣ убѣждается съ негодованiемъ въ массѣ лжи и коварствѣ, и тѣмъ же порядкомъ возвращается въ Берлинъ. Когда онъ возвратился въ Бѣлградъ по окончанiи учебнаго курса, на юную душу, не установившуюся и встревоженную всякими ученiями и сомнѣнiями, беспощадно нападаютъ мѣстные политиканы, онъ еще не успѣлъ разобраться въ событияхъ, а уже попалъ въ водоворотъ событий. Къ великому горю всѣхъ въ князѣ Миланѣ онъ встрѣтилъ не любвеобильнаго государя, полагающаго за народъ свою душу, а мстительнаго, безчеловѣчнаго тирана, ни во что не ставящаго государственную заслугу и не прощающаго даже неосторожно сказаннаго слова. Между тѣмъ заслуга Ефрема Марковича была дѣйствительно велика. Онъ ринулся впереди своей бригады въ студеныя воды р. Нишавы, уже въ ледоходъ, когда обходная сербская колонна загнулась отъ нѣсколькихъ орудiйныхъ выстрѣловъ турокъ. Отважный примѣръ его увлекъ за собою всѣхъ, турки были опрокинуты, а Акъ-Паланка и нѣсколько орудiй достались въ руки побѣдителя. Минута колебанiя, и дѣло не только было бы потеряно, но легко могло случиться, что и вся сербская кампанiя обратилась бы въ ничто. Въ другой разъ, въ пресловутое тринадцатое число, когда генераль Белимарковичъ затруднялся наступать, боясь втянуться въ бой, но былъ все-таки вынужденъ дойти до дороги обходной колонны, тотъ же подполковникъ Марковичъ вмѣсто отдыха карабкается съ двумя батальонами на гору, упреждая на ней занятiе турками, уже наступавшими со стороны Пирота съ тѣмъ же намѣренiемъ.

Даровитый отъ природы, образованный, энергичный и обладая быстрымъ и вѣрнымъ глазомѣромъ, Ефремъ Марковичъ имѣлъ всѣ качества, чтобы сдѣлаться полководцемъ. Кто знаетъ, въ какую бы

сторону повернулась судьба княжества, если бы этот самородокъ преждевременно не погибъ жертвою злого рока. Въ сербскихъ войскахъ былъ не одинъ Марковичъ, но они прошли незамѣченными въ органическомъ государственномъ неустройствѣ. Во всѣ времена сербская исторія изобиловала народными героями. Только имъ и обязана Черная гора своимъ чудеснымъ существованіемъ.

На 4 декабря былъ назначенъ отъѣздъ князя-главнокомандующаго къ дѣйствующей арміи въ Алексинацъ, а я еще совсѣмъ не былъ готовъ. Перемежающаяся лихорадка изводила меня въ конецъ, а заняться лѣченіемъ было недосугъ, несмотря на ежедневныя напоминанія Персіани. Въ одно прекрасное утро онъ мнѣ заявляетъ, что созываетъ консилиумъ врачей, чтобы выяснитъ мое положеніе и положить конецъ болѣзни. Милый Александръ Ивановичъ, онъ о всемъ заботится. Оказывается, что предоставляетъ въ мое распоряженіе, временно пребывающаго въ Бѣлградѣ, секретаря консульства въ Сараево, Н. А. Налетова. Дѣло быстро пошло на ладъ. Консилиумъ опредѣлилъ, что состояніе моего здоровья не внушаетъ опасеній, а, чтобы избавиться отъ пароксизмовъ, предписалъ принять 40 гранъ хинина въ два дня и продолжать приемы по 5 гр. ежедневно. Что же касается до моего личнаго штаба, то я въ самое короткое время былъ снабженъ всѣмъ необходимымъ, великолѣпнымъ фургономъ въ пару лошадей и походными вещами, а въ лицѣ Николая Александровича Налетова я приобрѣлъ неоцѣненнаго помощника и друга.

Отъѣздъ состоялся на разсвѣтѣ 4-го декабря. Безцвѣтность проводовъ князя, въ особенности присутствіе на нихъ митрополита Михаила не пастыремъ церкви, по православному обычаю осѣняющаго крестомъ и иконою воиновъ на брань, а лицомъ высшей администраціи, наравнѣ съ другими гражданскими лицами, произвело на меня тяжелое впечатлѣніе. Сѣрая мгла предразсвѣтнаго утра вполне гармонировала съ оффиціальною натянутостью, царствовавшей въ княжескомъ конакѣ въ минуту отъѣзда верховнаго вождя сербской вооруженной силы. Князь указалъ мнѣ мѣсто рядомъ съ нимъ, княгиня просила беречь мужа. Лошади тронули, я по привычкѣ снялъ фуражку и перекрестился, князь Миланъ закурилъ папиреску. Позднѣе я узналъ, что и въ Сербіи церковь благословляетъ, какъ и у насъ; но что князь избѣгаетъ обрядности, находя ихъ пустою формальностью.

На дорогѣ мы ночевали, на слѣдующій день прибыли въ Алексинацъ.

Обходя въ день пріѣзда расположеніе Смедеревской бригады по землянкамъ у Алексинаца, я убѣдился въ неудовлетворительномъ

состояніи обмундированія людей. Кромѣ холщевой рубахи и суконнаго плаща у большей части людей другой верхней одежды не было. Было 6° мороза безъ вѣтра; что же будетъ съ этими людьми, не привыкшими къ суровой погодѣ, когда на открытомъ бивакѣ ихъ застанетъ сильный морозъ, съ рѣзкимъ вѣтромъ! Черезъ два дня мое недоразумѣніе разрѣшилось вполнѣ.

Хотя блузы, брюки, плащи и шапки полагались отъ казны всѣмъ людямъ какъ постоянныхъ войскъ, такъ и призываемымъ на учебные сборы, но княжеское правительство по этимъ статьямъ расхода обыкновенно дѣлало значительныя сбереженія. Пользуясь тѣмъ, что на службу поселяне являлись въ толстыхъ шерстяныхъ на полотняной подкладкѣ курткахъ, блузы и брюки имъ не выдавались никогда—ни въ мирное, ни въ военное время. Плащами войска были снабжены лучше, благодаря покупкѣ значительной ихъ партіи въ Австріи, во время добровольческой войны, на средства, присланныя изъ славянскихъ комитетовъ.

Въ ночь на 8 декабря, когда княземъ былъ назначенъ выѣздъ на боевыя позиціи Моравской дивизіи, морозъ достигъ 10° при порывистомъ сѣверномъ вѣтрѣ. Выѣхали мы раннимъ утромъ въ обыкновенномъ порядкѣ. Впереди князь со мною, во второй коляскѣ начальникъ штаба генераль Коста Протичъ съ начальникомъ оперативнаго отдѣла подполковникомъ Анжелковичемъ, сзади дежурный адъютантъ князя съ начальникомъ санитарной части Владаномъ Георгіевымъ. Горные скаты застигались снѣжною пылью, срываемую вѣтромъ съ вершинъ. На дорогахъ была невозможная гололедица. Лошади поминутно скользили и временами останавливались, чтобы выдержать напоръ встрѣчнаго порыва вѣтра. Экипажъ бросало то въ одну сторону, то въ другую, то немилосердно подбрасывало на замерзшихъ колеяхъ. Съ большимъ трудомъ, иззябшими и голодными, мы наконецъ добрались до пограничнаго Катунскаго поста, въ которомъ съ удовольствіемъ укрылись отъ свирѣпствовавшей вьюги и наскоро подкрѣпились холодною закускою.

Во всю дорогу я присматривался къ одиночнымъ людямъ, съ полнымъ снаряженіемъ шедшимъ по сторонамъ дороги то вереницей, то небольшими группами, съ позицій во внутрь страны. По ихъ открытымъ лицамъ и бойкой походкѣ было видно, что люди чувствовали себя въ своемъ правѣ. Я припомнилъ рассказы о примитивномъ способѣ возобновленія продовольствія средствами родного дома.

Это обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія князя. Онъ обратился ко мнѣ вскользь со словами.

— „Неизвинительное упущеніе въ санитарной части, допускающее слабыхъ и больныхъ идти пѣшкомъ. Безпорядокъ уже потому не простителенъ, что можетъ послужить первымъ шагомъ къ дезертирству“.

— „Невозможно считать этихъ людей за дезертировъ“, отвѣчаю я.— „Уже потому, какъ они смѣло намъ смотрятъ въ глаза, несомнѣнно, что имъ и въ голову не приходитъ, чтобы они дѣлали что-либо позорное, несовмѣстимое съ долгомъ службы“...

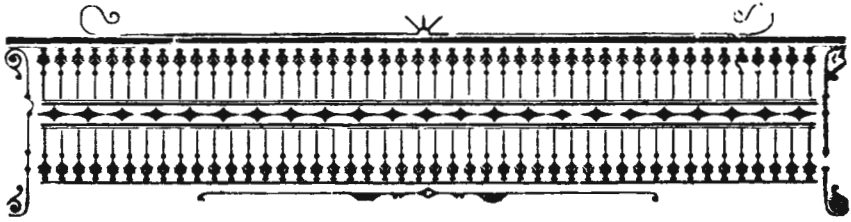
Но князь не слушалъ меня и тутъ же распекъ Владана Георгіева. Мнѣ стало досадно. Очевидно, князь желалъ втереть мнѣ очки.

„Этотъ обычай, въ трудную минуту имѣть базу въ родномъ домѣ, меня не только не печалитъ, но радуетъ, такъ какъ въ немъ я вижу благополучный исходъ изъ возможнаго критическаго положенія. Что могло бы съ ними случиться, если бы они въ плащахъ, подбитыхъ вѣтромъ, оставались голодными на своихъ бивакахъ, гдѣ костеръ, разведенный изъ сухой лозы, не согрѣваетъ, а обжигаетъ“.

Г. И. Бобриковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дневникъ академика В. П. Безобразова.

1887 ¹⁾.

1 марта. Завтракалъ вчера у В. К. С. А. Было симпатично, какъ бываетъ не всегда.

Трудно имѣть отношеніе ко дворамъ—самолюбіе постоянно страдаетъ. Я мало поддаюсь этимъ страданіямъ, потому что имѣю свою независимую жизнь, свой внутренній міръ и свое я, въ сравненіи съ которыми все это для меня ничтожно. Хочу отдалиться отъ свиты, поддерживая отношенія къ истиннымъ друзьямъ, каковыми я считаю В. К. Сергѣя, Павла, Александровичей, Константиновичей и еще немногихъ преимущественно родныхъ. Надо мнѣ закончить мои работы, и все остальное *vanitas*. Для меня совсѣмъ не нужно больше связей, а дѣти должны идти своей дорогой.

Вчера вечеромъ былъ у Леера. Очень мнѣ не понравилось. Какъ люди мѣняются. Съ тѣхъ поръ какъ онъ учитъ Наслѣдника, взгляды его иные. Сдѣлался въ домѣ придворный духъ, рѣзко отличный отъ прежняго рѣзкаго фрондерства, которое было обусловлено недовольствомъ своимъ положеніемъ. Такъ у насъ всегда. Къ этому лакейству прибавляется въ его военномъ обществѣ милитаризмъ и шовинизмъ, заразившіе нашихъ военныхъ, чего прежде не было. Взгляды на Болгарію самые нелѣпые. Сочувствуютъ болгарскимъ бунтовщикамъ (это прямо высказывается даже въ правит. актахъ). Говорятъ, что они имѣютъ право бунтовать противъ „незаконнаго“ правительства. Но почему регентство (какіе бы негодяи въ немъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1912 г.

ни сдѣла) незаконно? Одинъ генераль сказалъ вчера характеристично: „незаконно все то, что противъ Россіи!“ Вотъ, это ясно! Праву моему не препятствуй! Между тѣмъ, правительство не хочетъ войны, не хочетъ и Государь сдѣлать то, что безъ войны сдѣлать нельзя, т. е. навязать насильно болгарскому народу русское правленіе.

Мы сами виноваты, что такъ дурно правили въ Болгаріи, когда имѣли тамъ полную власть. А болгарскихъ бунтовщиковъ, въ томъ числѣ русскихъ подданныхъ разстрѣливаютъ, и мы не можемъ ничего сдѣлать, высказывая оффиціально къ нимъ сочувствіе. Изъ этого бессмысленнаго положенія можетъ быть выходъ только плачевный—война Богъ знаетъ изъ-за чего, чтобъ отыскать и восстановить какой-то настоящій болгарскій народъ, будто бы терроризованный регентами. Извольте до него добраться!

3 марта. Третьяго дня 1 марта, очевидно нарочно 1 марта, чтобъ напомнить объ этомъ ужасномъ днѣ, было покушеніе на царубійство. Когда Государь ѣхалъ съ Наслѣдникомъ въ саняхъ, (Императрица ѣхала въ другомъ экипажѣ) по Невскому (изъ Аничкина дворца) въ Петроавловскій соборъ на заупокойную обѣдню по Имп. Александру II, было взято полиціей три человѣка (съ бомбами въ бинокляхъ) съ тремя ассистентами. Всѣ 6—студенты Петербургскаго университета, что самое печальное. Полиція уже раньше знала, что готовится нѣчто. Людей этихъ захватили случайно перодѣтые полицейскіе на Невскомъ. Впечатлѣніе сильно, ибо въ послѣднее время успокоились, думая, что заговоръ больше нѣтъ! И нынѣшнюю зиму Г. сталъ ѣздить очень свободно. Прежде Императрица не пускала его безъ себя, потому что не хочетъ его пережить и хочетъ вмѣстѣ съ нимъ погибнуть. Въ послѣднее время ее успокоили, что нѣтъ опасности.

Событіе это очень важно. Мерзость нигилизма не пропадаетъ ни при какихъ режимахъ. Какіе способы лѣченія, нельзя понять, но ясно, что и принятый режимъ реакціи также ни къ чему не ведетъ.

При этой внутренней смутѣ Россія не можетъ имѣть значенія въ международныхъ дѣлахъ. Должно же быть также размышленіе, какъ нелѣпо въ то же время покровительствовать болгарскимъ бунтовщикамъ.

6 марта. Третьяго дня былъ большой раутъ у В. К. Владимира А. Было 600—700 человѣкъ В. К. и В. Княгиня была со мной необыкновенно любезны. Онъ спрашивалъ, что я дѣлалъ за границей и почему меня такъ давно не видать — при этомъ очень дружественно шутилъ. В. К. М. П. сказала, со своей обычной очарова-

тельностью: *je suis charmée de vous voir, vous m'oubliez, vous avez il me parait cessé de m'aimer* и т. д. Я ничего не нашель отвѣтить и молчалъ, боясь сказать глупость. Вообще былъ плохъ въ этотъ вечеръ, сдѣлалъ нѣсколько неловкостей, которыя можетъ быть не пройдутъ мнѣ даромъ. Близкіе свели меня курить въ кабинетъ В. К. В. А. Приѣхали Государь съ Императрицей и прямо вошли сначала въ кабинетъ. Г. очень дружелюбно подалъ мнѣ руку, а это произвело впечатлѣніе. Любезное, а иныхъ интимное обращеніе со мной производитъ говоръ и, кажется, возбуждаетъ зависть, для меня вредную.

7 марта. Сегодня я видѣлъ въ общемъ собраніи академіи гр. Толстого, но ничего не замѣтилъ въ немъ, хотя въ городѣ говорятъ, что послѣ покушенія онъ долженъ уйти. Онъ сообщилъ Веселовскому нѣкоторыя подробности, такъ какъ говорилъ со схваченными студентами. По его словамъ, это идіоты—сами они не могли ничего выдумать. Онъ спросилъ главнаго: „по какому побужденію вы это сдѣлали“? Отвѣтъ съ улыбкой: „я уполномоченъ всей Россіей“. „Получили вы это полномочіе?“. Улыбка и молчаніе.

Гр. Т. думаетъ, что тутъ дѣйствовали иностранныя (англійскія) деньги. Этимъ стараются утѣшиться. Многие это говорятъ, въ томъ числѣ Катковъ. Интересно, что рѣшается говорить даже гр. Т. Не понимаютъ, что для Россіи еще болѣе унизительно, что иностранцы могутъ подкупить русскихъ совершать царевубійство. Что же намъ кичиться нашими внутренними порядками?

Вчера ректоръ университета говорилъ, окруженный профессорамъ, рѣчь студентамъ, выражая негодованіе, что злоумышленіе опозорило университетъ (тутъ крики многихъ студентовъ „нѣтъ!“) и объявилъ, что отъ имени профессоровъ и студентовъ поднесетъ Государю адресъ, выражающій негодованіе противъ злодѣянія и вѣрноподданническія чувства. Сегодня въ университетѣ собралась толпа студентовъ, чтобъ протестовать противъ этого адреса. Послана была въ университетъ полиція съ Грессеромъ во главѣ. Что произошло, не знаю.

9 марта. Говоръ о катастрофѣ продолжается—это исключительный теперь интересъ. Онъ крайне разнорѣчивъ, и трудно добиться истины относительно самыхъ простыхъ фактовъ. Высшіе полицейскіе чины между собою перессорились—другъ друга критикуютъ и другъ передъ другомъ выставляютъ свои заслуги. Немудрено, когда есть три конкурирующія между собой полицейскія организаціи—каждая съ своимъ штатомъ шпионовъ: регулярная, жандармская и тайная охрана (все еще дѣйствующая).

Въ университетѣ арестовано 150 студентовъ, протестовавшихъ противъ вѣрноподданническаго адреса.

Большая часть разговоровъ о смутѣ и Болгаріи очень мнѣ антипатичны, но много и здравыхъ мнѣній, которыя не имѣютъ вліянія и не могутъ проникать въ печать.

Третьяго дня вечеромъ былъ у Леера. Военственныя, повинносткія и придворныя рѣчи собирающихся тамъ военныхъ дѣлаются совсѣмъ мнѣ противны.

До этого былъ у Стрепетовой, чтобъ репетировать съ ней „Власть тьмы“ Толстого. Отличная актриса и отличная женщина.

Вчера обѣдалъ у М. Н. Анненкова. П. Х. Саминнъ разсказываетъ такъ много о чудачествахъ гр. Л. Н. Толстого, съ которымъ онъ коротко знакомъ (коротко былъ знакомъ и я, но давно не видалъ). Т. просто юродствуетъ, какъ погибаютъ наши геніи. Это то же, что было съ Гоголемъ.

11 марта. Вчера я былъ потрясенъ извѣстіемъ о кончинѣ С. А. Грейга третьяго дня въ Берлинѣ (послѣ операціи). Это большая для меня утрата, и для экономическихъ обѣдовъ, которымъ онъ придавалъ наибольшій блескъ и охранялъ невознаградимое.

Ежедневно сходятъ со сцены въ могилу сверстники и друзья; другое поколѣніе выходитъ на сцену.

Грейгъ былъ хорошій человекъ, крайне доброжелательный и талантливый. Онъ былъ самый просвѣщенный министръ финансовъ, хотя ему не удалось по краткости пребыванія многого сдѣлать. Онъ палъ отъ интригъ, до сихъ поръ темныхъ и отчасти отъ собственныхъ ошибокъ, которыми онъ сдѣлалъ вредъ себѣ, а не государству. Слабая сторона его—*легкомысліе*, отчасти вслѣдствіе быстроты карьеры, отчасти отъ пажескаго воспитанія. Я лично много обязанъ Грейгу не только за дружбу, но и за покровительство на службѣ (онъ удвоилъ мое содержаніе по Совѣту Министра Финансовъ, и поднялъ меня изъ опалы, въ которой меня держалъ Рейтернъ).

11 марта. Былъ экономической обѣдъ. Долго спорили у Донона, быть или нѣтъ обѣду вслѣдствіе кончины Грейга. Собственно только сен. Гюббенетъ поднялъ вопросъ о неприличіи обѣда,—чтобъ поломаться (показать свою особенную привязанность къ Грейгу, хотя многіе къ нему гораздо были ближе),—какъ это любить Гюббенетъ. Огромное большинство и я были другого мнѣнія,—я находилъ напротивъ приличнымъ чествовать Грейга. Говорили рѣчи въ память Гр. Ламанскій, Полонскій и я. Несмотря на приглашеніе предсѣдателя никто ничего не сказалъ еще. Это было грустно видѣть; кажется, тутъ дѣйствовала боязнь, т. к. Грейгъ

былъ въ немилости въ нынѣшнемъ царствованіи, хотя экономическіе обѣды и многіе ихъ члены лично многимъ обязаны Грейгу. Не могу не примѣтить мрачной черты: кажется, многіе сановники—карьеристы (Тернеръ, Куломзинъ и др.) подъ маской своей скорби осторожно устранились отъ чествованія Грейга.

На эконо. обѣдѣ рѣшено: 1) возложить вѣнокъ на гробъ; 2) отслужить панихиду 18 марта отъ экономическихъ обѣдовъ; 3) собрать капиталъ для конкурса на сочиненія по политической экономіи. Послѣдній вопросъ рѣшили снова обсудить въ бюро.

На обѣдѣ были пренія о табачной монополіи, которая, говорятъ, рѣшена en principe—министромъ финансовъ. Громадное большинство говорившихъ (особенно гости—табаководы) высказались противъ (также и я),—сильнѣе всѣхъ говорилъ К. К. Гротъ. Собственно были за монополію только Ламанскій и Д. Воейковъ (изъ-за прислужничества къ Каткову).

15 марта. Третьяго дня я былъ на встрѣчѣ тѣла Грейга на жел. д. и вчера на похоронахъ. Была масса народа, что доказываетъ, какъ его любили. Я возложилъ вѣнокъ отъ экон. обѣдовъ: онъ вышелъ лучше всѣхъ, хотя было много великолѣпныхъ.

Третьяго дня былъ у ректора унив. Андреевскаго. Онъ говорить, что начальство заставило его говорить рѣчь.

16 марта. Вчера вечеромъ былъ у Сольскаго, благодарилъ за Юрія, которому онъ далъ мѣсто, и затѣмъ бесѣдовалъ долго. Сольскій разсуждаетъ совершенно согласно со мной о болгарскихъ дѣлахъ, Каульбарсѣ, и проч. Странно, что когда министры (и не одинъ Сольскій) такъ разсуждаютъ, политика идетъ наперекоръ имъ. Говорятъ, нельзя сопротивляться самодержавному Государю и выходить въ отставку. Гирсѣ неоднократно просился, и ему отказали, что увольять, когда захотятъ. Если это деспотизмъ, то и деспотамъ (Наполеонъ II) удобнѣе имѣть людей, согласныхъ съ ихъ идеями. Но Государь даже и не деспотъ. Если бы эти господа дѣйствительно говорили ему то, что думаютъ, то и онъ дѣйствовалъ бы иначе. Они этого не дѣлаютъ. Ничего, кромѣ лакейства, тутъ нѣтъ. Эти министры никакихъ убѣжденій не имѣютъ и только болтаютъ о своихъ убѣжденіяхъ, чтобъ понравиться людямъ, съ которыми они говорятъ. Серьезно выходить въ отставку никто изъ нихъ не думаетъ. Отцы не способны на законное сопротивленіе, законное дѣйствіе въ силу своихъ убѣжденій. Дѣти хватаются за незаконныя и преступныя средства. Сегодня былъ у В. К. Сергѣя и Павла Алекс. Очень веселы и какъ будто ничего не бывало.

Никогда культурная слабость нашего общества и народа не выставлялась мнѣ такъ явственно, какъ теперь. Всякій

(въ родѣ Каткова, Побѣдоносцева и прежде Аракчеева) не только самодержецъ, можетъ притиснуть это жалкое общество! Я могу сказать по совѣсти, что даже *сверхъ моей возможности* я обставился самостоятельно и не подчинялся никакому гнету.

19 марта. Вчера служили по Грейгу панихиду отъ эконом. обѣдовъ.

Вчера же заѣзжалъ къ В. К. Павлу Алекс., который все нездоровъ. Кажется мнѣ, или этого нѣтъ, но замѣчаю нѣчто въ родѣ охлажденія или меньшаго ко мнѣ вниманія, или просто меньшаго интереса меня видѣть.

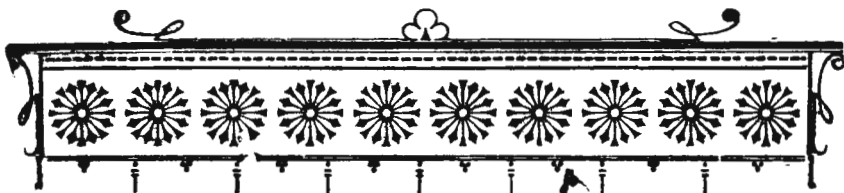
На меня нашла вчера вечеромъ страшная тоска, глубокое уныніе, которое на меня давно не находило. Озираясь на свое прошедшее, убѣждаюсь, что это *saggière manqué*, ничего я не сдѣлалъ серьезнаго и цѣльнаго ни на учебномъ, ни на государственномъ поприщѣ. А могу ли рассчитывать на остатокъ моихъ дней, чтобъ даже кончить начатое?

Сегодня былъ у меня Д. Георгіевскій (братъ извѣстнаго Алекс. Ив.—клеветы Каткова). Интересно, что они сами сознаютъ свою несостоятельность (реформа по учебной части) въ виду недавнихъ покушеній. По крайней мѣрѣ, этотъ Георгіевскій мнѣ въ этомъ сознался.

Сообщ. М. В. Безобразова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Николай Гавриловичъ Чернышевскій ¹⁾.

(Наброски по неизданнымъ матеріаламъ).

XIV. С м е р т ь .

Николай Гавриловичъ, никогда серьезно не болѣвшій, считалъ свою болѣзнь пустяками. Хотя докторъ и требовалъ, чтобы Н. Г. былъ въ полнѣйшемъ покоѣ, и даже предупредилъ, что умственные занятія онъ долженъ на время оставить,—Н. Г. не повѣрилъ представителю медицины, и потому послѣ визита доктора, по обычаю, долго занимался переводомъ Вебера, даже при высокой температурѣ. Когда пришелъ навѣстить его хозяинъ квартиры, Никольскій, то Н. Г. высказалъ ему свое удивленіе, что при сильной жарѣ онъ перевелъ около *шестнадцати* печатныхъ страницъ ²⁾.

Но это сразило его.

Повидимому, и самъ докторъ считалъ заболѣваніе Н. Г.—ча не изъ опасныхъ, такъ какъ не считалъ нужнымъ болѣе посѣщать его и только въ случаѣ ухудшенія состоянія больного просилъ прислать за нимъ. Самому же больному писателю постоянное посѣщеніе врача было, очевидно, непріятно.

Вечеромъ съ Н. Г. опять былъ пароксизмъ перемежающейся

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1912 г.

²⁾ Я напечаталъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, 1910, III, 990—92, по воспоминаніямъ П. А. Никольскаго, о приходѣ домохозяйина въ квартиру Чернышевскихъ, по смерти Н. Г.—ча. Никольскій, будто бы, никогда не былъ знакомъ съ Н. Г.—чемъ; пришелъ, будто бы, оплакать свои потерянные деньги: „кто мнѣ будетъ платить дальше“, говорилъ онъ. На самомъ дѣлѣ, домохозяйинъ былъ знакомъ съ Н. Г.—чемъ, и такой сцены быть не могло.

болотной лихорадки. Чернышевскій бредилъ и находился въ безсознательномъ состояніи. Послали за докторомъ Брюзгинымъ, но его не было дома. Квартирантъ Чернышевскихъ, Токарскій, отправился самъ разыскивать докторовъ, врачъ Никифоровъ, какъ ни упрасивалъ его г. Токарскій, не поѣхалъ, потому что не согласился „практиковать изъ-за спины товарища“ (впрочемъ, Никифоровъ сказалъ, что на консиліумъ, если хотять, онъ прійдетъ); другихъ докторовъ Токарскій не засталъ дома, и только одинъ М. И. Кротковъ оказался дома и согласился лѣчить. Заѣзжалъ г. Токарскій и къ Брюзгину въ отсутствіе послѣдняго изъ дома, но не сказалъ его домашнимъ, что пріѣхалъ за докторомъ для Чернышевскаго. Въ два часа ночи пріѣхалъ, по приглашенію, и докторъ Брюзгинъ. Лѣкарства не дѣйствовали. Больной былъ въ одномъ и томъ же положеніи; сознание—затемнено нѣсколько болѣе, чѣмъ раньше, однако, при громкомъ окликѣ, Н. Г. какъ бы просыпался на нѣсколько минутъ и давалъ связные отвѣты на вопросы. Изрѣдка больного шевелили и расталкивали; тогда онъ отвѣчалъ на вопросы докторовъ отдѣльными словами, а иногда и цѣлыми фразами, изрѣдка и самъ скажетъ что-нибудь. Но пульсъ былъ хорошей; селезенка—увеличена. Этотъ пароксизмъ доктора приписывали дѣйствию яда болотной лихорадки на мозговья оболочки. Такія явленія маляріи часто бывають въ Саратовѣ.

Рѣшено было составить консиліумъ. Докторъ Брюзгинъ пробылъ до шести часовъ утра.

Въ восемь часовъ шестнадцатаго октября Брюзгинъ и Кротковъ опять осмотрѣли Николая Гавриловича и опредѣлили болѣзнь особой формой болотной лихорадки. Когда Кротковъ сказалъ: „Покажите языкъ“, то Н. Г. (это былъ послѣдній отвѣтъ,—послѣ него Н. Г. уже не приходилъ въ себя) отвѣтилъ на это: „Языкъ мой... толстъ... его высунуть нельзя... если... его... высунуть... то... его... отрѣжутъ...“ (или „могутъ отрѣзать“—въ другой редакціи).

Черезъ нѣкоторое время опять забредилъ: „Этого... человѣка... дни... сочтены... осталось ему... жить... не болѣе полторы... недѣли... жалко, что... медицина безсильна“...

Въ десять часовъ состоялся консиліумъ изъ докторовъ: Брюзгина, Кроткова и Бонвеча, приглашеннаго по совѣту А. И. Ровинскаго; хотя были приглашены и другіе доктора (между прочимъ, Розенталь и Погосскій), но консиліумъ состоялся ранѣе ихъ пріѣзда, въ виду опаснаго состоянія больного. На консиліумѣ доктора пришли къ такому заключенію о болѣзни Николая Гавриловича: „Несомнѣнно, что приступы болотной лихорадки дѣйствуютъ и на мозгъ, такъ что злокачественная малярія влечетъ кровоизліяніе;

но и отрицать, чтобы не было какого-либо мозгового явления,—нельзя“.

Предписано—принимать больному хининъ.

Доктора знали, что Н. Г. въ продолженіе нѣсколькихъ дней былъ въ возбужденномъ и нервномъ состояніи, что зависѣло отъ семейныхъ обстоятельствъ и стѣсненности въ денежныхъ средствахъ. Вообще, жизнь Н. Г.—ча, была не изъ радостныхъ; одному изъ родственниковъ онъ какъ-то сказалъ: „Вы думаете, что въ Сибири мнѣ жилось нехорошо? Я только тамъ и счастливъ былъ“ (??).

Это, а равно усиленное занятіе переводомъ при высокой температурѣ, было причиной того, что болѣзнь приняла опасное направленіе.

Когда было сказано Ольгѣ Сократовнѣ о результатахъ консилиума,—она чуть не кричала: „Не вѣрю вамъ: я убѣждена, что съ нимъ воспаленіе мозга“. Доказать ей несправедливость ея мнѣнія было нельзя; нужно было оставаться равнодушнымъ ко всему тому, что она дѣлала и говорила. Доктора такъ и поступали.

Въ два часа дня опять были Брюзгинъ и Кротковъ. Больной потѣлъ, температура упала; онъ находился въ безсознательномъ состояніи. Кромѣ того, замѣтили упадокъ сердечной дѣятельности и односторонній параличъ. „При насъ“, говорятъ д-ръ Брюзгинъ, „въ сознание не приходилъ“.

Дали возбуждающія средства: ледъ на голову и digitalis. Въ четыре часа ушли.

Въ шесть часовъ вечера доктора нашли, что состояніе больного нисколько не измѣнилось: пульсъ не поднимается, по-прежнему—безсознательное состояніе.

Николай Гавриловичъ проглотилъ одну чайную ложку digitalis.

Доктора констатировали безнадежное состояніе больного. Стали вспрыскивать подъ кожу мускусъ и эфиръ и давали дышать кислородомъ. Замѣтивши отекъ легкихъ, поставили сухія банки, послѣ которыхъ отекъ исчезъ. Доктора пробыли до десяти часовъ вечера.

Въ двѣнадцать часовъ, когда пришли врачи, состояніе больного не измѣнилось; давали тѣ же возбуждающія средства и заставляли больного дышать кислородомъ.

Около часа ночи (за полчаса до смерти, или, по другой редакціи, не болѣе, какъ за часъ до смерти) получена телеграмма отъ московскаго доктора, Бокова, который спрашивалъ о болѣзни и лѣченіи Чернышевскаго: „Спросите у докторовъ о болѣзни и чѣмъ лѣчатъ они Николая Гавриловича“. Въ отвѣтъ на телеграмму, Кротковъ и Брюзгинъ послали Бокову подробное описаніе болѣзни и ея леченія. Такъ какъ безнадежность положенія Н. Г. была оче-

видна, то они послали отвѣтъ Бокову уже послѣ смерти Чернышевскаго.

За двадцать минутъ до смерти, лѣченіе прекращено, и съ минуты на минуту ждали конца. Доктора ясно видѣли и понимали, что больной долженъ скоро умереть. Нужно было предупредить Ольгу Сократовну, чего доктора очень опасались: они такъ много терпѣли отъ нея, постоянно нервной, терпѣли незаслуженныя оскорбленія, и если, говорить Брюзгинъ, оставались лѣчить, то единственно изъ уваженія къ больному. О. С., измученная и изстрадавшаяся, спала крѣпкимъ сномъ уже часа два и, повидимому, совершенно успокоилась отъ тѣхъ нервныхъ припадковъ, которые были съ нею. Ее разбудили и со страхомъ передали грустныя вѣсти о положеніи больного. Она была ненормально спокойна. Сверхъ ожиданія, О. С. выслушала докторовъ спокойно, тихо вошла въ комнату Николая Гавриловича и простилась съ нимъ. Когда доктора окончательно убѣдились въ безнадежномъ состояніи больного, послали за іеромонахомъ Діонисіемъ для нанутствія умирающаго.

Но, вотъ, у больного пульса нѣтъ, дыханіе стало замедляться, оно дѣлалось все рѣже и рѣже. Казалось, что, вотъ, уже пришла смерть, но, нѣтъ, черезъ нѣсколько минутъ опять слышно продолжающееся дыханіе. Тяжело было всѣмъ. Это тяжелое душевное состояніе окружающихъ еще болѣе увеличивало тишину ночи.

Николай Гавриловичъ вздохнулъ нѣсколько разъ и тихо умеръ. Это было въ двѣнадцатъ часовъ 37 минутъ ночи ¹⁾. При кончинѣ присутствовали: Ольга Сократовна, М. И. Кротковъ, А. В. Брюзгинъ, А. А. Токарскій, его квартирантъ Буковскій.

Когда Н. Г.—ча положили на столъ въ передній уголъ,—слѣпой старикъ Н. Д. Пыпинъ, попросивъ подвести себя къ усопшему, проговорилъ: „Прощай, бѣдный Чернышевскій! Здоровый же ты какой былъ! Твой отецъ скончался въ одинъ мигъ, а ты проболѣлъ три дня“ ²⁾.

Іеромонахъ Діонисій, приглашенный Ольгой Сократовной для причащенія больного, пришелъ уже тогда, когда Николай Гавриловичъ уснулъ вѣчнымъ сномъ; онъ, повидимому, очень разсердился, что его разбудили ночью, и, увидя покойника, съ сердцемъ проговорилъ: „Что къ мертвому-то приглашаете?“

---

¹⁾ Въ своихъ бумагахъ Ф. В. Духовниковъ отмѣтилъ эту дату знакомъ вопроса.

²⁾ Другая редакція: „Прощай, Николай! А все-таки ты, братъ, сильнѣе своего отца: тотъ умеръ въ одинъ моментъ, а ты умиралъ цѣлыя сутки“.

Метрическая книга Нерукотворенно-Спасской церкви внесла въ свой скорбный списокъ:

Метрической книги на 1889 годъ, часть третія о умершихъ.

Счетъ умершихъ.		Мѣсяць и день		Званіе, имя, отчество, и фамилія умершаго.	Дѣтя умершаго.		Отъ чего умеръ.	Кто исполдывалъ и пріобщалъ.	Кто совершалъ погребеніе и гдѣ погребенъ.
Мужеска.	Женска.	Смерти.	Погрѣбена.		Мужеска.	Женска.			
22	—	Окта	20 брѣ.	Николай Гавриловичъ Чернышевскій. Протоіерей Даврентій Нечаевъ. Псаломщикъ Аркадій Князевскій.	61	—	Отъ япоплексіи мозга.	Крестовой церкви іеромонахъ Діонисій.	На Воскресенскомъ кладбищѣ.
					Мужеска.	Женска.			

Такъ все кончилось. Похоронили. На могилѣ, на Воскресенскомъ кладбищѣ, поставили памятникъ. Окружили цвѣтами могилу ¹⁾. Студенты сложили тягучую, грустную, томительную пѣсню:

Замученъ тяжелой неволей,
Ты славною смертью почилъ,—
Въ борьбѣ за народное дѣло
Ты голову честно сложилъ.

* *
*

Служилъ ты недолго, но честно
Для блага родимой страны;
И мы, твои братья по дѣлу,
Твой прахъ на могилу снесли.

* *
*

Твой врагъ надъ тобой не глумился,
Тебя окружали свои;
Своими руками закрыли
Орлиныя очи твои.

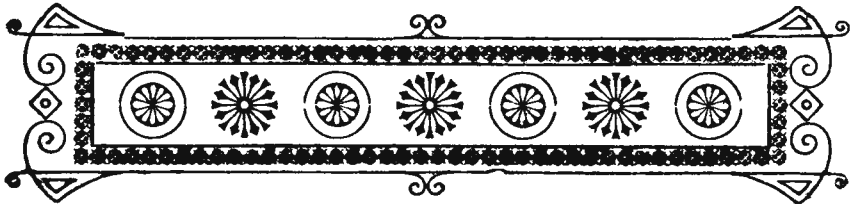
А. Лебедевъ.

---

¹⁾ Говорить ли, что въ Саратовской семинаріи, гдѣ учился Н. Г., его смерть прошла никѣмъ незамѣченной? Семинаристы только *слышали*, что умеръ Чернышевскій. Реакція мрачныхъ восьмидесятыхъ годовъ давала себя чувствовать. Въ настоящее время могила начинаетъ приходить въ упадокъ.

Въ Саратовѣ проживаетъ вдова великаго писателя-гражданина во флигелѣ на дворѣ того самаго дома, гдѣ родился дорогой сердцу каждаго образованнаго человѣка Николай Гавриловичъ. До сихъ поръ она свято чтитъ память своего мужа, до сихъ поръ бережетъ, какъ святыню, все то, что хотя немного напоминаетъ Н. Г.—ча. Ея лицо и теперь говоритъ, что въ свое время это была выдающаяся красавица. Крайняя деликатность составляетъ отличительную черту Ольги Сократовны. Однажды бывшій у нея гость хотѣлъ было помочь ей закрыть трубу топившейся голландской печи. О. С. любезно отклонила его услуги, сказавъ, что сдѣлаетъ это непременно сама.

Сто лѣтъ назадъ.

Письма И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ ¹⁾.

83.

С.-Петербургъ, декабря 1812, вторникъ.

Вародія Аввакума г-на Кокоскина заслуживаетъ всякую похвалу. Не ризмы однѣ и стоны, а настоящее питическое одушевленіе въ каждой строкѣ ручается за его талантъ.— Лучшаго употребленія изъ фран. пушекъ нельзя было придумать. Къ сему подалъ мысль неистощимый изобрѣтатель А. Н. Оленинъ. Онъ уже поднесъ и рисунокъ пушечной пирамиды. Вы меня вывели изъ заблужденія, увѣдомляя о прибытіи къ вамъ Модераха и Болотникова. Я прежде обслушался, и потому писалъ къ вамъ, что комитетъ сей составленъ изъ московскихъ сенаторовъ.—Полагаю, что вы позабыли приложить списокъ тѣмъ, отъ лицезрѣнія коихъ желаете меня избавить. Его между прочими предложеніями не оказалось.—Слышалъ и я о медали, по которой судя, Бонапарте спятилъ съ ума. Меня увѣрялъ одинъ знакомый, что видѣлъ ее за мѣсяцъ въ Кронштадтѣ у какого-то морского офицера. Я истинно не хотѣлъ вѣрить. Mais puisque vous le confirmez, je dirai avec le comte Marcoff à présent il n'y a plus de doute que B. est devenu fou et ne sait plus ce qu'il fait. Этого опаснаго безумца еще не поймали! Еще все за нимъ гонятся. Гр. Витгенштейнъ, преслѣдуя его, побилъ много людей, взялъ 2.000 въ

¹⁾ См. „Русск. Старину“ ноябрь 1912 г.

плѣнь и 30 пушекъ. Реляція о семъ печаталась уже вчера вчеру.—Паулуччеву для курьеза прилагаю у сего ¹⁾. На Эссена и на него сдѣланы 4 стиха очень впопадъ. Вышелъ прекрасно сочиненный манифестъ о рекрутскомъ наборѣ. Съ 500—8 человекъ. Доколѣ извергъ живъ, благоразумно къ веснѣ составитъ новыя регулярныя силы. Сію минуту принесли для прочтенія реляцію свѣтлѣйшаго отъ 25 ноября. Тутъ о графѣ Витгенштейнѣ ничего не упоминается. По оной отряды Чичагова арміи съ гр. Платовымъ выпередили Наполеона и наносятъ ему значительный вредъ и большія препятствія. Берутъ плѣнныхъ, пушки, штандарты и обозы.

84.

Декабря 6, 1812, пятница.

Слухъ о смерти Беннигсена проврался, а онъ, кажется, ѣдетъ сюда.

За Барклаемъ посылали въ деревню, и, какъ мнѣ сказывали, онъ уже здѣсь.

Поздравляю васъ, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, со взятіемъ Вильны 28 числа съ огромными магазинами и множествомъ пушекъ. Сего дня по сему случаю молебствіе. Чичаговъ до Вильны 30 тысячами поубавилъ остатки непріятельскихъ силъ и взялъ 150 пушекъ, кромѣ найденныхъ въ Вильнѣ. Невѣроятное количество обозовъ досталось намъ при преслѣдованіи въ руки. Съ другой стороны, гр. Витгенштейнъ также ничего не упустилъ, и довольно побилъ и забралъ въ плѣнь. Бѣгущихъ баварцевъ настигаетъ по дорогѣ къ Ковно. Мало осталось у Наполеона даже и гвардейцевъ. Сказываютъ, что онъ въ крайности составилъ новую гвардію изъ маршаловъ, генераловъ и офицеровъ, которые безъ рядовыхъ успѣли къ нему присоединиться. Сей гвардіи наименовалъ онъ себя капитаномъ, маршаловъ поручиками, генераловъ прапорщиками, а прочихъ всѣхъ офицеровъ солдатами. Радуйтесь! Это предвѣщаетъ близкій конецъ злодѣя. О семъ говорятъ всѣ достойные люди.—Магдональдовы письма перехвачены къ Наполеону. Онъ извѣщаетъ, что никакъ съ нимъ соединиться не можетъ. Гр. Витгенштейнъ надѣется этого гуса принудить спастись безъ войска, которое наиболѣе состоитъ изъ пруссаковъ, которые начали разбѣгаться, какъ вывели ихъ изъ Курляндіи съ хорошаго корму, который и удерживалъ ихъ токмо подъ велѣніями Магдональда.

¹⁾ Этой реляціи при письмѣ не оказалось.

За молебномъ надѣются слышать чтеніе новаго донесенія отъ Смоленскаго князя изъ Вильны, ибо симъ утромъ пріѣхалъ отъ него важный чиновникъ. Учреждайте и вы у себя торжественныя благодаренія милующему насъ Богу.

Весь Вашъ.

85.

Декабря 10. 1812 г.

Отъ 2-го декабря свѣтлѣйшій изъ Вильны доноситъ, что Наполеонъ преслѣдуется къ Ковнѣ, которую гр. Витгенштейнъ займетъ прежде всѣхъ, хотя гр. Платовъ составляетъ у непріятели авангардъ. Были курьеры отъ 5 и 6 декабря отъ свѣтлѣйшаго и графа Витгенштейна; но какъ они разъѣхались съ Государемъ въ дорогѣ, то депеши отправлены къ Императору въ Вильну.

Государь изволилъ предпріять путешествіе 7-го числа въ 9 ч. по утру чрезъ Полоцкъ въ Вильну и въ 12 часовъ былъ уже за 70 верстъ отъ Петербурга. Тамъ вручилъ ему фельдъегерь донесеніе отъ 2-го декабря, которое, прочитавъ, прислалъ съ тѣмъ же фельдъегеремъ сюда. Съ Государемъ отправились графъ Аракчеевъ и генераль-адъютантъ князь Волконскій.

Вслѣдъ за нимъ поѣхали графъ Толстой и Балашовъ. Поѣдутъ ли еще другіе, мнѣ до сихъ поръ не извѣстно.

Наполеону едва-ли можно будетъ уйти чрезъ Нѣманъ, ибо увѣряютъ, что по сей рѣкѣ идетъ сильный ледъ, преграждающій всякое сообщеніе. По описанію его положенія, съ остальными войсками онъ долженъ попасться въ плѣнъ или погибнуть. Всѣмъ таковымъ рассказамъ еще не вѣришь.

Изъ Риги пишутъ, что въ концѣ ноября изъ Курляндіи прибыли туда на торгъ мужики съ разными припасами; что непріятельскія войска подались гораздо назадъ; что слухъ шель въ Ригѣ, будто бы Магдональдъ поссорился съ прусскимъ генераломъ Йоркомъ, и что пруссаки вступили въ переговоры съ мар. Паулуччи. Все это читаль я самъ въ одномъ письмѣ къ знакомцу моему отъ 29 ноября изъ Риги.

Не выдаю за достовѣрность, но всѣ почти говорятъ, что еще 4 декабря прибыли сюда депутаты изъ герцогства Варшавскаго съ просьбою о принятіи соотечественниковъ ихъ въ руссійское покровительство. Появилось здѣсь также много тирольскихъ гражданъ, коихъ считаютъ равнымъ образомъ депутатами. Весьма можетъ быть, какъ нѣкоторые и говорятъ, что Высочайшее путешествіе имѣетъ предметомъ въ Брестъ-Литовскомъ важное свиданіе.

Очевидецъ разсказывалъ мнѣ, что наши войска въ наилучшемъ состояніи. Начиная отъ генераловъ до послѣдняго рядового, всѣ въ овчинныхъ тулупахъ или въ полушубкахъ, въ теплой обуви и не претерпѣваютъ ни въ чемъ недостатка. Непрiятельскія, напротивъ того, въ такомъ положеніи, что невозможно не содрагаться отъ онаго. Начнутъ ѣсть—мрутъ, начнутъ грѣться—засыпаютъ вѣчнымъ сномъ.

Князя Алексѣя Борисовича послали въ Одессу для прекращенія тамъ чумы. Закревскій пріѣхалъ, и я тотчасъ послалъ къ нему ваши письма.

86.

Декабря 13. 1812 г., пятница.

Вы также отдѣляли Бонапарта на бумагѣ, какъ билъ Удино графъ Витгенштейнъ въ полѣ. Вчерась шедевръ сей читалъ пріѣхавшій чрезъ Швецію третій день изъ Франціи Ив. Смирновъ, который столько восхищенъ былъ имъ, что переводить его на англійскій языкъ и хочетъ послать къ брату своему въ Лондонъ для припечатанія въ англ. газетахъ. Ежели угодно, то онъ препроводитъ и французскій текстъ къ Пельтье, который больше обрадуется ему, нежели голодный хлѣбу. У него, какъ началъ издаваться „*Courier de Londres*“, этакой прекрасной пьесы не было.

Пріѣзжій разсказываетъ, что во Франціи—голодь, финансы истощены, торговли нѣтъ: всѣ желаютъ переменъ, и надѣются, что война съ нами избавитъ ихъ отъ виновника ихъ бѣдствій. Старѣе 19-ти лѣтъ по новой конскрипціи не выскривается людей, а большая часть отъ 14 до 16-ти.

Теперь могу вамъ съ большею достовѣрностью сказать о сопровождающихъ Императора. Ал. Дм. Балашовъ не въ свитѣ Его, а поѣхалъ осматривать потерпѣвшія отъ нашествія непріятельскаго губерніи. Винценгероде въ однѣхъ саняхъ съ Государемъ. Государственный секретарь и генераль-адъютантъ Чернышевъ отправился вслѣдъ за Монархомъ. О трехъ другихъ чиновникахъ сообщилъ уже вамъ по прошедшей почтѣ.

Посылаютъ въ Вильну разные экипажи изъ придворной конюшни.

Въ Порховѣ Беннигсенъ имѣлъ счастье предстать предъ Государя и быть милостиво принятъ. Говорятъ даже, что велѣно ему опять ѣхать въ большую армію.

Адмиралъ Чичаговъ отдалъ Эртеля и Евгенія Маркова подъ судъ за невыполненіе данныхъ имъ предписаній.

Здѣсь получено извѣстіе, что лордъ Веллингтонъ отступилъ назадъ отъ соединившихся въ числѣ 120 тысячъ фран. войскъ, которыя и заняли опять Мадридъ.

Изъ Вѣны пріѣхалъ Бутягинъ. Думаютъ, что онъ привезъ важныя извѣстія.

Третьяго дня пріѣзжалъ сюда полковникъ кн. Багратіонъ съ донесеніемъ и знаменами къ Государю изъ Ковно. Онъ обратно отправился въ Вильну. Говорившіе съ нимъ объявляютъ, что Чичагова армія и отрядъ генераль-адъютанта Кутузова дрались у Ковны съ остальными войсками, прикрывавшими бѣгство Наполеона. 7 тысячъ положили ружье, а прочіе изрублены въ мелкія части 2-мя тысячами штабъ и оберъ-офицеровъ, которые за неимѣніемъ команды составили изъ себя особенный полкъ. 21 пушка и всѣ знамена взяты побѣдителями. Наполеонъ спасся за Нѣманъ не болѣе какъ со ста человѣками главнѣйшихъ чиновниковъ изъ истребленныхъ корпусовъ своихъ. Ни одной пушки, ни одного знамени, ни одного рядового, ни одной лошади, ни одной повозки не могли французы спасти. Все, что преслѣдовалось отъ Березинской переправы, истреблено или досталось намъ въ руки. Отъ Вильны до Ковны не было уже у непріятеля ни одной лошади. Начиная будто бы съ Наполеона, всѣ бѣжали пѣшкомъ. Въ Ковнѣ найдены большіе запасы въ хлѣбѣ и воинскихъ снарядахъ.—Витгенштейнъ слѣшитъ къ Мемелю, дабы отрѣзать отступление Магдональду и взять тамъ разныя заготовленія.

Всѣ курьеры изъ арміи являются теперь къ Н. И. Калинину; ему же поручено отправлять ихъ и въ армію.

Левъ Нарышкинъ въ понедѣльникъ поскакалъ опять на службу.

Сергѣй Лавр. Львовъ приказалъ всѣмъ долго жить. Онъ умеръ въ страданіяхъ отъ каменной болѣзни и въ такой бѣдности, что добрый Вязмитиновъ хоронилъ его своими деньгами.

Вы найдете у сего Закревскаго расписку, которую забылъ въ прошедшій разъ приложить.

87.

С.-Петербургъ. Декабря 17. 1812 г., вторникъ.

Реляцій печатныхъ до сихъ поръ нѣтъ. О Государѣ получены уже извѣстія о благополучномъ Его прибытіи въ Вильну. Говорятъ, что Ему угодно было ознаменовать его возведеніемъ свѣтлѣйшаго на степень генералиссимуса. Увѣряютъ также, что гр. Витгенштейнъ наименованъ *Полоцкимъ*, а баронъ Винценгероде пожалованъ графомъ, равно какъ и Милорадовичъ.

Наши войска 7 дек. вступили и въ Гродно. О злодѣй ничего не слыхалъ, гдѣ онъ находится. Ждемъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ печатныхъ донесеній изъ армій, которыя, сказываютъ, уже присланы отъ Императора и сданы въ типографію.

88.

Декабря 20. 1812 г., пятница.

Наконецъ появился военный журналъ отъ 1-го по 13 декабря. Я велѣлъ почтальону еще вчерашній день купить 3 экземпляра, изъ коихъ одинъ намѣренъ былъ приложить у сего, но уже 2 часа, а онъ не является.

Послѣ Ковно графъ Витгенштейнъ занялъ Юрбургъ, а оттуда пошелъ на Тильзитъ.

Изъ приказа свѣтлѣйшаго отъ 4 декабря видно, что онъ поведетъ войска за границу.

Злодѣй утекъ и, сказываютъ, кинулся въ Данцигъ выжидать тамъ Магдональда.

Вообразите, въ какихъ лѣтахъ пресѣклась жизнь супруга Екатерины Павловны! Здѣсь закрыты по сему прискорбному обстоятельству театры. Вдовствующая Императрица крайне опечалена и нѣсколько дней лежитъ даже въ постели.

Сегодня хоронятъ большого антагониста Наполеонова, церемоніймейстера Мезонгнева, который что-то такое намѣревался еще издать на поражение французовъ.

Цѣлое утро занимался чтеніемъ вновь пришедшихъ англ. газетъ. Радъ, что нѣсколько строчекъ предъ отиравленіемъ почты успѣлъ къ вамъ пустить.

89.

Декабря 24. 1812 г., сочевникъ.

8-ой № съ приложеніемъ къ Закревскому имѣлъ удовольствіе получить. Оно немедленно доставлено съ нарочнымъ. Желалъ бы любезнѣйшему моему Александру Яковлевичу за добрыя вѣсти о воскресающей изъ пепла Москвѣ объявить что-нибудь радостное, но ни съ которой стороны самъ ничего не провѣдалъ путнаго. Несогласій не хочу и касаться. Они, кажется, въ Вильнѣ достигнуть вредной зрѣлости. Надъ вашимъ вздорнымъ курильщикомъ посмѣются, да тѣмъ и кончится, а тамъ гораздо серьезнѣе происходятъ схватки. Дай Богъ, чтобъ все мною слышанное было несправедливо.

Изъ Або вытребованъ въ армію гр. Штейнгейль, и меня увѣряютъ, что онъ уже туда нынѣшнею ночью чрезъ здѣшній городъ и проѣхалъ.—Смоленскій за дряхлостію проситъ покою. Адмиралъ изъ арміи вызванъ въ Вильну. Онъ столько же оправдывается, какъ и тѣ, которые на него жаловались. Эртеля, коимъ былъ недоволенъ, засталъ въ званіи литовскаго генераль-полицеймейстера.

О Государѣ говорятъ различно. Иные ждуть его возвращенія прежде новаго года къ похоронамъ принца Ольденбургскаго, а другіе увѣряютъ, что онъ изволитъ пробыть долго при войскахъ. Хотятъ даже нѣкоторые знать, что Его Имп. Величество изъ Вильны проѣхалъ куда-то далѣе.

Магдональдъ тянется еще Курляндію. Графа Витгенштейна полагаютъ теперь навѣрное въ Мемелѣ, а о Наполеонѣ слухъ идетъ, что онъ кинулся къ тестю въ Вѣну. Что прикажете дѣлать съ этимъ пострѣломъ! Доколѣ его не уходятъ, онъ не перестанетъ морочить слабыхъ смертныхъ.

По случаю сближенія съ новымъ годомъ приношу вамъ мое усерднѣйшее поздравленіе. Будьте въ немъ счастливы съ достойнѣйшимъ графомъ. Забудьте прошедшія горести и одолѣйте вашихъ враговъ. Россія да достигнетъ надежнаго мира, а Москва да останется надолго подъ родительскимъ попеченіемъ Ростопчина.

90.

С.-Петербургъ. Декабря 27. 1812 г., пятница.

Замѣчанія будутъ немедленно посланы въ Лондонъ.

Отъ 21 пріѣхалъ изъ Вильны курьеръ съ разрѣшеніемъ, чтобъ принца Ольденбургскаго хоронили безъ Государя. Его Величество возвратится не прежде мѣсяца назадъ. Сказываютъ, что гр. Вик. Павл. Кочубей потребованъ въ Вильну. Ежели это справедливо, то не знаю, какъ онъ туда поѣдетъ съ подагрой, которою онъ жестоко еще страдаетъ.—Наши идутъ далѣе въ Пруссію, и герцогство Варшавское безъ всякаго сопротивленія, вездѣ захватываютъ приготовленный для непріятели провіантъ, но кромѣ брошенныхъ за болѣзнями никого болѣе по городамъ и селеніямъ не находятъ.

Паулуччи очистилъ совершенно Курляндію, идя спокойно по пятамъ Магдональда. Онъ предоставилъ бить его герою Витгенштейну, который изъ Кенигсберга пошелъ къ Эльбингену. О злодѣѣ ничего достовѣрнаго ни въ послѣднемъ журналѣ не упомянуто, ниже по слухамъ до меня не доходило. Вѣна, Дрезденъ и Амстердамъ суть три города, въ которыхъ онъ въ одно время долженъ находиться.

Вышелъ указъ о приглашеніи статскихъ чиновниковъ въ военную службу. Я еще его не читалъ, а по рассказамъ не имѣю о немъ яснаго понятія.

91.

С.-Петербургъ. Декабря 31. 1812 г., вторникъ.

И худое и хорошее въ скрывающемся году миновало. Остаются одни воспоминанія. Съ ними и съ надеждою вступаемъ въ Новый годъ. Да будетъ онъ лѣтомъ благодати Господней для Россіи, для каждаго его обитателя, для моего любезнѣйшаго Александра Яковлевича съ семействомъ, съ начальникомъ его! Сему послѣднему желаю полного довѣрія отъ Царя нашего, дабы Россія могла извлекать всю пользу изъ отличныхъ его дарованій и той приверженности къ отечеству, которая содѣлала имя его незабвеннымъ для народа русскаго.

Дипломатъ нѣсколько дней уже въ Петербургѣ. Онъ не разстается съ кн. Пл. Ал. Зубовымъ, какъ только для спанья.

Меня увѣряютъ, что Каткартъ при Государѣ, и что туда же отправился и шведскій посланникъ.

26 декабря Государь и свѣтлѣйшій съ главною квартирою отправились въ Гродно. Оттуда переѣдетъ монархъ чрезъ два дня въ Бѣлый-стокъ, а послѣ, вѣроятно, и въ Варшаву, которая занята уже нашими передовыми войсками.

Посланъ былъ въ Вѣну генераль-адъютантъ Чернышевъ. Австрійскій императоръ пожаловалъ ему табакерку съ портретомъ своимъ, а Государь по возвращеніи надѣлъ на него 1-ой степени Анны. Послали вновь какого-то князя къ Францу I-му. Радуйтесь сему сближенію! Прусскій король изъ Берлина переѣхалъ въ Маріенвердеръ. Онъ не удаляется, а подвигается къ російскимъ границамъ. Наполеонъ съ Богарне прибылъ уже въ Парижъ и объявилъ, что армію свою оставилъ на винтеръ-квартирахъ въ герцогствѣ Варшавскомъ.

Здѣсь получены уже и договорныя статьи, по которымъ сдались намъ пруссаки, но я ихъ еще не читалъ.

Вчера вышла и всеобщая амнистія для пограничныхъ нашихъ губерній, кою всякое преступленіе въ нынѣшнюю кампанію предается вѣчному забвенію. Она писана въ канцеляріи графа Аракчеева и едва-ли не Марченкомъ.

Гр. Ник. Ивановичъ получилъ Высочайшій рескриптъ, чтобы предложить г-мъ министрамъ уменьшеніе чиновниковъ по ихъ департаментамъ. По увольненію ненужныхъ имѣютъ они пригласить

ихъ въ военную службу. Сынъ его гр. Александръ Николаевичъ на сихъ дняхъ получилъ изъ Вильны сходственно желанію его отставку.

Державинъ сочинилъ Смоленскому слѣдующіе стихи:

„Премудра Фабія, воскресшаго у насъ,
Одно здѣсь кажетъ слово:
Не скоро, да здорово.
Тотъ Римъ, а сей Россію спасъ“.

Отвѣтъ.

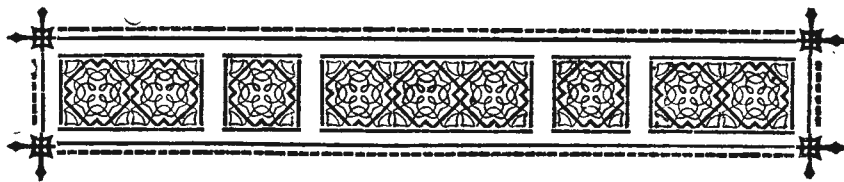
Чрезъ годъ отъ Фабія погибнулъ Аннибалъ,
А здѣсь въ два мѣсяца колосъ Европы палъ.

Фуксъ.

С. О. Долговъ.

Великій Князь Николай Михайловичъ. Императоръ Александръ I.

Опытъ историческаго изслѣдованія ¹⁾).

IV.

Эпоха конгрессовъ 1816—1822.

Мистицизмъ.—Военныя поселенія.

„Я вполне отдаю Его предрѣшеніямъ, и Онъ одинъ всѣмъ руководить, такъ что я слѣдую только Его путями, ведущими къ завершенію общаго блага“. (Изъ письма Императора Александра князю Голицыну).

„Государь Императоръ, принявъ въ уваженіе долговременное содержаніе въ крѣпости рядовыхъ (такихъ-то), равно и бытность въ сраженіяхъ, Высочайше повелѣтъ соизволить, избавя ихъ отъ безчестнаго кнутомъ наказанія, прогнать шпиль-рутенами каждого черезъ батальонъ 6 разъ и потомъ отослать въ рудники“. (Изъ приговора суда по дѣлу л.-гв. Семеновскаго полка).

Краснорѣчиво сопоставленіе двухъ эпитафій, предпосланныхъ авторомъ къ четвертой главѣ своего изслѣдованія, въ которой имъ дается картина постепеннаго развитія въ Александрѣ мистицизма, зародившагося въ его душѣ въ 1812 году, и выясняются отношенія Государя къ Аракчееву. Мистицизмъ и военныя поселенія—понятія, казалось бы, трудно совмѣстимыя, а между тѣмъ они спокойно уживались вмѣстѣ.

Императоръ Александръ, такъ умѣвшій обворожить всякаго ласковымъ обращеніемъ и привлечь сердца окружающихъ, въ кото-

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1912 г.

ромъ, по свидѣтельству современниковъ, было нѣчто „ангельское“, котораго близкіе называли между собою не иначе, какъ „нашъ ангель“, „могъ съ легкимъ сердцемъ подписывать лютые приговоры къ наказанію солдатъ розгами и къ проведенію сквозь строй по нѣскольکو разъ! Здѣсь, говоритъ Великій Князь, психика должна натолкнуться на непонятную загадку. „Вѣдь каждый день, начиная съ 1812 г., Государь читалъ по одной главѣ или изъ св. Евангелія, или изъ Библии; зналъ многія цитаты священнаго писанія наизусть, постоянно въ письмахъ ссыдался на слово Христово, и тотъ же человекъ могъ поощрять такого рода взысканія и смотрѣть сквозь пальцы на всѣ изувѣрства Аракчеева въ военныхъ поселеніяхъ, въ теченіе многихъ непрерывныхъ лѣтъ“.

„Это было скорѣе всего результатомъ особаго рода религиознаго фанатизма, отчасти связаннаго съ тѣмъ временемъ, съ тѣми нравами и обычаями, при которыхъ протекла жизнь Александра Павловича“.

Чтобы понять все то, что произошло въ его духовномъ настроеніи и что привело его къ различнымъ заблужденіямъ въ области политики и управленія Россіей послѣ Наполеоновскихъ войнъ, необходимо оглянуться немного назадъ. Два человека имѣли на него въ ту пору безспорно огромное вліяніе,—то были князь А. Н. Голицынъ — „убѣжденный поборникъ православія“, и извѣстный мистикъ Р. А. Кошелевъ.

„Князь Голицынъ спросилъ какъ-то разъ Государя, читаетъ ли онъ или читалъ ли онъ Евангеліе. Александръ ему простодушно отвѣтилъ, что слушалъ Евангеліе при богослуженіяхъ, но на дому не читалъ священнаго писанія вообще, не имѣя на то времени. Когда Голицынъ настоятельно просилъ Государя сдѣлать ему удовольствіе— все же почитать Евангеліе, Александръ ему любезно обѣщалъ это сдѣлать“.

Тогда князь подарилъ ему Библию, и Александръ, лѣтомъ 1812 г. во время поѣздки въ Финляндію на свиданіе съ Бернадоттомъ, сталъ читать св. писаніе и былъ „восхищенъ отъ чтенія“. „Мнѣ кажется, что будто новый міръ открывается для меня; право, я тебѣ очень благодаренъ за твой совѣтъ“, сказалъ онъ князю Голицыну, дѣлясь своими впечатлѣніями.

Такимъ образомъ, за періодъ Отечественной войны произошла первая переимѣна въ привычкахъ Александра, т. е. онъ сталъ читать Св. писаніе, сталъ религиознымъ, что до этого замѣчалось мало.

„Моя вѣра чиста и ревностна, писалъ Государь Кошелеву въ январѣ 1811 года; съ каждымъ днемъ эта вѣра во мнѣ растетъ и крѣпнеть, давая такого рода наслажденіе, которое было невѣдомо

для меня... То рвеніе, которое я испытываю, происходитъ отъ добросовѣстнаго исполненія завѣтной воли нашего Спасителя“...

„Я обязанъ вамъ многимъ, писалъ онъ другой разъ тому же Кошелеву, потому именно, что вы меня навели на тотъ путь, по которому я теперь слѣдую убѣжденно, что привело къ достигнутому успѣху затѣяннаго дѣла при содѣйствіи Всевышняго. Но то, что еще осталось мнѣ сотворить для родины, вѣроятно, гораздо труднѣе достижимо, но это меня не пугаетъ, ибо, при помощи нашего Спасителя, я теперь считаю все возможнымъ и полагаюсь вполне на Него“.

Въ бытность за границей, въ 1814 г., Государь встрѣтился, какъ мы знаемъ, съ баронессой Крюденеръ, съ которой онъ очень желалъ познакомиться.

„Въ это самое время онъ получилъ отъ Р. А. Кошелева извѣстную книжку подъ названіемъ „Облако надъ святилищемъ, или нѣчто такое, о чемъ гордая философія и грезить не смѣетъ“, переводъ съ нѣмецкаго А. Лабзина, которую Государь хотя и читалъ, но никакъ не понималъ содержанія книги. Призванная Криднерша, по точнымъ увѣреніямъ Александра, умѣла растолковать и объяснить ему трудныя и непонятныя доселѣ мѣста этого сочиненія“.

„Вся эта постепенность встрѣчъ и разговоровъ едва-ли была случайной. Она подготовлялась цѣлой плеядой лицъ, заинтересованныхъ не одной личностью освободителя Европы, но и личными интересами и побужденіями“.

Увлечшись мистицизмомъ и разными ученіями, Александръ естественно сочувствовалъ и покровительствовалъ людямъ, предававшимся религіознымъ исканіямъ, „стремившимся приблизиться къ истинѣ, путемъ невидимаго общенія съ Божьимъ Промысломъ, и старанія разгадать свое собственное я“, и въ его царствованіе оживилась дѣятельность всѣхъ тайныхъ и явныхъ обществъ, которыхъ преслѣдовали въ царствованія Екатерины и Павла.

„Зная, что и Императоръ Александръ предавался глубокимъ колебаніямъ на почвѣ религіозной, ища успокоенія душѣ своей то въ чтеніи священнаго писанія, то въ общеніи съ моравскими братьями, квакерами и такими восторженными проповѣдниками, какъ г-жи Крюденеръ и Татаринава, все русское общество увлекалось, если не въ равной степени, то все-таки слѣдило со вниманіемъ за всѣми толками, сектами и проповѣдниками, какъ православными (Филаретъ, Фотій), такъ и сектантскими.“

„Однако, несмотря на всю свою вѣротерпимость, Государь не любилъ, чтобы обсуждали или критиковали одобренныя имъ мѣропріятія. Это соотвѣтствовало тѣмъ странностямъ его характера, гдѣ крайній

иногда либерализмъ немедленно заглушался проявленіями такого же крайняго приступа самодержавія, что одинаково смущало его друзей и недоброжелателей“.

Всѣ эти религіозныя исканія не доставили Императору того душевнаго мира, котораго онъ искалъ; поэтому онъ старался заглушить душевную тревогу пережъной мѣста и начиная съ 1816 г. рѣдко бывалъ болѣе или менѣе продолжительное время въ столицѣ, а постоянно разѣзжалъ.

Съ Вѣнскаго конгресса Государь отправился въ Польшу. Чтобы „подчеркнуть свое благоволеніе къ полякамъ, онъ облекся въ польскій мундиръ“ и совершилъ торжественный вѣздъ въ Варшаву, гдѣ „обворожилъ всѣхъ милостивымъ обхожденіемъ, и подписалъ конституціонную хартію польскаго королевства, назначивъ намѣстникомъ „заслуженнаго генерала польскихъ войскъ при Наполеонѣ“ Заіончека.

Этимъ былъ нанесенъ жестокій ударъ самолюбію князя Адама Чарторыжскаго, рассчитывавшаго занять этотъ видный постъ; „наружно ему приходилось все скрывать, страдать молча и съ достоинствомъ, довольствуясь кресломъ въ польскомъ сенатѣ. Оказалось, что ни поѣздка въ главную квартиру союзныхъ войскъ, ни въ Парижъ, ни въ Лондонъ, ни присутствіе въ Вѣнѣ на конгрессѣ не помогли князю Чарторыжскому. „Достоверно неизвѣстно, что именно произошло между Императоромъ и княземъ, но, вѣроятно, займы 1811 года ¹⁾, а иногда рѣзкость въ письмахъ князя Адама привели къ такому неожиданному результату. Словесныхъ пререканій, очевидно, не было; это не соответствовало характеру отношеній Государя вообще къ его сотрудникамъ—а просто назначеніе Чарторыжскаго на постъ намѣстника было признано не подходящимъ“.

По возвращеніи Императора въ Петербургъ, въ новый годъ (1816 г.) появился „знаменитый благодарственный манифестъ, вызвавшій много толковъ какъ въ Россіи, такъ и за границей, въ общихъ чертахъ выражавшій то религіозно-государственное настроеніе, которое приводило въ смущеніе современниковъ и вызвало опасенія за новыя вѣянія, овладѣвшія повелителемъ Россіи“.

Осенью того же 1816 г. Александръ совершилъ большое путешествіе по Россіи для обозрѣнія губерній, наиболѣе пострадавшихъ отъ войны.

¹⁾ Въ февралѣ мѣсяцѣ 1811 г. князь обратился къ Государю: „Первый разъ въ жизни“, какъ онъ писалъ ему съ просьбою о займѣ ста тысячъ рублей, для покрытія долга, сдѣланнаго его отцомъ“.

Затѣмъ, Государь снова посѣтилъ Варшаву (въ мартѣ 1818 г.), гдѣ произнесъ знаменательную рѣчь при открытіи перваго Польскаго сейма. Эта рѣчь долго озабочивала Александра и привлекала все его вниманіе.

„Изъ переписки съ Кошелевымъ видно, что единственнымъ вдохновителемъ и цензоромъ указанной рѣчи былъ не кто иной, какъ Кошелевъ; это было тайной для современниковъ, а также неизвѣстно историку Александра Н. К. Шильдеру“, утверждающему, что эта рѣчь, за два дня до ея произнесенія, была дана для прочтенія и исправленія Каподистріи. „Рѣчь была написана самимъ Государемъ и прочитана въ засѣданіи сейма государственнымъ секретаремъ, на французскомъ языкѣ. Это одно изъ либеральнѣйшихъ произведеній, вышедшихъ изъ-подъ пера Александра Павловича, гдѣ конституціонные принципы были поставлены въ основу всего управленія польскимъ королевствомъ“.

„Изъ письма Александра къ Кошелеву видно, что Государь остался очень доволенъ и рѣчью, и сдѣланнымъ на поляковъ впечатлѣніемъ, „объяснивъ все это, согласно со своимъ тогдашнимъ настроеніемъ“, „особенно милостью Божьяго Промысла“.

Но въ средѣ русскихъ и особенно въ средѣ военныхъ и эта рѣчь и милостивое вниманіе, оказанныя полякамъ, вызвали критику и опасеніе за будущее.

Князь И. Ѳ. Паскевичъ передаетъ, что какъ разъ во время пребыванія Государя въ Варшавѣ, въ присутствіи Милорадовича гр. Остерманъ-Толстой на вопросъ его, Паскевича:

— „Что изъ этого будетъ?“, отвѣтилъ:

— „А вотъ что будетъ, что ты черезъ десять лѣтъ будешь ихъ штурмомъ брать“.

Графъ Остерманъ ошибся лишь на три года въ предсказаніи. „А. А. Закревскій сообщалъ Киселеву: „Рѣчь Государя, на сеймѣ говоренная, прекрасная, по послѣдствіи для Россіи могутъ быть ужаснѣйшія, что ты изъ смысла оной легко усмотришь“.

Графъ Ростолчинъ писалъ графу С. Р. Воронцову:

„... Рѣчь, произнесенная Императоромъ въ Варшавѣ, его явное предпочтеніе къ полякамъ и дерзость этихъ послѣднихъ вскружили всѣмъ головы; молодежь требуетъ отъ него конституціи“...

Изъ Варшавы Государь отбылъ на югъ Россіи, гдѣ осматривалъ военныя поселенія, а затѣмъ выѣхалъ за границу, на конгрессъ въ Аахенъ.

„Въ Берлинѣ, гдѣ конечно была остановка для свиданія съ прусскою королевскою семьей, Государь имѣлъ продолжительныя бесѣды на религіозныя темы съ прусскимъ епископомъ Эйлертомъ;

бесѣда эта сдѣлала обоюдно большое впечатлѣніе на собесѣдниковъ. Эйлертъ услышалъ впервые изъ устъ русскаго Государя развитіе идеи священнаго союза и откровеніе по поводу той нравственной метаморфозы, которая произошла въ чувствахъ Александра. Нѣмецкій епископъ былъ глубоко пораженъ и удовлетворенъ разговорами съ русскимъ Царемъ, что отразилось въ его показаніяхъ впослѣдствіи, когда онъ выразился, говоря про Государя, что „er sprach mit orientalischer Begeisterung“.

И въ это пребываніе за границей личность русскаго Императора произвела такое же обаятельное впечатлѣніе на всѣхъ, какъ и въ 1814—15 годахъ, и заинтересовала собою многихъ въ такой степени, что „нѣкоторые германскіе мыслители и военные волновались при мысли, что, избавившись отъ ига Наполеона, легко было попасть въ сѣти побѣдоносной Россіи и ея повелителя, съ его либеральными заигрываніями съ сынами революціи, для привлеченія ихъ на дѣло общаго христіанскаго блага“.

Особенно сильныя опасенія внушала Александръ Меттерниху, который подозрѣвалъ его въ коварныхъ замыслахъ и опасался его желанія привлечь къ священному союзу мелкія нѣмецкія государства, что отнюдь не входило въ планы австрійскаго кабинета.

Нѣсколько дней спустя по возвращеніи Государя изъ Аахена въ Петербургъ было получено горестное извѣстіе о смерти любимой сестры его Екатерины Павловны, скончавшейся въ Веймарѣ. Эта смерть глубоко опечалила Государя, потерявшаго въ лицѣ Великой Княгини самаго близкаго друга, единственнаго почти человѣка, которому онъ открывалъ душу, съ которой бесѣдовалъ и переписывался обо всемъ.

Забвеніе въ этомъ горѣ Государь искалъ снова въ путешествіи; на этотъ разъ онъ поѣхалъ на сѣверъ Россіи, въ Архангельскъ, Олонецкую губ. и Финляндію, взявъ съ собою самую ограниченную свиту; кромѣ князя П. М. Волконскаго, его сопровождали только врачъ Вилліе и фельдъегерь Соломка.

„Александръ Павловичъ иногда тяготился всякимъ лишнимъ лицомъ во время путешествій; онъ стремился уединяться, если былъ озбоченъ или чѣмъ-либо разстроенъ, часто предпочиталъ быть съ такими людьми, при которыхъ онъ могъ вовсе не стѣняться. Въ данномъ случаѣ такъ и было, потому что онъ грустилъ по скончавшейся Екатеринѣ Павловнѣ и намѣренно искалъ другихъ впечатлѣній и уединенія“.

Послѣ продолжительной поѣздки по Финляндіи Императоръ снова отправился для обзоренія военныхъ поселеній.

„1818 и 1819 годы, такимъ образомъ, ознаменовались цѣлой

серіей самыхъ разнообразныхъ и противоположныхъ событій. Чего только ни произошло за эти два года: посѣщеніе Варшавы и знаменательная рѣчь Государя при открытіи сейма; Аахенскій конгрессъ, возвращеніе русскаго оккупационнаго корпуса изъ предѣловъ Франціи, поѣздка Его Величества по Польшѣ, на югъ Россіи и въ Крымъ, пребываніе въ Москвѣ и Варшавѣ, путешествія по сѣвернымъ окраинамъ и Финляндіи, наконецъ, всякія новыя назначенія и образованіе комиссій съ самыми обширными затѣями. Эта горячка по всѣмъ отраслямъ внутренней и внѣшней политики поражаетъ и невольно наводитъ на грустныя мысли. Душевное безпокойство русскаго Государя передавалось и подданнымъ и даже чужеземцамъ. Повидимому, въ ту пору Александръ Павловичъ поставилъ въ основу всѣхъ мѣропріятій то религіозное откровеніе, которое, по его понятіямъ, освѣтило его умъ и сердце, не только какъ человѣка, но и какъ правителя. Согласно такому убѣжденію, проводились идеи внѣшней политики; возстановленіе Царства Польскаго на самыхъ либеральныхъ началахъ; покровительство мистицизму, сектантству, квакерамъ... но какъ сопоставить съ вышеприведенными вождельніями какой-то нервной интересъ къ военнымъ поселеніямъ, интересъ, затемнявшій все остальное по дѣламъ внутренняго управленія и не ослабѣвавшій до самой кончины Александра“.

Ставя этотъ вопросъ, Великій Князь склоненъ „видѣть извѣстную связь между идеей устройства военныхъ поселеній и религіознымъ настроеніемъ Благословеннаго монарха“. „Вѣдь основой введенія такого рода поселеній, говоритъ онъ, было желаніе облегчить участь солдатъ въ мирное время, дать имъ возможность жить съ семьями, надѣлать ихъ земельной собственностью, другими словами, самая мысль была высоко гуманная, пропитанная великодушными стремленіями. Чтеніе Библии и священнаго писанія, столь усердное и постоянное послѣ години Отечественннй войны, вошло въ плоть и кровь, и стало любимымъ препровожденіемъ времени въ свободныя минуты Императора Александра. Поэтому кажущаяся неправдоподобность нашего предположенія является въ дѣйствительности логическимъ послѣдствіемъ тѣхъ думъ, которыя невольно должны были приходиться на умъ Государю и волновать его душу. Разъ Александръ рѣшилъ произвести на дѣлѣ опытъ военныхъ поселеній, то и дальнѣйшее его упорство въ осуществленіи этой мѣры вовсе не надо объяснять однимъ упрямствомъ, но послѣдствіемъ строго обдуманнаго плана“.

Военныя поселенія возникли по мысли самого Государя. Аракеевъ былъ противъ ихъ устройства и явился только исполнителемъ государевой воли.

„Изъ писемъ Алексѣя Андреевича къ Государю за девятилѣтній

(1816—1825) періодъ можно убѣдиться, что главной темой переписки были военные поселенія. Аракчеевъ доносилъ положительно обо всемъ, о всякихъ мелочахъ и подчеркивалъ свое усердіе въ этомъ дѣлѣ только въ виду интереса, проявленнаго Государемъ, и чтобы доставить ему, елико возможно, удовольствіе въ любимомъ, созданномъ имъ дѣтищѣ. Постоянно встрѣчаются такія выраженія: „Я, кажется, не напрасно жилъ здѣсь, успѣлъ сдѣлать въ новомъ и необыкновенномъ дѣлѣ хорошее начало, послѣ чего, кажется, вездѣ пойдетъ легко и успѣшно“; „утѣшаюсь, въ упованіи томъ, что Вашему Величеству будетъ пріятно“; „можетъ быть, сіи бездѣлки развлекуть вашу работу“ и т. д.

„Словомъ, лучшаго исполнителя своихъ предначертаній въ дѣлѣ поселеній, чѣмъ Аракчеевъ, Александру Павловичу нельзя было и найти, а потому понятно, что при созданіи ихъ, выборъ Государя палъ на него, какъ на идеальнаго руководителя всего имъ задуманнаго“.

Впрочемъ, „несмотря на неограниченное довѣріе къ Аракчееву, Александръ Павловичъ все-таки предпочиталъ лично и на мѣстахъ провѣрять работу въ созданныхъ имъ поселеніяхъ, чѣмъ и объясняются его частыя поѣздки для обзорѣнія поселеній, которыя стали какъ бы его *idée fixe*“.

Авторъ изслѣдованія особенно подчеркиваетъ это и говоритъ:

„На дѣлѣ выходило, что хотя довѣріе къ Аракчееву и было велико, но провѣрка его дѣйствій казалась Императору тѣмъ не менѣе необходимой. Современники объясняли это желаніемъ почаще и подольше проводить время съ единственнымъ лицомъ, которое всегда и вездѣ обнаруживало слѣпую преданность и какую-то буквальную исполнительность; мы же склонны думать, что постоянныя поѣздки по поселеніямъ обнаруживали скорѣе врожденное недовѣріе Александра ко всѣмъ сотрудникамъ, не исключая и графа Алексѣя Андреевича“, — черта характера, достойная вниманія изслѣдователей.

При осмотрѣ поселеній Александръ „обнаруживалъ интересъ къ мельчайшимъ подробностямъ быта поселянъ, многимъ былъ доволенъ, но дѣлалъ рядъ замѣчаній по тѣмъ отраслямъ хозяйства, которыя считалъ неудовлетворительными“.

15 августа 1820 г. Государь прибылъ въ Варшаву на сеймъ... На этотъ разъ впечатлѣнія оказались уже иными, потому что господа депутаты систематически отклоняли всѣ правительственные законопроекты, что повлекло къ закрытію сейма ранѣе срока.

„Настроеніе Его Величества замѣтно начало портиться. Причины тому были разнообразны. Слухъ о разладѣ съ поляками

быстро разнесся по Европѣ и обрадовалъ дружескіе кабинеты Вѣны и Берлина, съ волненіемъ слѣдившіе за либеральнымъ слияніемъ русскаго Царя съ его польскими подданными“.

Въ исходѣ 1820 г. Императоръ снова отправился за границу на конгрессъ въ Троппау, гдѣ онъ много и по долгу бесѣдовалъ съ княземъ Меттернихомъ, а оттуда въ Лайбахъ. Возстаніе, вспыхнувшее во время этого конгреса въ Пьемонтѣ, и возникновеніе по всей Европѣ тайныхъ революціонныхъ обществъ произвело громадное впечатлѣніе на Императора Александра, „еще болѣе усилившееся послѣ разговоровъ съ Меттернихомъ, сумѣвшимъ такъ настроить русскаго государя, какъ ему было угодно для его дальнѣйшихъ цѣлей, для борьбы съ революціей въ Европѣ. Череломъ, совершившійся въ Александрѣ Павловичѣ, за дни Троппау и Лайбаха былъ настолько силенъ, что болѣе не прекращался до его кончины, а разыгравшаяся въ Петербургѣ исторія въ л.-гв. Семеновскомъ полку довершила послѣднее перерожденіе въ его характерѣ“.

Письмо Александра къ князю А. Н. Голицыну, изъ Лайбаха, отъ 8 и 15 февраля 1821 г., даетъ ясное понятіе о томъ настроеніи, въ которомъ онъ находился въ тѣ дни.

„Улучивъ сегодня свободную минуту, писалъ Государь, я беру за перо, обращаясь къ Спасителю, чтобы онъ наставилъ меня изложить вамъ все такъ, какъ мнѣ диктуется любовь, равно къ вамъ и къ истинѣ.“

„Но эта правда, какъ я ее чувствую въ своей душѣ, не дозволяетъ мнѣ дѣлать сравненій, потому что сама истина есть частица Божества.“

„Изъ писемъ вашихъ и Кошелевскихъ порученій я усматриваю критику той политической системы, коей я нынче придерживаюсь...“

„Ваше порицаніе можетъ быть объяснено развѣ только страхомъ и тревогой, что борьба, нами предпринятая, не будетъ имѣть успѣха. Но когда внутренній голосъ намъ подсказываетъ, что это—твореніе врага, то опасеніе за разрушеніе игры со зломъ не умѣстно. Не есть ли это долгъ христіанина бороться противъ врага и его дьявольскаго творенія всѣми тѣми средствами, которыя даны намъ Божьимъ Промысломъ....“

„Вы меня убѣждаете проповѣдывать между монархами Европы подчиненіе ихъ сердецъ Всевышнему. Это заставляетъ меня вамъ отвѣтить, что король прусскій и императоръ австрійскій религіозны до глубины души, что они оба откровенно признаютъ волю Творца и всенародно объ этомъ заявляютъ. А потому, для меня нѣтъ ни малѣйшей заслуги ихъ убѣждать, ибо давно принята между нами привычка бесѣдъ на эту тему... Да благословитъ Господь всѣхъ“

мидостей, разрѣшивъ всѣмъ тремъ на занимаемыхъ ими престолахъ такъ дружно и откровенно спѣться по самымъ различнымъ вопросамъ, основаніемъ чего послужила любовь къ Всевышнему. Предадимся же съ вѣрой Его предначертаніямъ и Его руководительству и постараемся не портить *вина* и *елея*¹⁾ чужими примѣсами чловѣчества. Вотъ моя исповѣдь, я ее чувствую до глубины души, а потому я не имѣю права уклоняться въ сторону, не нарушивъ вѣры въ Того, Кому я всецѣло отдался. Здѣсь вы найдете примѣненіе того способа, вами настойчиво рекомендованнаго, для *престъченія собственной воли*. Повѣрьте, что къ этой цѣли идутъ всѣ мои стремленія, насколько моя слабая чловѣческая оболочка мнѣ это позволяетъ. Я вполне отдаюсь *Его предрѣшеніямъ* и Онъ одинъ всѣмъ *руководитъ*, такъ что я слѣдую только Его путями, ведущими лишь къ довершенію общаго блага. Вы мнѣ совѣтуете признаваемую мною въ бесѣдахъ съ вами мою *единственную поддержку въ Спасителя* громко исповѣдывать. Но развѣ я придерживаюсь другого языка послѣ 1812 года, когда я особенно чувствовалъ въ сердцѣ своемъ Его призваніе...

„Министрамъ своимъ я твержу то же самое... а что касается обращенія къ народамъ, то лучшими документами служатъ мои манифесты, лишь подтверждающіе тождественныя мысли... слѣдовательно, никогда боязнь общественнаго мнѣнія не была для меня помѣхой, я только заботился о судилищѣ собственной души, которая вся въ Богѣ“...

„Вполнѣ согласенъ съ вами, что вся адова преисподняя обрушилась на наши предпріятія. Это вполнѣ естественно и очевидно, всѣ они ополчились на насъ, видя, какъ открыто мы объявили себя послѣдователями ученія Христова, каждый по своему убѣжденію, въ чемъ я ручаюсь за насъ троихъ. Сами вы пишете, что „адъ не можетъ сокрушить моей вѣры, потому что она уже закоренѣла въ душѣ моей! Дай-то Богъ, чтобы вы оказались правымъ, и я возлагаю всю мою надежду на помощь Спасителя, какъ и во всемъ остальномъ“. „Могу положительно васъ увѣрить, что я поступаю исключительно по *своей вѣрѣ*, а невозможно руководствоваться вѣрою другого.“

„Вотъ истина, которую недостаточно сознаютъ. Если бы я дѣйствовалъ по вѣрѣ другого, и она не совпадала съ моей вѣрой, то я былъ бы преступникомъ. Я осмѣливаюсь заявить, что это подтвердилъ апостоль Павелъ“... По-моему, я лично еще далекъ отъ осторожности, мудрости, обдуманности и т. д., но я чувствую, что во мнѣ

¹⁾ Апокалипсисъ, гл. VI, ст. 6.

таится откровение святого, священнаго дѣла... Вы говорите, что Кошелевъ видитъ отсутствіе гармоніи въ сообществѣ! Откуда онъ это взялъ? Никто болѣе меня не желалъ такой гармоніи и не моллся такъ усердно, чтобы добиться оной. Я увѣряю васъ, что я всегда дѣлалъ все для сохраненія этой гармоніи, кромѣ того, что внутреннее чувство мнѣ запрещало. Повторяю, не отъ меня зависить побороть влеченіе сердца, а когда оно заговорить, то нѣтъ человѣческой силы, чтобы меня переубѣдить противъ моего внутреннего влеченія“.

„ Эти строки“, говорятъ по поводу этого письма Великій Князь Николай Михайловичъ, „написанныя князю Голицыну изъ Лайбаха, какъ нельзя болѣе наглядно передаютъ то душевное состояніе, въ которомъ обрѣтался повелитель земли Русской. Мы затрудняемся дать вѣрную оцѣнку этого психоза, приближавшагося скорѣе къ какому-то общему сумбуру разума и мыслей, чѣмъ къ иной формѣ мышленія. Въ строкахъ письма чувствуется разладъ духовный, и тщетно ищешь того душевнаго спокойствія, о которомъ не разъ говоритъ самъ писавшій это посланіе. Ссылки на Библию, на Апокалипсисъ, на Посланія апостола Павла къ римлянамъ поражаютъ, какъ плодъ болѣзненнаго мечтанія нравственно разстроеннаго человѣка... Поражаетъ еще нервное отношеніе Государя къ критикѣ его дѣйствій въ области внѣшней политики, которую позволили себѣ его духовные собратья, Голицынъ и Кошелевъ, всегда смѣло и откровенно говорившіе ему обо всемъ томъ, что соприкасалось съ религіозными темами. Вообще, его письмо, писанное въ теченіе цѣлой недѣли, носитъ отпечатокъ какой-то внутренней борьбы и необычайной нервности. Если сопоставить даты, то такое настроеніе можно себѣ объяснить впечатлѣніемъ исторіи, случившейся въ концѣ октября 1820 года въ Семеновскомъ полку, въ связи со всѣми донесеніями о возгорѣвшемся революціонномъ движеніи въ Италіи и въ Испаніи, т. е. съ возродившимся карбонарствомъ“.

Извѣстное происшествіе въ Семеновскомъ полку глубоко опечалило Императора Александра, который нѣжно любилъ семеновцевъ, еще будучи наслѣдникомъ, состоя ихъ шефомъ. Онъ придавалъ ему большое значеніе и, заблуждаясь относительно истинной причины событія, былъ „твердо увѣренъ, что зло пришло извнѣ, отъ какихъ-то карбонаріевъ и, несмотря на почти единогласное противное мнѣніе петербургскаго высшаго военнаго начальства, пребывавъ въ этомъ заблужденіи“.

Все дѣло было тщательно просмотрѣно самимъ Императоромъ и снабжено его замѣтками.

„Поражаетъ строгость и суровая жестокость въ примѣненномъ наказаніи надъ нѣкоторыми нижними чинами, признанными судомъ зачинщиками бунта. Лишь для немногихъ сдѣлано смягченіе наказанія противъ рѣшенія военнаго суда, а главарямъ, несмотря на боевыя ихъ отличія и бытность въ кампаніяхъ, кара увеличена до прогнанія шесть разъ сквозь строй черезъ тысячу человѣкъ батальона шпирутенами“.

Тотчасъ по возвращеніи изъ Лайбаха, Государь узналъ о доносѣ, полученномъ въ его отсутствіе, о политическомъ заговорѣ съ приложеніемъ списка всѣхъ лицъ, замѣшанныхъ въ немъ.

„По версіи Шильдера, говоритъ авторъ изслѣдованія, Государь, выслушавъ Васильчикова, доложившаго ему о заговорѣ, отвѣтилъ:

„Дорогой Васильчиковъ, вы служите мнѣ съ начала моего царствованія и знаете, что я раздѣлялъ и поощрялъ эти иллюзіи и заблужденія“ и добавилъ: „не мнѣ карать ихъ“.

Послѣ кончины Александра въ его письменномъ столѣ найдена А. Х. Бенкендорфомъ записка, поданная имъ Государю по этому дѣлу въ томъ же 1821 г.—на ней не оказалось ни одной помѣты.

„На этомъ фактѣ приходится остановиться, говоритъ Великій Князь, но объяснить его логично мы затрудняемся, по слѣдующимъ причинамъ. Если сопоставить строгости по приговору Семеновскаго полка и всю переписку по этому дѣлу, гдѣ Государь упорно искалъ причинъ политическихъ, не обнаруженныхъ ни слѣдствіемъ, ни судомъ, то какъ допустить полнѣйшую индифферентность къ запискѣ Бенкендорфа и къ сообщенному на словахъ Васильчиковымъ? Какъ разгадать, отчего Государь чуть было не вмѣшался активно въ итальянскія дѣла, чтобы бороться съ карбонарствомъ, а у себя дома, на Руси, ничего не предпринималъ, чтобы пресѣчь надвигавшуюся бѣду, и сказалъ такую фразу „не мнѣ карать ихъ“. Неужели возможно, что, настроенный Меттернихомъ къ самой отчаянной борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ Европы, Александръ могъ равнодушно относиться къ однороднымъ проявленіямъ въ Россіи? А въ дѣйствительности это было такъ, хотя и не совсѣмъ. Говоримъ—не совсѣмъ, потому, что душевно изстрадавшійся монархъ нашелъ однако то лицо, которое должно было его замѣнить по всѣмъ дѣламъ внутренняго правленія Россіей, и которому онъ не только добровольно, но вполне обдуманно, сдалъ бразды управленія родиной. Это лицо былъ Аракчеевъ“.

„Заблужденіе Государя шло настолько далеко, что онъ предполагалъ исцѣлить Россію отъ революціоннаго настроенія во многихъ слояхъ общества и арміи не чѣмъ другимъ, какъ распоряженіями избраннаго имъ для этихъ цѣлей замѣстителя, въ лицѣ грубаго и необразованнаго исполнителя его же велѣній, Аракчеева. И такое заблужденіе вошло въ плоть и кровь Александра Павловича. Онъ

вообразилъ, что Аракчеевымъ онъ какъ бы прикрылъ себя отъ всякой отвѣтственности, и вотъ до какихъ предѣловъ дошли результаты мистицизма и религіознаго экстаза, приведшіе Государя къ такому плачевному исходу“.

„А проблески зародившейся фантазіи прикрывать себя Аракчеевымъ, гдѣ только возможно, проявлялись постепенно, и мы ихъ нашли и на поляхъ приговора по семеновской исторіи, и въ другихъ документахъ“.

Какъ на примѣръ, Августѣйшій авторъ указываетъ на письмо, найденное имъ въ черновомъ отпускѣ въ дѣлахъ Военно-Ученаго архива, писанное пѣликомъ рукою Императора Александра еще 20 февраля 1820 г., по частному дѣлу, рижскому генераль-губернатору маркизу Паулуччи. Письмо это, въ которомъ отклонялось ходатайство маркиза, было переписано Аракчеевымъ и отправлено маркизу отъ его, Аракчеева, имени.

Оно весьма характерно.

„Милостивый государь мой, маркизь Филиппъ Осиповичъ. Получаю письмо Ваше со вложеніемъ прошенія на Высочайшее имя Государя Императора, по довольно внимательному разсмотрѣнію, рѣшился я оная не вручать Его Величеству и при семъ оное Вамъ возвращаю.

„Причины, побудившія меня къ сему, суть слѣдующія: время, въ кое дозволено подавать просьбы объ увольненіи отъ службы, уже миновало съ 1 января, и не прежде какъ 1 сентября оныя принимаются. Во-вторыхъ, искренно долженъ Вамъ признаться, что я не нахожу повода Вамъ приступить къ подобной рѣшительности; ибо, бывъ облагодѣтельствованы милостями Государя, касательно чина, въ которомъ Вы находитесь, сверхъ того лестнаго званія генераль-адъютанта и довольно достаточнаго состоянія, исправляя должность, которая уже доказываетъ довѣренность Государя къ особѣ Вашей, я не понимаю, чего еще Вы можете желать? Имѣвъ весьма часто случай бесѣдовать съ Государемъ, я могу Васъ увѣрить, что ни его мнѣніе, ни довѣренность къ Вамъ ни въ чемъ не перемѣнились и послѣ всего вышесказаннаго, если Вы вспомните, что Вы изъ чужой службы поступили въ русскую въ 1807 году, и въ теченіе 13 лѣтъ достигли степени, до которой многіе изъ товарищей Вашихъ употребили болѣе 25 лѣтъ службы ихъ, то съ справедливостью должны будете согласиться, что жаловаться Вамъ невозможно. Извините мое чистосердечіе: оно въ моемъ нравѣ, и я привыкъ имъ руководствоваться. Аракчеевъ“.

„Все, что изложено въ этомъ письмѣ, правильно, и Паулуччи вполне заслужилъ такую отвѣдь. Тѣмъ не менѣе отвѣтъ Аракчеева долженъ былъ невольно поразить разжившагося иностранца“.

„Слѣдовательно, если Паулуччи былъ неудовлетворенъ отвѣтомъ, то его гнѣвъ долженъ былъ обрушиться на Аракчеева, такъ какъ маркизъ не могъ ни секунды подозрѣвать, что вся отвѣдь была сочинена самимъ Государемъ. То же самое и въ дѣлѣ семеновцевъ; вся проявленная строгость и жестокость были отнесены влiянію Аракчеева, между тѣмъ онъ вовсе не вмѣшивался во всю процедуру этого судебного разбирательства вообще и подчеркивалъ свое невмѣшательство въ письмахъ къ Императору, предпочитая сидѣть въ Грузинѣ, либо въ военныхъ поселеніяхъ, за время разбора семеновской исторіи. И вотъ приходится недоумѣвать, почему Александръ Павловичъ счелъ необходимымъ проявить такую строгость къ нижнимъ чинамъ любимаго имъ полка, а оставилъ даже безъ замѣтки поданную ему записку Бенкендорфа, которая обнаружила гораздо болѣе грозные симптомы среди офицерства и части общества. Не мудрствуя лукаво, постараемся объяснить это явленіе возможно проще: на основаніи характера Императора Александра. Онъ былъ шефомъ семеновцевъ, еще будучи наслѣдникомъ, онъ помнилъ роль полка при восшествіи на престолъ въ 1801 году, онъ гордился боевыми подвигами возлюбленнаго полка на поляхъ брани, и вдругъ именно въ Семеновскомъ полку случилось такого рода происшествіе, гдѣ уваженіе къ шефу, къ начальству было забыто, а дисциплина *нахально* нарушена. Чувства обиды и горечь разочарованія привели не только къ строгости, но и къ жестокости!“

„Что же касается разоблаченій Бенкендорфа и Васильчикова, то они затронули другую больную струну, а именно другое разочарованіе, касавшееся самого себя, своей личности, своихъ заблужденій молодости, всѣхъ либеральныхъ мечтаній въ различные періоды царствованія, и это привело къ вполне естественному упадку духа и снисходительности къ прегрѣшеніямъ ближняго, согласно ученію любви во Христѣ. Совѣсть должна была мучить монарха и заставила его отнестись милостиво къ заблужденіямъ другихъ (меньшей братіи), и не хватило ни мужества карать ихъ, ни желанія бичевать себя“.

Общее разочарованіе (1822—1825).

„Три года войнъ за освобожденіе Европы были роковыми во всѣхъ отношеніяхъ для личности Александра. Онъ скоро пресытился благами величія и славы, впалъ въ настроеніе, заглушавшее въ немъ чувства патріотизма, и отдался всецѣло зловредному мистицизму въ области недостижимаго на землѣ блаженства, которое высказалось въ примѣненіи на практикѣ идеи священнаго союза, столь невыгоднаго и вреднаго для интересовъ Россіи“.

„Отдавшись религіозно мистическимъ утопіямъ, Александръ не могъ уже заниматься дѣлами съ такимъ же увлеченіемъ, какъ раньше, онъ началъ тяготиться всѣмъ тѣмъ, что входило въ атрибуты царской власти и мало-по-малу окончательно отстранился отъ заботъ по внутреннему управленію, довѣрившись одному только человѣку— Аракчееву“.

Это было сдѣлано имъ вполне обдуманно, въ надеждѣ, что „Аракчеевъ вѣрно его понимаетъ, безпрекословно исполняетъ его волю, никогда не измѣняетъ Царскихъ вѣлѣній“ и „исцѣлитъ Россію отъ революціоннаго настроенія“. Мало-по-малу, „по всѣмъ дѣламъ, Государь началъ слушать только одного Аракчеева и принимать исключительно его доклады по всѣмъ отраслямъ управленій“.

„Послѣдніе четыре года царствованія Александра Павловича стали въ дѣйствительности годами управленія Россіей одного Алексѣя Андреевича“.

„Онъ издавалъ законы, разсылалъ повелѣнія, наказывалъ, миловалъ, объявлялъ выговоры или высказывалъ неудовольствіе, выдвигалъ разныя бездарности, въ общемъ угнеталъ самымъ безсердечнымъ игомъ Россію и русскихъ подданныхъ, а Александръ молчалъ, страдалъ душевно, недомогалъ часто физически и все покорно подписывалъ“.

Чѣмъ объяснить это удивительное довѣріе къ нему Императора и то исключительное вліяніе, какимъ пользовался этотъ холодный, себялюбивый и недалекій человѣкъ?

Онъ былъ вѣрнымъ и преданнымъ слугою Павла, передъ которымъ совѣсть его была чиста, предъ которымъ онъ ни въ чемъ не могъ упрекнуть себя — въ этомъ, по мнѣнію Великаго Князя Николая Михайловича, разгадка дружескихъ отношеній Императора Александра I-го къ Аракчееву.

При первомъ же посѣщеніи Александромъ Грузина, въ 1810 г., говорить Великій Князь, взоры Императора должны были остановиться на барельефѣ Павла, висящемъ на лѣвой сторонѣ церкви, и на подписи подъ барельефомъ золотыми буквами, вдушей чрезъ всю стѣну лѣваго клироса:

„Сердце мое чисто и духъ правъ предъ Тобою“.

„И надпись и изображеніе отца не могли не сдѣлать впечатлѣнія, и впечатлѣніе должно было быть значительное, потому что слова надписи безмолвно говорили, что молъ я, Аракчеевъ, правъ передъ памятью усопшаго, и что сердце мое чисто. Это напоминаніе минувшихъ дней дѣйствовало тяжело и наводило на грустныя думы“.

Александръ никогда не могъ бы повторить этой фразы предъ своею совѣстью.

„Что-то непонятное влекло Александра въ уединенное гнѣздо „безъ лести преданнаго“ престолу графа Аракчеева.

„Тамъ, въ Грузинѣ, и въ домѣ, и соборѣ, и въ саду—всюду находились предметы почитанія и благоговѣнія къ памяти его родителя; тамъ невольно приходилось вспоминать о погибшемъ отцѣ, а въ лицѣ владѣтеля этого помѣстья видѣть преданнаго слугу покойнаго; другими словами, на воображеніе должно было дѣйствовать нѣчто таинственное, столь близкое къ тому мистическому состоянію, въ которомъ находился недавній освободитель Европы. Словомъ, память о Павлѣ, тѣнь его, отъ которой онъ не могъ отдѣлаться, влекли Александра, помимо личныхъ чувствъ, къ тусклому облику Алексѣя Андреевича“.

Трогало Александра также и мнимое безкорыстіе Аракчеева, отказывавшагося отъ всѣхъ внѣшнихъ отличій; это „заставляло его невольно заблуждаться въ истинныхъ чувствахъ преданнѣйшаго графа и закрывать глаза на всю эту фальшь, приводившую въ негодованіе приближенныхъ и сотрудниковъ, но не возмущавшую самого Императора“.

Къ тому же, Аракчеевъ еще при жизни Императора Павла сѣумѣлъ сдѣлаться необходимымъ Александру. Оберегая его отъ гнѣвныхъ вспышекъ отца, онъ часто являлся какъ бы посредникомъ между ними, и это воспоминаніе создавало извѣстную близость. Въ этомъ отдавалъ себѣ ясный отчетъ самъ Аракчеевъ, который при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ напоминалъ державному покровителю о его незабвенномъ батюшкѣ.

Сознавая въ этомъ отношеніи свою силу, „Аракчеевъ позволялъ себѣ часто показывать то недовольство, то просто капризы, если Государь ему чего-либо не сообщалъ или оказывалъ довѣріе и расположеніе другимъ. И всѣ эти выходы сходили для него благополучно. Особенно рѣзко выразилось дурное расположеніе графа при образованіи Государственнаго Совѣта, когда ему не показали проекта реформы. Графъ страшно обидѣлся, взбѣшенный уѣхалъ къ себѣ въ Грузино и настоялъ на своемъ — сдать управление военнымъ министерствомъ Барклаю... самодовольно занявъ предсѣдательское мѣсто въ военномъ департаментѣ Государственнаго Совѣта“.

„Вышло, что Аракчеевъ какъ бы остался побѣдителемъ въ домашней распрѣ съ Государемъ, а Александръ удовольствовался быть побѣжденнымъ и ничѣмъ не выразилъ вопліѣ естественнаго недовольства... Слѣдовательно, Аракчеевъ могъ только радоваться результатамъ своихъ непозволительныхъ приѣмовъ обращенія съ русскимъ Царемъ, и приѣмы эти повторялъ также и въ будущемъ, все съ тѣмъ же успѣхомъ“. — Это походило на какое-то смиреніе

предъ тѣмъ человѣкомъ, котораго „сердце было чисто и духъ правъ предъ нимъ“, т. е. передъ Императоромъ Павломъ.

За періодъ Отечественной войны сохранилось 80 записокъ Александра къ Аракчееву, весьма характерныхъ для обрисовки отношенія къ нему Государя. Среди нихъ особенно характерна нижеслѣдующая, писанная 22 мая 1814 года, когда Александръ отправился въ Лондонъ, и Аракчеевъ его не сопровождалъ, а оставался на нѣмецкихъ водахъ для лѣченія.

„... Съ крайнимъ сокрушеніемъ я расстаюсь съ тобой, писалъ ему Государь. Прійми еще разъ всю мою благодарность за столь многія услуги, тобою мнѣ оказанныя, и воспоминаніе о которыхъ останется на вѣкъ въ душѣ моей.

„Я скученъ и огорченъ до крайности. Я себя вижу послѣ 14-ти-лѣтняго тяжелаго управленія, послѣ двухлѣтней разорительной и опаснѣйшей войны лишеннымъ того человѣка, къ которому моя довѣренность была всегда неограниченна.

„Я могу сказать, что ни къ кому я не имѣлъ подобной и ничье удаленіе мнѣ столько не тягостно, какъ твое. Навѣкъ тебѣ вѣрный другъ“.

Въ этихъ словахъ вылилось все, что могъ Александръ высказать вѣрному служацѣ и точному исполнителю своихъ предначертаній.

„Несмотря на милостивыя слова Государя передъ отъѣздомъ въ Англію, между нимъ и Аракчеевымъ въ Парижѣ еще произошли недоразумѣнія на почвѣ обидъ, что, молъ, Его Величество въ немъ болѣе не нуждается. Аракчеевъ, не будучи спрашиванъ пять недѣль съ докладами, огорчился и рѣшился остаться два года за границей“, о чемъ онъ и просилъ Государя письменно. Однако, послѣ личнаго объясненія съ Государемъ, намѣренія графа измѣнились, и онъ вернулся въ Россію раньше Александра Павловича.

„Спрашивается, къ чему была вся эта комедія отпуска и лѣченія? Но, видимо, такіе приемы онъ считалъ необходимыми въ своихъ отношеніяхъ съ Александромъ Павловичемъ“.

И, какъ оказывается, былъ правъ, разъ онъ сумѣлъ такимъ образомъ на долго сохранить не только расположеніе, но и довѣріе Монарха.

„Въ угоду Аракчееву, подъ натискомъ его и Фотія были принесены въ жертву друзья дѣтства Александра“,—кн. А. Н. Голицынъ и П. М. Волконскій. Безъ сомнѣнія, это было тяжело Государю и должно было вызвать въ его душѣ тяжелую борьбу, но „утомленіе жизнью было столь велико“, что онъ не имѣлъ силъ бороться, и уступилъ.

„Вотъ когда явилась потребность въ постоянныхъ передвиженіяхъ и вояжахъ, для успокоенія безотраднато душевнаго состоянія“, котораго не могло заглушить ни чтеніе священнаго писанія, ни молитва. Только въ бесѣдѣ съ Аракчеевымъ, котораго Государь навѣщалъ, время отъ времени въ Грузинѣ, Государь находилъ, въ самыя трудныя минуты, отраду и утѣшеніе.

„Откровенно говоря, замѣчаетъ по этому поводу Великій Князь, мы недоумѣваемъ, какое могло быть утѣшеніе въ сообществѣ холоднаго и безсердечнаго грузинскаго помѣщика; такого рода психологія чувствъ Александра Павловича прямо-таки вызываетъ одно лишь удивленіе и не поддается анализу. Но фактъ остается во всей своей наготѣ; его нельзя не отмѣтить“.

Хотя въ отношеніяхъ Александра къ Аракчееву, повидимому, навсегда останется „что-то непонятное“, но принятая Великимъ Княземъ основная точка зрѣнія многое уясняетъ.

Учрежденіе знаменитыхъ военныхъ поселеній также приводится авторомъ въ связь съ религіознымъ настроеніемъ Александра; онъ объясняетъ его гуманнымъ желаніемъ Государя „облегчить участь солдатъ въ мирное время, дать имъ возможность жить съ семьями, надѣлать ихъ земельною собственностью“. Военныя поселенія, по мнѣнію изслѣдователя, явились „логическимъ послѣдствіемъ тѣхъ думъ, которыя невольно должны были приходиться на умъ Государю и волновать его душу“. Въ данномъ случаѣ Александръ „придерживался строго обдуманной системы“ и постепенно проводилъ въ жизнь свою идею.

Эта настойчивость и упорство въ осуществленіи своихъ плановъ была отличительною чертою Александра, при чемъ „если онъ замѣчалъ желаніе другого лица настоять на своемъ мнѣніи и какъ бы подчинить себѣ его волю, то онъ становился непреклоннымъ въ проведеніи собственныхъ предначертаній“.

Какъ человекъ, Александръ былъ добръ и благожелателенъ, но „рядомъ съ этой добротой иногда проявлялось и злопамятство, а кромѣ того чувствовалась частенько и двуличность, которую сразу не каждому удавалось подмѣтить“—она составляла коренную черту его нрава. „Она давала ему возможность одновременно работать со Сперанскимъ и Аракчеевымъ, съ Аракчеевымъ и А. Н. Голицынымъ, а также и съ Волконскимъ“.

Обвораживая Наполеона въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, Александръ преспокойно „писалъ въ то же время матушкѣ о тѣхъ способахъ, какими возможно сломить его мощь“. „Въ одну дверь входилъ къ нему довѣрчиво канцлеръ Румянцевъ, а въ другую тайкомъ впускался Кошелевъ, съ одного подъѣзда подъѣзжалъ англійскій ква-

керъ, или другой сектантъ, а съ другого входилъ убогій монахъ или самъ митрополитъ... и что болѣе всего замѣчательно, всѣ эти люди выходили очарованными изъ кабинета Государя и часто воображали, что онъ раздѣлялъ ихъ образъ мыслей“.

Вообще, въ характерѣ Александра Павловича мирно уживались въ теченіе всей его жизни самыя рѣзкія противоположности, а его двуличность сочеталась съ неотразимымъ личнымъ обаяніемъ, „съ тѣмъ, что французы называютъ „le charme“; онъ „обвораживалъ всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось встрѣчаться“. „Нѣчто ангельское“ жило рядомъ съ никогда не угасавшимъ злопамятствомъ“. Каждый день его жизни былъ „сплошной психологической загадкой, которая, быть можетъ, никогда не будетъ разгадана во всемъ ея объемѣ“, но несомнѣнно, что новый трудъ Великаго Князя Николая Михайловича весьма многое выясняетъ въ сложной натурѣ Императора Александра Павловича, сложившейся подъ вліяніемъ такихъ противорѣчивыхъ факторовъ, какими были, съ одной стороны, его просвѣщенная, „гениальная бабка Екатерина II, до безумія любившая внука-первенца, съ другой—полубольной отецъ и честолюбивая мать, оба недовольные и обиженные Императрицей и устраненные ею отъ воспитанія ребенка“,—условія, какъ нельзя болѣе благоприятствовавшія развитію отмѣченной выше, основной черты характера Александра Павловича. На развитіе всей послѣдующей его психики, по мнѣнію его новаго біографа, имѣло рѣшающее значеніе роковое событіе 11 марта 1801 года. „Красной нитью, говоритъ онъ, черезъ всю жизнь Александра проходитъ „тѣнь отца“; это объясняетъ его отношенія къ Аракчееву, религіозныя исканія его мятущейся души, его ненависть къ дворянству, „за ту роль, какую оно играло въ событіи, не забытомъ Государемъ въ теченіе всей его жизни“, и даже вражда къ Наполеону, за его намекъ относительно дальнѣйшей судьбы участниковъ этого событія.

Что касается извѣстной поэтической легенды о таинственномъ сибирскомъ старцѣ Ѳеодорѣ Кузьмичѣ, которой, по собственному сознанію Великаго Князя, онъ самъ много лѣтъ увлекался, то, сдѣлавъ все возможное, чтобы выяснить его личность, и собравъ о немъ подробности, какія удалось добыть, онъ пришелъ къ убѣжденію, что „старецъ не былъ и не могъ быть Императоромъ Александромъ I; а личность самого Ѳеодора Кузьмича такъ-таки и не удалось установить“.

Въ результатѣ, въ превосходномъ изслѣдованіи Великаго Князя, обликъ Александра I предстаетъ въ новомъ пониманіи, въ новомъ освѣщеніи, подкрѣпленномъ впервые опубликованными, чрезвычайно цѣн-

ными матеріалами по исторіи царствованія Александра I. Этимъ матеріаламъ посвящена часть перваго и весь второй томъ.

Здѣсь переписка Александра съ Аракчеевымъ, масономъ Р. А. Котелевымъ, имѣвшимъ громадное вліяніе на развитіе у Государя мистицизма, баронессой Крюденеръ, А. Н. Голицынымъ, рядъ дипломатическихъ донесеній пословъ Сень-Жюльена, Стадіона и другихъ, переписка Александра съ папой Пиемъ VII; извлеченные изъ архивовъ, эти цѣнные матеріалы уже сами по себѣ составляютъ драгоцѣнный вкладъ въ русскую историческую науку.

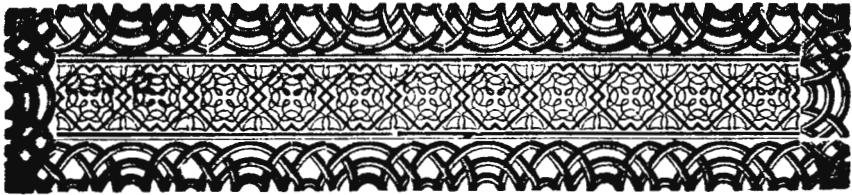
Съ грустью отмѣчаетъ Великій Князь гибель многихъ цѣнныхъ документовъ для біографіи Александра I. Переписка Государя съ М. А. Нарышкиной уничтожена вдовой сына Нарышкиной. Шкатулка съ документами генераль-адъютанта Александра Мишо и письма Александра къ баронессѣ Крюденеръ уничтожены Императоромъ Николаемъ, „систематическимъ истребленіемъ многихъ безцѣнныхъ бумагъ и рукописей“. Другіе источники существуютъ съ большими пробѣлами, какъ, напримѣръ, вся переписка Императрицы Маріи Ѳеодоровны съ Александромъ Павловичемъ, наконецъ доступъ въ нѣкоторые частные архивы какъ русскіе, такъ и заграничные еще не открытъ.

„Царствованіе Александра, говоритъ Великій Князь въ заключеніе, нельзя причислить къ счастливымъ для русскаго народа. Для Александра открывалось широкое поле дѣятельности; вначалѣ, увлеченный реформами, онъ, казалось, понялъ свою задачу и хотѣлъ что-то создать прочное, но это мимолетное стремленіе не успѣло пустить корней“.

„Думаемъ, что, какъ правитель великой страны, Александръ займетъ первенствующее мѣсто въ лѣтописяхъ общей исторіи; какъ русскій Государь, онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ своихъ блестящихъ дарованій лишь въ годину Отечественнѣйшей войны, въ другіе же періоды двадцатичетырехлѣтняго царствованія интересы Россіи, къ сожалѣнію, отходили на второй планъ. Что же касается личности Александра Павловича, какъ человѣка и простаго смертнаго, то врядъ ли обликъ его, такъ сильно очаровывавшій современниковъ, чрезъ сто лѣтъ безпристрастный изслѣдователь признаетъ столь же обаятельнымъ“.

В. Т.

Встрѣчи и столкновенія ¹⁾.

(С. В. Максимовъ).

С. В. Максимовъ.

Вѣдко я встрѣчалъ среди писателей людей болѣе симпатичныхъ, чѣмъ братья Максимовы, Сергѣй и Николай. Съ Николаемъ я воспитывался въ одной школѣ и недолго работалъ съ нимъ въ одной газетѣ, когда онъ былъ еще морскимъ офицеромъ. Потомъ онъ исчезъ съ моего горизонта, командовалъ баталіономъ въ сербо-турецкую войну, былъ корреспондентомъ въ турецкую кампанію 1877—78 г., во время которой былъ раненъ. Затѣмъ мы опять встрѣчались, когда онъ замѣнялъ капитанскій рупоръ перомъ и пріѣзжалъ въ Петербургъ. Внѣшнимъ образомъ онъ производилъ впечатлѣніе человѣка, что называется, съ растрепанными чувствами, но былъ добрый малый и прекрасный товарищъ. Много было въ немъ искренности и непосредственности, хотя, къ сожалѣнію, онъ былъ человѣкъ увлекающійся, что печально отразилось на его жизни, а часто портило и искажало его писанія.

Въ сравненіи съ нимъ его братъ, Сергѣй Васильевичъ, авторъ „Года на сѣверѣ“, „Куля хлѣба“, „Лѣсной глуши“ и т. д., какъ писатель, былъ великаномъ, но, какъ человѣкъ, онъ былъ не менѣе простъ, обходителенъ, симпатиченъ, незлобивъ, услужливъ, красивъ тою добротой, которая сквозитъ у добраго человѣка въ каждомъ словѣ, въ каждомъ взглядѣ. Поэтому его сипловатый голосъ дѣйстви-

¹⁾ См. „Русская Старина“ ноябрь 1912 г.

валь такъ пріятно и успокоительно на нервы, поэтому онъ всегда былъ окруженъ людьми, любовью же отвѣчавшими на его любовь.

Я съ нимъ познакомился, когда ему было уже 50 слишкомъ лѣтъ. Но, несмотря на сѣдины, онъ былъ еще бодръ и свѣжъ, почти какъ юноша. Очень я любилъ бесѣдовать съ нимъ. Онъ да Якушкинъ, Павелъ Ивановичъ, были у насъ въ Россіи первыми работниками на совершенно невоздѣланной нивѣ, первыми интеллигентными тружениками, превратившими изученіе русскаго народа въ писательскую профессію. Сынъ столбового дворянина и гвардейскаго офицера Якушкинъ, а за нимъ и сынъ уѣзднаго почтмейстера Максимовъ отрѣшились отъ всей привычной имъ интеллигентской обстановки и пошли въ народъ, обрекая себя на всевозможныя лишенія и часто на опасности. Но это было не то хожденіе въ народъ, которое вошло у насъ въ моду въ 70-хъ годахъ и которое такъ великолѣпно описано Тургеневымъ въ его „Нови“. Нѣтъ, это было другое хожденіе въ народъ—не для того, чтобы учить, а для того, чтобы учиться, для того, чтобы вынести изъ моря народной жизни знанія, безъ которыхъ наша забота объ этомъ народѣ всегда есть и будетъ дѣломъ мертворожденнымъ. Тотъ, кто ходилъ въ народъ съ политическими цѣлями, возвращался домой разочарованнымъ, но тотъ, кто ходилъ въ народъ, чтобы учиться, возвращался съ вѣрою въ этотъ народъ и приносилъ съ собою безграничную любовь къ нему. И помнится мнѣ, когда я иногда часами бесѣдовалъ съ Сергѣемъ Васильевичемъ, я проникался сознаніемъ, что въ примѣненіи къ нашему народу надо очень осторожно обращаться съ разными политическими теоріями, все равно—консервативными или либеральными, и что очень малодушны тѣ, кто теряютъ вѣру въ него.

Много мнѣ самому пришлось путешествовать по Россіи, но при встрѣчахъ съ Максимовымъ я чувствовалъ, что въ сущности мало знаю народъ, и готовъ былъ часами слушать его бесѣду, въ которой неожиданно для меня раскрывались новыя стороны народной жизни, новыя черты его духовнаго облика. Это не были разсужденія о народѣ, а характеристика его при помощи фактовъ, собранныхъ внимательнѣйшимъ наблюденіемъ и сохранныхъ памятью, которая повидимому разъ навсегда удерживала все достойное вниманія. Я прочелъ болѣе или менѣе все, написанное Максимовымъ, и тѣмъ не менѣе въ бесѣдахъ съ нимъ почерпалъ все новые факты, расширявшіе и углублявшіе мое знаніе народа. Максимовъ представлялъ собою сокровищницу наблюденій и знаній въ этой области. Онъ до тонкости зналъ народную жизнь тѣхъ многочисленныхъ мѣстностей, которыя онъ объѣздилъ или обошелъ, а объѣздилъ онъ

и Сѣверъ, и Сибирь, и Поволжье, и Центральную Россію, изъ которой онъ самъ былъ родомъ (Максимовъ, какъ извѣстно, костромичъ), и Юго-Восточную, и Западную Россію. Къ сожалѣнію, Максимовъ не избѣгъ участі болѣе или менѣе всѣхъ русскихъ людей, которые вступали въ близкое общеніе съ нашимъ народомъ, участі Якушкина, Левитова, Николая Успенскаго, Рѣшетникова, Глѣба Успенскаго. Онъ заразился общенародною слабостью къ спиртнымъ напиткамъ, и если не разстроилъ этимъ здоровья, то только потому, что оно у него было несокрушимое. Онъ могъ выпить безъ видимаго вреда для здоровья несчетное число рюмокъ самыхъ крѣпкихъ напитковъ. Худшее, что съ нимъ случилось, это то, что онъ временно какъ бы застынетъ, окаменѣетъ. Помню, онъ какъ-то у меня въ домѣ за обѣдомъ сталъ пить очень много. Удержать его было трудно. Онъ отбояривался словами: „А звали“ или: „Жалѣете, что-ли, пошла-то своего“. Наконецъ, гляжу,—Максимовъ, облокотившись на одну руку, совершенно затихъ. Я приблизился къ нему, вижу—спитъ. Захотѣлось поудобнѣе устроить старика. Я тихонько пригласилъ его перейти въ кабинетъ и прилечь на диванѣ, при чемъ взялъ его за руку. Но рука эта оказалась словно высѣченною изъ камня, да и весь онъ точно окаменѣлъ и, казалось, никакая сила не сдвинетъ его съ мѣста. Въ такомъ положеніи онъ оставался около получаса и затѣмъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, вдругъ сталъ меня, хозяина, корить, что я плохо потчую гостей, — и выпивка возобновилась.

Вино у него было непріятное въ томъ отношеніи, что онъ любилъ во хмелю ругаться. Тогда онъ походилъ немного на Салтыкова: ругательства у него такъ и сыпались, понятно, безъ злобы, а какъ какое-то непонятное ухарство или просто какъ дурная привычка. Бывало и такъ, что когда неудовольствіе (на чувство озлобленія онъ, кажется, былъ неспособенъ) долго въ немъ таилось, оно вдругъ у него прорвется подъ влияніемъ винныхъ паровъ и при томъ совершенно неожиданно для него самого. Помню одинъ эпизодъ этого рода, поставившій всѣхъ присутствовавшихъ въ очень неловкое положеніе.

Это было въ 80-хъ годахъ. Уже тогда у насъ литературные юбилеи превратились въ литературные именины, т. е. чествованіе серьезныхъ заслугъ замѣнилось простымъ пиромъ, устраиваемымъ другу-пріятелю или лицу, отъ котораго ожидаешь благъ земныхъ. Такіе юбилеи уже тогда устраивались довольно часто, хотя далеко не такъ часто, какъ теперь, когда вошло въ обычай чествовать даже третьестепенныхъ литераторовъ. Въ данномъ случаѣ чествовали далеко не популярнаго редактора-издателя распространенной

либеральной газеты, чествовали собственно не его, а либерализмъ, и собралось много народу. Были и читатели, и почитатели, въ лентахъ и безъ лентъ, въ орденахъ и безъ орденовъ, во фракахъ и въ мундирахъ. Было немало и дамъ въ бальныхъ туалетахъ. Словомъ, юбилейный обѣдъ удался на славу. Понятно, что какъ только жаркое было подано, и шампанское розлито, начались безконечныя спичи и рѣчи, въ которыхъ, совершенно какъ теперь, на золотникъ правды приходились пуды притянутыхъ за волосы комплиментовъ. Въ самый разгаръ этихъ восхваленій въ залъ входитъ Максимовъ и при томъ, что называется, на двадцатомъ взводѣ. Гдѣ онъ успѣлъ привести себя въ такое далеко не салонное состояніе, было его тайной, но мнѣ стало жаль его. Я впрочемъ успокоился, когда увидѣлъ, что онъ успѣлся въ самомъ концѣ громаднаго стола покоемъ, положилъ руки на столъ, на руки опустилъ голову и повидимому заснулъ богатырекимъ сномъ.

Между тѣмъ комплименты и всякаго рода восхваленія продолжали литься рѣкой, ораторы старались превзойти другъ друга въ похвалахъ. Юбиляръ не безъ достоинства въ отвѣтъ улыбался, постепенно, должно быть, свыкаясь съ мыслью, что онъ дѣйствительно заслужилъ расточаемыя ему похвалы. Словомъ, все шло прекрасно, и я о Максимовѣ уже забылъ, какъ вдругъ на его концѣ стола раздался сильный звонъ, и я, къ ужасу своему, вижу, что говорить собирается именно совершенно пьяный Максимовъ. И онъ въ самомъ дѣлѣ заговорилъ. Къ счастью, рѣчь его была необыкновенно коротка, но, къ несчастью, ужасно выразительна. Онъ сказалъ: „И ты (тутъ онъ назвалъ юбиляра по фамиліи) вѣришь, что они говорятъ тебѣ правду! Неужели ты такъ глупъ?“ И, сказавъ это, Максимовъ повалился опять на столъ, заснулъ сномъ праведника, сознающаго, что онъ исполнилъ свой долгъ, и предоставилъ остальной публикѣ расхлебывать заваренную имъ кашу. Всѣ конечно слѣдали видъ, что не разслышали произнесенныхъ имъ словъ, а какой-то находчивый ораторъ продолжалъ расточать юбиляру комплименты, но всѣ въ душѣ сознавали, что въ краткой рѣчи Максимова было больше правды, чѣмъ въ безконечныхъ разглагольствованіяхъ другихъ ораторовъ.

Склонность Максимова „шебаршить“, какъ онъ любилъ выражаться, при его мягкости и добротѣ, имѣла для него многія непріятныя послѣдствія. Когда онъ „шебаршилъ“, онъ мало разбиралъ, съ кѣмъ собственно проводить время. Случалось, что онъ въ домъ приводилъ совершенно незнакомыхъ людей, которые подъ вліяніемъ винныхъ паровъ казались ему людьми чрезвычайно симпатичными. Иногда онъ даже оставлялъ ихъ ночевать у себя, а затѣмъ утромъ

самъ не могъ ума приложить, какъ человѣкъ, совершенно незнакомый, оказался у него въ кабинетѣ или въ гостиной.

Разъ какъ-то онъ жилъ на дачѣ въ Парголовѣ. Гостиная у него большими окнами и балконными дверями, составлявшими какъ бы одну сплошную стеклянную стѣну, выходила на сѣверо-востокъ, такъ что первые уже лучи побѣдоноснаго лѣтняго солнца освѣщали всю комнату. Въ ней конечно никто не ночевалъ, и диванчикъ въ ней стоялъ такой крошечный, что и ребенку, кажется, трудно было на немъ умѣститься. А Максимовъ вечеромъ послѣ долгихъ возлізій привелъ домой какого-то рослаго собутыльника, котораго рѣшительно негдѣ было пристроить. Онъ ему отвелъ гостиную, ушелъ къ себѣ спать и тотчасъ же заснулъ мертвымъ сномъ.

Однако подъ утро ему что-то все мѣшало спать, и какъ только онъ окончательно проснулся, тотчасъ вспомнилъ, что вчера кого-то съ собою привелъ, кого — онъ рѣшительно не зналъ и, поскорѣе одѣвшись, отправился въ гостиную, чтобы узнать, кто его гость. На диванчикѣ полулежалъ, далеко протянувъ на полу длинныя ноги, въ невозможной, изломанной позѣ богатырь, по лицу котораго отъ свѣта и неудобнаго лежанія пробѣгали по временамъ гримасы. Увидавъ это лицо, Максимовъ вспомнилъ, что это какой-то полузнакомый врачъ, съ которымъ онъ раза два въ жизни встрѣчался въ одномъ изъ своихъ любимыхъ рестораничковыхъ. Лицо доктора исказилось отъ боли, онъ проснулся, взглянулъ на Максимова, а тотъ, указывая одной рукой на диванчикъ, а другой на ярко освѣщенную стеклянную стѣну, пропускавшую потоки утренняго свѣта прямо въ лицо злополучнаго гостя, извиняясь, проговорилъ:

— Коротко... и ясно.

И оба отъ души расхохотались, хотя гость въ то же время и охалъ.

Можно себѣ представить, какъ семья Максимова тяготилась этими ночными посѣщеніями.

Но склонность Максимова къ спиртнымъ напиткамъ имѣла и другія болѣе непріятныя послѣдствія. Максимовъ былъ человѣкъ совершенно необезпеченный, семья у него была большая, а литературнаго заработка далеко не хватало. Вообще гонорары въ то время, когда литературная производительность Максимова была значительна, поражали своими скромными размѣрами. Къ тому же онъ въ дѣловомъ отношеніи былъ далеко не ловкимъ человѣкомъ. Приходилось подумать о постороннемъ заработкѣ, и этотъ заработокъ нашелся еще въ 60-хъ годахъ: Максимовъ получилъ мѣсто редактора „Вѣдомостей С.-Петербургской городской полиціи“. Понятно, что между этой газетой и литературой было мало общаго, но, къ со-

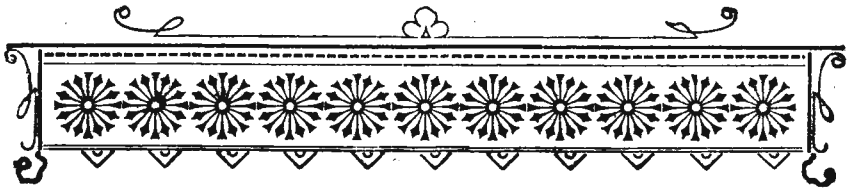
жалѣнію, въ прошломъ вѣкъ немногіе литераторы могли жить исключительно литературой, даже литераторы максимовскаго калибра. Приходилось прибѣгать къ стороннимъ заработкамъ, и литераторъ былъ счастливъ, если этотъ заработокъ имѣлъ хотя какое-нибудь отношеніе къ литературѣ. Нельзя не порадоваться, что „Полицейскія Вѣдомости“ давали Максиму въ теченіе долгихъ лѣтъ сторонній заработокъ, который, въ свою очередь, давалъ ему возможность посвятить себя любимымъ литературнымъ работамъ. Однако мѣсто редактора „Полицейскихъ Вѣдомостей“ по временамъ почти-что ускользало изъ его рукъ вслѣдствіе все той же страсти къ вину. Промахи случались дѣйствительно очень неудобные для полуофициальнаго органа. Не буду упоминать уже о томъ, что разныя фирмы пользовались слабостью редактора, чтобы провести болѣе чѣмъ щекотливыя объявленія по части амурныхъ или иныхъ дѣлъ этого рода. Случались промахи болѣе серьезныя, за которые Максиму, къ счастью, приходилось только отсиживать на гауптвахтѣ. Такъ, напримѣръ, однажды было помѣщено крупное объявленіе о томъ, что въ такой-то день, въ такомъ-то храмѣ будетъ отслужена панихида по въ Божѣ почивающемъ Императорѣ Александрѣ III, хотя этотъ Государь только-что вступилъ на престолъ и благополучно царствовалъ, а панихида была назначена по Императорѣ Александрѣ II. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должно было произвести это объявленіе вскорѣ послѣ 1-го марта. Но благодаря заступничеству вліятельныхъ друзей, Максимовъ отдѣлался и въ этомъ случаѣ одной гауптвахтой.

Въ заключеніе не могу здѣсь не занести одинъ фактъ, о которомъ мнѣ рассказывалъ Максимовъ нѣсколько разъ, но который онъ, кажется, самъ не занесъ въ свои воспоминанія. Какъ извѣстно, онъ былъ очень друженъ съ нашимъ знаменитымъ драматургомъ А. Н. Островскимъ. Довелось ему между прочимъ сидѣть съ нимъ рядомъ въ ложѣ во время представленія „Грозы“. Островскій сидѣлъ молча, углубленный въ себя. Только въ той патетической сценѣ, когда Катерина, терзаемая укорами совѣсти, бросается при всемъ народѣ въ ноги мужу и свекрови, каясь въ своемъ грѣхѣ, Островскій весь блѣдный шепталъ: „Это—не я, не я; это—Богъ“. Островскій очевидно самъ не вѣрилъ, что онъ могъ написать такую потрясающую сцену; онъ, подобно Гейне, считалъ писателя рыцаремъ-глашатаемъ св. Духа...

Р. Сементковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. И. Драгомировъ, командующій войсками округа¹⁾.

Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ не упускалъ случая упомянуть о томъ, какъ онъ вообще не любилъ „бисмарковскую націю“; отдавалъ онъ, правда, полную справедливость нѣмцамъ способнымъ, но едва-ли самъ замѣчалъ, что ужъ если бывало найдеть изъ нѣмцевъ нашихъ, т. е. изъ находящихся на русской службѣ нѣмца, неспособнаго, то ужъ тѣснить и распекаетъ его на всѣ лады, относясь при этомъ зачастую если небезразлично, то снисходительно къ неспособному изъ русскихъ или вообще не изъ нѣмцевъ; въ особенности онъ не могъ переносить малѣйшаго, какъ онъ выражался, проявленія тупости со стороны какого то ни было нашего генерала-нѣмца; и все это безотчетно, не имѣя въ томъ никакой предвзятости; замѣтно это ему самому вовсе не было и, если кто-либо рѣшался ему высказать на этотъ счетъ родъ своего указанія или намекъ на указаніе, то онъ оспаривалъ съ твердостью, которая могла кого угодно убѣдить въ томъ, что ему дѣйствительно безразлично—нѣмецъ, русскій или тунгусъ тотъ генералъ, который проявляетъ вообще ненавистное для него отсутствіе понятливости; онъ утверждалъ, что разноситъ его, какъ и всякаго, за вредъ, приносимый службѣ его тупостью, разноситъ именемъ службы и никогда не позволяетъ себѣ по службѣ ни хвалить ни благодарить, ни распекаетъ или осуждать лично отъ себя. Какъ извѣстно, онъ и ввелъ въ свои приказы терминъ, знаменующій собою отмѣнное безпристрастіе: „объявляю благодарность отъ лица службы“; многимъ это не нравилось. Легче ли отъ этого? говорили они и спра-

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1912 г.

ведливѣ ли? Но надо полагать, что претензію на это можно было выражать только ради желанія, во что бы то ни было, найти поводъ вернуть осужденіе.

Разбирая вообще, въ связи съ чувствами своими къ бисмарковской націи, личность короля Карла Румынскаго, М. И. не только хвалилъ его, какъ князя и короля, одобрялъ, какъ военнаго, но и восторгался имъ, какъ человѣкомъ энергичнымъ, въ высокой степени предприимчивымъ, ловкимъ и умнымъ.—Больше всего эти его качества вышлываютъ изъ того, какъ онъ въ свое время въ жизни, по выраженію М. И. Драгомирова, „пробрался въ дамки“.

Разсказывая о томъ, какія здравыя сужденія король Карлъ высказывалъ относительно всего, что ему доводилось видѣть въ войскахъ изъ показывавшагося, какъ гостю въ Кіевѣ, въ тотъ годъ, М. И. говорилъ, что здравому смыслу и опытности этого маленькаго Гогенцоллерна надо удивляться; кромѣ отмѣннаго здраваго смысла въ немъ Мих. Ивановича удивляло отсутствіе пристрастія къ своему, нѣмецко-швабскому; за время командованія войсками въ Кіевѣ М. И. имѣлъ нѣсколько случаевъ принимать проѣзжихъ нѣмецкихъ офицеровъ и если не показывать имъ чего-либо въ нашихъ войскахъ, то, угощая ихъ у себя на дому, вести съ ними бесѣды о военномъ дѣлѣ; таковы были: Лигницъ, Гольцъ, графъ Ведель, Вильомъ, Тетау и другіе изъ числа находившихся раньше при нашихъ войскахъ въ видѣ военныхъ агентовъ въ мирное время или во время войны. М. И., давая себѣ трудъ, припоминать вообще тѣ отзывы, которые ему доводилось отъ нихъ слышать, между прочимъ, запомнилъ, что всѣ названныя лица, кромѣ кого-то одного, разсуждая о принятомъ имъ тогда въ округѣ упражненіи пропуска кавалеріи черезъ ряды пѣхоты, первымъ дѣломъ спѣшили отрекомендовать Фридриха Великаго изобрѣтателемъ этого дѣйствія въ бою. Только лишь король Карлъ, увидѣвъ во время смотра на учебномъ полѣ практикованіе этого пропуска, не приписалъ его своему грессъ-фатеру, а прямо сказалъ: этотъ остроумный, полезный и крайне необходимый въ боевой практикѣ войскъ маневръ ведется въ нихъ, благодаря начинанію генералиссимуса Суворова.

Этотъ небольшой примѣръ—далеко не единственный изъ числа тѣхъ, на которыхъ король показалъ въ себѣ отсутствіе безшабашнаго нѣмецкаго бахвальства, столь распространеннаго между его единомышленниками всѣхъ странъ, говорилъ М. И.

* * *

Къ дому Гогенцоллерновъ въ Пруссіи принадлежитъ нѣсколько отраслей и между прочимъ родъ королевской фамиліи, которой пред-

ставитель прусскій король Вильгельмъ I въ 1871 году получилъ въ прибавку титулъ германскаго императора, а фамилія сдѣлалась королевско-германскою.

Еще въ 1849 году королевская фамилія получила въ собственность владѣнія князя Фридриха-Гогенцоллернъ-Гехингена, уступившаго ихъ королю прусскому Фридриху-Вильгельму IV-му; примѣру этого князя послѣдовалъ вслѣдъ затѣмъ его двоюродный братъ князь Карлъ Антонъ-Гогенцоллернъ-Зигмарингентъ; такимъ образомъ эти два гогенцоллернскихъ княжества—Гехингенское и Зигмарингенское навсегда закрѣпились по договору за старшей линіей Гогенцоллерновъ, являющихся представителями прусской королевской фамиліи, т. е. прусской короны.

Кн. Фридрихъ-Гогенцоллернъ-Гехингентъ умеръ въ 1869 году; князь же Антонъ-Гогенцоллернъ-Зигмарингентъ здравствовалъ еще долго послѣ него; у него было три сына и дочь. Всѣ они должны были удалиться въ частную жизнь, оставаясь принцами королевскаго дома и имѣя титулъ высочества. Кн. Антонъ отличался либеральнымъ образомъ мыслей и считалъ себя представителемъ либерализма, въ Пруссіи; онъ занималъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ постъ министра-президента въ томъ королевствѣ, а въ шестидесятихъ годахъ состоялъ генераль-губернаторомъ въ Дюссельдорфѣ.

Старшій сынъ его принцъ Леопольдъ былъ женатъ на принцессѣ португальской; поэтому или по другимъ причинамъ ему была въ 1870 году предложена корона Испаніи, единокровной съ Португаліей; эпизодъ этотъ достаточно извѣстенъ по своему концу, сдѣлавшемуся началомъ франко-германской войны. Младшій сынъ палъ геройскою смертію на поляхъ Кенигсгреца, во время австро-прусской войны.

Дочь сдѣлалась супругой бельгійскаго принца Филиппа, брата умершаго въ 1910 году короля Леопольда I—и такимъ образомъ стала принцессой Фландрской.

Средній сынъ Карлъ имѣлъ врожденное стремленіе къ тому, чтобъ сдѣлаться вновь владѣтельнымъ княземъ; вынужденная, договорная уступка владѣній далеко не пришлась ему по сердцу, онъ, конечно, не думалъ о возможности проявленія какого бы то ни было неудовольствія по поводу этого, а тѣмъ болѣе о возможности борьбы съ этимъ, хотя неустанно,—тихо и мирно—мечталъ о какомъ-либо иномъ оборотѣ судьбы,—оборотѣ, который соответствовалъ бы затаеннымъ вождѣльніямъ его честолюбія и неудержимаго стремленія къ власти.—Болѣе счастливое стеченіе событій не заставило себя долго ждать, и скоро для молодого князя все

пошло такъ, что можно было сказать: „на ловца и звѣрь бѣжитъ“ или „сонъ въ руку“.

Княжества Молдавія и Валахія, имѣвшія разныхъ владѣтельныхъ правителей—выборныхъ князей, соединились въ 1861 году въ одно княжество подѣ управленіемъ князя правителя Валахіи Александра Кузы, избраннаго на престолъ Валахіи въ 1859 году и уже управлявшаго ею въ теченіе полныхъ двухъ лѣтъ совершенно благополучно.

Два года приблизительно, до начала 1863 года, Куза управлялъ соединенною въ одно княжество страной, получившей названіе Румыніи; но затѣмъ началъ, главнымъ образомъ подѣ вліяніемъ женщины, проявлять массу беззаконій и произвола въ дѣлахъ управленія страной, а когда проявленіе того и другого обратилось въ хроническое, грянулъ въ простой и грубой формѣ переворотъ, послѣдствіемъ котораго оказалось то, что, занимавшій въ одинъ изъ праздниковъ караулъ въ княжескомъ дворцѣ стрѣлковаго баталіона, командиръ роты Липояно съ двумя молодыми офицерами, никѣмъ незамѣченный, а можетъ быть просто никѣмъ не остановленный, явился ночью въ спальню князя и, угрожая ему разстрѣломъ изъ приставленнаго ко лбу револьвера ¹⁾, заставилъ его встать съ постели, одѣться и выйти изъ дворца для того, чтобы сѣсть въ приготовленную, стоявшую у подъѣзда, карету. Въ этой каретѣ Липояно лично съ тѣми же двумя подчиненными, сопровождавшими карету въ другомъ экипажѣ, отвезъ князя владѣтеля за румынскую границу въ венгерскій городъ Краіову, гдѣ оставилъ на свободѣ, объявивъ ему, что „возвращеніе его не только въ Яссы (столицу Молдавіи) или въ Букарестъ (главный городъ Валахіи и столица Румыніи), но и просто въ предѣлы страны, пожелавшей его изгнать, будетъ равносильно оффиціально представленной съ его стороны просьбѣ быть немедленно убитымъ, каковое ходатайство будетъ, безъ малѣйшаго промедленія, удовлетворено“.

Покончивъ такимъ образомъ крайне энергично и, все-таки, можно сказать, человѣчно съ главой государства, партія, столь просто рѣшившая вопросъ, не задумываясь, приступила къ исполненію намѣченнаго ею плана дальнѣйшихъ дѣйствій своихъ по вопросу о томъ, чтобы освобожденный по желанію страны его княжескій престолъ не оставался долгое время вакантнымъ.

* *
* .

Все здѣсь изложенное представляетъ собой болѣе или менѣе извѣстные факты; дальнѣйшее никогда не было въ подробностяхъ

¹⁾ Въ тѣ времена это была новинка,

распространено, поэтому я хочу представить вниманію читателя рассказъ, слышанный мною изъ устъ М. И. Драгомирова, какъ разъ въ то время, когда король Карль Румынскій, уже болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, былъ его и войскъ округа гостемъ въ Кіевѣ.

Когда князя Кузу свергли, Братіано ¹⁾ и другіе, состоящіе подручными у бояръ, внезапно захватившихъ власть, поѣхали искать себѣ правителя. Въ тѣ времена куда же было ѣхать, если не къ всемогущему Наполеону III, тогда судьбъ вершителю и усиливавшемуся взять на себя, по примѣру дядюшки своего Наполеона I-го, роль раздавателя престоловъ и перетасовщика по этой части. Явившись въ Парижъ, эти искатели-румыны скоро и легко получили доступъ къ великому сфинксу и оракулу; принявъ ихъ очень серьезно, Наполеонъ, съ видомъ доброжелательнаго наставника, высказалъ имъ свое желаніе видѣть на престолѣ ихъ страны, — которой онъ тутъ же мимоходомъ предсказалъ прекрасное процвѣтаніе и блестящую будущность—одного изъ сыновей принца Антона Гогенцоллерискаго, только-что освободившагося отъ обязанностей владѣтельнаго князя и передавшаго свои права королю Прусскому.—Тамъ есть князь, жаждущій возврата къ правамъ владычества, если не въ своихъ земляхъ, то въ иныхъ странахъ,—сказалъ Наполеонъ самобытному посольству, при чемъ его слова похожи были на то, какъ хорошій посредникъ, имѣющій по части мѣстной коммерціи доподлинныя свѣдѣнія, съ видомъ знатока указываетъ, гдѣ можно пріобрѣсть кровную отмѣнно-хорошую лошадь или гдѣ имѣется въ продажѣ большая партія выдержаннаго вина,—вообще это напоминало со стороны Наполеона желаніе совершить прочную сдѣлку на подвѣртывавшемся товарѣ первѣйшаго сорта.

Прибывъ по указанію его въ Дюссельдорфъ, румынскіе гонцы влетѣли, какъ снѣгъ на голову, къ принцу Карлу Гогенцоллернъ Зигмарингенскому, оказавшемуся на-лицо второму сыну мѣстнаго военнаго генераль-губернатора принца того дома Антона.

Недолго разговаривалъ принцъ Карль; давъ свое согласіе, лихорадочно поспѣшилъ направить ихъ къ отцу, котораго нельзя было миновать въ переговорахъ о такомъ серьезномъ и важномъ дѣлѣ.

Съ отчаяніемъ вернулись къ принцу Карлу румынскіе посланцы отъ серьезнаго и суроваго принца Антона, сообщивъ, что онъ ихъ хорошо выслушать не пожелалъ, при чемъ объявилъ имъ, что онъ такихъ дѣлъ касаться не находитъ нужнымъ вообще, а въ част-

---

¹⁾ Въ 1877 году былъ министромъ внутр. дѣлъ и президентомъ совѣта-министровъ.

пости не намѣренъ вовсе вмѣшиваться ни въ дѣла сына, ни тѣмъ болѣе, въ его авантюры, если одну изъ таковыхъ въ данномъ случаѣ можно предполагать или подозрѣвать.

Разсказываютъ, что видъ „пословъ“, которые всѣ были похожи на учениковъ, сбѣжавшихъ со школьной скамьи, не вселилъ въ князѣ Антонѣ никакого довѣрія; въ крайнемъ случаѣ, при предвзятомъ желаніи, во что бы то ни стало, отнестись къ нимъ серьезно и съ какою-либо хотя бы гомеопатической дозой довѣрія, можно было ихъ принять за оканчивавшихъ свое ученіе студентовъ.

Смущеніе, овладѣвшее господиномъ Брагіано и компаніей дѣлателей румынской исторіи, нисколько не обезкуражило и не смутило принца Карла.

— Отецъ мой не хочетъ вмѣшаться въ мое дѣло; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ противъ вашего плана, уже ставшаго моимъ,—сказалъ онъ спокойно, добавивъ къ этому, что надо ковать желѣзо, пока горячо.

Побывавъ наскоро у отца, онъ въ тотъ же день выѣхалъ въ Берлинъ, куда за нимъ потянулись и братіановцы. Какъ поручикъ прусскаго гвардейскаго драгунскаго полка, принцъ Карлъ могъ во всякое время имѣть доступъ къ королю.

Вильгельмъ, допросивъ обо всемъ основательно и найдя дѣло неподходящимъ, предоставилъ принцу самому рѣшить вопросъ и поступить какъ ему покажется лучше, при этомъ добавилъ:

— Не подумайте, что я хоть одну минуту нахожу нужнымъ васъ отговаривать, или, Боже избави, вамъ приказывать; но разсудите:—пока вы не имѣете прямого согласія отца вашего, рѣшитесь ли вы пойти на это? не могу я отнестись къ вамъ иначе, какъ съ полнымъ доброжелательствомъ, а потому говорю, что самъ лично придержался бы этого, и иного совѣта вамъ отъ меня, какъ вы сами понимаете, услышать не придется;—повторяю, однако, что вполне предоставляю это вашей волѣ; въ концѣ концовъ вѣдь вамъ уже минуло двадцать семь лѣтъ.

Если такой твердый, выдержанный и умѣвшій владѣть собой человекъ, какимъ былъ принцъ Карлъ, могъ когда-нибудь придти въ смущеніе, то это могло случиться именно послѣ разговора съ королемъ, слова котораго во всякомъ случаѣ за выраженіе согласія онъ принять не могъ, а сдѣлать что-либо противъ воли короля ни дисциплина, ни всѣ отношенія къ Вильгельму ему не позволяли по совѣсти.

Встрѣтившимъ его почти у порога королевскаго дворца „посламъ“ онъ не отвѣтилъ однако отказомъ.

— Подождите, еще не всѣ мои переговоры окончены, не торо-

дите меня, я долженъ до конца спокойно обдумать и тогда, рѣшивши этотъ сложный вопросъ, пришло за вами, сказалъ онъ почти досаждавшимъ ему молдовалахскимъ патриотамъ.

Не успѣлъ принцъ пройти улицу Берлина—Унтеръ-денъ-Линденъ, какъ ему навстрѣчу попался полковникъ графъ А. В. Голенищевъ-Кутузовъ, состоявшій, какъ извѣстно, отъ нашего Государя при особѣ короля Вильгельма. Принцъ и графъ были большіе пріятели и потому, зайдя въ ближайшій модный ресторанъ на той же улицѣ, дружески разговорились.

Графъ сразу замѣтилъ, что всегда спокойный принцъ находился въ легкомъ волненіи.

— Отказа со стороны короля я не усматриваю,—сказалъ онъ, выслушавъ подробный рассказъ принца обо всемъ происшедшемъ; когда же принцъ на разные лады приводилъ свои длинныя волновавшія его возраженія, графъ, въ свою очередь, со свойственной ему выдержкой, посоветовалъ ему попробовать пройти на нейтральную почву—поговорить съ гр. Бисмаркомъ.

— Мысль эта мнѣ приходила въ голову, я ее пожалуй приведу въ исполненіе, но мнѣ надо увѣрить себя въ томъ, что своимъ спѣшнымъ представленіемъ къ королю я не задѣлъ канцлера и что онъ, послѣ этого, отнесется ко мнѣ безъ той мелкой обидчивости, которая, какъ вы знаете, очень нерѣдко задѣваетъ и охватываетъ даже людей умныхъ, высокостоящихъ и сильныхъ духомъ...

— О! перебилъ его графъ Голенищевъ-Кутузовъ, это не такой человекъ; онъ прежде всего, конечно, подумаетъ о промахѣ, учиненномъ вами, но тутъ же сообразитъ и рѣшитъ, что этотъ промахъ ничто въ сравненіи съ важностью жизненнаго вопроса, который вы приносите на вѣсы его испытанной мудрости. Идите сейчасъ, промахъ вашъ останется при васъ, а ваше затрудненіе въ одинъ мигъ разрѣшится такъ же, какъ будетъ рѣшена ваша и маленькихъ безвѣстныхъ княжествъ судьба...

Черезъ двадцать минутъ, принцъ уже находился въ кабинетѣ желѣзнаго канцлера, который на просторномъ вывезенномъ имъ изъ Петербурга кавказскаго типа диванѣ лежалъ съ сигарой во рту въ полудремотѣ.

— Что вы мнѣ рассказываете,—вдругъ произнесъ онъ, перебивши на полусловѣ рассказъ принца и повернувшись на диванѣ больше въ его сторону; чортъ возьми, не тревожьте вы попусту и напрасно его величество; уѣзжайте скорѣй къ мѣсту, спѣшите занять его, вѣдь далеко не каждый день предлагаются и раздаются короны драгунскимъ поручикамъ. Хотя бы и въ такихъ мелкихъ балаганныхъ государствахъ, каково измышленное и намѣченное вами

княжество; поѣзжайте прямо туда, не теряйте ни минуты, думайте о томъ, какъ бы тамъ устроиться умнѣе.

Принцъ понялъ, что этимъ сказано все; этотъ желѣзный чело-вѣкъ сразу осѣдлалъ весь вопросъ, все въ немъ звѣсилъ, разобравъ по косточкамъ и политическую и всякую другую сторону его, а затѣмъ представить дѣло королю въ готовомъ видѣ; тогда у старика Вильгельма отпадетъ и исчезнетъ мысль о томъ, будто бы слѣдуетъ ожидать согласія принца-отца, который, въ сущности, запрета не налагалъ и о немъ рѣчи не вель.

Разумѣется, принцъ первымъ дѣломъ послѣшилъ высказать благодарность графу Голенищеву-Кутузову; онъ былъ счастливъ за себя, доволенъ за румынъ, уполномочившихъ себя и, вполне увѣренный въ себѣ, радовался за Молдовалахію.

Не долги были сборы и прощанья; принцъ, помня слова канцлера, не терялъ времени. Для переговоровъ пришлось ѣхать въ Бѣлгородъ, какъ въ ближайшій нетурецкій большой городъ въ предѣлахъ владѣній турецкаго султана.

Много тамъ представилось со всѣхъ сторонъ затрудненій самыхъ разнообразныхъ; устраненіе ихъ казалось съ перваго взгляда невозможнымъ и немислимымъ.

Султанъ Абдуль-Азисъ сталъ на дыбы, такъ какъ на каждомъ шагу, въ каждомъ сообщеніи чувствовалъ нарушеніе и попираніе его правъ, усматривая то и другое даже тамъ, гдѣ ничего подобнаго усмотрѣть не представлялось возможнымъ; съ одной стороны, онъ нервничалъ, а съ другой поддавался вліянію своихъ государственныхъ мужей, которые, отчасти не понимая ничего въ заварившейся кашѣ, а болѣе по восточной привычкѣ умышленно во всемъ придерживаться преувеличенія пугали, своего повелителя.—Послы англійскій и французскій, какъ стало сразу извѣстно, настоятельно требовали, чтобы оставалось неприкосновеннымъ главенство Порты въ лицѣ султана; посоль Франціи, относясь совершенно равнодушно къ судьбѣ молодого принца и безразлично ко всему касавшемуся княжествъ, ссылался на приказанія, пришедшія отъ Наполеона.—Все это было причиной того, что братіановцы терялись, кипятились, волновались, отчаивались, безтактничали; да можетъ быть и было отчего закружиться юнымъ головамъ; каждую минуту, при каждомъ новомъ затрудненіи они должны были чувствовать, какъ почва подъ ними ускользала; не было сообщенія и даже слова, которое, будучи высказано противной стороною, не заставляло ихъ смущаться и рѣшительно ступовываться.

Одинъ лишь принцъ держалъ себя твердо и повторялъ все время одно,—что онъ не допуститъ главенства надъ собой падишаха и

во всякомъ случаѣ настоятъ на исполненіи своего предъявленія. Это, вмѣсто ободренія, приносило окружающимъ его членамъ посольства лишь новое смущеніе, вселяя въ нихъ новые страхи. Если они имѣли тогда долю сознательнаго представленія обо всемъ свершавшемся,—имъ должно было твердо запастъ въ память и остаться при нихъ на всю жизнь почтительнѣйшее убѣжденіе въ огромномъ запасѣ силъ, коими богатъ былъ ихъ новый князь, твердо и неустанно державшій развернутое имъ знамя; бросалось въ глаза, что онъ ни разу не произнесъ, обычной въ подобныхъ случаяхъ у другихъ, угрозы—уѣхать, если его желаніе не будетъ исполнено; нѣтъ, онъ твердилъ только, что сдѣлаетъ такъ, какъ у него намѣчено; во всякомъ увѣреніи, намекавшемъ на возможность выѣзда въ случаѣ неудачи, онъ видѣлъ слабость, т. е. нѣчто достойное только презрѣнія; до этой слабости онъ ни разу и не спустился ни наружно при всѣхъ, ни въ душѣ, наединѣ съ самимъ собой.

— Если таковы вообще Гогенцоллерны, то честь имъ и слава,—говаривалъ не разъ М. И. Драгомировъ, обсуждая въ тотъ разъ на разные лады доблести и вообще качества своего гостя.

Правда, принцъ могъ держаться твердо, чувствуя передъ собой скалу въ видѣ Бисмарка; но извольте-ка умудриться эту скалу чувствовать такъ чувствительно, чтобъ ни разу, ни на секунду не придти въ малѣйшее смущеніе при тѣхъ обстоятельствахъ, когда со всѣхъ сторонъ и англичанинъ, и турокъ, и французъ рвутъ, принаравливаясь не только смутить, но и уничтожить,—а румынцы прямо безъ удержу тянутъ въ топь. Все время принца не покидала забота о томъ, чтобы члены опереточнаго букарестско-ясскаго посольства, которому онъ довѣрилъ свою персону, выказывали поменьше растерянности; онъ направлялъ ихъ къ тому, чтобы они какимъ-нибудь фальшивымъ шагомъ не ввернули въ дѣло лишникъ осложненій и не испортили бы его въ основѣ. При всемъ томъ онъ относился къ нимъ сдержанно и какъ къ дѣтямъ снисходительно, показывая къ нимъ уваженіе, какъ къ представителямъ страны, слугой и первымъ подданнымъ которой онъ готовился сдѣлать себя. Когда вокругъ возбуждался смѣхъ по адресу румынъ, и кто-то позволилъ себѣ назвать ихъ цыганятами, принцъ взглянулъ на это очень сурово, какъ бы обидѣвшись и не стѣсняясь осудилъ эту продѣлку одного изъ дѣйствовавшихъ тамъ дипломатовъ.. Не мало времени прошло до тѣхъ поръ, пока прусскій посолъ, внимательно выслушавъ „цыганяты“, подробно узнавъ отъ нихъ всѣ обстоятельства ихъ аудіенціи у Наполеона въ Парижѣ, а затѣмъ много, обстоятельно переговоривъ съ принцемъ, пришелъ къ убѣ-

жденію въ необходимости намѣтить и въ возможности провести иной планъ; то былъ планъ, согласный въ мельчайшихъ подробностяхъ съ намѣреніями принца-претендента, твердо предъявлявшаго свои домогательства и не имѣвшаго никакого расположенія даже подумать объ отказѣ отъ изобрѣтенной румынами и имъ самимъ кандидатуры.

Онъ понималъ и твердо зналъ, что, разъ Бисмаркъ стоитъ у этого дѣла за ихъ спиной, всякія осложненія явятся пустякомъ, но, конечно, вѣрнѣе и лучше, если ихъ будетъ являться какъ можно меньше или если они вовсе не будутъ нарождаться, особенно по такимъ пустяшнымъ основаніямъ, какія поминутно вызывались членами посольства.

Гр. Бисмаркъ, получивъ донесенія о ходѣ этого, казавшагося ему шуточнымъ, эпизода, немедленно же поручилъ, находившемуся тогда въ Біаррицѣ, германскому послу въ Парижѣ графу Гольцу, обстоятельно переговорить тамъ съ Наполеономъ, наведя на это разговоръ во время одной изъ прогулокъ, которыя Императоръ имѣлъ обыкновеніе предпринимать съ нимъ послѣ своего купанья.

Наполеонъ обо всемъ вспомнилъ, выяснилъ, что вслѣдствіе простой забывчивости, давая направленіе дѣлу своему послу въ Константинополь Де-Мутъе, упустилъ ввести ему въ инструкцію полныя подробности нужды игрушечнаго государства, только-что прекрасно разыгравшаго свой переворотъ и готовившагося начать новую жизнь подъ фѣрулой прибрѣтавшагося страной на свободный престолъ новаго князя изъ числа рекомендованныхъ имъ же, императоромъ, изъ принцевъ нѣмецкой крови.

Все уладилось; въ маѣ 1866 года князь Карлъ торжественно въѣхалъ въ Бухарестъ и началъ свое мудрое управленіе краемъ.

Нужно знать характеръ народа румынскаго, чтобы понять, сколько трудностей отъ однѣхъ партійныхъ неурядицъ князь встрѣтилъ на первыхъ порахъ, и сколько ихъ ему представлялось необходимымъ выносить въ теченіе почти полувѣковаго царствованія; помимо дрызгъ партійныхъ, сколько вообще неурейства по всѣмъ отраслямъ довелось ему принять, какъ терпѣливо, съ какою твердостью онъ все вынесъ, по части устроенія земельнаго, военнаго, гражданскаго, финансоваго, народно-просвѣтительнаго, затѣмъ по части церковной, по части улучшенія путей сообщенія, поднятія торговли и промышленности и, наконецъ, по части сношеній съ иностранными государствами, народами и дворами; достойно поученія все то, что ему посчастливилось сдѣлать; румыны его боготворятъ, они съ гордостью оглядываются на прошлое, и, можно сказать, черную неблагодарность проявилъ бы этотъ народъ, если бы послѣ всего

достигнутаго въ дѣлѣ колоссальныхъ успѣховъ маленькаго государства подъ покровомъ мощнаго главы, нашелъ возможнымъ печаловаться на этого главу, дѣятельно содѣйствовавшаго всестороннему движенію страны впередъ. Рѣдко какое государство можетъ похвалиться такой массой насажденія подобныхъ улучшеній за полуѣвковое свое историческое существованіе.

Къ всему, что вынесъ Карлъ, нужно добавить еще одну мелочь: денежные дѣла страны были на столько разстроены, что нѣсколько лѣтъ онъ вовсе не получалъ содержанія; онъ долженъ былъ расходовать собственныя деньги и на себя лично, и на княжескій дворъ. Къ счастью, онъ имѣлъ огромное состояніе; это ему помогло и впослѣдствіи нѣсколько разъ прямо заполнять недочеты денегъ на серьезные государственныя расходы. Румыны, при всей легкости своего характера, оцѣнили это, понявъ, что неурядица ихъ государственной жизни могла его лишить состоянія: влады, дѣлавшіеся имъ отъ времени до времени, могли кануть, и то обстоятельство, что Карлъ самыя большія суммы, не задумываясь, давалъ въ помощь странѣ, нація относилась къ особому, свойственному ему, какъ главѣ государства, благородству. М. И. говорилъ:—Онъ жертвовалъ, считая, что и въ случаѣ потери всего, долгъ приказывалъ ему жертвовать; съ другой стороны, конечно, никакія случайности не могли его пугать, — это не такой человѣкъ, котораго можно было бы, прикрываясь какими бы то ни было обстоятельствами, усадить подъ револьверомъ въ карету, увезти за румынскую границу и тамъ бросить, снабдивъ грозными нотаціями на прощанье.

Двумя богатствами своими Карлъ былъ всецѣло обязанъ своей матери, женщиной умной, образованной и обладавшей необычайно твердымъ характеромъ; весь нравственный, духовный образъ свой онъ получилъ отъ нея тщательнаго ухода за нимъ, — она всецѣло занималась воспитаніемъ своихъ дѣтей, ни на шагъ не упустила ихъ изъ виду до школьнаго возраста. Кромѣ того, она сумѣла сохранить и увеличить свои состоянія: одно, которымъ обладала сама, какъ принцесса Баденская ¹⁾, и другое, которое перешло къ ней отъ ея мужа, князя Антона—при его жизни:—все это состояніе она, умирая, раздѣлила между дѣтьми поровну. Къ этому громадному богатству перешло еще въ удѣлъ Карла также большое состояніе отца, умершаго въ 1885 году и имѣвшаго счастье знать заслуги его сына на престолѣ Румыніи и дожить до провозглашенія

---

¹⁾ Дочь баденскаго принца, родного брата супруги Императора Александра I—Императрицы Елисаветы Алексѣевны.

имъ себя королемъ. Матери не суждено было все это видѣть, знать и чувствовать.

Большая часть здѣсь разсказаннаго представляетъ сообщеніе, въ которомъ главная нить взята мною изъ сохранившихся въ моихъ записяхъ разсказовъ М. И. Драгомирова; мелочи, разные справки и придаточныя свѣдѣнія добавлены мною изъ другихъ источниковъ, составлявшихъ предметъ тѣхъ же давно веденныхъ записей.

* * *

Когда начинались у Румыніи какія бы то ни было затрудненія въ сношеніяхъ съ другими державами, король всегда бралъ дѣло въ свои руки и лично доводилъ его до конца, давая руководящія указанія министру иностранныхъ дѣлъ; это всегда было извѣстно всей странѣ и сосѣдямъ.

Что касается отношеній короля Карла къ Россіи, то они всегда въ соотвѣтствіи съ политѣйшимъ безпристрастіемъ были самыя правильныя. Нѣкоторыми выставляются въ немъ кое-какіе, говорилъ М. И., неправящіеся людямъ строгимъ его поступки, клонившіеся къ нарушенію добрыхъ съ нами отношеній; разсматривая съ этой стороны его поведеніе, можно сказать: въ этомъ проглядываетъ то, что къ королю предъявлялись несуразныя требованія; не могъ же онъ, состоя, какъ самъ онъ выражался, первымъ слугою своего государства, служить интересамъ Россіи въ томъ, въ чемъ людямъ, имѣвшимъ о немъ такія сужденія, хотѣлось видѣть его слугою Россіи. Часто поступки подданныхъ, между коими дѣйствуютъ и министры, и депутаты, и націон. собраніе и сенатъ, приписываются главѣ государства.

Когда Румынія обязалась въ 1877 году начать дѣйствовать совмѣстно съ Россіей въ случаѣ, если понадобится, а затѣмъ „въ минуту жизни трудную“ задумала отдѣлаться отъ этого своего обязательства, какъ бы доказывая тѣмъ, что дала его, пребывая въ полной увѣренности относительно того, что не понадобится,—князь Карлъ единично сталъ съ твердостью на томъ, что это должно быть исполнено, и исполнилъ, предварительно давъ понять всѣмъ и въ государствѣ своемъ и внѣ его, что онъ сломить это желаніе увильнуть отъ долга. Такихъ примѣровъ имѣется нѣсколько; Карлъ вездѣ былъ въ высшей степени корректенъ, но привести всѣ случаи нельзя безъ того, чтобы не зайти слишкомъ далеко,—а большія подробности не умѣстятся въ эту замѣтку; если Россіи грубили въ малодушіи своемъ тѣ же братіаны и иные „цыганята“, нельзя это ставить въ вину королю Карлу, который всякій разъ при подобныхъ съ ихъ стороны предѣлкахъ проявлялъ такую же

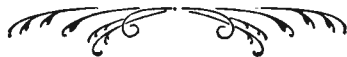
мощную выдержку, какою искусно осаждалъ ихъ во время пресловутыхъ Бѣлградскихъ переговоровъ при протаптываніи себѣ широкаго пути къ престолу.

Во время нашей войны 1877 года я мало зналъ князя Карла, — говорилъ М. И., но все то, что мнѣ случалось слышать отъ людей компетентныхъ о командованіи имъ арміей подъ Плевной, вполне подтверждаетъ свѣдѣнія объ его военныхъ способностяхъ вообще и свидѣтельствуетъ объ его талантахъ административныхъ, организаторскихъ, стратегическихъ и боевыхъ, объ его рѣдкомъ умѣни съ полнѣйшею находчивостью распорядиться массами войскъ; во всемъ, что онъ высказывалъ тогда этимъ лицамъ ¹⁾, частно бесѣдуя съ ними или совѣщаясь съ ними оффиціально, и что приходилось мнѣ впоследствии слышать въ его отзывахъ и бесѣдахъ со мной, показывало въ немъ человѣка опытнаго въ военномъ дѣлѣ, начитаннаго, находчиваго, а при этомъ идеально безпристрастнаго, справедливо-требовательнаго, опредѣленнаго и главное — въ высокой мѣрѣ твердаго.

Не надо забывать, что М. И. Драгомировъ вообще рѣдко расточалъ похвалы и далеко не былъ на нихъ тароватъ.

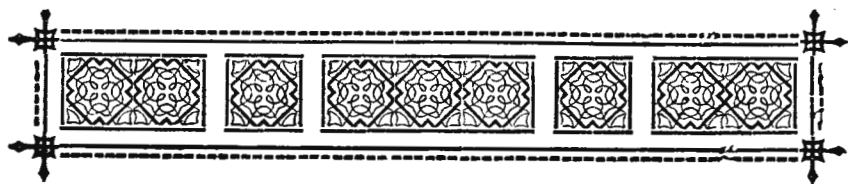
— Вотъ какого достойнаго гостя мы чествуемъ здѣсь теперь, — сказалъ, показывая въ сторону короля Карла, любовавшагося видами береговъ Днѣпра, Мих. Ив., заканчивая разсказъ о немъ на пародѣ во время катанья, которое было устроено въ честь короля гостя военными, съ участіемъ кievскаго общества вообще.

А. Е. К.

---

¹⁾ Между ними были такіе генералы, какъ Тотлебенъ, Зотовъ, Новицкій, Непокойчицкій, Гурко, Моллеръ, Экстенъ, кн. Масальскій, Столыпинъ, кн. Имеретинскій, Скобелевъ 2.

Изъ астраханской жизни Суворова ¹⁾.

жизни и боевыхъ трудахъ знаменитаго полководца писалось у насъ довольно много. Тѣмъ не менѣе въ архивной пыли все еще остаются мелкія крупичицы, которыя могли бы подъ-часъ служить нѣкоторымъ подспорьемъ къ уясненію его характера или для оцѣнки его трудовъ, его дѣятельности общественнаго или политическаго положенія. Въ жизни великаго человѣка, думается намъ, всякій ничтожный фактъ, каждое незначительное обстоятельство, малѣйшій исписанный листочекъ—должны имѣть большое значеніе.

Особенно мало извѣстно о пребываніи Суворова въ Астрахани, куда онъ былъ командированъ въ 80-хъ годахъ XVIII столѣтія для подготовленія такъ называемой персидской экспедиціи. Существующія печатныя произведенія даютъ о томъ разнорѣчивыя, а иногда совершенно невѣрныя свѣдѣнія. Такъ, по даннымъ книги А. Бушкова („*Матеріалы для новой исторіи Кавказа*,” Спб. 1869 г., т. II, стр. 70), А. В. былъ назначенъ въ Астрахань въ 1778 году съ цѣлью собрать необходимыя для военныхъ дѣйствій свѣдѣнія о Персіи, Арменіи, Грузіи и другихъ кавказскихъ земляхъ, и ему, будто бы, было ввѣрено командованіе войсками, готовившимися къ походу въ Персію.

Въ дѣйствительности ничего подобнаго не могло произойти въ указанное время, такъ какъ Суворовъ, вмѣстѣ съ генераль-пору-

---

¹⁾ Ниже приводимыя свѣдѣнія попались мнѣ случайно при разборѣ дѣлъ Астрахан. губернскаго архива для извлеченія отсюда матеріаловъ къ исторіи Терск. каз. войска и заселенію сѣвернаго Кавказа (по порученію начальника штаба Терс. войска ген.-м. Ф. Г. Червоzubова).

чиномъ Текели, состоялъ тогда подъ начальствомъ графа П. А. Румянцева-Задунайскаго. Весь 1778 и часть 1779 годовъ нашъ полководецъ провелъ на Кубани и въ Крыму, командуя Кубанскимъ и Крымскимъ корпусами ¹⁾.

Еще 22 февраля этого года онъ писалъ генераль-поручику Якоби, прося о присылкѣ на Кубань двухъ пѣхотныхъ полковъ и одного егерскаго батальона. Къ сожалѣнію, письмо это почему-то не было доставлено по назначенію, и только, по вторичному требованію его 10 марта, астраханскій губернаторъ, хотя „приказалъ изготавиться къ походу Нижегородскому и Алексѣевскому пѣхотнымъ полкамъ, но какъ тѣ полки (отвѣчалъ онъ Суворову) въ начальство мое поручены, по секретному госуд. военной коллегіи указу, для закрытія донскихъ селеній отъ впаденія ногайскихъ ордѣ, коимъ они ограждаются, то и не посмѣлъ я безъ воли главной команды отрядить ихъ въ дистанцію вашу, а представилъ чрезъ нарочнаго къ вице-президенту гос. воен. коллегіи, его свѣтлости Григ. Алексан. Потемкину, отъ котораго ожидаю полнаго повелѣнія ²⁾“.

Но распоряженіе послѣдняго о немедленной посылкѣ въ Кубанскій корпусъ трехъ пѣхотныхъ полковъ состоялось только черезъ полтора мѣсяца, когда Александра Васильевича уже не было на Кубани. Вслѣдствіе этого, получивъ 20 мая повелѣніе военной коллегіи объ отрядѣ туда Нижегородскаго, Алексѣевскаго и Низовскаго полковъ и приказавъ имъ въ теченіе 24 часовъ собраться къ походу, подъ начальствомъ полковника Нижегородскаго полка Гинцеля, держа маршъ на Темишбергу ³⁾, Якоби, предварительно посылки войскъ, отправилъ къ „командующему на Кубани за отсутствіемъ Суворова“ командиру нѣскольکو рядовыхъ, дабы послѣдній „приказалъ слѣдовать полкамъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ больше настоятъ въ нихъ опасность“, сообщивъ о томъ 5 іюня и Ал. В—чу ⁴⁾.

Повидимому, нашъ полководецъ обрѣтался въ это время въ Крыму, гдѣ, между прочимъ, подъ его начальствомъ находилась команда астраханскихъ калмыковъ, владѣльца Эдеря, назначенная туда еще весной 1778 года. Судя по рапорту Якоби князю Г. А. Потем-

¹⁾ Это подтверждается сообщеніями астрахан. губернатора Н. В. Якоби, отъ 30 марта, 20 мая и 5 іюня 1778 г. и указомъ военной коллегіи на имя астрахан. губернатора 17 апрѣля 1779 г., также и автобіографіей Суворова (прилож. ко 2-й книж. „Русскаго Архива“ за 1900 г., стр. 21).

²⁾ Журналъ исходящимъ дѣламъ Якоби отъ 30 марта 1778 г., № 450 вяз. 766.

³⁾ Тамъ же, 20 мая, № 903.

⁴⁾ Тамъ же, 5 іюня, № 1010.

кину ¹⁾, а на Крымскомъ полуостровѣ ощущался недостатокъ въ русскихъ войскахъ, а окончанія военныхъ дѣйствій не ожидалось въ скорости. По крайней мѣрѣ, отпуская калмыковъ на зимнее время въ ихъ улусы, Суворовъ „прописывалъ“ астраханскому оберъ-коменданту ген.-м. Левину сообщеніе генераль-фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задунайскаго, „чтобъ тѣхъ калмыкъ содержать въ готовности къ нынѣ наступившей веснѣ на случай востребованія ихъ туда“.

Едва-ли однако въ то время состоялось это „востребованіе“, такъ какъ въ 1779 году Суворовъ съ войсками выступилъ изъ Крыма ²⁾, получивъ вскорѣ назначеніе командовать Казанской дивизіей. Въ сентябрѣ ³⁾ ему дали секретное порученіе „взять у Персіи на южномъ берегу Каспійскаго моря мѣсто для предполагаемыхъ товарныхъ складовъ, чтобы направить торговлю съ Индіей черезъ Персію и Каспійское море, такъ какъ, благодаря войнѣ Англіи съ Франціей, морскіе пути были закрыты“ ⁴⁾. Мѣстопробываніе было назначено ему въ Астрахани, куда однако полководецъ не торопился выѣзжать, вслѣдствіе осложнившихся семейныхъ отношеній ⁵⁾. И только въ концѣ февраля слѣдующаго 1780 г. онъ прибылъ съ женой въ Астрахань ⁶⁾.

Что дѣлалъ первое время своего тамъ пребыванія А. В., и какая команда состояла подъ его начальствомъ,—архивныя данныя точно не указываютъ. По словамъ же А. Бушкова ⁷⁾, предназначенная для похода въ Персію каспійская эскадра явилась на астраханскій рейдъ лишь въ началѣ 1781 года. Такимъ образомъ бо-

¹⁾ Отъ 8 апрѣля 1779 г. Тамъ же № 203.

²⁾ „Автобіографія“ его, стр. 21.

³⁾ Время назначенія этого подтверждается отчасти требованіемъ самого Суворова (записаннымъ во входящ. журналѣ астрах. губернатора 17 марта 1781 г. подъ № 365) „объ отпускѣ ему опредѣленныхъ вышею командою 779 г. съ сентября 1-го сего 781 г. генваря по 1 число, всего за одинъ годъ и четыре мѣсяца, столовыхъ денегъ—четырехъ тысячъ восьмисотъ рублей изъ имѣющихся при губернской канцеляріи наличныхъ суммъ на счетъ экстраординарныхъ“, а ранѣе, 26 мая 1780 г. Суворовъ требовалъ отъ той же канцеляріи жалованье на состоящихъ при немъ офицеровъ и чиновниковъ также съ 1 сентября 1779 года.

⁴⁾ „Автобіографія“, стр. 21, прим. 4.

⁵⁾ „Русская Старина“ 1899 г., XI, 300.

⁶⁾ „Историч. Вѣстникъ“ 1900 г. V, 521, вып. 2.

⁷⁾ „Матеріалы для новой исторіи Кавказа“. Спб. 1869 г., т. II, стр. 71.—Въ журналахъ и резолюціяхъ астрахан. губернатора и губернской канцеляріи Суворовъ именуется просто генераль-поручикомъ, безъ приобщенія титула начальника какой-либо отдѣльной части.

лѣе года Суворовъ какъ бы бездѣйствовалъ. Тѣмъ не менѣе при немъ находилась особая канцелярія, гдѣ былъ канцеляристъ Ананій Унтилій ¹⁾ съ писаремъ Алексѣемъ Щербаковымъ. Завѣдывалъ ею сначала старшій адъютантъ Алешевъ (до 1 сентября 1780 года), а потомъ секундъ-маіоръ Кексгольмскаго пѣхотнаго полка Иванъ Сырневъ (съ 1 сентября 1780 г.). Личнымъ адъютантомъ А. В—ча, повидимому, былъ прапорщикъ Ахтырскаго гусарскаго полка Герасимъ Калмыковъ; казначейскія же обязанности исполнялъ поручикъ Архангелогородскаго пѣхотнаго полка Дмитрій Горихвостовъ и для посылокъ имѣлся сержантъ Черкизовъ ²⁾. Всѣ они получали жалованье и довольствіе на счетъ Казанской оберъ-криксъ-комиссаріатской комиссіи. Кромѣ того, въ составъ суворовскаго „стаба“ входили отъ пѣхотныхъ полковъ: Рязскаго—подлѣкаръ Павелъ Полторацкій (переведенный въ сентябрѣ 1780 г. въ Горскій егерскій батальонъ лѣкаремъ), Тамбовскаго—сержантъ Александръ Вишнековскій и 1-го Московскаго—мушкатеръ Василій Блестовъ (зачисленный потомъ въ Казанскій полкъ); всѣ трое съ 1 сентября 1779 г.; сержантъ Ростовскаго—Терентій Юрловъ (изъ Полтавы) и Днѣпровскаго—прапорщикъ Карякинъ и мушкатеръ Борисъ Васильевъ начали свою службу при Суворовѣ съ 1-го января 1780 года ³⁾.

Постепенно къ началу 1781 г. штабъ Суворова пополнялся офицерами и солдатами преимущественно изъ полковъ Казанской дивизіи ⁴⁾. Попадали впрочемъ въ число штабныхъ чиновъ также кавалеристы и даже малороссійскіе казаки. Такъ, напримѣръ, 11 мая былъ принятъ изъ отставки капитанъ Володимірскаго драгунскаго полка Акимъ Хастатовъ; съ 1 сентября числится штабнымъ офицеромъ — секундъ-маіоръ Екатеринославскаго пикинернаго полка

¹⁾ Уволенный въ отставку 12 января 1781 г. съ награжденіемъ прапорщикомъ. Резолюціи астрах. губернатора за тотъ же годъ (12 января и 7 іюня, вяз. 719).

²⁾ Журналы 26 мая 1780 г. и 8 января 1781 г.—Во входящ. журналѣ 1781 г. подъ № 1 записано сообщеніе ген.-поруч. Суворова (2 янв.) объ отпускѣ на 1780 и 1781 года опредѣленныхъ на содержаніе его канцеляріи денегъ по ста пятидесяти рублевъ и къ онымъ положенныхъ раціоновъ по 12 руб., всего 324 руб. изъ имѣющихся въ губерніи канцелярскихъ наличныхъ суммъ на „щеть“ комиссаріатскій,—подъ расписку сек.-м. Сырнева.

³⁾ Журналы 26 мая и 30 іюня 1780 г.

⁴⁾ Тутъ были отъ пѣхот. полковъ, Казанскаго прапорщикъ Петръ Борщовъ, Семенгинскаго каптенармусъ Степанъ Четекинъ и мушкатеръ Федоръ Ковеневъ, Тамбовскаго сержантъ Петръ Абрамовъ, Куринскаго гренадеры: Василій Тарасовъ и Лаврентій Петровъ и мушкатеръ—Аеанасій Ростовцевъ.

Яковъ Коробыннъ. Наконецъ въ октябрѣ 1780 года прибылъ въ Астрахань изъ с. Балакова, что при р. Иргизѣ, старшина и куренной атаманъ Зарецкій съ фурьеромъ и 12-ю казаками Черниговскаго и Стародубскаго полковъ, числящихся въ Казанской дивизіи ¹⁾).

Суворову, привыкшему всегда дѣйствовать быстро и самостоятельно, жутко пришлось жить въ Астрахани, гдѣ на первыхъ же порахъ своего пребыванія онъ долженъ былъ столкнуться съ закорузлой рутинной мѣстнаго чиновничества и казуистикой тяжелаго на подъемъ губернатора Ив. Вар. Якоби. Несмотря на то, что они оба были въ равныхъ чинахъ — генераль-поручиковъ, между ними постоянно возникали несогласія, особенно относительно денежныхъ ассигнованій. Какъ командированный туда по Высочайшему повелѣнію, Суворовъ, конечно, считалъ себя старше губернатора, ожидая отъ него себѣ почтенія и покорности. Но вмѣсто того, принужденъ былъ переносить отъ послѣдняго разныя стѣсненія въ своихъ распоряженіяхъ, такъ какъ Якоби не удовлетворялъ ни одного его требованія безъ подьяческой волокиты, внося ихъ на обсужденіе членовъ губернской канцеляріи, чѣмъ иногда подолгу задерживалъ выдачу нужныхъ суммъ, еще больше раздражая пылаго и привыкшаго къ боевой жизни полководца, тяготившагося въ душныхъ стѣнахъ городского бездѣлья ненавистной ему канцелярской работой.

При личныхъ свиданіяхъ и частной перепискѣ, Якоби какъ-будто относится къ А. В.—чу со вниманіемъ и выказывалъ ему нѣкоторые знаки своего уваженія. Но на дѣловой, оффиціальной почвѣ постоянно спорилъ съ нимъ и, по своему нерѣшительному, недовѣрчивому характеру, изъ-за каждой мелочи обращался за разрѣшеніемъ возбужденныхъ требованій къ высшей командѣ ²⁾).

Вскорѣ, по приѣздѣ въ татарскую столицу, Суворовъ обратился въ губернскую канцелярію съ просьбой отпустить ему нѣкоторую сумму денегъ на „чрезвычайные“ расходы. Канцелярія переслала требованіе А. В.—ча къ Якоби, который въ это время жилъ въ Саратовѣ ³⁾). Послѣдній, однако, не сразу исполнилъ его желаніе, хотя, конечно, зналъ, для чего присланъ Суворовъ. Когда же полководецъ вторично подалъ требованіе объ отпускѣ еще 3 тыс. руб., то Якоби предписалъ канцеляріи „сказать ему, Суворову, подъ рукою отъ себя, что какъ первый, такъ и сей послѣдній отпуски чи-

¹⁾ Журналы 1781 г. 5, 8, 11 и 12 января и 4 февраля.

²⁾ Какъ это было и задолго еще до назначенія Суворова въ Астрахань. См. выше журналы 30 марта 1778 г. № 450 и 8 апрѣля 1779 г. № 203.

³⁾ „Историч. Вѣст.“ 1900 г., V, 523.

нятся по однимъ его (Суворова) требованіямъ и по одной его, губернатора, рѣшимости, безъ всякаго отъ главной команды повелѣнія, а потому только, что его свѣтлость астраханскій государевъ намѣстникъ князь Гр. А. Потемкинъ изволилъ ему (т. е. губернатору) приказать—чинить по требованіямъ его (Суворова) всякое пособіе, то онъ, губернаторъ, предписываетъ канцеляріи предложить ген.-поручику, дабы онъ въ предбудущіе случаи на таковыя отпуски испросилъ разрѣшенія кн. Потемкина или бы потребовалъ особой экстраординарной суммы, а безъ того канцелярія не осмѣливается уже болѣе отпускать ему денегъ“¹⁾.

Обращался ли послѣ того Суворовъ къ Якоби съ требованіемъ особыхъ ассигнованій, неизвѣстно. Имы незнаемъ, какія были послѣдствія изъ возникшихъ между ними споровъ. Въ это время на Петербургскомъ горизонтѣ появилась новая звѣзда—графъ Войновичъ; чтобы дать возможность отличиться ему, Суворова отстранили отъ завѣдыванія персидской экспедиціей, ввѣривъ ее графу. Слѣдомъ за прибывшей изъ Казани Каспійской эскадрой пріѣхалъ въ Астрахань и Войновичъ, съ ордеромъ князя Потемкина отъ 10 мая 1781 г. 29 іюня онъ снялся съ якоря, а 6 іюля вышелъ въ открытое море, направивъ путь къ берегамъ Персіи, чтобы наказать ослушниковъ Россіи Бакинскаго и Гилянскаго хановъ, но, увы, потерпѣлъ тамъ полное пораженіе. Вся эскадра, во главѣ съ ея начальникомъ, была захвачена въ плѣнъ Астрабадскимъ ханомъ. И только послѣ долгихъ мытарствъ и униженій Войновича освободили изъ плѣна²⁾.

Въ это время Суворову было поручено командованіе Кубанскимъ корпусомъ. Онъ остался въ Астрахани готовить полки къ предстоящему походу. Что дѣлалъ тогда тамъ А. В., къ сожалѣнію, не извѣстно. За послѣдній періодъ въ Астраханскомъ архивѣ сохранилось лишь три съ его подписомъ документа. Первый относится къ 7 іюня 1781 г., при которомъ полководецъ представлялъ въ тамошнюю губернскую канцелярію удержанныя съ бывшаго чиновника его канцеляріи Унтилія деньги за пожалованный послѣднему прапорщическій чинъ, а другой былъ отъ 3 сентября, по поводу перевода драгуна „у калмыцкихъ дѣлъ роты“ Сѣнцова въ Селенгинскій полкъ для совмѣстнаго служенія съ двоюроднымъ братомъ Чечоткинымъ.

¹⁾ Предписаніе по этому поводу Якоби занесено во входящій журналъ 29 мая 1780 г. № 356 и, кромѣ того, канцеляріей составленъ 1-го іюня протоколъ за подписомъ оберъ-коменданта Михайла Левина и губернаторскаго товарища Михайла Баракова.

²⁾ „Астрах. Вѣстникъ“ 1910 г. № 6234.

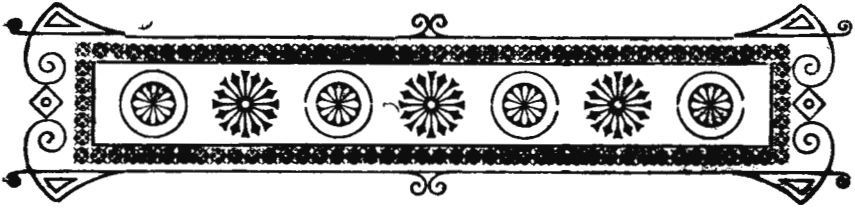
Послѣдній документъ Суворова (19 ноября 1782 г. за № 465) записанъ во входящій журналъ Астраханской канцеляріи 3 января слѣдующаго 1783 года. Въ немъ полководецъ просить объ отдачѣ назначенныхъ военной коллегіей отъ тамошней губерніи 49-ти рекрутъ въ полки, состоящіе подъ командою ген.-поручика П. С. Потемкина (не князя). Между тѣмъ, какъ оказалось по справкѣ, рекруты эти еще до получения отъ А. В.—ча сообщенія были сданы, по ордеру ген.-маіора Левашова, въ Астраханскій и Куринскій полки.

Конечно, документъ этотъ не могъ быть написанъ въ татарской станицѣ, если на доставку его до губернской канцеляріи потребовалось слишкомъ сорокъ дней (19 ноября—3 января). Значитъ, его отправили изъ другого болѣе отдаленнаго мѣста. Писалъ его Суворовъ на Кубани, гдѣ, въ теченіе 1783 г., онъ привелъ къ покорности Россіи ногайскія орды.

Добраться туда изъ Астрахани съ четырьмя полками: Астраханскимъ, Казанскимъ, Куринскимъ и Селенгинскимъ, при неусовершенствованныхъ въ то время путяхъ сообщенія, да еще по безлюдной и безводной Кизлярской степи,—полководецъ могъ лишь въ 6—8 мѣсяцевъ. Слѣдовательно, покинулъ онъ послѣднюю только въ мартѣ 1782 года, но отнюдь не 18 января 1784, какъ указывается въ „Ключаревской лѣтописи“ (1887, стр. 66).

П. Юдинъ.

Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи ¹⁾.

ГЛАВА III.

Им. Гофцумберге.—Забастовки батраковъ.—Сожженіе замка „Абгунстъ“.—Повстанскій генераль „Иванъ-Чортъ“.—Облава на „главныхъ агитаторовъ“.—Пожаръ въ им. „Грингофъ“.—Убіиство судебного пристава.—Взрывъ на дорогѣ.

В Гофцумберге, одно изъ крупнѣйшихъ имѣній Курляндской губерніи, принадлежитъ гр. Палену. Дѣдъ его Петръ-Людвигъ (Алексѣевичъ), военный губернаторъ Петербурга, пользовался неограниченными милостями Павла I, получилъ графскій титулъ и помѣстье (1799 г.), наконецъ,—чѣмъ увѣковѣчилъ свое имя въ исторіи—„присутствовалъ (съ Зубовымъ) при смерти Императора. При Александрѣ I онъ былъ устраненъ отъ всѣхъ дѣлъ. Въ тѣ далекія времена, когда страна не была еще завоевана нѣмцами, на лѣвомъ берегу р. Терветъ, недалеко отъ мѣста, гдѣ теперь мыза, стояла крѣпость Тарветенъ, построенная латышами въ защиту отъ набѣговъ литовцевъ; она долго служила и оплотомъ язычеству. Разрушилъ ее Вальтеръ фонъ Нордекъ и вблизи, противъ нея, на высокой крутой горѣ поставилъ замокъ (1275 г.) Гейлигенбергъ. Изъ него крестоносцы вели систематическія нападенія на семгаловъ ²⁾ и крѣпости ихъ въ

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1912 г.

²⁾ Семгалия, восточная часть теперешней Кур. г. Въ XIII в. здѣсь находился русскій городъ Герсике; первое извѣстіе о немъ относится къ 1203 г.; 1209 г. онъ былъ взятъ рыцарями и подчиненъ рижскому епископу. Съ XIV в. о немъ уже нѣтъ свѣдѣній, дальнѣйшая его судьба неизвѣстна, а равно и точно мѣсто, гдѣ онъ именно стоялъ, гдѣ-то на Двинѣ, вблизи г. Крейцбурга.

Добеленъ и Раденъ; послѣ онъ былъ любимымъ мѣстопробываніемъ курляндскихъ герцоговъ. Дѣйствительно, окрестности Гофцумберге на рѣдкость красивы. Высокія горы, громадныя лѣса, рѣка съ скалистыми берегами. Особенно любилъ замокъ самый славный изъ герцоговъ Іаковъ; онъ много заботился о внутреннемъ устройствѣ страны и поднятіи ея благосостоянія, въ конецъ подорваннаго при медленной агоніи ордена; онъ строилъ фабрики, развивалъ торговлю, завелъ свой даже флотъ; основалъ колоніи на берегу Гамбіи и на ос. Табаго. Наконецъ расширилъ и владѣнія самой Курляндіи, присоединеніемъ Пильтенскаго округа ¹⁾. Время его управленія—лучшая страничка исторіи края, полной лишь мрачныхъ драмъ, страшнаго угнетенія поработеннаго народа и безконечныхъ войнъ со всѣми ихъ ужасами для мирныхъ жителей.

И замокъ Гейлингенбергъ, построенный, можетъ быть, изъ камня разрушенной кр. Тарветень, не избѣгъ ея же участи, но его только время превратило въ развалины, довольно хорошо еще сохранившіяся. Онъ напоминаютъ теперь о быломъ могуществѣ державнаго ордена и о курляндскихъ герцогахъ, вассалахъ Польши. Первоначальное названіе замка, когда именно—намъ неизвѣстно, замѣнилось Гофцумберге. Теперь на мѣстѣ Тарветенской крѣпости стоитъ большое строеніе, обнесенное высокимъ частоколомъ, назначенное специально для развода фазановъ. Молодое поколѣніе ихъ охраняется штатомъ прислуги. Вообще лѣса, принадлежаціе имѣнію, изобилуютъ дичью—масса фазановъ, козъ; ихъ тщательно оберегаютъ, заботятся, на зиму заготавливаютъ сѣно. Козы приходятъ въ паркъ и гуляютъ себѣ безъ всякаго опасенія. Да, хорошо живется дичи въ Гофцумберге; пожалуй, лучше, чѣмъ батракамъ

Но и теперь здѣсь есть свой „Шлоссъ“, стоящій у подножья горы съ развалинами—это помѣщичій домъ—длинное низкое деревянное зданіе самой простой архитектуры, но все-таки величаемое „замкомъ“. Въ стѣнахъ его только находилась обширѣйшая бібліотека; множество рѣдкихъ книгъ, цѣнныхъ изданій на всѣхъ евр. языкахъ, собраніе гравюръ и пр. Боясь пожара, владѣлецъ поспѣшилъ перевезти ее (при насъ) въ болѣе надежное помѣщеніе въ другомъ своемъ богатѣйшемъ имѣніи—Гроссъ-Эккау.

Во время пребыванія въ Гофцумберге намъ не пришлось встрѣтить ни одного вооруженнаго повстанца, но вѣсти о ихъ шатаніи

¹⁾ Въ древности мѣстность эта принадлежала Даніи; самый г. Пильтенъ основанъ въ 1296 г., былъ резиденціей кур. епископовъ; нынѣ зататный городъ Виндавскаго у. Замокъ его, основанный 1220 г., въ развалинахъ, къ Пильтенскому округу принадлежалъ и г. Газенпотъ.

по лѣсамъ шли отовсюду. Хотя съ уходомъ казаковъ они уже „громадными толпами“ не подходили къ мызѣ, не стрѣляли, не беспокоили насъ ничѣмъ, тѣмъ не менѣе мы по ночамъ старательно оберегали свою „позицію“, оказавшуюся недурною для обороны. Иногда въ лѣсу раздавались одиночные выстрѣлы, приводившіе въ смущеніе администрацію—она думала, что повстанцы стрѣляютъ, желая насъ держать въ тревогѣ. Эти выстрѣлы свидѣтельствовали о томъ, что въ лѣсахъ дѣйствительно шатаются, а главное, что нарушается § 7 „Временныхъ правилъ“, запрещающій въ Курляндіи охоту. Генераль-губернаторъ, какъ говорили, оштрафовалъ на 600 р. одного барина за убійство двухъ куронокъ на охотѣ; по отношенію же латышей-повстанцевъ власть его была бессильна, и браконьерствовали они себѣ на свободѣ, подстрѣливая доврчивыхъ графскихъ козъ.

При частыхъ разѣздахъ небольшими командами ни въ одну изъ нихъ не послѣдовало выстрѣла. Но повстанцы, и вооруженные, были, это не подлежало сомнѣнію и доказывалось и фактами. Прежде всего бросалось въ глаза то обстоятельство, что по дорогамъ и на поляхъ никого не было видно—мужское населеніе какъ бы отсутствовало. Въ Гофцумберге большая часть батраковъ осталась и продолжала работать, хотя между ними, какъ и повсюду, велась агитація и были попытки силою принудить къ забастовкѣ. Въ этомъ имѣніи проявляется бѣлая забота о рабочихъ, что и не замедлило принести плоды въ видѣ ихъ усердія. Въ сосѣднемъ, напр., большомъ имѣніи были иные условія, и всѣ батраки разбрелись, „забастовали“. Перезрѣвшій хлѣбъ высыпался на поляхъ, и урожай погибъ. Владѣлица, когда началась забастовка, обратилась къ властямъ съ просьбою прислать казаковъ и „нагайками заставить батраковъ работать“.

Говорили, что въ окрестныхъ лѣсахъ есть правильно организованная и недурно вооруженная шайка подъ предводительствомъ какого-то Веллу-Ансыса (Иванъ-Чортъ). Изловить его было пламеннымъ вождѣніемъ полиціи. Но что она съ помощью драгунъ ни предпринимала, все было напрасно. А между тѣмъ этотъ Иванъ-Чортъ появлялся сегодня здѣсь, завтра тамъ и „пошаливалъ“.

Не далеко отъ Гофцумберге стоялъ замокъ „Абгунстъ“. Намъ пришлось видѣть его уже послѣ пожара; судя по уцѣлѣвшимъ стѣнамъ, это было очень красивое зданіе. Говорили, что по внутреннему его убранству, по собранію рѣдкихъ вещей, а, главное, оригинальныхъ произведеній знаменитыхъ живописцевъ, онъ представлялъ громадную цѣнность.

Въ глухую ночь въ окно начали стучать. Перепуганная эко-

помка спросила: „Кто-тамъ?“.— „Это я, Веллу-Ансысь. Отворяй скорѣе, а не то“... послѣдовалъ каскадъ угрозъ. Приказаніе было исполнено. Въ окно влѣзло нѣсколько вооруженныхъ человѣкъ и разбрелось по комнатамъ, строго приказавъ подъ угрозой смерти молчать. Они сложили костры изъ портьеръ, фамилныхъ портретовъ, чудныхъ картинъ, драгоценной мебели и одновременно подожгли. Иванъ-Чортъ „съ товарищами“ не тронули, по показанію прислуги, ничего; не соблазнили ихъ дорогіе серебряные сервизы и пр. Убѣдившись, что огонь хорошо разгорается, поджигатели вышли и оставались вблизи, пока пожаръ основательно не уничтожилъ замка. Они пѣли революціонныя пѣсни, играли на какомъ-то инструментѣ и только къ утру отправились отдыхать въ сосѣднюю усадьбу. Кромѣ того въ ту ночь они же сожгли въ имѣніи три хлѣбныхъ сарая. Вблизи замка живутъ батраки, но ни одинъ изъ нихъ не вышелъ, чтобы спасти вещи или въ чемъ-либо противодействовать злоумышленникамъ. Эти батраки показывали на слѣдствіи, что боялись мести Веллу-Ансыса; вѣрнѣе, они сочувствовали его работѣ. Такое впечатлѣніе по крайней мѣрѣ мы вынесли, присутствуя на допросѣ.

Изъ Гофцумберге въ Грингофъ ѣхали гимназистъ 7-го класса и дѣвушка. Въ лѣсу имъ заступилъ дорогу благообразной наружности среднихъ лѣтъ человѣкъ съ винтовкою въ рукахъ, какими вооружена наша армія, и съ пашкою драгунскаго образца черезъ плечо.

Задолго еще до описываемыхъ событій по войскамъ Виленскаго округа послѣдовалъ секретный приказъ строго слѣдить за цѣлостью оружія въ виду того, что во многихъ полкахъ уже было обнаружено похищеніе его. Въ гарнизонѣ, напр., одного города, какъ говорили, украдено было около 400 винтовокъ. Похищалось оружіе и въ частяхъ, расквартированныхъ въ очень отдаленномъ разстояніи отъ Прибалтійскаго края. Это обстоятельство служитъ объясненіемъ, откуда у повстанцевъ могли быть винтовки и пашки.

Повелительно поднявъ руку, человѣкъ тотъ крикнулъ по-латышски „Стой!“ Гимназистъ повиновался. Латышъ началъ подробный допросъ, откуда, куда и зачѣмъ и не бароны ли они. Получивъ на томъ же языкѣ отвѣты и заявленіе, что они ничего общаго съ погоньками рыцарей не имѣютъ, латышъ смягчился и посоветовалъ ѣхать обратно, такъ какъ „дорога не безопасна—по ней шатаются драгуны“. Путники просили позволенія все-таки ѣхать впередъ. Позволеніе послѣдовало. Но предварительно, человѣкъ, облокотившись на кабріолетъ, вступилъ въ бесѣду съ гимназистомъ. Прежде всего онъ заявилъ, что состоитъ предводителемъ возстав-

шихъ мѣстныхъ латышей, что подъ его начальствомъ много офицеровъ, что самъ онъ—генераль... Веллу-Ансысъ. Затѣмъ онъ въ мрачныхъ краскахъ представилъ тяжелое положеніе народа, столько вѣковъ страдавшаго подъ гнетомъ „этихъ трутней“. „Когда мы ихъ выкуримъ, устроимъ свое отечество на правахъ широкой свободы, всѣ будутъ равны, сыты и счастливы“ и т. д. Такъ повѣствоваль на эту тему генераль довольно долго и видимо, не спроста—желая увлечь юношу, завербовать. Гимназистъ передаваль намъ о встрѣчѣ съ предводителемъ тотчасъ по возвращеніи домой, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, и въ его словахъ звучали нотки, свидѣтельствовавшія, что рѣчь генерала не совсѣмъ пропала даромъ.

Предводитель шайки поджигателей, страстно говорившій о полномъ равенствѣ, объ учрежденіи на разрушенныхъ баронскихъ гнѣздахъ чуть не рая на землѣ, не безъ гордости величалъ себя „генераломъ“ и былъ одѣтъ такъ: черезъ плечи его превосходительства Ивана-Чорта красовалась широкая красная лента (какой же генераль безъ ленты!), на плечахъ—нѣчто въ родѣ эполетъ, тоже красныхъ, и такого же цвѣта затѣйливая кокарда на шапкѣ. Таковъ ужъ человѣкъ—трудно ему отрѣшиться отъ слабостей и устроить на землѣ даже приблизительное равенство!

Итакъ Веллу-Ансысъ (по слухамъ, рабочій изъ Риги) дѣйствительно существоваль и „оперироваль“ въ округѣ.

Полиціи сдѣбалось извѣстно, что въ лѣсу „Деге“ на одинъ изъ дней назначено собраніе агитаторовъ. Послѣдовалъ приказъ эскадрону совмѣстно съ ротой пѣхоты (изъ Грюнгофа) оцѣпить лѣсъ и переловить. На облаву пріѣхаль уѣздный начальникъ. Составленъ былъ планъ, державшійся въ строжайшемъ секретѣ, какъ и самое выступленіе. Въ назначенный часъ выступили съ расчетомъ, чтобы подойти къ лѣсу въ одно время съ разныхъ сторонъ. Не успѣлъ эскадронъ отойти и двухъ верствъ отъ Гофцумберге и свернуть на дорогу, выясняющую направленіе, какъ не вдалекѣ въ лѣсу раздался выстрѣлъ, а черезъ минуту—другой, далеко въ той сторонѣ, куда шли. Сигнальные выстрѣлы. Замыселъ былъ обнаруженъ. Когда вышли на открытое мѣсто, откуда былъ виденъ лѣсъ „Деге“, замѣтили, какъ нѣсколько человѣкъ спѣшно уходили изъ него въ разныя стороны. Разсыпанные всадники съ трехъ сторонъ окружили лѣсъ, съ четвертой должна была подойти пѣхота и пройти его цѣпью. Видно было, какъ на опушку выбѣжали, было, пять „агитаторовъ“ съ винтовками, но юркнули обратно.

Пѣхоту пришлось ждать долго. Оказалось, цѣпь сбилась съ направленія и вышла въ другую сторону. Ее пришлось повернуть назадъ. Между тѣмъ полилъ такой страшный ливень, какой и на югѣ

не приходилось видѣть—предъ глазами буквально низвергались цѣлые потоки воды съ примѣсью града и положительно мѣшали что-либо видѣть. Этимъ обстоятельствомъ, видимо, хотѣли воспользоваться латыши; многіе вѣрно и успѣли, но 4 изъ нихъ наткнулись на отдѣльно поставленный постъ драгунъ въ сторонѣ и были пойманы. Ими и ограничились наши трофеи. Ужасный дождь, о которомъ трудно, не испытавъ на себѣ, составить понятие, ослабилъ наблюденіе. Лошади тотчасъ же повернули задомъ къ хлеставшему до боли дождю, и никакія усилія не могли заставить ихъ стоять въ желаемомъ направленіи. Латышамъ благопріятствовали перелѣски и мелкіе кустарники, группами разбросанные по окрестности, но ливень миновалъ. Пѣхота, исправляя ошибку, прошла весь лѣсъ и поймала еще одного дурно одѣтаго крестьянина. Среди лѣса видѣли помостъ-трибуну, съ котораго ораторъ вдохновлялъ на подвиги слушателей.

Въ Грингоффъ, вблизи котораго лежитъ „Деге“, какъ бы въ отместку за арестъ агитаторовъ, подожженъ былъ сарай съ многими (и послѣдними) тысячами пудовъ клевера. Одновременно разразилась гроза; молнія, почти не переставая, озаряла небо краснымъ огнемъ, сливаясь съ огромнымъ заревомъ свирѣпствовавшаго пожара. Его такъ и не въ силахъ былъ потушить начавшійся снова дождь.

Промокшіе до костей, мы заѣхали въ Грингоффъ. Изъ него уже всѣ разбѣжались, даже управляющій. Остался лишь его помощникъ самоотверженно охранять имущество своей патронессы.

Не успѣли мы уѣсться за чай, какъ появился встревоженный урядникъ съ докладомъ, что около одной усадьбы найденъ трупъ судебного пристава. Дознаніе выяснило послѣ обстоятельства. Судебный приставъ пріѣхалъ для какого-то небольшого взысканія. Хозяинъ-латышъ встрѣтилъ его радушно, угостилъ обѣдомъ и вышивкой—латыши гостепріимны. Приставъ, просидѣвъ довольно долго, собрался уѣзжать, но не отъѣхалъ и сотни шаговъ, какъ былъ смертельно раненъ выстрѣломъ изъ ружья скрывавшимися около самой дороги въ ячменномъ полѣ злоумышленниками. Выйдя изъ засады, они добились его, выбросили изъ телѣги и спокойно разошлись. Тѣмъ временемъ, какъ довѣрчивый чиновникъ попивалъ себѣ пиво, сыновья „радушнаго“ хозяина собрали кой-кого и устроили предательскую засаду. Дня черезъ два полиція съ драгунами осмотрѣла всѣ закоулки усадьбы, разыскивая сыновей, и не нашла. Одинъ изъ нихъ, какъ оказалось послѣ, преблагополучно отсидѣлся въ дуплѣ старой вербы.

Повстанцы подожгли хлѣбный сарай въ одномъ изъ подмызковъ (фольваркъ, принадлежащій къ имѣнію-мызѣ). На пожаръ поска-

кали лѣсничій, объѣзчикъ и рабочій—и были убиты въ лѣсу и въ засады. Приводимъ эти два случая, какъ иллюстрацію.

На другой день эскадронъ возвращался въ Гофцумберге. Утро послѣ грозы было прекрасное. Медленно мы приближались именно къ тому мѣсту въ лѣсу, гдѣ повстанцы стрѣляли въ судебного слѣдователя и казаковъ. Впередѣ по обыкновенію шелъ дозоръ изъ четырехъ драгунъ. Такъ какъ здѣсь приходилось проходить уже много разъ и всегда безъ приключеній, то къ этому мѣсту перестали относиться съ опасеніемъ, хотя оно дѣйствительно—удобнѣйшее для засады. По дорогѣ показались двѣ подводы. Когда дозоры поравнялись съ ними, раздался взрывъ и все исчезло въ облакѣ дыма. Успѣли только замѣтить, какъ два человѣка бросились въ лѣсъ. Черезъ минуту дымъ началъ разсѣиваться. Дозоры карьеромъ неслись къ эскадрону. Или это былъ залпъ, или въ солдатъ брошены бомбы. Подводы, повидимому, невредимы стояли на дорогѣ. Къ повозкамъ подѣхали осторожно. На передней сидѣли двѣ женщины ни живы, ни мертвы, потерявшія способность говорить. На задней лежалъ большой деревянный шкафъ, изъ него выходилъ дымъ.

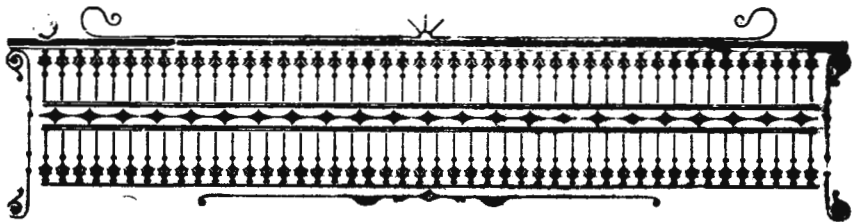
Насъ начальство предупреждало, что повстанцы часто развозятъ оружіе въ банды, маскируя его всевозможными способами. Въ одномъ мѣстѣ латыши везли гробъ и пѣли псалмы. Когда недоумчивый урядникъ любопытствовалъ взглянуть на покойника и сбилъ крышку, въ немъ оказались ружья. Между тѣмъ изъ лѣсу вышли два латыша. Лицо одного показалось намъ знакомымъ—это былъ „вагаръ“ (wagare), экономъ того имѣнія, гдѣ Веллу-Ансысѣжегъ замокъ; онъ везъ своей госпожѣ кой-какія вещи женщины-служанки. Съ большими предосторожностями, боясь повторенія взрыва, заставили его открыть шкафъ. Стоя въ почтительномъ отдаленіи, приподнявшись на стременахъ, заглянули въ него. Первое, что бросилось въ глаза,—ружья, пистолеты. И снова родилось подозрѣніе. Послѣ болѣе внимательнаго осмотра увидѣли, что оружіе старинное. Далѣе въ шкафу были книги, фамильный портретъ и много патроновъ лефоме. Колесо телѣги вѣроятно наскочило на камень; отъ сильнаго толчка ружейный стволъ ударилъ по иголкѣ патрона—онъ выстрѣлилъ, взорвались другіе и порохъ въ большой жестянкѣ—она еще дымилась.

Какое совпаденіе! взрывъ въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ повстанцы стрѣляли, въ тотъ моментъ, когда съ повозкою поравнялись дозоры.

Е. А. Альбовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Лэди Портеръ.

(Княжна М. Ѳ. Щербатова. 1780—1827 г.).

„Рѣка время въ своемъ стремленьѣ
Уносить всѣ дѣла людей,
И топить въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей“.

Державинъ.

реди множества лицъ, изображенныхъ на фамилльныхъ портретахъ масляными красками, темныхъ дагерротиповъ, строгихъ гравюръ, которыми украшены стѣны нашего стариннаго Мещерскаго дома ¹⁾, особенное вниманіе привлекаетъ своею миловидностью хорошенькое, обрамленное мелкими кудрями свѣтлокаштановыхъ волосъ личико молодой дѣвушки, съ фрейлинскимъ шифромъ на бѣломъ корсажѣ.

Изображенная на небольшой изящной миниатюрѣ, княжна Марія Ѳеодоровна Щербатова была одной изъ наиболѣ любимыхъ фрейлинь вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Горячая патріотка, она въ годину тяжелыхъ испытаній, нашествія иноплемennныхъ (въ 1812 году) снарядила значительный отрядъ ратниковъ, ополченцевъ изъ крѣпостныхъ людей, своихъ подмосковныхъ вотчинъ, въ распоряженіе главнокомандующаго; дѣлала щедрыя пожертвованія на нужды военного времени и, въ продолженіе всей своей жизни, пользовалась исключительнымъ расположеніемъ Царицы-Матери и ея Державнаго сына Императора Александра I.

¹⁾ Въ родовой усадьбѣ нашей, наслѣдственной по женской линіи отъ предковъ нашихъ князей Мещерскихъ и Щербатовыхъ, въ селѣ Мещерѣ Равенбургскаго уѣзда, Рязанской губ.

Родившаяся въ 1780 году, дочь князя Ѳедора Ѳедоровича Щербатова и жены его Анны Григорьевны ¹⁾, княжна Марія Ѳедоровна,—по странной случайности, неповиновенія волѣ родителей—брата своего, князя Александра Ѳедоровича ²⁾,—сдѣлалась неожиданно для себя обладательницей богатыхъ вотчинъ въ губ. Московской и Рязанской ³⁾.

Представленная ко двору, привлекательная, изящная, живая княжна Щербатова была пожалована фрейлиной Императрицы Маріи Ѳедоровны и, состоя при особѣ ея, пользовалась всю жизнь нѣжною заботливостью Августѣйшей Покровительницы, приниравшей въ ней, рано осиротѣвшей, горячее участіе.

Среди именитыхъ иностранцевъ того времени, состоявшихъ при русскомъ дворѣ, особеннымъ успѣхомъ пользовался на придворныхъ балахъ и великосвѣтскихъ собраніяхъ,—состоявшій при Великобританскомъ посольствѣ,—баронетъ сэръ Робертъ Керъ Портеръ.

Отличавшійся беззаветной храбростью въ морскихъ сраженіяхъ съ флотомъ Наполеона I у береговъ Португаліи, герой Сагунна (Коруна) и Vilmeira (Вильмейра), состоявшій при славномъ адмиралѣ Джонѣ Мурѣ, въ моментъ его кончины,—молодой, красивый капитанъ англійской службы былъ однимъ изъ самыхъ желанныхъ гостей въ Петербургскомъ высшемъ обществѣ.

Вскорѣ по прибытіи своемъ въ Россію, онъ, какъ талантливый батальный живописецъ, сталъ извѣстенъ Императору Александру Павловичу, такъ какъ въ 1801 году, еще 19 лѣтнимъ юношей, стяжалъ себѣ въ Англіи громкую извѣстность батальными картинами, выставленными въ Королевской Академіи въ Лондонѣ.

Ознакомившись съ нѣкоторыми произведеніями кисти англійскаго дипломата, Императоръ Александръ I заказалъ ему для Конференцъ-залы Адмиралтейскаго совѣта, портретъ Великаго Преобразователя Россіи и создателя русскаго флота, Императора Петра I, а также двѣ картины эпизодовъ изъ его царствованія, изображающія: одна—побѣду его надъ шведами на морѣ и другая—надъ турками на сушѣ.

Посвящая много времени живописи, занимая дипломатическій постъ, сэръ Портеръ умѣлъ удѣлять минуты досуга литературнымъ трудамъ: запискамъ очевидца, современника, участника великихъ

¹⁾ Рожденной княжны Мещерской.

²⁾ Лишеннаго наслѣдства по резолюціи Державина, утвержденной Императрицей Екатериной II.

³⁾ Серпуховскаго и Раненбургскаго уѣздовъ: деревня Андреевка и Снѣжетокъ, Мещера тожь, Озерки, Аннино тожь (нынѣ принадлежавшихъ брату моему А. М. Слѣпцову).

событій, войскъ Наполеона. Онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, вель постоянно обширную переписку съ выдающимися политическими и общественными дѣятелями своего отечества. Одновременно, любя общество, онъ успѣвалъ бывать на балахъ, посѣщать театры, рауты, собранія.

Однажды, въ концѣ 1807 года, онъ, на одномъ изъ великосвѣтскихъ баловъ, былъ представленъ изящной, граціозной Фрейлинь, вдовствующей Императрицы, — княжнѣ Маріи Ѳеодоровнѣ Щербатовой.

Часто встрѣчаясь съ нею въ свѣтѣ, онъ, обрадованный разрѣшеніемъ бывать у нея въ домѣ, въ ближайшій изъ воскресныхъ дней, поспѣшилъ сдѣлать визитъ.

Въ письмахъ на родину онъ тотчасъ сообщилъ своей матери (вдовѣ капитана, убитаго въ Семилѣтнюю войну) и своимъ обѣимъ сестрамъ о своемъ серьезномъ увлеченіи молодой, богатой, изящной русской княжной. Въ виду множества достойныхъ претендентовъ на руку ея и затрудненій со стороны разрѣшенія ея Августѣйшихъ покровителей, Государя Императора и Царицы-Матери, на бракъ ея съ иностранцемъ, — сэръ Портеръ не надѣялся на то, что предложеніе его будетъ принято.

Княжна Марія Ѳеодоровна однако оказывала замѣтное предпочтеніе передъ другими поклонниками, искателями ея руки, — храброму моряку, талантливому художнику и чрезвычайно интересному собесѣднику; предложеніе сэра Роберта было благосклонно принято, и счастливый женихъ поспѣшилъ подѣлиться своею радостью съ проживавшими въ Лондонѣ родными.

Въ отвѣтъ на это извѣщеніе мать его лэди Портеръ, — въ превосходно сохранившемся письмѣ отъ 1808 года, на англійскомъ языкѣ, — благодаря дорогую княжну за честь, оказанную ея единственному, горячо любимому сыну, согласіемъ на его предложеніе, почтительно привѣтствуя ее, какъ свою нареченную дочь, выражаетъ тревожное опасеніе относительно возможныхъ затрудненій и препятствій, какъ-то: согласіе Императора и его Матери на бракъ ея съ иностраннымъ подданнымъ и т. д. Дочь ея Jane¹⁾, — какъ видно изъ письма, — натура поэтичная, восторженная, въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ, убѣдительно, горячо, проситъ свою будущую, желанную, сестру прибыть вмѣстѣ съ любимымъ братомъ, послѣ

¹⁾ Писательница, издавшая въ Лондонѣ собраніе своихъ лирическихъ произведеній. Наибольше извѣстныя: 1842 г. Биографія сэра Роберта Керъ Портера. Штурмъ при Серигапатнамъ (Serigapatnam), битва при Аженкуръ (Agincourt), защита Акры (S. Jean D'Acce), смерть на полѣ брани храбраго адмирала Ральфа Аберкромби и пр.

вѣнчанія своего, на родину мужа, гдѣ, кромѣ нея, матери и сестры Магу, много близкихъ друзей, почитателей таланта его, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ его прїѣзда.

Тревога и опасенія лэди Портеръ и дочерей ея не лишены были основанія, такъ какъ разрѣшеніе Императора и его Матери на супружество княжны Щербатовой съ сэромъ Робертомъ Керъ Портеръ, безъ принятія имъ Россійскаго подданства, послѣдовало только 5 февраля 1812 года. (Отношеніе Министра Имп. Двора князя А. Н. Голицына за № 125).

Вѣнчаніе, на которое получено было невѣстой благословеніе Императрицы Маріи Ѳеодоровны и ея Сына, послѣдовало тотчасъ послѣ Пасхи въ первыхъ числахъ апрѣля 1812 года ¹⁾.

Не суждено было осуществиться и мечтамъ семьи Портеръ, относительно желаннаго, обѣщаннаго прїѣзда въ Англїю новобрачныхъ. Вслѣдствіе вступленія грозныхъ непріятельскихъ силъ арміи Наполеона въ предѣлы Россіи, онъ былъ отложенъ на неопредѣленное время.

Тотчасъ послѣ свадьбы, лэди Портеръ, движимая благороднымъ порывомъ горячаго патріотизма, съѣшно, энергично, не жалѣя средствъ, принялась за снаряженіе ополченцевъ изъ крѣпостныхъ людей своихъ вотчинъ, въ помощь дѣйствующей арміи, и дѣлала щедрыя пожертвованія на непредвидѣнные, неотложные расходы военнаго времени.

Озабоченный огражденіемъ безопасности жизни и интересовъ вѣранныхъ британскимъ правительствомъ его попеченію англійскихъ подданныхъ, сэръ Портеръ былъ въ то же время и неутомимодѣятельнымъ помощникомъ жены, въ дѣлѣ ея великаго служенія на пользу и благо отечества.

Переживая въ Россіи, — ставшей близкой ему, какъ вторая родина, — знаменательныя событія, какъ-то: вторженіе непріятельской арміи въ русскую землю; кровопролитный бой 26 августа подъ Бородино; сожженіе Москвы, пораженіе враговъ и изгнаніе изъ предѣловъ Россіи жалкихъ остатковъ нѣкогда грозной арміи Наполеона ²⁾. Сэръ Робертъ писалъ интересныя записки, воспоминанія современника, очевидца событій Отечественной войны 1812 года, которыя были впоследствии изданы имъ, съ портретомъ главно-

¹⁾ Княжна Щербатова жила въ то время, какъ видно изъ квартирнаго договора, съ домѣ гофмаршала Ланского, на углу Мошкова переулка и Дворцовой набережной, и за флигель въ 10 комватъ, со службами, платила 1.200 руб. ассигнаціями.

²⁾ Преслѣдуемой русскою арміей до Березины.

командующаго ¹⁾, князя Голенищева-Кутузова (его работы) въ заголовкѣ.

За услуги, оказанныя отечеству въ тяжелую годину народнаго бѣдствія щедрыми пожертвованіями, лэди Портеръ была награждена бронзою на Владимірской лентѣ медалью, которая, при милостивомъ благодарственномъ манифестѣ Императора россійскому дворянству ²⁾, была препровождена ей С.-Петербургскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

Въ іюнѣ 1813 года Государь Императоръ и Императрица Марія Ѳеодоровна изъявили согласіе быть воспріемниками, родившейся 27 мая 1813 года, дочери лэди Портеръ, — Маріи ³⁾. Государемъ Императоромъ былъ присланъ роскошный брилліантовый фермуаръ.

Забота Императрицы о новорожденной была выражена зачисленіемъ ея пенсіонеркой Ея Величества въ С.-Петербургскій Екатерининскій институтъ.

Послѣднимъ актомъ заботы Императора о его крестницѣ былъ помѣченный „Каменный островъ 1-го сентября 1825 года“ и подписанный Императоромъ, Указъ Правительствующему Сенату, о причисленіи дочери лэди Портеръ — Маріи къ россійскому дворянству. Спустя съ небольшимъ три мѣсяца, въ декабрѣ 1825 года, вся Россія оплакивала великодушнѣйшаго, милостивѣйшаго Монарха, въ лицѣ котораго лэди Портеръ потеряла своего благодѣтеля и покровителя.

Въ томъ же году состоялось назначеніе мужа ея, отозваннаго Британскимъ правительствомъ въ Лондонъ, — на важный отвѣтственный постъ посланника, министра-резидента Венецуэльской республики.

Занятая образованіемъ единственной дочери, лэди Портеръ не могла послѣдовать въ Каракасъ за мужемъ, съ грустью покидавшимъ и гостепріимную Россію, ставшую ему близкой-родной, свою семью и многочисленныхъ друзей.

Лэди Портеръ до кончины своей, послѣдовавшей въ 1827 году, жила въ С.-Петербургѣ, гдѣ много было у нея родныхъ и друзей,

¹⁾ Съ которымъ былъ лично знакомъ и глубоко уважалъ за его доблести.

²⁾ Сохранившимся въ фамиліи архивѣ.

³⁾ Впослѣдствіи въ замужествѣ съ поручикомъ Семеновскаго полка, адъютантомъ графа Клейнмихеля, П. Е. Кикинымъ, потомкомъ нѣкогда любимаго Императоромъ Петромъ I, А. В. Кикина, впослѣдствіи по его приказанію колесованнаго.

Отношеніе министра Императорскаго двора князя А. Н. Голицына.

принявшихъ на себя, послѣ кончины, заботу объ ея малолѣтней дочери.

Лишившійся жены и проводившій послѣдніе годы жизни въ разлукѣ съ дочерью, сэръ Керъ Портеръ въ 1841 году съ сестрой Jane прибылъ въ С.-Петербургъ съ тѣмъ, чтобы весною 1842 года, возвратившись изъ отпуска въ Англію, получить новое назначеніе.

Въ Россію онъ возвратился какъ бы для того, чтобы, разлученный съ женою при жизни, быть погребеннымъ возлѣ нея, 6-го мая 1842 года, на Смоленскомъ кладбищѣ ¹⁾.

Ровно столѣтіе прошло съ тѣхъ поръ, какъ художникъ, имя котораго осталось неизвѣстнымъ, изобразилъ на изящной, сохранившейся свѣжестъ и яркость красокъ, миниатюрѣ, составляющей украшеніе Мещерскаго дома, — миловидную молодую княжну. Къ той же эпохѣ (1808 г.) относится портретъ-гравюра ея мужа и двухъ сестеръ его. Сэръ Портеръ совсѣмъ еще молодымъ человекомъ, съ правильными чертами благороднаго строгаго лица, имѣющимъ сходство съ его современникомъ и соотечественникомъ лордомъ Байрономъ, — изображенъ со звѣздой на фракѣ, опушенномъ дорогимъ бобримъ.

По обѣимъ сторонамъ портрета двѣ гравюры, изображающія: одна — miss Mary Porter, веселою, жизнерадостною, съ локонами и цвѣтами на причудливой шляпѣ, другая — Jane (пережившую любимаго брата), въ костюмѣ канонессы съ четками на рукахъ, съ полными грусти и скорби, устремленными къ небу, глазами.

М. Марина.

¹⁾ Онъ умеръ внезапно, на 59 году жизни, почувствовалъ себя дурно въ каретѣ, послѣ милостивой аудіенціи Императора Николая Павловича, приглашавшаго его прибыть непременно въ любимый имъ С.-Петербургъ, на торжество освященія строившагося въ то время Николаевского моста, черезъ Неву.

Какъ же ты меня узналъ?

Членъ Государств. Совѣта, дѣйств. тайный совѣтникъ Юханцевъ любилъ иногда посѣтить маскарадъ въ Дворянскомъ собраніи, посѣщавшійся тогда, въ дни Николая I, высшимъ обществомъ, Царской Фамиліей и Самимъ Государемъ.

Отправлялся туда, женѣ не сказываясь; былъ тамъ обыкновенно недолго; встрѣтивъ кое-кого изъ знакомыхъ, возвращался домой.

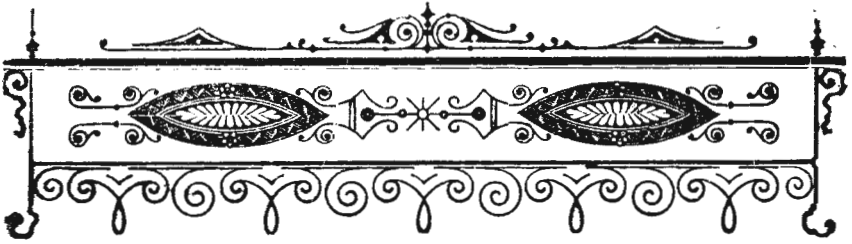
Но жена знала все же. И рѣшила однажды его поинтриговать. Надѣла домино, поѣхала, нашла его равнодушно гуляющимъ въ толпѣ и, ни слова не говоря, взяла подъ руку. Онъ покосился, но промолчалъ; а немного побродивши съ ней по залѣ, сказалъ:

— „А что, Машенька, не пора ли домой?“

— „Какъ же ты меня узналъ?“

— „Да какъ только ты взяла меня подъ руку—я сейчасъ же узналъ: за тридцать лѣтъ, что мы съ тобой живемъ, можно было узнать твою манеру брать подъ руку“...

О памятникахъ Отечественной войны.

Неожиданный оборотъ, принятый войною нашей съ соединенной подъ властію Наполеона Европой, быстрое изгнаніе враговъ и цѣлый рядъ блестящихъ побѣдъ надъ ними, послѣ предшествовавшаго этимъ побѣдамъ ряда крупныхъ военныхъ неудачъ, приведшихъ къ потерѣ столицы, произвели необыкновенный энтузіазмъ какъ въ правительствѣ, такъ и во всемъ русскомъ обществѣ. Подъ вліяніемъ первыхъ минутъ восторга повсюду возникала мысль о необходимости увѣковѣчить радостныя событія подобающими имъ памятниками, которые бы свидѣтельствовали самому отдаленному потомству о незабвенной борьбѣ.

Уже 14 ноября 1812 г. появился Высочайшій манифестъ на имя московскаго главнокомандующаго, графа Ѳ. В. Растопчина слѣдующаго содержания:

„Хотя изгнанный изъ Москвы непріятель краткое время былъ въ ней, и хотя не преодолѣніемъ противопоставленной ему обороны воцѣль въ нее, и не силою осадныхъ орудій, но дѣйствіями непріятельскихъ и срамныхъ для воина зажитаній, грабительствъ и подрываній нанесъ ей тяжкій вредъ; однако же онъ не перестанетъ тѣмъ тщеславиться и величаться. Для уничиженія и помраченія сего самохвальства его, повелѣли Мы генераль-фельдмаршалу князю Кутузову всю отбитую у него въ разныхъ сраженіяхъ артиллерію препроводить въ Москву, гдѣ на память многократныхъ побѣдъ и совершеннаго истребленія всѣхъ, дерзнувшихъ вступить въ Россію, непріятельскихъ силъ, имѣеть изъ сихъ отня-

тыхъ у нихъ орудій воздвигнуть быть увѣнчанный лаврами столпъ. Да свидѣтельствуемъ сей памятникъ не постыдныя и хищныя дѣла презрѣнныхъ зажигателей, но славные и знаменитые подвиги храбраго народа и войскъ, умѣющихъ на поляхъ брани карать враговъ и наказывать злодѣевъ. Вслѣдствіе сего имѣете вы сдѣлать надлежащее распоряженіе о приѣмѣ и храненіи сей артиллеріи, по мѣрѣ доставленія которой доводите оное до нашего свѣдѣнія“¹⁾).

Вслѣдствіе этого манифеста въ началѣ 1813 года представлено было на Высочайшее благоусмотрѣніе три проекта этого памятника, изъ которыхъ два выставлены были на выставкѣ въ Академіи Художествъ въ 1814 г., а въ 1817 г. А. Н. Оленинъ издалъ ихъ описаніе въ брошюрѣ: „Опытъ о правилахъ медальернаго искусства. Съ описаніемъ проектовъ медалей на знаменитѣйшія происшествія съ 1812 по 1816 г. и трехъ проектовъ памятника изъ огнестрѣльныхъ орудій, отбитыхъ у непріятелей въ 1812 г. Спб. Folio“.

По одному изъ этихъ проектовъ памятникъ имѣлъ видъ роstralной колонны и представлялъ усѣченную пирамиду съ вдѣланными въ бока ея пушками, на подобіе ростровъ; по другому—памятнику предполагалось дать „наружный видъ огромной пушки, укрѣпленной винградомъ своимъ на твердый пьедесталъ“, а по третьему—памятнику предполагалось дать видъ Троянова или Антонинова столпа, обвитаго двумя полосами, изъ которыхъ одна составлена была изъ отбитыхъ у непріятеля орудій, безъ переливки, а другая изъ барельефовъ, представляющихъ подвиги Русскаго народа и бѣдствія, постигшія враговъ Россіи.

Все это предполагалось съ условіемъ, чтобы „употреблять какъ можно менѣе ваятельныхъ украшеній въ сихъ памятникахъ, дабы вниманіе на лучшее украшеніе оныхъ, состоящее изъ отбитыхъ у непріятеля орудій, не развлечъ многими аллегорическими фигурами, слишкомъ богатыми трофеями или архитектурными украшеніями“.

Однимъ словомъ, проектировались самыя ординарныя и лишеныя всякаго художественнаго значенія колонны и пирамиды. Примѣрная надпись на этихъ памятникахъ, составленная на латинскомъ языкѣ С. С. Уваровымъ, гласила: „Александрѣ Первому, по плѣненіи Москвы о спасеніи царства не усумнившемуся, благочестивая Россія“.

Проекты эти не понравились и современникамъ, какъ видно изъ отзыва К. Н. Батюшкова въ статьѣ его: „Прогулка въ Акаде-

¹⁾ Ф. Сивельниковъ. Жизнь кн. Голеніщева-Кутузова, ч. IV (Спб. 1813), стр. 69—70.

мію Художествъ“. Онъ нашель, что оба выставленные въ Академіи проекта „не соотвѣтствуютъ прекрасной и высокой мысли“. Также думалъ, вѣроятно, и Оленинъ, давшій Батюшкову канву для статьи.

Послѣ сраженія *при Тарутинѣ* фельдмаршалъ кн. Кутузовъ написалъ владѣлицѣ этого села, Аннѣ Никитишнѣ Нарышкиной, слѣдующее письмо:

„Село Тарутино, вамъ принадлежащее, ознаменовано было славною побѣдою Русскаго войска надъ непріятельскимъ. Отнынѣ имя его должно сіять въ нашихъ лѣтописяхъ на-ряду съ Полтавою, и рѣка Нара будетъ для насъ также знаменита, какъ и Нецрядва, на берегахъ которой погибли безчисленные ополченія Мамая. Покорнѣйше прошу васъ, милостивая государыня, чтобы укрѣпленія, которыя устрашили полки непріятельскіе и были твердою преградой, близъ коей остановился быстрый потокъ разорителей, грозившій наводнить всю Россію,—*чтобъ сіи укрѣпленія остались неприкосновенными*. Пускай время, а не рука человѣческая, ихъ уничтожить; пускай земледѣлецъ, обрабатывая вокругъ ихъ мирное свое поле, не трогаеть ихъ своимъ плугомъ, пускай и въ позднее время будутъ они для Россіянъ священными памятниками ихъ мужества; пускай наши потомки, смотря на нихъ, будутъ воспламеняться огнемъ соревонованія и съ восхищеніемъ говорить: вотъ мѣсто, на которомъ гордость хищниковъ пала предъ неустрашимостью сыновъ отечества! Сосѣдъ вашъ, князь Волконскій, вызывается поставить памятникъ Русскимъ воинамъ на землѣ, принадлежащей ему въ селеніи Леташевкѣ; но вы не имѣете нужды воздвигать памятниковъ. Тарутинскія укрѣпленія, грозно возвышающіяся между спокойными вашими нивами, будутъ сами по себѣ неизгладимыми слѣдами русскаго мужества и русской славы“ ¹⁾.

Уцѣлѣли ли Тарутинскія укрѣпленія, не знаю; но впоследствии село Тарутино досталось по наслѣдству гр. Н. П. Румянцеву, который, желая увѣковѣчить память о Тарутинскомъ сраженіи, ходатайствовалъ передъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ „объ увольненіи въ свободные хлѣбопашцы крестьянъ сего села, съ прикосновенной оному селенію деревней Границевой, всего 439 душъ, отдавая имъ всѣ угодья, безъ всякаго за то возмездія“. А крестьяне, съ своей стороны, изъявили желаніе воздвигнуть въ своемъ селѣ на собственный счетъ памятникъ знаменитой побѣдѣ. Оба желанія удостоились Высочайшаго одобренія, и Тарутинскій памятникъ былъ торжественно открытъ 25-го іюня 1834 г., въ день

¹⁾ Писаревъ: Военныя письма, ч. I, стр. 88—90, выписка.

рожденія Императора Николая Павловича ¹⁾, при чемъ одинъ изъ присутствовавшихъ при этомъ торжествѣ, 80-лѣтній старецъ, сочинилъ стихотвореніе, въ которомъ такъ прославлялъ село Тарутино:

„Тарутино! тебѣ отъ Провидѣнья
Дано сіять безсмертіе въ лучахъ;
Кто предъ собой стлалъ ужасъ разрушенья,
Того твой станъ одинъ приводитъ въ страхъ“.

Извѣстно, что въ 1814 г. русское дворянство намѣревалось построить памятникъ самому Императору Александру, но онъ не допустилъ этого. Какими суммами дѣлались пожертвованія на этотъ памятникъ, видно изъ того, что графъ и графиня Браницкіе внесли 100.000 рубл. ассигн., которые внослѣдствіи переданы были графиней Браницкой въ инвалидный капиталъ ²⁾. Впослѣдствіи, уже въ царствованіе Императора Николая I, въ Москвѣ сооружены были триумфальныя ворота въ память Императора Александра I, и по этому поводу нѣкій Михаилъ Максимовъ издалъ брошюру: „Чувствованія при возрѣннн на колоссальныя врата, въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ сооруженныя во славу благословенной памяти Александра I, воздвигшаго изъ пепла и отеческимъ попеченіемъ украсившаго первопрестольный градъ сей, лѣта 1812, во время нашествія Галловъ и съ ними двадесяти языкъ огню преданный“. Москва 1834.

Въ царствованіе же Императора Николая I сооруженъ былъ памятникъ Императору Александру I въ Петербургѣ,—знаменитая Александровская колонна, а также поставленъ памятникъ на Бородинскомъ полѣ.

При немъ же объявленъ былъ въ 1835 году конкурсъ на составленіе проектовъ монументовъ на главнѣйшихъ поляхъ сраженія достопамятнаго 1812 года, воздвигаемыхъ по Высочайшему повелѣнію Императора Николая I. Срокъ представленія проектовъ назначенъ былъ 1-го мая 1836 года ³⁾.

Кромѣ увѣковѣченія важнѣйшихъ событій, памятниками и пожертвованіями чтились заслуги выдающихся дѣятелей Отечественной войны. Въ 1813 г., по поводу смерти фельдмаршала кн. Кутузова, Императоръ Александръ писалъ его супругѣ Екатеринѣ Андреевнѣ:

¹⁾ „Московск. Вѣд.“ 1834, № 76, стр. 3533.

²⁾ „Русск. Инв.“ 1821, № 152, стр. 610.

³⁾ „Московск. Вѣдом.“ 1835, № 98, стр. 4889—4890.

„Въ честь ему воздвигается памятникъ, при которомъ Россіянинъ, смотря на изваянный образъ его, будетъ гордиться; чужеземецъ же уважить землю, порождающую столь великихъ людей“. Въ 1818 г. въ именномъ указѣ на имя министра полиціи, гр. С. К. Вязмитинова, эта мысль получила осуществленіе въ рѣшеніи воздвигнуть памятникъ Кутузову и Барклаю-де-Толли на Казанской площади ¹⁾, исполненные по проекту скульптора Б. И. Орловскаго ²⁾.

Въ память сраженія при Кульмѣ Богемія прислала герою этого сраженія, графу Остерману, кубокъ, украшенный драгоценными камнями. Графъ Остерманъ, приказавъ вырѣзать на этомъ кубкѣ имена полковыхъ командировъ, участвовавшихъ въ Кульмскомъ сраженіи, и оберъ-офицеровъ, лишившихся въ этомъ сраженіи жизни, пожертвовалъ кубокъ въ Преображенскій полкъ на храненіе, съ тѣмъ, „дабы оный отнынѣ на всегда каждый великій постъ подаваемъ былъ въ полковой церкви, послѣ приобщенія святыхъ таинъ, нижнимъ чинамъ съ теплою, вмѣсто сосуда, Греко-Россійскою церковію при семъ случаѣ употребляемаго“. Государь Императоръ, въ рескриптѣ своемъ командиру Преображенскаго полка, барону Розену, по поводу этого пожертвованія выразился: „Я съ великимъ удовольствіемъ приѣмлю на себя исполненіе сего благочестиваго распоряженія его (т. е. графа Остермана), тѣмъ болѣе, что кубокъ сей свидѣтельствуетъ вмѣстѣ какъ безсмертную славу, какою на поляхъ Богеміи увѣнчалась храбрая наша гвардія, такъ и чистосердечную благодарность Богемскаго народа, избавленнаго отъ угрожавшихъ ему бѣдствій. Мнѣ весьма пріятно видѣть, что къ столь достойному въ семъ знакѣ соединенію двухъ величайшихъ добродѣтелей, благотворенія и благодарности, присовокупляется еще благочестивое желаніе посвятить оный Тому, предъ Кѣмъ сердце наше, при всѣхъ громкихъ дѣяніяхъ и славѣ челоуѣческой, долженствуетъ благоговѣть и сокрушаться. Да будетъ сей кубокъ всегдашнимъ знакомъ и свидѣтельствомъ совокупленія сихъ высокихъ доблестей! Да съ піеніемъ изъ него теплоты напоются чувства народныя теплымъ усердіемъ къ Верховному Владыкѣ и Спасителю народовъ“ ³⁾.

Графу Витгенштейну псковское купечество поднесло образъ Псковскаго чудотворца благовѣрнаго князя Гавріила съ надписью: „Защитнику Пскова, графу Петру Христіановичу Витгенштейну отъ купцовъ сего города, сентября 11-го числа 1812 года“. А жители

¹⁾ „Московск. Вѣд.“ 1834, № 94, стр. 4427.

²⁾ Статуя ангела на Александровской колоннѣ тоже его работы.

³⁾ „Сѣверн. Почта“ 1817, № 18.

Пскова, не довольствуясь поднесеніемъ образа, съ Высочайшаго соизволенія, соорудили въ храмѣ Пресвятой Богородицы памятникъ побѣдамъ графа Витгенштейна ¹⁾).

Въ селѣ своемъ Грузинѣ графъ Аракчеевъ воздвигъ памятникъ воинамъ полка его имени, павшимъ въ войнѣ съ французами ²⁾). Извѣстный скульпторъ и медальеръ нашъ, графъ Ф. П. Толстой, проектировалъ рисунки медалей на главнѣйшія событія Отечественной войны. Медали эти и копии съ нихъ въ настоящее время очень рѣдки и потому дороги, и даже описаніе ихъ и самые рисунки медалей, тогда же изданные, тоже считаются рѣдкими и цѣнятся очень дорого.

Но всѣ эти проявленія почтенія и уваженія къ отдѣльнымъ героическимъ событіямъ Отечественной войны и къ подвигамъ ея героевъ были слишкомъ малочисленны и слишкомъ незамѣтны, почему и не удовлетворяли доведеннаго до высшей степени напряженія патріотическаго чувства весьма многихъ тогдашнихъ патріотовъ и вызывали съ ихъ стороны жалобы на равнодушіе общества къ дѣяніямъ защитниковъ отечества. Такъ, напр., генераль-майоръ Писаревъ въ сочиненіи своемъ: „Военныя письма и замѣчанія, наиболѣе относящіяся къ незабвенному 1812 году и послѣдующимъ“, изданномъ въ 2-хъ частяхъ Павл. Субботинымъ и Семен. Селивановскимъ въ Москвѣ, въ 1817 г., помѣстилъ цѣлую главу: „о памятникахъ въ Россіи послѣ войны 1812 года“, въ которой, между прочимъ, говорить:

„Въ недавнемъ времени, проѣхавши отъ Нѣмана до Невы рѣки и отъ Митава до престольнаго города Москвы, нигдѣ на пути моемъ не встрѣтилъ я ниже признаковъ какихъ-либо памятниковъ, воздвигнутыхъ падшимъ на войнѣ въ защиту отечества или героямъ, исторгнувшимся со славою, изъ челюстей алчной смерти и освободившимъ многіе города и урочища отъ иноплеменныхъ, осквернявшихъ святую Русь въ 1812 году!.. Примѣчательный путешественникъ усматриваетъ только по сторонамъ большихъ дорогъ небольшіе бугры или насыпи на мѣстахъ, гдѣ происходили сраженія: то суть общія могилы ратника и полководца, врага и соотечественника!..

Грустная надежда оставшимся и по одному пути шествующимъ съ падшими героями!.. Гдѣ же признательность и благодарность единосемцевъ? Гдѣ же любовь и дружба братій и родственниковъ?.. Гдѣ же хвала и ободреніе отъ степенныхъ и думныхъ мужей?.. Пробѣгалъ я излучистые берега рѣки Березины, обходилъ зубча-

¹⁾ Писаревъ: Военныя письма, 1817, ч. 1-ая, стр. 62 и 65.

²⁾ Писаревъ: Военныя письма, ч. 1-ая.

тыя стѣны Смоленска, обозрѣваль овраги Бородинскіе и на тѣхъ самыхъ мѣстахъ воскрешалъ въ памяти моей всѣ дѣла, недавно собившіяся, и вызывалъ тѣни усопшихъ героевъ изъ храма вѣчности, да урекнутъ соотечественниковъ своихъ въ забвеніи ихъ подвиговъ, запечатлѣнныхъ страдальческою смертію въ искупленіе отечества и сыновъ его!.. Такъ, будемъ признательны и вмѣстѣ съ онымъ справедливы: соорудимъ памятники нашимъ героямъ на мѣстахъ, гдѣ подвизались они за Вѣру, Отечество и Царя, на тѣхъ самыхъ ристалищахъ ихъ славы и чести; таковыя памятники вмѣстѣ будутъ и знаками побѣдъ и позорищемъ торжествъ нашего оружія,—оправдаемъ тѣмъ чувства наши, что „могила храбраго отечеству священна!“ Не нужно тутъ количество мрамора и мѣди, ни блеска самага золота... Простая надпись: здѣсь лежитъ Суворовъ! вразумляетъ болѣе, нежели всѣ изящныя рѣзцы, трудившіяся надъ богатыми надгробными сооруженіями ¹⁾. Груда дикихъ камней, твердо сплоченныхъ и расположенныхъ по хорошему рисунку, дерновый высокій холмъ съ надписною плитою, къ которому бы вель темный сосновый просадъ; гранитный усѣченный столбъ; часовня хорошаго зодчества и съ приличными изображеніями и надписью, и тысяча другихъ изображеній оправдали бы любовь къ отечеству и признательность къ доблестямъ нашихъ героев!

Посѣтите военное кладбище въ городѣ Прагѣ, что въ Богеміи; тамъ уже воздвигнутъ памятникъ въ честь храбрымъ російскимъ офицерамъ, умершимъ въ городѣ отъ ранъ, полученныхъ ими въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ и Кульмомъ ²⁾. Надпись надъ онымъ достойна вниманія: „Герои! священъ вашъ прахъ странѣ сей, и память ваша незабвенна въ своемъ отечествѣ!“ Прочтите о памятникѣ Кульмскомъ, воздвигаемомъ въ городѣ Теплицѣ раговавшимъ въ томъ краю... Заѣзжайте въ Дессау, Веймаръ, Готту, вездѣ найдете или торжественныя ворота или обелиски въ знакъ признательности и благодарности жителей!.. Подивитесь, что и самыя французы готовы увѣковѣчить памятникомъ наше торжество побѣдъ и ихъ избавленіе ³⁾... Загляните въ самый городъ Галла, и тамъ отъ малаго избытка жителей сооруженъ скромный памятникъ на берегу смиренной Саалы во брани умершимъ храбрымъ рато-

¹⁾ Въ С.-Петербургѣ, въ Невскомъ мон-рѣ надъ гробомъ Суворова одна только надпись: здѣсь лежитъ Суворовъ. Примѣч. Писарева.

²⁾ О семъ памятникѣ есть особое описаніе на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, напечатанное въ Вѣнѣ съ рисунками, 1815 г. Примѣч. Писарева.

³⁾ См. книжку на франц. яз. „О благодарности французамъ и сооруженіи памятника Александру Первому“, сочин. бар. де-ла-Шарелли. Парижъ 1814.

Примѣчаніе Писарева.

борцамъ!.. Но почто объѣзжать намъ страны чуждыя, дабы научиться чувствовать; перейдемъ у своихъ соплеменныхъ жителей Риги: тамъ, среди города, сооружается богатый и многостоящий памятникъ изъ мрамора и гранита, а при вѣздѣ градскомъ создаются торжественныя врата во славу побѣды прошлой войны 1812 г., изъ добровольнаго пожертвованія признательныхъ рижскихъ жителей къ избавителямъ ихъ страны и имуществъ ихъ!.. Городъ Псковъ оказалъ примѣрную свою благодарность герою Витгенштейну, оберегавшему ихъ область отъ непріятельскаго вторженія: признательные жители онаго города внесли въ соборный свой храмъ погрудь (т. е. грудной портретъ) сего искупителя ихъ!.. Петрополь поднесъ сему же герою злато свое, да упрочить въ ономъ градѣ свое жилище!.. Надъ прахомъ достойнаго послѣдователя Суворова, князя Багратіона, въ селеніи Симахъ, стихотворная надпись, если не удивляетъ своею поэзіею, по крайней мѣрѣ напоминаетъ о героѣ и извлекаетъ слезы умиленія и признательности!..

Въ селеніи Сивошнѣ сооруженное надгробіе указываетъ вамъ сокрытый прахъ героя Кульнева!..

Въ селеніи Леташевкѣ воздвигнуть будетъ памятникъ русскимъ воинамъ (по обѣщанію владѣльца)...

...Соображая все сіе, почему же невозможно ожидать достойныхъ послѣдователей въ достохвальныхъ таковыхъ подвигахъ, обнаруживающихъ доблесть души, качество ума и благородство достоинства ихъ... Итакъ, на берегу Нѣмана, въ Юрбургѣ, Ковнѣ или Меречи слѣдуетъ соорудить памятникъ, на которомъ бы означалось время перехода черезъ сію рѣку всѣхъ разнородныхъ полчищъ Наполеоновыхъ и время ихъ обратнаго бѣгства изъ Россіи!..

Прибрежныя владѣльцы, богатые помѣщики, соединясь душою и мыслию на сей предметъ и удѣля малость отъ избытковъ своихъ, весьма легко могутъ привести оное въ дѣйствіе! Въ городѣ Борисовѣ, или при самомъ берегу рѣки Березины, въ селеніи Студенцахъ, увѣковѣчьте въ потомство и славу вашего оружія и чувства вашей признательности! Въ Могилевѣ прославьте князя Багратіона, Раевского. Въ Красномъ ознаменуйте славнѣйшую въ лѣтописяхъ военныхъ побѣду вашу. Въ Полоцкѣ, Витебскѣ, въ Смоленскѣ внесите въ соборъ имена прославленныхъ героевъ и падшихъ воиновъ подъ стѣнами градовъ, при дверяхъ жилищъ вашихъ,—они смертію своею заслужили вѣнецъ безсмертія и требуютъ онаго отъ васъ! Память ихъ должна быть священна,—вѣра сама пріемлетъ ихъ какъ страдальцевъ, тружениковъ юдольнаго міра сего! Имена ихъ научатъ не щадить и самую жизнь за вѣру, отечество и царя; что священнѣе сего поученія!.. Итакъ, почему въ церквахъ не

выставить на приличныхъ мѣстахъ черныя мраморныя доски съ именами убитыхъ подъ стѣнами самаго того города или селенія: чиновниковъ прописью ихъ именъ; рядовыхъ, буде ихъ большое количество, однимъ числомъ, съ означеніемъ только полковъ ихъ. Къ прискорбію моему долженъ здѣсь упомянуть я, что въ самомъ Смоленскѣ едва кто знаетъ, гдѣ зарытъ прахъ Энгельгардта и Шубина ¹⁾), разстрѣлянныхъ непріателемъ за любовь ихъ къ отечеству своему!.. Ни въ одномъ домѣ не видѣлъ я портретовъ ни кн. Кутузова, ни Раевского, ни Коновницына, защищавшихъ городъ, елико возможно, противъ многочисленныхъ силъ непріятельскихъ (Портреты сихъ героевъ продаются гравированные)!.. Въ Дорогобужѣ, Вязмѣ едва-ли кто знаетъ, что графъ Милорадовичъ спасъ сіи города отъ всеобщаго пожара и лютой вражеской! Въ Мало-Ярославцѣ помнятъ ли о подвигѣ генерала Дохтурова и его соучастникахъ въ кровавой битвѣ подъ ихъ городомъ? Что окажетъ примѣрнаго Калуга въ своей благодарности за спасеніе цѣлой ея области кн. Кутузовымъ?.. Въ селѣ Бородинѣ уцѣлѣвшая отъ ядеръ и бомбъ каменная церковь во имя Архангела Михаила, по изгнаніи непріятелей, теперь упразднена и даже самый ея приходъ причисленъ къ другой церкви!.. Я бродилъ тутъ по сельскому кладбищу и неумышленно попиралъ ногами героевъ; ибо все опало, все въ заустѣннн. По оврагамъ, прилежащимъ къ сему, есть общія могилы, на иныхъ деревянныя кресты указываютъ только набожность земледѣльца, вспахивающаго ближняго своего ниву!.. Для Бородинскаго памятника всѣмъ дворянамъ и имущему купечеству губерніи, казалось бы, слѣдовало состязаться въ добровольномъ удѣлѣ своего излишества!.. Но въ мечтаніяхъ моихъ слышатся мнѣ голоса стяжательныхъ или, вѣжливе сказать, бережливыхъ помѣщиковъ: сооруженіе таковыхъ памятниковъ есть дѣло правительства... Нѣтъ, милостивые государи, нѣтъ, то дѣло благородныхъ обществъ, признательностию воспламененныхъ, то дѣло частныхъ людей, вѣрою одушевленныхъ, добродѣтелию наставленныхъ; то дѣло васъ самихъ: отца, супруга, сына, родственника! Почто истреблять у себя и чувства и вѣру и исхитить изъ своихъ рукъ доброе дѣло? Почто не допускать себя въ сообщники благороднаго поступка или примѣрнаго подвига?.. Вы, только о себѣ пекущіеся, озабоченные приумноженіемъ своихъ излишествъ, на то ли всещедрыя небеса надѣлили васъ всѣми благами міра сего, дабы дѣянїями

¹⁾ См. манифестъ о нихъ отъ 30 авг. 1813 г. Примѣч. Писарева.

Подполковнику Павлу Энгельгардту открытъ въ Смоленскѣ памятникъ 3-го сент. 1835 г. („Моск. Вѣд.“ 1835, № 77, стр. 3785 и 3787). Ф. В.

своими прогнѣвляли вы и самое Провидѣніе? Нѣтъ, ваши возраженія несправедливы: мудрое правительство объемлетъ чертежъ общаго памятника: разогните книгу ущедренныхъ на всю ихъ жизнь за заслуги военныхъ и статскихъ людей,—однихъ, терявшихъ и свою собственность на службѣ царской, другихъ, озабоченныхъ дѣлами государственными!.. Навѣстите воспитательные, сиротскіе, учебные и страждущихъ немощію дома; перечтите миліоны для изувѣченныхъ; сознайтесь въ неисчетныхъ пособіяхъ разореннымъ, но между тѣмъ воззрите на Петрополь; тамъ, въ великолѣпномъ храмѣ Казанскія Божія Матери, сооруженъ памятникъ витязю кн. Смоленскому. Герои Задунайскій и Рымникскій вскорѣ, можетъ быть, узрять его и близъ себя стоящаго... Въ престольной Москвѣ на Воробьевыхъ ея горахъ или среди самой Москвы, но предназначено уже воздвигнуть пространный и благолѣпный храмъ Спасу ¹⁾!.. Извоятся лики Пожарскаго и Минина!.. Обновятся по градамъ святой Руси ваши торжища и стогны. Се есть дѣло правительства и попеченіе онаго предусмотрительно!.. Да заградятся же уста нечестивыхъ и да преклонятся сердца на доброе“ ²⁾.

Патріотическое желаніе генерала Писарева, чтобы на всѣхъ главнѣйшихъ поляхъ сраженій достопамятнаго 1812 г. были воздвигнуты памятники, стало осуществляться уже въ царствованіе Императора Николая Павловича, когда объявленъ былъ конкурсъ на составленіе проектовъ этихъ памятниковъ. Срокомъ представленія проектовъ назначено было 1-ое мая 1836 г. ³⁾, но, кажется, конкурсъ этотъ не состоялся.

Но изъ всѣхъ проектированныхъ и осуществленныхъ памятниковъ самымъ важнымъ и замѣчательнымъ былъ храмъ во имя Христа Спасителя, долженствовавшій выразить всю глубину охватившаго русскихъ религіознаго чувства и всю степень смиренія и признанія воли Божіей въ дѣлахъ человѣческихъ, столь свойственныхъ русскому міровоззрѣнію и характеру вообще и съ такою ясностью сказавшихся въ эпоху Отечественной войны. Не только Императоръ Александръ, но и большинство русскихъ людей того времени приписывали столь внезапный и столь счастливый для

¹⁾ Книга Писарева вышла въ первой половинѣ 1817 (Ценз. пом. 6-го апр.). Въ это время, вѣроятно, еще неизвѣстно было, какое именно мѣсто избрано будетъ для построенія храма во имя Христа Спасителя, проектъ котораго, составленный А. Л. Витбергомъ, уже былъ одобренъ и принятъ Государемъ. Ф. В.

²⁾ См. вышеназванную книгу Писарева, стр. 253—266. Ф. В.

³⁾ См. „Москов. Вѣдом.“ 1835, № 98, стр. 4889—4890. Ф. В.

насъ оборотъ, принятый событіями, волѣ Божественнаго Провидѣнія, употребившаго русскихъ только какъ орудіе для наказанія и ниспроверженія человѣческой гордыни, въ лицѣ Наполеона, и господствовавшаго въ то время повсюду въ Европѣ невѣрія и безбожія въ лицѣ французовъ¹⁾.

Желая нагляднымъ образомъ выразить это смиренно-религіозное настроеніе и передать потомству внутренній, сокровенный смыслъ совершавшихся событій, Императоръ Александръ остановился на мысли увѣковѣчить чудесное избавленіе отечества нашего отъ враговъ и неожиданное, внезапное превращеніе наше изъ обороняющихся въ побѣдителей построеніемъ въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя и 25-го декабря 1812 года въ Вильнѣ, передъ самымъ переходомъ нашимъ черезъ границу, т. е. рѣшивъ уже принять на себя выпавшую на долю Россіи миссію освободительницы Европы, издалъ слѣдующій манифестъ:

„Объявляемъ военародно. Спасеніе Россіи отъ враговъ, столь же многочисленныхъ силами, сколь злыхъ и свирѣпыхъ намѣреніями и дѣлами, совершенное въ шесть мѣсяцевъ всѣхъ ихъ истребленіе, такъ что при самомъ стремительномъ бѣгствѣ едва сама малѣйшая токмо часть оныхъ могла уйти за предѣлы наши, есть явно изліянная на Россію благодать Божія, есть по истинѣ достопамятное происшествіе, которое не изгладятъ вѣки изъ бытописаній. Въ сохраненіе вѣчной памяти того безпримѣрнаго усердія, вѣрности и любви къ вѣрѣ и отечеству, какими въ сіи трудныя времена превознесъ себя народъ російскій, и въ ознаменованіе благодарности нашей къ Промыслу Божію, спасшему Россію отъ грозившей ей гибели, вознамѣрились мы въ первопрестольномъ градѣ нашемъ Москвѣ создать церковь во имя Спасителя Христа, подробное о чемъ постановленіе возвѣщено будетъ въ свое время. Да благословитъ Всевышній начинаніе Наше! Да совершится оно! Да простоятъ сей храмъ многіе вѣки, и да курится въ немъ предъ святымъ Престоломъ Божіимъ кадило бла-

---

¹⁾ Я сказалъ, что такъ думало большинство тогдашнихъ русскихъ людей, потому что уже въ 1813 г., къ сожалѣнію, стали раздаваться голоса, умалывшіе и искажавшіе смыслъ совершавшихся событій. „Сколько великихъ дѣлъ полководцевъ нашихъ и народа русскаго“, говоритъ одинъ современникъ, „уже не въ томъ блескѣ принимаются. Одни—событіе славы нашей приписываютъ времени; другіе—поступки народа нашего, коего вѣра и любовь къ отечеству руководствовали, основываютъ на непросвѣщеніи онаго“. (А. Безобразовъ: „Краткое обозрѣніе подвиговъ російскаго дворянства“. Спб. 1813, стр. XI—XII. Ф. В.

годарности позднѣйшихъ родовъ, вмѣстѣ съ любовью и подражаніемъ къ дѣламъ ихъ предковъ“¹⁾.

Манифестъ этотъ былъ выраженіемъ общаго чувства, господствовавшаго повсюду. Всѣ твердили о необходимости, не ограничиваясь увѣковѣченіемъ памяти объ отдѣльныхъ лицахъ и событіяхъ, построить памятникъ, выражающій общій и главный смыслъ совершавшихся событій. Но въ какой формѣ это произвести—мнѣнія были различны. Мысль построить именно храмъ и именно Христу Спасителю принадлежитъ дежурному генералу первой арміи, бывшему впослѣдствіи статсъ-секретаремъ у принятія прошеній, Петру Андреевичу Кикину, написавшему по этому поводу въ декабрѣ 1812 г. длинное письмо адмиралу А. С. Шишкову, состоявшему тогда государственнымъ секретаремъ и находившемуся при Императорѣ въ Вильнѣ. Такъ какъ это письмо П. А. Кикина касается именно вопроса объ увѣковѣченіи памяти событій Отечественной войны, и выражаетъ тогдашнее настроеніе русскихъ людей, то мы приводимъ здѣсь цѣликомъ: „Послѣ отъѣзда вашего изъ арміи мы ни о чемъ другъ другу не писали. Не мудрено: оба лѣнны. Къ тому же и обстоятельства были таковы, что не до писемъ. Каждый страдалъ душею и съ сокрушеннымъ сердцемъ ожидалъ общаго спасенія отъ единого милосердія Всевышняго. Нужно ли было чувства свои описывать другому, когда всѣ состоянія были въ одномъ положеніи и никакое отдаленіе никого не спасало; одно, что дѣйствительно усугубляло сильно страданіе наше и убивало, можно сказать, душу cadaго изъ воиновъ, было то, что укоризны цѣлаго государства падали на нихъ, какъ на защитниковъ отечества, долженствовавшихъ оградить его отъ гибели, или прежде принести себя въ жертву. Послѣдствія доказали, что всѣ умствованія человѣческія ничтожны и что остается только покориться Промыслу. Оборотъ, который приняла война, есть неудобопонятный, и смѣло скажу, что самъ Наполеонъ, съ надменностію, ему единому въ толикой силѣ свойственной, бывъ въ положеніи нашемъ, едва-ли бы могъ возмечтать имѣть подобные успѣхи. Увѣрить могу, что надлежало быть очевиднымъ свидѣтелемъ, дабы имѣть достаточное понятіе о всемъ происходившемъ; иначе всякое краснорѣчіе тщетно и самое пылкое воображеніе неудовлетворительно. Несмѣтная неприятельская сила, по малой мѣрѣ изъ 15-ти народовъ разныхъ соединенная, наводнившая, такъ сказать, Россію, въ теченіе восьми недѣль, совершенно исчезла, и гордый завоеватель и повелитель всея Европы, достигшій съ Москвою, казалось, послѣдней цѣли

¹⁾ Полн. Собр. Зак. Рос. Имп. т. XXXII, № 25.296.

своей, видить себя съ однимъ слабымъ прикрытіемъ въ рукахъ нашихъ, помышляя единственно о личномъ спасеніи своемъ. Разительный урокъ сей да охранить каждого отъ самонадѣянія, и да согласится всякъ, что нѣсть власть, аще не отъ Бога!

„Но время приступить къ цѣли моей, для коей токмо и началъ письмо сіе. Кто изъ насъ не возсылаетъ теплыхъ молитвъ ко Всевышнему? Чье сердце не преисполнено благодарности къ Богу, единственному Спасителю нашему? Кто не чувствуетъ сердечной необходимости ознаменовать признательность свою къ милосердію Его, явно покровительствующему намъ? Конечно, всѣ и каждый, — сіе безспорно! Но умы разнообразны, и всякій видить по-своему; почему мнѣніе мое подвергаю просвѣщенному уму вашему, отдавая должную ему справедливость. Всѣ вообще кричатъ: должно соорудить монументъ! Согласенъ и во всѣхъ отношеніяхъ нахожу сіе нужнымъ и даже необходимымъ; но вотъ бѣда: чтобъ согласиться, какой? Иной говоритъ—obeliskъ, пирамиду другой, а колонну— третій, и такъ далѣе, съ разными, по ихъ мнѣнію, надписями. Я мыслю, что памятникъ соотвѣтствовать долженъ во всемъ цѣли своей и времени, то есть когда и для чего воздвигнуть.

„Война сія, повидимому, долженствовала рѣшить судьбу Россіи, потрясти основанія гражданскихъ и политическихъ связей ея, и даже самой Вѣры, не есть обыкновенная; почему и памятникъ долженъ быть таковой же. Провидѣніе Божіе, помощію Вѣры и народнаго духа, спасло насъ. Ему благодарность,—и памятникъ Ему же принадлежитъ. Боже упаси насъ сдѣлаться несмысленными обезьянами обезьянъ древнихъ, забывъ (и въ какое при томъ время!), что мы не идолопоклонники. Обелиски, пирамиды и тому подобное льстятъ надменности и гордости человѣческой, но ни мало не удовлетворяютъ благородному, благодарности преисполненному сердцу христіанина. Итакъ сердце мое и умъ согласно требуютъ воздвигнуть храмъ Спасителю въ Москвѣ, подъ именемъ Спасскаго собора, который одинъ можетъ удовлетворить во всѣхъ отношеніяхъ ожиданію каждого.

„Я говорю—въ Москвѣ; ибо тамъ въ сердцѣ Россіи, надменный врагъ чаялъ нанести смертный ударъ народу русскому; тамъ дернулъ онъ на святотатство; тамъ Провидѣніе положило предѣлъ пагубнымъ замысламъ его на родъ человѣчскій; тамъ началась гибель несмѣтныхъ силъ вражескихъ. Воздавъ Божіе Богови, тѣснѣе сопряжемся съ вѣрою, и потомство навсегда имѣть будетъ предъ глазами памятникъ признательности нашей къ Нему, а не киченію, приписывающему все себѣ: киченіе недостойное, непростительное и совершенно несправедливое въ сей войнѣ. Конецъ

18-го столѣтія довольно ознаменованъ ложными умствованіями, потрясшими вѣру въ большей части Европы; пожаръ сей, распространяясь, доходилъ до насъ, но къ счастью нашему однѣ искры успѣли токмо закраться въ головѣ мнимо-просвѣщенныхъ. Ужасныя послѣдствія онаго, угрожавшія и намъ самимъ, не должны ли разумить насъ? Не само ли Провидѣніе доставляетъ намъ удобный случай сей, дабы неоспоримо и разительно убѣдить каждаго въ томъ, что можетъ въ народѣ Вѣра! Испанія и Россія ясно то доказываютъ. Предположивъ даже и самаго невѣрующаго, не думаю, чтобъ могъ не согласиться, по однимъ видамъ такъ называемой политики, что сіе есть первая и сильнѣйшая пружина, помощію которой правительство можетъ вести многочисленныя народы къ цѣли своей; слѣдственно, и въ семъ случаѣ благоразуміе одно заставить сдѣлать то же.

„Чувствую, что напрасно распространяюсь о семъ съ вами: кто лучше и болѣе васъ убѣжденъ въ томъ? Итакъ, изложу токмо вообще, что бы мнѣ казалось нужнымъ; дополнить и усовершенствовать—ваше дѣло.

„Храмъ Спасителю—на великолѣпной площади (что теперь въ Москвѣ, кажется, не трудно будетъ); на площади сей изъ непріятельскихъ пушекъ сдѣлать искусственно ограду, или другое что, какъ-то: врата изъ пирамидъ или колоннъ, предоставя художникамъ на произволь; внутри храма помѣстить всѣхъ народовъ, съ нами воевавшихъ, знамена, штандарты и прочіе трофеи, разумѣется, что съ искусствомъ. Въ ономъ храмѣ непременно должно соорудить придѣлъ усопшимъ на полѣ чести, коихъ имена вырѣзать на доскахъ мѣдныхъ: нижнихъ чиновъ—числомъ, съ означеніемъ токмо полковъ, дворянства же всего поименно, ибо утѣшительно матери читать имя сына своего или сыну—имя отца, положившаго голову свою въ священную минуту защиты оскорбленнаго и гибнущаго отечества. Надпись на фронтовѣ, по моимъ мыслямъ, придумана лучше быть не можетъ и сообразнѣе цѣли всего памятника, какъ: Не намъ, Господи, не намъ, но имени Твоему даждь славу.

„Но я не кончилъ, и спрашиваю снисхожденія и терпѣнія; у кого журналы на столѣ, какъ у васъ, и громада бумагъ, какъ у меня, тому, кажется, терпѣнью не учиться.

„Итакъ, еще желалъ бы (жаль, что не въ моей власти и голосъ мой незначущъ!), чтобы назначено было трехдневное празднество ежегодно въ день очищенія границъ нашихъ отъ супостата: первый день посвященъ былъ бы Вѣрѣ, и слѣдственно для духовенства со всея Москвы крестный ходъ; молебень съ колѣнопреклоненіемъ и панихида за усопшихъ; войска подъ ружьемъ. Второй

день: празднество военное, дабы ежегодно возобновлялась память славы нашего оружія и чѣмъ каждый изъ воиновъ обязывается передъ отечествомъ. Третій день: празднество народное, предающее въ потомство безсмертную честь, каковою покрылись въ сію войну наши православные, и вмѣстѣ съ тѣмъ всегдашній страхъ врагамъ земли Русскія.

„Могъ бы распространиться разсужденіями, доказательствами, но что истинно хорошо—не имѣть въ ономъ нужды; что же худо,—то дѣлается несноснымъ; и для того удержусь, оставляя на произволъ рѣшенію вашему, коему покоряюсь, чувствуя ничтожность силъ своихъ. Мысли сіи о памятникѣ рождены были уже давно, и гораздо прежде, нежели я получилъ рисунокъ колонны г. Оленина ¹⁾, въ чемъ ссылаюсь на князя Петра Михайловича Волконскаго ²⁾, слѣдственно, не имѣя въ виду именно онаго рисунка его, не менѣе, какъ видите, я ожидалъ подобнаго. Прибавлю токмо то, что я остаюсь при мнѣніи своемъ, и замѣчу, что, не зная точно художника, могъ бы подумать на Томона, Готенбергера ³⁾ и проч., и отнюдь не хотѣлъ бы съ ними встрѣтиться въ мысляхъ въ подобное время. Я не болѣе поручилъ бы имъ, какъ искусственное устройство пушекъ вокругъ храма: сіе принадлежитъ художникамъ, ибо касается до вкуса и науки; а гдѣ должны входить чувства и сердце, то дѣло не ихъ.

„Позабылъ сказать о важнѣйшемъ пожертвованіи, которое я намѣренъ сдѣлать въ семь случаевъ, и какого ни одна держава сдѣлать не въ состояніи. Еще за 2.500 лѣтъ въ Архипелагѣ, на островѣ Мелосѣ, находился большой обдѣланный камень, который служилъ жертвенникомъ жителямъ, въ идолопоклонствѣ тогда пребывавшимъ. Съ начала же самаго введенія христіанской православной вѣры и во время гоненія оной, жертвенникъ сей обращенъ былъ для принесенія на ономъ моленій Господу Богу нашему жителями острова Мелоса и другими, туда отъ гоненія укрывавшимися.

¹⁾ Объ этомъ рисунокѣ упоминалось нами выше. Статсъ-секретарь Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, художникъ-археологъ, любитель и покровитель искусствъ, былъ въ это время директоромъ Публичной бібліотеки, а впоследствии—президентомъ Академіи Художествъ. Ф. В.

²⁾ Въ 1812 г. кн. П. М. Волконскій состоялъ при особѣ Государя. Онъ считается основателемъ русскаго генеральнаго штаба. При Императорѣ Николаѣ I былъ министромъ двора. Ф. В.

³⁾ Иностранные художники, поселившіеся въ Россіи. Томонъ, французскій архитекторъ, строитель биржи и большого театра въ Петербургѣ, Полтавскаго памятника и частныхъ зданій. Ф. В.

„Англійскій генераль г. Вильсонъ ¹⁾, въ путешествіи своемъ, какъ драгоценную рѣдкость, съ большими трудами и пожертвованіями, успѣлъ доставить оный, и имѣетъ извѣстіе, что онъ привезенъ уже въ Англію. Его намѣреніе было и прежде отдать его Россіи, яко старшей церкви греческаго исповѣданія; узнавъ же отъ меня о планѣ моемъ, подарилъ его мнѣ, дабы я располагалъ имъ по моему произволу, съ условіемъ, чтобы то было въ Россіи. Я увѣренъ, что древность таковая, освященная чрезъ толикія столѣтія молитвами ко Всевышнему, дѣйствительно драгоценна.

„Еще думаю я, что война сія, прославившая Россію, утвердившая и показавшая цѣлому свѣту силу и могущество ея, распространить пользу и на другіе народы, и если Богъ поможетъ намъ, то Испанія, Италія и другія державы одолжены будутъ намъ же спасеніемъ своимъ; въ такомъ случаѣ, конечно, они захотятъ участвовать въ созиданіи величественнаго и знаменитаго храма сего: украшая его, увеличатъ и увѣковѣчатъ вмѣстѣ честь и славу земли Русскія.

„Неблагодарно и несправедливо было бы умолчать, сколько мы обязаны твердости Государя нашего. Потеря Москвы намъ была тѣмъ разительнѣе, что мы страшились и, увѣряю честію васъ, что отъ перваго до послѣдняго всѣ содрагались даже отъ единого помысленія о мирѣ. Уничженіе, бремя тяжкое, удручало каждого! Но твердый и навсегда незабвенный отзывъ его полковнику Мишо ²⁾, неоднократно и въ разное время имъ повторенный, не токмо успокоилъ насъ, но вселилъ новую душу, и съ сея минуты просіяла несомнѣнная надежда возвратить Россію на прежнюю степень ея величія. Кто не знаетъ, что можетъ надъ умами человѣковъ твердость единого изъ нихъ, а тѣмъ паче Царя своего! Безпристрастный историкъ, конечно, выведетъ ужасныя послѣдствія, которыя война сія долженствовала имѣть для Россіи, если бы твердость Монарха ея не обратила всѣ бѣдствія въ источникъ будущаго ея благосостоянія. Важность войны сей, великія дарованія и могущество противника, совершенное истребленіе всѣхъ силъ его и спасеніе отечества помѣстило уже предводителя нашего на-ряду съ первѣйшими полководцами въ мірѣ. Наконецъ, мужество арміи и понесенные ею труды, равномѣрно участіе, которое имѣли всѣ

¹⁾ Находившійся во время Отечественной войны при нашей главнѣйшей квартирѣ военнымъ агентомъ англійскаго правительства. Ему принадлежитъ довольно вѣрная и безпристрастная статья о русскомъ войскѣ.

Ф. В.

²⁾ Присланному Кутузовымъ съ донесеніемъ о потерѣ Москвы.

Ф. В.

состоянія гражданъ въ сей незабвенной войнѣ, должны обратить на себя вниманіе. Итакъ, можно бы на четырехъ сторонахъ храма соорудить на сей площади еще четыре обелиска: одинъ—Императору, другой—главноначальствующему, третій—войску, четвертый—народу. Но здѣсь останавливаетъ меня одна мысль: прилично ли, не надменно ли будетъ, воздвигая храмъ Спасителю, на вѣчную память нашей къ Нему признательности, присоединять къ оному памятники, въ честь самимъ намъ сооруженныя? Впрочемъ, мнѣніе частнаго человѣка не есть рѣшительный приговоръ, и я весьма далекъ отъ подобнаго самолюбія. Предметъ государственный долженъ быть здраво обдуманъ людьми умными и знающими.

„Написавъ мнѣніе мое, предоставляю вамъ сдѣлать, по усмотрѣнію вашему, какое угодно употребленіе. Все, на что могу надѣяться, состоятъ въ томъ, что не откажете мнѣ изъявленіемъ мыслей вашихъ съ откровенностію на сей счетъ.

„Истинно и душевно почитающій и преданный вамъ Петръ Кикинъ. Декабря (число не поставлено) 1812 года, городъ Вильна ¹⁾“.

Выраженная въ этомъ письмѣ мысль генерала Кикина, осуществившаяся въ вышеприведенномъ Высочайшемъ манифестѣ 25 декабря 1812 года, встрѣчена была въ тогдашнемъ обществѣ съ большимъ сочувствіемъ и признана вполне выражающей одушевлявшія всѣхъ чувства.

Извѣстный впоследствии писатель-романистъ, И. И. Лажечниковъ, непосредственный участникъ борьбы нашей съ французами, въ своихъ „Походныхъ запискахъ“ такъ отозвался на счастливую мысль Кикина: „отечественная война кончилась; но слава ея должна во всемъ величїи оживиться для нашего потомства. Не довольно, чтобы уста краснорѣчивыхъ старцевъ передали ее дѣтямъ и внукамъ своимъ; мало еще того, чтобы рѣзецъ и кисть по частямъ перенесли ее будущимъ поколѣніямъ и чтобы перо историка начертало ее на листахъ безсмертія: ей необходимъ памятникъ, который, смѣясь угрозамъ времени, переселялъ бы ее всю вдругъ во взоры и сердца потомковъ. Блестательный даръ краснорѣчїя, неизъяснимыя прелести поэзіи, обворожительная власть живописи и ваенїя, могутъ сильно дѣйствовать на чувства, науками утонченныя, на умы, просвѣщеніемъ образованные и ко всему изящному приготовленные. Но могутъ ли они имѣть такое вліяніе на умы и сердца простого народа? Въ состояніи ли тронуть ремесленника, работника и земледѣльца, вышедшихъ изъ рукъ Природы съ чувствами, хотя

¹⁾ „Москвитянинъ“ 1846, I. 159—167. Перепечатано въ Берлинскомъ изданїи (1870). „Записки“ А. С. Шишкова. Ф. В.

способными ко всему прекрасному и великому, но необразованными вкусомъ и науками? Памятникъ Отечественной войны долженъ быть краснорѣчивъ для всѣхъ состояній. Надобно, чтобы онъ въ одно время дѣйствовалъ на взоры и душу воина, вельможи, купца и селянина; чтобы всѣ они умѣли понимать его величіе и сближаться имъ со славою сей войны. Нужно, чтобы памятникъ сей соединялъ въ одно время мужественныя дѣянія сыновъ Россіи, твердость духа ея Государя и милосердіе великаго Провидѣнія, въ 1812 году столь явно покрывшаго ее щитомъ своимъ. Воины-солдаты и воины-поселяне, защитники отечества, ожидаютъ сего памятника, какъ свидѣтельства ихъ храбрости, терпѣнія и любви къ родинѣ; Россія проситъ его для Монарха, хранителя ея свободы, имени и величія; народъ, исполненный чистой вѣры, требуетъ его для вѣчнаго воспоминанія милостей Творца и изъявленія Ему чувствъ благодарности. Какимъ же произведеніемъ искусства исполнять вдругъ надежду войска и гражданъ, мольбу Россіи и требованіе народа? Сооруженіемъ величественнаго храма, посвященнаго имени Спасителя, украшеннаго изображеніемъ Государя въ минуту рѣшительнаго его обѣта, окруженнаго трофеями нынѣшней войны и статуями умершихъ на поляхъ славы русскихъ героевъ! Москва, какъ славная жертва нынѣшней войны, должна обладать и гордиться симъ богатымъ памятникомъ.

„Мысль храма сего принадлежитъ генералу Кикину ¹⁾. Относя столь справедливо Богу успѣхи и славу Отечественной войны сей (не отнимая славы дѣяній отъ войска и вождя его), со всею основательностію и краснорѣчіемъ описываетъ онъ явныя благодѣянія небесъ и доказываетъ, что никакой памятникъ не можетъ быть приличіе храма во имя Спасителя; мысль счастливая, исполняющая общія желанія, и достойная быть приведена въ дѣйствіе! Говорятъ, что начертаніе сего храма представлено взорамъ Государя Императора; уже ласкаютъ насъ приятнымъ для каждого русскаго слухомъ, что оно имъ благосклонно принято и будетъ вскорѣ утверждено“ ²⁾.

¹⁾ Курсивъ принадлежитъ намъ.

Ф. В.

²⁾ Авторъ имѣлъ счастье видѣть заложеніе сего храма въ Москвѣ 12 октября 1817 года.

Примѣчаніе И. Лажечникова.

Дѣйствительно, 12 окт. 1817 г. въ Москвѣ, на Воробьевыхъ горахъ торжественно, въ присутствіи всей царской фамилии, всего Московскаго духовенства, 50.000 войска и безчисленнаго множества народа совершена была закладка храма во имя Христа Спасителя по проекту архитектора А. Л. Витберга. Но самая постройка храма не состоялась по причинамъ, изложеніе которыхъ не входитъ въ планъ этой статьи.

Извѣстный начальникъ университетской типографіи въ Москвѣ, Максимъ Ивановичъ Невзоровъ, питомецъ Новиковскаго кружка, въ изданной имъ первой книжкѣ „Историческаго, Статистическаго и Географическаго журнала“ на 1813 годъ, также привѣтствовалъ Высочайшій манифестъ о построеніи храма во имя Христа Спасителя въ статьѣ: „Чувствованія издателя при чтеніи сего манифеста“. Благочестивая мысль Императора дала Невзорову поводъ указать читателямъ на недостаточность одного только наружнаго благочестія и необходимость искренняго нравственнаго возрожденія общества.

„Благодаримъ Господа, говоритъ онъ въ своей статьѣ, оправдавшаго надъ нами царствовать Монарха, толикіе знаки благоговѣнія къ Богу и благочестіе являющаго; поклонимся и припадемъ съ нимъ ко Христу Сыну Божію, спасающему насъ силою и заслугами своими, но поклонимся духомъ и истиною, а не единою наружною набожностію, не единымъ хожденіемъ во храмъ, посвященный имени Его, и не единымъ обряднымъ приношеніемъ Ему десятины, которую приносятъ и фарисеи“.

Подтвердивъ свою мысль примѣрами изъ Бибіи и исторіи, показывающими, къ какимъ бѣдствіямъ приводитъ людей замѣна истинной вѣры одними наружными обрядами, онъ оканчиваетъ свою статью словами: „Итакъ, когда мы не одною наружностію, но дѣлами и любовію къ ближнимъ будемъ чтить Спасителя нашего, тогда мы будемъ соотвѣтствовать благоговѣнному желанію Благочестивѣйшаго Монарха нашего, въ Высочайшемъ манифестѣ своемъ о созиданіи церкви во имя Спасителя Христа, говорящаго: „Да простоятъ сей храмъ многіе вѣки и да курится въ немъ предъ святымъ Престоломъ Божіимъ кадило благодарности позднѣйшихъ родовъ вмѣстѣ съ любовію и подражаніемъ въ дѣлахъ ихъ предковъ“.

Въ 1814 году извѣстный Поздѣвъ ¹⁾ тоже сочувственно отзывался объ идеѣ построить храмъ во имя Христа Спасителя. 2-го мая 1814 года онъ писалъ С. С. Ланскому ²⁾:

Вышеприведенная цитата изъ сочиненій Лажечникова взята изъ его „Походныхъ записокъ русскаго офицера“, напечатанныхъ сначала въ „Вѣстникѣ Европы“ 1817, № 7, смѣсь, стр. 209—225, а потомъ вышедшихъ отдѣльной книгой (Спб. 1820).

¹⁾ Глава московскихъ масоновъ послѣ Новикова.

Ф. В.

Ф. В.

²⁾ Въ это время С. С. Ланской былъ вторымъ мастеромъ „Провинціальной“ масонской ложи. При Императорѣ Наполеонѣ I онъ былъ губернаторомъ во Владимірѣ и Костромѣ, а при Императорѣ Александрѣ II—министромъ внутреннихъ дѣлъ и дѣятелемъ крестьянской реформы. Ф. В.

„Государь скоро возвратиться не можетъ ¹⁾, пока, думаю, при себѣ не уладить всѣхъ по мѣстамъ. А титуль самый лучшій Государю—храмъ хотя кирпичный построить Богу-Спасителю отъ него въ Москвѣ, который и обѣщанъ за избавленіе; и надпись сообразная въ стихахъ; а въ Петербургѣ храмъ же за спасеніе съ подписью въ стихахъ же. Это самыя лучшіе титулы“ ²⁾.

Въ другомъ письмѣ, къ неизвѣстному лицу, Поздѣевъ писалъ о томъ же: „Что Господь даровалъ изгнать французовъ изъ Россіи, такъ они изгнаны—это чудо будетъ во многіе вѣки; а что хотятъ соорудить храмъ Спасителю, хотя кирпичный, то это лучше театра и клуба, и тутъ-то бы, подлѣ хотя, и въ память князю Кутузову, но подлѣ храма сдѣлать пирамиду изъ пушекъ, взятыхъ у непріятели ³⁾“.

Для осуществленія высказаннаго въ манифестѣ 25-го декабря 1812 г. намѣренія построить храмъ Христа Спасителя объявленъ былъ конкурсъ, условія котораго сообщены были, какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ художникамъ. Собрать проекты поручено было тогдашнему оберъ-прокурору Св. Синода, князю А. Н. Голицыну. Въ 1816 г. въ его кабинетѣ состоялся осмотръ Государемъ присланныхъ уже проектовъ, въ числѣ которыхъ были проекты Гваренги, Воронихина, Михайлова и даже одинъ изъ Италіи; всего представлено было до двадцати проектовъ. Но изъ всѣхъ ихъ Государь остановился на одномъ, какъ наиболѣе его удовлетворявшемъ и вполнѣ выражавшемъ его сокровенныя желанія. Авторомъ этого проекта былъ молодой художникъ Александръ (тогда еще Карлъ) Лаврентьевичъ Витбергъ.

Но останавливаться на грустной исторіи этого проекта не входитъ въ задачу настоящей статьи, и безъ того слишкомъ обширной. По важности и сложности предмета исторія построения храма Христа Спасителя на Воробьевыхъ горахъ по проекту А. Л. Витберга должна составить особую статью.

Ф. Витбергъ.

¹⁾ Онъ былъ въ это время вмѣстѣ съ союзниками въ Парижѣ.

Ф. В.

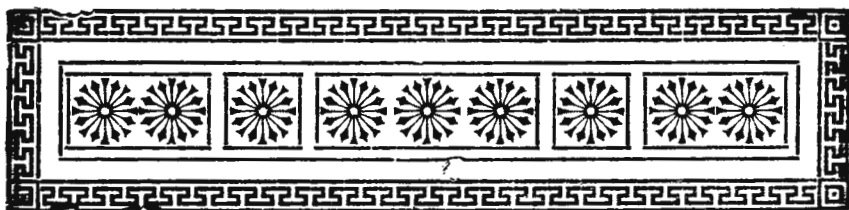
²⁾ Въ это время, какъ извѣстно, возникла мысль поднести Государю титуль „Великаго“, отъ котораго онъ отказался.

Ф. В.

³⁾ „Русск. Арх.“ 1872, стр. 1871.

Ф. В.

Барклай-де-Толли и Отечественная война 1812 г.¹⁾

(Окончаніе).

Барклай-де-Толли, опытный и осторожный, вѣрно постигавшій образъ дѣйствій Наполеона, съ непоколебимою твердостью и большимъ искусствомъ избѣгалъ сраженій, которыя, при подавляющемъ превосходствѣ въ силахъ, обѣщали противнику рѣшительную и окончательную побѣду, т. е. тѣхъ сраженій, которыхъ всегда искалъ и достигалъ Наполеонъ. Но послѣ Смоленска обстоятельства измѣнились: силы обѣихъ сторонъ на столько сравнялись, что бой на выгодной, искусственно усиленной позиціи могъ имѣть благоприятныя послѣдствія. А потому Барклай, выступая изъ Смоленска, выслалъ офицеровъ генеральнаго штаба для обзорѣнія мѣстности по Московской дорогѣ и пріисканія выгодныхъ для обороны позицій. На пространствѣ отъ Смоленска до Гжатска найдены двѣ позиціи, тому соответствовавшія: при Усвятъѣ, не доходя Дорогобужа, и у Царево-Займища, между Вязмою и Гжатскомъ. На позиціи при Усвятъѣ наши арміи соединились 11 (23) августа; но кн. Багратионъ нашель, что III армія, занявшая лѣвое крыло, подвержена обходу, и что у Дорогобужа мѣстность выгоднѣе. Тогда главнокомандующій приказалъ продолжать движеніе и, когда оказалось, что позиція у Дорогобужа совершенно негодна ²⁾, слѣдовать въ Царево-Займище.

Между тѣмъ корпуса Мюрата, Нея, Даву и Жюно двинулись

¹⁾ См. „Русская Старина“ октябрь 1912 г.

²⁾ Клаузевицъ называетъ ее въ своемъ описаніи 1812 г. меракюю.

10 (22) августа вслѣдъ за нашими арміями; по тому же направленію слѣдовали проселочными дорогами войска вице-короля, Груши, Понятовскаго и Латуръ-Мобура. Самъ Наполеонъ, узнавъ, что русскія силы остановились у Дорогобужа, и надѣясь вступить съ ними тамъ въ генеральное сраженіе, выслалъ 12 (24) гвардію и съ наступленіемъ ночи, по окончаніи сдѣланныхъ имъ тогда распоряженій, выхалъ изъ Смоленска. Распоряженія эти относились къ лучшему обезпеченію тыла и фланговъ великой арміи по мѣрѣ ея углубленія внутрь Россіи. Маршалу Виктору (33.000 чел.) предписано двинуться изъ Пруссіи въ Литву, къ Вильнѣ и Смоленску, при чемъ ему были подчинены всѣ тыльные отряды. Маршалу Ожеро (56.000 ч.) приказано изъ Германіи перейти въ Польшу и занять пространство между Вислою и Нѣманомъ. Шварценбергу, Макдональдъ и Сень-Сиру посланы предписанія дѣйствовать съ энергіею, овладѣть Кіевомъ и угрожать Петербургу.

Армія, съ которою Наполеонъ предпринялъ новое наступленіе и надѣялся атаковать Барклая у Дорогобужа, за исключеніемъ гвардейской дивизіи, оставленной въ Смоленскѣ до прибытія маршевыхъ баталіоновъ, считала въ рядахъ своихъ 155.000 чел. Но надежда на генеральное сраженіе была снова обманута. Найдя Дорогобужъ оставленнымъ, Наполеонъ продолжалъ наступленіе въ прежнемъ порядкѣ, съ Мюратомъ въ авангардѣ. Нашъ арріергардъ, отступая къ Вязмѣ, былъ сильно тѣснимъ Мюратомъ и Даву, но тѣмъ не менѣе удержался до ночи. На слѣдующій день арріергардъ, усиленный 3-ею пѣхотною дивизіею и 2-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, поступилъ подъ начальство генерала Коновницына. Тогда былъ предпринятъ новый порядокъ отступленія: на всякомъ выгодномъ для артиллеріи пунктѣ устанавливали нѣсколько орудій, встрѣчали ими непріятеля, вынуждали его выслать свою артиллерію и развернуться, послѣ чего отступленіе продолжалось, и на слѣдующемъ удобномъ пунктѣ тотъ же маневръ повторялся. Въ этотъ же день, 17-го (29) августа, наши арміи расположились на позиціи у Царево-Займища, а непріятель вступилъ въ оставленную жителями и частью ими же зажженную Вязьму.

По обозрѣннн позиціи, усиленіе которой полевыми укрѣпленіями было немедленно предпринято, Барклай почувствовалъ, что онъ, наконецъ пріобрѣлъ право вступить съ противникомъ въ генеральное сраженіе и удовлетворить этимъ всеобщее желаніе съ спокойною совѣстью. Войска его, съ приведенными Милорадовичемъ въ Гжатскъ подкрѣпленіями, состояли изъ 110.000 чел., числительностью они еще много уступали непріятелю, но прежняя огромная несоразмѣрность изчезла; онѣ были испытанной храбрости, имѣли

надежныхъ начальниковъ и находились на отличной позиціи ¹⁾. Въ полупереходѣ за Царево-Займищемъ, у Гжатска, была другая также весьма хорошая позиція, которая имѣла назначеніемъ служить, въ случаѣ надобности, убѣжищемъ вынужденной къ отступленію арміи. Такое совпаденіе благопріятныхъ обстоятельствъ не могло не повліять успокоительно на рѣшеніе Барклая помѣриться съ Наполеономъ. Но ему не суждено было исполнить это рѣшеніе. Все тяжелое время веденія войны противъ полумилліонной силы Наполеона не только оставалось неразгаданнымъ и неоцѣненнымъ, но было даже сопряжено съ горькими испытаніями: такъ искусныя и успѣшныя дѣйствія подъ Смоленскомъ имѣли ближайшимъ результатомъ назначеніе новаго главнокомандующаго; а подготовленія къ генеральному сраженію не имѣли послѣдствій, потому что кн. Кутузовъ пріѣхалъ за два дня до предполагаемаго боя.

Въ собственноручныхъ замѣткахъ Барклая мы читаемъ, что онъ самъ представилъ Императору Александру о необходимости назначить генералиссимуса надъ всѣми арміями. Изъ четырехъ главнокомандующихъ онъ былъ, по старшинству, моложе всѣхъ, но по званію военнаго министра сообщалъ свои приказанія именемъ Императора; это могло повести къ неудовольствіямъ и неблагопріятно повліять на операціи. Барклай полагалъ, что званіе генералиссимуса можетъ быть возложено на одного Кутузова, хотя преждевременная его дряхлость, слабость зрѣнія, а потому и нѣкоторая зависимость отъ приближенныхъ были ему извѣстны. Слухи о назначеніи новаго главнокомандующаго опередили его пріѣздъ двумя днями, такъ что Барклай уже 16-го августа писалъ женѣ: „Что касается назначенія кн. Кутузова, то оно было необходимо, такъ какъ Императоръ лично не командуетъ всѣми арміями; но счастливый ли этотъ выборъ, только Господу Богу извѣстно. Что касается меня, то патріотизмъ исключаетъ всякое чувство оскорбленія“ ²⁾. Въ тотъ же день Барклай-де-Толли писалъ Государю: „Какъ главнокомандующій, подчиненный князю Кутузову, я знаю свои обязанности и буду исполнять ихъ добросовѣстно. Но я еще нахожусь въ неизвѣстности на счетъ отношеній моихъ въ качествѣ военнаго министра. Быть можетъ, Государь, причиною тому благосклонность Вашего Величества ко мнѣ, прежде удостоенному совершеннымъ Монаршимъ довѣріемъ. Осмѣливаюсь предполагать, что только эта

¹⁾ Извѣстный военный писатель маіоръ Блессовъ, обозрѣвшій мѣстность, признаетъ эту позицію чрезвычайно выгодною и лучшею на всемъ пространствѣ отъ Смоленска до Москвы. Таковы же мнѣнія Беригарди и Бейцке.

²⁾ Письмо Барклая къ женѣ отъ 16-го августа 1812 г.

причина побудила Ваше Величество отложить порученіе исполняемых мною обязанностей военнаго министра кому-либо другому. Умоляю Васъ, Государь, не обращать на меня вниманіе, дабы ни на одинъ мигъ не потерпѣла отъ того польза службы. Не стану говорить о дѣйствіяхъ вѣренной мнѣ арміи въ настоящее время, когда столь близка рѣшительная развязка. Послѣдствія покажутъ, могъ ли я сдѣлать болѣе для спасенія государства. Если бы моими поступками руководило легкомысленное тщеславіе, то Ваше Императорское Величество получали бы отъ меня реляціи о данныхъ мною сраженіяхъ, а непріятель, несмотря на то, былъ бы подъ стѣнами Москвы, не имѣя передъ собою силъ, достаточныхъ для ея защиты“¹⁾.

На слѣдующій день, 17-го (29) августа, кн. Кутузовъ пріѣхалъ въ Гжатскъ, а затѣмъ и въ Царево-Займище, гдѣ онъ послѣ обѣда отправился съ Барклаемъ обозрѣть позицію. Онъ нашелъ ее очень выгодною, изъявилъ рѣшимость принять на ней сраженіе и приказалъ ускорить начатую постройку укрѣпленій. Барклай былъ очень доволенъ этимъ заключеніемъ, потому что рѣшаясь принять бой необходимо было, по его мнѣнію, исполнить это по возможности дальше отъ Москвы: вынужденное затѣмъ отступленіе, доставляя намъ нѣкоторыя выгоды, а противнику положительный вредъ, могло повести къ вторичному, болѣе благопріятному сраженію. Но на другой день, совершенно неожиданно, армія получила приказаніе отойти 12 верстъ назадъ, на позицію у Гжатска. Эта вторая позиція была также признана хорошею новымъ главнокомандующимъ, приказавшимъ немедленно усилить ее редутами. Тогда генераль Беннигсенъ, назначенный начальникомъ главнаго штаба соединенныхъ западныхъ армій и пріѣхавшій съ кн. Кутузовымъ, сталъ объяснять, что онъ проѣздомъ изъ Москвы замѣтилъ болѣе выгодныя позиціи; однако главнокомандующій оставался при намѣреніи принять бой у Гжатска. Тѣмъ не менѣе вечеромъ получено приказаніе продолжать отступленіе по Московской дорогѣ. Тогда стали догадываться, что обѣ позиціи имѣли одинъ недостатокъ: онѣ были выбраны при Барклаѣ и имъ одобрены; приближеннымъ же Кутузова не трудно было его убѣдить, что если непріятель будетъ разбитъ у Царево-Займища или Гжатска, то слава побѣды будетъ приписана не ему, а прежнему главнокомандующему. Однако Кутузовъ, по пріѣздѣ въ Гжатскъ, самъ отправилъ обратно офицеровъ генеральнаго штаба, высланныхъ для отысканія новой позиціи на

---

¹⁾ Письмо Барклая-де-Толли къ Императору Александру отъ 16-го августа 1812 г.

случай вторичнаго боя и сказалъ имъ: „не нужно намъ позади арміи никакихъ позицій; мы и безъ того ужес лишкомъ далеко отступили“ ¹⁾. Какъ послѣ этого объяснить въ официальномъ донесеніи причины столь внезапнаго и добровольнаго отступленія. Причины были найдены и изложены въ первомъ же донесеніи отъ 19-го августа, а именно: „истощеніе войскъ и мародерствъ, удобство комплектованія ихъ приведенными вчера генераломъ Милорадовичемъ подкрѣпленіями, неудовлетворительность позицій“ ²⁾. Изъ указанныхъ обстоятельствъ обращаетъ на себя особенное вниманіе первое, относящееся къ внутреннему состоянію войскъ; оно дало поводъ противникамъ Барклая распространять въ Петербургѣ ложные слухи о духѣ и дисциплинѣ арміи. Это обнаружилось полтора мѣсяца спустя, когда фельдъегерь привезъ въ главную квартиру въ Тарутинѣ шесть большихъ тюковъ новыхъ листовъ присяги въ столь сильныхъ выраженіяхъ, что прежде нежели успѣли ихъ прибрать и отправить обратно, всѣ догадались, что это былъ результатъ клеветы на армію Барклая ³⁾. Въ виду столь недостойныхъ происковъ читаемъ съ особеннымъ удовлетвореніемъ отзывъ о томъ же предметѣ такихъ лицъ, какъ принцъ Евгений Виртембергскій, раздѣлявшій всѣ опасности войны со своими солдатами, и гр. Толь, такъ близко стоявшій ко всѣмъ войскамъ съ перваго дня кампаніи. Первый пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Разногласіе мнѣній въ главной квартирѣ отзывалось въ арміи, но духъ и дисциплина войскъ оставались неприкосновенны. Они сражались съ постояннымъ мужествомъ и успѣхомъ; полки соперничали одинъ передъ другимъ за честь участія въ дѣлѣ; на переходахъ и бивакахъ люди всегда были бодры и веселы, изъясняя заботу только о крестьянахъ, которыхъ война лишала крова и имущества“ ⁴⁾. А въ сочиненіи Бернгарди о воспоминаніяхъ графа Толя читаемъ: „По достиженіи Царево-Займища русская армія считала въ рядахъ своихъ шестнадцатую или семнадцатую тысячами чел. менѣе, нежели при соединеніи у Смоленска; слѣдовательно, вся убыль войскъ состояла въ тѣхъ людяхъ, которые были потеряны въ сраженіяхъ: поразительный примѣръ порядка, дисциплины и твердости духа“ ⁵⁾.

Послѣ двухъ-дневнаго пребыванія у Царево-Займища, 19-го (31) августа, западная армія выступила и, не останавливаясь въ Гжатскѣ,

¹⁾ М. Богдановичъ. Отечественная война 1812 г. Т. II, стр. 123.

²⁾ Тамъ же, стр. 126—127.

³⁾ Мой вѣкъ. Г-въ М. Маевскій. „Русская Старина“, августъ 1873 г.

⁴⁾ Herzog E. von Württemberg. Erinnerungen aus dem Feldzuge 1812. S. 64—65.

⁵⁾ Denkwürdigk. des Gr. Toll von Bernhardi. I. S. 409.

послѣдовали по Московской дорогѣ. Общаго распоряженія по этому поводу не было. Управление новаго главнокомандующаго уже было составлено; кромѣ начальника штаба назначены: генераль-маіоръ Вистицкій генераль-квартирмейстеромъ, полковникъ Кайсаровъ въ должность дежурнаго генерала, полковникъ Толь состоять при кн. Кутузовѣ ¹⁾. Но генераль Беннигсенъ уже передъ тѣмъ уѣхалъ съ нѣкоторыми офицерами генеральнаго штаба отыскивать позиціи, усмотрѣнныя имъ проѣздомъ. Однако все обошлось благополучно. Арріергардъ Барклая, подъ начальствомъ Коновницына, задерживалъ по-прежнему противника и имѣлъ даже съ нимъ удачное дѣло у Гжатска, при которомъ взялъ въ плѣнъ около 500 чел. и особенно отличился генераль-маіоръ Крейцъ. Вскорѣ прекратились и порывы непріятельскаго авангарда. Наполеонъ, пріѣхавшій въ Гжатскъ 20-го авг. (1 сент.), узналъ тамъ о прибытіи новаго русскаго главнокомандующаго и усмотрѣлъ въ этомъ вѣроятность безотлагательнаго боя. Тогда онъ призналъ нужнымъ дать войскамъ своимъ трехъ-дневный отдыхъ и возобновить общее наступленіе лишь 23-го авг. (4 сент.). Между тѣмъ наши арміи продолжали движеніе до Бородина, куда онѣ прибыли 22-го августа и гдѣ остановились, потому что до Москвы лучшей позиціи не было; тамъ присоединились къ нимъ 10.000 ратниковъ Московскаго и Смоленскаго ополченій. Такъ совершилось отступленіе русскихъ армій отъ Смоленска, на протяженіи около 300 в.; оно представляетъ рѣдкій примѣръ сохраненія порядка и дисциплины; непріятелю не удалось захватить ни отсталыхъ людей и ни одной повозки; войска были свѣжи и всегда готовы къ бою. Арріергардъ Коновницына расположился въ ожиданіи непріятеля у Гриднева, въ 15 верстахъ отъ армій. Тамъ онъ былъ атакованъ 23-го авг. (4 сент.) Мюратомъ, но, несмотря на жаркій бой, продержался на позиціи до полученія донесеній о движеніи вице-короля въ обходъ его праваго фланга. Тогда онъ отошелъ на ночь къ Колоцкому монастырю. На слѣдующее утро атака Мюрата возобновилась, однако Коновницынъ сопротивлялся съ большимъ успѣхомъ, при чемъ Изюмскому гусарскому полку удалось нанести пораженіе италійскимъ конно-егерямъ; когда же обнаружилось, что вице-король снова обходитъ его правый флангъ, онъ отвелъ свои войска за Колочу, гдѣ они присоединились къ своимъ корпусамъ, стоявшимъ на позиціи.

Избранная Беннигсеномъ позиція распространяется на протяженіи 5 верстъ отъ лѣса, лежащаго близъ впаденія р. Колочи въ р. Москву на правомъ флангѣ, до лѣса у д. Утицы на лѣвомъ. Р. Колоча течетъ въ плоской мѣстности параллельно Смоленской

¹⁾ Приказы Кутузова отъ 18 и 19 авг. № 123.

дорогѣ до Бородина, гдѣ она ее пересѣкаетъ, а оттуда въ глубокой долинѣ съ обрывистыми, иногда недоступными, берегами. Это даетъ позиціи праваго фланга большую силу. Часть центра, у Бородина, была также нѣсколько прикрыта Колочею и тутъ же впадающимъ въ нее правымъ притокомъ Стонецъ, между которыми возвышается курганъ у селенія Горки. Далѣе до Утиць мѣстность не представляетъ выгоды для обороны; она состоитъ изъ отлогихъ голыхъ холмовъ, большею частью покрытыхъ кустарникомъ 3—4 фут. вышины. А потому было необходимо усилить ее искусственно, что было немедленно предпринято, но поверхностно выполнено по той причинѣ, что назначенные для работъ ратники не имѣли надлежащаго шанцевого инструмента и не умѣли готовить туры и фашины; грунтъ же былъ каменистый, и сухая земля осыпалась. Возведенныя на Бородинской позиціи полевые укрѣпленія были слѣдующія. На курганѣ у Горокъ двѣ батареи: одна на вершинѣ на три орудія, другая на скатѣ къ Бородину на девять орудій. На возвышенности между Бородинымъ и селеніемъ Семеновскимъ, Курганная батарея или батарея Раевского, въ которой амбразуры были готовы только на 10 орудій, а люнетъ не былъ оконченъ. Далѣе, за безводнымъ въ то лѣто ручьемъ Семеновскимъ и влѣво отъ селенія, три слабыя батареи, такъ называемыя Багратионовы флешы. Наконецъ, въ 2-хъ верстахъ впереди центра позиціи, у селенія Шевардина, былъ построенъ пяти-угольный редутъ въ видѣ передоваго пункта, но не совсѣмъ оконченъ. На этой позиціи армія Барклая-де-Толли заняла правый флангъ и центръ, а II армія Багратиона—лѣвый флангъ. Ближайшее распредѣленіе войскъ было слѣдующее: на крайнемъ правомъ флангѣ 2-й пѣхотный корпусъ г.-л. Багговута; лѣвѣе его, примыкая къ Горкамъ, 4-й пѣхотный корпусъ г.-л. гр. Остермана, а за нимъ 2-й кавалерійскій г.-ад. бар. Корфа. Въ резервъ за войсками праваго фланга 1-й кавалерійскій корпусъ г.-ад. Уварова и 9 казачьихъ полковъ Платова. Въ центрѣ, противъ Бородина и большого люнета (бат. Раевского) 6-й пѣхотный корпусъ г.-отъ-и. Дохтурова, а за нимъ 3-й кавалерійскій корпусъ г.-л. гр. Палена¹⁾. Отъ большого люнета до д. Семеновской,—7-й пѣхотный корпусъ г.-л. Раевского, имѣя за собою 4-й кавалерійскій корпусъ г.-м. гр. Сиверса. На лѣвомъ флангѣ у д. Семеновской—8-й пѣхотный корпусъ г.-л. Бороздина, а именно: 2-я гренадерская дивизія за селеніемъ, а сводная гренадерская у флешей Багратиона. Причисленная къ 8-му корпусу 27-я дивизія г.-м. Невѣровскаго, а также 2-я кирасирская дивизія г.-м. Дуки были вы-

1) Временно-подчиненный бар. Корфу.

двинуты под начальством г.-л. кн. Горчакова для обороны Шевардинскаго редута, вооруженнаго 12-ю батарейными орудіями; при этомъ 27-я дивизія расположилась позади редута, имѣя кавалерію на флангахъ, а егерскіе полки въ селѣ Доронинѣ и примыкающихъ кустахъ. Главный резервъ: 3-й пѣхотный корпусъ г.-л. Тучкова, 5-й пѣхотный (гвардія) г.-л. Лаврова и 1-я кирасирская дивизія г.-м. Бороздина— между Князьковымъ-Татариновымъ. Главный артиллерійскій резервъ изъ 180 орудій у Псарева. Главная квартира кн. Кутузова въ Татариновѣ. Село Бородино было занято л.-гв. Егерскимъ полкомъ. На оконечностяхъ праваго и лѣваго фланговъ казачьи отряды служили для наблюденія и прикрытія мѣстности. Вся російская армія считала въ рядахъ своихъ 104.000 ч. регулярнаго войска и около 7.000 казаковъ; кромѣ того имѣлось до 10.000 ратниковъ, частью вооруженныхъ пиками. Артиллеріи было всего 640 орудій.

Авангардъ Мюрата, слѣдовавшій 24-го августа (5 сент.) за Ковновницынымъ, былъ вскорѣ остановленъ артиллерійскимъ огнемъ изъ Шевардинскаго редута и ружейнымъ съ праваго берега Колочи. Онъ перешелъ тогда самъ Колочу у Валуева и Фомкина и атаковалъ вскорѣ село Доронино, которымъ овладѣлъ около 4-хъ ч. пополудни. Между тѣмъ Наполеонъ, обозрѣвшій положеніе дѣлъ, счелъ нужнымъ овладѣть также Шевардинскимъ редутомъ и возложилъ эту задачу на кн. Понятовскаго, слѣдовавшаго по старой Смоленской дорогѣ и достигнувшаго Ельни. Вскорѣ Понятовскій, отѣснивъ русскихъ егерей изъ кустарника, приказалъ 61-му линейному полку идти на приступъ, что и было немедленно съ успѣхомъ исполнено; но тогда части 27-й дивизіи бросились на потерянное укрѣпленіе; завязался горячій бой, во время котораго редутъ три раза переходилъ изъ рукъ въ руки и остался наконецъ за противникомъ. Узнавъ объ этомъ, кн. Багратіонъ привелъ на подкрѣпленіе Горчакова 2-ю гренадерскую дивизію принца К. Мекленбургскаго, которою въ 8 ч. вечера сдѣлано новое нападеніе на редутъ. Несмотря на отчаянное сопротивленіе, онъ былъ взятъ обратно, и 61-й линейный полкъ сильно пострадалъ; въ то же время нашу кавалерію отбито 7 орудій. Однако кн. Кутузовъ, въ виду отдаленности Шевардина отъ главной позиціи и невозможности удержать за собою редутъ безъ чувствительныхъ потерь, приказалъ отвести отрядъ Горчакова обратно, что и послѣдовало въ 11-мъ часу ночи. Невѣровскій расположился тогда за флешами Багратіона, у ручья Семеновскаго, а вторая кирасирская дивизія за 2-ю гренадерскою. Для усиленія лѣваго фланга, противъ котораго повидимому сосредоточивались большія силы, изъ главнаго резерва переведенъ на другой день 3-й корпусъ Тучкова къ Утицѣ. Слѣдующій день обѣ

арміи провели въ приготовленіяхъ къ битвѣ, а русская армія готовилась къ ней молитвою.

Наполеонъ далъ войскамъ своимъ слѣдующую диспозицію. Польскій корпусъ Понятовскаго наступаетъ на Утицу, атакуетъ русскій лѣвый флангъ и старается обойти его. Три дивизіи 1-го корпуса Даву, корпусъ Ней и корпусъ Жюно, поддерживаемые кавалеріею Мюрата, дѣйствуютъ противъ нашего лѣваго фланга. Двѣ дивизіи 1-го корпуса, 4-й корпусъ вице-короля, итальянская гвардія и кавалерійскій корпусъ Груши назначаются для операцій противъ нашего центра и курганной батареи. Кавалерійская дивизія Орнано располагается на лѣвомъ флангѣ, а гвардія, старая и молодая,— у Доронина. Во всѣхъ этихъ войскахъ было не менѣе 140.000 ч., при 570 орудіяхъ. Въ 6 часовъ утра 26-го авг. (7 сент.). Наполеонъ, указавъ на поднявшееся изъ густого тумана яркое солнце и воскликнувъ: „это солнце Аустерлицкое“, приказалъ начать сраженіе.

Первымъ двинулся впередъ по старой Смоленской дорогѣ кн. Понятовскій и атаковалъ Тучкова, занимавшаго позицію передъ Утицей и имѣвшаго егерскіе полки разсыпанными до лѣваго фланга 8-го пѣхотнаго корпуса. Послѣ упornaго сопротивленія Тучковъ отступилъ за Утицу и поставилъ свою артиллерію на высоту, сильный огонь съ которой остановилъ успѣхи противника. Между тѣмъ и Даву, поддержанный огнемъ болѣе 100 орудій, выдвинулъ дивизіи Кампана и Дессе для овладѣнія Семеновскою позиціею; но головныя части ихъ были встрѣчены при выходѣ изъ лѣса такимъ картечнымъ огнемъ, что не могли развернуться, пока французскія батареи, не приносяшія намъ вреда, выдвинулись впередъ и маршалъ Ней къ нимъ присоединился. Тогда непріятельскія колонны, несмотря на жестокій огонь нашей артиллеріи и пѣхоты, стремительно бросились на наши укрѣпленія и ворвались въ одну изъ флешей Багратіона съ тылу. Но торжество продолжалось недолго: гренадеры Воронцова и баталіоны Невѣровскаго выбили скоро французовъ штыками, а Ахтырскіе гусары и Новороссійскіе драгуны довершили ихъ пораженіе настойчивымъ преслѣдованіемъ. Въ ожиданіи новаго нападенія, Багратіонъ приказалъ Тучкову подкрѣпить 8-й корпусъ дивизіею Коновницына и послалъ просить помощи у Барклая-де-Толли, который немедленно отправилъ весь 2-й корпусъ на лѣвый флангъ. Туда же были тогда направлены изъ главнаго резерва одна гвардейская и одна свободная гренадерская бригады, три полка кирасиръ и три роты гвардейской артиллеріи.

Когда въ 6 ч. утра раздалась первые пушечные выстрѣлы, Барклай-де-Толли въѣхалъ на возвышеніе у д. Горки. Онъ былъ въ

мундирѣ, при орденахъ и звѣздахъ и въ шляпѣ съ плюмажемъ. Туманъ сталъ постепенно исчезать, и скоро можно было различить приближеніе непріятели къ Бородину, занятому по обѣ стороны Колочи лейбъ-гв. Егерскимъ полкомъ. Тогда Барклай послалъ полку приказаніе стянуться къ правому берегу рѣки и сжечь мостъ. Однако одна колонна дивизіи Дельзона, пользуясь туманомъ, незамѣтно проникла въ Бородино по берегу Колочи, получила тогда возможность обстрѣливать мостъ, когда егеря еще переходили черезъ него, и нанести имъ чувствительныя потери. Но на подкрѣпленіе гвардейскихъ егерей уже подходили высланные Барклаемъ егерскіе полки № 1, № 19, № 40, которые отбросили противника съ большимъ урономъ и разобрали мостъ. Затѣмъ войска вице-короля стали собираться для предстоявшаго наступленія: дивизія Дельзона и баварская кавалерія за Бородинымъ, а вправо отъ нихъ дивизія Жерара и Брусье, итальянская гвардія и кавалерійскій корпусъ Груши. Мало-по-малу войска эти подходили къ Колочѣ, гдѣ построены были мосты, и переправились на правый берегъ подъ прикрытіемъ стрѣлковъ дивизіи Морана, давно уже завязавшихъ горячую перестрѣлку съ нашими егерями 7-го корпуса, передъ курганомъ Раевского. На оконечности лѣваго фланга французовъ осталась одна кавалерійская дивизія Орнано. Около 9 ч. Барклай, замѣтивъ нѣкоторое смятеніе передъ большимъ люнетомъ, послалъ адъютанта Левенштерна удостовѣриться, въ чемъ дѣло, и самъ направился за нимъ. Смятеніе оказалось боемъ, завязавшимся между стрѣлками Дельзона и егерями Раевского. Изъ прочихъ войскъ 7-го корпуса оставались вблизи занятаго имъ люнета только четыре баталіона 26-й дивизіи подъ начальствомъ Паскевича и четыре баталіона 12-й дивизіи подъ начальствомъ Васильчикова; присланные же на помощь два полка 6-го корпуса и одинъ 4-го корпуса были поставлены за люнетомъ. Завязавшійся въ кустарникѣ бой получилъ между тѣмъ большіе размѣры; въ немъ приняли участіе дивизіи Морана и Брусье. Въ 12-мъ часу непріятель усилилъ канонаду, и пѣхота смѣло двинулась впередъ; вслѣдъ затѣмъ бригада Бонами, въ головѣ одной изъ наступающихъ колоннъ, бросилась на укрѣпленіе и овладѣла имъ. Въ эту минуту подѣхали Ермоловъ и Кутайсовъ. Ермоловъ, сообразивъ возможность мгновеннымъ, неожиданнымъ нападеніемъ вырвать среди общаго возбужденія люнетъ изъ рукъ непріятели, взялъ первый попавшійся Уфимскій баталіонъ и устремился на него съ неукротимымъ увлеченіемъ; то же исполнилъ съ Томскимъ баталіономъ адъютантъ Барклая майоръ Левенштернъ. Тогда и Паскевичъ, Васильчиковъ и прочіе полки двинулись впередъ съ такимъ единодушіемъ, что укрѣпленіе

было немедленно взято, раненый генералъ Бонами захваченъ въ плѣнъ, и непріятель отовсюду выбитъ съ большими потерями. Вслѣдъ затѣмъ подготовленные Барклаемъ драгуны Крейца преслѣдовали его столь быстро, что произвели даже беспорядокъ въ выдвинутыхъ на помощь резервахъ. Таковъ былъ исходъ этого отчаяннаго боя, не прекращавшагося съ 9-ти ч. утра. Барклай, являвшійся вездѣ, гдѣ было опасно, прибылъ на батарею, и, какъ всегда, изумлялъ всѣхъ своимъ величавымъ спокойствіемъ. Почти всѣ находившіеся при немъ были ранены или убиты, но его, смерти не боявшагося, Провидѣніе хранило. Удостоверившись въ совершенномъ ослабленіи прежнихъ защитниковъ батарей, онъ замѣнилъ ихъ войсками 24-й дивизіи Лихачева. Неудачное покушеніе противника на батарею Раевского стоило ему до 3.000 человекъ. Но и намъ этотъ бой обошелся дорого; въ немъ погибъ начальникъ артиллеріи I арміи, молодой, даровитый, достойный Кутайсовъ. Ранены были, но легко, Ермоловъ и Левенштернъ. Послѣдній увидѣлъ затѣмъ на перевязочномъ пунктѣ тяжело раненаго князя Багратіона, который немедленно спросилъ его о Барклаѣ и потомъ добавилъ угасающимъ голосомъ: „скажите ему, что спасеніе арміи въ его рукахъ; еще все благополучно, сохрани его Господь“ ¹⁾.

Ожиданіе новаго нападенія, побудившее кн. Багратіона просить Барклая о помощи, оправдалось; уже въ 9 ч. маршалы Даву и Ней, подготовивъ наступленіе артиллеріею, возобновили нападеніе. Послѣ упорнаго боя имъ удалось овладѣть флешами и даже ворваться въ Семеновское. Но и въ этотъ разъ гренадеры 2-й дивизіи штыками очистили укрѣпленіе, и подоспѣвшій Коновницынъ выбилъ французовъ изъ селенія. Еще разъ флешы были взяты непріателемъ и еще разъ возвращены Коновницынымъ, который, при содѣйствіи высланныхъ Барклаемъ трехъ гусарскихъ полковъ Дорохова, оттѣснилъ наконецъ противника обратно. Тогда маршалы пришли къ заключенію, что имъ необходимо содѣйствіе не только кавалеріи, но и цѣлаго корпуса маршала Жюно. По полученіи испрошеннаго разрѣшенія, на послѣдняго было возложено вытѣснить нашихъ егерей изъ кустарника, занимаемаго ими между лѣвымъ флангомъ и Утицей, и войти въ связь съ Понятовскимъ; въ случаѣ успѣха, флешы могли бы быть обойдены и взяты съ тыла, а Тучковъ былъ бы отрѣзанъ. Но къ счастью отряженный Барклаемъ корпусъ Багговута уже подходилъ; изъ него два полка г.-л. Олсуфьевъ повелъ на помощь Тучкову, почти всѣ прочіе остались у Багратіона. Около полудня Наполеонъ сосредоточилъ огонь 400 орудій противъ Семе-

¹⁾ W. v. Löwenstern. Denkwürdigkeiten eines Livländers.

новской позиціи; съ нашей стороны было противопоставлено до 300 орудій. Тогда на пространствѣ одной квадратной версты произошла пальба 700 орудій, безпримѣрная въ исторіи войнъ. Тѣмъ не менѣе французы выдвинулись и непоколебимо шли впередъ; съ нашей стороны встрѣтила ихъ цѣлая линія колоннъ и вступила съ ними въ отчаянный рукопашный бой. Въ этомъ смятеніи приняла также участіе подоспѣвшая съ обѣихъ сторонъ кавалерія, такъ что образовалась большая толпа борющихся русскихъ и французскихъ, пѣшихъ и конныхъ воиновъ. Въ пылу битвы нѣкоторые изъ нашихъ начальниковъ были убиты или ранены, а въ числѣ послѣднихъ и самъ кн. Багратіонъ; лишеныя многихъ руководителей, войска стали отступать, и непріятель взялъ флешы. Спокойный Коновницынъ, замѣнившій Багратіона до прибытія Дохтурова, отвелъ войска за Семеновскій ручей, тогда безводный, гдѣ они остались до конца сраженія. Кавалерія Нансути и Латуръ-Мобура пыталась охватить его лѣвый флангъ, но наткнулась на мѣткій огонь Измайловскаго и Литовскаго гвардейскихъ полковъ, отразившихъ три атаки кирасирской дивизіи Сенъ-Жерменъ, послѣ чего г.-м. Бороздинъ съ тремя кирасирскими полками отбросилъ ее опять за Семеновскій оврагъ. Однако же войска нашего лѣваго крыла были настолько ослаблены, что одинъ еще ударъ свѣжими войсками могъ бы дать сраженію опасный для насъ оборотъ; Наполеонъ это видѣлъ и былъ готовъ уступить настояніямъ Мюрата и выдвинуть молодую гвардію. Но въ это мгновеніе онъ получилъ извѣстіе, остановившее его рѣшеніе; то было неожиданное донесеніе о нападеніи Уварова на лѣвый флангъ французовъ. Нападеніе это произошло слѣдующимъ образомъ. Въ началѣ сраженія атаманъ Платовъ перешелъ съ казаками Колочу и замѣтилъ, что лѣвый флангъ вице-короля открытъ и подверженъ нападенію, о чемъ онъ донесъ главнокомандующему. Кн. Кутузовъ, желая, хотя бы диверсією, отвлечь вниманіе противника отъ нашего лѣваго фланга, приказалъ Уварову произвести такую съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ и казаками Платова. Уваровъ, перейдя Колочу, атаковалъ и отбросилъ легкую кавалерію Орнано и устремился на 84-й полкъ дивизіи Дельзона, послѣднѣйшаго построить каре, куда укрылся и вице-король. При этомъ Уваровъ произвелъ нѣсколько удачныхъ атакъ, но главный и весьма важный успѣхъ заключался въ томъ, что внезапное нападеніе его задержало распоряженія Наполеона и доставило намъ возможность своевременно усилить войска центра и лѣваго фланга. Мы уже видѣли, что изъ 2-го корпуса, усилившаго Багратіона, два полка поступили въ распоряженіе Тучкова, котораго Понятовскій вытѣснилъ передъ тѣмъ изъ кургана. Теперь Тучковъ рѣшился овладѣть имъ

снова и вмѣстѣ съ Олсуфьевымъ и Строгановымъ двинулся въ атаку. Понятовскій былъ выбитъ и отброшенъ на пушечный выстрѣлъ. При этомъ Тучковъ былъ смертельно раненъ.

Горячій бой на позиціи Багратіона еще кипѣлъ, когда Наполеонъ уже готовилъ такой же ударъ противъ батареи Раевского; но тревога, произведенная Уваровымъ, остановившая тогда рѣшеніе французскаго императора, задержала и теперь осуществленіе подготовленнаго нападенія. Однако мѣры, для сего предпріятыя, не ускользнули отъ внимательнаго Барклая. Онъ уже прежде занялъ возвращенный люнетъ 24-ю дивизіею Лихачева; теперь онъ замѣнилъ въ первой линіи и прочіе полки Раевского, сильно пострадавшіе, войсками 4-го корпуса Остермана, поставленными влѣво отъ 7-й пѣхотной дивизіи Капцевича. Также были пододвинуты часть 3-го и затѣмъ 2-й кавалерійскіе корпуса, Преображенскій и Семеновскій, Кавалергардскій и Конногвардейскій полки. Наконецъ, и егерскіе полки 4-й дивизіи герц. Виртембергскаго, при слѣдованіи 2-го корпуса къ Семеновскому, были привлечены къ ожидаемому рѣшительному бою. Съ противной стороны были сосредоточены для атаки дивизіи: Дельзонъ, Жераръ, Брусье, Моранъ, Клапаредъ, итальянская гвардія, молодая гвардія, баварская кавалерія, кавалерійскіе корпуса Груши, Латуръ-Мобура и бывший Монбрюнъ подъ начальствомъ Коленкура.

Наполеонъ, удостовѣрившись въ безопасности нападенія Уварова, приказалъ вице-королю начать дѣйствія. По условленному плану, атака курганной батареи (Раевского) должна была совершиться пѣхотою съ фронта и обоехъ фланговъ и кавалеріею съ тыла. Подготовлена она была перекрестнымъ огнемъ артиллеріи вице-короля и 85 орудій, поставленныхъ между Шевардинымъ и Семеновскимъ. Эта ужасная канонада сдѣлалась особенно чувствительна для войскъ 4-го пѣх. корпуса и егерскихъ полковъ герцога Евгенія. Тогда подѣхалъ къ нимъ Барклай-де-Толли, привѣтствованный передъ тѣмъ гвардейскими полками криками „ура!“. Одинъ, „спокойный видъ герцога“, пишетъ герцогъ ¹⁾, „зорко слѣдившаго за ходомъ боя, не обращая малѣйшаго вниманія на летѣвшіе со всѣхъ сторонъ снаряды, успокоивалъ всѣхъ и внушалъ всѣмъ довѣріе“. Когда онъ указалъ на батарею, баталіоны поджидали только знака, чтобы двинуться впередъ, но въ это мгновеніе внезапно предсталъ передъ ними готовый обрушиться кавалерійскій потокъ, и герцогъ успѣлъ только скомандовать: „строй каре“, что доставило Барклаю и всѣмъ его окружавшимъ необходимое укрытіе. Это была кавалерійская атака,

¹⁾ Aus den Papieren des Prinzen E. von Württemberg.

опередившая ударъ пѣхоты. Войска наши, допустившія французскую конницу на близкій ружейный выстрѣлъ, открыли такой огонь, что она не могла устоять противъ него. Только Коленкуръ съ кирасирами ворвался въ люнетъ, но былъ убитъ, а кирасиры его смѣшались и поспѣшно удалились. Затѣмъ послѣдовала атака пѣхоты и кавалерійскаго корпуса Латуръ-Мобура, имѣвшаго въ головѣ саксонскую гвардію и кирасиръ Цастрова; саксонцы бросились на батарею, а кирасиры, поддержанные Вестфальскою бригадою, устремились на полки 4-го корпуса, стоявшіе позади ея. Послѣдніе однако встрѣтили ихъ мѣткими залпами и заставили отступить въ большомъ разстройствѣ. Саксонскіе же гвардейцы, несмотря на отчаянное сопротивление полковъ 24-й дивизіи, ворвались въ батарею и взяли ее, при чемъ храбрый ея защитникъ, генераль Лихачевъ, захваченъ въ плѣнъ. Тогда же укрѣпленіе было занято головными баталіонами вице-короля, подошедшаго къ нему съ дивизіями Бруссе, Морана и Жерара. Желая воспользоваться пріобрѣтеннымъ успѣхомъ, вице-король приказалъ тогда всей кавалеріи и всей пѣхотѣ двинуться впередъ. Наступилъ моментъ, о которомъ Барклай-де-Толли, описывая Бородинское сраженіе, говоритъ: „казалось, уже наступила минута рѣшенія участи боя; кавалерія моя не могла удержать громаду двигавшихся на нее силъ, и я не смѣлъ вести ее противъ непріятеля, полагая, что она, будучи опрокинута, отступить въ безпорядкѣ и приведетъ въ разстройство пѣхоту“¹⁾. И дѣйствительно, частей 2-го и 3-го кавалерійскихъ корпусовъ еще не было, и онъ могъ разсчитывать только на Кавалергардскій и Конногвардейскій полки, которымъ приказалъ приблизиться къ пѣхотѣ. Наступленіе пѣхоты и кавалеріи противника было теперь направлено на 7-ю пѣхотную дивизію Капцевича, стоявшаго на правомъ флангѣ; она встрѣтила ихъ однако сильнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, и даже кавалерійскія его атаки не имѣли большого успѣха. Въ интервалахъ между баталіонами каре неожиданно появилось нѣсколько орудій гвардейской конной батареи, открывшихъ убійственную пальбу картечью, а прикрытіемъ ихъ послужилъ кавалергардскій полкъ. Вскорѣ подъѣхалъ къ этому полку Барклай-де-Толли и приказалъ ему и конногвардейцамъ идти въ атаку. Командиръ кавалергардовъ, едва только произнесъ нужную команду, какъ упалъ съ лошади смертельно пораженный; произведенныя же полками и нѣсколько разъ повторенныя атаки задержали наладенія непріятельской конницы до прибытія передовыхъ полковъ ген.-ад. Корфа которые немедленно были введены въ дѣло. Тогда борьба приняла

1) Изображеніе дѣйствій первой Арміи.

все большіе размѣры и становилась все ожесточеннѣе. Кавалерія противника безпрестанно умножалась, но и съ нашей стороны части 3-го кавалерійскаго корпуса и остальные полки 2-го корпуса постепенно вступали въ бой. Безчисленныя атаки съ обѣихъ сторонъ возобновлялись съ переменнымъ успѣхомъ, и обширныя пространства представляли картины смѣшанныхъ борцовъ и бѣгавшихъ табунами лошадей навшихъ всадниковъ. Одна атака была однако жъ особенно замѣчательна была среди горячаго боя атака Кавалергардскаго и Конногвардейскаго полковъ какъ потому, что была направлена лично Барклаемъ, такъ и по неодолимости нанесеннаго удара; налету этихъ всадниковъ, говорить свидѣтель ¹⁾, противиться было невозможно. Въ 4-мъ часу усилія утомленныхъ войскъ стали ослабѣвать, и дѣйствія ихъ мало-по-малу прекратились. Барклай, считая новую борьбу для овладѣнія курганною батареею бесполезною, отвелъ войска немного назадъ, на позицію между селеніями Горки и Семеновская. Батарея была впрочемъ на ночь оставлена неприятелемъ.

Таковъ былъ исходъ Бородинской битвы. Барклай считалъ возможнымъ возобновить ее на слѣдующій день и высказалъ это главнокомандующему, который вполне съ нимъ согласился. По полученіи же ближайшихъ свѣдѣній о состояніи войскъ II арміи, Кутузовъ отмѣнилъ первоначальное рѣшеніе и приказалъ отступить утромъ за Можайскъ. Потери этого дня были громадны и простирались у насъ до 44.000 чел.; у неприятеля онѣ были немного меньше. Отпоръ, встрѣченный Наполеономъ у Бородина, убѣдилъ его въ необходимости удержать гвардію отъ участія въ боѣ; „въ 3.000 верстахъ отъ Франціи нельзя рисковать послѣднимъ резервомъ“. О доблести войскъ онъ сдѣлалъ слѣдующее изреченіе: „Французы показали себя достойными одержать побѣду, а русскіе стяжали право быть непобѣдимыми“ ²⁾.

Подъ Бородинымъ Барклай-де-Толли оправдалъ слова свои въ письмѣ Императору Александру по полученіи извѣстія о назначеніи Кутузова: „я желалъ бы пожертвованіемъ жизни доказать мою готовность служить отечеству“. Съ ледянымъ хладнокровіемъ вѣзжалъ онъ въ самыя опасныя мѣста. Бѣлый конь полководца огличался издали подъ густыми клубами дыму. Офицеры и даже солдаты говорили, указывая на него: „Онъ ищетъ смерти“ ³⁾. Но онъ остался невредимъ; только на слѣдующій день, когда началось даль-

¹⁾ Адъютантъ Барклая майоръ ф.-Левенштернъ.

²⁾ Pelet. Bataille de la Moskowa.

³⁾ Э. Глинка. Очерки Бородинскаго сраженія.

нѣйшее движеніе арміи къ Москвѣ, онъ заболѣлъ сильною лихорадкою. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что Барклай уже прежде, у Царева-Займища, имѣлъ намѣреніе, въ случаѣ необходимости отступить послѣ сраженія, направить армію на Калугу, что могло бы помѣшать движенію Наполеона на Москву; тогда же послѣдовали распоряженія о заготовленіи продовольствія въ Калугѣ и Тулѣ.

Отступленіе арміи къ Можайску и далѣе къ Москвѣ совершилось спокойно. Арріергардъ, подъ начальствомъ Платова, а потомъ Ми лорадовича, удерживалъ Мюрата и имѣлъ даже у села Крымскаго жаркое съ нимъ дѣло. Перваго (13) сентября армія подошла къ Москвѣ и расположилась на позиціи, избранной Беннигсеномъ для защиты первопрестольной столицы. Правый флангъ ея примыкалъ къ изгибу рѣки Москвы у села Фили, а лѣвый находился на Воробьевыхъ горахъ. Барклай-де-Толли, изнемогавшій отъ лихорадки, тѣмъ не менѣе прибылъ на Поклонную гору, гдѣ собирались главные начальники вокругъ Кутузова, и немедленно отправился съ Дохтуровымъ на рекогносцировку. Неудобства позиціи его поразили, и онъ описалъ ихъ слѣдующимъ образомъ: „Многія дивизіи были разобщены непроходимыми оврагами, въ одномъ изъ которыхъ протекала рѣчка, прерывавшая сообщеніе. Правое крыло примыкало къ лѣсу, что давало непріятелю возможность обойти насъ съ праваго фланга. Позади первой линіи лѣваго крыла находился крутой оврагъ, лишавшій резервъ возможности поддерживать ее. Конница должна была оставаться въ бездѣйствіи. Позади находилась рѣка, а за нею обширный городъ. Въ случаѣ пораженія вся армія была бы уничтожена“ ¹⁾. Убѣдясь въ непригодности позиціи, Барклай поспѣшилъ къ главнокомандующему и высказалъ ему опасность принять на ней бой. Нужно было обладать великимъ патріотизмомъ и мужественнымъ самоотверженіемъ, чтобы выразить тогда необходимость оставить Москву безъ боя. Барклай взялъ эту обязанность на себя; онъ громко высказалъ, что задуманное сраженіе неминуемо поведетъ къ потерѣ всей арміи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Москвы, и что лучше потерять одну Москву и сохранить армію для Россіи. Кн. Кутузовъ приказалъ тогда пригласить на военный совѣтъ въ д. Фили всѣхъ старшихъ начальниковъ. На состоявшемся совѣтѣ Беннигсенъ, въ 7-мъ часу вечера, предложилъ перевести армію на лѣвое крыло позиціи, перейти утромъ въ наступленіе и атаковать правый флангъ непріятеля. На это Барклай возразилъ, что войска, потерявшія многихъ генераловъ, полковыхъ командировъ и штабъ-офицеровъ, хотя и

¹⁾ Изображеніе дѣйствій первой арміи.

могли бы дать мужественный отпоръ превосходящему противнику на хорошей позиціи, не въ состояніи однако перебираться ночью на другую позицію и производить затѣмъ задуманные маневры. Кн. Кутузовъ, выслушавъ всѣ предложенія, но давно уже рѣшившій повянуть Москву, окончилъ совѣщанія словами: „приказываю отступить“ и мотивировалъ ихъ тѣми же доводами, которые были высказаны Барклаемъ.

Провести армію черезъ Москву, по неизмѣримымъ улицамъ съ безчисленными переулками и соблазнительными трактирами, было не легко. Барклай принялъ всѣ мѣры для исполненія этого движенія въ порядкѣ: перекрестки были преграждены казачьими постами, и адъютанты распредѣлены по различнымъ пунктамъ для наблюденія, а онъ самъ, не оправившись отъ болѣзни, оставался 18 часовъ на конѣ и пропускалъ всѣ войска мимо себя. Геройство у Бородина и благоразуміе въ Москвѣ стяжали Барклаю преданность и довѣріе русскаго воинства.

По достиженіи Боровскаго моста на Рязанской дорогѣ въ 30-ти в. отъ Москвы, армія свернула 4-го (16) октября на Подольскъ и Красную Пахру съ цѣлью вступить на Калужскій путь. Болѣзненное состояніе Барклая не поправлялось, и къ нему присоединилось тяжелое нравственное настроеніе. Непріятности, начавшіяся съ прибытіемъ Кутузова, постоянно возрастали. „Дѣла велись крайне безпорядочно“, говоритъ Ермоловъ въ своихъ запискахъ: „сначала приказанія князя отдавались мнѣ и гр. Сенъ-Приесту черезъ полковника Кайсарова; случалось, что они доставлялись непосредственно корпуснымъ командирамъ и частнымъ начальникамъ, которые извѣщали о томъ, когда войска выступали или возвращались. Приказанія объявляемы были также Толемъ, Кудашевымъ, Скобелевымъ, не рѣдко одни другимъ противорѣчація“¹⁾. Какъ тяжело было Барклаю переносить эти безпорядки и самоволія въ управленіи арміи, видно изъ тогдашнихъ писемъ его къ женѣ. Изъ Красной Пахры онъ писалъ: „Я послалъ Его Величеству письмо и надѣюсь получить, если не отвѣтъ, то по крайней мѣрѣ резолюцію. Дай Богъ, чтобы таковая послѣдовала скоро, потому что я не въ состояніи оставаться здѣсь долѣе“. „Я не узнаю болѣе, когда курьеры отправляются въ Петербургъ; съ нетерпѣніемъ ожидаю моего избавленія. Дѣла наши приняли такой оборотъ, что можно надѣяться на счастливый и почетный исходъ войны,—только нужно больше дѣятельности. Меня нельзя обвинять въ равнодушіи; я прямо высказывалъ свое мнѣніе; но меня какъ будто избѣгаютъ, и многое отъ

¹⁾ Записки Ермолова, изд. 1863 г.

меня скрываютъ“ ¹⁾). И Барклай не ошибся; его присутствіе не было желательно для Кутузова, Беннигсена и всѣхъ дѣятелей главной квартиры, которые давали ему это чувствовать. Между тѣмъ болѣзненное состояніе его ухудшалось и побудило обратиться къ главнокомандующему съ заявленіемъ, что ему необходимо ѣхать въ Калугу для лѣченія; разрѣшеніе немедленно послѣдовало, и 22-го сентября Барклай-де-Толли покинулъ армію. Прощаясь, онъ сказалъ адъютанту своему Левенштерну слѣдующія незабвенныя для него слова: „Теперь все противъ меня, и я долженъ удалиться; но настанетъ время спокойнаго обсужденія прошлыхъ событій, и тогда мнѣ отдадутъ справедливость. Великое дѣло сдѣлано; остается только позвать жатву. Фельдмаршалъ ни съ кѣмъ не желаетъ раздѣлить славы изгнанія непріятеля, а я бы охотно принялъ въ этомъ участіе хотя бы въ званіи командира моего прежняго Егерскаго полка. Мое присутствіе вызываетъ раздоры, а потому я удаляюсь. Мой памятникъ остается: прекрасная, къ бою готовая армія, а передъ нею потрясенный противникъ въ безнадежномъ положеніи“ ²⁾).

Въ Калугѣ Барклаю пришлось испить чашу униженій. Брошенные толпою камни посыпались въ его карету и раздались крики: „измѣнникъ!“ Дальнѣйшій путь на Владиміръ былъ крайне тяжелъ уже потому, что Барклай долженъ былъ соблюдать строгое инкогнито. Въ письмахъ къ женѣ онъ сообщаетъ, что послалъ адъютанта Кавера для полученія скорѣйшаго отвѣта, и пишетъ: „Если бы Его Величество меня совершенно уволилъ отъ службы, то я принялъ бы это, какъ награду за долголѣтнюю службу. Если я не получу отвѣта на мою просьбу, то подамъ прошеніе объ отставкѣ и поѣду черезъ Псковъ въ Лифляндію“ ³⁾. Каверъ наконецъ вернулся, но ожидавшагося отвѣта не привезъ. Тогда Барклай поѣхалъ въ свое небольшое имѣніе Бекгофъ, въ Фелинскомъ уѣздѣ Лифляндіи, и прибылъ туда въ первой половинѣ ноября. Вскорѣ однако жъ, въ концѣ мѣсяца, онъ былъ обрадованъ отвѣтомъ Монарха; собственноручное, милостивое письмо свое Государь заключаетъ словами: „Я никогда не забуду важныхъ услугъ, оказанныхъ Вами отечеству и мнѣ, и желаю вѣрить, что вы окажете еще большія. Вѣрьте, что личныя мои чувства къ вамъ не измѣнятся никогда“ ⁴⁾. Тогда Барклай, какъ только здоровье позволило, поспѣшилъ въ Петербургъ, но не засталъ болѣе Монарха, уѣхавшаго въ началѣ де-

¹⁾ Письма Барклая къ женѣ отъ 11 сентября.

²⁾ W. v. Löwenstern. Denkwürdigkeiten eines Livländers.

³⁾ Письмо отъ 16-го октября изъ Владиміра.

⁴⁾ Письмо Императора Александра къ Барклаю отъ 24-го ноября.

кабря въ Вильно. Тѣмъ не менѣе онъ счелъ своимъ долгомъ явиться въ ближайшій пріемный день въ Зимній дворецъ. При входѣ въ пріемную онъ увидѣлъ множество лицъ, его, повидимому, не узнававшихъ, и молча прошелъ къ послѣднему окну. Вслѣдъ затѣмъ двери растворились, и вошла Императрица Елисавета; остановившись и окинувъ взорами собраніе, Государыня поспѣшно направилась къ Барклаю, протянула ему обѣ руки и съ внутреннимъ волненіемъ высказала ему свое теплое сочувствіе. Когда Императрица вышла, тѣ же лица окружили Барклая, что его глубоко возмутило.

Вскорѣ по возвращеніи въ свое имѣніе, въ январѣ 1813 г., Барклай былъ вызванъ Государемъ, находившимся съ герцогствъ Варшавскомъ, въ Плоцкъ и 3-го (15) февраля назначенъ, вмѣсто Чичагова, главнокомандующимъ арміи, обложившей тогда крѣпость Торнъ. По взятіи крѣпости, 4-го апрѣля, онъ двинулся со своею арміею въ Саксонію, къ Бауцену, и разбилъ передъ тѣмъ, 7-го мая, французскую дивизію Перри при Кенигсвартѣ. Послѣ сраженія при Бауценѣ, въ которомъ Барклай-де-Толли стяжалъ даже удивленіе непріятелей, онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ союзной русско-прусской арміи. Побѣда, одержанная 18-го августа при Кульмѣ, положила конецъ успѣхамъ Наполеона. Императоръ Александръ поздравилъ Барклая-де-Толли на полѣ сраженія кавалеромъ ордена Св. Георгія I-й ст. Въ битвѣ народовъ 6-го (18) октября у Лейпцига Барклай-де-Толли сдѣлался однимъ изъ главнѣйшихъ виновниковъ побѣды и возведенъ своимъ Монархомъ въ графское достоинство. Въ сраженіи подъ Парижемъ онъ рѣшительною атакою ускорилъ взятіе города и пожалованъ 18-го марта генераль-фельдмаршаломъ. По заключеніи мира Барклай былъ назначенъ главнокомандующимъ I-й арміи, а весною 1815 г. онъ повелъ ее изъ предѣловъ Россіи во Францію. Между тѣмъ сраженіе при Ватерло и отреченіе Наполеона прекратило войну. Заключеніемъ многолѣтней воинской эпопеи послужилъ большой смотръ русскимъ войскамъ, сдѣланный 28-го августа русскимъ Монархомъ, въ присутствіи своихъ союзниковъ, во Франціи у Верту ¹⁾. По окончаніи смотра фельдмаршалъ графъ Барклай-де-Толли былъ возведенъ въ княжеское достоинство.

Повышенія и отличія, которыми Барклай былъ осыпанъ благодарнымъ Монархомъ въ послѣдніе годы не имѣли никакого вліянія на его духовное состояніе и душевныя качества; благородный характеръ, возвышенныя чувства, христіанское смиреніе оставались

¹⁾ Въ Департаментъ Марны.

всегда неизмѣнными. Свидѣтельствомъ тому служитъ корреспонденція его съ теткой-воспитательницей г-жой фонъ Вермейленъ, которая, не имѣя дѣтей, взяла трехлѣтняго племянника къ себѣ, полюбила его какъ сына и, вмѣстѣ съ своимъ достойнымъ мужемъ, посвятила себя его воспитанію до поступленія 17-ти-лѣтняго юноши въ полкъ. Корреспонденція Барклая съ своею воспитательницей характеризуетъ его какъ человѣка, а потому приводимъ письмо, посланное имъ 5-го мая 1814 г. изъ Парижа. „Милостивѣйшая тетюшка! Непрерывныя военныя дѣйствія долго лишали меня удовольствія засвидѣтельствовать Вамъ письменно мою сыновнюю преданность. Такъ какъ мы въ настоящее время, благодаря Всевышнему, достигли желанной цѣли, то я прошу позволенія выразить Вамъ, милостивая моя благодѣтельница, чувства моего сердца. Событія этой войны и большіе успѣхи ея превзошли всѣ ожиданія, и рука Божья, прекратившая наконецъ человѣческія бѣдствія, видимо всѣмъ руководила. При этомъ я многократно подвергался опасностямъ и имѣлъ также счастье принимать въ событіяхъ свою долю участія, чѣмъ, конечно, обязанъ, Вашимъ обо мнѣ молитвамъ. Я желалъ бы выразить Вамъ въ полной мѣрѣ мою благодарность; до могилы сохранятся во мнѣ воспоминанія о родительскихъ попеченіяхъ, которыми Вы и незабвенный мой воспитатель окружали мою молодость. Господь поставилъ меня теперь на высшую ступень, которая можетъ быть достигнута на службѣ; Онъ одинъ въ состояніи дать мнѣ силы и способности, соотвѣтствующія ожиданіямъ Государи и отечества. Почтительнѣйше цѣлую Ваши руки и остаюсь на всегда, милостивѣйшая моя благодѣтельница, преданный Вамъ М. Барклай-де-Толли“ ¹⁾).

Однако жъ Императоръ Александръ не ограничился отличіями, которыми онъ, какъ выше сказано, уже удостоилъ Барклая; онъ пожелалъ также оказать ему особую честь и дать полное удовлетвореніе въ собственномъ отечествѣ, гдѣ онъ претерпѣлъ столько униженій. Съ этою вѣроятнѣйшею цѣлью онъ пригласилъ Барклая въ концѣ 1815-го года въ столицу. Вотъ что пишетъ объ этомъ приѣздѣ самъ Барклай своей женѣ въ письмѣ отъ 14-го декабря изъ Петербурга. „Я приѣхалъ сюда 10-го вечеромъ; 11-го готовилась торжественная встрѣча, которую я преждевременнымъ прибытіемъ думалъ отклонить. Тѣмъ не менѣе я былъ встрѣченъ у заставы флигель-адъютантомъ, который имѣлъ порученіе поздравить меня

---

¹⁾ Переводъ съ оригинала.

именемъ Государя съ прїѣздомъ, освѣдомиться о моемъ здоровьи и сопровождать къ назначенному для меня помѣщенію. Тамъ ожидали меня почетный караулъ Семеновскаго полка, нѣсколько ординарцевъ, прекрасно устроенный домъ съ прислугой, кухней и экипажемъ отъ Двора. Я хотѣлъ отпустить почетный караулъ и отблагодарить флигель-адъютанта, но онъ объявилъ, что получилъ приказаніе состоять при мнѣ все время моего пребыванія, и поѣхалъ доложить Государю о моемъ прїѣздѣ; по возвращеніи онъ передалъ самое лестное привѣтствіе отъ Императора и желаніе Его Величества, чтобы почетный караулъ остался. Утромъ 11-го я поѣхалъ къ Государю и убѣжденъ, что никогда еще Монархъ не принималъ своего полководца съ большею сердечностью. Онъ самъ повелъ меня къ Императрицѣ-матери, и тамъ произошла сцена, которая останется мнѣ незабвенною. Послѣ неисчерпаемой хвалы, онъ нѣсколько разъ называлъ меня своимъ вѣрнымъ помощникомъ, безъ котораго не былъ бы въ состояніи совершить то, что съ помощью Провидѣнія имъ достигнуто. Онъ говорилъ также о самоотверженіи и твердости, съ которыми я перенесъ всѣ испытанныя непріятности, и затѣмъ обнялъ меня въ присутствіи матери, которая такъ была растрогана, что два раза меня поцѣловала и потомъ со слезами обняла сына, восклицая: „мой Александръ“. Эта сцена произошла въ присутствіи графини Ливенъ и Вел. Кн. Анны. При возвращеніи домой я нашелъ улицу столь переполненной экипажами, что едва могъ доѣхать; причиною тому было приказаніе Государя, чтобы всѣ генералы, штабъ- и оберъ-офицеры представились мнѣ по случаю прїѣзда; гр. Аракчеевъ былъ также между ними. Въ этотъ день былъ обѣдъ у Государя; 12-го былъ выходъ во дворцъ, а вечеромъ блестящій балъ. 13-го былъ праздникъ л.-гв. Литовскаго полка; за обѣдомъ Императоръ вспомнилъ, что это день моего рожденія, и провозгласилъ тостъ за мое здоровье“ ¹⁾. Торжества, продолжавшіяся еще нѣкоторое время, закончились 25-го декабря благодарственною службою по случаю счастливаго окончанія войны.

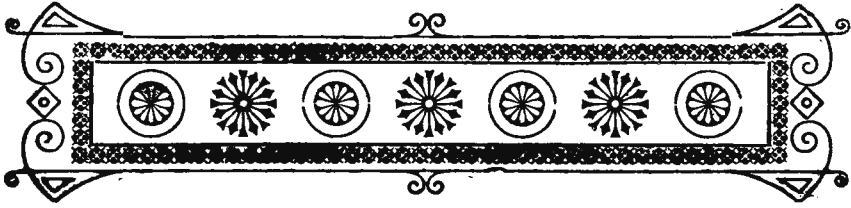
Весною 1818 года крайнее разстройство здоровья вынудило Барклая поѣхать въ Германію для употребленія минеральныхъ водъ; но на дорогѣ, близъ Инстербурга, онъ долженъ былъ остановиться, и его осторожно перевезли въ ближайшую дачу, отысканную адъютантомъ и врачомъ. Подъ утро, 14 (26) мая, онъ тамъ скончался на 57-мъ году своей славной жизни. Бренныя останки его

¹⁾ Письмо кн. Барклая-де-Толли къ женѣ отъ 14-го декабря 1815 года.

погребены въ имѣніи Бекгофъ, гдѣ княгиня воздвигла надъ его могилой прекрасный памятникъ. Затѣмъ еще воздвигнуты Барклаю памятники: у Инстербурга на мѣстѣ его кончины; въ Петербургѣ передъ Казанскимъ соборомъ; въ Дерптѣ на городской площади; въ Ригѣ, гдѣ онъ недавно освященъ. Къ числу такихъ памятниковъ можно также отнести художественное произведеніе нашего великаго поэта Пушкина, уже въ 1835 году столь вѣрно изобразившаго Барклая-де-Толли въ своемъ превосходномъ стихотвореніи „Полководецъ“.

Ф. В—нъ.

Андрей Денисьевич Винюсъ.

(Историческіе матеріалы, собранные Евгеніемъ Вильчинскимъ)¹⁾.

1865 г. (Окончаніе).

жалованная грамота Голландцу Филимону Акемъ съ племянниками, на желѣзные заводы въ Малоюрославскомъ и Оболенскомъ уѣздахъ.

... въ прошлыхъ годѣхъ, по указу отца нашего, блаженныя памяти великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи, и по жалованной грамотѣ были Тульскіе и Коширскіе желѣзные заводы и къ нимъ дворцовая Соломенская волость со крестьяны и со всѣми угоды, за иноземцы, за Андреемъ Винюсомъ, да за Петромъ Марселисомъ²⁾.

1665 г.

Жалованная грамота Голландцу Филимону Акемъ съ племянниками, на желѣзные заводы въ Малоюрославскомъ и Оболенскихъ уѣздахъ.

... въ прошлыхъ де годѣхъ, по указу блаженныя памяти отца нашего, великаго государя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи, и по жалованной грамотѣ заводили желѣзные заводы иноземцы Андрей Винюсъ да Елисей Вилькенсъ и тѣхъ де своихъ желѣзныхъ заводовъ въ совершенье не привели³⁾.

1668 г.

И иноземець Петръ Марселисъ подалъ въ Посольскомъ Приказѣ сказку за своею рукою, а въ сказкѣ его написано: со 141 году по

¹⁾ См. „Русская Старина“, 1912 г. ноябрь.

²⁾ Приб. къ Акт. Ист. т. V. с. 55.

³⁾ Приб. къ Акт. Ист. т. V с. 56.

175 годъ Соломенскою волостью и желѣзными заводы владѣли въ иныхъ годѣхъ иноземець Андрей Виніюсъ, а въ иныхъ годѣхъ была та Соломенская волость въ дворцовыхъ селѣхъ за великимъ государемъ ¹⁾).

1672 г.

Портретъ Андрея Денисова Виніуса, находящійся въ Московскомъ Историческомъ музеѣ и Оружейной Палатѣ въ числѣ 20 портретовъ русскихъ царей и патриарховъ внутри богатыхъ орнаментальныхъ рамокъ, сочиненныхъ старинными русскими граверами-серебрянниками, изъ знаменитой громадной рукописи съ картинами, называемой „Корень російскихъ государей“, и исполненныхъ, по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, въ 1672 году. Въ числѣ ихъ: драгоценный портретъ Андрея Денисовича Виніуса, основателя Тульскихъ заводовъ, при царѣ Алекс. Михайлов. работы Вишера, по словамъ Дм. Ал. Ровинскаго, это рѣдчайшій и вмѣстѣ съ тѣмъ самый цѣнный красивый листъ въ собраніи руск. портретовъ“ ²⁾).

Портретъ Виніуса рѣдчайшій и вмѣстѣ съ тѣмъ самый красивый и самый цѣнный листъ въ собраніи русскихъ портретовъ. Виніусъ представленъ на немъ со всѣми атрибутами своего производства: по стѣнкѣ развѣшены латы и сабли, карабины и пистолеты, отъ которыхъ самый портретъ получилъ между любителями названіе „l'homme aux pistolets“; съ обѣихъ сторонъ его боченки съ монетой (?) и съ надписями, на правомъ: 1000 ₪, а на лѣвомъ: Л^о—2500; на этомъ послѣднемъ кусокъ руды съ помѣтой „1660 II Ш“. На пьедесталѣ имя гравера Corn Visscher Delinea et sculp. Виніусъ представленъ сидящимъ на стулѣ; по колѣна, ³/₄ влѣво, лѣвой рукой онъ облокотился на столъ, на которомъ лежитъ грамата за царскою печатью; въ этой же рукѣ онъ держитъ другую грамату, въ которой читается: Лѣта 7160 Мани 6 Государь Царь великій Князь Алексѣй Михайловичъ... указалъ. Внизу, подъ портретомъ, отпечатана, посредствомъ особой дощечки, слѣдующая подпись славянскою вязью: его црского величества російского гдрства комисариус московской гость андрѣи денисов снѣ виниус d. h andreas deonyszoon winius zyne Zaerse Majesteits van Ruslants commisarius, en Mosk Oldesman и вирши въ два столбца, соч. Вонделемъ; 10 строкъ ³⁾).

¹⁾ Доп. къ Акт. Ист. V, с. 398.

²⁾ „Рус. Старина“ 1892 III, с. 798.

³⁾ Ровинскій, Полн. Слов. Рус. Грав. Портр., стр. 433.

Среди принимавшихъ православіе находились иноземцы ново-выѣзжіе и родившіеся въ Россіи, католики, лютераны реформаты и др. протестанты...

Изъ другихъ вспомнимъ хотя семью Виніусовъ ¹⁾.

Голландскіе трактаты, портф. I, № 2: „Копія съ жалованной грамоты, данной голландскому гостю Андрею Денисову сыну Виніусу о свободной ему торговлѣ во всѣхъ російскихъ городахъ“ ²⁾.

Портретъ Андрея Денисовича Виніуса извѣстенъ въ 4-хъ разныхъ отпечаткахъ: 1-е отпеч. пробные, не совсѣмъ конченныя; русская надпись на бумагѣ, которую Виніусъ держитъ въ рукѣ, еще не вырѣзана; подпись мастера на стѣнѣ есть, но не поставлено цифръ: Л^о 2.500 на боченкѣ слѣва; и 1.660 фл —на кускѣ руды, лежащей на боченкѣ. II-е отпечатки съ тѣми же замѣтками но съ цифрою 2.500 на боченкѣ слѣва (въ собр. Дидо); въ III отпечаткахъ кромѣ того поставлены остальные цифры. Во всѣхъ этихъ трехъ отпечаткахъ ни подписи, ни стиховъ, отпечатанныхъ особою дощечкою, внизу нѣтъ; эта подпись прибавлена въ IV-хъ. Цѣнность этого рѣдкаго листа весьма значительна; I-хъ отпечатковъ не встрѣчается вовсе; за экземпляръ Парижской бібліотеки заплачено, въ 1815 году, 600 франковъ; на аукціонѣ Верстолька, такой же пошелъ за 300 гульденовъ (въ 1847 году). Экземпляръ II-го отпечатка проданъ на аукціонѣ Дидо, въ 1877 году, за 1.300 фр. Для насъ, русскихъ, интереснѣе всего экземпляры въ IV отпечаткѣ съ русскою подписью вязью; такіе экземпляры находятся въ Россіи въ Эрмитажѣ въ моемъ собраніи (купленъ въ 1882 г. за 500 руб.), у гр. Д. И. Толстого (купленъ въ 1883 году за 500 р.) такой же экземпляръ въ собраніи Власова, купленный имъ въ 1820 году за 100 руб. (Каталогъ Власова № 839). Выш. 11. 8 (съ прибавочной дощечкой: 15. 11); шир. 9. 6 ³⁾.

Геліография, исполненная по способу г. Скамони, съ ретушами П. К. Константинова, помѣщена въ моихъ „Матеріалахъ для Русской Иконографіи“ № 81; она передаетъ этотъ драгоценный листъ въ совершенствѣ, и приводила въ смятеніе любителей на Вѣнской и Амстердамской выставкахъ. Выш. 11. 5 (съ прибавоч. дощечк. 15. 5); шир. 9. 3 ⁴⁾.

Изъ листовъ иностранной работы: портретъ Виніуса, работы Корнелія Вишера,—самый художественный листъ русскаго собра-

¹⁾ Цвѣтаевъ Д. Обрусѣн. Западно-европ. ст. 15—17.

²⁾ Цвѣтаевъ. Прот. и прот. въ Рос. ст. 395.

³⁾ Ровинскій. Полн. Слов. Рус. Грав. Портр., стр. 433.

⁴⁾ Ровинскій. Полн. Слов. Рус. Грав. Портр., стр. 433.

нія и изъ самыхъ цѣнныхъ. Для насъ имѣютъ значеніе отпечатки 4-го вида, въ которыхъ внизу отпечатана русская подпись вязью, посредствомъ особой дощечки. Экземпляръ 1-го отпечатка купленъ для Парижской библіотеки, въ 1815 году, за 600 франковъ; въ 1841 году такой же пошелъ на аукціонъ Верстоляка за 300 гульденовъ. Экземпляръ 3-го отпечатка проданъ на аукціонъ Дидо за 1.300 франковъ. Экземпляры 4-го вида съ русскою подписью находятся: въ Эрмитажѣ, у г. Шайкевича (изъ собранія Лихачева; заплачено Власовымъ въ 1820 году 1.000 руб. асс.), у меня изъ собранія Похвиснева и у гр. Д. И. Толстого,—за оба послѣдніе заплачено по 500 руб. ¹⁾.

Чрезвычайно рѣдки портреты, дѣланные за границей по заказу русскихъ людей, въ XVII вѣкѣ: оригинальныя доски были высланы, по всей вѣроятности, съ небольшимъ количествомъ отпечатковъ въ Москву и здѣсь затеряны,—этимъ только и можно объяснить необыкновенную рѣдкость портретовъ Виніуса, П. И. Потемкина, работы Вайта и Блотлинга ²⁾.

Драгулинъ не могъ, напримѣръ, отличить копіи съ ХубраKENOVA Петра, а на послѣдней Амстердамской выставкѣ копія Вишеровскаго Виніуса привела, по словамъ Схельтемы (Мюллера), въ смущеніе всѣхъ собирателей ³⁾.

За царствованіе Царя Алексѣя Михайловича сохранилось два очень рѣдкихъ и цѣнныхъ портрета: Андрея Виніуса и князя Василія Васильевича Голицына. Андрей Денисовичъ Виніусъ, родомъ голландецъ рудопромышленникъ, жилъ сперва въ Москвѣ и, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, торговалъ хлѣбомъ; затѣмъ онъ съ царскаго разрѣшенія, устроилъ чугунно-плавильный заводъ (первый въ Россіи) въ 15 верстахъ отъ Тулы (Городищенскій); съ тѣхъ поръ Россія перестала покупать желѣзо изъ Швеции. Портретъ Виніуса, работы знаменитаго Корнелія Вишера, чрезвычайно рѣдокъ,—въ настоящее время его нельзя купить дешевле 600—700 руб. ⁴⁾.

1696 г.

Виніусъ, Андрей Денисовичъ (Winius) родомъ голландецъ, рудопромышленникъ; жилъ въ Москвѣ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, и вмѣстѣ съ братомъ своимъ торговалъ хлѣбомъ. Впослѣдствіи Виніусъ получилъ разрѣшеніе устроить (первый въ Рос-

¹⁾ Ровинскій. Подр. Слов. Рус. Грав. Порт., стр. 578 прил.

²⁾ Ровинскій. Подр. Слов. Рус. Грав. Порт., стр. 569 прил.

³⁾ Ровинскій. Подр. Слов. Рус. Грав. Портр., стр. 572 прил.

⁴⁾ Ровинскій. Подр. Слов. Рус. Грав. Порт., стр. 440 пр

сіи) чугунно-плавильный заводъ, на 10 лѣтъ, съ заимообразною помощью отъ казны по 3.000 руб. въ годъ. Заводъ этотъ устроенъ имъ въ 15 верстахъ отъ Тулы и названъ Городищенскимъ; съ тѣхъ поръ Россія перестала покупать желѣзо изъ Швеціи. Надо предполагать, что Виніусъ умеръ около 1696 года, такъ какъ съ этого года сынъ его Андрей Андреевъ Виніусъ сдѣланъ думнымъ дьякомъ Сибирскаго Приказа и назначенъ завѣдывать желѣзнымъ дѣломъ въ Россіи ¹⁾.

Виніусъ Андрей Денисьевичъ, сынъ Дениса Теркнеса, родомъ изъ Амстердама, прибылъ изъ Голландіи по торговымъ хлѣбнымъ дѣламъ въ Архангельскъ, и въ 1632 году подалъ вмѣстѣ съ братомъ Абрамомъ и купцомъ Вилькенсономъ царю Михаилу челобитную, чтобъ имъ дозволено было гдѣ-нибудь между Тулой и Серпуховомъ выдѣлывать разныя вещи изъ чугуна и изъ него желѣзо по иностранному способу. До того времени желѣзо выдѣлывалось изъ глыбовой руды ручнымъ способомъ и то не во многихъ мѣстахъ, такъ что въ большинствѣ случаевъ желѣзо выписывалось изъ Швеціи. Грамота вскорѣ была дана съ разрѣшеніемъ построить „мельничныя заводы для дѣланія изъ желѣзной руды чугуна и желѣза, дляковки досокъ и прутьевъ“. Въ 1636 году первое желѣзо съ „мельничныхъ заводовъ“ В. поступило въ Пушкарскій Приказъ. Имя В. связано главнымъ образомъ съ 4 устроенными имъ Городищенскими заводами, такъ называемыми по близлежащему мѣсту древняго городища. Мѣсто это находится въ 13 верст. отъ Тулы при излучинѣ рѣки Бол. Тулицы. Заводами управлялъ В. до 1650 г. Съ 1644 г. къ нему присоединились въ товарищество—Филимонъ Агема изъ Голландіи и Петръ Марселисъ изъ Гамбурга, но вскорѣ поссорились съ В.; споры сотоварищей окончились тѣмъ, что Городищенскіе заводы были взяты въ казну, а соперникамъ В. въ 1648 году предоставлено было право возвести желѣзные заводы на р. Скнигѣ, впадающей въ Оку. На В. указываютъ, какъ на перваго иностранца въ Москвѣ, имѣвшаго вліяніе на государственныя дѣла въ качествѣ человѣка близкаго Морозову, что, должно быть, отразилось и на судьбѣ В. и его заводахъ послѣ паденія Морозова. Гдѣ и когда скончался Виніусъ, неизвѣстно ²⁾.

Виніусъ, Агема и Марселиусъ выписывали съ большими издержками изъ разныхъ земель до шестисотъ человѣкъ литейщи-

1) Ровинскій. Подр. Слов. Рус. Грав. Порт., стр. 433.

2) Бол. Энцикл. т. V, с. 70.

ковъ, молотоваго и ружейнаго дѣла мастеровъ, у которыхъ русскіе обучались симъ разнымъ искусствамъ ¹⁾.

При царѣ Алексѣѣ, Городищенскіе заводы Виніуса, за истеченіемъ срока привилегіи учредителя были взяты въ казну, отданы на 20 лѣтъ голландцамъ Марселіусу и Акемѣ подъ вѣдѣніемъ Пушкарскаго Приказа ²⁾.

Григорій Микитниковъ и Надѣя Свѣтѣшниковъ; оба они принадлежатъ къ числу именитыхъ гостей, или придворныхъ торговцевъ. Они заявили, что Е. Вел-во и патріархъ поручили имъ передать мнѣ, что они, не имѣя возможности предугадать, каковъ будетъ слѣдующій урожай и цѣны, затрудняются заключить со мною договоръ на три года, тѣмъ болѣе, что требуемое количество весьма велико. Поэтому они согласились отпустить только одинъ разъ изъ этого количества всего 100.000 четвертей, или 5.000 ластовъ, и то по той цѣнѣ, по которой купилъ Андрей Діонисъ (Виніусъ) ³⁾.

Въ то же время мы освѣдомились о состояніи хлѣбнаго рынка и узнали, что Карлъ де Молинъ и его компанія желаютъ купить у царя 80.000 четвертей хлѣба и предлагаютъ за это мѣди 80.000 рейхсталеровъ, по 4 рубля за пудъ, и 80.000 рейхсталеровъ деньгами. 10 числа нѣкій Андрей Діонисъ (т. е. нидерландецъ Андрей Денисовичъ Виніусъ) купилъ 100.000 или 12.000 четвертей по 14 гривенъ, т. е. по два и три четверти рейхсталера за московскую четверть; 19 или 20 такихъ четвертей составляютъ ластъ. Всѣ удивляются этой высокой цѣнѣ и, какъ мы писали в. выс-вамъ, надо опасаться, что въ виду этого едва-ли можно будетъ покупать въ Россіи хлѣбъ дешевле и теперь на русскомъ рынкѣ будутъ держаться прежнія высокія цѣны ⁴⁾.

Андрей Виніусъ, обратившійся потомъ въ православіе и сдѣлавшійся первымъ учредителемъ у насъ почты, указывалъ на него, какъ этотъ Марселіусъ „лаялъ и безчестилъ его за желаніе креститься ⁵⁾“.

Въ „Горномъ Журналѣ или Собраніи Свѣдѣній о Горномъ и Соляномъ Дѣлѣ“ 1828 г., стр. 124, помѣщены выдержки изъ сочин. Гамеля о Андр. Денисов. Виніусѣ: 1632, 1639, 1643, 1644, 1648 гг. ⁶⁾.

Основатели заводовъ, особенно если издѣлія ихъ должны были доставляться первоначально въ казну и на государя, жаловались

¹⁾ Гамель. Опис. Тул. Оруж. Зав., ст. 27.

²⁾ Артил. Журн. 1865 г., с. 530.

³⁾ Сборн. Рус. Ист. Общ. Спб. 1902 т. 116, с. 159.

⁴⁾ Сборн. Рус. Ист. Общ. Спб. 1902 г., т. 116, с. 65.

⁵⁾ Цвѣтаевъ. Д. Обрус. Ивозем. Протест. въ Мос. Гос., с. 57.

⁶⁾ Горн. Журн. или Свѣд. о Горн. и Сол. Дѣлѣ 1828, с. 124.

помѣстями и могли приобрѣтать земли, надобныя подѣ ихъ производство. Къ Городищенскимъ заводамъ Виніуса, Марселіса и Акемы, на которыхъ выдѣлывались пушки и ядра, была приписана дворцовая Соломенская волость съ 347 крестьянами ¹⁾.

У І. Х. Гамеля находимъ мы краткое извѣстіе, что отецъ его Денисъ Теркнесъ, жилъ въ Амстердамѣ, самъ же онъ производилъ значительный торгъ хлѣбомъ (ст. 7 въ примѣч.). И какъ могъ Виніусъ проживать въ Москвѣ, когда его дѣятельность (прежде коммерческая) сосредоточивалась въ Архангельскѣ, потомъ устройство Городищенскихъ заводовъ и непрерывное производство на нихъ работъ поглощало время, въ которое онъ проживалъ Тульского уѣзда въ пустоши Торхово, или въ деревнѣ Слободкѣ. Что касается оптовой торговли хлѣбомъ, вывозимымъ голландскими купцами изъ Россіи черезъ одинъ портъ Архангельскій, то въ этомъ случаѣ мы ссылаемся на челобитную Виніуса, поданную царю Михаилу Феодоровичу 1631 г. ²⁾.

Въ упомянутой статьѣ сказано, что „дороговизна и трудность доставленія внушили предпримчивому Виніусу мысль завести въ Россіи первый чугуноплавильный и желѣзодѣлательный вододѣйствующіе заводы“ ³⁾.

Дороговизна—такъ, но что касается до трудности доставленія, то съ такимъ положеніемъ нельзя согласиться. Доставка тяжестей всегда и вездѣ была болѣе или менѣе затруднительной тамъ, гдѣ не имѣется водныхъ сообщеній: мы думаемъ, что одна изъ главныхъ причинъ, внушившая Виніусу мысль приняться за „доменное дѣло“ это худое качество нашего желѣза, которое выдѣлывалось въ ручныхъ горнахъ и потому не соответствовало своему назначенію. Если вѣрить Флетчеру, наше желѣзо имѣло существенный недостатокъ: оно было „очень ломко“ (Карамзинъ И. Г. Р. т. X, 253).

Въ разбираемой нами статьѣ Энциклопедическаго Лексикона еще выпущено изъ вида очень важное біографическое извѣстіе, а именно, что „Виніусъ, убѣжденный въ истинѣ нашего вѣроисповѣданія, принялъ православную религію“. Уже въ 1646 году говоритъ Гамель (Приб. стр. 9 въ прим.), онъ писалъ, что „хочетъ хреститися по-русски“. Пусть біографы Виніуса примутъ къ свѣдѣнію. Я нашелъ много бумагъ, продолжаетъ Гамель, его рукою писанныхъ на русскомъ языкѣ. „Жаль, очень жаль, что изслѣдова-

¹⁾ Цвѣтаевъ. Прот. и прот. въ Рос., ст. 271.

²⁾ „Москвитянинъ“ 1855 г. т. III, с. 153.

³⁾ „Тул. Губ. Вѣд.“ 1854 г. № 2—5, стат. Н. Андреева.

тель не сообщилъ своей находки читателю. Если онъ, какъ выражается, „извлечь изъ забвенія имя Виніуса, о которомъ до него никто не упоминалъ ни слова, то замѣтки этого умнаго иностранца въ высшей степени любопытны: грѣхъ было бы ихъ не извлечь изъ забвенія“ ¹⁾).

„Записка“ Виніуса о заслугахъ его, приложенная къ челобитной, обрисовывающая благородный его характеръ и дипломатическую дѣятельность, „записка“, на которую не удостоилъ бросить бѣглого взгляда князь Д. А. Эристовъ, доказываетъ, что Виніусъ хотя не былъ литераторомъ, но гораздо лучше писалъ по-русски своихъ современниковъ-грамотеевъ ²⁾).

У Гамеля и Языкова (Энци. Лекс., т. I, с. 348) все это рассказано совсѣмъ иначе. Акема и Марцелисъ просили Царя о дозволеніи устроить на рѣкѣ Скнигѣ желѣзные заводы, и когда Виніусъ узналъ о челобитной, то возникло между ними враждебное отношеніе. Виніусъ самъ подалъ челобитную, жалуюсь въ ней на Акема и Марцелиса, которыхъ Соломенные заводы сдѣлаютъ, писалъ онъ, подрывъ заводамъ Городищенскимъ. Правительство держало сторону Виніуса, покровительствовало ему, но это имѣло кратковременный результатъ, потому, что за Акема и Марцелиса вступился князь Черкасскій, могущественный вельможа того времени. Онъ склонилъ Царя на милость. Тогда покровительство его перешло на вышеупомянутыхъ двухъ иностранцевъ, соперниковъ Виніуса. Заводъ ихъ уволенъ отъ платежа въ казну пошлинъ, и Акема награжденъ двумя стами душъ крестьянъ. Кончилось тѣмъ, что у Виніуса взяли въ казну Городищенскіе заводы, и онъ лишился всего своего состоянія. Таковы были гибельныя послѣдствія вражды, таковъ былъ печальный конецъ Андрея Денисовича Виніуса, достойнаго лучшей участи. Неизвѣстно гдѣ и когда онъ скончался. Ему, какъ изволите видѣть, и тогда не отдавали надлежащей справедливости. Рѣдко отдають современникамъ надлежащую справедливость ³⁾).

Самъ И. Х. Гамель ничего не говоритъ о первой доменной печи; онъ рассказываетъ только о мѣстности, на которой устроены были четыре вододѣйствующие завода. „Заводскія строенія Виніуса, говоритъ онъ, расположены были при четырехъ плотинахъ, изъ коихъ самая верхняя сдѣлана была нѣсколько выше прежняго городища

¹⁾ „Москвитянинъ“ 1855 г., т. III, с. 156.

²⁾ „Москвитянинъ“ 1855 г., т. III, с. 161.

³⁾ „Москвитянинъ“ 1855 г., т. III, с. 163.

подъ экономическою деревнею Слободкою, принадлежавшею тогда Николаевскому Веневскому монастырю“¹⁾).

Заводскія строенія Виніуса расположены были на наемной землѣ, при четырехъ плотинахъ, изъ коихъ самая верхняя была сдѣлана нѣсколько выше прежняго городища, подъ экономическою деревнею Слободкою, принадлежащею тогда Николаевскому Веневскому монастырю. Вторая была четырьмя стами саженьми ниже, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ высокіе берега Тулицы весьма близко сходятся. Третья, коея виденъ еще и нынѣ остатокъ—въ 3-хъ стахъ саженьяхъ отъ второй подъ самою горою, на которой въ древнія времена стояло городище, и ниже которой соединяется съ Тулою рѣка Глядушка. Четвертая самая нижняя плотина, сдѣланная отъ третьей разстояніемъ на восемьсотъ сажень у самаго села Торхова, и нынѣ еще существуетъ. Черезъ сію плотину идетъ большая дорога изъ Тулы въ Веневъ и Зарайскъ. Всѣ заводы у сихъ плотинъ назывались вообще Городищенскими. Разстояніе оныхъ отъ города Тулы было въ двѣнадцати тогдашнихъ верстахъ²⁾).

Имена тѣмъ людямъ, которые слышали въ слухъ и въ видѣнныя, что Петръ Марселисъ да Филимонъ меня, Андрушка Виніуса, лаели..., Томоса Свана (sic), Захарей Горцень, Яковъ Яковлевъ Вандергулъсъ, Петръ Лададь, Андрей Лададь, Абрамъ Рулансъ, Юстеръ Абрамовъ сынъ Блумертъ, Ондрей Фангель, Иванъ Фалкъ, Ансъ Риббеньсъ, государевъ лѣкаръ Касперъ, Иванъ Ивановъ сынъ Гогенсъ, Давыдъ Микулаевъ, Елисей Филимоновъ. „Дѣло по челобитьямъ Андрея Виніуса“³⁾).

Нахожденіе желѣзной руды въ раіонѣ Тулы и Калуги облегчило открытіе тамъ извѣстной намъ группы вододѣйствующихъ желѣзныхъ заводовъ Виніуса, Марселиса и Акемы. Кромѣ основанныхъ Виніусомъ Городищенскихъ заводовъ, въ пятидесятихъ годахъ XVII столѣтія возникли тамъ заводы Каширскіе (нын. Тульск. губерніи), и заводы Протовскій и Угодскій (Калужск. губерніи); на содержаніе всѣхъ ихъ были отведены большія дворцовыя волости. Послѣ того какъ Виніусъ долженъ былъ выйти изъ компаніи и послѣ опыта казны взять и вести часть этихъ заводовъ отъ себя, Марселисъ и Акема, сдѣлавшись ихъ полными хозяевами, стали владѣть ими нераздѣльно⁴⁾).

Андрей Виніусъ, обратившійся потомъ въ православіе и сдѣ-

¹⁾ „Москвитянинъ“ 1855 г., т. III, с. 158.

²⁾ Гамель. Опис. Тул. Оруж. Зав., с. 8.

³⁾ Цвѣтаевъ. Прот. и прот. въ Рос., ст. 399.

⁴⁾ Цвѣтаевъ. Прот. и прот. въ Рос., ст. 712—713.

лавшійся первымъ учредителемъ у насъ почты, указывалъ на него, какъ этотъ „лаяль и безчестилъ“ его за желаніе креститься ¹⁾.

Біографическія справки о Виніусахъ Н. Ф. Андреева „Тульскія губ. Вѣдомости“ 1854 г., № 3, ст. 8—10, № 4, ст. 12—15, № 5, ст. 18—20.

Тоже „Москвитянинъ“ 1855 г., № 9, ст. 153—163 ²⁾.

Виніусъ первый строитель чугунныхъ и желѣзныхъ заводовъ въ Россіи и житель Тульской губ. П. Мартынова „Тул. Губ. Вѣд.“ 1872 г., № 85 ³⁾.

П р и л о ж е н і я.

„Мой товарищъ Фелтдриль“ писалъ Бурхъ изъ Москвы 18-го февраля 1631 г. бургомистрамъ Амстердама, „взялъ этого Дениса (т. е. Виніуса) съ собой изъ Архангельска (въ Москву), и оба они постоянно совѣщались, такъ что является подозрѣніе, что Фелтдриль болѣе интересовался этою покункою, чѣмъ подобаетъ человѣку, посланному сюда не для того, чтобы содѣйствовать повышенію хлѣбныхъ цѣнъ, но для того, чтобы отечество могло совершить свои покупки по дешевой цѣнѣ. Торговля икрой уже показала, что весьма трудно достигнуть пониженія цѣнъ, разъ онѣ повысились. Я говорилъ весьма серьезно съ моимъ товарищемъ по этому поводу, но ничего не могъ добиться“ (Общинный Архивъ въ Амстердамѣ). Виніусъ, впрочемъ, не даромъ платилъ такъ дорого: когда онъ сторговалъ свою партію хлѣба, у него не было жалованной грамоты, а въ челобитной о таковой, поданной, вѣроятно, въ январѣ 1631 г., онъ говоритъ, что его „братья иноземцы торговали государева хлѣба малою ценою“, онъ же служилъ Государю „верою и правдою, и государевы хлебные запасы купилъ большою прямою ценою безъ хитрости и безъ корысти и государевой казне многую прибыль учинилъ“. (М. Гл. Арх. М. И. Д. Дѣла Голландскія, 1631 г. № 1). Виніусъ игралъ впоследствии извѣстную роль въ Москвѣ, крестился со своей семьей и былъ записанъ въ Московскіе дворяне. См. Д. Цвѣтаевъ, Протест. стр. 394—403 ⁴⁾.

Московское правительство, дѣйствительно, еще осенью того же года и въ началѣ 1631 г. разрѣшило разнымъ иноземцамъ, а въ томъ числѣ, какъ мы сейчасъ видѣли, и нидерландцамъ купить хлѣба изъ царской казны. Это подтверждается и челобитной нидер-

¹⁾ „Рус. Вѣстн.“ 1866 г. XI, ст. 638.

²⁾ Межовъ. Біогр. Сиб. II, ст. 116.

³⁾ Межовъ. Біогр. Сиб. II, ст. 116.

⁴⁾ Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ. Спб. 1902 г. т. СХVI, ст. 259.

ландца Андрея Денисова Виніуса о выдачѣ ему жалованной грамоты, уваженной 26-го января 1631 г. Виніусъ здѣсь говоритъ: „Въ нынешнемъ, Государь, во 139-мъ г. (т. е. послѣ 1-го сентября 1630 г.), по твоему Государеву указу велѣно намъ иноземцемъ продавать изъ твоей Государевы казны твои Государевы запасы всякие хлѣбные“ (М. Гл. Арх. М. И. Д. Дѣла Голландскія, 1631 г. № 1¹).

1631 г. 27 января. Проѣзжая грамота, данная Андрею Денисову Виніусу для поѣздки изъ Москвы въ Нидерланды.

Царю Государю і великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи бьетъ челомъ галанецъ Ондрюшка Денисовъ; сторговался, Государь, я ис твоего Государева хлѣба хлѣбныхъ запасовъ сто тысячъ четі болшою ценою, и ныне я для того ѣду за море нынешнимъ зимнимъ путемъ. Милосердый Государь Царь і великий князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи, пожалуй меня, вели, Государь, мнѣ отъ Москвы до Новгорода дать подводы, противъ моей братьи Карпа Демулина и ево товарищей. Царь Государь, смилуйся, пожалуй.

Государь пожаловалъ, велелъ ему дать подводы противъ Карпа Демулина за его службу.

Лѣта 7139 генваря въ 27 день, по Государеву Цареву і Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи указу, память боярину князю Борису Лыкову да дьякомъ Ѳедору Опраксину да Петру Кошнину, велѣти имъ дати Галанскіе земли гостю Ондрѣю Денисову отъ Москвы до Твери и до Торжку и до великаго Новгорода, подводы, противъ Галанскаго жъ гостя Карпа Демулина, по сколку подводъ давано въ прошлыхъ годѣхъ Карпу Демулину.

Царю Государю і Великому Князю Михаилу Ѳедоровичю всеа Русіи бьетъ челомъ иноземецъ Галанской земли торговой человѣкъ Ондрюшка Денисовъ. По твоему Государеву указу купилъ я ис твоей Государевой казны твоего Государева хлѣба сто тысячъ четвертей ржи, і въ томъ тебѣ Государю многую прибыль учинилъ. И нынѣ, Государь, мнѣ ѣхать за море для того чтобъ мнѣ припасти подъ тотъ купленный хлѣбъ карабли и за тотъ хлѣбъ еемки. Милосердый Государь царь і великий князь Михайло Ѳедоровичъ всеа Русіи, пожалуй, Государь меня за мое службишка, вели дать мнѣ свою Государеву проѣзжею грамоту до Галанской земли, чтобъ меня для твоей государевой милости пропущали вездѣ неиздержавъ, чтобъ твоему Государеву дѣлу въ какомъ гдѣ задержанія поруха не учинилася. Царь Государь, смилуйся, пожалуй.

---

¹) Сборн. Рус. Ист. Общ. Спб. 1902 г. СХVІ, ст. 257.

На оборотѣ помѣта: И Государь, пожаловалъ, велелъ ему дать проѣзжую грамоту.

Отъ царя і Великого Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи, отъ Москвы по городамъ до Твери и до Торжку и до Великого Новгорода бояромъ нашимъ і воеводамъ и дьякомъ і всякимъ нашимъ приказнымъ людемъ. Билъ намъ челомъ Галанские земли гость Ондрѣй Денисовъ, а сказалъ: приѣзжалъ де онъ въ наше государство для хлѣбные покупки и купилъ де онъ изъ наше казны нашего хлѣба сто тысячъ четі. И ныне де онъ хочеть ѣхать за море въ свою землю черезъ Свѣйскую землю нынешнимъ зимнимъ путемъ для того, чтобъ ему изготovitъ подъ тотъ купленной хлѣбъ карабли и за тотъ хлѣбъ еѳимки, и намъ бы ево пожаловати, велѣти ему дати нашу проѣзжую грамоту, чтобъ ево по городомъ пропускали безъ задержанья. И по нашему указу Галанской гость Ондрѣй Денисовъ съ Москвы отпущень, и какъ онъ въ которой городъ приѣдетъ, и вы бѣ воеводы діаки і всякие наши приказные люди, велѣли ево пропускать вездѣ безъ всякого задержанья и заѣпки; а будетъ онъ повезеть съ собою какие товары, и съ того товару и съ него и съ людей ево, хто съ нимъ людей ево будетъ, велѣти имати наши пошлины по нашему указу и по уставнымъ грамотамъ. А какъ онъ приѣдетъ въ Великіи Новгородъ, и боярину нашему і воеводамъ князю Юрью Яншеевичу Сулешеву съ товарищи изъ Новгорода велѣти ево отпустить за рубежъ на Свѣйскую землю, на которые мѣста пригожь, а съ нимъ отпустить людей ево заморскихъ нѣмецъ, а русскихъ людей и московскихъ нѣмецъ и никакихъ иноземцовъ съ нимъ за рубежъ не отпускать, и ся наша проѣзжая грамота у него взять назадъ. Писанъ на Москвѣ, лѣта 7139-го, генваря въ 27 день. (М. Гл. Арх. М. И. Д. ¹⁾).

1631 г. 26-го января. Жалованная грамота, данная нидерландскому торговцу Андрею Денисову Виніусу.

Царю государю і Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу всеа Русіи бьетъ челомъ иноземецъ Галанской земли, торговый человекъ Ондрюшка Денисовъ.

Въ нынѣшнемъ, во 139-мъ году, по твоему Государеву указу, велѣно намъ иноземцемъ продавать изъ твоей Государевой казны запасы всякие хлѣбные и наша братья иноземцы торговали твоею Государева хлѣба малою ценою, а я, Государь, тебѣ Государю служилъ верою и правдою и твои Государевы хлебные запасы купилъ большою прямою ценою безъ хитрости и безъ корысти и твоей

¹⁾ Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ. Спб. 1902 т. СХVI, ст. 347.

Государеве казне многую прибыль учинилъ, да и впредь радъ тебе, Государю, служить прямою своею душею. Милосердый Государь Царь и Великій Князь Михайло Феодоровичъ всеа Русіи, пожалуй Государь меня, вели мне дать за мое службишка къ тебе, Государю, такую жъ свою Государеву жалованную грамоту, какъ даны нашей братье Карпу Демулину и Ондрею еанъ Дрыгину, Царь Государь, смилуйся, пожалуй.

На оборотъ челобитной помѣта: И Государь пожаловаль, велѣль выписавъ, доложить себя, Государя, каковы грамоты даны Карпу Демулену да Ондрею еанъ Дрыгину а уговоръ о хлѣбе у боярина у князя Ивана Борисовича Черкаского съ товарищи.

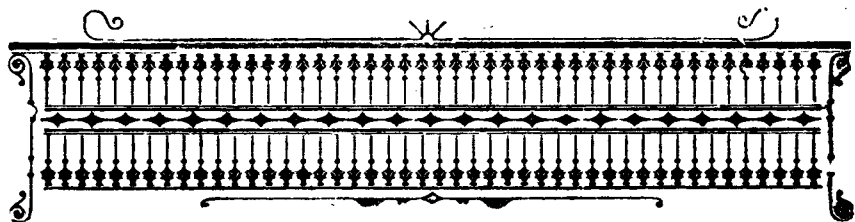
Бога въ Троице славимаго милостию, мы Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Феодоровичъ, всеа Русіи самодержецъ (титულъ), и по плотцкому рождению отецъ и пастырь и учитель и Превысочайшій Святитель Великій Государь Святѣйшій Филаретъ Никитичъ Божию милостию патриархъ Московскій и всеа Русіи, пожаловали есмя Галанскіе земли гостя Ондрѣя Денисова, велѣли ему приезжати въ наше Московское государство со всякими товары, для того, билъ онъ челомъ нашему Царскому Величеству и отцу нашему святѣйшему патриарху Филарету Никитичю Московскому і всеа Русіи, что въ нынешнемъ во 139-мъ году по нашему указу велено иноземцомъ продавати наши хлѣбные запасы, и ево де братья тѣ наши хлѣбные запасы торговали малою ценою; а онъ де служа намъ, хлѣбные запасы купилъ большою прямою ценою бес хитрости и бес корысти, и въ той де въ хлѣбной покупке учинилъ онъ намъ многую прибыль, і впередъ нашему Царскому Величеству и отцу нашему, Великому Государю, святѣйшему патриарху служити хочеть; и во всемъ прибыль чинити хочеть; и нашему бѣ Царскому Величеству и отцу нашему и Великому Государю святѣйшему патриарху его Ондрѣя пожаловати, въ наше въ Московское государство приезжати и торговати ему велѣти повольною торговлею; и наши пошлины съ него и съ товаровъ ево и съ людей, которые люди учнутъ съ нимъ приезжати, велѣти имати по нашему указу и по уставнымъ грамотамъ, какъ емлютъ и съ ыныхъ иноземцовъ съ торговыхъ иѣмецъ, і велѣтъ бѣ ему дати нашу Царскаго Величества и отца нашего, Великаго Государя святѣйшаго патриарха, жалованную грамоту таку жъ, каковы даваны ево братье Галанскимъ гостемъ, чтобъ ему въ наше въ Московское государство приезжати и торговать было поволно. И мы, Великій Государь и Царь і Великій Князь Михайло Феодоровичъ, всеа Русіи Самодержецъ, и отецъ нашъ, Великій Государь святѣйшій патриархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всеа Русіи, Галанскаго гостя

Опдрѣя Денисова пожаловали, въ наше государство х карабелной пристани къ Архангелскому городу и по Устюгъ Великоі и на Вологду і въ Ярославль і въ царствующій нашъ градъ Москву со всякими товараы приезжать и торговать поволили поволною торговлею. А наши пошлыны съ него и съ товаровъ ево и съ людей, хто съ нимъ будетъ, велели есмя имати по нашему указу і по уставнымъ грамотамъ какъ емлютъ наши пошлыны съ ыныхъ иноземцовъ; а ему Опдрѣю Денисову привозити въ наше государство всякие товары, которые къ нашей царской казнѣ пригодятца, и въ нашу казну продавати по прямой ценѣ. А какъ онъ въ нашемъ государстве исторгуетца и похочетъ самъ ѣхати или людей своихъ послати за море въ свою землю съ товаромъ или безъ товаровъ, і ему ѣхати въ свою землю поволно безовсякого задержанья и зацѣпки съ проѣзжими грамотами, сказавъ о томъ въ посолскомъ приказе діакомъ нашимъ, и проѣзжие грамоты имати іс посолского приказу; а ыныхъ никоторыхъ государствъ иноземцовъ съ собою за свои люди ему не имати. А питье заморское велѣли есмя ему продавати и на товары нашимъ людямъ меняти мѣстнымъ дѣломъ бочками, а врознь ему питья въ вѣдра і въ стопы не продавати, а для своего житья про себя и про гостей питье держати ему поволили есмя. А кому до него или до людей его въ торговле і въ ыныхъ въ какихъ дѣлехъ, прилучитца какое дѣло, і въ тѣхъ дѣлехъ по нашему указу судять ево на Москвѣ посолские наши діаки; а по городамъ наши воеводы и приказные люди продажъ ему не чинять никакихъ і во всемъ ево для иноземства оберегаютъ по нашему указу; и сеѣ наши государские жалованные грамоты боярамъ нашимъ і воеводамъ і діакомъ і всякимъ нашимъ приказнымъ людямъ во всемъ слушати и не рудити ни въ чемъ. Дана ся наша государская жалованная грамота въ государства нашего дворѣ, въ царствующемъ граде Москвѣ, лѣта отъ созданія миру 7139-го, мѣсяца генваря 26-го дня (М. Гл. Арх. М. И. Д.) ¹⁾.

Е. Вильчинскій.

¹⁾ Сбор. Рус. Ист. Общ. т. 116 с. ССXLIV.

Изъ воспоминаній стараго врача А. А. Синицына¹⁾.

Г л а в а III.

Служба въ Ладожскомъ пѣхотномъ полку.

о окончаніи курса я былъ назначенъ баталіоннымъ врачомъ въ Ладожскій пѣхотный полкъ.

При назначеніи на мѣсто съ нами сыграли маленькую комедію. Президентъ Академіи Пеликанъ, бывшій въ то время директоромъ медицинскаго департамента, объяснилъ намъ, что онъ пришлетъ списокъ вакантныхъ мѣстъ, по которому мы сами можемъ выбрать себѣ любое изъ нихъ. Дѣйствительно, въ одинъ прекрасный вечеръ явился въ академію секретарь департамента, д-ръ Круберъ, со спискомъ, и насъ пригласили въ академическую столовую.

При этомъ Круберъ объявилъ намъ, что уроженцы Западнаго края, римско-католическаго вѣроисповѣданія, не могутъ служить въ войскахъ, расположенныхъ въ царствѣ Польскомъ, въ Литвѣ и въ губерніяхъ: Кіевской, Волынской и Подольской, а только въ Россіи и на Кавказѣ; русскимъ же предоставляется служить, гдѣ угодно. Всѣхъ свободныхъ вакансій было 420, и всего больше на западной границѣ, такъ что, волей-неволей, мы должны были взять мѣста въ войскахъ, тамъ расположенныхъ, а католики—въ Крыму и на Кавказѣ. Это было первое ограниченіе свободнаго выбора, какъ будто оправдываемое политическими соображеніями, но были и другія ограниченія, по причинамъ, повидимому, не имѣвшимъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1912 г.

никакого отношенія къ политикѣ. Напр., въ списокѣ стояло вакантное мѣсто младшаго врача въ Варшавскомъ артиллерійскомъ дѣловомъ дворѣ. Я всегда стремился на западъ, и жизнь въ Варшавѣ мнѣ очень улыбалась въ виду удобствъ для дальнѣйшаго образованія.

Я было записался на это мѣсто, но Круберъ, увидавъ это, посмотрѣлъ на меня съ усмѣшкой и сказалъ: „Это мѣсто не для васъ; вотъ послужите лѣтъ 5—6 въ какомъ-нибудь полку, накопите сотенокъ 5 денегъ, приѣзжайте въ Петербургъ, и тогда, быть можетъ, мы дадимъ его вамъ“. Признаюсь, я не вдругъ понялъ смыслъ этихъ словъ; значеніе ихъ пояснилъ мнѣ на другой день одинъ изъ старыхъ врачей. „Очень ты юнъ, коллега“, сказалъ онъ мнѣ, — „нужно послужить и дать имъ взятку, тогда и получишь это мѣсто“. Впослѣдствіи я узналъ, что мѣсто это получилъ племянникъ митрополита Филарета изъ Московскаго университета. Значить—или взятка, или протекція.

А такъ какъ всѣ остальные мѣста были для меня безразличны, то я и выбралъ себѣ наугадъ Ладожскій пѣхотный полкъ, состоявшій въ 4-й дивизіи. Можно было, пожалуй, взять мѣсто на Кавказѣ и даже это было бы очень выгодно въ денежномъ отношеніи, такъ какъ ѣдущимъ туда, сверхъ двойныхъ прогоновъ, выдавалось около 500 руб. подъемныхъ денегъ, но востокъ и Азія меня всегда какъ-то пугали. Меня всегда тянуло на Западъ, поближе къ Европѣ.

Приѣхавъ въ Варшаву, я узналъ, что полкъ уже выступилъ въ походъ въ Крымъ, и догналъ его въ Краснаставѣ, хорошенькомъ городкѣ Люблинской губ., и съ этого времени начался для меня новый періодъ жизни: я дѣлался дѣйствительнымъ и дѣятельнымъ членомъ общества, которому и служилъ потомъ, пока былъ въ силахъ. Вступивъ въ новый, незнакомый мнѣ, военный міръ, я, конечно, невольно прежде всего занялся его изученіемъ. Въ немъ было много своеобразнаго, пожалуй, дикаго, но были и хорошія стороны, какъ во всякомъ человѣческомъ обществѣ. Офицеровъ въ полку было болѣе сорока человѣкъ. Степень ихъ развитія была неодинакова. Высшую степень представляли офицеры, вышедшіе изъ кадетскихъ корпусовъ. Хотя они и носили на себѣ явный отпечатокъ корпуснаго образованія и не имѣли ясныхъ и опредѣленныхъ понятій о правильныхъ гражданскихъ отношеніяхъ къ обществу и отдѣльнымъ его членамъ, считая себя представителями высшаго и господствующаго въ государствѣ сословія, интересамъ котораго должны

служить остальные, все-таки, по степени развитія, ихъ можно было сравнить съ лицами, окончившими среднее гимназическое образованіе того времени. Многіе изъ нихъ были довольно начитаны, любили русскую литературу, и даже нѣкоторые увлекались „вольнo-любивыми мечтами“ Пушкина. Въ нихъ не было полного безпрекословнаго уваженія къ установившимся воззрѣніямъ и мнѣніямъ начальства: часто они относились къ нимъ критически. Но при всемъ томъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, они стояли не выше общаго военнаго уровня. Объ этомъ я скажу потомъ.

Нѣсколько выше ихъ стояли 2 или 3 случайныхъ выходца изъ университета, по волѣ злой судьбы пошедшіе въ военную службу. Двое изъ нихъ долго служили солдатами на Кавказѣ, гдѣ, конечно, растеряли много хорошаго изъ того, что привилъ имъ университетъ. Конечно, они сами сознавали это, что вело ихъ къ внутреннему разладу и недовольству, которое они нерѣдко старались заглушить при помощи возліаній Бахусу.

Ниже ихъ стояли офицеры, произведенные изъ юнкеровъ, которыхъ была большая часть. У этихъ послѣднихъ не было почти никакихъ гражданскихъ идеаловъ. Они принимали всецѣло безъ всякой критики узкія понятія военной среды; многіе изъ нихъ были хорошими служаками и безпрекословными исполнителями приказаній начальства, но, не имѣя въ себѣ никакихъ нравственныхъ интересовъ, мало что читая, они свободное отъ службы время, большею частью, картежничали, часто кутили, при чемъ иногда безчинствовали или предавались мелкому разврату. Библиотекъ тогда въ полкахъ не было, а потому и не было никакихъ нравственныхъ развлеченій. Зимой, когда полкъ располагался по деревнямъ, тоска и однообразіе этой жизни, особенно при отсутствіи женскаго общества, еще болѣе усиливали всѣ эти дурныя наклонности.

Были случаи, что молодые люди прямо спивались и дѣлались запойными пьяницами. Недостаточность матеріальныхъ средствъ лишала ихъ возможности являться въ порядочное общество, тѣмъ болѣе, что сосѣдніе помѣщики, большею частью, поляки, неохотно сближались съ ними, не столько въ силу какой-либо политической или національной розни, сколько по причинѣ невѣжественности военныхъ.

Большинство офицеровъ были люди добродушные и вовсе не злые, но, подъ влияніемъ традиціонныхъ воззрѣній своей среды, они съ какимъ-то презрѣніемъ относились къ людямъ, стоявшимъ ниже ихъ въ общественномъ положеніи: безъ зазрѣнія совѣсти били солдатъ и издѣвались надъ евреями. Тѣлесное наказаніе въ войскахъ тогда еще не было упразднено, хотя традиціонная тысяча

шицирутоновъ была замѣнена негласно сотней. Розга же и ручная расправа царствовали неограниченно: солдатъ пороли на ученияхъ за каждую ошибку, пороли и дома при всякомъ его промахѣ. Одинъ баталіонный командиръ во время ученія постоянно напѣвалъ: „Кому зубъ, кому два, кому челюсть пополамъ“. Всего хуже было положеніе денщиковъ, находившихся въ полномъ безответственномъ распоряженіи офицеровъ, Били ихъ за плохо вычищенные сапоги, или сюртукъ, за неудавшуюся котлету (денщикъ въ то же время былъ и поварь), били и такъ, чтобы сорвать на нихъ досаду за какую-нибудь неудачу: за распеканцію баталіоннаго командира, или за неудачное волокитство за какой-нибудь „чернобривой“ Оксаной, или Ганкой. Все это считалось необходимой принадлежностью тогдашней военной дисциплины. Естественно, что такое постоянное, хроническое неуваженіе къ человѣческому достоинству вело къ тому, что денщики дѣлались заклятыми пьяницами или мелкими воришками. Никому не приходило въ голову, что солдата можно выучить безъ розогъ и зуботычинъ и что, при добромъ человѣчномъ отношеніи къ тѣмъ же денщикамъ, послѣдніе были бы болѣе исправны и не дѣлались ни ворами, ни пьяницами. И, странное дѣло, сами денщики до такой степени падали нравственно и теряли сознание своего человѣческаго достоинства, что уже не возмущались своимъ ужаснымъ положеніемъ, какъ будто такъ и должно быть. Мнѣ разъ пришлось прожить недѣли 2 съ однимъ офицеромъ, во многихъ отношеніяхъ очень порядочнымъ и занимавшимъ мѣсто полкового казначея. Онъ билъ своего денщика по нѣскольку разъ въ день, иногда даже безъ всякой причины, отчего этотъ несчастный пришелъ въ состояніе какого-то хроническаго отупѣнья. Я нѣсколько разъ говорилъ съ офицеромъ о всей жестокости его обращенія къ денщику и постоянно получалъ въ отвѣтъ, что съ этимъ „скотомъ“ нельзя поступать иначе. Улучивъ какъ-то удобную минуту, чтобы поговорить съ денщикомъ наединѣ, я предложилъ ему рассказать обо всемъ полковому командиру и просить о перечисленіи его куда-нибудь на другой родъ службы, но „многострадальный“ Леонъ (такъ звали денщика) отнесся къ моему предложенію съ какимъ-то ужасомъ, считая всякую жалобу на начальство чуть-ли не преступленіемъ: „на то“,—дескать, „воля барская“, а его дѣло служить. Впрочемъ, изъ его словъ я понялъ, что онъ считаетъ жалобы напрасными, такъ какъ, по его мнѣнію, на новомъ мѣстѣ ему будутъ мстить за нихъ, и онъ чуть не со слезами на глазахъ просилъ меня не говорить о немъ полковому командиру, а чтобы заглушить въ себѣ недовольство своимъ положеніемъ, по нѣскольку разъ въ день прикладывался къ водочкѣ,

которая всегда была въ изобиліи у казначея, отчего былъ въ какой-то постоянной полудремотѣ.

Положеніе строевыхъ солдатъ въ этомъ отношеніи было нѣсколько лучше, потому что они не были въ такихъ непосредственныхъ отношеніяхъ съ офицерами, какъ денщики.

Кормили солдатъ очень неважно: зимой во время стоянки по деревнямъ они ѣли съ хозяевами, за что должны были отдавать послѣднимъ свой хлѣбный паекъ, который, впрочемъ, не доходилъ цѣлостью до самого солдата: около половины его оставалось въ рукахъ ротнаго командира и фельдфебеля. Лѣтомъ, во время учебныхъ сборовъ, ихъ кормили изъ общаго котла, но пища эта не всегда была удовлетворительна, такъ какъ часть приварочныхъ денегъ тоже шла въ экономію ротнаго командира.

Лѣтомъ, во время сборовъ, солдатъ обучали фронтовой выправкѣ, состоявшей, главнымъ образомъ, въ искусствѣ ходить при маршировкѣ не по-человѣчески, а какъ-то, вытѣсивъ неестественнымъ образомъ носокъ ноги, все же тѣло приводя въ такое положеніе, какъ будто съвозъ него сверху до низу продѣта палка; учили какимъ-то построеніямъ, а на самое главное—на стрѣльбу обращали очень мало вниманія, да и ружья были плохія, передѣланныя изъ старыхъ,—кремневыхъ. Зимой, на широкихъ квартирахъ, не учили почти ничему. Изрѣдка кто-нибудь изъ ротныхъ командировъ выучить чел. 10 изъ своей роты грамотѣ, т. е. умѣнію читать и писать. Ни о какомъ умственномъ развитіи солдатъ не думали, внушая имъ одно только правило безпрекословнаго, безсознательнаго повиновенія начальству.

И съ такими-то, плохо выученными и плохо вооруженными, солдатами мы стояли въ Крымскую войну противъ Европейской коалиціи.

На образованіе и развитіе офицеровъ также не обращалось никакого вниманія, но, при всей своей малоразвитости, они считали себя выше другихъ сословій. Съ презрѣніемъ смотрѣли они на чиновничество и вообще на штатскихъ, не говоря уже о крестьянахъ. Побить мужика, мелкаго торговца и даже мелкаго чиновника считалось тогда молодечествомъ; всякая же попытка со стороны обиженныхъ дать въ подобныхъ случаяхъ отпоръ офицерамъ считалась оскорбленіемъ чести мундира, и начальство почти всегда принимало сторону офицеровъ. Всего отвратительнѣе было отношеніе офицерства къ евреямъ, которыми такъ переполненъ Западный край: всякое издѣвательство надъ несчастнымъ „жидомъ“ считалось доволительнымъ и служило только темою для разсказовъ во время

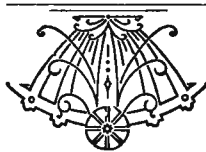
кутежей. У нихъ постоянно занимали деньги, конечно, за большіе проценты, но при расчетѣ дѣло кончалось, большею частью, выталкиваніемъ кредитора въ шею, а иногда и прямо побоями. И все это сходило офицерамъ безнаказанно: развѣ ужъ какое-нибудь грандіозное побоище обратить на себя вниманіе начальства, которое сажало офицеровъ на 2 или 3 дня на гауптвахту, да въ рѣдкихъ случаяхъ заставляло ихъ дать какое-нибудь вознагражденіе за убытки, причиненные ихъ буйствомъ. Жаловаться было некому, ибо офицерство не подчинялось никакому суду, кромѣ военнаго; общественныхъ же протестовъ никакихъ не было, да и быть не могло, ибо тогда и общества никакого не было. У насъ, напримѣръ, былъ въ полку такой случай. Во время одной попойки, одному изъ ея участниковъ пришла фантазія прокатиться верхомъ на „жидахъ“. Дѣло было въ маленькомъ городкѣ Юго-Западнаго края. Отыскали двухъ какихъ-то несчастныхъ евреевъ, приказали имъ встать другъ противъ друга и взяться за руки. Тогда офицеръ, изъявившій такіа кавалерійскія намѣренія, сѣлъ верхомъ на руки евреямъ, остальные окружили его со всѣхъ сторонъ и открыли процессію по городскимъ улицамъ. Къ несчастью офицеровъ въ это время проѣзжалъ черезъ городъ начальникъ дивизіи, человѣкъ очень строгій. Увидавъ эту безобразную сцену, онъ сейчасъ приказалъ арестовать офицеровъ, продержать ихъ нѣсколько дней на гауптвахтѣ и заплатить евреямъ за безчестіе, сколько они требуютъ. Эти послѣдніе запросили сначала 30 рублей, но, когда имъ негласно пригрозили, что за такое чрезмѣрное требованіе имъ впослѣдствіи отомстятъ, они помирились на 10 р., и дѣло этимъ и закончилось. Въ городскомъ обществѣ, состоявшемъ, большею частью, изъ поляковъ, поговорили объ этомъ втихомолку нѣсколько вечеровъ, но ни одинъ изъ вліятельныхъ обывателей города не поднялъ своего голоса въ защиту несчастныхъ униженныхъ евреевъ. Такъ велика была тогда подавленность гражданскаго общества.

Полковой командиръ Галкинъ, человѣкъ порядочный и довольно начитанный, старался, по возможности, укрощать подобные подвиги офицеровъ, но строго за нихъ не преслѣдовалъ, отчасти по своей добротѣ, а отчасти и вслѣдствіе круговой поруки между нимъ и офицерами по части „безгрѣшныхъ доходовъ“, и чтобы не выносить, по пословицѣ, сору изъ избы.

Къ выходкамъ же офицеровъ съ евреями онъ относился какъ-то съ юмористической стороны. Онъ любилъ пофилософствовать и полиберальничать, чтобы показать, что и онъ не отсталъ отъ вѣка, впрочемъ изрѣдка и самъ прибѣгалъ къ рукопашной расправѣ. Въ

заслугу ему слѣдуетъ поставить то, что онъ не скупился на расходы по содержанію больныхъ: покупалъ на свой счетъ много лѣкарствъ, такъ какъ отъ казны ихъ отпускалось очень мало. Вообще же онъ умѣлъ ладить съ офицерами и съ гражданскимъ обществомъ, такъ что всѣ его любили. Командуя полкомъ около 10 лѣтъ, онъ изъ благоразумной экономіи накопилъ порядочный капиталаецъ и вышелъ въ отставку генераломъ.

Сообщ. Н. Д. Романовъ.

Къ исторіи раскола.

(Федосья Морозова, урожд. Соковнина. 1886 г.).

Благословение преосвященного Гавріила, архіепископа Вологодского и Бѣлоозерского, на Вологду въ домъ Премудрости Слова Божія духовныхъ дѣлъ Ильинскаго монастыря ігумену Иоасаѳу да дьяку нашему Фѳодору Быкову. Въ нынѣшнемъ во 195-мъ году декабря въ 7 день прислана къ намъ, преосвященному архіепископу, Великихъ Государей Царей і Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича і великіе Государыни благовѣрные царевны і великіе княжны Соєіі Алексѣевны всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіі самодержцевъ грамота і—стрелецкого приказу, а в той Великихъ Государей грамоте написано: въ прошломъ-де во 189-мъ году, по указу брата ихъ Великихъ Государей, блаженные памяти Великаго Государя Царя і великаго князя Фѳодора Алексѣевича всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіі самодержца, посланъ с Москвы на Вологду блаженные памяти к бывшему преосвященному Симону архіепископу воръ роснопа Пронка Ивановъ, которой прежь сего служиваль на Москвѣ въ Бѣломъ городѣ на Знаменке у церкви Саввы Стратилата, а велено того вора послать на Вологде въ Павловъ монастырь за воровство, что онъ напередъ сего исповѣдываль и причащаль невѣдомо какими отъ воровъ и расколщиковъ присланными названными дори расколщину вдову Фѳедосью Морозову, да онъ же воровствомъ своимъ привезъ из Вязниковъ въ Московской уѣздъ въ село Леоново расколщину-жь, думнаго дворянина Замятнину дочь Леонтьева, дѣвку Овдотью мертву і в томъ селѣ погребъ, а в чину погребенія і в молитве разрешения именоваль ее Дарьєю, а не Овдотьєю для того, чтобъ ее і воровства ево не познали и после того приѣжая певаль по ней панахиды; и нынѣ вѣдомо имъ, Великимъ Государемъ, учинилось, что тотъ воръ Пронка ис—того монастыря бежалъ. И по той Великихъ Государей грамоте велено намъ, преосвященному архіепископу, въ Павловъ монастырь послать кого пригожь и того монастыря ігумена и братью распросить, въ какомъ бережнейі и крѣпости у нихъ въ монастырѣ тотъ воръ былъ и у кого за сторожою и сколь давно у нихъ бежалъ и какими мѣрами и куды побѣгу ево чаятъ и о побѣге ево кому они извещали и въ которыхъ мѣсяцехъ и числехъ и къ Великимъ Государемъ они о томъ зачѣмъ не писали. А что въ роспросе скажутъ, о томъ к нимъ, Великимъ Государемъ, велено намъ, преосвященному архіепископу, писать, а отписку и розыскъ и ис-того розыску выписку съ очисткою велено подать в Стрелецкомъ приказе думному

дьяку Фёдору Леонтьевичу Шакловитому с-товарищи, а сторожей, у которыхъ тотъ воръ былъ за карауломъ, велено ихъ держать въ томъ монастырѣ до ихъ, Великихъ Государей, указу за карауломъ же. И какъ къ вамъ ся наша преосвященнаго архіепископа грамота придетъ, і вамъ бы въ Вологодской уѣздъ въ Павловъ монастырь послать изъ Софійскаго дому кого пригожь ково-бъ с-такое дѣло стало, і велѣтъ о побѣге того вора въ томъ монастырѣ келаря и казначья и братью про все роспросить и розыскать о береженьехъ сторожей, у которыхъ тотъ воръ за карауломъ былъ, учинить противъ указу Великихъ Государей и грамоты, какъ писано въ сей нашей архіерейской грамоте жъ выше сего, а розыскавъ і истого розыску учинить выписку со всякою подлинною очисткою, запечатавъ въ листъ, прислать къ намъ преосвященному архіепископу къ Москве и о томъ писать, а отписку и розыскъ и выписку съ очисткою велѣтъ подать на Московскомъ нашемъ домовомъ дворѣ въ приказной избѣ приказному нашему Ивану Александрову. Писанъ на Москвѣ лѣта 7195-го декабря въ день. Вамъ же, дьякъ нашъ Федоръ Быковъ, съ казначьемъ старцомъ Аеонасиемъ смѣтити на погребяхъ что есть на лицо меду сырцу і будетъ ли чѣмъ въ годъ противъ прежняго проиятца; буде не будетъ и сколько надоѣтъ; і вамъ бы къ намъ преосвященному архіепископу писать. Къ тебѣ жъ съ сею нашею грамотою послана вдовы Стеованиды Акиоиневской жены Гаряинова челобитная, и тебѣ-бъ, дьякъ нашъ Федоръ, противъ той челобитной взять у ней Стеованиды за рукой отца еѣ духовною роспись, что и на комъ ей взять, чтобъ мужу еѣ умершему и ей Стеованиде за лишныя взятки въ клятвѣ не быть, и по той росписи на вотчинныхъ крестьянехъ, буде кто учнетъ винитца, велѣтъ збирать, а буде которые учнутъ бить челомъ о срокахъ и на нихъ имать новыя кабалы, а старыя кабалы велѣтъ имъ выдавать

А въ Павловъ монастырь для розыску послать съ посаду Духова монастыря игумена Иосеа да съ нимъ изъ Софійскаго дому кого пригожь.

А тебѣ, дьякъ нашъ Федоръ Быковъ, взять бы съ собою, какъ поѣдешъ къ Москвѣ, домовыхъ дѣтей боярскихъ Анисима Жданова или Стеована Наумова да Ивана да Алексѣя Быковыхъ, а Куски не брать.

На оборотѣ адресъ: „На Вологду въ домъ Премудрости Слова Божия духовныхъ дѣлъ Ильинскаго монастыря игумену Иоасаѳу да дьяку нашему Фёдору Быкову“. Помѣта: „195-го декабря въ 17 день“.

Сообщ. Ив. Суворовъ.

**Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы
съ 6 октября по 1 декабря 1911 г.**

Басни дѣдушки И. А. Крылова. Первый сборникъ. Книжка для чтенія за первымъ году обученія. Библіотека новой школы Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова, № 24. М. 1912. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина 3 е. 16° (13×17). 32 стр. Съ рис. Ц. 3 к. Вѣсь 3 л. 10.000 экз.

Булгаковскій, Д. Г. Великое былое. Воспоминанія объ Отечественной войнѣ, по поводу ея столѣтней годовщины. Сборникъ иллюстрированъ 113 народными картинками и рисунками лучшихъ художниковъ. Посвящается простому народу и школьникамъ. Спб. 1912. Изд. автора (Измайл. пр., 5). Тип. Спб. Тюрмы (Арсенальная наб., 5). 8° (14×20). 286 стр. Съ рис. Ц. 60 к. Вѣсь 23 л. 2.000 экз.

Валишевскій, К. Петръ Великій. Воспитаніе личность, дѣло по новымъ источникамъ. (Полное собраніе сочиненій. Т. III.). Полный переводъ съ французскаго А. Гретмана. М. 1911. Изд. Книгоизд. Сфинксъ (Петровка, 17). Тип. А. Л. Будо (Мясницкая, 20). 8° (23×29). 832 стр. Съ рис. +45 лист. рис. Ц. 3 р. 50 к. Вѣсь 4 ф. 20 л. 3.000 экз.

Васильевъ, М. Изъ прошлаго земли Русской. Сборникъ Стихотвореній историческаго содержанія. Книга для чтенія въ семьѣ и школѣ. Вып. I. Древняя Русь. М. 1911. Изд. Кн. скл. М. В. Блюкина (Ваганьковскій пер., 9), 2-е. Тип. А. П. Поплавскаго. 8° (15×23). 176 стр. Съ рис. Ц. 50 к. Вѣсь 18 л. 3.000 экз.

Воздвиженская, Е. В. Соловецкій монастырь и старообрядчество. М. 1911. Тип. И. М. Машистова (Б. Садовая, соб. д.). 8° (18×27). 12 стр. Вѣсь 2 л. 500 экз.

Державинъ, Г. Р. Стихотворенія. Со вступительной статьей и примѣчаніями Иванова-Разумника. Спб. 1911. Тип. М. М. Стасюлевича (Б. О., 5 л., 28). 16° (12×18). 147 стр. Ц. 30 к. Вѣсь 12 л. 5.000 экз.

Достоевскій, Ф. М. Отъ невѣрія къ вѣрѣ. (Русская религіозная мысль № 29). М. 1911. Тип. А. И. Снегиревой. 8° (17×22) 4 нен. стр. Вѣсь 1 л. 3.000 экз.

Житіе протопопа Аввакума, написанное имъ самимъ. Библіотека „Старообрядческая мысль“. Подъ ред. И. В. Галкина. М. 1911. Изд. И. Я. Гаврилова. Тип. Т-ва И. М. Машистова (Б. Садовая, соб. д.). 8° (15×23). 62+2 нен. стр. Ц. 30 к. Вѣсь 6 л. 5.500 экз.

Житіе Святого Тихона Задонскаго и преподобнаго Трифона. М. 1912. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 18° (12×18). 31 стр. Вѣсь 1 л. 20.000 экз.

Марсъ, К. „Герой 1812 г.“ Хроника временъ нашествія французовъ. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. „Передовые“. Пьеса въ 3-хъ дѣйствіяхъ и 4 карт.

Карг. 1-я Любовь. 2-я Собрание шайки. 3-я Въ „Якорѣ“. 4-я Охота на чело-
вѣка. М. 1911. Тип. А. Забалуева (Срѣтенка, Даевъ пер., 5). 16° (11×18).
23+26 стр. Вѣсъ 2 л. 500 экз.

Незеленовъ, А. И. Исторія русской словесности для среднихъ
учебныхъ заведеній (въ 2 ч.). Подъ ред. В. В. Каллаша. Ч. I (съ древ-
нѣйшихъ временъ до Карамзина). М. 1911. Изд. кн. маг. В. Думнова (Мяс-
ницкая, д. Обидиной), 20-е. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Крестовоздвиж.
п., с. д.). 8° (15×22). Ш+237 стр. Ц. 1 р. Вѣсъ 19 л. 18.100 экз.

Николенко-Сагарда, Л. Народная поэзія и древняя литература,
въ избранныхъ темахъ и планахъ. Владикавказъ. 1911. Изд. кн. маг. П.
Константинова. Тип. П. К. Григорьева (д. о-ва вз. кред.). 16° (11×18). 34 стр.
Ц. 20 к. Вѣсъ 2 л. 1.500 экз.

Никольскій, В. А. Народныя движенія въ Россіи. Семнадцатый
вѣкъ. Стенька Разинъ и Разиновщина. Всеобщая бібліотека. Спб. 1911.
Изд. акц. о-ва типографскаго дѣла. Тип. Герольдъ (Изм. полкъ, 7 р., 26).
16° (11×16). 78 стр. Ц. 10 к. Вѣсъ 3 л. 5.000 экз.

Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка. Подъ редакціей
Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. IV. Части 1 и 2-я.
Спб. 1911. Изд. и тип. т-ва Общ. Польза Б. Подъяческая, 39). 8° (19×27).
392+300+4 стр. Ц. 6 р. Вѣсъ 3 ф. 6 л. 3.000 экз.

Отечественная война. Историческій очеркъ. Историческая комиссія при
учебномъ отдѣлѣ О. Р. Т. З. ред. И. М. Катаева. М. 1911. Тип. Т-ва И. Д.
Сытина (Пятницк., св. д.). 8° (16×23). 70+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 20 к.
Вѣсъ 7 л. 10.000 экз.

Отечественная война и русское общество 1812—1912 г. Юбилейное из-
даніе Т. I-й. Историческая комиссія учебнаго отдѣла О. Р. Т. З. Редакція
А. К. Джигелегова, С. Н. Мельгунова, В. И. Пичета. М. 1911. Изд. и тип.
Т-ва И. Д. Сытина. 8° (22×30). VIII+232 стр. съ рис.+38 отд. рис. Вѣсъ
3 ф. 29 л. 3.000 экз.

Покровскій, В. Аполлонъ Николаевичъ Майковъ. Его жизнь и со-
чиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1911. Изд. 2-е. Тип.
Г. Лиснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздв. пер., 9). 8° (16×25).
2 нен.+190 стр. Складъ: кн. маг. В. Спиридонова и А. Михайлова (Мохо-
вая, д. Варварин. акц. об-ва). Ц. 50 к. Вѣсъ 18 л. 3.000 экз.

Покровскій, В. Аванасій Аванасіевичъ Фетъ (Шеншинъ). Его
жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1911.
Изд. 2-е. Тип. Г. Лиснеръ и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздв. пер., 9).
8° (16×25). 2 нен.+100+2 нен. стр. Складъ: кн. маг. В. Спиридонова и
А. Михайлова (Моховая, д. Варварин. акц. об-ва). Ц. 30 к. Вѣсъ 11 л.
3.000 экз.

Покровскій, В. Фѣдоръ Ивановичъ Тютчевъ. Его жизнь и сочиненія.
Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1911. Изд. 2-е. Тип. Г. Лис-
неръ и Д. Собко. (Воздвиженка, Крестовоздв. пер., 9). 8° (16×25). 2 нен.+
86 стр. Складъ: кн. маг. В. Спиридонова и А. Михайлова (Моховая, д.
Варварин. акц. об-ва). Ц. 30 к. Вѣсъ 9 л. 3.000 экз.

Политуръ, Н. Р. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ и жизнь
XVIII вѣка. Спб. 1911. Тип. Спб. Тюрмы (Арсенальн. наб., 2). 8° (15×23).
136 стр. Ц. 40 к. Вѣсъ 11 л. 2.000 экз.

Преподобный и Богоносный старецъ Серафимъ, Саровскій чудотворецъ.
М. 1911. Изд. Аѳонск. Русск. Пантелеймон. монаст. 2-е. Тип. И. Ефимова

(Б. Якиманка, соб. д.). 16° (12×16). 72 стр. Съ рис. Ц. 8 к. Вѣсь 3 л. 10.000 экз.

Пругавинъ, А. С. О Львѣ Толстомъ и о Толстовцахъ. Очерки, воспоминанія, матеріалы. М. 1911. Изд. автора (Спб. Введенская, 17). Тип. И. Д. Сытина (Пятницк., с. д.). 8° (14×20). 323 стр. Ц. 80 к. Вѣсь 27 л. 3.500 экз.

Пушкинъ, А. С. Спб. 1911. Изд. Журн. „Русскій библиофилъ“. Тип. Спирюсъ (Рыночная, 10). 8° (20×28). Вѣсь 1 ф. 1 л. 800 экз.

Пушкинъ А. С. Кавказскій плѣнникъ. Книжка для чтенія на третьемъ году обученія. Библиотека новой школы Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. № 32. М. 1911. Изд. и Тип. И. Д. Сытина, 2-е. 16° (13×17). 32 стр. съ рис. Ц. 3 к. Вѣсь 2 л. 10.000 экз.

Рождественскій, Алексѣй, прот. Новгородскій Покровскій Звѣринъ женскій монастырь.—Краткое историческое описаніе. Новгородъ. 1911. Тип. Губернская. 8° (16×24). 17 стр. Вѣсь 3 л. 2.000 экз.

Романцевъ, И. О курганахъ, городищахъ и жальникахъ Новгородской губерніи. Алфавитный указатель селеній, при которыхъ находятся археологическіе памятники, съ краткимъ описаніемъ послѣднихъ. Новгородъ. 1911. Тип. Губернская. 8 (16×24). VII+126 стр. Вѣсь 18 л. 800 экз.

Роменко, Е. И. С. Никитинъ. Біографія и литературная дѣятельность. Подъ ред. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М. 1911. Изд. журн. Для народн. учителя (Полянка, Успенск. п., 8). Тип. П. Рябушинскаго (Путниковск. п., с. д.). 16° (13×18). 35 стр. Съ портр. Ц. 7 к. Вѣсь 2 л. 6.000 экз.

Роменко, Е. Николай Александровичъ Добролюбовъ. Біографическій очеркъ и литературная дѣятельность. Подъ ред. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. М. 1911. Изд. журн. Для народнаго учителя (Полянка Успенскій пер., 8). Тип. П. П. Рябушинскаго (Путниковск. пер., соб. д.). 16° (14×18). 30 стр. Съ портр. Ц. 7 к. Вѣсь 2 л. 6.000 экз.

Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III. Кн. XIV. М. 1911. Тип. Синодальная. 8° (18×28). 571 стр. Ц. 2 р. Вѣсь 2 ф. 30 л. 1.200 экз.

Тулуповъ, Н. В. и Шестаковъ, П. М. Первая ступень въ литературу. Хрестоматія для младшихъ классовъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній и для домашняго обученія. Картинки для бесѣдъ, вопросы, письменныя задачи, грамматическія упражненія. М. 1912. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.), 4-е. 8° (18×27). 336 стр. Съ рис. Ц. 1 р. Вѣсь 1 ф. 19 л. 10.000 экз.

А. Л. Къ исторіи кавказской войны. Походъ 1864 года. Ставрополь. 1911. Тип. М. Т. Вайнблата. 8° (18×27). 2 вен. стр. Вѣсь 1 л. 300 экз.

Аванасьевъ, Г. Е. Условія разложенія крѣпостного права. Кіевъ. 1911. Тип. Т. Г. Мейндера (Пушкинская, 20). 8° (18×27). 42 стр. Вѣсь 6 л. 150 экз.

Вѣлинскій, В. Г. Избранныя сочиненія. I. О поэзін. Всеобщая бібліотека № 91. Классное изданіе подъ ред. В. Никольскаго. Спб. 1911. Изд. и тип. Акц. Общ. Типогр. Дѣла, 2-е (Изм. п., 7-я рота, 26). 16° (11×17). 82 стр. Ц. 10 к. Вѣсь 2 л. 10.000 экз.

Вѣлинскій, В. Г. Избранныя сочиненія. II. Русская литература отъ Ломоносова до Пушкина. Всеобщая бібліотека № 92. Классное изданіе подъ

ред. В. Никольскаго. Спб. 1911. Изд. и тип. Акц. Общ. Типогр. Дѣла 2-е (Изм. п., 7-я рота, 26). 16° (11×16). 48 стр. Ц. 10 к. Вѣсь 2 л. 10.000 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Избранныя сочиненія. IV. Н. В. Гоголь. Всеобщая бібліотека № 95. Классное изданіе подъ ред. В. Никольскаго. Спб. 1911. Изд. и тип. Акц. Общ. Типогр. Дѣла, 2-е (Изм. п., 7-я рота, 26). 16° (11×16). 85 стр. Ц. 10 к. Вѣсь 2 л. 10.000 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Избранныя сочиненія. V. М. Ю. Лермонтовъ. Всеобщая бібліотека № 96, 97. Классное изданіе подъ ред. В. Никольскаго. Спб. 1911. Изд. и тип. Акц. Общ. Типогр. Дѣла, 2-ое (Изм. п., 7 рота, 26). 16° (11×16). 105 стр. Ц. 20 к. Вѣсь 2 л. 10.000 экз.

Вѣтринскій, Ч. Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій (1811—1848 г.г.) Очеркъ жизни и дѣятельности. Спб. 1911. Изд. кн-ства „Прометей“ Н. Н. Михайлова (Спб., Поварской, 10). Тип. т-ва „Общественная Польза“ (Б. Подъячская, 39). 8° (14×21). 88 стр. Ц. 20 к. Вѣсь 7 л. 2.000 экз.

Вѣтринскій, Ч. Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Спб. 1911. Изд. кн-ства „Прометей“ Н. Н. Михайлова (Спб., Поварской, 10). Тип. т-ва „Общественная Польза“ (Б. Подъячская, 39). 8° (14×21). 62 стр., Ц. 20 к. Вѣсь 6 л. 4.000 экз.

Вѣтринскій, Ч. Николай Васильевичъ Гоголь. Спб. 1911. Изд. кн-ства „Прометей“ Н. Н. Михайлова (Спб., Поварской пер., 10). Тип. т-ва „Обществ. Польза“ (Б. Подъячская, 39). 8° (14×21). 54 стр. Ц. 20 к. Вѣсь 6 л. 4.000 экз.

Г. Л. Историческое сказаніе объ иконѣ Божіей Матери, называемой Троеручицей, со краткимъ очеркомъ жизни св. Іоанна Дамаскина. М. 1911. Изд. и тип. т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 16° (12×18), 31 стр. Вѣсь 1 л. 12.000 экз.

Гоголь, Н. В. Миргородъ. Повѣсти, служація продолженіемъ Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки. Часть I. Старосвѣтскіе помѣщики. Тарасъ Бульба. Универсальная бібліотека № 539. М. 1911. Изд. Книгоизд. Польза. В. Антикъ и К° (Козицкій пер., 2). Тип. А. А. Левенсонъ (Тверская, Мамон. пер., с. д.). 16° (9×14). 176 стр. Ц. 10 к. Вѣсь 5 л. 7.000 экз.

Гоголь, Н. В. Миргородъ. Повѣсти, служація продолженіемъ Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки. Часть II. Вій. Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. Универсальная бібліотека. № 510. М. 1911. Изд. Книгоизд. Польза В. Антикъ и К° (Козицкій пер., 2). Тип. т-ва А. А. Левенсонъ. 16° (9×14). 111 стр. Ц. 10 к. Вѣсь 3 л. 7.000 экз.

Колосовъ, Н. „Исусъ Сладчайшій“. (Универсальная Личность Христа и міръ. Исусъ Христосъ въ русской жизни). Отд. от. изъ Симбирскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей, №№ 15, 16 и 17, за 1911 годъ). Симбирскъ. 1911. Тип. А. Т. Токарева. 8° (17×24). 27 стр. Вѣсь 3 л. 30 экз.

Назаревскій, В. Б. Чтенія изъ исторіи Царствующаго Дома Романовыхъ. 1613—1630. Вып. III. Царь и Великій Государь Михаилъ Ѳедоровичъ, всея Россіи Самодержецъ. Спб. 1911. Изд. Учил. Совѣта при Свят. Синодѣ. Тип. Синодальная. 8° (19×28). 72 стр. Съ 44 рис. Вѣсь 12 л. 20.000 экз.

Неваоровъ, И. Сборникъ статей изъ образцовыхъ произведеній русской словесности. Часть I. Спб. 1911. Изд. 18-е. Тип. Синодальная. 8° (17×26). 122 стр. Ц. 40 к. Вѣсь 13 л. 15.000 экз.

Никитинъ, И. С. Полное собраніе сочиненій въ одномъ томѣ, подъ

ред. М. О. Гершензона. Съ биографіей Никитина, 4 его портретами, 3 факсимиле съ рукописей, 1 снимокъ съ модели предполагаемаго къ постановкѣ памятника и 5 воронежскими видами. М. 1912. Изд. А. С. Панафидиной (Лялинъ п., с. д.). Тип. А. Левенсонъ (Трехпрудн. п., с. д.). 8° (19×28). XXIII+448+IX стр.+4 листа рис. и портр. Ц. 80 к. Вѣсь 2 ф. 5.000 экз.

Острогорскій, Викторъ. Этюды о русскихъ писателяхъ. Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ. Спб. Изд. 2-е, Н. В. Ельманова. Тип. Ю. Н. Эрлихъ (М. Дворянская, 19). 8° (14×21). 138 стр. Ц. 40 к. Вѣсь 11 л. 3.100 экз.

Стасюлевичъ, М. М. и современники въ ихъ перепискѣ. Подъ ред. М. К. Лемке. Т. I. Съ 5-ю портретами. Спб. 1911. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5-я л., 28). 8° (18×27). XVI+570+1 нен. стр. Съ 5-ю портр. и 8 рис. Ц. 3 р. Вѣсь 2 ф. 30 л. 1.000 экз.

Александровъ, Н. О Добрынѣ Никитичѣ. Богатырская пѣсня XI столѣтія. Спб. 1911. Изд. Свѣ. Лира Тип. Шмидта (4 рта, 20). 4° (27×35). 3 стр. Ц. 40 к. Вѣсь 2 л. 300 экз.

Арабажинъ, К. И. Этюды о русскихъ писателяхъ. Спб. 1912. Изд. К-ва „Прометей“ Н. Н. Михайлова (Поварскій, 10). Тип. „Энергія“. (Загородн. пр., 17). 8° (17×25). 216 стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсь 24 л. 2.100 экз.

Бернацкій, В. А. Императорскій Александровскій Лицей въ домствѣ военно-учебныхъ заведеній. (Историческая справка ко дню столѣтняго юбилея Лицея). Спб. 1911. Изд. Жур. Педагог. Сборникъ. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О. 5 л. 28). 8° (16×25). 22 стр. Вѣсь 4 л. 550 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Полное собраніе сочиненій. Томъ первый. Выпускъ 1-й и 2-й. Спб. 1911. Изд. кн-ства „Ясная Поляна“ (Спб.. Караванная, 7). Тип. К. А. Четверикова (Караванная, 7). 8° (15×23). 80+81+160 стр. Съ портр. Ц. по 8 к. Вѣсь 13 л. 1.000 экз.

Горячкинъ, А. Матеріалы историческіе. Сказаніе объ Едигеѣ (Отд. от. изъ XXVII-го т. „Извѣстій Об-ва Археологій, Исторіи и этнографіи“ за 1911 г.). Казань. 1911. Тип. университета. 8° (17×24). 3 стр. Вѣсь 1 л. 50 экз.

И. П. Жизнь и дѣятельность генералъ-лейтенанта Якова Петровича Бакланова. На память Донскому казачеству. Новочеркасскъ. 1911. Тип. Областная войска Дюнк. 8° (19×26). 29 стр. Съ портр.+1 листъ рис. Вѣсь 4 л. 6.100 экз.

Козловъ, С. П. Полков. Суворовъ, 1730—1800. (Очерки изъ его жизни). Томъ I. Спб. 1911. Изд. князя С. М. Голицына. Тип. Ю. Я. Римана (4 Рождеств., 33), 4° (27×35). 170+17 стр. Съ рис. Вѣсь 2 ф. 12 л. 950 экз.

Кругликовъ-Гречаный, Л. П. Методика исторіи. Кіевъ. 1912. Изд. автора, 2-е, пересмотр. и доп. Тип. И. И. Чоколова (В. Житомирская, 20). 8° (16×25). IV+144 стр. Ц. 1 р. 10 к. Вѣсь 26 л. 2.000 экз.

Лазаревскій, Борисъ А. Собраніе Сочиненій. Томъ III. Повѣсти и рассказы. Спб. 1911. Изд. Т-во Просвѣщеніе, 2-е. Тип. „Самообразование“ (Забалканск. пр., 75). 8° (15×21). 279 стр. Ц. 1 р. Вѣсь 24 л. 3.310 экз.

Поливановъ, Д. М. Конспектъ Исторіи Русской Литературы. Сост. по новѣйшимъ учебникамъ примѣн. къ послѣдней Министерской программѣ. Часть I. Одесса. 1912. Изд. и тип. Книго-ва „Порядокъ“. 32° (10×13). 400 стр. Ц. 35 к. Вѣсь 10 л. 5.000 экз.

Постниковъ, П. П. Лицевое сказаніе о явленіи Казанской Божіей

Матери. Спб. 1911. Изд. Московскаго Археолог. Института Тип. Свѣтъ (Невскій, 136). 8° (19×28). 2+43 стр. Съ рис. Ц. 3 р. Вѣсь 12 л. 1.000 экз.

Пушкинъ, А. С. Барышня-крестьянка. Повѣсть. Иллюстрированная Пушкинская бібліотека. № 31. М. 1911. Изд. А. С. Панафидиной (Дялинь пер., соб. д.), 3-е. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздв., 9). 16° (11×15). 50 нен. стр.+2 листа рис. Ц. 4 к. Вѣсь 3 л. 5.000 экз.

Пыпинъ, А. Н. Исторія русской литературы. Томъ III. Судьбы народной поэзіи. Эпоха преобразованій Петра Великаго. Установленіе новой литературы. Ломоносовъ. Спб. 1911. Изд. 4-е, безъ перемѣнъ. Тип. М. М. Стасюлевича (Вас. О., 5-я линія, д. 28). 8° (17×28). X+543 стр. Ц. 3 р. Вѣсь 1 ф. 18 л. 5.000 экз.

Рождественскій, С. О Суворовъ. Баювъ, А. Суворовскій музей—памятникъ. Спб. 1911. Изд. Постоян. комиссіи народн. чтеній, 10-е Тип. Леонтьева (Басковъ пер., 4). 8° (13×19). 48 стр. Съ рис. Вѣсь 3 л. 10.000 экз.

Соловьевъ, Владиміръ Сергѣевичъ. Собраніе сочиненій. Съ 3-мя портретами и автографомъ. Подъ ред. и съ примѣчаніями С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. Томъ первый. (1873—1877). Спб. 1911 Изд. т-ва Просвѣщеніе, 2-е. Тип. акц. общества „Самообразование“ (Забалканскій, 75). 8° (16×24). VI+406 стр. и портретъ. Ц. 2 р. Вѣсь 1 ф. 12 л. 3.000 экз.

Аксаковъ, С. Т. Воспоминанія, Гимназія. Годъ въ деревнѣ. Университетъ. Собираніе бабочекъ. (Универсальная бібліотека № 544—545). М. 1911. Изд. к-ва Польза. В. Антикъ и К° (Козицкій пер., 2). Тип. А. А. Левенсонъ 16° (9×14). 277+1 нен. стр. Ц. 20 к. Вѣсь 8 л. 5.000 экз.

Добрынинъ, К. И. Первые уроки по русской исторіи для низшихъ училищъ. М. 1912. Изд. В. С. Спиридонова. 2-е (Уг. Тверск., Моховая, д. Варварин. Акц. О-ва). Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовск. с. д.). 8° (15×23). 125+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 35 к. Вѣсь 13 л. 6.200 экз.

Жуковскій, В. А. Сочиненія. Книжка вторая. Сказанія, преданія и повѣсти. (Дешевая бібліотека для семьи и школы). М. 1911. Изд. 2-е, ред. журн. Юная Россія (Б. Молчановка, 11). Тип. „Русск. тов.“ (Мыльн. пер., соб. д.), 8° (15×22). 48 стр. Вѣсь 4 л. 5.000 экз.

Жуковскій, В. А. Сочиненія. Книжка третья. Изъ жизни природы. Дешевая бібліотека для семьи и школы. М. 1911. Изд. ред. журн. Юная Россія (Б. Молчановка, 18). Тип. Русск. тов. (Чистые пруды, св. д.). 8° (15×22). 24 стр. Вѣсь 2 л. 5.000 экз.

Записки Императрицы Екатерины II. Пер. съ французскаго. Спб. 1911. Изд. Лит.-Науч. Книгоизд-ства. Тип. Лучъ (Праяка, 30). 8° (15×21). 228 стр. съ портр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсь 19 л. 3.980 экз.

Исторія русской литературы XIX вѣка. Подъ ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго. Вып. 25. М. 1911, Изд. Т-ва Миръ (Знаменка, 9). Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° (Пименовск., с. д.). 8° (19×28). 193—272 стр.+4 портр. Вѣсь 19 л. 13.050 экз.

Кавелина, С. Новыя данныя къ характеристикѣ И. С. Никитина по неизданнымъ матеріаламъ, и стихотворенія И. С. Никитина. Популярная бібліотека. М. 1911. Изд. Й-ва Звѣзда М. Орфенова. Тип. Рекордъ (Арбатъ, Б. Афанасьевскій, 32). 8° (12×17). 81 стр. Ц. 10 к. Вѣсь 4 л. 5.000 экз.

Кадминъ, Н. Очерки по исторіи русской литературы (отъ 30-хъ го-

довъ XIX ст. до Чехова). Подъ ред. проф. А. К. Бородина. М. 1912. Изд. Н. Н. Ключкова. Тип. С. П. Яковлева (Салтыковский пер., с. д.). 8° (16×24). 338+2 нен. стр. (Складъ: Мясницкая, 24 скл. Башмаковыхъ). Ц. 1 р. 75 к. Въсь 1 ф. 3.000 экз.

Ломоносовскій Сборникъ. Подъ ред. Н. А. Голубцова. Архангельскъ. 1912. Изд. Архангельск. Статист. Комит. Тип. Губернская. 8° (17×25). 156 стр.+10 лист. рис. Въсь 20 л. 250 экз.

Ломоносовъ, Михайло. Избранныя сочиненія подъ ред., со вступительной статьей и съ примѣчан. проф. В. В. Сиповскаго. Спб. 1911. Изд. Я. Башмакова (Итальянская, 34). Тип. Трудъ (Кавалергардск., 40). 8° (15×21). 45+81 стр. Съ 6 рис. Ц. 40 к. Въсь 17 л. 5.000 экз.

Ломоносовъ, М. В. Сборникъ статей, подъ ред. В. В. Сиповскаго. 1711—1911. 1912. Тип. Трудъ (Кавалергардск., 40). 8° (17×24). 185 стр. Съ портр. Ц. 1 р. Въсь 22 л. 3.100 экз.

Медвѣдскій, К. П. М. В. Ломоносовъ (Отечественная библиотека, № 79). Спб. 1911. Изд. Всеросс. Націон. Клуба (Литейный пр., 10). Тип. Р. В. Коротяевой (Загородный пр., 10). 8° (14×21). 47 стр. Съ рис. Ц. 20 к. Въсь 5 л. 6.000 экз.

Никитинъ, И. С. Стихотворенія (1849—1861). Съ приложеніемъ неизданныхъ стихотвореній и алфавитнаго указателя. Универсальная библиотека № 553. М. 1911. Изд. Книгонад. Польза В. Антикъ и К° (Козицкій, 2). Тип. А. И. Мамонтова (Леонтьевск. пер., 5). 16° (10×15). 244 стр. Ц. 10 к. Въсь 7 л. 7.200 экз.

Покровскій, В. Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1911. Изд. 3-е. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., 9). 8° (17×26). 248 стр. Въсь 23 л. 6.000 экз.

Покровскій, В. Сокращенная историческая хрестоматія. Пособіе при изученіи Русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ заведеній. Часть VII. М. 1911. Изд. 2-е. Тип. Лисснера и Собко (Крестовоздвижен. пер., 9). 8° (16×24) VII+702+2 нен. стр. Складъ: кн. маг. В. Спиридонова и А. Михайлова (Моховая, уг. Тверской и Охотн. ряда). Ц. 1 р. 50 к. Въсь 1 ф. 31 л. 3.000 экз.

Соколовъ, В. Родная рѣчь. Русская хрестоматія для среднихъ учебныхъ заведеній Ч. II (Для среднихъ классовъ). М. 1912. Изд. Кн. маг. Л. В. Думнова (Мясницк., д. Обидной), 11-е. Тип. С. Яковлева (Салтыковский п., 9). 8° (18×27). VIII+605 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 1 ф. 30 л. 15.000 экз.

Тихомировъ, Д. И. Изъ исторіи родной земли. Очерки и рассказы для школъ и народа. Ч. I. Древняя Россія. М. 1911. Изд. 10-е, автора (Б. Молчановка, соб. д.). Тип. К. Л. Меньшова (Арбатъ, Никольскій пер., 21). 8° (15×23). VI+218 стр. Съ рис. Ц. 40 к. Въсь 15 л. 4.800 экз.

Успенскій, Д. Страдальцы за землю русскую. Патріархъ Гермогенъ и троицкій архимандритъ Діонисій. М. 1911. Тип. В. И. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 8° (18×27). 48 стр.+5 лист. рис. Въсь 9 л. 2.500 экз.

Чаевъ, Н. 1612 годъ и избраніе на царство Михаила Феодоровича Романова. Лѣтопись въ лицахъ, въ 5 дѣйствіяхъ. М. 1912. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (13×20). 96 стр. Ц. 20 к. Въсь 8 л. 5.000 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Сочиненія. Въ четырехъ томахъ. Т. IV. (1844—1848). Спб. 1911. Изд. Павленкова 4-е Тип. Эрлиха и Шмидта. 8° (18×28). 900+452 столб. (въ 2 ст.). Ц. 1 р. 25 к. Вѣсь 2 ф. 2 л. 5.100 экз.

Витмеръ, Александръ. Генераль Левичкій. (Столкновеніе его со Скобелевымъ). („Что видѣлъ, слышалъ, кого зналъ“) (Воспоминанія) (Севастополь. 1911. Тип. Д. О. Харченко (Б. Морская, соб. д.). 16° (11×15). 147 стр. Складъ. Ялта, Контора Гостин. Ореанда (Сиб., Вас. остр. 8 лн., 7). Ц. 45 к. Вѣс. 8 л. 1.000 экз.

Гаденко, А. П. Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Николай Александровичъ (1843—1865 г.). Воспоминанія очевидцевъ болѣзни и кончины Цесаревича. Часовня и новый храмъ въ Ниццѣ, на мѣстѣ кончины Цесаревича. М. Тип. А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., св. д.). 8° (21×28). 59 нен. стр. Съ рис.+7 лист. рис. и портр.+9 табл. Вѣсь 24 л. 1.000 экз.

Мордовцевъ, Д. Л. Державная сваха. Историческая быль временъ Екатерины Великой 1788 г. Библиотека русскихъ писателей для самообразования. Домашнее чтеніе—народа, войскъ, дѣтства и юности (кн. 27-я). Спб. 1911. Изд. „Рус. Книгоизд.“ (Банковский, 31—32), 2-е. Тип. С. М. Борова (Царское Село, Малая, 61). 8° (14×20). 48 стр. Ц. 25 к. Вѣсь 4 л. 500 экз.

Овсяннико-Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочиненій. Томъ 5-й. Гейне, Гете, Чеховъ, Герценъ, Михайловскій, Горькій. Спб. 1911. Изд. Т-ва „Обществен. Польза“ и Кн-ства „Прометей“. Тип. Т-ва „Обществен. Польза“ (Б. Подъячская, 39). 8° (17×24). 239+1 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к. Вѣсь 26 л. 2.000 экз.

Соловьевъ, Владиміръ Сергѣевичъ. Собраніе сочиненій. Съ 3-мя портретами п автографомъ. Подъ ред. и съ примѣчаніями С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. Томъ второй. (1873—1877). Спб. 1911. Изд. т-ва „Просвѣщеніе“, 2-е Тип. Акц. Об-ства „Самообразование“ (Забалканскій пр., 75). 8° (16×24). XVI+413 стр. Ц. 2 р. Вѣсь 1 ф. 13 л. 3.000 экз.

Соловьевъ, Сергѣй Михайловичъ. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Книга 5. Томъ XXI—XXV. Спб. 1911. Изд. и тип. Т-ва „Общественная Польза“ (Б. Подъячская, 39), 3-е. 8° (19×28). XVI+1544 стр. (въ 2 ст.). Вѣсь 3 ф. 6 л. 3.500 экз.

Бѣлинскій, В. Г. Сочиненія въ 4-хъ томахъ. Т. II. (1840—1842). Спб. 1911. Изд. IV-е Павленкова (Лештуковъ п., 2). Тип. Шмидта (Звенигородская, 20). 8° (19×28). 988 стр. (въ 2 ст.). Ц. 1 р. Вѣсь 1 ф. 16 л. 5.100 экз.

Бѣлый, Андрей. Трагедія творчества. Достоевскій и Толстой. М. 1911. Изд. К-ла Мусатгъ (Пречистенскій бульв., 31). Тип. Т-ва А. А. Левенсона (Трехпрудный пер., соб. д.). 16° (13×19). 46+8 нен. стр. Ц. 40 к. Вѣсь 6 л. 1.000 экз.

Добролюбовъ, Н. А. Собраніе сочиненій, подъ ред. Вл. П. Краинихфельдъ. Т. III и V. Спб. 1911. Изд. „Просвѣщеніе“. Тип. Самообразование (Забалканскій, 75). 12° (12×19). 416+440 стр. Ц. по 1 р. Вѣсь 2 ф. 1.000 экз.

Ломоносовъ, М. В. Избранныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Съ портретомъ и біографіей М. В. Ломоносова. Дешевая библиотечка № 6. Спб. 1911. Изд. и тип. А. С. Суворина (Эртелевъ, 13), 4-е, испр. 16° (12×16). XVI+184 стр. Ц. 40 к. Вѣсь 10 л. 5.000 экз.

Маркевичъ, В. М. Полное собраніе сочиненій. Т. V. М. 1911. Изд. и тип. В. М. Саблина (Петровка, д. Обидиной). 8° (15×22). 360 стр. Вѣсь 1 ф. 3.000 экз.

Мачтетъ, Г. А. Полное собраніе сочиненій. Подъ редакціей и съ критико-біографическимъ очеркомъ Д. П. Сильчевскаго. Томъ IV. Спб. 1911. Изд. Т-ва „Провѣщеніе“ (Забалканскій, 75). Тип. Акц. Общ. „Самообразованіе“ (Забалканскій, 75). 12° (12×18). 292 стр. Ц. 1 р. Вѣсь 22 л. 3.000 экз.

Острогорскій, М. Учебникъ русской исторіи. Элементарный курсъ для среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ. Спб. 1911. Изд. 23-е. Тип. Тренке и Фюсно. (Максимилиановскій, 13). 8° (15×23). 176 стр. Съ рис. +4 карты. Ц. 80 к. Вѣсь 1 ф. 70.000 экз.

Отечественная война и русское общество. 1812—1912 г. Юбилейное изданіе. Т. II. (Историческая комиссія Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З. ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова и В. И. Пичета). М. 1911. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, соб. д.). 4° (22×30). 2 нен. +270+2 нен. стр. Съ рис. +25 лист. рис., портр., картъ и табл. Вѣсь 3 ф. 23 л. 3.000 экз.

Пыпинъ, А. Н. Исторія русской литературы. Томъ I. Древняя письменность. Спб. 1911. Изд. 4-е. Тип. М. М. Стасюлевича (Вас. Остр., 5 лин., 28 8° (17×25). XI+537 стр. Ц. 3 р. Вѣсь 1 ф. 20 л. 5.000 экз.

Риттихъ, А. Ф. Обиженный край. Спб. 1911. Тип. Т-ва Н. Я. Стойковой (Знаменская, 27). 8° (16×25). 49 стр. съ картой. Вѣсь 6 л. 100 экз.

Толстой, Левъ Николаевичъ. Посмертныя художественныя произведенія. Подъ ред. В. Черткова. Томъ I. Дьяволь. Фальшивый купонъ. Послѣ бала. Алеша Горшковъ. Что я видѣлъ во снѣ. Отъ ней всѣ качества. Живой трушъ. М. 1911. Изд. А. Л. Толстой. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, св. д.). 8° (18×27). 244 стр. съ портр., рис. и табл. Вѣсь 1 ф. 31 л. 1.000 экз.

Аксаковъ, С. Т. Собраніе сочиненій. Т. I. Семейная хроника и воспоминанія. М. 1912. Изд. А. А. Карцева. Тип. С. П. Яковлева (Салтыковск. пер., 9). 8° (15×23). 1 нен. +436 стр. Т. I. Ц. 9 р. (за 6 томовъ). Вѣсь 1 ф. 4 л. 4.800 экз.

Андреевъ, С. Т. Заслуга Императора Александра II-го въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ 19 февр. 1861 г. Юбилейная рѣчь, произнесенная на торжественномъ засѣданіи Совѣта Вольскаго реальнаго училища въ память 50 л. освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Вольскъ. 1911. Тип. И. А. Гусева 16° (11×17). 25 стр. Вѣсь 2 л. 650 экз.

Булгаковскій, Д. Г. Съ нами Богъ. Религіозныя чувства Русскаго народа въ Отечественную войну. Спб. 1911. Тип. С.-Петербургской Тюрьмы (Арсенальная наб., 5). 8° (14×20). 8 стр. Ц. 7 к. Вѣсь 1 л. 2.000 экз.

Валентинъ, іеромон. Свѣдѣнія объ образѣ Божіей Матери, именуемой „Скоропослушница“, что въ Ростовскомъ Петровскомъ монастырѣ. (№ 4). Ростовъ Ярославскій 1911. Изд. обителп св. Петра Царевница. Тип. А. Х. Оппель. 8° (17×25) 4 нен. стр. Съ рис. Вѣсь 1 л. 10.000 экз.

Великій человѣкъ изъ народа М. В. Ломоносовъ. Народная бібліотека „Вѣрность“. Вып. II. М. 1911. Изд. журн. Вѣрность (Спридоновка, Георгіевскій пер., 19). Тип. Русская печать 16° (11×17). 14 стр. Съ рис. Ц. 2 к. Вѣсь 1 л. 3.000 экз.

Добролюбовъ, Н. А. Собраніе сочиненій. Подъ редакц. В. П. Кра-

ни х ф е л ь д а, Т. П. ц. IV. Спб. 1911. Изд. „Просвѣщенія“. Тип. Самообразовація (Забалканскій 75). 12° (13×19). 415+387 стр. Ц. по 1 р. Вѣсь 1 ф. 26 л. 3.000 экз.

Елп а т ь е в с к і й, К. В. Смутное время на Руси и избраніе на Царство Михаила Теодоровича Романова. (21 февраля 1613 г.). Сборникъ стихотвореній и историческихъ пѣсень. Спб. 1911. Тип. М. Стасюлевича (В. О., 5 л. 28). 8° (17×26). 114 стр. Ц. 35 к. Вѣсь 12 л. 5.000 экз.

К с ю н и н ь, А. Л. Конецъ смуты и народныя герои. (Мининъ, Кн., Пожарскій и Сусанинъ). Спб. 1911. Изд. Всероссийскаго Национальнаго Клуба. Тип. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8° (14×21). 40 стр. Ц. 10 к. Вѣсь 4 л. 15.000 экз.

Л - в ь, А. Наполеонъ Бонапартъ. Новочеркасскъ 1911. Тип. Ф. Туникова. 16° (11×17). 15+1 нен. стр. Ц. 30 к. Вѣсь 1 л. 100 экз.

Л о м о н о с о в ь, М и х а и л о. Избранныя сочиненія Подъ ред., со вступительной статьей и съ примѣчаніями проф. В. В. Сиповскаго. Спб. 1911. Изд. А. Башмакова. Тип. Т-ва Трудъ (Кавалергардская, 40). 8° (14×22). 45+81 стр. Съ 1 рис. Ц. 45 к. Вѣсь 16 л. 10.000 экз.

Л о м о н о с о в ь, М и х а и л о. Избранныя сочиненія. Подъ ред., со вступительной статьей и съ примѣч. Проф. В. В. Сиповскаго. Спб. 1911. Изд. А. Башмакова 3-е. Тип. Трудъ (Кавалергард., 40) и М. Волковича (Садовая, 60). 8° (14×22). 45+81 стр. Съ рис. Ц. 40 к. Вѣсь 18 л. 15.000 экз.

Лѣтопись русскаго Св. Андреевскаго скита на Афонѣ (1841—1863). Т. первый. Спб. 1911. Изд. Аюпск. Св.-Андреев. скита. Тип. П. Ф. Воицкой (Ярославская, 1—9). 8° (16×23). 318+2 нен. стр. Съ рис. Ц. 80 к. Вѣсь 30 л. 5.000 экз.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. Отъ Московскаго Общества по устройству публичныхъ чтеній, библиотекъ и читаленъ для народа. М. 1911. Тип. Штаба Московск. Воен. Окр. (Остоженка, д. воен. вѣдом.). 8° (18×26). 7 стр. Вѣсь 1 л. 4.500 экз.

Н и к о л а е в ь, А. А. Учебникъ русской исторіи для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ. Съ вопросами для повтореній М. 1912. Изд. кн. скл. М. В. Ключкина (Ваганьковск., пер., № 9). Тип. А. П. Поплавскаго (Лялинъ пер., с. д.). 8° (16×24). 375 стр. Съ рис. Ц. 85 к. Вѣсь 1 ф. 4 л. 600 экз.

Н о с к о в ь, Н. Д. Кто такой Ломоносовъ. Юные годы великаго писателя и ученаго, его жизнь, его творчество, его заслуги. Біографическій рассказъ для юношества. Великіе русскіе люди въ біографическихъ повѣстяхъ и рассказахъ для юношества. Спб. 1911. Изд. и тип. Т-ва М. О. Вольфъ (Гост. дв., 18). 8° (15×20). 42 стр. Съ 18 рис. Ц. 25 к. Вѣсь 6 л. 2.000 экз.

О р н а т с к і й, І о а н н ь, свящ. Нѣсколько воспоминаній объ о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ. (Какъ подражалъ Батюшка своему небесному покровителю—преподобному Іоанну Рыльскому). Спб. 1911. Изд. 2-е Тип. М. П. Фроловой (Галерная, 6). 8° (14×21). 15 стр. Съ рис. Ц. 5 к. Вѣсь 2 л. 5.000 экз.

П и р л и н г ь, О. Дмитрій Самованецъ. Конецъ Дома Рюриковичей. Легенда объ императорѣ. Апогей и катастрофа. Полки въ Кремлѣ. Полный переводъ съ французскаго В. П. Потемкина („Смутное Время и Отечественная война“ (къ юб. 1613 и 1812 годовъ). Подъ общей ред. И. Н. Бороздина. Т. I. М. 1911. Изд. К-ва Сфинксъ (Петровка, 17), Тип. Мысль

(Петровка, 17). 8° (17×21). IV+511 стр.+9 лист. рис. Ц. 2 р. 75 к. Вѣсь 2 ф. 2 л. 2.000 экз.

Полное собраніе сочиненій праведника Божія о. Іоанна Кронштадскаго. Томъ II. Спб. 1911. Изд. и тип. Р. П. Лукшевицъ (5-я Рождественск., 44). 8° (17×25). 712 стр. Ц. 2 р. Вѣсь 2 ф. 13 л. 5.000 экз.

Поповъ, Ф. Г. Исторія 48 Пѣхотнаго Одесскаго Полка. Т. I. М. 1911. Тип Русск. Т-ва (Мыльниковъ пер., соб. д.). 8° (18×25). 375+72+IV стр. Съ рис.+16 лист. рис.+3 плана Вѣсь 3 ф. 7 л. 500 экз.

Пушкинъ, А. С. Пиковая дама. Иллюстрація Александра Н. Бенуа. Вступительная статья Н. О. Лернера. Спб. 1911. Изд. и тип. Голице и Вильборгъ. 4° (24×30). XXI+67 стр. Съ 15 отд. рис. Вѣсь 2 ф. 11 л. 3.000 экз.

Пушкинъ, А. С. Повѣсти Бѣлкина: 1. Выстрѣль. 2. Мятель. 3. Гробовщикъ. 4. Станціонный смотритель. 5. Барышня-крестьянка. Иллюстрированная Пушкинская бібліотека, № 39. Спб. 1911. Изд. Ф. Павленкова. Тип. Ю. И. Эрлихъ (вл. А. Э. Коллинсъ) (М. Дворянская, 19). 16° (9×15). 112 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Вѣсь 4 л. 3.100 экз.

Сиповскій, В. В., проф. Михайло Ломоносовъ. Жизнь и творчество. Спб. 1911. Изд. Я. Башмакова. Тип. Трудъ (Кавалерг., 40). 8° (14×22). 45 стр. Съ 7 рис. Вѣсь 8 л. 5.000 экз.

Травинъ, К. И. Михайлѣ Васильевичъ Ломоносовъ. 1711—1911 г. Калънь. 1911. Изд. И. С. Михеева. Тип. Центральная. 16° (14×18). 32 стр. Съ рис. Складъ: кн. маг. Маркелова и Шаронова. Ц. 12 к. Вѣсь 3 л. 2.000 экз.

Хомяковъ, Алексѣй Степановичъ. Полное собраніе сочиненій А. С. Хомякова. Т. I. М. 1911. Изд. 4-е. Тип. Т-ва И. Н. Кушнерева и К° (Пименовская, св. д.). 8° (16×24). IX+404 стр. съ портр. Ц. 2 р. Вѣсь 1 ф. 5 л. 1.200 экз.

Храбрымъ безсмертіе. Тверь. 1911. Тип. Н. М. Родіонова (Трехсвятская, д. Шиканова). 8° (43×48). 1 листь. Вѣсь 1 л. 25 экз.

Церковь Св. Великомученицы Екатерины на Васильевскомъ островѣ. Историческій очеркъ (1811—1911 г.). Спб. 1911. Изд. Приходскаго Благотв. Общества. Тип. Ю. Мансфельда. (Ул. Гоголя, 9). 8° (17×24). 66 стр. Съ рис. Вѣсь 11 л. 1.000 экз.

Чернышевскій въ Сибири. Перениска съ родными. Выпускъ I (1865—1875). Статья Е. А. Ляцкаго. Примѣчанія М. Н. Чернышевскаго. Спб. 1912. Изд. т-ва „Огни“. Тип. Акціонерн. об-ство Типограф. Дѣла въ Спб. 8° (17×25). LXIV+198 стр. и 2 портр. 7 рис. и 1 автогр. Ц. 2 р. Вѣсь 1 ф. 3 л. 2.200 экз.

Черскій, Л. Разказы о древнихъ русскихъ паломникахъ. М. 1911. Изд. Д. П. Ефимова. Тип. Вильде (М. Кисловка, соб. д.). 16° (12×19). 48 стр. Складъ. Кн. маг. А. Д. Друтманъ (Моховая, д. Бекендорфъ). Ц. 10 к. Вѣсь 4 л. 3.000 экз.

Гершензонъ, М. Образы прошлаго. (А. С. Пушкинъ, П. В. Кирѣевскій, И. С. Тургеневъ, А. И. Герценъ, Н. П. Огаревъ). М. 1912. Изд. изд-ва Окто. Тип. т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудн. пер., соб. д.). 8° (16×24). 545+VII стр. Ц. 3 р. Вѣсь 2 ф. 10 л. 3.000 экз.

Добролюбовъ, Н. А. Біографическій очеркъ и избранныя произведенія. Русскіе критики для школь № I. Подъ ред. Н. Н. Городецкаго, П. О. Дворникова, С. А. Дмитриева, А. П. Заборскаго, Н. В. Касаткина, А. Е. Королькова, В. К. Крестова, М. С. Се-

менова, А. С. Толстого и Н. В. Тулунова. М. 1912. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницк., с. д.). 8° (16×23). XXIV+312 стр. Съ рис. и портр. Ц. 60 к. Вѣсь 27 л. 3.000 экз.

Добролюбовъ, Н. А. Полное Собрание Сочиненій, подъ ред. Е. В. Аничкова. Томъ 4. Литературная критика. Часть 2-я. Спб. 1911. Изд. Русское Книжн. Товарищ. „Дѣятель“ (Спб., Троицкая, 26). Тип. Бр. Лукшевицъ (5-я Рождеств. ул., 44). 8° (13×20). 439 стр. Вѣсь 1 ф. 3 л. 10.000 экз.

Добролюбовъ, Н. А. Собрание Сочиненій. Подъ редакц. Вл. П. Краинихфельда. Томы 1-й и 6-й. Спб. 1911. Изд. Просвѣщеніе. Тип. Самообразование (Забалк. пр., 75). 12° (13×19). LXXVII+342+407 стр. Ц. по 1 р. Вѣсь 1 ф. 28 л. 3.000 экз.

Добролюбовъ, Н. А. Собрание Сочиненій. Подъ ред. В. П. Краинихфельда. Т. VII. Спб. 1911. Изд. „Просвѣщеніе“ (Забалканскій, 75). Тип. Самообразование (Забалкан., 75). 8° (13×19). 402 стр. Ц. 1 р. Вѣсь 30 л. 3.000 экз.

Добролюбовъ для школы. Со вступительной статьей Нестора Котляревскаго. Спб. 1912. Изд. О. Н. Поповой. Тип. Русская скоропечатня (Вкатер. кан., 94). 8° (16×24). XXXIV+681 стр. Съ 2 рис. Ц. 2 р. Вѣсь 2 ф. 12 л. 5.000 экз.

Жерве, В. В. Генераль-Фельдмаршалъ Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій. Историч. очеркъ его жизни и дѣятельности. 1831—1891. Спб. 1911. Изд. комитета по сооруж. въ Спб. памятника. Тип. М. О. Вольфъ (В. О., 16 л., 5—7). 4° (21×26). 248 стр. Съ 114 рис. Ц. 3 р. Вѣсь 2 ф. 16 л. 1.500 экз.

Коваленскій, М. Смутное время. Триста лѣтъ назадъ. 1611—1911. М. 1911. Изд. Моск. О-ва Грамотн. (Гранатный пер., 3). Тип. П. П. Рябушинскаго (Страстной бульв., Путинковск. пер., с. д.). 16° (13×18). 61 стр. Ц. 12 к. Вѣсь 4 л. 8.000 экз.

Кольцовъ, А. В. Полное собраніе стихотвореній. Съ біографіей, составленной Н. А. Максеевой. М. 1912. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницк., с. д.). 8° (15×22). XXIII+184 стр. Съ рис. и портр. Ц. 25 к. Вѣсь 21 л. 10.000 экз.

Ломоносовъ. Избранныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Съ портретомъ и біографіей М. В. Ломоносова. Спб. 1911. Изд. 5-е и тип. А. С. Суворина. 16° (11×17). 188 стр. Ц. 40 к. Вѣсь 10 л. 5.000 экз.

Ломоносовъ, М. В. Избранныя сочиненія. Стихи и проза. Подъ ред. съ вступительной статьей и примѣчаніями Н. Сидорова и Н. Гусева. Универсальная бібліотека. № 562—563. М. 1911. Изд. Т-ва Польза В. Антикъ и К° (Козицкій, 2). Тип. А. И. Мамонтова. 16° (10×15). 224 стр. Ц. 20 к. Вѣсь 7 л. 7.200 экз.

Меншуткинъ, Б. Н. Ломоносовъ каакъ естествоиспытатель. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи И. А. Н. 8 ноября 1911 г. Спб. 1911. Изд. и тип. Акад. Наукъ. 8° (16×25). 12 стр. Вѣсь 3 л. 3.113 экз.

Новицкій, В. Краткая русская Исторія. Для низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для начальныхъ училищъ. Спб. 1912. Изд. Н. П. Карбасникова, 17-а. Тип. Спб. Градоначальства (Измайлов. полкъ, 8-я р. 20-б). 8° (16×23) 79 стр. Ц. 10 к. Вѣсь 6 л. 84.000 экз.

Покровскій, К. Историко-бытовой и этнографическій матеріалъ въ произведеніяхъ Аксакова. М. 1911. Тип. Г. Лисснера и Д. Собко (Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., с. д.). 8° (17×25). 19 стр. Вѣсь 4 л. 50 экз.

Поликарповъ, Н. П. Къ исторіи отечественной войны 1812 года. Забытыя и неописанныя военной исторіей сраженія Отечественной войны 1812 года, вызвавшія своимъ ходомъ рѣшительное (генеральное) сраженіе 26-го августа 1812 года при селѣ Бородинѣ. По неизданнымъ документамъ Московскаго Отдѣленія Общаго Архива Главнаго Штаба (Лефортовскаго Архива). Вып. II. Боевыя дѣйствія центральнаго арьергарда (ген.-лейт. Ковницына) 1-й западной арміи, отдѣльнаго отряда ген.-маіора барона Крейца и арьергарда (ген.-маіора графа Сиверса 1-го), 2-й западной арміи въ районѣ большой Смоленско-Московской дороги, между гор. Вязьмой и дер. Шевардино съ 17-го по 24-е августа 1812 г. М. 1911. Изд. Л. Лукьянова. Тип. Штаба Москов. воен. округа (Остоженка, д. воен. вѣд.). 8° (17×26). 77 стр. 1 карта. Складъ: Садовая-Кудринская, 15, ред. журн. 1812 годъ. Ц. 50 к. Вѣсь 9 л. 1.500 экз.

Порфирьевъ, И. Краткій курсъ исторіи древней русской словесности. Казань. 1911. Изд. 5-е, автора (2-я Солдатская, 2). Тип. Университета. 8° (17×25). 319—III стр. Ц. 1 р. 20 к. Вѣсь 26 л. 3.000 экз.

Пушкинъ, А. С. Поэмы. Со вступительной статьей и примѣчаніями Иванова-Разумника. Историко-литературная Библиотека подъ ред. Иванова-Разумника. № 38. Спб. 1911. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., д. 28). 8° (12×17). XXXIV. 293 стр. Ц. 40 к. Вѣсь 18 л. 5.000 экз.

Саблуковъ, Н. А. Записки о временахъ Императора Павла и кончинѣ этого Государя. Спб. 1911. Тип. „Свѣтъ“. 8° (16×24). 76 стр. Вѣсь 8 л. 70 экз.

Сиповскій, В. В. Литературная дѣятельность Ломоносова. Рѣчь произнесенная въ торжественномъ Собраніи И. Ак. Наукъ 8 ноября 1911. Спб. 1911. Изд. и тип. Академіи Наукъ. 8° (16×25). 25 стр. Вѣсь 5 л. 3.113 экз.

Соболевскій, А. И. Ломоносовъ въ исторіи русскаго языка. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи И. А. Наукъ 8 ноября 1911 г. Спб. 1911. Изд. и Тип. Акад. Наукъ. 8° (16×25). 11 стр. Вѣсь 3 л. 3.113 экз.

Э. С. Нашествіе Наполеона Отечественная война 1812 г. (Альбомъ картинъ съ текстомъ. Вып. 2). Спб. 1911. Изд. Прокудина-Горскаго и Лаурсона. Тип. Прокудина-Горскаго (Б. Подъяческая, 22). 4° (31×40). 8 стр. Съ 8 рис. Ц. за 5 вып. 12 р. Вѣсь 1 ф. 15.000 экз.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1912 г.

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ

О К Т Я Б Р Ъ , Н О Я Б Р Ъ , Д Е К А Б Р Ъ .

Записки и воспоминанія.

	СТРАН.
I. Встрѣчи и столкновения (А. Д. Галаховъ, Робертъ Моль, С. Н. Терпигоревъ). Р. И. Сементковскаго	17— 28
II. Въ долину Дуная въ 1877 г. Г. И. Бобринкова	29—35, 239—255, 504—529
III. Воспоминанія объ отцѣ Иоаннѣ Кронштадтскомъ. Сообщ. В. Полевая	36— 42
IV. Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи. Е. А. Альбовскаго	43—49, 406—415, 597—603
V. Депутатъ отъ Россіи (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой). Сообщ. Е. С. М.	51—64, 362—377
VI. Изъ воспоминаній стараго врача А. А. Сяницына. Сообщ. Н. Д. Романовъ. 93—107, 416—422, 667—673	93—107, 416—422, 667—673
VII. Изъ воспоминаній о плаваніи на крейсере „Африка“. В. Руднева	152—219, 346—361
VIII. Встрѣчи и столкновения (И. И. Тутчевъ, И. А. Гончаровъ). Р. И. Сементковскаго	256—268
IX. М. И. Драгомировъ, командующій войсками (Изъ отрывочныхъ воспоминаній). А. Е. К.	391—400, 577—589
X. Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля. А. Ѳ. Кони	451—481
XI. Встрѣчи и столкновения (С. В. Максимовъ) Р. И. Сементковскаго	571—576

Издѣловія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разказы. — Матеріалы и замѣтки.

СТРАН.

I. Н. Г. Чернышевскій (Наброски по неизданнымъ матеріаламъ). А. А. Лебедева. 1—11,	269—282, 536—541
II. Сто лѣтъ назадъ. Письма И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ. С. О. Долгова. 12—16,	322—339, 542—550
III. Секретное предписаніе начальнику 1-й арміи ген. Цвилленеву. Сообщ. В. П. Федоровъ.	50
IV. Бытовые очерки прошлаго (По архивнымъ документамъ). И. С. Бѣляева	68— 86
V. Исторія одного словаря (По неизданнымъ архивнымъ даннымъ). П. Столпянскаго. .	87— 92
VI. Барклай-де-Толли и Отечественная война 1812 г. Ф. В—на	108—135, 631—652
VII. Великій Князь Николай Михайловичъ. Императоръ Александръ I (Опытъ историческаго изслѣдованія). В. Т.	136—151, 303—321, 551—570
VIII. Изъ архива Императорской первой Казанской гимназіи. Сообщ. В. Д. Корсакова .	220
IX. Берлинскій Конгрессъ 1878 г. (Дневникъ, веденный на мѣсть Д. Г. Анучинимъ). Сообщ. А. С. Анучина	221—238, 482—503
X. Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—78 гг. Е. А. Рагозиной . . .	283—295
XI. Дневникъ академика В. П. Безобразова. Сообщила М. В. Безобразова . . .	296—302, 530—535
XII. Къ дѣлу Мировича. П. Юдина	340—341
XIII. Изъ бумагъ архіепископа воронежскаго Пареевнѣя, относящихся къ 1812 г. Т. М. Олейникова	342—345
XIV. Стендаль въ Москвѣ и въ Смоленскѣ. Сообщ. А. Хоментовская.	378—390
XV. Лунное явленіе, видѣнное въ Москвѣ въ 1812 г., ноября 28-го дня. П. П. Веніаминова .	401—405
XVI. Волшебство противъ мельницы (1613 г.). Сообщилъ Ив. Суворовъ	423—424
XVII. Андрей Денисьевичъ Виніусъ (Историческіе матеріалы, собранные Евгеніемъ Вильчинскимъ). Е. Вильчинскаго.	425—441, 653—666
XVIII. Мужикъ на царскомъ дворѣ ночью (1686 г.). Изъ архивныхъ документовъ	442—443

	СТРАН.
XIX. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 8 сентября по 6 октября 1911 г.	444—450
XX. Изъ астраханской жизни Суворова. П. Юдина.	590—596
XXI. Лэди Портеръ. М. Мариной.	604—609
XXII. Какъ же ты меня узналъ?	610
XXIII. О памятникахъ Отечественной войны. Ф. А. Витберга	611—630
XXIV. Къ исторіи раскола. Сообщ. И. Суворовъ.	674—675
XXV. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 6 октября по 1 декабря 1911 г.	676—684

Приложенія:

- I. Портретъ А. П. Ермолова (при X-й книгѣ).
- II. Карта сраженія подъ Смоленскомъ 5 августа 1812 года (тамъ же).
- III. Эпизодъ изъ боевъ подъ Краснымъ съ 3 по 6 ноября 1812 г. (при XI-й книгѣ).
- IV. Переправа Великой арміи черезъ Березину 16 ноября 1812 г. (при XII-й книгѣ).
- V. Портретъ Георгія Ивановича Бобрикова (тамъ же).

Библиографическій листокъ.

1. Д. В. Философовъ. Старое и новое. Сборникъ статей по вопросамъ искусства и литературы. Изд. т-ва Сытина. Ц. 1 руб. 25 коп. (на оберткѣ октябрьской книги).
2. В. И. Гортевельдь. 1812 годъ въ пѣсняхъ. К-во К. И. Тихомирова. Москва 1912. Ц. 50 коп. (тамъ же).
3. А. Баіовъ. Ордин. проф. Имп. Николаевской Воен. Академіи. Значеніе В. О. Ключевского для русской военно-исторической науки (тамъ же).
4. Толстовскій музей. Томъ I. — Переписка Л. Н. Толстого съ гр. А. А. Толстой 1857 — 1903. Изданіе Общества Толстовекаго музея. Спб. 1911 (тамъ же).
5. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 8 по 15 сентября 1911 г. (тамъ же).
6. Труды Псковскаго археологическаго общества, 1911—1912 гг. Выпускъ 8-й. Псковъ. 1912 г. (на оберткѣ ноябрьской книги).
7. Дѣйствія Нижегородской ученой архивной комиссіи. Сборникъ. Томъ XII. Выпуски I, II. Томъ XIII. Выпускъ III. Нижній-Новгородъ 1912 г. (тамъ же).

8. Отчетъ Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея имени Императора Александра III въ Москвѣ за 1908—1911 годы (тамъ же).

9. Александръ Ермоловъ. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ 1777—1861. Спб. 1912 (тамъ же).

10. Вл. Череванскій. Творчество русской силы. Части I и II. Историческая монографія (тамъ же).

11. Казачьи войска. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. Подъ редакціей В. К. Шенкъ. Составилъ В. Х. Казинъ (тамъ же).

12. Исторія 13-го Драгунскаго военнаго ордена, генераль-фельд-маршала Миниха полка. Томъ II. Составилъ полковникъ А. Григоровичъ. Спб. 1912 г. (тамъ же).

13. И. С. Симоновъ. Графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ и военно-учебное вѣдомство. Спб. 1912 г. (тамъ же).

14. Историческая записка Архангельской Ломоносовской гимназій (1811 — 1911). Составили Н. К. Кизель и В. И. Мазюкевичъ. Архангельскъ 1912 г. (тамъ же).

15. Великій Князь Николай Михайловичъ. Петербургскій Некрополь. Томъ второй. (Д—Л). Спб. 1912 г. (на оберткѣ декабрьской книги).

16. Толковый словарь живого великорусскаго языка Владиміра Даля. 4-е исправленное и значительно дополненное изданіе, подъ ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртена. Въ четырехъ томахъ. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб. и М. (тамъ же).

17. В. Семенниковъ. Литература и книгопечатаніе въ провинціи со времени возникновенія гражданскихъ типографій по 1807 годъ. Библиографическіе матеріалы. Спб. 1911 г. Библиографическій списокъ книгъ, напечатанныхъ въ провинціи со времени возникновенія гражданскихъ типографій по 1807 годъ. Спб. 1912 г. (Оттиски изъ журнала „Русскій Библиофилъ“) (тамъ же).

18. Д. Малининъ. Начало театра въ Калугѣ. (Къ исторіи калужскаго театра въ XVIII вѣкѣ). Калуга. 1912 г. (тамъ же).

19. Ив. Абрамовъ. Что говорятъ забытыя могилы. Подъ редакціей и съ предисловіемъ М. В. Новорусскаго. Спб. 1912 г. (тамъ же).

20. Григорій Тимошеевъ. А. А. Алябьевъ. Очеркъ жизни и творчества. Изд. П. Юргенсона. 1912 г. Ц. 1 р. (тамъ же).

21. Переписка М. А. Балакирева съ П. И. Чайковскимъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями С. Ляпунова. Изд. Циммерманъ. Ц. 1 р. (тамъ же).

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.

1913 г. 8-й годъ изданія.

Открыта подписка на 1913 г. на единственный въ Россіи двухнедѣльный Художественно-Литературный и научный журналъ съ роскошными картинами въ краскахъ по образцу лучшихъ заграничныхъ изданій.

ПРОБУЖДЕНІЕ

Девизъ изданія 1913 г.: „дать только прекрасное“.

Программа журнала: Романы, повѣсти и рассказы. Стихотворенія. Очерки изъ исторіи и исторіи литературы. Фельетоны. Сатирическіе и юмористическіе рассказы. Критика, живопись, скульптура, театр и музыка. Путешествія. Этнографическіе очерки. Записки и воспоминанія. Научныя и политическія статьи. Вопросы гигиены и физическаго развитія. Вопросы воспитанія. Изящныя работы. Охота. Спортъ. Пьесы для любительскихъ спектаклей. Ночи. Домашнія занятія, игры и развлечения. Библиографія.

Постоянное участіе выдающихся русскихъ писателей.

Небывалый успѣхъ журнала, опредѣлившійся въ громаднѣйшемъ количествѣ постоянныхъ подписчиковъ, даетъ возможность въ 1913 г. печатать журналъ на еще болѣе дорогой бумагѣ, увеличивая его объемъ, формулировать книги и выдать рѣдкія по изяществу, весьма цѣнныя литературныя и художественныя приложенія.

Подписавшіеся на 1913 г. получаютъ (1-го и 15-го числа cadaго мѣсяца): **24 роскошныхъ выпуска** Художественно-Литературнаго и Научнаго журнала по образцу лучшихъ заграничныхъ изданій, въ великолѣпныхъ тисненыхъ обложкахъ. **60 картинъ:** автотипій въ краскахъ, на паспарту, олеографій, портретовъ. **12 изящныхъ книгъ** избранныхъ и новыхъ рассказовъ любимыхъ русскихъ писателей съ портретами, въ художественныхъ обложкахъ. **Будутъ выданы сочиненія:**

Аверченко, Д. Т. Амфитеатрова, А. В. Арцыбашева, М. П. Будищева, А. Н. Гусева-Оренбургскаго, С. И. Измайлова, А. А. Нуркина, А. И. Новые рассказы. Мамина-Сибиряна, Д. Н. Потапенко, И. И. и друг. Новые рассказы. Снитальца (Петрова, С. Г.). Тихонова, Вл. А. Щепиной-Нуркиной, Т. Л. 6 книгъ профессора П. Кудрявцева. Римскія Женщины иллюстриров. картинами знаменитыхъ художниковъ: Альма Тадема, Семпрадскаго и др. красив. изданіе. 4 книги собранія сочиненій „Такъ говорилъ Заратустра“ Ф. Ницше съ портретомъ и критико-біографическимъ очеркомъ Г. Файнгингера.

Цѣнныя художественныя преміи:

Волны играютъ (ипфма). Картина въ краскахъ для гостиной знаменит. художн. А. Либшера. (Размѣръ: 37×78). **Роскошное Пано** въ краскахъ для столовой „фрукты“ художн. І. Альбусера (размѣръ: 33×79).

Стоимость этихъ картинъ въ художественныхъ магазинахъ 25 руб. Работа поставщиковъ ДВОРА Е. И. ВЕЛИЧЕСТВА Голицыне-Вильборгъ.

Изящный бюварь съ открытыми письмами

для украшенія письменнаго стола, съ имитацией на муаровыхъ крышкахъ серебряной доски и барельефа статуи *Ант-кольскаго „Іоаннъ Грозный“*.

Пробный № высылается за 35 к. почтовыми марками.

Подписная цѣна: На годъ (безъ доставки) 7 р.; съ доставкой и пересылкой 8 р.; на полгода 5 р., на 3 мѣсяца 3 р. За границу 10 р.

Редакція журнала „ПРОБУЖДЕНІЕ“, С.-Петербургъ, Невскій пр., 114.

Въ 1913 году (2-й годъ изданія)

Ежемесячное иллюстрированное изданіе

„Прекрасное Далекое“

(журналъ путешествій, старины и изученія жизни народовъ)

въ цѣляхъ популяризаціи своихъ идей дать своимъ подписчикамъ въ премію (одному изъ каждаго четырехсотъ)

ПОѢЗДКИ (ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЯ) ЗА СЧЕТЪ ЖУРНАЛА
ПУТЕШЕСТВІЯ

(по предложеннымъ редакціей маршрутамъ).

Журналъ издается по слѣдующей программѣ:

1) Россія и ея старые годы. 2) Былое странъ зарубежныхъ. 3) Античный міръ. 4) Современная жизнь народовъ. 5) Красоты міра. 6) Статьи, очерки и замѣтки, посвященные вопросамъ культурнаго развитія.		7) Письма и впечатлѣнія путешественниковъ. 8) Область изящныхъ искусствъ и исканій. 9) Цвѣтникъ Прекраснаго Далекое: Беллетристика и поэзія строго эстетическаго характера. 10) Практическія указанія по вопросамъ, родственнымъ журналу.

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

Цѣль и назначеніе журнала: Путемъ подбора матеріала эстетическаго содержанія пробуждать и поддерживать интересъ къ вѣчной умиротворяющей красотѣ.

Содержаніе №№ перваго года журнала, маршруты и условія выдачи премій изложены въ проспектахъ, высылаемыхъ бесплатно по требованію.

Подписная цѣна на годъ 5 рублей.

Редакція и контора журнала: Москва, Тверской бульв., Богословскій пер., д. 8. Телеф. 155—23. 1—3

Открыта подписка на 1913 г. (24-й год издания).
Подписной годъ считается съ 1-го ноября 1912 г. по 1-е ноября 1913 г.

ПРИРОДА и ЛЮДИ

52 №№ художественно-иллюстрированного журнала (романы, повѣсти, рассказы; статьи по всемъ отраслямъ знанія; современная жизнь; спортъ).
Безплатныя приложения: абонементъ № 1 или № 2 или № 3, по выбору г.г. подписчиковъ:

Абонементъ № 1.

44 книги (7.000 стран.) богато иллюстрированного, полного собрания романовъ

А. Д Ю М А

Графиня Шарль.—Кавалеръ Краснаго Замка (Шевье-де-Мезонъ Рушь).—Асканьо.—Два Дьяна.—Королева Марго.—Графиня де-Монсоро.—Сорокъ пять.—Записки врача (Жозефъ Бальзано).—Капитанъ Поль.—Савъ-Велече.—Эмма Ллона.—Корсиканское Семейство.—Женщина съ бархатной.—Дръ Серванъ.—Сальтеадоръ.—Паскаль Бруно.—Прикл. Лидерина.
Въ 1912 г. мы дали первую половину романовъ Дюма въ 40 книгахъ, а нынѣ приступаемъ къ изданію второй половины сочиненій знаменитаго романиста. Сюда войдетъ цѣлый рядъ увлекательныхъ произведеній, по богатству интриги и неисчерпаему разнообразію сюжетовъ нисколько не уступающихъ романамъ первыхъ сорочка книгъ романовъ А. Дюма. Первые 40 книгъ полнаго собр. романовъ А. Дюма можно получить за доплату 6 руб.

Абонементъ № 2.

36 книгъ (6.000 стран.), иллюстрированное собрание сочиненій знаменитаго американскаго романиста

ФЕНИМОРА КУПЕРА

Шпионъ.—Пионеры.—Лодманъ.—Люденья Линкольнъ (Осада Бостона).—Послѣдній изъ могиканъ.—Красный Корсаръ.—Прерія (Американскія степи).—Пѣнители моря (Морская вошпебница).—Браво (Венеціанскій бандитъ).—Слѣдопытъ (Шутователь въ пустыни, или Озеро Онтарио).—Мерседесъ де-Кастилья (Открытие Америки).—Звѣрбой.—Два адмирала.—Блуждающій огонь.—Хижина на холмѣ.—На сушѣ и на морѣ.—Сатанстов.—Краснокожкі.—Колонія на кратерѣ.—Морскіе львы (Охотники за тюленями).

12 книгъ (2.600 стр.) иллюстрированного журнала (4-й годъ издан.)

МІРЪ ПРИКЛЮЧЕНІЙ

Въ «Мірѣ Приключеній» помѣщаются только новѣйшія произведенія выдающихся русскихъ и иностранныхъ беллетристовъ: научно-фантастическіе, бытовые и историческіе романы, увлекательныя повѣсти и рассказы,—съ массою иллюстрацій.

Абонементъ № 3.

18 книгъ (2.000 стр.) общедоступныхъ научныхъ сочиненій;

БИБЛИОТЕКА ЗНАНІЯ

издаваемая при ближайшемъ участіи и подъ редакціей: проф. В. Ф. Адлера, Г. Г. Генкеля, проф. А. М. Никольскаго, проф. А. Л. Погодина, проф. В. В. Фармаковского, прив.-доц. Л. В. Шерба и др.

Кн. 1. Какъ мы говоримъ. Кн. 2. Происхожденіе нашихъ домашнихъ животныхъ. Кн. 3. Культура дикихъ народовъ. Кн. 4—5. Погода и ея значеніе для практической жизни. Кн. 6—7. Молекулы, атомы, мировой эфиръ. Кн. 8—9. Доисторическая Греція. Кн. 10. Гигіена физическихъ упражненій. Кн. 11. Исторія колоній. Кн. 12—13. Индогерманцы. Кн. 14—15. Вавилонъ, его исторія и культура. Кн. 16. Природа и жизнь. Кн. 17—18. Географическій справочникъ.

7 книгъ (800 стр.) популярная **АСТРОНОМІЯ**

К. Фламмаріона съ особымъ приращеніемъ: новѣйшіе успѣхи астрономіи, составленныя проф. К. Д. Покровскимъ.

Подписная цѣна: На 52 №№ журнала «Природа и Люди» съ бесплатнымъ приложеніемъ одного изъ трехъ абонементовъ (по выбору г.г. подписчиковъ) 6 руб. въ годъ безъ дост. и перес. 7 руб. въ годъ съ дост. и перес. Разсрочка допускается: при подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 июля остальные. Или въ теченіе первыхъ 7 мѣсяцевъ, начиная съ ноября, по 1 руб.

Г.г. Подписчики одновременно съ подпиской на любой абонементъ, сверхъ того, могутъ получать, по своему выбору, любые приложения изъ другихъ абонементовъ, но за особую доплату, а именно: 36 кн. Ф. Куенера за 3 р. 80 к. «Мірѣ Приключеній» за 1 р. 80 к. «Библиотека Знанія» за 4 р. «Популярная астрономія» за 1 р. 60 к. Сочиненія Александра Дюма 44 кн. за 5 р. 60 к. Разсрочка за доплатныя приложения допускается отъ 1 р.

Главная контора: СПБ., Стремяная ул., № 12 соб. домъ. Издатель П. П. Сойкинъ.

Будильникъ

(49-й годъ изданія)

Журналъ прогрессивный, юмористическій, сатирический и, вообще, очень хорошій, „БУДИЛЬНИКЪ“ безповоротно рѣшилъ открыть подписку на 1913 годъ на совершенно новыхъ основаніяхъ:

1. Подписка принимается отъ всѣхъ желающихъ безъ различія пола, партій и цвѣта волосъ.
2. Женщинамъ при подпискѣ отдается предпочтеніе передъ мужчинами, а мужчинамъ—передъ женщинами.
3. Подписка принимается: отъ годовыхъ подписчиковъ—на годъ, отъ полугодовыхъ—на пол-года.
4. Подписчики-брюнеты получаютъ за годъ: пятьдесятъ два номера „Будильника“ съ многокрасочными рисунками выдающихся русскихъ и иностранныхъ каррикатуристовъ и съ текстомъ лучшихъ юмористовъ,—прозаиковъ и поэтовъ. То-же самое получаютъ и подписчики-блондины.

Годовые подписчики всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, доплатившіе при подпискѣ всего 1 р., получаютъ роскошную цѣнную премію

„Сокровища Русской Живописи“

великолѣпно изданный альбомъ-фоліантъ, содержащій болѣе двухсотъ копій съ картинъ лучшихъ русскихъ художниковъ. Альбомъ отпечатанъ на слоновой бумагѣ.

5. Только по исключительному своему безкорыстію „Будильникъ“ взимаетъ:

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ВЪ МОСКВѢ: 1 годъ—8 р., $\frac{1}{2}$ года 4 р. 50 к., 3 мѣсяца—2 р. 50 к.

ВНѢ МОСКВЫ: 1 годъ—9 „ $\frac{1}{2}$ года 5 „ — „ 3 мѣсяца—3 „ — „

ВНѢ РОССІИ: 1 годъ 12 „ $\frac{1}{2}$ года 7 „ — „ 3 мѣсяца—4 „ — „

6. Премію получаютъ лишь годовые подписчики, доплатившіе при подпискѣ 1 рубль.

Адресъ «Будильника»—Москва, Леонтьевскій переулокъ, 12,—конечно, всѣмъ извѣстенъ.

Подписка принимается какъ въ конторѣ „Будильника“, такъ и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Изъ всего вышеназложеннаго слѣдуетъ:

Спѣшите подписаться на „Будильникъ“, ибо не слѣдуетъ откладывать на завтра того, что можно сдѣлать сегодня.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1913 г.

на СТАРЪЙШІЙ изъ ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ журналовъ

„Педагогическій Сборникъ“,

издаваемый при Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній.

49-й годъ изданія.

Выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 6 до 10 печатныхъ листовъ.

Въ неофициальной части 1912 года были, между прочимъ, помѣщены статьи: **Я. Н. Клитаревъ.** Вопросы религій и морали въ русской художественной литературѣ. **А. Барсовъ.** Литература послѣ Гоголя. „Обрывъ“. **Гончарова. А. Флёровъ.** О типѣ нужнаго для школы изданія произведеній художественной литературы. **М. Г. Попруженко.** Матеріалы по методикѣ анализа безконечно-малыхъ въ средней школѣ. **Вл. Шидловскій.** О желательности сообщенія историческихъ свѣдѣній по исторіи математики въ нашей средней школѣ. **А. Постниковъ.** Монометрической способъ опредѣленія коэффициента истиннаго расширенія жидкостей. **М. Фотъ.** Иностранные языки и хоровыя упражненія. **М. фонъ-Кригъ.** Физическое воспитаніе и физическое образованіе, ихъ цѣли, факторы и средства. **В. Чернышевъ.** Мысли К. Д. Ушинскаго объ обученіи и наставникахъ. **Евг. Лозинскій.** Воспитаніе вождей. **К. Житомирскій.** Педагогическія увлеченія. **В. Волинцевичъ.** Психологія переходнаго возраста. **А. Щепинскій.** Психологія футбола и другихъ игръ. **М. В. Соболевъ.** Наши дѣтскіе журналы за 1911-й годъ. **К. Лѣпиловъ.** Объ эстетическомъ развитіи учащихся. **И. С. Симоновъ.** Гр. Д. А. Милютинъ и военно-учебное вѣдомство. Статьи, замѣтки и рецензіи: **Ал. Пик. Острогорскаго, П. Ө. Каптерева, П. С. Дрентельна, И. И. Полянскаго, М. В. Соболева, Н. Бахтина, К. Лѣпилова, М. Г. Попруженко, В. Будапова, С. Бернштейна, Н. Саввина, М. Приселкова, Н. Покотило, А. Налимова, Евг. Лозинскаго, Вл. Шидловскаго, Н. К. Михайловскаго, С. Траиллина и др.**

Подписная цѣна съ доставкой 5 р. Иногородніе адресуютъ въ редакцію: Сиб., Тучковъ пер., д. 11, кв. 11.

Открыта подписка на 1913 годъ на органъ финансовой и
торгово-промышленной жизни

ФИНАНСОВОЕ

ОБОЗРѢНІЕ

(Годъ изданія 4-й). Журналъ выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ,

при участіи выдающихся авторитетовъ по всѣмъ отраслямъ экономической жизни.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ въ каждомъ номерѣ рядъ основныхъ статей по различнымъ вопросамъ государственнаго и народнаго хозяйства.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ точныя сообщенія о состояніи биржъ и денежныхъ рынковъ главныхъ центровъ Европы, анализы дѣятельности акціонерныхъ банковъ и столичныхъ фондовыхъ и товарныхъ биржъ.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ подробныя свѣдѣнія о Банковыхъ, Биржевыхъ и Страховыхъ дѣлахъ и Акціонерныхъ Торгово-Промышленныхъ Обществахъ въ Россіи.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ подробныя свѣдѣнія и отчеты по Золотопромышленной, Нефтяной, Хлопковой, Лѣсной, Сахарной, Горной и Сельско-хозяйственной промышленности.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ является двухнедѣльнымъ журналомъ, въ которомъ дѣловой мѣръ найдетъ всѣ необходимыя свѣдѣнія по всѣмъ интересующимъ его вопросамъ.

П о д п и с н а я ц ѣ н а :

въ С.-Петербургѣ и въ провинціи на годъ—8 р., на 6 м.—5 р.
За границу на годъ—10 р., на 6 м.—6 р.

Контора и редакция: С.-Петербургъ, Невскій, 22.

Объявленія и подписка принимаются въ редакціи журнала и въ книжныхъ магазинахъ. Подписавшіеся до 1-го января 1913 г. будутъ получать журналъ безплатно въ теченіе настоящаго года.

Редакторъ: *Н. Я. Хотовичъ.*

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ
въ 149, 150, 151 и 152 томахъ
„РУССКОЙ СТАРИНЫ“
изд. 1912 года.

А

- Абаза, А. М.**, лейтен. 1882 г., т. СLII, окт., 172.
- Августинъ**, архіеп. Дмитровскій, викарій московск. метрополіи 1817 г., т. СLI, іюль, 81, 110, 111, т. СLII, нояб., 342.
- Авдѣевъ**, Фед. Авдѣев. учитель Бѣжаницкаго народн. училища, 1878 г., т. СLI, авг., 221—231.
- Авраамій**, еписк. саратовск., т. СLI, авг., 254, дек., 502.
- Адамовичъ**, Максимъ Ив., офиц. † 1812 г., т. СL, апр., 60.
- Адикаевскій**, Васил. Семенов., чл. цензурнаго комит., т. СXLIX, янв., 139—143.
- Адлербергъ**, гр-ня, нач-ца Смольн. инсттута 1812 г., т. СLI, іюль, 89, авг., 216.
- Адлербергъ**, гр., секретарь Шувалова на Берлин. конгр. 1878 г., т. СXLIX, февр., 235, 243, 254.
- Азарьевъ**, Валдайск. предвод. двор. 1839 г., т. СLI, сент., 398.
- Аемъ**, Филимонъ, голланд. купецъ, 1696 г., т. СLII, дек., 653—661.
- Авлечеевъ**, Демянск. предвод. двор. 1839 г., т. СLI, сент., 398.
- Авиновъ**, брандмейст., родствен. Н. Г. Чернышевскаго, т. СL, апр., 68.
- Аксаковъ**, Иванъ Серг., † 1886 г., т. СXLIX, янв., 206, 208, 210, 213, февр., 324.
- Александра Юсифовна**, вел. княг., т. СXLIX, мартъ, 615, т. СLI, авг., 248, т. СLII, нояб., 297.
- Александра Павловна**, Палатина венгерская. † 1801 г., т. СXLIX, мартъ, 516.
- Александра Феодоровна**, Императрица, † 1860 г., т. СXLIX, февр., 237, т. СLI, авг., 244, 248.
- Александрова, А. Д.**, (Кочетова), артистка т. СXLIX, февр., 317.
- Александровъ**, Алексѣй, подпоручикъ † 1812 г., т. СL, апр., 60.
- Александровскій**, Саратовскій вице-губернат., т. СL, апр., 63.
- Александръ I**, Императоръ, р. 1777 † 1825 г., т. СXLIX, янв., 32—38, 59—61, 129—138, февр., 257—276, 401—424, мартъ, 458, 459, 523—538, 635, т. СL, апр., 13—20, 59, 117, 209—221, май, 409—444, іюнь, 446—491, прилож. 1—15, т. СLI, іюль, 3—34, 42, 44, 49, 51, 52, 71—85, 88—94, 110—117, 145, 148—157, авг., 165—169, 173—206, 260, 294, сент., 301, 307—321, 394—397, прилож., 135—140, т. СLII, окт., 95, 116, 119, 134—151, нояб., 303—321, 407, нояб., 223, 256, дек., 551—570, 562—607, 614—626, 633, 634, 645—651.
- Александръ II**, Императоръ, р. 1818 † 1881 г., т. СXLIX, янв., 52, 64, 165, 166, 171, февр., 296, 301—308, 330, 351, 355, 364, 401, 405, мартъ, 497, 533, 604—617, 650, т. СL, апр., 3, 30, 73, 80, май, 325, 330, т. СLI,

- авг., 236, 244, 249, сент. 338, т. СЛІ, июль, 127—133, сент., 405, т. СЛІІ, окт., 142, нояб., 234, дек., 479, 629.
- Александръ III**, Императоръ, р. 1845 † 1894 г., т. СXLIX, янв., 65, 114, 121, 160, 161, февр., 392, т. СL, апр., 78, 79, 80, май, 361, 367, дек. 531—544.
- Александръ**, герц. Виртемб., т. СL, июнь, 448.
- Алексѣвъ**, В. А., сообщ. „Стихотворенія Крестовскаго“, т. СXLIX, мартъ, 480.
- Алексѣвъ**, Петръ Петров. химикъ, проф. Кіев. унив. 1875 г., т. СL, июнь, 583.
- Алексѣвъ**, г.-ад., адм., 1904 г., т. СL, апр. 190, 194, май, 249, 251, 252, 253, 254, 255—289.
- Алексѣвъ**, бѣлозерскій предвод. двор. 1839 г., т. СЛІ, сент., 398.
- Алексѣй Александровичъ**, Вел. Кн., т. СXLIX, февр., 454.
- Алексѣй Михайловичъ**, Царь, р. 1629 † 1676 г., т. СЛІ, июль, 82, т. СЛІІ, нояб., 432, 439, 440, дек., 651, 656, 658.
- Алфіоновъ-Подольскій**, Я. Ѳ., дьяконъ 1828 г., т. СXLIX, 92, ян. мартъ, 476.
- Альбедиль**, бар., Петръ Романов., гоф-маршалъ 1822 г., т. СXLIX, мартъ, 530, 531, 532, 536.
- Альбединскій**, варшавск. ген.-губерн. 1880 г., т. СL, апр. 77.
- Альбовскій**, Е. А., сообщ.: „Шесть мѣсяцевъ въ Курляндіи“, т. СЛІІ, окт., 43—49, нояб., 406—415, дек. 597—603.
- Амбаловъ**, Е. О., подполков., 1839 г., т. СЛІ, сент., 400.
- Амвросій Подобѣдовъ**, митроп. спб. 1812 г., † 1818 г., т. СЛІ июль, 141.
- Амфилохій**, іеромонахъ 1823 г., т. СЛІ, июль, 117.
- Андерсонъ**, В. М., секретарь библіофила Н. К. Синягина, т. СL, апр., 112.
- Андраши**, гр. дипломатъ, т. СXLIX, февр., 233, 234, т. СL, май, 233, 236.
- Андреевскій**, Ив. Ефимов., профес., т. СL, май, 333—340, 342, 343, т. СЛІІ, дек., 534.
- Андреевъ**, арт.-пѣв. 1870 г., т. СXLIX, янв., 169, 170.
- Андріяшева**, А. Ѳ., сообщ.: „Воспоминанія стараго педагога“, т. СL, апр., 21—29.
- Аничковъ**, Борович. предвод. двор. 1839 г., т. СЛІ, сент., 398.
- Анна Иоанновна**, Императрица, р. 1693 † 1740 г., т. СXLIX, февр., 427, т. СЛІ, сент., 288, 358.
- Анна Павловна**, Вел. Княг., въ супр.-королева Нидерландская, р. 1795 † 1865 г., т. СXLIX, февр., 273, 421, т. СЛІ авг., 174, 214, т. СЛІІ, окт., 148, дек., 651.
- Анненковъ**, М. Н., т. СЛІІ, дек., 535.
- Анненковъ**, Никол. Ник., Кіевск. ген.-губ. † 1865 г., т. СL, апр., 26.
- Анненковъ**, Пав. Вас., литерат. † 1887 г., т. СXLIX, мартъ, 558, т. СL, апр., 112, июнь, 494.
- Анненская**, пѣвица 1867 г., т. СXLIX, февр., 318.
- Антоновичъ**, Б. профес. кіевск. унив. 1870 г., т. СL, июнь, 577, 578, 581.
- Антоновичъ**, полковн., помощн. гражд. вѣ Керчи, 1855 г., т. СXLIX, янв., 197, 199, 200.
- Анучинъ**, А. С. сообщ.: „Берлинскій конгрессъ 1878 года“, дневникъ веденный А. Д. Анучинымъ, т. СXLIX, янв., 39—58, февр., 231—255, мартъ, 461—470, т. СL, апр., 3—12, май, 223—236, т. СЛІІ, нояб., 221—238, дек., 482—503.
- Анучинъ**, Дм. Гавр., ген.-лейт. р., 1833 † 1909 г., дневникъ, веденный имъ во время Берлинск. Конгресса, т. СXLIX, янв., 39—58, февр., 231—255, мартъ, 461—470, т. СL, апр., 3—12, май, 223—236, т. СЛІІ, окт., 221—238, дек., 482—503.
- Аполанарій**, (Пуляшкинъ), настоят. Ростовск. Спасо-Яковлевск. Дмитріевскаго монаст. 1818 г., т. СЛІ, июль, 110.
- Апрѣлевъ**, Семень, подпоруч. 1839 г., т. СЛІ, сент., 398.
- Апухтинъ**, Александр. Львов., полечит. Варшавск. учебн. окр. 1872 г. т. СL, апр., 73—83.
- Апушкинъ**, В. А., т. СL, май, 258.
- Арачевскій**, гр., Алексій Андр., р. 1769 † 1834 г., т. СXLIX, янв. 61, мартъ, 525, т. СL, май, 428, июнь, 488, 454—465, 486, прилож., 9—13, т. СЛІ, июль, 3, 75, 77, 84, 146, 152, 163, авг., 176, 183, 184, сент. 286, 294, 297, 299, 311, 312, 315, 321, 322, 358, прилож. 140, т. СЛІІ, нояб., 324, дек., 549—570, 616, 651.
- Арапова**, В. А. пѣвица 1866 г., т. СXLIX, янв., 162.
- Араповъ**, совѣтн., рус. посольства въ Берлинѣ 1878 г., т. СЛІІ, нояб., 222.
- Аргамарковъ**, директ. 1-й казанской гимназ. 1767 г., т. СЛІІ, окт., 220.
- Аргамарковъ**, оф., участн. субботы 11 марта 1861 г., т., СЛІІ, окт., 138.
- Аргамарковъ**, т. СXLIX, янв., 92.
- Ареншильдъ**, полковн. 1812 г. т. СL, апр., 209.
- Аристовъ**, проф. Варшав. унив. 1872 г., т. СЛІ, сент., 404, 407, 408, 418.
- Арифельдъ**, ген., 1812 г., т. СL, июнь, 448, 600, т. СЛІ, авг. 169, сент. 311, 312, т. СЛІІ, окт., 129, нояб., 306, 324.
- Арсеньевъ**, полковн. 1812 г., т. СL, июнь, прилож. 14.

- Артамоновъ**, Л. К., 1886 г., т. СЛ, май, 376.
- Арцимовичъ**, сенат., 1887 г., т. СЛII, нояб., 312.
- Асановъ**, дѣлопроизводит. по хозяйст. части 2-го Сибир. казач. полка 1905 г., т. СЛ, май, 318.
- Аслапбеговъ**, контр-адм. 1882 г., т. СЛII, окт., 179, нояб., 358, 359.
- Астафьевъ**, Алексд., шт.-кап. † 1812 г., т. СЛ, апр., 60.
- Атласъ**, Д., сообщ.: „Эпизодъ изъ жизни Вел. Кн. Константина Павловича“, т. СXLIX, янв., 173—174.
- Афанасьевъ**, кап.-лейт., нач. штаба Владивосток. порта 1873 г., т. СXLIX, февр., 450, мартъ, 666.
- Афанасьевъ**, профес., медичъ, т. СЛ, июнь, 577, 581.
- Апъ**, баронъ, Смоленскій губернат. 1812 г., т. СЛI, июль, 8, прилож., 33.
- Апъ**, бар., депутат. Екатеринин. комис. для соч. проекта нов. уложенія отъ медич. коллегіи, т. СЛ, май, 354.
- Асанасій**, Саратов. архіер., т. СЛI, авг., 251, 252.
- Б**
- Багговуть**, Карлъ Фед., ген., р. 1761 † 1812 г., т. СЛ, июнь, прилож. 2, т. СЛI, июль, 41, 146, 151—153, 159, прилож., 23, авг., прилож., 48—69, 72, 74, 93, 102, сент. 303, т. СЛII, дек., 637, 641.
- Багратионъ**, Петръ Ив., ген. отъ-инф., р. 1765 † 1812 г., т. СЛ, апр., 209, 212—220, май, 418, 419, 437, 440, июнь, 463, 468, 611, 612, прилож., 3, 6, 9, 15, т. СЛI, июль, 4—70, 77, 93, 145, 148, 150, 153—161, прилож., 16—44, авг., прилож., 55—58, 67, 71, 91, 166, 176, 261—281, прилож., 47, сент., 304—319, 323—331, т. СЛII, окт. 109—129, 145, нояб., 306, 307, дек., 546, 631, 637, 641, 643.
- Багратионы**, князья, т. СЛI, июль, 34.
- Байковъ**, камеръ - юнкеръ 1812 г., т. СЛ, май, 410.
- Бауининъ**, Мих. Александ. р. 1814 † 1876 г., т. СXLIX, февр., 450.
- Балашовъ**, Алед. Дм., ген.-ад. 1812 г., † 1837 г., т. СЛ, май, 416, 421, 422, июнь, 448, 451, 452, 455—465, прилож., 2, 13, т. СЛI, июль, 3, 75, 84, 163, сент., 313, 321, т. СЛII, нояб., 305, 306, дек., 544—545.
- Балъгъ**, Алексѣй Орест., морск. офиц. 1876 г., т. СXLIX, мартъ, 670, 671.
- Балобіани**, вице-презид. м-х. акад. 1853 г., т. СЛII, нояб., 421.
- Бальменъ**, гр., рус. комиссаръ на о. Св. Елены 1817 г. т. СЛ, апр., 162.
- Банкъ**, присяж. повѣрен., т. СЛII, дек., 474.
- Бантышъ - Каменскій**, Дм. Никол., писат. т. СXLIX, февр., 425.
- Барановскій**, проф. Варшав. унив., 1872 г., т. СЛI, сент., 428.
- Барановъ**, фл.-ад., команд. „Весты“, 1878 г., т. СXLIX, февр., 232.
- Барановъ**, таврич. губернат., 1820 г., т. СЛ, апр., 109, т. СЛII, дек., 595.
- Барбо**, арт.-пѣвица 1870 г., т. СXLIX, янв., 168.
- Барклай-де-Толли**, кн. Мих. Богд., фельдм., р. 1761 † 1818 г., т. СXLIX, февр., 277, 279, 282, т. СЛ, апр., 209—221, май 416—444, июнь, 449—483, 593, прилож., 2, 11, т. СЛI, июль, 4—32, 53, 77, 92, 93, 145, 154—161, прилож., 16—44, авг., 172—207, 258, 260—281, прилож., 62, 76, сент., 301—331, прилож., 133, т. СЛII, окт., 108—135, нояб., 307, дек., 543, 615, 631—652.
- Барсовъ**, врачъ 1886 г., т. СЛ, май, 379.
- Бартенева**, маіоръ 1804 г., т. СЛI, авг., 238.
- Бартенева**, П. И., издат. „Рус. Арх.“ † 1912 г., т. СЛ, апр., 111, июнь, 478.
- Барышевъ**, Ефремъ Ефремов., писат., сотруд. „Отч. Зап.“ 1848 г., т. СЛ, июнь, 494, 495.
- Баторій**, Стефанъ, 1581 г., т. СXLIX, янв., 144.
- Батюшковъ**, К. Н., писат., т. СЛII, дек., 612, 613.
- Бауверъ**, ген.-лейт. † 1812 г., т. СЛ, апр., 36.
- Бахметьевъ**, ген. 1812 г., т. СЛI, сент. 303.
- Бахметьевъ**, дипломатъ 1880 г., т. СXLIX, февр., 446.
- Бахтинъ**, ст. секрет. 1839 г., т. СЛI, сент. 399.
- Бачмановъ**, Степагъ, лейтен. 1839 г., т. СЛI, сент., 398.
- Башмаковъ**, т. СXLIX, янв., 25.
- Бегичевъ**, ген.-м. 1812 г., т. СЛI, сент., 291.
- Безакъ**, ген., Алексд. Павл., Оренбург. ген. - губернат., † 1869 г. т. СЛII, окт., 88.
- Безобразова**, М. В., сообщ.: „Дневникъ акад. В. П. Безобразова“ 1886 г., т. СXLIX, янв., 62—67, т. СЛII, нояб., 296—302, дек., 530—535.

- Безобразовъ, В. П.**, акад., его дневникъ 1886 г., т. СХLIX, янв., 62—67, т. СLII, нояб., 296—302, дек., 530—535.
- Безобразовъ**, адм. 1904 г., т. СL, май, 281.
- Безобразовъ**, 1870 г., т. СХLIX, янв., 28.
- Безсоновъ, П. А.**, т. СХLIX, янв., 219.
- Бекетовъ**, астрах. губернат., 1764 г., т. СLII, нояб., 340.
- Беклемишевъ, Н. Д.**, врачъ 1900 г., т. СLII, окт., 37.
- Бекъ**, чиновн. ин. коллегіи 1812 г., т. СL, май, 421.
- Белелюбскій, Фед. Мих.**, офицеръ, † 1812 г., т. СL, апр., 61.
- Белимарковичъ**, сербск. ген., 1877 г., т. СLII, д к., 523, 524, 526.
- Бенкендорфъ**, гр. Алексд. Христоф., т. СХLIX, мартъ, 524, 525, 526, т. СL, июль, 146, 155, авг., 216.
- Беннигсенъ**, гр., Леонтій Леонтьев., ген., р. 1745 † 1826 г. т. СХLIX, янв., 33, 37, 38, февр., 257—268, мартъ, 465, 486, 486, т. СL, май, 238, 242, 411, июнь, 448, 451, 475, 598, 602, 609, прилож. 5—10, т. СL, июль, 5—32, 41, авг., 169, 176, 214, 216, 261, 262—281, прилож., 65, 69, 76, 80, 82, 85—95, 107, 112, 113, сент., 305, 311, 312, прилож., 137, 138, т. СLII, окт., 13, 129, 138, нояб., 306, 338, дек., 634, 636, 641, 648.
- Бергъ, Никол. Васил.**, лекторъ Варшав. унив. 1872 г., т. СL, сент., 413, 430.
- Бергъ**, гр., Фел. Фел., намѣстн. ц. польскаго, т. СL, сент., 405.
- Бергъ**, капит. 1809 г., т. СХLIX, февр., 271.
- Бергъ**, гр., т. СХLIX, янв., 167.
- Бередииковъ, Ив. Тимоѳ.**, купецъ 1813 г., т. СХLIX, янв., 69.
- Бередииковъ, Яковъ Ив.**, акад., археографъ, т. СХLIX, янв., 68, 69, 70, 71.
- Бестужевъ-Рюминъ, А. Д.**, 1812 г., т. СL, июль, 79.
- Бестужевъ**, гр., Алексѣй Петров., р. 1683 † 1766 г., т. СХLIX мартъ, 619, 620, 627, 628.
- Бестужевъ - Рюминъ**, Влад. Павл., прал., † 1812 г., т. СL, апр., 61.
- Бестужевъ, М. П.**, гофъ-марш. 1756 г., т. СХLIX, мартъ, 620.
- Бибииковъ**, ген., маршалъ комиссіи для сочин. проекта нов. уложенія 1768 г., т. СХLIX, мартъ, 657.
- Биконсфильдъ**, англ. государств. дѣятель. † 1841 г., т. СХLIX, февр., 233, 238, 239, 251, т. СLII, окт., 51, 57, 59.
- Бильбасовъ, Вас. Алексѣев.**, т. СХLIX, мартъ, 550, 628.
- Бильбасовъ**, проф. кievскаго унив. 1870 г., т. СL, июнь, 577.
- Бильдерлингъ**, бар. А. А., генераль 1887 г., т. СL, май, 367, 384.
- Биронъ**, Карлъ, т. СХLIX, мартъ, 646.
- Биронъ**, Эрнестъ, герц. курлянд., т. СLII, авг., 216, т. СLII, нояб., 407.
- Биронъ**, княжна, воспит. Смольнаго инст., 1806 г., т. СL, авг., 216.
- Бисмаркъ**, нѣмецк. государ. дѣятель, т. СХLIX, янв., 54, февр. 239, 243, 250, 251, мартъ, 462, т. СL, май, 232, дек., 499.
- Бистромъ**, полковн., бригадн. команд., 1812 г., т. СL, июнь, прилож. 1.
- Благовѣщенскій**, проф., рект., Варшав. унив., 1874 г., т. СL, сент., 429.
- Благосвѣтловъ**, Григ. Евлампіевичъ, писат., † 1880 г., т. СХLIX, мартъ, 474, т. СL, май, 302.
- Блессовъ**, майоръ, воен.-писат., т. СLII, дек., 633.
- Блотлингъ**, художн., т. СLII, дек., 656.
- Бобриковъ, Г. И.**, сообщ.: „Эпизодъ изъ Сербской коопераціи“, т. СХLIX, февр., 296—302, „Въ Румыніи передъ войной 1877 г.“, т. СL, май, 290—295, т. СL, авг., 208—212, сент., 332—342, „Въ долини Дуная въ 1877 г.“, т. СLII, окт., 29—35, нояб., 232—255, дек., 504—529, упомин. янв., 52, 57, 58, февр., 232, 234, 240, 241, 243, 249, апр. 3, 10, 11, май, 230.
- Бобриковъ, Н. И.**, ген.-лейт., нач. штаба сб. воен. округа 1882 г., ген., т. СХLIX, янв., 121, мартъ, 464, 466, 468, 470, т. СLII, нояб., 221, 222, 223, 224, 225, дек., 489—502.
- Бобринскій**, гр., полковн. 1904 г., т. СL, май, 263.
- Богдановичъ**, Модестъ Ив., профес., писатель, р. 1805 † 1882 г., т. СL, июнь, 464, 466, 486.
- Боголюбовъ, А. А.**, полковн. ген. штаба, 1878 г., т. СХLIX, янв., 52, 57, 232, 234, 235, 241, 243, мартъ, 464, 470, т. СL, апр., 3, 9, 11, май, 230, 236, т. СLII, нояб., 221, 224, 232, дек., 491—502.
- Боголюбовъ**, священ. 1892 г., т. СХLIX, февр., 314, 315.
- Боконъ**, докт., 1883 г., т. СLII, нояб., 278, дек., 538, 539.
- Болотниковъ**, адъют. инспект. д-та морск. мин-ва, т. СХLIX, февр., 448.
- Болотовъ**, Андр. Тимоѳ., писат., т. СL, сент., 359, 360, 361, 368.
- Боргъ**, графъ, т. СХLIX, янв., 162.

- Борецкій-Бергфельдъ, Н.**, сообщ.: „Императоръ Павелъ I и политическія судьбы Италіи“, т. CXLIX, мартъ, 509—522, ул. май, 396—408.
- Борисовъ, И. П.**, т. CXLIX, мартъ, 558.
- Бородинъ, А. М.**, 1820 г., т. CL, апр., 110, т. CLII, дек., 637, 638, 642.
- Бородинъ, ген.-лейт.** 1812 г., т. CLI, июль, 46, авг., прилож. 66, 100, 113, 115, 119, прилож., 122.
- Борхъ, ген.**, 1881 г., т. CLI, сент., 378.
- Боткинъ, Серг. Петров.**, т. CXLIX, янв., 109—111, т. CLII, окт., 2.
- Боткинъ, художн.**, т. CL, июнь, 501.
- Брандтъ, акад.** 1870 г., т. CLII, окт., 100.
- Браниціе, графы**, т. CLII, дек., 614.
- Браунъ, Ив.**, рект. Казанск. унив. 1815 г., т. CXLIX, янв., 69.
- Бревернъ-де-Лагарди, гр., А. И.**, т. CXLIX, янв., 121.
- Брикнеръ, профес.**, т. CXLIX, мартъ, 654.
- Бровцынъ, Алексѣй**, поруч. 1839 г., т. CLI, сент., 398.
- Бровцынъ, А. П.**, Новгород. уѣздн. предводит. дворян. 1840 г., т. CLI, сент., 401.
- Бровцынъ, С. М.**, подполков., 1839 г., т. CLI, сент., 400.
- Бровцынъ, Ѳедотъ, лейтен.** 1839 г., т. CLI, сент., 398.
- Бродовскій, проф.** Варшавскаго унив. 1872 г., т. CLI, сент., 427, 428.
- Броновскій, Д. Б.**, ген.-м., директ. лицея 1840—1853 г., т. CXLIX, февр., 404.
- Броновскій, С. М.**, еоюдосійск. градонач. 1820 г., т. CL, апр., 110.
- Брунновъ, Филиппъ Ив.**, дипломатъ, † 1875 г., т. CXLIX, мартъ, 617.
- Брутковъ, 1812 г.**, т. CLI, июль, 89.
- Брюзгинъ, А. В.**, врачъ, 1889 г., т. CLI, нояб., 276—282, дек., 537, 538.
- Брюлловъ, архитект.**, 1839 г., т. CLI, сент., 398, 399.
- Брюмеръ, вице-адм.** 1882 г., т. CLII, нояб., 360.
- Брянцевъ, филологъ**, т. CL, июнь, 576.
- Вудаговъ, составитель „Сравнит. словаря турецк.-татар. нарѣчія“**, 1870 г., т. CLII, окт., 90, 91.
- Будбергъ, Андрей Яковл.**, мин. иностр. дѣлъ, р. 1750 † 1812 г., т. CXLIX, янв., 34, 35, 37, 57, 58, февр., 258, 264, т. CLI, авг., 215, 216, т. CLII, окт., 145.
- Будзинскій, проф.** Варшавскаго унив., 1872 г., т. CLI, сент., 419.
- Буковский, т. CLII, дек., 539.**
- Буксегвденъ, гр., Ѳед. Ѳед., ген.**, 1750 г., † 1811 г., т. CXLIX, февр., 270, т. CL, май, 243, июнь, прилож., 70, т. CLI, авг., 214, 216, сент., 297, 299, т. CLII, окт., 145.
- Булгаковъ, Алсд. Яковл.**, Московскій почтъ-директ. въ 1811—1814 г., т. CL, апр., 31—45, май, 408—429, июнь, 597—614, т. CLI, июль, 134—144, авг., 165—171, сент., 289—293, т. CLII, окт., 12—16, нояб., 322—339 дек., 542—550.
- Булгаковъ, Конст. Яковлев.**, сост. при главн. кварт. дѣйств. арміи по дипломатической перепискѣ 1812 г., р. 1782 † 1835 г., т. CL, июнь, 598, т. CLI, авг., 168.
- Булгаковъ, Яковъ Ив.**, дипломатъ, † 1809 г., т. CL, май, 422.
- Булгаринъ, Ѳад. Венед.**, писатель, р. 1789 † 1859 г., т. CXLIX, янв., 20, т. CLI, авг., 180, 182.
- Бумеръ, арт.-пѣвица** 1880 г., т. CXLIX, янв., 166.
- Бунге, Никол. Христ.**, профес., мин. финан., † 1895 г., т. CLII, нояб., 297, т. CL, июнь, 577—589, т. CLI, июль, 132, т. CLII, нояб., 297.
- Буславъ, Ѳед. Ив.**, акад., т. CXLIX, янв., 218, т. CL, июнь, 546.
- Бутаковъ, адм.**, 1856 г., т. CXLIX, февр., 367.
- Бутеневъ, диплом.**, 1878 г., т. CXLIX, февр., 254, т. CLII, нояб., 222.
- Бутовичъ, Пав. Венедиктов.**, поруч. † 1812 г., т. CL, апр., 60.
- Бухановскій, Ив.**, студ. Кіевск., унив. 1874 г., т. CL, июнь, 568.
- Бѣгичевъ, Ив., Матв.**, ген.-м., 1812 г., т. CLI, сент., прилож., 125.
- Бѣлавинъ, Н. И.**, Новгород. предводит. дворян., 1840 г., т. CLI, сент., 401.
- Бѣлавинъ, офиц.**, 1812 г., т. CXLIX, февр., 276.
- Бѣлинскій, Виссар. Григ.**, † 1848 г., т. CXLIX, янв., 100, т. CL, июнь, 588.
- Бѣловъ, Е. А.**, педагогъ, т. CXLIX, мартъ, 477.
- Бѣльковичъ, Л.**, сообщ.: „Князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ“, т. CLI, июль, 33—70.
- Бѣляевъ, П. С.**, сообщ.: „Бытовые очерки прошлаго“, т. CLII, окт., 65—86.
- Бѣляевъ, Митроф. Петровичъ**, муз. т. CXLIX, февр., 314.
- Бѣляевъ, Серг. Петров.**, чл. Госуд. Думы, т. CXLIX, февр. 314, 315.
- Бюцовъ, рус. посланникъ въ Пекинъ** 1876 г., т. CXLIX, февр., 346.

В.

- Вайтъ**, художн., т. СЛІІ, дек., 656.
- Валицкій**, Феликсъ Тадеушев., прапорщ. † 1812 г., т. СІ, апр., 59.
- Валицкій**, кап.-лейт., командиръ трансп. „Манджура“, 1873 г., т. СХLIX, февр., 452.
- ф.-Валисъ**, лейт. 1812 г., т. СІ, июль, 96.
- Вальтеръ**, лекторъ фр. яз. 1848 г., т. СЛІІ, окт., 96.
- Вальцъ**, Як. Як., проф. кіевск. унив. 1875 г., т. СІ, июнь, 582.
- Ванновскій**, Петръ Семен., воен. мин. 1881 г. т. СХLІ, янв., 115—117, февр., 392.
- Варадиновъ**, Никол. Васил., членъ совѣта мин. по дѣламъ книгопечатанія 1865 г., т. СІ, июнь, 493.
- Васиковъ**, Серг. Петров., поруч. † 1812 г., т. СІ, апр., 61.
- Васильева**, Анна Кирилов., рожд. Козачковская, т. СІ, апр., 65. 66, 71.
- Васильева**, Ольга Сократовна, въ зам. Чернышевская, т. СІ, апр., 66, 67, 68, 70, 71.
- Васильевъ**, гр. Алексѣй Ив., мин. фин. † 1807 г., т. СІ, апр., 6, май, 239.
- Васильевъ**, Сократъ Евгенъевичъ, докт. удѣльной конторы, † 1860 г., т. СІ, апр., 63, 64, 65, май, 306.
- Васильевъ**, акад. 1887 г., т. СЛІІ, нояб., 298.
- Васильчикова**, Евг. Влад., пѣвица, 1866 г., т. СХLIX, янв., 162, февр., 317.
- Васильчиковъ**, кн. Иллар. Васильев., ген.-ад. 1812 г., предсѣд. Гос. Сов. 1821 г., т. СХLIX, мартъ, 523, 526, т. СЛІ, июль, прилож. 37—40, авг., прилож. 55—57, сент., 313, т. СЛІІ, окт., 116, 123, дек. 640.
- Васильчиковъ**, кн., Кіевск. ген.-губ. 1860 г., т. СІ, апр., 25, 26.
- Васнецовъ**, В. М., художн., т. СІ, июнь, 537, 538.
- Вахарловскій**, ген.-м. 1839 г., т. СЛІ, сент., 398.
- Вахтангъ VI**, царь Грузіи, т. СЛІ, июль, 34.
- Введенскій**, Иринархъ Ив., пиеат., педагогъ, † 1855 г., СЛІІ, мартъ, 472, 473, т. СІ, май, 299.
- Веберъ**, дипломатъ 1880 г., т. СХLIX, февр., 446.
- Веденисова**, г-жа, т. СХLIX, янв., 99.
- Веденѣвъ**, депутатъ Тамбовск. однодворцевъ въ комис. для сост. проекта
- Фонъ-Вермейленъ**, г-жа 812 г., т. СЛІІ Нов. Уложен., т. СІ, май, 357. дек., 650.
- Вейссъ**, Л. И., проф. 1870 г., т. СЛІІ, окт., 100, 101.
- Вейссъ**, вилensk. почтмейст. 1812 г., т. СЛІ, авг., 169.
- Веліо**, нач. III отд., т. СЛІІ, нояб., 299.
- Вельяминовъ**, Ив. Алсд., ген., р. 1771 † 1837 г., т. СЛІ, июль, 146.
- Венгеровъ**, Сем. Аванас., писат., т. СІ, апр., 112.
- Веніаминовъ**, П. П., сообщ., „Лунное явленіе, видѣнное въ Москвѣ 1812 г., ноября 28-го дня“, т. СЛІІ, нояб., 401—405.
- Верещагинъ**, Алексѣй, полков., 1839 г., т. СЛІ, сент., 398.
- Верещагинъ**, Вас. Вас., † 1904 г. художн., т. СХLIX, мартъ, V, VI, т. СІ, янв., 500, 501.
- Верещагинъ**, 1812 г., т. СЛІ, авг., 169.
- Веригинъ**, Никол., шт.-кап. 1839 г., т. СЛІ, сент., 398.
- Веригинъ**, ген.-ад. 1866 г., т. СІ, апр., 84.
- Веригинъ**, полковн. 1870 г., т. СХLIX, янв., 28.
- Веселого**, ген., т. СЛІ, сент., 288.
- Веселовскій**, Конст. Степ., секрет., акад. наукъ, 1886 г., т. СХLIX, янв., 144, т. СІ, май, 365, т. СЛІІ, нояб. 297, дек., 532.
- Вилламовъ**, Григ. Ив., ст.-секрет. р. 1775 † 1842 г., личн. секрет. им-цы Маріи Феодоровны, его дневникъ т. СХLIX, янв., 31—38, февр., 257—269, мартъ, 455—460, т. СІ, апр., 13—20, май, 237—244, т. СЛІ, июль, 88—89, авг., 213—217, сент., 295—300.
- Вилламовъ**, Н. А., общ., „Дневникъ ст.-секр. Гр. Ив. Вилламова“, т. СХLIX, янв., 31—38, февр., 257—269, мартъ, 455—460, т. СІ, апр., 13—20, май, 237—244, т. СЛІ, июль, 88—94, авг., 213—217, сент., 295—300.
- Вилль**, баронетъ, Яковъ Васил., лейбъ-мед., т. СІ, июнь, 600, 608, прилож. 15, т. СЛІ, авг., прилож., 60, т. СЛІІ, окт., 95, дек., 556.
- Вилькенсъ**, Елисей, т. СЛІІ, дек., 653.
- Вильсонъ**, 1812 г., т. СЛІ, сент., 296.
- Вильчинскій**, Евг., сообщ., „Андрей Денисьевичъ Виниусъ“, т. СЛІІ, нояб., 425—441, дек., 653—666.
- Вилліамсъ**, Чарльзъ, англ. посолъ въ Спб. 1756 г., т. СХLIX, мартъ, 618, 627.
- Виниусъ**, Андр. Денисьев., голландецъ-купецъ, основат. Тульскихъ заводовъ, † около 1696 г., т. СЛІІ, нояб., 425—441, дек., 653—666.

- Виниусъ**, Андр. Андр., думный дьякъ, завѣдующ. желѣзн. дѣломъ 1696 г., дек., 657.
- Виноградовъ**, И. Н., свящ. 1835 г., т. СХLIX, мартъ, 473, т. СL, май, 302, т. СLII, окт., 5, нояб., 273.
- Винтергальтеръ**, художн. 1878 г., т. СХLIX, февр., 237.
- Виценгероде**, гр., Фердин. Фед., ген. р. 1770 †1818 г., т. СХLIX, янв., 61, т. СL, июнь, 475, т. СLII, июль, 25, авг., прилож. 59, 83, 97, сент., прилож. 139, т. СLII, окт. 116, нояб., 331, 334.
- Виртембергскій**, герцогъ, Александръ, Витеб. ген.-губ. 1812 г., т. СLII, май, 426, июнь, 448, т. СLII, сент., 323, 326, т. СLII, окт., 129.
- Виртембергскій**, ген., герц., Евгений, 1812 г., т. СLII, июль, прилож. 43, т. СLII, окт., 127, 130, дек., 635, 643.
- Висконти**, архитект. 1826 г., т. СХLIX, мартъ, 536.
- Вистицкій**, ген.-м. 1812 г., т. СLII, июль, 23, 25, т. СLII, дек., 636.
- Виталий** Гречулевичъ, еписк., т. СХLIX, февр., 385.
- Витбукъ**, Алсд. (Карль) Леонтьевичъ, дек., 620, 630.
- Витбергъ**, Ф., сообщ., „О памятникахъ Отечественной войны“, т. СLII, дек., 611—630.
- Витгенштейнъ**, гр., Петръ Христіан., ген. 1812 г., т. СL, апр., 59, 212, 213, май, 440, 444, июнь, 464, 482, прилож., 2, 12, т. СLII, июль, 93, 143, —161, прил. 34, авг., прилож. 120, 167, 168, сент., 291, 292, 303, 316, 320, 325, прилож. 124, 127—134, т. СLII, окт. 12—16, 108, 109, нояб., 321, 324, 331, 335—339, дек., 542—548, 615, 616.
- Витте**, Фед. Фед., почетн. Спб. учеб. округа, т. СL, апр., 22, 28, 29, 73, т. СLII, сент., 405, 413, 429, 430.
- Виперъ**, Корнелій, художн., т. СLII, дек., 654, 655.
- Вярдо - Гарсія**, Паулина, пѣвица, т. СХLIX, февр., 320, 559.
- Владиміръ Александровичъ**, Вел. Кн., т. СХLIX, янв., 121.
- Влангали**, дипломатъ, т. СХLIX, февр., 446.
- Власовъ**, А. С., т. СLII, нояб., 438.
- Власовъ**, Петръ Михѣев., офиц. † 1812 г., т. СL, апр., 60, т. СLII, авг., прилож. 96.
- Властовъ**, оф. 1812 г., т. СLII, сент., 316.
- Водозововъ**, Вас. Ив., писат.-педагогъ, т. СХLIX, мартъ, 561.
- Воейковъ**, Д., 1877 г., т. СLII, дек., 534.
- Воейковъ**, фл. ад. 1812 г., т. СL, май, 419, т. СLII, июль, прилож., 41.
- Войновичъ**, гр., 1780 г., т. СLII, дек., 595.
- Воиновъ**, Влад. Алекс. полковн., Курск. уѣздн. воинск. начальн., т. СХLIX, февр., 396, 397—400, мартъ, 659—662, т. СL, апр., 118, 120.
- Волковъ**, ген. 1905 г., т. СL, май, 313.
- Волконскій**, кн. Григ. Семенов., 1806 г., т. СL, май, 240.
- Волконскій**, кн., Дм., т. СLII, сент., 296, 298, 299.
- Волконскій**, кн., С. Г., 1812 г., т. СL, июнь, 449, т. СLII, июль, 75.
- Волконскій**, кн., Петръ Мих., фельд-марш., † 1852 г., т. СL, май, 437, июнь, 448, 454, 465, т. СLII, июль, 77, 146—149, 158, 159, авг., 173, 185, 186, 194, прилож., 92, 160, сент., 295, 296, 311, 315, 322, прилож. 137 т. СLII, окт., 118, нояб., 338, дек., 625.
- Вольскій**, Ив. Сав., подпоруч. † 1812 г., т. СLII, апр., 61.
- Вольфъ**, Л. М., т. СLII, июль, 109.
- Вольфъ**, Мавр. Осип., книгопродав. 1892 г., т. СХLIX, февр., 312—314, т. СLII, июль, 108, т. СLII, окт., 17.
- Вольфъ**, бар., директ. лица 1908—1910 г., т. СХLIX, февр., 406.
- Вольховскій**, лицейств., т. СХLIX, февр., 404.
- Вольцогенъ**, фл.-ад., 1812 г., т. СL, июнь, 454, 463, 475, т. СLII, июль, 19, авг., 196, 197, прилож. 56, сент., 301, 311, 312, 322, 327, т. СLII, окт., 111, 118, 121.
- Волховскій**, К., сообщ., „Материалы для біографіи князя М. И. Голицына-Кутузова“, т. СLII, сент., 283—288.
- Вороничъ де Паэнца**, графиня, 1870 г. т. СХLIX, мартъ, 609, 610.
- Вороновъ**, А., сообщ. „Яковъ Іоаннъ Урсинусъ. Проф., депутатъ Екатеринин. комис. для соч. проекта новаго Уложенія“, т. СХLIX, мартъ, 652—658, т. СL, апр., 180—187, май, 353—360.
- Вороновъ**, М., писат., т. СХLIX, мартъ, 472.
- Вороновъ**, Пав. Никол., сообщ. „Памяти графа Д. А. Милютина“, т. СХLIX, мартъ, I—VI, „Кто управлялъ русскими войсками въ іюнь 1812 г., послѣ переправы арміи Наполеона черезъ Нѣманъ“, т. СLII, июль, 145—163.
- Вороновъ**, шт.-кап. 1839 г., т. СLII, сент., 398.
- Воронцова**, гр-ня, фаворитка Петра III, т. СХLIX, мартъ, 630, 631.
- Воронцовъ**, Васил. Серг., пр офес. Пензенск. семин. 1828 г., т. СХLIX, янв., 91.

- Воронцовъ**, гр. Мих. Иллр., канцл. † 1767 г., т. CXLIX, мартъ, 620.
- Воронцовъ**, кн., Мих. Семенов., р. 1872 † 1866 г., т. CLI, июль, 46, авг., 237, прилож. 66, т. CLII, окт., 116.
- Воронцовъ**, гр., Семень Романов., по-солъ въ Лондонѣ, † 1832 г., т. CXLIX, мартъ, 519, дек., 555.
- Воскресенскій**, Г. С., учит. семинар., 1835 г., т. CXLIX, мартъ, 473.
- Врангель**, бар., Ф. Ф., директоръ лицея 1892—1896 г., т. CXLIX, февр., 406.
- Врангель**, генер. 1855 г., т. CXLIX, янв., 196, 197, 200.
- Всеволожскій**, ген., 1812 г., т. CLII, окт., 130.
- Всеволожскій**, кап., коменд., ст. Маньчжурія 1905 г., т. CL, май, 313.
- Вучичъ**, полковн. 1812 г., т. CLI, июль, 63, авг. прилож., 98.
- Вульфбергъ**, шт.-кап. 1812 г., т. CL, май, 443.
- Вульфъ**, адм., нач. морск. силъ въ Керчи 1855 г., т. CXLIX, янв., 197.
- Выричъ**, секретарь особ. по городск. дѣламъ присут. 1877 г., т. CXLIX, янв. 23, 28.
- Вырыпнскій**, ген.-м. 1799 г., т. CXLIX, февр., 270.
- Вышнеградскій**, Ив. Алексѣев. мин., фин., т. CLII, окт., 99, нояб., 296, 297, дек., 472.
- Вышнеградскій**, Н. А., т. CLII, нояб., 257.
- Вѣтринскій**, В. Е., т. CXLIX, янв., 88.
- Вяземскій**, кн., Петръ Андреев. писат., тов. мин.-а просвѣщ., р. 1792 † 1878 г., т. CXLIX, янв., 143, мартъ., 523—538, т. CL, июнь, 493, 494, 497, 498.
- Вязьмитиновъ**, Серг. Козьмичъ, ген. отъ инф., 1749 † 1819 г., т. CXLIX, янв., 33, февр., 257, мартъ, 465, т. CL, май, 416, июнь, 463, т. CLI, июль, 3, 89, т. CLII, дек., 615.
- Вязовскій**, Фед. Стеф., протоіер. 1828 г., т. CXLIX, янв., 91, т. CL, май, 306, 307.
- Гаазъ**, Фед. Петров., докт., т. CXLIX, янв., 7, 12.
- Габерманъ**, г-жа, т. CXLIX, янв., 6.
- Гавриилъ**, архіеп. Вологодскій. 1690 г. т. CLI, авг., 232.
- Гагаринъ**, кн., П. П., 1866 г., т. CL, апр., 84.
- Гагаринъ**, кн., Керченск. градонач. 1855 г., т. CXLIX, янв., 197.
- Гадебунъ**, Кондрать, синдикъ г. Дерпта 1768 г., т., CXLIX, мартъ, 655—658.
- Гайдебуровъ**, Пав. Алсд., издат. „Недѣли“. 1885 г. т. CL, апр., 47, 53—54.
- Галаганъ**, Г. П., помѣщ., 1861 г., т. CXLIX, февр., 306.
- Галаховъ**, Алсд. Павл., Спб. полицмейст., 1856 г., т. CXLIX, янв., 19.
- Галаховъ**, Алексѣй Дм., педагогъ, т. CXLIX, мартъ, 553.
- Галетти**, арт.—пѣвица, 1866 г, т. CXLX. янв., 167.
- Галинъ**, полков., команд. 1812 г., т. CLII, дек., 672.
- де-Галло**, маркизъ, т. CXLIX, мартъ, 510, 512, 513.
- фонъ-Гальберхъ**, Васил. Францов., капит. † 1812, т. CL, апр., 60.
- Гамель**, I. X., писат., т. CLII, дек., 659, 660.
- Гамень**, ген.-м. 1812 г., т. CLI, июль, 147, CLII, окт., 108.
- Ганнертъ**, Карлъ Ив., поруч. † 1812 г., т. CL, апр., 60.
- Ганъ**, Богданъ, хир. 1912 г., т. CXLIX, мартъ, 531, 537, 538-
- Ганъ**, предсѣдат. казен. палаты въ Саратовѣ. 1855 г., т. CL, май, 304.
- Гартманъ**, Н. Н., директ. лицея, 1877 † 1892 г., т. CXLIX, февр., 406.
- Гаршинъ**, писатель, т. CL, апр., 56.
- Ге**, художн., т. CL, июнь, 503.
- Гебеда**, Иосифъ, музык., 1795 г., т. CLII, окт., 67—86.
- Гедeonъ**, кievск. митроп. 1687 г., т. CXLIX, февр., 423, 435, мартъ, 546.
- Гедeonовъ**, Алсд. Мих., директ. театр. въ Спб. р. 1790 † 1867 г., т. CXLIX, февр., 320.
- Гейнъ**, Селиванъ, маіоръ 1839 г., т. CLI, сент., 398.
- Георгій Александровичъ**, вел. князь, т. CL, апр., 123, май, 367.
- Геракoвъ**, 1820 г., т. CL, апр., 110.
- Герардъ**, Н. Н., сенат., т. CXLIX, февр., 403.
- Герасимъ**, архим. москов. ставропиг. Симонова монаст. 1818 г., т. CLII, июль, 110, 111, 112.
- Гермогенъ**, патріархъ, 1612 г., т. CLII, июль, 118—125.
- Гермогенъ**, епископ. саратовск., т. CLII, авг., 254.
- Георгиевскій**, Алсд. Ив., дек., 535.
- Георгиевскій**, Дм. Ив., дек., 536.
- Георгиевъ**, Владанъ, нач. санитарн. части въ Болгаріи 1877 г., т. CLII, дек., 528.
- Гернгрoссъ**, Е. А., т. CXLIX, янв. 6, 7.
- Гернгрoссъ**, ген., 1904 г., т. CL, апр., 204, 206, 206, 207.

Г

- Гернетъ**, Георгій Христоф., поруч. † 1812 г., т. CL, апр., 62.
- Геронтій**, архиманд., составит. описан. монастыр. Воронеж. епархіи 1820 г., т. CLII, нояб., 342.
- Гершельманъ**, Е. Д., см. Милютина.
- Гершельманъ**, ген., т. CL, май, 322, 328.
- Гершензонъ**, М. О., т. CL, апр. 110.
- Гиреъ**, капит. 1812 г., т. CL, май, 437.
- Гиреъ**, Н. К., мин.-ин.-дѣль, т. CXLIX, янв., 64, 65, февр., 302, 329, мартъ, 610, т. CLII, дек., 502, 534.
- Гиршовтъ**, хирургъ 1872 г., т. CLI, сент., 428.
- Гирифельдъ**, проф. Варшав. унив., 1882 г., т. CLI, сент., 428.
- Гироглифовъ**, А. С., писатель, т. CLI, окт., 24, 25.
- Главацкій**, ген.-лейнт., т. CXLIX, февр., 396—400, мартъ, 659.
- Гладстонъ**, англ. госуд. дѣятель, т. CXLIX, февр., 231, т. CLII, окт., 53—63, июль, 362—377.
- Гладышевъ**, П., сообщ. „Замѣтки о повѣздахъ по С.-В. Персіи“, т. CLI, сент., 375—393.
- Гласко**, ген.-м. 1904 г., т. CL, апр., 204—206.
- Глинка**, Леонидъ Алексѣев., поруч., 1881 г., т. CL, апр., 123.
- Глинка**, Мих. Ив., композит., р. 1804 † 1857 г., т. CXLIX, янв., 165.
- Глинка**, Серг. Николаев., писатель, р. 1774 † 1847 г. т. CLI, июль, 79.
- Глинка**, Фед. Никол., писат. † 1880 г. масонъ, т. CXLIX, мартъ, 529, т. CL, июнь, 497.
- Глинка**, оф., † 1812 г., т. CL, апр., 61.
- Гловацкій** (Прусь), писатель, т. CL, апр., 50.
- Глуховъ**, полков. 1812 г., т. CXLIX, февр., 274, 280, 282, т. CL, июнь, 482.
- Глѣбовъ**, проф., вице-презид. м.-х. акад. 1859 г., т. CLII, нояб., 421.
- Гогель**, ген. 1812 г., т. CLI, авг., 186.
- Гоголь**, Никол. Вас., писатель, р. 1809 † 1852 г., т. CLI, июнь, 525, т. CLII, окт., 21, дек., 533.
- Голевинскій**, В. И., проф. Варшав. унив., 1872 г., т. CLI, сент., 422, 423, 434.
- Голевъ**, ротм., 1812 г., т. CLI, сент., 316.
- Голенищевъ-Кутузовъ**, кн. М. И., см. Кутузовъ.
- Головинъ**, гр., И. С., полковн., 1839 г., т. CLI, сент., 400.
- Голицына**, княг. Наталья Петровна, 1806 г., т. CLI, май, 240.
- Голицынъ**, кн. Ал. Ник., мин. просв. † 1844 г., т. CXLIX, янв., 36, февр., 403, 404, мартъ, 526, т. CLII, нояб., 312—318, 326, дек., 552—608, 630.
- Голицынъ**, кн., Васил. Васильевичъ. р. 1643, † 1714 г., т. CXLIX, мартъ, 539, 541, дек., 656.
- Голицынъ**, кн., Сергѣй, д. ст. сов., 1826 г., т. CXLIX, мартъ, 536.
- Голицынъ**, Серг. Мих., камерг., 1806 г., т. CLI, авг., 214.
- Голицынъ**, князь, Юрій, т. CXLIX, февр., 319.
- Голицынъ**, кн., помѣщикъ, 1812 г., т. CLI, июль, 67.
- Голицынъ**, об.-кам., 1807 г., т. CXLIX, янв., 34, 35.
- Головинъ**, Кирилловскій пред. двор., 1839 г., т. CLI, сент., 398.
- Головинъ**, гр., шт.-кап. 1839 г., т. CLI, сент., 398.
- Головинъ**, гр., Ник. Ник., т. CLII, нояб., 326.
- Головинъ**, Фед. Алексѣев., стольникъ, 1686 г., т. CXLIX, мартъ, 542.
- Головина**, гр-ня, рожд. Нарышкина, т. CL, май, 427, 429.
- Головкинъ**, гр., егермейст., 1807 г., т. CXLIX, мартъ, 457—459.
- Голохвастовъ**, поручикъ, † 1812 г., т. CL, апр., 61.
- Голубева**, Пелаг. Ив., вд. протоіер., 1828 г., т. CXLIX, янв., 91.
- Гольцгоеръ**, Ф. Г., ген.-м., директ. Лидца, 1824—1840 г., т. CXLIX, февр., 404.
- Гончаровъ**, Иванъ Алед., † 1891 г., т. CXLIX, январь, 96—104, мартъ, 549—568, т. CL, апрѣль, 72, июнь, 492—527, 586—592, т. CLII, нояб., 264—268.
- Гонне**, издатель, т. CL, апр., 54.
- Горголи**, Ив. Саввичъ, спб. об.-полиц., р. 1770 † 1862 г., т. CLI, сент., 290.
- Горбуновъ**, Александр. Дм., т. CXLIX, мартъ, 477.
- Горбуновъ**, Д. А., совѣтникъ саратов. казенной палаты, 1840 г., т. CXLIX, мартъ, 476.
- Горвицъ**, поставщикъ арміи 1878 г., т. CLII, дек., 452.
- Гордѣевъ**, Фед., поруч., 1839 г., т. CLI, сент., 398.
- Горенинъ**, Васил. Андреев., капит., † 1812 г., т. CL, апр., 60.
- Горихвостова**, Варв. Ив., р. 1775, † 1831 г., т. CXLIX, янв., 70.
- Горихвостова**, Екат. Иван., р. 1767, † 1836 г., т. CXLIX, янв., 70.
- Горихвостова**, Елис. Ив., тихвинск. дворянка, 1815 г., т. CXLIX, янв., 68—72.
- Горихвостовъ**, Степанъ, т. CXLIX, янв., 69.
- Горловъ**, Ив. Яковл., профес., т. CL, май, 349—352.

- Горчаковъ**, кн., Алсд., ген.-лейт., воен. мин., 1812 г., р. 1764 † 1825 г., т. CLI, июль, 8.
- Горчаковъ**, кн., Андр. Ив., ген.-лейт., 1812 г., р. 1778 † 1855 г., июль, прилож. 37, 43, 54, авг., 262, прилож. 47, 67, 48, 49, 64, 66, т. CLII, окт. 122; 123, 130, дек., 638.
- Горчаковъ**, кн., Мих. Дм., главноком. крымск. арміей 1855 г., † 1861 г., т. CXLIX, янв., 200.
- Горчаковъ**, кн., Алекс. Мих., канцлеръ, р. 1798 † 1883 г., т. CXLIX, янв., 39—53, 206—217, февр., 232, 239, 243—249, 404, 405, мартъ, 611, т. CL, апр., 4, 9, апр., 227—236, май, 387, т. CLII, нояб., 223, 230, 365, 371, дек., 486, 496, 501, 502.
- Горяиновъ**, С., т. CXLIX, мартъ, 618.
- Готовицкій**, І. М., саратов. полицм., 1889 г., т. CLII, нояб., 273.
- Гофманъ**, ген., 1812 г., т. CL, июнь, 475.
- Гофманъ**, Карлъ, подпоруч., † 1812 г., т. CL, апр., 62.
- Граббе**, поруч. 1812 г., т. CLI, авг., прилож. 53, 74, 108.
- Гравовскій**, ген. 1812 г., т. CLII, окт., 126.
- Градовскій**, Александ. Дм., профес., р. 1851 г. † 1891 г., т. CL, май, 335, 336, т. CLII, окт., 17—22.
- Грановскій**, Тимов. Никол., профес., писат., р. 1813 † 1855 г., т. CXLIX, мартъ, II.
- Греве**, Ром. Пет., преподават. морск. учил. 1871 г., т. CL, июнь, 500.
- Гревеницъ**, 1812 г., т. CLI, июль, 89, 90.
- Грейгъ**, В., 1887 г., т. CLII, июль, 296.
- Грейгъ**, Алексѣй Сам., адм. † 1845 г., т. CL, апр., 108, т. CLII, дек., 535.
- Грековъ**, г.-м., 1904 г., т. CL, май, 275, 276.
- Гренковъ**, Н. М., директ. 2-ой Кіевск. гимназ., 1858 г., т. CL, апр., 22, 23.
- Грессеръ**, полковн., 1812 г., т. CLII, окт., 109.
- Грессеръ**, ген.-м., директ. дворян. корп., 1846 г., т. CLI, авг., 243, т. CLII, дек., 532.
- Гречъ**, Никол. Ив., писат., † 1867 г., т. CXLIX, мартъ, 529, т. CLI, июль, 75.
- Грибоѣдовъ**, Алсд. Серг., писатель., р. 1799 г., † 1829 г., т. CL, июнь, 525.
- Григорьевъ**, В., т. CLII, окт., 87, 89, 90, 91.
- Громянъ**, Филиппъ, чиновн., † 1812 г., г. CL, апр., 61.
- Гротгусъ**, Фед. Ив., поруч. † 1812 г., т. CL, апр., 60.
- Гротъ**, Конст. Карл., ст.-секретарь, 1863 г., с. CXLIX, февр., 403, т. CLII, дек. 534.
- Гротъ**, Конст. Як., т. CXLIX, февр., 401, 407—409.
- Гротъ**, Яковъ Карл., академ., р. 1812 г. † 1893 г., т. CL, апр., 109.
- Грубержъ**, Венцеславъ Леоп., анатомъ-профес., т. CLII, окт., 95.
- Груичъ**, Савва, сербск. воен. мин., 1877 г., вполн. посланникъ въ Спб., т. CLII, дек., 507, 508, 524.
- Грулевъ**, полковн., 1907 г., т. CL, май, 263.
- Губонинъ**, концессионеръ, т. CXLIX, янв., 25, 26, 27, 28.
- Гудовичъ**, гр., Ив. Васил., Московск. главноком. р. 1741 г. † 1821 г., т. CLI, июль, 84.
- Гудовичъ**, супруга И. В. Гудовича, т. CL, май, 240.
- Гудеонъ-Лоу**, губернат. о. Св. Елены, 1817 г., т. CL, апр., 166.
- Гулевичъ**, подполковникъ, 1812 г., т. CXLIX, мартъ, 481, т. CLI, авг., прилож., 87.
- Гуляевъ**, Алсд. Васил., сенат., т. CLII, дек., 476.
- Гуляевъ**, юристъ, т. CLII, дек. 480, 481.
- Гуріель**, кн., ген.-м., 1812 г., т. CLI, авг., прилож., 52.
- Гурко**, Юсифъ Влад., ген.-губернат., 1883 г., т. CL, апр., 78, т. CLII, окт., 32.
- Гурко**, кап., 1904 г., т. CL, май, 260.
- Гурьева**, г.-жа, 1806 г., т. CL, май, 238.
- Гурьевъ**, Дм. Алсд., мин. фин. † 1825 г., т. CL, апр., 36, май, 411.
- Гурьевъ**, Н., оф., † 1812 г., т. CL, апр., 61.
- Гусаковъ**, кап.-лейт., городничій въ Евпаторіи, 1857 г., т. CXLIX, янв., 203.
- Гусевъ**, П. И., жанд. оф., 1883 г., т. CLII, нояб., 270, 271.
- Гюббенетъ**, сенат., 1877, дек., 533.
- Гюдень**, ген., † 1812 г., т. CLII, окт., 133.

Д

- Дабиза**, князь, инспекторъ кіевской 1-й гимназ., 1860 г., т. CL, апр., 26.
- Давыдовъ**, Алсд. Ильичъ, т. CLI, сент., 359.
- Давыдовъ**, Никол. Влад., командиръ Москов. драгун. полка, 1812 г., т. CLI, авг., прилож., 114, 119.
- Давыдовъ**, Денисій Вас., поручикъ, † 1839 г., т. CLII, сент. прилож. 136.

- Дайнамовичъ**, Родіонъ Петров., подпоручикъ † 1812 г., т. CL, апр., 60.
Даллеръ, полковн., 1878 г., т. CXLIX, янв., 57, февр., 232.
Дамперовы, т. CLII, нояб., 264.
Дандевиль, ген., 1877 г., т. CLI, авг., 211.
Данилевскій, К. Л., 1855 г., т. CXLIX, янв., 198.
Данилевскій, оф. ополченія 1812 г., т. CLI, июль, 8.
Даниловичъ, Г. Г., ген.-ад., 1881 г., т. CL, апр., 131, 132.
Даниловъ, Г. А., сообщ.: „Сибирская казачья дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 г.г.“, т. CL, май, 310—322.
Даниловъ, Н. А., нач. канцеляр. полев. штаба арміи, 1905 г., т. CL, май, 321.
Даннебергъ, Ив. Фридрихов., прапорщ. † 1812 г., т. CL, апр., 60.
Дашкевичъ, профес. филологъ, т. CL, июнь, 576.
Дашкова, Екат. Романов., презид. акад., р. 1743 † 1810 г., т. CXLIX, янв., 34.
Дедекинъ, Алед., маіоръ 1839 г., т. CLI, сент., 398.
Дельвигъ, баронъ, Антонъ Антон., поэтъ, р. 1798 † 1831 г., т. CL, апр., 110, 111.
Деляновъ, гр., Ив. Давыдов., мин. нар. просвѣщ., т. CL, апр., 79.
Демидовъ, арт.-пѣвецъ, т. CXLIX, янв., 163, 164.
Демидовъ-Санъ-Донато, кн., Кіевск. городек. голова 1871 г., т. CLI, июль, 128, 132.
Деморъ, прапорщ. † 1812 г., т. CL, апр., 61.
Денисовъ, Ефимъ Сергѣев., землемѣръ, 1887 г., т. CL, апр., 127, май, 375.
Денисовъ, Капит. Ив., прап., † 1812 г., т. CL, апр., 61.
Денисовъ, графъ, ген. войска Донского, 1812 г., т. CLI, авг., прилож., 58, т. CLII, окт., 120.
Денисьевъ, Степ. Васил., полковникъ, † 1812 г., т. CL, апр., 60.
Державина, Дарья Алексѣев., рожд. Дьякова, т. CXLIX, янв., 71.
Державинъ, Гавр. Роман., поэтъ, р. 1743 † 1816 г., т. CXLIX, янв., 68—72, т. CL, май, 429, т. CLI, сент., 358, т. CLII, дек. 550, 605.
Дерфельденъ, оф., 1877 г., т. CLI, авг., 211.
Десятовъ, Дм. Петров. полковникъ, 1814 г., т. CLI, сент., 397, 400.
Деюнкеръ, шт.-ротм. 1812 г., т. CLI, авг., прилож., 53.
Джуричъ, подполков., сербск. ген. штаба, 1877 г., т. CLII, дек., 508.
Дибичъ, графъ Ив. Ив., † 1830 г., т. CLII, окт., 108.
Дивова, Александра Гавриловна, фрейлина, 1807 г., т. CXLIX, февр., 267.
Дивовъ, Петръ 1812 г., т. CXLIX, мартъ 459, т. CLI, сент., 297.
Диллопъ, гувернантка при Вел. Кн. Маріи Павловнѣ, т. CLI, авг. 215.
Димитрій, Самозванецъ, т. CLI, июль, 122.
Диринъ, Н. П., полковн., 1839 г., т. CLI, сент., 400.
Диринъ, д. с. с., 1839 г., т. CLI, сент., 398.
Дмитріева, Марія Фед., т. CLI, авг., 250, 151.
Дмитрій Константиновичъ, т. CXLIX, янв., 62, 65, т. CLII, нояб., 297.
Добровольскій, Ванифатій Ив., поруч., † 1812 г., т. CL, апр., 60.
Добровольскій, Влад. Ив., офтальмологъ, 1876 г., т. CXLIX, мартъ, 491—494.
Добролюбовъ, Ник. Алед., р. 1836 г., † 1861 г., т. CL, июнь, 588.
Доброхотовъ, рѣзчикъ на камнѣ, масонъ, 1812 г., т. CXLIX, мартъ, 529.
Довре, ген.-м., начальник. штаба 1-го корп. 1812 г., т. CL, июнь, прилож., 12, т. CLI, авг., 195, CLII, окт., 108.
Долговъ, С. О., сообщ.: „Сто лѣтъ назадъ“. Письма И. П. Оденталя къ А. Я Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ, т. CL, апр., 31—45, май, 409—429, июнь, 597—614, т. CLI, июль, 134—144, авг. 165—171, сент., 289—293, т. CLII, окт., 12—16, нояб., 322—339, дек., 542—550, упом., янв., 218.
Долгорукій, кн. Мих., ген.-ад. 1807 г., т. CXLIX, мартъ, 455.
Долгорукій, кн., П. П., ген. - ад., 1805 г., т. CLII, окт., 143.
Дондукова-Корсакова, княжна Марія Мих., т. CXLIX, янв., 6, 7.
Долгорукова, княг., Н. Д. см. Милютина.
Долгоруковъ, кн., Василій Васил., † 1812 г., т. CL, май, 418.
Долгоруковъ, кн., Влад. Андреев., Москов. ген.-губ., р. 1810 † 1891 г., т. CXLIX, янв., 210, февр., 306.
Долгоруковъ, кн., Серг., Никол., ген.-лейт., 1812 г., т. CLI, авг., прилож., 117.
Долгоруковъ, кн., Юрій Алексѣев., воевода, 1670 г., т. CL, апр., 106.
Долгоруковъ, кн., посолъ во Франціи, 1687 г., т. CXLIX, февр., 428, 435.
Долгоруковъ, кн., ген. 1881 г., т. CLI, сент., 378.

Домбровский, ген., 1812 г., т. CL, май, 438, 439, т. CLI, сент., прилож., 126.
Донауровъ, 1812 г., т. CLI, июль, 89.
Донбергъ, Г. А., т. CXLIX, мартъ, 493, 494.
Дондуковъ-Корсаковъ, кн., Мих., студ. Кіевск. унив., 1870 г., т. CL, июнь, 561.
Дондуковъ-Корсаковъ, М. М., Кіевск. ген.-губ., 1870 г., т. CL, июнь, 573, т. CLI, июль, 128.
Дондуковъ-Корсаковъ, кн., комиссаръ въ Болгаріи 1878 г., т. CXLIX, янв., 40, т. CL, май, 230.
Даргомыжскій, композиторъ, р. 1782 † 1847 г., т. CXLIX, янв., 172, февр., 317.
Дороховъ, ген.-м., 1812 г., т. CL, июнь, прилож., 7, т. CLI, июль, 156, авг., прилож., 85, 88, 95, 96, сент., 317—319, окт., 111, дек., 641.
Достоевскій, Фед. Мих., писат., р. 1821 1881 г., т. CXLIX, янв., 9, т. CXLIX, февр., 312, т. CL, апр., 56, т. CLI, июль, 105.
Дохтуровъ, Дм. Серг., ген.-отъ-инф., 1812 г., т. CXLIX, февр., 281, т. CL, май, 437, июнь, прилож., 3, т. CLI, июль, 41, 53, 146, 147, 148, 158, прилож., 54, 68, 82, 97, 100, прилож., 42, авг., прилож., 51, 54, 66, 68, 71, 79, 80, 82, 83, 93, 96—100, сент., 317, 320, 326, 327, 328, 330, 340, прилож., 138, т. CLII, окт., 119, 120, 126—128, 130, дек., 612, 637, 642.
Драгомировъ, Мих. Ив., ген.-ад., ген.-губ. Ю.-З. края, р. 1830 † 1905 г., т. CXLIX, янв., 113—121, февр., 391—400, мартъ, I, 659—662, т. CL, апр., 114—120, т. CLI, авг., 240, т. CLII, нояб., 247, 391—400, дек., 577—589.
Древницкій, В. Я., кап. 2-го ранга, 1839 г., т. CLI, сент., 400.
Дрентельпъ, Алд. Романов, ген.-ад., р. 1820 † 1888 г., т. CXLIX, янв., 120, февр., 391.
Дризень, баронъ, ген., 1877 г., т. CLI, авг., 209, т. CLII, нояб., 240.
Дроздовъ, оф., 1848 г., т. CL, май, 401, 402, 406.
Друсъ, англичанинъ, сост. при в. кн. Екатеринѣ Павловнѣ, т. CLI, авг., 215.
Дубасовъ, т. CLI, сент., 341.
Дубовицкій, презид. м.-х. акад. 1859 г., т. CLII, нояб., 421.
Дубровинъ, Николайъ Феодор., акад., † 1904 г., т. CXLIX, янв., 144, 159, т. CL, апр., 150, июнь, 452, 462, 463, 464, т. CLII, нояб., 297, 300, 327.
Дука, ген.-м., дек. 637.
Дурасовъ, В. И., т. CL, май, 308.

Дурново, Ив. Ник., мин. внутр. дѣлъ, т. CXLIX, янв., 121, февр., 403.
Духовникова, Марія Виктор., во втор. бракъ Шмелева, т. CXLIX, янв., 88.
Духовниковъ, Флегонтъ Васильевичъ, т. CXLIX, янв., 87, 88, 94, мартъ, 471, 475, т. CL, апр., 63, май, 302, т. CLII, нояб., 281, дек., 539.
Дыбовъ, Г. Г., т. CXLIX, янв., 88, т. CLII, окт., 4.
Дьяковъ, Алексѣй Васил., ротмистръ, † 1812 г., т. CL, апр., 60.
Дюваль, придворн. ювелирь 1807 г., т. CXLIX, февр., 261.

Е

Евгенія Максимилиановна, принцесса Ольденбургская, т. CXLIX, янв., 5.
Евгеній Максимилиановичъ, герцогъ Лейхтенбергскій, т. CXLIX, янв., 66.
Евреинова, А. М., основ-ца и редакт. журнала «Сѣв. Вѣстн.», т. CXLIX, янв., 99.
Евонимій, арх. саратов., т. CLI, авг., 253.
Егоровъ, Анатолій, сообщ. «Страницы изъ моей жизни», т. CXLIX, янв., 139—143.
Егоровъ, Н. В., москов. цензоръ 1896 г., т. CXLIX, янв., 143.
Егоровъ, художн. керамикъ, т. CL, июнь, 537.
Егоровъ, ун.-оф., участникъ экспедиц. Пржевальскаго, т. CXLIX, мартъ, 578, 579, 580, 581, 603.
Екатерина II, императрица, р. 1729 † 1796 г., т. CXLIX, янв., 34, февр., 426, 429, мартъ, 618—632, т. CLI, июль, 34, сент., 357, т. CLII, окт., 46, 124, 136—140, нояб., 407.
Екатерина Павловна, т. CXLIX, янв., 34, 35, февр., 260, 267, мартъ, 456, 457, т. CL, апр., 34, 35, май, 242, 416, 418, 426, июнь, 466, т. CLI, июль, 5, 6, 74, 88, авг., 174, 215, прилож. 81, сент., 293, т. CLII, окт., 146, нояб., 312, 317, 336, дек., 547, 556.
Ексингъ, Захаръ, чиновн. † 1812 г., т. CL, апр., 61.
Елена Павловна, великая княгиня, (принцесса Виртембергская), р. 1806 † 1873 г., т. CXLIX, янв., 163, февр., 240, 303—308, февр., 321, мартъ, 633—651.
Елисавета Александровна, вел. княжна, р. 1806 г., т. CL, апр., 15, 17, май, 239.
Елисавета Алексѣевна, им-ца, р. 1779 † 1826 г., т. CXLIX, янв., 32, февр.,

- 267, т. СL, апр., 15, 38, май, 240, т. СLІ, авг., 200, 201, т. СLІІ, дек., 649.
- Елисавета Маврикіевна**, вел. княг., т. СXLIX, янв., 62.
- Елисавета**, принцесса Виртемб., вполн. им-ца австрійская, † 1807 г., т. СXLIX, янв., 34.
- Елчаниновъ**, А. Г., оф. 1904 г., т. СL, май, 265, 280, 286.
- Елисѣевъ**, Г. З., т. СL, апр., 48.
- Елвинъ**, штурманъ, 1882 г., т. СLІІ, нояб., 360.
- Ельмигъ**, супруга фельдмаршала, 1806 г., т. СL, май, 238.
- Емельяновъ**, Никол. Григ., оф. † 1812 г., т. СL., апр., 61.
- Емельяновъ**, саратов. полицейм. 1861 г., т. СLІІ, окт., 8.
- Еремины**, т. СLІІ, нояб., 264.
- Ерковскій**, полковн. 1905 г., т. СL, май, 319
- Ермоловъ**, Алексѣй Петров., ген.-отъ-инф., р. 1772 † 1861; его записки о войнѣ 1812 г., въ прилож. къ кн. июнь, июль, авг. и сент., (стр. 1—140), упом. т. СL, июнь, 461—471, т. СLІ, июль, 4, 15, 25, авг., 182, 258, 260, 269, 273, 274, сент., 304, 310, т. СLІІ, окт., 112, 129, 131, 132, дек., 640—647.
- Ермоловъ**, А. С., попечитель Лицея, 1906 г., т. СXLIX, февр., 403.
- Ермоловъ**, Григ. Петров., т. СL, июнь, прилож. 1.
- Ериговъ**, Евграфъ Ив., капит., † 1812 г., т. СL, апр., 59.
- Есифулинъ**, Мухам. офиц., † 1812 г., т. СL, апр., 61.
- ф. - Ессенбекъ**, ротм., 1812 г., т. СLІ, июль, 96.
- Естифѣевъ**, поруч., 1832 г., т. СLІ, сент., 398.
- Ж**
- Желеховскій**, В. А., чл. тюремн. комитета, 1864 г., т. СXLIX, янв., 5.
- Жерве**, Андрей Андр., управл. дѣлами заграничн. миссій, 1812 г., т. СL, май, 419, 420.
- Жеребцовъ**, Алсд. Алексѣев., ген.-м., 1812 г., т. СLІ, сент., 395, 397, 400.
- Желтухинъ**, полковн., 1812 г., т. СLІ, авг., прилож. 49, 52, 53.
- Жилинскій**, ген.-л., 1904 г., начал. штаба намѣстн. 1904 г., т. СL, май, 250, 245.
- Жиркевичъ**, А. В., сообщ.: „Изъ архива кн. Л. А. Ухтомскаго“, т. СXLIX, янв., 191—205, февр., 365—371.

- Жисъ**, Иванъ, 1812 г., т. СL, май, 437.
- Жолтекъ**, ксендзъ, т. СLІІ, дек., 468.
- Жомини**, бар., Алсд., диплом., 1878 г., т. СXLIX, янв., 55, 57, февр., 233, 241, т. СL, май, 227.
- Жомини**, бар., Генри, ген., 1812 г., † 1869 г., т. СLІ, сент., 305, 306.
- Жофриси**, Карль, ополченецъ, † 1812 г., т. СL, апр., 61.
- Жуковская**, Елис. Тимоев., рожд. Льховская, т. СLІІ нояб., 264, 266, 267.
- Жуковскіе**, т. СLІІ, нояб., 264.
- Жуковский**, Алсд. Кирил., писатель, (псевд. Бернетъ), т. СLІІ, нояб., 264.
- Жуковский**, В. И., тов. прокур., 1864 г., т. СXLIX, янв., 5.
- Жуковский**, Рудольфъ, художн., 1852 г., т. СXLIX, янв., 20, 21.

З

- Заблоцкій**, проф. окулистъ, т. СLІІ, окт., 103.
- Заблоцкій-Десятковскій**, Андр. Пареев., чл. госуд. сов., р. 1807 † 1881 г., т. СXLIX, янв., 25.
- Забѣлинъ**, историкъ, т. СL, июнь, 547.
- Заборовскій**, Ив. Алсд., костромск. ген.-губерн., 1790 г., т. СLІІ, окт., 78, 81, 84.
- Завадовская**, гр-ня, 1806 г., т. СL, май, 238.
- Завадовскій**, гр., Васил. Петров., р. 1739 † 1812 г., т. СL, апр., 37, 38, 39.
- Завалишинъ**, Алсд., корнетъ, 1839 г., т. СLІ, сент., 398.
- Загорскій**, Петръ, проф.-анатомъ, 1848 г., т. СLІІ, окт., 97, 98.
- Загоскинъ**, М. В., редакт. газ. „Сибирь“, 1878 г., извѣстн. сибирскій дѣятель, т. СL, июнь, 549.
- Загряжскій**, 1806 г., т. СL, май, 238.
- Заіончекъ**, ген., 1812 г., т. СL, май, 438, 439, т. СLІІ, окт., 126, дек. 554.
- Закревскій**, полковн., 1812 г., т. СLІ, авг., прилож. 91, т. СLІІ, дек., 555.
- Зарудный**, Серг. Ив., т. СLІІ, дек., 455.
- Засуличъ**, Вѣра, т. СXLIX, янв., 21, 23, т. СLІІ, дек., 485.
- Зброевскій**, Алсд. Севастьянов., шт.-ротм. † 1812 г., т. СL, апр., 60.
- Здекауэръ**, Н. Ф., проф., т. СXLIX, янв., 110, т. СLІІ, окт., 102.
- Зеленинъ**, офиц., 1812 г., т. СXLIX, февр., 280, 282, 283.
- Зеленый**, полковн. генер. штаба, 1877 г., т. СLІІ, нояб., 254.

Зиберь, профес.-юристъ, 1875 г., т. CL, июнь, 577.
Зининъ, К. Н., проф. химіи, 1848 г., т. CLII, окт., 96, 98, 99, 101.
Змигородскій, ссыл. на его ст. „г. Юрьевъ и манифестъ 14 дек. 1766 г.“, т. CXLIX, мартъ, 655.
Золотницкій, депутатъ Екатерининской комис. для соч. проекта нов. Уложенія, т. CL, май, 354.
Зубова, гр-ня, въ зам. баронесса Розентъ, т. CL, май, 410, 417.
Зубова, г-жа, т. CXLIX, янв., 6.
Зубовъ, гр., Валеріанъ, т. CXLIX, 583, февр., 271.
Зубовъ, гр., Дм. Алед., 1812 г., т. CL, май, 410, 417.
Зубовъ, А. А., т. с., попечит. Лицея, т. CXLIX, февр., 403.
Зубовъ, кн., П. Ал., т. CLII, дек., 549.
Зубовъ, саратов. губернат., т. CLI, авг., 255.
Зубовъ, гр., ген.-анш., 1812 г., т. CLI, сент., прилож. 124.
Зыковъ, ген.-м., 1904 г., т. CL, май, 248, 249.

И

Иванова, пѣвица, 1867 г., т. CXLIX, февр., 318.
Ивановъ, Титъ Ив., подпоруч., † 1812 г., т. CL, апр., 62.
Ивановъ, инж.-кап., 1877 г., т. CLI, авг., 210.
Ивановъ, консулъ въ Алеппо, 1878 г., т. CLII, дек., 498.
Ивановъ, участн. экспедиціи Пржевальскаго, т. CL, апр., 150.
Ивановъ, пѣвецъ, 1880 г., т. CXLIX, янв., 161.
Иванюковъ, И. И., профес. Варшав. унив. 1872 г., т. CLI, сент., 415, 416, 420, 422.
Ивашкинъ, депут. Тульск. дворянства въ Екатерин. комис. для соч. проекта нов. Уложенія, т. CL, май, 354, 355.
Игнатьевъ, гр., Алексѣй Павловичъ, т. CXLIX, янв., 121.
Игнатьевъ, Николай Павл., дипломатъ, ген.-ад., 1878 г., т. CXLIX, янв., 57, февр., 286, т. CL, май, 230, 235, 387, т. CLII, нояб., 224, дек., 513.
Измайловъ, проф., 1848 г., т. CLII, окт., 96, 99.
Ионниковъ, профес. Кіевск. унив., т. CXLIX, февр., 425, т. CL, июнь, 577.
Илинскій, прозекторъ 1848 г., т. CLII, окт., 97.

Иловайскій, Тимофей, полковн. 1812 г., т. CLI, авг. прилож., 85, 106.
Иловайскій, ген.-м. 1812 г., т. CXLIX, янв. 60, 61, т. CL, май, 438, 439, т. CLI, июль, прилож., 33, сент., 304.
Имеретинскій, кн., варшав. ген.-губернат. 1897 г., т. CL, апр., 82.
Иннокентій, архимандр. 1823 г., т. CLI, июль, 114—116.
Ирецкая, пѣвица 1870 г., т. CXLIX, февр., 321
Иринчиновъ, казакъ, участн. экспедиц. Пржевальскаго, т. CXLIX, февр. 343, т. CL, 133, 150, май, 374.
Искрицкій, подпоруч., † 1812 г., т. CL, апр. 61.

І

Іаковъ, Вечерковъ, епископ. саратов. 1840 г., т. CXLIX, мартъ, 472, 474, 475, т. CLI, авг., 251.
Іаковъ, герц. Курляндскій, т. CLII, дек., 598.
Іоанникій 1-й, арх. пензенскій, т. CLI, авг., 252.
Іоанникій 2-й (Горскій), архіеп. саратов., вполс. экзархъ Грузіи, затѣмъ митроп. москв., затѣмъ кіевскій, т. CL, май, 306, 307, т. CLI, авг., 252.
Іоаннъ Алексѣевичъ, царь, т. CXLIX, февр., 428, 430—445, мартъ, 539—548.
Іоаннъ Константиновичъ, вел. князь, р. 1886 г., CXLIX, янв., 62.
Іоаннъ (Кронштадтскій), Сергіевъ священ., т. CLII, окт., 36—42.
Іоаннъ, еписк. саратовск., вполс. чл. синодальн. конт. въ Москвѣ, т. CLI, авг., 254, 255.

К

Кабать, врачъ, т. CLII, окт., 103.
Кавелинъ, Дм. Алед., директ. медич. деп. мин-ва полиціи, р. 1780 † 1851 г., т. CL, май, 420.
Кавелинъ, Констан. Дм., профес. р. 1818 † 1835 г., т. CXLIX, февр., 304, 305, 306, 307, т. CL, июнь, 546.
Каверъ, шт.-капит., 1812 г., т. CLI, сент., 311, т. CLII, дек., 648.
Казакевичъ, Петръ Вас., вице-адм., воен.-губернат. г. Кронштадта, 1875 г., т. CXLIX, янв., 29.
Казановъ, венеціанецъ 1765 г., т. CLI, сент., 357.
Казначеевъ, Н. И., директ. Севастоп. карантин. форта 1857 г., т. CXLIX, янв., 204.

- Казначеевъ**, оф. ополченія 1812 г., т. СLI, июль, 8.
- Кайсаровъ**, полковникъ 1812 г., т. СLI, июль, 15, 17, 23, 24, т. СLII, дек., 647.
- Калерджи**, М. Фор., т. СLII, нояб., 257.
- Калининъ**, Никол. Игнатьев., Спб. почтъ-директ. 1812 г., р. 1763 † 1829 г. т. CL, май 409, июнь, 598, т. СLII, дек., 646.
- Калмыковъ**, Д. А., сенат., т. CL, апр., 68.
- Каменская**, пѣвица, т. СXLIX, февр., 321.
- Каменскій**, гр., Мих. Ѳедотов., фельд-маршалъ 1806 г., т. CL, апр., 19, май, 238, 239, 411, т. СLII, окт., 145.
- Каменскій**, гр. Серг. Мих., ген.-отъ-инф., р. 1772 † 1834 г., т. CL, апр., 32, т. СLI, авг., 203, сент., 285, 297, 298, 299, 304.
- Каминскій**, ген. 1812 г., т. CL, май, 438, 439, 441.
- Кампенаузенъ**, Бальтазаръ Бельтазаровичъ, госуд. контролеръ, т. СXLIX, мартъ, 532, 534.
- Кампаузенъ**, художн. 1878 г., т. СXLIX, февр., 237.
- Канкринъ**, гр., Егоръ Франц., ген.-интендантъ арміи 1812 г., т. CL, июнь, прилож. 14, т. СLI, авг., 186, сент., 310.
- Кантакузенъ**, кн., г.-м. 1820 г., т. CL, апр., 109, т. СLI, авг., прилож. 66.
- Капцевичъ**, ген. 1812 г., т. СLII, окт., 126, дек., 644.
- Каразинъ**, Н. Н., т. СLI, сент., 341.
- Каракозовъ**, т. CL, апр., 46.
- Карамзинъ**, Никол. Мих., историкъ р. 1765 † 1826 г., т. CL, июнь, 492, 494, 495, 496, 497, 498, т. СLI, июль, 73.
- Каретникова**, Елена Алексѣев., см. Пржевальская.
- Карлъ**, король Румынскій, т. СLII, дек., 578—589.
- Кароли**, графиня, 1878 г., т. CL, апр., 5, 6, 8.
- Карманалѣвъ**, Н. Н., подполк. 1839 г., т. СLI, сент., 400.
- Карпенковъ**, полковн. 1812 г., т. СLI, июль, 63, авг., прилож., 67.
- Карпенковъ**, и. д. еоодоссійск. исправника, 1810 г., т. CL, апр., 109.
- Карповъ**, ген.-м. 1812 г., т. СLI, авг. прилож., 49, 50, 52, 102, т. СLII, окт., 130—132.
- Карповъ**, генер. консулъ въ Бѣлградѣ 1875 г., т. СXLIX, февр., 297. т. СLII, дек. 506.
- Касьяновъ**, управл. Сиб. казен. палатой 1870 г., т. СXLIX, янв., 28.
- Катарджи**, полков. 1877 г., т. СLII, дек., 508, 518, 519.
- Катенина**, Авд. Ив., жена помѣщ., т. СLII, окт., 66, 68.
- Катенинъ**, Алел. Андр., Оренб. ген.-гебернат., т. СLII, окт., 87, 88.
- Катенинъ**, Андр. Ѳед., т. СLII, окт., 66, 71.
- Катенинъ**, Никол. Ѳед. помѣщ. 1890 г., т. СLII, окт., 65—86.
- Катковъ**, Мих. Никифор., р. 1818 † 1887 г., т. СXLIX, янв., 14, 66, февр., 310, 311, т. СLII, нояб., 301, дек., 532.
- Каульбарсъ**, бар., А. В., ген., 1905 г., т. СXLIX, янв., 62, 63, 64, 66, т. CL, май, 282.
- Кауфманъ**, Конст. Петров., Туркест. ген.-губ., 1875 г., т. СXLIX, февр., 333, 334.
- Качаловъ**, лейтен. 1839 г., т. СLI, сент., 398.
- Кашперовъ**, композит., т. СXLIX, февр., 322.
- Ка—эль**, сообщ.: „Къ бою 7-го іюля 1812 года при Гр. Экака“, т. СLI, июль, 95—96.
- Каяндеръ**, кап.-лейт. 1873 т., т. СXLIX, февр., 451.
- Квадри**, В. В., полковн., 1902 г., т. CL, июнь, 448.
- Квитницій**, шт.-ротм. 1877 г., т. СLI, авг., 210, 211.
- Квостовъ**, Н., подпоруч. 1839 г., т. СLI, сент., 400.
- Квятковскій**, Антонъ Алекс., поруч. † 1812 г., т. CL, апр., 61.
- Кейфертъ**, Ив. Ив., маіоръ † 1812 г., т. CL, апр., 60.
- Келлеръ**, гр., ген. 1904 г., т. CL, апр., 198, май, 267, 271, 276.
- Кемецкій**, артил. шт.-кап. 1839 г., т. СLI, сент., 398.
- Кенигъ**, Ив. Ѳед. (Ѳеофиловичъ) директ. Николаев. ж. дороги, т. СLII, дек., 467—468.
- Кенигъ**, Іосифъ Ѳеофилов., т. СLII, дек., 467—468.
- Кенигъ**, Ѳеофиль, 1831 г., т. СLII, дек., 467.
- Керри**, гл. совѣтн. англ. мин-ва ин. дѣлъ 1878 г., т. СXLIX, февр., 233.
- Кягъ** (Дѣдловъ), писатель 1880 г., т. CL, апр., 53.
- Кивина**, М. Р., см. Портеръ.
- Кивинъ**, А. В., т. СLII, дек., 608.
- Кивинъ**, П. Е., оф., т. СLII, дек., 608.
- Кивинъ**, Петръ Андр., ген., 1812 г., впол. ст.-секр. у принят. прошеній, т. CL, июнь, прилож. 10, 11, т. СLI, июль, прилож., 40, 41, авг., прилож., 53, 60, 91, сент., 310, т. СLII, дек., 622, 627, 629.
- Кипріяновичъ**, Н. Я., сообщ. „Древнія русскія монеты X—XVI в.“, т. СLI, сент., 343—356.

- Киркоръ**, издат. „Нов. Врем.“, т. СLII, окт., 25.
- Кирѣвскій**, Петръ Вас., р. 1808 † 1856 г., т. СXLIX, янв., 218—219, 227—229, т. CL, апр., 99, 103—107.
- Кирѣвъ**, Алексд., т. СLII, нояб., 369.
- Кирѣвъ**, Никол., т. СLII, окт., 56.
- Киселевъ**, Матв., капит., 1812 г., т. СLI, июль, 96.
- Киселевъ**, С. Н., маіоръ 1839 г., т. СLI, сент., 400.
- Киселевъ**, гр. Пав. Дм., мин. госуд. имущ., р. 1788 † 1872 г., т. СXLIX, февр., 306, т. СLII, дек., 555.
- Кистяковскій**, профес. юристъ, 1875 г., т. CL, июнь, 577, 578, 580, 584.
- Киттеръ**, проф. 1848 г., т. СLII, окт., 94, 105, 106.
- Клаузевицъ**, оф. прусск. генеральн. штаба 1812 г., т. CL, июнь, 468, 475.
- Клеймихель**, гр., Петръ Андреев., мин. путей сообщ., р. 1793 † 1869 г., т. СXLIX, мартъ, 533, т. СLI, июль, 27, т. СLII, дек., 608.
- Клиберъ**, поруч. 1812 г., т. СXLIX, февр., 281.
- ф. Клингштетъ**, депутат. Екатерин. комис. для соч. проекта нов. Уложенія, т. CL, май, 355.
- Клуенъ**, 1812 г., т. СLI, июль, 89.
- Ключаревъ**, Фед. Петр., моск. почтъ-директ. 1812 г., т. СLI, авг., 168.
- Кнорингъ**, ген., 1806 г., т. CL, май, 239, т. СLI, июль, 46.
- Княжинскій**, прот., рект. подольской семина. 1868 г., т. СXLIX, февр., 372, 374, 384, 385.
- Кобоко**, Д. Ф., т. СXLIX, февр., 401, 407—409.
- Кобылицъ**, предсѣдат. Саратов. губерн. правл. 1840 г., т. СXLIX, мартъ, 476, т. CL, апр., 63.
- Ковалевскій**, проф. кievск. унив., 1875 г., т. CL, июнь, 577, т. СLI, сент., 414, 415, 428.
- Ковалевскій**, сенат., 1870 г., т. СXLIX, янв., 19.
- Кожуховъ**, Евг. Алексѣев., предсѣд. Спб. цензурн. комит. 1892 г., т. СXLIX, февр., 309—311.
- Козачковскій**, ген. 1812 г., т. CL, апр., 65.
- фонъ-Козень**, австрійск. дипломатъ, 1878 г., т. СXLIX, февр., 233.
- Козловскій**, докт., 1861 г., т. СLII, окт., 3.
- Козловъ**, П. К., сообщ. „Николай Михайловичъ Пржевальскій“, т. СXLIX, янв., 144—159, февр., 327—350, мартъ, 569—603, т. CL, апр., 121—161, май, 361—385.
- Козловъ**, ген., помощн. Спб. полицм., 1877 г., т. СXLIX, янв., 22.
- Козодавлевъ**, Осипъ Петров., мин. вв. дѣль, писат., р. 1752 † 1819 г., т. CL, апр., 31, 36, май, 422, июнь, 597.
- Козыревъ**, Н., сообщ., „Памятники 1812 г.г. въ Печерскомъ монастырѣ“, т. CL, апр., 59—62.
- Козьминъ**, Н. Н., ссылка на его „Очерки прошлаго и на стоящ. Сибири“, т. CL, июнь, 552—554.
- Колачевскій**, С. Ф., т. CL, июнь, 576.
- Коленуръ**, посланникъ, въ Россіи, † 1821 г., т. СLII, окт., 147, 148.
- Коліандеръ**, Ив. Любимов. чиновн., 1821 г., т. СXLIX, мартъ, 532, 536.
- Кологривовъ**, губернат. 1812 г., т. СLI, июль, 8.
- Колоколовъ**, Н. Н., священ. 1860 г., т. СXLIX, мартъ, 664.
- Коломейцевъ**, ун.-оф., участн. экспед. Потаника, г. СXLIX, мартъ, 572, 573.
- Коломнинъ**, профес. медикъ, 1875 г., т. CL, июнь, 577, 581.
- Колосовъ**, профес. русс. яз. Варшав. унив., 1872 г., т. СLI, сент., 493, 494.
- Колычевъ**, посолъ въ Вѣнѣ, т. СXLIX, мартъ, 519.
- Колоубакинъ**, Б. М., сообщ.: „1812-ый годъ. Последніе дни командованія Барклаемъ 1-й и 2-й западными арміями“, т. CL, июнь, 467 - 476, „1812-ый годъ. Избрание Кутузова главнокомандующимъ надъ всеми арміями, пріѣздъ его въ армію и первые дни его дѣятельности“, т. СLI, июль, 3—32, авг., 258—281.
- Колоубакинъ**, дивизион. команд. 1812 г., т. СLI, июль, 46, т. СLII, окт., 110.
- Колычевъ**, Фед. Фед., подпоручикъ † 1812 г., т. CL, апр., 60.
- Комаровскій**, гр., 1812 г., т. CL, июнь, 448, 450, 465, т. СLI, июль, 77, 78, 84.
- Комиссаржевскій**, арт.-пѣв., т. СXLIX, янв., 163.
- Кони**, Анат. Фед., сообщ. „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля“, т. СXLIX, янв., 3—50, т. СLII, декаб., 451—481, упом. сент., 1.
- Коновницынъ**, гр. Петр. Петров., ген.-отъ-инф. р. 1764 † 1822 г., т. CL, июнь, 471, 603, т. СLI, июль, 20, 53, 64, прилож. 20, 21, 42, авг., 262, 263, 271, 273, прилож. 46, 49, 53, 62, 69, 73, 80, 82, 90—107, 118, сент., 303, 329, 330, сент., прилож., 122, 136, 137, т. СLII, окт., 126—134, дек. 619, 636—642.
- Кононовъ**, тит. сов. 1839 г., т. СLI, сент., 398.

- Копонка**, ген. 1812 г., т. СL, май, 438, 439.
- Копочинскій**, Владиславъ, сообщ. „Два политических письма Екатерины II-й“, т. СXLIX, мартъ, 618—632.
- Константиновъ**, П. К., художникъ, т. СLII, дек., 656.
- Константинъ Константиновичъ**, Вел. Князь, т. СXLIX, янв., 62, т. СLII, нояб., 297, 298.
- Константинъ Николаевичъ**, Вел. Кн., р. 1827 † 1892 г., т. СXLIX, февр., 304, 329, мартъ, 602, т. СL, июнь, 510, т. СLII, авг., 247, 248, т. СLII, нояб., 348.
- Константинъ Павловичъ**, цесаревичъ, р. 1779 † 1831 г., т. СXLIX, янв., 32, 38, 173, 174, февр., 257, 264, 271, 272, 403, 404, мартъ, 533, т. СL, май, 244, 417, июнь, 469, прилож., 3, 14, т. СLII, июль, 9, 92, прилож., 25, 27, 34, 36, авг., 169, 248, 249, прилож., 66, 81, 135, т. СLII, окт., 118, 129.
- Копытовъ**, Никол. Вас., адм., 1882 г., т. СLII, окт., 204.
- Коргуевъ**, Кронштад. город. голова, 1875 г., т. СXLIX, янв., 29.
- Коркодиновъ**, Ѳед., воевода нижегор. 1682 г., т. СXLIX, февр., 434.
- Корниловъ**, д. тн. сов., попочит. Лицея, т. СXLIX, февр., 403.
- Корниловъ**, Влад. Алексѣев., адм. † 1854 г., т. СXLIX, февр., 371.
- Коробинъ**, депутат. козловск. дворян. въ Екатерин. комис. для соч. нов. Уложенія, т. СL, май, 356, 357, т. СLII, дек., 594.
- Коровинъ**, 1892 г., т. СLII, окт., 36, 37.
- Корсаковъ**, В. Д., сообщ. „Изъ архива Имп. первой Казанской гимназіи“, т. СLII, окт., 220.
- Корсаковъ**, Д. А., профес. сообщ. „Къ 50-тилѣтню освобожденія крестьянъ, Карловское имѣніе Вел. Кн. Елены Павловны“, т. СXLIX, февр., 303—308, мартъ, 633—651, „Письмо Вел. Кн. Елены Павловны Государю Императору Александру II“, февр., 308.
- Корфъ**, гр., Модестъ Андр., † 1876 г., т. СXLIX, февр., 401, 404, мартъ, 533, т. СLII, окт., 140.
- Корфъ**, бар., С. А., т. СXLIX, мартъ, 656.
- Корфъ**, баронъ, Ѳед. Карл., генералъ, 1812 г., † 1823 г., т. СL, июнь, прилож., 3, 11—14, т. СLII, июль, прилож. 24, авг., прилож. 47, 51, 53, 54, 102, 103, 117, 118, сент., 304, 326, окт., 128—132, дек., 637.
- Корфъ**, ген. 1857 г., т. СXLIX, янв., 205.
- Косаговскій**, Васил., поруч. 1839 г., т. СLII, сент., 398.
- Косинскій**, профессор-хирургъ 1872 г., т. СLII, сент., 428.
- Косовичъ**, цензоръ 1892 г., т. СXLIX, февр., 310, 311.
- Костандя**, А. С., ген.-ад., т. СXLIX, янв., 121.
- Костенецкій**, ген. 1812 г., т. СXLIX, февр., 274, 275.
- Костомаровъ**, Никол. Ив., историкъ, р. 1817 † 1885 г., т. СXLIX, мартъ, 477, т. СL, май, 308, июнь, 495, 496, 546, т. СLII, окт., 1.
- Котелевскій**, проф. Варшав. универс. 1872 г., т. СLII, сент., 427.
- Котляревскій**, капит. 1804 г., т. СLII, авг., 237.
- Коцебу**, гр. Пав. Евстаф., Варшав. ген.-губернат., р. 1801 † 1884 г., т. СXLIX, янв., 40, 52, 200, т. СLII, сент., 430.
- Кочетова** (Александрова), Алексд. Доримедонтов., пѣв., 1865 г., т. СXLIX, янв., 163, 165, 167, 168, т. СXLIX, февр., 317, 318, 326.
- Кочубей**, гр., Викт. Павл., р. 1768 † 1834 г., т. СXLIX, янв., 34, 35, февр., 258, 265, мартъ, 455—458, 528—534, апр., 38, т. СL, май, 410, 417, 422, 428, июнь, 448, 462, 599, т. СLII, июль, 3, 73, авг., 214, сент., 299, т. СLII, окт. 132, нояб., 334, 335, дек., 549.
- Кошелевъ**, Р. А., мистикъ, т. СLII, окт., 149, нояб., 321, дек., 552—555.
- Кошелевъ**, об.-гофмейст. 1812 г., т. СL, май, 426.
- Косяндеръ**, повѣрен. въ дѣлахъ въ Китаѣ, 1878 г., т. СXLIX, февр., 338, 446, мартъ, 589, 590.
- Краевскій**, Андр. Алед., журналистъ, р. 1810 г., † 1883 г., т. СXLIX, мартъ, 550, 554, 566, т. СL, май, 301, 302, 350, июнь, 492—527.
- Крамской**, художн., т. СL, июнь, 501, 503, 536.
- Красновъ**, ген.-м., 1812 г., т. СLII, авг., прилож., 59.
- Крейтонъ**, Алед. Алексд., лейбъ-мед., 1807 г., т. СXLIX, февр., 259, 267, мартъ, 460, т. СLII, авг., 213, сент., 298.
- Крейцъ**, полковн., 1812 г., т. СLII, июль, 33, авг., прилож., 56, сент., 317, т. СLII, дек., 636, 641.
- Криденеръ**, ген., 1877 г., т. СLII, окт., 32, 33.
- Кропоткинъ**, кн., П., писат., т. СL, июнь, 524.
- Кроссаръ**, офицеръ генеральн. штаба, 1812 г. т. СLII, авг., прилож., 79.
- Кротковъ**, М. И., докт., т. СLII, дек., 537—539.

- Бруковский**, Адр., сообщ.: „Къ характеристикѣ патриарха Гермодена“, т. СЛІ, июль, 118—125.
- Крыжановскій**, Оренбург. ген.-губер., т. СЛІІ, окт., 88, 89.
- Крыжановскій**, докт., 1886 г., т. СЛ, май, 379.
- Крыловъ**, Ив. Андр., баснописецъ, т. СЛ, июнь, 525.
- Брюгеръ**, художн., 1878 г., т. СХLIX, февр., 237.
- Брюденеръ**, баронесса, Юліана, піетистка, т. СЛІІ, нояб., 318—321, дек. 355—570.
- Кубинцевъ**, А. В., сообщ.: „Мѣропріятія правительства и церкви противъ народныхъ суевѣрій“, т. СЛІ, сент., 357—371.
- Кудашевъ**, кн., полковн., 1812 г., т. СЛІ, июль, 15, 17, 24, авг., прилож., 68, 76, 89.
- Кудрявій**, Череповец. предвод. двор., 1839 г., т. СЛІ, сент., 398.
- Кузнецовъ**, маіоръ, 1812 г., т. СЛІ, июль, 96.
- Кульневъ**, Яковъ Петров., генераль, † 1812 г., т. СЛ, апр., 60, т. СЛІ, июль, 44, сент., 316, т. СЛІІ, окт., 108, дек., 618.
- Куникъ**, акад., 1887 г., т. СЛІІ, нояб., 298.
- Куницынъ**, профес. лицей, 1810 г., т. СХLIX, февр., 402.
- Куракинъ**, кн., Алсд. Борисов., посоль при вѣнск. и парижск. дворахъ, р. 1752 † 1818 г., т. СХLIX, янв., 34, мартъ, 456, 457, т. СЛ, апр., 32, май, 431, 437, июнь, 604, авг., 202, т. СЛІІ, окт., 145, 149, нояб., 337.
- Куракинъ**, кн., Алексѣй Борис., ген.-прокур., р. 1759 † 1829 г., т. СХLIX, февр., 262, 263, т. СЛ, апр., 39, май, 418.
- Кургановичъ**, протоіерей, 1900 г., т. СЛІІ, окт., 39, 40, 42.
- Куропаткинъ**, Алексѣй Николаевичъ, главноком. 1904 г., т. СЛ, апр., 190, 194, 196, май, 245—289.
- Курочкинъ**, Никол. Степ., писат., р. 1830 † 1884 г., т. СХLIX, мартъ, 548.
- Кусовниковъ**, Евгр. Петров., корнетъ, † 1812 г. т. СЛ, апр., 61.
- Кутайсовъ**, гр., Алсд. Ив., нач. артил. 1-й арміи, 1812 г., р. 1784 † 1812 г., т. СЛІ, июль, прилож., 43, авг., 273, 274, прилож., 68—72, сент., 310, т. СЛІІ, окт., 128, дек., 641.
- Кутейниковъ**, ген.-м., 1812 г., т. СЛІ, авг., прилож., 106, сент., 318.
- Куторга**, С., акад., 1870 г., т. СЛІІ, окт., 100.
- Кутузова**, Авдотья Ильинична 1806 г., т. СЛ, май, 240.
- Кутузова**, Екат. Андр., супруга фельдм. дек., 614.
- Кутузовъ - Смоленскій**, кн., Мих. Иллр., фельдм., р. 1745 † 1813 г., т. СХLIX, февр., 279, 283, мартъ, 482—486, т. СЛ, май, 418, 438, июнь, 467—476, 483, 598, 608, т. СЛІ, июль, 3—32, 54, 63, авг., 165, 169—171, 199, 203, 258—281, прил., 50, 61—102, 108, 117, сент., 283—289, 293, 305, 372, прилож., 122, 125—138, т. СЛІІ, окт., 13, нояб., 307—311, 325, 333, дек., 546, 613—615, 619, 626, 633—648.
- Кутузовъ**, Пав. Ив., курат. Москов. унив., 1815 г., т. СХLIX, янв., 70, 71, т. СЛІ, июль, 19.
- Кюльвейнгъ**, 1812 г., т. СЛІ, сент., 296.
- Кюнь**, пасторъ, 1811 г., т. СЛІ, июль, 95.
- Крыловъ**, Никита Ив., проф., т. СЛІІ, дек., 454.
- Книжная лѣтопись**. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы: съ 14 іюля по 4 августа 1911 г., т. СЛ, апр., на оберткѣ, съ 4 по 11 августа 1911 г., т. СЛ, июнь, на оберткѣ, съ 4 по 25 августа 1911 г., т. СЛІ, июль, на оберткѣ, съ 18 августа по 25 августа 1911 г., т. СЛІ, августъ, на оберткѣ, съ 25 августа по 15 сентября, 1911 г., т. СЛІ, сентябрь, на оберткѣ, съ 8 сентября по 6 октября 1911 г., т. СЛІІ, нояб., съ 6 октября по 1 декабря 1911 г., т. СЛІІ, дек.

Л

- Лаба**, ген., провіантм., 1812 г., т. СЛІ, июль, 26.
- Лаваль**, гр., Ив. Степ., франц. эмигрантъ, камергеръ, церемоніймейст. 1812 г., т. СЛ, май, 410.
- Лавинскій**, Виленскій губернат., 1812 г., т. СЛ, июнь, 449.
- Лаврентьева**, Софія Ив., сообщ.: „Въ дружескомъ кругу“. Изъ воспоминаній о гр. Д. А. Милютинѣ, т. СЛ, май, 323—331.
- Лаврентьевъ**, редак. „Рус. Инвалида“ и „Воен. Сборника“, † 1894 г., т. СЛ, май, 323, 330.
- Лавровскій**, рект. Варшавскаго унив., 1872 г., т. СЛІ, сент., 405, 429.
- Лавровъ**, ген.-лейт., 1812 г., т. СЛ, апр., 211, май, 439, сент., 310, 323.
- Лавровъ**, ст. сов., 1812 г., т. СЛІ, сент., 290.
- Лавровская**, Елиза. Андреев., въ зам. княг. Цертелева, гѣвница 1873 г., т. СХLIX, февр., 321.

- Ладыженскій**, Н. Н., дипломатъ, 1877 г., т. СЛІІ, дек., 506.
- Лагаръ**, Фредерикъ-Сезарь, воспитат. имп. Александра I, † 1838 г., т. СЛІІ, окт., 136.
- Лагоріо**, пѣвецъ, 1866 г., т. СХLIX, янв., 162.
- Лагура**, арт.-пѣвица, 1870 г., т. СХLIX, янв., 168.
- Лажечниковъ**, И. И., писат., † 1869 г., т. СХ, июнь, 497, т. СЛІІ, дек., 627—629.
- Ламанскій**, В. И., т. СL, июнь, 516, т. СЛІІ, дек., 533, 534.
- Ламбергъ**, гр., ген.-ад., 1812 г., т. СLІ, сент., прилож., 125, 126.
- Ламбъ**, Ив. Варфоломеев., правитель Костромск. намѣстничества, 1790 г., т. СЛІІ, окт., 77, 82.
- Ламсдорфъ**, гр-ня, 1806 г., т. СL, май, 238.
- Ланжеронъ**, гр., Алед. Ѳед., Новорос. ген.-губ., 1812 г., т. СL, июнь, 475, 598.
- Ланской**, Васил. Сергѣев., мин. вн. дѣлъ, 1823 г., р. 1762 † 1831 г., т. СХLIX, мартъ, 534, 536; т. СЛІІ, нояб., 316.
- Ланской**, гр., Степ. Сергѣев., гофмарш., 1806 г., т. СХLIX, февр., 258, 267, т. СL, апр., 15, 216, 217, май, 238, 239, 240, т. СЛІІ, дек., 629.
- Ланской**, генералъ-интендантъ 1812 г. т. СLІ, июль, 27.
- Ларошъ**, Германъ Августов., музык. критикъ, т. СХLIX, февр., 323.
- Лаубе**, профессоръ спб. консерват., т. СХLIX, февр., 323.
- Лашковъ**, Н., сообщ.: „Посѣщеніе Ростовскаго Спасо-Яковлевскаго Дмитріевскаго монастыря Императрицей Маріей Ѳеодоровной, 1 мая 1818 г. и Императоромъ Александромъ I, 23 авг. 1823 года“, т. СLІ, июль, 110—117, „Новгородское ополченіе 1812 года и памятникъ ему въ Новгородѣ“, сент., 394—401.
- Лебедевъ**, А. А., сообщ.: „Николай Гавриловичъ Чернышевскій“, т. СХLIX, янв., 87—95, мартъ, 471—479, т. СL, апр., 63—71, май, 296—309, т. СЛІІ, окт., 1—11, нояб., 269—282, дек., 536—541. „Къ закрытію масонскихъ ложъ въ Россіи“, мартъ, 523—538, нояб., 261—282, дек., 536—541.
- Лебедевъ**, г.-лейт., 1812 г., т. СLІ, июль, 33.
- Левандовскій**, 1806 г., т. СLІ, авг., 215, 216.
- Левашовъ**, ген.-м., 1780 г., т. СЛІІ, дек., 596.
- Левенштернъ**, ген., 1812 г., т. СЛІІ, окт., 119, 121, 122, дек., 640—648.
- Левинъ**, Мих., астрахан. об.-каменд., 1780 г., т. СЛІІ, дек., 595.
- Левинъ**, М. В., 1905 г., т. СL, май, 310, 318.
- Левипкая**, пѣвица 1870 г., т. СХLIX, февр., 321.
- Левичскій**, Казимиръ Васильев., ген., 1877 г. т. СХLIX, мартъ, 472, т. СЛІІ, окт., 35.
- Лееръ**, Генрихъ Антон., инф. ген., профес., т. СХLIX, янв., 63, 119, мартъ, I, т. СЛІІ, дек., 530, 533.
- Лемке**, М. К., т. СL, июнь, 522.
- Ленцъ**, студ. при посольствѣ въ Пекинѣ, 1870 г., т. СХLIX, февр., 446.
- Леонтій**, еписк. подольскій 1870 г., т. СХLIX, февр., 372—390.
- Леонтьевъ**, Мих. Ив., украинск. ген.-губ., р. 1741 † 1753 г., т. СХLIX, янв., 72.
- Леонтьевъ**, Никол. Мих., т. СХLIX, янв., 72.
- Леонтьевъ**, Никол. Никол., 1815 г., т. СХLIX, янв., 71, 72.
- Леонтьевъ**, кап.-поруч. л.-гв. Измайл. полка, 1768 г., т. СL, май, 355.
- Леопольдовъ**, А. Ф., 1827 г., т. СХLIX, мартъ, 500—508.
- Лермонтова**, Е., сообщ.: „Самодержавіе Царевны Софіи Алексѣевны, по нежданымъ документамъ (изъ переписки, возбужденной графомъ Панинымъ)“, т. СХLIX, февр., 425—445, мартъ, 539—547.
- Лермонтовъ** (предокъ поэта), чухломскій исправникъ, 1790 г., т. СЛІІ, окт., 81.
- Лермонтовъ**, Мих. Юрьев., писат., р. 1814 г., † 1841 г., т. СL, июнь, 525, т. СLІ, июль, 106.
- Лернеръ**, Н., сообщ.: „Народныя пѣсни въ новооткрытыхъ записяхъ Пушкина“, т. СХLIX, янв., 218—229, „О Пушкинѣ“, т. СL, апр., 99—113, „Обмануть Наполеона“, т. СЛІІ, сент., 372.
- Лесли**, Смоленск. предвод. дворянства, 1812 г., т. СLІ, июль, прилож., 33.
- Леухинъ**, Алексѣй Петров., поруч. † 1812 г., т. СL, апр., 60.
- Ливень**, гр., Карль, 1812 г., т. СL, апр., 15.
- Ливень**, гр., т. СL, апр., 217, 218, май 242, 437, 441.
- Ливень**, княгиня, т. СЛІІ, дек., 651.
- де-Ливронъ**, Б. К., сообщ.: „Отрывочныя воспоминанія изъ прожитой мною жизни на морѣ и на сушѣ“, т. СХLIX, февр., 446—454, мартъ, 664—672.
- Лигинъ**, Валеріанъ Никол., почелат. варшав. учебн. окр., 1897 г., т. СL, апр., 82.
- Лизере**, обойный мастеръ, т. СХLIX, мартъ, 664.

- Липранди**, Ив. Петр. † 1883 г., т. СL, апр., 109.
- Липранди**, Пав. Петр., ген., 1812 г., † 1864 г., т. СLII, июль, 25, 26.
- Лисаневичъ**, поруч. 1812 г., т. СLII, сент., прилож., 122.
- Литвиновъ**, И. М., пензоръ драматич. соч., 1896 г., т. СXLIX, янв., 142.
- Литке**, гр., Фед. Петров., презид. акад. наукъ, 1881 г., т. СXLIX, янв., 151, т. СL, апр., 122.
- Литга**, гр-ня, Ек. Васил., рожд. Энгельгардъ, р. 1761 † 1829 г., въ перв. бракъ Скваронская, т. СLII, июль, 141.
- Литухинъ**, оф., 1848 г., т. СL, май, 398, 404, 405, 406.
- Лихачевъ**, ген., т. СLII, дек., 641, 644.
- Лихаревъ**, полковн. 1812 г., т. СLII, июль, 147, 151, авг., прилож., 73, 75.
- Лихачевъ**, Вл. Ив., спб. город. голова, т. СXLIX, янв., 24.
- Лихачевъ**, флотск. офицеръ, 1860 г., т. СXLIX, февр., 366, 367.
- Лихонинъ**, чл. спб. губерн. управы, 1870 г., т. СXLIX, янв., 28.
- Лобановъ - Ростовскій**, кн. Алексѣй Борисов., дипломатъ, р. 1825 † 1896 г. т. СLII, дек., 513.
- Лобановъ-Ростовскій**, князь Дм. Ив. ген. отъ инф., р. 1758 † 1838 г., т., СXLIX, февр., 258—268, т. СL, июнь, 604, т. СLII, июль, 19, 22, 27, т. СLII, окт. 145.
- Лобачевскій**, Осипъ Иван., поруч. † 1812 г., т. СL, апр. 60.
- Ломакинъ**, ген. 1881 г., т. СLII, сент., 378.
- Ломинъ**, авт. истор. 2-го кадет. корп., т. СLII, сент., 287.
- Ломоносовъ**, Мих. Вас., писат., р. 1711 † 1765 г., т. СXLIX, мартъ, 566, 568, т. СL, июнь, 493, 495, 496, 497.
- Лопухина**, фрейлина, 1812 г., т. СLII, июль, 92.
- Лопухинъ**, П. П., фл.-ад. 1812 г., т. СL, июнь, 450, т. СLII, июль, 3, 146, 148, 159.
- Лорисъ-Меликовъ**, Мих. Таріелов., р. 1825 † 1888 г., т. СLII, нояб., 235.
- Лохвицкій**, А. В., юристъ, т. СLII, дек., 455.
- Лубяновскій**, Федоръ Петров., сенат., р. 1777 † 1869 г., т. СXLIX, мартъ, 525.
- Лукинскій**, поруч., смотрит. маяка въ Декастри, 1873 г., т. СXLIX, февр., 449.
- Лукиянова**, Варвара Лукинична, ин-спектрисса Николаевск. инстит. 1869 г., т. СL, июнь, 521.
- Лушниковъ**, А. М., 1886 г., т. СL, май, 362.
- Львовъ**, Серг. Лавр. † 1812 г., т. СLII, дек., 546.
- Льховскій**, Ив. Иван., переводчикъ, 1862 г., т. СLII, нояб., 264, 286.
- Лѣсковъ**, Н. С., писат., т. СXLIX, мартъ, 549, т. СL, апр., 56.
- Любомудровъ**, И. В., прот., 1835 г., т. СXLIX, мартъ, 473.

M

- Магдалинничъ**, сербск. инж., подполк. 1877 г., т. СLII, дек., 508.
- Магницкій**, Млх. Леонтьев., попечит. Казанск. учебн. окр., р. 1778 † 1855 г., т. СXLIX, мартъ, 525, т. СL, май, 417, 429.
- Мазонъ**, А. А., сообщ. „Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова“, т. СXLIX, мартъ, 549—568, т. СL, июнь, 492—527.
- Майковъ**, Апол. Никол., р. 1821 † 1897 г., т. СL, янв., 495, 496.
- Майковъ**, Валер. Никол., т. СL, июнь, 516.
- Макѣевъ**, Н. Н., драгоманъ, т. СLII, нояб., 293.
- Майлевскій**, радомскій губерн. 1879 г., т. СL, апр., 74.
- Маكدональдъ**, маршалъ. командовавш. прусск. корп. въ 1812 г., т. СL, июнь, 593—596.
- Максимовъ**, Гавр. Ефимов., поруч. † 1812 г., т. СL, апр., 60.
- Максимовъ**, Ник. Вас., т. СLII, дек., 571.
- Максимовъ**, Серг. Вас., писат. т. СLII, дек., 571—576.
- Макшеевъ**, Андрей Александр., подпор., † 1812 г., т. СL, апр., 61.
- Малевинскій**, Петръ Ив., прапорщ. † 1812 г., т. СL, апр., 60.
- Малибранъ**, пѣвица, 1867 г., т. СXLIX, февр., 320.
- Малиновскій**, Васил. Фед., первый директоръ лицея 1810 г., т. СXLIX, февр., 402, 403.
- Мамонтовъ**, С. И., т. СL, июль, 537.
- Манасеинъ**, А., сенат., 1881 г., т. СLII, нояб., 298.
- Манвеловъ**, князь студ. кіевск. унив. 1870 г., т. СL, июнь, 561.
- Мансветовъ**, т. СXLIX, мартъ, 472.
- Манфреди**, полковн., 1812 г., т. СLII, авг., прилож., 61.
- Марина**, М., сообщ.: „Лѣди Портеръ“. т. СLII, дек., 604—609.
- Маринъ**, т. СLII, окт. 138.
- Марія Александровна**, им-ца, р. 1824 † 1880 г., т. СXLIX, февр., 306, т. СLII, авг., 244.

- Марія Павловна**, вел. княгиня, т. СL, апр., 15, 16, 17, 20, 34, май, 238, т. СL, авг., 215.
- Марія Осодорова**, Императрица, р. 1759 † 1828 г., т. СXLIX, янв., 31—38, 59—63, февр., 257—269, 271, 272, 401, 406, мартъ, 456—460, 514, т. СL, апр., 13—20, май, 237—244, июнь, 466, 507, т. СL, июль, 88—94, 110—117, 142, авг. 200, 201, 213—217, сент., 293—300, т. СLII, дек., 547, 570, 604, 606—608, 651.
- Маркевичъ**, А. И., чл. Таврич. учен. архивн. комис. 1911 г., т. СL, апр. 108.
- Маркевичъ**, Болеславъ Мих., корресп. „Москов. Вѣд.“ 1868 г., т. СL, июнь, 498.
- Марковичъ**, Ефремъ, сербскій полковн. 1878 г., т. СXLIX, февр., 298, 300, 301, 302, т. СLII, дек., 526.
- Марковъ**, Евг., морск. оф., т. СLII, дек., 515.
- Марковъ**, ген. 1812 г., т. СL, сентяб. 304.
- Марксъ**, Адольфъ Фед., издат. „Нивы“, т. СXLIX, янв., 105, 108, т. СL, апр., 47, 54—58.
- Маркузенъ**, проф. м-х. акад., т. СLII, окт. 101.
- Марселиусъ**, Петръ, т. СLII, дек., 653—661.
- Мартыновъ**, И. И., директ. деп. про-свѣщ. 1810 г., т. СXLIX, февр. 402.
- Мартыановъ**, Никол., губерн. секрет. 1839 г., т. СL, сент., 398.
- Мартыановъ**, Нилъ, кол. секрет., 1839 г., т. СL, сент., 398.
- Масальскій**, князь, начальн. артил-риц, 1877 г., т. СL, авг., 211.
- Матвѣевъ**, гр., Андрей Артамонов., т. СXLIX, февр., 427.
- Матвѣевъ**, Артам. Серг., бояринъ, р. 1625 † 1682 г., т. СLII, нояб., 438.
- Матисенъ**, Егоръ Андреев., юристъ, т. СLII, дек., 476, 478, 479.
- Матюшкинъ**, лиценстъ т. СXLIX, февр., 404.
- Мацевичъ**, Давидъ Ив., писат., цензоръ р. 1812 † 1859 г., т. СL, июнь, 515.
- Медвецкій**, Тихонъ Денис., маіоръ, † 1812 г., т. СL, апр., 61.
- Меллеръ-Закомельскій**, бар., ген.-ад., 1812 г., т. СL, июль, 147, прилож. 26, авг., 186, 192, прилож. 93—97, 114, сент., прилож. 140.
- Мельгуновъ**, кап. 1839 г., т. СL, сент., 398.
- Мельниковъ**, П. И., писат., т. СXLIX, янв., 90.
- Мельницкій**, Яковъ, прап. 1839 г., т. СL, сент., 398.
- Мемнонь**, архим., 1868 г., впол. еписк. Екатеринослав., т. СXLIX, февр., 373.
- Меншиковъ**, кн., Алексд. Серг., адм., р. 1788 † 1869 г., т. СXLIX, янв., 197.
- Меншиковъ**, Пав. Никитичъ, 1868 г., т. СXLIX, мартъ, 568.
- Меншиковъ**, кн., адъют. Багратиона 1812 г., т. СL, июль, 25.
- Меншиковъ**, поруч. 1812 г., т. СLII, окт., 111, 112.
- Меньшова**, Алексд. Григ., пѣвица, т. СXLIX, февр., 317, 318, 326.
- Мерингъ**, проф. Киевск. унив. 1875 г., т. СL, июнь, 581.
- де-Местръ**, гр., Жозефъ, сардинск. послан. въ Рос. 1810 г., т. СXLIX, февр., 402.
- Мещерская**, княжна, Н. А., въ зам. де-Витте, т. СXLIX, янв., 162.
- Миклашевскій**, проф. Варшав. унив. 1872 г., т. СL, сент., 425.
- Микъшинъ**, М. О., скульпт., 1862 г., т. СL, сент., 401, т. СLII, окт. 24.
- Милавъ**, кор. Сербскій 1878 г., т. СXLIX, февр., 296, 298, 299, т. СLII, дек., 510—526.
- Миленастъ**, К. Л., 1855 г., т. СXLIX, янв., 198.
- Миллеръ**, В. Ф., т. СXLIX, янв., 218, 219.
- Миллеръ**, Н. И., директ. Лицея 1853—1877 г., т. СXLIX, февр., 404, 406.
- Миллеръ**, историографъ, директ. архива коллегіи ин. дѣлъ 1766 г., т. СXLIX, февр., 425.
- Милорадовичъ**, гр. Мих. Авдр., спб. воен. ген.-губернат. р. 1771 † 1825 г., т. СXLIX, мартъ, 482, 485, 488, 533, т. СL, июнь, 471 т. СL, июль, 9, 17—21, 27, прилож. 23, авг., прилож. 53, 58, 62, 73, 80—93, 102—120, сент., 305, прил. 138, т. СLII, нояб., 335, дек., 555, 619, 635, 646.
- Милославскій**, Ив. Дан., т. СLII, нояб., 428.
- Милютина**, Елена Дм., въ зам. Гершельманъ, т. СL, май, 323, 328, 329.
- Милютина**, Елиз. Дм., въ зам. княг. Шаховская, т. СL, май, 323, 329.
- Милютина**, Марія Дм., т. СL, май, 323, 328.
- Милютина**, Надежда Дм., въ зам. княг. Долгорукова, т. СL, май, 323, 329.
- Милютина**, Наталья Мих., рожд. Понсетъ т. СL, май, 327, 328.
- Милютина**, Ольга Дм., т. СL, май, 323, 326, 327, 331.
- Милютина**, Прасковья Никол., т. СL, май, 331.
- Милютинъ**, Алексѣй Дм., Курскій губернат. 1881 г., т. СL, май, 329.

- Милютинъ**, Дм. Алекс., гр. р. 1816 г. † 1912 г., т. СXLIX, янв., 10, 52, февр., 305, 329, 340, 341, мартъ, I—IV, т. CL, апр. 4, май, 227, 323—331, т. CLII, дек., 502.
- Милютинъ**, Николай Алексѣев., т. СXLIX, янв., 67, февр., 305.
- Милотинъ**, Юрій Никол., т. CL, май, 331.
- Минкевичъ**, докт., 1861 г., т. CLII, окт., 1, 3.
- Мировичъ**, т. CLII, нояб., 340.
- Мироновъ**, депутат. Терск. войска въ Екатерин. комис. для соч. проекта Нов. Уложен., т. CL, май, 359.
- Мирополюскій**, свящ. 1870 г., т. СXLIX, февр., 384, 385.
- Митусовъ**, С. Н., сообщ.: „Рескриптъ императора Павла I новгородскому губернатору Митусову“, т. CL, май, 332.
- Митусовъ**, новгор. губернат. 1797 г., т. CL, май, 332.
- Митюковъ**, К., профес., юристъ 1870 г., т. CL июнь, 557, 577.
- Михайлъ Николаевичъ**, вел. князь, т. CLII, нояб., 359.
- Михайлъ Павловичъ**, великій князь, р. 1798 † 1849 г., т. СXLIX, февр., 403, 404, т. CLII, авг., 242, 243, 244, 245, 247.
- Михайлъ Феодоровичъ**, царь, р. 1596 † 1645, т. CLII, нояб., 434, 440, дек., 653—665.
- Михайлъ**, митроп. сербскій 1877 г., т. CLII, дек., 507, 508.
- Михайловъ**, Ив. Фед., майоръ † 1812 г., т. CL, апр., 60.
- Михайловъ**, Фед. Фед., поруч. † 1812 г., т. CL, апр., 62.
- Михайловскій**, Никол. Конст., писат., т. CL, апр., 43, 51.
- Михайловскій-Данилевскій**, Алесд. Ив., воен. историкъ, р. 1790 † 1848 г., т. СXLIX, янв., 59, мартъ, 528, 529, т. CL, июнь, 454, 464, 466, т. CLII, июль, 10, 54, т. CLII, сент., 322.
- Михельсонъ**, ген. 1805 г., т. CLII, окт., 143.
- Михневичъ**, В. О., писат., т. СXLIX, февр., 313, 314.
- Мицкевичъ**, писатель, т. СXLIX, февр., 313.
- Мишо**, фл.-ад. 1812 г., т. CL, июнь, 454, 455, 460, 475.
- Мищенко**, ген. 1904 г., т. CL, апр., 189, май, 269, 319.
- Мвишекъ**, Марина, т. CLII, июль, 122.
- Модестовъ**, проф. кiev. ун-в. 1870 г., т. CL, июнь, 577.
- Моисей**, епск. сарат., затѣмъ экзархъ Грузіи, т. CLII, авг., 250.
- Моль**, Робертъ, писатель, т. CLII, окт., 22—24.
- Молчановъ**, прапорщикъ, т. СXLIX, мартъ, 500.
- Молчановъ**, Петръ Степ., управл. дѣлами комит. мин-въ въ 1868 г., т. CL, май, 422.
- Монахинъ**, полковн. 1812 г. т. CLII, июль, 25, 26.
- Мордвикинъ**, И. И., брандъ-майоръ въ Саратовѣ, 1855 г., т. CL, май, 305.
- Мордвиновъ**, И. П., сообщ. „Письма Г. Р. Державина къ Е. И. Горихвостовой“, т. СXLIX, янв., 68—72.
- Мордвиновъ**, гр. Ник. Семенов. † 1845, т. CLIX, янв., 63, т. CL, июнь, 598.
- Мордвиновъ**, П., прапорщ. 1839 г., т. CLII, сент., 400.
- Мордвиновъ**, началн. артил. и инженер.-школы, 1761 г., т. CLII, сент., 288.
- Мордвиновъ**, управл. Саратов. удѣльн. конторой 1856 г., т. CL, май, 308.
- Моренгеймъ**, посолъ въ Копенгагенъ 1870 г., т. СXLIX, мартъ, 616.
- Морковъ**, Алесд. Фед., прапорщ. † 1812 г., т. CL, апр., 60.
- Морковъ**, гр. 1812 г., т. CLII, июль, 19.
- Мотонисъ**, депутат. Галуцкаго шляхетства въ Екатеринин. комис. для сочин. проекта нов. Улож., т. CL, май, 360.
- Мрозовскій**, ген.-м. 1904 г., т. CL, апр., 207.
- Музалевская**, Анна Алесд., т. CL, июнь, 521.
- Муравьевъ-Апостолю**, И. М., т. CL, апр., 110.
- Мусигъ-Пушкинъ**, Крестецкій предвод-двор. 1839 г., т. CLII сент., 393.
- Мухановъ**, Пав. Алесд., т. CLII, нояб., 257.
- Мухановъ**, Серг., Ильичъ, шталмейст. 1807 г., т. СXLIX, февр., 258, 267.
- Мухинъ**, ген.-м. 1812 г., т. CLII, сент., 310, 324.
- Мунштаевъ**, Алесд., чиновн., составит. словаря татарск. яз. т. CLII, окт. 87—92.
- Мышецкій**, Ф. Е., подполков. 1839 г., т. CLII, сент., 400.
- Мяновскій**, проф.-мед. 1848 г., т. CLII, окт., 94, 105.
- Мясоедовъ**, Н. Н., сенат., т. CLII, дек., 479.

Н

- Набоковъ**, Д. Н., мин. юстиц. т. CLII, дек., 453.
- Назимовъ**, юристъ, т. CL, июнь, 576.
- Налетовъ**, Никол. Алесд., секретарь кон-

- сульства въ Бѣлградѣ 1877 г., т. СLII, дек., 527.
- Наполеонъ I**, императоръ, т. СXLIX, янв., 37, 59—61, 122—138, февр., 266—268, 273—283, 410—424, мартъ, 456—458, 482—490, т. CL апр., 13, 17, 162—179, 211, 214, май, 242, 243, 282, 287, 430—444, июнь, 450—458, 467—476, 483, 486. 488, 593—596, 604—614, прил. 1—15, т. СLI, июль, 3—32, 41, 47, 48, 63—85, 143—163, прил. 16—44, авг. 165—206, 258—281, прил. 65—97, 102—120, сент., 301—307, 316, 326—331, 372 прил. 123, 124, 125, 130, т. СLII, окт., 108, 113—132, нояб., 303, 321, 328—338, 380, 405, дек., 542—549, 605, 621—649.
- Нарановичъ**, врачъ 1848 г., т. СLII, окт., 97.
- Нарышкинъ**, Анна Никитич., помѣщица, 1812 г., т. СLII, дек., 613.
- Нарышкина**, Марія Антонов., рожд. княжна Четвертинская, т. СXLIX, янв., 32, т. CL, июнь, 605, т. СLII, дек., 570.
- Нарышкинъ**, Алсд. Львов., т. CL, май, 414.
- Нарышкинъ**, Дм. Львов., 1812 г., т. CL, май, 414, 415.
- Нарышкинъ**, Левъ, 1812 г., т. СLII, нояб., 334, дек. 546.
- Наталія**, княгиня сербская, т. СLII, дек., 510.
- Невзоровъ**, Макс. Ив., начальн. москов. унив. типограф., 1813 г., т. СLII, дек., 629.
- Невѣровский**, ген. 1812 г., т. СXLIX, февр., 277, т. СLI, июль, 46, 53, прилож. 36, 40—43, авг., 169, прилож. 64—67, сент., 304, т. СLII, окт., 116, 117, 123—126, дек., 637—639.
- Незабитовскій**, проф. кіевск. унив. 1875 г., т. CL, июнь, 580.
- Неклюдовъ**, управл. московск. театр. конторой, 1866 г., янв., 162, 165, 167.
- Некрасовъ**, Никол. Алексѣев., писатель, р. 1821 † 1877 г., т. CL, май, 301, 302, июнь, 494.
- Нелединскій-Мелецкій**, Юр. Ал., поэтъ 1812 г., т. CL, май, 812, июнь, 509, 510, 614.
- Нелидова**, Екат. Ив., камеръ-фрейлина, р. 1756 † 1839 г., т. СXLIX, янв., 33, 38, т. СLI, июль, 91, 92.
- Нелидовъ**, Алсд. Ив., диплом., 1878 г., т. СXLIX, февр., 241, 243, т. CL, май, 227, 229, т. СLII, нояб., 253, дек., 522.
- Неммертъ**, проф. м-х. акад., 1850 г., т. СLII, окт., 103, 104, 107.
- Непокойчицкій**, Артуръ Адамов., ген., р. 1803 † 1881 г., т. СLI, авг., 211.
- Нессельроде**, Карлъ Вас., канцл., р. 1780 † 1862 г., т. CL, апр., 36, 163, июнь, 448, т. СLII, окт., 149, нояб., 316.
- Нефедовъ**, участн. экспедиціи Пржевальскаго, т. CL, апр., 150, май, 374.
- Никитенко**, Алсд. Васил., проф., р. 1805 † 1877 г., т. СXLIX, мартъ, 568, т. CL, июнь, 522, 525.
- Никитинъ**, Викт. Никит., директ. спб. тюремн. комит. 1864 г., т. СXLIX, 4, 5.
- Никитинъ**, Григ. Моисеев., капитанъ, † 1812 г., т. CL, апр., 60.
- Никитинъ**, полковн., 1812 г., т. СLI, авг., прилож. 70, 71, 96, 97, 99.
- Никитинъ**, гр., ген., 1850 г., т. СXLIX, янв., 175.
- Никитинъ**, ген., 1877 г., т. СLII, дек., 519.
- Никитскій**, проф. Варш. унив., 1872 г., т. СLI, сент., 415, 418.
- Никифоровъ**, врачъ, т. СLII, дек., 537.
- Никодимъ**, архим., рект. саратовск. семина., 1835 г., т. СXLIX, мартъ, 473, 474.
- Николаевскій**, Петръ, секретарь новгородск. дворянства, 1839 г., т. СLI, сент., 398.
- Николай**, бар., Алсд. Павлов., попочит. Кіевск. окр., 1860 г., т. CL, апр., 22, 25.
- Николай**, черногорскій князь, 1897 г., т. СLII, дек., 521.
- Николай**, еписк. саратовскій, вносл. еписк. финлянд., т. СLI, авг., 254.
- Николай I**, императоръ, р. 1796 † 1855 г., т. СXLIX, янв., 34, 51, 56, 114, 176, февр., 237, 312, 361, 364, 401, мартъ, 505, 509, 524, 533, 536, 635, т. CL, май, 396—408, июнь, 507, т. СLI, июль, 91, авг., 239—249, сент., 399, т. СLII, окт., 142, нояб., 256, дек., 613, 614, 620, 625.
- Николай II**, императоръ, т. CL, апр., 122, 123, 130, 131, 160, май, 367, июнь, 587, 589.
- Николай Михайловичъ**, велик. князь, авторъ изслѣдованія: «Императоръ Александръ I», т. СLII, окт., 136—151, нояб., 303—321, дек., 551—570.
- Николай Николаевичъ**, великій князь, главнокомандующ., р. 1831 † 1891 г., т. СXLIX, февр., 296, т. CL, апр., 115, май, 293, 294, т. СLI, сент., 337, т. СLII, окт., 31, 32, 35, нояб., 242, 248, 252, дек., 515.
- Николини**, артистъ пѣвецъ, т. СXLIX, янв., 163.
- Никольскій**, П. А., т. СLII, дек., 536

- Никусъ**, подполк., 1812 г., т. СLI, июль, прилож., 43.
- Ниссенъ-Саломонъ**, пѣвица, профес. пѣнія, 1867 г., т. СXLIX, февр., 320.
- Новацкой**, Антонъ Осипов., шт.-кап., † 1812 г., т. СL, апр., 60.
- Новикова**, Ольга Алексѣевна, рожд. Кирѣева, ея воспомин. и переписка, т. СXLIX, янв., 206—217, т. СLII, окт., 51—64, нояб., 362—377.
- Новиковъ**, Никол. Ив., † 1818 г., т. СLII, дек., 629.
- Новицкій**, священ., 1870 г., т. СXLIX, февр., 390.
- Новосельскій**, кап. 2 ранга, 1877 г., т. СLI, авг., 210.
- Новосильцевъ**, гр., Николай Никол., р. 1763 † 1838 г., т. СXLIX, февр., 264, т. СL, июль, 613, т. СLII, окт., 138, 142.
- Новосильцевъ**, П. Ив., т. СLI, сент., 358.
- Ножинъ**, Никол. Дм., † 1866 г., т. СL, апр., 46.
- Нормандскій**, 1853 г., т. СL, май, 297.
- Потовичъ**, издатель „Нов. Врем.“, т. СLII, окт., 25.
-
- Оболенскій**, кн., Д. А., юристъ, р. 1822 † 1881 г., т. СL, июнь, 510.
- Обручевъ**, Николай Никол., нач. гл. штаба, 1892 г., т. СXLIX, мартъ, I, V, т. СLII, сент., 333.
- Оденталь**, Ив. Петров., чиновн. спб. почтамта, 1812 г., т. СL, апр., 31—45, май, 408—429, июль, 597—614, т. СLI, июль, 134—144, авг., 165—171, сент., 289—293, т. СLII, окт., 12—16, нояб., 322—339, дек., 542—550.
- Одоевскій**, кн., Влад. Фед., писатель, р. 1803 † 1869 г., т. СXLIX, янв., 4.
- Ожаровская**, гр-ня, 1806 г., т. СL, май, 238.
- Ожаровскій**, гр., Адамъ Петров., ген.-адъют. съ 1807 г., р. 1776 † 1855 г., т. СL, июнь, 463, 609, авг., прилож. 113, 115, 119, сент., прилож. 122, 136, т. СLII, окт., 13.
- Озеровъ**, адъют. вел. кн. Константина Павловича, 1807 г., т. СXLIX, февр., 257.
- Окольскій**, профес., 1872 г., т. СLI, сент., 421.
- Окуневъ**, Алексд. Сергѣев., инж., кап., † 1812 г., т. СL, апр., 62.
- Окунеръ**, повѣрен. въ Парижѣ, 1870 г., т. СXLIX, мартъ, 607.
- Оларовскій**, А. Е., послан. въ Сіамъ, 1882 г., т. СLII, окт., 191.
- Олейниковъ**, Т. М., сообщ. „Изъ бумагъ архіепископа воронежскаго Парѣнія, относящихся къ 1812 году“, т. СLII, нояб., 342—345.
- Оленинъ**, ген.-м., 1812 г., т. СL, май, 426, т. СLI, июль, прилож. 26, 33, 36, 41, 42.
- Оленинъ**, Алексѣй Никол., през. акад. худ., р. 1763 † 1813 г., т. СL, май, 410, т. СLII, дек., 542, 612, 625.
- Оливницкій**, профес. семин., 1860 г., т. СXLIX, февр., 390.
- Оливье**, Эмиль, глава француз. кабин., 1870 г., т. СXLIX, мартъ, 604.
- Олеуфевъ**, ген.-лейт., 1812 г., т. СLI, авг., прилож. 53, т. СLII, окт., 134, дек., 641, 643.
- Олеуфевъ**, об.-церемоніймейст., 1756 г., т. СXLIX, мартъ, 620.
- Ольга Николаевна**, королева греческая, т. СXLIX, мартъ, 611, т. СLI, авг., 247.
- Ольденбургскій**, принцъ, Георг., 1812 г., т. СL, июнь, 448.
- Ольденбургскій**, принцъ, Петръ Георгиев., т. СXLIX, февр., 403, 404, 406, 406.
- Ольденбургскій**, принцъ, Ревельскій воен. губернат., 1812 г., т. СL, апр., 36.
- О'Меара**, врачъ Наполеона I на о. Св. Елены, т. СXLIX, февр., 410—424.
- Омельченко**, Матв. Леонтьев., шт.-кап., † 1812 г., т. СL, апр., 61.
- Онноре**, Ирина Ив., профес. пѣнія въ Спб., ея воспоминанія: «Одиннадцать лѣтъ въ театрѣ», т. СXLIX, янв., 160—172, февр., 316—326.
- Опочининъ**, Ф., т. СLI, сент., 372.
- Опперманъ**, инж., ген.-лейт., 1812 г., т. СL, июль, прилож. 8, авг., 186, 195.
- Ординъ**, К., членъ попечит. совѣта заведеній общества призрѣнія въ Спб., 1878 г., т. СL, июнь, 506.
- Оржевскій**, нач. д-та полиц., 1887 г., т. СLII, нояб., 300.
- Оржешко**, Луиза, пис-ца, т. СL, апр., 50, 51.
- Орлова**, Е. Н., рожд. Раевская, т. СL, апр., 109.
- Орлова Чесменская**, графиня, т. СL, июль, 613.
- Орловскій**, Б. И., скульпт., 1818 г., т. СLII, дек., 615.
- Орловъ-Денисовъ**, гр., ген.-ад., 1812 г., т. СLI, июль, 19, авг., прилож. 53, 72, 93, 99, 103, 110, 113, сент., 327, окт., 132.
- Орловъ**, М. Ф., ген., 1820 г., т. СL, апр., 109.

- Орловъ**, пѣвецъ, 1867 г., т. CXLIX, февр., 318.
- Осокинъ**, кап. 2 ранга, 1839 г., т. CLI, сент., 398.
- Остенъ-Сабенъ**, баронъ, ген.-лейт., 1812 г., т. CLI сент., прилож. 124, 138.
- Остенъ**, датскій посланникъ, 1759 г., т. CXLIX, мартъ, 618.
- Остерманъ-Толстой**, гр., ген., 1812 г., т. CLI, июль, 149, 151, 152, прилож. 20, 21, 22, 24, авг., прилож. 50, 51, 66, 68, 73, 80, 82, 93, 94, 102, 104, 111, 112, сент., 312, 313, 327, 328, 329, 330, т. CLII, дек., 615, 637.
- Остолоновъ**, морск. оф., ком. трансп. „Японецъ“, 1873 г., т. CXLIX, февр., 447, 453.
- Остриковъ**, И. В., т. CL, июнь, 522.
- Островскій**, Алсд. Никол., писатель, р. 1823 † 1866 г., т. CXLIX, февр., 322, 324, 326, т. CL, июнь, 525, т. CLII, дек., 576.
- Остроумовъ**, докт., 1886 г., т. CL, май, 364, 365.

П

- Павель**, еписк. саратовск., вполс. еписк. пензенскій, т. CLI, авг., 254, 256, 257.
- Павель I**, императоръ, р. 1754 † 1801 г., т. CXLIX, янв., 31, 33, 189, 190, февр., 270, 411, 412, 427, мартъ, 509—522, 654, т. CL, май, 332, 412, т. CLII, июль, 13, 27, 73, 92, сен. 135, т. CLII, окт., 46, 141, дек., 566, 567.
- Павель Александровичъ**, вел. князь, т. CXLIX, янв., 62, 67, т. CLII, нояб., 297, 301, дек., 534, 535.
- Павильоновъ**, свящ., 1835 г., т. CXLIX, мартъ, 473.
- Павинскій**, профес. исторіи варшавск. унив., 1872 г., т. CLI, сент., 404, 428.
- Павленковъ**, Флорентій Фед., издатель, † 1900 г., т. CXLIX, февр., 310, мартъ, 496—499.
- Павлицевъ**, Ник. Ив., историкъ, преподават., т. CLII, нояб., 257.
- Павловскій**, Дм. Мих., полк., инспект. клас. Дворянск. полка, 1844 г., т. CLI, авг., 239.
- Паленъ**, гр., К. И., министр юстиціи, т. CXLIX, янв., 9, 15.
- Паленъ**, гр., Петръ Алексѣев., р. 1745 † 1826 г., т. CLI, июль, 6, т. CLII, окт., 137, 138, дек., 597.
- Паленъ**, гр., Петръ Петров., р. 1777 † 1864 г., т. CL, июнь, прилож., 3, 6, 11—15, т. CLI, июль, 147, 150, 159, прилож. 21—37, сент., 317, 326—330, прилож. 123, т. CLII, окт., 137, 138, дек. 597, 637.
- Палицынъ**, Н. А., сообщ.: „Манифесты, написанные Шишковымъ въ Отечественную войну, и патриотическое ихъ значеніе“, т. CL, июнь, 477—491.
- Палицынъ**, поруч., 1839 г., т. CLI, сент., 398.
- Палладій**, настоят. миссіи въ Пекинѣ, т. CXLIX, февр., 338, 446.
- Пальмира**, наѣздница, т. CXLIX, янв., 163.
- Панаева-Карцова**, пѣвица, 1870 г., т. CXLIX, февр., 321.
- Панинъ**, гр., Викт. Никит., мн-ръ юстиціи, р. 1801 † 1874 г., т. CXLIX, февр., 351, 352, 355, т. CL, апр., 84.
- Панинъ**, гр., Никита Иван., канцл., р. 1718 † 1783 г., т. CXLIX, февр., 425—445, мартъ, 539—547, т. CL, май, 419.
- Панинъ**, гр., Никита Петров., 1812 г., т. CL, июнь, 599, 600.
- Панферовъ**, Несторъ Васил., поруч., † 1812 г., т. CL, апр., 59.
- Панчулидзевъ**, ген.-м., 1812 г., т. CLI, авг., прилож. 57.
- Паренсовъ**, Петръ Дм., ген.-отъ-инф., т. CLII, сент., 341.
- Паровальскій**, Корнилъ Анисимовичъ, запорожск. казакъ, родонач. Пржевальскихъ, т. CXLIX, янв., 144.
- Паросеній** (Чертковъ), арх. воронез., † 1853 г., „Изъ его бумагъ“, т. CLII, нояб., 342—345.
- Паскевичъ**, кн., Ив. Фед., ген.-фельдм., р. 1782 † 1856 г., т. CL, май, 397, 407, т. CLII, июль, 17, авг. прилож., 70, 103, 105, 106, 107, 116, 274, т. CLII, окт., 110, 116, дек., 555.
- Пасекъ**, ген.-м., 1812 г., т. CLII, авг., прилож., 51, т. CLII, окт., 119.
- Пассоверъ**, адвокатъ, т. CLII, дек., 474, 476.
- Пастуховъ**, подпоручикъ, 1812 г., т. CXLIX, мартъ, 481.
- Патрикѣва**, К. М., г-жа, т. CL, апр., 67.
- Патти**, Аделина, по мужу Николини, пѣвица, т. CXLIX, янв., 163.
- Паулуччи**, маркизь, ген.-лейт., 1812 г., т. CL, июнь, прилож., 10, т. CLII, окт., 15, дек., 563.
- Пашковъ**, филантропъ, т. CXLIX, мартъ, 664.
- Пеликанъ**, В., президентъ, м.-х. акад., т. CLII, окт., 101, 103, нояб., 420, 421.
- Перовскій**, гр., Левъ Алексѣев., мн-ръ вн. дѣлъ, р. 1722 † 1856 г., т. CL, апр., 63.

- Персіани**, А. И., дипломатъ, 1877 г., т. СЛІІ, нояб., 253, дек., 511—527.
- Перскій**, Д., сообщ.: „День субботній“, т. СЛІ, июль, 97—103.
- Перскій**, полковн., 1812 г., т. СЛІ, авг., 186.
- Песковскій**, педагогъ, 1875 г., т. СХLIX, янв., 11.
- Пестичъ**, ген.-лейт., 1882 г., т. СЛІІ, нояб., 360.
- Пестель**, Ив. Борисов., сибирск. ген.-губ., р. 1765 † 1843 г., т. СЛ, май, 420, 421, 423.
- Петелинъ**, Алексд. Ив., поручикъ, 1812 г., т. СЛ, апр., 60.
- Петровскій**, А. Т., т. СХLIX, мартъ, 472.
- Петровскій**, Н. Θ., рус. консуль въ Кашгарѣ 1851 г., т. СЛ, апр., 150, 158, май, 362.
- Петровъ** (Петковъ), болгарск. ген., 1900 г., т. СЛІІ, нояб., 398, 399.
- Петрушевскій**, ген.-лейт., нач. 14 пѣх. дивиз., т. СХLIX, янв., 119.
- Петръ I**, Императоръ, р. 1672 † 1725 г., т. СХLIX, февр., 428, 430—445, мартъ, II, 539—547, 655, т. СЛ, июнь, 459, т. СЛІ, июль, 21, 26, 82, т. СЛІІ, нояб., 407.
- Петръ III**, Императоръ, р. 1728 † 1762 г., т. СХLIX, мартъ, 619.
- Пилецкій - Урбановичъ**, инспекторъ, лицея, 1812 г., т. СХLIX, февр., 408.
- Пилкинъ**, вице-адм. 1882 г., т. СЛІІ, нояб., 360.
- Пинко**, И. А., учит. рисов., т. СЛ, апр., 81.
- Пироговъ**, Никол. Ив., р. 1800 † 1881 г., т. СЛ, апр., 22, 25, т. СЛІІ, окт., 94, 95, 101—106.
- Писаревъ**, Н. И., т. СЛІІ, нояб., 439.
- Писемскій**, Алексѣй Теофилакт., писат., р. 1820 † 1881 г., т. СХLIX, янв., 100, т. СЛ, апр., 56, июнь, 525.
- Платовъ**, архитект., 1826 г., т. СХLIX, мартъ, 536.
- Платовъ**, гр. Матвѣй Ив., ген.-отъ-кавал., т. СХLIX, мартъ, 484, 486, т. СЛ, апр., 211, май, 438, 444, июнь, 469, прилож., 3—15, т. СЛІ, июль, 20, 42—49, 146, 148, 149, 154—157, прилож., 18, 25, 33—40, авг., 276, 277, прилож., 51—119, сент., 304, 314—318, прилож., 121—138, т. СЛІІ, окт., 15, 111, 120, 130, нояб., 324, 325, 332, 335.
- Платонъ** (Городецкій), митроп. Кіевскій, р. 1803 † 1891 г., т. СЛІ, авг., 254.
- Платонъ** (Левшинъ), митроп. Московскій, † 1812 г., т. СЛ, июнь, 482, т. СЛІ, июль, 81, 82.
- Пленковскій**, психіатръ, 1872 г., т. СЛІ, сент., 427, 428.
- Плеске**, Θ. Д., орнитологъ, т. СЛ, май, 375, 380.
- Плехановъ**, подполковникъ, 1839 г., т. СЛІ, сент., 400.
- Плонскій**, лекторъ фр. яз. Варшав. унив., 1872 г., т. СЛІ, сент., 414.
- Плохъ**, Георгій Фридрих., прапорщ., † 1812 г., т. СЛ, апр., 62.
- Побѣдоносцевъ**, Конст. Петров., об.-прокур. Синода, т. СХLIX, янв., 139, 142, февр., 311, т. СЛІ, авг., 254, т. СЛІІ, нояб., 299, дек., 455.
- Повало-Швыиковскій**, прап., участн. экспедиціи Пржевальскаго 1875 г., т. СХLIX, февр., 330, 333.
- Погребовъ**, А. А., полковн., 1839 г., т. СЛІ, сент., 400.
- Подбароново**, т. СЛІІ, нояб., 264.
- Подольскій**, Я. Θ., дьяконъ, 1861 г., т. СЛІІ, окт., 5.
- Позднеевъ**, И. И., священ., 1853 г., т. СЛ, май, 297, т. СЛІ, окт., 2.
- Познякъ**, Саратовскій полицмейстеръ, 1895 г., т. СЛІ, окт., 2.
- Покровскій**, проф. Кіевск. унив., медикъ, 1875 г., т. СЛ, июнь, 577.
- Полеваа**, В., сообщ.: „Воспоминанія объ отцѣ Іоаннѣ Кронштадтскомъ“, т. СЛІІ, окт., 36—42.
- Полетика**, Мих. Ив., секретарь Им-цыи Маріи Θεодоровны, р. 1768 † 1824 г., т. СХLIX, янв., 31, 32, 33, т. СЛX, июль, 89, сент., 295.
- Поляповъ**, Ив. Конст., подпоручикъ, † 1812 г., т. СЛ, апр., 60.
- Поликарповъ**, Н. И., историкъ Воронежской епархіи, 1830 г., т. СЛІІ, нояб., 342.
- Половцевъ**, Викт. Андреевъ, инсп. клас. Павлов. кадет. корп., т. СЛІ, авг., 254.
- Полторацкій**, Доримедонъ Захаров., поруч., † 1812 г., т. СЛ, апр., 60.
- Полторацкій**, Пав., лѣкарь, 1780 г., дек., 593.
- Поль**, помощ. сбѣ. градонач., 1868 г., т. СХLIX, февр., 324.
- Полънова**, Елепа Дм., художница, т. СЛ, июнь, 536—545.
- Полъновъ**, Васил. Дм., художн., т. СЛ, июнь, 537, 540, 541.
- Полянскій**, священ., 1861 г. т. СЛІІ, окт. 3.
- Помпелли**, геологъ, путешествен. 1864 г., т. СХLIX, янв., 159.
- Понсетъ**, ген., т. СЛ, май, 327.
- Понятовскій**, кн., Іосифъ Антонов., ген., р. 1762 † 1812 г., т. СЛ, апр., 214, т. СЛІ, авг., прилож., 69, 101, т. СЛІІ, окт., 126.
- Понятовскій**, Станиславъ-Августъ.

- кор. польскій, † 1798 г., т. CXLIX, мартъ, 618, 620.
- Попельницкій**, Алексѣй, сообщ.: „О мѣрахъ по духовному вѣдомству къ сохраненію народнаго спокойствія при обнаруженіи въ 1861 г., Положеній о крестьянахъ“, т. CXLIX, февр., 351—356.
- Поповъ**, А. Н., т. CL, июнь, 472, т. CLI, июль, 83.
- Поповъ**, Н. А., сообщ.: „Изъ замѣтокъ стараго ремонтера“, т. CXLIX, янв., 175—188, февр., 357—364.
- Поповъ**, Вас. Ст., т. CLII, нояб., 334.
- Поповъ**, секретарь консисторіи 1861 г., т. CLII, окт., 8.
- Поповъ**, дипломатъ, 1880 г., т. CXLIX, февр., 446.
- Популовъ**, Алексѣй Ив., прапорщикъ, † 1812 г., т. CL, апр., 61.
- Порчковъ**, поруч. лб.-гренадер. полка, 1812 г., т. CXLIX, мартъ, 487.
- Портеръ**, лэди, рожд. княжна Мар. Фед. Щербатова, р. 1780 † 1827 г., т. CLII, дек., 604—609.
- Портеръ**, Марія Роб., въ зам. Кикина, дек., 608, 609.
- Портеръ**, Жапе, 1841 г., т. CLII, дек., 669.
- Портеръ**, Робертъ, баронетъ при посольствѣ въ Сиб., р. 1802 † 1842 г., т. CLII, дек., 605—609.
- Портнягинъ**, ген.-м., 1804 г., т. CLI, авг., 237, 238.
- Посоховъ**, подполков., 1905 г., т. CL, май, 319.
- Посетъ**, Конст. Никол., адм., т. CL, июнь, 499, 500.
- Потанинъ**, Г. Н., путешественникъ, т. CXLIX, мартъ, 572, т. CL, июнь, 550.
- Потемкинъ**, кн., Гр. Алс., р. 1738 † 1791 г., т. CLII, июль, 13, 26, т. CLI, сент., 284, 358, 359.
- Потемкинъ**, полковн., 1812 г., т. CLI, июль, прилож., 43, авг., прилож., 104.
- Потоцкій**, гр., фл.-ад., 1812 г., т. CL, июнь, 460, прилж., 11, т. CLI, июль, 150.
- Потѣхинъ**, П. А., юристъ, т. CLII, дек., 473.
- Похвисневъ**, депутатъ Костромск. дворян. въ Екатерин. комис. для соч. проекта нов. Уложен., т. CL, май, 357.
- Претигіевскій**, Аливиза Леонов., прапорщикъ, † 1812 г., т. CL, апр., 60.
- Пржевальская**, Елена Алексѣвна, рожд. Каретникова, т. CXLIX, янв., 145.
- Пржевальскій**, Влад. Влад., т. CL, май, 374.
- Пржевальскій**, Влад. Мих., юристъ, † 1900 г., т. CXLIX, янв., 145.
- Пржевальскій**, Григорій Корниловичъ, т. CXLIX, янв., 145.
- Пржевальскій**, Евг. Мих., ген.-лейт., 1912 г., т. CXLIX, янв., 145, т. CL, май, 380.
- Пржевальскій**, Кузьма Ѳомиичъ, т. CXLIX, янв., 145.
- Пржевальскій**, Мартынъ Лаврентьев., т. CXLIX, янв., 145.
- Пржевальскій**, Мих. Кузьмичъ, 1846 г., т. CXLIX, янв., 145.
- Пржевальскій**, Никол. Мих., р. 1839 † 1888 г., т. CXLIX, янв., 144—159, февр., 327—350, мартъ, 569—603, т. CL, апр., 121—161, май, 361—385.
- Пржевальскій**, Ѳома Мартыновичъ, т. CXLIX, янв., 145.
- Пржиборовскій**, Валерій, лекторъ нѣм. яз. Варшав. унив., 1872 г., т. CLI, сент. 413, 414.
- Приваловъ**, Петръ Ильичъ, учитель Бѣжаницкаго народнаго училища, 1878 г., т. CLI, авг. 218—231.
- Прозоровскій**, фельдмаршалъ 1806 г., т. CLI, авг., 203.
- Прокофьевъ**, Наумъ, (чумн. больной, 1878 г.), т. CXLIX, янв., 110, 111.
- Протасовъ**, депутатъ Гороховецк. дворянства въ Екатерин. комис. для соч. проекта нов. Уложен., т. CL, май, 357.
- Протасовъ-Бахметевъ** гр., ген.-ад., 1890 г., т. CXLIX, февр., 403, 406.
- Противъ**, Коста, сербск., ген., 1877 г., т. CLII, дек., 528.
- Прохоровъ**, священ., 1795 г., т. CLI, сент., 362.
- Пугачевъ**, Емельянъ, т. CLI, авг., 250.
- Пузино**, адмиралъ, 1876 г., т. CXLIX, мартъ, 666.
- Пустошкинъ**, Семень Аванас., адм., р. 1759 † 1840 г., т. CXLIX, янв., 37.
- Пуцеловскій**, Августинъ Фадѣевъ, подпоручикъ, † 1812 г., т. CL, апр., 60.
- Пушкинъ**, Александръ Серг., поэтъ, р. 1799 † 1837 г., т. CXLIX, янв., 100, 218—229, февр., 312, 402, 404, 405, 407, 408, мартъ, 500—508, 559, т. CL, апр., 99—113, июнь, 479, 480, 525.
- Пуцинъ**, Никол. Никол., директ. Дворянск. полка (корпуса) 1844 г., т. CLI, авг., 239—243.
- Пыльцова**, А. И. см. Толпыго.
- Пыльцовъ**, Мих. Алсд., участн. экспед. Пржевальскаго, т. CXLIX, янв., 151, 156, февр., 327, 342, 345, 348, т. CL, апр., 150.
- Пыпина**, Александръ Егор. т. CXLIX, янв., 90, 91, 93, 94, т. CL, май, 297, 298, 307, т. CLII, окт., 3, нояб., 270.

- Пыпинъ**, Алексд. Никол., акад., р. 1833 г., СXLIX, янв., 92, 100, 111—112, т. СLI, июнь, 105, т. СLII, нояб., 271.
- Пыпинъ**, Никол., Дм., чиновн. 1830 г., т. СXLIX, янв., 94, т. СL, май, 298, 301, т. СLII, окт., 2, 3, нояб., 273.
- Пыпины**, т. СXLIX, янв., 94, 95, т. СL, май, 297.
- Пыхачевъ**, Петръ, маіоръ, 1839 г., т. СLI, сент., 398.
- Пѣвцовъ**, П. А., подполков., 1839 г. т. СLI, сент., 400.
- Пфуль**, баронъ, Карлъ, генер. - лейт., р. 1757 г., † 1826 г., т. СL, апр., 209, июнь, 448, 463; 475, прилож. 5, 7, 10, т. СLI, авг., 166, 196, сент., 301, 307, 311, 315, 320, 321, т. СLII, окт., 14, 15.
- Пятковский**, А. П., редак. „Наблюдателя“, т. СXLIX, янв., 4, 5.
- Р**
- Раабъ**, пѣвица 1870 г., т. СXLIX, февр., 321.
- Рагозина**, Е. А., сообщ. „Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.“, т. СXLIX, янв., 73—86, февр., 284—295, т. СL, апр., 85—98, май, 386—395, июнь, 528—535, т. СLII, нояб., 283—95.
- Радецкий**, Фед. Фед., ген.-отъ-инф., р. 1820 † 1890 г., т. СXLIX, янв., 119, 120, февр., 391, мартъ, VI, т. СI, апр., 116, 117, т. СLII, нояб., 247, 249.
- Радонежскій**, арт., пѣвецъ, 1880 г., т. СXLIX, янв. 164.
- Раевская**, Екат. Никол., т. СL, апр., 109.
- Раевская**, Софія Алексѣев., 1820 г., т. СL, апр., 108.
- Раевскій**, Никол. Никол., ген.-отъ-инф., р. 1771 † 1829 г., т. СL, апр., 108—110, т. СLI, июль, 41, 46, 52, 53, 93, прил. 17, 39—42, авг., 167, 274, прилож., 56, 65, 69, 73, 80—93, 100, 114, т. СLII, окт., 109—128.
- Разиновъ**, Мих., губернский секрет. † 1812 г., т. СL, апр., 61.
- Разинъ**, Степ. Тимоѣ., казацкій атам., 1667 г., т. СL, апр., 106.
- Раузовскій**, гр., Алексѣй Григ., р. 1709 † 1771 г., т. СLII, нояб., 407.
- Раузовскій**, гр., Кирилл Григ., † 1803 г., т. СXLIX, мартъ, 646.
- Раузовскій**, гр., Ал. Кир., мин. народн. проsv., р. 1748 † 1836 г., т. СXLIX, февр., 402, 404.
- Раппопортъ**, арт. пѣвецъ, 1880 г., т. СXLIX, янв., 164.
- Расихинъ**, Клементій, д. ст. сов., 1821 г., т. СXLIX, мартъ, 531.
- Растрелли**, архитект., т. СLII, нояб., 407.
- Рахмановъ**, Мих., чиновникъ, 1785 г., т. СLI, сент., 284.
- Рейнгольдтъ**, Яковъ, кол. асес. 1839 г., т. СLI, сент., 398.
- Рейтернъ**, Мих. Христоф., мн-ръ фин., р. 1820 † 1890 г., т. СXLIX, февр., 330.
- Ремизовъ**, кап. генер. штаба 1905 г., т. СL, май, 314, 315.
- Ренне**, баронъ, Фед., масонъ 1817 г., т. СXLIX, мартъ, 537.
- Ренне**, баронъ, ст. сов., 1836 г., т. СLI, сент., 398.
- Ренненкампфъ**, профессоръ, юристъ, † 1899 г., т. СL, июнь, 557, 558, 578, июль. 131.
- Ренненкампфъ**, ген., 1904 г., т. СL, апр., 189, 192, 198, май, 250, 277, 281.
- Репнинъ**, кн., г.-м., 1812 г., т. СLI, июль, 150, сент., прилож., 124, т. СLII, окт., 108.
- Рербергъ**, П. Ф., ген. 1881 г., т. СLI, сент., 375, 393.
- Ридигеръ**, подполков., 1812 г., т. СLI, сент., 325.
- Ридигеръ**, ген., 1848 г., т. СL, май, 399.
- Рикордъ**, адм., масонъ, 1821 г., т. СXLIX, мартъ, 529.
- Римскій-Корсаковъ**, Алед., полковн., 1764 г., т. СLII, нояб., 340.
- Римскій-Корсаковъ**, Алесд. Мих., ген. 1812 г., т. СL, июнь, 609, т. СLI, июль, 150.
- Ристичъ**, сербскій министръ, 1877 г., т. СLII, дек., 506, 508, 523.
- Рклицкий**, проф. 1850 г., т. СLII, окт., 104, 105, 106.
- Роборовскій**, Всев. Ив., участн. экспед., Пржевальскаго, т. СXLIX, мартъ, 572, 573, 595, т. СL, апр., 133, 140, 148, 150, май, 363, 371, 375, 377, 380.
- Роджерсонъ**, лейбъ-мед., 1806 г., т. СLI, авг., 212.
- Рожнецкій**, ген., 1812 г., т. СL, май, 438, 439, 441.
- Рожницкій**, полковн., 1812 г., т. СLI, сент., 318.
- Рожковъ**, депут. г. Путивля, въ Екат. комис. для сч. нов. Уложен., т. СL, май, 360.
- Розенбергъ**, купецъ, 1873 г., т. СXLIX, февр., 450.
- Розенмайеръ**, купецъ, 1831 г., т. СXLIX, янв., 173, 174.

- Розенъ, баронъ, ген.**, 1812 г., т. СІ, май, 410, 417, июнь, 469, прилож. 1, т. СІІ, июль, прилож. 36, 37, авг., прилож., 55, 60, 115, 117, дек., 667—673.
- Романовъ, Н. Д.**, сообщ.: „Изъ воспоминаній стараго врача А. А. Синицына“, т. СІІ, окт., 93—107, нояб., 408—422, дек., 667—673.
- Романовъ, ст. сов.**, 1878 г., т. СХLIX, февр., 398.
- Романовъ, кадетъ дворян. корпуса** 1844 г., т. СІ, авг., 240, 241.
- Романовичъ-Спаватинскій, проф.** — юристъ, † 1911 г., т. СІ, июнь, 559, 577.
- Ростовцевъ, Яковъ Ив.**, ген.-ад., р. 1803 † 1860 г., т. СХLIX, февр., 351, т. СІ, авг., 243, 249.
- Росточинъ, гр.**, Фед. Вас., московск. главнок., р. 1763 † 1826 г., т. СХLIX, мартъ, 516—520, т. СІ, апр., 31, май, 414—426, июль, 463—468, 470, 482, 602, 608, 610, 614, т. СІ, июль, 6—31, 72—85, 138, 139, авг., 168, 171, прилож., 77—80, т. СІІ, окт., 122, нояб., 324, 327, 328, дек., 548—559, 511.
- Ротъ, М. М.**, сообщ. „Изъ воспоминаній стараго кадета о Государѣ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ“, т. СІ, авг., 239—249.
- Рубецъ, А. А.**, авт. „Памятки Императора Лицея“, т. СХLIX, февр., 401.
- Рубинштейнъ, Антонъ Григ.**, композиторъ, р. 1830 † 1894 г., т. СХLIX, февр., 323.
- Рублевъ, Александр.**, чиновн., † 1812 г., т. СІ, апр., 61.
- Рудневъ, В.**, сообщ. „Изъ воспоминаній о плаваніи на крейсерахъ „Африка“, т. СІІ, октяб., 152—219, нояб., 346—361.
- Рудневъ, М. М.**, проф. мед., т. СІІ, окт., 98.
- Ружевскій, Теоф.**, подпоруч., † 1812 г., т. СІ, апр., 61.
- Румянцевъ, гр.**, Ник. Петр., канцл., р. 1754 † 1826 г., т. СІ, май, 427, июнь, 448, 486, 606, т. СІ, июль, 13, 21, 26, т. СІІ, нояб., 438.
- Руничъ, Д. П.**, т. СІ, июнь, 610, 614.
- Руцлеръ, 1870 г.**, т. СХLIX, янв., 28.
- Русakovъ, Викт.**, писат., т. СХLIX, мартъ, 549, 550.
- Рухинъ, Филипп.**, комис. крестов. палаты 1812 г., т. СХLIX, янв., 59, 60, 61.
- Рыкачевъ, новгор. предв. двор.** 1839 г., т. СІ, сент., 398.
- Рѣдинъ, Петръ Григорьев.**, юристъ, р. 1808 † 1891 г., т. СІ, май, 334—349.
- Рѣзвый, ген.-м.**, 1812 г., т. СІ, сент., прилож., 139.
- Саблуковъ, Гордій Семенов.**, преподав. саратов. семинаріи 1835 г., т. СХLXI, мартъ, 472, 473, 475.
- Саблуковъ, сенат.**, 1812 г., т. СІ, апр., 36, т. СІ, июль, 89.
- Савеловъ, Петръ Богданов.**, офиц. (монахъ), т. СХLIX, февр., 256.
- Савельевъ, пѣвецъ,** 1866 г., т. СХLIX, янв., 162.
- Савицкій, гл. режис. рус. оперы,** 1880 г., т. СХLIX, янв., 163.
- Савримовичъ, Александр. Максимов.**, капит., ротн. команд. дворянск. корпуса 1844 г., т. СІ, авг., 240.
- Савенъ, гр.**, Фабианъ Вильгельм. фельдм., р. 1752 † 1837 г., т. СІ, сент., 304.
- Салисбюри, англійск. госуд. дѣятель,** 1892 г., т. СХLIX, февр., 233, 244, 245, 246, 248, 249, т. СІІ, нояб., 363, 364, дек., 486, 492, 497, 498.
- Соломонъ, директ. Лицея,** 1900—1908 г., т. СХLIX, февр., 406.
- Салтыковъ, кн.**, Александр. Николаев., гофмейст., сенат., р. 1775 † 1837 г., т. СІ, май, 423, июнь, 608.
- Салтыковъ, Ив. Петров.**, фельдмарш., т. СХLIX, янв., 34, 35, 36, 37, 189, 190, февр., 270, т. СІ, июль, 3, 91.
- Салтыковъ, Мих.**, 1610 г., т. СІ, июль, 123.
- Салтыковъ (Щедринъ), Мих. Евграф.**, писат., р. 1826 † 1889 г., т. СІ, апр., 47—52, май, 349, 351, июнь, 525, т. СІІ, окт., 26, 27.
- Салтыковъ, кн.**, Никол. Ив., фельдм., воспитатель Александра І, род. 1736 † 1816 г., т. СХLIX, февр., 262, мартъ, 455, т. СІ, апр., 221, май, 239, 420, 430, 431, июнь, 449, 480, 481, т. СІ, июль, 88, 89, сент., 299, 313.
- Самойловичъ, Ив.**, гетманъ, 1686 г., т. СХLIX, мартъ, 542, 545.
- Самсоновъ, ген.-м.** 1904 г., т. СІ, апр., 191, 207.
- де Сангленъ, Яковъ Ив.**, нач. тайной полиц. 1812 г., т. СІ, май, 417, июнь, 451.
- Сахаровъ, Викт. Виктор.**, г.-ад., воен. мин., т. СІ, май, 250, 271, 316.
- Свербѣевъ, И. В.**, подполков., 1839 г., т. СІ, сент., 400.
- Свистуновъ, ген.-ад.**, нач. штаба казак. воен. окр., т. СХLIX, янв., 120.
- Свѣчинъ, А.**, подполковн., 1904 г., ссыл. на его трудъ: «Рус.-Япон. война 1904—5 гг.», т. СІ, апр., 189—208, май, 256—289.

- Свѣчинъ**, Никол. Серг., генер.-отъ-инф., 1812 г., т. СLI, сент., 395, 397, 400.
- Семевскій**, Вас. Ив., историкъ, т. СXLIX, мартъ, 561.
- Семевскій**, Мих. Ив., основат. журн. „Рус. Старина“, т. СXLIX, мартъ, 475, 603, т. CL, май, 302.
- Семенова**, актриса, т. CL, апр., 43, май, 413.
- Семеновскій**, Васил., тит. сов. † 1812 г., т. CL, апр., 61.
- Семеновъ**, полковн., 1686 г., т. CLII, нояб., 442.
- Семеновъ-Тянь-Шаньскій**, Р. Д., т. CL, апр., 106.
- Семеновъ**, П. П., вице-предс. географ. об-ва 1881 г., т. СXLIX, янв., 151, мартъ, 602, т. CL, апр., 130, май, 382.
- Сементковскій**, Ростиславъ Ив., сообщ. „Встрѣчи и столкновения“, т. СXLIX, янв., 105—112, февр., 309—315, мартъ, 491—499, т. CL, апр., 47—58, май, 333—352, т. CLII, июль, 108—109, т. CLII, окт., 17—28, нояб., 256—268, дек., 571—576.
- Семятъ**, Фед. Васил., поруч. † 1812 г., т. CL, апр., 61.
- Сенкевичъ**, писат., т. CL, апр., 48, 49.
- Сенявинъ**, И. Г., Новгород. губернат., 1840 г., т. CLII, сент., 398, 400.
- Сенъ-При**, гр., ген.-ад., 1812 г., т. СLI, июль, 4, 145, 157, прилож. 39, авг., 186, прилож. 76.
- Серафимъ** (Глаголевскій), митропол. спб., р. 1763 † 1843 г., т. СXLIX, мартъ, 528.
- Серафимъ**, архіеп. саратов., т. CLII, авг., 253.
- Сергѣевичъ**, проф., т. СXLIX, мартъ, 654, 655.
- Сергѣй Александровичъ**, великій князь, т. СXLIX, янв., 9, 10, 11, 12, 62, 65, 66, 67, т. CLII, нояб., 297, 301, 350.
- Серно-Соловьевичъ**, инспект. студ. Варшав. унив. 1875 г., т. СLI, сент., 430.
- Сеславинъ**, Александр., партизанъ, 1812 † 1858 г., т. СXLIX, мартъ, 531, т. CLII, авг., 89, 95, 96, 97, 100, 108, 110, 119, сент., 317, прилож. 130, 131.
- Сеславинъ**, Фед. Александр., чиновн., 1821 г., т. СXLIX, мартъ, 531.
- Сиверсъ**, Яковъ Лаврентьев., поруч., † 1812 г., т. CL, апр., 61.
- Сиверсъ**, Фед., 1812 г., т. CL, май., 444, т. СLI, авг., прилож. 56, сент., 304.
- Сидоренко**, проф. кievск. унив. 1875 г., т. CL, июнь, 578, 580.
- Симановичъ**, полковн. 1804 г., т. СLI, авг., 238.
- Симеонъ**, настоят. Законоспас. мо-наст., 1812 г., еписк. тульскій, т. СLI, нояб., 344.
- Симоненко**, Ф. Г., проф. Варшав. унив. 1872 г., т. СLI, сент., 416, 417.
- Симоновъ**, ген., 1905 г., т. CL, май, 315, 316, 317, 318, 320.
- Симонъ**, архіеп. Вологод. 1680 г., т. СLI, июль, 126.
- Синайскій**, составитель греческ. слова-рей, т. СXLIX, мартъ, 473.
- Синельниковъ**, біогр. Кугузова, т. СLI, июль, 8.
- Синицынъ**, Алекс. Алексѣев., врачъ, „Изъ его воспоминаній“, 1850 г., 1855 г., т. СLI, окт., 93—107, нояб., 408—422, дек., 667—673.
- Синягинъ**, Н. К., библиофилъ, † 1912 г., т. CL, апр., 112.
- Скавронскій**, Пав. Март., т. СLI, июль, 141.
- Скалонъ**, Д. А., ген.-лейт., 1902 г., т. CL, июнь, 448, т. СLI, окт., 126.
- Скалонъ**, Н. А., изъ его записокъ, т. СLI, сент., 373.
- Скалонъ**, П., сообщ.: „Изъ записокъ Н. А. Скалона“, т. СLI, сент., 373—374.
- Скарятинъ**, казанск. губернат., 1870 г., т. СXLIX, янв., 15—19.
- Скачковъ**, генералън. консулъ въ Хань-коу, т. СXLIX, февр., 446, 447.
- Скобелевъ**, Мих. Дм., т. СXLIX, янв., 114, 115, 213, мартъ, V, т. СLI, сент., 375, 378.
- Скобелевъ**, капит. 1812 г., т. СLI, авг., прилож. 76.
- Скорняковъ**, Степ. Петров., корнетъ, † 1812 г., т. CL, апр., 61.
- Скрыдловъ**, адм. 1905 г., т. CL, май, 311.
- Славинъ**, купецъ, т. СLI, авг., 255, 256.
- Слезкинский**, А. Г., сообщ.: „Тайный другъ Пушкина“, т. СXLIX, мартъ, 500—508.
- Словцовъ**, Петръ Андреев., сибирскій историкъ, р. 1767 † 1843 г., т. CL, июнь, 550—551.
- Слѣпцова**, А. М., т. СLI, дек., 605.
- Смирновъ**, ген., коменд. Цортъ-Аргура 1904 г., т. CL, май, 258, 260.
- Смирновъ**, депутатъ отъ гор. Рузы, въ Екатерин. комис. для соз. нов. Уложен., т. CL, май, 360.
- Смородиновъ**, В., сообщ.: „Попечитель Варшавскаго учебнаго округа Александръ Львовичъ Алухтинъ“, т. CL, апр., 73—83.
- Снегиревъ**, Ив. Мих., археологъ, р. 1793 † 1868 г., т. СLI, сент., 372.
- Снѣжинскій**, Я. Я., священ. 1862 г., т. СLI, окт., 5.

- Собакинъ**, Мих. Григ., нач. Московск. коллег. ин. дѣль 1766 г., т. CXLIX, февр., 425—445, мартъ, 545.
- Соколовскій**, М. К., 1902 г., т. CL, июнь, 448.
- Соколовскій**, помощн. директ. архива коллегіи ин. дѣль 1766 г., т. CXLIX, февр., 425.
- Соколовъ**, А, подпор. 1839 г., т. CLI, сент., 400.
- Соколовъ**, Н. С., т. CXLIX, янв., 90.
- Соколовъ**, ген.-м., 1882 г., т. CLII, нояб., 360.
- Соколовъ**, педагогъ, 1881 г., т. CXLIX, янв., 98.
- Сокоульскій**, преподав. семин., 1835 г., т. CXLIX, мартъ, 473.
- Солдатенковъ**, Козьма Терентьевъ, т. CL, июнь, 503.
- Соловьевъ**, Вл., писатель, т. CL, апр., 53.
- Соловьевъ**, М. П., нач. гл. управл. по дѣл. печати, 1892 г., т. CXLIX, февр., 311—312.
- Соловьевъ**, С. М., историкъ, т. CXLIX, мартъ, 656, т. CLI, июль, 124.
- Соловьевъ**, начальн. гл. управл. по дѣламъ печати, 1896 г., т. CXLIX, янв., 139, 140, 142, 143.
- Сологубъ**, гр-ня, Софья Ив., рожд. Васильчикова, р. 1792 † 1854 г., т. CXLIX, мартъ, 526.
- Сологубъ**, гр., † 1811 г., т. CL, апр., 33.
- Сольскій**, госуд. секретарь, т. CXLIX, янв., 11, т. CLII, нояб., 297.
- Сомовъ**, Осипъ Григ., подполк., † 1812 г., т. CL, апр., 60.
- Сомовъ**, оф. ополченія, 1812 г., т. CLI, июль, 8.
- Соровинъ**, архивариусъ рус. отд. Берлинск. конгресса, 1878 г., т. CL, май, 236.
- Софья Алексѣевна**, царевна-правительница, т. CXLIX, февр., 425—445, мартъ, 539—547.
- Спасовичъ**, юристъ, т. CLII, дек., 473.
- Спасская**, В., сообщ.: „Встрѣча съ И. А. Гончаровымъ“, т. CXLIX, янв., 96—104.
- Сперанскій**, Михаилъ Михаил., р. 1772 † 1839 г., т. CXLIX, февр., 402, т. CL, апр., 221, май, 240, 417, 418, 419, 427, июнь, 608, т. CLI, июль, 73, 74, 79, т. CLII, окт., 147, 149.
- Сперанскій**, М. Н., профес., 1912 г., т. CXLIX, янв., 219, 228, т. CL, апр., 99, 103.
- Ставраковъ**, фл.-ад., полковн., 1812 г., т. CL, июнь, прилож. 10, 11, т. CLI, авг., прилож. 60.
- Старковъ**, В. Ст., команд. 7-го казач. полка, 1905 г., т. CL, май, 321.
- Стасова**, Надежда Васильев., т. CL, июнь, 537, 540.
- Стасовъ**, Влад. Васил., библиотекарь худож. отд. имп. публичн. библиот., т. CL, июнь, 523, 524.
- Стасюлевичъ**, М. М., ред. «Вѣстника Европы», т. CL, апр., 52, т. CLII, окт., 27.
- Стасюлевичъ**, т. CLII, дек., 473.
- Статеръ**, шт.-ротм., 1839 г., т. CLI, сент., 398.
- Стендаль**, писатель, т. CLII, нояб., 378—390.
- Степановъ**, М. П., т. CXLIX, янв., 152, февр., 327.
- Степановъ**, чиновн. канц-ія ген.-адъют. гр. Ливена, 1896 г., т. CL, май, 242.
- Стессель**, генер., 1904 г., т. CL, май, 253, 254, 255, 259, 260—289.
- Стефенсъ**, г-жа, теща Сперанскаго, т. CL, май, 422.
- Стоговъ**, Егоръ, подпоручикъ, 1839 г., т. CLI, сент., 398.
- Столянский**, П., сообщ.: „Исторія одного словаря“, т. CLII, окт., 87—92.
- Стодѣтовъ**, Н. Г., ген.-лейт., т. CL, апр., 115, 116, т. CLII, окт., 51, 52, нояб., 375.
- Стоюнинъ**, В., т. CL, июнь, 485.
- Строгановъ**, гр., Александр., т. CXLIX, мартъ, 653.
- Строгановъ**, гр., Пав. Алед., ген.-ад., 1812 г., т. CXLIX, февр., 275, т. CLI, авг., прилож. 54, 93, 115, т. CLII, окт., 138.
- Строгановъ**, гр., Серг. Григ., р. 1793 † 1882 г., т. CXLIX, февр., 260.
- Стройновскій**, Валеріанъ Венедиктов., авт. соч. «О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами», т. CL, май, 416.
- Стромиловъ**, депут. курск. дворян. въ Екатерин. комис. для соч. проекта нов. Уложенія, т. CL, май, 355, 359.
- Струве**, профес. варшав. унив., 1872 г., т. CLI, сент., 411, 418, 428.
- Струговщиковъ**, Фед., артил. поруч., 1839 г., т. CLI, сент., 398.
- Стрѣльниковъ**, Серг. Иванов., прап., † 1812 г., т. CL, апр., 61.
- Стяжкинъ**, Васил. Никанор., капит., † 1812 г., т. CL, апр., 60.
- Стуартъ**, бар., Дм. Фед., дипломатич. агентъ въ Румыніи, 1877 г., т. CL, май, 291, т. CLII, сент., 333, 340.
- Субботинъ**, ред. „Экономиста“, 1887 г., т. CLII, нояб., 301.
- Суворинъ**, А. С., издат. „Нов. Врем.“, т. CLII, окт., 25.
- Суворовъ**, А. А., кн., Спб. ген.-губ., 1866 г., т. CL, апр., 46.
- Суворовъ**, кн. Италійскій, Алед. Вас., р. 1729 † 1800 г., т. CXLIX, мартъ,

- 510—521, т. СL, май, 413, июнь, прилож. 10, т. СLl, июль, 4, 12, 13, 21, 26, 34—37, 48, 69, прилож. 31, авг., прилож. 80, сент., 305, прилож. 125, т. СLII, окт., 12, дел., 578, 590—596.
- Суворовъ**, Ив., сообщ.: „Порядокъ провоза иноземцевъ отъ Архангельска къ Вологдѣ“ (1613 г.), т. СLl, июль, 86—87, „Отцу бить сына плетью“, 1680 г., 126. „Наказаніе монахини 1690 г.“, авг., 232—233, „Волшебство противъ мельницы“, 1613 г., т. СLII, 423, 424, „Къ исторіи раскола“, дек., 674—675.
- Судговъ**, ген., 1845 г., т. СLl, авг., 245, 248.
- Сумароковъ**, губернат. 1812 г., т. СLl, **Суперанскій**, М. Ф., 1908 г. т. СXLIX, мартъ, 55.
- Сутгофъ**, 1807 г., т. СXLIX, мартъ, июль, 8, 460.
- Суханинъ**, сообщ. „Изъ журнала участника в ны 1812 года“, т. СXLIX, февр., 271—283, мартъ, 481—490.
- Суляинъ**, подпоруч. 1839 г., т. СLl, сент., 398.
- Сухтеленъ**, гр-ня, 1882 г., т. СLII, нояб., 356.
- Сухтеленъ**, ген. 1812 г., т. СLl, авг., 205.
- Сысоевъ**, полковн. 1812 г., т. СLl, июль, 52, авг., прилож. 93.
- Сѣверцовъ**, Н. А., путешественникъ, т. СXLIX, мартъ, 572.
- Сѣтовъ**, артистъ пѣвецъ, 1866 г., т. СXLIX, янв., 162—166, февр., 322, 326.
- Сѣрковъ**, контр.-адм., 1882 г., т. СLII, нояб., 360.
- Т**
- Таландеръ**, шт.-кап. 1812 г., т. СXLIX, февр., 281.
- Тальзинъ**, ген.-м. 1812 г., т. СLl, авг., прилож., 99.
- Тальбергъ**, профес., †, т. СL, июнь, 576, 579.
- Таракановъ**, Ник., 1682 г., т. СXLIX, февр., 435.
- Тарасовъ**, А. Т., лейтен. 1882 г., т. СLII, окт., 169.
- Тарновскій**, В. В., помѣщ. 1861 г., т. СXLIX, февр., 306.
- Татищевъ**, Дм. Павл., диплом., 1880 г., т. СXLIX, янв., 44.
- Таубе**, бар., Максимъ Антон., артил. ген.-лейтен., стеной ген.-губ., т. СXLIX, янв., 120, 121, февр., 394.
- Тейльсъ**, Игнатій, сенат. 1812 г., т. СL, апр., 213.
- Телешовъ**, участн. экспедиц. Пржевальскаго, т. СL, апр., 133, 150, май, 374.
- Темиряева**, г-жа, т. СLl, сент., 368, 369.
- Теннеръ**, Карлъ Ив., геодезистъ, т. СLII, нояб., 257.
- Тепловъ**, сенат. 1806 г., т. СL, апр., 20, май, 431.
- Термень**, Е. Р., г-жа, т. СL, апр., 67.
- Тернеръ**, т. СXLIX, янв., 65, т. СLII, ноябр., 296, 297.
- Тертигоревъ**, С. Н., писат., т. СL, апр., 52, т. СLl, окт., 24—28.
- Теслевъ**, Устюжен. предвод. дворян. 1839 г., т. СLl, сент., 398.
- Теттау**, бар., маюръ 1904 г., т. СL, май, 263.
- Тешевъ**, Алед. кап.-лейт. 1839 г., т. СLl, сент., 398.
- Тилинъ**, Егоръ Астафьевъ, капитанъ † 1812 г., т. СL, апр., 60.
- Тимашева**, г-жа, т. СXLIX, янв., 6.
- Тимофеевъ**, Кирилль, камерд. Им-цы Маріи Θεодоровны 1807 г., т. СXLIX, янв., 36, т. СL, апр., 15.
- Тимошукъ**, В. В., сообщ. „Наполеонъ на о. св. Елены“, т. СXLIX, янв., 122—138, февр., 410—424, апр., 162—179, „Имп. Александръ II и Франція въ 1870 г.“, мартъ, 604, 617. „Настроеніе русской арміи на поляхъ Венгріи въ 1848—1849 г.“, май, 396—408. „Императоръ Александръ I, изслѣдованіе Великаго князя Николая Михайловича“, окт., 136—151, нояб., 303—321, дек.,
- Тихонъ**, еписк. саратов., т. СLl, авг., 252, 253, 254.
- Тишнянъ**, полковн. артил. 1812 г., т. СLl, июль, 26.
- Токарскій**, присяж. повѣрен., 1889 г., т. СLII, нояб., 272.
- Толпыго**, Алесд. Ив., въ зам. Пильцова, сводная сестра, Н. М. Пржевальскаго, т. СXLIX, февр., 327.
- Толпыго**, Ив. Дем., 1875 г., т. СXLIX, февр., 345.
- Толпыго**, Н. И., т. СL, май, 376, 377.
- Толстая**, гр-ня, Софія Андреев., рож. Бахмеева, супруга гр. Ал. К. Толстого, т. СL, июнь 516.
- Толстая**, гр-ня, въ зам. Ренваль, 1812 г., т. СL, июнь, 611.
- Толстой**, гр. Алексѣй Конст., писат., р. 1817 † 1875 г., т. СL, апр., 56, июнь, 516.
- Толстой**, гр., А. П., об.-прокур. Св. Синода, т. СXLIX, февр., 351, 352, 355.

- Толстой**, гр., Дм. Андр., мин. вн. дѣль. р. 1823 † 1889 г., т. СXLIX, янв., 114, 115, 121, т. CL, апр., 73, т. CLI, сент. 405, т. CLII, нояб., 298—302.
- Толстой**, гр., Ив. Матв., мин. почтъ и телегр., т. CL, июнь, 520.
- Толстой**, гр., Левъ Никол., р. 1828 † 1910 г., т. СXLIX, янв., 105—109, февр., 311, 312, т. CL, июнь 524, т. CLII, июнь, 105.
- Толстой**, гр., Ник. Алед., об.-гофмарш., 1812 г., т. CL, май, 240, июнь, 448, 465, 479, т. CLI, июль, 77, т. CLII, нояб., 326, 328.
- Толстой**, гр. Фед. Петров., скульпт, масонъ, р. 1783 † 1873 г., т. СXLIX, мартъ, 529.
- Толстой**, гр. Фед. Матв., членъ гл. управл. по дѣламъ печати, 1866 г., т. CL, июнь, 520.
- Толь**, гр., Карлъ Фед., ген.-квартирм. 1812 г., р. 1778 † 1842 г., т. СXLIX, февр., 281, т. CL, июнь, 472, т. CLI, июль, 4, 6, 18—27, прилож., 21, 23, 43, авг., 193, 211, 265, прилож. 55—92, 105, 118, сент., 284, 310, 324, прил. 136, 137, т. CLII, окт., 118, 122, 130, нояб., 306.
- Томара**, Андрей Ив., поруч. † 1812 г., т. CL, апр., 60.
- Томсъ**, проф. кievск. унив., 1875 г., т. CL, июнь, 578, 581.
- Тормасовъ**, ген. 1812 г., т. CL, май, 440—444, июнь, 464, прил. 3, 12, т. т. CLI, июль, 146, прилож. 34, 35, 47, авг., 169, 191, прил. 77, 81, сент., 291, 292, 304, 305, 319, 323, прил. 138, т. CLII, окт., 12.
- Тоглебенъ**, гр. Эдуардъ Ив., инф. ген., р. 1818 † 1884 г., т. СXLIX, янв., 117, февр., 368, 370, 371, т. CL, апр., 4.
- Трапезникова**, г-жа, т. CLII, дек., 456.
- Траппъ**, Ю. К., проф. 1848 г., т. CLII, окт., 99, 104.
- Треповъ**, Фед. Фед., Спб. градонач. 1866 г., т. СXLIX, янв., 19, 21, 22, 23, 24, 26, 27, 28, т. CLII, дек. 485.
- Третьяковъ**, Н. В., оф., 1905 г., т. CL, май, 318.
- Третьяковъ**, П. М., основ. картин. галлерей, т. CL, июнь, 501, 502, 503.
- Тритшель**, врачъ, 1878 г., т. CL, июнь, 576.
- Троицкій**, протоіер. 1868 г., т. СXLIX, февр., 372.
- Троицкій**, М. М., профес. Варшавскаго унив. 1872 г., т. CLI, сент. 409, 410, 428.
- Тройницкій**, А. Г., тов. мин. вн. дѣль 1866 г., т. CL, апр., 30, июнь, 522.
- Троицкій**, Виталий Николаев., ген.-лейт., ген.-губ. С.-З. края, 1897 г. т. СXLIX. Февр., 395.
- Трошинскій**, Дм. Прокофьевъ, управл. почт. и удѣловъ, р. 1754 † 1829 г., т. CL, апр., 32, 33, м. й, 409—419, 420, 422, 426, июнь, 601, 609.
- Трубецкой**, кн., фл.-ад. 1812 г. т. CL, июнь, 463, 465, т. CLII, авг. 169.
- Трубицынъ**, Н., т. СXLIX, янв., 228.
- Трубиновъ**, издат. „Нов. Времени“, т. CLII, окт., 25.
- Трудкинъ**, К. П., 1828 г., т. СXLIX, янв., 92.
- Трузсонъ**, ген.-лейт., 1812 г., т. CLII, авг., прилож., 59, 60, сент., 310.
- Трусовъ**, Фед. Фед., капит. † 1812 г., т. CL, апр., 60.
- Трушкинъ**, К. П., т. CLII, нояб., 273.
- Тургеневъ**, Ив. Серг., писат., р. 1818 † 1883 г., т. СXLIX, янв., 100, мартъ, 557—559, т. CL, июнь, 525, т. CLII, июль, 105.
- Тургеневъ**, Алексд. Ив., т. CL, апр., 110.
- Тургеневъ**, И. А., т. CL, июнь, 524.
- Турнеръ**, ген. 1812 г., т. CL, май, 441.
- Турскій**, полковн. 1812 г., т. CL, апр., 209.
- Туруновъ**, Мих. Никол., чл. главн. управл. по дѣл. печати 1873 г., т. CL, июнь, 522.
- Турчанинова**, пѣв. 1867 г., т. СXLIX, февр., 318.
- Туръ**, К. Н., сообщ. „Студенческіе годы“, т. CLII, сент., 402—442.
- Тутолмина**, супруга москов. воен. губернат. 1806 г., т. CL, май, 238.
- Тутолминъ**, Ив. Фед., Москов. воен. губернат., 1806 г., т. CL, май, 238, 240.
- Тутолминъ**, началн. Воспитат. дома въ Москвѣ 1812 г., т. СXLIX, янв., 59—61.
- Тутчевъ**, Ив. Ив., ген.-отъ-инф, т. CLII, нояб., 139—264.
- Тучковъ 1-й**, Никол. Алексѣев., ген.-лейт. 1812 г., т. CL, май, 439, 440. июнь, прилож., 3, 10, т. CLII, июль, 47, 53, прилож. 22, 23, авг. 264, 269, 273, прилож. 49, 52, 66—69, сент. 303, т. CLII окт., 119, 134.
- Тучковъ**, Пав. Алексѣев., г.-м., Москов. ген.-губ., р. 1803 † 1864 г., т. CLII, авг., прилож., 47, 48, 50, т. CLII, окт., 129.
- Тучковъ 3-й**, ген.-м. 1812 г., т. CLII, авг., прил. 51, 52, 53, сент., 327, т. CLII, окт., 130, 137.
- Тютчевъ**, Фед. Ив., поэтъ, р. 1803 г., † 1873 г., т. CL, июнь, 497.

У

- Убри**, секрет. посольства въ Берлинѣ 1878 г., т. CXLIX, янв., 50—56, февр., 233, 234, 241, мартъ, 461—470, т. CL, апр., 3—12, май, 227—230, т. CLII, окт., 141, нояб., 231, дек. 491—497.
- Уваровъ**, Фед. Петр., команд. гвард. корп. 1812 г., р. 1773 † 1824 г., т. CL, июнь, 609, прил. 3, т. CL, июль, 42, 146, 151, прил. 21, 22, авг., 276, 277, прил. 49, 51, 66, 71—83, 107, сент., 304, 326, 330.
- Угрюмовъ**, депутатъ отъ г. Переяслава Залѣскаго въ Екатерининск. комис. для соч. проекта нов. Уложения, т. CL, май, 354.
- Удомъ**, фл.-ад., бригадн. команд. 1812 г., т. CL, июнь, прилож. 1.
- Украинцевъ**, Емел. Игнатъев., думн. дьякъ 1686 г., т. CXLIX, мартъ, 539, 542.
- Улановъ**, ген.-м. 1812 г., т. CL, июль, 147.
- Умновы**, т. CXLIX, янв., 92.
- Унковскій**, адм., ярослав. губернат. 1870 г., т. CXLIX, янв., 13.
- Уньковскій**, Тихвин. предвод. двор. 1839 г., т. CL, сент., 398.
- Урсинусъ**, Яковъ Иоганъ, профес.-депутатъ Екатерининской комис. для сочин. проекта новаго Уложения, т. CXLIX, мартъ, 652—658. т. CL, апр., 180—187, май, 353—360.
- Устряловъ**, издат. „Нов. Времени“, т. CLII, скт., 25.
- Ухтомскій**, князь, Л. А., 1855 г., т. CXLIX, янв., 191—205, февр., 365—371.
- Ухтомскій**, кн., шт. кап., 1839 г., т. CL, сент., 328.
- Ушаковъ**, Н. О., подполков., 1839 г., т. CL, сент., 400.
- Ушаковъ**, мичм., 1839 г., т. CL, сент., 398.

Ф

- Фадѣевъ**, Ростиславъ Андр., ген., воен. писатель, р. 1824 † 1883 г., т. CXLIX, янв., 107.
- Фарфоровскій**, С., сообщ. „Взятіе русскими Ганджи (Елизаветполя)“, т. CL, авг., 234—238.
- Фатѣевъ**, I. А., т. CXLIX, февр., 328, 329.
- Фатѣевъ**, оф., 1848 г., т. CL, май, 400—402, 405.
- Федоровскій**, священ., 1861 г., т. CLII, окт., 3.
- Федоровъ**, В. П., сообщ., „Письма и рескрипты Императора Павла I фельд-маршалу графу И. П. Салтыкову“, 1798 г., т. CXLIX, янв., 189, 190, „Монахъ-офицеръ“ 1724г., февр., 256, „Рескриптъ Имп. Павла I графу Буксгевдену“ 1798 г., февр., 270, „Замѣчательный указъ 25 января 1808 г.“, сент., 294, „Секретное предписаніе начальника 1-й армии генералу Циленеву“ 1817 г., т. CLII, окт., 50.
- Федоровъ**, Мих. Павл., редакт. „Нов. Врем.“ т. CLII, окт., 25.
- Фельдманъ**, Ф. А., 1886 г., т. CL, май, 376.
- Фельдманъ**, ген.-л., директ. Лицея 1896—1900 г., т. CXLIX, февр., 406.
- Фердинандъ**, кор. болгарскій, т. CLII, нояб., 398.
- Феслеръ**, Игнатій, докторъ богослов., масонъ, р. 1756 † 1839 г., т. CL, май, 419.
- Фетъ**, см. Шеншинъ.
- Фигнеръ**, Алексд. Самойл., партизанъ 1812 г., т. CL, авг., прилож. 88, 89, 95, 96, 108, 110.
- Фигнеръ**, Никол. Николаев., артистъ, пѣвецъ, т. CXLIX, янв., 161.
- Филаретъ**, Дроздовъ, митроп. москов., р. 1882 † 1867 г., т. CXLIX, февр., 353, 355.
- Философовъ**, ген., 1845 г., т. CL, авг., 245.
- Фингстенъ**, полковн., коман. мѣстн. батальона въ Посьетѣ, 1873 г., т. CXLIX, февр., 454.
- Форъ**, Феликсъ, президентъ франц. республики, т. CLII, нояб., 381—389.
- Флавицкій**, художн., т. CL, июнь, 503.
- Фокъ**, ген., 1904 г., т. CL, май, 253.
- Фоняевъ**, Васил. Ив., майоръ, † 1812г., т. CL, апр., 60.
- Фотій**, настоят. новгород. Юрьев. мон., р. 1792 † 1838 г., т. CXLIX, мартъ, 526, 527, 528.
- Францъ I**, Имп. Австрійскій 1807 г., т. CXLIX, янв., 34.
- Фридериксъ**, В. Н., морск., оф. 1882 г., т. CLII, окт., 168.
- Фредериксъ**, бар., нач. путевой канц. кн. Горчакова на Берлин. конгрессѣ 1878 г., т. CXLIX, февр., 253, 254.
- Фроловъ**, Григ. Никол., полковн. † 1812 г., т. CL, апр., 62.
- Фроловъ**, ген. 1848 г., т. CL, май, 401.
- Фундуклей**, Ив. Ив., основат. перв.

женск. гимназ. въ Кіевѣ, т. СLII, нояб., 257.
Фуругельмъ, адмиралъ, т. СXLIX, мартъ, 663, 664.
Фустовъ, Петръ Алед., подпоруч. † 1812 г., т. СL, апр., 62.

X

Халубинскій, проф. Варшав. унив. † 1872 г., т. СLI, сент., 428.
Халяпинъ, полковн., 1812 г., т. СLI, авг., прилож., 99.
Хандриковъ, проф. кіевск. унив., 1875 г., т. СL, июнь, 577.
Харкевичъ, ген.-м. 1905 г., т. СL, май, 316.
Харчовъ, Никита Ив., офиц. † 1812 г., т. СL, апр., 60.
Хастатовъ, Акимъ, капит. 1780 г., т. СLII, дек., 593.
Хацитловскій, шт. кап. 1886 г., т. СL, май, 378.
Хвостовъ, оф. ополченія 1812 г., т. СLI, июль, 8.
Херасковъ, Мих., директ. 1-й Казанск. гимназ. 1767 г., т. СLII, окт., 220.
Хилкова, княжна, 1812 г., т. СL, апр., 36.
Хилковъ, кн., мин. пут. сообщ. 1905 г., т. СL, май, 311.
Хитровъ, Ник. Фед., ген. 1812 г., т. СL, апр., 38.
Хитрово, поэтъ, т. СL, июнь, 520.
Хлѣбниковъ, В. В., землемѣръ 1795 г., т. СLII, окт., 83.
Хлѣбниковъ, проф. Варшав. унив. 1872 г., т. СLI, сент., 417, 418.
Хмѣлевскій, священ. 1870 г., т. СXLIX, февр., 390.
Хоментовская А., сообщ.: „Стендаль въ Москвѣ и въ Смоленскѣ“, т. СLII, нояб., 378—390.
Хомяковъ, Яковъ Петр., офиц. † 1812 г., т. СLI, апр., 61.
Хржонщевскій, проф. Кіев. унив., 1875 г., медикъ, т. СL, июнь, 583.
Христіановичъ, С. Ф., юристъ, т. СXLIX, янв., 21.

Ц

Цвилевъ, ген., 1812 г., т. СXLIX, февр., 275, т. СLII, окт., 50.
Цвѣтаевъ, См. Д., т. СLII, нояб., 429.

Церевитиновъ, купецъ, 1812 г., т. СLI, июль, 11.
Цертелевъ, князь, А. Н., 1877 г., т. СLII, дек., 505.
Цертелевъ, кн., Дм. Николаев., поэтъ, философъ, р. 1852 † 1911 г., т. СL, июнь, 517, 519.
Циціановъ, князь, ген., 1804 г., т. СLI, авг., 235, 236, прилож., 73.
Цыцуринъ, студ. Кіевского унив., 1870 г., т. СL, июнь, 561.

Ч

Чаадаевъ, депутат. Муромск. дворян. въ Екатерин. комис. для соч. проекта нов. Уложен., т. СL, май, 359.
Чайковскій, Петръ Ильичъ, композиторъ, р. 1840 † 1893 г., т. СXLIX, февр., 322, 323, 324.
Чалый, М. К., директ. 2-ой Кіевск. гимназ., 1860 г., т. СL, апр., 22, 23.
Чаплиць, ген.-м., 1812 г., т. СLI, сент., прилож., 126, 129.
Чарторыйскій, кн., Адамъ, р. 1770 † 1861 г., т. СXLIX, февр., 264, т. СLI, июль, 73, т. СLII, окт., 138, 141—143, 149, 150, нояб., 309, 310, 316, дек. 554.
Чебаевъ, казакъ, участн. экспедиц. Пржевальскаго 1875 г., т. СXLIX, февр., 342.
Чебышевъ, адм., 1882 г., т. СLII, нояб., 353, 357.
Чеважевскій, В. С., сообщ.: „Изъ прошлаго Кіевского университета и студенческой жизни 1870—1876 г.г.“, т. СL, июнь, 555—585, т. СLI, июль, 127—133.
Черкасскій, кн., р. 1821 † 1878 г., т. СXLIX, янв., 39, 57, т. СL, май, 233, т. СLI, сент., 333, т. СLII, нояб., 243, 249, 253.
Чернозубовъ, Ф. Г., ген.-м., нач. шт. Терскаго войска, т. СLII, дек., 590.
Чернышевская, Ев. Егор., мать Н. Г. Ч—го, † 1853 г., т. СXLIX, янв., 90, т. СL, апр., 68, 70, 71, май, 297, т. СLII, окт., 10.
Чернышевская, Ольга Сократовна, рожд. Васильева, т. СXLIX, янв., 88, т. СL, май, 296, 297, 299, 301, 302, 303, 306—309, т. СLII, окт., 4, нояб., 269, 270, 271, 272, 275, 276—282, дек. 536—541.

- Чернышевскій**, Гавр., Ив., священ., † 1861 г., т. CXLIX, янв., 88—91, мартъ, 471, 478, т. CL, апр., 68, 70, май, 297, 298, 299, 301, 304, 305, 306, 307, 308, т. CLII, окт., 1—11.
- Чернышевскій**, Никол. Гаврил., писатель, р. 1828 † 1889 г., т. CXLIX, янв., 87—95, мартъ, 471—479, т. CL, апр., 63—71, май, 296—309, т. CLII, окт., 1—11, нояб., 269—282, дек., 536—541.
- Чернышевъ**, кн., Алед. Ив., г., р. 1785 1857 г., т. CL, июнь, 460, 463, 465, 598, прил., 13, т. CL, авг., 194, 202, 206, сент., прил., 139, т. CLII, окт., 99, 149, нояб., 332.
- Черняевъ**, Мих. Григ., ген.-лейт., 1878 г., т. CXLIX, февр., 285, т. CL, май, 392, т. CL, авг., 240, т. CLII, нояб., 254.
- Чесноковъ**, В. Д., т. CXLIX, янв., 92.
- Чеховъ**, Антонъ Павл., писат., т. CL, апр., 56.
- Чеченскій**, ротм. 1812 г., т. CL, июль, прилож., 40.
- Чириковъ**, ген.-м. 1905 г., т. CL, май, 317.
- Чистяковский**, Станисл. Ив., корнетъ, † 1812 г., т. CL, апр., 62.
- Чистяковъ**, Пав. Ив., прап., † 1812 г., т. CL, апр., 61.
- Чистяковъ**, художн., т. CL, июнь, 536.
- Чичаговъ**, Пав. Васил., адмир., р. 1762 † 1849 г., т. CL, май, 287, 428, 442—444, июнь, 598—603, прилож., 3, 12, т. CL, июль, 22, 27, 89—91, авг., 169, прилож., 77, 81 118, сент., 292, 323, 358, 360, прилож., 122, 124—138, т. CLII, окт., 12, 16, нояб., 323, 335—338.
- Чоглоковъ**, ген.-м. 1812 г., т. CL, авг., прилож., 53, 107.
- Чудновскій**, профес., врачъ, т. CXLIX, мартъ, 493.
- Чуйевичъ**, подполковн., 1812 г., т. CL, июнь, 593—596.
- Шарлеманъ**, Людовикъ, архитекторъ, т. CXLIX, февр., 322, мартъ, 536.
- Шафровъ**, капитанъ 1 ранга, 1882 г., т. CLII, нояб., 360.
- Шаховская**, княг., М. Д., см. Миллютина.
- Шаховская**, княг., 1806 г., т. CL, май, 238.
- Шаховской**, кн., Алед. Алед., писатель, р. 1777 † 1846 г., т. CLIX, янв., 143.
- Шаховской**, кн., ген.-м. 1812 г., т. CL, июль, прилож., 36, 37, 40, т. CLII, окт., 119.
- Шаховской**, кн., Эстлянд. губернат., 1881 г., т. CL, май, 323.
- Шварцъ**, Иоганъ, офиц., † 1812 г., т. CL, апр., 61.
- Швейковский**, ген., 1812 г., т. CL, июль, 36.
- Шевичъ**, г.-м., 1812 г., т. CL, июль, 23, 24, авг., прилож., 59, 86, т. CLII, окт., 114.
- Шевченко**, Тарасъ Григ., писатель, р. 1814 † 1861 г., т. CL, апр., 24.
- Шенрогъ**, полковн., инспект. клас. м-х. акад. 1853 г., т. CLII, нояб., 421.
- Шеншигъ** (Фетъ), Аванасій Аван., поэтъ, р. 1820 † 1892 г., т. CXLIX, мартъ, 559.
- Шепелевъ**, А. А., т. CLII, декаб., 503.
- Шервудъ**, Ив. Васильев., т. CXLIX, мартъ, 533.
- Шереметевъ**, гр., Никол. Петров., т. CL, июль, 116.
- Шершевскій**, Мих. Марков., врачъ, т. CXLIX, мартъ, 494—496.
- Шершеневичъ**, Иосифъ, инспект. клас. Варшав. унив. 1872 г., т. CL, сент., 430.
- Шестаковъ**, т. CL, сент., 341.
- Шиловская**, рожд. Вердеровская, т. CXLIX, янв., 165.
- Шиловскій**, I., прот. 1835 г., т. CXLIX, мартъ, 475.
- Шильдеръ**, Никол. Карлов., ген.-лейт., историкъ, р. 1842 † 1902 г., т. CXLIX, мартъ, 525, 529, т. CL, июнь, 448, 451, 465, т. CLII, дек., 555.
- Шильдеръ**, ген.-м., директ. Лицея 1910 г., т. CXLIX, февр., 406.
- Шимаковский**, Евг. Станислав., проф. акад. генер. штаба, т. CXLIX, февр., 393, 394, 397.
- Шимаковский**, доцентъ Варшав. унив., 1872 г., т. CL, сент., 415, 416.
- Шипулинскій**, проф. м-х. акад. 1854 г., т. CLII, окт., 105.
- Шипшовъ**, Александр. Семен., адмир., р. 1754 † 1841 г., т. CXLIX, мартъ, 525, 528, т. CL, май, 421, 426, июнь, 445—491, прилож. 13, т. CL, июль,

III

- Шамиль**, имамъ Чечни и Дагестана, † 1871 г., т. CXLIX, мартъ, II.
- Шамшевъ**, кап. 2 ранга, 1839 г., т. CL, сент., 398.
- Шанцъ**, Ф. С., адмиралъ, т. CXLIX, мартъ, 665, 669.
- Шарбау**, управл. Саратов. отд. госуд. банка, т. CL, авг., 255.

- 75, 82, 163, сент., 321, т. СЛII, нояб., 306, 309, 320, 326.
- Шинковъ**, артил. 1848 г., т. СЛII, 99.
- Шлингинъ**, Никол. Гавр., подпоруч., † 1812 г., т. СЛ, апр., 60.
- Шляпкинъ**, Илья Александр., проф., т. СЛ, апр., 108.
- Шмелева**, М. В., см. Духовникова.
- Шмургуловъ**, рект. Подольск. семина., т. СXLIX, февр., 372, 385, 386, 387, 388.
- Шомпулевъ**, В. А., сообщ.: „Характеристика архіереевъ Саратовской епархіи за 65 лѣтъ“, т. СЛI, авг., 250—257.
- Штакельбергъ**, ген. 1904 г., т. СЛ, май, 246—289, 316.
- Штейнгель**, гр., Фёд. Фёд., генер. отъ инф., воен. губернат. Финляндіи, р. 1762 † 1831 г., т. СЛI, сент., прилож. 125, т. СЛII, окт., 14, 15, дек., 548.
- Штейнманъ**, И. Б., профес., греч. словесн. 1892 г., т. СXLIX, февр., 314.
- Штейнталь**, филологъ, т. СЛ, апр., 108.
- Штейнъ**, бар., прусск. госуд. дѣятель, р. 1756 † 1831 г., т. СЛI, июль, 165, т. СЛII, нояб., 306.
- Штербергъ**, полковн. 1812 г., т. СЛI, июль, 149.
- Штраухъ**, А. А., акад. 1881 г., т. СЛ, апр., 122.
- Шуазель-Гуфье**, т. СЛ, июнь, 450, 451, 453.
- Шуваловъ**, Ив. Ив., курат. казанск. уч. окр. 1767 г., т. СЛII, окт., 220.
- Шуваловъ**, гр. Петръ Андреев., р. 1827 † 1889 г., т. СXLIX, янв., 19, 39—58, февр., 233—254, февр., 296, мартъ, 461—470, т. СЛ, апр., 3—12, май, 226—236, т. СЛ, июнь, 464, прилож. 3, т. СЛI, июль, 4, авг., 178, т. СЛII, нояб., 221—238, 371, декаб., 485—502.
- Шуваловъ**, камергеръ 1756 г., т. СXLIX, мартъ, 632.
- Шуйскій**, Василій, царь, † 1612 г., т. СЛI, июль, 120, 122, 123.
- Шульгинъ**, Виталий Яковл., профес. 1860 г., т. СЛ, апр., 28, 29.
- Шульговскій**, Д. Н., т. СXLIX, янв., 109, 110.
- Шульцъ**, прозект. 1848 г., т. СЛII, окт., 98.
- Шумигорскій**, Ев. Севастіанов., историкъ, т. СXLIX, янв., 31.

Щ

- Щаповъ**, А. П., историкъ, т. СЛ, июнь, 547.
- Щедринъ**, см. Салтыковъ.
- Щербатова**, княг. Анна Григ., т. СЛII, дек., 605.
- Щербатова**, княжна, М. Ѳ., см. Портеръ.
- Щербатовъ**, ин., Аксд. Фёд., т. СЛII, дек., 605.
- Щербатовъ**, кн., М. М., 1767 г., т. СЛ, апр., 180.
- Щербатовъ**, кн., депутат. Ярослав. дворян. въ Екатерин. комис. для соч. проекта нов. Уложенія, т. СЛ, май, 359.
- Щербатовъ**, кн., Фёд. Фёд., т. СЛII, дек., 605.
- Щербатовъ**, кн., ген.-ад., 1799 г., т. СXLIX, янв., 189.
- Щербининъ**, С., 1812 г., т. СЛ, май, 438.
- Щербининъ**, оф. квартирмейст. части 1812 г., т. СЛ, июнь, 471.

Э

- Эверарди**, проф. пѣнія, т. СXLIX, февр., 326.
- Эйхвальдъ**, проф., т. СЛII, окт., 98, 99.
- Эйхенъ**, полковн. 1822 г., т. СXLIX, мартъ, 531, т. СЛ, май, 437, июнь, 460.
- Эккъ**, В. Е., проф. м-х. акад., т. СЛII, окт., 101, 106.
- Экмонъ**, участн. экспедиц. Пржевальскаго, 1875 г., т. СXLIX, февр., 328, мартъ, 572, 579, т. СЛI, апр., 131, 150.
- Энгельгартъ**, Егоръ Антонов., директ. Лицея 1816—1823 г., т. СXLIX, февр., 403, 404, 406.
- Энгельгардтъ**, проф. м-х. акад. 1848 г., вполс. сельск. хозяинъ, т. СЛII, окт., 99.
- Энгельгардтъ**, Могилевск. губернат., т. СЛI, сент., 365.
- Энгельмъ**, Ф. П., кап.-лейт. въ 1873 г., т. СXLIX, февр., 447.
- Энгъ-Па**, сообщ.: „Прошлое Сибири“, (подробность въ изученіи его), т. СЛ, июнь, 546—554.
- Эргардтъ**, проф. кіевск. унив. 1875 г., т. СЛ, июнь, 578, 581.
- Эрдманъ**, адмир., т. СXLIX, мартъ, 665, 666.
- Эрпротъ**, ген. 1877 г., т. СЛII, окт., 35.

Эртель, ген.-лейт. 1811 г., т. CL, апр., 32, июнь, прилож. 12, т. CLI, июль, 8, 47, сент., прилож. 127.
Эссентъ, ген.-лейт. 1812 г., т. CL, апр., 212, май, 440, июнь, 603, т. CLI, июль, 146, сент., 291, 312, 313, т. CLII, окт., 15.

Ю

Юдинъ, П., сообщ.: „Къ дѣлу Мировича“, т. CLII, нояб., 340—341. „Изъ Астраханской жизни Суворова“, т. CLII, дек., 590—596.
Ювицкій, комиссіонеръ 1812 г., т. CL, июнь, прилож. 14.
Юзовъ, писат. 1880 г., т. CL, апр., 53.
Юнге, Е., сообщ.; „Воспоминанія о Е. Д. Полѣновой“, т. CL, июнь, 536—545.
Юханцевъ, т. CLII, декаб., 479, 610.

Я

Ягуновъ, Никол. Яковл., топографъ, 1875 г., т. CXLIX, янв., 149, февр., 327, 328, 329, т. CL, апр., 150.
Языковъ, Андр. Мих., т. CL, апр., 103.
Языковъ, Никол. Мих., писат., т. CL, апр., 103, 107.

Якоби, художн., т. CL, июнь, 503.
Яковлевъ, Ив., поруч. † 1812 г., т. CL, апр., 61.
Яковлевъ, Л. А., 1650 г., т. CLII, нояб., 438.
Яковлевъ, капит. гвардіи 1812 г., т. CXLIX, янв., 59.
Яковлевъ, врачъ, 1900 г., т. CLII, окт., 37, 38, 39.
Якубовичъ, проф. 1854 г., т. CLII, окт., 103, 105.
Янжуль, И. И., по поводу его воспоминаній, т. CLI, июль, 104—107.
Янышевъ, прот., т. CXLIX, февр., 384.
Ясинскій, Н. И., 1865 г., т. CL, июнь, 492.
Яшвилъ, кн., Вл. Мих., ген.-ад. 1812 г., т. CL, авг., прилож., 110, т. CLII, окт., 108.

Ө

Өеодоровъ, Веніаминъ Яковл., предсѣд. московск. цензурн. комит. 1896 г., т. CXLIX, янв., 142, 143.
Өеодоръ Кузьмичъ, старецъ, т. CLII, дек., 569.
Өеодотій, еписк. старорусскій 1839 г., т. CL, сент., 399.
Өеодоръ Алексѣевъ, царь, † 1682 г., т. CXLIX, февр., 432, т. CLI, июль, 82,
Өеоктистовъ, ценз. 1896 г., т. CXLIX, янв., 139—143.

Указатель составила В. В. Тимошукъ.

по инициативѣ калужскаго, тульскаго и рязанскаго намѣстника М. Н. Кречетникова, нѣсколько лѣтъ спустя для него нашелся энергичный руководитель въ лицѣ совѣтника гражданской палаты Балурина, который (послѣ него остались интересныя неизданныя записки, хранящіяся у известнаго художника С. П. Яремича) составилъ для актеровъ „руководство игры театральной“ и „старался снабжать актеровъ своихъ лучшими операми и комедіями“. При немъ театръ относительно процвѣталъ, пока онъ не сталъ жертвою интриги. По архивнымъ дѣламъ и скуднымъ печатнымъ даннымъ авторъ возстановилъ нѣсколько моментовъ забытой исторіи одного изъ старѣйшихъ провинціальныхъ театровъ.

Ив. Абрамовъ. Что говорятъ забытыя могилы. Подъ редакціей и съ предисловіемъ М. В. Новорусскаго. СПб. 1912.

Написанная хорошимъ, популярнымъ языкомъ, общедоступная книжка даетъ элементарныя свѣдѣнія объ археологіи: о находимыхъ въ землѣ остаткахъ древняго быта, о катянобахъ, курганахъ, городищахъ, каменныхъ бабахъ и проч. Русская земля чрезвычайно обильна остатками и памятниками доисторической старины различныхъ эпохъ и культуръ и въ то же время еще мало изучена въ этомъ отношеніи. И здѣсь народное невѣжество вредитъ наукѣ: многие или не обращаютъ никакого вниманія на непонятныя имъ слѣды прошлаго, или, что гораздо хуже, безжалостно ихъ уничтожаютъ. Съ этимъ зломъ и борется книжка г. Абрамова, которая знакомитъ съ общими понятіями объ археологіи и преподаетъ необходимыя практическія указанія для приступающихъ къ раскопкамъ и собираяію предметовъ древности.

Григорій Тимошеевъ А. А. Алябьевъ. Очеркъ жизни и творчества. Изд. П. Юргенсона. 1912 г. Ц. 1 р.

Интересъ къ музыкальной жизни русскаго общества до Глинки сталъ проявляться лишь съ недавняго времени; это понятно, принявъ съ одной стороны во вниманіе незначительность раннихъ музыкальныхъ дѣятелей по сравненію съ великимъ народникомъ-музыкантомъ, а съ другой стороны подъемъ любви къ старинному искусству, знаменательный для нашей современности. Алябьевъ—имя известное по немногимъ романсамъ, включая знаменитаго „Соловья“. Между тѣмъ дѣятельность его, какъ композитора, заслуживаетъ большаго ознакомленія, т. к. онъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ „просвѣщенныхъ дилеттантовъ“, творчество которыхъ страдало отъ музыкальной некультурности ихъ времени, когда не у кого было учиться техникѣ этого искусства. Между тѣмъ талантъ А. былъ незаурядный, имѣлъ своеобразныя черты, иногда даже съ легкой національной окраской. Авторъ очерка наблюдаетъ въ композиторѣ уваженіе къ тексту, интересные для того времени гармоніи, мелодическое дарованіе съ влияніями Гайдна и Моцарта, съ встрѣчающеюся славянскою граціей, родственною Шопену, любовь къ органному пункту—особенность, свойственная и многимъ позднѣйшимъ композиторамъ, начиная съ Глинки—наконецъ появленіе восточнаго характера, полученнаго впоследствии въ русской музыкѣ столь яркое развитіе. Все это указываетъ на почвенность таланта А—а; что было у него намекомъ и возможностью, стало дѣйствительностью въ будущемъ. Жизнь композитора—любопытная страница нашей общественной жизни второй четверти XIX вѣка. Г. Тимошеевъ далъ подробное изслѣдованіе, извлекая матеріалъ изъ журналовъ и газетъ того времени, изъ воспоминаній и писемъ, хранящихся въ архивахъ. Къ монографіи приложены портретъ, романсъ, куплеты изъ двухъ водевилей, дуэтъ изъ оперы, хронологическій списокъ и указатель сочиненій композитора. Книжка заслуживаетъ нашего вниманія, составивъ прекрасный томикъ въ русской музыкально-исторической библиотекѣ, наряду съ подобными же изслѣдованіями проф. С. Булича о Титовѣ и Варламовѣ. В. Я.

Переписка М. А. Балакирева съ П. И. Чайковскимъ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями С. Ляпунова. Изд. Циммерманъ. Ц. 1 р.

Выдающееся значеніе, какое имѣли въ русской музыкѣ оба названные композиторы, вызываетъ большій интересъ къ ихъ перепискѣ, которая, за небольшимъ исключеніемъ, напечатана въ этомъ изданіи впервые. Различіе въ направленіи дѣятельности не мѣшало имъ быть въ весьма хорошихъ отношеніяхъ, прерывавшихся иногда надолго, но неизмѣнно другъ къ другу благожелательныхъ. Рѣдкое критическое чутье, прямота и строгія требованія—всѣ эти известныя свойства Балакирева, проходятъ замѣтною чертою въ письмахъ, равно какъ и мягкая уклончивость Чайковскаго при оцѣнкѣ чужихъ произведеній, происходившая отъ нежеланія огорчить заинтересованное лицо. Необходимо отмѣтить также способъ писанія сочиненій, рекомендовавшійся Б-мъ и слѣдовать которому затруднялся Ч-ій. Первый неоднократно совѣтуетъ не торопиться, на что второй, говоря о своей творческой работѣ, остроумно возражаетъ: „передѣлывать и пересочинять мнѣ стоитъ немовѣрнаго труда. Я уподобляюсь въ отношеніи дѣтскихъ моей фантазіи той маменькѣ, которая, не будучи въ состояніи переродить свою неудачную дочь, везетъ ее на балъ такую, какъ она есть, стараясь найти прелести даже въ ея горбѣ и бородавкахъ“. Вообще для характеристики личностей обоихъ авторовъ сборникъ даетъ достаточно цѣнный матеріалъ, дополняющій и подтверждающій прежнія свѣдѣнія. Предисловіе и примѣчанія С. Ляпунова (композитора, близкаго въ послѣдніе годы Б-у) составлены весьма обстоятельно. В. Я.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1913 г.

СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ исполненными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб. съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входяція въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 18, и въ книжныхъ магазинахъ: **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. **«Новое Время»**, Невскій, д. 40. **Вольфъ**, Гостинный дворъ, № 18. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. **иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 18, кв. № 6.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о дѣльных эпохахъ и отдѣльных событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывы русской исторической литературы.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія какого-либо № журнала, подписчики должны немедленно же по полученіи слѣдующей книжки присылать въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей. По истеченіи же 3-хъ мѣсяцевъ со времени выхода пропавшаго № редакція никакихъ жалобъ не принимаетъ, т. к. послѣ этого времени почтовому вѣдомству трудно навести справки.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876, 1877, 1879, 1880 по 8 рублей; 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1912 по 9 рублей.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

„МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ“,

съ предисловіемъ и подъ редакц. Н. К. Шильдера. Цѣна 2 р. съ пересылкою. Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Б. Подъяческая ул., д. 7.

